

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

4

ВЫПУСК

Том I

ТВЕРЬ 2000

Тверской государственный объединенный музей

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

*Родной кафедре археологии!
Сер (и Черных)*

**МАТЕРИАЛЫ
II ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
И 5-ГО ЗАСЕДАНИЯ НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ДРЕВНОСТИ»**

Том I

Тверь 2000

Основу данного сборника составляют материалы II Тверской археологической конференции, проходившей 23-27 марта 1999 г. в г.Твери, организованной Тверским государственным объединенным музеем при участии Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра и финансовой поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса, грант № ААВ 833), а также 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (24-28 марта 1998 г.), действующего на базе Тверского государственного объединенного музея с 1994 г.

В первый том 4-го выпуска Тверского археологического сборника вошли доклады семинара и секции «Каменный век и эпоха бронзы», работавшей в рамках конференции. Хронологически он охватывает периоды от позднего палеолита до эпохи бронзы.

Представленные к публикации результаты исследований, доложенные на заседаниях секций «Ранний железный век и раннее средневековье» и «Средневековый город» конференции и, частично, семинара, издаются во втором томе выпуска (Тверь, 2001).

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных изысканий, как чисто археологических, так и произведенных на стыке с другими науками, а также разработки теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и ее связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым России и Тверского края.

Данный том сборника издан за счет средств, полученных Тверским государственным объединенным музеем от проведения хоздоговорных охранных археологических исследований.

Ответственный редактор выпуска **И.Н.Черных**

Tver State United Museum

**TVER
ARCHAEOLOGICAL
COLLECTION**

**THE MATERIALS
OF THE IInd TVER ARCHAEOLOGICAL CONFERENCE
AND THE 5th MEETING OF SCIENTIFIC SEMINAR
“TVER LAND AND NEIGHBOURING TERRITORIES
IN ANCIENT TIMES”**

Volume I

Tver 2000

This collection consists of the materials of the IInd Tver Archaeological Conference held on March, 23-27, 1999 in Tver. The Conference was organized by Tver State United Museum with the participation of Tver Scientific-Research Historical-Archaeological and Restorational Centre and under financial support of the Institute "Open Society" (Soros Foundation, grant № AAB 833). The materials of the 5th meeting of scientific seminar "Tver Land and Neighbouring Territories in Ancient Times" (March, 24-28, 1998), which has been held on the base of Tver State United Museum since 1994, are also in the content of the issue.

The 1st volume of the 4th issue of Tver Archaeological Collection contains of the reports read at the seminar and at the section "The Stone Age and the Bronze Age" of the Conference. Chronologically the 1st volume encloses periods from the Late Palaeolithic to the Bronze Age.

The results of studies reported at the meetings of "The Early Iron Age and Early Middle Ages" and "The Medieval City" sections of the Conference and partly at the seminar are to be printed in the 2nd volume of the issue (Tver, 2001).

New data gained from the field and laboratory studies, both purely archaeological and interdisciplinary, as well as theoretical researches are introduced in scientific circulation. The articles reflect contemporary methods of research and suggest new principles of studying archaeological objects. Artifacts of material and spiritual culture of various epochs are presented.

Several articles put forward various problems and are disputable.

The collection as a whole directly relates to the study of antiquities of the Tver land and its connections with other territories.

The book is intended for archaeologists, historians, museum members, students and all interested in the most ancient past of Russia and the Tver land.

The given volume of the issue is published due to the means gained by the Tver State United Museum for commercial protective archaeological excavations.

Chief Editor of the Issue **I.N.Tchernykh**

ISBN 5-87049-182-7

© Tver State United Museum, 2000
© Contributors to the collection, 2000

Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904-1998)

8 ноября 1998 г. скончался Дмитрий Александрович Крайнов – один из последних представителей самого старшего поколения советских археологов.

Он родился в 1904 г. в деревне Ивашово Александровского уезда Владимирской губернии, в крестьянской семье. Закончив среднюю школу в г. Киржаче, в 1925 г. он поступил на историко-археологическое отделение этнологического факультета МГУ, где стал учеником знаменитого археолога В.А. Городцова, участвовал во многих экспедициях под его руководством. Окончив в 1929 г. университет, Дмитрий Александрович был зачислен в штат Государственного Исторического музея и направлен на работу в его филиал – музей Александровской слободы. Он практически создал тот Александровский музей, который мы теперь знаем. В 1931-1935 гг. Дмитрий Александрович был ученым секретарем, а с 1938 г. – старшим научным сотрудником ГИМа.

В июле 1941 г. Д.А. Крайнов добровольно вступает в народное ополчение, а в октябре, когда Московское ополчение было разгромлено под Вязьмой, попадает в плен к немцам. Совершив два безуспешных побега, оставался в плену до 1943 г., когда его освободила наша армия. После этого до мая 1944 г. Дмитрий Александрович воевал в рядах Красной Армии, а затем был осужден за пребывание в плену на 10 лет. В 1951 г. после семи лет лагерей в разных местах Крайнего Севера он был досрочно освобожден, но заниматься наукой ему было запрещено. Только в 1954 г. ему разрешили работать в Угличском краеведческом музее.

В 1956 г., после XX съезда КПСС, Дмитрий Александрович вернулся в Москву и сразу был принят в Институт археологии, в котором и проработал до своей кончины.

Научные интересы Д.А. Крайнова были весьма широки. Еще до Великой Отечественной войны его привлекали первобытные памятники Крыма, Северного Кавказа и фатьяновские древности Верхнего Поволжья. Только в 1957 г. ему удалось защитить кандидатскую диссертацию по мезолитическим и неолитическим материалам Крыма, в основу которой были положены его довоенные исследования. Кроме этих работ, из его исследований в Крыму следует отметить открытие и публикацию материалов мустьерской Бахчисарайской стоянки. На Северном Кавказе он провел раскопки многослойной Ацинской пещеры.

Но основная научная и экспедиционная деятельность Д.А. Крайнова была связана с древнейшей историей Волго-Окского бассейна. В 1959 г. он организовал Верхневолжскую экспедицию Института археологии, которая под его руководством проработала свыше 30 лет, став не только крупным научным объединением, но и кузницей научных кадров: из нее вышло несколько докторов и кандидатов наук.

Большим научным вкладом Д.А. Крайнова в археологию было открытие первой финальнопалеолитической стоянки на Верхней Волге, выделение нового варианта мезолита (в будущем иневской культуры) и исследование большого количества неолитических и энеолитических стоянок, что дало ему возможность открыть верхневолжскую раннеолитическую культуру, а с привлечением специалистов естественных наук

уточнить хронологическое положение всех неолитических культур региона и периодизацию эпохи неолита в Волго-Окском бассейне. Им были изучены очень важные могильники неолита и энеолита. Но главное дело Дмитрия Александровича – массовое изучение фатьяновских могильников, исследование и обобщение их материалов, что позволило ему в 1967 г. защитить докторскую диссертацию по этой проблеме. Он раскапывал также могильники абашевской культуры, исследовал памятники раннего железного века и средневековья.

Сотрудниками экспедиции Дмитрия Александровича интенсивно изучались памятники разных эпох в нескольких областях России: Тверской, Ярославской, Московской, Ивановской, Костромской, Нижегородской.

В Тверской, тогда Калининской, области Д.А.Крайнов начал работать в 1956 г. В этом и следующем годах он провел разведки на Скнятинских дюнах в Калязинском районе. В 1960-1962 гг. им были осуществлены раскопки Олочинского и Таскаихского могильников фатьяновской культуры эпохи бронзы в Кесовогорском районе. Начиная с 1965 г. руководимая Д.А.Крайновым Верхневолжская экспедиция ИА АН СССР вела планомерное обследование области, разведками было охвачено большинство ее районов. При непосредственном участии Д.А.Крайнова раскапывалось 20 стоянок, относящихся ко времени от мезолита до бронзы, среди них – Ронское I-III в Осташковском, Журавец в Старицком, Дмитровское 4 («Черная Грязь») и Старокопанинская IV («У вилки дорог») в Калининском, Борволго I в Селижаровском районах.

Особое внимание уделял Д.А.Крайнов раскопкам фатьяновских могильников (7) и изучению отдельных находок каменных сверленных топоров и других орудий этой культуры. Наиболее значительные результаты были получены при исследовании Ошурковского и Тургиновского могильников в Калининском районе.

Значительный вклад внес Д.А.Крайнов и в изучение памятников раннего железного века. Им были исследованы 4 городища (Пентурово и Дулево в Старицком, Отмичи в Калининском и Казаково в Селижаровском районах) и 5 селищ этого времени.

Среди раскапывавшихся Д.А.Крайновым или при его участии 10 памятников эпохи средневековья – курганные могильники XI-XII вв. Иворовское 1 (найден уникальный каменный саркофаг) и Козлово 1-2 в Старицком районе.

В составе Верхневолжской экспедиции с 1967 г. работал Калининский отряд, многие тверские археологи получили в ней хорошую подготовку.

Этот очерк о Д.А. Крайнове был бы неполным, если бы мы не отметили еще один его талант: в 1937 г. он окончил музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова и получил звание оперного певца. Мощный глубокий бас Дмитрия Александровича помнят все его друзья и знакомые, все участники его экспедиции. Человеческие качества Дмитрия Александровича – его неизменная доброжелательность, забота о сотрудниках, честность в отношениях с людьми, отзывчивость, желание помочь, такт – делали его необыкновенно привлекательным. В памяти близких ему людей он всегда останется образцом прекрасного человека.

*Л.В. Кольцов
Институт археологии РАН,
Москва*

*А.Д. Максимов
Комитет по охране
историко-культурного
наследия администрации
Тверской области,
Тверь*

В.В. Сидоров

ПОНЯТИЕ ТЕХНОКОМПЛЕКСА КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Инструменты исследования для многих разделов археологии нередко дает палеолитоведение. Так, может быть приложено к самым разным эпохам понятие технокомплекса, выработанное для сопоставления палеолитических кремневых индустрий. Более того, это понятие в пределах своего родного раздела далеко не исчерпало своих познавательных возможностей, но только в том случае, если подходить к нему скорее как к философской категории. Суть его в том, что в пределах любого вида деятельности используются не изолированные рабочие приемы, навыки, представления, а их комплексы, где одной из составляющих являются реально существующие свойства объекта труда. Взаимодействие всех факторов – физических свойств материалов, навыков, условий функционирования, фиксации информации в виде навыков и представлений – система с сильными связями. Изменение некоторых параметров входящих в нее подсистем вызывает изменения в самых разных частях всей системы, и в результате она может меняться очень полно. Такие моменты часто воспринимают как разрыв культурной преемственности и истолковывают как смену культуры, населения и т.п. социальные явления, хотя в основе может оказаться всего лишь частное технологическое нововведение. Уязвимость археологической информации, особенно в тех случаях, когда в нашем распоряжении достаточно ограниченный круг источников (например, только каменная техника, только погребения, только керамика), – в том, что мы нередко принимаем трансформацию какого-то одного аспекта культуры за трансформацию культуры в целом.

Для всех археологических эпох фиксируется парадоксальное явление – бесследное исчезновение культур. Исчезают культуры селетского круга. Не имеет реально осязаемого продолжения Сунгирь. Даже такие наиболее массово представленные культуры, как виллендорфско-костенковская, исчезают, что трактуется как результат экологического кризиса [1]. Эта же картина и в других эпохах: обречена Л.В.Кольцовым на бесследное вымирание иеневская культура [2], исчезает, чтобы вновь проявиться через тысячу лет, верхневолжская (в соответствии с концепцией Д.А.Крайнова), неведома судьба волосовской общности, тысячу лет перед этим занимавшей лесную зону. Также пропадает бесследно дьяковская культура – А.Е.Леонтьев не находит ее следов в культуре мери [3], а разрыв между дьяковской и славянской культурами насчитывает несколько веков. Примеры можно множить. Складывается неслучайная картина: культуры формируются, развиваются и бесследно исчезают, сменяясь совершенно новыми. Картина странная. Нет ли здесь зависимости от применяемых в нашей науке методов исследования? Не они ли порождают дискретность культур во времени?

Палеолитические и мезолитические культуры выделяются практически исключительно на основе типологии каменных орудий (а в ряде случаев и вовсе по одной категории наконечников), как неолитические — на основном по керамике. Остальные категории признаков привлекаются факультативно. Но такая узость источниковедческой базы, как отмечено выше, крайне рискованна. Так, привлечение для выделения культуры костяного инвентаря позволяет проследивать преемственность между двумя хронологическими группами палеолитических комплексов при кардинальном изменении каменной индустрии [1, с. 7].

Типология каменных орудий начинается с классификации техники раскалывания, которая есть сама по себе цепочка приемов, приложимых к сырью с существующим набором свойств. Форма орудий в значительной мере предопределена именно техникой раскалывания. Типы вторичной обработки также согласуются с набором первичных приемов и свойств сырья. Таким образом, изменения, пусть и эволюционные (а они не могут быть только эволюционными, поскольку действуют целые комплексы взаимообусловленных навыков) вызывают кардинальные изменения в облике орудий.

Противопоставление иеневской и бутовской культур основано на том, что типичные (эталонные) комплексы свидетельствуют о разных типах скалывания. Для иеневской культуры характерно использование торцовых и косополюсчатых уплощенных нуклеусов без подправки площадок. При этом в отходы попадает множество сколов первичной подготовки нуклеусов (отсюда впечатление высокого индекса отщепов), а пластины получаются массивные и широкие; индекс орудий из пластин, однако, высокий. Для бутовской культуры характерно использование техники отжимных пластин. В результате в типичных иеневских комплексах полностью отсутствуют вкладыши — иеневские пластины для этого не пригодны. Но существуют и промежуточные комплексы, включающие в себя как иеневские орудия, так и отжимные пластины. Их можно рассматривать в качестве переходных. Что касается типов орудий, то и здесь нет резкого противопоставления. Различие между

наконечником типа лингби (а они есть и в иеневских комплексах) и свидерским лишь в том, что для них использовались заготовки разного качества (но не типа), технологическая же их схема одна: использование готового острия и контурное оформление черешка [4]. Асимметричные иеневские наконечники тоже связаны с типом заготовки и при ее изменении становятся не нужны. Следует отметить, что Л.В.Кольцов преувеличивает значимость наконечников как этноразличительного признака. Во всяком случае, в неолите они таковыми не являются, и наиболее массовые типы наконечников даже таких контрастных культур, как льяловская и волосовская, одинаковы. Существуют некоторые узколокальные типы, но и они нередко пересекают границы культур. Это же наблюдается и в более поздние эпохи.

Таким образом, если учесть трансформацию техники, то иеневская культура плавно превращается в бутовскую. Датировки этому не противоречат, а комплексы с общими элементами следует рассматривать как показатель трансформации, а не сосуществования.

Изменения в навыках первичной обработки материала вызывают появление новых типов заготовок, которые открывают возможности формирования целых достаточно автономных технокомплексов. Так, лишь выработав устойчивую технику снятия микропластин, можно получить комплекс вкладышевых орудий, включающий как собственно вкладыши, так и набор инструментов для изготовления составных орудий и типы основ для них. Происходит ли освоение новой техники через заимствование или через расшатывание существующих стереотипов, в данном случае не столь принципиально.

Первичная типология является лишь полуфабрикатом исследования и не позволяет делать выводы относительно содержания культуры (а навык – это элемент именно культуры). Лишь перейдя от типологии как внешней характеристики предметов к выявлению групп навыков их создания, мы получим возможность объективной интерпретации имеющихся материалов. Отдельные элементы навыков поддаются четкой фиксации и выделены в археологической номенклатуре (например, микрорезцовый скол, скол транше, встречная ретушь и т.д.). Орудия разных типов могут быть описаны в развитии – как последовательность применения рабочих приемов (и способов использования), приведших к формированию данного типа внутри определенной категории орудий. Предметом исследования является также закономерность сочетания приемов при формировании определенной категории орудий – за этим стоит система представлений (а не только адаптивная реакция), несущая этнографическую (культурную) информацию.

Те же принципы могут быть перенесены на исследование керамики. Относительная самостоятельность отдельных типобразующих групп навыков и представлений при создании глиняной посуды позволяет фиксировать постепенность в изменении культуры. Правда, следует использовать возможно более кратковременные комплексы, где статистически выделяемые элементы технологий не образуют произвольных комбинаций.

Возможность проследить трансформацию культуры дает дробная хронологическая шкала с опорой на максимально чистые и хронологически узкие памятники. Когда речь идет об этапах длиной в тысячу лет, грань между ними непреодолима. Контраст между «типичной верхневолжской» и «типичной льяловской» керамикой послужил для разделения Д.А.Крайновым волго-окского неолита на две разные культуры [5]. Точно так же И.В.Калинина противопоставила накольчатую и гребенчатую керамику Средней Волги и Прикамья как абсолютно не родственные [6]. Но выделение коротких смежных этапов развития и сосуществования позволяет увидеть постепенность и в трансформации разных технокомплексов и их subsystem, составляющих в совокупности культуру.

Посмотрим для этого, как трансформируются элементы, составляющие одну культуру.

Верхневолжская ранняя керамика действительно не имеет достоверных льяловских признаков (хотя и здесь существуют сосуды со сплошной ямочной орнаментацией всей поверхностью, и среди ранних верхневолжских есть сосуды с примесью дресвы в тесте). Гребенчатый штамп начинает употребляться не позднее появления рисунка в технике отступающей палочки. На протяжении 2-го и 3-го этапов гребенчатый и накольчатый рисунки сосуществуют и формируют одни и те же композиции. На 3-м этапе роль накольчатой орнаментации уменьшается – сохраняются только пояски, а также разреженные строчки глубоких накольчатых ямок. Отдельные сосуды остаются накольчатыми, не отличаясь по этому признаку от ранних. Порой гребенчатый штамп полностью замещает накол – оттисками крупного гребенчатого штампа формируются те же мотивы, какие получались ложношнуровым. В это время уже исчезает плоское дно, более характерное для части сосудов 1-го этапа.

На последнем этапе не столько меняется орнаментация – все элементы уже известны, – сколько технология. Используются в ряде случаев очень крупные штампы. Но больше изменений происходит в технологии лепки. Начинает применяться дресва в качестве отошителя (единичные сосуды с примесью дресвы есть и среди ранних – верхневолжская керамика никогда не была технологически единой, чего требует от чистых культур Ю.Б.Цетлин [7]). Нет единства и в орнаментации верхнего края венчика. Как показывают материалы Замостья и Воймежной, – это чисто локальный признак. Он полностью отсутствует на стоянке Воймежной, редок на Масловом Болоте, но достаточно часто встречается на Дубне. Еще одна черта поздней верхневолжской керамики – пояски ямок, иногда в шахматном порядке. Единственное отличие их от льяловских – нанесение не белемнитом. В обратном же случае – это уже льяловский сосуд.

Архаичная льяловская керамика сохраняет те же технологические признаки, что и поздняя верхневолжская: орнаментация по подсохшему тесту, господство зон гребенчатого штампа, часто встречается лепка внахлест, в тесте примесь дресвы, иногда оно бывает очень сильно отощено. Сохраняются и верхневолжские формы сосудов – шлемовидная с максимальным диаметром выше середины высоты. Изредка встреча-

ются сосуды с примесью шамота в тесте. Гребенчатый штамп нередко ставится в технике отступания, с небольшим протаскиванием.

Дальнейшее развитие керамики осуществляется в первую очередь в технологии. Уменьшается количество примеси, орнаментация идет по более влажному тесту, чем раньше, уменьшается скос палепа, и он приближается к лепке встык. За этим стоит переход от ленточной к жгутовой формовке, хотя отдельные ленты ставятся по-прежнему внахлест. Стык лент гораздо более прочный, чем у верхневолжских. Со временем увеличиваются зоны, выполненные белемнитными ямками, этот способ орнаментации керамики на следующих этапах становится основным.

Поздняя льяловская керамика также отражает развитие технологии: тонкостенность, густой ямочный орнамент, минимальное количество отоштелей, появление органики в тесте. Меняется форма – сосуды становятся уже, у крупных центр тяжести смещается к середине и даже в нижнюю треть, но среди малых по-прежнему преобладают шлемовидные.

Все эти детали прослежены на стратифицированных участках таких памятников, как Языково, Маслово Болото 2,5,8. Замостье 2 и 5, Никольская-Правая, а также в чистых комплексах других поселений и могильников. Схему Брюсова – Раушенбах – развитие керамики от ямочной к гребенчатой можно считать похороненной. Сочетание в одном комплексе, как это наблюдал М.Г.Жилин [8], поздних верхневолжских и архаичных льяловских сосудов вовсе не обозначает сосуществование разных культур – это нормальная картина перехода. Точно так же на Воймежной накольчатые сосуды сосуществуют с типичными гребенчатыми, и характерные для них орнаменты встречаются как обособленные зоны одного сосуда. Ни одного случая обратной последовательности, предшествования льяловской (белемнитной) керамики верхневолжской нет. Это однозначно показывает последовательность смены типов технологии и орнаментации, а сосуществование в пределах одного комплекса элементов двух смежных этапов совершенно естественно именно при его трансформации.

Сосуществование разных типов сосудов, разных технологий продолжается и в комплексах эпохи бронзы. По-видимому, ранняя сетчатая керамика не является единственным видом посуды во 2-й половине II до н.э.

Та же плавная смена технологии наблюдается и в каменной индустрии. Д.А.Крайнов как отличительную черту верхневолжской индустрии отметил ее пластинчатость, близость к мезолиту и тем противопоставил ее льяловской [9]. В настоящее время есть возможность детально проследить развитие пластинчатой техники на протяжении мезолита и неолита. Техника снятия правильных стандартных микропластин достигает наибольшего развития в Приуралье и в Западной Сибири, а на территории Волго-Окского междуречья – в районах, хорошо обеспеченных высококачественным сырьем, но пик ее приходится на начало позднего мезолита. Уже в верхних мезолитических слоях Замостья идет сокращение количества пластин, становятся редки вкладышевые орудия. Качество пластин остается высоким, но их количество сокращается в конце мезолита, еще меньше их на начальной стадии раннего неолита. Показательно увеличение количества орудий из отщепов. На третьем этапе в районах, бедных хорошим кремнем, пластины становятся редкостью, вкладышевые орудия нет (Воймежная, Замостье, Маслово Болото). По-видимому, исчезновение техники снятия ножевидных пластин шло неравномерно. Так, на Тростенском озере пластин с поздней верхневолжской керамикой встречается довольно много. Существуют они и в Прикамье вместе с гребенчатой керамикой, хотя их здесь гораздо меньше, чем в комплексах с накольчатой керамикой.

На 3-м этапе идет формирование техники двусторонней обработки, проявляющейся в изготовлении наконечников и рубящих орудий. В это же время исчезают из комплексов какие-либо нуклеусы. Таким образом, переход к средненеолитической технике изготовления орудий, основанной на отщепах, полученных в процессе двусторонней обработки, полностью завершился к последнему этапу верхневолжской культуры. Противопоставлять ее льяловской по характеру каменной техники нет надобности.

Ту же эволюцию мы наблюдаем и в характере поселений. Если для раннего неолита свойственны только недолго существовавшие поселения и стоянки со слабогумусированным слоем, что отражает малую степень оседлости населения, то для типичного льяловского гораздо характернее стоянки с четко выраженным сильно гумусированным слоем, свидетельствующим о значительной степени оседлости. Но между ними – этап ранней льяловской культуры, где характер слоев на памятнике тот же, что на верхневолжских стоянках.

Таким образом, трансформация различных сторон культур происходила не одновременно. В то время как изживание мезолитических традиций в каменной технике и формирование отщеповой технокомплекса в основном завершились до сер. V тыс. до н.э. (а выход из употребления вкладышевой техники – нач. V тыс. до н.э.), в керамике мы видим три основных ступени – замена накольчатой орнаментации на гребенчатую, происходившая, главным образом, в это время; выработка технологии изготовления керамики с минеральным оттошением теста – на поздней верхневолжской стадии и белемнитизация орнамента, в основном протекавшая на 200 лет позже. Формирование прочной оседлости происходило уже на стадии среднего этапа льяловской культуры. Могут быть проработаны и другие самостоятельные шкалы: формирование типов отдельных орудий (относительно самостоятельны шлифованные сланцевые), костяных и роговых изделий и т.д.

Относительная независимость разных технокомплексов в составе культуры создает возможность для продуктивной интерпретации смешанных комплексов, которых в археологическом материале подавляющее большинство. Для этого необходимо изучение разных категорий объектов (керамики, орудий, жилищ

и т.п.) на основе дробной классификации разных подсистем, составляющих в совокупности единый предмет исследования (в результате их единство является данностью).

Практика показывает, что ряд признаков может использоваться для создания более крупных групп источников (так же, как, например, белемнитный штамп выделяет льяловскую керамику, культурно-специфичны некоторые виды орнамента, поскольку за ними стоит определенный обрядовый текст). Выявление закономерностей в комбинировании различных технико-технологических приемов уже достаточно содержательно, поскольку вводит в круг «культурной» информации.

При исследовании керамики «мешанного» памятника необходимо разделить ее на основании однозначно читаемых признаков на группы (единства), которые сопоставляются с однокультурными (однотипными) сериями из других комплексов. Сами же разнотипные группы соотносятся друг с другом для выявления их возможных связей. Эта серия исследовательских приемов позволяет наблюдать культурную преемственность даже в случаях резкого обрыва сходства. Разрыв же культур во времени есть результат логической ошибки, а вовсе не фундаментальное свойство культуры.

В то же время группировка объектов, не связанных друг с другом, создает только информационный шум и не несет полезной информации о культуре. Например, процентное соотношение разновременной керамики на памятнике ничего не говорит о конкретном этапе, хотя может отражать свойства памятника как продукта антропогенного и природного воздействия, а значит – об обстоятельствах формирования комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникивич М.В. Днепр-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998.
2. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
3. Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1997.
4. Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические характеристики наконечника свидерского облика // Экспериментально-траекторические исследования в археологии. СПб., 1994.
5. Крайнов Д.А. Хронология, периодизация и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
6. Калинина И.В. Гребелчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 20. Л., 1979.
7. Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
8. Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990-1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
9. Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. 1977. № 3.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

THE IDEA OF TECHNICAL COMPLEX AS AN INSTRUMENT OF RESEARCH

Summary

The essence of the idea of a technical complex lies in the system connection of working methods and skills with characteristics of a treating object as well as with conditions of its functioning. It relates not only to stone tools production but to any other activity. Transformation of one element of the system leads to transformation of all the elements of it. It causes the so called “vanishing” of archaeological cultures (Sungir, Kostjonki, Ienevo, the Upper Volga, Volosovo, Djakovo cultures), when innovations transform a shape of features on the base of which a culture has been detected, what makes an impression of discretion of historic process. The usage of several independent technocomplexes to characterize a culture allows to trace its transformation into a culture which replaces the first one. Combination of different technocomplexes within the limits of a one type activity inside a single complex can be interpreted both as a mark of a moment of borrowing and an indicator of transformation. Development of subdivided scale of periods allows to interpret them. It is just how the transformation of the Upper Volga culture into the Ljalovo culture has been shown.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanov St., Moscow,
117036, Russia*

Г.П. Григорьев

КУЛЬТУРОРАЗЛИЧЕНИЕ В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

Формирование понятия археологическая культура происходило для мезолита и палеолита по-разному. До Великой Отечественной войны в науке о верхнем палеолите преобладало суждение, будто культур в верхнем палеолите отыскать никак нельзя, что наиболее авторитетно высказал С.Н.Замятин [1, с. 129]: «Культура верхнепалеолитического населения приледниковой Европы на всем ее огромном протяжении в это время являлась единой...» Можно обнаружить лишь «мелкие особенности местного характера». После войны возобладало мнение А.Н. Рогачева о том, что верхний палеолит – как раз время появления множества местных, или локальных культур [2]. С этого и началось бурное открытие археологических культур, число которых неограниченно, что и понятно, поскольку большинство культур выделено на основании одного, редко двух памятников. Авторы, выделявшие их таким образом, надеялись, что количество однокультурных памятников будет возрастать. Однако в огромном большинстве случаев этим надеждам не суждено было сбыться. Лишь число памятников с признаками костенковской культуры увеличилось в последние десятилетия.

Не так шло дело в науке о мезолите. Выделение особой стадии развития – мезолита с наконечниками стрел (свидерскими) М.В. Воеводским [3] не вызвало возражений. Это подразделение называлось свидерской стадией. Затем последовало утверждение, что единой свидерской стадии не было. Действительно, М.В. Воеводский говорил о деснинском мезолите как о локальном явлении, но я затрудняюсь увидеть в этом подразделении археологическую культуру, единицу классификации. Это скорее описательный термин, территориальная группа – окский мезолит на Оке, деснинский на Десне, камский на Каме. К тому же отнесение памятников с (свидерскими) наконечниками стрел к мезолиту находилось в противоречии с тезисом: мезолит – эпоха геометрических микролитов. Отсюда – у М.В. Воеводского не было мезолита, а была свидерская стадия. Собственно свидерская стадия – как она была изучена на территории Польши – является скорее палеолитом, или отчасти палеолитом. Мезолит же на территории Польши и Чехословакии начинался с памятников с геометрическими микролитами. Так или иначе, но было принято, что мезолит Крыма отличается от мезолита Оки уже в работах А.А. Формозова, который дальше развивал эту идею оппозиции севера и юга в эпоху мезолита [4; 5]. Однако он не стал автором какой-то археологической культуры, хотя и не оспаривал существование их в мезолите. Столь же осторожно и неопределенно высказывался о группах памятников в мезолите и Д.А. Крайнов: «Вероятно, в долине р. Волги существовала особая мезолитическая культура иного характера, чем культура с микролитическим инвентарем и наконечниками стрел... свидерского типа. Уже сейчас намечается целая группа стоянок в Калининской области» [6]. Эта группа позднее была названа иеневской культурой, и ее связали родственными узами с Песочным Рвом, что отметил и Д.А. Крайнов. Л.В. Кольцов предложил называть памятники волго-окского мезолита бутовской археологической культурой. Затем он же открыл иеневскую культуру [7]. А.Н. Сорокин выделяет еще одну культуру на том же месте – рессетинскую [8, с. 84-86]. Высказывались критические замечания по поводу их хронологии – но это относилось к какой-то определенной культуре, а само существование археологических культур сомнений ни у кого не вызывало. Скорее уточнялись хронология культуры, ее соотношение с другими, но культура как единица классификации, как явление – за редким исключением, не оспаривалась. Принятие этого явления (археологическая культура) основано на том, что в мезолите племена, как полагают археологи, уже имеют право на существование, а соответственно, и археологические культуры вполне могут быть найдены. Поиски культур шли по традиционному пути. Раз существуют группы памятников со своеобразными формами, эти группы – археологические культуры. Такое заключение основано на отсутствии в языке археологов в то время иных понятий помимо археологической культуры.

Между тем, не ставится вопрос о методике выделения той или иной группы памятников. Следствие этого – особенности, например, свойственные группе бутовских поселений. Автор монографии по бутовским памятникам полагает, что «характеристика бутовской культуры представляется весьма неопределенной, периодизация – чрезмерно дробной, а хронология – слишком удлиненной». «В бутовской культуре не оказалось ни одного общего типа», а выделение группы шло на основании преимущественно мелких или сортированных коллекций [9]. Что использовались не самые надежные памятники, подтверждает и другой исследователь [10], обратившийся к выяснению смешанности материала в ряде памятников мезолита. Интересно, что оба автора полагают возможным продолжать использовать понятия “бутовская культура” и “иенев-

ская культура". Хотя и иеневская культура выделена на основании небольших коллекций и смешанных комплексов. Как будто все согласны, что бутовская культура относится к кругу постсвидерских [11]. Стало быть, мыслится существование обширного круга свидерских культур, а не одной отдельно взятой культуры, и все они объединены свидерским прошлым, или свидерским влиянием, или свидерским происхождением. Про иеневскую культуру говорят определенно, что она связана с аренсбургской. Есть и родственная иеневской – песочноровская культура [11; 12]. Если теперь обратиться к опыту классификации палеолита и мезолита, то станут заметны отличия мезолитической классификации от той, что постепенно пробивает себе путь в археологии палеолита. Оказалось, что допущение или недопущение наличия археологических культур не должно быть связываемо со сведениями этнографии о существовании племен на том или ином уровне развития. В пределах одной эпохи – верхнего палеолита – археологические культуры известны начиная со средней поры и не выделены для ранней. Выяснилось, что, когда в мадленское время существует множество археологических культур во всей Европе, к востоку от Вислы их нет. Выделение культур в археологии на самом деле является процедурой классификации и зависит от методических приемов, применяемых исследователем, прежде всего. Классификация предполагает помещение выделяемой единицы в некую иерархическую систему.

Этот шаг должен следовать сразу за установлением комплекса сходных по формам каменных орудий. Не всякая группа стоянок представляет собой единую археологическую культуру. Она может оказаться и двумя археологическими культурами, которые по каким-то причинам оказываются сходными. Если существует только одна единица классификации, тогда обнаруженная группа, конечно, – археологическая культура. Если территориальных единиц классификации больше, чем одна, – надо специально доказывать, что перед нами археологическая культура.

В 1960-х гг. всем было ясно, что несколько памятников начала верхнего палеолита с двусторонне обработанными треугольными остриями – это стрелецкая культура. Однако оказалось, что памятников с такими остриями много, они распространены от Северского Донца до Оки и вряд ли составляют единую культуру. Оказалось, что памятники с двусторонне обработанными остриями, свойственными ранней поре верхнего палеолита, не делятся на археологические культуры. Точно так же и памятники ориньякского пути развития не подразделяются на территориальные группировки. Это показывает, что прежде чем делить памятники на археологические культуры, или – что точнее – предполагать, что выделенные группы памятников являются археологическими культурами, надо доказать существование археологических культур. Иначе может возникнуть необходимость доказывать, что археологических культур не существует, как это произошло в археологии верхнего палеолита. Опровергать ранее высказанное предположение труднее, чем высказать его.

Наивысшей, наиболее общей единицей классификации в палеолите является эпоха – верхнего палеолита в нашем случае. Для мезолита – это «эпоха мезолита», но для памятников России и Украины часто пользовались и термином эппалеолит [13; 3]. Обособленно рассматривается нашими исследователями и мезолит Восточной Европы, но за этим понятием, хотя оно и существует, не закрепилось никакого термина после исчезновения понятия «свидерская стадия». Деление на южные и северные памятники общепринято, и тем не менее и для него не существует своего термина. Речь скорее идет о памятниках с геометрическими микролитами и памятниках без таких орудий. Это заключение оспаривается А.Н. Сорокиным. Первоначально Л.В. Кольцов исходил из того, что есть бутовские памятники в Поочье и на Верхней Волге, и они отличаются от других того же круга памятников по набору орудий. Напротив, Д.А. Крайнов полагал, что на Волге есть (иеневские) памятники, которые отличны от (будущих) бутовских. Но то, что теперь называется иеневской группой памятников, не слишком отличается от бутовской. Поскольку типология в одиночку не справляется с задачей различения двух групп памятников, то, конечно, следует привлечь пространственное распределение их. Но иеневские памятники расположены примерно там же, где и бутовские, как заметил А.Н. Сорокин. И оттого понятно, что есть памятники, в которых даже сторонники существования бутовской и иеневской культур видят смешение двух традиций, хотя временами оговаривают и возможность другого объяснения, например, смешения материала, оставленного разными группами населения [11; 10].

Помимо отмеченных уязвимых сторон построения, имеющего целью классификацию мезолита, следует принять во внимание, что пока не видно иерархического сопоставления выделяемых единиц классификации.

Правда, скажем, А.Е. Кравцов признает, что бутовская культура относится к более широкому кругу постсвидерских памятников, а это как будто предполагает иерархическое соотношение двух единиц анализа. Но используется аморфное понятие культурной общности [11, с. 40], что не имеет смысла до тех пор, пока нет определения этой культурной общности. Сущность изменений в изучении мезолита, как я это понимаю, состоит в том, что ранее некие формы орудий были разведены по группам (предположительно – археологическим культурам). Когда такое соответствие было, отсутствовали сомнения в правильности существовавшей классификации. Так, и теперь у А.Е. Кравцова можно прочитать: «Вместе с... песочноровской культурой Верхнего Днепра иеневская культура входит в постаренсбургскую культурную общность». Иначе он же определяет позицию бутовской культуры: «Бутовская культура принадлежит к кругу постсвидерских культур Восточной Европы» [11, с. 39]. А что такое круг постсвидерских культур? Это то же самое, что культурная общность, или нет? Мне кажется, что автора этот вопрос не волновал, он счел бы его мелочью, не стоящей внимания, вопросом сугубо терминологическим. Однако на самом деле это существенный вопрос: каков же иерархический уровень понятия «культурная общность». В зависимости от того, как его определить, изменится и уровень понятия «иеневская культура».

Что же получилось теперь? При взгляде со стороны, мне представляется, что одинаковые формы (ранее казавшиеся культуроразличающими) разошлись по разным культурным группам памятников. В самом деле, для бутовских определяющей формой были острия свидерского типа, другие формы если и перечисляются, то не играют роли культуроразличителя. Для иеневской группы памятников отличающим моментом служат наконечники с черешком (постаренбургские или – ранее – алтыновские) и мелкие геометрические микролиты (высокие трапеции, в частности). Появился новый элемент всей схемы – памятники типа Кунда. Обращает на себя общее внимание аренбургский наконечник, который теперь чаще всего упоминается, на нем многое основано, даже происхождение иеневской культуры определяется благодаря этой форме. Она содержит аренбургские острия, они же – постаренбургские. Исследователь не слишком обильных материалов памятников на Валдае говорит как минимум (!) о четырех культурных традициях: гамбургской, аренбургской, бромме-лингби и свидерской [14]. Но все-таки у Г.В. Синицыной речь идет о традициях, а не о культурах. Сравнение разных авторов и разных текстов показывает, что ввиду нашего общего невнимания к терминологии традиция равняется археологической культуре, или во всяком случае одно от другого строго не отличается. А наконечник равен традиции – для нее большего не требуется. Иеневская культура, по мнению А.Н. Сорокина, оттого особая культура, что она имеет постаренбургский наконечник. Теперь даже очень общее суждение М.В. Воеводского: мезолит в Восточной Европе делится на группу с микролитами (в Крыму более всего) и на группу без микролитов, но с листовидными наконечниками – выглядит далеко не беспорно. Памятники иеневской культуры как раз и есть группа, где присутствуют и листовидные свидерские острия, и микролиты. Нужно только уточнить, что в иеневской культуре есть такие микролиты, которых нет в памятниках Польши и Крыма, – трапеции и сегменты. И в силу этого следует поставить вопрос: какова же степень различия между Иенево и Бутово? В самом ли деле это разница между двумя культурами?

Не касаясь сейчас вопроса, действительно ли можно говорить для Северо-Запада России и для Украины об аренбургских формах, об аренбургских влияниях, отмечу лишь, что ранее в процессе классификации аренбургские формы не участвовали. Если Д.А. Крайнов и говорил о выделении особой культуры, то на основании наконечников алтыновской разновидности. Теперь появление аренбургских острий усложняет картину. Видимо, типология не стала надежным инструментом, если основой выделения одной и той же единицы классификации сначала были вкладыши алтыновского типа, а потом стали аренбургские/постаренбургские наконечники. Песочноровская культура появилась как-то сбоку, поскольку эти материалы, хотя и добытые московским археологом М.В. Воеводским и хранящиеся в Москве, никто не обсуждал всерьез. Он называл эти памятники деснинскими.

Если культура бутовская не родственна иеневской (а это для авторов вытекает из как будто разного происхождения этих культур), то они одного ранга и равнокачественны. Если памятники типа Песочный Ров родственны памятникам типа Иенево, то они соподчинены иеневской культуре и не равнокачественны. Выделение памятников типа Песочный Ров в отдельную группу или культуру основано на простом допущении. Если там есть постаренбургские наконечники, то это, конечно, особая группа памятников. Генезис деснинских памятников типа Смячки определяется наложением аренбургской традиции на свидерскую – вот еще одно мнение о происхождении памятников с наконечниками свидерского типа [12].

Исследователи, работающие с мезолитическими памятниками, склонны прежде всего решать вопрос о происхождении той или иной группы. Так, есть гипотезы или предположения, откуда произошли памятники типа Бутово, Иенево, Песочный Ров и так далее. Они у каждого исследователя разные, и теперь самое время заняться внутренней критикой источника. А что, вправе ли исследователи по каменным орудиям мезолитического уровня каждый раз отвечать на вопрос, откуда взялась эта культура? Пожалуй, ставить такие вопросы до того, как определены археологические культуры, их границы, рановато. У Л.Л. Зализняка аренбургская культура происходит от памятников типа лингби, и свидерская тоже происходит от памятников типа лингби [12]. Получается, что теперь любую культуру мезолита можно вывести из соседней или даже далекой культуры. В мезолитическое время столь много общих, вообще мезолитических, форм, что выбрать из них такие, которые бы имели ограниченное распространение, довольно трудно. В самом деле, хотя для описания памятников используют все категории орудий – скребки, резцы, проколки, пластинки с притупленным краем, – прослеживается понимание того, что не все они равнозначны, одинаково полезны для культуроразличения. При всем желании наиболее популярные, наиболее представленные категории – скребки и резцы – не помогают культуроразличению. Скребки в Песочном Рву такие же, как и в Бутове. В Иенево они такие же, как в Рессете. Поэтому А.Н. Сорокин смело пишет, что полагаться в деле культуроразличения надо на охотничье вооружение. Однако не всегда известно, что было охотничьим вооружением. Да и неясно, почему охотничьему вооружению надо отдать предпочтение. Ведь наконечники с черешком встречаются в памятниках, которые разнокультурны, по мнению самого А.Н. Сорокина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Труды Института этнографии АН СССР Новая серия. Т. 16. М., 1951.
2. Рогов А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. 1957.
3. Воеводский М.В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. М.:Л., 1934.

4. *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
5. *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.
6. *Крайнов Д.А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I // КСИА. Вып. 131. 1972.
7. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* 25 лет (1959-1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР // СА. 1983. № 4.
8. *Сорокин А.Н.* Ресетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
9. *Сорокин А.Н.* Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
10. *Леонова Е.В.* Планиграфический анализ донных мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1998.
11. *Кривцов А.Е.* О хронологии бутовской и иневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье // Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
12. *Зализник Л.Л.* Аренбургские традиции в мезолите Полесья // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989.
13. *Бонч-Осмоловский Г.А.* Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. М.: Л., 1934.
14. *Синицына Г.В.* Исследование археологических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

G.P. Grigorjev

THE DISTINCTION-MAKING BETWEEN CULTURES IN ARCHAEOLOGY OF THE PALAEOLITHIC AND THE MESOLITHIC

Summary

The author tries to compare the approach to discerning the units of classification in archaeology of the Mesolithic and the Palaeolithic. The difference is in the usage of a unique unit in classification of the Mesolithic and elaboration of system of units in the Palaeolithic archaeology. Scholars studying the Mesolithic tend to use not very strongly defined terms as "tradition" (the Ahrensburgian tradition, the Lyngby tradition). Other specialists use terms "the Ahrensburgian Culture" and "the Lyngby Culture". There are no such units as tradition in the system of the Palaeolithic units classification. Practically most of archaeologists consider tradition to be equal to a given type of tool. Presence of the Ahrensburgian point on the Russian Plain means the Ahrensburgian tradition. The author considers such an equation to be dubious.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

М.Н. Желтова

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СВИДЕРСКОЙ ИНДУСТРИИ

Время финального палеолита – мезолита лесной зоны северной части Восточной Европы долго оставалось своеобразным *hiatus**ом, породившим немало жарких дискуссий среди исследователей и своего рода мифов в археологии. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что одним из главных мифов вплоть до недавнего времени оставалась свидерская культура, а точнее – свидерский наконечник, наиболее яркий и характерный для нее тип орудий.

Сложности с определением места свидерской культуры в общем археологическом контексте были тесно связаны с довольно мучительным процессом выделения мезолита как самостоятельной эпохи каменного века. Не затрагивая историю этого процесса в целом, обратимся лишь к той ее части, которая касается непосредственно свидерской культуры. В этом отношении весьма значительным событием в отечественной науке стала II Международная конференция Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы в 1932 г., где по интересующей нас проблематике выступили В.Антоневич, М.В.Воеводский, Г.А.Бонч-Осмоловский и К.М.Поликарпович. В вопросе о «переходном периоде от палеолита к неолиту» эти четверо исследователей не были единодушны. При изучении памятников Северо-Восточной Польши и Литвы В.Антоневичем были выделены три эпипалеолитические культуры: позднесвидерская, позднетарденуазская и типа Кунда. Свидерские материалы были отнесены к конечной стадии палеолита. По мнению В.Антоневича, позднесвидерские материалы Литвы и Мазовии отличаются от свидерских появлением наряду с ориньяскими и мадленскими эпипалеолитическими типами орудий, в особенности азильскими [1, с.32].

Против выделения мезолита как отдельного периода категорично выступил Г.А.Бонч-Осмоловский [2], считая азиль и тарденуаз конечнопалеолитическими стадиями и определяя место свидерской культуры между этими стадиями, а не после мадлена, как полагали польские исследователи [3; 4]. По мнению Г.А.Бонч-Осмоловского, выделение мезолитического периода излишне, как необоснованное «своеобразными хозяйственными и производственными условиями» [2, с.166].

Прямо противоположной точки зрения придерживался М.В.Воеводский, выделивший эпипалеолит как важный этап в развитии человеческого общества и обосновавший его самостоятельность. К самому началу эпипалеолита он отнес т.н. «свидерскую стадию», следующую непосредственно за мадленской эпохой верхнего палеолита и служащую основой, на которой в южных районах формируется тарденуазская индустрия, а в северных — макролитическая «маглемозская стадия», связанная с рыболовством (стоянки Свердборг, Муллеруп, Маглемозе и др.). Переходным этапом между «маглемозской» и «свидерской» стадиями является стоянка Лингби [5, с.233]. Позже «свидерская стадия» была переименована в «азильско-свидерскую» с сохранением прежнего смысла [6, с.144-150].

Этапной работой в изучении эпипалеолита является статья М.В.Воеводского, посвященная мезолитическим культурам Восточной Европы, опубликованная в 1950 г. В этой работе автор отказывается от теории единой свидерской стадии для Восточной Европы, понятие свидерской стадии заменяется понятием свидерской культурной области, охватывающей северную часть Восточной Европы, что в определенной степени соответствует современным взглядам. При выделении свидерских материалов где бы то ни было: в Прибалтике, на Украине, в Псковской области или на Вологодчине, необходимо помнить еще одно важнейшее положение М.В.Воеводского: «Кажущееся единство объясняется, во-первых, широким распространением кремневых иволостных и черешковых наконечников стрел, и во-вторых, наличием пережиточных мадленских форм орудий. Оба эти явления характерны вообще для ранней стадии мезолита почти всей Европы» [7, с.97].

Позиция К.М.Поликарповича по этому вопросу с самого начала не была устойчивой. Специально не рассматривая проблему терминологии и периодизации, автор более ранними считает «мезолитические памятники эпипалеолитического облика» [8, с.82].

Указывая на близость рассматриваемых стоянок свидерским памятникам Польши и культуре лингби в Прибалтике, К.М.Поликарпович, как и В.Антоневич, характерной чертой кремневого инвентаря для них считает «наконечники стрел со стерженьком (*pointe a pedoncule* типа Font-Robert)» [8, с. 83; 1, с.32]. Уже тогда такое определение производило впечатление крайнего проявления формально-типологического метода, «когда на основании одного только признака (легкая отжимная ретушь) сопоставляются совершенно различные орудия» [2, с.164].

П.П.Ефименко относил памятники лингби и свидера к концу азильского времени, т.е. к самому началу неолита [9, с.627], несколькими страницами далее, правда, они были квалифицированы как мезолитические [9, с.629].

Прочным обоснованием в советской археологической литературе термин «мезолит», несомненно, обязан А.А.Формозову, которым была разработана и четырехэтапная периодизация мезолита [10]. Раннесвидерские материалы были отнесены автором к развитому мезолиту на основании того, что в дюне у Витува (раскопки М. и В.Хмелевских) тарденуазский слой подстиляет свидерский [11; 12].

Польские исследователи всегда считали свидерские памятники палеолитическими [3; 13; 14 и др.]. По мнению В.Хмелевского [15], самым древним в Витуве является своеобразный витувский комплекс, датируемый финальным аллерёдом, он перекрыт культурными слоями: тарновским и средне- или поздне-свидерским; все эти три комплекса древнее тарденуазского, относящегося к началу пребореала. Таким образом, раннесвидерские памятники, геологически датируемые плейстоценом (аллерёд, возможно, бёллинг – поздний дриас), относятся к палеолиту, если за границу между палеолитом и мезолитом условно принять границу между плейстоценом и голоценом, как делает большинство современных исследователей. Дальнейшие работы польских археологов, таких как Р.Шильд [16, s. 159-338], Я.Козловский и С.Козловский, З.Сулгустовска [17], Х.Кролик и др., дали многочисленные интересные материалы и научные результаты, подтверждающие это положение.

В советской археологии существовала традиция, основанная М.В.Воеводским, памятники с раннесвидерскими чертами считали мезолитическими. Д.А.Крайнов также относил к мезолиту культуры гамбургскую, лингби, азильскую, свидерскую и др. [18, с.64-65]. Против этой позиции выступила Н.Н.Гурина, тщательно проанализировав польские материалы: «такая датировка основана на недоразумении; наши памятники, аналогичные раннесвидерским, по всем данным, должны быть отнесены к позднему палеолиту» [19, с.28].

В настоящее время в российской археологии для интересующего нас отрезка времени принят термин «финальный палеолит», введенный Л.В.Кольцовым [20] и являющийся наиболее удачным как по смыслу, так и в том отношении, что исторически не несет на себе груза различных трактовок разными учеными.

Казалось бы, все ясно. Однако во многих публикациях финальнопалеолитических и мезолитических материалов постоянно возникают такие определения, как «постсвидерские», «свидероидные» или «свидерские традиции». Если картографировать находки таких материалов, то они займут обширнейшие пространства от Сухоны до Крыма и от Украины до Прибалтики. При ближайшем рассмотрении во многих случаях оказывается, что предположения о тех или иных связях этих памятников со свидерской культурой основываются исключительно на наличии в их кремневом инвентаре черешковых или иволистных наконечников стрел на пластинках. В самом деле, зачастую речь идет о памятниках, представленных подъемным материалом или культурные слои которых привязаны к различным песчаным формам рельефа, где не сохраняются органические материалы, а планиграфия и стратиграфия часто бывают нарушены. В итоге исследователи располагают лишь коллекциями кремневого инвентаря, которые можно изучать при помощи типологического, трасологического методов и анализируя технологию изготовления каменных орудий. Конечно, интерпретация таких памятников очень сложна, но все же наши возможности не так уж малы, если правильно их использовать.

Ранее нами была предпринята попытка разработки технико-морфологического описания свидерского наконечника в отличие от других, называемых «эписвидерскими», «постсвидерскими» или «свидерской традиции» [21, с.182-187]. Собственно свидерские наконечники также бывают разными, главной объединяющей их чертой, в отличие от всех остальных, все-таки является технология их изготовления — первичного расщепления и вторичной обработки. Несмотря на некоторую вариабельность, основные морфологические элементы остаются одинаковыми.

По ориентации заготовки наконечники делятся на две группы.

1. Наиболее многочисленная, с обычной ориентацией заготовки, имеет две подгруппы:

а) на пластинах с коническим окончанием, где зачастую не требовалась дополнительная подправка пера, а иногда оно имело только мелкую краевую ретушь для стабилизации хрупкого края заготовки, черешок уплощался обычной встречной (реже — однонаправленной) отжимной ретушью на брюшке и выделялся крутой или полукрутой ретушью на спинке;

б) на пластинах с неконическим окончанием, у которых черешок обрабатывался тем же способом, а острие требовало значительной корректировки формы, производившейся обычно полукрутой ретушью на спинке и отжимной встречной — на брюшке.

2. Количественно меньшая, с обратной ориентацией пластины, где острие наконечника создавалось на проксимальной части заготовки, что требовало значительного переоформления пера путем уплощения ударного бугорка той же отжимной встречной ретушью, что и обычно, и обязательно — ретушью на спинке по обоим краям заготовки, чаще всего полукрутой. Черешок наконечника, таким образом, был изначально достаточно плоским, однако, как правило, имел традиционные элементы оформления — плоскую ретушь на брюшке и полукрутую — на спинке. Единичные экземпляры наконечников такого типа встречались в материалах Свидры Вельки и в большем количестве — в материалах Нобеля.

Техника расщепления характеризуется использованием исключительно отбойника, как твердого, так и мягкого, нуклеусы чаще всего — двухплощадочные, т.н. мазовшаньского типа, с выпуклым фронтом. В материалах памятников они встречаются в остаточном состоянии, небольших размеров. Однако работы последних лет по подбору складней показали, что первоначально подготовленные для расщепления нук-

леусы были весьма крупными [22, с. 201-208]. В процессе расщепления использовался прием перебора карниза: время от времени, когда фронт нуклеуса уплощался, производилась подправка боковых поверхностей нуклеуса поперечными сколами. Такое расщепление требовало кремневого сырья очень хорошего качества, пластичного и без посторонних включений, для чего лучше всего подходит т.н. шоколадный кремнь, распространенный в Мазовии.

Рассмотрим хронологический срез финального палеолита – мезолита на некоторых польских материалах с точки зрения технологии изготовления каменных орудий. В качестве иллюстрации лучше всего подойдут коллекции кремневого инвентаря групп памятников Рыдно, поскольку они хорошо исследованы и опубликованы, к тому же здесь наблюдается смена различных культур на одном и том же месте.

Мадленский комплекс Рыдно (Гжибова Гура) П/1959 характеризуется использованием т.н. шоколадного кремня различных оттенков серого и коричневого цветов. Нуклеусы двухплощадочные, призматические. Ударные бугорки заготовок в массе своей выпуклые, хорошо выраженные, на многих заготовках отчетливо видна подработка карниза отбойником. Вообще по многим признакам складывается впечатление использования главным образом твердого отбойника. Основными заготовками являются пластинчатые отщепы, в меньшем количестве – пластинки и микропластинки. Ударные площадки заготовок подразделяются на шесть групп: 1) линейные – 56 экз.; 2) точечные – 48 экз., к этой группе относятся почти все микропластинки и наибольшее количество заготовок со следами подправки карниза; 3) двугранные – 7 экз. (в основном пластинчатые отщепы); 4) массивные – 12 предметов, здесь точка удара находится слишком далеко от края, в результате чего ширина ударной площадки ощутимо приближается к ее длине, а заготовка получается значительно короче, чем могла бы быть; 5) асимметричные, где удар был сделан в самый край ударной площадки – 38 экз.; 6) у четырех предметов площадки вообще сбиты слишком сильным ударом. Несколько предметов имеют по два конуса Герца, рядом или на разных концах ударной площадки. Пять отщепов из восьмидесяти представляют собой снятия площадки нуклеуса.

Набор орудий достаточно беден. Преобладают концевые скребки на пластинах (11 предметов), пять однолезвийных изготовлены на мелких отщепах и один – овальный, с ретушью по всему периметру, 2 скребка а museau. Несколько проколов, 4 косоретушных острия на пластинках и одно орудие типа микрограветт – вот и все изделия со вторичной обработкой.

Комплекс бромме Рыдно Х/1959 (Гжибова Гура, урочище Паствиско) выглядит совершенно иначе. В качестве сырья употреблялся все тот же шоколадный кремнь, но вследствие обожженности у множества предметов он поменял цвет и стал трещиноватым. Причем есть обожженные готовые предметы, а есть и сколы, сделанные с обожженных конкреций, но специальная термическая обработка кремня совершенно отсутствует. Нуклеусы – как двухплощадочные, так и одноплощадочные, но самой интересной их особенностью является отсутствие перебора карниза, так что при виде сверху площадка имеет волнистые очертания, и «впадины» от негативов снятий довольно глубокие (рис. 1: 6). Основной, значительно преобладающей заготовкой, здесь является отщеп. Ударные площадки подразделяются на те же группы, соотношение их по выборке из 108 предметов примерно такое же, как и в мадленском комплексе: 1. – 49 экз., 2. – 25 экз., 3. – 4 экз., 4. – 2 экз., 5. – 18 экз., 6. – 10 экз. На спинках заготовок довольно часто попадаются следы встречного снятия. Хороших пластин, как таковых, нет, есть небольшое количество весьма условных пластинчатых сколов. Зато орудийный набор несколько разнообразнее: здесь представлены двойные ретушные резцы, проколки и провертки, еще очень интересная форма орудий на массивном пластинчатом отщепе с носиком и выемкой (рис. 1: 5,7), а также серия типичных для Бромме наконечников на пластинах неправильной формы.

Далее следует комплекс т.н. «мазовшаньского цикла» (рис. 2: 1-9), т.е. свидерской индустрии, на технологических особенностях которого мы уже останавливались. Здесь ударные площадки у пластинчатых заготовок в основном точечные; у отщепов – иногда линейные, но небольшие. В каждом случае карниз тщательно убирался. Основная заготовка – пластина, достаточно широкая, с негативами встречного снятия на спинке. Резцы преобладают срединные, несколько – ретушных, все на пластинах, как и скребки, среди которых подавляющее большинство – простые концевые (14 экз.) и еще 5 концевых с лезвием, оформленным на проксимальной части заготовки. Длина самой крупной пластины – 144 мм при средней ширине – 30 мм, окончание пластины имеет расширение до 39 мм. Пластина сломана пополам, на углах сломов обеих половин сделаны резцовые сколы.

Такая же последовательность наблюдается и в различных культурных слоях памятника Цалованье.

В мезолите картина совершенно меняется. Преобладающим сырьем становится местный галечный кремнь из русла Вислы. Конкреции небольшие, качество часто оставляет желать лучшего – присутствуют внутренние трещины и посторонние включения, поэтому нуклеусы мелкие – как двухплощадочные, так и одноплощадочные. Сырье такого качества не позволяет подготовить нуклеус мазовшаньского типа, даже меньших размеров. Поэтому отщепы и пластинки мелкие, не имеющие в большинстве своем негативов встречного снятия. Среди орудий преобладают мелкие скребочки на отщепах, микропластинки с притупленным краем, различные геометрические формы: тыльчаки, трапеции, треугольные микролиты. Впервые появляются и серии pièces écaillées на остаточных нуклеусах очень мелких размеров и мелких отщепах. Совершенно нет резцов и концевых скребков на пластинах, наконечников, напоминающих свидерские, зато есть ряд микропластинок с параметрами, указывающими на использование отжима.

Такая резкая перемена в инвентаре диктуется возможностями расщепления, а они, в свою очередь, напрямую связаны с сырьем. Почему же качественный шоколадный кремнь почти полностью вытесняется местным плохим галечным сырьем? По всей видимости, в мезолите происходит смена объекта охоты.

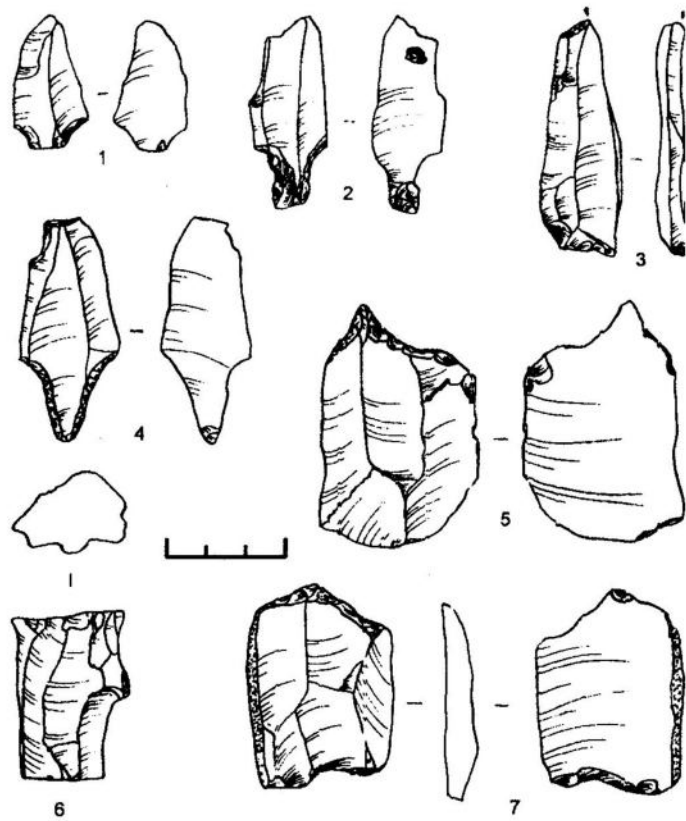

Рис.1. Рыдно. Комплекс бромме

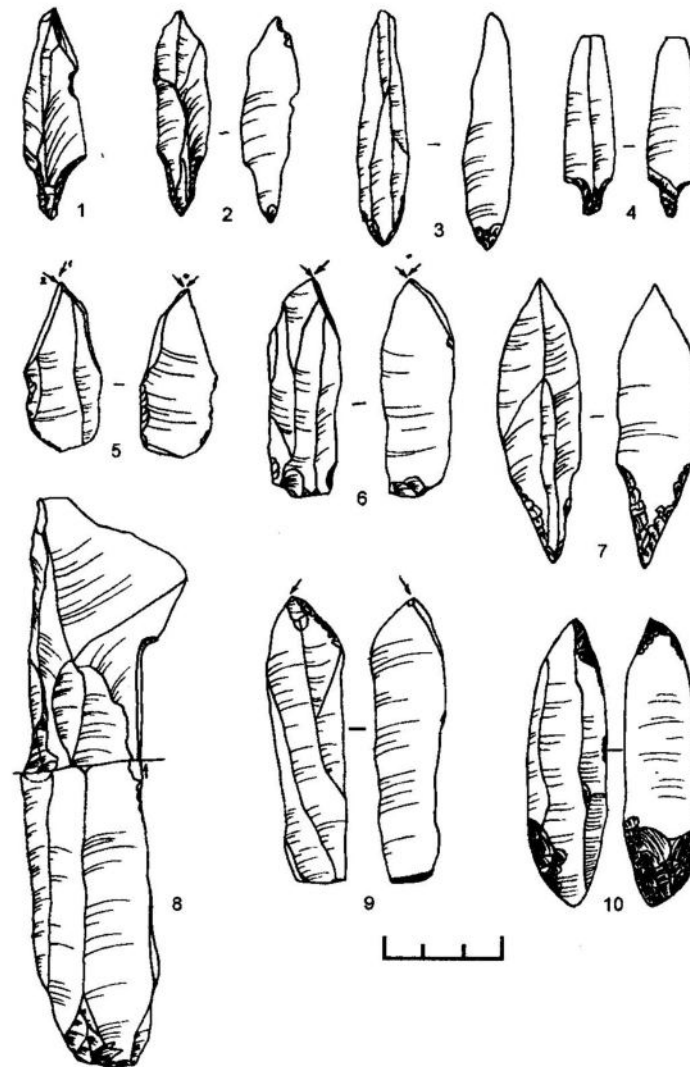

Рис.2. Рыдно I. Мазовшанский комплекс (1-9).
Костенки 1. Предмет из верхнего слоя (10 - по П.П.Ефименко)

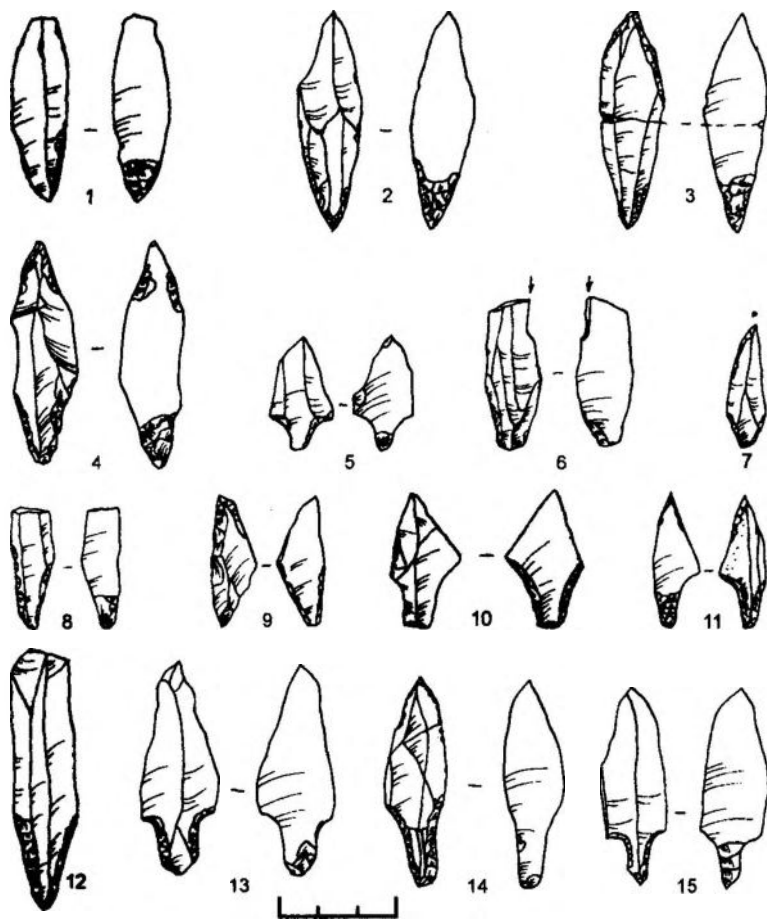

Рис. 3. Наконечники с различных памятников

риала показать разницу между видами черешковых и иволистных наконечников, всех тех, которые с большей или меньшей степенью резонности связываются со свидерскими. В целом получилось около 30 признаков, включая сырье, и, по предварительным, очень осторожным оценкам, какие-то группы все же выявляются. Конечно, не стоит говорить о результатах неоконченной работы, однако использование некоторых признаков, диагностичность которых заметна на небольших выборках, все же можно проиллюстрировать.

Для примера возьмем материалы Оленеостровского могильника, так как он представляет собой уникальный и чрезвычайно интересный феномен и вот уже многие десятилетия заставляет археологов постоянно активно работать над различными вопросами, являясь предметом самых оживленных дискуссий. Одна из наиболее острых проблем — это, несомненно, происхождение оленеостровского типа кремневых наконечников стрел, поскольку она напрямую увязывается с проблемой происхождения группы населения, оставившей этот грандиозный археологический памятник. Разные категории погребального инвентаря порождали весьма разнообразные аналогии в археологических материалах близлежащих территорий. Не станем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, т.к. он чрезвычайно тщательно разработан В.Ф. Филатовой, проведшей самый скрупулезный и беспристрастный сравнительный анализ морфологии наконечников Оленеостровского могильника и наконечников всех так или иначе сопоставляемых с ним археологических культур [23, с.14-27]. Поскольку все поиски аналогов этим наконечникам велись неизменно в круге культур, тем или иным образом связываемых с потомками носителей свидерской культуры, то в этой работе попытаемся провести сопоставление наконечников стрел Оленеостровского могильника с наконечниками стрел собственно свидерских памятников. В данном случае это Свидры Вельки и Малы и Нобель.

Выборка из Свидры Вельки — Малы насчитывает 37 предметов (14 целых наконечников и 23 фрагмента, 1 из которых дистальный). Все они происходят из поверхностных сборов. Сырьем во всех случаях является шоколадный кремль. Размеры наконечников варьируют в следующих пределах:

	максимальная	минимальная	средняя
длина	61,5 мм	27 мм	43,3 мм
ширина	18,0 мм	6 мм	12,0 мм
толщина	7,0 мм	2 мм	3,56 мм
отношение ширины заготовки к толщине (индекс массивности):	7,5	2	3,6

В финальном палеолите основным объектом охоты был северный олень, пути миграции которого проходили близ достаточно локальной территории, где сосредоточены месторождения шоколадного кремня [22], транспортировка сырья производилась в ходе кочевок за оленьими стадами и не представляла собой отдельной проблемы. В мезолитическое время произошла переориентация на виды животных, не совершающих массовые сезонные миграции, — лося, кабана и т.д. Поэтому добыча качественного кремневого сырья превратилась в самостоятельную сложную проблему, решать которую, по-видимому, далеко не всегда были силы и желание. Возможно, именно это обстоятельство послужило причиной того, что в мезолитических материалах указанных памятников предметы из шоколадного кремня очень редки.

Казалось бы, и с этой точки зрения положение свидерской культуры достаточно определено. Тогда что же делать с многочисленными находками черешковых и иволистных наконечников на пластинах, разбросанными по столь обширным территориям? Как разобраться, где следы миграций носителей культуры, где — результаты контактов или заимствования идеи, а где та же идея, может быть, возникла независимо?

Параллельно с польским коллегой Я. Томашевским (Гос. археологический музей, Варшава) автором этой статьи предпринята попытка выделения системы признаков, которые могли бы, будучи соответственно обработаны, на большом количестве мате-

Во всех случаях ударная площадка точечная, ориентация заготовки – обычная (т.е. насад сформирован в проксимальной части заготовки, а перо – в дистальной). Негативы предыдущих снятий на спинке имеют одно направление в 7 случаях, встречные направления – в 13 (т.е. около 35%), и в 17 случаях направление достоверно не установлено. Характер вендральной ретуши обработки насада: односторонняя у 7 предметов и встречная – у 25 (в т. ч. асимметричная – 6 пр., комедиальная – 3 пр., краевая не сходящаяся – 1 пр., не установлена – 15 пр.), всегда плоская.

Выборка из Нобеля включает в себя 52 предмета (46 целых наконечников и 6 фрагментов) из серого гладкого кремня хорошего качества. Параметры варьируют в следующих пределах:

	максимальная	минимальная	средняя
длина	65 мм	29,5 мм	47,9 мм
ширина	19 мм	7,0 мм	12,9 мм
толщина	6 мм	2,0 мм	4,0 мм
отношение ширины к толщине:	9,5.	1,66.	3,33.

Ударные площадки точечные, за редким исключением (линейные). Наконечники с обратной ориентацией заготовки (насад оформлен в дистальной части заготовки, а перо – в проксимальной) составляют 15% от общего числа. Встречно направленные негативы предыдущих снятий на спинке заготовки имеют 35% наконечников. Вендральная ретушь насада наконечника всегда плоская, в подавляющем большинстве встречная асимметричная, комедиальная на 2 экземплярах и на 5 – односторонняя.

Из Оленеостровского могильника было проанализировано 38 наконечников из разных погребений, включая знаменитое погребение № 100, поскольку колчан из него был снят монолитом и так и хранится в музее:

№ погребения	8	32	39	59	45	47	108	118а	120	145
количество наконечников	1	1	2	1	15	10	4	2	1	1.

Из 38 экземпляров целых наконечников – 24 и 14 фрагментов, в т. ч. медиальный – 1, дистальных – 4, проксимальных – 7, неопределимых – 2. Сырье варьирует от серого пятнистого и коричневатого хорошего качества кремня до кремнистого сланца.

Параметры наконечников:

	максимальная	минимальная	средняя
длина	65,5 мм	26,0 мм	49,98 мм
ширина	21,0 мм	8,2 мм	13,3 мм
толщина	7,0 мм	2,0 мм	3,7 мм
отношение ширины заготовки к толщине:	5,27	2,3	3,68 .

Сохранившиеся ударные площадки – точечные, но в основном они усечены. Ориентация заготовок – обычная, за исключением одного предмета с обратной ориентацией и одного неопределенного. Пять наконечников (т.е. около 13%) имеют встречные негативы предыдущих снятий на спинке и восемь – направленные в одну сторону. У остальных наконечников это невозможно установить из-за того, что слишком большая площадь поверхности покрыта ретушью. Вендральное ретуширование насада всегда плоское, встречное, преобладает комедиальное.

Анализ параметров наконечников требует довольно больших статистических серий (хотя и в первом приближении можно заметить, что средние длина и ширина наконечников Оленеостровского могильника больше при такой же толщине, что свидетельствует о меньшей их массивности). В то же время качественные технологические показатели демонстрируют разницу и на таких небольших выборках. Отметим полное отсутствие такого технологического приема, как усечение ударной площадки в свидерских материалах и преобладание его в оленеостровских, наряду со значительно меньшим процентом в Оленеостровском могильнике заготовок с негативами встречного скалывания, являющегося одним из маркирующих признаков свидерской техники расщепления. И, наконец, в материалах Оленеостровского могильника явно преобладают наконечники с интенсивной подработкой, вернее, даже с оформлением ретушью пера, что является скорее исключением в свидерских индустриях. Там этот технологический прием применялся в основном при неудачном снятии пластины, когда по тем или иным причинам ее окончание было неконической формы или обламывалось.

Если учитывать всю группу признаков, в которую входят форма сечения пластины, направление негативов на спинке, характер и распространение ретуши на разных частях орудия и многое другое, то, вполне возможно, в недалеком будущем мы получим инструмент для работы с этой категорией артефактов, и это сможет помочь дать ответ на вопрос — где границы свидерской культуры, как она трансформируется во времени и являются ли формально схожие мезолитические материалы связанными с ней генетически или как-нибудь иначе. Во всяком случае, на настоящий момент мне кажется возможным независимое существование идеи наконечника на пластине с минимумом вторичной обработки в разное время и на разных территориях, поскольку эта идея очень проста и абсолютно функциональна. Только пластины были разные и приемы вторичной обработки варьировали. К примеру, т.н. наконечник (или кинжал) из верхнего слоя Костенок I (рис. 2: 10) имеет те же элементы морфологии, что и многие свидерские наконечники (рис. 3), но его никто никогда не ставил в один ряд с ними, так как он значительно крупнее, происходит из памятника, который очевидно не близок свидерской культуре ни во времени, ни в пространстве. Но то же самое можно

сказать и о большинстве мезолитических памятников, с той только разницей, что заготовки там не крупнее свидерских, а мельче, да к тому же часто вообще получены с помощью отжима.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что анализ многих факторов, как количественных, так и качественных, не может и не должен заменять собой большого опыта и научной интуиции исследователя, а служит лишь для проверки тех или иных предположений. В данном случае приведенный мною выше пример с наконечниками Оленеостровского могильника иллюстрирует давно высказанное и обоснованное В.Ф.Филатовой мнение о возникновении оленеостровского типа стрел, вероятнее всего, в местной среде [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антоневич В.* Древнейшие остатки человека в Северо-Восточной Польше и Литве // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. М.; Л., 1934.
2. *Бонч-Осмоловский Г.А.* Итоги изучения крымского палеолита // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. М.; Л., 1934.
3. *Antoniewicz W.* Archeologia Polski. Warszawa, 1928.
4. *Kozłowski L.* L'époque mésolithique en Pologne // L'Anthropologie. Vol. XXXVI. N 1, 2. 1926.
5. *Воеводский М.В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эвипалеолита на территории Восточной Европы // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. М.; Л., 1934.
6. *Воеводский М.В.* К вопросу о развитии эвипалеолита в Восточной Европе // СА. № V. 1940.
7. *Воеводский М.В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
8. *Поликарпович К.М.* Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий верхнего Поднепровья // Труды II Международной конференции АИЧПЕ. Вып. V. М.; Л., 1934.
9. *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
10. *Формозов А.А.* Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР // СА. № XXI. 1954.
11. *Формозов А.А.* Локальные варианты культуры эпохи мезолита европейской части СССР. М., 1954.
12. *Формозов А.А.* Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры // СА. 1961. № 2.
13. *Kozłowski J.K., Kozłowski S.K.* Epoka kamienia na ziemiach Polskich. Warszawa, 1977.
14. *Kozłowski J.K., Kozłowski S.K.* Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1975.
15. *Chmielewski W.* Civilisations épipaléolithiques en Pologne Centrale // Bulletin de la Société des Sciences et des Lettres de Lodz. Vol. XII. 8. 1961.
16. *Schild R.* Pozny paleolit // Prahistoria ziem Polskich. T. 1. Wrocław, 1975.
17. *Sulgostowska Z.* Prahistoria miedzyrzecza Wisly, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. Warszawa, 1989.
18. *Крайнов Д.А.* Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. № 91. 1960.
19. *Гурина Н.Н.* К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // МИА. № 126. 1966.
20. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит южной и восточной Прибалтики. М., 1977.
21. *Желтова М.Н.* Некоторые технологико-морфологические характеристики наконечников свидерского облика // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб., 1994.
22. *Fiedorczuk Jan.* Processing workshops and habitation sites of the final palaeolithic Mazovian complex // Man and Flint. Warszawa, 1997.
23. *Филатова В.Ф.* Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии // СА. 1987. № 3.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

M.N. Zheltova

SOME TECHNICAL AND MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF SWIDERIAN INDUSTRY

Summary

The article discusses a complicated history of the definition of place of the Swiderian industry in general archaeological context in time as well as in space. The author makes an attempt to find criteria for distinction the terms "Swiderian industry", "post-Swiderian" and "swideroid" industries on the basis of some technical and morphological analysis data. As the terms "post-Swiderian" or "swideroid" terms are usually used in relation to the industries with handle or willow-leaf arrowheads on the blades, which are very often completely different, an idea to develop a system of morphological and technological features appeared, which could help to define a difference between various groups of those arrowheads which are connected with the swiderian ones more or less reasonably. The author gives the analysis of the arrowheads from several burials at Olenostrovsky cemetery at Onega Lake.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

С.Н. Лисицын

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ПОЗДНЕВАЛДАЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ПРИЛЕДНИКОВОЙ ОБЛАСТИ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ

Согласно устоявшимся представлениям в отечественном палеолитоведении к поздней поре верхнего палеолита относят памятники позднеледникового (Вюрм 4 по европейской шкале), существовавшие после максимума валдайского оледенения до финала плейстоцена, в хронологических рамках 17/16 - 12/11 тыс. л. н. В приледниковой области Центра Русской равнины, включающей бассейны верхнего течения Днепра, Волги и Дона, с этой эпохой связано значительное число верхнепалеолитических стоянок.

Громадный накопленный материал позволил разработать общие схемы хронологии и периодизации для приледниковой палеолитической зоны региона, дать культурно-историческую атрибуцию комплексов. Одни исследователи видят здесь ряд родственных культур и считают сходство признаком межкультурных связей. Так, М.И. Гладких [1] выделил комплекс Мезина в одну археологическую культуру, а среднеднепровские стоянки Добраничевку, Межиричи, Гонцы – в другую. Обоснование тимоновско-юдиновского культурного единства и специфичности елисеевичского комплекса нашло отражение в работах Л.В. Греховой [2; 3; 4]. Уникальность индустрии Супоневской стоянки на фоне днепровских памятников при наличии отдельных черт кремневого инвентаря, сопоставимых с мезинскими, показана в диссертации Н.А. Хайкуновой [5]. Иной подход к культурно-исторической интерпретации археологических материалов представлен у И.Г. Шовкопляса [6], выявившего культурное и хронологическое единство днепровских памятников по общему облику костяной и кремневой индустрии, принципам домостроительства. Строгое обоснование такой позиции (“среднеднепровская традиция”) с использованием преимущественно статистических критериев привел К.Н. Гаврилов [7]. При такой постановке вопроса локальным культурным различиям придается ненамного большее значение, чем отличиям между отдельными хозяйственными комплексами на одном поселении. Сходства же в материальной культуре интерпретируются как группирующие признаки, четко очерчивающие круг аналогий памятникам и отделяющие одну культурно-историческую группу стоянок от другой – как по вертикальной хронологии, так и в географическом окружении. Наиболее полно разработка основных вех периодизации развития верхнепалеолитических культур на Русской равнине, в которой значительное место отведено общей характеристике памятников поздней поры, предпринята М.В. Аниковичем [8]. В указанной работе автор обобщил представления о феномене верхнепалеолитических памятников Центра Русской равнины как о Днепро-Донецкой историко-культурной области охотников на мамонтов, проходящей 2 этапа в своем развитии. Первый относится к граветтской эпохе и представлен памятниками костенковско-авдеевского типа и испытавшими их непосредственное влияние родственными культурами. К их отличительным признакам принадлежит специфический набор кремневого инвентаря (ярко выраженный “граветтоидный технокомплекс”), включающий такие характерные группы орудий, как наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа, микропластинки с притупленным краем – прямоугольники, двугранные резцы на крупных пластинах и др. Им сопутствуют характерные изделия из кости и бивня мамонта, реалистичное искусство малых форм (женские статуэтки, зооморфные поделки из бивня и мергеля), а также жилые комплексы вытянутых в плане очертаний с линией очагов по длинной оси, включающие в свой состав кости мамонта. Второй, эпиграветтоидный, этап соответствует поздней поре верхнего палеолита и представлен памятниками с бедным категориально кремневым инвентарем (господство ретушных резцов, простых форм скребков, косоретушных острий) и разнообразным костяным и бивневым набором; схематизированным мобильным искусством, расцветом гравировок по бивню в виде геометризованных орнаментов; аносовско-мезинским типом жилищ из костей мамонта, небольших и круглых в плане. Сюда входит большинство памятников поздней поры верхнего палеолита Центра Русской равнины. В статье обосновывается как хозяйственная и историческая преемственность обоих этапов, так и очевидное различие их культурных традиций. В связи с этим М.В. Аникович допускает возможность определения раннего и позднего этапов культурного феномена через понятия “восточный граветт” и “восточный эпиграветт”. Иной позиции по поводу интерпретации культурного развития в конце верхнего палеолита придерживается З.А. Абрамова [9, с. 106-109]. Анализируя жилые конструкции и кремневые комплексы стоянок, З.А. Абра-

мова соглашается с выделением обособленных культур в пределах “единой среднеднепровской этнокультурной области”: тимонювско-юдиновской (Юдиново, Чулатово 2, Тимоновка 1-2, Бугорок), мезинской с вероятным дериватом в виде Супонево, межиричско-добраничевской (Межиричи, Добраничевка и, возможно, Гонцы), а также отмечает как сходства с ними, так и специфику синхронных костяновокских памятников (Костенки 2 и Костенки 11/1а). Однако, сравнивая в целом финал палеолита на нашей территории с ситуацией в Центральной и Западной Европе, она подчеркивает, что общая типологическая нивелировка кремневой индустрии в финале палеолита закономерна не только для территории Русской равнины, но и для Центральной и Западной Европы, где расцветает мадлен, разнообразный в региональных проявлениях, но единый по сути как культурное явление. По значению феномен местных, основанных на мамонтовом комплексе, археологических культур не уступает и исторически соответствует мадлену, связанному с северным оленем. Подчеркивая неоспоримый разрыв культурных связей с предшествующей граветтской эпохой и на Западе, и на Русской равнине, З.А. Абрамова считает несостоятельной гипотезу плавного эволюционного развития археологических культур во второй половине верхнего палеолита и поэтому признает неправомерным употребление термина “эпиграветт” для заключительного этапа этой эпохи [9, с. 113].

Таким образом, на современном уровне представлений о поздней поре верхнего палеолита центрального региона Русской равнины существует многообразие мнений археологов-палеолитчиков. В одном лишь имеются точки соприкосновения – большинство исследователей согласны с определениями хронологических рамок поздней поры верхнего палеолита и наличием определенных общих черт в материальной культуре поздних памятников с мамонтовым «хозяйством». Эти объединяющие черты, если не учитывать факторов чисто экономического порядка, таких, как круглые жилища из костей мамонта, широкое использование бивня для изготовления орудий и украшений, а также явно надкультурные тенденции к стилизованности и геометризации в искусстве, заключаются в кремневой индустрии и представлены во всех обобщающих работах. Сюда относятся совершенное первичное пластинчатое расщепление, основанное на получении заготовок с однотипных одно- и двухплощадочных призматических нуклеусов преимущественно одноплоскостного скалывания; орудийный набор, скудный категориями, в котором резцы количественно преобладают над скребками. Среди резцов господствуют в процентном отношении ретушные, а среди скребков — стандартные кощевые формы, в основном на отщепах и небольших пластинах; сериями представлены микропластинки с притупленным краем и острия, в основном косоретушные. Дополняют картину редкие формы орудий типа различных вариаций острий и проколов, долотовидных изделий, которые не на всех стоянках представлены серийно. Отмеченные характеристики достаточно полно отражают особенности памятников этого периода и позволяют отделить их по непосредственно типологическим критериям от более ранних граветтоидных комплексов и более поздних финальнопалеолитических и раннемезолитических, лингби-аренсбург-свидерского облика. Значительное число абсолютных дат и данные стратиграфии позволяют уверенно судить о хронологических рамках существования памятников. Но при всем разнообразии вариантов интерпретации культурных процессов в поздней поре верхнего палеолита обращает на себя внимание неразработанность четкой археологической периодизации.

Вместе с тем, представляется, что накопленный уже сегодня материал может служить основанием для определенных периодизационных построений. При отмеченной выше бедности и общей распространенности кремневого орудийного набора основные усилия в поиске разнокультурных черт направлены исследователями на предметы искусства, прежде всего из кости и бивня, планиграфические и конструктивные особенности поселенческих структур. Различия же в кремневом инвентаре традиционно сводятся к поиску отдельных специфичных предметов, ведущих форм того или иного комплекса [6; 3; 10], которые не встречаются в других (мезинские проколки, резцы супоневского типа), или отдельных типолого-морфологических элементов (краевое ретуширование резцов, скопленные скребковые лезвия, положение жала проколов относительно центральной оси и т. п.). Однако такой метод имеет целый ряд недостатков. Во-первых, практически все эти «культуроразличающие признаки» в большей или меньшей степени встречаются в любом полно изученном памятнике. Во-вторых, такой подход не решает проблемы выявления качественных различий орудийного набора, что особенно важно для интерпретации материалов большинства незначительных или маловыразительных коллекций памятников. Результаты же статистической обработки в конечном счете отражают скорее хозяйственные, чем культурные особенности комплексов.

В условиях крайней немногочисленности категорий инвентаря представляется важным обратить внимание не столько на общую типологию, сколько на морфологию кремневых орудий. Попытка проанализировать технико-морфологические черты орудийных наборов разнокультурных памятников, относящихся к рассматриваемому времени, была предпринята нами на примере части коллекций кремневого инвентаря четырех опорных памятников поздней поры верхнего палеолита Верхнего Поднепровья – Елисеевичей, Мезина, Супонево и Юдиново. Выбор ограничен, с одной стороны, представительностью и эталонностью комплексов, а с другой – общей доступностью их коллекций для изучения. Материал для работы находится в фондах МАЭ (коллекции Мезина, Елисеевичей, Супонево) и ИИМК РАН (коллекция Юдиново).

Стоянка Елисеевичи 1

Общее количество кремневого инвентаря за все годы раскопок, по данным Л.В. Греховой, насчитывает 274862 (100,0 %) предмета, из которых изделия со вторичной обработкой составляют 2609 (0,95 %) экз. [3, с. 123-125]. Среди последних резцы насчитывают 1871 экз. (все – ретушные); скребки – 89 экз. (3,41%); пластинки с притупленным краем – более 200 экз., индивидуальные формы, включая тронкированные пластины, острия с выпуклым притупленным краем и др., – 46 экз. (1,77%).

Классификация каменного инвентаря. Нами была изучена коллекция из раскопок К.М. Поликарповича 1935 г., хранящаяся в МАЭ (№ 5298). Массив исследования составили предметы с вторичной обработкой: 921 экз. (100,0%), из которых 427 экз. (46,4%) — резцы; 183 экз. (19,9%) — ретушированные пластины; 105 экз. (11,4%) — ретушированные микропластины; 105 экз. (11,4%) — острия; 53 экз. (5,7%) — микропластинки с притупленным краем; 43 экз. (4,7%) — скребковидные изделия (настоящих скребков нет) и 5 экз. (0,5%) — изделия с подтеской конца.

В результате анализа инвентаря стоянки можно сделать некоторые выводы.

1. Большинство орудий елисеевичского комплекса сделаны на средних размеров пластинах и микропластинах, около 30% из которых имеет корку.

2. Орудийный набор беден категориями. Наиболее представительны резцы, преимущественно в ретушном их варианте, пластины и микропластины с ретушью, острия. Микропластинки с притупленным краем отличаются миниатюрностью и не имеют обработанных концов. Типологической самостоятельностью не обладают скребковидные изделия.

3. Большинство заготовок орудий в той или иной степени наиболее массивны в медиальной и наименее — в концевых частях, т. е. они отвечают одному из критериев “правильности” заготовок. Но при этом в целом кремневый комплекс Елисеевичей не отличается стандартизованностью заготовок (и в этом следует согласиться с мнением Л.В. Греховой), возможно, за исключением групп ретушных резцов и ретушированных у дистального конца пластин. Для ретушных резцов отбирались заготовки, наиболее массивные в проксимальной и медиальной частях, а для ретушированных пластин — наиболее толстые в проксимально-медиальной и наиболее широкие в медиальной частях. Среди косоретушных острий выделяется группа с тронкированными ретушью концом, заготовки которых сходны по своим характеристикам с видом заготовок ретушных резцов, что может говорить об их прямой технологической связи. Специальный отбор микрозаготовок, вероятно, производился и для изготовления миниатюрных микропластинок с притупленным краем. Почему же инвентарь Елисеевичей 1 выглядит нестандартизованным, несмотря на преобладание метрически правильных орудий? Дело, вероятно, в том, что елисеевичские заготовки не обладают главным признаком “правильности” — симметричностью: края орудий не спрямленные, часто выпукло-вогнутые; разброс метрических значений очень высок, даже на одном орудии. Таким образом, “правильность” заготовок весьма относительна. Складывается впечатление, что люди, населявшие стоянку, пытались копировать “правильный” стандарт заготовок большинства верхнепалеолитических индустрий, но что-то им мешало. Это — свидетельство специфики древнего поведения в одном конкретном случае. Скорее всего данный парадокс объясняется особенностями первичного расщепления в елисеевичской индустрии. Известно, что заготовки нуклеусов на памятнике составляли желваки подцилиндрической формы, полые изнутри, либо заполненные мелом. Поверхность скалывания при этом была задана формой желвака и массивностью желвачной кремневой стенки. Сам кремнь достаточно плохого качества с посторонними включениями. По всей вероятности, особенности заготовок и объясняются этим вынужденным обстоятельством, наложившим отпечаток на облик инвентаря.

4. О Елисеевичах сложилось мнение как о памятнике с обедненным инвентарем, по сравнению с другими индустриями. Действительно, в кремневом комплексе стоянки единичны такие распространенные в верхнем палеолите орудия, как скребки. И в то же время здесь присутствует значительное количество косоретушных острий и особенно пластин с ретушью у дистального конца. Возможно, эти морфологически близкие орудия в какой-то степени выполняли роль скребковых форм. С другой стороны, группа ретушированных микропластин, часто довольно массивных, имеет большой удельный вес мелкой крутой и микроретуши, сходной по описанию с обработкой на мураловских микроизделиях — скребках [11, с. 167-173]. Подобные изделия представлены в инвентаре многих южных степных памятников: Сагайдак 1 [12], Аветовка I-II [13], Золотовка [14, с. 62-63], Большая Аккаржа [15, с. 199-200]. Однако технологические стандарты заготовок там иные, не микропластинчатые, связанные с техникой скалывания массивных чешуек со скребков-нуклеусов. Это явление во многом еще не изучено. Представляется, что использование подобных микроорудий на разнокультурных памятниках в финале верхнего палеолита на Русской равнине было достаточно широким и связано со стадийным внедрением микропластинчатой и микровкладышевой техники. Елисеевичи, таким образом, могут сочетать в себе элементы разных культурных традиций: торцовые микроядрища, женская статуэтка “граветтьенского происхождения” (при этом микропластинки с притупленным краем явно не из этой традиции), преобладание ретушных резцов и острий, как и в большинстве деснинских памятников, и почти мезолитическая вкладышевая техника. Такая характеристика скорее всего свойственна еще не сложившемуся окончательному набору признаков индустрии (культуры?). Учитывая, что Елисеевичи, по некоторым представлениям [16], являются поселением, функционировавшим продолжительное время, можно предположить, что комплекс действительно находился в стадии постепенного становления и выработки характеристик. Возможной иллюстрацией неустойчивого положения культурного комплекса, своеобразной аномальности черт кремневого инвентаря Елисеевичей является мнение Л.М. Тарасова о сходстве елисеевичского инвентаря с материалами верхнедеснинских стоянок Косица и Коршево 2 [17]. С орудийным набором Елисеевичей 1 их объединяют орудия с ретушным прямоскошенным концом (ретушные резцы, острия и тронкированные пластины), достаточно крупные размеры заготовок, серия пластин с мелкой крутой ретушью на краях, единичность скребковых форм и проколов. Нельзя лишь согласиться со сходством микропластинок с притупленным краем (МППК), часть которых в Косице имеет поперечные скребковидные завершения. Такие изделия характерны для тимоновско-юдиновского инвентаря, но там они сде-

лавы на миниатюрных микропластинках, редко превышающих в длину 35 мм, тогда как МППК Косицы изготовлялись на микропластинках (?) длиной до 70 мм [18, с. 53]. Поэтому можно присоединиться только к мнению Л.М. Тарасова о более позднем, чем Елисеевичи 1, возрасте этого памятника, заполняющего периодизационную лауну между елисеевичской и тимоновско-юдиновской индустриями. Исследователь Елисеевичей Л.В. Грехова с тимоновско-юдиновским инвентарем склонна сопоставлять черты орудийного набора другой стоянки – Елисеевичи 2, расположенной неподалеку от первого памятника [19]. Индустрия Елисеевичей 2 по сырью, особенностям расщепления, заготовкам орудий и набору основных категорий инвентаря сходна с Елисеевичами 1, но по серийной представленности и облику скребков сопоставима с тимоновской, из чего можно заключить, что это, вероятно, более молодая стоянка [19, с. 138-141]. Вполне возможно, что Елисеевичи 2 сравнимы в культурном отношении с Косицей и Коршево 2 и представляют собой дальнейшее развитие елисеевичской культуры, хронологически “стыкующейся” с тимоновско-юдиновской. Подвердить это предположение, вероятно, могло бы более тщательное изучение кремневого инвентаря памятников, особенно микроинвентаря. Выделенная в наборе Елисеевичей 1 устойчивая серия микропластинок с микроретушью использования, возможно, здесь окажется культуроопределяющей. Другой памятник, который имеет черты сходства с Елисеевичами 1, – стоянка Юровичи в бассейне Припяти [10; 20] – находка бивневой пластины с “елисеевичским” орнаментом и общая близость инвентаря. К сожалению, из-за отсутствия детальной публикации сравнение будет достаточно приблизительным. Возраст памятника определяется радиоуглеродной датой 26470 ± 420 (ЛУ-125) л. н. и, вероятно, сильно удревлен. В Юровичах орудия сделаны в основном на хороших пластинах. Здесь присутствуют ретушные боковые резцы, скребки на пластинах и отщепках, в т. ч. двойные и с ретушированными краями, торцевые вторичные нуклеусы, пластины с ретушью, долотовидные изделия, острия на пластинах с дугообразным притупленным краем (в т. ч. 1 крупное острие на пластине, ретушированное почти целиком по периметру, со скребковидным завершением базы), есть двойное срединное острие-проколка на пластинке с вертикальной ретушью по периметру, микропластинки с притупленным краем и естественными концами без скребковидных поперечных завершений, а также микропластинки с мелкой краевой ретушью [20, с.26-29; 21, с.19-28], то есть инвентарь памятника достаточно своеобразен. Вместе с аналогиями с инвентарем Елисеевичей 1 наблюдаются и отличия. Так, не находят соответствия в деснинском памятнике серия скребков, двойная проколка, долотовидные формы. Зато эти орудия вписываются в характеристику мезинского инвентаря. Во то же время от мезинского орудийного набора инвентарь Юровичей отличается отсутствием серии проколок, тронкированных прямовыемчатых пластин, комбинированных резцов-скребков. Таким образом, параллели Юровичам наблюдаются и в елисеевичской, и в мезинской индустрии, не находя полного соответствия орудийному комплексу. Можно лишь говорить об “отдаленном сходстве” памятников.

Мезинская стоянка

По данным И.Г. Шовкопляса [6, с. 115-130], количество кремневого материала стоянки составляет 113126 экз. (100%). В составе – дебитаж: 5661 экз. (5%), нуклеусы – 576 экз. (0,5%), пластины, в т. ч. с ретушью – 14828 экз. (13,1%), собственно орудийный набор насчитывает – 4429 экз. (3,9%). В состав инвентаря входят: резцы – 2609 экз. (59,2%, из которых три четверти – ретушные), скребки – 664 экз. (14,6%), косоретушные острия – 415 экз. (9,4%), проколки – 159 экз. (3,6%), микропластинки с притупленным краем – 317 экз. (7,2%), нуклеидные (99 экз.) и долотовидные (ок. 30 экз.) орудия.

Кремневый инвентарь Мезина в нашей работе представлен коллекциями МАЭ (№ 4268, 4269, 5799) из раскопок Ф.К. Волкова и его учеников (1916 г. ?). Массив исследования составили все предметы, кроме отобранных в экспозицию, всего 524 экз. (100%), из которых резцы – 312 экз. (59,54%), скребки – 22 экз. (4,20%), косо-пряморетушные острия (они же тронкированные пластины) – 64 экз. (12,21%), пластины с ретушью – 54 экз. (10,31%), проколки – 36 экз. (6,87%), резцы-острия – 18 экз. (3,44%), микропластины с ретушью – 7 экз. (1,34%), микропластинки с притупленным краем – 5 экз. (0,95%), долотовидные орудия – 6 экз. (1,14%).

Можно подвести некоторые итоги исследования мезинского орудийного набора.

1. Подавляющее число мезинских орудий изготовлено на пластинчатых заготовках при незначительном участии отщепов. Более 30 % орудий имеют остатки корки. Согласно И.Г. Шовкоплясу, мезинские орудия достигали в длину 7-8 и даже 9-10 см, хотя в нашей коллекции такие большие изделия не были представлены.

2. Мезинскую индустрию после проведенного анализа заготовок орудий со всем основанием можно отнести к правильной пластинчатой. Наиболее полно в изученной коллекции представлены технологические стандарты пластин-заготовок ретушных резцов и ретушированных пластин. Это средние по размерам пластины, наиболее массивные в проксимальной и медиальной частях. Причем для ретушированных пластин, судя по очень небольшому разбросу параметров в пределах группы, вероятно, производился более тщательный отбор заготовок. По сравнению с комплексом Елисеевичей, мезинские пластины-заготовки выглядят более “правильными”, с субпараллельными краями и огранкой. При этом и те, и другие в целом схожи по пропорциям. Но мезинские заготовки чаще, чем елисеевичские, бывают массивными в проксимальной части. Возможно, это объясняется какими-то различиями в первичном расщеплении. Так, например, в мезинской индустрии господствуют одноплощадочные нуклеусы при меньшей представленности двухплощадочных [6, с.119], в Елисеевичах же в равной степени представлены одно- и двухплощадочные ядрища [3, с. 124-126]. Впрочем, до комплексного технологического анализа обеих индустрий можно выдвигать на этот счет лишь гипотезы.

3. В отличие от многих памятников поздней поры верхнего палеолита, в Мезине большинство рабочих частей орудий с обработанными концами (резцы, скребки, острия и тронкированные пластины) сделаны не

на естественных концах заготовок, а на предварительно тронкированных. Мезинская вторичная обработка (в том числе и краевое ретуширование с преобладанием заведомо намеренной вертикальной ретуши), таким образом, в большей степени была направлена на усиленную модификацию первичных заготовок. Во многом с этим связано то обстоятельство, что мезинские косоретушные острия и тронкированные пластины, всегда разделяемые в типологической классификации, в данном случае выступают как единая категория инвентаря. С тем же феноменом, вероятно, связана форма известных мезинских двойных ретушных резцов в виде ромбов и трапеций, которые являются утилизированными и многократно подправленными по какой-то необходимости изделиями. На других памятниках они тоже представлены, но в меньшем объеме (особенно трапеции).

4. Несмотря на не очень большую представительность просмотренной коллекции, можно выделить в мезинском инвентаре еще одну категорию орудий, а именно ретушированные микропластинки, которые следует отличать от микропластинок с притупленным краем по характеру краевой обработки. Сами микропластинки с притупленным краем по обработке и форме в большинстве своем необработанных, чаще всего точечных концов, судя по публикации И.Г. Шовкопляса, больше всего похожи на елисеевичские. Хотя здесь присутствуют и микропластинки с притупленным краем и косоретушными завершениями концов.

5. Вторичная обработка, направленная на усиленную модификацию заготовок, "аномальное" в плане типологии положение мезинских проколов, отсутствие поперечной концевой обработки микропластинок с притупленным краем, долотовидные изделия на крупных пластинчатых заготовках – вот основные критерии выделения мезинского орудийного набора на фоне позднеловских памятников.

6. На протяжении многих лет определение культурной принадлежности мезинского комплекса остается дискуссионным. После исследований последних десятилетий становится очевидным, что орудийный набор Мезина так же, как и Супонева, не находит пока полных аналогов на фоне всего массива позднеловских памятников. Об отдельных чертах инвентаря Юровичской стоянки, схожих с мезинскими, мы упоминали в разделе, посвященном Елисеевичам. Мезинский инвентарь сравнивали со множеством комплексов, но наиболее достоверные схожие элементы с Мезином отмечены лишь в инвентаре стоянки Боршево 1 [22, с. 215]. По мнению М.В. Аниковича [8], основанному на сравнении форм резцов, острый типа шательперрон, скребков, комбинированных и долотовидных орудий обоих памятников, Мезин и Боршево 1 – памятники однокультурные. Рассмотрение этого вопроса требует отдельного исследования и здесь приведено лишь поверхностно: в Боршево 1 не представлены "культуроопределяющие" мезинские проколки и пряморетушные и выемчатые тронкированные пластины (они же острия), микропластинки с притупленным краем и косоретушными концами. С другой стороны, в Мезине нет боршевских микропластинок с поперечными скребковидными концами, в том числе типичных прямоугольников, а также такой выразительной в Боршево 1 серии наконечников с боковой выемкой. И те, и другие являются несомненным типологическим индикатором отнесения памятника к стоянкам, близким к восточно-граветтийскому культурному кругу. Столь же общее сходство мезинского кремневого инвентаря наблюдается и с набором слоя 3 Костенок 21, также граветтоидным. Здесь тоже нет мезинских проколов, но представлены близкие формы ретушных резцов, скребков и их комбинаций, как в Мезине и Боршево 1 [22, с. 202-209]. Присутствуют тронкированные пластины, в том числе и двойные. Более серийны, чем в Боршево 1, острия типа шательперрон (гмелинские ножи). И, что знаменательно, микропластинки с притупленным краем не имеют поперечных концов, но часто имеют мезинские формы скошенных проколковидных. При этом в слое 3 Костенок 21 кроме не находящих соответствия в Мезине наконечников с боковой выемкой гмелинского типа есть большая серия наконечников (?) на небольших пластинках с ретушированным черешком, представленная единицами и в деснинском памятнике, впрочем, последние явно сопряжены с "шательперронами" [6, с. 129-130]. Таким образом, Мезин по-прежнему остается уникальным комплексом. Однако типологическая связь отдельных черт мезинского кремневого инвентаря с доисскими комплексами Боршево 1 и слоем 3 Костенок 21 и через них с восточно-граветтийскими стоянками указывает на направление поиска культурных связей памятника.

Супоневская стоянка

По данным Н.А. Хайкуновой [5], кремневый набор Супонева всех лет раскопок составляет 29566 экз. (100%). В него входят предметы без следов намеренного расщепления – 252 экз. (0,9%), нуклеусы – 273 экз. (0,9%), нуклевидные обломки – 341 экз. (1,1%), сколы без вторичной обработки – 22918 экз. (77,5%) и предметы с вторичной обработкой – 5782 экз. (19,6%). Среди собственно орудийного набора выделяются: резцы – 2705 экз., с преобладанием ретушных (1474 экз.), скребки и скребковидные предметы – 1050 экз., проколки и острия – 501 экз., изделия типа "тронке" – 194 экз., микропластинки с притупленным краем – 102 экз., выемчатые и зубчатые орудия – 246 экз. О характере заготовок можно судить по краткому замечанию, что только «около половины орудий сделано на пластинах» [5, с. 11].

В нашей работе кремневый инвентарь Супоневской стоянки представлен совсем небольшой коллекцией из раскопок 1926 г. (МАЭ, № 5348). Всего учтено 145 изделий с вторичной обработкой (100%), из которых резцов – 95 экз. (65,52%), скребков – 8 экз. (5,52%), пластин с ретушью – 13 экз. (8,97%), проколов – 12 экз. (8,28%), тронкированных пластин – 7 экз. (4,82%), косоретушных острий – 3 экз. (2,07%) и микропластинок с притупленным краем – 7 экз. (4,82%).

Итоги анализа супоневского инвентаря сводятся к следующему.

1. Основная масса орудий изготовлена на пластинчатых заготовках с заметным участием отщепов. К сожалению, Н.А. Хайкунова, изучившая все материалы стоянки, данные о заготовках орудий привела лишь для резцов [23], из которых 1273 экз. сделано на пластинчатых заготовках и 989 экз. – на отщепах.

2. Более или менее определенные устойчивые виды заготовок орудий из-за крохотности коллекции можно определить лишь для категории ретушных резцов. Практически все эти орудия имеют массивные пропорции у проксимального конца заготовок, у участка, примыкающего к ударной площадке. Возможно, это связано с господствующей в индустрии Супонева торцовой техникой первичного раскалывания. Так или иначе, эта черта заготовок ретушных резцов, возможно, тоже относится к одной из особенностей комплекса. По данным Н.А. Хайкуновой, формы концов ретушных резцов распределяются следующим образом: поперечные – 114 экз., скошенные – 681 экз., включая пряморетушные – 191 экз., вогнуто-ретушные – 253 экз. и выпукло-ретушные – 237 экз. Таким образом, количественно преобладают резцы со скошенными концами, среди которых почти равным числом представлены вогнуто- и выпукло-ретушные, чуть меньше пряморетушные. Также можно сказать, что длина орудий из Супонева, согласно Н.А. Хайкуновой [5], чаще всего не превышает 3,5-5,5 см.

3. В инвентаре Супоневской стоянки помимо резцов супоневского типа можно найти еще один яркий компонент этой уникальной традиции, а именно набор скребков в разнообразнейших вариантах и формах. Среди других памятников деснинского палеолита большинство супоневских скребков в массовом варианте не встречается.

4. По мнению Н.А. Хайкуновой, супоневский кремневый инвентарь по своим технико-типологическим особенностям ближе всего к комплексу Мезина. Наиболее схожи с мезинскими проколки и зубчато-выемчатые изделия, т.е. категории, плохо в количественном выражении представленные в орудийных наборах остальных стоянок. Думается, что именно поэтому можно говорить о сходстве двух памятников, но не в типологическом, а в статистическом смысле. Супоневские проколки отличаются от мезинских большей представленностью срединных форм и меньшим разнообразием заготовок (в основном сделаны на пластинах). Так что типологически они больше похожи на тимоновско-юдиновские проколки. Зубчато-выемчатые орудия – категория достаточно аморфная и многокомпонентная в любом комплексе, поэтому присутствие или отсутствие ее в инвентаре верхнепалеолитического памятника, возможно, связано с какими-то функциональными моментами. В этом смысле параллели в индустриях Супонева и Мезина несомненны, так же, как и знакомство супоневцев с мезинским меандровым мотивом орнамента. Однако об однокультурности говорить сложно. В целом же можно присоединиться к выводам Н.А. Хайкуновой об уникальности и определенной культурной “замкнутости” Супонева среди верхнепалеолитических культур Русской равнины.

Стоянка Юдиново

Набор орудий вместе с обломками составляет 1852 экз., включая резцы – 707 экз., скребки – 688 экз., микропластинки с ретушью или следами использования – 75 экз., микропластинки с притупленным краем – 40 экз., другие микропластинчатые формы орудий – 32 экз. (в т. ч. 14 микроострий), пластины с тронкированным выемчатым концом – 17 экз., косоретушные острия и пластины со скошенным концом (в т. ч. из отщепов 2 экз.) – 87 экз., пластины с ретушью, краевыми выемками, а также “двойные” и “различные” – 64 экз., орудия с подтеской – 14 экз. (в т. ч. на пластинчатых заготовках 8 и на отщепах 6), проколки – 8 экз. (в т. ч. на пластинчатых заготовках 5 и на отщепах 3), скребла – 4 экз., ретушированные отщепы – 20 экз., отжимники – 2 экз. Таким образом, основные категории орудий стоянки составляют резцы, среди которых преобладают ретушные (445 экз.) на пластинчатых заготовках, и скребки, преимущественно на отщеповых заготовках. Всего на пластинчатых заготовках сделано 58,7% орудий, на пластинчатых отщепах – 7,8% и на отщепах – 22,2% орудий [24, с.75].

В нашей работе орудийный набор Юдиново 1 представлен коллекциями из раскопок 1980-1982, 1984-1985, 1987-1989 гг., из зачисток 1991 г. Всего учтено 589 экз. (100%), из которых резцы – 264 экз. (44,82%), скребки – 229 экз. (38,88%), скребки-резцы – 39 экз. (6,62%), косоретушные острия – 18 экз. (3,05%), микропластинки с притупленным краем – 17 экз. (2,89%), микропластинки с концевой ретушью – 10 экз. (1,70%), тронкированные пластины – 7 экз. (1,19%), пластины с ретушью – 5 экз. (0,85%). К сожалению, эти подсчеты неполны, т.к. классификация юдиновского инвентаря проводилась нами за 3 года до написания данной работы. Она осуществлялась без учета обломков орудий. Поэтому сопоставление с другими тремя комплексами возможно с использованием лишь самых общих параметров.

Итогом изучения кремневого инвентаря Юдиновской стоянки явились следующие выводы.

1. Подавляющая часть просмотренных коллекций комплекса (335 экз.) изготовлена на небольших пластинах (пластинках) и микропластинках (110 экз.), в меньшей степени на отщепах (225 экз.). Последнее реализуется в основном за счет скребков.

2. Небольшие стандартизированные размеры заготовок основных категорий орудий способствовали минимализации вторичной обработки. Большинство орудий не имеет краевой ретуши; концевая отделка сведена к нескольким косо-пряморетушным и скребковидным формам. Орудия изготавливались преимущественно на целых заготовках и естественных концах пластин.

3. Самой массовой и самой выразительной категорией юдиновского инвентаря являются резцы, как и на многих других позднелесовых памятниках. Среди них обращают на себя внимание особенности ретушных резцов, большинство которых (порядка 60%) имеют скошенные дугообразные концы, редко образующие углы с краями.

4. Среди скребков выделяются изделия подчетырёхугольных очертаний, преимущественно сделанные на отщепах, с углами между спрямленным лезвием и краем, подчеркнутые крутой и вертикальной ретушью. Забитость на этом участке у отдельных орудий, возможно, говорит об использовании его в качестве рабоче-

го элемента. В трасологическом анализе скребки этой группы, к сожалению, не участвовали [24, с. 138-158], и проверить эти соображения пока нельзя. Возможно, это будет сделано в будущем.

5. Наиболее близкие аналоги комплексу кремневой и костяной индустрии Юдиновской стоянки, как уже неоднократно отмечалось в литературе, обнаруживаются в Тимоновке 1 (особенно 1 комплексе) и Тимоновке 2. Однако в орудийном наборе можно найти и ряд различий, которые в дальнейшем при более подробном сравнении могут обозначиться еще резче. Так, в тимоновских стоянках преобладают скребки на пластинах, а не на отщепках. Значительно лучше представлены в Тимоновках (особенно в 1-й) микропластинки с притупленным краем и поперечной ретушью на концах. Больше там проколов и косоретушных острий [25, с. 101-110]. Подобные различия, однако, по мнению Л.В. Греховой, объясняются развитием тимоновско-юдиновской культуры во времени. Здесь мы имеем дело с изменением отдельных технологических стандартов заготовок (отщепы-пластины) и разным соотношением групп инвентаря. Касаясь других памятников, предварительно отнесенных к данной археологической культуре (Карачиж, Бугорок, Чулатово 2, Борщево 2), можно лишь отметить, что еще достаточно мало данных для столь уверенной их атрибуции. Так, присутствие в немногочисленном наборе стоянки Карачиж комбинированного орудия типа ретушный резец-скребок на пластине длиной 6 см и шириной 2 см [26, с. 10] может поставить под сомнение близость комплекса тимоновско-юдиновскому инвентарю, где подобные изделия сделаны в основном на отщепках. Своеобразие комплексу Борщево 2 придают пластины с одним целиком притупленным краем или "острия типа шательперрон", находящие лишь единичные аналоги в тимоновско-юдиновском наборе [27]. Однако схожий облик и общий состав инвентаря указанных памятников позволяют объединять их в одну культурно-типологическую (и хронологическую?) группу.

Черты сходства по отмеченным надкультурным признакам с рассмотренными комплексами имеют достаточно полно изученные донские стоянки – Костенки 2, Борщево 2. Спецификой Костенок 2 вместе с менее представительными комплексами Костенок 3 и Костенок 19, отнесенными к замаятинской культуре, является широкое использование наряду с меловым цветного кремня плохого качества. Последнее сильно влияло на особенности расщепления и формы орудий. Кроме того, в комплексе доминируют разнообразные доловидные формы, нуклеидные резцы. Отсутствуют типичные микропластинки с притупленным концом, вместо которых наличествуют своеобразные изделия на нестандартизированных заготовках с притупленной контрударной ретушью спишкой. Однако, учитывая, что среди ретушных резцов (порядка 40 экз.) представлены изделия с поперечными и выемчатыми концами, есть группа острий с дугообразно ретушированным краем, можно хронологически сопоставить комплекс с ранними финальноваддайскими памятниками типа Мезина. Напротив, в орудийном наборе Борщево 2 более половины ретушных резцов имеют скопелные, выпуклые концы [27], острия с дугообразно ретушированным краем сделаны на небольших пластинках, которые представляют переходные формы с микропластинками с притупленным краем. Среди последних есть изделия с поперечными и скребоквидными концами. Типологический облик в совокупности с имеющимися абсолютными датами позволяет соотнести Борщево 2 со второй хронологической группой памятников.

Кремневый орудийный набор четырех рассмотренных памятников в достаточно большой степени может отражать, с нашей точки зрения, пестроту культурных традиций поздней поры верхнего палеолита региона. С одной стороны, нами просмотрены коллекции наиболее уникальных деснинских комплексов, не имеющих аналогов, по представлениям многих исследователей (Елисеевичи, Мезин, Супонево). С другой стороны, в изученный массив попал инвентарь Юдиновской стоянки, который, опять же по устойчивым представлениям, обладает чертами сходства с целым рядом поздневаддайских памятников Десны и вообще среднеднепровского бассейна, то есть, фактически, попадает в разряд типичных для конца верхнего палеолита центральной части Русской равнины. Опираясь на данные положения, попытаемся сравнить комплексы между собой, а также с другими синхронными памятниками Русской равнины.

1. На уровне сравнения технологических стандартов заготовок все четыре комплекса обнаруживают как черты сходства, так и различия (рис. 1, 2). Во всех памятниках преобладают орудия, изготовленные на пластинчатых заготовках, длина которых варьирует в пределах 20-60 мм. Лишь метрические параметры елисеевичского инвентаря выбиваются из этих цифр. В Елисеевичах небольшая группа орудий достигает в длину 90 мм. Несомненно, что это можно объяснить спецификой первичного раскалывания кремня на памятнике, связанной с использованием полых желваков цилиндрической формы и массивностью скальвавшихся с них нестандартизированных пластинчатых заготовок. Последнее проявляется и в параметрах орудий на микропластинках, некоторые из которых в длину превышают 60 мм, при том, что подобные изделия в большинстве деснинских комплексов редко превышают в длину 35 мм. Если взглянуть на преобладающую длину орудий на пластинчатых заготовках четырех комплексов, то выявляются интересные параллели. Например, преобладающая длина орудий на пластинчатых заготовках Мезина (40-51 мм) в принципе сопоставима, но все же отличается от таковой в Елисеевичах (46-60 мм), а в Супоневе (37-46 мм) и Юдинове (37-47 мм) схожа. Возможно, большая, чем представленная в нашей работе, выборка орудий из этих памятников скорректирует данные обмеров, но сами по себе они указывают на особенности, которые могут оказаться культуроопределяющими. При более близком рассмотрении специфика комплексов проявляется на уровне чисто технологических признаков. Так, даже не касаясь вопросов параллельности огранки или углов скалывания, можно сделать интересные наблюдения. При сравнении орудий с сохранившейся ударной площадкой выясняется, что в Елисеевичах преобладают линейные ударные площадки над точечными (271 против 186 экз.), а в трех остальных комплексах, наоборот, – точечные над линейными: в Мезине – 76 против 57 экз., Супоневе – 29 против 21.

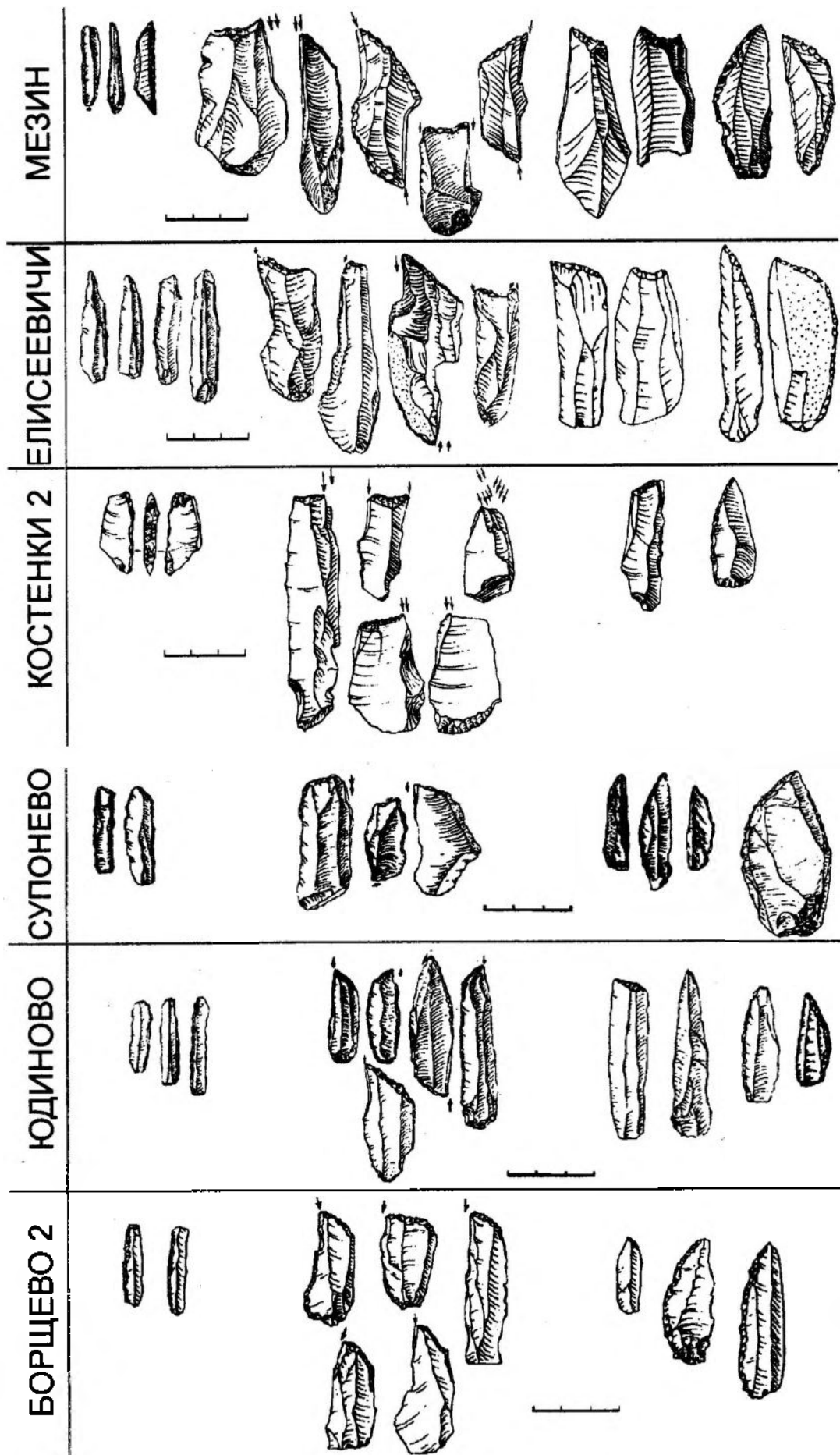

Рис. 1. Некоторые морфологически устойчивые типы орудий 1-й группы поздневалдайских памятников

Рис. 2. Некоторые морфологически устойчивые типы орудий 2-й группы поздневалдайских памятников

Из-за несовершенной методики подсчеты форм ударных площадок юдиновского инвентаря не проводились, но, по нашим собственным наблюдениям, а также представлениям З.А. Абрамовой [24, с.5], здесь также преобладают точечные ударные площадки. Линейные ударные площадки свидетельствуют о так называемом неконусном расщеплении кремня, тогда как точечные – о типично конусном верхнепалеолитическом, которое, по общему мнению, является господствующим к финалу верхнего палеолита. Поэтому комплекс Елисеевичей и в этом случае выделяется особенностями первичного раскалывания. В целом же конусное расщепление может, по-видимому, считаться характерным признаком верхнепалеолитических индустрий, по крайней мере Центра Русской равнины, района Десны. Относительно преобладающих форм можно судить по рассмотренным выше пропорциям орудий у орудийного набора трех памятников. В Елисеевичах в целом превалируют изделия наиболее широкие и толстые в медиальной части, с отдельными отклонениями на уровне групп орудий. В мезинском инвентаре прослеживается такая же тенденция, но у части орудий самый массивный участок чаще тяготеет к проксимальному концу. И, наконец, в Супоневе присутствуют изделия как наиболее широкие и толстые в средней части, так и с ярко выраженным массивным проксимальным концом. Таким образом, преобладающая общая форма тех или иных орудий в каждом комплексе достаточно индивидуальна, но схожие тенденции прослеживаются во всех. Каждой эпохе верхнего палеолита скорее всего свойственны какие-то общие закономерности технических стандартов заготовок и форм изделий из них. Сходство и тех и других в рассмотренных поздневалдайских памятниках указывает на эти закономерности, а различия – на степень близости в культурном и временном диапазоне коллективов людей, их оставивших, приемах их адаптации к местному сырью и условиям. Общий облик заготовок и форм орудий поздневалдайских комплексов резко отличается от таковых предшествующей граветтской эпохи.

2. Интересные результаты дает сравнение описанных комплексов на уровне вторичной обработки орудий. Краевая обработка (за исключением пластин с ретушью) в большей степени оказалась характерна для Мезина и Супоневы и в меньшей – для Елисеевичей и Юдинова. Причем для первых двух стоянок – это преимущественно вертикальная и крутая ретушь, а для последних – крутая и мелкая крутая. Другую роль играет подготовка заготовок к обработке концов. Здесь во всех комплексах преобладает вертикальная ретушь. Однако охват ретушью конца и прилегающего участка края, а также форма ретушированного конца (особенно по категории ретушных резцов и в меньшей степени скребков) дает иные сочетания. Так, переход ретуши с конца на край как отдельный прием обработки распространен в Мезине, Юдинове и сравнительно редок в Елисеевичах и Супоневе. Поперечные прямоскошенные ретушные концы количественно превалируют в Мезине и Елисеевичах. В юдиновском инвентаре они тоже представлены, но преобладают дугообразные выпукло-ретушные. Особняком в этом плане стоит супоневский комплекс, где половина ретушных резцов составляют трансверсальные супоневского типа, имеющие переходные формы с настоящими ретушными резцами. Но, судя по публикации Н.А. Хайкуновой [23, с.125-128], дугообразные выпукло-ретушные концы здесь имеют не менее трети изделий. Таким образом, как по особенностям первичного расщепления, так и по вторичной обработке среди проанализированных четырех деснинских комплексов наблюдаются и определенные сходство и различия.

3. После рассмотрения особенностей кремневого инвентаря Елисеевичей, Мезина, Супоневы и Юдинова нам кажется целесообразным попытаться определить их положение в периодизации индустрий поздней поры верхнего палеолита Верхнего Поднепровья и Русской равнины. Ряд признаков, в целом подтверждаемых и данными радиоуглеродного датирования, позволяет, с нашей точки зрения, выделить по крайней мере две отличные друг от друга в культурно-хронологическом отношении группы памятников. В наиболее раннюю (рис. 1), которая хронологически может быть сопоставлена со временем окончания максимального похолодания валдайского оледенения, из рассмотренных памятников попадают Мезин и Елисеевичи 1, Елисеевичи 2, Юровичи. Их общие черты проявляются в достаточно крупных размерах основной массы орудий на пластинчатых заготовках, широком использовании концевой тронкирующей ретуши, господстве поперечных прямо-косоретушных концов среди острий и ретушных резцов, микропластинках-остриях с притупленным краем без скребковидных поперечных концов. В другую — позднюю — группу (рис.2) попадают Юдиново и, с определенными оговорками, Супоневы, а также Тимоновка 1-2, Карачиж, Чулатово 2, Бугорок, Чернетово. Для них характерны небольшие размеры основной массы орудий, меньшее значение тронкирующей концевой ретуши, значительная (в Юдинове преобладающая) роль дугообразных выпукло-ретушных концов, присутствие микропластинок с притупленным краем и скребковидными поперечными окончаниями наряду с микроостриями с притупленным краем. Промежуточное положение между двумя группами по типологическому облику инвентаря, вероятно, занимают Косица и Коршево 2, сочетающие как крупные орудия и прямо-косоретушные концы, так и микропластинки с притупленным краем и скребковидными окончаниями. В хронологическом отношении они, вероятно, соответствуют той же группе, являющейся, по археологическим данным, более поздней, завершающей палеолит Среднерусской возвышенности [28, с. 30-31]. Такая группа комплексов носит, по нашему мнению, не культурный, а именно культурно-хронологический, определенный “стадиальный” характер (об этом же писал и И.Г. Шовкопляс [6, с. 300]). В плане параллелей в орудийном наборе памятников сквозные связи наблюдаются между комплексами обеих групп. Так, многочисленные мезинские проколки и пластины с вертикально притупленным краем находят параллели только в Супоневе. С другой стороны, близки мезинским формы двойных ретушных резцов и комбинированных резцов-скребков Юдиновской стоянки, Межиричей и Добраничевки. Выделенная в нашей работе категория микропластинок с очень мелкой краевой ретушью, образовавшейся от интенсивного ис-

пользования, в составе елисеевичского инвентаря, возможно, имеет соответствия и в других комплексах. Эта очень часто недостаточно подробно описываемая категория присутствует во многих поздневалдайских стоянках. В частности, ретушированные микропластинки хорошо представлены в Юдинове [24, с. 50], есть в Супоневе и Мезине. То есть эти микроорудия могут быть очень обычным явлением в конце верхнего палеолита, являясь свидетельством широчайшего распространения вкладышевой техники уже “мезолитического” облика.

4. Таким образом, на материалах деснинских стоянок поздневалдайского времени прослеживается членение комплексов на две группы — раннюю и позднюю — на основании сходства орудийных наборов на техноморфологическом уровне. При этом существуют типологические и культурные связи комплексов как внутри каждой из группировок, так и пронизывающие обе, и в пределах деснинского региона, и с памятниками других территорий. Последнее указывает на возможность членения массива поздневалдайских памятников не только района Десны, но и соседних регионов. Черты первой и второй группировок можно найти в комплексах смежных районов бассейнов Днепра и Дона.

Суммируя выразительные признаки кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита и представления об абсолютном возрасте памятников на Русской равнине, можно представить самые общие результаты в следующей таблице.

Таблица 1. Периодизация основных поздневалдайских памятников приледниковой области Центра Русской равнины

	1-я хронологическая группа	2-я хронологическая группа
Основные черты кремневого инвентаря	<ol style="list-style-type: none"> 1. Достаточно крупные размеры основной массы пластинчатых заготовок орудий (дл. до 6-7 см, иногда и более) 2. Прямо-косоретушные, реже дугообразные, тронкированные формы концов ретушных острий и резцов, часто выемчатые, образующие углы с краями, редко выпуклые 3. Микропластинки с притупленными краями и естественными концами, реже острийными завершениями 4. Острия типа шательперрон на пластинчатых заготовках, часто с прямо ретушированным нижним концом, а также смежная с ними категория пластин с притупляющей краевой ретушью 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Небольшие размеры основной массы пластинчатых заготовок орудий (в среднем дл. 4-5 см) 2. Дугообразные выпукло-ретушные формы концов ретушных острий и резцов, не образующие или образующие сглаженные углы с краями, при устойчивом присутствии прямо-косоретушных 3. Микропластинки с притупленными краями и поперечными скребковидными окончаниями, естественными концами, редко с острийными завершениями 4. Острия типа микрошательперрон или сегментовидные, немногочисленные, в основном на микропластинках
Памятники	Мезин, Елисеевичи 1-2, Юровичи, Костенки 11 (1а) (?), Костенки 3, Костенки 21 (1), Костенки 19, Кирилловская (?)	Юдиново, Тимоновка 1-2, Бугорок, Супонев (?), Чулатово 2, Межиричи, Добраничевка, Гонцы, Борщеве 2, Карачиж, Чернегово, Косила (?)
Возможная датировка	Конец максимума похолодания валдайского оледенения - поздневалдайское время (17/16-15/14 тыс. л.н.)	Финальный Валдай и позднеледниковье (15/14-14/13 тыс. л.н.)

Выделение по техноморфологическим критериям двух хронологических групп поздневалдайских памятников позволяет найти точки соприкосновения граветтоидных и более поздних комплексов. Сходство кремневого инвентаря Мезина с граветтоидными орудийными наборами Борщеве 1 и Костенок 21(3), реалистичная женская статуэтка и мергелевая пластика Елисеевичей 1, Костенок 4 (1), орудия типа ножей шательперрон, иногда с ретушированным основанием, встреченные в большинстве ранних комплексов (вариант аносовско-гмелинских и пушкаревских острий), указывают на определенные элементы, дожившие до финальновалдайского времени. Формирование культур позднеледниковья, по-видимому, многокомпонентно и уходит корнями во время максимального валдайского похолодания — период, который определяет дискретность развития двух этапов историко-культурной общности охотников на мамонтов.

Резюмируя, можно определить основные черты развития кремневого инвентаря памятников поздней поры верхнего палеолита Центра Русской равнины. На первом этапе в комплексах преобладают орудия на крупных и средних по размерам пластинах, присутствует небольшая, но устойчивая серия острий на пластинчатых заготовках с дугообразно ретушированным краем и иногда с поперечно оформленным или черешковидным основанием; микропластинки с притупленным краем имеют естественные, редко острийные завершения; широко распространен прием усечения ретушью концов орудий — среди резцов и острий преобладают поперечные скошенные и выемчатые формы концов; представлены долотовидные изделия и связанный с ними прием вентральной обработки концов. На втором этапе большинство орудий изготовлено на средних и мелких пластинчатых заготовках; острия с дугообразно ретушированным краем сделаны преимущественно из микропластинок; среди микропластинок с притупленным краем устойчивой серией представлены прямоугольники с поперечно ретушированными 1-2 концами; острия, ретушные резцы изготовлялись в основном на естественных концах заготовок, часто имели выпукло-ретушную форму; вентральная обработка почти не практиковалась, долотовидные формы представлены, но немногочисленны. В общем и целом, динамика развития кремневого инвентаря памятников на протяжении поздней поры верхнего палеолита заключается в уменьшении размеров заготовок и упрощении приемов вторичной обработки орудий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладыж М. И. Поздний палеолит лесостепного Поднепровья: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1973.
2. Грехова Л. В. Тимоновские стоянки и их место в позднем палеолите Русской равнины: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1970.
3. Грехова Л. В. Кремневый комплекс стоянки Елисейевичи // СА. 1987. № 4.
4. Первообытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисейевичи / А. А. Величко, Л. В. Грехова, Ю. Н. Грибченко, Е. И. Куренкова. М., 1997.
5. Хайкунова Н. А. Кремневый инвентарь стоянки Супонево (и ее место в палеолите Десны): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985.
6. Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.
7. Гаверилава К. Н. Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок позднелвалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994.
8. Ашикович М. В. Днепро-Донецкая историко-культурная область охотников на мамонтов: от "восточного граветта" к "восточному эппиграветту" // Восточный граветт. М., 1998.
9. Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
10. Поликарпович К. М. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.
11. Филиппов А. К. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Западной Европы. М., 1977.
12. Станко В. Н., Григорьева Г. В. Исследование памятников каменного века на р. Ингул // Древности Приингуля. Киев, 1977.
13. Станко В. Н., Григорьева Г. В., Швайко Т. Н. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев, 1989.
14. Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. Верхнепалеолитическое поселение Золотовка I на Нижнем Дону. СПб., 1996.
15. Сопожников И. В. К характеристике аккаражанской культуры // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989.
16. Грехова Л. В. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Елисейевичи // БКИЧП. № 59. 1990.
17. Тарасов Л. М. Изучение палеолита Верхней Десны // АО-1980. М., 1981.
18. Тарасов Л. М. Позднепалеолитическая стоянка Косица // КСИА. Вып. 165. 1981.
19. Грехова Л. В. Позднепалеолитическая стоянка Елисейевичи 2 // СА. 1985. № 1.
20. Будько В. Д. Палеолит // Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970.
21. Ксензов В. П. Палеолит и мезолит белорусского Поднепровья. Минск, 1988.
22. Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. Л., 1982.
23. Хайкунова Н. А. Резцы верхнепалеолитической стоянки Супонево (Опыт классификации) // РА. 1992. № 2.
24. Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб., 1997.
25. Величко А. А., Грехова Л. В., Губонина З. П. Среда обитания первообытного человека тимоновских стоянок. М., 1977.
26. Грехова Л. В. Верхнепалеолитическая стоянка Карачиж // Тр. ГИМ. Вып. 40. М., 1966.
27. Цыганов Ю. Ю. Стоянка Боршево 2 и ее место в палеолите Восточной Европы. СПб., 1995.
28. Тарасов Л. В. Палеолит бассейна Десны: Автореф. дис... докт. ист. наук. Л., 1991.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

S.N. Lisitsyn

THE DYNAMICS OF THE FLINT INVENTORY DEVELOPMENT OF THE LATE VALDAY CULTURE SITES IN THE CENTRE OF THE RUSSIAN PLAIN GLACIAL AREA

Summary

The paper discusses the fundamental problems of the flint inventory development and chronology of the main Late Valdai sites in the centre of the Russian Plain. The sites are dated to the 17 – 12 millennia BC and have been interpreted differently in literature. They are considered to be either diverse synchronous culture groups or the global Eppigravettian phenomena. The main problem is their chronology based on flint tools typology. General tools types are short in number: scrapers, burins (mainly truncated), points and backed microblades. The apparent constant types assemblage had existed for about 5 thousand years, which obstructs the observation of the typology dynamics. The author has tried to trace the morphological distinctions within the same tools types assemblage at the same time paying attention to tool blanks and variants of end treatment. 4 flint complexes of the sites of Mezin, Eliseyevitchy, Suponevo and Yudinovo were considered from this point of view and were compared with other assemblages. The result of analysis is the division of all the sites into 2 apparently asynchronous groups different in tools typology. The earliest one which contains tools inventory made on blades of long or medium length, truncated burins with transversally retouched ends, backed microblades with untreated ends and shatelperron points. The younger group tools inventory was made on blades of medium and small length, truncated burins with obliquely retouched ends, backed microblades with transversally retouched ends and microshatelperron points. Thus the dynamics of the flint inventory development led to blanks diminishing in size and to standardization of treatment.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

Е.В. Булочникова

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ АВДЕЕВО

Авдеевская палеолитическая стоянка исследуется в общей сложности 30 лет. В процессе работ на этом памятнике была создана оригинальная методика изучения элементов культурного слоя. Необходимость в поиске иных, чем ранее было принято, подходов к исследованию памятника была во многом обусловлена самим характером культурного слоя Авдеевской стоянки, до сих пор не имеющего аналогов (за исключением, быть может, недавно открытой Зарайской стоянки) среди верхнепалеолитических памятников Русской равнины. Однако говорить о формировании новой методики можно только начиная с 1972 г., когда экспедиция под руководством М.Д.Гвоздовер и Г.П.Григорьева приступила к раскопкам нового объекта Авдеево. Что касается старого объекта Авдеево, исследовавшегося в 1946-1949 гг., то, несмотря на отличие этого памятника по основным свойствам культурного слоя от известных тогда стоянок, его изучение велось без внесения каких-либо корректировок в существующую в те годы методику ведения раскопок палеолитических стоянок. М.В.Воеводский (1946-1948 гг.) раскапывал Авдеево тем же способом, что и деснинские стоянки. А.Н.Рогачев (1949 г.) использовал для Авдеево методику, отработанную в Костенках М. Причины того, что ни тот, ни другой исследователь не привели методику раскопок в соответствие с новой ситуацией, отчасти заключаются в неблагоприятном для памятника стечении обстоятельств. В первые годы исследования Авдеево (1946-1947 гг.) М.В.Воеводский считал, что культурный слой стоянки переотложен, так как он залегал достаточно низко относительно уровня реки, и, следовательно, по мнению М.В.Воеводского, вмещающие культурный слой отложения должны были быть много моложе. Исходя из этих представлений и происходила разборка культурного слоя, и не было причин для изменения концепции исследования памятника [1; 2]. В 1948 г., когда стало ясно, что культурный слой стоянки залегает *in situ*, М.Д.Гвоздовер участие в раскопках не принимала, М.В.Воеводский был тяжело болен и не мог в полной мере отслеживать работы на памятнике, вскрытом к тому же в тот год на большой площади — 420 кв.м (раскопки носили аварийный характер, так как в непосредственной близости от стоянки предполагалось строительство колхозной электростанции, и практически все силы и средства Деснинской экспедиции были брошены на раскопки Авдеево (см. отчет М.В.Воеводского за 1948 год). Что касается А.Н.Рогачева, направленного ИИМК после смерти М.В.Воеводского на доисследование Авдеевской стоянки, то, с одной стороны, ИИМК ограничил работы одним сезоном, с другой стороны, сам А.Н.Рогачев был заинтересован в скорейшем завершении работ на стоянке и возвращении к прерванным раскопкам в Костенках. В течение одного полевого сезона (1949 г.) А.Н.Рогачев оконтурил ранее изученный участок большим по площади раскопом (335 кв. м), исследовал его и тем самым завершил работы на стоянке, посчитав полевое изучение объекта окончанным.

Методика раскопок, сложившаяся к 1939 г. в Костенках и примененная в Авдеево, представлялась тогда прогрессивной и универсальной, ее разработка была связана с именем П.П.Ефименко. Основные положения методики были следующими: вскрытие памятника широкой площадью, оставление на местах всех важнейших находок, акцентировка на расчистке древнего пола жилья, а не культурного слоя, который П.П.Ефименко рассматривал лишь как наплыв, возникший в результате разрушения объектов [3]. Палеолитическое поселение рассматривалось как исторический, а не археологический источник.

В методических подходах М.В.Воеводского и А.Н.Рогачева можно отметить как сходства, так и отличия. В качестве одной из важных задач при изучении памятника оба исследователя ставили выявление “контуров культурного слоя в плане”, т.е. границ его распространения [4; 5; 6], однако решали эту задачу несколькими отличными способами. А.Н.Рогачев (вслед за П.П.Ефименко) считал, что для достижения этой цели необходимо вскрыть стоянку на максимально большой площади, “по возможности с полным исчерпанием данной линзы культурного слоя” [6]. М.В.Воеводский для выявления границ культурного слоя предпочитал закладывать многочисленные шурфы (как это было в Авдеево в 1946-1947 гг.) и траншеи (как это было при исследовании некоторых деснинских стоянок). Вскрытие большой площади производилось им не одновременно, а последовательно сменяемыми участками (см. раскопки Авдеево, Чулатово II). М.В.Воеводский считал, что оптимальная площадь раскопов “в зависимости от обстоятельств” должна составлять от 100 до 400 кв. м, отмечая, что “...нельзя ... увлекаться особенно грандиозными раз-

мерами раскопок, так как для целого ряда стратиграфических наблюдений необходимо на площади стоянки иметь несколько правильных вертикальных разрезов” [4, с.83].

Методика раскопок большими площадями позволяла, по мнению исследователей, выявить взаимные связи между элементами культурного слоя [7; 5; 6]. Решению этой задачи способствовало, по мнению М.В.Воеводского [4, с.84], наблюдение за передвигающимся профилем (профиль, получаемый “проведением расчистки вертикальными срезами (лопатай) по одной линии на всю длину раскопа”).

Второй, не менее важной, задачей считалось установление верхней и нижней границ культурного слоя. Эти границы, как правило, были неустойчивы, так как культурный слой стоянок обычно залегал в достаточно однородных слоях лёсса, “на большей части площади по структуре и окраске не выделялся от подстилающей и перекрывающей породы и часто определялся лишь по горизонту залегания находок” [4, с. 82]. Так было на деснинских стоянках и в Костенках. Вероятно, в силу этого ни М.В.Воеводский, ни А.Н.Рогачев не ощутили исключительности культурного слоя Авдеево, чьи границы совпадали с литологическими границами вмещающей породы. Верх и низ культурного слоя Авдеево были установлены обычным способом – по насыщенности слоя находками. При разборке культурного слоя приоритет был за находками и их взаиморасположением. Они оставлялись на местах и тщательно фиксировались на плане. Вмещающая толща вызывала меньший интерес и не рассматривалась в качестве самостоятельного полноценного археологического источника. Даже сделав важное наблюдение, что на отдельных участках культурный слой Авдеево имеет сложную структуру, а находки располагаются “ярусами”, А.Н.Рогачев не придал этому наблюдению должного значения, считая, что в подобных случаях речь может идти о переотложенном культурном слое [5, с. 144].

Методические (технические) приемы раскопок, применяемые А.Н.Рогачевым, отличались от таковых у М.В.Воеводского и оценивались самим А.Н.Рогачевым как более передовые. В частности, А.Н.Рогачев не применял практиковавшегося М.В.Воеводским способа разборки культурного слоя и заполнения ям условными горизонтами при помощи тонких вертикальных срезов лопатой, с последующей зачисткой лопатой. “Способ “вычерпывания” заполнения ям (вместо его разборки условными горизонтами с прокапыванием и материка – прим. автора) – писал А.Н.Рогачев – наиболее выгоден для сохранения общей картины поселений” [6]. А.Н.Рогачев критически отнесся и к натуральным разрезам М.В.Воеводского, которые тот получал путем “врезывания” скопления находок по границам вскрываемых участков (этот прием практиковался в Авдеево) и путем разборки ям половинками (этот способ разборки ям в Авдеево не применялся) [4, с. 48]. Он считал, что натуральный разрез при разборке заполнения ям может отвлекать внимание исследователя от других важных деталей. Разрез ямы составлялся по мере ее разборки и наблюдений за заполнением в разных сечениях [5; 6].

Как бы то ни было, описание ям у М.В.Воеводского, А.Н.Рогачева и у многих других исследователей представляет собой, как правило, описание обнаруженных там находок и их интерпретацию (яма-хранилище, землянка и т.п.), в редких случаях дополненное замечанием о характере самого заполнения.

Важный вклад в исследование культурного слоя Авдеево внес А.И.Москвитин [8], который одним из первых поставил вопрос о сочетании природных и антропогенных факторов на палеолитических стоянках. Однако его наблюдения над мерзлотными деформациями культурного слоя и подстилающих пород в Авдеево получили свое полное развитие много позже, на новом этапе исследования стоянки. Изучение естественных и антропогенных факторов, влияющих на процесс образования и деформации культурного слоя, стало основной целью дальнейших разработок для исследователей нового объекта Авдеево – М.Д.Гвоздовер (ученица М.В.Воеводского) и Г.П.Григорьева (ученик А.Н.Рогачева).

С 1940-х гг. совершенствование методики исследования палеолитических стоянок происходило, в основном, за счет естественно-научных дисциплин. Каких-то существенных изменений в собственно археологических подходах к культурному слою в отечественном палеолитоведении не произошло.

Основной установкой на новом этапе исследования Авдеево стал отказ от ранее применяемой как М.В.Воеводским, так и А.Н.Рогачевым методики изучения культурного слоя. Особенности культурного слоя стоянки требовали разработки иной стратегии раскопок, что и явилось одной из главных задач с первых дней работы на памятнике. Прежде всего была уточнена стратиграфия стоянки. Важным результатом первых лет раскопок было установление того, что границы культурного (вне ям) и литологического слоев совпадают. Вследствие этого определение верха и низа культурного слоя стало производиться не по находкам, а по геологическим границам. В дальнейшем на участках с ненарушенной стратиграфией это не составляло особого труда.

Было высказано предположение, что культурный слой на новом объекте был почти сразу запечатан перекрывшим его песком и что естественные причины, вызвавшие образование этого прослоя песка, явились одновременно и причиной оставления людьми поселения (см. полевые отчеты).

Г.П.Григорьев выступил против механического расчленения культурного слоя на условные горизонты. Взаимосвязь всех элементов культурного слоя позволила рассматривать его как конечную (ограниченную) совокупность материала [9]. При этом внутри объекта литологически выделяемый слой супеси (слой 5 по авдеевской номенклатуре) стал рассматриваться как культурный слой независимо от степени его окраски (выделяются, в частности, окрашенная и неокрашенная разновидности культурного слоя) и насыщенности культурными остатками.

Одним из самых распространенных был прием исследования, когда все находки оставлялись на останках, что демонстрируют материалы раскопок М.В.Воеводского в Авдеево, М.Д.Гвоздовер в Каменной Балке,

П. П. Ефименко и А. Н. Рогачева в Костенках. А. Н. Рогачев писал, что “нельзя без острой необходимости удалять хорошо расчищенные и документированные находки...” [6, с. 8]. Этот прием некоторое время практиковался и в Авдеево (новый объект), однако уже через несколько лет раскопок исследователи памятника от него отказались, так как пришли к выводу, что “... в погоне за наглядностью теряется большое количества кремня... и костных остатков” [9, с. 22]. Характер культурного слоя Авдеевской стоянки позволял выявлять скопления находок и особенности микрорельефа, не прибегая к останцам.

Культурный слой Авдеевской стоянки имеет сложную структуру. Особенно это характерно для центральной части стоянки, где он состоит из прослоев различной мощности, окраски и конфигурации. Прослой, как правило, ведут себя по-разному и не имеют большой протяженности. Г. П. Григорьев предложил рассматривать их как отражение неких однократных событий. “Культурный слой отражает картину постепенного образования этой толщи с некоторыми кратковременными событиями” (см. полевые отчеты). Каждый участок культурного слоя Авдеево так или иначе отличен от соседнего – по мощности, структуре, степени деформации, окрашенности и т. п. Установлено, что образование культурного слоя в Авдеево было постепенным и длительным и отразилось как в микростратиграфии, так и в планиграфии. Это, следовательно, может быть прочитано (так же, как и нарушения культурного слоя по естественным причинам). Накопление культурного слоя есть совокупность нескольких процессов: естественного накопления слоя, вмещающего культурные остатки, и накопления костей, угля и пр. Эти процессы можно вычленивать, если, например, сравнивать обжитую часть и периферию.

Таким образом, значительное место при исследовании стоянки Авдеево (новый объект) было отведено микростратиграфии — рассмотрению слоев и прослоев в их взаимном отношении с целью изучения процесса накопления слоев, прерываемого нарушениями.

Стоянка с самого начала стала исследоваться небольшими площадями с оставлением многочисленных бровок, позволявших наблюдать и точно фиксировать любые изменения в структуре культурного слоя. С накоплением наблюдений необходимость в слишком большом количестве разрезов отпала, так как это затемняло общую картину. Решено, что бровки необходимо оставлять там, где это нужно для понимания данной конкретной ситуации; стали также ясны преимущества полного разреза (от верха культурного слоя и даже с уровня непосредственно перекрывающего его прослоя) перед разрезами, в которых отражена только часть слоя. Оставление бровок через углубления и отдельные участки культурного слоя — не дань методике исследования палеолитических памятников, не необходимая формальность, в ряде случаев ориентированная на геологов и направленная на отображение общей стратиграфической ситуации, где культурный слой очень часто изображается в виде нерасчлененной толщи. Речь идет о том, что бровки, которые ставятся по мере необходимости, а не по формальному принципу, несут в себе информацию, анализ которой, собственно, и позволяет рассуждать о взаимосвязи объектов, характере деятельности, смене назначения того или иного углубления или участка стоянки.

Анализ совокупности данных об объекте, содержащихся в разрезах, дал много необычных и качественно новых сведений (см. полевые отчеты).

Были, в частности, отмечены изменения в характере накопления песка, перекрывающего культурный слой на месте крупных углублений искусственного или естественного происхождения. Эти наблюдения позволяют сегодня прогнозировать наличие таких объектов еще до начала основных раскопок.

Было выделено несколько видов нарушений культурного слоя, а также перекрывающих и подстилающих слоев, вызванных природными факторами. Условно, в зависимости от их свойств, они были названы “трещинами”, “клиновидными деформациями”, “песчаными реками”, “канавами” (см. полевые отчеты). Остается не вполне выясненной природа данных нарушений, однако удалось установить, что они возникали до, во время поселения и после того, как оно было покинуто людьми, и по-разному воздействовали на соответствующие слои, изменяя их мощность, окраску, стратиграфическое положение.

Наблюдения за заполнением ям позволили вычленивать группы углублений с одинаковыми свойствами, в частности, выделить ямы, выкопанные человеком, и углубления естественного происхождения. Заполнение искусственных углублений в ряде случаев происходило постепенно и имело сложный характер, фиксируя различные этапы “жизни” ямы. По характеру заполнения можно проследить разные процессы — неоднократность использования, нарушения как естественного, так и искусственного характера, производимые людьми в процессе использования углублений и изменения их функций. Не было отмечено случаев прорезания одной ямы другой или перекалывания в древности горизонтально лежащего культурного слоя, вместе с тем было установлено, что изменения в древнем рельефе, вызванные естественными процессами, в ряде случаев использовались человеком. Это прежде всего относится к так называемым “канавам”, которые были органично вписаны в структуру поселения и использовались людьми наравне с искусственными углублениями — “землянками”.

Таким образом, при исследовании стоянки приоритет отдан изучению и описанию культурного слоя, изучению условий его накопления, а не интерпретациям, которые часто опережают или влияют на осмысление наблюдаемых фактов. Культурный слой рассматривается как носитель информации о процессах, происходивших на стоянке в период обитания и после того, как это место было оставлено ее обитателями. Представляется неоправданным подход, который априори предполагает отношение к отдельным элементам культурного слоя как к историческому, а не археологическому источнику.

В силу того, что каждый участок культурного слоя в Авдеево имеет свои особенности и, по сути, является уникальным, исследование данной стоянки невозможно с помощью раз и навсегда выбранного набора при-

емов. Напротив – это постоянный творческий процесс, который предполагает выбор особого подхода при изучении каждого конкретного участка стоянки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воеводский М.В., Алихова А.Е.* Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
2. *Гвоздовер М.Д.* О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
3. *Борисковский П.И.* Петр Петрович Ефименко. Воспоминания ученика // СА. 1989. № 3.
4. *Воеводский М.В.* К методике раскопок открытых палеолитических стоянок // Доклады и сообщения истфака МГУ. Вып. 7. М., 1948.
5. *Рогачев А.Н.* Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм 1949 г. // МИА. №39. 1953.
6. *Рогачев А.Н.* О методике полевого исследования палеолитических поселений (Опыт археологических раскопок палеолитических стоянок в Костенках на Дону) // КСИИМК. Вып. 157. 1979.
7. *Воеводский М.В.* Палеолитическая стоянка Погон // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
8. *Москвитин А.И.* О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
9. *Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П.* Новое о методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИИМК. Вып. 202. 1990.

*НИИ и Музей антропологии МГУ,
Институт археологии РАН,
Москва*

E. V. Bulochnikova

THE FORMING OF RESEARCH METHODS OF STUDYING THE ELEMENTS OF THE CULTURAL LAYER OF AVDEEVO SITE OF THE LATE PALAEOOLITHIC

Summary

The reasons influenced elaboration of the original research methods of studying cultural layer of the site are analysed in the article. Having studied the history of the question the author came to the conclusion that the first researchers of Avdeevo – M.V. Voevodsky and A.N. Rogachev – had been using the traditional methods of excavations. The change of the research strategy was made on the new stage of the study of the site and was connected with the names of M.D. Gvozdover and G.P. Grigorjev. The cultural layer of Avdeevo has a complicated structure determined by the unique (for each part of the site) combination of anthropogenic and natural factors which influenced the process of the layer depositing and deformation. The detailed fixing and analysis of the layers and interlayers in their interrelations (microstratigraphy) were put into the base of the research methods of the studies of new Avdeevo object.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.Н. Сорокин

ПАРАДОКСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ МЕЗОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Под термином “источниковедение” в исторической науке понимаются теория и методика изучения и использования исторических источников. Археологические источники являются разновидностью исторических, и, значит, под источниковедением в археологии следует понимать исследование специфики памятников в качестве исторических источников, а под источниковедением мезолита – специфику памятников названного времени. Поскольку большая часть мезолитических стоянок Восточной Европы располагается на территориях зандровых низменностей и приурочена к песчаным отложениям, выявление специфики этого рода источников является одной из основных задач данной работы. То есть, задача исследования – установить, как проявляется приуроченность памятников к полесским ландшафтам в формировании и в характере источника.

Изучение зандровых низменностей Восточной Европы показывает, что для них абсолютно стандартна поликультурность. Все сравнительно полно исследованные регионы дают примеры присутствия здесь не только “чистых” памятников разных мезолитических культур, но и памятников с би- и/или поликультурными признаками. Повторяемость полиморфных “комплексов” создает эффект их “объективной реальности”. Тем не менее, в ряде случаев синкретические “комплексы”, даже при условии их повторяемости, возникают не в результате взаимодействия древнего населения, а как результат метаморфоз источника и парадокс источниковедения. То есть реальность поликультурности бывает сугубо источниковедческая, но никак не “культурная”. Сплошь и рядом мы исследуем то, что сделали с памятником природа, естественная история, а никак не творец истории – человек. Приведем несколько примеров. Значительные коллекции собраны в Полесье на оз. Нобель. Все они дают сочетание типичных свидерских наконечников с высокими трапециями. В археологическую литературу эти пункты вошли как памятники нобельского типа. Лишь последующие исследования Л.Л. Зализняка показали, что в Полесье имеются “чистые” свидерские финальнопалеолитические стоянки и мезолитические коморницкие, а все случаи совместного нахождения изделий культурообразующих типов – результат их механической смешанности, а не культурной метисации [1].

На ряде мезолитических стоянок типа Студенок в Новгород-Северском полесье присутствует неолитическая керамика, а на неолитических стоянках типа Вырчище – мезолитоидный кремль. Это послужило основанием для вывода о генезисе неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины на основе индустрии типа Студенок [2]. Источниковедческий анализ свидетельствует, что керамика с мезолитическим инвентарем не связана, а присутствующие на стоянках типа Вырчище мезолитические кремневые изделия – это механическая примесь.

В Юго-Восточном полесье на стоянке Тетерев 3 кукрекские вкладыши встречены совместно с постсвидерскими наконечниками [3, с. 61], на стоянке Приборск 3 аренсбургские наконечники найдены вместе с яниславицкими остриями [3, с. 56], в Бородянке 3в имеются яниславицкие острия и кукрекские вкладыши [3, с. 52], в Рудом Острове встречены яниславицкие острия и постсвидерские наконечники [3, с. 49], в Мартыновичах – аренсбургские наконечники и коморницкие острия [3, с. 41], в Коросте – свидерские наконечники и высокие трапеции [3, с. 26], в Полесье на стоянке Мураги песочноровские наконечники найдены вместе с постсвидерскими наконечниками стрел [1, с. 61], в Кудлаевке 6 – коморницкие с постсвидерскими материалами и т. д., и т. п.

На стоянках Белорусского полесья Аврамов Бугор и Бабулин Бугор совместно залегают материалы аренсбургской, свидерской и песочноровской культур [4], в Красновке – яниславицкой и кундской культур [5; 6]. Опущу другие многочисленные данные по территориям Украины и Белоруссии и приведу лишь несколько примеров по зандрам России. На стоянках Альба 1 и 3 рессетинские острия встречены с раннеолитической керамикой, а на стоянке Борки – с льяловской и сетчатой керамикой. Значит ли это, что они “доживают” до этого времени или перед нами случай механического смешения разновременных находок? Ответ очевиден.

При раскопках стоянки Рессета 3 в Жиздринском полесье было найдено фатьяновское погребение [7]. Оно залегало на 140 см ниже основания культурного слоя. В заполнение помимо изделий эпох бронзы и мезолита попал и развал неолитического сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом. Данных об осознанном или случайном помещении разновременных находок в могильную яму нет, но факт их одновременного попадания туда налицо. Более важна, однако, другая особенность: ни в плане, ни стратиграфически во вре-

мя раскопок могильная яма эпохи бронзы не была заметна, хотя, как установлено, она имела размеры не менее 2 × 3 м. Этот наглядный пример красноречиво свидетельствует о самой главной специфике полесских памятников: глубокой геоморфологической переработке культурных слоев и полной неразличимости к моменту раскопок разновременных отложений. Что же тогда говорить о возможности механической смешанности на территории полесий отложений и находок одной эпохи?

Все т. н. “многослойные” поселения в Мещере, в первую очередь те, которые содержат органику и являются объектами пристального внимания исследователей, как, например, Черная Гора, Владычинская Береговая, Шагара 1 и 2, Совка 1 и 2, Ибердус и т. д., дают обилие разнокультурных и разновременных материалов, заключенных в однородную гумусированную толщу, разделить в которой находки даже типологически – задача практически невыполнимая. Число “многослойных” поселений, где оказались смешанными разновременные и разнокультурные материалы, столь велико, что сам этот термин с некоторых пор принято писать без кавычек. Фактически он превратился в свой антипод, то есть из понятия “памятник с несколькими отдельными стратиграфическими слоями” в “памятник, слои которого перемешаны”. Но если подобная “многослойность” это норма для керамических периодов, когда факт смешанности легко установим, то можно допустить, что и в бескерамическую эпоху смешение разнокультурных материалов – если не норма, то явление вполне возможное. Действительно, куда бы мы ни посмотрели – будь то Украина, Белоруссия или Россия, Днепровский, Волжский, Окский, Днестровский, Деснинский или Камский бассейны, Припятское, Волынское, Киевское, Юго-Восточное, Брянско-Жиздринское или Мещерское полевья, Балахнинская низина, Камская низменность и др., – монокультурность присуща лишь тем локальным участкам задров, которые недостаточно хорошо исследованы. Эта же картина характерна и для других сходных с полесьями геоморфологических регионов, как, например, территории Украины – Причерноморская низменность, или юга России – Прикаспийская низменность.

Этот список можно продолжать до бесконечности, но и уже названного достаточно для вывода о **всеобщности на территории полесий Восточной Европы памятников с синкретическими признаками**. Из перечисленного также ясно, что в ряде случаев при раскопках мы получаем не метисные, а именно смешанные материалы, что природа “образования ряда комплексов с поликультурными признаками” именно механическая, а никак не культурная. Объяснение этому факту вполне очевидное: на задровых низменностях по рекам и особенно вокруг озер не так много удобных для заселения мест, и люди вынуждены были неоднократно осваивать одни и те же участки. Конечно, география и геоморфология конкретных мест претерпевала изменения, и те из них, которые не оказывались у воды, люди переставали посещать. Тем не менее, оставалось достаточное число и таких участков, которые не теряли своего практического значения в течение тысячелетий. Именно здесь возникали объективные предпосылки для механического смешения материалов. Вот почему любой сравнительно полно изученный регион дает примеры культурного многообразия и присутствия памятников с “поликультурными” признаками. В тех случаях, когда факт смешанности не очевиден, эти наблюдения традиционно интерпретируются как результат контактов населения, а регионы, где присутствуют поликультурные памятники, обозначаются термином “контактные зоны”. Термин “контактная зона” заимствован из этнографии, где он применяется для обозначения географического пространства, в пределах которого происходит взаимодействие различных этносов. Слово “контакт” в переводе с латинского языка означает соприкосновение, связь. Таким образом, этот термин призван обозначать особые географические территории на периферии качественно различных культурных явлений, своеобразные переходные зоны, где, с одной стороны, осуществляется обмен и передача культурных достижений, а с другой – этот процесс протекает в наиболее концентрированном виде [8; 9].

Область применения этого термина в археологии гораздо уже, чем в этнографии, так как в археологии чрезвычайно мало признаков, по которым можно судить о фактах обмена и заимствования. Специфика понятия “контактная зона” в археологии состоит в том, что она не дана археологу непосредственно, а реконструируется в результате определенных исследовательских процедур. Впрочем, и для этнографов вопросы этнокультурных контактов и характер возникающих при этом связей, следы их воплощения и материализации представляют одну из самых сложных областей исследования, причем требуется фронтальное сопоставление всех данных [10]. Что же тогда говорить об археологии, где объектом исследования являются даже не сами процессы взаимодействия народов, а всего лишь их специфические следы!

В связи с проблемой контактных зон в археологии уместно спросить, много ли можно назвать на территории Восточной Европы мест, где бы не было признаков “контактных зон”? Фактически, кроме, может быть, периферии, они отсутствуют. Значит, логично предположить, что имели место не массовые контакты разнокультурного и, по свидетельству социальной психологии, сплошь и рядом враждебного населения, а нечто другое, более реальное, но менее уловимое или совсем неуловимое, как при традиционном подходе, когда любой случай сочетаемости разнокультурных находок принимается за факт контакта древнего населения. Конечно, было бы нелепо вообще отвергать контакты населения в древности, но были ли они столь часты, чтобы число памятников с синкретическими признаками приближалось или даже превышало число памятников, где таких признаков нет? Ответ очевиден.

В момент функционирования мезолитической стоянки основная масса находок скапливалась на дневной поверхности. Естественно, что в процессе жизнедеятельности ее обитателей какая-то часть изделий втапывалась в грунт, или, если рылись ямы и сооружались заглубленные жилища, опускалась ниже уровня дневной поверхности. Уже в процессе обитания и особенно после того, как люди уходили, материальные остатки перекрывались отложениями. В какие-то моменты в результате развевания, размыва или других

причин они вновь могли оказываться на поверхности. В голоцене довольно активны процессы почвообразования, поэтому культурный слой памятника неизбежно подвергался их воздействию: изменялась собственная окраска слоя, если она была, и находки “включались” в почвенный профиль. Это обстоятельство, а также известная рассредоточенность артефактов по вертикали приводили к тому, что находки как бы “повисали” в заполнителе, и при раскопках они воспринимаются не иначе, как во взвешенном состоянии. Суть этого явления отражает широко употребляемый термин “горизонт залегания находок”, призванный подчеркнуть отсутствие собственной окраски культурного слоя памятника и особенность пространственного распределения в нем находок. На деле, однако, это положение может быть и псевдовзвешенностью, то есть находки продолжают сохранять ту структуру распределения, которую они приобрели в момент формирования культурного слоя, хотя визуально они воспринимаются как утратившие контекст. Между тем, одновременно с псевдовзвешенностью действительно могло происходить перемещение артефактов в результате жизнедеятельности фауны и флоры или по иным причинам. Эта естественная сортировка материала в том или ином виде затрагивала все памятники, но в одних случаях она приводила к полной переработке пространственной структуры памятника, в других – лишь к выборочной. Если через какой-то промежуток времени на данном месте возникала другая стоянка, то разделенность артефактов по вертикали могла существовать лишь при наличии между двумя разными слоями стерильной прослойки, а также отсутствии педотурбации. В ряде случаев процессы деструкции слоев могли быть столь интенсивны, что от смешения их не спасала даже стерильная прослойка. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать и обратное, что слои всех мезолитических памятников, где заполнителем служит песок, оказываются смешанными. Просто ситуация, при которой находки могут быть перемещены, а слои смешаны, вполне реальна, и эту возможность нужно также реально оценивать как при полевых исследованиях, так и на уровне осмысления и интерпретации материала. В современных условиях для установления пространственной структуры памятника и определения “чистоты” материалов положительные результаты дает полевая методика фиксации находок по трем координатам с последующим построением трехмерных моделей.

Далее целесообразно рассмотреть археологическую вариативность. Если на контрольной территории существовала одна группа населения, то археологически будут встречены только монокультурные памятники, и различия между ними будут хронологическими и/или функциональными. Если на какой-либо территории обитали две разных группы населения, то теоретически могут быть найдены “чистые” памятники двух культур, а в случае контактов их населения – еще и “метисные”, т.е. сочетающие в одном комплексе признаки разных традиций. Следовательно, всего будет представлено три “варианта культуры”. Можно предположить, что какое-либо население неоднократно контактировало с уже метисным населением, но результат “вторичной метисации” археологически выделить не реально.

Если же в контакт вступают три разных группы населения, то потенциально могут быть найдены “чистые” памятники каждой из этих культур (А, Б, В) и четыре варианта коллекций с поликультурными признаками или “метисов первого порядка” (АБ, АВ, ВБ, АВВ). При взаимодействии какого-либо населения с уже метисным населением может возникнуть еще не менее 12 “метисных вариантов второго порядка” и 48 “метисных вариантов третьего порядка”, но результаты и всех этих “повторных метисаций” археологически выделить будет невозможно, так как все они будут давать сочетания, состоящие в конечном итоге из компонентов “метисов первого порядка”. При контакте четырех разных групп количество основных и “метисных комплексов первого порядка” возрастает до 11, а “метисов второго и третьего порядка” будет вдвое больше, чем при метисации трех культур, и т.д. – по нарастающей. Но все это как бы идеальная картина. Более реальна, по-видимому, ситуация, при которой не все группы населения могли взаимодействовать друг с другом, или такая, при которой либо “чистые”, либо “метисные” поселения могли не сохраниться или не быть раскопанными. Следовательно, археологическая вариативность будет определяться как реальными обстоятельствами формирования и бытования археологических источников, так и состоянием изученности конкретного региона.

Методологически важно то, что контактировать может только одновременно живущее население, а люди, отделенные друг от друга во времени, не могут непосредственно взаимодействовать друг с другом. Тем не менее, археологически довольно обычна ситуация, когда на одном памятнике в пределах одного слоя присутствуют заведомо разновременные материалы. Особо следует подчеркнуть саму стандартность ситуации, когда в одном слое залегают находки разных культур и даже эпох. Это позволяет предположить, что метисные комплексы могут возникать и по не зависящим от человека причинам, например, в результате механического смешения материалов. Значит би- и поликультурные комплексы могут образовываться в результате “культурных” и “внекультурных” процессов. Под “внекультурными” следует понимать такие случаи, которые вызваны естественными природными процессами, в отличие от “культурных” (генетических), т.е. таких, которые осуществлены непосредственно людьми. Специфика природных процессов состоит в том, что в них может стандартно реализовываться ситуация “контактов” разновременных изделий, как “чистых”, так и метисных. Следовательно, если при “культурном” взаимодействии (аккультурации) метисные комплексы будут иметь лишь признаки синхронных культур, то при механическом и природном “взаимодействии” стандартным будет сочетание разновременных находок. Природа механического смешения по сути своей тоже двойственна: она может быть результатом деятельности людей (позднейшие перекопы) и результатом природных нарушений. Установив присутствие в одном комплексе разновременных материалов, мы можем считать это фактом механического смешения, а никак не продуктом культурных контактов. Такая простота теоретического вывода на практике, однако, не бывает столь же явной: различие “куль-

турно” и “естественно” образованных комплексов упирается в ряд проблем, главной из которых является слабая разработанность для восточно-европейского мезолита хронологических различий в бытовании разных типов вещей. Значит, для различения характера контакта – культурного или природного – требуются какие-то другие признаки, кроме сочетания разных культурных компонентов на одном памятнике. К этому мы вернемся позже, пока же достаточно подчеркнуть разницу в природе наблюдаемых археологически явлений при формальном сходстве их результатов. И при участии людей, и при “игре природных сил” результат в обоих случаях будет одним: при раскопках археологом будет получена синкретическая коллекция. Здесь же следует еще раз отметить двойственность природы метисных комплексов: она может быть генетической и естественной.

Важно подчеркнуть тот факт, что без каких-либо сознательных ограничений разделить археологически наблюдаемые признаки на природные или историко-культурные невозможно. В качестве такого ограничения могут быть предложены “находки-маркеры” и гибридные (метисные) технологии, которые являются своеобразными “маркерами контактов” разных этносов. Их отсутствие в поликультурных комплексах может расцениваться как указание на естественную природу наблюдаемого явления (механическое смешение материалов). Напротив, присутствие “находок-маркеров” и/или гибридных (метисных) технологий со всей очевидностью указывает на генетическую связь, то есть факт аккультурации.

Нет сомнения, что контакты древнего населения начинались не с заимствования тех или иных технологических приемов, мгновенного появления метисных предметов и технологий, а с обмена отдельными готовыми изделиями. Тем не менее, если на памятнике имеется только сочетание разных в культурном отношении находок и нет “находок-маркеров” и/или “гибридных технологий”, вряд ли оправдано считать такой факт бесспорным свидетельством культурного взаимодействия в силу высокой вероятности механического происхождения таких материалов. При нынешней изученности мезолита Восточной Европы, при отсутствии значительных серий независимых дат, позволяющих строго синхронизировать отдельные памятники, мы не можем отличить, когда имел место обмен вещами, а когда случайное смешение находок, оставленных подвижным мезолитическим населением, посетившим одно и то же место. При этом ссылка на этнографические данные о самой возможности контактов разных этносов вряд ли уместна, так как мы не знаем ни конкретной численности древнего населения, проживавшего на исследуемой территории, ни одновременности существования выделяемых его групп – т. е., была ли вообще возможность для взаимодействия разных групп населения. Механический перенос этнографических данных на мезолит или палеолит в этом случае просто не корректен. По мере развития общества население возрастало и возможность возникновения контактов повышалась, но это не значит, что она была и реализовывалась в древности постоянно и что любой синкретический памятник и даже серия таких памятников механически не смешаны. Традиционно, однако, само существование стоянок с би- или поликультурными признаками интерпретируется как свидетельство контакта. Уместно, однако, спросить – а на чем основывается такой вывод? Сказать, что только на интуиции конкретного исследователя, – было бы справедливо лишь отчасти. Ведь археолог при раскопках действительно наблюдает и фиксирует эти “комплексы”. Правда, сплошь и рядом бывает так, что сама применяемая методика раскопок по штыкам, условным горизонтам или литологическим слоям приводит к тому, что памятник из стратифицированного становится смешанным, то есть таким, пространственное распределение материалов на котором уничтожено полевым исследователем. В тех случаях, когда синкретические комплексы повторяются, создается подобие аксиомы. Тем не менее, это либо ошибка, возникшая вследствие неверной интерпретации наблюдений и материалов, либо сознательное искажение фактов. Данный историко-археологический аспект всегда нужно иметь в виду, чтобы не абсолютизировать наблюдаемое, а четко понимать, с каким источником в каждом конкретном случае мы имеем дело, и каким метаморфозам мог быть подвергнут конкретный памятник, прежде чем он достался археологу-исследователю и археологу-читателю.

Историко-археологическая критика и отсутствие четких критериев для различения процессов аккультурации и механического смешения обязывают воздерживаться от констатации обмена или контакта по тем материалам, в которых нет “находок-маркеров”. Нет сомнения, что если контакты происходили, они неминуемо должны были реализоваться и материально. Ведь в результате обмена, то есть эпизодических связей, формирования новой материальной культуры не будет. Новая культура – это не столько итог постоянного взаимодействия разных групп населения, сколько процесс их слияния, объединения и рождения нового качества (процесс образования культур путем деления, несомненно, существовавший в истории, здесь не рассматривается, так как он не требует контакта популяций). Поскольку возникновение признаков может происходить и в результате естественных (внекультурных) причин, то для установления факта культурного взаимодействия присутствие метисных изделий или технологий является обязательным. При их отсутствии любые предположения о взаимодействии населения так и останутся предположениями, не подтвержденными доказательствами. Отсутствие метисных форм при массовом числе памятников с поликультурными признаками – это свидетельство механической смешанности коллекций.

Таким образом, ответ на вопрос, могут ли быть массовыми контакты древнего населения при отсутствии “вещей-маркеров”, напрашивается сам собой. Не могут. Присутствие на восточно-европейских ландшафтах низменностях многочисленных синкретических памятников заставляет предположить, что на всех этих территориях протекали какие-то другие, более реальные и вполне объективные, но неуловимые при традиционном подходе процессы, вызывавшие массовое разрушение и смешение культурных слоев, естественное образование поликультурных “комплексов”. Очевидно, что в качестве такого глобального и объек-

тивного явления могут рассматриваться природные процессы. По-видимому, негативное воздействие глобальных природных процессов и может быть тем механизмом, который вызывает трансформацию археологических памятников, приводит к образованию синкретических источников. Поскольку процессы почвообразования и педотурбации – это природные явления, которые происходят в голоцене при известных условиях повсеместно, можно предположить, что их воздействие не просто закономерно и проявляется повсюду, но именно они служат главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками.

Почва не является статичным телом – это динамичная, открытая система, в которой действует множество процессов, перемещающих из одного места в другое не только почвенные материалы, но и артефакты, включая объекты. В ходе формирования почв действуют две противоположные тенденции: горизонтизация, когда материалы почвы дифференцируются на профили, имеющие горизонты, и гомогенизация, когда образование горизонтов затрудняется, и их содержимое перемешивается. Процессы гомогенизации имеют общее название “педотурбация”, являющееся синонимом термина “перемешивание почвы”. Под педотурбацией понимаются биологическое, химическое или физическое перемещение, смешивание и циркуляция почвенных материалов. Горизонтизация и особенно педотурбация являются главными причинами изменения или уничтожения собственной цветности и структуры культурных слоев. Выделяются девять основных видов педотурбации, и все они характерны для почв полесий, но наиболее широко в полесьях распространены четыре из них – фаунотурбация, флоротурбация, азротурбация и акватурбация [11; 12].

Судя по естественно-научным данным, всеобщий характер почвообразования и педотурбации является тем конкретным и основным, правда, далеко не единственным механизмом, который обладает способностью метаморфозы – превращения слоя из той субстанции, как он сформировался, в то состояние, в котором он достался археологу для непосредственного изучения. Таким образом, при определенных условиях под воздействием процессов почвообразования и разрушения почвы из первоначально стратифицированного памятника неминуемо получается памятник со смешанными культурными слоями. Культурные слои под воздействием почвенных процессов существенно видоизменяются, а культурные остатки в них могут погружаться в почву или, напротив, выталкиваться на поверхность, дифференцироваться по размерам и расслаиваться на фракции. Находки могут концентрироваться в глубинных слоях, переориентироваться и перемещаться горизонтально, вертикально или по касательной. Результатом этого могут быть ложные ассоциации артефактов с сопутствующими искажениями в интерпретации. Поэтому точная оценка педотурбации отложений на каждой стоянке абсолютно необходима для правильной археологической реконструкции.

Совместные исследования почвоведов и археологов показывают, что в полесьях процессы педотурбации, а также вызванные ими разрушение культурных слоев и перемещение материалов, объективно усиливаются за счет рыхлости отложений. Именно с этими процессами связано объективное действие “механизма поликультурности”. Для понимания причины его “запуска” крайне важно следующее обстоятельство. Любой полевой исследователь, работающий в зандровой зоне Восточной Европы, постоянно сталкивается с фактом, которому до сих пор не придавалось должного значения, – во время разведок и при раскопках находки начинают встречаться уже на современной дневной поверхности. Совершенно очевидно, что это не обман зрения, не археологическая причуда, а закономерная и абсолютно стандартная ситуация. Присутствие находок на дневной поверхности и есть главный признак дистурбации слоя. Но из этого наблюдения неминуемо следует один крайне важный вывод: в древности ситуация была абсолютно такой же. И в древности часть артефактов тоже находилась на поверхности. Причина этого заключается не в том, что накопление перекрывающих отложений вообще не происходило или что оно шло слишком медленно (величина осадконакопления в ряде случаев может быть определена как разница между современной дневной поверхностью памятника и уровнем максимального распределения на нем находок). Причина выноса изделий на поверхность состоит в том, что в голоцене постоянно действуют процессы почвообразования и сопутствующие им процессы педотурбации. Поскольку их действие наиболее активно проявляется в поверхностном слое, это обстоятельство служит основанием пространственного перемещения артефактов по вертикали и является причиной “выноса” части изделий наверх, на дневную поверхность. Именно из-за процессов почвообразования и педотурбации при обычной скорости накопления перекрывающих отложений в каждый конкретный момент человек, приходя на место, которое до него уже было кем-то однажды занято, селился непосредственно на культурном слое предшествующего времени. Постоянное действие механизмов почвообразования и педотурбации и стандартное отсутствие из-за этого в подавляющем большинстве случаев перекрывающих отложений являются главными причинами непосредственного “контакта” разновременных вещей и образования метисных “комплексов”. Именно эти причины лежат в основе “происхождения” би- и поликультурности многих исследуемых нами памятников. Если для обозначения культурного взаимодействия в науке употребляется термин “аккультурация”, то для обозначения природного генезиса “поликультурности” можно предложить термин “натурация” (от латинских слов *nature* – природа и *ratio* – мысль, замысел или иначе – *природный “замысел”*). Натурация – это механизм природного генезиса археологического источника. Природа совершала за человека то, что он сам не делал: педотурбация видоизменяла разновременные культурные слои, уничтожая их собственную окраску, и “смазывала” пространственное распределение материалов, иногда в минимальной степени, а чаще – довольно значительно или даже полностью. Из-за случайного планиграфического совпадения или наложения одно- и разновременных, одно- и разновременных находок под воздействием природных процессов запускался “механизм поликультурности” и происходило формирование археологических источников особого рода. Поскольку планиграфическое со-

впадение неминуемо осуществлялось в наиболее удобных для жизни местах конкретного водоема, то постоянно возникала и реализовывалась ситуация дублирования поликультурных “комплексов”.

Действие природных факторов носит объективный характер и проявляется вне зависимости от воли и желания субъекта истории – человека. Именно поэтому мы постоянно сталкиваемся с фактами естественно-го “генезиса поликультурных комплексов” или феноменом натурации. **Натурация** – это объективный природный закон образования “поликультурных комплексов”. Следовательно, одной из основных исследовательских задач должно быть установление фактов натурации.

При неоднократном использовании одних и тех же мест одним и тем же населением нивелируются хронологические различия в комплексах и происходит планиграфическое “смазывание” разновременных и разнофункциональных скоплений. В действие как бы включается механизм “культурной нивелировки”. При посещении одних и тех же мест населением разных культурных традиций из-за натурации нивелируются культурные, хронологические и функциональные различия между ними. Это приводит к “возникновению” синкретических коллекций. В таких случаях мы наблюдаем действие механизма “естественной поликультурности”. И “культурная нивелировка” и “естественная поликультурность” являются главными причинами информационного шума, “размытости культурных признаков” и культурного многообразия.

Как показывает опыт исследований, в пределах полесий не так много участков, удобных для заселения, причем всегда есть такие, которые доступны в течение длительного периода времени. Именно здесь сосредоточены наиболее выразительные “многослойные” памятники. Археологи, раскапывая повторяющиеся “комплексы” одного периода с синкретическими признаками, могут воспринимать наблюдаемое за реально установленные факты, и лишь вопрос времени – когда их количественные наблюдения приведут к “качественному” выводу о “закономерности поликультурных комплексов” и выделению их в новую археологическую культуру. Так возникает своеобразный источниковедческий эффект “генезиса” метисных археологических культур.

Крайне негативную роль в появлении поликультурных комплексов играет и полевая методика: при раскопках на косой штык или по условным и литологическим горизонтам происходит часто неосознанное исследованиями разрушение пространственной структуры распределения находок, и памятник из стратифицированного искусства превращается в нестратифицированный, а коллекция – в поликультурную. Следует обратить внимание еще на одну особенность археологических источников: чаще всего четкие “поликультурные” признаки дает подъемный материал, когда археолог изначально имеет дело с механически образованной коллекцией, оторванной от контекста.

Нельзя не учитывать и тот немаловажный источниковедческий аспект, что любой археолог-практик интуитивно старается найти и исследовать “богатый” памятник, чтобы в кратчайшие сроки и с минимумом затрат получить результат. Информация, извлекаемая из “бедных” стоянок, не сопоставима с огромными затратами труда, поэтому они изучаются лишь спорадически. Неизбежным результатом этого является получение многочисленных стоянок “многоразового посещения”, оставленных часто разным в культурном отношении населением. Отсюда нормой становятся не “чистые, одномоментные” комплексы, а “усредненные, культурно снивелированные” и поликультурные материалы. Поэтому совершенно очевиден вывод, что число микроскоплений обратно пропорционально площади скопления, причем чем больше площадь скопления и выше содержание находок, тем более равномерно распределяется в нем материал.

Для приведения в действие “механизма естественной поликультурности” необходимо: 1) планиграфическое совпадение двух или большего числа памятников разных культур; 2) включение слоев памятников в почвенные профили; 3) присутствие в качестве заполнителя культурного слоя рыхлых отложений; 4) действие процессов педотурбации, разветвления, аллювиальных, делювиальных и др. Опыт показывает, что обязательным является лишь первое условие, а остальные могут присутствовать либо все, либо выборочно. Результат также может быть полным или частичным.

С учетом всего сказанного о памятниках полесий рассмотрим актуальный для Волго-Окского междуречья вопрос бутовско-иеневского взаимодействия. Термин “памятники смешанной традиции” был предложен автором в середине 1980-х годов для того, чтобы обозначить присутствие в Волго-Окском бассейне стоянок, имеющих черты бутовской и иеневской культур. Этот термин отражает и современную ситуацию: во-первых, непонятна природа этого образования – механическая она или генетическая, а во-вторых, в обоих случаях мы имеем дело с традицией. Ведь и при механическом смешении материалов, если есть их повторяемость, возникает источниковедчески значимая ситуация.

Всего насчитывается не менее 12 “памятников смешанной традиции”, девять из них (Брагино, Высокино 6, Дмитровское 1, Журавец 1, Иенево 2, Коприно, Крапивец, Старокопрантинская IV и Тростенская 3С) не пригодны для источниковедческого анализа из-за неудовлетворительной методики полевого исследования, состояния коллекций и документации. Требованиям источниковедческой критики отвечают лишь три мещерских стоянки – Беливо 4А, Шильцева Заводь 5 и Исток 1. В Беливо 4А “вертикальная слоистость” не установлена. Нанесение на план “культуроопределяющих” типов орудий обеих культур показало, что они не образуют обособленных в плане групп. Планиграфически выделено несколько микроскоплений, но ни в одном из них нет совместного залегания бутовских и иеневских находок. Учитывая значительный разброс дат и исходя из планиграфического распределения материала, Е.В. Леонова приходит к выводу о том, что памятник посещался неоднократно и представляет собой “совокупность нескольких отдельных стоянок”, бытовавших в разное время [13]. С этим можно согласиться, но интересно другое: в Беливо 4А есть иеневский наконечник с боковой выемкой, брюшко которого подправлено плоской ретушью, и другой экземп-

ляр, черешок которого обработан на спинке плоской ретушью. Если первый наконечник еще можно рассматривать в качестве “метисного” изделия, то на втором плоская ретушь использована исключительно в утилитарных целях. Следовательно, единичность метисного изделия на фоне отсутствия сочетаемости разнокультурных находок в микроскоплениях скорее свидетельствует в пользу образования бикультурного “комплекса” в результате натурации, чем в итоге аккультурации.

В Шильцевой Заводи 5 общая мощность слоя достигает до 1 м. Все находки по глубинам залегания не разносились, но удалось сделать интересное наблюдение по пространственному распределению предметов охотничьего вооружения. Из 10 иеневских наконечников с боковой выемкой глубина залегания установлена для девяти, они найдены на отметках -41, -71, -71, -80, -86, -90, -93, -98 и -106 см, т.е. “разброс” по вертикали составляет 65 см. На памятнике имеются четкие признаки зоотурбации. Поэтому, исключив первый из наконечников, можно заметить, что все остальные происходят из нижней трети слоя с отметок от -71 до -106, т.е. мощность слоя в 35 см вполне осязаема и конкретна. Из семи постсвидерских наконечников глубина установлена для пяти, она равна -35, -39, -43, -50 и -60 см, т.е. их “разброс” по вертикали составляет 25 см, и все они залегают в средней трети слоя. Сравнение данных показывает, что бутовские наконечники залегают выше иеневских и фактически не пересекаются с ними по глубинам, причем между ними, вероятно, есть стерильная прослойка мощностью не менее 11 см. Практическое отсутствие в коллекции “находок-маркеров” на фоне четкого деления бутовских и иеневских наконечников по глубинам залегания позволяет утверждать, что в Шильцевой Заводи 5 мы имеем дело с двумя разновременными стоянками двух разных культур. Косвенным подтверждением этому служат и имеющиеся палинологические данные, по которым устанавливается перерыв в осадконакоплении между образцами из нижней части слоя с иеневскими материалами и образцами из верха слоя с бутовскими материалами. Таким образом, источниковедческий анализ дает основание утверждать, что бутовские и иеневские материалы в Шильцевой Заводи 5 не смешаны друг с другом и рассмотрение их в качестве единой коллекции приведет к искусственному (источниковедческому) смешению материалов, т.е. к возникновению эффекта бикультурного “комплекса”.

Во время камеральной обработки материалов стоянки Исток 1 были составлены графы пространственного распределения находок всего раскопа. Они подтвердили полевые наблюдения о присутствии на памятнике двух уровней залегания находок, как правило разделенных стерильной прослойкой мощностью от 0,1 до 0,45 м. В тех случаях, когда стерильной прослойки нет, ее отсутствие можно объяснить фактами турбации. Для чистоты эксперимента при камеральной обработке материал верхнего слоя был разделен на два комплекса: в первый, названный Исток 1А, были отнесены находки из стратиграфически “чистых” квадратов, во второй, названный Исток 1Б, – из квадратов без стерильной прослойки, где находки верхнего и нижнего слоев могли быть заведомо смещены. Типологический состав коллекций верхнего слоя (Истока 1А и 1Б), в котором представлены все категории охотничьего вооружения и обрабатывающих орудий, так же, как и нижнего слоя стоянки Исток 1, является поселенческим, а число орудий на них достаточно для выводов, поэтому сравнение одинаковых по характеру, но разных по объему выборок вполне корректно. Коллекция нижнего слоя отнесена к позднему этапу аренбургской культуры или раннему – иеневской, так как объединяет признаки обеих. Фрагментарность предметов охотничьего вооружения не дает основания для однозначного вывода об их культурной принадлежности. Возраст нижнего слоя стоянки Исток 1 определяется рубежом плейстоцена – голоцена. Материал Истока 1А относится к бутовской культуре и датируется началом бореального времени. В нем не содержится никаких инокультурных примесей, кроме единственного срединного резца, в качестве заготовки для которого использован черешок иеневского наконечника с боковой выемкой. Коллекции Истока 1А и Истока 1Б практически идентичны, но во второй имеются два признака, которые могут быть расценены как следы “замусоренности” изделиями из нижнего слоя, в частности, в Истоке 1Б немного ниже показатель пластинчатости (48 % против 58 % в Истоке 1А) и присутствует постсвидерский наконечник стрелы с асимметричным черешком, который может быть расценен как подражание асимметричному наконечнику с боковой выемкой.

Нижний слой памятника лишен каких-либо бутовских признаков и является “чистым” комплексом. Верхний культурный слой также “не выпадает” из общих представлений о бутовской культуре. Обе своеобразные находки, сделанные в нем, не могут однозначно расцениваться как метисные формы, так как резцовый скол мог возникнуть при ударе или быть нанесен на случайно подобранный сломанный наконечник с боковой выемкой, а асимметрия бутовского наконечника может объясняться браком или неумением изготовителя. Показатель пластинчатости также не является постоянной величиной, он варьирует в разных комплексах одного памятника и, следовательно, не может однозначно интерпретироваться как доказательство заимствования или влияния, тем более, что он не выходит из средних показателей бутовской культуры. Таким образом, и Исток 1 не дает неопровержимых доказательств бутовско-иеневского взаимодействия. На стоянке Исток 1 достоверно установлено, что те квадраты, в которых между верхним и нижним слоями нет стерильной прослойки, менее “пластинчатые”. Этот пример крайне важен для понимания механизма образования комплексов с “синкретическими признаками”: синкретизм может появляться в тех случаях, когда стратиграфия и планиметрия не позволяют выделить различные культурные слои. Следует отметить и другое: при раскопках по условным горизонтам было бы нарушено пространственное распределение артефактов и материал бы превратился в бикультурный.

Анализ материалов трех мещерских стоянок свидетельствует:

1) В Шильцевой Заводи 5 и Истоке 1 бутовские и иеневские находки, несмотря на возможную частичную смешанность, залегают в разных культурных слоях и довольно надежно разделены на отдельные ком-

плексы. Их “бикультурность” может быть только источниковедческой, но никак не культурной. В Беливо 4А бутовские и иеневские изделия планиграфически на разные комплексы не разделяются, но сочетаемость разнокультурных элементов в микроскоплениях отсутствует, что не позволяет рассматривать эти материалы как культурно единые.

2) “Метисных” изделий нет в Шильцевой Заводи 5, а в Беливо 4А и Истоке 1 они единичны, причем сам факт их “метисности” сомнителен, и его можно объяснить иными причинами.

3) Большинство из рассмотренных памятников “смешанной традиции”, кроме трех названных мешерских стоянок, вообще не пригодны для источниковедческого анализа. В свою очередь, мешерские стоянки не дают бесспорных доказательств факта взаимодействия бутовского и иеневского населения.

4) Отсутствие массового числа метисных изделий, присутствие на памятниках признаков зоотурбации и высокая вероятность, в силу этого, механического смешения находок из-за случайного планиграфического совпадения разнокультурных изделий позволяют утверждать, что данных для вывода об образовании бутовско-иеневских памятников “смешанной традиции” в результате аккультурации недостаточно, напротив, их генезис в результате натурации представляется все более очевидным. К таким же выводам удастся прийти и при анализе памятников других регионов, входящих в главный пояс полесий Восточной Европы.

Проверка гипотезы “естественного генезиса поликультурности” осуществлена на примере Литвы, памятники которой давно и прочно вошли в науку благодаря классической монографии Р.К. Римантене [14]. Названный регион не входит в главный пояс полесий Восточной Европы, но в геоморфологическом отношении это абсолютно такая же задровая низменность полесского типа, поэтому использование территории Понеманья в качестве контрольного полигона, с учетом других причин, вполне оправданно.

В палеолите региона Р.К. Римантене выделяет стоянки аренбургской и свидерской культур, в раннем мезолите – маглемозской культуры и в конце мезолита – памятники синкретической неманской культуры. Использование литовских материалов уместно еще и потому, что в монографии специально анализируются коллекции с бикультурными признаками.

В результате источниковедческой критики установлено, что для анализа доступно 30 из 63 финальнопалеолитических коллекций, что составляет вполне достоверную выборку. Исходя из этих данных, можно заметить, что на некоторых свидерских стоянках, которые Р.К. Римантене считает “чистыми”, имеются аренбургские наконечники (Эйгуляй 1а, Эжяринас 1, Пувоchiaй 1а), маглемозские формы (Пувоchiaй 1в, Эйгуляй 1d), или аренбургские и маглемозские совместно (Скаруляй, Пувоchiaй 1б, Пувоchiaй 1d), что позволяет и эти памятники относить к “памятникам смешанной традиции”. Из девяти стоянок, которые Р.К. Римантене считает “метисными”, пять – Кашетос 1б, Шилялис 2, Эжяринас 8 и 17, Няндринай – дают бикультурное сочетание, а в коллекции Мяргажарис 3 присутствуют три компонента: аренбургский, свидерский и маглемозский. Следовательно, фактическое соотношение чистых и метисных коллекций представляется иным, чем утверждает автор, причем оно почти равное: на 16 “чистых” аренбургских и свидерских коллекций приходится 14 “метисных”. Обращает на себя внимание тот факт, что инокультурные признаки в первую очередь характерны для свидерских стоянок, которые представляют собой довольно значительные по площади и по количеству находок скопления. Следует также указать, что присутствуют не только 10 коллекций с бикультурными признаками, но и четыре – с поликультурными признаками. И еще один факт необходимо отметить: на все эти 14 коллекций приходится всего одно “метисное” изделие – это асимметричный аренбургский наконечник, у которого плоской ретушью подработан черешок. Впрочем, такие изделия в польских изданиях фигурируют в качестве обычных свидерских наконечников [15]. Более молодой возраст культуры маглемозе, практическое отсутствие “находок-маркеров” и наличие всех различных “метисных комбинаций” позволяют рассматривать появление би- и поликультурных “комплексов” не как результат слияния древнего населения (аккультурации), а как итог механического смешения материалов (натурации).

Закономерности в характере коллекций, которые были прослежены на финальнопалеолитических материалах, повторяются и в самом начале мезолита. Более того, присутствие среди памятников этого времени “чистой” маглемозской стоянки Максимолис 4 до известной степени противоречит тому, что метисация началась еще в финальном палеолите, и подтверждает вывод о механической природе образования названных выше памятников финального палеолита. Следовательно, вывод о “метисности” материалов раннего мезолита Литвы находится под вопросом.

Дальнейший анализ данных позволяет говорить о том, что и в позднем мезолите Литвы выделяется целый пласт “метисных” памятников, обладающих как бикультурными, так и поликультурными признаками. Стоянки Глинас и Драсейкяй имеют признаки аренбургской и свидерской культур, Бруже – аренбургской и маглемозской, Паштува, Салянинкай 1 и 2а – “постсвидера” и маглемозе, Дерезнички 15 характеризуется постаренбургскими и маглемозскими признаками, Памяркине и Дубичяй 2 – охотничьим вооружением аренбургской, свидерской и маглемозской культур, Камюкай, Нятесай 1, Мяркине, Друскининкай 8, Лампеджай и Кампишкес – признаками постсвидера, постаренбургского и маглемозе. Как мы помним, присутствие трех разных компонентов дает четыре распознаваемых “метисных” варианта. Легко заметить, что в приведенном списке представлены все основные метисные типы, причем присутствуют и такие, в которых имеются хронологически разные изделия, например, Памяркине, Дубичяй 2, Драсейкяй и др. Четко видно также, что “метисных” памятников не только больше “чистых”, но и среди “метисных” коллекций больше всего таких, где встречены три компонента. Все это говорит об их генезисе в результате натурации.

Характерно, что более всего подвержены метисации свидерские и маглемозские стоянки, обладающие значительными площадями и располагающиеся на второй и третьей террасах р. Неман и озер, тогда как

первая терраса, еще не обсохшая в конце палеолита, напротив, чаще дает “чистые” комплексы. Знаменательно и то, что отмечен лишь единственный случай, когда встречен комплекс с бикультурными аренбургско-маглемозскими признаками (Бруже). Из топографии видно, что мелкие мадленские стоянки удалены от воды, и в мезолите, вероятно, эти места уже не представляли практического интереса. Следовательно, сочетание в ряде комплексов неманской культуры финальнопалеолитических и позднемезолитических материалов является показателем механической смешанности, но никак не признаком их культурной специфики. Поиск причин наблюдаемого явления приводит к выводу о том, что “метисация” наблюдается прежде всего тогда, когда помимо приуроченности стоянок к удобным формам рельефа присутствует сравнительно большая площадь скоплений. Если сюда добавить еще и практически полное отсутствие “находок-маркеров” и “метисных” технологий, вывод напрашивается сам собой: утверждение о взаимосвязи аренбургского, свидерского и маглемозского населения не подтверждается наблюдениями, оно гораздо более гипотетично, чем считает автор монографии, и нуждается, следовательно, в дальнейшем обосновании.

В силу всего вышеизложенного представляется, что наблюдаемое в неманской культуре “взаимодействие (по Р.К. Римантене) яниславицких и финальнопалеолитических элементов” не является результатом контактов и слияния оставившего их населения, а всего лишь итог источниковедческой ненадежности этих коллекций. А вывод Р.К. Римантене о том, что “Литва и западная часть Белоруссии составляли единую контактную зону” [14, с. 118], преждевременен. Значит ли это, что следует полностью отрицать возможность контактов древнего населения Литвы? Конечно, нет, но основанием для выводов о контактах должны быть строгий источниковедческий анализ, серия дат и массовое присутствие “метисных” изделий. Только в этом случае схема развития культур любого региона превратится из гадания и правила “сложения культур” [16] в реальную и доказанную на фактах этнокультурную картину.

Феномен натурации сказывается наиболее существенно на памятниках полесий, но натурация характерна не только для задровых низменностей, она носит всеобщий характер. В качестве примера действия натурации в других геоморфологических районах можно привести широко известную мезолитическую стоянку Мирное. Памятник расположен в Одесской области в пределах Предбрудженского прогиба Причерноморской низменности и не входит в зону полесий Восточной Европы, но по своему генезису эта территория является их прямым аналогом.

По данным исследователя памятника В.Н. Станко [17, с. 8], образование светло-коричневого суглинка, подстилающего слой, произошло в позднем плейстоцене, а образование опесчаненного суглинка – культурного слоя – в раннем голоцене. С последующими почвенно-делювиальными процессами ранне- и начала среднеголоценового времени следует связывать накопление светло-коричневых суглинков (погребенной почвы), перекрывающих культурный слой и “содержащих довольно значительное количество кремневых изделий” [17, с. 8]. Эта оговорка автора монографии весьма симптоматична: несмотря на все последующие утверждения В.Н. Станко о целостности слоя, его непереложности, “чистоте” и т.д., она однозначно свидетельствует о разрушении культурного слоя памятника и имевшемся (причем неосознанно зафиксированном) перемещении находок.

Процесс формирования погребенной почвы был прерван накоплением торфянистых суглинков, отложившихся в период новочерноморской трансгрессии (около 6 тыс. л. н.) [17, с. 8] и сопровождающихся находками энеолитического времени. В результате этого разрушение культурного слоя было остановлено почвенно-делювиальными процессами, из-за чего, по мнению В.Н. Станко [17, с. 9], произошла его консервация. С этим утверждением автора вряд ли можно согласиться, так как в этом же абзаце он продолжает: “Малочисленность находок мезолитического времени в верхних горизонтах... следует объяснить разрушением культурного слоя землеройными животными, кротовины которых здесь достаточно многочисленны”. Если же учесть замечание В.Н. Станко о том, что в период новочерноморской трансгрессии территория поселения была затоплена водами Черного моря, что привело к консервации культурного слоя [17, с. 13], станет ясна вся ошибочность его утверждений и о консервации мезолитического слоя, и об его “чистоте”, и о несмешанности. Совершенно очевидно, что если бы мезолитический слой был “законсервирован отложениями новочерноморской трансгрессии”, никакие мезолитические находки в верхних горизонтах не встречались бы! А раз они встречены – процесс деструкции мезолитического культурного слоя (вернее, слоев) шел и в это время. Нет сомнения и в другом: когда торфянистые суглинки частично “законсервировали” мезолитические слои, находки в них уже были перемешаны, и эта “консервация” ничего уже не могла по сути изменить. Необходимо подчеркнуть отмеченный в описании факт: мезолитические находки попадали, и весьма активно, в верхние слои из-за деятельности землеройных животных как до, так и после затопления. Не исключено, что были и другие факторы, но данный устанавливается по тексту документально. Таким образом, нет сомнения, что деятельность землероек в почвенном слое – светло-коричневом суглинке, лежащем непосредственно на мезолитическом слое и затронутом процессом почвообразования, привела не только к “выносу” мезолитических находок в перекрывающие слои, но и к их перемешиванию между собой внутри самого слоя. Причем этот процесс шел, судя по всему, весьма длительное время. Он начался еще в мезолите, продолжался в неолите и был прерван новочерноморской трансгрессией, но вновь пошел с возобновлением процесса почвообразования в энеолите. В противном случае мезолитических находок выше культурного слоя – горизонта опесчаненного суглинка – никогда бы не было, но они есть и, как невольно свидетельствует сам В.Н. Станко, в значительном количестве. Предположение, что происходил вынос находок из слоя без перемешивания части из них в пределах самого слоя, явно абсурдно. Чтобы это утверждение не прозвучало голословным, уместно привести данные В.Н. Станко о том, что в верхних слоях, “раскапывавшихся лопатой и легко

удалявшихся без предварительного вскапывания" [17, с. 14]... было все же "найденно 4175 каменных изделий" [17, с. 66]. Исходя из того, что сам мезолитический слой дал 20593 каменных предмета, хотя раскапывался, в отличие от вышележащих горизонтов, ножами и совками [17, с. 14], соотношение цифр более чем впечатляющее: свыше 20 % всех находок оказалось вне пределов мезолитического слоя. Фактическое же соотношение, учитывая разницу методик раскопок, должно быть еще более шокирующим, так как потери при раскопках лопатой даже горизонтальными зачистками (без промывки слоя) составляют до 80 % артефактов, что же тогда говорить о потерях при раскопках на косой штык? Кроме того, на фото 3, где изображены очажные пятна из раскопа 1 1974 г., очень хорошо видны не только сами ходы землеройных животных в слое и вокруг очагов, но и то, что периметр пятен остался "не добран", что позволяет сделать однозначный вывод: мезолитический культурный слой стоянки Мирное был смешан и переотложен и по вертикали, и по горизонтали, то есть как вне, так и внутри себя.

Вывод о смешении на стоянке Мирное материалов кукрекской и гребениковской культур, вопреки мнению В.Н. Станко, подтверждает и приведенный в монографии планиграфический анализ инвентаря. Всего исследователем в раскопе выделено четыре "чистых" обособленных скопления каменных изделий (№ 1, 2, 12 и 13) и 14 – со слитными или "смазанными" [17, с. 66] микроструктурами. Скопление № 1 дало материалы исключительно кукрекской культуры, скопления № 2, 12 и 13 – гребениковской. Все участки со "смазанными скоплениями" носят смешанный гребениковско-кукреский характер, причем в каждом из них преобладают находки то одной, то другой культуры [17, с. 66]. В.Н. Станко считает присутствие трех названных видов скоплений доказательством "надежности планиграфической структуры поселения и признаком четкого обособления разных общин по территории поселения", а факт совместного залегания разнокультурного инвентаря – свидетельством "локализации разноэтнических семей, местом их совместного проживания" [17, с. 66, 71, 73, 117-131]. С таким утверждением В.Н. Станко можно было бы согласиться, если бы, например, кроме скоплений с изделиями двух культур были бы найдены "вещи-маркеры", но именно их-то на памятнике и нет. Ни одно скопление в Мирном и памятник в целом не дали ни одного предмета с бикультурными признаками. Если бы хоть одна такая находка была, В.Н. Станко, при его скрупулезности, не мог бы пройти мимо такого факта. Нет и гибридных технологий. Следовательно, нельзя признать совместное нахождение в Мирном разнокультурных вещей свидетельством контакта населения, их оставившего. Особенно если это относится к памятнику, на котором исследователем отмечены четкие признаки нарушения слоя в результате зоотурбации. Более того, в тексте монографии ясно написано: *"Чрезвычайно интересные и в какой-то мере неожиданные результаты были получены при морфологическом анализе каменного инвентаря отдельных скоплений и их групп. Выяснилось, что кремневый инвентарь неоднороден и четко делится на две группы как по технике первичной обработки камня, так и по набору изделий со вторичной обработкой. Обе технологические традиции изготовления каменного инвентаря прослежены как в изолированных скоплениях, так и в "смазанных" зонах. Кукрекские изделия встречаются только с "кукреским набором", гребениковские - с "гребениковским набором"* [17, с. 78, 79]. Комментарии, как говорится, излишни.

Эти примеры можно приводить и далее, но уже сказанного достаточно для вывода, что гребениковские и кукрекские комплексы не "испытывали (по образному выражению В.Н. Станко) взаимовлияния" [17, с. 71], а оказались механически смешанными в результате педотурбации, основная роль в которой на памятнике принадлежит зоотурбации. Именно зоотурбация привела почти к полному, исключая четыре микроскопления, смешению материалов кукрекской и гребениковской культур и фактическому образованию 14 бикультурных "комплексов". Случайная "чистота" четырех скоплений (№ 1, 2, 12 и 13) объясняется их планиграфическим несовпадением друг с другом.

Все изложенные факты позволяют считать, что в Мирном из-за активного растаскивания землеройными животными произошло механическое смешение разных слоев и находок, детально зафиксированное и описанное, но так и не понятое автором полевых работ. Следовательно, Мирное можно интерпретировать как остатки нескольких разновременных сезонных стоянок двух разных групп населения. Группы кукрекского и гребениковского населения в разное время посещали одно и то же удобное место в устье р. Дракули, не пересекаясь и непосредственно не взаимодействуя друг с другом. Коллекция с бикультурными признаками образовалась в результате натурации. Подтверждением вывода о механическом смешении разнокультурных пятен в Мирном служит и ремарка самого В.Н. Станко о том, что *"тип поселения в Мирном не имеет близких аналогий среди памятников гребениковской и кукрекской культур"* [17, с. 80]. Вероятно, малочисленность населения обеих культур и подвижный образ жизни позволили создать "эффект наложения разнокультурных стоянок" только в одном, исследованном к 1982 г., месте – на стоянке Мирное. Ибо Мирное, в отличие от других известных в степях Северного Причерноморья стоянок, занимает географически наиболее выгодное положение в устье р. Дракули. Следовательно, реконструкцию В.Н. Станко экономического и социального устройства в мезолите степей Северного Причерноморья нельзя признать достоверной.

Таким образом, характер отложений, в которых залегают слои большинства мезолитических стоянок Восточной Европы и стоянок Жиздринского полесья, в частности, непосредственным образом сказывается на состоянии изучаемого археологами источника. Естественное возникновение поликультурных комплексов – это объективная сторона источника по мезолиту Восточной Европы. Культурное многообразие, которое мы наблюдаем на примере полесских памятников, сплошь и рядом бывает мнимым, сугубо источниковедческим, а никак не культурно-историческим. Главный парадокс источниковедения состоит в том, что археологические источники образуются не только и даже не столько при жизни человека, сколько тогда, когда культурный слой памятника уже сформировался. Момент "прижизненного формирования источни-

ка”, безусловно, важен, так как именно он определяет тип памятника. Однако это лишь начальное звено в цепочке метаморфоз, происходящих с источником. Для голоценовых памятников главным движущим механизмом метаморфоз, воздействующих на “потенциальный источник”, являются процессы почвообразования. Если процессы дифференциации ведут к видоизменению собственной окраски культурного слоя, то процессы гомогенизации (почвенной деструкции) – это основной механизм, генерирующий новое природное и культурное состояние памятника. Именно натурация служит причиной повсеместно наблюдаемого в европейских полесьях “культурного многообразия”.

Археологическая фиксация “поликультурного комплекса”, возникшего в результате натурации, – вещь вполне обыденная. Вместе с тем, это и есть главный шаг в создании неадекватной исторической картины. Другой, не менее важный, механизм образования “поликультурных комплексов” – методика полевых исследований. И сборы подъемного материала, и “научные” раскопки по штыкам, условным или литологическим горизонтам – это формирование такого источника, которого не существует в природе. Осознанное или неосознанное разрушение пространственной структуры памятника, происходящее при использовании названных полевых методик, является основным субъективным фактором в создании искаженного “источника”. Менее существенный фактор, влияющий на метаморфозы с источником, – условия его хранения, но и о них не следует забывать.

Еще один способ создания многочисленных археологических мифов – неразборчивость в выборе коллекций для анализа. Каждая коллекция в зависимости от способа поступления и ее состояния имеет разную источниковедческую ценность. Любая попытка глобального охвата материалов без оценки их достоверности и надежности – это самый простой способ создания очередного историко-культурного мифа. Этнокультурная история, написанная на основе достоверных источников, всегда будет отличаться от интуитивных историй каменного века. Да, без интуиции науки не бывает, но точно так же ее не бывает на одной интуиции, без фактов. Фактов достоверных, а не сомнительных.

Для установления природы поликультурности (аккультурации или натурации) могут быть использованы пространственное распределение материалов, оценка геоморфологической приуроченности памятников и генезиса их слоев, состав и механизм разрушения слоев и изменения в пространственной структуре памятника, корреляция и сравнение памятников разных регионов друг с другом, статистическая обработка массовых материалов и неременная источниковедческая критика. Только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

Критика источников показывает недостоверность ряда уже ставших привычными положений – таких, как генезис неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины на основе индустрии типа Студенок, бутовско-иеневская “междоусобица” или кукрекско-гребениковский “симбиоз”. Проведенное исследование позволяет отказаться от идеи образования культур в результате “сложения” их комплексов [16], поставить под вопрос объективность существования днепро-деснинской культуры Белоруссии, неманской культуры Литвы, елиноборской культуры Волго-Окского междуречья. “Взвешивание” признаков контактных зон показывает недостаточность аргументации в пользу процессов аккультурации в мезолите Восточной Европы. Вопрос о признании полесий Восточной Европы “контактными зонами”, верный в плане теоретической постановки, не находит однозначно подтверждающего ответа в археологических материалах. Это со всей очевидностью приводит к необходимости разработки археологических признаков понятий “контактных зон”, аккультурации и метисации.

Анализ материалов финальнопалеолитических и мезолитических памятников Жиздринского, Новгород-Северского, Мещерского полесий, Посожья, Поднепровья, Подесенья, Понеманья и Волго-Окского междуречья и т.д. наряду с такими неполесскими памятниками, как стоянка Мирное, свидетельствует о сложном характере источников, относящихся к концу плейстоцена и раннему голоцену. Приведенные факты показывают необходимость критического отношения к источнику. Проработка коллекций под новым углом зрения – критического отношения к источнику – может дать возможность иначе взглянуть на старые привычные материалы и проблемы, с ними связанные. В чем-то упростить их, но уж во всяком случае значительно видоизменить уже ставшую привычной картину.

Например, для выводов о культурном взаимодействии бутовского и иеневского, свидерского и аренбургского, свидерского и яниславицкого, свидерского и маглемозского, кукрекского и гребениковского населения строгих оснований нет. А есть лишь специфика самого источника. Нет сомнения, что путь решения вопроса аккультурации древнего населения находится вне констатации факта совместного нахождения разных признаков в одной коллекции. Поэтому только всесторонний учет специфики памятников и доказательство их источниковедческой надежности могут служить основой для этнокультурных построений в археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
2. Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.
3. Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев, 1984.
4. Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск, 1987.
5. Ксензов В.П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. 1996. № 3.

6. Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. 1997. № 1.
7. Дукельский В.Ю., Сорокин А.Н. Фатьяновское погребение на стоянке Рессета 3 // КСИА. Вып. 185. 1986.
8. Адрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. 1975. № 3.
9. Арутюнова С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
10. Чистов К.В. Взаимоотношения культур контактирующих этносов: влияния, взаимообмен, апперцепция, симбиоз, непроницаемость // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Этнография и изучение культурных процессов. Археологические изыскания. Вып. 11. СПб., 1993.
11. Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 1. New York, 1978.
12. Роде А.А., Смирнов В.И. Почвоведение. М., 1972.
13. Леонова Е.В. Планиграфический анализ "донных" мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
14. Римашеве Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
15. Szymosak Karol Three faces of the swiderian culture // Archaeologia interregionalis. New stone age archaeology. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warsaw, 1987.
16. Кольцов Л.В. О характере сложения ранне-мезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4.
17. Стайко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.N. Sorokin

PARADOXES OF SOURCE STUDIES OF THE MESOLITHIC OF EASTERN EUROPE

Summary

The analysis shows that cultural diversity we see in the areas of sandier soils (Russian: plesie) monuments in Eastern Europe is nearly always imaginary, particularly due to the influence of source studies, but not a historical-cultural one. The basic paradox of source studies is that archaeological sources are forming not only, and even not so much during a man's life, as after a cultural layer of a monument has already been deposited. The moment of "forming a source in the course of one's life" is, no doubt, important, since it defines a type of a monument, but it is only the first link of chain of metamorphoses which occur to the source. For the Holocene monuments processes of soil formation are the basic driving force of metamorphoses affecting a potential source. It is those processes that create new natural and "cultural" state of a monument. The role of phenomena of "naturation" (a process of natural influence on the genesis of a cultural layer – the term is suggested by the author) in "creation" of polycultural complexes is defined. It is the naturation which lies at the bottom of the "cultural diversity" the scholars watch everywhere in European "plesie" zones. Archaeological fixation of a polycultural "complex", which appeared as a result of naturation, is common enough. At the same time it is the main step in creating an inadequate historical picture.

There is no solid base for making conclusions on cultural interaction of the Butovo and the Ienevo peoples, of the Swiderian and the Ahrensburg cultures, of the Swiderian and the Yanislavitsy, of the Swiderian and the Maglemose, of the Kukrek and the Grebeniki populations. There is a peculiarity of a source itself only. No doubt a way to solve a problem of acculturation of ancient population lies outside the ascertaining of the "fact" of various features coexistence in one collection.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Е.В. Леонова

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВОЛГО-ОКСКИХ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК НА ПЕСКЕ

Представления о волго-окском мезолите были сформированы целым рядом публикаций, посвященных различным проблемам: хронологии и периодизации, культурным различиям в мезолите региона, взаимоотношениям мезолитического населения, “сезонному функционированию” стоянок и т. д. [1-8]. Источником для этих исследований служили данные, полученные в ходе раскопок памятников, материалы которых залегают в рыхлых песчаных и супесчаных отложениях (так называемые “дюнные” стоянки).

Раскопки волго-окских мезолитических памятников, расположенных на песчаных дюнах или останцах надпойменных террас, дают весьма ограниченный набор материалов: каменный инвентарь, иногда мелкие обломки кальцинированных костей, древесный уголь. В процессе раскопок на ряде памятников зафиксированы пятна (в том числе углистые), которые “читались” на уровне залегания находок. Культурный слой окраски не имеет и ассоциируется у исследователей с горизонтом залегания расщепленных кремней. Мощность такого “культурного слоя” составляет примерно 30-40 см. В плане кремни залегают скоплениями, различными по площади. Иногда скопления превышают площадь раскопа.

Очевидно, что многие наиболее удобные участки местности неоднократно заселялись в древности (не только на протяжении эпохи мезолита). Однако условия залегания культурных остатков не позволяют определить или расчлнить по глубине залегания разновременные мезолитические материалы.

Такие памятники пока являются главным компонентом источниковой базы волго-окского мезолита.

Целью моего исследования было выявление синхронных элементов культурного слоя на “дюнных” мезолитических памятниках, которые могут рассматриваться как единый культурно-хронологический комплекс, установление различия или сходства планиграфических структур разнокультурных и разновременных (в пределах эпохи мезолита) стоянок Волго-Окского междуречья¹.

Условия залегания материалов в рыхлых песчаных отложениях не позволяют без анализа распределения артефактов в плане, дифференцированного рассмотрения каждого структурного элемента культурного слоя памятника (скопление, микроскопление, участки культурного слоя с редкими находками², цветовые пятна), их взаимосвязей обосновать, доказать или опровергнуть выдвинутые ранее гипотезы и предложенные реконструкции.

Установить синхронность вышеперечисленных элементов культурного слоя возможно с помощью ремонтажа кремневых изделий, анализа сырья и, в некоторых случаях, по специфическим чертам кремневых орудий и/или составов кремневых комплексов.

Изучение планиграфических структур разнокультурных мезолитических стоянок показало следующее.

1. Главным структурообразующим элементом всех “дюнных” стоянок является скопление расщепленных кремней площадью от 4-6 до 150 кв. м (табл.), частично подбирающихся по ремонтужу, как правило, сопряженное с одной или несколькими углистыми линзами.

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность исследователям, предоставившим свои материалы: М. Г. Жилину, Л. В. Кольцову, А. Е. Крайцову, Т. М. Кузнецовой, А. Н. Сорокину, – а также сотрудникам Тверского государственного объединенного музея И. Н. Черных, А. Н. Пичугиной, М. Е. Ланцевой, оказавшим содействие и помощь в процессе работы с коллекциями.

² *Скопление* – участок культурного слоя, в пределах которого количество находок на единицу площади превышает среднее число находок на единицу площади в пределах раскопа. Расстояние между находками из скопления и находками вне скопления должно превышать максимальное расстояние между соседними находками внутри скопления. Предполагается, что скопления расщепленных кремней на площади памятника возникают в результате целенаправленной хозяйственно-бытовой деятельности населения, оставившего памятник. Но необходимо учитывать, что граница выделяемого скопления зависит от конкретного участка памятника, вскрытого раскопом, и предполагать, что рассматриваемое пространство заселялось людьми только один раз. В другом случае – скопления могут образовываться в результате множественного наложения различных участков разновременных поселений.

Микроскопления – небольшие компактные участки культурного слоя в пределах скоплений с наибольшей концентрацией находок и/или специфическим набором каменного инвентаря.

Участки культурного слоя с редкими находками или с “нормальным” распределением находок – участки с находками на исследованной площади памятника вне выявленных скоплений.

Таблица 1. Данные о составе, площади и форме скопления на мезолитических стоянках Волго-Окского междуречья

Название стоянки	Нуклеусы и сколы подправки	Отщепы	Пластинны	Всего орудий	Скрепки	Резцы	Пластинны с резущью	Микро-литы	Наконечники стрел	Красные отщепы резцов	Номер скопления	Площадь, кв. м	Форма скопления
Беливо 4Г (1С)	3	50	3	12	1	5	0	1	1	3	1С	3,8	подокруглое
Беливо 4Г (2С)	0	16	4	9	0	5	1	0	1	5	2С	24,5	аморфное
Беливо 4Г (3С)	3	52	12	4	0	2	1	1	0	3	3С	2,86	половальное
Беливо 4Г (4С)	0	13	0	6	0	1	0	0	1	1	4С	16,5	половальное
Беливо 4Г (1Ю)	0	21	1	1	0	1	0	0	0	0	1Ю	2,5	половальное
Беливо 4Г (2Ю)	0	45	6	12	1	3	2	0	0	6	2Ю	14	аморфное
Беливо 4Г (3Ю)	1	84	4	3	2	1	0	0	0	6	3Ю	13,5	аморфное
Беливо 6В	8	1329	77	116	34	30	4	1	6	53	скопл.	93	овальное
Бутово 1 (1987) (1)	19	700	57	31	3	8	3	9	5	3	ск. 1	12,5	подковообразное
Бутово 1 (1987) (2)	2	180	13	12	2	4	2	0	3	1	ск. 2	11,7	половальное
Велетьминская 9 (2)	3	есть	есть	19	4	1	15	0	0	?	ск. 2	6,5	подковообразное
Иенево 2 (1)	14	5500	250	70	10	18	2	34	0	1	ск. 1	54	аморфное
Иенево 2 (2)	22	5000	200	91	36	25	8	13	1	5	ск. 2	74	аморфное
Красново 1	32	1600	50	12	4	2	0	0	0	0	скопл.	2,7	подковообразное в яме
Микудино	106	1201	1042	318	38	139	58	38	4		скопл.	56	подковообразное
Петрушино (1)	113	710	255	229	112	31	20	6	6		ск. 1	28	половальное
Петрушино (2)	73	429	187	157	53	62	1	4	4		ск. 2	23	аморфное

2. Число скопления на рассмотренных мезолитических памятниках Волго-Окского междуречья колеблется от одного (стоянки Беливо 6В, Красново 1 [9], Микудино [10], Сельцо 3, Пеньково [3; 11]) до 10 и более (Авсерьгово 2, Дмитровское 1, Черная Грязь 1 [12]), причем число выявленных скопления на памятнике напрямую не зависит от площади раскопа (на стоянке Авсерьгово 2 исследовано 13 скопления на площади 95 кв. м, на стоянке Беливо 6В – всего одно скопление на площади более 300 кв. м). Прослеживается зависимость количества скопления на стоянке от их площади и состава каменного инвентаря. Опираясь на данные, полученные для стоянок Беливо 4А, 4Г, 6В, Бутово 1 (раскопки 1987 г.), Петрушино, Иенево II и Микудино, можно утверждать, что чем больше площадь скопления и полнее набор различных классов каменного инвентаря, тем меньше скопления на стоянке (табл.).

3. Количество синхронных скопления на рассмотренных памятниках колеблется от одного-двух до пяти (например, стоянка Беливо 4Г - северная) в зависимости от состава каменного инвентаря в скоплениях.

4. По величине, взаимосвязи и расположению скопления рассмотренные мезолитические стоянки могут быть разделены на три группы: 1) несколько обособленных скопления с выраженной спецификой, определяющейся по ограниченному своеобразному набору артефактов (Беливо 4Г – обе стоянки); 2) единое скопление с полным (или почти полным) набором каменного инвентаря, характерного для мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья, и соподчиненные одно или несколько микроскопления (Беливо 6В, Бутово (скопление 1, 1987 г.), Микудино и, возможно, Митино 5 и Ладьжино); 3) два скопления, расположенные в нескольких метрах друг от друга, аналогичные как по структуре кремневых комплексов, так и по площади, но не связанные по ремонту (Петрушино, Иенево II и, возможно, Черная 1). Планиграфические структуры памятников Беливо 4А и Бутово 1 (все года раскопок) аналогичны и представляют собой множество разных по составу и взаимосвязи скопления, что, вероятно, отражает соседство и, видимо, частичное наложение нескольких разновременных комплексов.

5. Чем обусловлены различия или сходство в структурах мезолитических стоянок Волго-Окского междуречья – пока не ясно. Зависимость структуры стоянки от культурной принадлежности комплекса и от положения на хронологической шкале не выявлена. Нельзя объяснить сходство планиграфических структур стоянок как узколокальное явление (различия планиграфических структур стоянок в районе д. Беливо очевидны). Сезон или сезоны бытования стоянок по материалам памятников определить не удалось; лишь опираясь на данные спорово-пыльцевого анализа, можно сделать вывод о незимнем сезоне бытования стоянок Беливо 6В и Иенево II.

6. Традиционно на мезолитических памятниках некоторые структуры (цветовые пятна и сопряженные с ними скопления расщепленных кремней) интерпретируются как остатки жилищ. Возможно, исследователи интуитивно выделяют объекты, действительно соответствующие остаткам жилищ. Однако пока не выработаны критерии для адекватной интерпретации как цветовых пятен, так и групп структурных элементов, называемых “жилищами”.

7. На всех рассмотренных памятниках велось первичное расщепление, однако по соотношению количества сколов и орудий памятники, расположенные на берегах Волги и Оки, в непосредственной близости

выходам кремня (Авсерьгово 2, Бутово, Иенево II, Митино 5, Ладыжино 3), и памятники, находящиеся на притоках Оки, удаленные от сырьевой базы (группа стоянок в районе д. Беливо, Черная 1, Петрушино, Микулино), резко отличаются друг от друга. Плотность концентрации находок и представительность комплекса, обычно рассматриваемые как данные о длительности и сезоне бытования стоянки, производственно-экономических задачах, выполнявшихся на памятнике, на мой взгляд, в первую очередь зависят от удаленности сырьевой базы, качества сырья и традиций его использования.

8. Общей чертой всех рассмотренных мезолитических стоянок является локализация связей по ремонту-жу внутри скоплений, что можно объяснить относительной непродолжительностью бытования стоянок.

Таким образом, почти все обособленные скопления с более или менее полным набором каменного инвентаря, характерного для памятников волго-окского мезолита, могут рассматриваться как отдельные стоянки. Площадь рассмотренных мезолитических стоянок составляет около 100 кв. м (стоянка Беливо 6В) и не превышает 600-700 кв. м (стоянка Иенево II, если считать оба скопления синхронными). Необходимо отметить, что под "площадью мезолитической стоянки" подразумевается площадь хозяйственно-бытовой деятельности, связанной с производством и использованием орудий из камня.

Однако многие нестратифицированные мезолитические памятники Волго-Окского междуречья имеют площадь 5000 кв. м и более. Такие памятники могут рассматриваться и как места неоднократного заселения в эпоху мезолита, и как долговременные поселения. Сегодня я не вижу бесспорных доказательств того или иного положения.

В заключение отметим, что данные планиграфического анализа не могут служить основанием для поспешных реконструкций, так как площадь стоянки (жилища) зависит от целой совокупности факторов, которые в большинстве случаев невозможно определить (сезон, длительность бытования стоянки или жилища, количество насельников, традиции использования пространства жилого помещения или стоянки).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
2. Кольцов Л. В. Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
3. Кольцов Л. В. Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
4. Кольцов Л. В. О сезонном функционировании мезолитических стоянок (по материалам Волго-Окского междуречья) // СА. 1985. № 3.
5. Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. 1991. № 2.
6. Сорокин А. Н. Культурные различия в мезолите бассейна р. Оки // КСИИМК. Вып. 189. 1987.
7. Сорокин А. Н. О связях населения бутовской и иеневской культур // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. Фролов А. С. О хозяйстве иеневских племен // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
9. Бодунов Е. В., Виробьев В. М., Жилин М. Г. Мезолитическая стоянка Красново I // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
10. Сорокин А. Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мешера) // СА. 1981. № 1.
11. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
12. Крайнов Д. А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I // КСИИМК. Вып. 131. 1972.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E. V. Leonova

SOME RESULTS OF PLANIMETRIC ANALYSIS OF THE VOLGA-OKA RIVERS BASIN SITES ON SAND

Summary

The article considers the results of planimetric analysis of the materials from the Mesolithic monuments located on dunes and sandy river terraces in the Volga-Oka Rivers basin. Revealing links between separate structural elements of cultural layer of the Mesolithic sites on dunes (conglomerations, microconglomerations, coloured spots) and proving their synchrony, the author picks out in the monuments one or several groups of structural elements, which can be considered as a cultural and chronological complex, and suggests their evaluation as separate sites (remains of one short-term settlement, which was made by one group of people). The square of such sites varies from 100 to 600-700 sq. m. The planimetric structure of the surveyed sites is different but does not depend on the age of a site or on cultural attribution of a complex. Many non-stratified Mesolithic monuments of the Volga-Oka Rivers basin have a square of 5000 sq. m and more. In the author's opinion the monuments with a square of more than 1000 sq. m can be determined either as places of repeated occupation in the Mesolithic or as long-term settlements.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Л.В. Кольцов

ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ МЕЗОЛИТА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Под термином “культурная общность” в данной работе понимаются крупные культурные объединения, включающие несколько родственных археологических культур. В мезолите севера Европы (к северу от линии Сена-Альпы-Карпаты-Припять-устье Камы-Уральский хребет) существовало несколько таких общностей. Попробуем рассмотреть тенденции их развития. Надо сказать, что в археологической литературе эта проблема в данном аспекте до сих пор не исследовалась.

Культурная общность дуфензе-маглемозе располагалась на северо-западе и в центре Европы, а в процессе развития отдельные ее культуры распространились и в Восточной Европе. Не будем сейчас говорить об ее возникновении, о характере этого процесса. Самые ранние даты по радиоуглероду и пыльце получены для ранней ступени британского маглемозе. Они попадают в 1-ю пол. VIII тыс. до н. э. [1]. Следовательно, можно предположить, что население, оставившее затем культуры этой общности, сконсолидировалось впервые в какое-то культурное образование именно на территории Британии, в районе восточного ее побережья. Уже тогда в инвентарях памятников этой культурной группы появляются техника раскалывания кремня и ряд категорий орудий из камня и кости, присущие потом почти всем культурам этого круга.

Во 2-й пол. VIII тыс. до н. э. начинается распространение данного культурного явления на восток, на территорию современных Голландии, Дании, Южной Швеции, где складывается в это время родственная раннему британскому маглемозе культура дуфензе [2]. Ее наиболее ранние памятники датируются по радиоуглероду именно 2-й пол. VIII тыс. до н. э., что подтверждается и пыльцевыми определениями. Эта культура продолжает существовать, возможно, до начала атлантического периода. В ней в значительной степени сохраняются те формы микролитов, что уже были в комплексах 1-й пол. VIII тыс. до н. э. на Британских островах. Происходящие изменения в этой категории орудий не слишком значительны: исчезают две старые формы, появляются две новые.

Не совсем ясно, когда продолжилось дальнейшее продвижение населения этой культурной общности на восток. В этом продвижении нет сомнения: материалы коморницкой культуры (территория современных Польши и севера Украины), имеющие очень много общего с культурой дуфензе, неопровержимо свидетельствуют об этом. Самые ранние даты памятников коморницкой культуры – сер. VIII тыс. до н. э. Видимо, к этому времени и следует отнести продвижение на восток носителей данной культурной традиции [3].

В первой половине бореального периода на базе британского маглемозе и дуфензе складывается культура скандинавского маглемозе (территория современных Дании, Южной Швеции, Северной Германии). Все имеющиеся датировки по методам естественных наук основного количества ее памятников относятся ко 2-й пол. VII тыс. до н. э. Только отдельные стоянки датируются его первой половиной. По-видимому, о маглемозе можно сказать так: культура складывалась в 1-й пол. VII тыс. и развивалась во второй его половине [4].

Не все население британского маглемозе мигрировало на восток. Часть его осталась на территории Британии, где культура продолжала развиваться (поздняя фаза). Большинство имеющихся по этой фазе дат помещает ее в VII тыс. до н. э. В это время эта общность представлена уже четырьмя культурами.

В конце бореального периода начинаются глобальные изменения в экологической обстановке, в первую очередь выразившиеся в подъеме уровня Мирового океана и, в частности, в постепенном подъеме уровня Северного и Балтийского морей, образовании проливов между Данией и Швецией и между Британскими островами и материком Европы. Это привело к сокращению суши по берегам этих морей и, следовательно, к сокращению охотничьих территорий, что, в свою очередь, вызвало перенаселение у мезолитических коллективов, обитавших по берегам моря, приведшее к полному исчезновению одних и распаду других.

Одним из таких распавшихся коллективов (культур) была культура маглемозе. В результате сегментации из нее выделилось несколько групп, образовавших новые культурные единицы.

Южная часть бывшего ареала маглемозе оказалась занята культурой ольдесло. Некоторые исследователи считают, что в процессе развития ее население очень медленно мигрирует к югу. Однако данных, подтверждающих это мнение, крайне мало, и они не однозначны. Во всяком случае, далеко на юг эта миграция не распространилась, и поэтому в данном контексте ее можно не принимать во внимание. Судя по имеющимся немногочисленным датировкам по методам естественных наук, эта культура складывается где-то на рубеже бореал-атлантик. Ее верхний хронологический предел не ясен, поскольку имеющиеся даты – в ос-

новном начала атлантического периода. В инвентаре ольдесло много общего с культурой маглемозе, что позволило ряду специалистов считать ольдесло фазой с трапециями культуры маглемозе. Однако кое-какие формы микролитов ее населением были заимствованы и из культуры дуфензе [2].

Второй культурной единицей, отсегментировавшейся от маглемозе, была культура де лейен-вартена, памятники которой находятся юго-западнее прежней территории маглемозе – в Северо-Западной Германии и Голландии. Все имеющиеся даты относятся к VI тыс. до н. э., иначе говоря, данная культура сложилась тоже в начале атлантического периода. Ее вещевой комплекс имеет черты, заимствованные из маглемозе, но, вместе с тем, здесь встречаются формы, полученные или из более южных культур, или из соседней культуры боберг, относящейся к совтеррско-тарденуазской культурной общности, ряд форм – из культуры дуфензе. Подчеркнем здесь окраинное положение данной культуры на стыке с другой культурной общностью [5].

Третьей культурной единицей, образовавшейся в начале атлантического периода на территории бывшего маглемозе, была культура конгемозе, занимавшая теперешнюю Данию и юг Швеции. Ее хронологические реперы относятся к VI-V тыс. до н. э. И здесь надо отметить окраинное положение данной культуры. В ее инвентаре есть черты, заимствованные из маглемозе и из соседней культуры фосна, относящейся к другой культурной общности [4].

Четвертой культурной единицей, появившейся после распада маглемозе и полной сегментации ее населения, была культура, которую в Польше называли хойнице-леньковской, а в Германии – группой Юндорф. Она захватывала бассейны Вислы и Одера, образовалась в результате миграции части постмаглемозского населения на юго-восток. В своем инвентаре имела маглемозские черты (преобладают), признаки, заимствованные из культур коморницкой или дуфензе, а также элементы, полученные от культур какого-то другого круга (трапеции). Хронология этой культуры практически не установлена. Она тоже занимает окраинное положение [3].

Пятой культурой, носители которой отсегментировались от маглемозе, была яниславицкая, которую мы считаем генетически связанной с маглемозе. Ее население после сегментации мигрировало сначала в восточном, а затем в юго-восточном направлении, причем довольно далеко от первоначального пункта расселения: до бассейна Северского Донца. Хронология ее не совсем ясна, во всяком случае, большинство известных радиоуглеродных дат (кроме одной) помещают эту культуру в VI-IV тыс. до н. э. [3].

На юго-западе указанного региона располагались культуры, относящиеся к другой культурной общности. Назовем ее совтеррско-тарденуазской. Часть культур этой общности существовала за пределами изучаемого региона (совтеррская, кастельновская и др.). Однако ряд ее культур захватывал все же самый юг территории, которой посвящена данная статья.

Одной из них была тарденуазская культура [6]. Ее памятники распространены достаточно широко: они известны в Северной Франции, Бельгии, Голландии, Южной Германии, Швейцарии, Австрии, Чехии. Хронология ее довольно растянута: от пребореала до середины атлантического периода. При этом наиболее ранние памятники находятся в Южной Германии. По-видимому, именно там начинается складываться эта культура. Но уже в первой половине бореала ее население распространилось на большинство указанных выше территорий. Более того, во 2-й пол. VII тыс. до н. э. в ней начинается интенсивная сегментация, и часть населения тарденуаза, отделившись от основного массива этой культуры, мигрирует на север, расселившись в Восточной Голландии и Северо-Западной Германии, основав там культуру боберг [2].

Содержание тарденуаза и боберга весьма близко. Разница в том, что культура боберг, хронологические рамки которой – от 2-й пол. VII до сер. VI тыс. до н. э., имеет ряд черт, заимствованных, возможно, из культур дуфензе-маглемозской общности, и элементы, полученные из более южных культур совтеррско-тарденуазской общности.

Надо отметить, что С.К. Козловский предполагает миграцию населения совтеррской культуры, сложившейся поблизости от Пиренеев, на север вслед за продвижением широколиственных лесов. Возможно, что некоторое влияние этого продвижения совтеррского населения достигло и тарденуазской по своей сути культуры боберг [5].

Необходимо сказать еще об одной культуре, располагавшейся на территории современных Голландии, Бельгии и Северной Франции. Она тоже относится к совтеррско-тарденуазской культурной общности, поскольку основные формы микролитов здесь те же, что и в других культурах этой общности. Ее называют по-разному в различных странах. С.К. Козловский, с нашей точки зрения, дал ей удобное название нижнерейнской. Ее хронология – посл. четв. VII-V тыс. до н. э.

Теперь вернемся к судьбе британского маглемозе. Эта окраинная культура дуфензейско-маглемозской общности во 2-й пол. VII тыс. до н. э. подверглась воздействию со стороны мигрировавшей в Британию части населения совтеррско-тарденуазской культурной общности. Носители какой именно из культур этой общности переселились в Британию – сейчас сказать трудно, так как отмечаются признаки и совтеррской, и тарденуазской культур. Мы все-таки склонны считать переселившимися в Британию тарденуазские группы, поскольку зона их расселения находилась гораздо ближе к Британии и отделяла последнюю от совтеррской. Образовавшаяся новая культура включает в себя элементы маглемозе и тарденуаза. Хронологические рамки ее, в основном, укладываются в VI тыс. до н. э., хотя есть несколько дат и более поздних. Вероятно, она доживает до появления на Британских островах неолитических переселенцев с материка с производящей экономикой. Эту культуру можно отнести к числу синкретических, т.е. объединяющих признаки двух культурных общностей [7].

Существовавшая на восточной окраине дуфензейско-маглемозской общности коморницкая культура при взаимодействии с соседней постсвидерской тоже дает новую синкретическую культуру – таценки-кудлаевскую, включающую признаки обеих названных общностей.

Нужно подвести итог развитию культурной общности дуфензе-маглемозе. Она сложилась как культурная единица в 1-й пол. VIII тыс. до н. э. в одном центре в самой западной части ареала. Население ее во 2-й пол. VIII тыс. до н. э. после сегментации начинает мигрировать в восточном направлении, захватывая обширную территорию Центрально-Европейской равнины и достигая Восточной Европы. На рубеж VIII-VII тыс. до н. э. начинается экспансия на север, в направлении Южной Скандинавии. В составе общности появляется четвертая культура, все они существуют одновременно. Однако уже во 2-й пол. VII тыс. население этой общности начинает испытывать двойное давление: с одной стороны, это пресс изменяющихся природных условий, а с другой – нажим других культурных общностей (с юга и севера). Эти процессы приводят к активной сегментации, до этого не столь заметной, которая, в свою очередь, вызывает распад одних культур и полное исчезновение других. В VI тыс. до н. э. в состав общности входят уже пять культур, а на ее окраинах складываются четыре культуры, впитавшие элементы двух общностей. Таким образом, тенденции развития данной культурной общности можно охарактеризовать следующим образом: возникновение в одном центре, затем, после сегментации, расселение сначала в одном, потом в двух направлениях, затем активная сегментация с интенсивными передвижениями и сильное взаимодействие на окраинах ареала с соседними культурными общностями с образованием синкретических культур.

Совтеррско-тарденуазская культурная общность, возникшая, вероятно, в VIII тыс. до н. э., представлена в изучаемом регионе сначала одной культурой – тарденуазом. Но во 2-й пол. VII тыс. под влиянием изменения природных условий начинается миграция части населения общности в северном направлении, что приводит к образованию нескольких новых культур и еще одной синкретической на базе совтеррско-тарденуазских и маглемозских элементов. Характеризуя тенденции развития этой культурной общности, нужно подчеркнуть ее возникновение в нескольких центрах, относительно спокойное сначала внутреннее развитие (с не очень широким расселением), а затем стремление к сегментации и к расширению территории с активным взаимодействием с соседями из других культурных общностей, что приводит к созданию синкретических культур на окраинах ареала. Следовательно, можно заметить, что модель развития данной общности несколько отличается от модели развития культурной общности дуфензе-маглемозе.

Третья культурная общность представлена тремя культурами. Первой из них возникла, вероятно, культура фосна на территории современных Южной Норвегии и Южной Швеции. С нашей точки зрения, эта культура – непосредственное продолжение позднего аренсбурга, существовавшее в голоцене. Об их близости говорит состав каменного инвентаря. В настоящее время для культуры фосна получен ряд дат по радиоуглероду, самая ранняя из которых относится к 1-й пол. VIII тыс. до н. э., практически смыкаясь с датами поздних памятников аренсбургской культуры. Отсюда ясно, что и хронология обеих культур не противоречит высказанному положению [8].

Уже очень рано от населения культуры фосна отсегментировалась группа, которая вдоль западного побережья Норвегии проникла на северо-восток, за Полярный круг. Это произошло во 2-й пол. VIII тыс. до н. э. там сложилась еще одна культура – комса, очень близкая культуре фосна по каменному инвентарю.

Третья культура этой культурной общности – аскола-суомусьярви. Она возникла, может быть, несколько позже, в VII тыс. до н. э., после сегментации культуры комса и передвижения части ее населения в южном направлении. Ее памятники расположены на территории современных Финляндии и Карелии [9; 10].

Для этой культурной общности характерна модель возникновения в одном центре с последующей миграцией после сегментации в одном направлении, дальнейшей сегментацией и миграцией в другом направлении и активным взаимодействием с соседними культурными общностями на ступени позднего мезолита, с образованием синкретической культуры на границе ареала.

Четвертая культурная общность – постсвидерская – сформировалась в 1-й пол. VIII тыс. до н. э. после распада свидерской культуры и сегментации ее населения. По-видимому, первоначальный распад произошел на три или четыре группы.

Первая группа, единственная из оставшихся в одном из районов существования свидерской культуры – в бассейне Немана, получила сейчас название неманской культуры. Ее хронология неясна, поскольку практически нет дат по методам естественных наук. Однако, так как она является, с нашей точки зрения, непосредственным продолжением свидера (большинство форм каменных орудий свидера переходит в нее), а последний заканчивается в 1-й пол. VIII тыс. до н. э., можно предполагать, что она возникает именно в конце 1-й пол. VIII тыс. и существует до неолита [11].

Второй культурой, относящейся к этой общности, является кундская. Серия радиоуглеродных и пыльцевых датировок определяет ее хронологию. Она возникла в конце 1-й пол. VIII тыс. до н. э. и просуществовала до неолита, захватив после сегментации и миграции на север территорию современных Эстонии, Латвии, возможно, Северной Литвы и части Ленинградской области [12].

Третья культура данной общности – бутовская. Она складывается в результате миграции части отсегментировавшегося постсвидерского населения на территорию Волго-Окского междуречья и метисация его с носителями аренсбургских и местных палеолитических традиций с формами острий, типичными для культурных групп федермессер, происходящей в ходе миграции и после нее. Хронология этой культуры по целому ряду датировок попадает в рамки между сер. VIII и кон. VI тыс. до н. э. Хочется отметить, что постсвидерская миграция шла здесь не на север, а скорее на восток-северо-восток. Население бутовской культуры,

появившись сначала в западной части Волго-Окского междуречья, постепенно передвигается по нему в восточном направлении, захватывая весь этот огромный регион. Уже довольно рано (предположительно в кон. VIII или нач. VII тыс. до н. э.) в его среде начинается сегментация, которая приводит к отделению ряда групп и их движению в северном направлении, о чем говорят, например, материалы стоянки Лотова Гора [13]. Эти сегментация и миграция отдельных групп населения бутовской культуры в северном направлении продолжают и в VI тыс. до н. э., о чем свидетельствуют памятники сухонской культуры и материалы ряда памятников Карелии [14; 15]. Вероятно, в VI тыс. до н. э. миграция бутовских групп идет вниз по Волге, достигая Чувашии [16].

Где-то на рубеже VIII и VII тыс. до н. э. складывается культура веретье. С нашей точки зрения, она тоже относится к кругу постсвидерских культур. Во всяком случае, все кремневые наконечники стрел, найденные на ее памятниках, принадлежат к постсвидерскому кругу, представленному аналогичными находками в кундских и бутовских стоянках. Ее начало – позднее начала кундской и бутовской культур. Однако сказать, от какой из культур она произошла, сейчас невозможно [14].

Уже говорилось, что в VI тыс. до н. э. формируется еще несколько культур постсвидерской общности. Они, видимо, доживают на европейском севере до неолита.

Таким образом, эта культурная общность имеет свои особенности развития. Ее становление началось с распада свидерской культуры с ее полной сегментацией (детали этого процесса сейчас установить трудно) на несколько групп, которые сформировали мезолитические культуры или оставаясь на месте, или мигрируя в нескольких направлениях. Уже в VIII тыс. до н. э. сложилось, по крайней мере, три культуры этой общности. В VII тыс. к ним присоединилась еще одна, в VI – еще несколько. Все они возникают после дальнейшей сегментации. Надо сказать, что почти все возникшие культуры, по-видимому, не прекратили своего существования до неолита (может быть, кроме одной). В этом особенность данной культурной общности. Одинаковым с другими является стремление к расширению своей территории. На окраинах ареала наблюдается активное взаимодействие с населением других культурных обществ, о чем говорят, например, находки наконечников стрел на пластинах постсвидерского типа в камской или романовско-ильмурзинской культурах, относящихся к другой культурной общности, или формирование синкретической таценки-кудлаевской культуры на западной окраине постсвидерской культурной общности.

Еще одна культурная общность сложилась в Восточной Европе на основе аренсбургской (?) культуры и местного палеолита. Она практически только начинает изучаться, многие памятники не опубликованы, и поэтому целый ряд связанных с ней вопросов остается без ответа.

Одна из культур этой общности – иеневская (Волго-Окское междуречье). За последнее время несколько ее памятников получили даты по методам естественных наук. Поэтому культура имеет теперь более точную хронологию, чем раньше. Она, видимо, существовала в VIII-VII тыс. до н. э. В ее становлении участвовало аренсбургское (или постлингбийское) население, оставившее комплексы типа Усть-Тудовка 1, раскоп 2, и местное палеолитическое население типа Алтыново-Заозерье. Конец существования этой культуры еще не ясен.

Второй культурной единицей была песочноровская (деснинская) культура. Для нее есть только одна дата по методам естественных наук. Она относится, по мнению Л.Л. Зализняка, к поздним фазам культуры [17] и помещает их в VI тыс. до н. э. Инвентарь этой культуры очень близок иеневской, поэтому можно предполагать их генетическое родство.

С третьей культурой, также пока мало изученной, связана группа памятников Верхнего Поднепровья типа Боровка-Гренск-Коромка. Они тоже, вероятно, постаренсбургского происхождения, с небольшим влиянием свидера. Дат по естественно-научным методам для них нет. Можно только предполагать, что они в какой-то мере синхронны иеневским или деснинским памятникам [18].

Видимо, к той же культурной общности относится усть-камская культура: ее происхождение связывается с местным палеолитом. Однако множество черт сближает ее с иеневской культурой. Возможно, что они как-то связаны и генетически [19].

Из изложенного ясно, что пока не следует искать закономерности в развитии этой культурной общности. То же самое можно сказать и о модели, по которой строилось ее развитие.

В рамках данной темы мы не касаемся камской культуры, поскольку пока не ясна ее принадлежность к какой-либо из рассмотренных культурных общностей.

Подведем итоги. Итак, возможные модели развития культурных общностей мезолита в северных районах Европы (а их можно выделить сейчас четыре) выглядят по-разному. Модель первая сводится к следующему: возникновение в одном центре, сегментация, распространение в разных направлениях, новое увеличение числа культур, активная сегментация, снова увеличение числа культур, миграции в разных направлениях, активное взаимодействие с соседними культурными общностями на окраинах ареала с образованием синкретических культур. Эта модель характерна для дуфензейско-маглемозской общности.

Вторая модель: полицентрическое возникновение, медленное внутреннее развитие с незначительным расселением, затем сегментация и миграция в одном направлении с активным взаимодействием с соседними культурными общностями и образованием синкретических культур (совтеррско-гарденуазская общность).

Третья модель: активная сегментация, затем миграция отсегментировавшегося населения в нескольких направлениях с образованием новых культур, дальнейшая сегментация части из них, новая миграция и увеличение числа культур при расширении территории и активном взаимодействии с соседними культурными общностями с образованием синкретических культур (постсвидерская общность).

Четвертая модель: возникновение в одном центре, сегментация, миграция в одном направлении, новая сегментация, миграция в другом направлении, взаимодействие с соседними культурными общностями с образованием синкретической культуры (скандинавская общность).

Разумеется, изложенные положения – неокончательное решение проблемы развития культурных общностей эпохи мезолита. Дальнейшие исследования могут привести как к увеличению числа моделей, так и к корректировке представленных в данной работе.

Все культурные общности (там, где это удастся проследить) начинали складываться в разных экологических условиях. Так, самые ранние памятники дуфензейско-маглемозской общности располагались в приморской, озерной и маршевой (?) областях (возможна сезонная откочевка на возвышенности), тарденуазские памятники – в предгорьях и низких горных зонах Альп и Парижском бассейне, культура фосна – на контакте зон берега Атлантики и Скандинавских гор, и только первые представители постсвидерской общности освоили как приморские районы, так и внутренние материковые области. Естественно, что в разной экологической обстановке требовались разные способы адаптации к ней. Возможно, это было одной из причин разных вариантов (моделей) развития культурных общностей, но не единственной. Как бы ни были различны природные условия, в которых складывались и развивались большие культурные массивы, основой хозяйства их носителей оставалась охота с луком, дополнявшаяся собирательством и рыболовством. Казалось бы, такая форма хозяйства предполагает культурную нивелировку. Однако на самом деле такого единственного культурного варианта не было. Эти различия можно объяснить, по-видимому, намечающимися (но до конца в мезолите не оформившимися) различиями в этническом составе культурных общностей, иначе говоря, разными культурными традициями, обусловившими и своеобразный характер развития как отдельных культур, так и больших культурных объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Clark J.G.D. Excavations at Star Carr. Cambridge, 1954.
2. Schwabedissen H. Die mittlere Steinzeit im westlichen Norddeutschland. Neumünster, 1944.
3. Kozłowski S.K. Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1972.
4. Brinch Petersen E.A. Survey of the Late Palaeolithic and Mesolithic of Denmark // The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
5. Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1975.
6. Rozov J.G. Les Derniers Chasseurs. Charleville, 1978.
7. Clark J.G.D. A Microlithic Industry from Cambridgeshire Fenland and other Industries of Sauveterrian Affinities from Britain // Proceedings of Prehistoric Society. Т. 21. Cambridge, 1955.
8. Шумкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России. СПб, 1993.
9. Luho V. Die Askola-Kultur // SMYA. Т. 57. 1956.
10. Luho V. Die Suomusjarvi-Kultur // SMYA. Т. 66. 1967.
11. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
12. Indreko R. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
13. Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
14. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
15. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 1. Мезолит. Л., 1978.
16. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Яндашевская стоянка // СА. 1968. № 2.
17. Задизняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
18. Копытин В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев, 1992.
19. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. 1977.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V. Koltsov

THE VARIANTS OF DEVELOPMENT OF CULTURAL COMMUNITIES OF THE MESOLITHIC OF NORTHERN EUROPE

Summary

The article considers the variants (models) of development of cultural communities (technical complexes) of the Mesolithic on the wide territory – from the British Isles to the Volga, north of the line of mountain systems of the Alps, the Sudeten, the Carpathians, the Pripyat' and the middle Don. In this zone there are the Mesolithic materials, related to 5 large cultural communities. While studying the development of each of those communities the author comes to the conclusion about existence of at least 4 models of their progress, which can be formulated as follows.

1. Rise in one centre, segmentation, augmentation of number of cultures with their extension in one direction, another segmentation, extension in various directions, new enlargement of cultures' number with active segmentation, migration in different directions, active interaction with neighbouring cultural communities in the margins of the area with formation of syncretic cultures (the community of Duvensee – Maglemose).

2. Polycentric origin, slow inner development with inconsiderable dispersion of population, with further segmentation and migration in one direction accompanied by active interaction with neighbouring cultural communities and formation of syncretic cultures (the community of Sauveterre - Tardenoise).

3. Active segmentation, followed by migration in several directions with formation of new cultures, further segmentation of a part of them, new migration and increase in number of cultures accompanied by active interaction with neighbouring cultural communities and formation of syncretic cultures (post-Swiderian community).

4. Origin in single centre, segmentation, migration in one direction, new segmentation, migration in the other direction, interaction with neighbouring communities with formation of one syncretic culture (the Scandinavian community).

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Л.В. Кольцов

О ФОРМАХ КОНЦА СУЩЕСТВОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Не менее важна, чем проблема возникновения мезолитических культур, проблема их исторических судеб. Она связана в ряде случаев с переходом в новое качество (неолитизация), в других — старые культуры порождают новые мезолитические. Поэтому было бы интересно проследить эти явления на примере культур эпохи мезолита Северной Европы.

Уже в VII тыс. до н. э. британское маглемозе начинает испытывать воздействие тарденуазских переселенцев с материка по мосту суши на будущие Британские острова. В 22 стоянках британского маглемозе обнаружены тарденуазские элементы в виде острий типов Тарденуа и Совтерр. Эти элементы были издавна совершенно чужды британским памятникам маглемозе. Совершенно ясно, что они появляются здесь под влиянием пришельцев. Видимо, это влияние было достаточно мощным, что привело к усилению процесса внутренней сегментации населения британского маглемозе. Этот процесс привел к ослаблению внутренних связей культуры. Восприятие тарденуазских элементов представителями разных вариативных британского маглемозе было, вероятно, тоже различным: одни их воспринимали в достаточно широком масштабе, другие — меньше. Это хорошо видно на примере памятников Юго-Восточной Англии, где сложилась группа стоянок, которую некоторые английские археологи называли хоршемской культурой (в ней особенно сильны тарденуазские элементы). Вторжение тарденуазского населения на Британские острова в конечном итоге привело к полному распаду культуры британского маглемозе и формированию на основе его и новых пришельцев синкретической культуры шиппи хилл, содержащей элементы и британского маглемозе, и тарденуаза. Причиной такого объединения были, вероятно, в первую очередь, экономическая общность, во-вторых, — отсутствие серьезных языковых барьеров.

Британские позднемезолитические культуры шиппи хилл и ларни просуществовали до прихода на Британские острова земледельческого неолита дунайской традиции, как считают британские археологи. Их население было, по-видимому, аккультурировано носителями этой новой хозяйственной деятельности, стоявшими на более высоком уровне экономического развития. Этот процесс тоже был, очевидно, подготовлен ослаблением внутренних связей обеих указанных культур и возможным экономическим кризисом, вызванным оскудением природных ресурсов островов. Этим кризисом можно, видимо, объяснить изменения в экономике обеих культур: попытки выхода в открытое море населения культуры шиппи хилл (данные со стоянки Мертон) и усиление роли собирательства у носителей культуры ларни.

Гораздо труднее проследить конец культуры дуфензе из-за небольшого числа памятников, особенно поздних, датированных методами естественных наук. Во всяком случае, на ряде многослойных стоянок, где встречены культурные слои дуфензе, она сменяется культурой ольдесло (Фризак, Пиннберг и др.). Тем не менее, трудно со всей определенностью сказать, было ли ассимилировано население дуфензе культурой ольдесло или часть его дожила до проникновения на его территорию земледельческого населения с юга. В данном случае вопрос о конце культуры следует оставить открытым.

Тарденуазская культура, по-видимому, тоже к концу своего существования распалась на несколько групп путем сегментации, причем связь между группами также, кажется, ослабла. Часть групп подверглась аккультурации довольно быстро с проникновением в ареал культуры земледельческого неолитического населения. Однако некоторые группы (судя по радиоуглеродным датам) еще довольно долго проживали в горах современных Швейцарии и Чехии, где было мало возможностей для земледелия, сосуществовая некоторое время с носителями земледельческого неолита. Но, в конце концов, эти группы также, вероятно, были аккультурированы.

То же, очевидно, можно сказать о культурах совтеррско-тарденуазской общности — нижнерейнской и боберг. С приходом в зоны их распространения земледельцев их население тоже подверглось аккультурации.

Культура маглемозе в кон. VII тыс. до н. э. распалась по другой причине. Начиная со 2-й пол. VII тыс. постепенно поднимается уровень Мирового океана, что приводит к соединению с ним Балтийского моря с образованием датских проливов и, следовательно, к сокращению поверхности суши в этом районе, в результате чего сократились охотничьи территории. Они уже не могли оптимально снабжать пищевыми ресурсами маглемозское население. Происходит активная сегментация его, которая вызвала распад культуры и образование на ее базе целого ряда постмаглемозских культур.

Судьба постмаглемозских культур не всегда понятна. Культура ольдесло имеет очень мало дат по методам естественных наук, ее верхняя хронологическая граница не ясна. Во всяком случае на данной территории ее сменяет раннеолитическая местная культура эртебёлле. Вполне вероятно, что часть населения ольдесло участвовала в ее образовании. Больше ничего определенного сказать пока нельзя.

Культура де лейен-вартена, очевидно, дожила до прихода неолитического земледельческого населения из бассейна Дуная и была им аккультурирована.

Население культуры конгемозе, вероятно, явилось основным предком культуры эртебёлле. Их территории почти совпадают, основные категории орудий конгемозе переходят в эртебёлле. Население осваивает изготовление керамики. Иначе говоря, здесь можно видеть процесс неолитизации на местной основе.

Аналогичную картину дает культура фосна. Ее финальные памятники плавно переходят в фазу нёствет – уже керамическую. Здесь тоже фиксируется процесс неолитизации на местной основе. По-видимому, так же обстояло дело и с культурой комса, где местное мезолитическое население также восприняло процесс производства керамики. Возможно, то же следует сказать и о культуре аскола-суомусъярви, так как памятники раннеолитической культуры с керамикой типа сперрингс в значительной мере сохранили ее инвентарь.

Коморницкая культура к концу своего существования тоже, вероятно, пережила ослабление внутренних связей, результатом чего была внутренняя сегментация. Часть коморницкого населения вступает в контакт с поствидерским, при этом происходит процесс взаимоассимиляции, после чего появляется синкретическая таценки-кудлаевская культура. Другая часть, наверное, была ассимилирована мигрировавшим на территорию теперешней Польши постмаглемозским населением с формированием хойнице-пеньковской культуры. В то же время, возможно, еще одна часть коморницкого населения, судя по радиоуглеродным датам, сохранялась на юго-западе своего ареала достаточно долго; нельзя отрицать возможности его сосуществования с первыми носителями линейно-ленточной керамики, появившимися на этой территории. Но позднее она тоже была аккультурирована этими неолитическими земледельцами.

Таким же был, вероятно, конец и хойнице-пеньковской культуры. Во всяком случае, после прихода неолитических земледельцев на территорию современной Польши ее следы больше не фиксируются.

Гораздо сложнее судьба еще одной постмаглемозской культуры – яниславицкой. Отсегментировавшись от основного ядра маглемозе, ее население движется сначала по южному берегу Балтики в Понеманье, встретив сопротивление населения неманской культуры, мигрирует в бассейн Вислы, но там тоже не задерживается и движется на юго-восток, на Украину. Там оно, по-видимому, растворяется в большой массе уже неолитического населения, оставляя свои следы только в неолитических культурах на Северском Донце и в Крыму.

Культуры поствидерского круга – неманская, кундская, бутовская – имеют схожие исторические судьбы. Все они просуществовали до момента появления на их базе керамических памятников. Таким образом, мы можем охарактеризовать их окончание как неолитизацию на местной основе. В первом случае мезолитической культуре наследуют памятники типа Дубичья II, во втором – стоянки типа Кязпа, в третьем – верхневолжская раннеолитическая культура.

Пока ничего нельзя сказать о конце культуры веретье. Ее памятники хронологически, как будто, не смыкаются с ранними стоянками неолита на этой территории, хотя точных реперов для последних практически нет. Кажется, то же можно сказать и о сухонской культуре.

Южнокарельская поствидерская культура, как сейчас представляется, переходит в карельскую культуру ямочно-гребенчатой керамики. Их хронологические отметки практически смыкаются, а в инвентаре из камня памятников с ямочно-гребенчатой керамикой есть несомненные мезолитические реминисценции.

Судьба иеневской культуры не совсем ясна. По моему мнению, ее носители были вытеснены бутовским населением из Волго-Окского междуречья и, переселившись на Десну, дали начало песочноровской (деснинской) культуре, которая, как теперь выясняется, дожила до освоения керамики. Следовательно, и здесь можно говорить о неолитизации на местной основе.

Не ясна судьба верхнеднепровских мезолитических культурных групп. То же можно сказать и об устькамской культуре.

Камская же, по-видимому, тоже подвергается неолитизации на месте. Во всяком случае, комплексы типа Левшина с керамикой имеют четкие мезолитические традиции в каменном инвентаре.

Таким образом, в окончании мезолитических культур выявляются следующие основные формы: 1) неолитизация на местной основе, не только культурной, но и экономической; 2) аккультурация мезолитического населения более высокоразвитыми экономически (и, возможно, социально) носителями производящего хозяйства; 3) взаимоассимиляция культур; 4) ассимиляция одной культуры другой; 5) распад культуры вследствие экологических причин, вызвавших социальное перенапряжение.

Причины реализации той или иной формы окончания существования культуры весьма конкретны. Пожалуй, наиболее общей является восприятие производства керамики на местной основе, иначе говоря, лесной способ неолитизации. Природная среда на этом уровне развития общества в это время не давала возможности распространения земледелия и скотоводства. Поэтому неолитизация здесь осуществлялась другими экономическими путями. Четкой границы, однако, между мезолитическим и неолитическим способами существования установить не удается. Тем более, что и при этой модели окончания мезолитических культур сейчас, кажется, появилась возможность говорить о существовании каких-то ее вариантов. Приведу пример южного варианта культуры эртебёлле, который в Германии носит название эллербек. Х. Швабедиссен считает возможным утверждать, вслед за палеозоологами, что 30% костей быков, найденных в этих памятниках, могут считаться носящими признаки животных, подвергшихся одомашниванию. Это конечно, весь-

ма спорный момент, но отбрасывать совсем его нельзя.

Здесь уместно остановиться на сути процесса неолитизации. Как мне представляется, она состоит в получении избыточного продукта, который не поступал сразу в сферу потребления, а мог иметь совершенно разное назначение. При таком понимании переход к производящему хозяйству – частный случай получения этого продукта, возможный там, где природные условия позволяли его осуществить. В других случаях этот процесс мог достигаться другими путями. Археологически он фиксируется увеличением площади поселений (оседлости), что означает стабильность производственных коллективов и их количественный рост. Эти признаки мы наблюдаем и в неолите лесной зоны, памятники которого с их мощными культурными слоями свидетельствуют о большей оседлости по сравнению с мезолитическими и увеличении производственных коллективов. Нам, однако, предстоит еще много сделать в изучении лесного типа неолитизации.

Вернемся к формам окончания мезолитических культур. В случае аккультурации причина тоже более или менее ясна – освоение новой, более прогрессивной экономики.

В случае ассимиляции одна культура, более консолидированная, поглощает другую, внутренние связи которой ослаблены.

В случае взаимоассимиляции ни одна из сливающихся культур не является столь сильной, чтобы полностью ассимилировать другую, поэтому новая культура почти в равной мере содержит признаки предшествующих. Их слияние происходит в том числе потому, что конкретная территория не может оптимально прокормить население двух культур без военных стычек между ними. В других работах я приводил и другие мотивировки этого явления.

Причины варианта распада культуры уже названы выше.

В настоящей очерке намечены основные контуры проблемы. За пределами рассмотрения остались многие стороны вопроса, в частности, механизмы каждого из вариантов перехода к неолиту, те или иные факторы, влиявшие на форму этого перехода, и т. д. Рассмотрение этих вопросов – дело будущего, поскольку археологический материал дает в настоящее время очень мало данных для этого. Надо надеяться, что последующие исследования могут пролить свет на эти стороны проблемы.

*Институт археологии РАН,
Москва*

L.V. Koltsov

ON THE FORMS OF THE FINAL STAGES IN EXISTENCE OF THE MESOLITHIC CULTURES OF NORTHERN EUROPE

Summary

The following forms of the final stages in existence of the Mesolithic cultures of Northern Europe are being considered in the article:

1. turning into the Neolithic on the local base;
2. acculturation of the mesolithic population by newcomers, who used the producing type of economy;
3. mutual assimilation (merger) of two cultures;
4. assimilation of one culture by another one;
5. collapse of a culture affected by ecological crisis which caused social tension.

The examples of these forms are given in the article.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Г.В. Сеницына

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ И РАННИЙ МЕЗОЛИТ — ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ

Со времен Томсена и Ворсо, с именами которых связывается создание “системы трех веков”, проблема глобальной археологической периодизации являлась предметом специального рассмотрения в многочисленных исследованиях [1].

Выделение эпохи мезолита, с которой до недавнего времени начиналась археология Тверского края, всегда было предметом бурных дискуссий [2]. Открытие хронологического пласта памятников финально-плейстоценового возраста, предшествующего мезолиту, поставило региональную археологию каменного века Северо-Запада России перед практическими задачами создания периодизации каменного века региона. Теоретическую основу периодизации составляет проблема первоначального заселения Северо-Запада Русской равнины, территории, освободившейся от ледникового покрова; практическую — вопросы хронологии, культурной принадлежности и направлений движения населения. Как теоретический, так и практический аспекты проблемы находятся в прямой зависимости от современного состояния естественно-научной базы исследования — определения абсолютного и относительного возраста конкретных стоянок и корреляции данных на основе реконструкции природно-климатических условий времени их существования.

Хронологическая позиция финального палеолита охватывает рамки периодов бёллинг — молодой дриас, когда происходили «... существенные изменения природного комплекса, которые в пределах Скандинавии и Восточной Европы носили катастрофический характер. Это в значительной степени определялось коренной перестройкой типа ландшафтной зональности, сменой перигляциальных гиперзон на широтную зональность. ...самым главным являлось то, что все это происходило за очень короткий отрезок времени, который в настоящее время может оцениваться периодом в 100 лет» [3, с. 86].

В современной литературе проблемам миграций этого времени уделяется особое внимание. Общепринятым является мнение о связи распространения западных культурных традиций на северо-восток с миграциями охотников на северного оленя.

Сопоставление региональных периодизационных схем с общеевропейской схемой как эталонной, более детально обоснованной, было и остается реальностью наших дней. Это означает определенного рода “подгонку” восточно-европейских материалов под критерии, выработанные на материалах иных территорий, иного природного и, главное, культурного контекста. Хотя Восточная Европа является составной частью единого континента, географически, климатически и во все времена исторически она характеризуется своими, во многом принципиальными, особенностями. Заимствование западной культурной номенклатуры ведет к появлению специфической терминологии: «восточное лингби», «восточный аренсбург», «восточный федермессер». В этом нет ничего удивительного, поскольку западные территории исследованы полнее и детальнее: для периода аллерёда и младшего дриаса только для Польши имеется около 30 радиоуглеродных дат [4, р. 129-157], Германии — более 50 [5]. В настоящее время на Западе особое внимание уделяется пересмотру материалов, накопленных более чем за 100-летний период исследований, но недостаточно документированных с точки зрения современных требований. Так, известная с 1906 г. многослойная стоянка Штельмоор, исследованная в 1935 и 1936 гг. и опубликованная Рустом, характеризовалась двумя культурными слоями: гамбургским и аренсбургским. Современный анализ остеологических коллекций позволил выделить на памятнике еще один культурный слой, отражающий более поздний этап заселения стоянки [6]. Для территории Дании и Швеции установлена периодизация не только культурных объединений, но и отдельных типов вещей: на основе новых акселераторных датировок было выявлено, что некоторые типы орудий, ранее считавшиеся характерными для достаточно узкого периода финального палеолита, существуют на этой территории на протяжении почти 3 тысяч лет [7].

Использование западных критериев для оценки культурной принадлежности памятников Восточной Европы представляет собой явление, “исторически сложившееся” в археологии каменного века. Тем не менее, сейчас становится очевидным, что основу построения общей периодизации и культурной таксономии могут составлять только региональные периодизации с учетом региональных особенностей материалов.

После отказа от переноса социологической периодизации Моргана–Энгельса на археологические материалы определяющим показателем мезолитической эпохи считается изменение быта и экономики (без социальной нагрузки), реконструируемое на основе изменения состава археологического материала, в свою очередь связанного с технологическими изменениями, доступными непосредственному анализу.

В археологии каменного века Северо-Запада эта позиция наиболее развернуто представлена определением Л. В. Кольцова: “Под мезолитом применительно к лесной зоне мы понимаем историческую эпоху между палеолитом и неолитом, характеризующуюся значительным развитием индивидуальной охоты, становлением постоянного рыболовства, и, возможно, усложненного собирательства в хозяйстве и окончательным оформлением племенных сообществ в социальном устройстве. Если придерживаться этой точки зрения, логично было бы распространить понятие “мезолит” на ряд финальнопалеолитических культур, которые характеризуются высоким развитием лука и стрел как средств индивидуальной охоты... Вполне естественно предполагать в этих культурах зарождение мезолитических приемов охоты при полном отсутствии пока сведений о рыболовстве и собирательстве... Шатки пока и трудно уловимы различия между финальнопалеолитическими и раннемезолитическими памятниками... трудно установить критерии этих различий. Положение усугубляется тем, что некоторые позднелитические культуры продолжали свое развитие и в голоцене, давая непосредственное начало ряду мезолитических культур” [8, с. 5].

Обширная территория бассейна Верхней Волги выделяется среди прочих большим количеством накопленных мезолитических материалов, при этом постоянно растущим. Если в 1973 г. Л. В. Кольцов писал [9] о 60 мезолитических стоянках и выделял 8 локальных вариантов, распространение которых связывалось с бассейнами крупных рек, то в настоящее время речь идет о 500 только мезолитических стоянках. Благодаря работам Е. А. Спиридоновой [10] накоплен значительный объем информации для палеоклиматических реконструкций. Увеличивается база не только собственно археологических источников, но и данных естественных наук. В итоге создана детальная биогеографическая шкала палеоландшафтных изменений с шириной интервала 100-300 лет. Выделены новые культуры, дано их пространственно-хронологическое определение, поставлены вопросы их генезиса. Благодаря радиоуглеродным датам относительная хронология стоянок скоррелирована с абсолютной шкалой астрономического времени, что является необходимым условием для построения периодизации, точнее для корреляции геологической и археологической периодизаций. В итоге стало возможным построение хронологической схемы последовательности существования культур Волговерховья на рубеже плейстоцена – голоцена (табл. 1), начиная с подольской.

Однако период финального палеолита изучен слабо. Рядом авторов выделены культуры, которые существовали на рубеже плейстоцена – голоцена: восточный аренбург (восточное постлингби), восточный федермессер, свидерская, рессетинская. При этом ряд культур авторами рассматривается, исходя уже из названий, как пришедшие с запада. Одна из них – подольская – связывается с традицией бромме-лингби. На сегодняшний день именно эти культурные традиции на территории Верхней Волги можно считать наиболее древними.

Для большинства стоянок, особенно памятников, датируемых временем аллерёда – позднего дриаса, типологический метод остается основным при хронологической корреляции. Для них часто наблюдается

Таблица 1. Хронологическая схема культур на территории Верхней Волги

10 000						100	Хронологическая шкала
II тыс. л. н.			10 тыс. л. н.				Абсолютный возраст
ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ			МЕЗОЛИТ				Археологические периоды
AI	DR 3		PB				Периоды Блэгга-Сернандера
I	II		III	IV	V	VI	Палинозоны по
сосна, с перигляциальной флорой	береза с участием перигляциальных элементов флоры		береза	сосна	сосна с участием ели	сосна с участием березы холод	Е. А. Спиридоновой и А. С. Алешинской (1996) [10]
	восточный аренбург (восточное пост-лингби) элементы типа нижнего слоя Алтынково и Заозерья свидерская культура →		и е н е в с к а я б у т о в с к а я				Археологические культуры по Л. В. Кольцову (1996) [11]
	восточный аренбург (Усть-Тудовка 1; Подол 3; Аносолово 1, 4) свидер (Иванов Бор; Подол 3) восточный федермессер		и е н е в с к а я , л е с о ч н о р о в с к а я → б у т о в с к а я				Археологические культуры по М. G. Zhilin (1996) [12]
	свидерская рессетинская аренбургская →		р а н н я я к у н д с к а я р е с с е т и н с к а я б у т о в с к а я и е н е в с к а я				Археологические культуры по А. Н. Сорокину (1997) [13]
	л и н г б и - а р е н б у р г → Б о р щ е в о 2 →		и е н е в с к а я л е с о ч н о р о в с к а я				Археологические культуры по А. Е. Кравцову (1998) [14]
	Подольская культура (традиции лингби): Подол III /1 (11 200); Подол III /2 (10 850 – 10 600); Усть-Тудовка 1 (кон. DR 3); тип Барановой Горы		→ и е н е в с к а я				Археологические культуры по Г. В. Сивиницкой

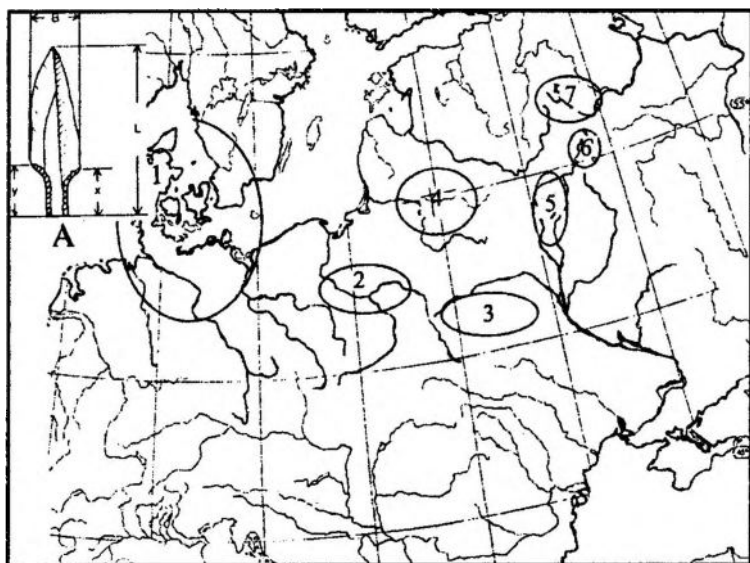

Рис. 1. Карта распространения наконечников типа бромме-лингби: А - наконечник стрелы культуры бромме; 1 - культура бромме-лингби; 2 - памятники Польши; 3 - красносельская культура; 4 - позднемадленские памятники Литвы; 5 - гренская культура; 6 - памятники типа Вышегора; 7 - подольская культура

ликованы, но получили неоднозначную интерпретацию. Так, стоянки Подол III/1 и Подол III/2 были отнесены к культурной традиции бромме-лингби. М.Г. Жилин [12, с. 276] считает их аренсбургскими. Поскольку основой этих разночтений являются результаты типологического анализа, то вопросы типологии должны быть рассмотрены особенно тщательно.

Бромме-лингби (рис. 1: 1) признается субстратом ряда культур Северной Европы, в том числе аренсбургской [21; 22]; свидерской – через памятники типа Станковичи (рис. 1: 2) [23]. На территории Восточной Европы, так же, как на территории Северной, выделены культуры, в которых прослеживаются традиции лингби: позднемадленские памятники Литвы (рис. 1: 4) [24], гренская культура Белоруссии (рис. 1: 5) [25], красносельская Левобережной Украины (рис. 1: 3) [26]. В зависимости от доминирования в их инвентаре тех или иных признаков определяется культурный облик индустрий. Для всех культур круга лингби характерно наличие общих элементов техники первичного расщепления на базе твердого отбойника, при которой основой индустрии являлись массивные неправильного ограничения пластины и пластинчатые сколы с выраженным ударным бугорком. Для набора орудий характерны крупные черешковые наконечники стрел типа лингби, срединные, угловые и боковые резцы, скребки с рабочим лезвием порядка 60°. Особенно ярким показателем являются наконечники стрел – та категория охотничьего вооружения, типологический анализ которой дает возможность устанавливать как локальные проявления культур, так и хронологию памятников. Орудия охоты, форма и способ использования которых стойко передаются из поколения в поколение [27], в археологии являются основным критерием для определения культурной принадлежности памятника.

Как тип наконечник лингби описан в 1936 г. Г. Кларком [28, с.215]. Наконечниками стрел лингби считаются крупные изделия на грубых пластинчатых заготовках с круторетушированными по краю широкими подпрямоугольными или заостренными черешками без подтески с брюшка.

Для территории Восточной Европы такие формы наконечников стрел впервые описаны В. Тауте [22] по материалам стоянки Вильнюс как самой восточной точки распространения этой культурной традиции. В. Тауте предлагал разделять наконечники по размерам: 1) большие (5,5 см длиной и 1,7 см шириной), основной тип; 2) узкие и длинные; 3) короткие, длиной менее 5,5 см. При этом узкие и короткие являются, по В. Тауте, переходными к аренсбургским типам наконечников.

Р.К. Римантене [24; 29, с.20-31] предложена классификация черешковых наконечников прибалтийской группы мадленской культуры на территории Литвы. Под этим названием обобщены все те культурные комплексы, инвентарь которых генетически можно связать с дериватами позднего мадлена Западной Европы и Юго-Западной Прибалтики. Комплексы, отнесенные к этой культуре, как правило, небольшие и выделяются по крупным наконечникам на массивных пластинах или пластинчатых отщепках, длина которых превышает ширину менее чем в 3 раза. Р.К. Римантене выделяет 5 групп черешковых наконечников стрел [29], среди которых вторая представлена широколистными, или прибалтийско-мадленскими формами. Внутри этой группы выделяются пять типов.

Тип 1 — наконечники симметричные. Иногда острие бывает смещено в одну сторону. Черешок широкий, чуть уже пера, на проксимальном конце заготовки с выраженным ударным бугорком. Прямые аналоги

несоответствие радиоуглеродных и палеоботанических определений возраста из-за специфики осадконакопления этого времени. В этот период пески подвергались переувлажнению, вследствие чего культурные слои оказались разрушенными, а содержащиеся в них кремневые предметы спроецированными на отложения более низкого уровня [15, с. 15]. Поэтому стоянки, на которых культурный слой сохранился в условиях первоначального залегания, пусть даже небольшими участками, являются эталонными для тех регионов, в которых они расположены.

Таких стоянок на территории Волговерховья пока три: Подол III/1 (раскоп 1), Подол III/2 (раскоп 2) [16], Усть-Тудовка I [17]. По типологии инвентаря к ним близки стоянки Троицкое 3 [18], Теплый Ручей 2 (раскопки А.В. Мирецкого) [19], Баранова Гора (рис. 1: 7) [16]. Количество стоянок этого периода, скорее всего, увеличится, если провести пересмотр, “ревизию” материалов. Так, на разных участках памятника Ланино I (раскопы 3 и 4) были выявлены не только наконечники типа лингби, но и основная совокупность каменного инвентаря, характеризующая лингби как самостоятельный технокомплекс [20].

Материалы ряда памятников частично опу-

ги этому типу дают памятники бромме-лингби. Для этого типа Р.К. Римантене выделяет две линии развития: основную и гибридную. Основная группа имеет все признаки, рассмотренные выше, при этом у них перо бывает как ретушированным, так и без ретуши. Отличительным признаком наконечников гибридной линии является наличие вентральной ретуши черешка, что признается свидетельством влияния свидера.

Тип 2 — наконечники с острым черешком, имеющие основные признаки наконечников аренсбургского типа. Они ретушированы узкой краевой ретушью. Характерной чертой этого типа является резкое отделение черешка от пера. Ретушь располагается в большинстве случаев на спинке, реже — на брюшке. Ударный бугорок часто удален при сужении черешка. Для этого типа тоже выделяются две линии развития. Для основной линии характерны наконечники с дорсальной ретушью, с двусторонней и с ретушью только на вентральной плоскости черешка. Кончик пера наконечника часто бывает ретушированным. Наконечники гибридной линии (хвалибоговицкий тип по Л. Савицкому) часто встречаются в материале Прибалтики. Они имеют свидерскую ретушь на оборотной стороне черешка. При этом кончик пера обычно ретуширован, или ретуширован только один край, что делает такой наконечник асимметричным. Острие таких наконечников свидерской ретушью не оформлялось. Оно или обрабатывалось краевой ретушью, или не имело ее вообще.

Тип 3 — наконечники с выемкой в основании. Рассматриваются Р.К. Римантене как типы, спорадически появляющиеся после исчезновения гамбургской культуры. Основная их черта — широкий черешок, выделенный выемкой. Для этого типа также определены две линии развития: основная и гибридная.

Тип 4 — эпимадленские наконечники. Обычно бывают небольшими, слабо ретушированными и встречаются только в поздних мезолитических и неолитических комплексах.

Тип 5 — ланцеты.

Типология наконечников стрел типа лингби для территории Померании разработана З. Багневским [30, с. 139–144]. Им выделено 7 типов наконечников по величине и симметричности заготовки, а также по форме черешка и характеру вторичной обработки: «А1 — большие наконечники с симметричным маленьким черешком и без подработки дистального конца; А2 — большие с симметричным маленьким черешком и усеченным ретушью дистальным концом; А3 — маленькие черешковые наконечники с симметричным маленьким черешком и необработанным дистальным концом; А4 — маленькие с симметричным маленьким черешком и усеченным ретушью дистальным концом; А5 — большие наконечники с асимметричным маленьким черешком; А6 — маленькие наконечники с асимметричным маленьким черешком; А7 — черешковые наконечники типа Хинтерзее».

По А. Фишеру [31, с. 87], наконечниками собственно культуры бромме принято считать позднепалеолитические формы, чьи признаки соответствуют следующим критериям (рис. 1: А):

1) дорсальная ретушь с двух краев черешка, расположенная по обеим сторонам от ударного бугорка, и, возможно, частичное ретуширование острия;

2) отношение протяженности одного ретушированного края черешка (х) к другому (у) не превышает 1,5 ($x \leq 1,5y$);

3) длина наконечника (L) не может превышать длину черешка (х), больше чем в 4 раза, и не может быть меньше, чем в 2 раза ($2x \leq L \leq 4x$);

4) заготовка наконечника бромме должна быть получена с помощью твердого отбойника;

5) если не может быть установлено действие твердого отбойника, то длина должна быть как минимум 8 см, ширина как минимум 2,2 см, а вес в пределах 6,5 грамма ($L \geq 8,0$ v $W \geq 2,2$ cm v $Wgt \geq 6,5$ g). Если же отщеп был снят жестким отбойником, то длина должна варьировать на уровне 6 см ($L \geq 6$ cm)».

Учитывая признаки, предложенные А. Фишером, рассмотрим наконечники стрел типа лингби стоянок Верхней Волги, возраст которых подтвержден данными спорово-пыльцевого анализа. Это стоянки Подол III/1 (раскоп 1), Подол III/2 (раскоп 2) и Усть-Тудовка I, а также наконечники стрел иных территорий (рис. 1: б), которые авторами определены как наконечники типа лингби (табл. 2).

На стоянке Подол III/1 (слой II — погребенная почва, по заключению Е.А. Спиридоновой, относится к завершающему этапу межстадиала аллерёд) было найдено 5 целых наконечников и 3 фрагмента черешков (рис. 2: 1, 2, 6, 7, 11), а на ст. Подол III/2 — 15 наконечников, среди которых 4 целых (рис. 2: 4, 10, 13, 15). При этом один наконечник — косозевый (рис. 2: 14). Для наглядного рассмотрения этой категории орудий проведем аналогичный анализ наконечников стоянок Бромме и Лингби по публикации В. Тауте, прежде всего потому, что они опубликованы в натуральную величину, и ошибка в измерениях здесь будет минимальной. Параметры аренсбургских наконечников стрел взяты по орудиям стоянки Солбьерг [32, с. 23], из публикации материалов которой можно получить информацию о толщине заготовки.

Судя по приведенным цифрам, наиболее ярким различительным признаком типов наконечников является величина заготовки. Отличие наконечников бромме от аренсбургских видно на графике длины и ширины орудий (рис. 3). Достаточно четко оно прослеживается по толщине заготовок: для бромме характерны пластины толщиной от 0,5 до 1,0 см (большая часть), а для аренсбургской культуры — от 0,2 до 0,5 см.

Все наконечники стоянок Подол III/1 и Подол III/2 выполнены на грубых пластинах неправильного ограничения, полученных с помощью твердого отбойника. Длина наконечников варьирует в пределах 6–8 см. Вторичная обработка мало изменяет длину и ширину заготовки. Наконечники этих двух стоянок по параметрическим критериям идентичны наконечникам стоянок культуры бромме.

Близки они и по типологическому составу. В подольских коллекциях выделяются следующие наконечники:

Таблица 2. Параметры наконечников стрел типа бромме-лингби (в см): L - длина орудия; В - ширина орудия; С - средняя толщина орудия; X - длина короткого края черешка; Y - длина длинного края черешка (рис.1: А)

Метрические показатели:	L	В	С	L:В	X	Y	L:X	Y:X
Стоянки								
Дания: Бромме Лингби, по Тауте [22, табл. 92, 94, 95]								
Бромме [22, табл. 94: 2]	19,6	2,5	1,0	4,2	4,0	5,3	2,7	1,3
Бромме [22, табл. 94: 5]	7,4	2,0	0,5	3,7	3,2	3,5	2,3	1,1
Бромме [22, табл. 94: 6]	8,3	2,8	0,5	2,9	3,2	3,6	2,6	1,1
Бромме [22, табл. 94: 7]	8,5	3,3	1,0	2,6	2,8	2,9	3,0	1,1
Бромме [22, табл. 95: 8]	6,0	2,6	1,0	2,3	2,0	2,2	3,0	1,1
Бромме [22, табл. 95: 12]	3,5	1,0	0,4	3,5	1,5	1,9	3,5	1,3
Лингби [22, табл. 92: 1]	6,5	3,0	0,9	2,2	2,2	2,5	3,0	1,2
Лингби [22, табл. 92: 2]	7,7	2,2	0,6	3,5	3,0	3,4	2,6	1,2
Лингби [22, табл. 92: 3]	14,3	4,9	1,2	2,9	5,3	5,5	2,7	1,3
Лингби [22, табл. 92: 4]	9,0	3,0	0,8	3,0	2,5	2,9	3,6	1,2
Дания: Солбьерг (Арнсбург), по Петерсену, Йохансен [32 с. 23, рис. 4: d, i, k, p]								
Солбьерг [32, рис. 4: d]	3,2	0,8	0,2	4,0	1,2	1,3	2,7	1,1
Солбьерг [32, рис. 4: i]	3,6	1,4	0,2	2,6	1,0	1,2	3,6	1,2
Солбьерг [32, рис. 4: k]	4,0	1,7	0,2	2,4	1,2	1,6	3,3	1,3
Солбьерг [32, рис. 4: p]	3,7	1,6	0,3	2,3	0,8	1,2	4,6	1,5
Волговерховье								
Подол III/1 (рис. 2: 1)	5,9	2,5	1,3	2,4	1,7	2,7	3,5	1,6
Подол III/1 (рис. 2: 2)	8,3	3,3	1,0	2,5	2,0	3,0	4,2	1,5
Подол III/2 (рис. 2: 3)	~9,0	3,0	1,2	~3,0	2,4	3,4	3,8	1,4
Подол III/2 (рис. 2: 4)	6,2	2,5	1,3	2,5	1,5	2,0	4,1	1,3
Подол III/2 (рис. 2: 5)	~5,8	2,4	1,0	2,4	1,0	1,9	5,8	1,9
Подол III/2 (рис. 2: 6)	~7,5	2,7	1,0	2,8	2,0	3,0	3,8	1,5
Подол III/1 (рис. 2: 7)	5,9	3,4	1,0	1,7	1,5	2,2	3,9	1,5
Подол III/1 (рис. 2: 8)	4,6	1,4	0,2	3,2	1,4	1,5	3,3	1,1
Подол III/2 (рис. 2: 9)	?	1,9	0,5	?	2,8	3,0	?	1,1
Подол III/2 (рис. 2: 10)	6,8	2,8	1,0	2,4	2,3	3,2	3,0	1,4
Подол III/1 (рис. 2: 11)	7,7	2,6	0,9	2,9	2,8	3,5	2,8	1,3
Подол III/2 (рис. 2: 12)	~9,0	3,0	0,8	~3,0	3,0	?	3,0	?
Подол III/2 (рис. 2: 13)	7,2	2,8	1,1	2,6	1,8	2,5	4,0	1,4
Подол III/2 (рис. 2: 15)	7,6	3,0	0,7	2,5	1,8	2,9	4,2	1,6
Усть-Тудовка 1 I [17, рис. 6: 1]	7,1	2,2	0,6	3,2	2,5	2,5	2,8	1,0
Усть-Тудовка 1 I [17, рис. 6: 2]	6,0	2,4	0,9	2,5	1,7	2,6	3,5	1,4
Троицкое 3 [18, рис. 2: 9]	10,4	2,8	1,2	3,7	4,3	5,2	2,4	1,2
Украина: по Зализняку [26, рис. 46]								
Красноселье [26, рис. 46: 1]	5,2	2,0	?	2,6	1,5	2,4	3,5	1,6
Прибор 4 [26, рис. 46: 2]	~6,5	3,6	1,0	~1,8	2,7	3,0	2,4	1,1
Рудня [26, рис. 46: 3]	5,6	2,5	?	2,3	2,2	2,4	2,5	1,1
Гораймовка [26, рис. 46: 4]	5,0	2,5	0,8	2,0	2,0	2,0	2,5	1,3
Рудня [26, рис. 46: 5]	6,0	1,8	0,8	3,3	2,0	2,0	3,0	1,0
Рудня [26, рис. 46: 6]	~5,5	2,0	?	2,8	2,2	2,3	2,5	1,0
Невер [26, рис. 46: 8]	6,7	2,9	-	2,3	1,2	2,2	5,6	1,8
Лютка [26, рис. 46: 9]	7,5	2,0	-	3,8	1,7	1,8	4,4	1,1
Лютка [26, рис. 46: 10]	8,0	3,3	1,0	2,4	2,5	2,8	3,2	1,1
Лютка [26, рис. 46: 11]	7,3	3,5	0,8	2,1	2,5	3,0	2,9	1,2
Лютка [26, рис. 46: 12]	6,5	2,5	1,0	2,6	2,5	2,6	2,6	1,1
Белорусия: по Чернявскому, Кудряшову, Липницкой [33, рис. 35]								
Красное Село 5 [33, рис. 35: 1]	5,6	1,9	0,7	2,9	2,2	2,2	2,5	1,0
Красное Село 5 [33, рис. 35: 2]	5,7	2,1	0,6	2,7	1,4	1,9	4,1	1,4
Красное Село 5 [33, рис. 35: 3]	5,3	2,8	0,5	1,9	2,9	3,2	1,8	1,1
Красное Село 5 [33, рис. 35: 4]	6,7	2,6	0,6	2,6	2,8	3,4	2,4	1,4
Красное Село 5 [33, рис. 35: 5]	7,1	1,7	0,8	4,2	3,2	3,5	2,2	1,1
Красное Село 5 [33, рис. 35: 6]	6,1	1,7	0,6	3,6	2,1	2,3	2,9	1,1
Красное Село 5 [33, рис. 35: 7]	5,5	1,8	1,7	3,0	2,5	2,5	2,2	1,0
Красное Село 5 [33, рис. 35: 8]	5,0	2,1	0,7	2,4	2,0	2,5	2,5	1,3
Литва: по Бутримасу, Остраускасу [34, рис. 2]								
Гдинас [34, рис. 2: 8]	4,4	1,0	0,4	4,4	2,0	2,2	2,2	1,1
Меркус и Уда [34, рис. 2: 12]	5,6	2,2	0,7	2,5	2,0	2,0	2,8	1,0
Меркус и Уда [34, рис. 2: 1: 3]	7,0	2,0	-	3,5	2,2	2,6	3,2	1,2
Липория [34, рис. 2: 14]	7,0	1,8	-	3,9	2,0	2,4	3,5	1,2
Меркус и Уда [34, рис. 2: 15]	6,4	1,3	-	4,9	2,2	2,4	2,9	1,1

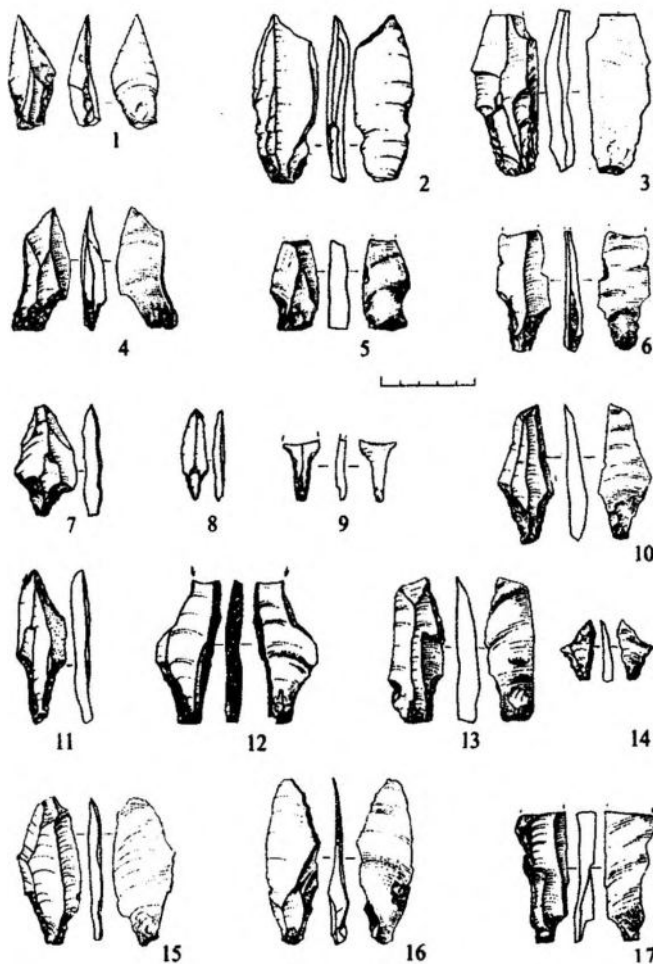

Рис.2. Наконечники стрел подольской культуры

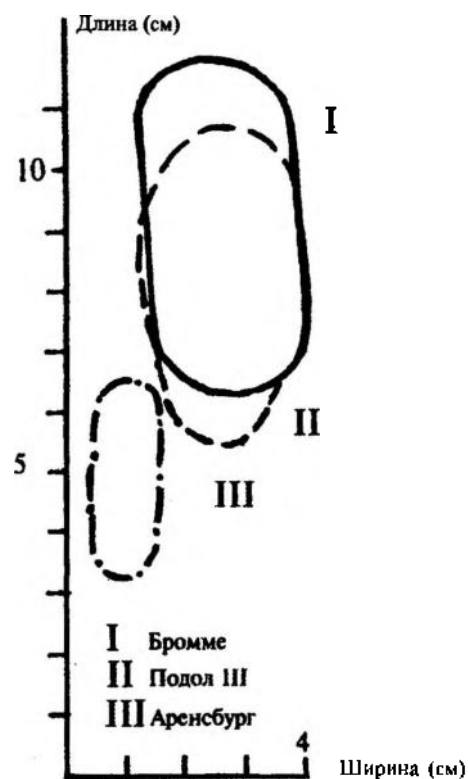

Рис.3. График распределения наконечников по длине и ширине

Тип 1. Наконечники асимметричные со смещенным относительно продольной оси орудия острием. Черешок широкий, отделен от пера не резко, ширина черешка чуть меньше пера. Черешок этого типа широкий и толстый, с ударным бугорком. Края заготовки практически не модифицированы. Прямые аналоги этому типу дают памятники бромме-лингби (рис. 2: 1). К этому типу отнесено 7 предметов: 1 заготовка, 2 наконечника с обломанным пером со стоянки Подол III/2 (рис. 2: 3,4,5); фрагменты 2 черешков из жилища с Подола III /1 и из ямы с Подола III/2. Как вариант типа может быть рассмотрен наконечник из заполнения жилища, дистальный конец которого имеет усечение вентральной ретушью (рис. 2: 2).

Тип 2. Представлен двумя целыми симметричными наконечниками с заостренным черешком (рис. 2:7) со стоянки Подол III /1, а также одним целым и двумя черешками со стоянки Подол III/2. Один – маленький, что обычно связывается с высокой степенью утилизации сырья. При получении массивных пластин, по Б. Мадсену [35, с.67], обязательно образуются мелкие “бесполезные пластинки” (Waste flakes) и несколько микропластин, которые идут в производство. На аналогичной пластинке выполнен наконечник из раскопа I (рис. 2:8). Со стоянки Подол III/2 происходят фрагменты двух черешков этого типа (рис. 2: 6, 9), целый наконечник отсюда имеет снятый сколами, направленными от ударной площадки, ударный бугорок (рис. 2: 10).

Тип 3. Наконечник со скошенным пером. Такой наконечник один и по своим пропорциям и по излому на острие имеет полный аналог на стоянке Ullerslev [36, с. 86, рис.12: e) в Южной Дании. Наконечник из Подола на 5 мм короче последнего.

Тип 4. Представлен сломанным асимметричным наконечником с обработанным встречной вертикальной ретушью прямым продольным краем. Аналоги этому наконечнику известны в Neinhagen в Северной Германии [37, с.117]. В. Тауте [22] выделил классическую группу памятников культуры бромме-лингби (Дания, юг Швеции, Шлезвиг-Гольштейн) и южную ее группу в Северной Германии. В последнем случае им было установлено сосуществование двух культурных традиций — бромме и федермессер — и тем самым определено южное направление распространения (миграции) населения культуры бромме в аллерёдское время. Вполне возможно, что такой важный элемент, как сплошное ретуширование края орудия, является отражением контактов двух вышеперечисленных культур. Наконечник был переоформлен в угловой резец (рис. 2: 12). Близкий ему по типу наконечник происходит из ямы со стоянки Подол III/2, датированной дриасом младшим (рис.2: 13). В этой же яме найден косозлезыный наконечник (рис. 2: 14) – тип, свойственный иеневской культуре.

Тип 5. Наконечники, которые по своим типологическим характеристикам близки листовидным формам (тип 7 — хинтерзее по З. Багневскому [30, с. 144]).

По типологии наконечников стрел А.Е. Кравцовым [14, с. 205-206] построена модель развития культур на территории Верхней Волги, согласно которой памятники с наконечниками типа лингби отнесены к кругу стоянок типа Усть-Тудовка I. Однако в основу этой схемы положены подольские формы, а в таких случаях памятники называют по наиболее древним комплексам. Именно таковыми и являются стоянки Подол III/1 и Подол III/2, хронология которых определяется палинологическими и типологическими данными.

По материалам стоянок Подол III/1 и Подол III/2 прослеживаются два уровня обитания [3]. Первый этап заселения приходился на конец аллерёда: 11 200 л.н. Второй фиксируется на стоянке Подол III/2, где выявлена почва дриаса 3. Этим же периодом, но более поздним его этапом, датируется стоянка Усть-Тудовка I [10, с. 66; 17], расположенная в Ржевском районе Тверской области на правом берегу Волги и левом — р. Тудовки.

Материал этих стоянок происходит из песчаных отложений и представлен часто в смешанном виде. Инвентарь из отложений конца аллерёда и младшего дриаса, выполненный на одной сырьевой базе, практически невозможно разделить. Поэтому статистические подсчеты лучше проводить по материалам достоверных комплексов. На стоянке Подол III/1 выделено место обработки кремня. В пределах “рабочей площадки” размерами около 3 кв. м было обнаружено 2633 предмета, в т. ч. 26 нуклеусов, 8 нуклеидных осколков, 13 преформ, 84 массивных пластинчатых скола, 13 сколов поджизления ударных площадок, 53 ребристые пластины, 49 массивных пластин, 53 пластины, 177 пластинок, 119 мелких пластинок. Отщепы составляют 68% и представлены 31 экз. массивных форм, 127 крупными, 405 средней величины, 1243 мелкими и чешуйками, 215 кремневыми осколками. Здесь же найдены наковальня, топор, 4 резца (2 угловых и 2 срединных), 4 концевых скребка на пластинах. В коллекции с “рабочей площадки” преобладают нуклеусы одноплощадочного параллельного скалывания с гладкими ударными площадками и углом расщепления около 80° (рис. 4: 13, 15). Снятые с таких нуклеусов широкие массивные пластины (ширина — от 3 до 6 см; толщина — от 0,5 до 1,5 см; длина — около 10 см) имеют выраженный ударный бугорок, свидетельствующий об использовании твердого отбойника (рис. 4: 11, 12, 14). В целом на раскопе 1 найдено 163 нуклеуса, из них 49 заготовок. Заготовки отличаются массивностью. В коллекции присутствуют 18 сильно сработанных нуклеусов. Типологически все они могут быть разделены на призматические — 41, конусовидные — 24, плоско-торцовые — 27, многоплощадочные — 17, клиновидные — 2, двугранные — 8, нуклеусы-резцы — 3, нуклеидные осколки — 8. Процент соотношения пластин и отщепов тот же, что и для “рабочей площадки”.

На стоянке Подол III/2 найдено 78 нуклеусов и 7 преформ (рис. 4: 5-10). Большинство нуклеусов представлено одноплощадочными призматическими формами с негативами параллельных снятий: конусовидные — 32 экз., призматические двуплощадочные — 9 экз. (рис. 4: 6, 9). Ряд нуклеусов имеет подправку тыльной поверхности поперечными сколами (рис. 4: 9). Расщепление производилось как с гладких, так и с подправленных ударных площадок. В коллекции есть сколы оживления ударных площадок. Конусовидные нуклеусы (рис. 4: 5), в принципе являющиеся разновидностью призматических, преобладают. Несмотря на обилие сырья, мастер стремился к полному их использованию, для чего была необходима постоянная подправка ударной площадки и нижнего конца ядрища. Различные формы нуклеусов являются отражением степени использования ядрищ. Торцовые нуклеусы (рис. 4: 10) здесь представлены единичными формами.

В коллекции имеется 7 заготовок нуклеусов. Это массивные (12×14×10 см) желваки с ребром и одним-двумя негативами пластинчатых сколов (рис. 4: 7, 8).

В целом нуклеусы подольских стоянок характеризуются единообразными приемами расщепления.

Как заключительный этап развития подольской культуры можно рассматривать материалы стоянки Баранова Гора.

Нуклеусы стоянки Баранова Гора (рис. 4: 1-4) характеризуются аналогичными формами, но основной заготовкой для орудий здесь является пластинка. Инвентарь отличается меньшими размерами. Основные орудия выполнены на пластинах и пластинчатых отщепах: наконечники стрел, резцы, скребки, скребла. Единственный наконечник отличается асимметричным коротким приостренным черешком (тип 2) и дополнительной обработкой черешка вентральной краевой ретушью (рис. 8: 1).

Кроме техники первичного расщепления характерным показателем подольской индустрии являются резцы. На стоянке Подол III/1 к этой категории отнесено 34 орудия: 20 угловых (рис. 5: 9), 13 двугранных (рис. 5: 8), 1 боковой (рис. 5: 10). Среди 18 резцов Подола III/2 преобладают орудия с угловым положением лезвия на изломе заготовки (рис. 5: 5) и двугранные резцы (рис. 5: 4, 6). Наряду с типичными резцами с торцовым положением лезвия ярко представлены плоские резцы со смещением лезвия как в вентральную, так и в дорсальную плоскости. В отдельных случаях наблюдается подправка лезвия вторичной плоской ретушью. Многофасеточные резцы отсутствуют. Наиболее выразителен резец на сломе черешкового наконечника типа лингби (рис. 5: 7). Из 8 резцов стоянки Баранова Гора — 2 двугранных (рис. 5: 1, 2), остальные — с угловым положением лезвия (рис. 5: 3).

Скребки составляют наиболее многочисленную категорию орудий всех коллекций. На стоянке Подол III/1 найдено 84 скребка: 34 концевых на пластинах (рис. 6: 12-14), 2 двойных, у 13 лезвие оформлено на широких отщепах, остальные формы представлены концевыми скребками на пластинчатых отщепах, как правило, с параллельными боковыми краями. Все 35 орудий Подола III/2 являются концевыми формами, различающимися по размерам и пропорциям. Заготовкой для них служили укороченная пластина или пластинчатый отщеп, иногда с галечной коркой (рис. 6: 6-8). Преобладают простые формы. Для мелких скреб-

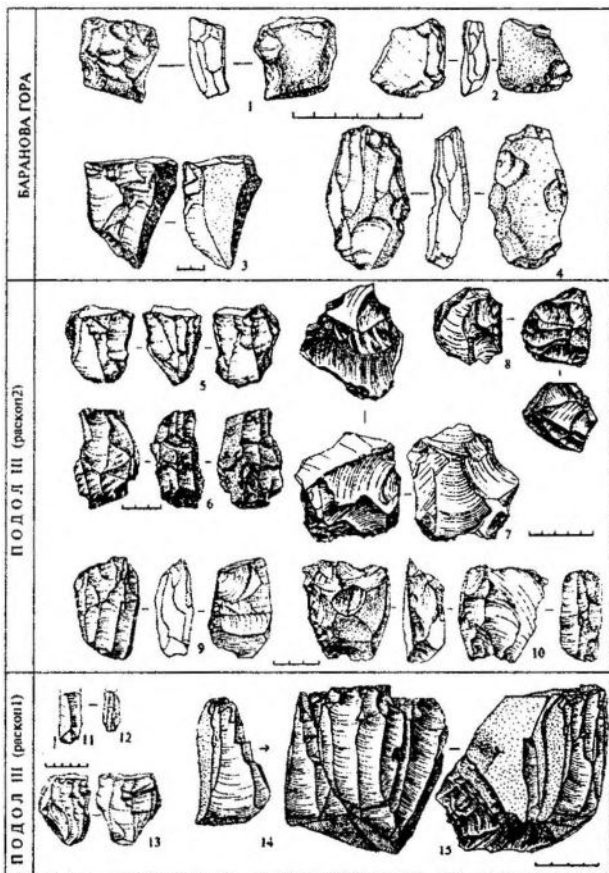

Рис.4. Нуклеусы подольской культуры

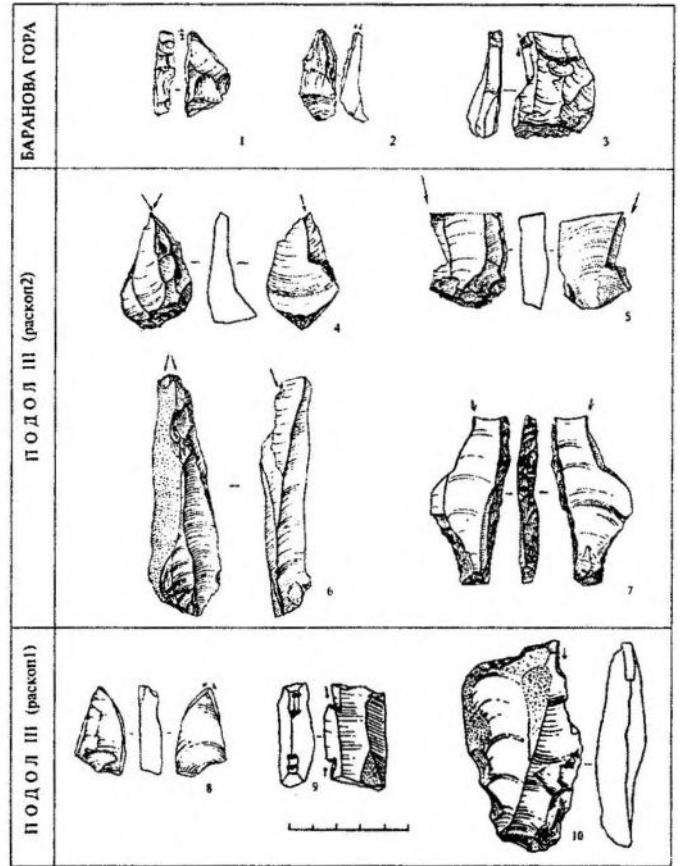

Рис.5. Резцы подольской культуры

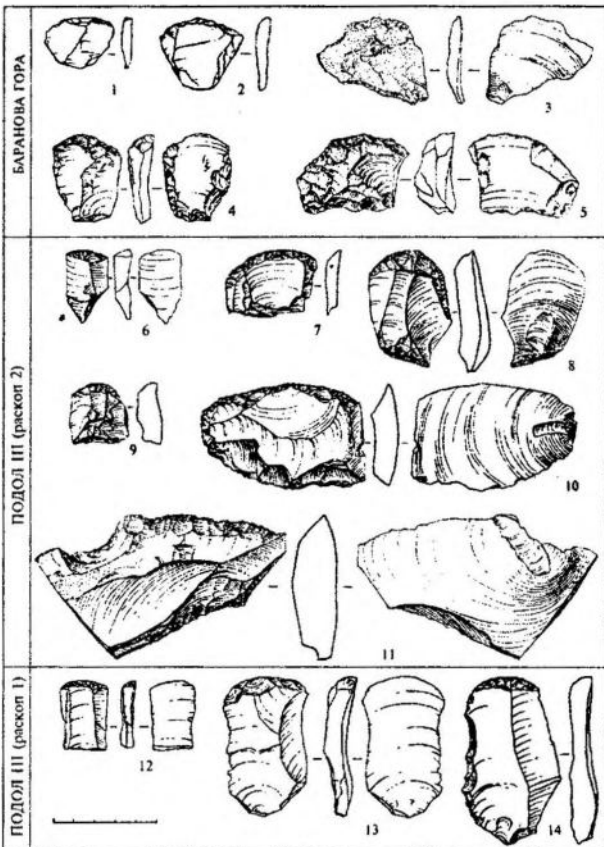

Рис.6. Скребки, скребла подольской культуры

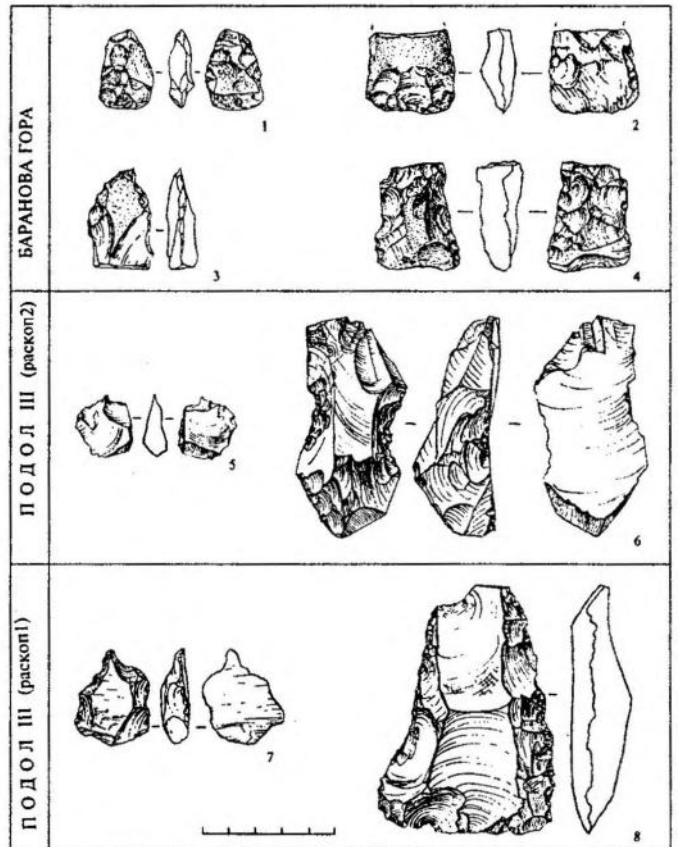

Рис.7. Инвентарь подольской культуры

ков характерен более крутой угол рабочего лезвия. В коллекции с Барановой горы имеется 17 скребков. Как правило, это орудия, выполненные на пластинчатых отщепках, концевых форм, иногда с дополнительной подправкой по краю (рис. 6: 4). Характерными типами скребков являются укороченные изделия с широкими лезвиями (рис. 6: 1,2) и со сходящимися боковыми краями.

Еще одной отличительной особенностью подольской культуры являются скребла, представленные выразительной серией орудий на крупных отщепках. В коллекции стоянки Подол III/1 имеется 31 скребло: 9 вентральных продольных однолезвийных, 15 дорсальных. Орудия массивные, края заготовок сильно модифицированы, у четырех орудий лезвия сделаны по всему обводу, и два орудия оформлены бифасиальной ретушью. Маленькое скребло, окатанное и патинизированное, представлено угловой формой со сходящимися рабочими краями. Скребла Подол III/2 представлены простыми продольными формами (рис. 6: 10). Одно имеет рабочее лезвие, оформленное крутой ретушью по всему обводу. На шести орудиях отмечено наличие выемок на лезвии (рис. 6: 11). Во всех случаях они оформлены крутой дорсальной ретушью. Скребла (14 экз.) стоянки Баранова Гора отличает наличие выступов на рабочем крае (рис. 6: 3), меньшие по размеру заготовки и наличие дополнительных элементов обработки в виде утоньшения поперечного края (рис. 6: 5).

Единичными предметами представлены во всех коллекциях такие орудия, как тесла: Подол III/1 – 6 экз., из них 2 с перехватом и 3 – прямолезвийные. Тесло на отщепе из рабочей площадки нуклеуса имеет трапециевидную форму (рис. 7:8). Для двух тесел Подола III/2 характерно наличие глубоких выемок, оформленных на боковых краях (рис. 7: 6). Тесла в коллекции со стоянки Баранова Гора, отличающиеся мелкими размерами, обработаны как краевой дорсальной, так и сплошной вентральной ретушью (рис. 7: 1, 2, 4). Единичными формами на всех памятниках представлены проколки на отщепках. Для них характерно наличие небольших жальцев, плечики слабо проработаны (рис. 7: 3, 5, 7).

Типологическое сходство инвентаря стоянок подольской культуры усиливает использование близкого сырья (светло-серый кремнь) на раннем этапе ее развития. На последующих этапах отмечается преобладание более темного серого кремня различных оттенков (Усть-Тудовка I и Баранова гора). При этом изменяются техника расщепления и состав инвентаря. Для стоянки Баранова Гора, которая, предположительно, относится к заключительному этапу подольской культуры, характерны обушковые формы орудий, треугольные в сечении (рис. 8: 2, 4), появляются новые типы орудий: двусторонне обработанные по краю ножички (рис. 8: 5) и долотовидные формы (рис. 8: 6). Характер заготовки становится другим – тонкие пластинки доминируют, являясь свидетельством распространения вкладышевой техники (рис. 8: 3).

Для территории Волговерховья выявлены те же самые закономерности эволюции инвентаря, что и для

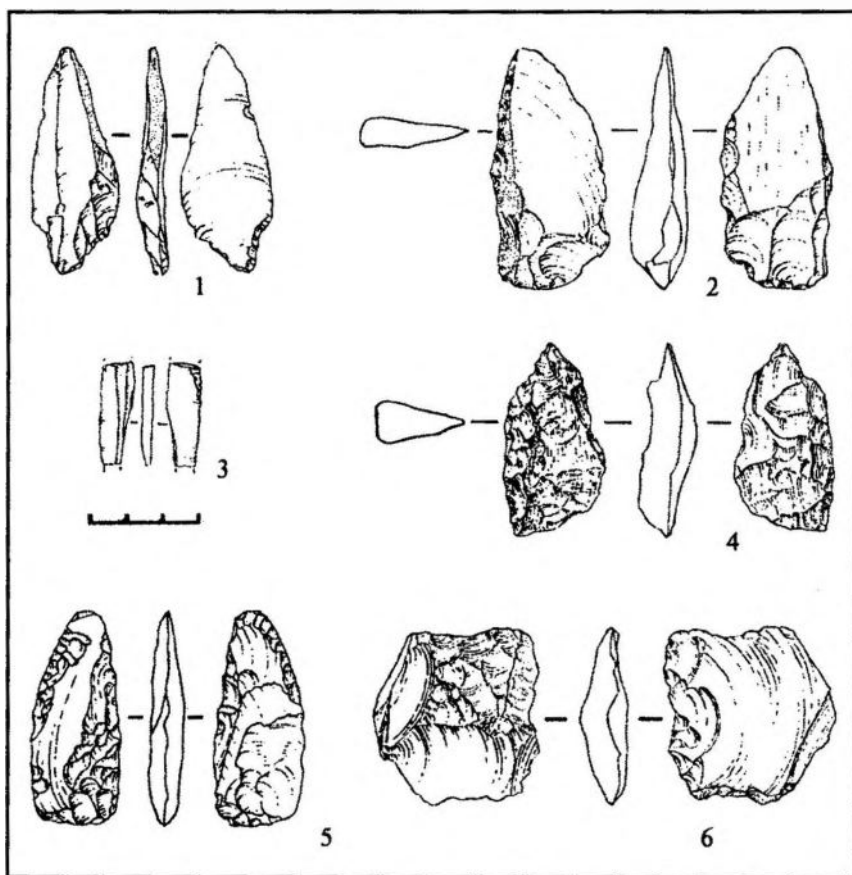

Рис. 8. Инвентарь стоянки Баранова Гора

всего круга культур с черешковыми наконечниками стрел — уменьшение размера заготовок, увеличение разнообразия форм орудий.

Р.К. Римагнене [24] и С.К. Козловский [38] стоянки "прибалтийского мадлена" определяли как лингбийские. Л.В. Кольцов [8; 11] и М.Г. Жилин [12] рассматривают культуры с элементами лингби на территории Восточной Европы как культуры восточного аренсбурга (или восточного постлингби) — исходя из положения о генезисе аренсбургской культуры на основе лингби и из хронологической позиции стоянок. Типологический анализ последнюю точку зрения не подтверждает. Комплексы аренсбургской культуры основаны на другой технике расщепления: на использовании мягкого отбойника и технологии двухплощадочных нуклеусов и, как результат, на получении иных заготовок — тонких пластинок. Длина наконечников стрел аренсбургской культуры, как правило, колеблется в пределах 3-4 см (рис. 3: III); крупные наконечники — единичны. Для аренсбургской культуры характерны разнообразные типы орудий: серии микропластинчатых острий, острия типа цонхофен, проколки-цинкены, вкладышевые формы.

Судя по типологии инвентаря, на территории Восточной Европы доми-

нирует развитие традиций лингби наряду с традициями свидерской культуры. В этом плане важно отметить полное отсутствие какого-либо влияния свидерской культуры на северные культуры Скандинавии, наоборот, большинством исследователей указывается на распространение (массовый исход населения) свидерской культуры в восточном направлении [39].

Инвентарь стоянок Подол III/1, Подол III/2, Теплый ручей 2, Троицкое 3, Усть-Тудовка I, Баранова Гора объединен одной традицией — бромме-лингби. Компактное расположение стоянок, их хронологическая близость позволяют выделить новую археологическую культуру и этапы ее развития, а по самому древнему памятнику Подол III/1 назвать ее подольской.

Граница начала финального палеолита прослеживается как смена технологий автохтонных верхнепалеолитических традиций типа Боршево 2 новыми технологиями, сформировавшимися под влиянием миграционных волн, в первую очередь западного происхождения.

Четкой границы между концом финального палеолита и началом мезолита не прослеживается. Единственной практической основой их разделения остается палеогеографический критерий: рубеж, фиксируемый сменой перигляциальных условий лесными, — и, как следствие этого, возникновение экономики, связанной с охотой на лесных животных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Городцов В.А.* Археологическая классификация. М., 1926.
2. *Брюсов А.Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в памятниках неолитического типа // Труды секции теории и методологии РАНИОН. Т.2. М., 1928.
3. *Жуков Б.С.* Теория хронологических и теоретических модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. № 1. М., 1929.
4. *Борисковский П.И.* К вопросу о стадийности в развитии верхнего палеолита // ИГАИМК. Т. XIV. Вып. 4. 1932.
5. *Воеводский М.В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950.
6. *Викторова В.Д.* Природа, содержание и функция категорий археологической науки // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979.
7. *Бочкарев В.С.* Трифонав В.М. Пространство и время в археологии // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Ашхабад, 1980.
8. *Григорьев Г.П.* Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы: Тез. докл. к сов.- франц. симпозиуму. Л., 1988.
9. *Захарук Ю.Н.* "Система трех веков" и проблема человек и природа // Природа и человек. М., 1988.
10. *Халиков А.Х.* Некоторые теоретические аспекты перехода от одной археологической эпохи к другой // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР (мезолит-неолит-энеолит). Ижевск, 1988.
11. *Вишняцкий Л.Б., Колпаков Е.М.* Периодизация в археологии // Археологические изыскания. Вып.3. Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.
12. *Аникович М.В.* К определению понятия "археологическая эпоха" // СА. 1992. № 1.
13. *Воеводский М.В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. М., 1950.
14. *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
15. *Розачев А.Н.* Некоторые вопросы изучения энеолита Восточной Европы // У истоков древних культур (эпоха мезолита). МИА. № 126. 1966.
16. *Формозов А.А.* О термине "мезолит" и его эквивалентах // СА. 1970. № 3.
17. *Гурина Н.Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // КСИА. Вып. 49. 1977.
18. *Лынина В.А.* Мезолит — понятие технологической периодизации // Археология и этнография Восточной Сибири. Иркутск, 1978.
19. *Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А.* Природная среда и возможные миграции первобытного человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской Равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997.
20. *Schild R.* The European Plain and Eastern Sub-Balticum between 12,700 and 8,000 BP // Humans at the Ice Age / The Archaeology of the Pleistocene — Holocene Transition / Edited by Lawrence Guy Straus, Berit Valentin Eriksen, Jon M. Erlandson and David R. Yesner. New York and London, 1996.
21. *Street M., Baales M. and Weniger B.* Absolute Chronologie des späten Paläolithikums und des Frühmesolithikums im Nördlichen Rheinland // Archäologisches Korrespondenzblatt. 24. Heft 1. Mainz, 1994.
22. *Hedges R.E.M., Housley R.A., Bronk Ramsey C., van Klinken G.J.* Radiocarbon dates from the Oxford AMS system: Archaeometry datelist 20 // Archaeometry. Vol. 37. Part 2. 1995.
23. *Larsson L.* The Colonization of South Sweden during the Deglaciation // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°, № 24. Edited by Lars Larsson. Almqvist & Wiksell International. Stockholm, 1996.
24. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
25. *Кольцов Л.В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита // КСИА. Вып. 137. 1973.
26. *Спиридонова Е.А., Аleshинская А.С.* Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
27. *Аleshинская А.С.* Периодизация раннего голоцена Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке (Всероссийское совещание ВСЕГЕН: Тезисы докладов). СПб., 1998.
28. *Кольцов Л.В.* Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
29. *Zhilin M.* The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic — Early Mesolithic // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas (ed. by L. Larsson). Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°, № 24. Stockholm, 1996.
30. *Сорокин А.Н.* О связях населения бассейна реки Оки в раннем мезолите // Археологические памятники среднего Поочья. Рязань, 1997.
31. *Крацов А.Е.* К вопросу о генезисе иеневской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

15. Микляев А.М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб., 1995.
16. Синицына Г.В. Исследование финально-палеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания. Вып.39. СПб., 1996.
17. Жилин М.Г., Крацов А.Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород, 1991.
18. Ланцев А.П., Мирецкий А.В. Стоянка Троицкое 3 — один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
19. Кольцов Л.В. О первоначальном заселении Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
20. Синицына Г.В. Ланино I — памятник каменного века // Каменный век верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997.
21. Rust A. Die jungpaläolithischen Zeitanlagen von Ahrensburg. Offa-Bücher 15. Neumünster, 1958.
22. Taute W. Die Stülpitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der späten Altsteinzeit // Fundamenta. Reihe A. Band 5. Köln, 1968.
23. Schild R. Pozny paleolit // Prahistoria ziem polskich. T. I. Palaeolit i mezolit. Warszawa-Krakow-Gdansk, 1975.
24. Римаантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
25. Ксензов В.П. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: Автореф. дис.... докт. истор. наук. Минск, 1994.
26. Залізняк Л.Л. Передісторія України X — V тис. до н. е. Київ, 1998.
27. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
28. Clark G. The Mesolithic Settlement in Northern Europe. Cambridge, 1936.
29. Римаантене Р.К. Типология палеолитических и мезолитических наконечников стрел Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978.
30. Bagniewski Z. Tanged-Points and the Problem of Palaeolithic Settlement in Pomerania // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 1993. Lublin, 1999.
31. Fischer A. Late Palaeolithic Finds // Archaeological Formation Processes. The representativity of archaeological remains from Danish Prehistory (ed. by K. Kristiansen). Copenhagen, 1985.
32. Petersen P.V. and Johansen L. Sølbjrg I — An Ahrensburgian Site on a Reindeer Migration Route through Eastern Denmark // Danish Archaeology. Vol. 10. Odense, 1991.
33. Чарняўскі М.М., Кудрашоў В.Я., Ліпніцкая В.Л. Старажытныя шахцэры на Росі. Мінск, 1996.
34. Butrimas A., Ostrauskas T. Tanged point cultures in Lithuania // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 1993. Lublin, 1999.
35. Madsen B. Late Palaeolithic Cultures of South Scandinavia — Tools, Traditions and Technology // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas (ed. by L. Larsson). Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°, № 24. Stockholm, 1996.
36. Petersen P.V., Johansen L. Tracking Late Glacial reindeer hunters in eastern Denmark. // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas (ed. by L. Larsson). Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°, № 24. Stockholm, 1996.
37. Terberger T. The Early Settlement of Northeast Germany (Mecklenburg-Vorpommern) // The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas (ed. by L. Larsson). Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°, № 24. Stockholm, 1996.
38. Kozłowski J.K., Kozłowski S.K. Pradzieje Europy od XL do IV tysiąclecia p.n.e. Warszawa, 1975.
39. Sulgostowska Z. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the International Archaeological Symposium. Lublin, September, 1993. Lublin, 1999.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

G.V. Sinitsyna

THE LATE PALAEO-LITHIC AND EARLY MESOLITHIC AS THE STAGES OF MATERIAL CULTURE DEVELOPMENT ON THE UPPER VOLGA RIVER

Summary

Assemblages of sites Podol III/1, Podol III/2, Teply Ruchey 2, Troitskoye 3, Ust`-Tudovka 1, Baranova Gora are distinguished as a particular cultural entity for Tardiglacial period of the upper Volga basin against the background of the well represented Bromme-Lyngby basis of these industries. Both typological analysis of the stone assemblage and stratigraphic-palynological evidences are the background to range and represent them as a chronological sequence of the evolution of the Podol archaeological culture.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

М.Г. Жилин

О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ И ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В РАННЕМ МЕЗОЛИТЕ

Территория большей части лесной зоны Восточной Европы характеризуется равнинным рельефом, сходными почвенными и гидрологическими условиями, которые определяли формирование во многом близкой палеоэкологической обстановки в пребореальном периоде от Северо-Востока Польши до Среднего Поволжья. Палинологические исследования [1] показали, что в первой половине пребореала здесь началось формирование таежной зоны, завершившееся во время его климатического оптимума около 9500-9300 л. н. Отсутствие естественных преград и развитая гидросеть с легкими переходами из одного бассейна в другой (например, из бассейна Западной Двины в бассейн Волги) создавали благоприятные условия для передвижения и контактов древнего населения на этой обширной территории.

В конце плейстоцена, в молодом дриасе, обширные пространства перигляциальных тундростепей на месте будущей лесной зоны Восточной Европы занимали охотники на северного оленя, памятники которых можно отнести к двум культурным традициям – свидерской и лингбийско-аренбургской [2–5]. Контакты свидерского и аренбургского населения привели к появлению стоянок, в инвентаре которых сочетаются черты обеих традиций. Это произошло, вероятно, в конце молодого дриаса. К их числу относятся Саласпилс Лаукскола в Латвии [6; 7], Мергежерис 3 в Литве [8] и аналогичные.

В начале голоцена, вероятно, в первой половине пребореального периода, в лесной зоне Восточной Европы складывается ряд постсвидерских культур: в Прибалтике это неманская и кундская, а в Верхнем Поволжье – бутовская. Лингбийско-аренбургская традиция, на основе которой в Верхнем Поволжье сложилась иеневская культура, в мезолите Прибалтики не представлена. Инвентарь наиболее ранних мезолитических стоянок типа Памяркине очень сходен с финальнопалеолитическими стоянками типа Мергежерис 3, однако уже содержит отдельные микролиты и аморфные скребки, характерные для неманской мезолитической культуры [8].

Культура кунда [9; 3; 10-11] была распространена на территории, главным образом, Латвии и Эстонии. Отдельные памятники и случайные находки, сходные с ранними кундскими, известны в Литве [12; 8], в Северо-Восточной Польше [13] и в Южной Финляндии [14]. Ранний этап культуры кунда представлен стоянкой Пулли, датированной радиоуглеродным методом 9675 ± 115 (ТА-176)¹ по углю из самого низа культурного слоя, 9600 ± 120 (ТА-245) по необработанному дереву из самого низа культурного слоя, 9300 ± 75 (ТА-175) по гумусу из культурного слоя, 9285 ± 120 (ТА-284) по углю из верха культурного слоя и 9350 ± 60 (ТА-949) л.н. по углю из очага, обложенного камнями; последняя дата наиболее точно соответствует времени заселения стоянки. Спориво-пыльцевой анализ относит памятник к пребореалу. С концом пребореального периода связаны нижний слой поселения Звейниекс 2 и Сулягалс. Памятники культуры кунда первой половины – середины пребореала пока неизвестны, что несколько затрудняет решение вопроса о ее возникновении. Наиболее обоснованной представляется точка зрения о генезисе ранних памятников культуры кунда на основе поздних свидерских стоянок типа Саласпилс Лаукскола [11]. Принципиальным новшеством раннего мезолита постсвидерской традиции, по сравнению с финалом палеолита, было появление отжимной техники расщепления, которое быстро привело к использованию правильных пластин и микропластин для изготовления орудий. Этот процесс лучше изучен в Верхнем Поволжье [15] и Украинском Полесье [4], где прослежено появление техники отжима микропластин с карандашевидных нуклеусов в памятниках свидерской традиции. Как показывают материалы нижнего слоя поселения Становое 4 на Верхней Волге, в районах, бедных качественным кремнем, эта технология осваивается очень рано, около 9850 л.н. [16]. Большая часть Латвии и Эстонии является именно такими районами. Применение отжимной техники расщепления в первую очередь диктовалось необходимостью оснащения кремневыми лезвиями-вкладышами костяных наконечников метательного вооружения, которые представлены и в Пулли, и в Звейниекс 2, и в Становом 4. В морфологии и технологии обработки большинства орудий просматриваются позднесвидерские традиции. Таким образом, трансформация индустрии памятников типа Саласпилс Лаукскола в индустрию ранней кундской культуры в течение первой половины пребореала органично вписывается в развитие наиболее ранних постсвидерских индустрий. Единственной инновацией, которую невозможно вывести из свидерской культуры, является распространение различных микролитов с затупленным краем, наибольшей серией

¹ Все приводимые в работе радиоуглеродные даты некалиброванные, отчет от 1950 г.

представленных в Пулли. Для решения этого вопроса очень интересны материалы поселения Милуки в Северо-Восточной Польше [13]. В слое 8 вместе с типичными пуллийскими кремневыми изделиями (рис. 1: 22) встречены микролиты с затупленным краем (острия типа Ставиного), характерные для коморницкой культуры (рис. 1: 23-24). Условия залегания исключают возможность попадания в этот культурный слой посторонних примесей. По образцу обожженной сосновой древесины этот слой получил радиоуглеродную дату 9280 ± 50 (Gd-7595) л. н., то есть он практически синхронен стоянке Пулли. В вышележащем культурном слое 7, датированном по образцу обожженной сосновой древесины $9160 \pm \dots$ (Gd-7594) л. н., встречена правильная микропластинка с затупленным крутой ретушью на брюшке краем, аналогичная находкам с Пулли и подобных стоянок (рис. 1: 25). В том же микрорайоне раскопана торфяниковая коморницкая стоянка Лайти [17], в инвентаре которой представлены микролиты с затупленным краем, тождественные находкам из нижнего слоя стоянки Милуки. Датировка угля из низа культурного слоя Лайти 9420 ± 100 (Gd-8027) л. н. Из наиболее древних коморницких горизонтов поселения Цаловане [18] получены даты 9410 ± 110 (Gd-2734), 9380 ± 80 (Gd-1721), 9370 ± 80 (Gd-1719), 9350 ± 100 (Gd-2198), 9350 ± 10 (GrN-5251) и 9200 ± 75 (CrN-5422) л. н. Таким образом, ранние памятники коморницкой культуры на востоке и северо-востоке Польши синхронны стоянке Пулли или несколько раньше нее. Стоянка Милуки, отнесенная авторами раскопок к раннему этапу культуры кунда, на мой взгляд, отмечает контакт пуллийского населения с коморницким. В результате таких контактов население раннего этапа кундской культуры и воспринимает от носителей коморницкой микролиты с затупленным краем, которые по мере распространения дальше на восток изготавливаются в пуллийской технологии и быстро трансформируются в микропластинки и острия, характерные для раннего этапа культуры кунда. Пулли и нижний слой поселения Звейниек 2 дали выразительные серии изделий из кости и рога раннего этапа культуры кунда. Примечательно, что стоянка Милуки, где встречено большое количество фаунистических остатков, почти не дала изделий из кости и рога. Это же характерно и для стоянки Лайти. Вероятно, роль подобных изделий, особенно предназначенных для оснащения метательного вооружения, в коморницкой культуре была незначительной.

Стоянка Пулли позволяет дать характеристику каменного инвентаря ранней кундской культуры [9]. Сырьем для изготовления орудий служил высококачественный темно-серый меловой кремнь, роль местного кремня низкого качества незначительна. Основной заготовкой для орудий являлись правильные пластины, вкладыши делались из микропластин, полученных техникой отжима. Среди скребков преобладают концевые; резцы изготовлены, главным образом, на сломе пластины. Из правильных широких пластин сделаны ножи, встречаются оббитые рубящие орудия. Особый интерес представляют наконечники стрел на правильных пластинах, среди которых специфичны длинные с шипами и коротким треугольным черешком, обработанным с двух сторон пологой ретушью (1: 5-8). Перо их оформлено плоской ретушью на брюшке, захватывающей у некоторых до $\frac{1}{3}$ длины изделия, а у других – только острие. Вместе с ними встречены и обычные постсвидерские наконечники с четко выделенным черешком без шипов, обработанные краевой пологой или полукрутой ретушью по черешку и острию (рис. 1: 3-4). Единичны колющие наконечники с боковой выемкой. Один – из правильной пластины, выемка обработана мелкой крутой ретушью на спинке, а перо – плоской ретушью на брюшке, доходящей до начала выемки (рис. 1: 1). Другой наконечник этого типа очень мелкий, из пластинчатого отщепя, мелкой крутой ретушью обработана только выемка на спинке (рис. 1: 2). Микролиты представлены серией вкладышей (рис. 1: 9-15, 19-21), среди которых встречены микропластинки с затупленным крутой ретушью ($70-90^\circ$) краем на спинке или брюшке, реже с двух сторон, и с аналогичным образом затупленным концом или краем и концом; микропластинки с притупленным (до 60°) и приостренным (менее 45°) краем на спинке, брюшке или с двух сторон; микропластинки с зубчатый краем, зубчики выделены нажимом тонким краем кремневого орудия. Острия из микропластинок (рис. 1: 16-18) включают изделия с прямым или плавным дугообразным затупленным краем; сходящимися затупленными краями, а также со скошенным концом и со скошенным концом и затупленным краем. У последних конец бывает скошен как под очень острым углом, так и близким к прямому, у большинства изделий он слегка вогнут, острие сделано на бугорковой части микропластинки. Редко встречаются острия со скошенным краем, напоминающие коморницкие.

В Верхнем Поволжье в раннем мезолите существовали иеневская и бутовская культуры. Первая не показывает каких-либо связей с мезолитом Прибалтики, и ее материалы в данной работе не рассматриваются. Бутовская в настоящий момент является наиболее изученной из постсвидерских культур [19-23; 5; 15]. Территория ее распространения в пребореале охватывает Волго-Окское междуречье и левые притоки Верхней Волги. Инвентарь ранних бутовских стоянок Тихоново [19], отнесенной спориво-пыльцевым анализом к пребореальному оптимуму, ко времени ок. 9500 л. н., и Марьино 4 [24] во многом сходен с наиболее ранними памятниками мезолита Литвы типа Памяркине; однако в бутовских стоянках представлены сериями правильные микропластинки, полученные отжимной техникой. Нижний слой поселения Становое 4 [15], датированный радиоуглеродным методом 9850 ± 60 (ГИН-8379) л. н. и отнесенный палинологически к переходу от дриаса к пребореалу, дал не только такие вкладыши, но и узкий плоский костяной наконечник с вкладышем из длинной правильной микропластинки в пазу [25], а также одноплощадочный уплощенно-конический нуклеус для отжима таких микропластинок.

Во второй половине пребореала, ок. 9300 л. н., в каменном инвентаре бутовской культуры появляются наконечники стрел и вкладыши пуллийских типов, представленные на стоянке Бутово (рис. 2: 1-14), датированной радиоуглеродным методом 9310 ± 110 (ГИН-5441) л. н., а спориво-пыльцевым – концом пребореального оптимума [5]. Аналогичные изделия встречены в инвентаре стоянок Прислон 1 [26] (рис. 2: 15-22), Забо-

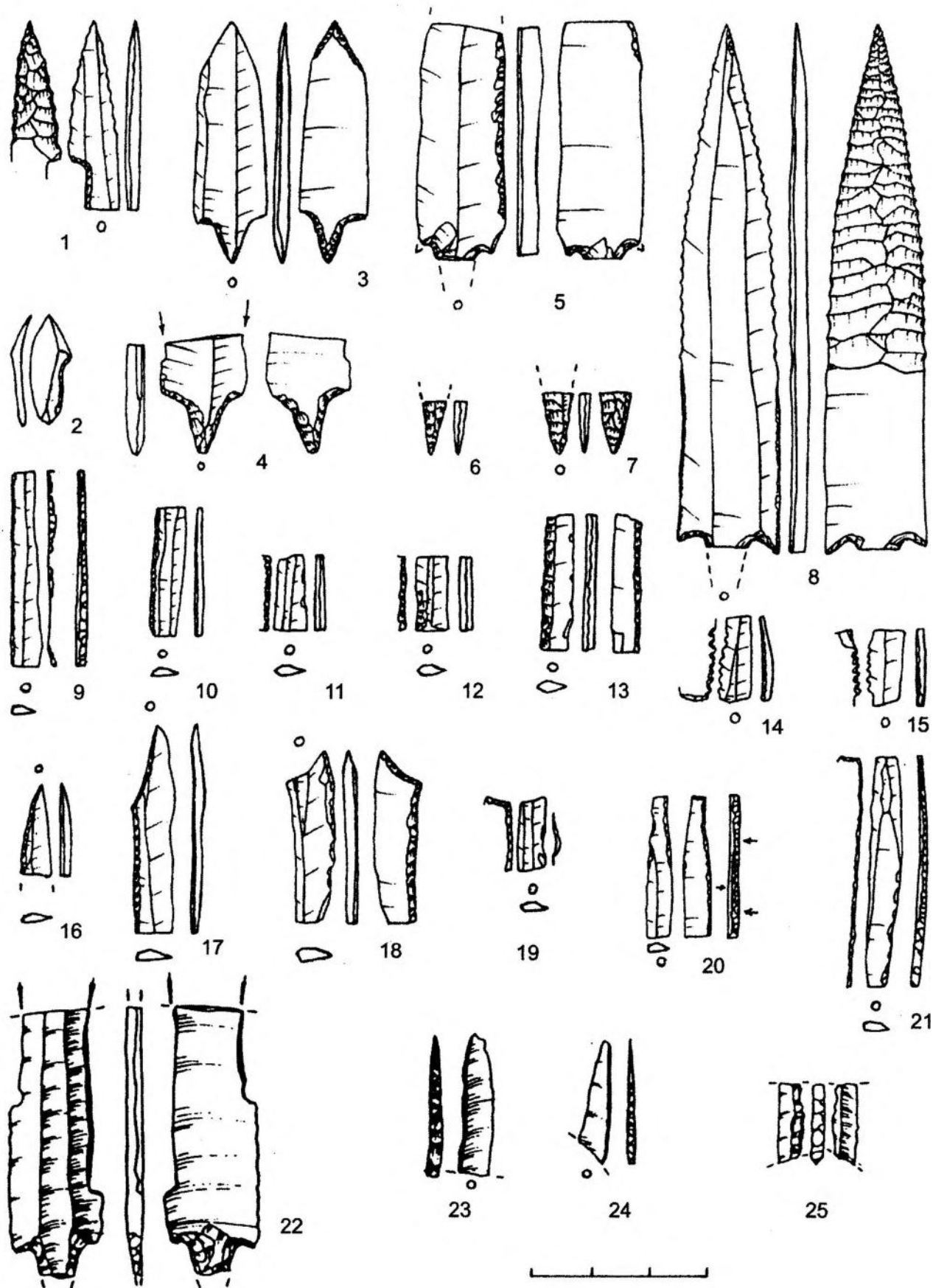

Рис. 1. Кремневые изделия раннемезолитических стоянок Прибалтики:
 1-21 - Пулли; 22 - 24 - Милуки, слой 8; 25 - Милуки, слой 7

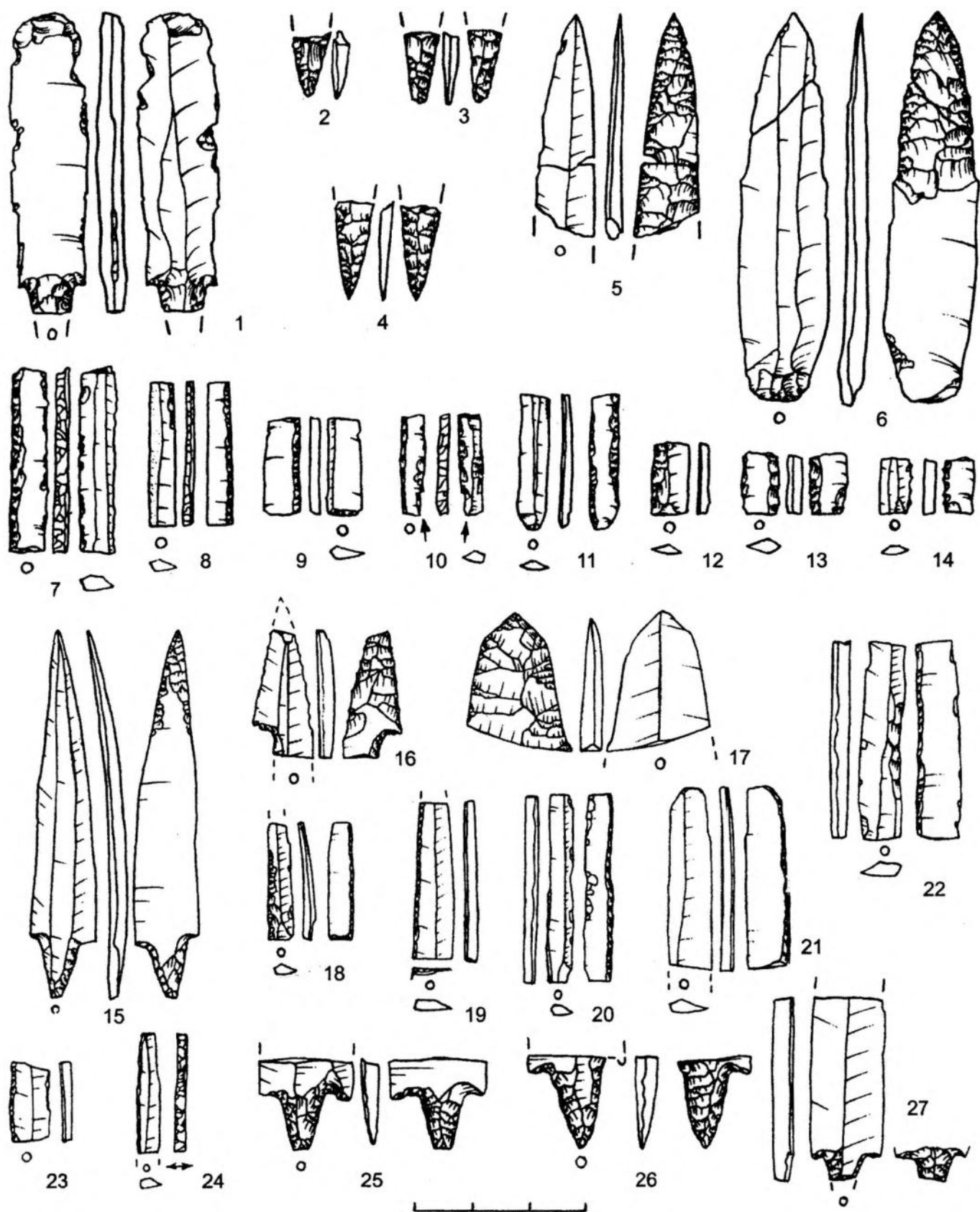

Рис. 2. Изделия пуллийских типов на стоянках раннего этапа бутовской культуры:
 1-14 - Бутово; 15-22 - Прислон 1; 23-27 - Заборовье 2

ровье 2 [27] (рис. 2: 23-27) в Тверском Поволжье; Лотова Гора на притоке Верхней Волги – Шексне [28] и ряда других памятников. Сопоставление их по инвентарю со стоянкой Бутово, с одной стороны, и с раннебореальными бутовскими памятниками, с другой стороны, позволяет отнести эти комплексы к концу пребореального периода – самому началу бореала, то есть ко времени 9200-8900 л. н.

В качестве сырья на этих стоянках использован преимущественно меловой кремь высокой качества, нередко приносной. Технология расщепления направлена на получение правильных пластин и микропластин с одноплощадочных конических, призматических и торцевых нуклеусов; на пластинах сделано большинство орудий. Среди скребков преобладают концевые, а среди резцов – на сломе пластин, встречены ретушные и срединные. Обычны ножи на широких правильных пластинах, скобели, сверла, проколки, оббитые рубящие и комбинированные орудия. Особенно интересны наконечники стрел, среди которых наряду с обычными постсвидерскими представлены и типичные пуллийские – длинные, с короткими шипами и треугольным черешком, обработанным пологой ретушью с двух сторон, и острием, подправленным на брышке плоской ретушью, иногда захватывающей до $\frac{1}{2}$ и более длины орудия. Примечательно, что на стоянке Бутово встречена заготовка такого наконечника, сломанная при ретушировании острия, найденного рядом. Аналогичная заготовка, но с выломом на одном крае, имеется на стоянке Микулино, во многом сходной с Бутовым, в Мещере [21]. Колющий наконечник с боковой выемкой, аналогичный изделиям из Пулли и Лепакозе, найден на стоянке Прислон 1. Идентичны пуллийским и вкладыши из микропластинок с затупленным краем, краем и концом; приостренным и зубчатым краем, с двусторонней краевой ретушью. Обычны и микропластинки с затупленным и скошенным концом, но острия с затупленным краем в памятниках бутовской культуры встречаются редко.

Интересно, что ряд изделий пуллийских типов сделан из темно-серого, до черного, полупрозрачного мелового кремня, который не встречается в Верхнем Поволжье. Но именно из него изготовлена большая часть инвентаря Пулли и аналогичных памятников Прибалтики. Из этого кремня сделаны два наконечника из Прислона (рис. 2: 16-17) и два (сохранились черешки) из Заборовья 2 (рис. 2: 25-26), несколько вкладышей и сломанная заготовка наконечника стрелы из Бутова (рис. 2: 6). Помимо этого в Бутове были встречены несколько обломков и одна целая крупная пластина этого кремня, а отщепов из него ни на одной стоянке пока не обнаружено. С другой стороны, среди находок со стоянки Пулли есть несколько изделий из розовато-фиолетового кремня, который не встречается в Эстонии, но чрезвычайно характерен для Верхней Волги и Валдая. В инвентаре стоянки Бутово представлен и светло-серый полупрозрачный пятнистый меловой кремь, который также отсутствует в Верхнем Поволжье, но имеется в Пулли; из него сделан карандашевидный нуклеус, микропластинки, вкладыш с затупленным краем и несколько поперечных сколов. Из этого же кремня изготовлен и наконечник пуллийского типа на стоянке Крутой Берег в бассейне левого притока Волги – Мологи [29].

Форма и технология обработки, а в ряде случаев и сырье, из которого сделаны описанные изделия, не оставляют сомнения в их заимствовании населением ранней бутовской культуры от носителей ранней кундской. Находки на месте изготовления сломанных в процессе обработки заготовок наконечников типа Пулли, как и изготовление большинства изделий пуллийского облика (найденных на бутовских стоянках) из верхневолжского кремня говорят об усвоении этой (пуллийской) технологии населением бутовской культуры, что возможно только при наличии достаточно тесных контактов. Присутствие характерного для Пулли сырья на ранних бутовских стоянках Верхней Волги, в том числе не только в виде наконечников, и, в свою очередь, верхневолжского кремня на этом памятнике позволяет предположить регулярное общение носителей ранней бутовской и кундской культур. К сожалению, территория, разделяющая Прибалтику и Верхнее Поволжье, является белым пятном на карте раннего мезолита Восточной Европы. Это не позволяет в настоящий момент подробно проследить указанные контакты, а также установить – осуществлялись ли они на уровне соседних групп древнего населения или имело место передвижение населения на большие расстояния. Ясно только, что распространение изделий пуллийских типов на обширной территории, включающей значительную часть Прибалтики, бассейн Верхней Волги с ее левобережными притоками и Волго-Окское междуречье (рис. 4), отражает формирование устойчивой системы связей населения родственных постсвидерских культур в последней трети пребореала. Редкость изделий из импортного кремня и отсутствие отходов производства указывают на то, что не обмен сырьем был целью этих контактов. Приносилось с собой минимальное количество орудий, главным образом предметов вооружения и связанных с ним заготовок, которое охотник, отправляясь куда-либо, должен был иметь при себе. В основе этой системы, вероятно, лежала необходимость регулярных экзогамных брачных связей, что в условиях сильной разреженности раннемезолитического населения вело к вовлечению в эти связи обширных территорий.

В западной части Верхнего Поволжья известна также рессетинская культура [30; 5], пока недостаточно изученная. Имеющиеся радиоуглеродные и палинологические даты помещают ее в начало бореального периода, возможно, формирование этой культуры происходило в конце пребореала. Специфичными для нее являются колющие наконечники на узких пластинах двух типов: с боковой выемкой (рис. 3: 1) и с боковым шипом. Острие вторых часто оформлено микрорезцовым сколом (рис. 3: 2,8,9). Боковой шип у последних бывает и не выражен (рис. 3: 3), тогда эти изделия практически не отличаются от острий со скошенным под острым углом концом и затупленным краем. Характерны острия и микропластинки с затупленным краем (рис. 3: 5, 6, 11, 12), краем и концом (рис. 3: 5), оббитые рубящие орудия. По мнению А.Н. Сорокина, эта культура генетически связана с поздним палеолитом Русской равнины типа Гагарино – Хотылево 2. Однако между этими памятниками имеется очень большой хронологический разрыв – более 10000 лет, да и

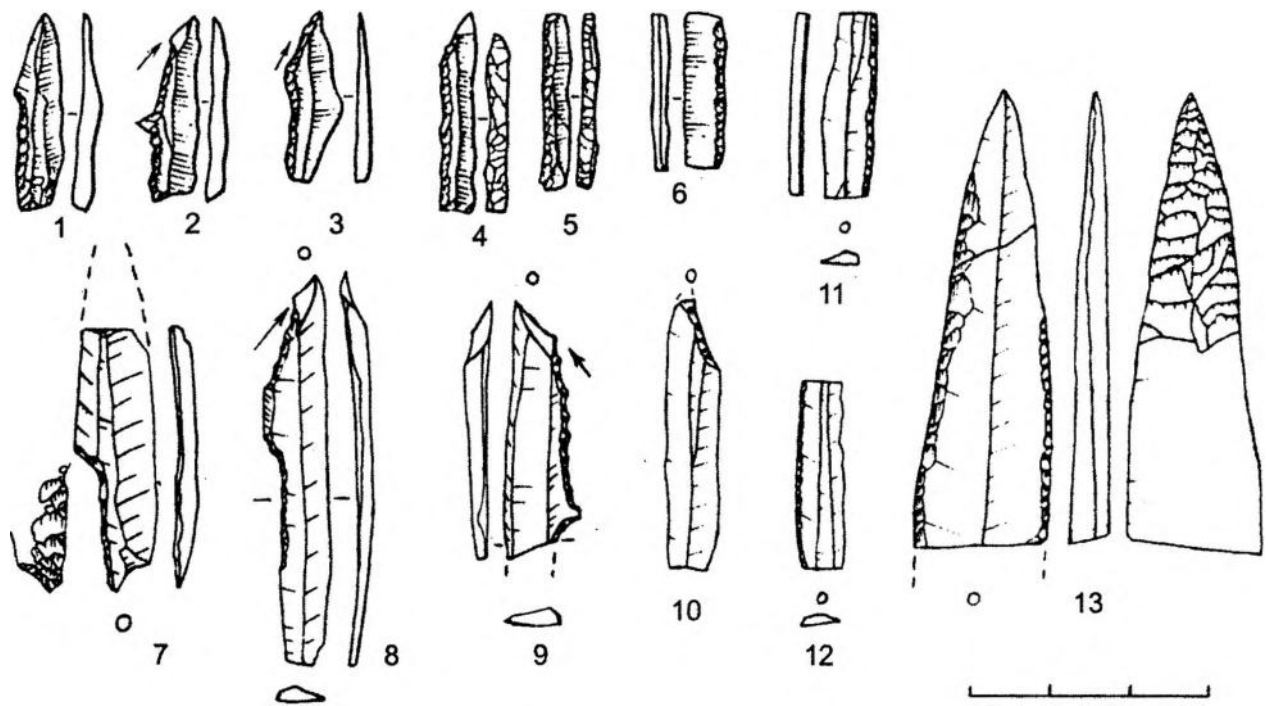

Рис. 3. Кремневые изделия рессетинской культуры:
1,3,6 - Рессета 3; 2,4,5 - Суконцево 8; 7-9 - Култино 3; 10-13 - Суконцево 3

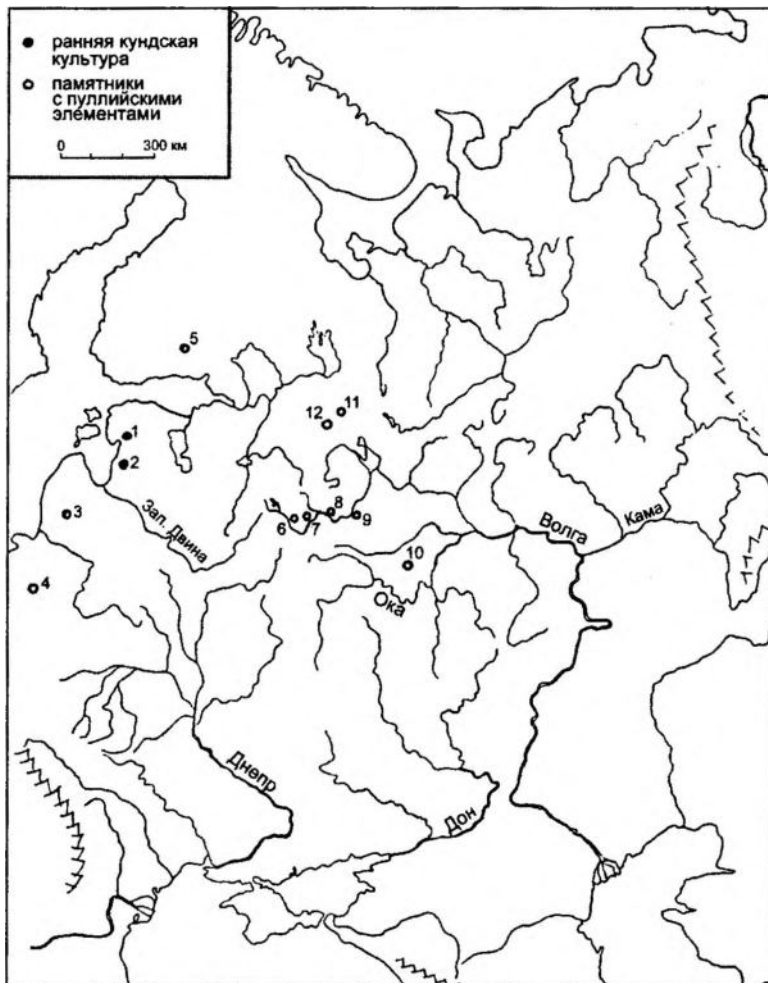

Рис. 4. Распространение памятников с пуллийскими элементами:

- 1 - Пулли;
- 2 - Звейниекы 2;
- 3 - Биржулио Сасмаука;
- 4 - Милуки;
- 5 - Лахти Ристола;
- 6 - Суконцево 3;
- 7 - Бутово;
- 8 - Заборовье 2;
- 9 - Прислон 1;
- 10 - Микулино;
- 11 - Крутой Берег;
- 12 - Лотова Гора

различия в кремневом инвентаре слишком велики. Стоянки финального палеолита на территории лесной зоны Восточной Европы, как показано выше, имеют совершенно другой инвентарь. Острия с затупленным краем в сочетании с микрорезцовой техникой и оббитыми рубящими орудиями характерны для кудлаевской и коморницкой культур [31] и памятников маглемозской традиции Литвы [8], микрорезцовая техника обработки кремня встречается на позднесвидерской стоянке Саласпилс Лаукскола в Латвии [6; 7]. В одной из наиболее ранних мезолитических (эпипалеолитических, по Р.К. Римантене) стоянок Сальянкай 3 вместе с ранним постсвидерским наконечником найдены 2 колющих наконечника с боковой выемкой, обработанной мелкой крутой ретушью на спинке; острие одного подправлено плоской ретушью на брюшке, у другого – мелкой противолежащей ретушью [8, рис. 65]. Мелкий колющий наконечник с боковой выемкой представлен на стоянке Пулли вместе с пластинками и остриями с затупленным краем, краем и концом. Колющий наконечник с боковой выемкой и с плоской ретушировкой острия на брюшке найден в сочетании с пластинкой с затупленным краем и концом и черешковым позднесвидерским наконечником в Крумплево в Белоруссии [32]. Таким образом, многие элементы рессетинской культуры довольно широко встречаются в культурах раннего мезолита к юго-западу, западу и северо-западу от верховьев Волги и Оки. Вероятно, там и следует искать предков рессетинской культуры, а возможно, и основную территорию ее распространения. К сожалению, рессетинские памятники Волго-Окского междуречья отделены от указанных регионов слабо обследованными территориями Смоленской и Псковской областей и прилегающей Белоруссии.

Присутствие постсвидерских наконечников в ряде стоянок этой культуры, как и плоская ретушь на брюшке некоторых колющих наконечников с боковой выемкой (рис. 3: 7), говорит либо об участии постсвидерского населения в формировании рессетинской культуры, либо о ее контактах с постсвидерскими культурами. Наиболее интересен в данном контексте обломок наконечника пуллийского типа (рис. 3: 13) со стоянки Суконцево 3 [33], сделанный из того же серого пятнистого полупрозрачного кремня, что и описанные изделия из Бутова и Крутого Берега. Из такого же кремня изготовлен и один скребок в Суконцево 3. Появление этих находок на данной стоянке, расположенной в верхнем течении Волги, отмечает один из путей контактов раннемезолитического населения, который вел из Прибалтики по Западной Двине через верховья Волги на ее левые притоки и в глубь Волго-Окского междуречья. Вероятно, образование устойчивой системы связей в среде постсвидерских культур лесной зоны Восточной Европы затронуло и их соседей – коморницкую, рессетинскую культуры и культуру суомусъярви, что прослеживается по распространению изделий пуллийского облика в конце пребореала (рис. 4).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спиридонова Е.А., Аleshинская А.С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
2. Римантене Р.К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
3. Кольцов Л.В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Юго-Восточной Прибалтики. М., 1977.
4. Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.
5. Zhilin M. The Western Part in the Late Palaeolithic – Early Mesolithic // Earliest Settlement of Scandinavia. L. Larsson (ed.). Acta Archeologica Lundensia. 8°: 1996. No 24.
6. Zagorska I. Vela paleolita dzivesvieta Salaspils Laukskola // Materiali par arheologu un etnografu. 1973. GADA. Riga, 1974.
7. Zagorska I. Late Palaeolithic Finds in the Daugava River Valley // Earliest Settlement of Scandinavia. L. Larsson (ed.). Acta Archeologica Lundensia. 8°: 1996. No 24.
8. Rimantene R. Akmens Amzius Lietuvoje. Vilnius, 1996.
9. Indreko R. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
10. Jaanits K. Die mesolitischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Band 14/15. Potsdam, 1980.
11. Zagorska I. Das Frühmesolithikum in Lettland. Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Potsdam, Band 14/15/ 1980.
12. Ostrauskas T. Vakarų Lietuvos Mesolitas // Lietuvos Archeologija. 14. Vilnius, 1996.
13. Brzozowski Jerzy, Siemaszko Jerzy The Mesolithic site at Miluki – research results. Recent Research on the Stone and Early Bronze Ages in the South-Eastern Subbalticum. Supras 1 (Poland), September 1994. (in print).
14. Matiskainen Heikki Discrepancies in Deglaciation Chronology and the Appearance of Man in Finland // Earliest Settlement of Scandinavia. L. Larsson (ed.). Acta Archeologica Lundensia. 8°: 1996. No 24.
15. Жилин М.Г. Обработка камня в бутовской культуре // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1987.
16. Жилин М.Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
17. Sulgostowska Zofia The Earliest Mesolithic Settlement of North-Eastern Poland // Earliest Settlement of Scandinavia. L. Larsson (ed.). Acta Archeologica Lundensia. 8°: 1996. No 24.
18. Shild Romuald Radiochronology of the Early Mesolithic in Poland // Earliest Settlement of Scandinavia. L. Larsson (ed.). Acta Archeologica Lundensia. 8°: 1996. No 24.
19. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
20. Кольцов Л.В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
21. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
22. Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и ненецкой мезолитических культур // СА. 1991. № 2.
23. Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.
24. Косорукова Н.В. Мезолитическая стоянка Марьино 4 в бассейне средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.

25. Жилин М. Г. Вкладышевые наконечники стрел бутовской мезолитической культуры // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 2. Нижний Новгород, 1997.
26. Жилин М. Г., Фролов А. С., Крымов Е. Ю. Стоянка Прислон 1 на Верхней Волге // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
27. Кольцов Л. В. Древнейшее прошлое Калининского Поволжья // Из прошлого Калининской области. Калинин, 1974.
28. Косорукова-Кандакова Н. В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
29. Косорукова Н. В. Мезолит Молого-Шекснинского междуречья: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1997.
30. Сорокин А. Н. Ресетинская культура // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
31. Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.
32. Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. № 131. 1965.
33. Кольцов Л. В. Отчет Калининской экспедиции за 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.G. Zhilin

**LINKS BETWEEN SOUTH-EASTERN BALTIC AND THE UPPER VOLGA
IN THE EARLY MESOLITHIC**

Summary

The northern part of the East European Plain with its flat relief and dense rivers' net was covered by the taiga forests in the middle of the Pre-Boreal. The Neman and the Kunda cultures, genetically linked with the Swiderian culture, were spread in the early Mesolithic in Lithuania, Belorussia, Latvia and Estonia. Specific artifacts of the Kunda culture were found in north-eastern Poland and southern Finland. Emergence of backed points and bladelets in the early Kunda inventories about 9350 BP was caused by the contacts with the Komornitsa culture. Inventories of the early Butovo culture sites dated c. 9300-9800 BP contain some imports from the early Kunda culture and artifacts made by the Butovo culture population, but in the early Kunda traditions. This reflects the existence of a developed system of links between the two cultures aimed probably at the regular exchange of marital partners. Low density of the population in the Pre-Boreal led to inclusion of vast territories inhabited by the related people into such links. Neighbours of the post-Swiderian cultures were also affected by these links which is documented with the presence of artifacts of the early Kunda types in some of their inventories.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

М.М. Шахнович

ДРЕВНЕЙШИЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ И ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ПОЗДНЕ- И ПОСЛЕЛЕДНИКОВЬЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Процесс первичного освоения территории Карелии и Финляндии человеком был одной из последних волн продвижения первобытных популяций на земли Севера Европы, освобождающиеся от вала последнего ледниковья. Общая его картина недостаточно ясна и расплывчата вследствие слаборазработанности и дискуссионности проблемы в настоящее время. В работе делается попытка корреляции имеющихся очень скудных археологических материалов по этому вопросу с данными по позднечетвертичной истории всего рассматриваемого региона, времени и темпам последнего дегляциального процесса. Преследуемая цель – это в большей степени постановка проблемы, чем предложение окончательных ответов на имеющийся спектр вопросов.

Предваряя изложение, следует отметить, что нельзя исключить возможности посещения человеком территории Карелии и Финляндии и в периоды межледниковий. Частичным подтверждением тому может быть открытие комплекса палеолитических артефактов в замкнутой пещере в Кристийнанкаупунки Сусивуори в Южной Похьянма (Юго-Западная Финляндия), предварительно датированного 70 тыс. л. н. (работы Х.-П. Шульца), а также находка куса бивня мамонта со следами обработки в Юго-Восточной Карелии [1, с. 11, 12]. Другие известные находки мамонтовой фауны в Карелии и Финляндии единичны и происходят из переотложенных слоев [2, с. 235]. Таким образом, на сегодняшнем этапе исследования возможность проникновения гоминид в период плейстоцена в районы Европейского Севера остается лишь слабообоснованным предположением.

Описывая палеогеографическую ситуацию в Карелии, следует оговорить, что, по данным палинологии, нижняя граница пребореального периода для этих территорий определена датой 10100-10150 л. н., контакт пребореала и бореала – 9470 ± 150 и 9230 ± 80 л. н., т.е. интервалом 9000-9500 л. н., а рубеж между ВО1 и ВО2 приходится на 8540 ± 90 л. н. [3, с. 93].

Освобождение территории Карелии из-под покрова последнего валдайского оледенения началось около 13000 л. н. с юго-восточной ее окраины. В древнем голоцене (12-10,2 тыс. л. н.) Онежское озеро представляло собой огромный приледниковый водоем площадью, примерно на 20 процентов превосходящей современную [4, с. 82]. Уже в это суровое время облесенность в этом районе составляла 50-60% от современной. В основном это было чередование массивов березы и моховых тундр при наличии многолетней мерзлоты [5, с. 88-89]. Даже общее похолодание в период 10,3-10 тыс. л. н. не изменило общего характера перигляциальной растительности – тундростепного ландшафта. В целом природные условия уже в верхнем дриасе в Южной Карелии были вполне пригодными для проникновения человека [4, с. 83].

Таким образом, в период позднего дриаса территорию Карелии можно условно подразделить на две географические зоны – бассейн Онежского оз. (Южная и Восточная Карелия), освободившийся ото льда уже достаточно давно, и Западную и Северную Карелию, покрытые льдами, западнее границ стадий последнего оледенения – сальпаусселькя I и II (рис. 2). В контактной зоне между ними – в Центральной Карелии выделяемые ранние слои органики в озерах датируются уже временем 10,6-9,8 тыс. л. н. [6, с. 91], а в Западной Карелии – с внутренней стороны от краевых образований сальпаусселькя II - 9,85-9,8 тыс. л. н. [7, с. 118]. Накопление органического материала в озерах происходило не ранее, чем через 100-200 лет после отступления края ледника [8, с. 190]. Согласно палинологическим спектрам, в районах, удаленных от ледника на 40-70 км, береза уже составляла четвертую часть растительности [9, с. 14-16] (рис. 1-2).

Несмотря на то, что ледник дважды делал попытку вновь продвинуться в юго-восточном направлении: 10700 л. н. – сальпаусселькя I и 10200 л. н. – сальпаусселькя II, приблизительно в середине пребореального периода произошло окончательное освобождение ото льда приграничной с Финляндией узкой полосы Западной и Северо-Западной Карелии. На широте г. Медвежьегорска это отмечается около 10700 ± 200 л. н., а в 500 км севернее – в районе оз. Паанаярви – только около 9,5 тыс. л. н. [10; 11]. Значительные по площади мертвые глыбы льда сохранялись вблизи границы с Финляндией вплоть до кон. VI тыс. до н.э. Хотя убывание ледникового края в Западной Карелии совершалось примерно на 200 лет позднее, чем его отступление от

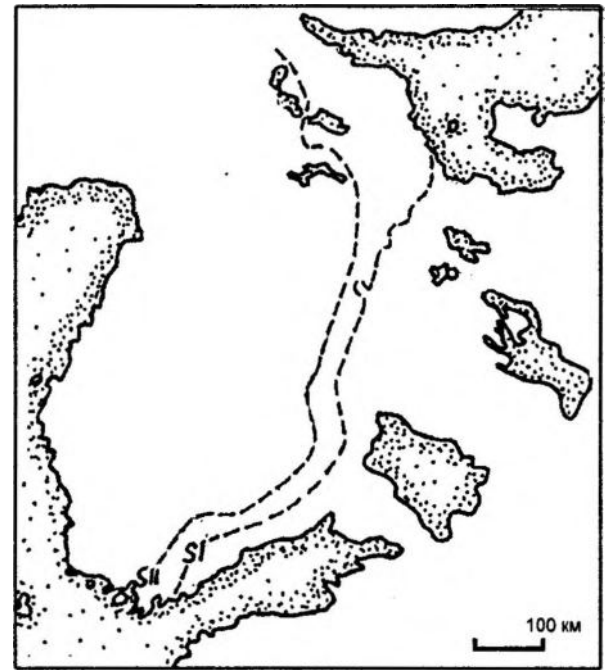
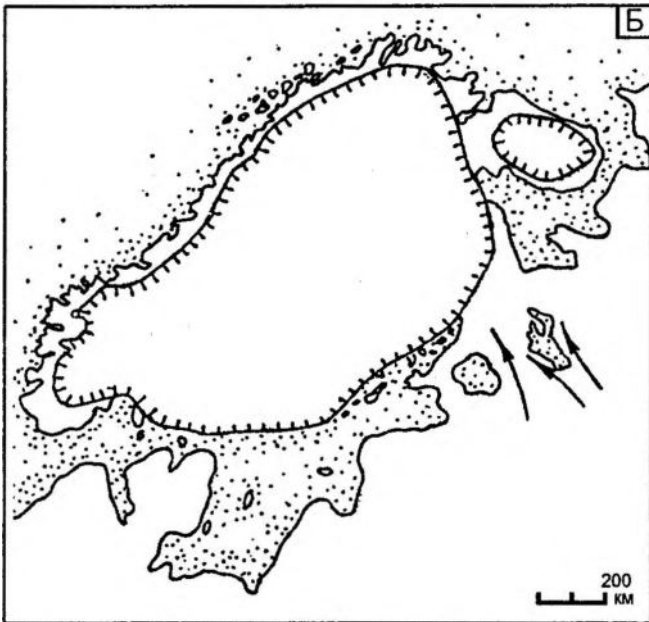
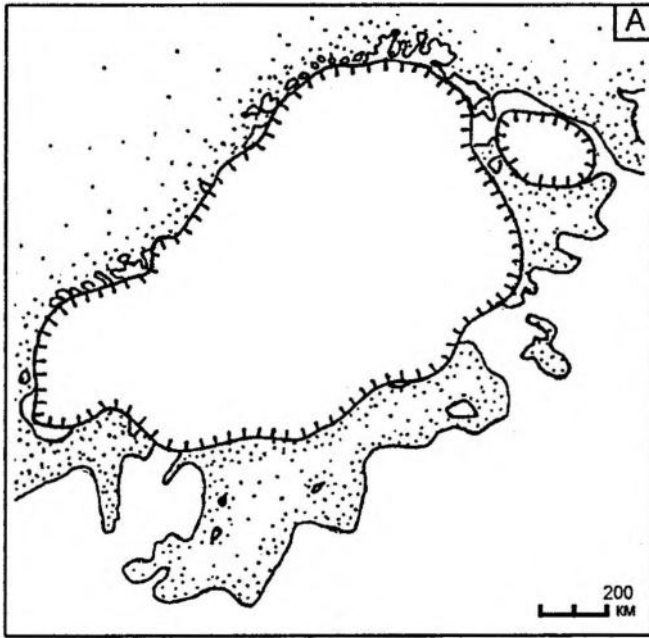

Рис.1. Этапы отступления валдайского оледенения (Suomen Kartasto Geologia, Helsenki, 1992.):

1-древнее побережье; 2-граница ледника:
 А- период Балтийского ледникового озера (10500-10200 л.н.);

Б-период Иольдиевого моря (10000 л.н.);

В - период Анцилового озера (9000 л.н.)

Рис.2. Границы наступления ледника сальпаусселькя I (10700 л.н.) и сальпаусселькя II (10200 л.н.) (Stromberg, 1990.)

краевой гряды сальпаусселькя II в Южной Финляндии [8, с.190], территория Карелии значительно раньше полностью стала пригодной для жизнедеятельности первобытных коллективов, чем земли Финляндии. Уже к концу пребореала в Центральной Карелии развивались березово-еловые леса, присущие умеренно-прохладному климату [12, с.31], гидросистемы рек и озер приобрели очертания, близкие к современным, растительные зоны стали располагаться не в субмеридиональном направлении, как это было при наличии материковых льдов, а в субширотном.

Природно-геологическая ситуация на севере Карелии требует отдельного освещения. В эпоху аллерёда береговая линия моря Портландия проходила далеко на западе, в глубине Северной Карелии в районе Ковдозера, оз. Тумча, Паанаярви, р. Оланги (Лоухский район Республики Карелии) [13, с.140-147, рис.4]. Положение изменилось после резкой регрессии воды (на 35 м) в начале пребореального периода вследствие соединения внутреннего моря с океаном. В этот период (10,3-9,3 тыс. л. н.) значительную часть Северной Карелии занимали приледниковые озера. Например, Топозерско-Пяозерский приледниковый водоем существовал еще в бореальный период или, по схеме М.И. Нейштадта, в конце раннего голоцена [14, с.9]. Пыльцевой анализ озерных отложений в этом районе (р. Кума, Топозеро, Пяозеро) выявил полное отсутствие остатков древесной и травянистой растительности в этот период [15, с.13]. Хотя в 70 км севернее – вблизи оз. Паанаярви – начало илонакопления в озерах отмечается датой 9500 ± 120 л. н. [16, с.37]. Весь северный орographicский район (Северная Карелия и Прибеломорье) достаточно долго был зоной более суровых климатических условий, чем вся остальная территория Карелии. В основном это было следствием продолжительного сохранения остатков мертвого, реликтового льда в котловине Белого моря и примыкающих к нему понижениях [17, с.25]. Данные обстоятельства привели к тому, что граница лесотундры вплоть до середины бореала проходила вдоль морского побережья, на 500 км южнее современной [18].

Подводя итог сделанному обзору, можно заключить, что уже 9,5 тыс. л. н. вся территория Карелии была свободна от активного ледникового покрова; в бассейне Онежского оз. сложились благоприятные условия проникновения человека уже в верхнем дриасе (10,8-10,2 тыс. л. н.); на удалении 40-50 км от края ледника существовала лесотундровая растительность.

Довольно широко распространено мнение, что земли близ ледника являлись безжизненной полярной пустыней, совершенно непригодной для жизнедеятельности человека [19, с.143; 20, с.43], но ландшафт и климат аридной зоны не были какой-то новой и необычной экологической нишей для европейских первобытных общностей. Таким образом, вряд ли существовала проблема адаптации к жизни в суровых перигляциальных условиях. Конечно, достаточно стремительное отступление ледника к северо-западу, резкие катастрофические спуски гигантских приледниковых водоемов, суровые зимы и многолетняя мерзлота – все это не было плюсом в пионерной адаптации. Однако, как мы видим, стабилизация природных условий заняла не такой большой срок. “Малопригодность и неблагоприятность для обитания” приледниковых территорий не исключает и возможности проникновения “экологически пластичного” человека на Север достаточно рано. Доказанным примером этого является продвижение первобытных коллективов носителей культуры комса вдоль кромки ледника по северному побережью Скандинавии, вплоть до Кольского полуострова уже в VIII тыс. до н.э.

Несмотря на то, что освоение человеком территории Финляндии, на наш взгляд, является этапом единого процесса вместе с заселением Карелии, следует рассмотреть ситуацию в данном районе отдельно. Суммируя хорошо разработанные данные по четвертичной геологии, можно говорить, что еще в пребореальный период (в стадию сальпаусселькя II) вся территория Финляндии, за исключением небольшой части северного побережья Финского залива, была подо льдом или под водами древней Балтики. На первом этапе после освобождения ото льдов вся “собственно Финляндия” представляла собой огромный архипелаг из многочисленных островов и фиордов в Иольдиевом море. Финские геологи также выделяют существование трех значительных по площади приледниковых водоемов – в Лапландии (в верховьях р. Кемийоки), восточнее г. Каяни и в юго-восточной части страны вдоль границы сальпаусселькя II. Положение несколько улучшилось в анциловой фазе (9,3-8,6 тыс. л. н.), на который приходится резкий подъем континентальной суши [21, рис.12e,13d,15e,17a; 22, рис.32]. Уже с этим периодом регрессии Анцилового озера связывается группа стоянок Аскола в палеоустье р. Порвоонйоки (не путать с “культурой аскола”), считающаяся одной из самых ранних среди мезолитических памятников в Южной Финляндии [22, с.76]. Однако, по мнению финских специалистов, процесс заселения территории Финляндии после отступления ледника до фазы анциловой регрессии все же не достаточно ясен [22, с.70; 23, с.31]. Первая конкретная ранняя находка – это знаменитые артефакты из Антреа Корпилахти (9230 ± 210 ; 9310 ± 40 л.н.) и Хайнола (9200 л. н.), датированные около 9,4-9,2 тыс. л. н. [22, с.71-72]. Однако существование стоянок в тундровой приледниковой зоне не исключается, также, в частности, для местонахождений в Холола, Ямсенкоски и Саариярви, которые Х.Матискайнен и др. очень гипотетично относят к эпохе пребореала [22, с.70; 24]. Нижней границей “единого закрытого технокомплекса” в мезолите Южной Финляндии считается рубеж около 9,4 тыс. л. н. [25, с.13], что соответствует началу “анциловой фазы эпохи мезолита” (по Х.Матискайнену) [26, с.17], причем развитие конкретно культуры суомусъярви начинается с сер. VII тыс. до н.э. [27]. К.Мейнандер вслед за Г.А.Панкрушевым считал, что первозаселение Финляндии происходило с востока лесной зоны России с преобладающим уральским влиянием [28, с.14]. В настоящее время финские археологи предполагают, что первая волна миграции в Южную Финляндию шла с территории Эстонии (Пудли) и была связана с носителями культуры кунда, с последующей ее изоляцией [22, с.74,76; 29, с.220; 30, с.35-36] и параллельным развитием мезолитических культур по обе стороны Финского залива [31, с.194-195]. Это представляется достаточно правдо-

подобным (хотя бы на уровне рабочей гипотезы); несмотря на то, что проблематика самой культуры кунда еще окончательно не решена. Нет ясности – ни конкретно с каких территорий пришло население, заложившее основу культуры, а ранние памятники относятся к пребореальному периоду (VIII тыс. до н.э.), ни как широк ареал ее распространения. Правда, в последнее время накапливается все больше фактов, свидетельствующих о генетической близости каменных индустрий раннего мезолита Эстонии и общностей из Волго-Окского междуречья [32, с.68].

Суммируя вышеизложенные данные, можно заключить, что убедительным является предположение о распространении населения на территорию Финляндии или с юга (с южного побережья Финского залива) или с востока и юго-востока (из Карелии). Однако, как ни странно, до сегодняшнего дня в российской археологической литературе встречаются гипотеза В.Лухо, повторенная Д.Кларком, об образовании культуры аскола-суомусъярви путем миграции групп населения комса с севера на юг [33; 34, с.11] или мнение о заселении Карелии с территории Финляндии [35, с.48].

Еще не так давно начало заселения Карелии относилось к среднему дриасу и аллерёду (X - IX тыс. до н.э.). Это обосновывалось наличием стоянок на высоких уровнях террас Онежского озера (Повенчанка I, II, Мяньгора I, Медвежьегорская X). Сейчас уже можно оставить в стороне принцип датирования комплексов ранним временем по «примитивного облика грубообработанным изделиям из кварца, общей макролитичности инвентаря и бедности слоя находками» [36, с.15, 25, 55, 87]. После критического пересмотра хронологии “ранних” стоянок тезис Г.А.Панкрушева о продвижении общностей в Карелию из Северного Приуралья в IX тыс. до н.э. рассматривается не более как слабообоснованная гипотеза [37, с.43].

На наш взгляд, наиболее вероятным путем движения населения в раннем голоцене было проникновение его первоначально в южные области Карелии через межозерье (Ладога - Онега) с северных окраин Ленинградской и Вологодской областей. Происходил ли этот процесс с юга, где в бассейне р. Колпь, Шексны, Мологи в ходе работ последних лет выявлены крупные группы мезолитических поселений, самые ранние из которых датируются I-й пол. VIII тыс. до н.э. (Марьино 4) с близостью к свидерской культуре или рубежом пребореального и бореального периодов (Лотова Гора, Лиственка 36) [38; 39], или с юга-запада, вдоль древнего побережья Иольдиевого моря, – пока ответить можно лишь гипотетически. Однако вероятней всего, территория Обонежья и Приладжья была освоена человеком ранее, чем началось проникновение на финляндские земли или в Центральную Карелию. В это время Ладожское озеро являлось продолжением современного Финского залива, но существовавший до эпохи неолита широкий так называемый Гейнокский пролив вряд ли был серьезным препятствием для миграционных потоков в мезолите [40, с.73], тем более, что само его существование ставится сейчас под сомнение [41, с.24]. Движение в середине пребореального периода в Западную Карелию и в Южную Финляндию с юга и востока происходило скорее всего одновременно. По мнению палеогеографа Э.И.Девятовой, не исключен вариант распространения первой волны поселенцев также и с западных окраин совр. Архангельской области в прибрежные прибалтийские районы Карелии [5, с.89-90; 19, с.144], но эти территории археологически еще недостаточно обследованы.

Если рассматривать вопрос первичного освоения Карелии в русле общей проблемы заселения приледниковой зоны Восточной Европы, начиная с эпохи аллерёда, то, по большому счету, его можно определить как завершающую стадию продолжения единого “большого натиска” с центрально-европейских равнин на северо-восток и далее на север. Тем более, что на Верхней Волге выделяется достаточно мощный пласт ранних финальнопалеолитических памятников типа лингби-аренбург, относимых к началу голоцена [42, с.43-44; 43; 44]. При этом, соглашаясь с наличием в финальном палеолите потока миграций с запада и юга на земли Русской равнины, исследователи, изучающие данный регион, всегда отмечают присутствие и “местного населения”. Разнокультурные технологические традиции неизбежно нивелируются комплексом “заимствований” и “контактов” по мере удаления от основы “классического аренбурга или свидера” во времени и в пространстве. Поэтому на имеющемся пока материале мы не можем сказать – традиции какого круга культур легли в основу возникновения раннего этапа мезолита в Карелии.

Самая древняя из имеющихся дат по C-14 для мезолитических памятников в Карелии – 8300±80 л. н. со стоянки Бесов Нос VI [45, с.20] – достаточно спорна, т.к. происходит из ямы со сложным литологическим положением, что не дает оснований для использования ее при датировании культурных остатков на данном памятнике. Следующее, более надежное определение (7720±100 л. н.), получено из угольного слоя под каменной кладкой на стоянке Оровनावолок IX [46, с.30]. Таким образом, отсчет существования по шкале радиоуглеродных датировок для мезолита Карелии можно вести не ранее чем с I-й пол. VI тыс. до н.э.

На данный момент в Карелии еще не открыты стоянки, которые можно было бы определенно отнести к разряду опорных памятников самого древнего этапа заселения. Самые ранние объекты мезолитической общности Обонежья определены типологическим путем и датируются I-й пол. VII тыс. до н.э. (Суна XII, XIII и Шелтозеро XV) [36, с.16].

В.Ф. Филатова не находит аналогий для них в мезолитических культурах Прибалтики. Наибольшее сходство ей видится при сравнении сланцевых макроформ с этих памятников с аналогами из комплексов культуры веретье, которая по радиоуглеродным определениям датируется I-й пол. VIII тыс. до н.э. [37, с.41-42; 47, с.52, 55]. Интересно, что на памятниках этого первого этапа эпохи мезолита в Карелии уже представлен морфологически не устоявшийся, но разнообразный спектр изделий из сланца (от мотыгообразных орудий и топоров до мелких стамесочек), а также широкий набор абразивов (шлифовальные плиты, пилы). Нужно отметить, что сланцевые макроформы не являются каким-то “карельским феноменом”. Приблизительно в

это время (в среднем мезолите) они единично появляются в комплексах на Верхней Волге вкуче с многочисленными “рубящими” из кремня [48, с.89]. Часты они и на памятниках Восточного Прионежья. Единство черт морфотипа данной разновидности инвентаря достаточно велико, и не всегда при культурной корреляции можно определить, идет ли речь о распространении технологической идеи в привычном направлении юг-север или, начиная с какого-то момента, в обратном порядке – север-юг, или мы можем фиксировать регулярное передвижение конкретных индивидуумов. Пока что именно последними двумя пунктами можно объяснить появление приема шлифовки на кремне, песчанике, известняке, опоке и техники полной зашлифовки орудий из сланца в позднемезолитических комплексах Верхней Волги [48, с.89].

Возвращаясь к ранним комплексам Обонежья, нужно отметить, что именно здесь фиксируется единственный в эпоху мезолита в Карелии случай использования песчаника для изготовления топора (Шелтозеро XV) [49, рис.7: 2] (в тексте он ошибочно представлен как сланцевый). Также следует подчеркнуть слаборазвитость пластинчатой техники в обработке кремня и качественно высокую степень освоения кварца и лидита как сырья-дублера, при том что во 2-й пол. VII тыс. до н.э. кремень использовался даже шире, чем на более ранних стоянках [37, с.17]. Кроме того, фиксируется стабильное применение кварцитовых и песчаниковых пил, которые не отмечены ни в культуре веретье, ни на Верхней Волге, ни на раннем этапе мезолита Южного Прионежья (единственная пила из песчаника найдена на стоянке Лиственка VIII – сер. VII тыс. до н.э.). Таким образом, на наш взгляд, рассматриваемая индустрия камня в целом не соответствует начальному этапу потери привычной и освоения качественно новой сырьевой базы. Доля кремневых изделий в инвентаре этих памятников Обонежья очень невелика, но даже на этом небольшом материале можно говорить об их несоответствии кремневым аналогам со стоянок культуры веретье, что делает их сходство достаточно приблизительным. Данное положение при значительной близости сланцевых артефактов этих двух общностей, по мнению В.Ф.Филатовой, можно рассматривать или как довод в пользу наличия пока неизвестного еще более древнего этапа освоения бассейна Онежского озера, или как подтверждение того, что комплекс кремневых предметов с поселения Нижнее Веретье I более древний – 2-я пол. VII тыс. до н.э. [50, с.37-38].

Отдельно стоит вопрос о продвижении первобытных коллективов в районы Северной Карелии и Северной Финляндии. В Прибеломорье – в бассейне реки Кеми – известна достаточно большая группа мезолитических памятников, располагающихся на высоких гипсометрических отметках относительно уровня Белого моря с очевидной приуроченностью к берегу древнего морского залива. По высотным данным, самые ранние стоянки сначала датировались IX - VIII тыс. до н.э. [36], а затем – 2-й пол. VII тыс. до н.э. Типологическим путем В.Ф.Филатова омолаживает их до 2-й пол. VI тыс. до н.э. [37, с.55, 60], что представляется более обоснованным. Приблизительно к этому времени относятся и исследованные мезолитические памятники на Кенто-Костомукшской озерной системе [51]. Вопрос о значительной “древности” мезолитических стоянок в Северной Финляндии (провинция Кайну), по нашему мнению, достаточно спорен [52]. Единственный объект в данном регионе, который можно было бы отнести к периоду самого раннего этапа освоения, – это стоянка Тунгозеро I в Лоухском районе Республики Карелии. Топография расположения – на высоте 11 м над уровнем озера, увязывание с древней береговой линией Пяозерского приледникового водоема [53, с.143] – позволяет с достаточно большой степенью уверенности говорить о ее соотношении со временем краевых образований сальпаусселькя II. К сожалению, незначительная площадь раскопа и полученный невыразительный материал не дают уверенно оперировать стоянкой в качестве культурно-типологического маркера [54].

Как видно из вышеприведенного обзора древней геолого-климатической ситуации, район бассейна Онежского озера и внутренние области Северной Карелии и Северной Финляндии по своим физико-географическим данным в эпоху раннего голоцена были очень неравноценны. Возможно, “менее привлекательные” северные территории были освоены значительно позже – где-то на руб. VII - VI тыс. до н.э. Это хорошо соотносится с процессом унификации природных условий к концу бореала по всем районам Карелии. Так или иначе, на археологическом материале прослеживается, что в мезолите волна первоосвоения с юга не перешагнула через Полярный круг в другую, кардинально отличную по своим природно-географическим условиям, зону [54]. Следов каких-либо контактов носителей аренсбургской традиции, продвинувшихся уже в кон. VIII тыс. до н.э. на Кольский полуостров с запада, и северной “карело-финской” мезолитической общности вплоть до начала эпохи неолита в индустрии камня не отмечается.

В данном контексте хочется предположить, что, наверное, не следует представлять картину “дрейфа” на освобождающиеся от ледника территории как процесс плавного демографического разрастания популяции. Вряд ли большой сложностью было перемещение из зоны северных таежных лесов в лесотундру и далее в тундру. Человек – “разумное животное” – достаточно гибко мог если не прижиться, то кратковременно существовать одновременно в различных природно-ландшафтных ареалах (“сезонное освоение”, по О.А.Соффер). Вероятно, существование в районах Лапландии требовало слишком кардинальной ломки хозяйственной составляющей жизнедеятельности человеческих сообществ, стабильно ориентированных на континентальные биоресурсы северной тайги. Значительный поворот к освоению морской биомассы, например, в Прибалтике и Финляндии, произошел только на рубеже мезолита и неолита [35; 55]. В карельском Прибеломорье только в эпоху энеолита начинает прослеживаться сезонная смена основного промысла (челночный тип миграции): летом – на морском побережье с ориентацией на промысел нерпы, зимой – на внутренних озерах в 80 км от моря [56].

Подводя итог, хочется отметить следующее.

1. Теоретически освоение территорий, освобождающихся от ледника, могло происходить фактически сразу

после отступления ледовой массы, т.е. значительно ранее, чем 1-я пол. VII тыс. до н.э. – время, к которому отнесены самые ранние из известных стоянок в Карелии. Археологическим материалом это пока не подтверждено.

2. Северная и Восточная Финляндия, если учесть геологическую ситуацию и дегляционные процессы в этот период, по-видимому, были заселены с территории Карелии.

3. В Северной Карелии, по археологическим данным, пока можно говорить о памятниках, датируемых не ранее, чем 1-я пол. VI тыс. до н.э. При том, что уже во 2-й пол. VII тыс. до н.э. побережье Онежского озера, если судить по количеству поселений с углубленными жилищами, было достаточно плотно заселено.

4. Предположительно соотнести самые ранние мезолитические материалы в Карелии можно с кругом ближайших памятников Восточного и Южного Обонежья.

В заключение можно добавить, что на данном этапе исследования необоснованной была бы сама постановка вопроса об этнической принадлежности первобытного населения в эпоху мезолита.

В порядке экскурса в психологию все же хочется поставить вопрос – что же заставляло человека стремительно осваивать новые, освобождающиеся от ледника или воды земли в эпоху мезолита? Вряд ли причиной тому было демографическое перенасыщение территорий. Археологический материал не фиксирует чрезмерной плотности поселений на руб. VIII - VII тыс. до н.э. Излюбленный тезис о “движении вслед за стадами северного оленя, важнейшего промыслового животного приледниковых тундр” является правдоподобной, но все же гипотезой, т.к. не подкреплен убедительными археологическими свидетельствами. Привлекать в помощь этнографические параллели – занятие достаточно некорректное. Единственный выход – воспринять этот процесс как историческую данность, по всей видимости, не поддающуюся расшифровке.

Однако, может, следует взглянуть на эту проблему под другим, не традиционным ракурсом. Вслед за быстро отступающим ледником (до 40 км за 100 лет) шли коллективы, которые давно жили в условиях приледниковой тундры. Сначала они вытеснялись ледовой массой на юг, теперь возвращались на северо-запад. По-видимому, данная популяция, консервативная по своей сути, хотела сохранить свою суровую, но привычную экологическую нишу, освоенную в течение тысячелетий последних ледниковий. Человек шел не за продвигающимся лесным ландшафтом, он уходил от него вместе с тундровой зоной. Более южные сообщества не вытесняли своих северных соседей, а заступали на их освободившееся место, следуя уже за “своей” привычной природной нишей. Может быть, истощением потенциала человеческих ресурсов, выплескивающих с юга на север и северо-запад, можно объяснить то, что движение на север в Карелии и Финляндии остановилось в VI тыс. до н.э. не преодолев линии Полярного круга вплоть до эпохи неолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахнович М.М. Первая находка мамонта в Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 2. Петрозаводск, 1994.
2. Donner J. Suomen kvartaaigegologia. Helsinki, 1976.
3. Елина С.А. Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л., 1981.
4. Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск, 1986.
5. Девятова Э.И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников перьобытной эпохи в юго-западном Беломорье. Л., 1976.
6. Геология Карелии. Л., 1987.
7. Эжман И.М., Лукашев А.Д., Колканен А.М. Основные особенности формирования осадков малых озер КАССР // Методы и исследования озерных отложений в палеоэкологических и палеоклиматических аспектах. Вильнюс, 1986.
8. Некоторые задачи и результаты С-14 датирования донных осадков малых озер Карелии / И.М. Эжман, А.М. Колканен, А.Д. Лукашев, А.А. Лийва // Изотопные и геохимические методы. Таллин, 1981.
9. Лаврова Н.Б., Демидов И.Н. Палеоэкологические условия осадконакопления и развитие растительности на вершине горы Воттоваары // Проблемы геоэкологии Карелии. Петрозаводск, 1997.
10. Koutaniemi L. Paleohydrology of the rivers Ivalojoki and Oulankajoki, Finland. Oulu, 1987.
11. Huvarinen H. The deglaciation history of eastern Fennoscandia—recent data from Finland // Boreas. Oslo, 1973. Vol. 2.
12. Зубович С.Ф., Кокиравцев В.К., Успенская О.Н. Климат Севера лесной зоны Европейской части СССР в голоцене // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М., 1988.
13. Лаврова М.А. Позднеледниковая и послеледниковая история Белого моря // Неогеновые и четвертичные отложения в Западной Сибири. М., 1968.
14. Нейштадт М.И. Голоцен. М., 1969.
15. Биско Г.С. Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. Петрозаводск, 1959.
16. Паанаярвский Национальный Парк. Куусамо, 1993.
17. Николаев В.И., Николаев С.Д. Палеогеографическая интерпретация результатов изотопно-кислородных исследований голоценовых отложений Белого моря // Палеоклиматы голоцена Европейской территории СССР. М., 1988.
18. Климанов В.А. Климатические условия на территории КАССР в голоцене // Болота Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1980.
19. Девятова Э.И. Природная среда позднего плейстоцена и ее влияние на расселение человека в Северодвинском бассейне и в Карелии. Петрозаводск, 1982.
20. Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984.
21. Suomen kartasto Geologia. Helsinki, 1992.
22. Matiskainen H. Studies on the Chronology, Material Culture and Subsistence Economy of the Finnish Mesolithic (10000 - 6000 BP) // ISKOS. № 8. 1989.
23. Matiskainen H. Die mesolithische Steinzeit und die Chronologie im Binnenseegebiet Finnlands // Fennoscandia Archaeologica. IV. 1987.
24. Tuovitsainen J.-P. Hollolan Kapatuosian Linnamaki // Fennoscandia antiqua. 1. Helsinki, 1982.
25. Schuk H.-P. On the Mesolithic Quartz Industry in Finland // ISKOS. 9. Helsinki, 1990.
26. Matiskainen H. The Chronology of the Finnish Mesolithic // The Mesolithic in Europe. III. Edinburgh, 1985.
27. Suomen Historiia. Helsinki, 1995.

28. *Мейнандер К.* Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
29. *Семенов В.В.* VIII Международный конгресс финно-угроведов. 1995 // РА. 1996. № 4.
30. *Schulz H.P.* Suomen varhaismesolittisen pioneeriasutuksen alkuperästä // Muinastutkimus. 1998. № 4.
31. *Янитс Л.* Некоторые вопросы изучения каменного века в Прибалтике // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985.
32. *Сорокин А.Н.* Еще раз о происхождении кундской культуры // Тезисы докладов международной конференции к 100-летию В.И.Равдоникаса. СПб., 1994.
33. *Clark J.* The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. Cambridge, 1975.
34. *Кольцов Л.В.* К характеристике позднелепесточных и раннеголоценовых миграций в Северной Европе // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново, 1996.
35. *Козловская М.В.* Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М., 1996.
36. *Панкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч.1. Мезолит. М.; Л., 1978.
37. *Филатова В.Ф.* Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск. 1991.
38. *Косорукова Н.В.* Мезолитические памятники в бассейне Колпи // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
39. *Косорукова-Кандакова Н.В.* Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
40. *Сааристо М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П.* Древние жители Куупалы – свидетели этапов истории Ладogi // Вопросы геологии и археологии. СПб., 1994.
41. *Верзилин Н.И., Калмыкова Н.А.* Проблема эволюции геосистемы Ладожское озеро – река Нева // Палеоклиматы и эволюция палеогеографических обстановок в геологической истории Земли. Петрозаводск, 1998.
42. *Свищкина Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
43. *Жилин М.Г., Кравцов А.Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
44. *Ланцев А.П., Мирецкий А.В.* Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
45. *Лобанова Н.В.* О двух костяных изделиях из мезолитического слоя поселения Бесов Нос VI // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995.
46. *Филатова В.Ф.* Жилые и хозяйственные сооружения мезолитического поселения Оропяноволок IX // Новые данные об археологических памятниках в Карелии. Петрозаводск, 1986.
47. *Ошибкина С.В.* Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические Вести. № 3. СПб., 1994.
48. *Сидоров В.В.* Мезолит бассейна р.Съежи // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
49. *Филатова В.Ф.* Древнейшие памятники юго-западного побережья Онежского озера // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
50. Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
51. *Косменко М.Г.* Стоянки мезолитической эпохи на Кенто-Костомукшской озерной системе // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1982.
52. *Шахнович М.М.* Памятники эпохи мезолита в Северной Финляндии (провинция Кайну) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
53. *Eckman I., Pijin V., Lukashov A.* Field trip in tinerary localities to be visited // Eastern Fennoscandian younger Drias end moraines. Espoo, 1991.
54. *Шахнович М.М.* Бескерамические комплексы в Северной Карелии: поиск хронологических критериев // Археология Севера. Вып. I. Вологда, 1997.
55. *Niekkonen M.* Suggested Interpretation of the Maritime Nature of Mesolithic and Early Neolithic Culture in Finland // ISKOS. 9. Helsinki, 1990.
56. *Жульников А.М.* О сезонном функционировании древних поселений в бассейне р.Нижний Выг // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар, 1991.

*Карельский государственный
краеведческий музей,
Петрозаводск*

M.M. Shakhnovich

**THE EARLIEST STAGE IN MASTERY THE TERRITORY OF KARELIA AND FINLAND
IN THE LATE GLACIAL AND POST-GLACIAL
(TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM)**

Summary

In theory the mastery of the Karelian and Finland territory could occur just after the retreat of the glacier. The earliest sites known in Karelia are dated with a method of typology to the early 7th millenium BC. Northern Karelia and Finland were being inhabited from the territory of southern Karelia. The oldest site in northern Karelia is dated to the early 6th millenium BC. The earliest finds correlate with the monuments of eastern and southern Obonezhje.

*The Karelian State Local Museum,
1, Lenin Sq., Petrozavodsk,
185035, Republic of Karelia,
Russian Federation*

В.И. Тимофеев

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Мезолитические памятники Карельского перешейка до последнего времени были представлены лишь одним, но широко известным в литературе местонахождением Антреа-Корпилахти, расположенным близ современного пос. Озерское Выборгского района Ленинградской области. В 1914 г. после находок, сделанных при земляных работах, известным финляндским археологом Сакари Пельси здесь были открыты уникальные остатки рыболовной сети раннемезолитического времени. На смежных участках были обнаружены также орудия из кости, рога и камня [1]. Находки из Антреа до настоящего времени в определенной мере стоят особняком среди древностей Северной Европы, культурная атрибуция их не совсем ясна. На наш взгляд, это объяснимо ранним возрастом стоянки (ок. 9300 л. н. по некалиброванной шкале С-14), относящейся к начальным этапам заселения данной территории — ко времени, когда локальные археологические культуры как типологически устойчивые образования на Севере еще не сформировались [2, с. 18].

В последние годы новые мезолитические материалы получены на севере перешейка в бассейне оз. Риукъярви (совр. Узловое). Стоянки каменного века давно известны в этом районе.

Большая группа памятников неолита и эпохи раннего металла в районе Кауколы (ныне пос. Севастьяново Приозерского района Ленинградской области) была открыта и обследована впервые в нач. XX в. финскими археологами Ю. Айлио (1906 и 1908 гг.), А. Талльгреном (1907 г.) и особенно С. Пельси (1911, 1912 гг.). Всего в эти годы на берегах крупного оз. Риукъярви и смежных озер (Пиискунсальми, ныне Залив Заречный) было зафиксировано 23 стоянки и местонахождения. На ряде стоянок были произведены стационарные раскопки. Отчеты об этих работах хранятся в архиве Исторического музея Финляндии (Хельсинки), в том же музее имеются крупные коллекции археологических материалов, полученных раскопками и сборами на поверхности. Памятникам посвящена обширная и хорошо иллюстрированная статья С. Пельси [3]. Эти материалы неоднократно упоминаются в исследованиях финских археологов, в отечественной литературе краткий обзор данных работ Ю. Айлио и С. Пельси был опубликован Н. Н. Гуриной [4]. В 1960-70-е гг. многие памятники из бассейна Риукъярви были вновь обнаружены и идентифицированы краеведом В. М. Соколовым. Впоследствии здесь были проведены небольшие работы автором данной статьи [5, с. 34]. Один из осмотренных памятников, на наш взгляд, следует датировать мезолитическим временем.

Древнейшая из стоянок оз. Риукъярви соответствует месту расположения пункта б на карте С. Пельси [3, с. 10, кива 3]. С. Пельси не дает характеристики находок, полученных из этого пункта, видимо, их количество было незначительным. В 1993 г. разведкой автора данной статьи здесь была собрана довольно выразительная коллекция. В 1997 г. новые сборы были проведены автором совместно с П. М. Долухановым (Великобритания, Университет Ньюкастля-на-Тайне), сделавшим существенные палеогеографические наблюдения. В 1998 г. памятник посетили в ходе экскурсии по Карельскому перешейку группа финляндских археологов из Университета Хельсинки (в их числе один из ведущих специалистов по мезолиту Финляндии проф. А. Сириайнен, К. Карпелан, П. Уйно, М. Лавенто, П. Халинен).

Стоянка расположена на западном берегу котловины озера, к востоку от домов II отделения совхоза Севастьяново на хорошо выраженном в рельефе всхолмлении наиболее высокого террасового уровня из участков, непосредственно примыкающих к котловине современного озера: порядка 10 - 12 м над зеркалом воды, не менее 23-25 м над уровнем Балтийского моря, — что значительно выше расположения неолитических памятников, группа которых известна на смежной территории озерной котловины. Неолитические памятники Риукъярви приурочены к террасе высотой 21 м над уровнем моря и более низким.

Находки распространены полосой, проходящей вдоль края террасы, на площади 5-10×30-40 м. В коллекции из сборов I 15 предметов расщепленного кварца, около трети из них с признаками вторичной обработки. Среди орудий скребки концевые, на отщепках различной формы, массивные нуклеидные с тщательно ретушированным рабочим краем (рис. 1: 1-3, 10, 11, 13, 14), долотовидные изделия с двусторонней подтеской края (рис. 1: 5, 6, 17), резцы (рис. 1: 9), отщепы с ретушированными участками, в т. ч. с выемчатым краем (рис. 1: 4, 8), массивные отбойники со следами характерной забитости (рис. 1: 18). Найдены фрагменты нуклеусов, ядрище со следами радиального снятия отщепов (рис. 1: 19). Среди отщепов представлены и пластинчатые (рис. 1: 7, 16). Следует особо отметить имеющую и датирующее значение находку отщепа не-

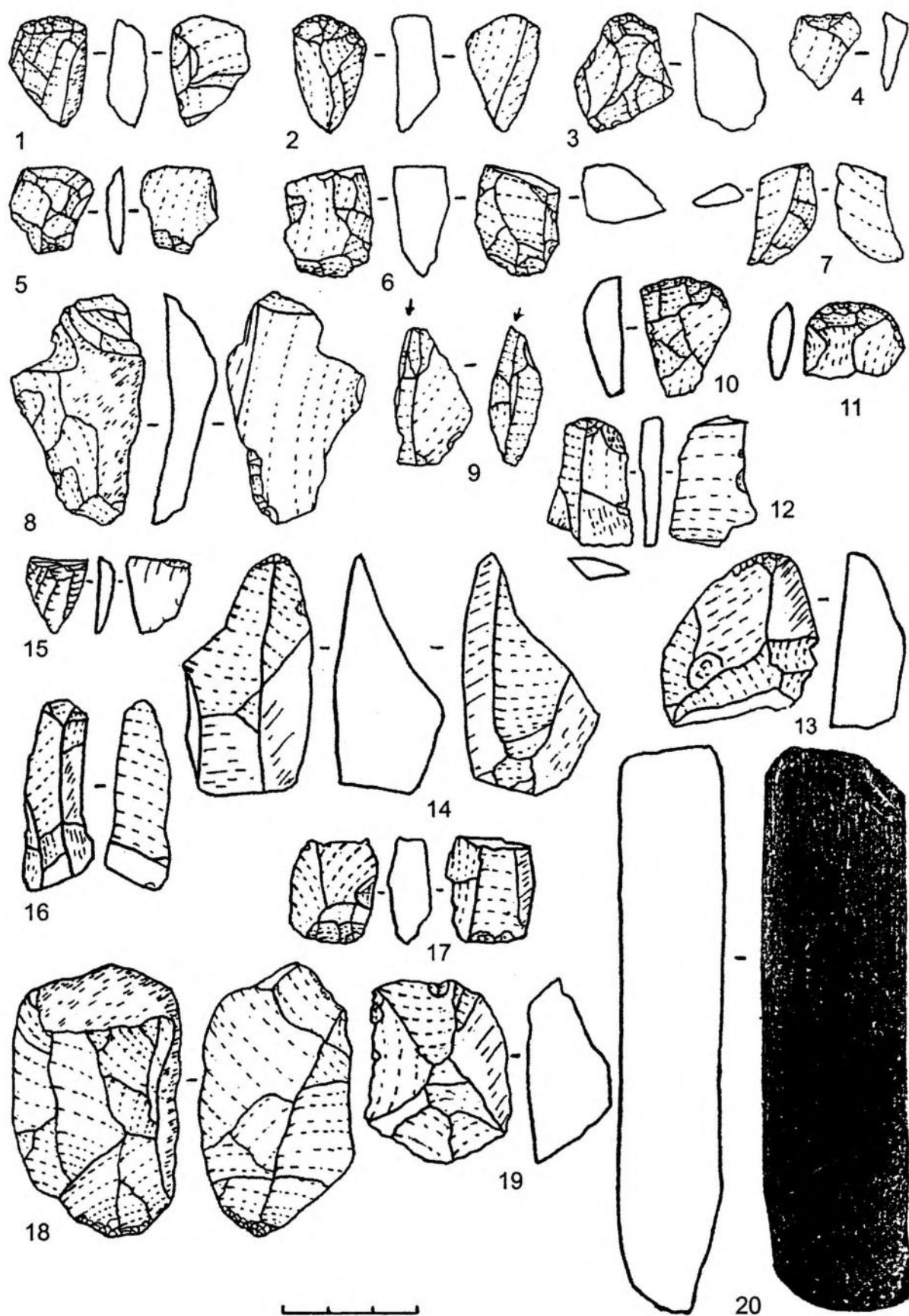
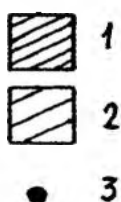
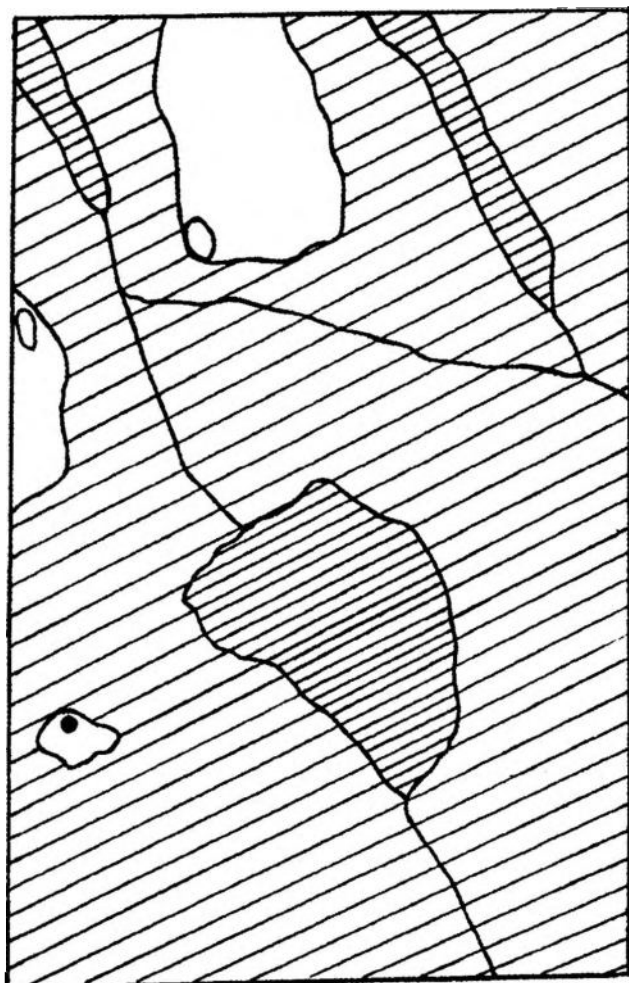

Рис.1. Риукъярви 6. Каменные изделия. 1-14, 16-19 — кварц; 15 — кремнь; 20 — сланцевая порода

Условные обозначения:
 1 – современные озера;
 2 – площади, находившиеся под водой в мезолитическое время;
 3 – местонахождение Риукъярви 6

Рис.2. Ситуация района оз. Риукъярви (Узловое) в мезолитическое время. Реконструкция П.М.Долуханова (Dolukhanov, Timofeev, 1998, р.6, fig. 2 [6]).

Исследования памятника необходимо продолжить. Материалы пункта Риукъярви 6 представляют выразительный комплекс индустрии «кварцевого мезолита», пока единственный для территории Ленинградской области.

высокого качества серого кремня, снятого с приплощадочной части нуклеуса для микропластин (рис. 1: 15). Имеются также фрагменты шлифованных сланцевых изделий, в т. ч. часть крупного, толстого в сечении рубящего орудия, изготовленного из местной зернистой сланцевой породы (рис. 1: 20). Находки неолитической керамики в материалах сборов непосредственно на площади памятника отсутствуют.

Общий типологический состав коллекции следующий.

Кварцевые изделия (всего 115 экз.):

- скребки — 15 экз., в их числе
 - концевые на отщепях и пластинчатых заготовках – 5,
 - массивные, нуклевидные – 4,
 - на отщепях случайной формы – 6.
- резцы, предметы с резцовыми сколами – 8 экз.
- сверло, перфоратор – 1 экз.
- долотовидные изделия с двусторонней подтеской края – 6 экз.
- нуклеусы одноплощадочные (фрагментированные) – 2 экз.
- нуклеус поддисквидной формы – 1 экз.
- куски кварца со следами использования в качестве отбойников – 7 экз.
- отщепы с ретушью – 7 экз.
- пластины, пластинчатые отщепы – 4 экз.
- крупные уплощенные отщепы (заготовки орудий) – 2 экз.
- отщепы (в т.ч. массивные) – 33 (10) экз.
- осколки – 31 экз.

Кремнь:

- фрагмент нуклеуса для снятия микропластин – 1 экз.

Сланцевая порода:

- фрагменты шлифованных орудий – 2 экз.

В целом, судя по типологическим характеристикам каменного инвентаря, коллекция пункта Риукъярви 6 может быть отнесена к мезолитическому времени, что соответствует и топографическому положению стоянки. По заключению П.М. Долуханова о геоморфологической ситуации, стоянка располагалась на острове, положение которого соответствовало максимальному уровню прогляциального водоема [6, р.9]. Палеогеографическая реконструкция, предложенная П.М. Долухановым, представлена на рис. 2.

Шурфом, заложенным близ места концентрации находок на поверхности террасы, был выявлен расщепленный кварц в пахотном слое. Единичные отщепы и осколки кварца отмечены на контакте с нижележащим слоем светло-желтого мелкозернистого песка со слабыми признаками гумусированности и в верхней части этого слоя. Не исключено, что в дальнейшем выразительный культурный слой на стоянке будет обнаружен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pälvi S. Ein steinzeitlicher Moorfund // SMYA. Bd. XXVIII: 2. 1920.
2. Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Дренности Северо-Запада России. СПб., 1993.
3. Pälvi S. Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA. Bd. XXVIII: 1. 1920.
4. Гуршиц И.И. Дренняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
5. Тимофеев В.И. Работы на памятниках каменного века северной части Карельского перешейка // АО-1993. М., 1994.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

V.I. Timofeyev

**NEW MESOLITHIC FINDS FROM THE KARELIAN ISTHMUS
(LENINGRAD REGION)**

Summary

Only one Mesolithic site has been known in the Karelian Isthmus until recently (the famous Antrea-Korpilahti). During 1993 and 1997 new Mesolithic assemblage was collected on the bank of Lake Riukjarvi in the northern part of the Isthmus. For the first time the Stone Age sites were discovered there by Finnish archaeologists (first of all by S. Palsi) in the early 20th century. All the sites were dated to the Neolithic and the Early Metal Age. Our studies of one of the sites (point 6 after S.Palsi) allow to define it as the Mesolithic one. The site contains the pure Mesolithic collection of chipped quartz, 2 objects of slate and a piece of flint core for microblades (Fig. 1). The palaeogeographic reconstruction of the Mesolithic situation was suggested by P. Dolukhanov (Fig. 2). The topography of the site is in concordance with its Mesolithic attribution.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

Н.В. Косорукова
МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
В БАССЕЙНЕ ШЕКСНЫ
(ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ И ХАРАКТЕРИСТИКА
РАЗВИТИЯ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ)

Мезолитические памятники, известные в бассейне Шексны в настоящее время, по характеру каменной индустрии можно подразделить на два основных типа. К первому относятся стоянки с пластинчатой индустрией, таковых известно всего три: Лотовая Гора [1], Лиственка 3Б [2], Лиственка 3В – они получили определение как памятники типа Лотовой Горы. Памятники второго типа – с отщепово-пластинчатой индустрией – более многочисленны. Это Андозеро-М [3; 4], стоянки Лиственка 3А [2], Усть-Андога 1 (нижний слой) [5], Усть-Колоденка 1, Никольское 15, Иштомар, Ягорбские стоянки, поселение на озере Колмакском и др.

Перечислим основные особенности каменной индустрии памятников типа Лотовой Горы.

1. Преобладают изделия из неместного кремня высокого качества.
2. Основной заготовкой для орудий является пластина, орудий на отщепах или крайне мало или значительно меньше, чем орудий на пластинах.
3. Большинство нуклеусов подконусовидные одноплощадочные для пластин с замкнутым или почти замкнутым скалыванием, среди них есть и нуклеусы встречного скалывания, но в качестве второй площадки использовался нижний приостренный конец нуклеуса. Двухплощадочные нуклеусы встречаются редко и представлены остаточными формами или обломками; не исключено, что первоначально многие нуклеусы были двухплощадочными. Характерен прием подправки не только площадки, но и нижнего конца нуклеуса. Торцовых нуклеусов мало, негативы от пластин на таких нуклеусах занимают всю ширину торца.
4. Среди изделий со вторичной обработкой по количеству первое место занимают пластины с ретушью.
5. Непременным атрибутом являются микропластинки с притупленным краем, представленные сериями.
6. Наконечники стрел – постсвидерского и свидерского типов, другие типы наконечников единичны.
7. Скрепки количественно находятся на втором месте среди изделий со вторичной обработкой, преобладают концевые.
8. Резцов в 1,5-2 раза меньше, чем скребков, преобладают угловые; ретушные и двугранные единичны.
9. В числе орудий присутствуют ножи на широких правильных пластинах, скобели, проколки.
10. Рубящие орудия двух типов: с перехватом и овально-подпрямоугольной формы с двусторонней обработкой.

Для каменной индустрии памятников типа Андозеро-М характерны следующие признаки:

1. Абсолютное большинство предметов в коллекциях сделано из местного кремня низкого качества.
2. Преобладание отщепа или обломка в качестве основной заготовки для орудий при одновременном существовании техники получения пластин.
3. Нуклеусы на различных кусках, блоках и обломках кремня, вертикального снятия, для пластин и отщепов, чаще одноплощадочные, одно- и двусторонние, в целом, выглядят довольно аморфно; правильные конусовидные единичны.
4. Большую часть орудий составляют скребки, среди которых преобладают однолезвийные на отщепах случайной формы; угловые скребки и ретушированные на 3/4 периметра составляют примерно 1/6 от общего количества скребков. Меньшим количеством представлены скребки, ретушированные по всему периметру, и массивные скребки-скребла. Концевые скребки на пластинах и отщепах, а также двойные немногочисленны.
5. Помимо скребков в коллекциях есть скобели, комбинированные орудия, проколки, разнообразные отщепы и пластины с ретушью.
6. Резцы по сравнению со скребками представлены значительно меньшим количеством.
7. Кроме кремня обитатели стоянок используют кварц и сланец.
8. Для обработки рубящих орудий из сланца применяется шлифовка.

К числу промежуточных между двумя выделенными типами памятников по характеру каменного инвентаря относится стоянка Торово, в инвентаре которой преобладают орудия на пластинах, нуклеусы кону-

совидные и карандашевидные с замкнутым или почти замкнутым скалыванием, представлены микропластинки с притупленным краем, а большинство скребков сделано из отщепов случайной формы.

Имеющиеся в настоящее время сведения по хронологии мезолитических памятников в бассейне Шексны относительно немногочисленны. При этом надежные естественно-научные данные есть только для памятников типа Андозеро-М. Две радиоуглеродные даты имеются для стоянки Лиственка 3А: 9090 ± 60 (ГИН-6578) и 8030 ± 70 (ГИН-6571) л.н. Образец для первой даты был взят из углистой ямы в жилищном скоплении, а для второй собран из отдельных угольков в том же слое. По-видимому, первая дата является более точной, и памятник Лиственка 3А предположительно можно датировать самым концом пребореала или рубежом пребореала-бореала.

Для Усть-Андоги 1 есть 4 радиоуглеродные даты: 8540 ± 100 (ГИН-5584), 7850 ± 140 (ГИН-5583), 6960 ± 100 (ЛЕ-4470), 6610 ± 60 (ЛЕ-4471) л.н. В целом они охватывают довольно большой хронологический диапазон, хотя все образцы были отобраны из одного (большого) углисто-золистого пятна. Такой значительный разброс дат затрудняет определение конкретной хронологии памятника, но позволяет полагать, что стоянка существовала не ранее середины бореала. По мнению автора, две первые даты являются более надежными, и хронологию мезолитического слоя Усть-Андоги 1 можно ограничить временем от середины бореала до начала атлантикума.

Андозеро-М по пыльцевой колонке было датировано атлантическим периодом [6, с.26]. С.В. Ошибкина на основании пыльцевого анализа и археологических параллелей датирует Андозеро-М VI тыс. до н.э. [3, с.176]. Датированной археологической находкой, по ее мнению, является сланцевый узкий остроовальный предмет с незавершенной сверлиной в центре [3, с.247, табл.59, рис.3]. Аналогичному изделию она находит на стоянках Северной Европы, Карелии и Финляндии, где они датируются поздним бореалом-началом атлантикума [3, с.176].

Памятники типа Андозеро-М появляются в бассейне Шексны, по-видимому, не позднее кон. VIII тыс. до н.э. и представлены здесь по VI тыс. до н.э. включительно. Иными словами, хронологический диапазон данных памятников охватывает промежуток от рубежа пребореала-бореала до первой половины атлантикума. Они существуют в бассейне Шексны в среднем и позднем мезолите, и именно на их основе складывается местный неолит, о чем можно судить на основании сходства каменных индустрий памятников типа Андозеро-М и неолитических (например, материалов неолитического и мезолитического слоев поселений Андозеро 2 [7] и Усть-Андога 1 [5], инвентаря мезолитических стоянок Лиственка 3А, Усть-Колоденка 1 и поселения эпохи позднего неолита – раннего металла Лиственка 1, мезолитической стоянки Никольское 15 и неолитических поселений у д.Никольское на р.Суде, коллекций размытых памятников на Ягорбе [8] и озере Колмакском).

Стоянки типа Андозеро-М имеют сходство с мезолитическим комплексом поселения Муромское VII и другими подобными стоянками на юго-восточном побережье Онежского озера [9; 10]. Муромское VII, на сходство Андозера-М с которым впервые было указано С.В. Ошибкиной [3; с.178], датировано по радиоуглероду 7600 ± 100 и 7940 ± 120 л. н. [11, с.217], что согласуется с приведенной выше хронологией памятников типа Андозеро-М.

Для памятников типа Лотовой Горы нет надежных естественно-научных данных. Спорово-пыльцевой анализ Лотовой Горы был проведен Г.М. Левковской, по мнению которой, можно говорить о позднеледниковом возрасте стоянки. Однако, судя по характеру каменной индустрии, памятник относится к эпохе послеледниковья. Можно попытаться сопоставить некоторые палинокомплексы из разреза Лотовой Горы с палинозонами, выделенными Е.А. Спиридоновой для климатической истории Волго-Окского междуречья [12], и, в результате, предположительно поместить Лотову Горю в самое начало палинозоны 6, т.е. датировать примерно 9200 л. н.

Хронология Лотовой Горы и Лиственки 3Б, в основном, определяется типологически и путем поиска аналогий. Детальное изучение имеющегося местного материала, сравнительный анализ основных категорий инвентаря: во-первых, памятников с пластинчатой индустрией (Лотовой Горы и Лиственки 3Б), затем памятников с отщепово-пластинчатой индустрией (главным образом, Лиственки 3А и Усть-Андоги 1), и, наконец, сопоставление данных материалов между собой – в целом позволяют сделать вывод: памятники типа Лотовой Горы в бассейне Шексны предшествуют памятникам типа Андозеро-М, а Лотова Гора датируется несколько более ранним временем, чем Лиственка 3Б. Между индустриями Лотовой Горы и Усть-Андоги 1, резко различающимися по характеру каменного инвентаря, существуют промежуточные звенья, которые позволяют выстроить единую цепочку и проследить таким образом процесс трансформации каменной индустрии. Так, Лиственка 3Б является промежуточным звеном между Лотовой Горой и Лиственкой 3А, а Лиственка 3А, в свою очередь, – между Лиственкой 3Б и более поздними памятниками – такими, как Усть-Андога 1, Усть-Колоденка 1, Иштомар, Андозеро-М и др. В основе этого явления лежит переход от высококачественного кремневого сырья (происходящего, вероятно, из верхневолжских месторождений), на котором базировалась индустрия памятников типа Лотовой Горы, на местное кремнево-сырье низкого качества. Лотова Гора, Лиственка 3Б, Лиственка 3А, Усть-Андога 1 – это 4 основных памятника, по материалам которых автор прослеживает последовательное изменение индустрии, поскольку коллекции с них наиболее выразительны и представительны и дают возможность проведения статистических подсчетов.

Другие памятники также привлекаются для характеристики данного процесса, хотя не могут использоваться в качестве основных. Так, стоянку Торово, которая по характеру каменного инвентаря относится к числу промежуточных памятников, в выделенной цепочке можно поместить примерно между Лиственкой

ЗБ и Лиственкой 3А. Большинство же исследованных памятников представляют, по-видимому, наиболее позднюю ступень данного процесса; к их числу относятся Лиственка 8, Иштомар, Андозеро-М, Усть-Колоденка 1, Никольское 15, Ягорбские стоянки и др.

Процесс перехода прослеживается по многим признакам. В Лотовой Горе местное сырье почти не использовалось. В Лиственке 3Б изделий из местного кремня уже немало: это часть скребков на отщепах, некоторые другие орудия и особенно много нуклеидных обломков и просто обколотых с разных сторон кусков кремня; кроме того, представлены изделия из других пород камня (в Лотовой Горе каменный инвентарь состоит исключительно из кремневых изделий). Таким образом, в Лиственке 3Б местное сырье уже пытались использовать, но основное количество орудий делали еще из кремня хорошего качества. А в Лиственке 3А из местного кремня сделано уже абсолютное большинство изделий, за исключением только наконечников и некоторых орудий из пластин.

Памятники Лиственки 3Б и Лиственка 3А дают наиболее показательные материалы. Интересно, что расположены они в непосредственной близости друг от друга – 60-80 м, на краю бортовой террасы р.Колпь. На первый взгляд, инвентарь данных памятников значительно различается между собой. В Лиственке 3Б много изделий на пластинах и из высококачественного кремня, в Лиственке 3А, наоборот, масса орудий на отщепах из кремня плохого качества; особенно много скребков, которых в Лиственке 3Б значительно меньше. И в то же время есть небольшая группа орудий, сближающая их. Это, в первую очередь, наконечники стрел, серия которых в Лиственке 3А мало отличается от наконечников из Лиственки 3Б. Наконечники на пластинах с черешком постсвидерского и свидерского типов, сделанные из высококачественного кремня, не применявшегося для изготовления других орудий, известны и в других памятниках типа Андозеро-М (Лиственка 8). Из такого же кремня сделаны в Лиственке 3А ножи на широких правильных пластинах с полой ретушью по краям со спинки (скребков из такого кремня в Лиственке 3А нет, а в Лотовой Горе и в Лиственке 3Б они есть). Такие же ножи есть в Лотовой Горе и в Лиственке 3Б, а в более поздних памятниках они уже не встречаются.

Вероятно, именно в связи с тем, что население вынуждено было использовать местное сырье, происходят изменения в технике расщепления, которая первоначально была нацелена исключительно на производство пластин. В Лотовой Горе, Лиственке 3Б, Торово практически все нуклеусы предназначены для снятия пластин. О существовании данной техники расщепления свидетельствуют также технологические сколы (ребристые и сколы с площадкой нуклеусов). В Лиственке 3А и Усть-Андоге 1 конические нуклеусы с замкнутым скалыванием представлены уже единично или в обломках и технологическими сколами. Тип нуклеусов меняется: в Лиственке 3А для изготовления нуклеусов используют любые обломки кремня, у которых иногда пытаются оформить площадку и выпуклую поверхность путем ретуширования ребер, но поверхность снятий, как правило, расположена не по всему периметру, а по одной или двум сторонам.

Изменение техники расщепления приводит к уменьшению пластинчатости. Так, хотя и в Лотовой Горе и в Лиственке 3Б большинство орудий сделано из пластин, в Лотовой Горе это абсолютное – 95%, а в Лиственке 3Б уже на 22% меньше – здесь из пластин сделано 73% орудий. Затем от Лиственки 3Б к Лиственке 3А уменьшение пластинчатости происходит довольно резко: в Лиственке 3А на пластинах сделано уже всего 24% орудий, а в Усть-Андоге 1 еще меньше – 17%. В соответствии с этим количество орудий на отщепах постепенно увеличивается. Так, в Лотовой Горе всего 5% орудий на отщепах, в Лиственке 3Б уже 27%, в Лиственке 3А – 76% и в Усть-Андоге 1 – 83%.

В технике расщепления помимо постепенного изживания конических и призматических нуклеусов с замкнутым скалыванием, вместо которых появляется большое количество более аморфных, имеется еще одна характерная деталь: постепенно увеличивается использование торцовых нуклеусов. В Лотовой Горе торцовое скалывание почти не прослеживается, в Лиственке 3Б торцовые нуклеусы есть, но редки. Начиная с Лиственки 3А количество торцовых нуклеусов увеличивается, в Усть-Андоге 1 и в Андозере-М они представлены уже довольно выразительной и четкой серией. Меняется внешний вид торцовых нуклеусов. В Лотовой Горе и Лиственке 3Б на них или нуклеидных обломках с элементами торцового скалывания на торце имеется, как правило, только один негатив во всю ширину торца, редко 2 негатива. Эти торцовые нуклеусы очень напоминают ретушные резцы и, наоборот, ретушные резцы напоминают торцовые нуклеусы. В Лиственке 3А, Усть-Андоге 1, Андозере-М у торцовых нуклеусов на торце имеется несколько узких правильных негативов, т.к. эти нуклеусы были предназначены для получения правильных очень узких пластин. Несмотря на это различие, несомненно, в данном случае можно говорить о существовании преемственности и постепенной эволюции торцового скалывания. Видоизменение торцовых нуклеусов объясняется, возможно, также переходом на местное сырье, которое часто представлено небольшими плоскими галечками, использованными для изготовления торцовых нуклеусов в Лиственке 3А, Андозере-М, Усть-Андоге 1, тогда как в Лотовой Горе и Лиственке 3Б для торцовых нуклеусов или нуклеидных кусков со снятиями на торцах были использованы просто плоские обломки кремня.

Промежуточный характер инвентаря Лиственки 3Б между Лотовой Горой и Лиственкой 3А прослеживается еще по некоторым категориям изделий. Так, и в Лотовой Горе и в Лиственке 3Б среди скребков преобладают концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, но в Лиственке 3Б помимо них довольно значительную серию составляют уже и скребки на отщепах случайной формы. Позднее, в Лиственке 3А и, особенно, в Усть-Андоге 1 такие скребки будут преобладать над концевыми скребками на пластинчатых заготовках. Увеличивается и количество скребков в целом среди общего числа предметов со вторичной обработкой.

Важной чертой каменного инвентаря Лотовой Горы и Лиственки 3Б является наличие микропластинок с

притупленным краем, которых нет совсем в Лиственке 3А, а в Усть-Андоге 1 есть всего 1 экз. Однако при сравнении этих изделий из коллекций двух указанных памятников можно заметить, что в Лиственке 3Б уже намечается тенденция к их исчезновению, поскольку здесь эти изделия менее выразительны, ретушь на них в целом менее крутая, и они представлены значительно меньшим количеством, чем в Лотовой Горе. Но в Лиственке 3А вкладышевая техника еще существует, в качестве вкладышей здесь использовались микропластинки не с притупленным краем, а с мельчайшей ретушью по краю или вообще без ретуши, представленные в небольшом количестве. В Усть-Андоге 1 вкладыши единичны. Таким образом, исчезновение микропластинок с притупленным краем свидетельствует вначале об изменении типа вкладышей, а затем и о процессе деградации вкладышевой техники, когда на смену вкладышевому вооружению приходят изделия из кости без применения вкладышей. Подобный процесс происходит на территории Волго-Окского междуречья в бутовской культуре [13].

Показательна также линия развития рубящих орудий. В Лотовой Горе, Лиственке 3Б и 3В рубящие орудия изготовлены при помощи оббивки, шлифовка еще не применялась. В Лиственке 3А и 8, Андозере-М, Усть-Андоге 1 мы наблюдаем постепенное развитие и все большее использование шлифовки для обработки рубящих орудий.

Выявление некоторых общих черт в инвентаре Лиственки 3Б и Лиственки 3А и установление существования взаимосвязи в целом между памятниками типа Лотовой Горы и Андозера-М, которая проявляется в последовательном развитии каменного инвентаря, позволяет нам выстроить определенную хронологическую цепочку, доказывающую, что Лотова Гора и Лиственка 3Б являются более ранними, чем Лиственка 3А и другие памятники типа Андозера-М.

Косвенным подтверждением этого является также то, что каменный инвентарь памятников типа Андозера-М очень близок инвентарю местных неолитических стоянок, которые, по-видимому, формируются именно на базе памятников типа Андозера-М, в то время как инвентарь Лотовой Горы не характерен ни для одной из известных здесь неолитических стоянок. Учитывая, что для самого раннего памятника типа Андозера-М (Лиственка 3А) имеется радиоуглеродная дата, помещающая его в самый конец пребореала – начало бореала, время существования памятников типа Лотовой Горы определяется не позднее, чем вторая половина или последняя треть пребореала.

Наиболее близкие аналоги памятникам типа Лотовой Горы известны на территории Волго-Окского междуречья в ряде стоянок бутовской культуры [14, с.69-76], которую исследователи традиционно относят к кругу постведерских культур раннего голоцена. При этом важно подчеркнуть, что сходство прослеживается далеко не со всеми бутовскими памятниками. Аналоги памятникам типа Лотовой Горы имеются в стоянках Микулино, Петрушино [15; 16], Бутово 1, Скнятино, Соболево 5, Заборовье 2 [14].

Наибольшие параллели среди них прослеживаются со стоянкой Микулино: среди бутовских коллекций в Микулино самая высокая степень пластинчатости, хотя ниже, чем в Лотовой Горе примерно процентов на 15 (судя по опубликованным данным [15]), самая многочисленная серия микропластинок с притупленным краем, количество которых примерно сравнимо с количеством скребков; есть и другие общие признаки – сходные типы нуклеусов, наконечников, скребков, резцов и др. орудий. Нуклеусы в Микулино подконические одноплощадочные с замкнутым скалыванием, есть даже одинаково расколотые (в Лотовой Горе и в Микулино) нуклеусы, близкие к карандашевидным [15, с.121, рис.3,7,8]. Помимо конических форм известны подпризматические нуклеусы для пластин, одно- и двухплощадочные. Прослеживаются одинаковые приемы подправки и предварительной подготовки таких нуклеусов, что показывают сколы с площадок нуклеусов с замкнутым скалыванием и ребристые сколы с односторонним ретушированием. В Микулино, как и в Лотовой Горе и в Лиственке 3Б, много микропластин и пластин средней ширины, а широких (более 1,8 см) пластин мало. Самую многочисленную группу орудий составляют в этих памятниках пластины и сечения с ретушью. Среди скребков преобладают концевые, среди резцов – на углу сломанной пластины. Представлены скобели на пластинах с неглубокими дугообразными выемками, ножи на широких правильных пластинах с полой краевой ретушью. Помимо микропластинок с притупленным краем есть и с притупленным краем и основанием и прямоугольными [15].

К сожалению, Микулино не имеет естественно-научной даты. Первоначально автором раскопок А.Н. Сорокиным оно было датировано поздним мезолитом [15, с.118-132]. Позднее он передвинул его примерно в нач. VII тыс. до н.э. [17, с.56]. Основанием для такой датировки, по его мнению, является наличие в материалах Микулино трапеции. Высокую степень пластинчатости в Микулино А.Н. Сорокин объясняет особой функциональной спецификой памятника.

Среди памятников, в которых Лотова Гора и Лиственка 3Б находят аналоги, датировано только Бутово 1, имеющее большое сходство с Микулино: по С14 – 9310 ± 110 л.н., а палинологическим методом – второй половиной пребореала, около 9300 л.н. [13; 18, р.278]. Однако в настоящее время известно уже порядка 35 надежно датированных памятников бутовской культуры [13]. Рассматривая каменный инвентарь датированных бутовских памятников в хронологической последовательности, мы увидим, как об этом неоднократно писал А.Е. Кравцов, постепенное уменьшение пластинчатости, снижение доли концевых скребков за счет увеличения разнообразных форм на отщепках, постепенное исчезновение микропластинок с притупленным краем [19]. Эти же особенности в развитии каменного инвентаря бутовских стоянок прослеживает М.Г. Жилин, который выделяет 4 хронологических этапа бутовской культуры, отличающиеся по характеру инвентаря [13].

Следующие датированные бутовские памятники относятся уже ко времени 8800 л.н. Между 9300 и 8800

л.н. датированных памятников нет. Но известно большое количество стоянок, датированных от 8800 л.н. до 7000 л.н. К эпохе бореала относятся Малая Ламна 3, Озерки 16,17, Окаево 5, Черная 1 и многие другие. Для каменного инвентаря этих памятников характерно возрастание роли отщепы в качестве заготовки, а в группе вкладышей резкое снижение роли микропластинок с притупленным краем [13]. Например, в Черной 1 на пластинах сделано 30-40% орудий, среди скребков много разнообразных подокруглых, подчетыреугольных и других форм на отщепе, и имеется всего одна микропластинка с притупленным краем [20].

В памятниках, датированных ранним атлантикумом, – Новошино и др. – на отщепе сделано уже большинство орудий, наиболее многочисленными среди изделий со вторичной обработкой являются скребки разных типов, микропластинки редки, количество вкладышей резко сокращается, среди них почти не встречаются микропластинки с притупленным краем [21].

Таким образом, хотя среди тех поселений, с которыми Лотова Гора и Лиственка ЗБ обнаруживают большое сходство, датировано только Бутово 1, надо учитывать, что довольно много памятников бутовской культуры относится к бореалу и атлантикуму, и ни один из них не имеет индустрии с высокой степенью пластинчатости, резким преобладанием концевых скребков и наличием большой серии микропластинок с притупленным краем. Эти поселения, наоборот, характеризуют процесс уменьшения пластинчатости. Судя по этим данным, памятники типа Лотовой Горы по времени должны примерно соответствовать Бутово 1, и их хронологические рамки можно определить не позднее, чем последняя треть пребореала – начало бореала. О том, что Микулино, Петрушино, Скнятино, Соболево 5, Заборовье 2 следует примерно синхронизировать с Бутово 1, писали также А.Е. Кравцов и М.Г. Жилин [19;13].

Однако, говоря о том, что для инвентаря бутовских памятников, если рассматривать их в хронологической последовательности, характерно постепенное уменьшение пластинчатости, мы не должны забывать, что имел место, видимо, и процесс ее нарастания. Каким временем будет датироваться этот процесс?

Среди памятников, относимых исследователями к бутовской культуре, в настоящее время известно только два, датированных более ранним временем, чем Бутово 1. Это стоянка Тихоново и 4-й культурный слой стоянки Становое 4, которые относятся к первой половине и середине пребореала [18, с.278; 13]. Материалы из нижнего культурного слоя Станового 4 пока еще немногочисленны¹. А в инвентаре Тихоново помимо сходных черт можно найти и некоторые важные отличия от инвентаря Бутово 1. Основной заготовкой для каменных орудий служат также пластины, но среди нуклеусов представлены и одно- и двухплощадочные. Микропластинки, отжатые с одноплощадочных нуклеусов, немногочисленны. Наконечники стрел черешковые, позднесвидерские, есть также постсвидерский с полукрутой ретушью черешка на брюшке и плоской подправкой кончика пера. Резцы ретушные (более многочисленны, чем в Бутово 1) и на сломе заготовки, среди скребков доминируют концевые, имеются скошенные острия, вкладыши из микропластинок без вторичной обработки; пластинки с притупленным краем не представлены совсем [14]. Не исключено, что инвентарь стоянки Тихоново может свидетельствовать о процессе нарастания пластинчатости, имевшем место в инвентаре бутовских памятников в середине – второй половине пребореала.

Этот самый ранний этап пока еще только намечается, но, по-видимому, уже сейчас можно предположить (и это совпадает с мнением М.Г. Жилина²), что памятники с высокой степенью пластинчатости и наличием в инвентаре большой серии микропластинок с притупленным краем будут образовывать сравнительно узкий хронологический пласт. Эти памятники будут датироваться позднее, чем Тихоново (т.е. позднее, чем 9500 л.н.), но ранее, чем 8800 л.н., и примерно соответствовать Бутово 1 (9310±100 л.н.). Таким образом, время существования данных памятников предварительно можно определить как вторая половина (или последняя треть) пребореала – начало бореала.

Некоторые особенности инвентаря стоянки Лиственка ЗБ позволяют интерпретировать ее как бутовский памятник с отдельными чертами ивонской культуры раннего мезолита Волго-Окского междуречья. Это, прежде всего, целая серия рубящих орудий с перехватом (в Лотовой Горе также есть одно такое изделие). Для бутовских памятников характерны рубящие орудия не с перехватом, а подпрямоугольной или подовальной формы с зауженным обухом и двусторонней обработкой. Обломки подобных имеются в материалах Лотовой Горы и Лиственки ЗБ.

Ивонский компонент в Лиственке ЗБ прослеживается также в наличии резцов с широкой кромкой (ретушных и на сломе) и в характере обработки одного из наконечников, который сделан на массивной пластине с крупным черешком. Один край черешка обработан встречной вертикальной ретушью, характерной для ивонских наконечников с боковой выемкой, второй – с плечиком, оформленным мелкой крутой ретушью на спинке в традиционной постсвидерской технике, но на брюшке черешка нет плоской ретуши, типичной для бутовских наконечников. Таким образом, даже в характере обработки одного наконечника прослеживаются черты, свойственные одновременно и бутовской, и ивонской культурам. Но в целом ивонский компонент в Лиственке ЗБ невелик, преобладают черты, характерные для бутовской культуры. В коллекции из шурфа Лиственка ЗБ также имеется орудие с перехватом и обломок наконечника аренсбургского типа (массивный широкий черешок, на котором на брюшке нет плоской ретуши, а края обработаны на спинке крутой ретушью).

В Волго-Окском междуречье памятники смешанной бутовско-ивонской традиции датируются второй половиной пребореала – началом бореала [19]. Время существования ивонской культуры определяется как

¹ Доклад М.Г. Жилина на международной конференции в г.Сергиев Посад в июле 1997 г.

² Устное сообщение М.Г. Жилина.

пребореал - первая половина бореала. В середине бореала памятники иеневской культуры исчезают [18, с.278; 21; 22]. Это в определенной степени маркирует хронологические рубежи распространения изделий, характерных для иеневской культуры, а значит, позднее середины бореала памятники, отражающие взаимодействие двух культур, датироваться не могут. По мнению некоторых исследователей, памятники со смешанными бутовско-иеневскими чертами образуют узкий хронологический пласт и относятся к концу пребореала - началу бореала [23].

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

а) Памятники типа Лотовой Горы в бассейне Шексны должны предшествовать памятникам типа Андозеро-М, наиболее ранний из которых датируется 9090 ± 60 л.н.

б) Памятники типа Лотовой Горы имеют большое сходство с ранними памятниками бутовской культуры Волго-Окского междуречья – такими, как Бутово 1, Микулино, Петрушино, характеризующимися высокой степенью пластинчатости инвентаря, время бытования которых, по-видимому, относится ко второй половине - последней трети пребореала.

в) Стоянка Лиственка 3Б характеризуется наличием смешанных бутово-иеневских черт, а памятники смешанной традиции в Волго-Окском междуречье датируются второй половиной пребореала - началом бореала, – время существования памятников типа Лотовой Горы можно определить как последняя треть пребореала или примерно 9300-9200 л.н., причем Лотова Гора должна датироваться несколько более ранним временем, чем Лиственка 3Б, но хронологический разрыв между ними незначителен.

Наличие в мезолите бассейна Шексны двух типов памятников, различающихся по характеру каменной индустрии, объясняется, таким образом, различием в их хронологии. Памятники типа Лотовой Горы являются более ранними по сравнению с памятниками типа Андозеро-М, но генетически связанными с ними. От памятников типа Лотовой Горы происходят памятники типа Андозеро-М. Первые существуют в бассейне Шексны в последней трети пребореала, вторые – от рубежа пребореала - бореала до начала атлантикума и дают начало неолитическим памятникам.

На раннем этапе, т.е. в последней трети пребореала, мезолитические памятники в бассейне Шексны имеют большое сходство с ранними бутовскими стоянками Волго-Окского междуречья. Помимо сходства в каменном инвентаре памятников типа Лотовой Горы и ранних бутовских имеются также некоторые различия. Так, при сравнении большинства бутовских коллекций с материалами шекснинских памятников отмечено, что если в бутовских резцы почти всегда превышают количественно скребки, то в шекснинских соотношение всегда обратное. Если в шекснинских памятниках ножи на широких правильных пластинах и пластины в целом ретушированы всегда на спинке, то в Микулино, например, ножи и пластины чаще ретушированы на брюшке. В Микулино несколько больше прямоугольников, есть трапеция, которых нет в шекснинских памятниках. Есть и другие особенности, позволяющие говорить о локальном варианте шекснинских памятников, близких верхневолжским (бутовским). На этом же этапе в стоянках бассейна Шексны нашли свое отражение контакты бутовцев и иеневцев. Чистые иеневские комплексы здесь не известны, по крайней мере, в настоящее время.

Уже на рубеже пребореала-бореала характер каменной индустрии мезолитических памятников бассейна Шексны резко изменяется в связи с переходом на местное кремневое сырье более низкого качества по сравнению с тем, которое использовалось обитателями стоянок типа Лотовой Горы. Возникает индустрия типа Андозеро-М. Насколько можно судить по имеющимся данным, временной диапазон бытования в бассейне Шексны памятников с пластинчатой индустрией невелик. Памятники типа Андозеро-М существуют значительно дольше. Процесс перехода на местное сырье происходил, по-видимому, достаточно быстро, но, скорее всего, не одновременно на всей территории региона. На периферийных участках, наиболее удаленных от самой Шексны, а соответственно и от верхневолжских источников сырья, например, в бассейне Колпи, где находятся стоянки Лиственка 3А и Лиственка 3Б, данный процесс должен был, несомненно, протекать более быстро, чем на самой Шексне. В результате примерно одновременно могли существовать стоянки на периферии региона с каменной индустрией, основанной уже почти целиком на местном кремне, и стоянки, расположенные непосредственно по берегам Шексны, в каменном инвентаре которых изделия из высококачественного кремня довольно представительны (например, Лиственка 3А и Торово).

В свое время С.В. Ошибкиной было отмечено, что каменный инвентарь Андозеро-М дает основания для сравнения с материалами культуры кунда: на стоянках Умбузи, Лепакозе, Ялевере мелкие округлые скребки на отщепках представлены массовыми сериями, на последней такие скребки составляют 80% всех орудий, а концевые на пластинах встречаются единицами. Кроме того, по мнению С.В. Ошибкиной, 2 типа сланцевых топоров, выявленных в Андозере-М, характерны и для культуры кунда [3, с.177-178]. Действительно, в каменном инвентаре памятников типа Андозеро-М и кундских можно найти немало сходных черт. В кундских памятниках эпохи бореала (Лепакозе, Умбузи, Кунда, Сиймусааре) и атлантикума (Ялевере, Нарва) для изготовления орудий используется в основном местный кремль низкого качества, преобладают орудия из отщепов, большую часть изделий со вторичной обработкой составляют скребки на отщепках случайной формы, резцы немногочисленны [24, с.17]. Хотя большинство орудий сделано на отщепках, представлена и пластинчатая техника: имеются пластинчатые нуклеусы и довольно многочисленны пластинки с ретушью; большинство нуклеусов не имеет правильной формы, конические встречаются редко; среди ретушированных пластин многочисленны вкладыши с приотстриженной ретушью; наконечники стрел – поствидерские и других типов [25, с.49-54; 24, с.20].

Выявление в мезолите бассейна Шексны двух типов каменных индустрий и установление взаимосвязи между ними, которая выражается в непосредственном происхождении памятников типа Андозеро-М от

памятников типа Лотовой Горы, позволило внести ясность в вопрос о сходстве Андозера-М с кундской культурой и понять, что за этим стоит. Сходство памятников типа Андозера-М с кундскими не подразумевает конкретного происхождения данных памятников из кундской культуры, а свидетельствует о сходных процессах в эволюции каменной индустрии, которые также имели место и в некоторых других регионах. Так, наиболее ранний памятник кундской культуры – стоянка Пулли – характеризуется наличием изделий из неместного кремня высокого качества, преобладанием пластинчатой индустрии, концевых скребков, наличием серии микропластинок с притупленным краем, постсвидерских наконечников [24]. По характеру каменного инвентаря стоянка Пулли значительно отличается от остальных (более поздних) кундских памятников, в каменном инвентаре которых преобладает использование местного низкокачественного сырья и изготовление орудий из отщепов. Стоянку Пулли можно сопоставить с памятниками типа Лотовой Горы и с Бутово 1. В материалах Лотовой Горы есть даже остряна на микропластинках с крутой ретушью по краям по всему периметру, близкие пуллийским [1]. Стоянка Пулли датирована по радиоуглероду 9350 ± 60 л.н. [26], что согласуется с предложенной автором датировкой памятников типа Лотовой Горы.

В связи с переходом на местное сырье характер каменной индустрии довольно резко изменяется, и уже раннебореальные памятники значительно отличаются от пребореальных. В бореале и атлантикуме в каменной индустрии памятников типа Андозера-М и кундских также наблюдаются изменения, но они происходят более плавно: это постепенное еще большее уменьшение пластинчатости инвентаря стоянок, увеличение количества скребков среди общего количества орудий, исчезновение постсвидерских наконечников.

Выявление непрерывности развития каменной индустрии эпохи мезолита по шексинским памятникам представляется важным по нескольким причинам. Во-первых, потому, что по этим материалам процесс эволюции прослеживается более четко, чем по известным памятникам кундской культуры. Для автора всегда оставалось загадкой, почему стоянка Пулли автоматически относится к кундской культуре, если ее инвентарь значительно отличается от инвентаря остальных кундских памятников. Для выведения отщеповых комплексов из более ранних пластинчатых было необходимо открытие и изучение памятников, отражающих процесс перехода одной каменной индустрии в другую, которые и были исследованы в бассейне Шексны; без наличия таких памятников довольно спорным казалось включение стоянки Пулли в одну культуру с более поздними кундскими памятниками. Во-вторых, это способствует также решению такого вопроса как происхождение памятников типа Муромского VII на юго-восточном побережье Онежского озера, относящихся ко второй половине бореала - началу атлантикума, истоки которых также нельзя связывать с перемещением групп населения кундской культуры. Памятники эпохи пребореала - начала бореала, конкретно из которых можно было бы вывести стоянки типа Муромское VII, в Прионежье пока не известны. Не исключено, что данная территория была заселена только в бореале, в таком случае памятники типа Муромского VII являются в Прионежье наиболее древними, и происхождение их следует связывать непосредственно с потомками населения, оставившего стоянку типа Лотовой Горы в бассейне Шексны, индустрия которого значительно изменилась в результате перехода на местное кремневое сырье. Это население осваивает бассейн Шексны и продвигается далее на север, где под влиянием местных условий формируются своеобразные типы индустрий.

Вопрос о культурной принадлежности памятников типа Лотовой Горы автор оставляет открытым. Конечно, очень легко и удобно включить их в бутовскую культуру, но тогда почему стоянка Пулли относится к кундской культуре, а не к бутовской? По мнению автора, на настоящем уровне исследований более целесообразным является не выделение эмпирических культур, а выявление и объяснение действительных процессов в развитии каменного инвентаря. Сходные явления в развитии каменного инвентаря мезолитических памятников бассейна Шексны, кундской культуры и бутовской объясняются, по-видимому, тем, что генезис этих памятников происходил на общей свидерской основе. Происхождение наиболее ранних памятников (Пулли, Бутово 1, Лотова Гора), очевидно, следует связывать с наиболее северными позднесвидерскими и ранними постсвидерскими памятниками (Саласпилс Лаукскола в Латвии, Марьино 4 в бассейне Мологи, Тихоново на Верхней Волге). На происхождение стоянки Пулли от памятников типа Лаукскола указывала И. Загорска [27]. Бутовскую культуру большинство исследователей традиционно связывает со свидерской, причем, по мнению М.Г. Жилина, ранние бутовские памятники (и стоянка Марьино 4 в том числе) генетически связаны с позднесвидерскими памятниками Прибалтики [13; 23]. Открытие и исследование стоянки Марьино 4 [28] имело большое значение для решения вопроса о происхождении памятников типа Лотовой Горы и Бутово 1. Анализ каменного инвентаря позволяет выстроить цепочку Марьино 4 - Тихоново - Бутово 1 и Лотова Гора, показывающую процесс развития каменной индустрии от финально-свидерских (ранних постсвидерских) стоянок к памятникам типа Лотовой Горы. Сходство генезиса мезолитических памятников бассейна Шексны, кундской и бутовской культур обусловило близость каменного инвентаря ранних (пребореальных) памятников данных территорий и наличие сходных черт и этапов в последующем развитии каменного инвентаря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка на Лотовой Горе в бассейне Шексны // Археология Верхнего Поволжья. Н.Новгород, 1991.
2. Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Колпи // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
3. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.

4. Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998.
5. Кандакова Н.В. Проблемы периодизации памятников с каменным инвентарем в бассейне Шексны // Проблемы хронологии и периодизации в археологии: Сб. статей молодых ученых. Л., 1991.
6. Ошибкина С.В. Мезолитическая стоянка Андозеро-М // КСИА. Вып. 157. 1979.
7. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
8. Археологические памятники реки Ягорбы. Каталог. Вологда, 1990.
9. Косменко М.Г., Витенкова И.Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. 1980. № 4.
10. Лобанова Н.В. Мезолитические поселения в районе мыса Бесов Нос // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
11. Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
12. Спиридонова Е.А., Алейникова А.С. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М., 1995.
13. Жилин М.Г. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские чтения 1995-1996 гг.: Труды ГИМ. Вып. 103. М., 1999.
14. Кольцов Л.В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Археология СССР. Т.2. Мезолит СССР. М., 1989.
15. Сорокин А.Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мешера) // СА. 1981. № 4.
16. Сорокин А.Н. Мезолитическая стоянка Петрушино во Владимирской области (Мешера) // СА. 1981. №4.
17. Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
18. Zhilin M.G. Western Russia in Final Palaeolithic – Early Mesolithic // Earliest Settlement of Scandinavia. L. Larsson (ed.) Acta Archaeologica Lundensia. 8°:1996. № 24
19. Кравцов А.Е. О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов) // Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
20. Кравцов А.Е., Лозовский В.М. Мезолитическая стоянка Черная I в Мешере // СА. 1989. № 4.
21. Кравцов А.Е. К хронологии иеневской мезолитической культуры // Тезисы докладов Отчетной Сессии Государственного Исторического Музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991-1995 гг. М., 1996.
22. Кравцов А.Е., Леонова Е.В., Лев С.Ю. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
23. Жилин М.Г. Некоторые вопросы изучения бутовской культуры в Верхнем Поволжье // Археология Русского Севера. Вып. 2. Вологда. В печати.
24. Яанитс К.Л. Кремневый инвентарь стоянок кундаской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
25. Гурина Н.Н. Мезолит Латвии и Эстонии // Археология СССР. Т.2. Мезолит СССР. М., 1989.
26. Jaanits K. Die mesolitischen Siedlungsplätze mit Feuersteininventar in Estland // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Band 14/ 15. Potsdam. 1980.
27. Загорская И.А. Ранний мезолит на территории Латвии // Изв. АН Латвийской ССР. Рига, 1981. Вып. 2.
28. Косорукова-Кандакова Н.В. Мезолитическая стоянка Марьино-4 в бассейне средней Мологи // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.

*Череповецкий государственный университет,
Музей археологии Череповецкого музейного объединения,
Череповец, Вологодская область*

N.V. Kosorukova

**MESOLITHIC SITES IN THE SHEKSNA BASIN
(CHRONOLOGY OF THE SITES AND THE CHARACTERISTICS OF DEVELOPMENT
OF STONE INDUSTRY)**

Summary

The Mesolithic sites in the Sheksna basin are divided into two basic types according to the characteristics of their stone industry: those with the plate industry (Lotova Gora site type) and those with the chipping-plate one (Andozero-M site type). The analysis of the stone inventory allows us to make a conclusion on the genetic links between these two types of sites and that the sites of the second type were preceded by the sites of the first type. The development of the stone industry in the Sheksna basin was determined by the conversion from the usage of the high quality flint raw material, on which the industry of Lotova Gora type sites had been based, to the local flint raw material of low quality. Such processes took place in the Mesolithic cultures within the neighbouring territories (the Volga-Oka basin), in the development of some Post-Swiderian cultures including the Kunda and the Butovo cultures.

*Cherepovets State University,
The Archaeological Museum of Cherepovets Museum Association,
1B, Krasnaya St., Cherepovets,
Vologda Region, Russia*

Л.С. Андрианова, Н.Б. Васильева

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ПОБОИЩНОЕ 1 НА НИЖНЕЙ СУХОНЕ

В настоящее время эпоха мезолита в бассейне крупнейшей реки Вологодской области Сухоны изучена крайне неравномерно. В 1970-е гг. работами С.В. Ошибкиной в среднем течении р. Сухоны была выделена сухонская мезолитическая культура, датированная примерно VI тыс. до н. э., а возможно, более ранняя [1, с. 43, 44]. Небольшие по площади стоянки сухонской культуры располагаются на высоких (от 10 до 16 м) борových террасах, обычно на мысах у излучины или в устьях небольших рек. Вещественный материал стоянок представлен изделиями из кремня, реже кварца. Набор типичных форм невелик, характерно использование микропластин, угловых резцов на пластинах и отщепах, мелких концевых скребков на пластинах, черешковых и иволистных наконечников стрел, а также небольших топориков из кремневых отщепов.

Благодаря интенсивному археологическому обследованию бассейна Сухоны в кон. 1980-1990 гг. (экспедиции И.Ф. Никитинского, М.В. Иванищевой, С.Ю. Васильева, Л.С. Андриановой), на Нижней Сухоне и ее притоках было выявлено более 30 стоянок и местонахождений эпохи мезолита. Чаще всего стоянки приурочены к высоким борovým террасам, занимают небольшую площадь и имеют незначительный (0,07-0,15 м) культурный слой. К сожалению, многие из них разрушены поздними селищами, распахкой и современными постройками. Большинство стоянок предварительно отнесено исследователями к сухонской мезолитической культуре, чаще всего на основании малочисленных и невыразительных коллекций подъемного материала. Небольшие по площади раскопки были проведены лишь на трех стоянках Нижней Сухоны: Енангск I (на р. Юг, правом притоке р. Сухоны), материал которой близок к сухонскому [2], Березовая Слободка X, имеющей ряд отличительных особенностей от мезолитических стоянок на Средней Сухоне [3, с. 115], и Березовая Слободка IV, резко отличающейся от сухонского мезолита своеобразием вещественного материала и особенностями расположения [4, с. 22]. Таким образом, подтвердилась неоднородность сухонского мезолита, на что в свое время обратила внимание С.В. Ошибкина [5, с. 27; 1, с.34], и вопрос о культурной и хронологической принадлежности мезолитических стоянок на Нижней Сухоне пока остается открытым. Начавшиеся исследования мезолитической стоянки Побойщное 1 позволяют расширить источники по изучению сухонского мезолита.

Первые сборы археологического материала у деревни Побойщное были произведены в 1941 г. археологом М.Я. Рудинским. В 1982 г. научный сотрудник Вологодского краеведческого музея И.Ф. Никитинский зафиксировал мезолитическую стоянку Побойщное 1, сделал зачистку берега, собрав небольшую коллекцию мезолитического инвентаря [6]. В 1998 г. Сухонско-Кубенской экспедицией (рук. Л.С. Андрианова) были начаты стационарные раскопки памятника.

Стоянка Побойщное 1 находится в Нюксенском районе Вологодской области, расположена на левом берегу р. Сухоны в 150 м к западу от одноименной деревни и занимает край боровой террасы высотой 9 м над уровнем воды. Поверхность памятника задернована и частично нарушена оплывшими ямами (местные жители брали песок для хозяйственных нужд). Вскрыта площадь в 96 кв. м.

Стратиграфия раскопа в обобщенном виде выглядит следующим образом.

1. Дерн – 2-4 см.
2. Темно-серый гумусированный песок с отдельными углистыми включениями – 10-18 см.
3. Белесый песок – прерывистый слой подзола, на отдельных участках мощностью до 24 см, местами выклинивается.
4. Желто-рыжий, в местах скопления находок – темно-рыжий песок, мощностью 10-20 см.
5. Светло-желтый материковый песок.

Границы слоев неровные, с западинами естественного происхождения и углисто-золистыми линзами. Культурный слой прослеживается на всей вскрытой площади. Находки (более 6000 экз.) залегали сразу под дерном в сером подзолистом и желто-рыжем песке до глубины 0,5 м (в ямах до 1,3 м) и концентрировались в юго-восточной части раскопа, образуя большое скопление 8×5 м. По-видимому, они были связаны с двумя ямами с темным заполнением, одна из которых (№ 1 в кв. Е-9) уходила в восточную стенку раскопа, а другая (№ 2 в кв. А-7, 8) – в южную. Возможно, яма № 1 могла быть с заглубленным кострищем, о чем свидетельствуют золистое заполнение, находки кальцинированных косточек и участки ожелезненного углстого песка бурого цвета. Яму № 2 (мощность заполнения 0,4-0,7 м) интерпретировать пока трудно, поскольку вскрыта лишь незначительная ее часть (2,8×0,2 м). Она отличается интенсивно черным цветом, обус-

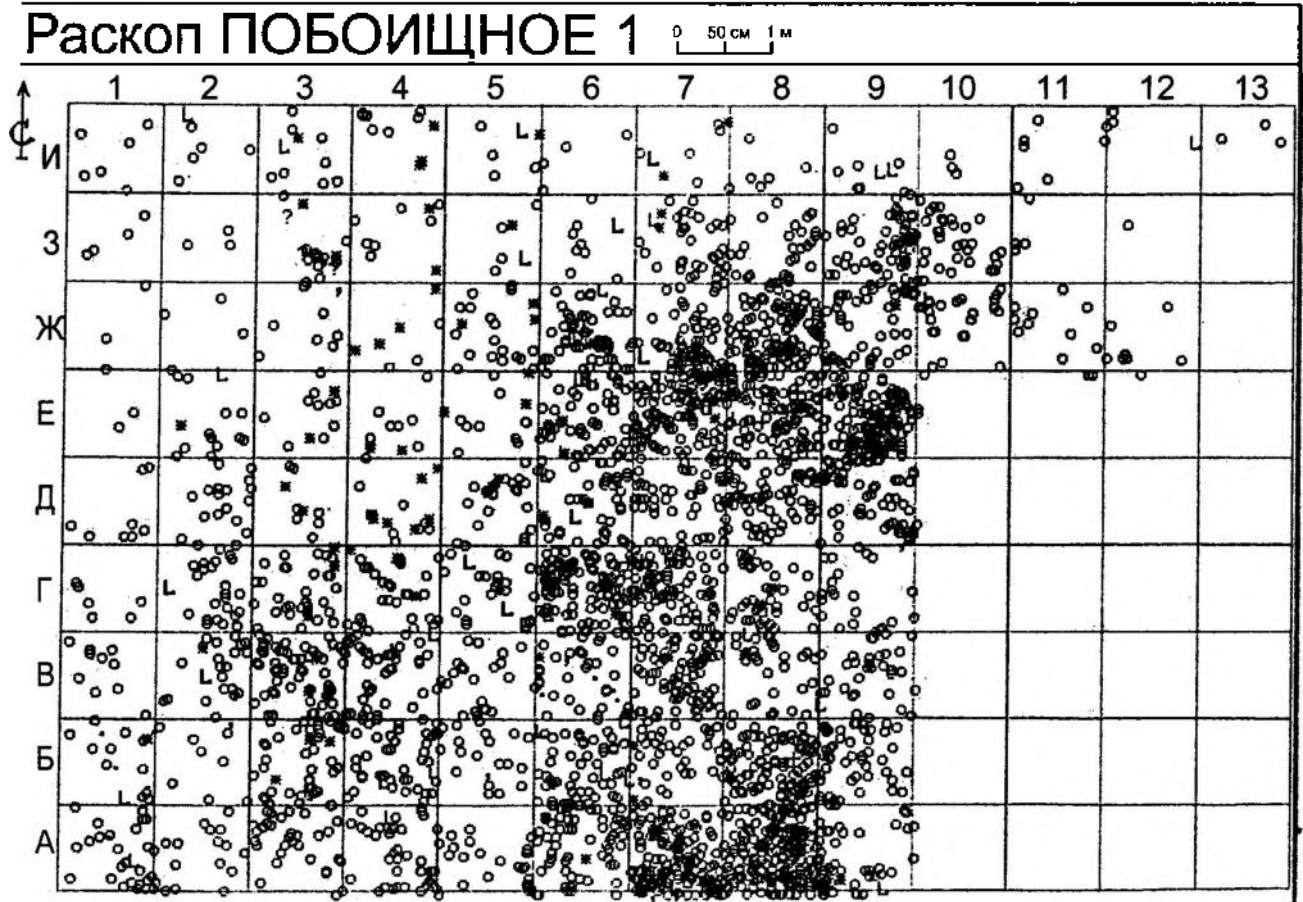

Рис. 1. Стоянка Побоищное 1. Распределение массовых находок по площади раскопа:
о - отщеп; L - нуклеидные куски; * - осколки кремня

довленным большим количеством угля. С ней связано более 640 находок (рис. 1).

Внутри скопления прослежены 47 разнонаправленных связей по ремонту нуклеусов и сколов, а также отщепов, последовательно снятых с ядрища. Кроме того, установлено 35 связей по цветности кремня. Еще 10 связей зафиксированы между скоплением и различными участками раскопа. Связи по ремонту, анализ цветности кремня, однородные микропрофили залегания находок, составленные через 1 м в направлениях север-юг и запад-восток, а также технико-морфологические особенности кремневого инвентаря позволяют рассматривать полученные материалы как единый комплекс. Исключение составляют несколько фрагментов лепной керамики и два железных предмета (нож и шило) в северо-западной части раскопа, что свидетельствует о существовании здесь раннесредневекового поселения в VIII-X вв. н. э.

Для изготовления орудий обитатели стоянки использовали разноцветный галечный и валунный кремль, в изобилии встречающийся по берегам Сухоны. Кремль хорошего качества, однородный, пластичный. Чаше других использовались куски коричневых и красных оттенков, в меньшем количестве представлен серый кремль. Всего в ходе раскопок было обнаружено 6899 предметов из кремня (в том числе чешуйки в количестве 1239 экз., которые при дальнейших подсчетах не учитывались) и 13 отбойников из кварцита и песчаника.

Находки распределяются следующим образом.

1. Пренуклеус – 1 (0,017% в комплексе инвентаря).
2. Нуклеусы (карандашевидные и конусовидные) – 19 экз. (0,33%).
3. Сколы – 141 экз. (2,5%).
4. Аморфные куски кремня – 72 экз. (1,7%).
5. Отщепы – 2466 (43,6%), в том числе:
 - крупные – 48 экз. (2%);
 - средние – 697 экз. (28%);
 - мелкие – 1716 экз. (70%).
6. Отщепы с ретушью или со следами использования – 12 экз. (0,2%).
7. Обломки орудий, тип заготовки которых не ясен, – 3 экз. (0,5%)

8. Пластины и орудия из них – 2795 экз. (49,4%):
а) пластины и сечения без вторичной обработки – 2649 экз. (94,8%);
б) орудия на пластинах – 146 экз. (5,2%).

По ширине пластины и сечения подразделяются на:

- микропластины (до 0,5 см) – 496 экз. (18%);
- узкие пластины (0,6-0,8 см) – 897 экз. (32%);
- средние пластины (0,9-1,0 см) – 561 экз. (20%);
- крупные пластины (1,0-1,5 см) – 609 экз. (22%);
- макропластины (более 1,5 см) – 232 экз. (8%).

Таким образом, пластины шириной до 1 см составляют 70%. Среди сечений доминируют изделия удлиненных и средних пропорций (68%).

Пластины и сечения использовались чаще всего без вторичной обработки, хотя на многих из них (30%) имеются заметные следы сработанности: небольшие выемки, зазубренность, нерегулярная ретушь утилизации. Судя по характеру ретуши и следов сработанности, пластины и сечения использовались в качестве мясных и строгальных ножей, проколов, пилок, скобелей, резчиков и резцов. Преднамеренная ретушь зафиксирована на 3,5% изделий. Чаще всего это мелкая краевая (иногда частичная) ретушь по одному или двум краям заготовки, реже – на торце или углу пластины или сечения.

Среди морфологически выраженных орудий наиболее многочисленны резцы – 86 экз. (79 – на пластинах, 2 – на пластинчатых отщепках, 5 – на сколах с нуклеусов) (рис. 2: 1-14). Основная масса резцов изготовлена на коротких и прямоугольных (56 экз.), реже удлиненных (7 экз.) сечениях, число резцов на пластинах незначительно (16 экз.). На большинстве резцов нанесен один резцовый скол на углу заготовки (77 экз.), реже два (8 экз.), единично орудие с тремя резцовыми сколами (рис. 2: 5). Выразительна, хотя и немногочисленна группа резцов на нуклеидных сколах. Они всегда имеют одно рабочее лезвие, выделенное длинным резцовым сколом. Функцию резцов нередко выполняли правильные ножевидные пластины с преднамеренно отсеченным бугорком, о чем свидетельствуют сработанные углы на многих из них.

Скребки составляют вторую по численности после резцов категорию орудий (53 экз. – рис. 3: 1-9, 19). Все они концевые, изготовлены на крупных пластинах правильных очертаний (за исключением 6 скребков на отщепках – рис. 3: 7). Лезвия скребков в основном округлые, слабовыпуклые, но встречаются прямые и скошенные, ретушь полукруглая и круглая. Среди скребков, изготовленных на отщепках, выделяется скребок-раклет (рабочий край с брешка), обнаруженный в яме № 2. Все скребки можно разделить на четыре группы в зависимости от длины заготовки:

- 1) на длинных пластинах (8,0-8,5 см) – 4 экз.;
- 2) на укороченных пластинах (2,8-4,2 см) – 11 экз.;
- 3) на обломках пластин (до 4 см) – 26 экз.;
- 4) на ребристых пластинах и сколах (3-4 см) – 6 экз.

Такое совпадение размеров значительного количества целых и сломанных скребков свидетельствует о преднамеренности рассечения с целью создания стандартной заготовки орудия. Вероятно, одинаковый размер скребков связан с одинаковыми приемами крепления и работы.

Выделяется небольшая группа орудий на крупных изогнутых в профиле пластинах, узкий конец которых срезан мелкой ретушью или имеет следы сработанности (7 экз., в том числе 2 обломка). Трасологический анализ показал, что большинство из них использовались как микроскобели (рис. 2: 15-17; 3: 16-17).

На стоянке обнаружена выразительная серия острий (целых и обломков) как скошенных (2 экз.), так и симметричных (6 экз.) (рис. 3: 10-18). Все они, за единственным исключением, изготовлены на тонких пластинках узких и средних размеров, острие выделено мелкой круглой ретушью со стороны спинки. Часть из них служила проколками (3: 10, 11, 14, 15, 18) или наконечниками (рис. 3: 12, 13), тем более, что морфологически выраженных наконечников на стоянке не найдено. Наиболее крупное симметричное острие (рис. 3: 10) использовалось в качестве проколки и было оформлено как сверло (определение Г.Ф. Коробковой).

Рубящие орудия представлены двумя бифасиальными формами – обломком тесла (рис. 4: 1) и небольшим долотовидным орудием, крепившимся в деревянной рукояти (рис. 4: 2) (определение Г.Ф. Коробковой). Кроме них обнаружен обломок, по-видимому, рубящего орудия – двусторонне обработанный, зауженный обушок (рис. 4: 3). Среди единичных орудий две пластины с притупленными концами.

В целом в ходе раскопок на стоянке Побойищное I выявлен набор орудий, типичный для сухонской мезолитической культуры: карандашевидные и конусовидные нуклеусы, вкладыши составных орудий, концевые скребки на пластинах, резцы на пластинах, пластины с ретушью. Все каменные изделия стоянки Побойищное I были исследованы при помощи бинокулярного микроскопа МБС-2 с увеличением до 87,5 раза по методике, разработанной С.А. Семеновым [7]. В итоге выделено 2407 каменных изделий с признаками износа (включая отбойники) и определено их функциональное назначение (табл. 1). Как видно из таблицы, более 80% использованных изделий связано с охотой и разделкой охотничьей добычи, что позволяет охарактеризовать Побойищное I как сезонную охотничью стоянку.

Необходимо отметить, что соотношение пластин и отщепов примерно совпадает на Побойищном I (53,1: 46,9%) и на стоянках сухонской мезолитической культуры (54,7: 45,3%). В то же время наблюдается ряд отличий в каменном инвентаре. Во-первых, отсутствие на стоянке Побойищное I наконечников из ножевидных пластин двух основных форм – иволистных и черешковых. Обилие материала (плотность распределения орудий на Побойищном I – 30 экз. на 1 кв. м, в то время как на Колупаевской – 0,83 экз. в верхнем слое и 0,66 экз. – в нижнем

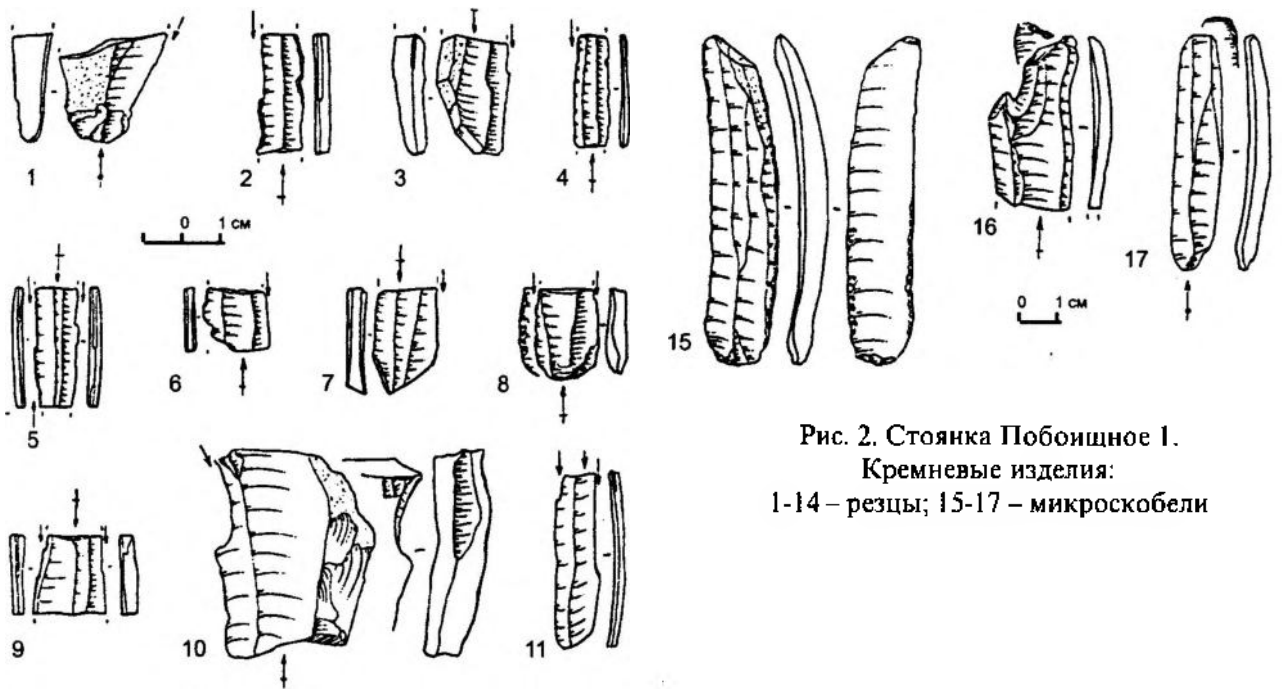

Рис. 2. Стоянка Побоишное I.
Кремневые изделия:
1-14 – резцы; 15-17 – микроскобели

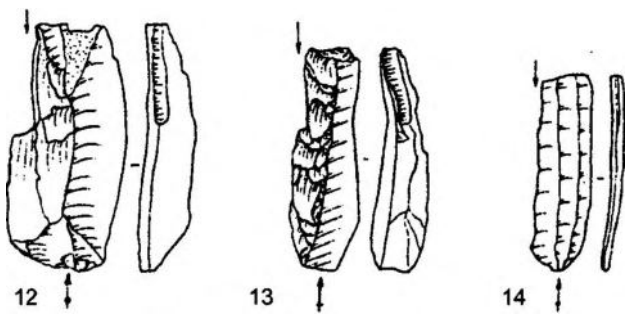

Рис. 3. Стоянка Побоишное I.
Кремневые изделия:
1-9, 19 – скребки; 10-18 – острия

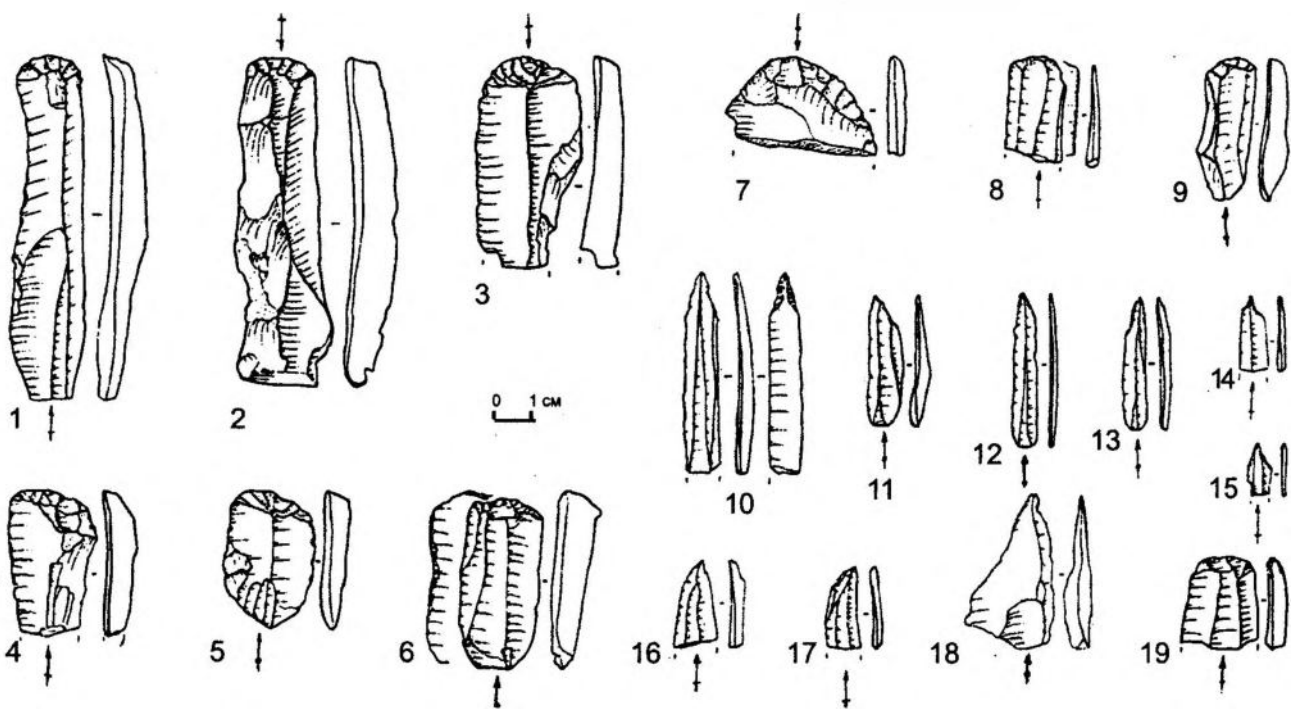

Таблица 1. Стоянка Побоицкое 1. Соотношение различных типологических и функциональных категорий инвентаря

	Типологическое определение	Функциональное назначение																
		Орудия охоты и разделки добычи			Орудия для обработки шкур		Орудия для обработки дерева						Орудия для обработки кости/рога					
		наконечники	вкладыши метательного оружия или мясных ножей	разделочные ножи	скребки	проколки	скобели (включая микроскобели)	резцы	строгальные ножи	пилки	тесло	долота	сверла	скобели	резцы	строгальные ножи	пилки	комбинированные
1	Острия косые	1				1												
2	Острия симметричные	1				5												
3	Острия на отщепях					1												
4	Пластины с притупленным концом		2															
5	Пластины с притупленным краем		4															
6	Пластины с частичной ретушной подработкой							1										1
7	Резцы			2		1	49					1		4				21
8	Скребки				51		2											
9	Скребла				2		1											
10	Скобели						2						1					
11	Двусторонне-обработанные рубящие орудия										1	1						
12	Микропластины		240			8												
13	Узкие пластины		1081			4	4											
14	Средние пластины			379	1	4	8	9	3	2		1	3	1	2	2	2	
15	Крупные пластины			173	1	4	18	38	8	6	2	1	5	16	3	5	18	
16	Макропластины			64	1	1	9	12	7	6		1	3	1	3	7	12	
17	Технологически определяемые сколы (ребристые, боковые сколы, сколы подправки ударной площадки)			13	2	8	11	7	1	4		1	1	3		1	2	3
18	Нуклеусы карандашевидные							1				1						
19	ИТОГО:	2	1327	631	58	37	55	117	19	18	1	4	6	15	22	9	16	57

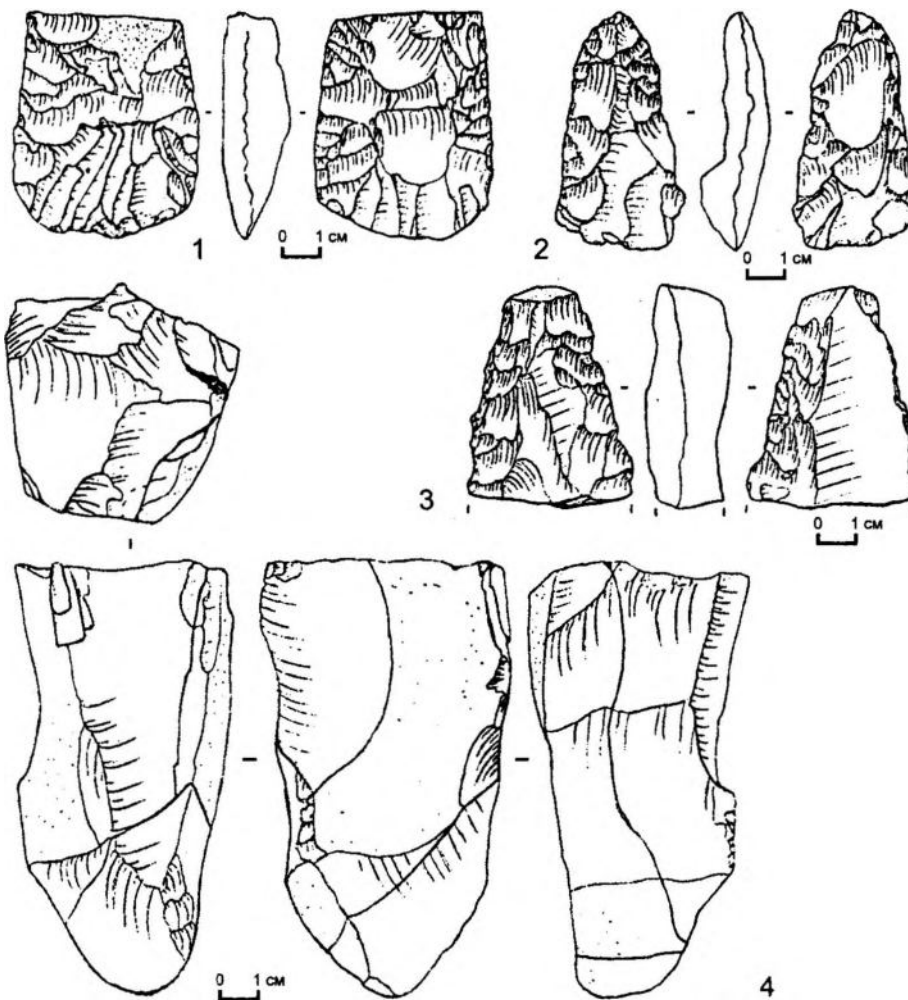

Рис.4. Стоянка Побойищное I. Кремневые изделия:
1-3 – рубящие орудия; 4 – складень нуклеуса

[1, с. 31]) говорит о том, что обитатели стоянки использовали в качестве метательного вооружения другие формы орудий (например, острия). Во-вторых, в отличие от резцов среднесухонских стоянок, резцы на стоянке Побойищное I изготавливались чаще всего на сечениях (72%), а не на пластинах. Количество морфологически выраженных резцов лишь немного превосходит количество скребков (1,6:1), в то время как подобное соотношение на мезолитических стоянках сухонской культуры несколько иное – 7:3 (на ранних) и 4:1 (на поздних) [8, с. 17].

Обращает также внимание отсутствие в инвентаре стоянки Побойищное I характерных для Средней Сухоны овальных топориков, изготовленных из крупных отщепов и обработанных сколами со стороны спинки, незначительное использование пластин с ретушью, наличие скошенных и симметричных острий, микро-скобелей, бифасиальных форм (тесло, долото). Данные факты не дают возможности однозначно отнести стоянку Побойищное I к памятникам сухонской культуры.

В то же время наблюдается определенное сходство в инвентаре Побойищного I и мезолитических стоянок Филичаевские II-V на Северной Двине: использование пластин и сечений без вторичной подработки, преобладание длинных сечений, наличие пластин со скошенными краями, симметричных острий и т.д. Филичаевские стоянки И.В. Верещагина включает в первую группу мезолитических стоянок Европейского Северо-Востока, куда также входят стоянки Курьядор, Пезмог I, Кузьвомын, Ульяново и т. д. [9, с. 50], которые обычно связывают с приуральской традицией в мезолите [10, с. 106].

Таким образом, материалы стоянки Побойищное I по целому ряду показателей занимают промежуточное положение, сочетая в инвентаре признаки как сухонской культуры, так и памятников приуральской традиции (средневыгодская культура, стоянки евдинской группы, ижемские стоянки).

Все эти памятники объединяют развитая пластинчатая индустрия и высокая степень микролитизации. По публикациям [1, с. 22-37; 11, с. 91-92; 10, с. 124-128; 12, с. 27-34] прослеживается несомненное сходство в технике раскалывания, но ответить на вопрос – была ли действительно технология расщепления каменного сырья одинаковой, – опираясь лишь на внешнее сходство конусовидных и карандашевидных нуклеусов и

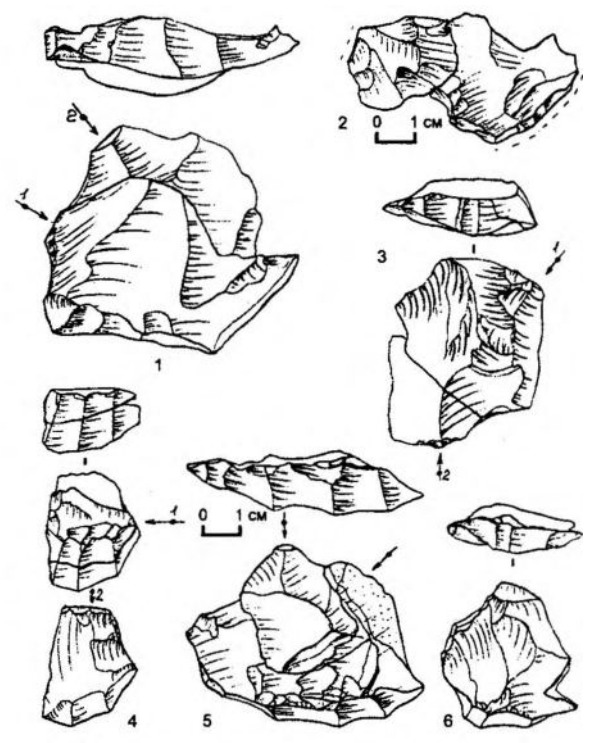
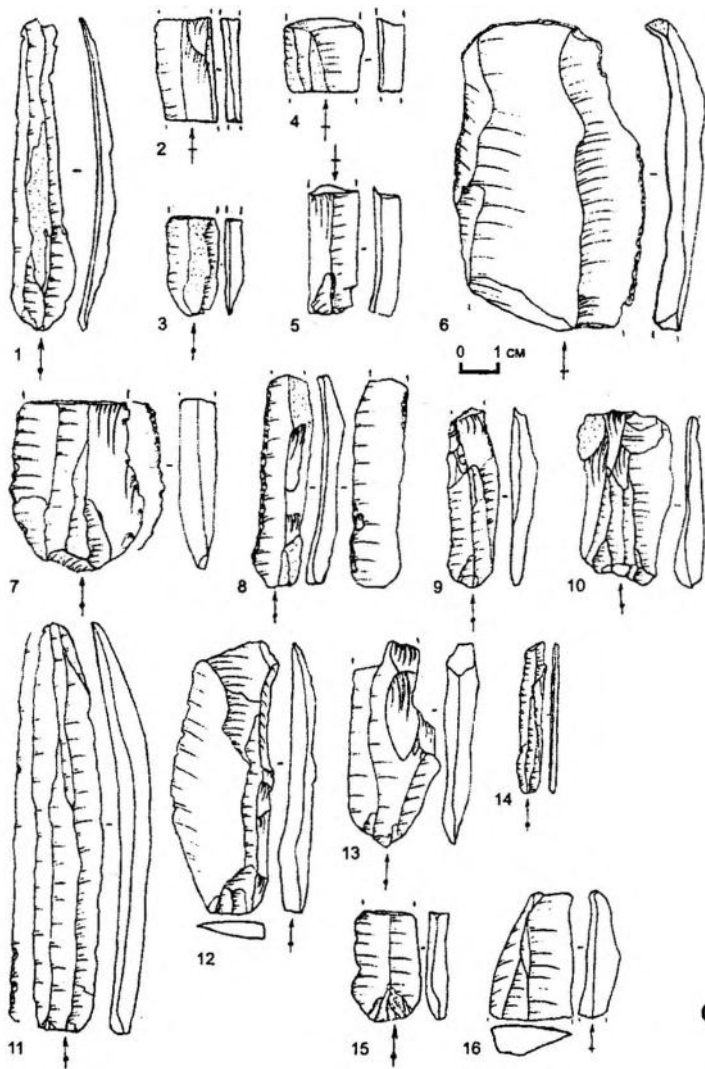

Рис.6. Стоянка Побойщное 1.
Сколы подправки ударной площадки.
Кремень

Рис.5. Стоянка Побойщное 1.
Сколы, входящие в технологический контекст.
Кремень

пластин, невозможно. Необходимо более тщательное изучение техники расщепления кремня и привлечение этих данных для решения вопросов культурной и хронологической атрибуции памятников. В данной статье предпринята попытка выявить особенности и технологические приемы работы с кремневым сырьем.

Для реконструкции палеотехнологии использовался анализ следующих продуктов расщепления:

- пластины ординарные – 2795 шт.;
- пластинчатые сколы с пренуклеуса – 45 шт.;
- сколы с негативами формирования рельефа пренуклеуса и/или следами подправки – 232 шт.;
- сколы подправки ударной площадки – 63 шт.;
- нуклеусы – 19 шт.;
- пренуклеус – 1 шт.

Как уже отмечалось, в коллекции численно преобладают пластины, ширина которых не превышает 0,8 см. К ним относятся 1393 экз. Такие пластины, как и более широкие, в большинстве своем имеют правильную огранку спинки, параллельные края, угол схождения брюшка и спинки которых стабилен по всей длине. Многие имеют легкий изгиб в дистальной части. Немногочисленные целые экземпляры имеют соотношение длины и толщины в 30-40 раз. Такие пластины могли быть получены ручным отжимом [13, с. 70].

Изучение проксимальных частей пластин показало, что перед отделением их от ядрища тщательно готовилась зона расщепления. Ударная площадка многих пластинчатых снятий имеет одно-два межфасеточных ребра, создающих выпуклую зону расщепления. Применение этого способа отразилось на внешнем виде и приемах работы с ударными площадками нуклеусов. Формирование выпуклой зоны расщепления производилось снятием двух-трех коротких отщепов в месте предполагаемой точки приложения силы. Отщепы имели петлеобразное окончание, что способствовало поднятию рельефа в нужном месте. Но после того, как прием использовался два-три раза, на площадке образовывался выступ, мешающий дальнейшему процессу (рис. 6: 3, 6). Тогда производилась радикальная подправка площадки снятием "таблетки" или крупного отщепы, упиавшего рельеф (рис. 7: 3а, б). При этом удар производился несколько в стороне от фронта расщепления либо вообще с тыльной стороны. Создавались не только нужный рельеф площадки, но и воз-

возможность производить снятие с других сторон нуклеуса, расширялась или перемещалась плоскость расщепления.

Интересные сведения дает складень из трех последовательных сколов подправки ударной площадки, происходящих с крупного нуклеуса (рис. 7: 3). На первом присутствуют негативы коротких отщепов, снятых со стороны фронта. Затем произведено снятие крупного скола с той же стороны (рис. 7: 3а), и, судя по имеющимся негативам коротких снятий и негативам пластин на втором крупном отщепе (рис. 7: 3б), фронт расщепления был несколько расширен за счет боковой стороны. Фронт нуклеуса с момента подправки площадки первым снятием и до отделения второго скола уменьшился на 5-6 мм, то есть было снято не более двух рядов пластин. Высота нуклеуса уменьшилась на 7-8 мм. Почти все "таблетки" и отщепы подправки ударной площадки нуклеусов имеют на спинке следы снятий многочисленных коротких сколов, заканчивающихся "петлей" или ступенчатым завершением. Широкой серией представлены и сами эти маленькие отщепы с остатками ударной площадки в виде верхней части фронта расщепления (рис. 6). Указанный прием формирования зоны расщепления и последующая подправка площадки приводили к довольно быстрому уменьшению длины нуклеуса.

Подготовка будущего пластинчатого снятия дополнялась изолированием участка поверхности скалывания с помощью отделения тонких длинных чешуек, иногда достигающих почти до трети длины пластинки (рис. 5: 7, 10).

Пластинчатые снятия, произведенные непосредственно с пренуклеуса, составляют серию из 45 изделий. Большая часть из них – это ребристые сколы с углом между гранями от 70° до 90° . Среди них присутствуют как бифасиальные, так и односторонние (рис. 8: 5, 8, 9), в некоторых случаях ребро оформлялось только в области основания нуклеуса (рис. 8: 6, 7). Сколов с естественной поверхности куска кремня очень мало – всего 2. Некоторые сколы формирования призматического рельефа имеют на спинке негативы снятий, направленных с другой боковой стороны (рис. 8: 7). По всем остальным показателям – углу скалывания, углу между гранями, степени изгиба в плане и профиле – они приближаются к традиционным ребристым.

Пластины расширения фронта расщепления за счет боковых сторон имеют на одной грани остатки галечной корки или негативы сколов, выравнивающих боковые стороны нуклеуса. Угол схождения этой грани и брюшка более тупой, чем угол схождения второй грани. Серия пластин, у которых остатки поверхности пренуклеуса присутствуют на среднем ребре на спинке, показывает, что фронт расщепления на какой-то части ядрищ формировался за счет сближения пластинчатых снятий с двух сторон (рис. 5: 1, 2, 3).

Судя по огранке части пластинчатых снятий, оформление ребра поперечными сколами и встречные снятия использовались как прием подправки рельефа нуклеуса и/или устранения ошибок расщепления (рис. 5: 9, 10; рис. 8: 1, 2).

Углы скалывания измерялись на сколах подправки ударных площадок, нуклеусах и пластинчатых снятиях. В большинстве случаев они приближаются к 80° , но на некоторых "таблетках" превышают 90° .

К пренуклеусам на стоянке отнесено одно изделие. Это кусок кремня размерами 1×6 см в плане близкий к прямоугольнику, в поперечном сечении – к треугольнику. Обработка преформы была начата с выравнивания боковых поверхностей. Но многие отщепы окончились глубокими заломами из-за наличия внутренних трещин в сырье. Поэтому после нескольких сколов недооформленный пренуклеус был выбракован. Анализ других ядрищ слабой степени сработанности и данные ремонта показали, что такой прием подготовки пренуклеусов – выравнивание боковых сторон снятиями, направленными от ребра, – использовался на стоянке довольно часто. Причем, по нуклеусам прослеживается стремление сформировать и использовать треугольную в сечении форму (рис. 7: 1; 9: 5).

В коллекции выделено 19 нуклеусов. К ним в данном случае отнесены все куски кремня, имеющие более одного негатива пластинчатого снятия. Для удобства описания предпринята группировка ядрищ, несколько отличающаяся от традиционной типологической. Все нуклеусы разделены на три группы в зависимости от характера фронта расщепления.

В первую, самую немногочисленную группу, включены три нуклеуса с круговой огранкой, карандашевидной формы. Длина их 5,5 см (рис. 7: 4), 3 и 2,5 см. Диаметры практически округлых площадок – соответственно 1,5 см, 0,3 см, 0,5 см. Площадки имеют следы подправок со всех сторон, угол скалывания равен 90° . Интересно, что два миниатюрных карандашевидных нуклеуса по одной из граней подправлены поперечными снятиями так, словно планировалось снятие ребристой микропластины. Размеры этих трех нуклеусов в сочетании с идеально ровной огранкой дают твердое основание говорить о применении отжимной техники.

Вторая группа ядрищ включает в себя нуклеусы со следами снятий не по всему периметру площадки, сохраняющими часть поверхности пренуклеуса. Большая часть их имеет остатки плоского тыла и боковой стороны с углом между ними от 70° до 90° . Иногда это естественные поверхности желвака (рис. 10: 1г), но чаще ровный рельеф формировался намеренно. В последнем случае границу между боковой стороной и тылом составляет унифасиальное или бифасиальное ребро (рис. 9: 4г, 3б, 2в). Одно из ядрищ было изготовлено из куска подходящей подпрямоугольной формы, в дистальной части сходящегося на конус (рис. 4: 4). По одному снятию произведено со всех четырех ребер ядрища. Но нуклеус быстро был отвергнут, так как один из ударов обнаружил внутренние трещины, и кусок развалился на части.

Ядрища второй группы срабатывались двумя возможными способами. Первый хорошо прослеживается на примере складня на рис. 7: 1. Складень состоит из нуклеуса и семи подобранных к нему снятий: шесть последовательных пластинчатых и одно – скол подправки ударной площадки, снятый с боковой стороны ближе к тыльной части ядрища. Тыл и боковые стороны ядрища оформлены крупными сколами. Первым

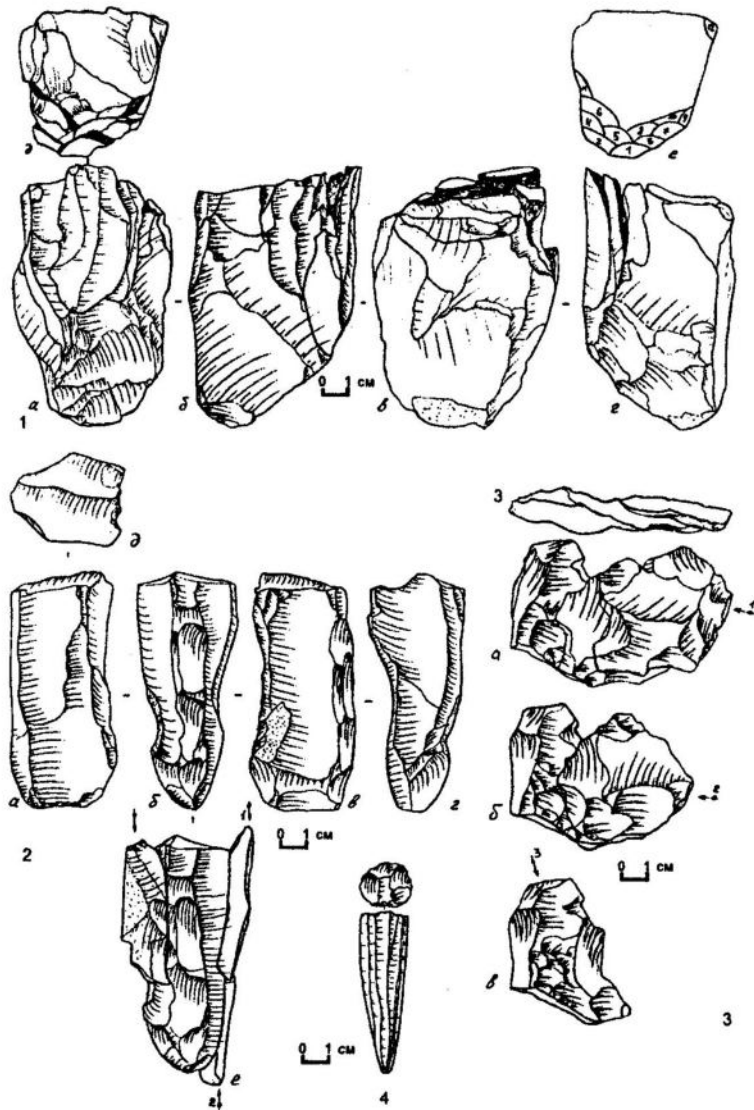

Рис.7. Стоянка Побоищное 1. Кремневые изделия:
 1-2 – складни из нуклеуса и пластинчатых сколов;
 3 – складень из последовательно подбирающихся
 сколов подправки ударной площадки;
 4 – карандашевидный нуклеус

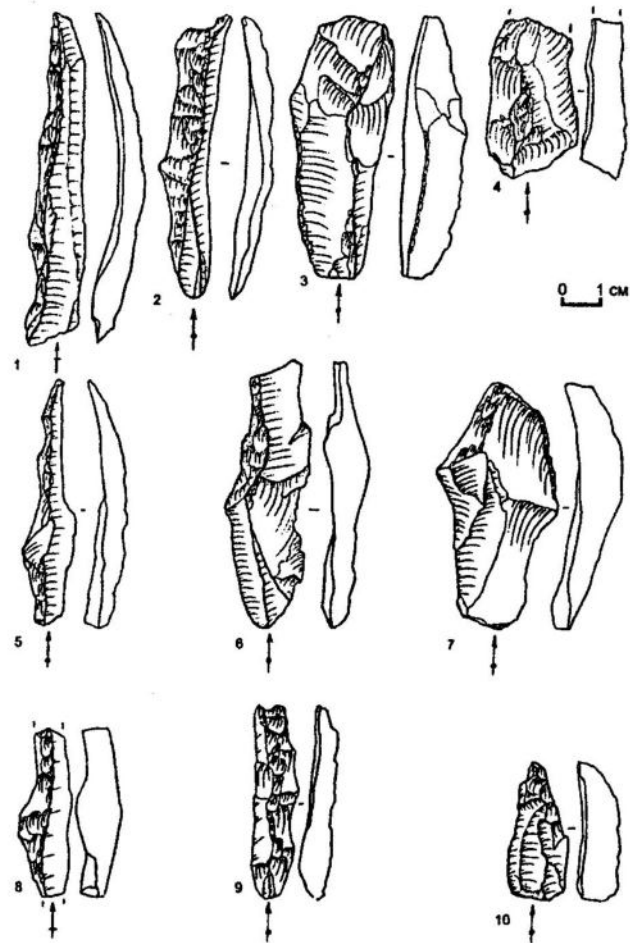

Рис.8. Стоянка Побоищное 1.
 Ребристые пластины.
 Кремнь

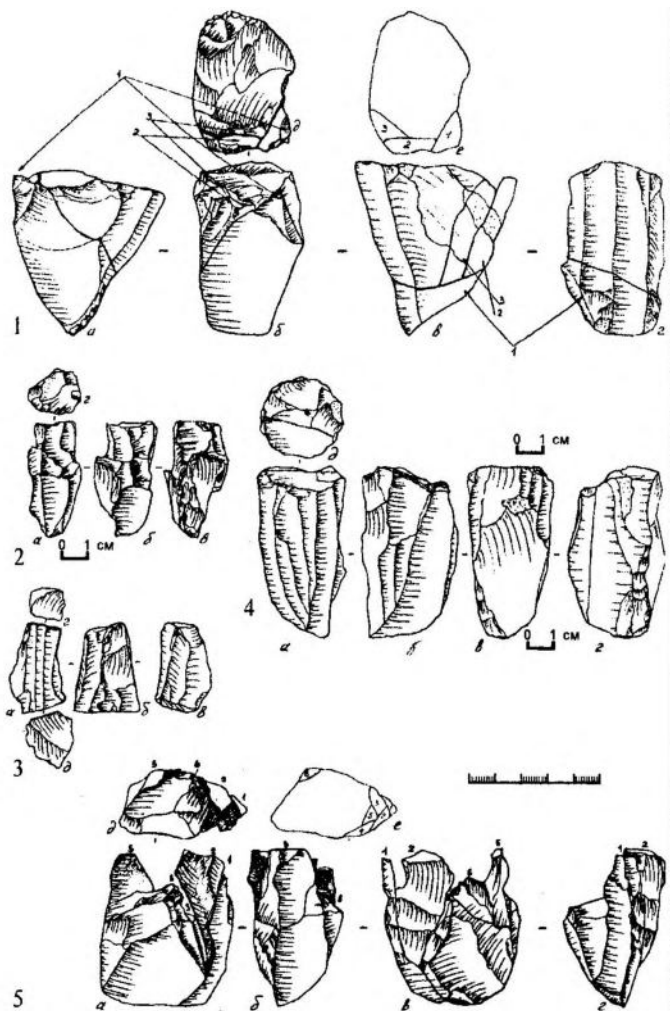

Рис.9. Стоянка Побойшное 1.
Кремневые изделия: 1,5 - складни; 2-4 - нуклеусы

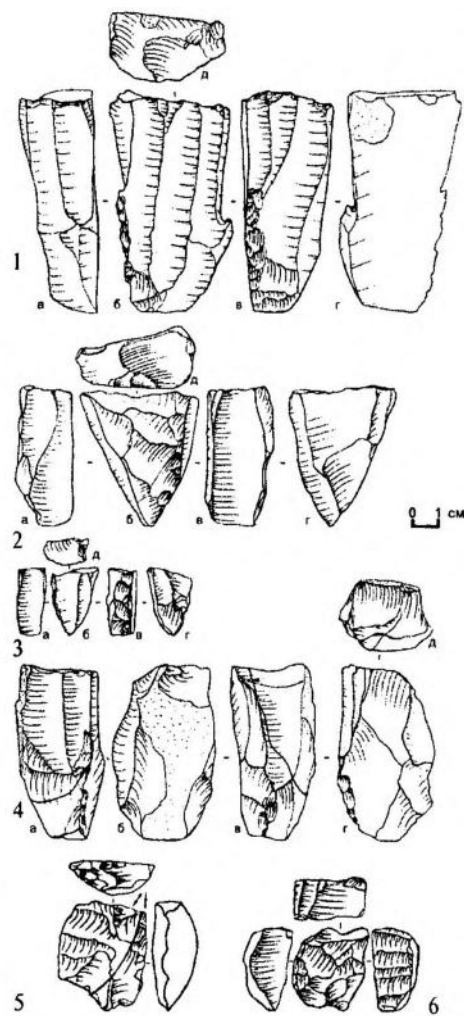

Рис.10. Стоянка Побойшное 1.
Нуклеусы. Кремль

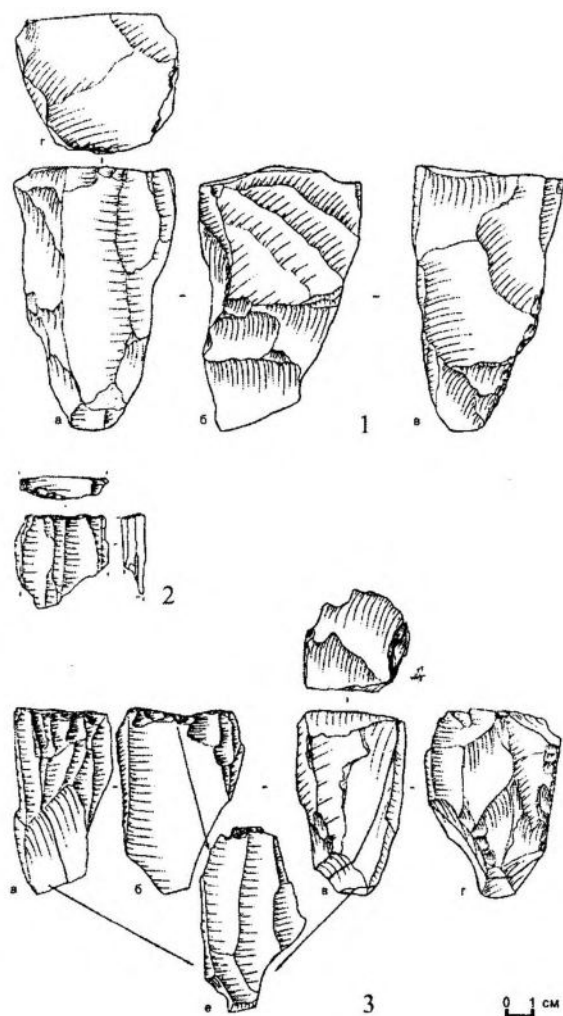

Рис.11. Стоянка Побойшное 1. Нуклеусы (1,3)
и технологически определенные сколы (2, 3е)

снятием с пренуклеуса, не представленным в складне, судя по остаткам ребра в дистальной части нуклеуса (рис. 7: 1а), была ребристая пластина. Затем были сняты еще две пластины с двух сторон от образовавшегося негатива. После этого производились снятия, представленные в складне. Данный ремонт дает возможность проследить последовательность формирования и использования выпуклости рельефа фронта расщепления. Как видно из схемы (рис. 7: 1е), выпуклость фронта формировалась поочередно – то ближе к одной боковой стороне, то – к другой. У всех снятий широкие гладкие ударные площадки, только на одной присутствуют следы ретушной подправки. Ударные бугорки массивные, рельефные. Вероятнее всего, данное ядрище срабатывалось с помощью ударной техники. Все снятия в складне имеют одинаковый дефект – петлеобразное окончание.

Более удачный вариант ядрища, фронт которого использовался таким же способом, представлен на рис. 10: 1. Фронт его почти вплотную приблизился к тылу. С целью увеличения выпуклости фронта расщепления были произведены два угловых снятия, но оба закончились “петлей”, не дойдя до дистальной части нуклеуса. И, хотя этот дефект вполне можно было бы устранить, работа с ядрищем на этом была закончена.

Еще три нуклеуса из коллекции демонстрируют похожий широкий, достаточно выпуклый фронт расщепления (рис. 11: 1, 3; 9: 5); правда, они находятся на начальной стадии истощения. Подобный способ утилизации ядрищ, когда пластины снимались только с одной стороны, позволял получать серию снятий стабильной ширины, в отличие от другого способа, прослеженного на пяти нуклеусах. Эти нуклеусы сработаны почти “вкруговую”, но все же сохраняют остатки рельефа пренуклеуса. Как правило, они демонстрируют те же детали преформы, что ядрища, описанные выше. Обязательным их элементом является намеренно оформленное ребро между боковой стороной и тылом с углом схождения сторон от 90° до 70° (рис. 9: 2в, 3б, 4г). На площадках прослеживаются стандартные следы подправки в виде негативов коротких снятий со ступенчатым окончанием (рис. 9: 2г, 4д). Такие ядрища, скорее всего, происходят от тех же треугольных в сечении пренуклеусов, но формирование и использование фронта расщепления у них производилось путем сближения пластинчатых снятий с двух-трех сторон, начиная так же со снятия ребристых. На одном из таких нуклеусов переходу к круговой огранке помешало только петлеобразное окончание одного из последних снятий (рис. 9: 2б, в). Видимо, подобный способ получения пластин предполагал конечным итогом круговую обработку нуклеуса. При этом ширина пластин должна была постепенно уменьшаться. Большой процент микропластин в коллекции свидетельствует о частом применении такого способа. Интересно отметить, что пластины, заканчивающие формирование фронта расщепления центральным снятием (рис. 5: 1, 2, 3), представлены только довольно широкими экземплярами. Видимо, на большинстве нуклеусов, предназначенных для круговой обработки, переход к ней производился на ранней стадии утилизации.

Только на ядрищах первых двух групп присутствуют негативы коротких встречных снятий в дистальной части. В двух случаях была оформлена вторая ударная площадка (рис. 9: 2, 3д), в остальных трех снятия производились с ребра между фронтом и тылом (рис. 11: 1а; 10: 1в). Такой прием явно использовался для понижения рельефа в дистальной части ядрища, поддержания его конусообразных очертаний, один случай дает пример исправления ошибки расщепления – залама (рис. 7: 2е).

Третья группа ядрищ – с узким (в два-три снятия) фронтом расщепления, сформированным в торцовой части. Для таких нуклеусов подбирались узкие плиткообразные отдельности сырья, в случае необходимости боковые стороны подправлялись серией снятий (рис. 10: 2, 3, 4; 9: 1). У трех из четырех представленных в группе ядрищ два фронта расщепления находятся на противоположных сторонах. Угол скалывания составляет около 80° , угол между фронтом и боковой стороной приближается к 90° . Два ядрища этой группы собраны из обломков, связанных с одинаковой ошибкой расщепления, – нырянием окончания углового скола (рис. 9: 1; 10: 4). В обоих случаях попытка увеличить выпуклость фронта снятием углового скола закончилась тем, что нуклеусы фактически раскололись на две части. Однако с одним ядрищем работа была продолжена – две пластины, полученные после раскола нуклеуса, сняты с уклоном к другой боковой стороне (рис. 9: 1б, в, д). Нуклеусы данной группы значительно варьируют по размерам. Самый маленький из них длиной всего 2,5 см, самый крупный – 7 см.

Два предмета в коллекции имеют элементы торцового способа расщепления. Один изготовлен из “таблетки” (рис. 10: 6), на участке которой имеется негатив пластинчатого снятия, второй – из крупного отщепа. К нему удалось подобрать единственный снятый с него ребристый унифасиальный скол (рис. 10: 5). И наконец, у третьего куска кремня сформирована площадка и двусторонней оббивкой создано ребро, но снятий не производилось. Можно ли назвать последний предмет пренуклеусом для ядрищ третьей группы, а первые два – пробными нуклеусами? Во всяком случае, следов иного применения их не зафиксировано.

Таким образом, анализ нуклеусов и технологически определяемых сколов дает возможность говорить о нескольких способах работы с ядрищами на стоянке. Подтреугольные в сечении пренуклеусы могли срабатываться с одной стороны, что приводило к получению пластинчатых снятий стандартной ширины. Такой же результат получался при утилизации торцовых ядрищ, немногочисленных в данной коллекции. Второй способ заключался в постепенном переходе к круговой огранке нуклеуса и получению пластин все меньшей ширины. Конечным итогом такого способа становились карандашевидные нуклеусы. Характеризуя технику скола, нужно отметить, что для получения пластин на стоянке использовались и удар, и отжим. При отжиме создавались выпуклые зоны расщепления на ударных площадках нуклеусов.

Взвешивание различных продуктов расщепления привело к неоднозначным выводам. Вес всего использованного на стоянке сырья составляет 12,804 кг. Вес нуклеусов – 3,85 кг (30% от всего сырья), вес отщепов – 5,244 кг (41%), вес пластинчатых снятий – 3,71 кг (29%). При этом количественное соотношение

пластин по сравнению со всеми остальными группами изделий не так уж мало – 46%. Чем же объясняется такой небольшой вес сырья, ушедшего в пластины? Видимо, не столько плохим знанием сырья и технологических приемов древними мастерами, сколько особенностями работы с ядрищами. Зачастую формирование трехгранного нуклеуса, то есть выравнивание рельефа с трех сторон, требовало получения большого количества отходов – отщепов; не могла не сказаться и сложная работа с площадками нуклеусов, предполагающая формирование индивидуальных зон расщепления для многих пластин со всеми вытекающими отсюда последствиями. И, наконец, определенную роль сыграло и оформление на стоянке бифасиальных орудий: тесла, долота (рис. 4: 1,2) и еще двух недоработанных обломков. Целью данного исследования является анализ производства пластин, поэтому не будем подробно останавливаться на способах двусторонней обработки изделий, ограничимся констатацией того, что обитатели стоянки владели приемами изготовления бифасиальных форм, но использовали их только для узкой категории изделий – рубящих.

В коллекции необычно большая серия отбойников различных размеров из кварцита и песчаника – 13 штук. Самый легкий весит 80 г, самый тяжелый – 310 г. Видимо, такое разнообразие изделий свидетельствует об определенной специализации операций, связанных с обработкой камня ударом.

Подводя итог, необходимо отметить, что на других стоянках р. Сухоны найдены нуклеусы весьма похожих очертаний. На Колупаевской, Яснополянской, Любавчихской мезолитических стоянках обнаружены карандашевидные нуклеусы, в том числе очень мелкие, с диаметром площадки 0,3 см. На Усть-Еденъге имеется нуклеус “с площадкой треугольной формы” [1, с. 22-37]. С.В. Ошибкина отмечает “высокий уровень отжимной техники”, отличающий мезолитические стоянки реки Сухоны. На мезолитических памятниках Северной Двины и Вычегды также преобладают карандашевидные и конусовидные одноплощадочные нуклеусы. Но для того чтобы утверждать, что технология производства пластин на всех мезолитических поселениях бассейна Сухоны и Крайнего Северо-Востока Европы одинакова, необходим подробный анализ всех продуктов расщепления со всех мезолитических памятников, что позволит выявить не только особенности технологии в каждой группе памятников, но и возможное развитие индустрий, а выявленные отличия рассматривать как хронологические.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
2. Висильев С.Ю. Отчет о работе Вологодского археологического отряда в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 26583.
3. Иванничева М.В. Работы Сухонского отряда САЭ на средней и нижней Сухоне // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
4. Андрианова Л.С. Иванничева М.В. Исследования у д. Березовая Слободка в Вологодской области // АО-1995. М., 1996.
5. Ошибкина С.В. О работе Северной и Вятской экспедиций // АО-1976. М., 1977.
6. Никитинский И.Ф. Отчет о работе Вологодского археологического отряда в Нюксенском районе Вологодской области в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1.
7. Семенов С.А. Первобытная техника // МИА. № 54. 1957.
8. Ошибкина С.В. Древнейшее население севера Восточной Европы // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
9. Верецагина И.В. Мезолит на Крайнем Европейском Северо-Востоке // КСИА. Вып. 200. 1990.
10. Археология республики Коми. М., 1997.
11. Верецагина И.В. Мезолитические памятники на Северной Двине // КСИА. Вып. 149. 1977.
12. Верецагина И.В. Новая стоянка в группе мезолитических памятников на Песчанинском полюсе Северной Двины // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
13. Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч.2. СПб., 1997.

*Областной центр детского
и юношеского туризма,
Вологда*

L.S. Andrianova, N.B. Vasiljeva

THE MESOLITHIC SITE POBOISCHNOJE 1 ON THE LOWER SUKHONA RIVER

Summary

The Mesolithic site Poboischnoje 1 (Nuksensky district, Vologda region) is located on the lower Sukhona River on the coniferous forest terrace of 9 m high. Numerous pieces of flint inventory (more than 6000 pieces) were found in the course of excavations. The inventory includes pointed scrapers on the blades, knife-shaped blades, bifacial chopping tools, burins on the blades and an expressive series of symmetrical and asymmetrical points. According to the character of its flint inventory the site Poboischnoje 1 is intermediate between the monuments of the Sukhona Mesolithic culture and the Mesolithic sites on the Northern Dvina and the Vychegda Rivers.

The trace analysis of the tools showed that various work with different raw materials had been done on the site. The majority of the knife-shaped blades were used to prepare carcasses of animals.

The technological studies of the stone industry gave an opportunity to trace the various ways of work with cores.

*The Regional Centre of Children and Youth Tourism,
1, Puteyskaya St., Vologda, 160009, Russia*

В.В. Сидоров
ВАСИЛЬЕВО 1 – МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ
СТОЯНКА-МАСТЕРСКАЯ

Стоянка Васильево – один из немногих мезолитических памятников Валдайской возвышенности, раскопанный полно и давший достаточно представительную коллекцию. Чистота комплекса позволяет использовать его как эталонный для характеристики раннего мезолита северных склонов Валдая. К тому же он заполняет разрыв между относительно хорошо изученными районами Верхней Волги и Карелии.

Стоянка раскапывалась в 1984-1986 гг. Общая площадь раскопа и шурфов составила 255 кв. м, включив всю основную часть памятника – не менее 2/3 территории распространения находок, за исключением северной периферии и склоновых участков. Коллекция насчитывает 210 орудий, 267 пластин без обработки, 52 нуклеуса, десятки желваков с начатой оббивкой, около 14 тысяч отщепов, примерно такое же количество чешуек и несколько меньше – осколков.

Стоянка занимала участок террасы правого берега р. Съежи (Удомельский район Тверской области) в 2 км от ее современного истока из оз. Удомля (бассейн р. Мсты). Терраса здесь имеет высоту 6-7 м над рекой, ширина ее 25-60 м. Она прислонена к узкой озовой гряде (рис. 1). Западнее стоянки терраса резко обрывается и ниже по течению не прослеживается – здесь долина стиснута моренными холмами, которые запирали озерную котловину. Это – продолжение озерной террасы, которая на озере имеет высоту 2,5 м. Следовательно, стоянка занимала мыс при створе нижнего из плесов озерной системы. Терраса сложена однородным мелкозернистым песком, поверхность задернована, но дерн тонкий, во многих местах нарушен.

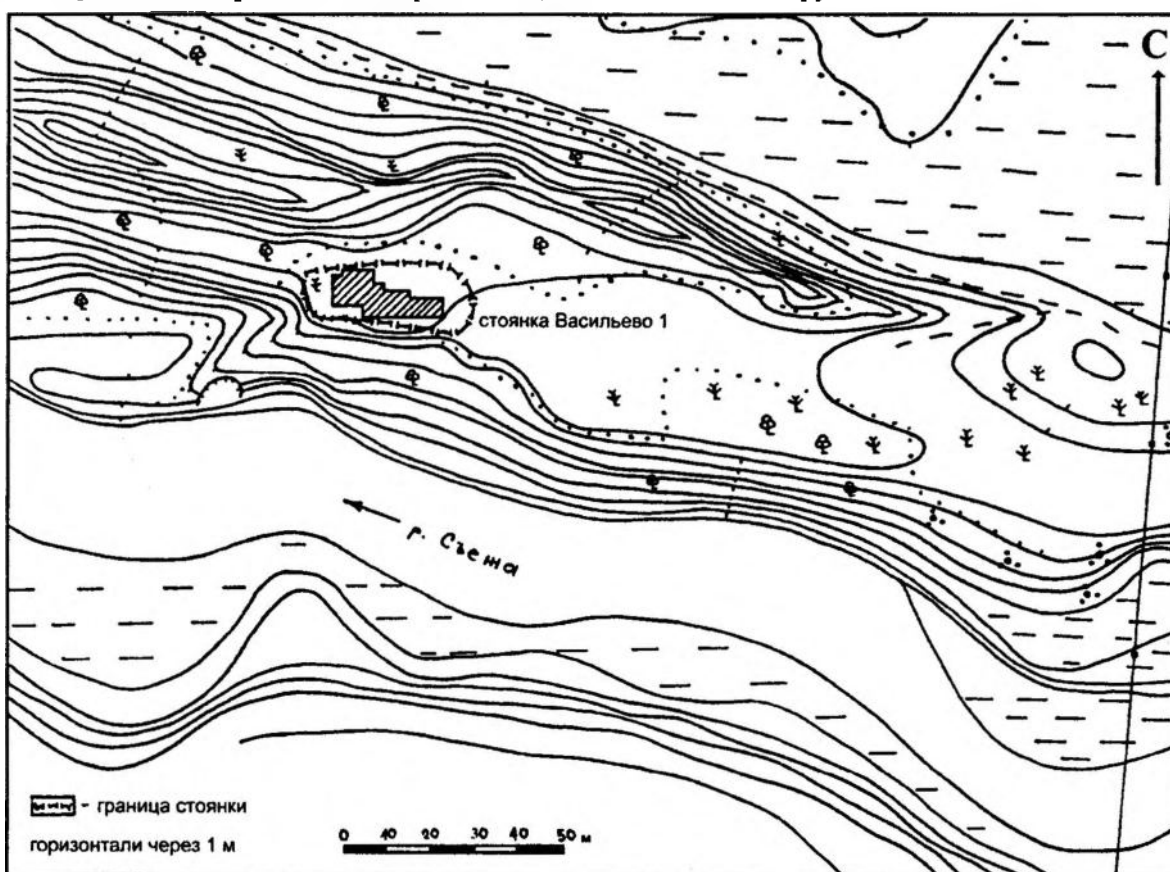

Рис. 1. Васильево 1. План памятника

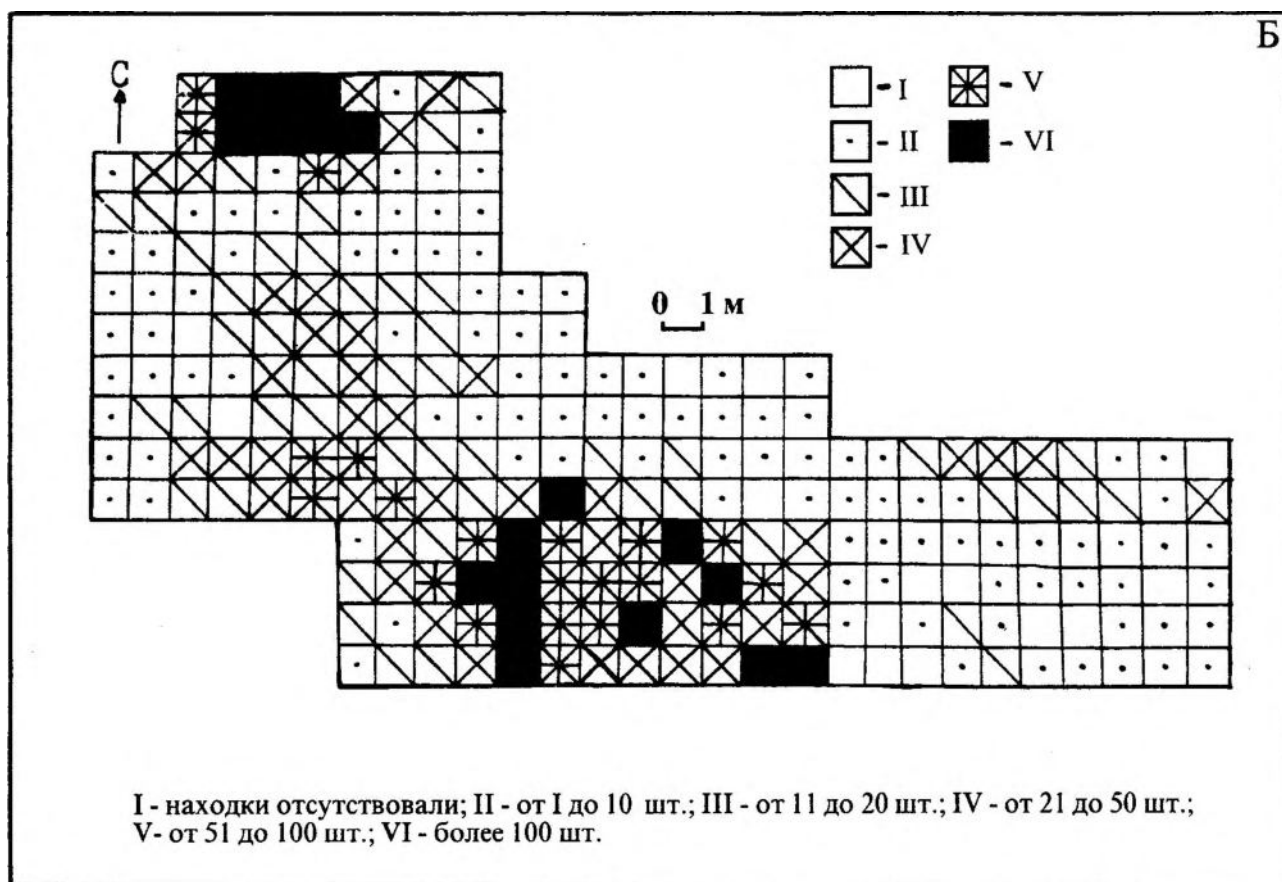
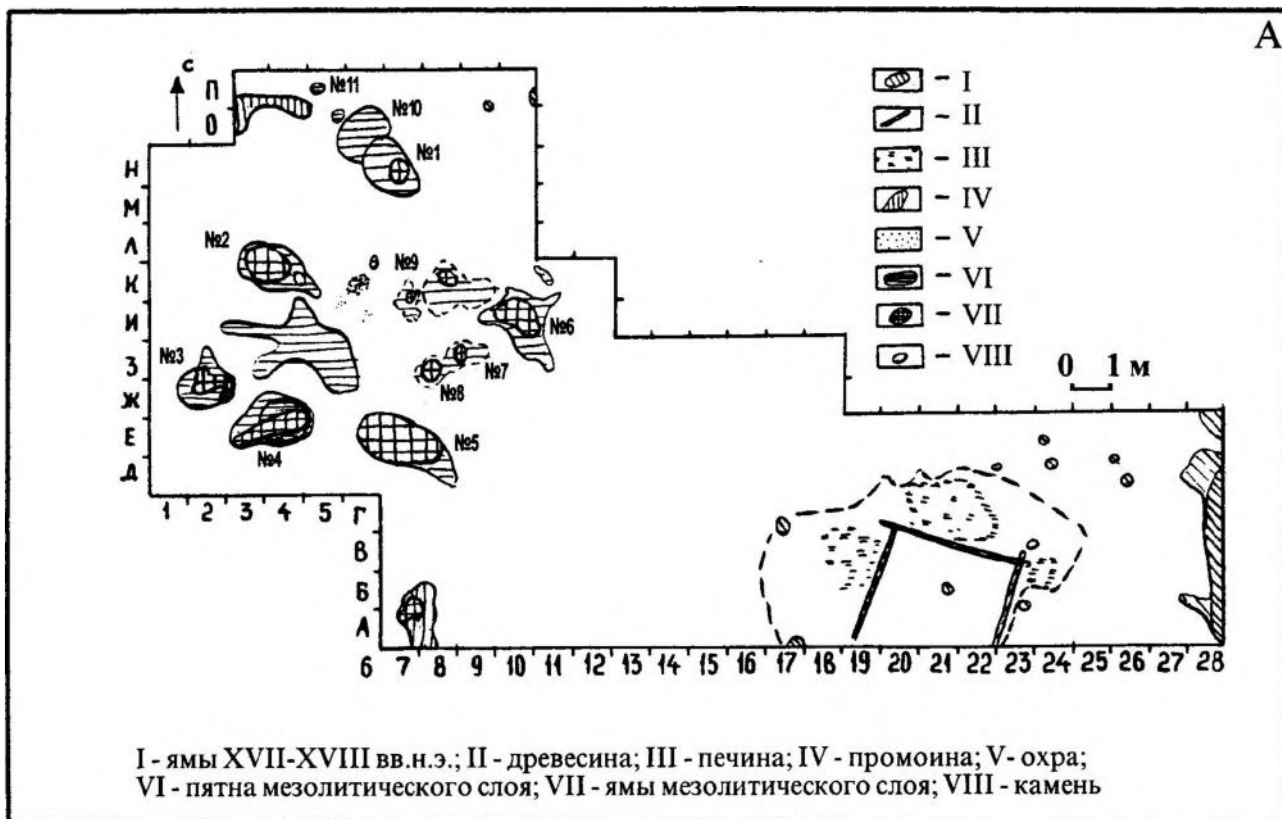

Рис.2. Васильево 1. Раскоп. А - ямы и грунтовые пятна; Б - концентрация находок (на квадрат)

В раскоп вошли остатки средневековой постройки, скорее всего скита конца XVII в. Прослежен нижний венец сруба 3×2,7 м. Глиняная печина примыкала к срубам снаружи, вне сруба встречены черепки гончарных сосудов. Среди находок — бронзовые (подвеска от оклада иконы, петелька-застежка от книги или ларца) и железные (светец, скоба, гвоздь) предметы. Восточный торец раскопа затронул погреб. С поздней постройкой связано 12 столбовых ям, в заполнении которых встречаются угольки.

Культурный слой стоянки связан с подпочвенным желтым песком, залегающим на глубине 8-32 см от поверхности и перекрытым бурым песком (почвенный слой). В восточной части слой тонок, находки здесь в основном залегают в почвенном горизонте. В западной в почвенный слой попадает мало кремней, небольшая их часть просачивается в белесый материковый песок. Основная концентрация материала приходится на глубину 15-25 см. Темная окраска нижней части заполнения ям позволяет предполагать, что слой в древности был гумусирован, но гумус не сохранился в рыхлом песке поверхности террасы.

В раскопе выявлены две зоны сосредоточения мастерских по обработке кремня, намечается выделение третьего участка, а также жилая площадка, где мастерских было меньше, но концентрировались хозяйственные ямы и законченные орудия (рис. 2).

Остановимся прежде всего на характеристике жилой площадки. Она приурочена к мысу, имеет площадь около 70 кв. м. Здесь встречено пятно ярко-алой охры. Оно начиналось сразу под гумусным почвенным горизонтом; на уровне максимальной концентрации охры на глубине 30 см от поверхности пятно имело размеры 30×40 см, ниже просачивалось до глубины 40 см. В 20 см от пятна лежала песчаниковая плита 37×18×4 см, тоже окрашенная охрой, она маркирует уровень дневной поверхности поселения — на гл. 25 см. Небольшие пятна охры встречены южнее и западнее плиты. Похожее пятно в заполнении небольшой ямы отмечено было на мысу позднемезолитической стоянки Курово 4 (оно включало скопление окрашенных охрой отщепов и абразив для растирания краски). Жилые площадки там располагались севернее. На Васильево 1 же пятно находилось на жилой площадке.

В 3 м севернее охристого пятна прослеживались ямы 1 и 10. Размеры первой 230×125 см при глубине от подошвы гумусного слоя 42 см. Интенсивно окрашена только юго-восточная часть пятна. В заполнении встречаются отдельные кремни, у северного края найдена кучка бракованных нуклеусов и кусков с оббивкой. Более ранняя яма 10 диаметром 80 см частично срезана ямой 1. Она имела котлообразную форму, заполнена светлым бурым песком с прослойками отщепов — здесь их найдено около 800.

Участок к северу от ям занят мастерскими по обработке кремня, и их материал попал в заполнение. На площади 8 кв. м здесь найдено ок. 3 тысяч сколов. Каждое скопление было очень невелико — в пределах 0,7-1 м диаметром, скопления налегали друг на друга, различаясь по сортности кремня и цвету. От ямы 10 на запад идет промоина, ширина которой достигает у края раскопа 1,6 м. Она заполнена таким же песком, как и ямы, первоначально была уже и глубже — до 57 см, затем расширилась, приобрела корытообразную форму с уплощенным дном на глубине до 45 см. Промоина функционировала во время, близкое к существованию поселения, материал из мастерских залегают в заполнении промоины в виде прослоек.

Под слоем мастерских был найден клад. На глубине 25-30 см от поверхности, под прослойкой песка без находок мощностью 5 см, на площади 15×18 см залежали 65 отщепов, 23 чешуйки, 10 ножевидных пластин, 4 скребка, скребла боковое и концевое (или крупный скребок), нуклеидный резец и 8 отщепов со следами использования в качестве режущих орудий (рис. 3). Все изделия сколоты с одного желвака. Вещи покрыты ржавым налетом, не встречающимся на других находках на стоянке.

Западный край жилой площадки занят ямами 2, 3 и 4. В заполнение

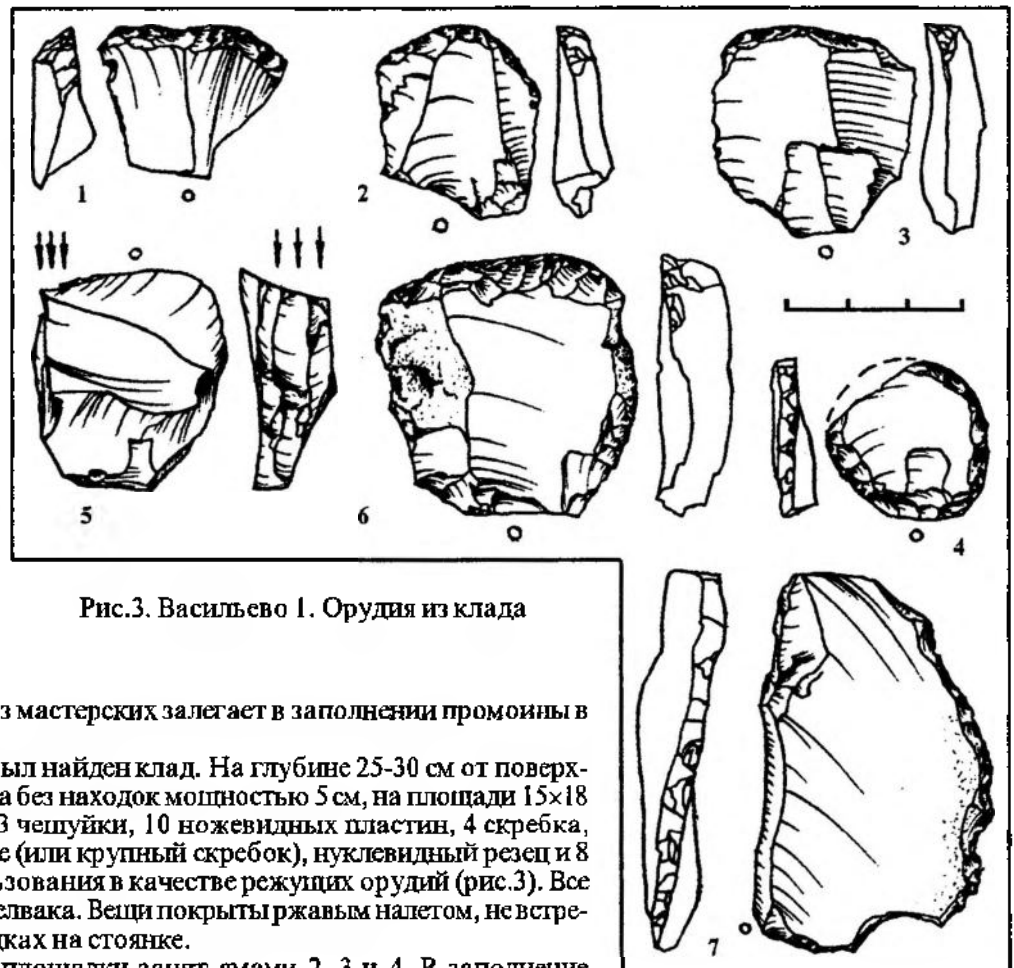

Рис.3. Васильево 1. Орудия из клада

ямы 2 затекает охра из центрального пятна, окрашивая его на площади 190×130 см. Яма двухслойная. Первоначальная ее часть слабо окрашена, занимает юго-восточный конец пятна. Под стенкой ямы – скопление отщепов и нуклеусов. Более поздняя и более темно окрашенная – ее западная часть – 135×110 см, глубина от подошвы почвенного слоя 72 см; несмотря на довольно темную окраску, находок практически нет.

Яма 3 проявилась на уровне подпочвенного слоя как пятно белесого песка, на глубине 32-80 см окраска заполнения темно-бурая, размеры ямы 140×110 м, стенки и дно неровные. Яма 4 перекрывалась линзой из железненного песка размерами 160×60 см при мощности 25 см. Насыщенность кремнем значительна. Ниже окраска заполнения бледная, находок мало, размеры ямы по дну 130×90 см.

Яма 5 в южной части жилой площадки наиболее контрастна по цвету, возможно, благодаря близости очага. Размеры ее 2×1,2 м, глубина 70 см, в восточной части дно опускается еще на 30 см. От ямы начинается небольшая промоина, прорезающая западный склон. Придонная часть заполнения отделена прослойкой желтого песка. В буром железненном песке со слабыми углистыми примазками довольно много кремня, особенно заметно присутствие правильных микропластинок, не характерных для данного памятника.

Между ямами проявляется пятно белесого песка, от которого отходят небольшие щелевидные промоины. В южной части, примыкающей к яме 4, находки отсутствовали. По-видимому, это центральная часть жилища.

Яма 6 – в восточной части жилой площадки, осложнена промоинами. Первоначальные ее размеры – около 1,2 м в диаметре. Заполнение двухслойное, к яме примыкает с севера и запада пятно темно-бурого песка, мощность невелика. В пятне читаются две прослойки с разделением светлым песком. Находок в районе этой ямы мало.

Основная концентрация готовых изделий приходится на участок между ямами 5 и 6 и пятном охры. Здесь прослеживаются нечеткие пятна темно-бурого песка, не углублявшиеся в материк. Под ними небольшие западины – ямы 7-9, заполненные желтым песком, диаметром около 20 см – по-видимому, столбовые ямы. Несколько более контрастно пятно 8, в котором залегают 20 отщепов и великолепное тесло из отщепа старичьего лилового кремня (рис. 9:2). Столбовые ямы в рыхлом песке не сохраняют гумусной окраски.

Небольшая яма, искаженная древней промоиной, отмечается в кв. 7-Б на краю террасы. Бурое пятно диаметром 30 см читалось с глубины 25 см, дно – на глубине 60 см.

Второе скопление мастерских примыкает к краю террасы и тянется на 9 м. Здесь выделяется не менее 10-12 рабочих площадок, которые с трудом разграничиваются. Часть скоплений невелика – 110-150 отщепов, и примерно столько же собрано чешуек (слой не просеивался, мелкие чешуйки не взяты), несколько меньше – осколков. В каждой мастерской – отходы обработки одного желвака. Разлет отщепов – в пределах 2 кв. м. В этих же скоплениях оказались бракованные нуклеусы, заготовки, едва опробованные гальки низкосортного кремня. Однако количество ретушеров и отбойников очень мало: единичные бракованные заготовки несут следы забитости, отсутствуют галечные ретушеры. Находки, связанные с одной мастерской, имели вертикальный разлет до 20 см. Самая большая мастерская этого скопления насчитывала до 700 отщепов. Всего на этом участке собрано 2,5 тысячи отщепов. Помимо отходов, здесь встречаются и готовые орудия, не образующие скоплений.

Третий участок мастерских предполагается в восточной части стоянки, севернее поздней постройки, но здесь слой трюнок, а концентрация не превышает 40 отщепов на кв. м – возможно, здесь периферия еще одного скопления мастерских. Шурф в 6 м к северу от раскопа, у подножия озовой гряды тоже показал повышение концентрации сколов.

Характер залегания материала позволяет реконструировать историю поселения следующим образом. Люди пришли на исток Съежи, расположившись на песчаной площадке у подножия озовой гряды, летом, принеся с собой орудия из черного селигерского и лилового старичьего кремня. Им было известно месторождение местного низкосортного кремня. Часть мастерских функционировала в первое лето. Тогда же был оставлен «клад», видимо, упакованный в туесок, какие встречались на стоянке Веретье [1].

Наземное жилище было поставлено на мысу и заняло площадь 60-70 кв. м, включив 6-7 хозяйственных ям и ритуальную площадку. Объем ям невелик, они могли быть хранилищами запаса мяса не более чем для одной семьи. В теплое время кремнь обрабатывался вне дома, на площадках с юга и севера от него. Здесь же использовались орудия для обработки дерева: тесла, макросверла, скребла, скребки – и, вероятно, кости. Эта же жилая площадка использовалась во вторую зиму, о чем говорит двухслойность ям. В третье лето площадка была покинута и позднее не посещалась.

Кремневое сырье, использовавшееся на стоянке, разнородно. Небольшая часть готовых орудий сделана из черно-серого просвечивающегося кремня, местами сильно патинированного. Среди отщепов этого сырья нет. Немногочисленны изделия из светло-палевого однородного кремня, встречаются вещи из сиреневого старичьего кремня. Основная часть сырья – низкосортный белый трещиноватый кремль. Почти все нуклеусы, подавляющее большинство сколов получены из кремня с одного месторождения. Материал попадал на стоянку как окатанными гальками, так и осколками с распадом по естественным трещинам и конкрециям. Для этого кремль характерна очень неровная структура с порами, узлами кристаллизации, что создавало трудности при его обработке. Но в этих же конкрециях встречаются участки, не затронутые кристаллизацией, которые давали прекрасный полупрозрачный кремль, местами напоминающий старичьий, – сиреневый, оливковый, серый, с плавными переходами цвета. Видимо, из этого месторождения происходит и белый кремль, качество которого гораздо хуже.

Нуклеусов для снятия микропластин всего три. Один из них лилового кремня миниатюрный, цилиндри-

ческий, сильно сработанный, с двумя площадками (рис. 5: 11). Пластин, соответствующих этому нуклеусу, не найдено. По характеру патины он резко отличается от остального комплекса стоянки и, вероятно, попал в комплекс случайно. Второй нуклеус – одноплощадочный, расколот вдоль (рис. 4: 2), тоже несет негативы узких пластин. Имеется несколько авиважей – сколотых подправленных площадок от нуклеусов призматического типа. Видимо, нуклеусы высокосортного сырья использовались полностью. Следы снятия правильных пластин имеются на ряде переформированных нуклеусов. Выразителен крупный нуклеус с треугольным фасом, подправленной площадкой и плоской спинкой, несущей ретушь по краю, характерную для скребел (рис. 4: 7). Площадка перпендикулярна фасу, но ремонт нескольких сколов и отсутствие начальных участков негативов пластинчатых сколов показывают, что первоначальная форма этого нуклеуса была иной – с косой площадкой.

Куски с начатой оббивкой свидетельствуют, что пробы делались или с торца, как велось скалывание с большинства нуклеусов, или как приострение ребра – вдоль плоскости, через узкий край желвака. Прimitивные конические нуклеусы (6 экз.) получались при скалывании с призматических осколков при оббивке от одной из граней к зауженному основанию. Опоковая корка с желвака не снималась. Если желвак был достаточно крупный, скалывание велось поперек торцовых краев плитки (8 экз.). Площадки не подправлялись. При хорошем качестве сырья при такой оббивке формировался один уплощенный фас при скошенной необработанной площадке (рис. 4: 5, 8, 10). Лишь один нуклеус имеет следы снятия параллельных пластинчатых отщепов или широких пластин от почти прямой подправленной площадки, основание подтесано.

Нуклеусов, которые можно определить как торцовые, 35 экз. Они формировались из плиток, скалывание начиналось вдоль одного из торцов, затем площадкой мог оказываться использованный фас. Постепенно нуклеус становился многоплощадочным, а при хорошем качестве сырья сколы начинали переходить на плоскости. Один из нуклеусов в начальной стадии использования особенно велик – $24 \times 17 \times 7$ см, площадка его оформлена крупным поперечным сколом, но снятие пластин с длинного торца оказалось неудачным из-за трещин. Грубые клиновидные нуклеусы здесь являются разновидностью торцовых, основание их приострено единичными крупными сколами. При длительной утилизации, когда площадками служили использованные фасы, нуклеус оказывался огранен со всех сторон, при этом угол скалывания приближался к прямому. Такой нуклеус можно определить как кубовидный. Это наиболее характерная форма для Васильево (81 экз.). Размеры их от $11 \times 6 \times 6$ до $3 \times 3 \times 2,5$ см. Такие нуклеусы местами сохраняют участки, показывающие, что с них снимались и правильные пластины.

Пластин довольно много (283). Среди них микропластин шириной до 6 мм всего 3%, большинство средней ширины – 9–16 мм – 66%. Целых среди пластин 56, из которых только 14 правильных. Значительная часть сечений пластин несет следы износа в качестве режущих. Длина их обычно меньше ширины (рис. 6: 3, 4, 9). Использоваться они могли как резаки – износ более заметен у углов. Целые пластины тоже несут следы утилизации. Мелкая нерегулярная ретушь, приостряющая на некоторых участках, заметна только у 5 пластин. Только одна микропластина может считаться вкладышем с регулярной ретушью по одному из краев, и то не на всю длину (рис. 6: 6). Общий индекс пластин для мастерских, где велась первичная обработка нуклеусов, заведомо крайне низок. Но и индекс орудий из пластин один из самых низких – 33 орудия из 240 изделий со вторичной обработкой и следами износа.

Наконечников стрел всего 3. Выразителен наконечник из крупной правильной пластины высококачественного кремня с четко выделенным двусторонне обработанным черешком, перо обломано (рис. 6: 7). Вторым – тоже с обломанным острием, слегка асимметричный черешок оформлялся крутой двусторонней ретушью, кремень местный (рис. 6: 8). Не исключается, что острие, оформленное мелкой крутой ретушью и истолкованное как проколка, в своей первоначальной функции было наконечником (рис. 6: 1). Третий – обломок неолитического наконечника с двусторонней обработкой (рис. 6: 2).

Выразительны и многочисленны скребки (рис. 6: 10–16, 18, 20–22, 24, 25; 7: 4). Из 73 орудий (в т.ч. 5 обломков) – на пластинах, преимущественно правильных, всего 15. Решительно преобладают скребки из отщепов, в т.ч. среди концевых. Скребки укороченных пропорций немногочисленны. Рабочий край округлый, ретушь в основном пологая. Прямой край имеют 7 скребков. Массивных скребков с крутым краем всего 4. Изредка скребковый конец расположен на ударном бугорке (рис. 7: 10, 20). Редки случаи использования боковых лезвий в качестве ножей – ретушь только у трех (рис. 6: 18), и у пяти заметен износ. Комбинированные орудия редки: один скребок на пластине имеет выделенное жальце на ударном бугорке со следами использования как сверла (рис. 7: 13), и один округлый несет резцовые сколы, обрубающие боковое лезвие (рис. 7: 18). Серия резцовых сколов на брюшке и краю имеется у одного скребла и скобеля (рис. 5: 8, 9). Округлых скребков мало. Выразительные среди них единичны (рис. 3: 4; 7: 8, 18). Показательно малое количество атипичных скребков (13 экз. – рис. 7: 11, 15, 17; 6: 25). Часть их несет следы использования как скобелей.

Из 16 скребел три – боковые на широких относительно тонких отщепах с дуговидным краем (рис. 3: 7; 6: 23). На одном из них видны попытки снятия затупленного лезвия резцовыми сколами с двух углов. Остальные – на крупных массивных отщепах. Среди них есть концевые, у которых обработан только дистальный конец (рис. 8: 2, 3), одно повторяет по форме обычный короткий скребок (рис. 3: 6), у остальных, массивных, обработка – крупные сколы – охватывает весь периметр, но изношен обычно один край (рис. 8: 1, 5, 8), обычно сохранивший зубчатость первоначальной оббивки. Выразительно миндалевидное скребло, спинка которого полностью оформлена сколами по периметру; основные лезвия у него боковые (рис. 8: 8). Такие же сколы идут по периметру небольшого дисковидного изделия, оформляя зубчатый край, но следов износа на нем не видно. Нуклеусом его не позволяют считать малые размеры.

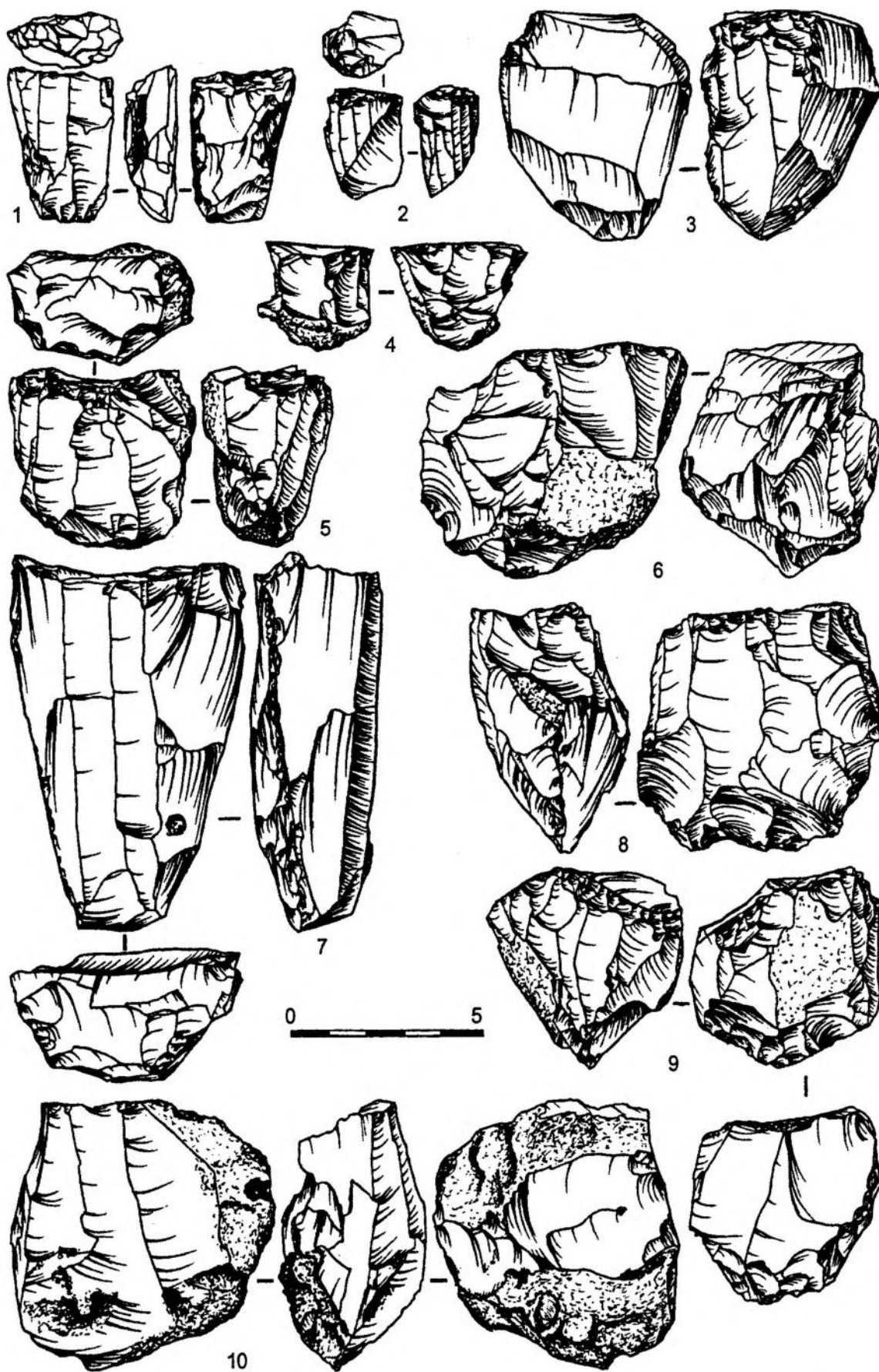

Рис.4. Васильево I. Нуклеусы

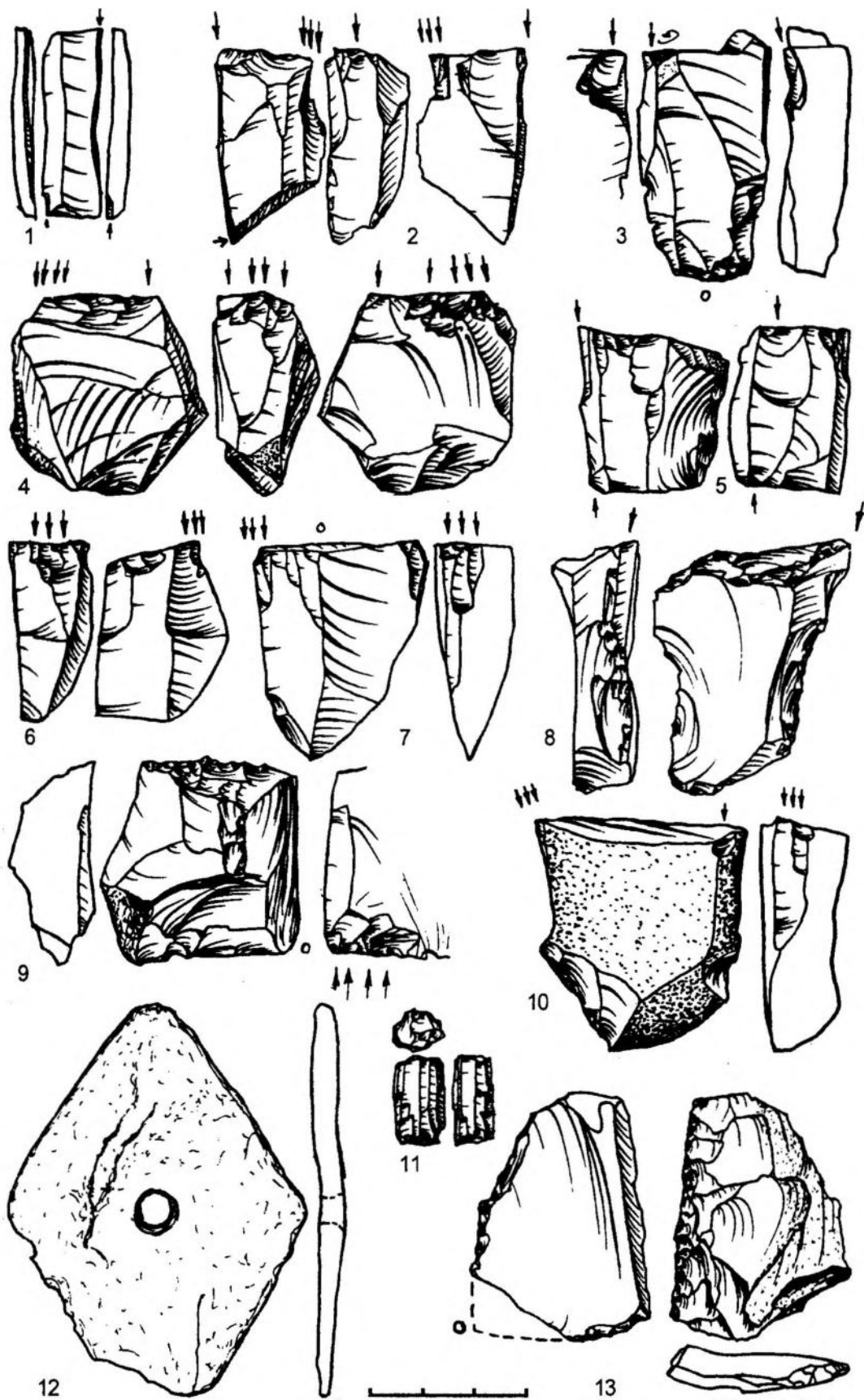

Рис. 5. Васильево I. Резцы (1-10), нуклеус (11), амулет (12), топорик из отщепа (13)

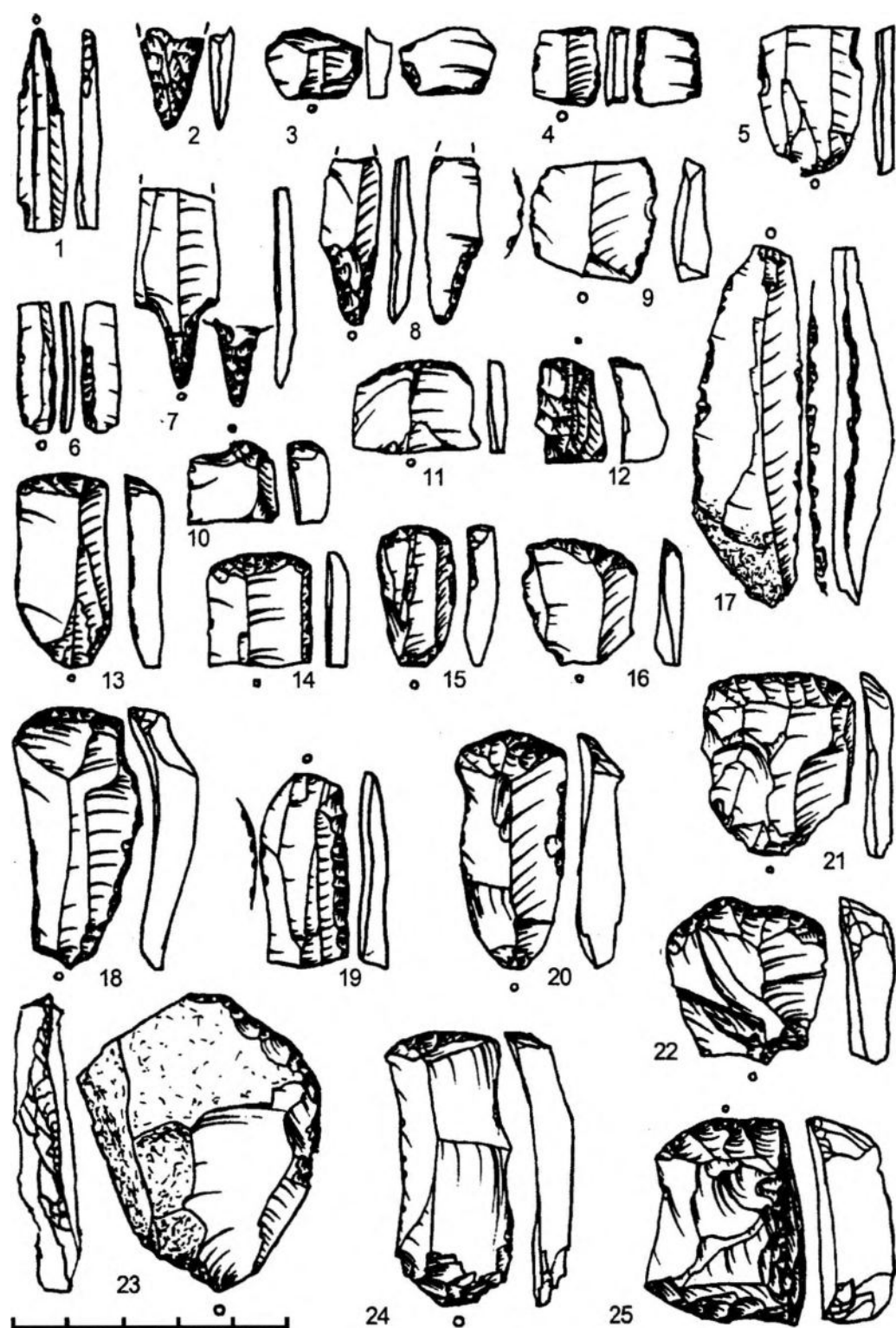

Рис.6. Васильево I. Наконечники стрел (1,2,7,8), пластины с ретушью (3-6, 9, 17), скребки (10-16, 18-22, 24, 25); скребло (23)

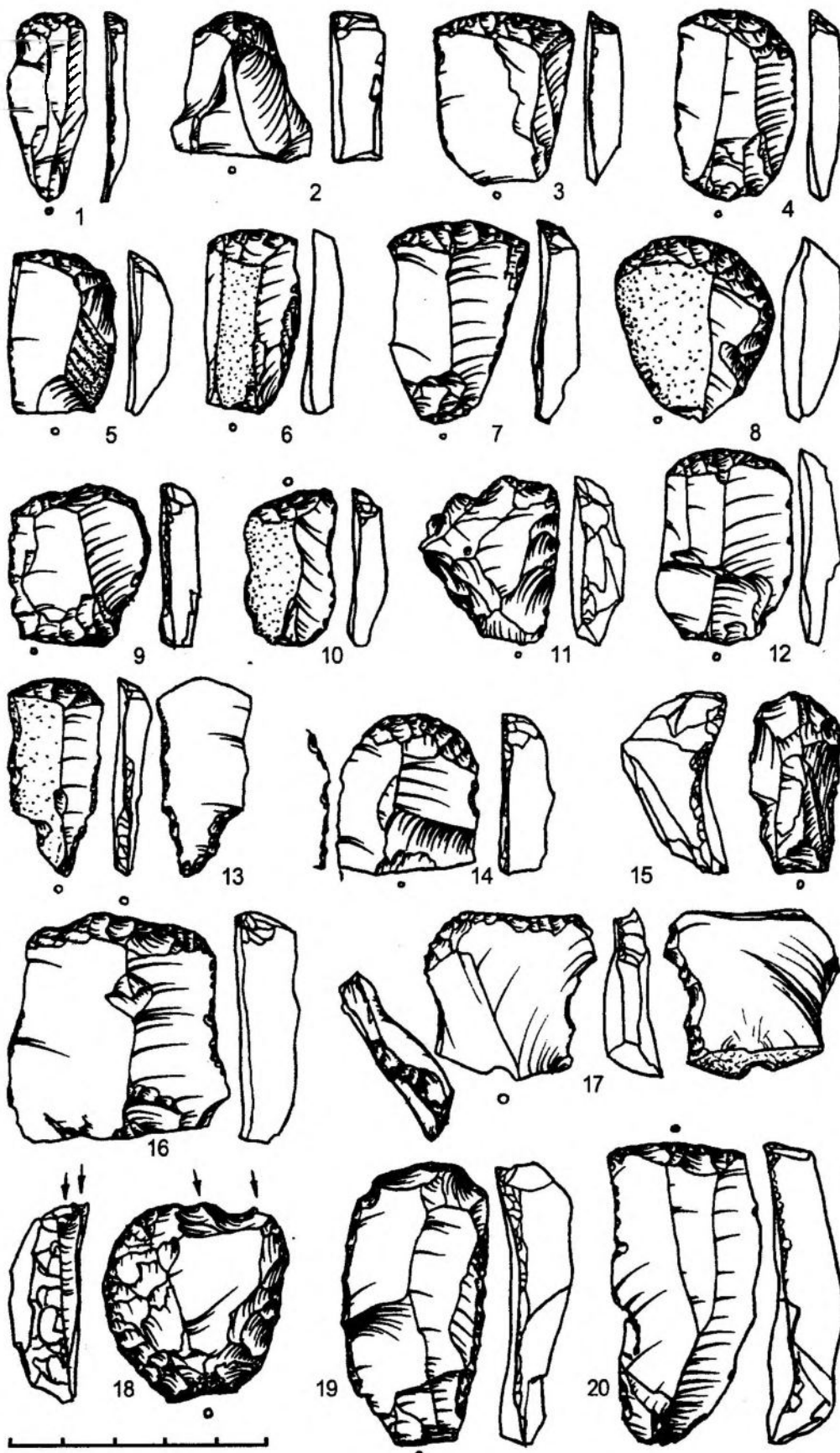

Рис. 7. Васиљево I. Скретки

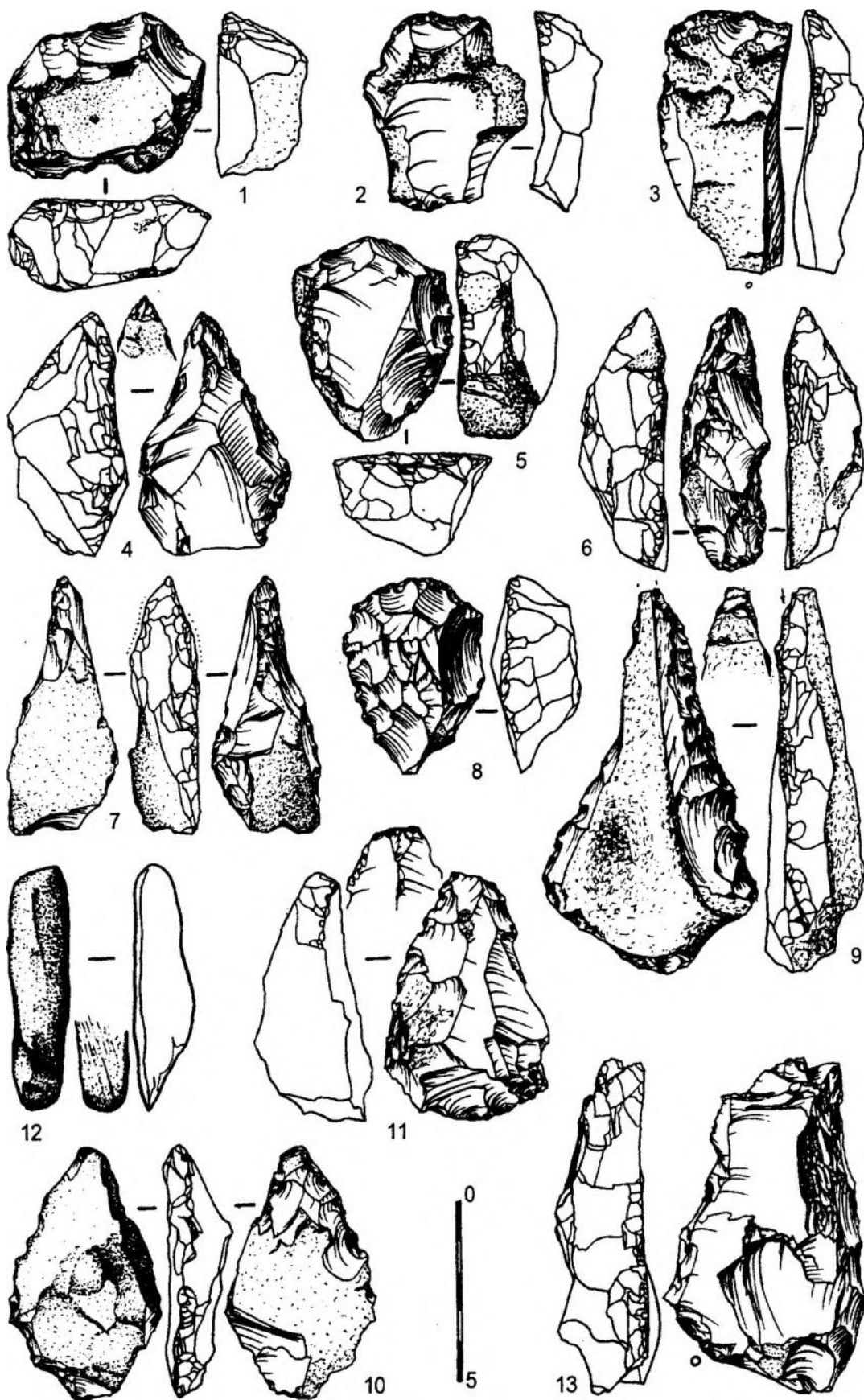

Рис.8. Васильево 1. Скребла (1-3, 5, 8), макросверла (4,6,7,9,10), тесла (11,13), шлифованное рубящее (12)

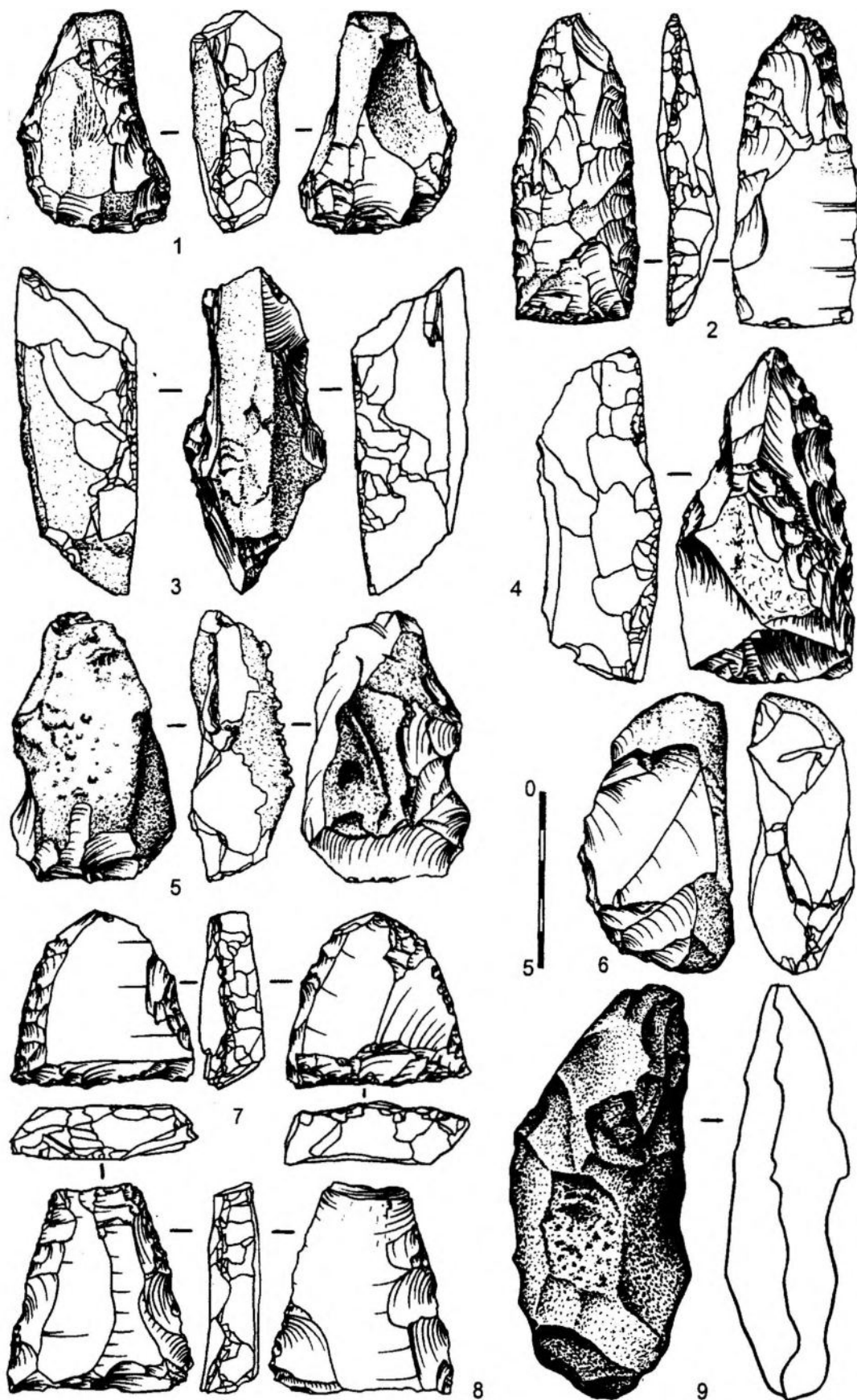

Рис.9. Васильево 1. Рубящие орудия

Резцы невыразительны, хотя количество их довольно значительно – 47. Большинство их – грубые, нуклеидные с широкими фасками резцовых сколов – в 6-9 мм, которые наносились от разных углов. Часть их – остатки нуклеусов, предельно сработанных. Резцовые сколы заметны и на более определенных нуклеусах (рис. 3: 5; 5: 2-5). Но резцы на массивных отщепках (29) мало чем отличаются от них (рис. 5: 6, 7, 10). У некоторых площадка, от которой нанесены сколы, оформлена грубыми поперечными снятиями, которые трудно назвать ретушью. Из резцов на отщепках только 6 – простые угловые со сколом, нанесенным от излома. Можно отметить, что техника резцового скола не устойчива, видны многочисленные попытки резцового снятия, приводившие к порче орудия, выкрошенности, заламам, трещинам. Ни одного резца стандартной формы, обычного для волго-окского мезолита, здесь нет.

Особый тип – резцы с тонким – не более 1 мм – сколом. Такой скол есть на двух отщепках и на семи сечениях правильных пластин. Такие сколы возникают при работе орудиями как вкладышами-резаками. Только одна правильная пластина несет длинный резцовый скол (рис. 5: 1).

По характеру оформления, износу, размерам, характеру сырья и заготовок к скребкам примыкают рубящие орудия (27). Многие из них представлены обломками, незавершенными или испорченными при переделке изделиями. Они оформлялись крупными грубыми сколами, оставляющими зубчатый край, делались из массивных отщепов, желваков и галек. Некоторые отщепы и двусторонне обработанные орудия использовались как долота, хотя симметричной смятости, характерной для долотовидных орудий (*pièce saignée*, функционально – зубила), здесь не встречается.

Рубящие орудия невелики – большинство 6-9 см длиной, меньше этого размера только 4, больше – два орудия. Могут быть сгруппированы в следующие типы. Овальные долота с двусторонней оббивкой, очень грубой, как на первичных заготовках. Одно из них опокоевое, другое – кремневое (рис. 9: 6, 9). Острообушковые тесла сделаны из желваков, отщепов и остатков плоского нуклеуса (16, 5, 1 соответственно – рис. 8: 11, 13; 9: 1, 4, 5, 7, 8). Лезвия двух оформлены сколом транше, снимающим забитый край (рис. 9: 4, 5). Эти орудия использовались и как топоры, а одно сработано как макросверло (рис. 8: 6). Большинство рубящих массивны, но два топорика сделаны из относительно тонких отщепов и определяются по характеру износа рабочего края; лезвия специально не обрабатывались (рис. 5: 13). Рубящие из крупных плоских отщепов имеют довольно правильную трапециевидную форму, которая получена контурной оббивкой. Приострение лезвия в результате подправок приближается к прямому углу (рис. 9: 7, 8).

Особняком стоит острообушковое тесло из крупного пластинчатого скола старичьего кремня, спинка которого оформлена крупными плоскими сколами, такие же сколы снимают ударный бугорок с брюшка (рис. 9: 2). Это орудие находит полные аналоги в комплексах района устья р. Тудовки на Верхней Волге (Суконцево 7), в Задне-Пилево в Мещере [2], на Тросгенском озере в бассейне р. Москвы. Это несомненный импорт, как и один из концевых скребков на крупной пластине такого же кремня (рис. 7: 7).

Особая категория орудий – клевец, или томагавк (рис. 9: 3). Он сделан из массивного желвака. Крупные сколы с заламами оформляют две выемки – перехват, а острие подправлено только с одного края. Ровное дуговидное лезвие оформлено параллельными фасетками, грубых выпербин и подправки не несет.

Шлифованное рубящее орудие единственное – удлиненная песчаниковая галка, на узком конце которой заточено с двух сторон лезвие. Другой обработки не имеет (рис. 8: 12).

Макросверла (8) изготавливались в той же технике, что и рубящие. Часть их, возможно, переделана из острообушковых тесел. Массивное жальце имеет треугольное сечение и обрабатывалось со всех сторон (рис. 8: 4, 6, 7, 9, 10). Износ орудия вырабатывает плечики, где максимальна стертость ребер фасеток. Расширенное тело сверла обрабатывалось только по контуру крупными сколами, которые придавали ему листовидную форму. Заполированность при этом довольно слабая, распространяется на жальце на половину длины. Иногда листовидное тело заполировано не меньше, чем жальце, которое освежалось подправкой. Сверла из мелких сколов единичны – один обломок отщепки и один осколок носят характерную заполированность на массивных углах.

Ретушеров – отбойников в мастерских найдено мало – только на двух сработанных кубовидных нуклеусах и галечке из кварцитового песчаника есть характерная забитость.

Единственный амулет – довольно крупная (8,5×5,7 см) тонкая ромбическая сланцевая плитка со слегка подточенными краями с двусторонней сверлиной в центре (рис. 5: 12).

Место комплекса Васильево 1 в мезолите лесной зоны определяется не столько немногочисленными выразительными формами, которые вполне могут быть заимствованными (тесло на крупной пластине, черешковый наконечник), сколько общим характером техники.

Основные особенности комплекса следующие. Невыработанность техники ножевидной пластины, преобладание скальвания с неподправленных нуклеусов, преимущественно торцовых. Обилие рубящих, скребел и макросверл. Невыразительность резцовой техники скальвания. Малое количество при типологической неустойчивости наконечников и практически полное отсутствие микролитов. Все эти признаки противопоставляют Васильево бутовской технике, где обязательно обилие выразительных резцов устойчивых типов, орудий на пластине при очень умеренном количестве скребел, макросверл и рубящих. Количество наконечников и вкладышей с ретушью значительно. Но эти же признаки сближают Васильево с мезолитом Восточной Прибалтики и Прионежья, памятниками, исследованными С.В.Ошибкиной (Веретье 1, Нижнее Веретье, Андозеро-М), а также культурами кунда и онежской. Для комплексов этого круга характерны значительное преобладание скребков над резцами и невысокий индекс пластин, что позволяет противопоставлять их как южным, бутовским и свидерским, так и восточным – сухонским, волго-камским [1; 3].

Среди инвентаря памятников восточно-прибалтийского круга немало аналогов находкам с Васильево 1. Так, крупные сланцевые подвески со сверлиной в центре – характерная черта онежского мезолита (этот признак сохраняется и в льяловской культуре). Идентичны типы рубящих. Особенно показательны параллели с прекрасно опубликованным комплексом Веретья 1. Но есть здесь и различия. Васильево содержит единственное шлифованное рубящее орудие, а Веретья – выразительную серию. Гораздо меньше в Васильево пластин, а также резцов.

Среди памятников верховий Сьежи Васильево занимает промежуточное положение между архаичными комплексами Акулово и Юрьевской Горки и Курово 4. От ранних сохраняется низкий индекс пластинчатости, достаточно большое количество скребел, малая доля среди рубящих шлифовки. Курово 4 значительно моложе – здесь появились стрелы, прямоугольники, относительно много пластин, значительную часть среди рубящих составляют шлифованные, единичны скребла [4]. Веретья по всем этим параметрам ближе к Курово 4, чем к Васильево (полностью совпадают типы многочисленных рубящих орудий). Ряд местонахождений и стоянок окрестностей озер Наволок, Удомля, Сьуче дает серии орудий на крупных пластинах, каких нет ни в Васильево, ни в более ранних комплексах, но которые есть в Веретья.

Таким образом, Васильево вписывается в круг мезолитических памятников Восточной Прибалтики и Прионежья и может быть датировано самым началом бореала (старше Веретья 1), 9,5-9 тыс. л. н. Бореальным временем датируются и те аналоги, которые позволяют фиксировать контакты Васильево с бутовской культурой (более вероятно – с группами верховий Волги и Селигера). Заимствуются наконечники стрел из пластин – категория, полностью отсутствовавшая в памятниках ранней группы. Но это совершенно не достаточное основание для того, чтобы предполагать генетическую связь мезолита Северо-Запада Русской равнины со свидерско-бутовской традицией, как это делает Л.В.Кольцов [5]. Следы контактов с югом можно видеть в исключительной пластинчатости комплекса Бологовской стоянки [6], в бутовских элементах стоянок бассейна Мологи [7], а также в иеневском облике небольшой коллекции Усть-Кезы [8]. Они не изменили направленность связей культур этого района, которые охватывали зону, непосредственно примыкавшую к краевым моренам поздней стадии Валдайского ледника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ошибкина С.В.* Веретья 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
2. *Сорокин А.Н.* Новые данные по мезолиту бассейна Оки // Крайнов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
3. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
4. *Сидоров В.В.* Мезолит бассейна р.Сьежи // Тверской археологический сборник. Вып.2. Тверь, 1996.
5. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.
6. *Зимина М.П.* Каменный век бассейна реки Мсты. М., 1993.
7. *Косорукова-Кандакова Н.В.* Мезолит Молого-Шекснинского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.
8. *Урбан Ю.Н.* Открытие мезолита в бассейне Средней Мологи // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

THE MESOLITHIC SITE AND WORKSHOP VASILJEVO 1

Summary

Vasiljevo 1 is a single-layer site of the middle Mesolithic located at the source of the River Sjezha. It has been excavated almost completely. It includes a dwelling part of about 70 sq. m with household pits, a spot of ochre and a small treasure of ready-made tools and billets. Most of the ready tools were within the limits of this part of the site. The other part of the site was occupied by workshops, where local flint of low quality was worked up. The abundance of stricken chopping tools (one of them has a primitive polish) is a characteristic feature of Vasiljevo stone industry. Besides the above mentioned tools there are scrapers and macrodrills. The cutting technique is primitive. The scrapers were being made both on large plates and on flakes. A single arrowhead can be defined as post-Swiderian. The plates are few, but of high enough quality. Besides local flint there was imported one from the upper Volga. Cultural identity is defined with features of the Akulovo tradition taken into consideration. Later monuments of this tradition are the Veretje and Kurovo 4 sites. Some elements provide evidences about contacts with the Butovo culture.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

С.Б. Коннов

КРЕМНЕОБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ НА р.ОСЕТР (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГИМ В 1997-1998 гг.)

Интерес к археологическим памятникам каменного и бронзового веков на р. Осетр повышен во многом благодаря тому, что эта река связывает Волго-Окский бассейн с бассейном Дона. В вопросе взаимодействия древнего населения обоих регионов в каменном веке и в последующие эпохи еще нет достаточной ясности. До последнего времени р. Осетр в археологическом аспекте была известна, в основном, благодаря знаменитой Зарайской верхнепалеолитической стоянке.

Бассейн Осетра интересен также и тем, что его долина богата выходами каменноугольного кремня, в основном желтого или желто-коричневого, который нередко встречается уже в виде готовых изделий на памятниках каменного века за его пределами, в частности, в бедных кремнем районах средней Оки (на меццеских памятниках – таких, как стоянки на р. Нерской и в окрестностях д. Беливо).

В 1997-98 гг. экспедицией (МАЭ) ГИМ проводились разведки в бассейне р. Осетр в Зарайском районе Московской области с целью выявления новых памятников эпохи камня [1; 2]. Работы были локализованы на правом берегу р. Осетр и ее притоке р. Осетрик на двух участках: 1-й – от д. Авдеевские Выселки вниз по Осетрику до его впадения в р. Осетр и до излучины реки в 2 км к югу от д. Карманово; 2-й – от урочища Белый Колодец на северо-западной окраине г. Зарайска вниз по реке до д. Маркино уже ниже Зарайска (рис. 1). В статье речь пойдет о памятнике, открытом в 1-й зоне обследования.

Правый борт долины р. Осетр здесь почти повсеместно крутой. На местности, где древний рельеф не подвергся позднейшей нивелировке (в результате хозяйственной деятельности или не разрушен оползнями), выражены несколько террасных уровней. Правобережная низкая пойма не развита. Высокая – до 8 м – пойма выражена на двух участках: 1-й, протяженностью около 2 км, лежит вниз по течению реки от устья ее притока Осетрика, где ширина площадки поймы составляет 60-80 м; 2-й – в излучине Осетра, начинающейся в 1,5 км вниз от д. Карманово, где пойма выражена отчетливо и имеет площадку шириной от 25 до 40 м. Между этими участками она разрушена или погребена делювиальными смывами и оползнями с вышележащих уровней. Надпойменная терраса высотой 16-20 м прослеживается на тех же участках. Как и другие террасы, она наклонена к реке и почти повсеместно переходит в более высокий второй террасный уровень.

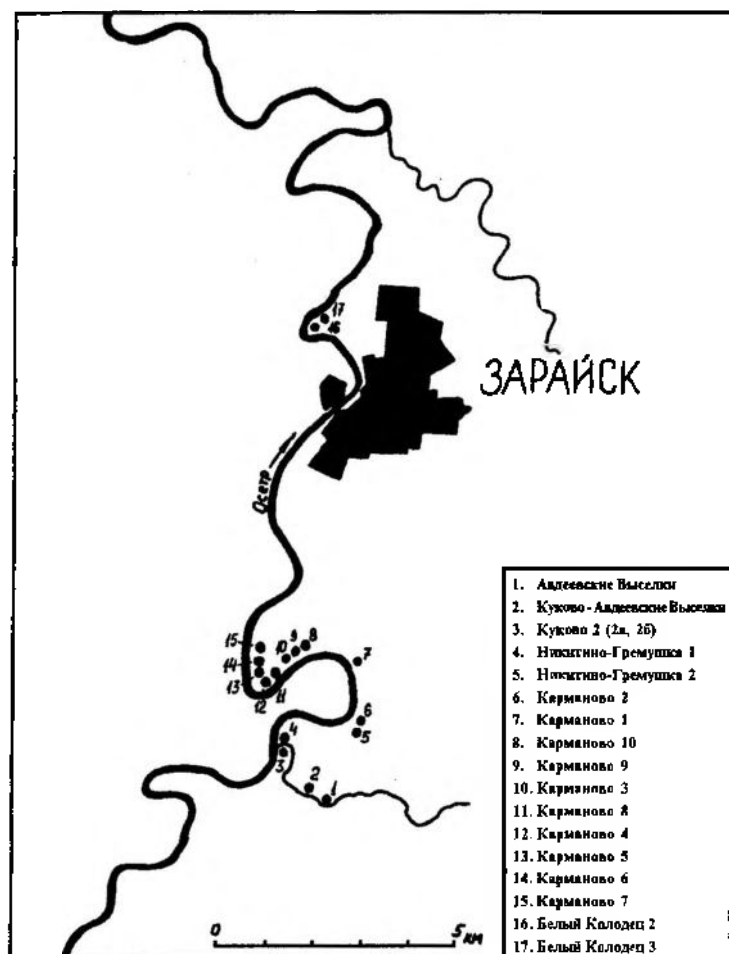

Рис. 1. Памятники в бассейне р. Осетр, выявленные работами МАЭ ГИМ в 1997-98 гг.

На крутых склонах правого берега Осетра от устья Осетрика и до излучины реки к югу от д. Карманово отмечаются выходы на поверхность карбонатовых известняков каменноугольного периода и желтого (реже желто-коричневого) средне- и мелкозернистого кремня среднего и плохого качества. К этим выходам приурочено большинство выявленных разведками памятников: Авдеевские Выселки, Куково 2 (2а- "пашня", 2б- "шурф"), местонахождение Куково-Авдеевские Выселки и серия объектов в районе д. Карманово — Карманово 2, 3, 8-10 (рис. 1). На этих памятниках производился сбор подъемного материала, большинство из них исследовалось шурфами [1; 2].

Наиболее изученным памятником является Карманово 3. Стоянка открыта А. Е. Кравцовым в 1997 г. [1, с. 38-49]. Она находится вниз по течению р. Осетр на расстоянии 1,2 км к югу от окраины д. Карманово.

Памятник расположен на террасном надпойменом мысе у начала излучины реки и занимает участок пологого склона к пойме. Карманово 3 находится на высоте 11-17 м над рекой и резко ограничен с юго-востока и востока уступом террасы. В подошвенной части уступа имеются выходы на поверхность известняков и кремня (рис. 2).

Западная и юго-западная части памятника подвергаются распахке. По краю пашины через центр стоянки проходит грунтовая дорога. По данным шурфовки и распространению подъемного материала на поле, дороге и уступе террасы, памятник вытянут узкой полосой вдоль уступа с юго-запада на северо-восток. Его границы прослежены до опушки леса, почти вплотную подступающего к шурфам 1 и 3 с северо-востока. В лесу подъемный материал отсутствовал. Таким образом, отслеженная площадь памятника 11-13×90-95 м, но протяженность его вдоль реки, возможно, большая.

В 1997 г. на памятнике были заложены три шурфа: шурф 3 попал на периферию стоянки; шурфы 1 и 2 — на скопления расщепленного кремня.

В шурфе 2 на гл. 19-25 см от поверхности было выявлено скопление окатанных обломков известняка, в центре которого (в северо-западной части шурфа) расчищена столбовая ямка с дном и стенками, вытоженными мелкими известняками. Заполнение ямки — коричнево-черная сильно оглеенная углистая супесь. Внизу ямки у ее западной стенки обнаружен подконический нуклеус, расстрескавшийся от пребывания в огне (рис. 4: 8). По грунту из заполнения ямы в лаборатории ГИН РАН получена радиоуглеродная дата 3420 ± 100 л.н. (ГИН-9133)¹. В 1997 г. из-за малой площади шурфа (1,5×1,5 м) не исключался искусственный характер скопления известняков, и шурф был законсервирован [1, с. 48-49].

В 1998 г. на памятнике был заложен рекогносцировочный раскоп [3] площадью 12 кв. м, шурф 2 был включен в сетку квадратов раскопа (рис. 3).

Стратиграфия памятника следующая.

1. Дерн — 5-10 см.
2. Серая гумусированная оглеенная супесь — 10-25 см.
3. Темно-серый опесчаненный суглинок — 5-20 см (залегают отдельными линзами).
4. Рыжий тяжелый суглинок — 10-20 см, перекрывающий известняковый цоколь террасы.

В шурфах 1 и 2 под слоем 2 отмечены линзы серо-коричневой супеси.

Скальное основание террасы в виде окатанных обломков известняка залегают на всей площади раскопа под слоем 4 (суглинком), в западной и центральной частях раскопа отдельные крупные скопления кусков известняка встречаются начиная со слоя 2. Окатанность известняков, вероятно, связана с процессами выветривания либо другими аллювиальными и/или элювиальными воздействиями на цоколь террасы до того, как сформировались перекрывающие его суглинки.

В северо-западной части раскопа в кв. А1 и частично А2 в известняках расчищена яма глубиной 60-70 см от их верха. Раскопом вскрыта часть ямы размерами 1,2-1,3×0,7-1 м. Заполнением ямы служит рыжий суглинок с включением известняковой крошки. В стенках и на дне ямы встречены конкреции серо-коричневого с прожилками средне- и мелкозернистого кремня. Вероятно, яма искусственного происхождения и, возможно, связана с добычей сырья. Примечательно и то, что она прорезает известняковое основание террасы до уровня залегания кремневых конкреций. Нагромождения известняков, начинающиеся со слоя 2 в центральной и западной частях раскопа, вплотную подступают к краям ямы и, возможно, являются ее отвалом. На расстоянии 0,4 м от нее находится 1-я столбовая ямка, давшая по углестому заполнению упоминавшуюся выше радиоуглеродную дату, и в 1,2 м от нее в северной части раскопа выявлена 2-я ямка аналогичной конструкции, также с углестым заполнением. Столбовые ямки расположены по периметру "большой" ямы и, возможно, являются остатками какой-то конструкции типа навеса.

Расщепленные кремни залегают в слоях 2 и 3 (в основном на их контакте), отдельные находки встречены вверху слоя 4, но они единичны и, очевидно, перемещены вниз деятельностью землеройных животных.

Кремень большей частью желтый и желто-коричневый, но 19-20% изделий изготовлены из серо-коричневого с прожилками матового кремня.

Расщепленные кремни не расчленяются по выделенным стратиграфическим уровням. Некоторые находки из верха слоя 2 апплицируются с находками из низа слоя 3.

Планиграфически выделяются 3 относительно четко околтуренных скопления: 1-е — в кв. А1 и в северной части кв. А2, 2-е — в кв. Б1, Б2, В1, В2 (центр скопления — на стыке этих квадратов) и 3-е — в кв. А3, А4, Б3 и в южной части кв. А2 (рис. 3). Причем между 1-м и 2-м скоплениями имеются многочисленные связи по ремонту, и эти скопления на 70-75% содержат изделия из серо-коричневого с прожилками крем-

¹ Автор выражает благодарность Л.Д. Сулержицкому, выполнившему радиоуглеродный анализ образца.

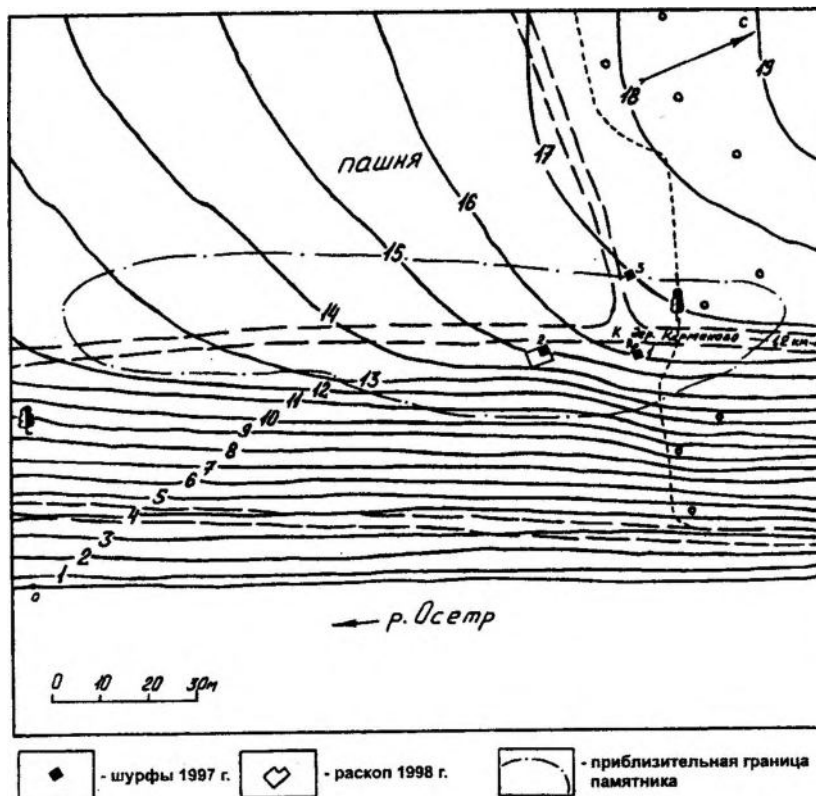

Рис.2. Карманово 3. Ситуационный план (инструментальная съемка)

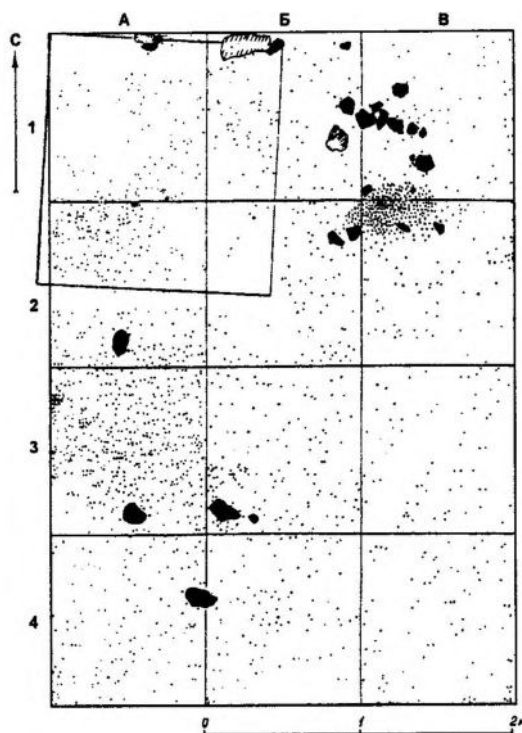

Рис.3. Карманово 3. Распределение расщепленных кремней по площади раскопа 1998 г. и шурфа № 2 1997 г.

ня, тогда как в 3-м — изделия из этого сырья единичны. Характерно и то, что большая часть пластин и единичных изделий со вторичной обработкой концентрируется в первых двух скоплениях.

Кремневый инвентарь не выразителен и не характерен для поселенческих комплексов.

Всего в коллекции 1815 предметов, подавляющее большинство — 1533 (84,4%) — отщепы и осколки, среди которых многочисленны первичные или сохранившие участки меловой корки. Чешуйки единичны.

Пластин и фрагментов 245 (13,9% от всех находок). Большинство пластин фрагментировано (преобладают проксимальные концы), часть их ремонтируется, и некоторые пластины апплицируются друг на друга (рис. 5: 8-12, 15). Из них “правильных”, т.е. имеющих параллельные края и ребра между гранями на спинке, — 59 (24,8% от всех пластин), преобладают изделия шириной 10-20 мм, большинство имеет ширину 12-13 мм (рис. 5: 2-6, 8-12). Средняя длина пластин не устанавливается из-за их фрагментарности. Большая часть — 31 (53% от правильных пластин) изготовлена из серо-коричневого с прожилками кремня. Массивных широких пластин 2 (рис. 5: 7, 14).

К группе нуклеидных в коллекции относятся 28 предметов (0,26% от всех изделий). Нуклеусов 6, из них 2 торцовых от пластин и отщепов со встречным фронтом скалывания и двумя полюсно скошенными неретушированными площадками. Оба нуклеуса трапециевидные в профиль, задняя сторона у обоих не обработана и сохраняет участки меловой корки, один из них целый (рис. 4: 6), другой сохранился не полностью — отсутствует значительная часть 2-й площадки (рис. 4: 1). Остальные — одноплощадочный подконический от пластин и отщепов с неретушированной площадкой и двусторонне оформленным ребром (рис. 4: 10); одноплощадочный подпризматический уплощенный с неретушированной площадкой и двусторонне оформленным ребром от отщепов и пластин (рис. 4: 2) и 2 одноплощадочных подконических от отщепов (рис. 4: 3, 8).

Оставшиеся изделия — аморфные пренуклеусы, брошенные еще на стадии оформления.

В значительном количестве присутствуют продукты оживления нуклеусов: ребристые пластины — 22 (рис. 4: 4, 7; 5: 1), ребристые отщепы — 26, сколы подправки (выравнивания) площадки нуклеуса — 18 (рис. 4: 5).

Предметов со вторичной обработкой восемь.

Из трех скребков один концевой на крупной пластине с дугообразным лезвием (рис. 5: 19), остальные аморфные на отщепах (рис. 5: 20, 23).

Резцов два. Оба с ретушированными площадками, один на первичном отщепе с широкой резцовой кромкой (рис. 5: 18), другой на “неправильной” пластине с узкой кромкой (рис. 5: 17). Один резцовый отщеп (рис. 5: 16) и 8 изделий со случайными резцовыми сколами орудиями не являются.

Найдены одна проковка на отщепе (рис. 5: 21), 1 “правильная” пластина с плоской дорсальной ретушью по краю (рис. 5: 13) и 1 массивная пластина с крутой дорсальной краевой ретушью (рис. 5: 14), представленные медиальными фрагментами.

Кроме того, в коллекции имеются сланцевый отбойник подовальной формы и массивный кварцитовый ретушер (рис. 5: 22).

Пластины получены ударной техникой скола. Большинство из них имеют те или иные признаки подготовки зоны расщепления. Среди не имеющих такой подготовки снятий большая часть — краевые пластины с коркой, занимающие угловое положение на торце конкреции. Проксимальные концы правильных пластин имеют следы изолирования и редуцирования зоны расщепления. На некоторых пластинах присутствуют следы “вентрально-проксимальной псевдоподтески”, что, в свою очередь, указывает на применение жесткого или полужесткого отбойника из кремня или более мягких пород — кварцита или сланца [4, с. 161-168]. Пластин, снятых отжимом, не обнаружено.

Такой инвентарь позволяет предполагать производственный характер памятника — мастерская по первичному расщеплению кремневого сырья с целью получения ядрищ и, возможно, регулярных снятий — пластин, которые, скорее всего, уносились на места поселений, где и производилась их вторичная обработка. На это указывает и то, что на Карманово 3 большая часть ядрищ является неудачными преформами, брошенными на разных стадиях оформления, равно как и пластины представлены обломками, получившимися в результате неудачного снятия. Хотя пока нельзя исключать и преднамеренную фрагментацию.

Наличие на памятнике ямы, вероятно, связанной с добычей кремня, позволяет предполагать, что Карманово 3 является мастерской на месте непосредственной добычи сырья. Яма, возможно, была “копью”, и, очевидно, сырье, извлекавшееся из нее, обрабатывалось на месте. Этим можно объяснить первые два скопления, расположенные непосредственно рядом с ней.

Добытый подобным способом кремень по своим характеристикам не отличается от повсеместно распространенного в виде открытых выходов в бассейне р. Осетр желтого и желто-коричневого кремня. Но кремень, лежащий на поверхности, подвержен влиянию годовых перепадов температур — теряет свою пластичность и при расщеплении раскалывается по трещинам. Добывать пригодное сырье можно либо из воды, собирая кремневые конкреции со дна реки, где влияние годовых температурных колебаний не так ощутимо, либо, “копийным” способом с глубины, не промерзающей в холодный сезон.

Возможно, на Карманово 3 мы столкнулись именно с таким способом добычи сырья, являющимся по своей сути горными разработками. Для Волго-Окского бассейна подобный способ добычи кремня до сих пор был неизвестен, возможно, здесь мы имеем дело с первым из памятников такого типа, которые достаточно широко распространены на территориях западнее Волго-Окского междуречья [5, с. 98-126].

Что касается возраста Карманово 3 то, как уже было сказано, имеется радиоуглеродная датировка

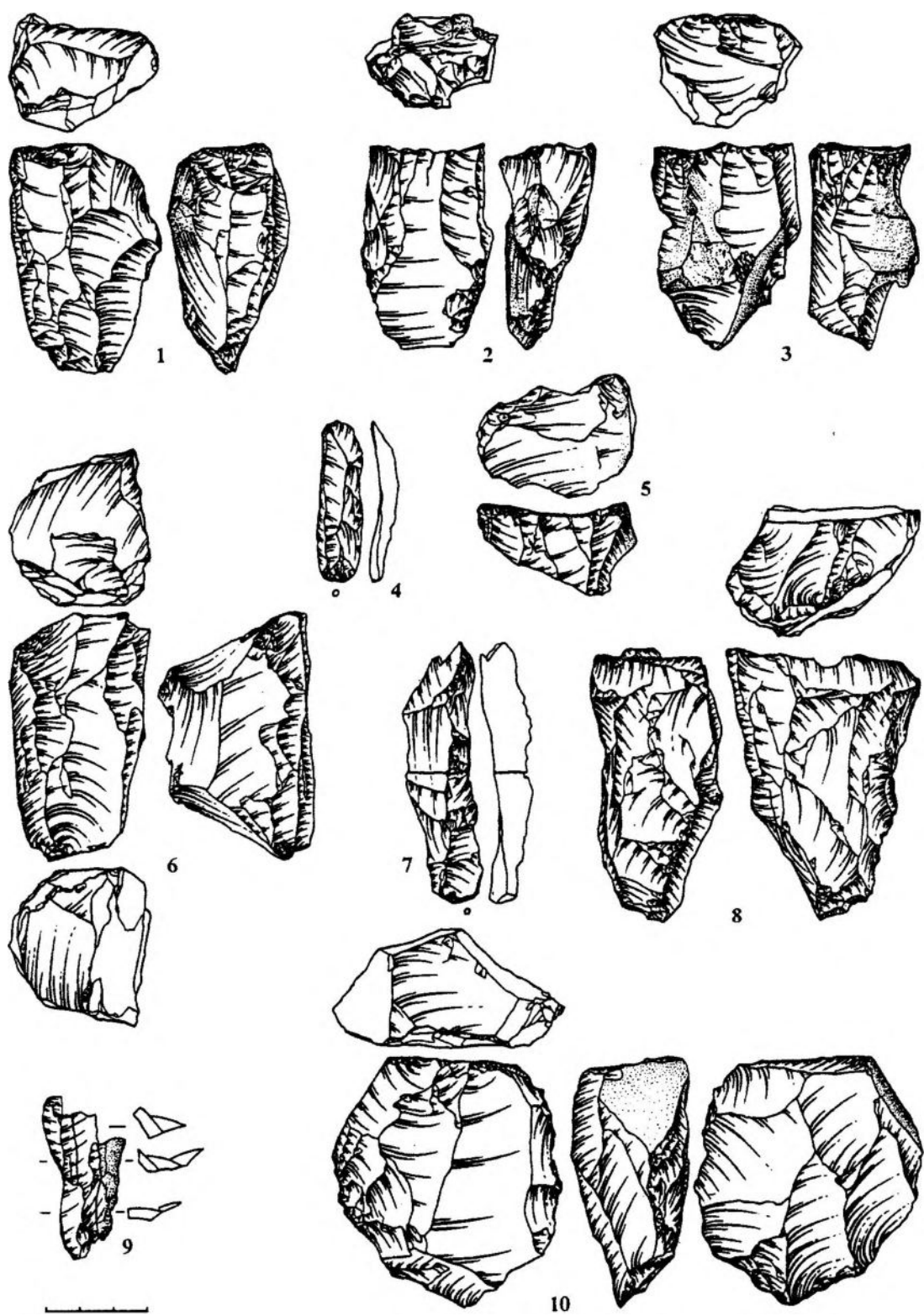

Рис.4. Карманово 3. Кремневый инвентарь: 1-3, 6, 8, 10 - нуклеусы; 4,7 - ребристые пластины; 5 - скол подправки площадки; 9 - складень

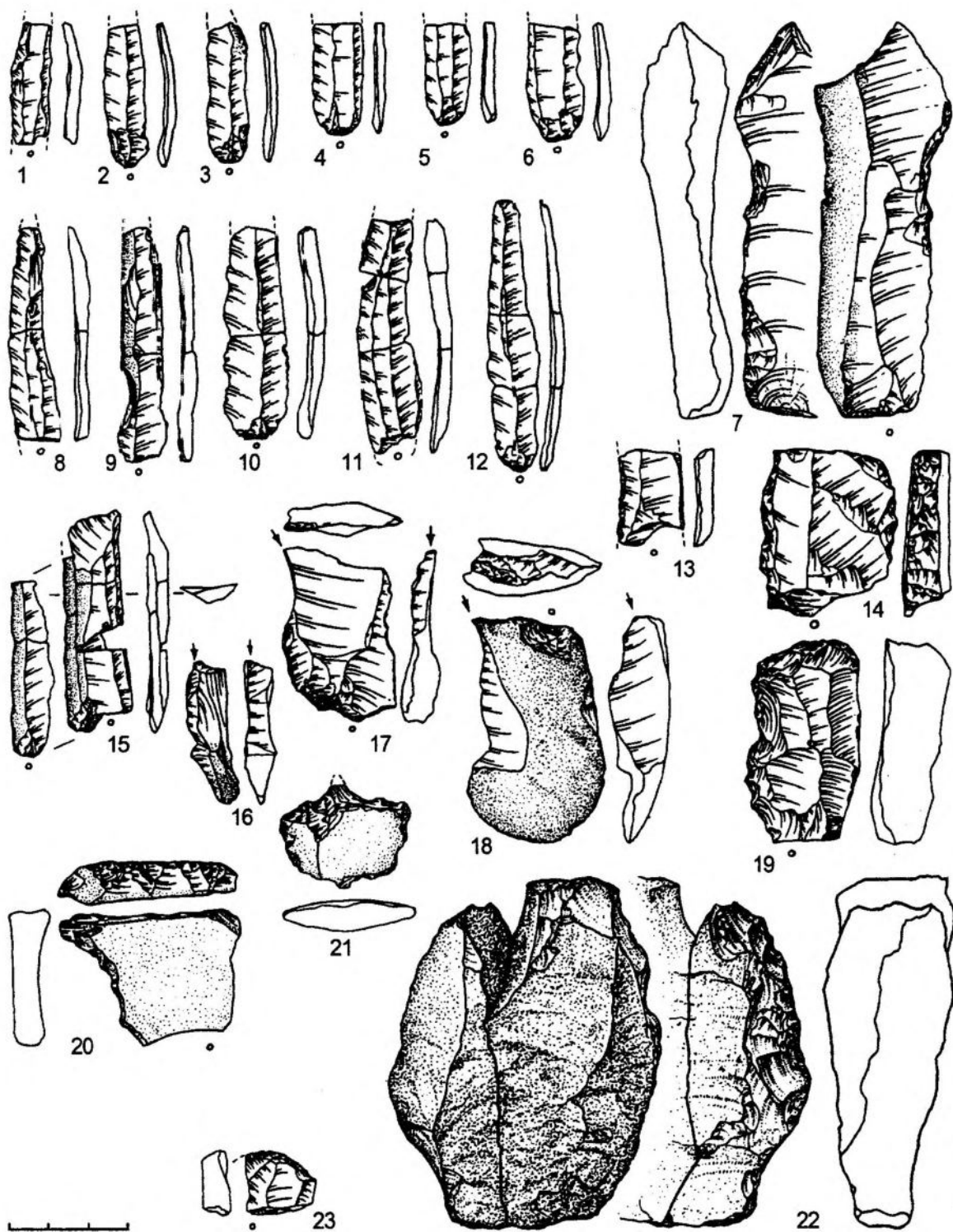

Рис.5. Карманово 3. Кремневый инвентарь: 1-6, 8-13 - пластины; 7, 14 - массивные пластины; 15 - складень; 16 - резцовый отщеп; 17-18 - резцы; 19-20, 23 - скребки; 21 - проколка; 22 - ретушер; 1-21, 23 - кремний; 22 - кварцит

(3420±100 л. н.). Но характер кремневого инвентаря, а именно использование ударной техники снятия пластин и подготовка зоны расщепления путем изолирования и редуцирования, применение жесткого отбойника, слабая степень истощения ядрищ, не типичная даже для мезолита [6, с. 139-143], наличие крупных широких пластин [6] и присутствие на памятнике морфологически выраженных ретушных резцов – позволяют предполагать более раннюю датировку — не ранее верхнего палеолита и не позднее мезолита. Хотя не следует исключать и наличия разновременных материалов на памятнике, несинхронность “копи” с основным инвентарем памятника.

Пока на Карманово 3 вскрыта очень малая площадь, изучение этой мастерской только начато, что не позволяет делать окончательные выводы относительно хронологической и культурной интерпретации памятника. Здесь изложены предварительные результаты исследования. Дальнейшие изыскания позволят более детально охарактеризовать этот памятник и помогут в изучении технологии обработки и добычи кремневого сырья.

Долина р. Осетр несомненно интересна как район, богатый кремнем, в котором широко представлены специализированные мастерские, ориентированные на первичную обработку сырья. Кремль из долины р. Осетр, вероятно, распространялся относительно далеко за пределы той территории, на которой добывался и проходил стадию первичной обработки. Вероятно, интенсивность этого процесса в разные периоды была различной, как и кремнеобрабатывающие мастерские этого района, несомненно, разновременны.

Дальнейшее археологическое изучение бассейна Осетра необходимо. Оно позволит прояснить ряд вопросов жизнедеятельности древнего населения этого и, очевидно, сопредельных районов на протяжении продолжительного времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравцов А.Е. Отчет о работах Мезолитической экспедиции ГИМ в Рузском и Зарайском р-нах Московской области в 1997 г. //Архив ИА РАН. Р-1.
2. Кравцов А.Е., Тавлицева Е.Ю. Отчет о разведке Объединенной археологической экспедиции ГИМ-МИГМ на территории Зарайского р-на Московской обл. в бассейне р. Осетр в 1998 г. //Архив ИА РАН. Р-1.
3. Копнов С.Б. Отчет о работах на стоянке-мастерской Карманово 3 в Зарайском р-не Московской области в 1998 г. //Архив ИА РАН. Р-1.
4. Коваль Ю.Г. О технологической вариабельности вентрально-проксимальной подтепки сколов в верхнем палеолите (по материалам памятников степной зоны) //Археологический альманах. № 5. Донецк, 1996.
5. Гурьина Н.Н. Древние кремнедобывающие шахты. М., 1976.
6. Гиля Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997.

*Государственный Исторический музей,
Москва*

S.B. Kopyov

FLINT WORKSHOP ON THE OSYETR RIVER

Summary

The article is a preliminary publication of the finds from the Karmanovo 3 site and the workshop. The site is interesting for its location at a place of flint mining. A pit, probably connected with flint mining, which was found at the site, allows to suppose that flint could have been mined in the Volga-Oka rivers basin. The article includes a characteristic of flint finds and their dates.

*“The State Historical Museum” Association
1 / 2, Krasnaya Sq., Moscow,
103612, Russia*

А.Н. Сорокин

ЗАБОЛОТСКИЙ ТОРФЯНИК: ЧТО СДЕЛАНО, ЧТО ДЕЛАТЬ?

Заболотский торфяник располагается в Сергиев-Посадском районе Московской области, примерно в 100 км к северу от г. Москвы. Он приурочен к среднему течению р. Дубны. Судя по геоморфологическим данным, бассейн реки унаследовал восточную половину котловины приледникового Тверского озера [1]. Озерная равнина простиралась у подножья Клинско-Дмитровской гряды, которая запирала сток ледниковых вод на юг. Отступление Валдайского ледника привело к падению уровня приледникового Тверского озера до отметки 129 м и началу формирования каскада озер, дренируемых руслом р. Дубны. После нового падения уровня приледникового озера до отметки 120 м на Лужской стадии Валдайского оледенения на месте Верхневолжской низменности и первичного палеозера остались цепочки озер, одним из которых является Заболотское палеозеро – остаток плеса, оконтуренного уступом террасы с отметкой 129 м. Размеры его составляют 4×7 км. Южный край Заболотской озерной котловины находится между д. Замостье и д. Сквородино, а ее створ располагается в 4 км ниже по течению от места впадения р. Сулять в р. Дубну.

Время первого появления человека в окрестностях Заболотского озера пока не ясно, не вызывает лишь сомнения тот факт, что первым сюда пришло рессетинское население. Позднее, в пребореальное время, здесь появляется население бутовской культуры, а далее прослеживается последовательность культур, традиционная для Волго-Окского бассейна.

Значительное число разновременных уникальных памятников, открытых здесь, прекрасная стратиграфия отложений и отменная сохранность органических остатков делают полигон Заболотского палеозера неоценимым для реконструкции палеосреды, ландшафта, жизнедеятельности человека и его облика.

Впервые находки из окрестностей Заболотского палеозера поступили в ИА АН СССР от егерей Заболотского охотхозяйства ранней весной 1984 г. 1-3 мая того же года место находки около с. Заболотье было осмотрено А.Н. Сорокиным и А.Е. Кравцовым. В 1987 г. М.С. Морозов, начальник Заболотского охотхозяйства, сообщил в ИА об археологических находках по берегам р. Дубны близ устья р. Сулять. Поздней осенью того же года В.В. Сидоровым при участии А.В. Энговатовой было проведено обследование указанного места. Берега спрямленного русла реки в то время подвергались регулярным чисткам с помощью экскаватора, и отвалы вдоль русла по обоим берегам были усеяны археологическим материалом и фаунистическими остатками прекрасной сохранности. Зачистки на обоих берегах показали, что культурный слой, в котором в неотревоженном состоянии залегают находки, хорошо стратифицирован и в нем отлично сохраняется органика. Так были открыты стоянки Замостье 1 и 2. Обследования 1988 г. выявили, что вдоль русла Дубны в устье р. Сулять может быть выделено по крайней мере шесть отдельных памятников – это пункты 1-5 и 13. Шурфовка обнажений и сбор подъемного материала позволили наметить пункты и на других участках торфяника. Подмосковной экспедицией ИА АН СССР под руководством В.В. Сидорова с 1987 по 1995 гг. было открыто 22 разновременных памятника; некоторые из них оказались многослойными, с четкой стратиграфией отложений и хорошей сохранностью изделий из органических материалов, что в совокупности определило их высочайшую информационную и научную значимость [2].

С 1993 г. раскопки стоянки Замостье 2 производятся экспедицией Сергиев-Посадского музея-заповедника под руководством В.М. Лозовского. В 1995 г. в этих раскопках принимал участие и автор данной статьи. С 1996 г. памятники Заболотского торфяника, кроме Замостья 2, исследуются Окской экспедицией ИА РАН под руководством А.Н. Сорокина. Помимо раскопок поселений Замостье 4 и 5 мною были обнаружены поселение Минино 1, стоянка и могильник Минино 2 и совместно с сотрудниками Бормутского университета (Англия) под руководством проф. Т. Дарвилла начат реализовываться палеоландшафтный проект.

В работе экспедиции в 1996-98 гг. принимали участие сотрудники ИА РАН А.С. Смирнов, В.В. Сидоров, А.В. Мاستыкова, О.Д. Попова, сотрудник ИГАН Р.Г. Грачева и группа специалистов Бормутского университета (Англия) под руководством проф. Т. Дарвилла, а также московские, калужские и обнинские студенты и школьники. Всем им я хочу выразить свою искреннюю благодарность.

Финансирование работ Подмосковной экспедиции в 1989, 1991 и 1994-95 гг. осуществлялось фондом "Культурная инициатива", в 1989 и 1990 гг. – дирекцией Загорской ГАЭС. В 1996 г. работы финансировались в рамках Федеральной программы "Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации" и по гранту Российского научного гуманитарного фонда (РГНФ, № 96-01-18019), в 1997-98 гг. – по гранту РГНФ № 97-01-00250 и из личных средств участников экспедиции.

В данной статье я остановлюсь лишь на некоторых результатах трех последних лет работы экспедиции – с 1996 по 1998 гг., в которых принимал непосредственное участие.

До 1996 г. работы велись традиционно и преследовали цель накопления материала, причем, за все это время не была установлена площадь ни одного из памятников.

В 1997-98 гг. помимо охранных раскопок разрабатывалась и применялась методика щадящих полевых исследований, основанная на аэрозондировании и почвенно-стратиграфическом зондаже. В силу катастрофического разрушения культурных слоев и артефактов охранные раскопки на торфянике имеют первостепенное значение. Наиболее интересные результаты получены на многослойном поселении Замостье 5 [3] и стоянке-могильнике Минино 2.

Методика раскопок названных памятников зависит от их характера: на Замостье 5 разборка слоев производится исключительно совками и ножами, в Минино 2 используются лопаты. Для защиты раскопа на Замостье 5 от затопления сооружается дамба и применяется “новгородская система дренажа”. Это позволило не только осушить сам раскоп и производить полноценную зачистку слоя, но и открыть в Замостье 5 два не известных до 1996 г. слоя. Как показывает опыт, дамбу ни в коем случае нельзя насыпать из дерна, который фильтрует воду. Методика фиксации материала – традиционная для Окской экспедиции, начиная с 1982 г.: размер квадратов 1×1 м, маркировка четырех секторов картографическая. Весь материал фиксируется на планах масштаба 1:10 по трем координатам.

Многослойное поселение Замостье 5 без преувеличения – один из самых уникальных памятников Русской равнины [4]. Общая площадь раскопа, заложенного В.В. Сидоровым в 1996 г. и включившая раскопки 1994-95 гг., составляет 120 кв. м, из которых неолитические слои вскрыты на площади 80 кв. м, а мезолитические – на площади от 6 до 34 кв. м. С 1994 г. до материка прокопано всего 34 кв. м, поэтому закладка раскопа площадью 120 кв. м была явным просчетом. Общая мощность напластований памятника составляет около 3 м. Стратиграфически четко выделяются не менее 20 литологических слоев и прослоек, вмещающих 10 культурных горизонтов. Четыре верхних культурных слоя связаны с суходольными отложениями и представляют собой жилые площадки поселений эпохи развитого неолита – бронзы. Наиболее выразителен среди них слой позднего этапа льяловской культуры, включающий пласт кухонных куч с развалами десятков сосудов, скоплениями костей, раковин и обожженных камней. Среди изделий преобладают костяные орудия. Кремневые орудия немногочисленны и в основном волосовских форм. На этот слой спроецирован могильник волосовской культуры, в котором в 1996 г. исследовано два погребения: № 3 – вытянутое на спине, и погребение № 4 – сильно скорченное, на левом боку. Оба были ориентированы головой на север. Достоверного инвентаря при погребенных нет, но в засыпке и рядом с костяками в слое встречены типичные волосовские вещи – две кремневые фигурки, костяная подвеска и кремневый наконечник стрелы листовидной формы. По заключению М.В. Козловской, погребение № 3 принадлежит женщине 30 лет, которая, по данным микроэлементного анализа, питалась в основном рыбой и продуктами зоообирательства (моллюски, ракообразные, насекомые). Погребение № 4 принадлежит мужчине в возрасте 40-50 лет, судя по данным микроэлементного анализа, рацион этого человека состоял в основном из мяса наземных позвоночных, хотя растительный компонент также присутствовал.

Под суходольными отложениями залегают слои и прослойки водно-аккумулятивного генезиса. Они включают ранние льяловские, верхневолжские и мезолитические находки. Нижний культурный слой с изделиями рессетинской культуры лежит непосредственно на поверхности алеврита – дне ледникового озера.

Насыщенность находками ранне-неолитических и мезолитических слоев невысока, но они чрезвычайно выразительны. Наибольший интерес представляет найденная в горизонте VII уникальная деревянная конструкция, исследование которой производилось в течение 1996-97 гг. и, к сожалению, так и не было закончено. Конструкция представляет собой деревянный помост из плотно уложенных березовых жердей, опирающихся на две продольные лаги. Длина первой из них составляет около 4 м, но она в древности была больше и оказалась частично уничтоженной при спрямлении русла р. Дубны. Вторая продольная лага прослежена лишь фрагментарно. Видимая ширина сооружения составляет около 2,5 м, а длина зафиксирована на протяжении не менее 4,5 м. Толщина продольных и поперечных лаг равна примерно 10 см. Все сучки на них удалены. Сооружение лежит на торфяных отложениях, возраст которых по спорово-пыльцевому методу (определение Е.А. Спиридоновой, ИА РАН) отнесен к бореалу. Перекрывающие помост отложения датированы атлантикумом. Зафиксированный перерыв в осадконакоплении вызван размывом, который четко прослеживается в плане и в профиле отложений. Четыре даты по C-14 для помоста, полученные в лаборатории Л.Д. Сулержицкого в Геологическом институте (ГИН) определяют его возраст в 6500 и 7500 л.н. Восемь дат для перекрывающих помост отложений близки 7500 л.н., что позволяет считать две даты для помоста в 6500 л.н. омоложенными. Впрочем, судя по сопровождающим находкам из слоя, и даты в 7500 л.н., вероятно, тоже несколько омоложены. Никаких находок на помосте, кроме половины таза лося, не сделано. Вне помоста встречены колья, заостренные продольным отесыванием, костяные крючки с массивной спинкой без бородки, игловидные наконечники стрел, зубчатые остря, остря под 45° и кинжалы.

Выделен ранний мезолитический слой (горизонт VIII), залегающий в нижней части сапропеля и отделенный от среднего (горизонт VII) стерильной прослойкой. В нем встречены рыболовные крючки: плоские и с массивной спинкой, гарпуны, игловидные наконечники стрел, деревянная муфта для тесла, чуринга, наконечник копья или кинжал из крупной кремневой пластины с плоской свидерской ретушью на брюшке и др. орудия. Одна из самых выразительных находок этого слоя – лезвийная часть полностью шлифованного сверленого сланцевого топора, украшенного волнистым и ромбическим орнаментом по боковым граням, а

также насечками по одному из ребер. Его четкое стратиграфическое положение заставляет усомниться в позднем возрасте подобных ему давно известных находок. Возраст горизонта VIII по С-14 определен в 8400 л. н.

Под слоем торфа в ракушечных прослойках на алевролите – донных отложениях ледникового озера – выявлен еще более древний, возможно, финально-палеолитический слой (горизонт IX). В нем найдены рессетинский наконечник стрелы, каменное тесло, концевой скребок, костяные игловидные наконечники и зубчатые острия. Слои и находки этого времени на Заболотском торфянике ранее известны не были. В горизонте X встречены пока только рыбы кости. Три образца по С-14 из горизонта IX дали очень большой разброс дат: от 8200 до 9400 л. н., а дата горизонта X – около 8300 л.н., что указывает на возможное их омоложение и требует проверки в дальнейшем. Из всех горизонтов Замостья 5 и помоста были взяты образцы на радиоуглеродный анализ, которые направлены в ГИН РАН и Кембриджскую лабораторию (Англия). В настоящее время продатированы 18 из них. Кроме этого снято две колонки образцов для спорово-пыльцевого анализа (лаборатория ИА РАН), но обработана к настоящему времени пока лишь одна.

В 1997 г. помост, вмещающий и подстилающие его слои на площади 24 кв. м были законсервированы. В 1998 г. из-за сильной обводненности торфяника работы на памятнике не проводились.

Могильник и стоянка Милино 2 располагаются, примерно, в 100 м к западу от левого берега современного искусственного русла р. Дубны в окрестностях стоянки Замостье 2. Памятник приурочен к мысу, образованному левым западным берегом палеореки и южным берегом палеозера. Он был открыт в 1997 г. в ходе реализации палеоландшафтного проекта. Тогда на площади 7 кв. м были исследованы две могильные ямы. Костные останки человека были найдены лишь в первой из них. Судя по предварительным данным, погребение № 1 принадлежит индивидууму женского пола в возрасте 13-15 лет (определение М.В. Козловской). Правая лобная кость черепа имеет следы проникающей травмы, которая, возможно, явилась причиной смерти. Среди сопровождающего инвентаря присутствуют кремневые и костяные изделия, в т. ч. поствидерский наконечник стрелы, резцы, скребки, нуклеусы, технологические сколы, пластины и отщепы, а также подвески из медвежьего клыка и резцов бобра, костяные уплощенный наконечник стрелы, обломки орудий, а также многочисленные рыбы кости. Судя по отсутствию рыбных костей в культурном слое вне могильных ям, они были помещены в ямы преднамеренно. По данным фитолитного анализа (выполнен А.А. Гольевой, Институт географии (ИГАН)), в образцах из обоих погребений присутствует древесина, что указывает на ее возможное использование в погребальных сооружениях.

В 1998 г. на Милино 2 было первоначально вскрыто 50 кв. м площади, а после того, как они были прокопаны до материка, севернее них было прирезано еще 30 кв. м. При этом шурф с двумя могильными ямами оказался в середине вскрываемой площади. На южной части раскопа новых могильных ям не оказалось, но была доследована часть могильной ямы № 1, в которой был собран каменный и костяной инвентарь. В непосредственной близости от нее были найдены также подвески из клыка медведя и резцов бобра, которые, возможно, происходят из разрушенного погребения или связаны с тризной. Работы в северной части раскопа из-за затопления пришлось прервать, и до материка эту площадь довести не удалось. Поэтому наличие новых могильных ям здесь еще предстоит выяснить. Вместе с тем стало понятно, что на памятнике имеется также слой мезолитической стоянки. Сохранность кости довольно плохая, и вся она значительно фрагментирована. Среди находок – зубчатые и игловидные костяные острия, роговой топор, кремневые поствидерские наконечники стрел, микролиты с затупленным краем, косые острия, резцы, скребки и т. д. Материал относится к бутовской культуре, по времени он предшествует нижнему мезолитическому слою стоянки Замостье 2 и синхронен, вероятно, горизонту VIII стоянки Замостье 5. Мезолитические находки залегают в вивианитовом суглинке, который перекрыт прослойкой супеси, отделяющей его от слоя бурого оторфованного суглинка. Верхняя часть напластований представлена древесным торфом. Вивианитовый суглинок до середины слоя разбит трещинами, которые заполнены супесью и не содержат находок. Вверху оторфованного суглинка встречены единичные невыразительные фрагменты керамики, вероятно, с сетчатым орнаментом и не связанное с ними скопление раздробленных костей лося. Кроме того, в небольшой дренажной канаве, частично прорезающей оторфованный суглинок, поднято несколько черепков с ямочным орнаментом, которые указывают на возможное присутствие на памятнике еще и льяловских слоев.

По данным почвенного (Р.Г. Грачева, ИГАН) и фитолитного (А.А. Гольева, ИГАН) анализов, вивианитовый суглинок и разбившие его трещины вторичны по отношению к культурному слою, они связаны с процессами почвообразования и деструкции. По мнению Р.Г. Грачевой, начало почвообразования относится, по видимому, еще к концу ледниковья, а его окончание – к атлантикуму. Почвообразование протекало при отсутствии избыточного переувлажнения. Оторфованный суглинок, напротив, является аллювием, отложенным холодными, быстро текущими водами. При его формировании верх погребенной почвы (20-30 см, т. е. горизонты А-А2 и верхняя часть горизонта А2В) был смыт. Сохранившаяся часть почвенной толщи позволяет с уверенностью говорить о том, что здесь сформировались хорошо дифференцированные почвы подзолистого типа. Генезис трещин не ясен, судя по полигональному рисунку, не исключен их криогенный характер. Точнее время образования почвы, генезиса трещин и изменения водного режима мог бы дать палинологический анализ, но он пока, к сожалению не сделан.

Изучение распределения костяных, роговых, деревянных и каменных изделий стоянок Замостье 2 и 5 и Милино 2 позволяет уверенно говорить об их разном соотношении на суходольных частях и в шлейфах. Если на суходольных участках древесина практически не сохраняется, то, напротив, в шлейфах она может резко доминировать над всеми другими находками. Соотношение костяных и каменных изделий на суходоле зависит от характера конкретного участка памятника. Не вызывает сомнения, что по-разному происхо-

дит переотложение в шлейфах и разнородных материалов: кремнь откладывается на самое близкое от суходола расстояние, а древесина – на максимальное, т. е. происходит своеобразная “естественная сортировка” материала, что обязательно следует учитывать как при оперировании процентными соотношениями изделий, так и при определении характера конкретного участка памятника.

В 1997 г. перед началом полевых изысканий сотрудником ИА РАН С.Ю. Внуковым и сотрудником географического факультета МГУ С.В. Чистовым была проведена компьютерная дешифровка аэроснимка изучаемой территории. Методы аэрокосмического зондирования довольно широко и успешно применяются в археологии для дораскопчных исследований памятников. Наиболее значимые результаты были получены при изучении памятников, датируемых временем от эпохи бронзы до средневековья. Выявление памятников каменного века по аэро- и космическим снимкам имеет ряд особенностей. Главная из них – значительное изменение природных условий и рельефа за прошедшие тысячелетия. Как известно, памятники каменного века имели довольно четкую привязку к определенным участкам рельефа (берегам рек, озер, островам, мысам и т. д.), поэтому при изучении аэрофотоснимков акватории Заболотского палеозера на первый план была выдвинута задача реконструкции палеорельефа с целью выделения участков, наиболее перспективных для наземных разведок. Предполагалось провести компьютерную обработку аэрофотоснимков и проверить полученные результаты в поле. С этой целью обрабатывался снимок, сделанный весной 1993 г. с высоты 10000 метров. Масштаб аэрофотоснимка составил 1:100000 (т. е. 1 км в 1 см). В дальнейшем путем аппаратного преобразования, используя высокую разрешающую способность снимка, масштаб был увеличен до 1:2000. На основании этой версии изображение было сканировано в объединении “Интерспутник” и оцифровано. Дальнейшая обработка производилась программно-аппаратным комплексом на базе IBM-PC при помощи программных продуктов “Imaging” (специализированная программа для обработки аэроснимков), “PhotoShop” и других прикладных программ обработки изображений. В результате проведенной компьютерной обработки оцифрованного снимка, удаления “шумовых” помех растительности, вычленения русловых желобов и акватории Заболотского палеозера, а также останцово-террасовых элементов рельефа были выявлены отдельные геолого-геоморфологические признаки древнего рельефа и водно-аккумуляционные составляющие полигона. Были получены положительные результаты по выявлению древних геологических разломов в акватории палеозера, русловых желобов проток, впадавших в Заболотское озеро, и отдельных элементов положительного рельефа, к которым относятся острова, включая и погребенные под торфом, с которыми могут быть связаны памятники. Основная масса выделенных на аэроснимках объектов – проток, погребенных островов, береговой линии озера – располагалась на участке правобережной поймы р. Дубны, где поисковые работы провести не удалось. На участке левобережной поймы возможности дешифровки в значительной степени были затруднены в результате антропогенной переработки поверхности: в середине 1970-х гг. здесь была проведена мелиорация в сочетании с планировкой поймы. Вместе с тем, попытка выделения визуально-значимых признаков археологических памятников путем корреляции уже известных с обнаруженными в пределах полигона формами рельефа, поиск закономерностей в расположении памятников, а также попытка локализации мезолитического могильника Минино 2 по внешним признакам успехом не увенчались. Были констатированы отсутствие четких признаков археологических объектов и слабая выраженность элементов палеорельефа. Фактически при анализе аэроснимка не удалось выявить никаких внешних специфических признаков археологических объектов (могильников и поселений или их частей и сооружений). Поиск причин отсутствия визуально-значимых признаков памятников привел к выводу о том, что главную негативную роль в этом сыграли древние почвенные, торфообразовательные и эрозионные процессы, а также современная мелиорация поверхности торфяника. Именно они привели к переработке и “размыванию” признаков. Тем не менее, есть основание полагать, что в дальнейшем сочетание методов компьютерной обработки снимков с наземными разведками и зондажем даст возможность выделить признаки, непосредственно связанные с древнейшим (последнеднепровым) рельефом исследуемого района.

Натурная проверка выявленных с помощью компьютерной дешифровки русловых желобов и других элементов рельефа с целью их пространственной и хронологической увязки осуществлялась в 1997 и 1998 гг. с помощью почвенно-стратиграфического зондажа и шурфовки в пределах контрольного полигона, но закончена из-за трудоемкости и погодных условий не была. Тем не менее, были получены важные результаты по локализации поселения и могильника Минино 2, поселения Замостье 2 и погребенного палеоруслa р. Дубны, расположенного между названными поселениями. Следует отметить, что все они и были открыты в ходе реализации палеоландшафтного проекта, что подчеркивает необходимость пунктуального проведения зондажа и в дальнейшем.

Другой целью почвенно-стратиграфического исследования местности была реконструкция палеорельефа. Поскольку все выявленные к настоящему времени памятники перекрыты торфом и не ясны их территория и приуроченность, реконструкция палеорельефа служит тем конкретным методом, который позволяет решить названные проблемы. Поскольку генезис и рельеф Заболотского торфяника характерны для многих районов приледниковой зоны Северной Европы, где пока отсутствуют полноценные археологические источники, отработка щадящей методики поиска памятников и палеоландшафтного моделирования имеет, без преувеличения, важное значение.

В 1997 г. поперек поймы с востока на запад, начиная от северной оконечности стоянки Замостье 2, в сторону коренной террасы была проведена топографическая съемка лазерным теодолитом участка поверхности размером 100 на 1000 м. Кроме этого, по одной линии на протяжении более 350 м, от Замостья 2 к

Замостье 3, была сделана серия почвенных кернов глубиной в среднем до 4 м. Они располагались на расстоянии в 25 м один от другого. В 1998 г. шаг между кернами был уменьшен до 5 м. Помимо этого было также заложено 14 почвенных шурфов размером 1×1 м. Их глубина колебалась от 1 до 3,5 м. Во всех шурфах, кроме одного, на разных глубинах были зафиксированы разновременные культурные слои. Отложения всех кернов и шурфов фиксировались лазерным теодолитом "Total Station", точность которого составляет ± 1 см на расстоянии до 5 км. Работы по топосъемке памятников были фактически первыми за все время археологического изучения Заболотского торфяника. Все данные детальной топографической съемки оперативно вводились в компьютер. Для их обработки использовалась программа "Surfer" (исследованиями руководил проф. Т. Дарвилл). Все это позволило уже в полевых условиях с высокой точностью локализовать элементы микрорельефа, границы водных форм рельефа и некоторых археологических памятников, увязать почвенные шурфы и керны, провести их корреляцию, получить профиль по линии запад-восток контрольного полигона и составить трехмерную модель распределения погребенных форм рельефа в их историческом развитии. В результате почвенного зондажа и топосъемки было также выявлено два погребенных русла р. Дубны, между которыми на протяжении примерно 150-200 м (между стоянками Минино 1, Минино 2 и Замостье 2) удалось четко локализовать береговую линию древнего озера, существовавшего в мезолите и неолите, поселение Минино 1, стоянку-могильник Минино 2, а также северную и западную оконечности стоянки Замостье 2. Исследование второго заторфованного русла, выявленного вдоль коренной террасы, закончить не удалось. Путем зондажа и моделирования подтверждено резкое падение в восточном направлении (более чем на 2 м) поверхности погребенной почвы от раскопа Минино 2 к Замостье 2. Крайне важным результатом является и установление ареала органики: он находится на расстоянии не более 120 м к западу от современного левого берега р. Дубны.

Исследования Замостья 5, открытие мезолитического могильника, четкую локализацию участка древней береговой линии Заболотского палеозера и ареала органики следует отнести к важнейшим результатам работ 1996-1998 гг.

За четыре года наблюдений (с 1995 по 1998) стало ясно, что с прекращением финансирования мелиоративной системы и ГАЭС, паводковые сбросы из накопителей которой становятся все более частыми, происходит все более активизирующееся катастрофическое разрушение культурных слоев памятников в результате берегообразования, аэрации и вторичного заболачивания. Однозначно установлено, что зачистки и шурфовка на "живой воде" служат провокацией к размыву отложений. Шурфовка вне "живой" воды, приводящая к локальному изменению гидрорежима и аэрации, фактически тоже пагубна, хотя и в более локальных масштабах. Из сказанного ясно, что любая шурфовка должна быть сведена к минимуму и применяться только в тех случаях, когда без нее нельзя решить конкретную охранную задачу. Не вызывает сомнения, что любые научные цели и задачи при работе на Заболотском торфянике должны быть подчинены стратегии спасательных охранных исследований.

Поскольку проводимые на Заболотском торфянике изыскания имеют не узколокальное значение, они должны быть продолжены. Основные направления работ должны включать:

- 1) завершение всех законсервированных раскопов на Замостье 5, 4 и Минино 2;
- 2) охранные исследования разрушаемых участков памятников;
- 3) скорейшую публикацию всех накопленных материалов;
- 4) почвенно-стратиграфический зондаж местности с целью локализации известных памятников и поисков новых, пока не известных;
- 5) проведение остеологических определений материалов раскопок 1996-98 гг.;
- 6) взятие образцов для радиоуглеродного, палинологического, почвенного, фосфатного, диатомового, фиголитного и др. анализов;
- 7) проведение палеоантропологических исследований и микроэлементных анализов;
- 8) объединение усилий как археологов, так и представителей естественно-научных специальностей для комплексного исследования Заболотского торфяника.

Именно это может позволить сохранить уникальные материалы Заболотского торфяника для науки. В этой связи хочу выразить свое соболезнование Совету РГНФ, который, несмотря на положительное заключение экспертов, не сумел возможным финансировать в 1999 г. охранные исследования памятников мирового значения на Заболотском торфянике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупнейших озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
2. Сидоров В.В. Стоянки Заболотского озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции "Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры". 1-5 июля 1997, Сергиев-Посад, Сергиев Посад, 1997.
3. Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции "Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры". 1-5 июля 1997, Сергиев-Посад, Сергиев Посад, 1997.
4. Alexey Sorokin Zamostje, Moscow Region, Russia: A Wet Landscape // Theoretical Archaeology Group. Annual Conference 1997, 16th-18th December. Bournemouth University. Abstracts. 1997.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.N. Sorokin

ZABOLOTSKY PEATBOG: WHAT IS DONE, WHAT TO DO?

Summary

The article gives some results of complex studies on the territory of Zabolotsky peatbog in Sergiev-Posad district of Moscow region in 1996-1998 carried out by the Okskaya expedition. The most interesting results were gained at the multilayer site Zamostje 5 where there were no less than 9 layers found, and at the Mesolithic site-burial ground Minino 2. The method of space fixing of artifacts was used and the method of sparing studies with the usage of aeromethods and soil boring was approbated there.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Н.Е. Зарецкая, Л.Д. Сулержицкий, М.Г. Жилин

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХРОНОЛОГИИ ПОСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЕ VII

Радиоуглеродный метод определения возраста – незаменимый хронометрический инструмент в археологических исследованиях. В основе его надежности – постоянство трех основных процессов: радиоактивного распада, генерации радиоуглерода в атмосфере под воздействием космических лучей и углеродного цикла Земли. Два первых подвержены незначительным флуктуациям, которые, согласно общепринятому мнению [1], могут корректироваться калибровкой дат. Органические вещества и в захоронении не являются закрытыми системами; в связи с этим считается, что природная контаминация может значительно влиять на их возраст. Однако следует учитывать, что в природе преимущественным процессом является разложение органических веществ и их уход из мест скопления, и только в отдельных случаях возможно внесение постороннего углерода в образцы. Этим и объясняется часто имеющая место хорошая воспроизводимость радиоуглеродных дат.

Процессы внесения постороннего углерода в органический материал исследуемых объектов (загрязнения), как правило, неравномерны для различных образцов и их частей, поэтому воспроизводимость дат для различных участков объектов (в том числе археологических) и разных материалов, по общим соображениям являющихся генетически синхронными, будет указывать на надежность датирования. Отдельные даты малоубедительны и малопредставительны для надежного датирования культур.

Радиоуглеродные исследования, проводимые лабораторией Геохимии изотопов и геохронологии Геологического института (ГИН) РАН, включают в себя датирование разнообразных археологических объектов. В рамках основного направления исследований – создания и геоэкологической интерпретации больших массивов радиоуглеродных дат – впервые было проведено детальное радиоуглеродное датирование многослойного поселения мезолита–неолита Ивановское VII¹. Памятник находится в Переславском районе Ярославской области в 2 км к юго-востоку от пос. Ивановское. Он располагается на мысу северного берега Ивановского торфяника и состоит из трех частей: на вершине суходольного мыса находится поселение эпох неолита и бронзы, а также могильник; у его подножия прослежены культурные слои мезолита, раннего и среднего неолита; в 80 м в глубь торфяника раскопано поселение позднего неолита. Памятник открыт Д.А. Крайновым и Н.А. Хотинским в 1973 г., в течение ряда лет раскапывался Верхневолжской экспедицией ИА РАН [2]. Этот памятник оказался весьма благоприятным для радиоуглеродного датирования, так как вмещающие его породы – органогенные торфа и сапропели, пригодные для датирования. Стоянка Ивановское VII стратиграфически изучена раскопками 1992-1997 гг. В результате исследованы погребенный низкий мыс, неоднократно заселявшийся во время низкого стояния воды в палеозере, и участки прибрежных озерно-болотных отложений, вмещающих шлейфы, накапливавшиеся во время функционирования поселений на этом низком мысу.

Стратиграфия раскопа в обобщенном виде такова: 1 – дерн – мощность до 20 см, сформировался после прокладки и расширения обводного канала; 2 – выброс из обводного канала – 12-90 см; 3^a – торф бурокоричневый мощностью до 20 см, в результате тофоразработок была снята верхняя часть этого слоя; 3^b – торф коричневый – 12-40 см, в южной части раскопа в самом верху этого слоя встречена прослойка серо-коричневого торфа с большой примесью сапропеля, количество которого в торфе постепенно увеличивается в южном направлении. Она выделена как литологический слой (л. с.) 3^a мощностью до 6 см; 4 – сапрпель светлый с тонкими линзами торфа – 16-36 см; 5 – сапрпель темно-оливковый – 18-30 см; 6^a – торф коричневый (первоначально рыже-бурый, стал коричневым на большей части раскопа в результате азрации) мощностью до 20 см; 6^b – торф рыже-бурый (местами окислившийся до коричневого) с примесью песка мощностью до 20 см, на границе слоев 6^a и 6^b встречались тонкие (до 2 см) линзы грубозернистого светлого песка. Слои 6^a и 6^b прослежены в северной и центральной частях раскопа, далее к югу, востоку и западу они выклинивались, при этом слой 6^a постепенно замещался слоем 5. В южной части раскопа, где слой 6^b не представлен, слой 5 лежит на слое 7; 7 – песок оторфованный мощностью до 18 см; 8 – песок сизый – 10 см; 9 – глина сизая – более 2 м.

Прослежено 5 культурных слоев (рис. 3): I относится к льяловской культуре развитого неолита, II – к ранненеолитической верхневолжской культуре, II а – к финальному этапу бутовской мезолитической куль-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 98-06-80506.

туры, III – к позднему и IV – к раннему этапам той же культуры [2].

Ранее по поселению Ивановское VII было получено три даты [3].

1. 9070 ± 50 (ГИН-7475а) л. н. – по рассеянному углю, собранному по простиранию из нижней части перетолженного IV культурного слоя (литологический слой 6^{б/7}). Отбор производился с площади 5 м^2 (кв. 46-50) при мощности слоя 10 см. Полученная дата ранее рассматривалась как нижняя хронологическая граница этого культурного слоя, и по ней определялось время начала формирования памятника. Тем не менее, наряду с автохтонным в образец мог попасть и посторонний уголь.

2. 7960 ± 60 (ГИН-8858) л. н. получена по стволу лиственного дерева в кв. 177 – в слое светлого сапропеля (литологический слой 4), перекрывающего культурный слой III. Эта дата относилась к слою светлых сапропелей в целом, так как низ ствола был на самом основании литологического слоя, а верхние ветки – на уровне его верха.

3. 5920 ± 60 (ГИН-7476) л. н. относится к четкому археологическому объекту (в отличие от предыдущих) – крупному кострищу или остаткам какой-то постройки на глиняной подсыпке, прослеженной на границе I и II культурных слоев в восточной части раскопа. В разрезе кострище было вогнутым, более мощный центр его просел в верхнюю часть II культурного слоя, а тонкие края глиняной линзы лежали горизонтально на границе слоев. Дата была получена по углю из этого кострища.

Из вышеизложенного видно, что о хронологии поселения имелись только самые общие представления. Детальное датирование всех пяти культурных слоев и разделяющих их прослоек позволило создать подробную хронологическую канву памятника, определить время начала его заселения и понять особенности радиоуглеродного датирования археологических объектов по разным материалам.

Методика исследований

Отбор образцов на датирование осуществлялся летом 1997 г. во время проведения археологических раскопок на стоянке. Образцы отбирались с четкой привязкой к стратиграфическим уровням, охарактеризованным палинологическими, археологическими и литологическими данными. Для контроля воспроизводимости дат были взяты три полных дробных разреза из разных частей раскопа (рис. 1). Вмещающие породы (торфа и сапропели) отбирались послойно (прослойка мощностью 1-1,5 см) в верхней и нижних частях культурного и/или литологического слоев, а также из центра слоя при его большой мощности.

Особый интерес представляет сравнение возраста различных материалов, находящихся, по мнению археологов, на одних и тех же хронологических уровнях (в нашем случае это торф, сапропель и древесина, содержащаяся в них (обработанная или не обработанная), и обработанная кость). Для решения этих вопросов, в частности для проверки надежности датирования археологических объектов по древесине, на стоянке Ивановское VII было отобрано три парных образца (древесина–торф). Образцы отбирались как из разреза (необработанная древесина), так и по всей площади раскопа с разных стратиграфических уровней в течение всего сезона 1997 г. (необработанная и обработанная древесина) (рис. 1). Для контроля проводимого эксперимента отбирались костные остатки: известно, что органическое вещество костей (коллаген) позволяет выделить из него чистый первоначальный углерод. По нашим представлениям, даты по костям являются наиболее надежными, что показано многочисленными исследованиями древних и, следовательно, в большей степени подверженных загрязнению костей [4].

Для проведения нашей работы оказалось достаточно 39 образцов, по которым были получены 52 даты. Авторы использовали некалиброванные радиоуглеродные даты.

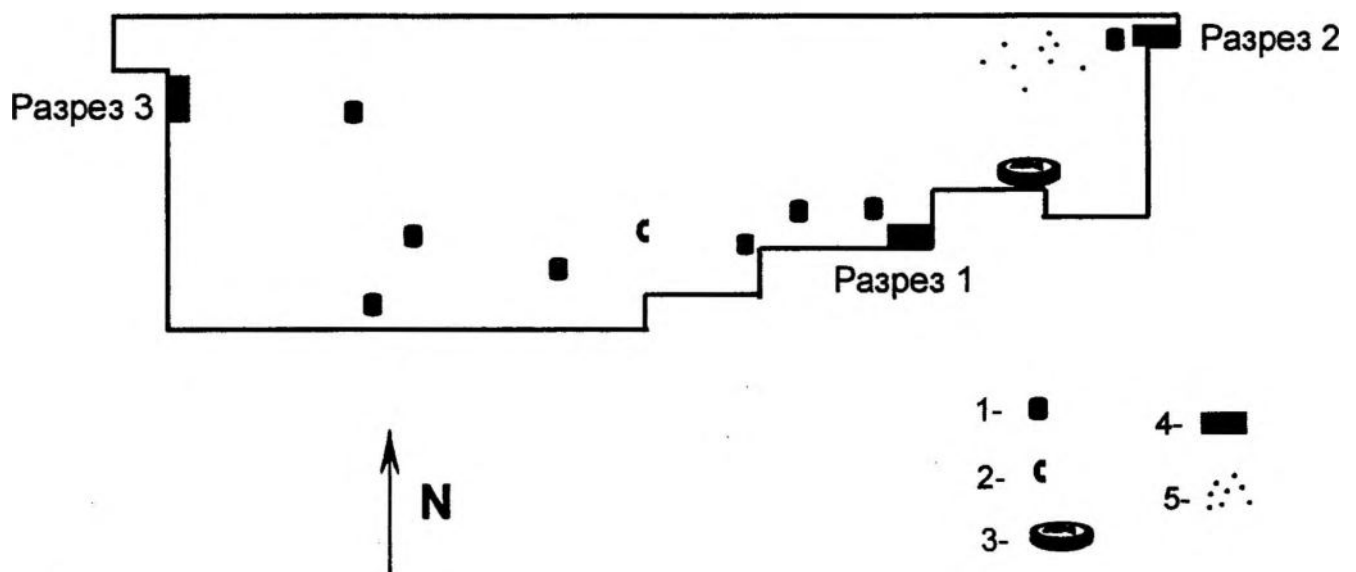

Рис. 1. Поселение Ивановское VII (1992-97 гг.). Общий план раскопа (показаны места отбора образцов для датирования). 1 - древесина; 2 - кость; 3 - очаг; 4 - контрольные разрезы; 5 - рассеянный уголь

Обработка и определение возраста образцов проводились в лаборатории Геохимии изотопов и геохронологии ГИН РАН. К разным материалам применялись разные методики, разработанные в этой лаборатории. Датирование торфов и сапропелей проводилось по двум последовательным – холодной и горячей – щелочным вытяжкам из одного и того же образца. Холодный раствор щелочи (NaOH) выделяет из образца более разложившуюся и, следовательно, более древнюю органику, а более жесткая обработка горячим раствором щелочи позволяет выделить менее разложившийся и более молодой органический материал. Соответственно, даты по холодным вытяжкам обычно древнее, а по горячим – моложе. Хотя эта закономерность не универсальна для различных материалов, обычно подобное датирование позволяет более точно зафиксировать время начала или окончания накопления органического вещества в литологическом и культурном слоях и, следовательно, определить длительность существования поселения. Характерно, что из сапропелей не удалось выделить холодную вытяжку, что говорит о хорошей консервации в них органического вещества и весьма небольшой вероятности его миграции или загрязнения. Даты по сапропелям были получены по щелочной вытяжке, явившейся результатом длительной обработки 2% горячим раствором едкого натра (NaOH).

Определение возраста древесных остатков проводилось по клетчатке после ее очистки последовательно горячими растворами соляной кислоты и едкого натра. Датирование костных остатков проводилось по коллагену по стандартной методике ГИН [4].

Во время отбора и лабораторных исследований образцов удалось выявить возможные пути их загрязнения. Первый, оказавший существенное влияние на определение возраста, связан с удалением бульдозером верхней части торфяника и засыпкой обнажившейся породы выбросом из канавы. В результате смешения молодого торфа с более древними слоями и проваливания его по трещинам усыхания произошло омоложение дат по некоторым образцам (см. об этом ниже). Второй путь связан с проникновением корней современных болотных растений в нижележащие, более древние, слои торфа. Однако методика очистки образца (при отборе и в лаборатории) и использование для датирования щелочных вытяжек (в которые практически не вытягивается современный углерод) позволяют сводить загрязнение современными корнями к незначительной величине.

Результаты датирования и обсуждение

Ниже предлагается рассмотреть радиоуглеродные датировки по стоянке Ивановское VII. Результаты, полученные по трем тщательно проработанным разрезам, позволили построить детальную хронологическую шкалу этого памятника. В первую очередь хочется отметить, что последовательность дат сверху вниз нормальная (в пределах ошибки) для всех трех разрезов (происходит последовательное увеличение возраста сверху вниз). Следовательно, можно говорить о спокойном осадконакоплении на стоянке в течение голоцена и отсутствии переминовения материала по мере его отложения.

Наиболее надежные датировки, на наш взгляд, дал **разрез 1** (рис. 2: А): это наиболее полный разрез, мощности его слоев не сокращены, и материал не переотложен. Из-за расположения разреза в стенке северной экспозиции трещины усыхания, по которым происходит загрязнение образцов, в нем практически отсутствуют. Отсутствие загрязнения подтверждает нормальная последовательность дат сверху вниз по разрезу.

В **разрезе 2** (рис. 2: Б) отсутствуют литологические слои (л. с.) 3^а и 3^б (культурные слои (к. с.) I и II) – они были сняты бульдозером при торфоразработках, вследствие чего дата по горячей вытяжке из верхнего образца (ГИН-9369_{II}), датирующего л.с. 3^а (к.с. Па), оказалась моложе таковых из **разрезов 1 и 3** (рис. 2: Б). Нижняя часть разреза (л. с. 6^б и 7) переотложена, что подтверждается наличием песка в торфе и более молодыми, чем на этих стратиграфических уровнях в других разрезах, датировками (ГИН-9375). Однако из этого разреза был взят образец необработанной древесины на границе литологических слоев 4 и 6^а (ГИН-9368), возраст которой (7770±60 л. н.) оказался существенно моложе возраста вмещающих пород (8200-8500 л. н.) (рис. 2: Б).

В **разрезе 3** верхняя часть (л. с. 3^а) значительно моложе таковой из **разреза 1** за счет сильного рассыхания стенки во время раскопок и обилия в ней трещин, по которым происходило загрязнение образцов материалом из отвала. Начиная с литологического слоя 3^б, влияние трещин практически сошло на нет, и ниже по разрезу загрязнение отсутствует (рис. 2: В).

Анализ генетических типов образцов, их стратиграфического положения, возможностей загрязнения, а также датировок, полученных по каждому из трех разрезов, позволили нам определить примерный возраст накопления каждого культурного слоя и, соответственно, время существования поселений.

I культурный слой: 5140 – 5830 л. н.;

II культурный слой: 6000 – 7000 л. н.;

Па культурный слой: 7000 – 7530 л. н.;

III культурный слой: 8500 – 8880 л. н.;

IV культурный слой: 9500 – 9690 л. н.

Определение возраста I культурного слоя проводилось по датам, полученным только по **разрезу 1**, по причинам, изложенным выше. Подсчет возрастов II, Па и III культурных слоев производился по всем трем разрезам, а возраст IV культурного слоя определялся как по материалам разрезов, так и по отдельным датировкам образцов древесины, рассеянных углей и костей, отобранных по всей площади раскопа. Результаты определения возраста культурных слоев представлены на рис. 3 – сводном разрезе для стоянки Ивановское VII, построенном по результатам датирования. Любопытно, что возраст I культурного слоя, определенный

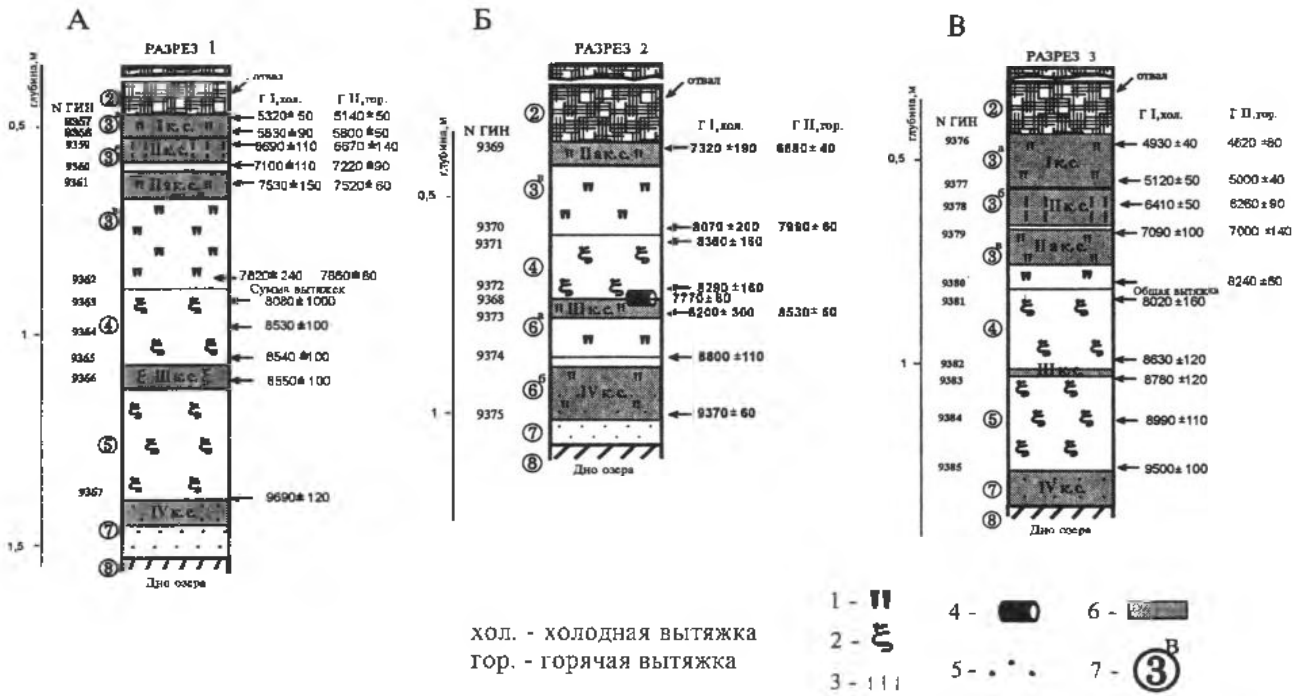

Рис.2. Поселение Ивановское VII. Основные датированные разрезы.

1 - торф; 2 - сапропель; 3 - погребенная почва; 4 - древесина;
5 - озерные пески; 6 - культурный слой; 7 - литологический слой

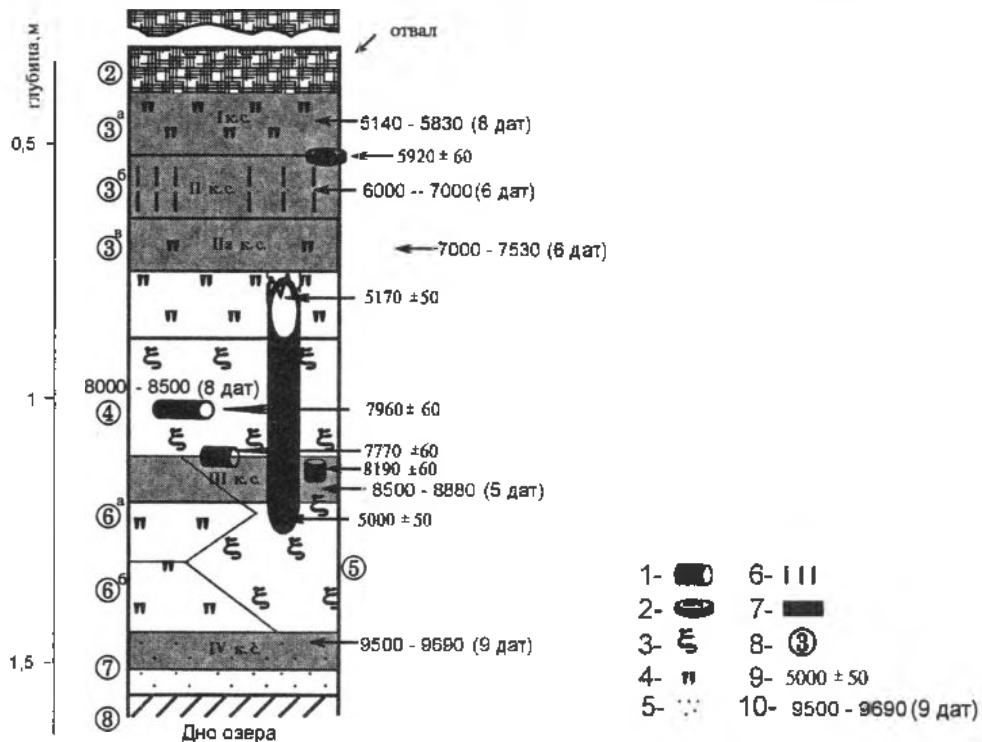

Рис.3. Поселение Ивановское VII. Обобщенный разрез.

1 - древесина; 2 - очаг; 3 - сапропель; 4 - торф; 5 - озерные пески; 6 - погребенная почва;
7 - культурный слой; 8 - литологический слой; 9 - дата конкретного объекта, л.н.;
10 - пределы (л.н.) и количество дат для слоя

по вмещающим породам, согласуется с датой по кострищу – 5920 ± 60 л. н. (ГИН-7476), располагавшемся на границе культурных слоев I и II (рис. 3).

Особое внимание следует обратить на даты, полученные по образцам древесины (обработанной и необработанной) из разных частей раскопа, однако четко привязанным к стратиграфическим уровням. Например, сохранившийся кол (свая), забитый из литологического слоя 3^а в слой 6, должен был быть не моложе 7500 лет. По нему были получены даты 5170 ± 50 и 5000 ± 50 (ГИН- 9355а и 9355б) л. н., по верхней и нижней частям соответственно, следовательно, этот кол был забит гораздо позже, а затем обломан.

Даты по отобраным образцам древесины из сапропелей (ГИН-8858, ГИН-9356 и ГИН-9368, литологические слои 4, 5 и граница слоев 4 и 6^а соответственно) существенно моложе возраста вмещающих их пород. Подобная ситуация весьма характерна для древесины из торфяников. Видимо, происходит отмирание деревьев и проваливание древесины в более древние слои за счет большей ее плотности под действием силы тяжести. В нашем случае ситуация для погружения древесины еще более благоприятная, так как сапропели – более жидкая, чем торф, среда поэтому даты по отдельным образцам древесины на 300-500 лет моложе вмещающих их пород, в частности, культурных горизонтов.

Наиболее интересны для хронологии стоянки Ивановское VII даты из IV, самого раннего культурного слоя (рис. 4), так как по ним определяется возраст начала накопления органического материала и, соответственно, возраст самого памятника. Даты, полученные по образцам необработанной древесины (9640 ± 60 л. н., ГИН-9516) и обработанной кости (9650 ± 110 л. н., ГИН- 9520) из собственно IV культурного слоя (л. с. 7, озерные пески), можно считать маркирующими время возникновения этой стоянки. Дата по древесине (ГИН-9516) валидна для датирования культурного горизонта, так как образец был отобран из песков, перекрытых сапропелями (л. с. 5), и может считаться автохтонным. Даты, полученные по образцам из основного литологического слоя 5, перекрывающего культурный горизонт (одна по древесине и две по вмещающим породам – сапропелям) (рис. 4), не противоречат выдвинутому выше предположению о возрасте стоянки. Тем не менее, раньше начало формирования памятника определялось датой 9010 ± 50 л. н. (ГИН-7475а), полученной по рассеянным углям с контакта л. с. 6^б и 7 [3]. Однако позднейшие раскопки показали, что литологический слой 6^б, содержащий в себе культурные находки IV к.с., перемывался, вследствие чего даты в его основании моложе таковых по образцам, полученным из основания л. с. 6^б (рис. 2: Б). Таким образом, на данный момент возраст нижнего слоя памятника можно определить как 9600-9700 л. н. и отодвинуть время начала его образования на 600-700 лет вглубь веков.

Ниже предлагается реконструкция палеоэкологических событий, сопровождавших заселение памятника Ивановское VII. Около 9700-9500 л. н. в результате трансгрессии палеозера началось отложение сапропелей (л. с. 5), законсервировавших прибрежные участки этого культурного слоя. На остальной площади, ближе к суходолу ок. 9400 л. н. началось отложение торфа с песком, сопровождавшееся перемывом нижнего (IV) культурного слоя. К этому этапу относятся даты 9370 ± 60 (ГИН-9375), 9330 ± 110 (ГИН-9518), 9070 ± 50

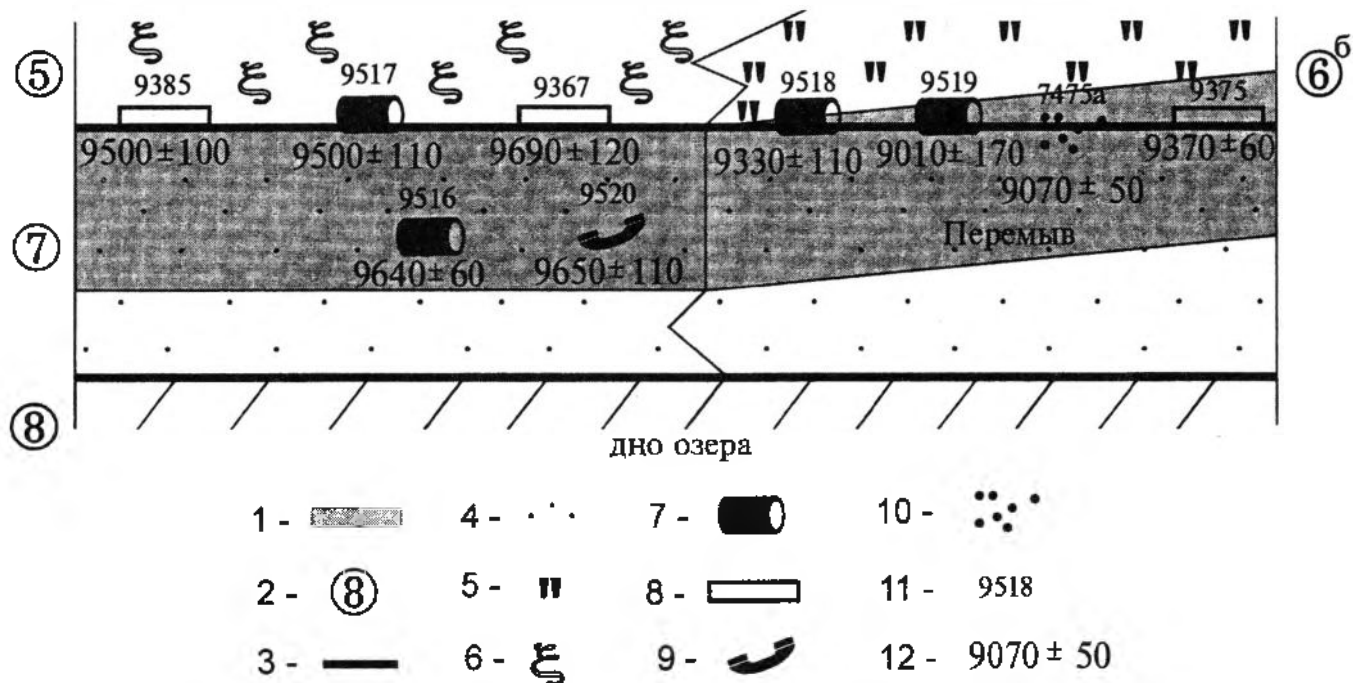

Рис. 4. Поселение Ивановское VII. Даты культурного слоя IV.

- 1 - культурный слой; 2 - литологический слой; 3 - граница литологических слоев; 4 - озерные пески; 5 - торф; 6 - сапропель; 7 - древесина; 8 - места взятия образцов торфа - сапропеля; 9 - кость; 10 - рассеянный уголь; 11 - номер даты ГИН; 12 - радиоуглеродный возраст (л.н.)

(ГИН-7475а), 9010±170 (ГИН-9519) л.н. Около 8800 л.н. уровень водоема понизился, в прибрежной части начал откладываться торф без песка (низ л. с. 6^а), а накопление сапропелей продолжалось дальше от берега. Заселение памятника стало вновь возможно ок. 8780-8500 л. н., что отразилось в формировании III культурного слоя (верх л. с. 6^а и 5). Последовавшая ок. 8500-8000 л. н. мощная трансгрессия привела к полному затоплению места поселения и отложению слоя сапропелей (л. с. 4). От 8000 до 7500 л. н. уровень озера постепенно понижался, что выразилось в отложении торфа (низ л. с. 3^а) на месте сапропелей. Около 7500 л.н. на обсохшей площадке вновь возникает мезолитическое поселение, оставившее культурный слой IIa (верх л. с. 3^а). Последняя слабая трансгрессия ок. 7200-7100 л. н. привела к отложению тонкого слоя сапропелей, перекрывших этот слой в прибрежной части поселения. Дальнейшее развитие торфяника связано с глубокой регрессией озера, начавшейся ок. 6700 л. н., в результате чего на всей исследованной площади сформировалась гидроморфная почва, с которой связан II культурный слой – верхневолжской культуры (л. с. 3^б), существовавшей до 6000 л. н. В интервале 5900-5140 л. н. на берегу заболоченного водоема находилось поселение льяловской культуры, оставившее I культурный слой (л. с. 3^а).

Основные выводы

Создание массива дат по стоянке Ивановское VII позволило решить ряд вопросов, связанных с хронологией памятника.

1. Датирование вмещающих пород в разных частях памятника позволило определить время накопления культурных слоев и “нанести” археологический материал на подробную хронологическую канву.

2. Даты по отдельным образцам необработанной древесины из торфяных памятников не могут надежно датировать культурные слои; то же относится к датировкам по сваям. Отдельные датировки подобных археологических объектов по древесине не следует использовать для хронологических построений без временной шкалы, созданной на основании датирования вмещающих пород.

3. Детальное датирование стоянки Ивановское VII по различным материалам, собранным по всей площади раскопа, позволило не только «удревнить» возраст нижних слоев памятника на 300-700 лет, но и понять причины распределения дат в зависимости от стратиграфического и археологического положения образцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Klein J., Lerman J.C., Damon P.E., Ralph E.K. Calibration of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 24. № 2. 1982.
2. Жилин М.Г. Многослойное поселение Ивановское VII (по раскопкам 1992-1997 годов) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
3. Сулерзитский Л.Д., Заретская Н.Е., Жилин М.Г. Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
4. Сулерзитский Л.Д. Радиоуглеродная хронология мамонтов Сибири и Севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека) // Человек заселяет планету Земля. М., 1997.

*Геологический институт РАН,
Институт археологии РАН,
Москва*

N.E. Zaretskaya, L.D. Sulerzhitsky, M.G. Zhilin

RADIOCARBON STUDIES ON CHRONOLOGY OF SITE IVANOVSKOYE VII¹

Summary

Radiocarbon dating is an important chronological instrument of contemporary archaeology. Therefore the detailed radiocarbon dating of the Ivanovskoye VII site (the Mesolithic-the Neolithic) was carried out in 1997-1998. In the course of the field work three detailed peat sections with cultural layers and many individual samples of wood and bones were taken to be dated. The samples' pretreatment and dating were carried out in the Laboratory of the Isotope Geochemistry and Geochronology of Geological Institute of RAS. Many interesting results were obtained, and important methodological work was done. The duration of each cultural layer accumulation was estimated. The peculiarities of dating of wood from peat sites were studied. The age of the most ancient cultural layer IV and its formation sequence were analyzed. The chronology of the site and the history of its development and accumulation of the layers are presented in the article.

*Geological Institute,
Russian Academy of Sciences
7, Pyzhevsky Lane, Moscow,
109017, Russia*

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

¹ The research is done under the financial support of the grant № 98-06-80506 by The Russian Foundation for Fundamental Studies.

М.Ш. Галимова, К.Э. Истомин

ТРАПЕЦИИ УСТЬ-КАМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современное состояние базы источников позволяет утверждать, что кремневые наконечники стрел – один из основных типов инвентаря мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы – достаточно редки в орудийных наборах памятников мезолита Среднего Поволжья и Прикамья. Кроме того, выборка кремневых наконечников нашего региона по своему составу кардинально отличается от таковой лесной зоны Восточной Европы. Морфологически выраженных колющих наконечников стрел весьма мало. Они известны лишь в нескольких комплексах – таких, как Яндашевская стоянка, Степинцы II, Мелля-Тамакский V могильник, Тетюшская III. Режущих наконечников гораздо больше, они часто встречаются в комплексах усть-камской и камской археологических культур, где образуют иногда значительные серии.

Трапеции наиболее характерны для комплексов усть-камской археологической культуры и долгое время считались основным признаком при их культурной (и хронологической) атрибуции. Эти орудия составляют сейчас самую большую выборку кремневых наконечников стрел мезолита Среднего Поволжья и Прикамья. Было бы чрезвычайно интересно рассмотреть совокупность трапеций и треугольников в контексте сведений о режущих наконечниках мезолитических культур лесной зоны Восточной Европы.

* * *

Учитывая однообразие способов и приемов изготовления поперечно-лезвийных наконечников стрел, все признаки, выделенные нами как типобразующие, описывают варианты формы этих орудий. Вероятно, это справедливо, так как только форма орудия может отражать в данном случае те или иные технологические и/или нетехнологические традиции и нормы, принимавшиеся во внимание при его изготовлении. Мы выделяем три уровня таких признаков.

Первый уровень – симметричность или асимметричность общей формы орудия в плане. Отражает он, несомненно, некоторые различия в функциональном назначении орудий. Например, некоторые типы асимметричных трапеций вполне можно назвать колюще-режущими. Причем, они весьма близки по форме и смыслу использования к так называемым “наконечникам песочноровского типа”. Вероятно также выражение этим признаком каких-либо технологических норм, например, особых способов крепления и/или расположения на древке стрелы.

Второй уровень – форма обработанных краев изделия. Выделено три варианта: оба края вогнутые; оба края прямые; один край вогнут, второй прямой (комбинированные края). Данные признаки отражают, вероятно, какие-то нормы, не заданные прямо потребностями эффективности действия оружия. Признаки этого и следующего уровней можно определить, в основном, как конструктивные.

Третий уровень – пропорции орудий, которые могут быть выражены отношением длины (высоты) наконечника к ширине его лезвия. В соответствии с устоявшейся историографической традицией мы выделяем здесь три группы наконечников: “высокие”, “средние” и “низкие”.

Дать однозначное объяснение причин деления орудий по этому признаку весьма затруднительно. Дело в том, что отношения обязательной строгой пропорциональности существуют только в сознании исследователя, в его стремлении как-то определить границы признака, который является, в принципе, непрерывным, в его попытках превратить этот признак (для удобства использования) из непрерывного в дискретный. Тем не менее, пропорциональность поперечно-лезвийных орудий – явление объективной реальности. Она связана и с закономерностью технологического развития формы данного изделия, и с субъективностью оценки его места в системе древнего хозяйства. Проблема состоит только в более или менее объективном определении критериев выделения групп орудий.

Необходимо принять некоторые неоспоримые для обыденного сознания и широко используемые определения середин подобных групп через основную, “среднюю”, пропорцию. Очевидно, что для “высоких” орудий такой условной “серединной” будет пропорция “2”, означающая, что высота изделия вдвое превосходит ширину его лезвия. Для “средних” наконечников – пропорция “1”, означающая, что высота изделия равна ширине его лезвия. Тогда серединой группы “низких” орудий будет пропорция “0,5”, означающая, что высота орудий вдвое меньше ширины его лезвия.

Это схема. В реальности мы имеем массив орудий с самыми разнообразными показателями пропорций в пределах определенного размаха колебаний. Поэтому нам необходимо установить значения пропорций не только для середин групп, но и показатели на их границах. Мы воспользовались для этого критерием

середины интервала, также привычным обыденному сознанию и интуитивно справедливым. Таким образом, мы получаем ряд значений границ групп пропорциональности орудий.

Показатели пропорции 0,75 и 1,5 являются серединами расстояний от пропорции "1" до пропорций "0,5" и "2". Они фиксируют границы групп орудий, являясь нижним пределом группы средних наконечников (0,75) и нижней границей высоких форм (1,5). Итак, нами приняты следующие показатели границ групп орудий по отношению (пропорции) высоты изделия к ширине его лезвия. *Высокие* – пропорции от 1,5 до какой-то верхней границы (особой в каждой отдельной выборке). *Средние* – пропорции от 0,75 до 1,49 включительно. *Низкие* – пропорции от какой-то нижней границы (особой в каждой отдельной выборке) до верхней – 0,74 включительно.

Показатели пропорций поперечно-лезвийных наконечников отражают отношение мастера к функциональному предназначению предмета. Высокие трапеции с достаточно узким лезвием могли более глубоко проникать в тело жертвы, сильно травмируя ее при этом. Орудия средних пропорций предназначались, очевидно, для нанесения еще более обширной резаной раны. Наконечники низких пропорций могли использоваться и как широколезвийные, и как коллоше-режущие.

* * *

Памятники финального палеолита и мезолита с трапециями в каменном инвентаре расположены компактной группой на обоих берегах Волги, концентрируясь ниже устья Камы (рис. 3). Исключением является Альшиховская стоянка на р. Карлы, левом притоке р. Свияги, находящаяся в 45 км к западу от Волги. Правобережные памятники – стоянки Камское Устье II и V, Сюжеевский взвоз – залегают в верхней части четвертичных суглинков, шлейфами покрывающих коренной склон Волжской долины. Левобережные стоянки – Тетюшская III, Любавская, Косяковская, Семеновская IV, Беганчик – располагались на останцах второй надпойменной террасы также в верхней части четвертичных суглинков. Ныне все левобережные памятники, кроме Беганчика, размыты. Альшиховская стоянка связана с песчаными дюнными отложениями.

Стоянка Камское Устье II. Открыта в 1966 г. М.Г. Косменко [1] и подвергнута раскопкам в 1986 г. М.Ш. Галимовой [2]. Имеет три культурных слоя. Средний слой определен как мезолитический. По наблюдениям Г.П. Бутакова и В.И. Мозжерина, средний слой стоянки оказался рассеченным морозобойными клиньями конца позднего валдая [3]. Коллекция из среднего слоя памятника состоит из 3990 предметов и содержит 29 нуклеусов и 77 орудий. Нуклеусы – торцовые, подпризматические, уплощенные, многоплощадочные. Резцы – ретушные, угловые, двугранные, а также на сломе пластин. Имеются пластины с ретушированными концами, зубчато-выемчатые изделия, комбинированные формы. Интересен фрагмент наконечника дротика подлистовидной формы. Найдены острия с выделенным ретушью концом.

Имеется 7 разнообразных трапеций – по одному экземпляру следующих морфологических типов: 2 (рис. 1: 11), 3 (рис. 1: 19), 8 (рис. 1: 29), 9 (рис. 2: 11), 11 (рис. 2: 13), 13 (рис. 2: 17), 16 (рис. 2: 24). Еще одно орудие имеет только один обработанный край. Его второй край либо не обработан, либо обломан, поэтому оно нами не учитывалось.

Стоянка Камское Устье V. Открыта М.Ш. Галимовой в 1984 г., расположена на склоне горы Лобач в 300-500 м к югу от стоянки Камское Устье II. Памятник распахан. В 1984-1988 гг. здесь была собрана коллекция каменных предметов, подавляющее большинство которых – сколы и осколки. Нуклеусы – торцовые, подклиновидные, уплощенно-призматические, уплощенно-конусовидные. Орудия – ретушные резцы, скребки на крупных сколах, сколы с ретушью по краю, фрагменты пластин с концевой ретушью, скребки высокой формы на отщеплах.

Найдена одна трапеция морфологического типа б, изготовленная из массивной пластины (рис. 2: 1).

Стоянка Сюжеевский взвоз. Открыта в 1966 г. М.Г. Косменко и раскапывалась им же в 1968 г. [4; 5, № 715]. Начиная с 1981 г. на памятнике периодически работает М.Ш. Галимова [6]. Приуроченность культурного слоя каменного века к верхней части склоновых суглинков позволили А.П. Дедкову и В.И. Мозжерину датировать их поздним валдаем [7]. В раскопе 1989-1990 гг. обнаружены 5259 каменных предметов, в том числе 41 нуклеус и 160 орудий. Ядрища представлены торцовыми, многоплощадочными, уплощенно-призматическими, плоскими, подпризматическими и подконусовидными формами. Среди орудий преобладают резцы: ретушные, на сломе, поперечные ретушные, двугранный срединный, комбинированные. Скребки преимущественно концевые на коротких заготовках, есть также угловые, боковой, комбинированные, и с выемчатым лезвием, переходящим со спинки на брюшко. Найдены пластины с усеченным ретушью концом и пластины с ретушированным краем, зубчато-выемчатые орудия, острия, клювовидные изделия. Интересны скребла, долотовидное орудие, небольшие рубящие орудия с двусторонней обработкой, острия с пригнутленным краем, комбинированные формы.

В коллекции имеется 10 режущих наконечников стрел следующих морфологических типов: 3 (рис. 1: 21), 5 (рис. 1: 32, 33, 35, 36, 39), 6 (рис. 2: 2, 3), 16 (рис. 2: 23). Одно орудие сильно фрагментировано и не рассматривалось нами.

Стоянка Беганчик (Измерский остров). Открыта авторами в 1985 г. и исследовалась М.Ш. Галимовой в 1986-1987 гг. [2]. Культурный слой памятника приурочен к верхней генерации суглинков поздневалдайского возраста и погребенной почве этого же времени¹. Коллекция из раскопок включает 1969 предметов из камня, в том числе 12 ядрищ и 60 орудий. Нуклеусы – торцовые, многоплощадочные, уплощенные, подко-

¹ Устное сообщение Г.П. Бутакова.

нусовидный, дисковидный. Среди орудий наиболее представительны резцы — ретушные, на сломе, угловой, срединный одногранный; скребки — концевые, боковой и с переходящим лезвием; а также ретушные резцы-скребки. В небольшом количестве найдены пластины с вогнутым и скошенным концом, предметы с краевой ретушью, клювовидные и скребловидные орудия, пластины с микрорезцовыми сколами.

Две трапеции относятся к морфотипу 3 (рис. 1: 16, 20), 3-я фрагментирована и не включалась в анализ.

Семеновская IV стоянка. Открыта М.Г. Косменко в 1972 г. В 1973 г. этот исследователь провел здесь сбор подъемного материала и расчистку небольшого участка [8, № 339]. Стратиграфическое сходство условий залегания культурного слоя Семеновской стоянки и стоянки Беганчик позволяют предположительно определить возраст Семеновской IV — конец плейстоцена. Коллекция состоит из 733 каменных предметов, в том числе 10 нуклеусов и 132 орудий. Нуклеусы аморфные и сработанные: подконусовидные, плоские, многоплощадочные, уплощенно-призматический. Среди орудий преобладают резцы: ретушные, на сломе, двугранные, поперечный, комбинированные. Найдены концевые скребки на укороченных пластинах, боковые, с переходящим лезвием. Небольшие группы образуют пластины с концевой и краевой ретушью, выемчатые орудия, острия. Интересны долотовидные и клювовидные орудия, пластины с шипами, комбинированные формы, скребловидное и два рубящих орудия подтрапециевидной формы с вогнутыми торцовыми сторонами.

В коллекции имеется семь режущих наконечников: морфотипы 3 (рис. 1: 18, 23), 5 (рис. 1: 37, 40), 9 (рис. 2: 10), 13 (рис. 2: 18). Одно изделие сильно фрагментировано и не учитывалось при анализе.

Косяковская стоянка. Открыта в 1967 г. П.Н. Старостиным, была обследована в 1971-1973 гг. М.Г. Косменко [8, № 344], который провел сбор подъемного материала и вскрыл небольшую площадь в 1989 г. Новые сборы провели авторы данной статьи. Залегание культурного слоя в нижней части чернозема, по наблюдениям М.Г. Косменко, на глубине 50-70 см от поверхности, указывает на сравнительно поздний возраст стоянки — ранний голоцен. В сводной коллекции 1967-1973 гг. насчитывается 1829 предметов из кремня, в том числе 43 нуклеуса и 375 орудий. Нуклеусы аморфные, а также сильно сработанные: торцовые, конусовидные, карандашевидные, плоские, подпризматические. Среди орудий большую группу образуют скребки (130 экз.). Преобладают концевые, есть полукруглые и округлые, боковые, угловые, с узким лезвием, комбинированные. Резцы — ретушные, на сломе, двугранные, поперечные ретушные, комбинированные. В меньшем числе найдены пластины с концевой ретушью, со скошенным концом, острия, сверла, изделия с ретушированным краем, зубчато-выемчатые орудия, пластины со скошенным краем, клювовидные орудия, резцы-скребки, скребло, долотовидное орудие.

В составе коллекции — 11 режущих наконечников, среди которых преобладают орудия низких пропорций: морфотипы 2 (рис. 1: 12, 13), 3 (рис. 1: 15), 8 (рис. 1: 26), 6 (рис. 2: 4-7), 11 (рис. 2: 14), 15 (рис. 2: 19, 20).

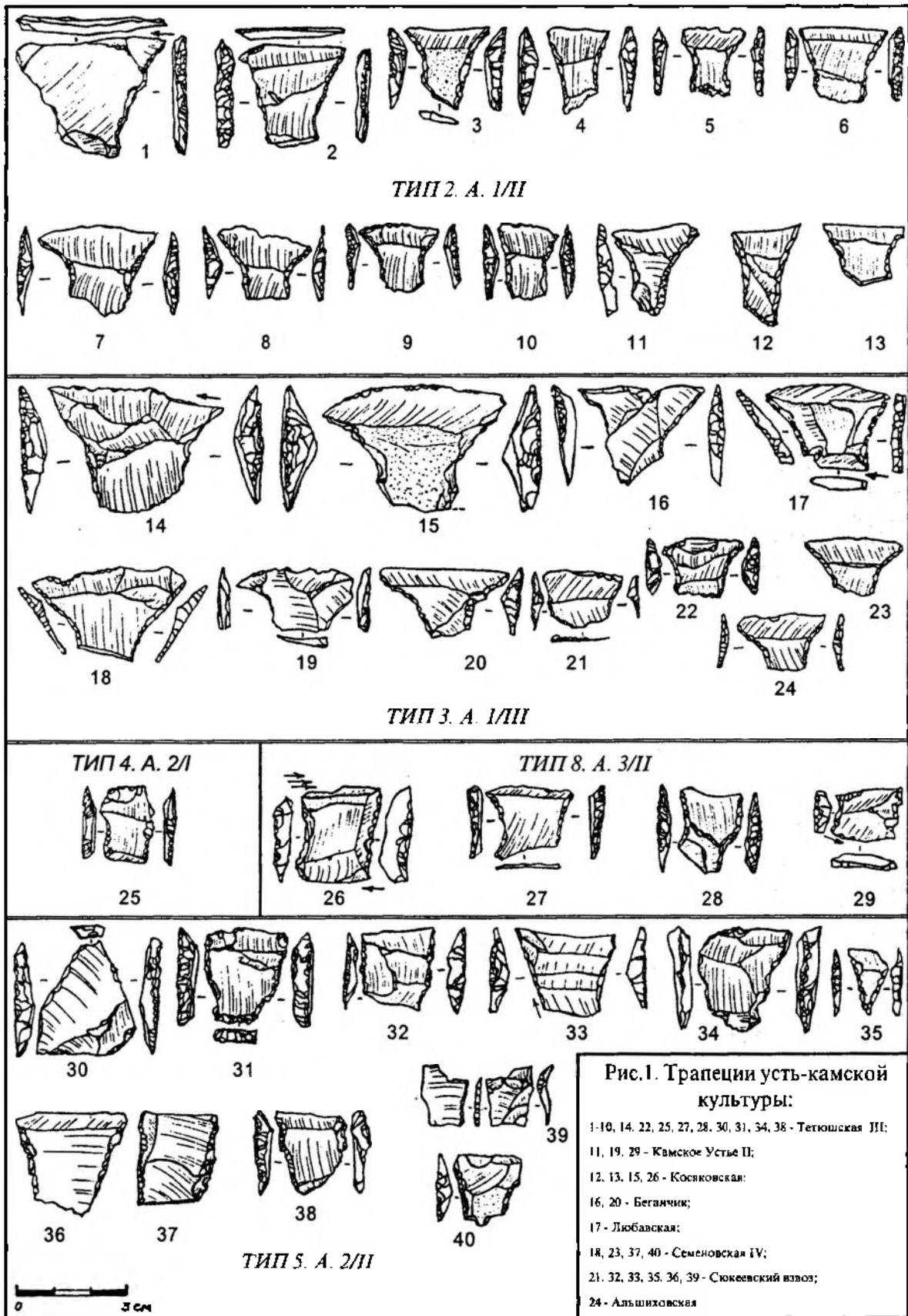
Любавская стоянка. Открыта и исследована М.Г. Косменко в 1972 и 1973 гг. [8, № 345]. Предположительно время существования стоянки — рубеж плейстоцена и голоцена. Культурный слой залегал в иллювиальном горизонте почвы чуть выше плейстоценового суглинка. В раскопе и сборах получена коллекция из 1290 каменных предметов, из них 174 — орудия. Нуклеусы — 31 экз. — сработанные ортогональные, торцовые (в том числе клиновидные от микропластин), плоские, конусовидные и карандашевидные. Среди орудий наиболее представительны резцы: на сломе пластин, ретушные (продольные и поперечные), двугранные, угловые. В группе скребков — концевые, боковые, округлые, угловой, комбинированные, а также с переходящим лезвием. Найдены также скребловидное орудие, пластины с концевой и краевой ретушью, выемчатые, клиновидные, долотовидные орудия, сверла и острия на пластинах, комбинированные орудия.

Зафиксирована одна трапеция морфологического типа 3 (рис. 1: 17).

Тетиюшская III стоянка. Открыта П.Н. Старостиным в 1966 г. [8, № 134]. В 1969 и 1971 гг. памятник обследовали Р.С. Габяшев и М.Г. Косменко, а в 1972-1973 гг. — М.Г. Косменко [4]. Культурный слой стоянки залегал в покровном песке, образование которого на второй надпойме р. Волги происходило, по мнению Г.П. Бутакова, в промежутке от 14 до 9 тыс. л. н. [9]. Выше вскрываются генетические горизонты погребенной голоценовой почвы. Таким образом, культурный слой стоянки сформировался, скорее всего, в позднеледниковье. Коллекция из расчисток и сборов состоит из 2703 предметов из камня, в том числе 31 ядрища и 785 орудий. Ядрища сильно сработанны и бесформенны. Большую группу орудий образуют резцы (257 экз.) — ретушные продольные и поперечные, на сломе пластин, угловые, двугранные, комбинированные. Среди скребков концевые, угловые, округлые, полукруглые, боковые, атипичные и комбинированные, с переходящим лезвием. Большими сериями представлены пластины с вогнутым и прямым ретушированным концом, изделия с ретушированным краем, с шипами и выемками, пластины со скошенным краем, острия. Найдены также клювовидные изделия, скребло, пластины с подтесанными концами. Широко представлены резцы-скребки. Коллекция подробно опубликована М.Ш. Галимовой [10].

Большую серию (28 экз.) образуют трапеции разных форм и пропорций — морфотипы 2 (рис. 1: 1-10), 3 (рис. 1: 14, 22), 4 (рис. 1: 25), 5 (рис. 1: 30, 31, 34, 38), 8 (рис. 1: 27, 28), 9 (рис. 2: 8, 9), 11 (рис. 2: 12), 13 (рис. 2: 15, 16), 16 (рис. 2: 21, 22). Два орудия: одно сильно фрагментированное, второе — с нехарактерной для трапеций обработкой — нами не рассматривались.

Альшиховская стоянка. Открыта в 1987 г. А.А. Ластовским. В 1998 г. памятник на доне, разрушенный раздувами и карьером, был обследован авторами [11]. По данным Г.П. Бутакова, образование золотых (песчаных) отложений на речных террасах Среднего Поволжья происходило в позднем валдае (около 14-9 тыс. л. н.) [9]. Кремневые предметы залегали в гумусовых прослойках в толще дюны. Вероятный возраст памятника — рубеж плейстоцена и голоцена. В нашей коллекции имеется 19 кремневых предметов, в том числе два концевых скребка и трапеция морфологического типа 3 (рис. 1: 24).

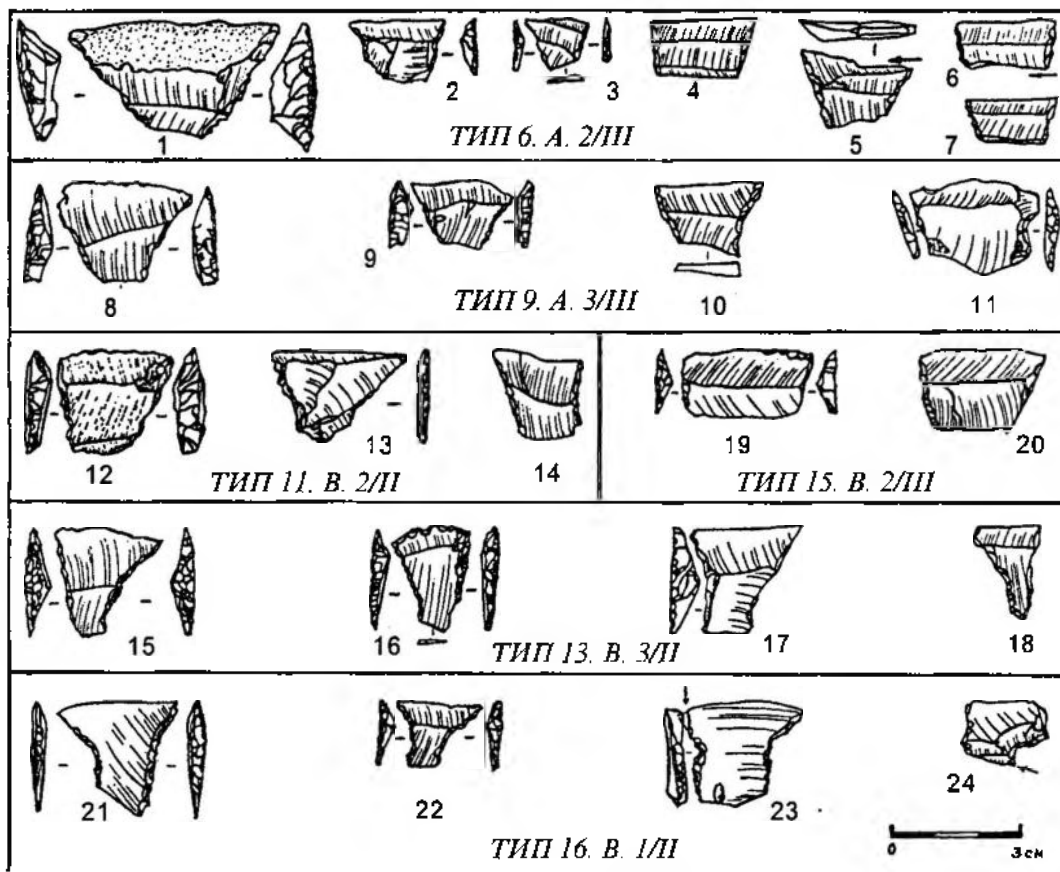

Рис. 2. Трапеции усть-камской культуры (продолжение):
 1 - Камское Устье V; 2, 3, 23 - Сюжеевский взвоз; 4-7, 14, 19, 20 - Косяковская;
 8, 9, 12, 15, 16, 21, 22 - Тетюшская III; 10, 18 - Семеновская IV; 11, 13, 17, 24 - Камское Устье II

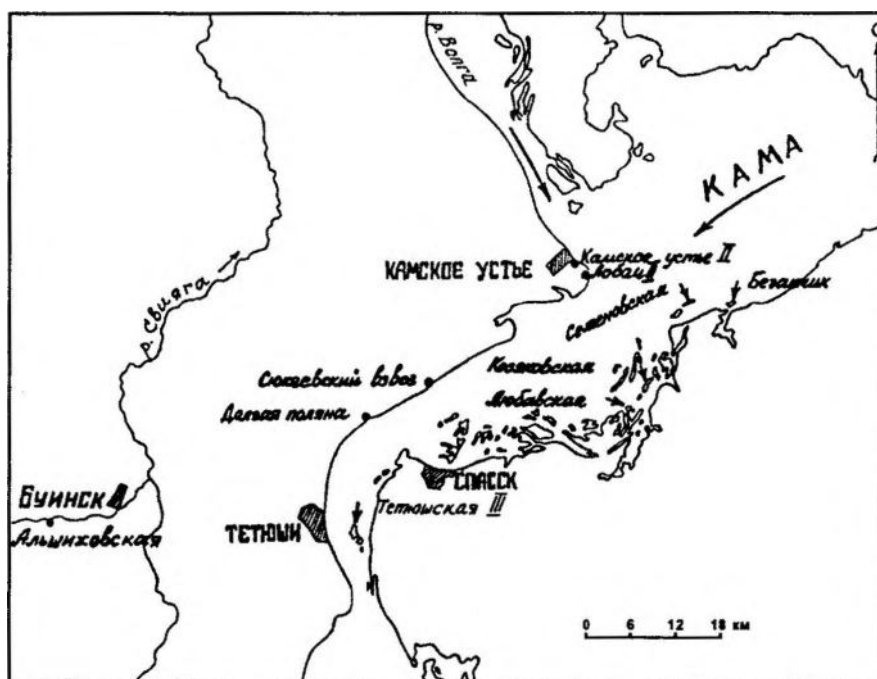

Рис. 3. Карта-схема памятников позднего палеолита и мезолита
 в устье Камы

Анализируемая нами выборка режущих наконечников стрел составлена по материалам девяти указанных выше памятников финального палеолита и мезолита, расположенных в устье Камы (усть-камская культура). Она включает в себя 70 изделий. Для проведения морфологического анализа из них было отобрано 64. Исключение составили 6 наконечников – сильно фрагментированные, первоначальную форму и размеры которых невозможно установить сейчас достоверно. На фоне аналогичных выборок по другим регионам лесной зоны Восточной Европы: Волго-Окского бассейна, Подесенья, Белоруссии и Прибалтики – такое количество орудий выглядит довольно значительным (табл. 1).

Таблица 1. Режущие наконечники стрел, найденные в лесной зоне Восточной Европы

№	Наконечники		Симметричные	Асимметричные	Итого
	Регионы				
1	Волго-Окский бассейн		72	11	83
2	Подесенья		64	20	84
3	Белоруссия		29	7	36
4	Прибалтика		14	—	14
5	Район устья р. Камы		51	13	64
	Всего:		230	51	281

Унификация и формализация описания режущих наконечников стрел вместе с исследованием достаточно большой их выборки позволили авторам рассмотреть основные черты сходства и различия бытования данной категории кремневого инвентаря усть-камской культуры в сравнении с аналогичными выборками по другим регионам Восточной Европы.

Своеобразие средневожских режущих наконечников проявляется уже в их разделении на группы симметричных и асимметричных. Симметричные трапеции и треугольники во всех регионах Восточной Европы не имеют каких-либо ярко выраженных особенностей бытования. Тенденции их распределения по всем регионам (в том числе и в Среднем Поволжье) близки к единице – показателю всеобщего признака по В.Ф. Генингу [12].

Асимметричные наконечники, напротив, наиболее характерны в Восточной Европе для деснинской археологической культуры, а затем следуют орудия со Средней Волги и Белоруссии. Показатель же этой тенденции по Волго-Окскому бассейну достаточно низок, а в Прибалтике такие изделия не зафиксированы. Таким образом, по признаку общей формы средневожский комплекс режущих наконечников наиболее близок к деснинскому.

Ярким своеобразием средневожских режущих наконечников является большая доля орудий с вогнутыми краями. Показатели тенденций распределения определяют этот признак применительно к ним как выраженную локальную особенность. В Волго-Окском бассейне данный показатель находится в границах всеобщего признака, тогда как в других регионах орудия с такой формой краев появляются значительно реже.

При анализе группы средневожских трапеций с прямыми краями мы получаем прямо противоположные результаты. Этот признак равномерно распределен по всем регионам лесной зоны Восточной Европы (показатель тенденции везде близок к единице), однако он менее характерен для комплексов Среднего Поволжья.

Орудия с комбинированными краями распространены в лесной зоне Восточной Европы, в том числе и на Средней Волге, достаточно равномерно. Это может говорить о значительной искусственности выделения данного признака. Вероятно, древний мастер не вкладывал определенный смысл в производство изделий именно такой формы, изготавливая их случайно.

Весьма интересно проследить тенденции распределения режущих наконечников по признаку их пропорциональности. Совершенно очевидно, что здесь выделяются две яркие особенности. Первая – высокие трапеции и треугольники наиболее распространены в мезолитических комплексах Подесенья; вторая – низкие трапеции характерны для средневожских памятников. Арифметические показатели тенденций в этих регионах практически одинаковы и, к тому же, обратно пропорциональны друг другу.

Наконечники средних пропорций наиболее характерны для Белоруссии и Волго-Окского бассейна, тогда как низкие здесь весьма редки. Мало распространены в Белоруссии высокие орудия. В Волго-Очье их процентная доля заметно повышается. Достаточно высоки арифметические показатели тенденции распределения высоких и низких орудий в Прибалтике. Однако это происходит из-за малого объема выборки по данному региону. Такая тенденция не может рассматриваться как устойчивая характеристика.

В итоге рассмотрения выборки режущих наконечников стрел лесной зоны Восточной Европы следует заключить, что высокие орудия характерны, в основном, для Подесенья, средние распространены пример-

заклЮчить, что высокие орудия характерны, в основном, для Подесенья, средние распространены примерно одинаково, лишь с некоторым преимуществом в Белоруссии и Волго-Очье, а низкие трапеции – локальная особенность средневожских мезолитических комплексов.

В мезолите Восточной Европы имеются три культуры, обладающие достаточно представительными комплексами трапеций: иеневская, деснинская и усть-камская. Находки трапеций в других археологических культурах представляются нам на их фоне спорадическими (табл. 2). Поэтому большой научный интерес представляет сравнение массивов режущих наконечников Волго-Окского междуречья и устья р. Камы, а именно иеневской и усть-камской культур. Данные выборки уже были представлены нами выше. Теперь же следует сопоставить их по составу морфологических типов.

Таблица 2. Находки трапеций в археологических культурах лесной зоны Восточной Европы

№ п/п	Культура	Морфологические типы наконечников																Всего:
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
1	Деснинская	2	4	–	35	11	–	1	1	–	4	5	2	8	1	–	–	74
2	Иеневская	–	10	3	6	32	2	2	4	–	1	1	–	2	1	–	–	64
3	Усть-камская	–	13	11	1	11	9	–	2	4	–	3	–	4	–	2	4	64
4	Кудлаевская	–	–	–	5	4	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10
5	Гренская	–	1	–	2	5	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	10
6	Яниславицкая	–	2	–	–	4	1	–	–	2	–	–	–	1	–	–	–	10
7	Бутовская	–	2	1	2	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9
8	Днепродеснинская	–	1	–	–	4	–	1	–	–	–	3	–	–	–	–	–	9
9	Свидерская	–	–	–	1	5	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8
10	Неманская	–	–	–	1	2	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6
11	Другие	–	1	–	–	9	–	–	–	–	1	2	2	2	–	–	–	17
	Всего:	2	34	15	53	91	15	7	7	6	6	16	4	17	2	2	4	281

Выборки режущих наконечников данных культур равновеликие. Нам известно 64 трапеции, найденные в иеневских памятниках; такое же количество орудий имеется в памятниках усть-камской культуры. При сопоставлении таких выборов нет необходимости прибегать к относительным показателям, здесь достаточно и абсолютных цифр.

Сходство комплексов трапеций иеневской и усть-камской культур проявляется в наличии в них симметричных орудий средних пропорций с вогнутыми краями (морфотип 2) – 13 и 10 экз. соответственно. Различий же в этих выборках значительно больше. Так, в усть-камских памятниках известно 13 трапеций морфотипа 3 (низкие симметричные орудия с вогнутыми краями), а в иеневских – всего три. Высоких трапеций с прямыми краями, наоборот, больше в памятниках иеневской культуры – шесть экземпляров против одного – морфотипа 5. Такие орудия широко и достаточно равномерно распространены в мезолите лесной зоны Восточной Европы, но малохарактерны для усть-камской культуры. Здесь их в три раза меньше – одиннадцать экземпляров против тридцати двух в иеневской. В выборке усть-камских трапеций большую роль играют, как уже отмечалось, орудия низких пропорций. В частности, в усть-камской культуре известно семь наконечников морфотипа 6 (низкие с прямыми краями), а в иеневской только два.

Существенное различие между иеневской и усть-камской культурами состоит также и в том, что для последней совершенно не характерны наконечники “песочноровского типа”. В иеневской же культуре такие орудия составляют треть от всех известных кремневых наконечников стрел. Помимо различий в составе кремневых наконечников между данными культурами отмечаются и другие технико-типологические различия. Основной заготовкой для орудий в иеневской культуре служил отщеп, а в усть-камской – крупная пластина. Для иеневских орудийных комплексов нехарактерна плоская ретушь, которая часто использовалась в усть-камской культуре. Различаются и рубящие орудия этих культур.

Имеющиеся между комплексами трапеций иеневской и деснинской культур различия не слишком велики и вполне могут быть объяснены хронологической разницей. Это согласуется с неоднократно отмечавшимся исследователями тождеством их кремневого инвентаря. Трапеции усть-камской культуры не находят близких аналогов ни в том, ни в другом случае и представляют собой весьма своеобразный и уникальный комплекс.

Однако общее технико-типологическое сходство (в свете доступных авторам опубликованных иеневских комплексов) усть-камской и иеневской культур несомненно, что неоднократно отмечалось исследователями верхневожского мезолита [13-15]. Вероятно, наличие элементов сходства между иеневской и усть-камской культурами может быть объяснено их формированием на основе некой восточно-европейской финальнопалеолитической общности, тогда как имеющиеся между ними различия могли быть обусловлены влияниями на иеневскую культуру со стороны аренсбургского населения [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 149. 1977.
2. Галимова М.Ш. Итоги раскопок двух мезолитических памятников в устье Камы // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991.
3. Бутиков Г.П., Галимова М.Ш., Мозжерин В.И. Геолого-геоморфологические условия и палеогеография палеолитических памятников правобережья Средней Волги // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1998.
4. Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3.
5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985.
6. Галимова М.Ш. Исследования на Сюкеевском взвозе в 1989-1990 гг. // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
7. Галимова М.Ш., Дедков А.П., Мозжерин В.И. Археологические доказательства стабильности плейстоценовых перигляциальных склонов в гумидном климате голоцена // Экзотенные процессы и эволюция рельефа. Казань, 1983.
8. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань, 1986.
9. Бутикова Г.П. Плейстоценовый перигляциал на востоке Русской равнины. Казань, 1986.
10. Галимова М.Ш. Тетюшская III стоянка // Новые материалы по мезолиту Волго-Уралья. Казань, 1996.
11. Истомин К.Э. Новые мезолитические памятники в Нижнем Прикамье и некоторые вопросы изучения Волго-Камских мезолитических культур // Древние памятники приустьевое Закамья. Казань, 1993.
12. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / В.Ф. Геннинг и др. Киев, 1990.
13. Кольцов Л.В. Мезолит Среднего Поволжья // Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
14. Кольцов Л.В. Мезолитические культуры Волго-Окского междуречья в контексте Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
15. Кравцов А.Е., Сорокин А.Н. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М., 1991.
16. Кольцов Л.В. К характеристике позднеплейстоценовых и раннеголоценовых миграций в Северной Европе // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново, 1996.

*Научный центр археологических исследований
Института истории АН Татарстана*

*Главное управление государственного контроля
охраны и использования памятников
истории и культуры Министерства
культуры Татарстана,
Казань*

M.Sh. Galimova, K.E. Istomin

THE UST-KAMA CULTURE TRAPEZES

Summary

The article considers the trapezes of the Ust-Kama culture as the main tool for hunting used by its population. Sites of the culture were found in the Kama mouth lands in the territory of the Tatarstan Republic. The early sites of the culture (Kamskoje Ustje, Sukeevsky Vzvoz, Beganchik, Semenovskaya) are dated to the Late Pleistocene while the late ones (Tetushskaya, Lubavskaya, Kosyakovskaya) existed in the Early Holocene. The specific feature of the Ust-Kama culture trapeze assemblage is the predominance of symmetric tools with concave edges. The bulk of the trapezes has low or average proportions. The morphologic analysis of representative trapeze assemblages of the Ust-Kama and the Ienevo cultures allows to state their similarity. The tools typology of those cultures gives the evidence of similar ways of their development from one arguable Late Palaeolithic culture. However the trapezes of the Ienevo and the Ust-Kama cultures are rather different. This fact could probably be accounted for the Ahrensburgian culture influence to the Ienevo culture.

*The Scientific Center of Archaeological Studies of
Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
9, Kremlyevskaya St., Kazan,
420503, The Tatarstan Republic,
The Russian Federation*

*The General Management of the State Control
of Preservation and Usage of the Monuments
of History and Culture of the Ministry
of Culture of the Tatarstan,
Kremle, Kazan,
420014, The Tatarstan Republic,
The Russian Federation*

М.М. Шахнович, А.Ю. Тарасов

ПИЛЫ И ПИЛЕНИЕ:

некоторые наблюдения относительно аспектов технологии и особенностей бытования в каменном веке Карелии

В мезолитической культуре Обонежья пока не выделены “досланцевый” или “бессланцевый” этапы [1, с. 24]. Индустрия сланца фиксируется начиная от самых древних из известных в Карелии памятников вплоть до эпохи раннего железа. Во многом это создает определённое своеобразие археологических культур на территории Карелии, являясь одной из сторон их “визитной карточки” среди других общностей лесной полосы Севера России. Пилы из камня и процесс пиления закономерно рассматриваются в контексте индустрии сланца. Авторы статьи, интерпретируя данную группу орудий, попытались расширить обычную типологическую схему анализа артефакта своими размышлениями, вытекающими из осуществленных ими экспериментов и данных трасологического анализа.

Каменные пилы – достаточно выразительные в морфологическом отношении орудия. Из общей массы находок из камня исследователями они стали вычлняться особенно рано. Например, А.А. Иностранцев, хотя и классифицировал найденные в ходе строительства Ладожского канала пилы из сланца и песчаника как ножи и абразивы, но все же сделал интересные наблюдения об использовании кварцевого песка в процессе пиления кости и рога и идентичности приема расчленения предметов из органических материалов – “пропил с последующим разломом” [2, с. 142]. В.А. Городилов появление “искусства пиления” считает одним из важнейших изобретений “поры полированных орудий”. В кратком обзоре опытов, предпринятых такими археологами конца XIX века, как Келлер, Эванс, Форрер, он приводит способы “опиловки” путем создания “особых станков” с кремневыми пилами, с помощью шнура, а также деревянными и костяными инструментами [3, с. 360-362]. Уже в то время археологам было понятно, что пиление использовалось для создания основной формы неолитических орудий и предшествовало стадии шлифования [4, с. 557]. В XX веке, наверное, после работ А.Я. Брюсова и В.А. Городцова о приемах выработки каменных артефактов, каменные пилы стали устойчиво относить по хозяйственному назначению к группе орудий для обработки камня, вместе со шлифовальными плитами, точильными брусками, отбойниками и ретушерами [5, с. 48; 6, с. 80].

Уже в 20-х гг. XX века несложный процесс пиления камня при изготовлении сланцевых заготовок реконструировался достаточно точно. Вплоть до настоящего времени вопрос о взаимосвязи пил из кварцита и песчаника с технологией обработки сланца и, “возможно, кости” остается общим местом при рассмотрении каменных индустрий лесной зоны европейской части России.

Рассматривая каменные пилы в технологическом ракурсе, можно высказать следующие соображения. В качестве сырья для изготовления пил из камня использовались кварцит, песчаник и структурно более мягкие сланец и шифер, т.е. горные породы анизотропной группы. Обнажения этих сильно рассланцованных пород обильно встречаются по всей территории Карелии. Частое нахождение их прямо на поверхности и несложность отделения по плоскостям сланцеватости позволяет легко добывать материал для заготовок. Можно отметить, что на взятой отдельно стоянке преимущественно использовался один из перечисленных видов материала. В основном предпочтение отдавалось кварциту и песчанику; сланец активнее использовался на памятниках, находящихся непосредственно близ выходов сланца.

В индустрии камня часто можно наблюдать переделку первоначальной формы орудий и специальное приспособление их к новой функции. Для изготовления пил нередко использовались обломки сточенных шлифовальных плит. Такие экземпляры легко вычлняются по наличию следов шлифования на поверхности.

Форма пил достаточно различна и зависит, вероятнее всего, от естественных контуров отобранной заготовки. При отборе последней основным критерием являлось, скорее, удобство захвата рукой при работе и уплощенность. Отмечаемая многими археологами тенденция к “целесообразности и законченности формы” пил приводит к ограниченному числу встречающихся очертаний. Можно говорить о достаточно выраженной, устойчивой стандартизации формы пил в рамках типа как следствии функциональной обусловленности.

При рассмотрении соотношения длины и ширины этих орудий оказывается, что преимущественно оно выражается в пропорции 1,5-3:1, в редком случае – 1:1. Диапазон основных метрических показателей укладывается в потребность использования орудия одной рукой. Размеры пил очень варьируют, например, эк-

земляр из габбро-диабазы с мезолитического поселения Оровнаволок IX имеет в длину 21,3 см при ширине 5,5 см и толщине 0,8-2 см (рис. 1: 1), песчаниковая пила с другого памятника эпохи мезолита – Оровнаволок XII – 6,9×10,8×0,2-1,5 см (рис. 1: 8).

Встречаются как маленькие, изящные, целые пилки, например, находка с Оровнаволока XIV (7,1×3,7×0,5 см) (рис. 1: 3), так и обломки со следами, скорее всего, непреднамеренного слома, но которые могли самостоятельно использоваться в работе. Разница в размерах в условных границах терминов “пилы” и “пилки” позволила сделать предположение, что первые использовались для работы по камню, а вторые – для пиления кости и рога [7, с. 18].

В обычном, наиболее распространенном варианте на пилах отмечается приуроченность рабочей и аккомодационных зон к одному структурному участку орудия. Хотя известны случаи задействования в рабочем процессе и других граней, как, например, упоминавшаяся пила с Оровнаволока XII, где в качестве рабочей части использованы два противолежащих края (рис. 1: 8). Следы от работы в виде заглаженностей, отчетливо выраженных параллельных штрихов очень хорошо заметны и невооруженным глазом. Обычно ширина заглаженных участков колеблется от 1 до 1,5-2 см, но, например, на Оленеостровской стоянке встречаются следы распилов глубиной и до 3-3,5 см. Рабочая часть бывает как прямой, так и скругленной по краям. Н.Н. Гурина описывает также экземпляры с вогнутыми участками на лезвии [8, с. 119-122]. Очень часто визуально прослеживаются следы в рабочей части в виде заполировки, остающиеся либо от соприкосновения с органическими материалами, либо от пиления по сланцу без посредника (песка).

Пилы необязательно имеют острый в сечении рабочий край, часто он бывает сглаженным, округлым. Аккомодационные участки, соприкасающиеся с рукой, имеют визуально различимую заглаженность. Часто отмечаемые другими исследователями случаи преднамеренной оббивки площадки для упора руки с целью ее притупления нами не встречены.

Технологический процесс изготовления данного вида орудия достаточно минимизирован и несложен и сводился, скорее всего, к первичной предварительной подправке рабочего лезвия. Небольшая площадь обрабатываемой поверхности оформления рабочей плоскости не требовала значительных физических затрат. В каких-то идеальных случаях стадия специальной подготовки заготовки могла и отсутствовать. Дважды была отмечена дополнительная подработка: на стоянке Селецкое VI (V тыс. до н.э.) найдена разломанная пополам крупная пила из сланца (21×5,8×0,6 см) с вырезанным желобком на одной из сторон, вероятно, для подвешивания (рис. 2: 4) [9, с. 174], а на неолитической стоянке Кереть I – небольшая сланцевая пила с выгибами с двух сторон углублениями (рис. 1: 9).

Из общих наблюдений можно отметить, что пилы со стоянок эпохи мезолита в Западной Карелии обычно не так четко выдержаны по морфологии и качеству, как пилы с более южных памятников.

Используя схему описания артефакта А.Е. Матюхина [10, с. 16-17], можно заключить, что мы имеем дело с достаточно выраженной типовой моделью орудия. Каменные пилы – это законченные, функционально значимые, типичные в морфологическом отношении орудия с внутренней согласованностью описанных признаков в пределах эталонной типичной формы. Можно согласиться с тем, что между техникой обработки и моделью или “мысленным шаблоном” существовала устойчивая связь, обусловленная традицией [11, с. 14]. Внутри данного типа можно выделить производственные и метрические варианты, отражающие морфологические особенности. В качестве критериев для внутреннего членения могут быть выбраны, допустим, толщина и степень заострения лезвия или общие размеры, а также использованное сырье. Единственное, что не представляется возможным использовать при классификации – это очертания артефактов.

Описываемый вид орудий отнесен к группе пил “по отчетливой функциональной определенности” типологическим методом. В согласии с тем, что наделять орудия функциональными названиями до специального изучения их функции неправомерно [12, с. 18], двадцать один экземпляр “пил” был подвергнут трасологическому анализу Г.Ф. Коробковой в экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН. Только один экземпляр не имел следов, возникающих в процессе выполнения орудием функции пиления, и был определен как стамеска с двумя лезвиями. Все остальные были названы пилами по камню. Интересно орудие со стоянки Олений остров, которое, если судить по изгибу лезвия и систематичности следов, по мнению Е.Ю. Гири, использовалось не “вручную”, а как часть определенного механизма (рис. 1: 2). Еще один обломок небольшой пилки из песчаника со стоянки Пески III имел вторую функцию в качестве скребка.

Для трасологического анализа были предложены два экземпляра знаменитых сланцевых “ножей” из Оленеостровского могильника и со стоянки Пески III, находящиеся в археологической коллекции Карельского государственного краеведческого музея. На одном из них Г.Ф. Коробковой были зафиксированы следы, параллельные кромке лезвия, от пиления мягкого камня и “притертость от ношения на шнурке”. На втором – поперечные линейные следы и скругленность кромки по всему периметру края от процесса скобления шкуры, а также “притертость и деформация от ношения”.

Попытаемся очертить ареал распространения пил из камня во времени и пространстве¹. На самой древней из пока известных стоянок в Карелии – Суна XIII (1-я пол. VII тыс. до н.э.) при наличии мощного сланцевого комплекса пилы и следы пиления отсутствуют [13], а на стоянках 2-й пол. VII тыс. до н.э. Шёлтозеро XV, Оровнаволок IX и XV они уже есть. Причем граница эта достаточно расплывчата, например, в материале стоянки-мастерской Суна XII, датируемой тоже 2-й пол. VII тыс. до н.э., есть четыре небольшие пилки из сланца и песчаника, но следов пиления ни на одном сланцевом обломке не найдено [14, с. 107-108].

¹ Благодарим А.М. Жульникова и В.Ф. Филатову за возможность использовать неопубликованные материалы.

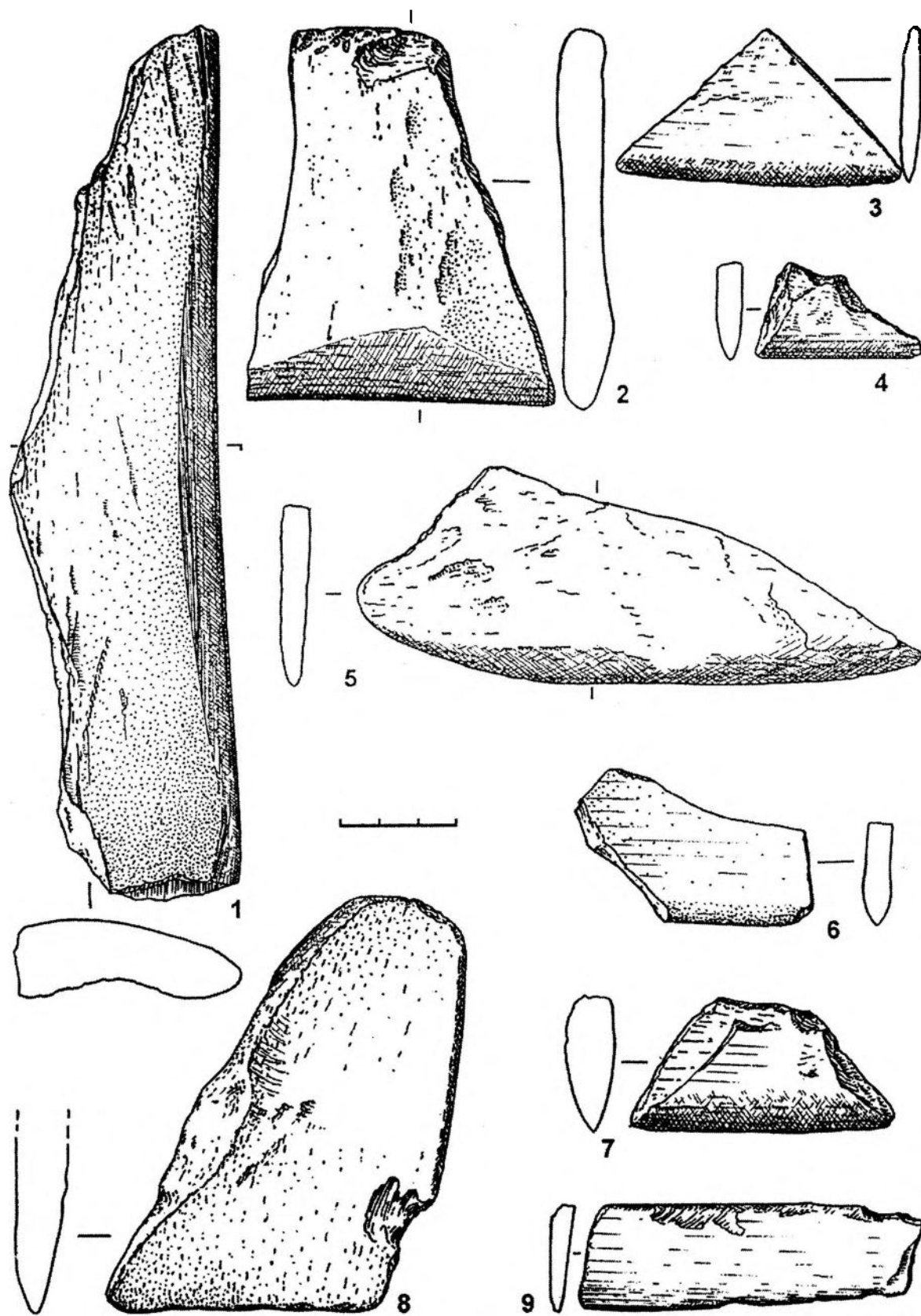

Рис. 1. Каменные пилы.
 1, 5 - Оровнаволок IX; 2 - Олений остров; 3, 4 - Оровнаволок XIV; 6 - Сулгу II;
 7 - Пегрема VIII; 8 - Оровнаволок XII; 9 - Кереть I.
 1 - габбро-диабаз; 2-8 - песчаник; 9 - сланец

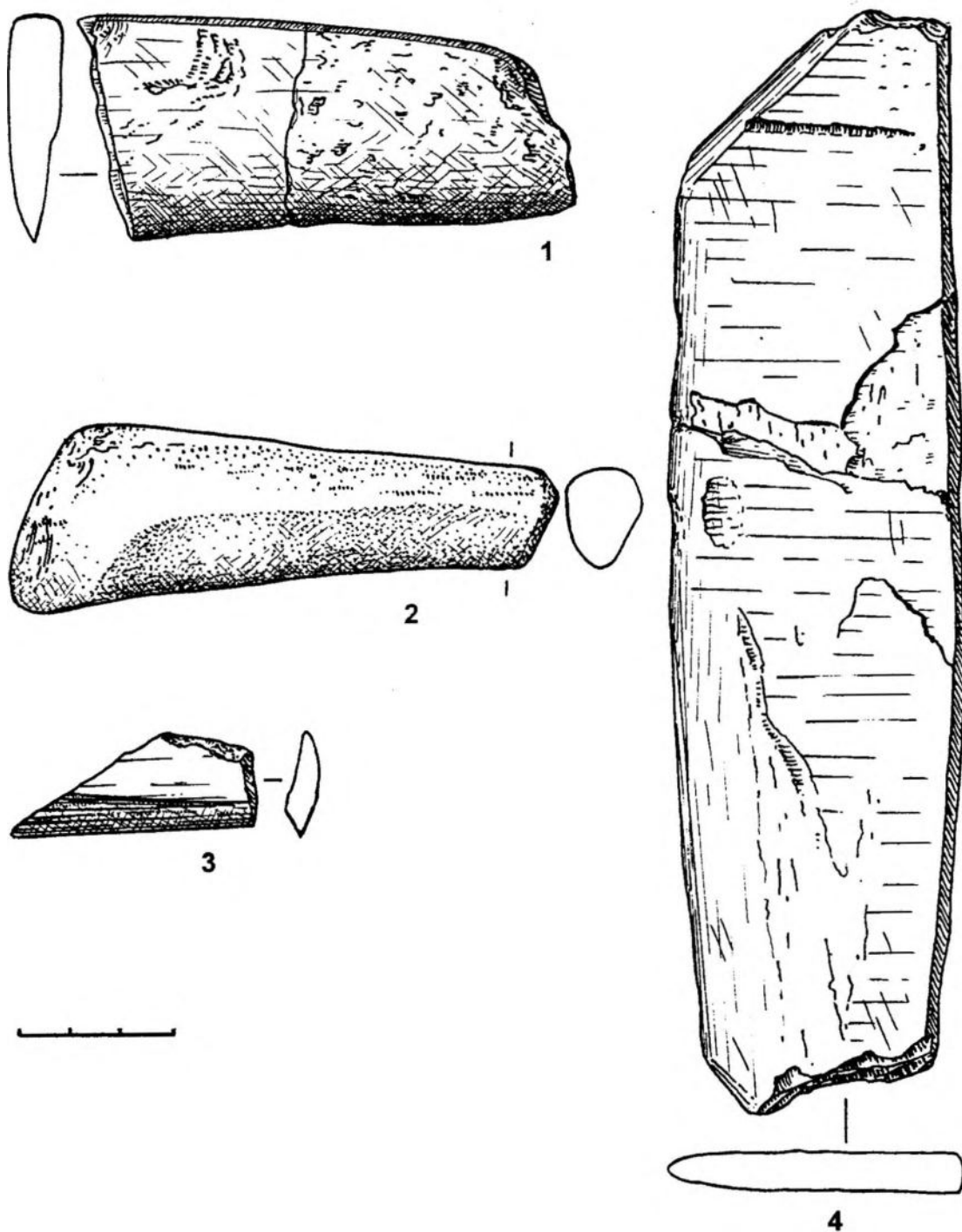

Рис.2. Каменные пилы.
 1 - Суккозеро I; 2 - Тунгуда XXV; 3,4 - Селецкое VI.
 1,3 - песчаник; 2 - кварцит; 4 - сланец

Начиная с сер. VI тыс. до н.э. пилы повсеместно становятся довольно многочисленной группой орудий в Карелии. По сводке Г.А. Панкрушева 1978 г., на 49 памятниках их было найдено 75 экз., т.е. более трети от всего инструментария для обработки камня (шлифовальных плит и брусков, отбойников, ретушеров и т.д.). Справедливости ради нужно отметить, что из них 53 пилы найдены на позднемезолитической стоянке Олений остров [7, с. 17]. Новые раскопки позволили значительно увеличить имеющийся материал. Только на поселении Оровнаволок IX (сер. VI тыс. до н.э.) была найдена 51 пила из сланца и кварцита, что составляет 2,8% от общего числа морфологически вычленимых форм [15, с. 78]. Естественно, что на сезонных стоянках процент пил гораздо меньше, чем на одновременных памятниках «стационарного» характера.

На мезолитических стоянках в Западной и Центральной Карелии доля орудий из сланца в инвентаре обычно очень мала – 0,5-1,5%, однако пилы из кварцита и шифера встречаются все же достаточно стабильно, даже в материале “чисто кварцевых комплексов”, таких, как, например, стоянки на реке Кемь (Авнепо-рог XI, Кривопожская II). Можно отметить, что если в орудийном наборе памятников в Южной и Средней Карелии пилы соседствуют со шлифовальными плитами, как бы являясь составными частями одного производственного комплекса, то в Западной и Северной Карелии абразивы или отсутствуют, или представлены единичными невыразительными фрагментами. В Северной Карелии на известных мезолитических стоянках пилы не обнаружены [16], а на Кольском полуострове появление их вместе со шлифовальными плитами связывается только с началом эпохи неолита [17, с. 35].

На территории Финляндии, по данным В. Лухо, пилы из камня и следы пиления “на кусках слюдянисто-го шифера” редко, но встречаются в материалах средне- и позднемезолитических памятников в южной части страны [18, с. 54], однако эти случаи достаточно эпизодичны, и микро- и макроорудия из сланца следов пиления на себе не несут [19]. То же можно наблюдать и на стоянках культуры кунда. При представительном составе орудий из кости и сланца пилы среди находок, как правило, единичны.

На более южных пространствах, в “кремневой зоне”, пилы как явление в мезолите отсутствуют. Хотя имеются свидетельства, что пиление сланца как технологический прием в это время было здесь известно и в круге мезолитических памятников типа Андозеро-М, и в бутувской культуре. Однако находки пил пока очень редки. Например, по сведениям Н.В. Косоруковой, в Южном Обонежье известен только один экземпляр пилы из песчаника и обломок сланца с пропилом со стоянки Лиственка VII.

Применение пиления при изготовлении орудий из сланца в позднем мезолите нашло свое продолжение и в раннем неолите Карелии. Все так же велико количество находок самих пил, преимущественно из песчаника. Так же, как и в мезолите, пиление используется при формообразующей обработке вместе с такими приемами, как оббивка и продольный скол, с производением пропила только вдоль одной стороны заготовки. Однако нужно отметить, что и пилы, и следы пиления встречаются преимущественно в комплексах с керамикой сперрингс, где доля абразивных инструментов достигает 20% от всего каменного инвентаря.

На шестнадцати памятниках с чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики (по данным В.Ф. Филатовой) пилы есть, но известно только несколько тонких сланцевых плиток с пропилами со стоянок Черная Речка I и Вигайнаволок I. В эпоху позднего неолита и энеолита в Карелии, по материалам А.М. Жульникова, при достаточно стабильной роли пил в “поселенческом” инвентаре следы пиления на заготовках и отходах производства из сланца полностью отсутствуют.

В среднем неолите на Северо-Западе России отмечается усиление общих процессов обмена, фиксируемое по движению сырья (янтарь, сланец, кремль) [20, с. 188]. Перемещаются не только готовые вещи, но и технологические приемы. Пилы заняли свою нишу в материалах неолитических комплексов на Кольском полуострове, в Финляндии, в Восточной Прибалтике и на территории совр. Вологодской области.

Предваряя описание экспериментов, оговоримся, что пиление можно отнести к разряду основных формообразующих приемов, в отличие, например, от шлифования и, тем более, – полирования, как правило, использовавшимися для заточки лезвия и сглаживания негативов сколов на заготовке, общая форма которой уже придана. Следовательно, если шлифование обычно сочеталось с расщеплением, то пиление было призвано заменить его, по крайней мере, на каком-то этапе технологического процесса. Стоит пояснить, что пилением на территории Карелии, как правило, оформлялась одна, реже две, боковые, реже – широкие грани заготовки путем отсечения лишней части, т.е. той, которая подлежит удалению для получения правильной геометрической формы орудия. Применительно к сланцу задача облегчается тем, что он обладает таким свойством, как способность расслаиваться на плитки (сланцеватость), благодаря чему в природе возможно встретить конкреции, форма которых приближается к плитчатой, и одного распила бывает достаточно для придания заготовке требуемой в плане формы.

Иными словами, встает вопрос о том, существовал ли какой-либо выигрыш с точки зрения производительности труда и качества полученного орудия при замене расщепления пилением. А также – насколько вероятна возможность использования пиления для обработки иных материалов, прежде всего кости.

Выяснение этих вопросов было целью проведенной нами серии экспериментов по моделированию процесса данной техники. Обработке подверглись образцы сланца разного уровня твердости, кости и дерева. Одновременно выяснялись рабочие качества пил из различных материалов, а именно кварцита, сланца, дерева, кости. Пиление производилось при непрерывном смачивании и подсыпке песка в рабочую зону. Результаты экспериментов представлены на гистограммах (рис. 3 – 5).

Скорость пиления различных материалов (рис. 3). Все распилы сделаны кварцевой пилой толщиной 3 мм. Пилению подверглись: 1) образцы сланца трех условных степеней твердости: сланец из поселка Соло-

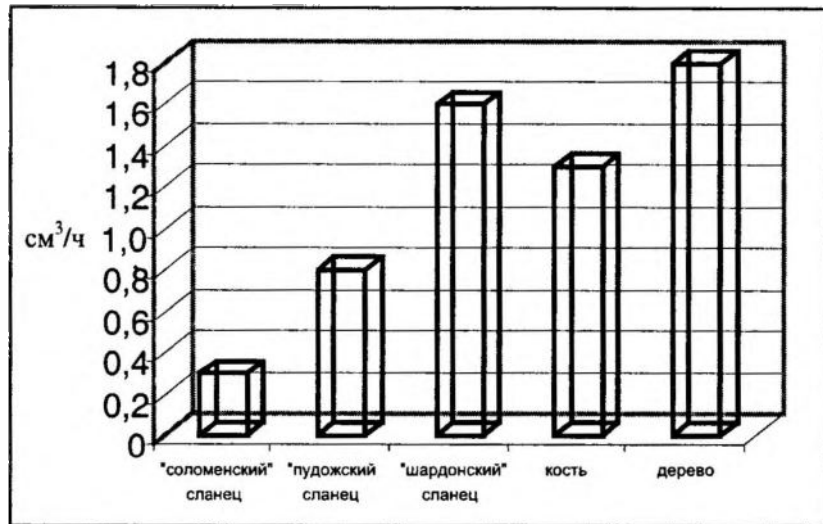

Рис.3. Скорость пиления различных материалов кварцовой пилой (в см³/ч)

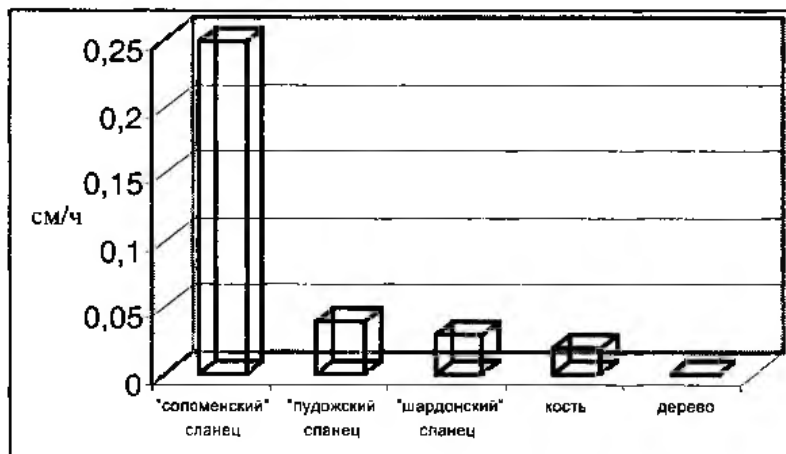

Рис.4. Скорость износа кварцовой пилы при обработке различных материалов (в см/ч)

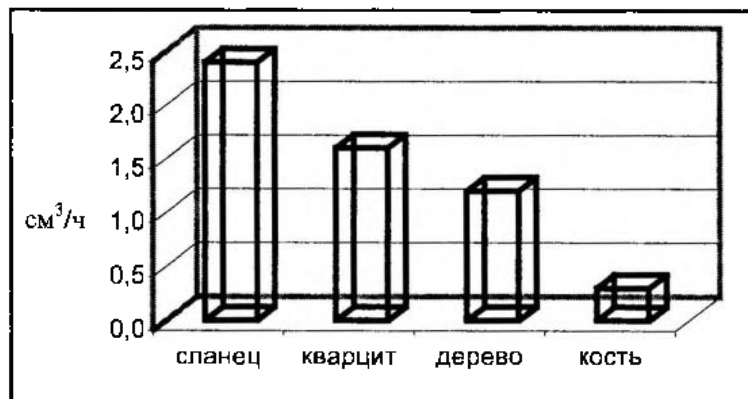

Рис.5. Скорость работы пилами из различных материалов по мягкому сланцу (в см³/ч)

менное в черте г. Петрозаводска – самый твердый (не меньше 5 по шкале Мооса); сланец из Пудожского района Республики Карелия (около 4); сланец с Шардонских островов в Онежском озере (3); 2) коровья трубчатая кость; 3) сухая сосновая доска.

Все сланцы, несмотря на довольно значительные различия в уровне их твердости, достаточно прочны для выделывания орудий (талько-хлоритовый сланец, одна из наиболее мягких разновидностей породы, в эксперименте не использовался). Как и следовало ожидать, скорость пиления весьма значительно зависела от уровня твердости материала. К информации, представленной на рис. 3, следует добавить, что, хотя из соображений точности скорость пиления измерялась в кубических сантиметрах за час работы, гораздо более важным показателем является глубина пропила. На “соломенском” сланце глубины в 5 мм удалось достичь через 6 часов; время, за которое будет достигнута глубина в 1 см, достаточная для оформления одной боковой грани орудия средней толщины (2,5-3 см – дальше заготовка обламывалась по пропилу), составит уже 12 часов (!). В двух остальных случаях требуемая глубина достигается спустя час – полтора; такой уровень производительности представляется вполне приемлемым.

Таким образом, можно отметить, что при использовании наиболее прочного сланца выгода пиления (получение ровных боковых граней, и, соответственно, ровной геометрической формы орудия) уступает возможностям расщепления, когда все орудие до стадии шлифования нам удавалось изготовить за полчаса – час. Несколько, правда, уменьшается время, необходимое для стадии шлифования, однако в любом случае основная его часть уходит на то, чтобы оформить лезвие – операцию, к которой пиление не подключается.

Иначе говоря, прочный сланец обрабатывать данной техникой представляется нецелесообразным. Упомянем, что именно из такого сланца изготавливались макроорудия знаменитого русско-карельского типа, относящиеся к энеолитической культуре асбестовой керамики (вывод сделан на основании анализа материалов памятников с чистым комплексом асбестовой керамики Войнаволок XXVII [21] и Фофаново V, VI). Добавим, что данный тип орудий характеризуется наиболее совершенной для макроформ региона технологией расщепления, а именно устойчивым серийным расщеплением (рис. 6). С другой стороны, на памятнике, на котором нами был зафиксирован максимум использования пиления (более трети от числа готовых орудий) – позднемезолитической Оленеостровской стоянке [22, с. 38] (рис. 6), сланец применялся весьма мягкий.

Скорость пиления кости немногим отличается от аналогичного показателя для мягкого сланца, хотя целесообразность данной техники в этом случае может быть поставлена под сомнение, поскольку кость хорошо поддается раскалыванию, а также резанию, позволяющим столь трудоемкую технику исключить. Тем не менее, при такой операции, как отсечение эпифиза трубчатой кости, ее применение представляется довольно обоснованным.

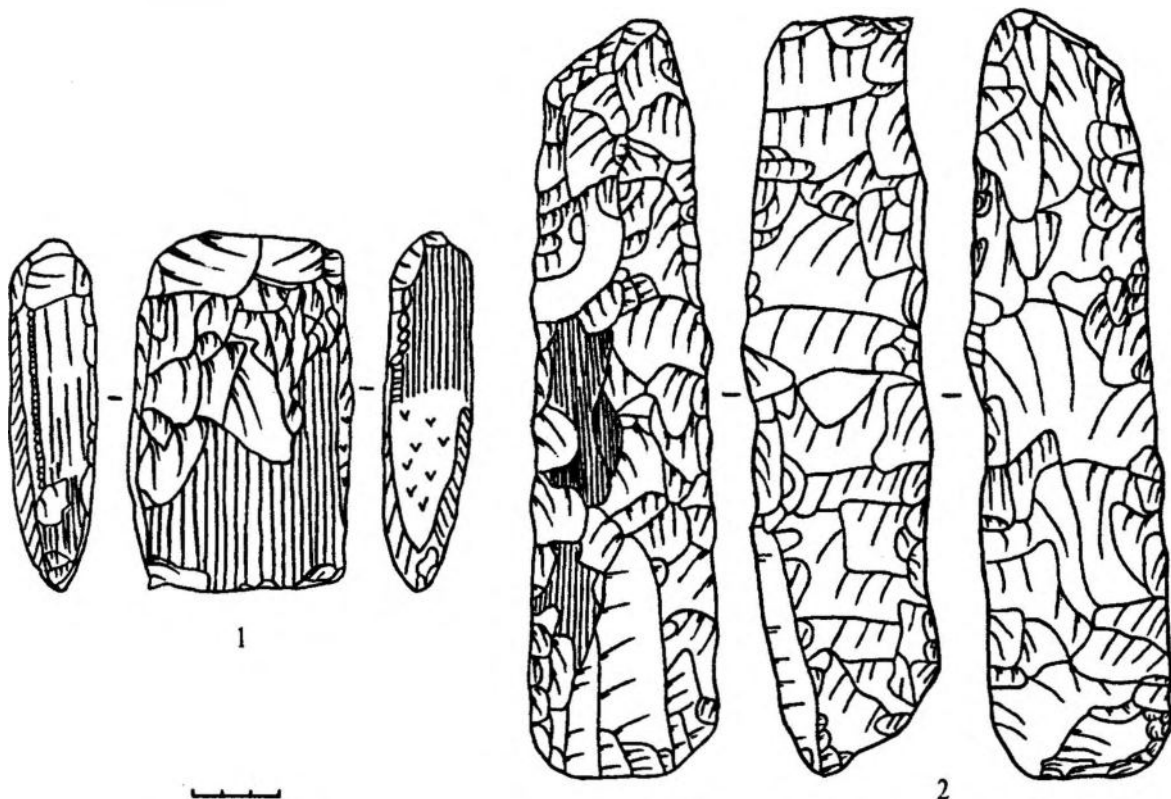

Рис. 6. Рубяще-долбящие орудия, формообразованные с помощью пиления (1) и расщепления (2).
1 - Оленеостровская стоянка, мезолит; 2 - Войнаволок XXVII, энеолит

Несмотря на то, что скоростные показатели пиления дерева – наилучшие среди данной выборки, его эффективность, скорее всего, уступает простому резанию; эксперимент был проведен больше для получения дополнительного сравнительного материала.

Скорость износа пил при пиление этих же материалов (рис. 4). Обращает на себя внимание весьма резкий отрыв этого показателя применительно к наиболее твердому (качественному) сланцу от всех остальных образцов. Фактически скорость износа пилы ненамного уступает скорости углубления распила, в то время как в других случаях износ практически равен нулю.

В ходе процесса происходит самозатачивание пил благодаря тому, что песок постоянно поднимается по стенкам распила, стирая кромки рабочего конца пилы. Замечено, что если боковые грани пилы не параллельны, т.е. ограничивающие их прямые направлены под углом друг к другу, самозатачивание происходит в направлении все большего заострения этого угла; если же параллельны – рабочий край закругляется. Помимо этого, рабочий край приобретает дугообразную в плане форму, в центре теряя большее количество своего вещества, чем по краям – тем быстрее, чем мягче пила.

Наконец, эффективность пил из различных материалов (рис. 5). Лучшие показатели оказались у пилы из мягкого сланца, что немного странно, учитывая сравнительную мелкозернистость этой породы относительно кварцита, хотя именно абразивные зерна, наряду с песком, призваны выступать здесь в роли зубьев современной пилы [23, с. 92]. При использовании деревянной пилы в роли собственно абразива выступает песок, сама же пила служит основой: песчинки врезаются в дерево и на какое-то время остаются укрепленными в нем. В целом такая пила довольно эффективна. Хуже всего показал себя костяной инструмент. Кость – материал слишком мягкий, чтобы выступать в качестве абразива самостоятельно, и одновременно слишком твердый для того, чтобы в ее теле закрепились песчинки, в связи с чем возможность использования пил такого рода исключена.

Подводя итог анализу экспериментов, хотелось бы акцентировать внимание на следующем моменте: несмотря на свои преимущества, абразивная технология, при уровне энергообеспеченности, свойственном каменному веку, предполагавшем почти исключительно использование мускульной силы человека, имеет очень существенный недостаток – она требует больших временных затрат [24, с. 54]. Поэтому в большинстве случаев ее употребление имеет место, когда:

- она не может быть ничем заменена (это относится, например, к технике шлифования – нешлифованное (т.е. незаточенное) лезвие рубящего орудия малоэффективно [24, с. 54-55]. Пиление в этом плане не может быть исключено, например, при обработке волокнистых пород вроде нефрита, жадеита, серпентина);
- обрабатываемая порода достаточно мягкая.

Именно со вторым случаем, по всей видимости, мы сталкиваемся, когда говорим о применении пиления на поселениях Карелии. Однако качество рубящих орудий из таких пород, а именно о них и идет речь в этом регионе, соответственно должно быть ниже. Главным образом поэтому, как представляется, пиление как формообразующая техника никогда не вытесняло расщепление полностью, и это же может служить, по крайней мере, одной из причин окончательного отказа от этой техники к концу неолита. С другой стороны, возможно довольно длительное употребление ее для обработки кости, но доказательства этого предположения пока отсутствуют, поскольку кость в карельских почвах, за очень редким исключением, не сохраняется.

Процесс пиления, как показывают данные экспериментов, достаточно трудоемок и требует больших временных затрат по сравнению с другими способами формообразования сланцевых орудий, например, с оббивкой. Наши наблюдения так же плохо соотносятся с устоявшимся тезисом о восприятии рациональных особенностей каменной индустрии (к которым можно отнести и пиление сланца) как адаптации технологической традиции к наличествующим природным условиям, а также о преобладании рационального начала в деятельности древнего мастера в процессе изготовления орудий труда. Однако по археологическому материалу фиксируется, что при общем эволюционировании индустрии сланца во времени пиление не претерпевает изменений на протяжении почти трех тысяч лет. О чем в этом случае мы можем вести речь: о существовании оптимальной достаточности данного технологического приема или о консервативности стереотипа одной из сторон индустрии камня, или же об отражении какой-то определенной тенденции на культурном уровне?

На наш взгляд, применение пил из анизотропных пород при изготовлении сланцевых орудий следует считать одной из характерных черт культурной традиции каменного века в Карелии. Ограниченный четкими хронологическими и территориальными рамками, данный технологический прием может стать одним из маркеров, определяющих ареал местной культурной общности периода мезолита – раннего неолита вместе с другими оригинальными технико-типологическими вариациями изготовления макро- и микроорудий из сланца и кварца. Это позволяет говорить об еще одном показателе автохтонного, без миграционного влияния извне, развития “карельской” общности в этот временной период.

Стоит рассмотреть также две тенденции, отмеченные нами в материалах разных археологических культур неолита и энеолита в Карелии. Первая: в материале есть пилы и из камня, но не отмечены следы пиления сланца (культуры ямочно-гребенчатой, ромбо-ямочной, “асбестовой” керамики); вторая: имеются находки пил и следов их применения (культуры мезолита Обонежья, сперрингс и гребенчато-ямочной керамики). Закономерно предположение, что пилы в первом случае могли использоваться для обработки органического сырья (кости, рога).

Рассмотрим эту сторону возможного применения пил. Памятники с представительной индустрией кости (кроме Оленеостровского могильника) в Карелии пока не известны, что сводит источниковую базу почти к нулю. Однако, как показали находки костяных орудий в средней полосе России и опыты по физическому моделированию их изготовления, приемы обработки, а именно такие элементы производственного цикла индустрии кости, как первоначальная разметка, применение оббивки или ударной ретуши для придания "черновой" формы, пикетаж, окончательная шлифовка и полировка орудия [25, с. 19], очень близки по многим технологическим моментам к тому облику сланцевой индустрии, который характерен для территории Карелии начиная со 2-й пол. VII тыс. до н. э., за исключением в целом нетипичного для этого региона пикетажа.

Подобное же единство стандартных технических приемов обработки сланца и кости очень хорошо иллюстрируют материалы неолитических поселений Нарва I-III. Интересна ситуация: при незначительном числе орудий из сланца очень велика доля артефактов из кости и рога со следами пиления и шлифования [8, с. 42, 115, 144]. Возможно, использование пил в сланцевой и костяной индустрии могло существовать параллельно. Трудно сказать, отражение какой тенденции мы можем наблюдать: перенос технологий обработки камня на органику или наоборот. В вопросе с пилами, скорее всего, более вероятно второе предположение. Как уже отмечалось, находки пил фиксируются раньше появления следов пиления камня. В этом случае следует вспомнить гипотезу финского археолога В. Лухо, считавшего сланцевые макроформы производными от моделей костяных орудий.

В связи с этим можно высказать следующие предположения относительно "феномена" возникновения пил на ограниченной территории бассейна Онежского озера в среднем мезолите. Вероятно, появление пил из кварцита и песчаника как составной части индустрии сланца на мезолитических памятниках в Карелии можно считать местной, оригинальной адаптацией к специфике сырьевой базы старых традиционных аналогов (например, пилкок из кремня) в процессе поиска наиболее эффективных приемов обработки. Технологическая модель деятельности в индустрии кости в определенный момент была перенесена на изготовление макроорудий из сланца, появление которых также можно определить как следствие освоения "бескремневой" зоны. Естественно, в ходе исторического развития все индустрии претерпевают изменения, приводящие к модификации ряда их элементов. Так было и с ролью пиления в индустрии сланца. Возникнув как подражание приемам обработки органических материалов и просуществовав целостно длительный период, оно перестало быть востребованным в индустрии сланца, перешедшей к качественно иной технологической модели, и начиная с кон. IV тыс. до н.э. пиление стало, по всей видимости, применяться только при обработке кости и рога.

Подводя итог, нужно отметить следующие моменты.

1. Пиление при производстве орудий из сланца – оригинальный технологический прием, возникший в середине мезолита в индустрии камня в Южной Карелии.
2. Пиление необязательно сопутствовало изготовлению сланцевых орудий.
3. Хронологические рамки применения пиления сланца в Карелии – 2-я пол. VI – кон. IV тыс. до н.э.
4. Ареал распространения пил, ограниченный в мезолите рамками преимущественно мезолитической общности бассейна Онежского озера, в неолите значительно расширяется на север и на запад, что является, скорее всего, не следствием перемещения культур, а отражением распространения технологических идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филатова В.Ф. Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии // СА. 1987. №3.
2. Иностранцев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
3. Городцов В.А. Первобытная археология. М., 1908.
4. Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1887.
5. Брюсов А.Я. Приемы выработки каменных орудий на Северо-Западе СССР // Техника обработки камня и металла. М., 1930.
6. Городцов В.А. К истории развития техники первобытных каменных орудий // Советская этнография. 1935. №2.
7. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч.1. Мезолит. Л., 1978.
8. Гурина Н.Н. Из истории древнейших племен западных областей СССР // МИА. № 144. 1967.
9. Шахнович М.М. Стоянка Селецкое VI // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992.
10. Матюхин А.Е. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА. 1995. №3.
11. Голованов Л.В. Ашель-мустье Северо-Западного Кавказа // Петербургский археологический вестник. №8. 1994.
12. Щелинский В.Е. Функциональное назначение орудий стоянки Заскальная V // Петербургский археологический вестник. №8. 1994.
13. Песonen П.Э. Мезолитическое поселение Суна XIII // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
14. Песonen П.Э. Стоянка-мастерская в низовье р. Суны // Археологические памятники в бассейне Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
15. Филатова В.Ф. Инвентарь поселения Оровнаволок IX // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
16. Шахнович М.М. Бескерамические комплексы в Северной Карелии. Поиск хронологических критериев // Археология Севера. Вып.1. Петрозаводск, 1997.
17. Шумкин В.Я. Проблемы изучения раннеолитического периода Северной Фенноскандии // Тверской археологический сборник. Вып.2. Тверь, 1996.
18. Luho V. Die Suomusjarvi-Kultur // SMYA. № 66. Helsinki, 1967.
19. Matiskainen H. Geradmeissel vom südfinnischen Typ, spätmesolitische Gegenstandgruppe // Suomen Museo. Helsinki, 1987.
20. Тимофеев В.И. К проблеме юго-восточных связей неолита Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. Вып.2. Тверь, 1996.

21. Жульников А.М. Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII //РА. 1993. №2.
 22. Филатова В.Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии //Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
 23. Семенов С.А. Первобытная техника: Опыт изучения древнейших орудий по следам работы // МИА. № 54. 1957.
 24. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств: мезолит-энеолит. М., 1983.
 25. Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.

*Карельский государственный
краеведческий музей
Институт языка, литературы
и истории Карельского научного
центра РАН,
Петрозаводск*

M.M. Shakhnovich, A.Yu. Tarasov

**SAWS AND SAWING: SOME OBSERVATIONS ON THE ASPECTS OF TECHNOLOGY
AND ON PECULIARITIES OF THEIR USAGE IN THE STONE AGE OF KARELIA**

Summary

Analysis of materials of the Mesolithic and the Neolithic sites in Karelia leads to the following deductions:

- for the first time a process of sawing as an original way for making tools out of schist is fixed in the basin of Lake Onega in the Mesolithic in the second half of the 6th millenium BC and exists till the late 4th millenium BC;
- stone saws appear for the first time also in southern Karelia, though a bit earlier – in the second half of the 7th millenium BC;
- in the Neolithic the area of saws' usage extends sharply to the north and to the west;
- saws had probably been used only for organic materials' treatment since the 3rd millenium BC, because the traces of sawing on the schist tools have not been detected.

*The Karelian State Local Museum,
1, Lenin Sq., Petrozavodsk,
185035, Republic of Karelia,
Russian Federation*

А.В. Суворов

ЯРУСНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ № 19 МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА НА ПАМЯТНИКЕ МИНИНО I

Сведения о первых результатах изучения могильника каменного века на памятнике Минино I, расположенном на Кубенском озере в Вологодской области, уже публиковались ранее [1]. С 1996 г. исследования на этом многослойном памятнике ведутся группой археологов Научно-производственного центра "Древности Севера" (г. Вологда) и Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН под руководством Н.А. Макарова. В ходе работ 1997 и 1998 гг. общая площадь раскопа I на памятнике удвоилась и составила 124,5 кв. м [2]. Число выявленных на Минино I погребений превысило полтора десятка; сохранность большинства костяков оценивается как средняя благодаря низкому значению рН культурного слоя. Задачей настоящей публикации является введение в научный оборот части новых материалов¹.

Наиболее значимым открытием сезона 1998 г. является относящаяся к мезолитической эпохе группа компактно расположенных погребений № 4, 13, 19 с единой ориентировкой могильных ям, в которых выявлены останки пяти индивидов². Погребения этого небольшого полиритуального могильника существенно различаются по деталям обряда труположения. Погребение 19 – ярусное, в нем найдены останки трех индивидов (определены два – юноша и женщина), два других погребения (мужчин) – одиночные. Поза четырех погребенных – вытянутая: на спине (погребения 13, 19 – индивиды 2 и 3), на животе (погребение 4), а захоронение индивида I в погребении 19 – парциальное (только черепная коробка). Но существуют и общие черты обряда – единая ориентировка материковых ям (ЮЮВ–ССЗ), пеленание тел умерших, использование охры, наличие сопровождающего инвентаря, преимущественно из кости, – украшений костюма у женщины и охотничьего вооружения у мужчин. Почти все орудия повреждены, по-видимому, намеренно.

Особый интерес представляет, несомненно, трехъярусное погребение 19. На Минино I это единственное на сегодняшний день захоронение нескольких человек в одной могиле. В его составе находится и единственное женское захоронение среди выявленных на памятнике (полтора десятка – мужские). Уникальная сохранность кости в грунте и относительно небольшие повреждения погребения дали возможность зафиксировать многие детали необычного обряда.

Погребение 19 было выявлено в материковой яме в кв. И-29, К-29, К-30 раскопа I при завершении разбора разновременных культурных отложений мощностью 0,45 м (рис. 1). На этой части раскопа предматериковый мезолитический пласт культурного слоя в виде светлеющей по мере приближения к матерiku темно-коричневой супеси остался неразобраным лишь в перекрывающихся материковых ямах 55 и 50. В заполнении северо-восточной части последней и были первоначально обнаружены перемещенные фрагменты черепа человека. При зачистке предматериковых слабоокрашенных отложений за пределами ямы, в северо-восточном углу кв. К-29, были выявлены лежащие на месте кости распавшегося черепа человека, имевшие следы посыпки охрой, а в 0,6 м от них – пятно охры над другим, целым, черепом. В ходе расчистки выяснилось, что погребение 19 трехъярусное: в пределах одной могильной ямы один над другим были зафиксированы останки трех индивидов, получивших номера 1, 2 и 3 сверху вниз.

Заполнение ямы погребения оказалось неоднородным. В верхней части, до уровня низа костей индивида I, яма была заполнена достаточно интенсивно окрашенной в коричневый цвет материковой породой. Этот уровень приблизительно соответствует уровню материка и за пределами ямы. Ниже яма содержала почти чистую материковую породу. Примечательно, что отсутствовали четкие границы различно окрашенных частей, не было и окрашенных включений в нижней части заполнения ямы. Очевидно, достаточно темная окраска верхней его части не является следствием засыпки ямы сверху культурным слоем, а возникла в ходе почвообразования и позднее (в меньшей мере) – смешения с вышележащими отложениями в результате деятельности кротов. Подтверждает правильность такой интерпретации наблюдений и минимальное количество артефактов, обнаруженных, кстати, лишь в верхней части заполнения ямы: 7 кремневых сколов и 1 осколок, 1 мелкий фрагмент керамики раннего железного века. В толще материкового заполнения ямы и между костяками было выявлено около 400 разрозненных костей крупных рыб и мелких животных (?), не имевших выраженных зон локализации.

¹ Подготовка публикации осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 99-01-00441а.

² Предварительные антропологические определения проведены А.П. Бужиловой (ИА РАН); исследование почвы произведено П.В. Красильниковым (Петрозаводский государственный университет).

В связи с заполнением ямы материковым грунтом оказалось затруднительным установить точные границы могилы, поэтому ее контуры показаны на планах пунктиром. Для южного торца могилы выявить край ямы с точностью не удалось, показанный здесь контур нужно считать условным. Длина ямы с учетом указанных поправок составляет 2,2 м. Ширина ее в районе плеч – 0,7 м, а в районе голени – 0,5 м. Торцы этой несколько сужающейся к ногам ямы имели, видимо, округлые очертания. Глубина ямы, считая от верха костей индивида 1, составляет 0,3 м, в том числе 0,2 м – в материке.

Индивид 1 (рис. 1, 2). Останки находящегося сверху индивида 1 представлены только частями черепной коробки. Череп был помещен точно по центру общей ямы погребения, над тазовыми костями погребенных нижней нивелировочная отметка черепа практически соответствовала уровню материка за пределами ямы. С течением времени кости индивида 1 оказались фрагментированы вследствие давления с поверхности и затем частично перемещены к юго-западу при выкапывании обширной ямы 50, расположенной юго-западнее погребения и заполненной мезолитическим культурным слоем. Часть смещенных костей свода черепа была выявлена в примыкающей к погребению части заполнения ямы 50 (показаны на плане и разрезе). Предварительное антропологическое определение костей индивида 1 не проведено.

Намеренность помещения черепа в верхнюю часть засыпки неглубокой ямы погребения подчеркивают три обстоятельства – упомянутое выше расположение точно в центре ямы, наличие сопровождающего инвентаря и отмеченная окрашенность костей охрой (в сравнении с другими погребенными, впрочем, значительно менее интенсивная). Поскольку охра здесь не образовывала самостоятельного скопления, на плане погребения она не показана. Под оставшимися на месте фрагментами костей черепа индивида 1 расчищен обломок костяного двухлезвийного кинжала с пазами (рис. 2, № 1)³. Между костями найдены и три кремневых вкладыша (№ 2, 3, 158), один из которых – концевой, имеющий скошенный ретушью угол. Возможно, вкладыши некогда относились и к этому кинжалу, положенному в погребение уже в фрагментированном виде. Представляется, что обстоятельства обнаружения находок позволяют отнести их к сопровождающему индивида 1 инвентарю.

Ниже индивида 1, отделенные прослойкой грунта в 0,1 м, залежали останки индивидов 2 и 3 – одновременно положенных в могилу целых тел юноши и молодой женщины, скелеты которых лежали вытянуто на спине, один на другом, головами в одну сторону, на северо-северо-запад (325°). Заполнение могилы ниже уровня костей индивида 1 состояло практически исключительно из материковой породы – почти белой су-песи, включавшей лишь упомянутые выше рыбы кости.

Индивид 2 (рис. 1, 3) – молодая женщина в возрасте 20–29, вероятно – около 24 лет. Плечи погребенной приподняты, руки вытянуты вдоль тела, кисти расположены на верхних частях бедренных костей. Кости кистей, находившихся в состоянии ротации (“на ребре”), прижаты к боковой и передней поверхностям соответствующих бедренных костей. Длинные кости ног плотно сдвинуты, стопы оттянуты и частично перекрываются. Такая поза свидетельствует о плотном пеленании тела; руки при этом были прижаты к бокам. Видимо, вследствие этого дистальные части костей правого предплечья оказались даже под внешним краем правой подвздошной кости распавшегося таза. Череп погребенной лежал на левой части затылочной и левой височной костях – с поворотом влево. Подбородок был прижат к груди так, что нижняя челюсть охватывала ветвями шейные позвонки. Череп (вернее, черепная коробка, вмещавшая мозг) был обсыпан довольно значительным количеством красно-коричневой охры (масса собранной части в сухом виде – более 0,5 кг). Скопление охры вокруг головы имело довольно четкие границы, вероятно, определенные некогда существовавшими пеленами.

Кости погребения под давлением земли оказались фрагментированы. Из нарушений порядка расположения костей должны быть упомянуты лишь перемещение и частичное изъятие фрагментов малых берцовых костей норным животным и перемещение трех концевых фаланг кисти правой руки при выкапывании ямы 50.

Костюм женщины украшали почти 150 мелких нашивок с парными нарезками для пришивания с одного, реже – с обоих концов (рис. 5). Нашивки изготовлены из зубов животных и крупных рыб, осколков крупных трубчатых костей, фрагментов мелких костей животных, птиц и крупных рыб. Большинство из этих украшений (112 экз.) составили простейшие однотипные прямоугольные отрезки тонких участков кости животного(?) длиной около сантиметра при ширине три–четыре миллиметра с поперечным прорезом вдоль короткого края с одной из сторон, предназначенным для пришивания (например, рис. 5, № 103, 105; рис. 3, деталь). Среди костей женщины была найдена и небольшая шаровидная бусина из рога или кости (рис. 5, № 4). Большое количество костяных нашивок позволяет представить некоторые детали не дошедшей до нас одежды. Головной убор женщины был украшен расположенными по кругу на уровне лба восемью нашивками из фрагментов коренных зубов и клыков хищников (собаки?). Одежда, очевидно, имевшая длинные рукава, была украшена по внешнему краю плеча и особенно в зоне предплечий и запястий десятками мелких прямоугольных нашивок, прикреплявшихся к ней поодиночке или небольшими группами. В двух случаях выявлено сохранившееся рядное расположение нашивок в группе (например, рис. 3, деталь). По низу туловища, на месте края короткой одежды или пояса, найдено несколько нашивок из зубов крупных животных – лоса и какого-то хищника – и несколько мелких нашивок. Интересны обнаруженные там же нашивки из обломков зубов крупной щуки(?) (№ 33, 34) и из фрагмента челюсти щуки(?) (рис. 5, № 166).

³ Вещи в погребении 19 получили в поле сквозную нумерацию от 1 до 169. Здесь и далее на планах и рисунках указаны полевые номера. Приведены нивелировочные отметки от единого “0” – репера памятника.

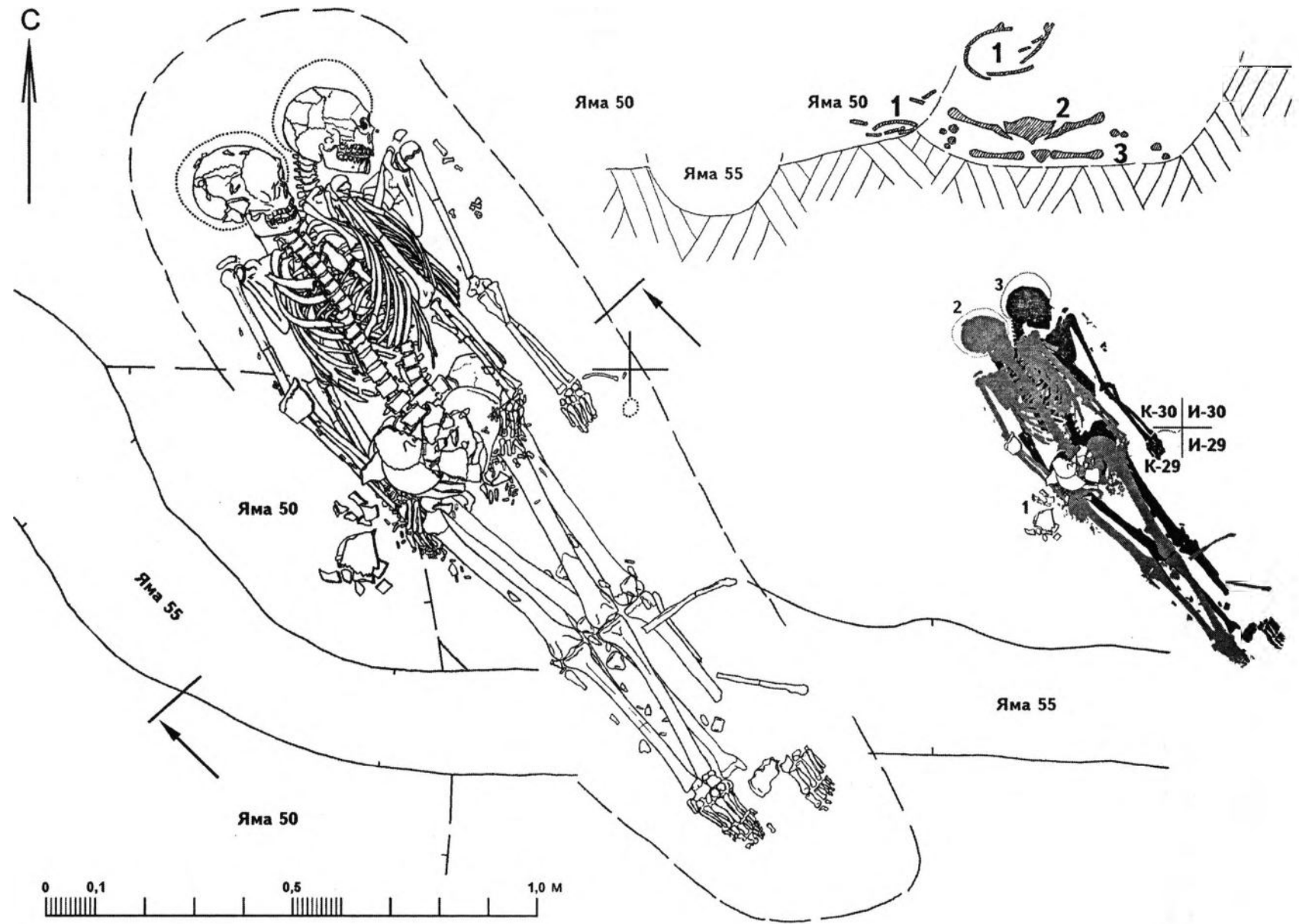

Рис. 1. Минино I, раскоп I. Погребение 19, индивиды 1, 2, 3. Сводный план (линиями из точек показаны границы пятег охры)

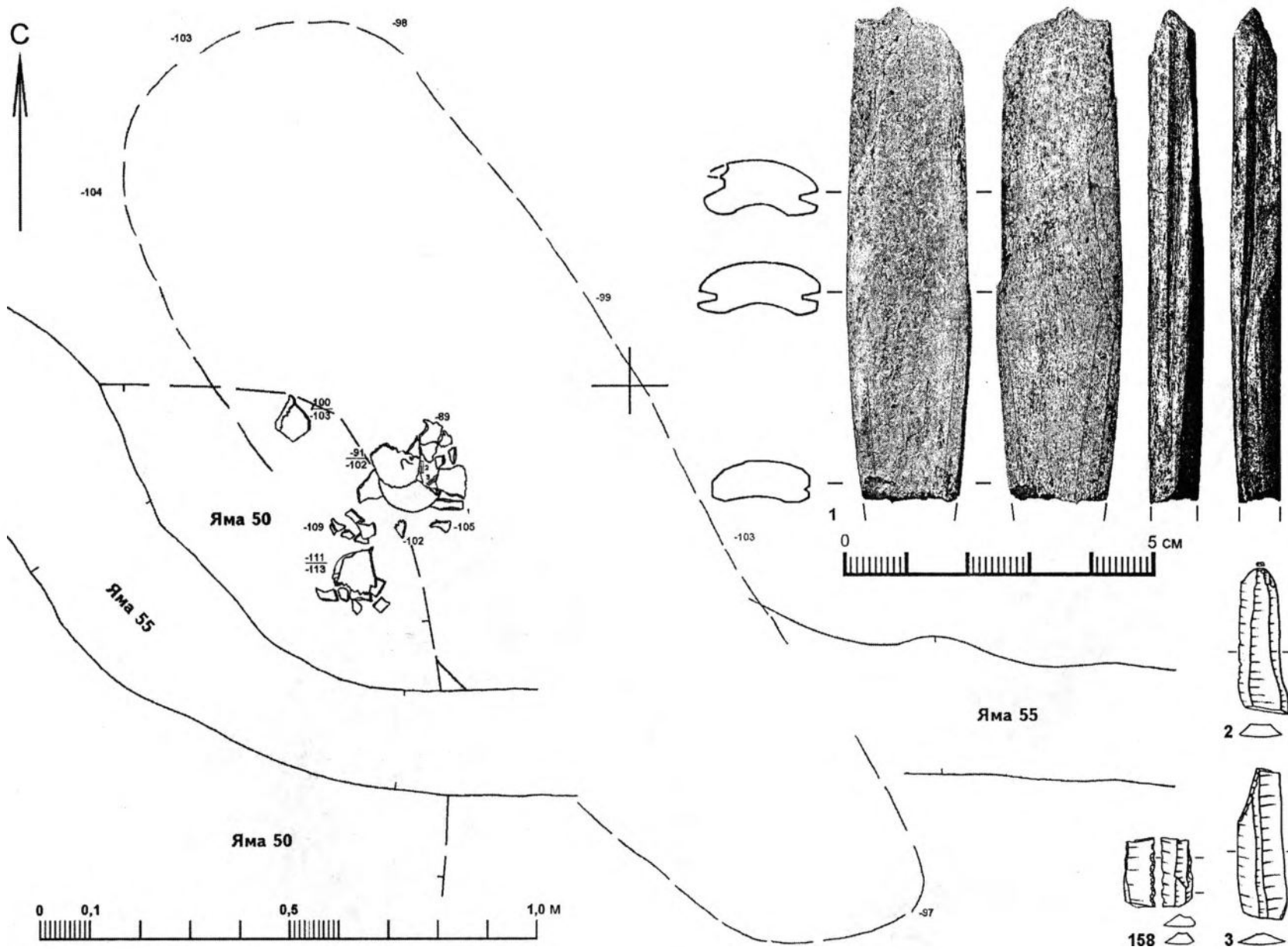

Рис. 2. Минино I, раскоп I. Погребение 19, индивид 1.

План (глубина указана от единого "0" – репера памятника). Инвентарь: 1 - обломок костяного книжжала; 2, 3, 158 – кремневые вкладыши

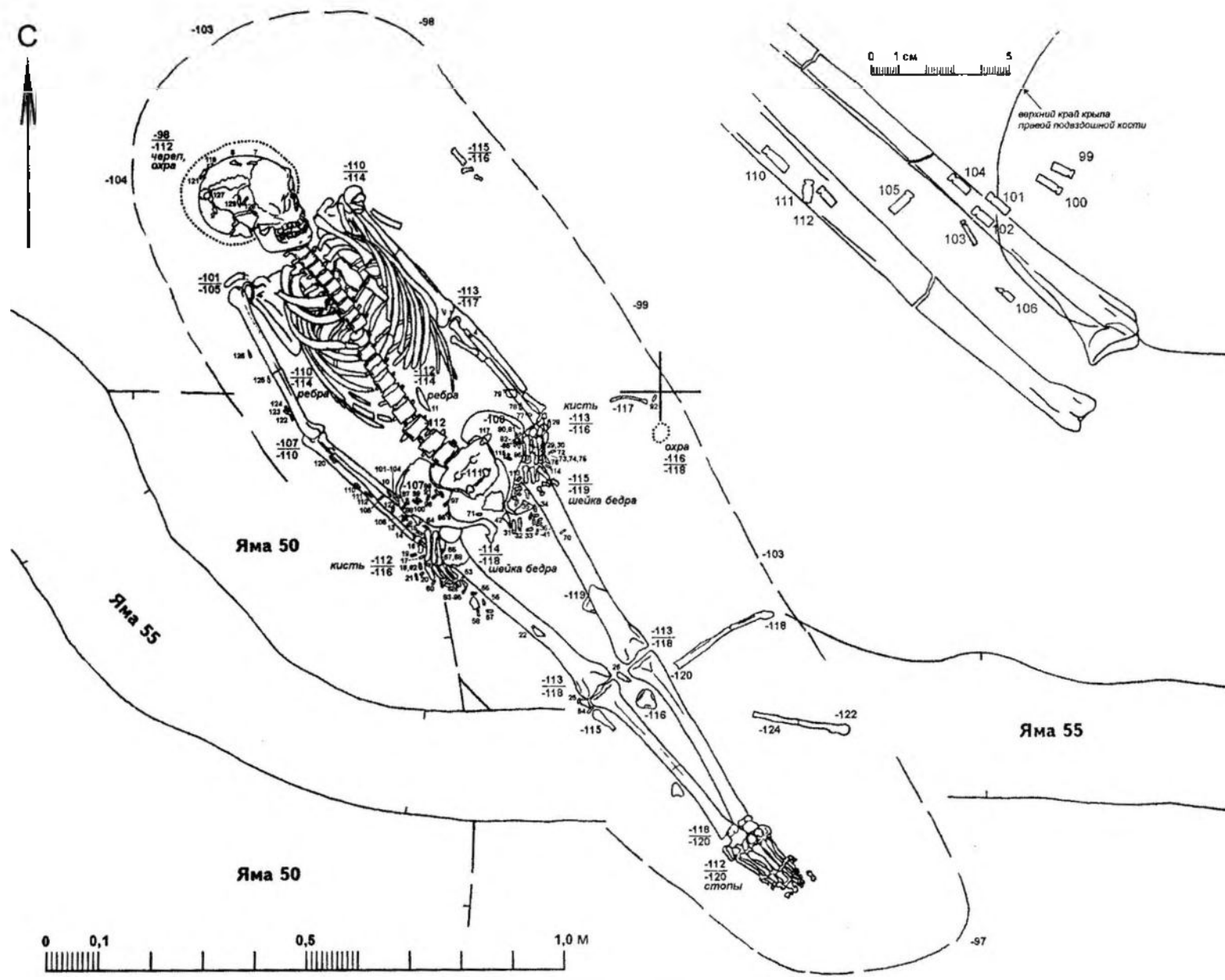

Рис. 3. Минино I, раскоп I. Погребение 19, индивид 2.
 План. Деталь: нашивки из кости, сохранившиеся в первоначальном порядке под костями правого предплечья
 (показаны контуры снятых к моменту расчистки костей)

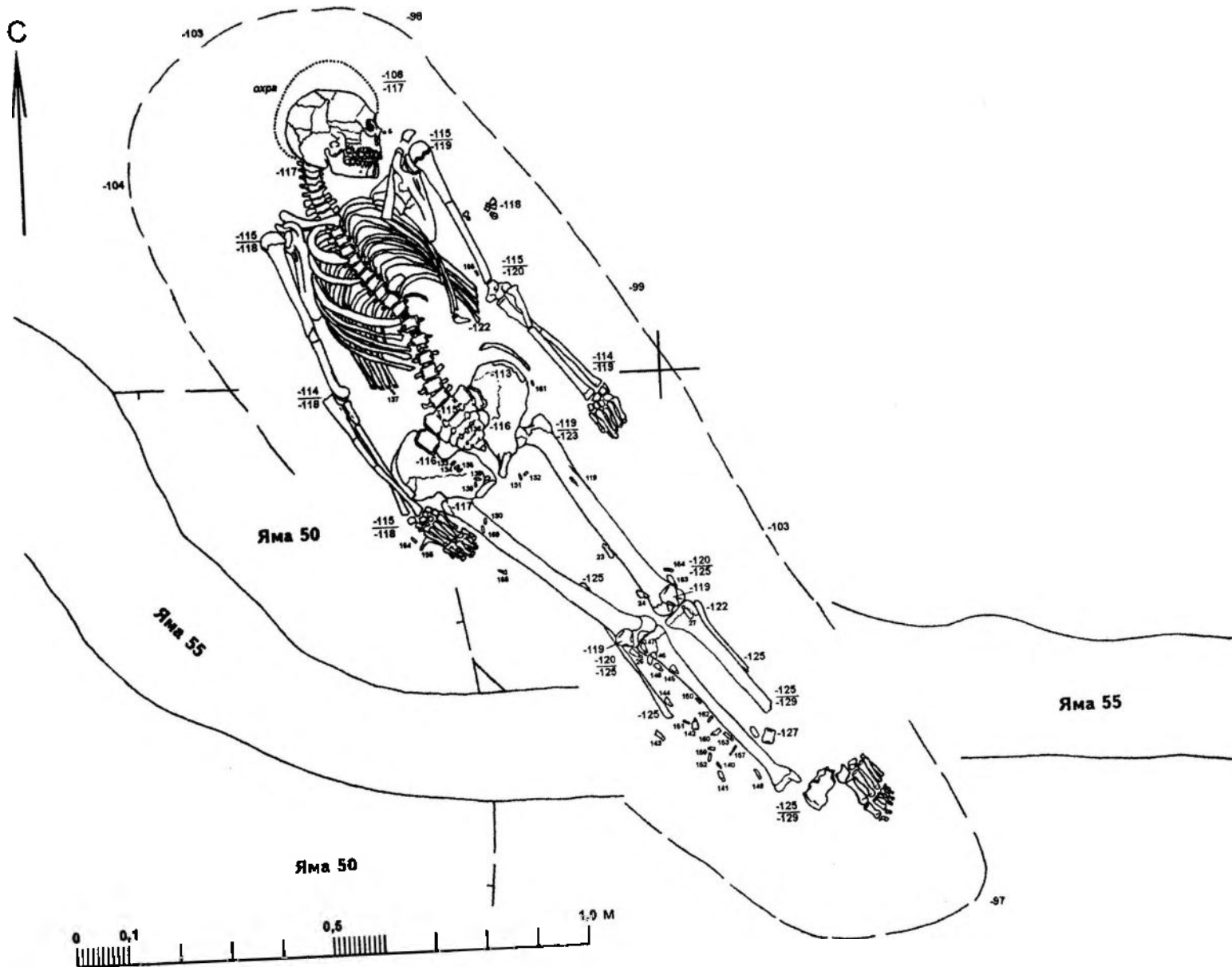

Рис. 4. Минино I, раскоп I. Погребение 19, индивид 3. План

На месте одежды, покрывавшей бедра и голени, были обнаружены довольно крупные нашивки из фрагментов крупных трубчатых костей. Эти украшения представляли собой приблизительно двухсантиметровой длины трапециевидной, подтреугольной или подромбической формы осколки трубчатой части кости, сохранившие в качестве "лицевого" участок ее внешней поверхности. На боковых сторонах нашивок у одного из концов имеется пара нарезок, заходящих на лицевую сторону, служивших для пришивания к одежде (подобные представлены на рис. 5 под № 23, 26, 27, 142). Есть и нашивка (рис. 5, № 143), изготовленная из расслоенной (только внешняя поверхность) трубчатой кости. Часть крупных нашивок, видимо, сохранила первоначальное местоположение: нашивки № 22, 25, 26 зафиксированы на уровне верха костей, даже непосредственно на них – на нижней трети правого бедра и колена. В районе голеней, видимо, большая часть нашивок оказалась смещена животным; они, лежащие в беспорядке на уровне низа костей индивида 2, были расчищены вместе с индивидом 3.

Индивид 3 (юноша 15–18 лет) был положен на дно ямы, в основание комплекса (рис. 1, 4). Плечи погребенного несколько приподняты, руки вытянуты вдоль тела, кисти рук находятся возле верхних частей бедренных костей. Правая рука прижата к телу, ее кисть касается бедренной кости. Предплечье левой руки несколько отведено от тела так, что кисть отдалена от бедра на 8 см. Обе кисти расположены тыльной стороной вверх. Пальцы левой полностью подогнуты (сжаты в кулак), а все пальцы правой – полусогнуты (подогнуты две концевые фаланги). Ноги плотно сдвинуты, единственная сохранившаяся почти на месте стопа расположением фаланг указывает на оттягивание стоп, как и у индивида 2. Детали позы дают не столь много, как для индивида 2, указаний на пеленание тела. Но нет и противоречащих свидетельств, кроме несколько отнесенной от таза кисти левой руки (кости предплечья которой, кстати, фрагментированы со смещением). Череп погребенного лежал на левой височной кости – с поворотом влево, с прижатой к левому плечу нижней челюстью. Черепная коробка была обсыпана красно-коричневой охрой (собранный материал в сухом состоянии – около 0,5 кг). Скопление, как и у индивида 2, имело достаточно четкие границы, возможно, определенные также некогда существовавшими пеленами.

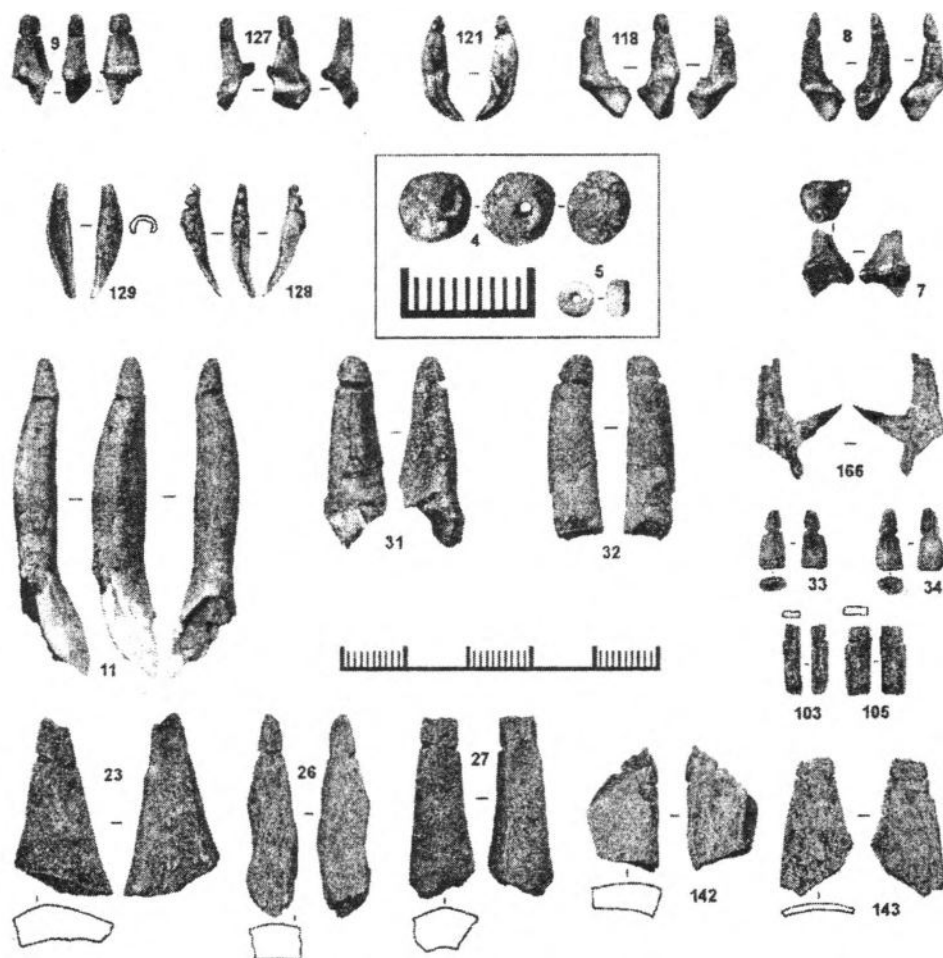

Рис. 5. Минино I, раскоп I. Погребение 19, индивиды 2 и 3. Инвентарь:
 7–9, 118, 121, 127–129 – нашивки из коренных зубов и клыков собаки (?) с головного убора индивида 2;
 4 – костяная бусина; 5 – бисерина из окаменелости; 11, 31, 32 – нашивки из резцов лося;
 166 – нашивка из фрагмента челюсти щуки (?); 33, 34 – нашивки из зубов щуки (?);
 103, 105 – нашивки из кости; 23, 26, 27, 142, 143 – нашивки из осколков трубчатых костей

Из числа разрушений нужно упомянуть изъятие землеройным животным фрагментов малых берцовых и левой большой берцовой костей, а также костей одной из стоп полностью; кротом сдвинуто к тазу нижнее левое ребро. Вследствие недостаточной механической прочности костей юноши большая их часть под воздействием давления грунта оказалась фрагментирована без смещения. У многих костей индивида 3 отмечено отсутствие полного костного сращения мышцелков, характерное для растущего организма.

По-видимому, юноша имел лишь небольшое количество сопровождающего инвентаря. В связи с тем, что костяки индивидов 2 и 3 не были разделены подсыпкой, оказалось трудно вычленить принадлежащие одежде каждого из них мелкие нашивки. В зоне голени ситуация усугубилась перемещением части земли животным. В связи с указанными обстоятельствами нанесенные на план индивида 3 находки необходимо отнести, по большей части, к индивиду 2. Полностью это касается мелких нашивок, расчищенных в зоне таза. Возле черепа была обнаружена мелкая бисерина(?) из окаменелости (рис. 5, №5). К инвентарю индивида 3, возможно, относились лишь аналогичные описанным выше крупные нашивки из осколков трубчатых костей с нарезками на одном из концов. Эти нашивки были расположены в районе голени между индивидами 2 и 3. Некоторая неупорядоченность расположения части их может быть объяснена деятельностью сместившего их животного. Любопытно, что 10 из 19 нашивок были ориентированы на голову, а не ноги, как следовало ожидать. При меньшей поврежденности участка можно было бы с большим основанием предполагать, украшали ли эти нашивки штаны индивида 2, либо здесь находился еще какой-то предмет, нашивки на котором имели "обратную" обычной ориентировку.

Существенным для правильного восприятия комплекса становится решение вопроса о длительности его формирования. Представляется, что возникновение трехъярусного комплекса не было случайным или сильно растянутым во времени. Зафиксированные детали позволяют заключить, что находящиеся в нижних ярусах останки индивидов 2 и 3 были положены в могильную яму одновременно, непосредственно друг на друга. Действительно, не зафиксированы повреждения останков индивида 3, которые можно было бы связать с гипотетически возможным значительно более поздним совершением погребения индивида 2. Даже такие легкоповреждаемые детали, как четко очерченные скопления охры вокруг голов индивидов 2 и 3, лишь тесно соседствуют (частично и на одном уровне), но не нарушают одно другое. Кроме того, в трансформации поз костяков в яме можно усмотреть следы их взаимного "влияния" еще в связанном тканями состоянии – под давлением находившегося в плотных пеленах тела индивида 2 произошло смещение головы и шеи, низа грудного отдела позвоночника и одностороннее раскрытие грудной клетки индивида 3. При этом останки вышележащего индивида 2 также изменяли первоначальное положение. Например, под давлением почвы произошло смещение поясничного отдела позвоночника на участке, где он соседствовал с позвоночником индивида 3, а крестец оказался смещен и "проткнут" снизу костями распавшегося таза индивида 3, выступающими вверх в местах их лонного сочленения. Совершенно однородно и заполнение могильной ямы на уровне двух этих нижних ярусов.

Менее определенные, к сожалению, суждения можно вынести в отношении времени погребения расчлененных останков индивида 1 (аргументы в пользу намеренности этого действия уже приводились выше). Нужно указать на два взаимосвязанных обстоятельства: положение черепной коробки практически по центру ямы и отсутствие разрушений нижележащего костяка при помещении черепа в могилу. Очевидно, они указывают на факт наличия у совершавших погребение индивида 1 четкого представления о границах и глубине уже существующей могилы. Наиболее простым было бы предположение о минимальности временного разрыва между захоронением индивидов нижних и верхнего ярусов или даже одномоментности формирования комплекса. В качестве альтернативы остается допустить наличие не дошедшего до нас некоего намогильного сооружения, обеспечившего "точное попадание" индивида 1 в центр могилы.

Всего в погребении 19 обнаружено 170 индивидуальных находок. К инвентарю индивида 1 отнесены обломок костяного двухлезвийного кинжала с пазами и три кремневых вкладыша. По насыщенности погребального инвентаря индивид 2 погребения 19 далеко опережает другие изученные в Восточном Прионежье погребения. Вероятно, к нему должно быть отнесено и большинство находок, выявленных при расчистке индивида 3 (далее рассматриваются суммарно). Среди находок из погребений нижних двух ярусов (всего 166 вещей) – бисерина из окаменелости (?), роговая или костяная бусина (?), нашивки: из зубов рыб (6), из обломка челюсти рыбы с зубом (1), из костей рыб (2), из зубов и обломков зубов животных (16), из фрагментов мелких костей животных(?), в том числе обломки (1 12), из ребра животного (1), из ребер птиц(?) (4), из осколков крупных трубчатых костей (23).

Приведенную выше информацию о погребении нельзя считать исчерпывающей. Недостаёт полного антропологического и остеологического определений, результатов петрологического, спорово-пыльцевого и радиоуглеродного анализов. К сожалению, работа в этом направлении не может быть проделана достаточно быстро. По этой причине автор решил все же привести свои наблюдения уже сегодня, хотя ограниченность построений, основанных на имеющейся информации, очевидна.

Обращаясь к указанию сходных с описанными элементами погребального обряда, необходимо уделить внимание территориально близким погребениям среднего и позднего мезолита Прионежья – знаменитому Оленеостровскому могильнику [3] и могильникам, относимым С.В. Ошибкиной к культуре веретье [4]. Действительно, среди погребений на Оленьем острове есть напоминающие мининское погребение 19 по структуре: четыре тройных захоронения, в том числе два ярусных – погребение 93–94, 95 и погребение 139–140, 141 [3, с. 40, 42]. Впрочем, можно усомниться в намеренности создания не отмеченной здесь более ярусной структуры: в обоих случаях зафиксировано совершение двойного захоронения в широкой яме над одиноч-

ным ранним захоронением, со значительным или почти полным его разрушением; при этом наблюдалось все же соответствие ориентировки погребенных [3, с. 332, 372]. Но сочетание двух вариантов обращения с телом (как в погребении 19 Минино I – положения целого тела и расчлененного) в оленеостровских комплексах не встречается. Расчленение трупов, видимо, нехарактерно для этого могильника. Между тем такая практика зафиксирована в погребениях могильников Восточного Прионежья. Факты расчленения тела и парциального захоронения его частей уже встречались как на самом памятнике Минино I (достоверно – погребения 5, 12, 15) [1], так и в погребении Песчаница [5].

Необходимо вкратце упомянуть и выявленные в погребении 19 следы дополнительных структур, к которым отнесены охристые линзы вокруг черепов и такие включения в состав заполнения ям, как фрагменты костей мелких животных и рыб, следы существовавших вместе с телом “пелен”, зафиксированные по косвенным свидетельствам. Засыпка охрой (чаще весьма интенсивная) погребенных мезолитических могильников Прионежья являлась, практически, нормой [3, с. 16; 4, с. 180–193; 5, с. 52, 55]. На Минино I полностью засыпано охрой лишь погребение 13, соседнее с рассматриваемым; у другого соседнего захоронения – 4 – охрой посыпан только череп. Возможно, такая “скудость” и ранжированность посылки в рамках небольшого могильника на Минино могла быть и отражением каких-то социальных реалий. Включение в состав заполнения могильной ямы фрагментов разрозненных костей, даже частей туш животных и целых рыб фиксировалось в Прионежье неоднократно и выделено С.В. Ошибкиной в качестве одной из черт, характеризующих обряд погребения культуры веретье [5, с. 55]. На Минино I аналогичные включения содержит заполнение ямы соседнего с рассматриваемым погребения 4, под ней есть и неглубокая котлообразная ямка с обильным содержанием рыбных костей. Наконец, выявленные следы пеленания являются характерными не только для погребения 19 на Минино I, но и захоронений 4, 13 и др. Подобную позу, характеризующуюся, в частности, плотным сведением ног и оттягиванием стоп, имеют некоторые из погребенных могильника Попово (например, I, II, VII) [4; 5]. С захоронением VIII могильника Полово рассматриваемое погребение обнаруживает сходство и по обилию нашивок и подвесок из кости, несколько отличающихся, правда, по типу [5]. К числу сближающих эти два погребения черт относится и ориентировка на северную четверть горизонта.

Резюмируя, считаю необходимым еще раз подчеркнуть уникальность выявленного в погребении 19 могильника Минино I сочетания черт обряда, детали которого характерны для мезолитических погребений Восточного Прионежья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суворов А.В. Могильник Минино I на Кубенском озере (по результатам работ 1993 и 1996 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
2. Работы Онежско-Сухонской экспедиции / Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.В. Суворов, И.Е. Зайцева, И.И. Мишаев // АО – 1998. М. В печати.
3. Гуриш Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. 1956.
4. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
5. Ошибкина С.В. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические Вести. № 3. СПб., 1994.

Научно-производственный центр
«Древности Севера»,
Вологда

A.V. Suvorov

THE TIERED BURIAL 19 OF THE MESOLITHIC BURIAL GROUND IN MININO I SITE¹

Summary

One more unusual Mesolithic burial was found in the burial ground of Minino I on Kubenskoye lake in Vologda region in 1998. The burial 19 is tiered – the remains of three humans were placed in the burial pit dug in the subsoil. The remains of the individual 1 are in the centre of the pit in its upper layer and consist of cranium only – the burial is partial. Together with the skull a fragment of a bone dagger and three flint bushes were found (Fig. 2, the numbers of artifacts on the plans and figures coincide). The skeletons of individual 2 (woman about 20-29 years old) and individual 3 (young man 15-18 years old) were found 0,1 m lower. The skeletons lay stretched on their backs, one upon the other, with their heads to the North-North-West. Two beads and 164 tabs of bone fragments and animal and fish teeth were found (Fig. 5). Most tabs (no less than 150) decorated the dress of individual 2. The skulls of all the buried were sprinkled with ochre. Specific soil conditions provided good preservation of bone artifacts and anthropological material. The unique combination of the rite features typical for the burials of eastern Omega basin of the Middle and Late Mesolithic was revealed in the burial 19.

The Research – Production Centre
«The Northern Antiquities»
12, Chelyuskintsev St., Vologda,
160001, Russia

¹ The article has been prepared under support of The Russian Humanitarian Scientific Foundation, grant 99-01-0041a.

К.Э. Герман

МОГИЛЬНИК САНДЕРМОХА (новые аспекты исследования)

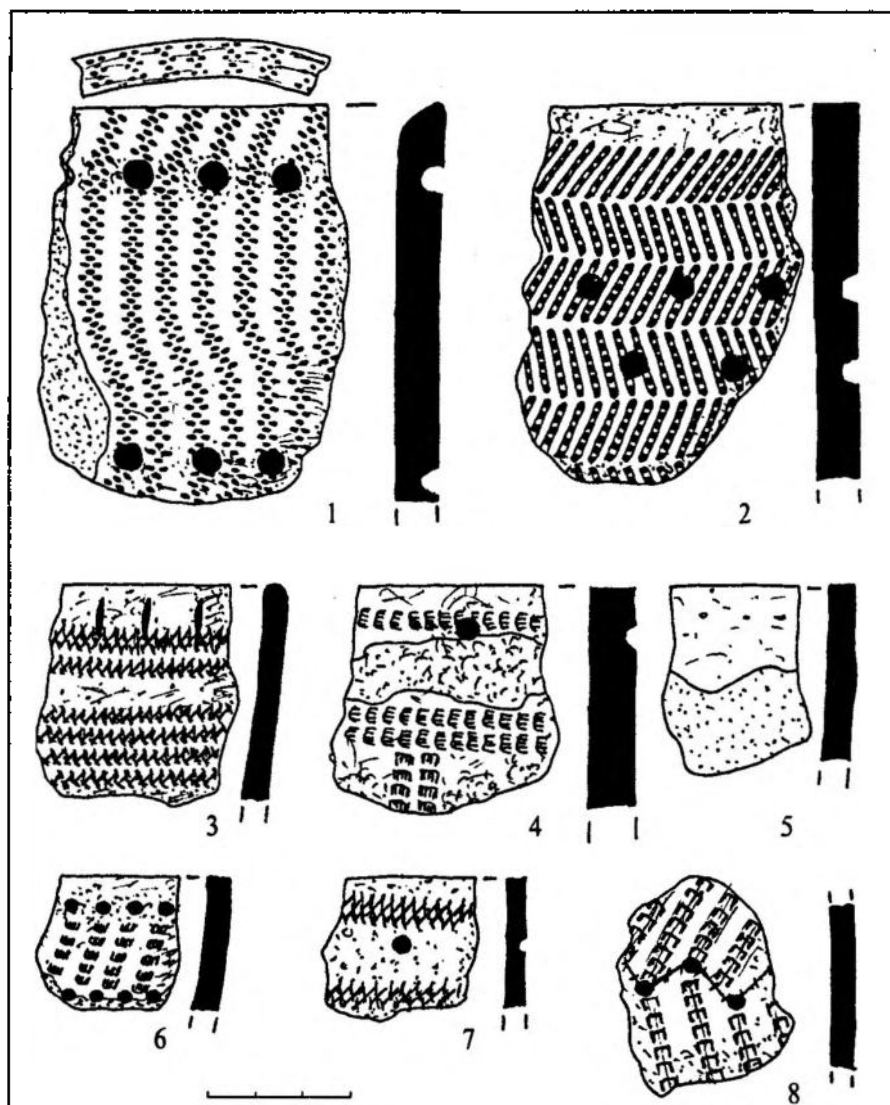
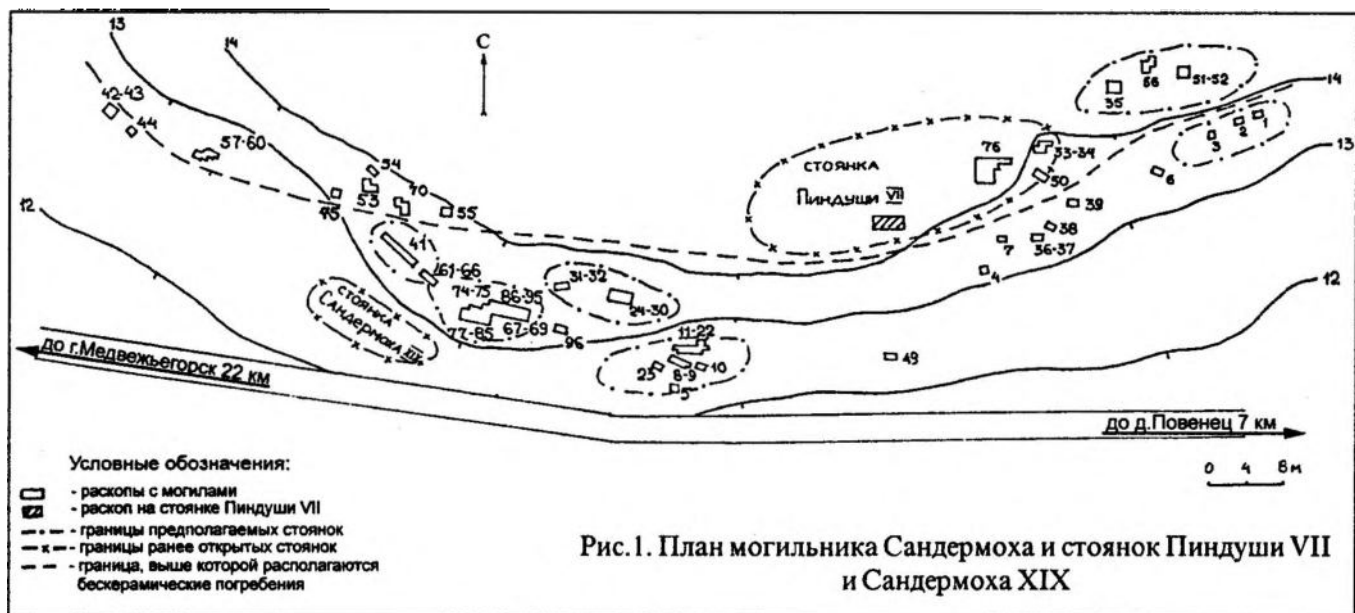
Могильник Сандермоха был открыт Г.А. Панкрушевым в 1963 году. Памятник располагается в Медвежьегорском районе Карелии по правую сторону шоссе Медвежьегорск–Пудож, в 7-8 км северо-западнее пос. Повенец. В первый год исследований были найдены и раскопаны три погребения, а в могиле № 1 отмечен небольшой обломок кальцинированной берцовой кости человеческого скелета, что позволило исследователю предположить наличие в этом месте древнего могильника [1, с. 160-168]. В 1964-1966 гг. были проведены широкомасштабные раскопки могильника общей площадью 701 кв. м. Открыто и исследовано в общей сложности 107 погребений, и еще в двух из них найдены обломки кальцинированных костей человеческих скелетов. В процессе раскопок часть “поселений”, выявленных в 1962 г. и находящихся на территории могильника, за исключением поселения Пиндуши VII, оказались погребениями: Сандермоха XIII (могила № 46), Сандермоха XIV (№ 47), Сандермоха XV (№ 50), Пиндуши X (№ 41), Пиндуши XII (№ 49), Пиндуши XIX (раскоп IV), Пиндуши XXI (раскоп V), Пиндуши XXII (раскоп VI). Весь керамический и каменный материал памятника опубликован Г.А. Панкрушевым в 1978 г. [2, с. 56-62]. Более десяти лет после этой публикации никто из археологов не обращался к этому памятнику, хотя за этот период времени было открыто и исследовано большое количество могильников и одиночных погребений каменного века. С начала 1990-х гг. в археологической литературе утвердились два мнения о характере могильника Сандермоха. Одни исследователи присоединяются к выводам Г.А. Панкрушева [3, с. 10; 4, с. 220] и даже считают могильник продолжением “традиции погребального “гигантизма” [5, с. 37], другие высказывают сомнение в правильности интерпретации его как могильника [6, с. 69]. И те и другие берут для сравнения могильники Оленеостровский и Репище. Правомерность этого вызывает сомнения. Время существования Оленеостровского могильника на основании данных типологического анализа каменного и костяного инвентаря и датировок по С-14 занимает 2-ю пол. VII – нач. VI тыс. до н. э. [7, с. 24; 8, с. 49-50]. Могильник Репище, как и расположенный рядом с ним могильник Кончанское, датируется 2-й пол. III тыс. до н. э. [9, с. 241], а могильник Сандермоха на основании высотных данных можно отнести к IV тыс. до н. э., так как в этом же диапазоне высот находятся поселения с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой, которые датируются этим временем. Таким образом, если Оленеостровский могильник древнее Сандермохи на тысячу лет, то могильник Репище на полтысячи лет моложе. Кроме того, нельзя сравнивать памятники, почти полностью отличающиеся друг от друга по составу погребального инвентаря. Поэтому, чтобы разобраться в характере могильника Сандермоха, необходимо проанализировать его керамический и каменный материал и расположение артефактов относительно погребений.

По месторасположению находок в могилах выделяются восемь видов погребений. Они различаются следующим образом:

- 1) не содержащие находок;
- 2) содержащие керамику сперрингс;
- 3) содержащие ямочно-гребенчатую керамику;
- 4) содержащие каменные орудия;
- 5) содержащие каменные орудия и отходы производства;
- 6) содержащие отходы производства;
- 7) содержащие керамику сперрингс и каменные артефакты;
- 8) содержащие ямочно-гребенчатую керамику и каменные артефакты.

Это достаточно условное разделение, так как практически нет ни одной могилы, которая совпадала бы с другими по составу инвентаря. Даже количество сосудов в могилах, содержащих керамику, колеблется от одного до трех экземпляров.

Керамика могильника представлена двумя типами посуды: сперрингс, которая преобладает, и ямочно-гребенчатой. Керамики сперрингс собрано 578 фрагментов от 25 сосудов, выделенных по индивидуальным отличиям в верхней части. В основном она была найдена в раскопах с могилами № 11-22 площадью 39 кв. м и могилами № 67-69, 74, 75, 77-95 площадью 116 кв. м. Сосуды – слабого или среднего обжига с примесью в тесте плохо истолченной дресвы. Толщина стенок колеблется от 0,4-0,6 до 1, 1 см, венчики в большинстве прямые, плоскосрезанные и неорнаментированные. Сосуды “украшены” оттисками одинарных и сдвоенных рыбьих позвонков – 12 экз. (рис. 2: 3, 7, 8), отпечатками веревочки – 4 экз. (рис. 2: 1), “отступающей

лопаточкой” – 4 экз. (рис. 2: 4, 6), оттисками гребенчатого штампа – 3 экз. (рис. 2: 2); три – не орнаментированы (рис. 2: 5). Орнаментальные композиции просты и представляют собой горизонтальные ряды наклонно поставленных оттисков позвонка или “веревочки” с редкими неорнаментированными или орнаментированными круглоконическими ямками диаметром 0,7-0,9 см, глубиной 0,5-0,8 см разделительными поясами; чередующиеся горизонтальные и вертикальные пояса из “отступающей лопаточки”. Частично реконструируются лишь два сосуда.

Сосуд № 1 из раскопа с могилами № 11-22 имеет диаметр горла 17 см, толщину стенок 1-1,2 см, венчик утолщен и скошен внутрь. Сосуд орнаментирован горизонтальными рядами оттисков “веревочки”, поставленных наклонно вправо, прямо и наклонно влево и чередующихся в таком порядке по всему тулову сосуда. Такими же оттисками “украшена” и верхняя часть венчика. Поверх них нанесены редкие горизонтальные ряды круглоконических ямок диаметром 0,7 см. Придонная часть и доньшко сосуда не сохранились (рис. 2: 1).

Сосуд № 2 из раскопа V имеет диаметр горла 17 см, прямой плоскосрезанный неорнаментированный венчик и толщину стенок 0,8-1,1 см. Украшен горизонтальными рядами наклонно (влево и вправо) поставленных оттисков 6-10-зубого штампа. Поверх основного узора нанесены редкие горизонтальные ряды круглоконических ямок диаметром 0,6 см, глубиной 0,4 см. Придонная часть и доньшко сосуда также не сохранились (рис. 2: 2).

Близким по орнаментации сосуду № 2 является сосуд из раскопа VI. Три этих сосуда по структуре орнамента выпадают из основного комплекса керамики сперрингс. Сосуд № 1 имеет аналог в керамике с поселения Пески III, которую Г.А. Панкрушев считал наиболее ранней [2, с. 76-79], а другие исследователи относят к финалу культуры сперрингс [10, с. 68; 6, с. 78]. Сосуды из раскопов IV и VI можно отнести к ранней гребенчатой керамике (стиль 1:2) по аналогам с финских поселений [11, s. 27, kuva 1]. С большой долей уверенности можно утверждать, что они не связаны с комплексом сперрингс и между собой, так как были найдены в разных раскопах, находящихся на значительном удалении друг от друга.

Комплекс ямочно-гребенчатой керамики насчитывает небольшое количество фрагментов, происходящих из четырех погребений. Количество сосудов определить сложно, так как отсутствуют венчики. Фрагменты небольшие, хорошего обжига, толщиной 0,6-0,7 см, полностью орнаментированные небольшими круглыми ямками и редкими горизонтальными разделительными поясами коротких оттисков гребенчатого штампа. Этот комплекс может относиться к сер. – 2-й пол. IV тыс. до н. э. [12, с. 91-92].

После проверки всех имеющихся в коллекции каменных артефактов, полученных при раскопках могильника, определена следующая статистика. Кирки и обломки кирок – 7 (сланец), топор – 1 (сланец), стамеска – 1 (сланец), обломки шлифованных орудий – 21 (сланец), заготовки орудий – 21 (сланец), галька с отверстием (подвеска?) – 1 (сланец), шлифовальные плиты – 4, точильные бруски – 5, пилы – 7, скребки – 10 (кварц – 6, лидит – 3, кремь – 1), обломок заготовки наконечника копья – 1 (лидит), отщеп с ретушью – 1 (кварц), плитка – 1 (сланец), нуклеусы – 6 (кварц), ножевидная пластинка – 1 (кварц). Отходы производства представлены осколками и отщепами кварца (555), сланца (80), лидита (46), кремня (24), всего 705 экз. Кальцинированных костей 182. В коллекции отсутствуют зафиксированные в ходе полевых исследований обломки сланцевого кольца, рыболовный грузик, сланцевое тесло, кремневый скребок, обломок глиняного изделия, а также десять небольших обломков костей человеческих скелетов. Вероятно, все они были утрачены, так как документов на передачу их какому-либо музею нет.

Приступим к описанию наиболее сохранившихся каменных изделий.

Три обломка сланцевых кирок происходят из могил № 63, 65, 66 раскопа. Все три – высокие, подтреугольные в сечении, треугольные в плане, ребристые; у одной нижняя часть не шлифована, другие зашлифованы полностью (рис. 3: 1-3).

Сланцевый топор из могилы № 70, прямоугольный в сечении и в плане, с обломанным лезвием, шлифованный с обеих сторон, имеет в верхней части оббитости, видимо, для крепления рукояти (рис. 3: 4).

Сланцевая стамеска из могилы № 82, прямоугольная в плане и в сечении, полностью зашлифована (рис. 3: 5).

Сланцевая галька (подвеска?) просверлена с одной стороны (рис. 3: 6).

Кремневая ножевидная пластинка происходит из могилы № 33 (рис. 3: 7).

Кремневый скребок из могилы № 52 сделан на краевом отщепе, округлый, с высокой крупной ретушью (рис. 3: 8).

Три лидитовых скребка с мелкой ретушью найдены в могилах № 50, 56 и в раскопе IV (рис. 3: 9, 10, 12).

Нож из могилы № 28 изготовлен на лидитовом отщепе, имеет одностороннюю ретушь со стороны брюшка (рис. 3: 11).

Заготовка наконечника копья на лидитовом отщепе происходит из могилы № 33 (рис. 3: 14).

Весь описанный выше каменный инвентарь за исключением кремневого скребка, который, возможно, связан с позднемезолитическим поселенческим комплексом еще не выявленного памятника (рис. 1), имеет аналогии на памятниках культуры сперрингс.

Рассмотрев материалы могильника Сандермоха, можно сказать, что они не отличаются от поселенческих комплексов культуры сперрингс, с чем согласны и другие исследователи [6, с. 69].

При анализе распределения находок в раскопанной части могильника оказалось, что основная их часть залегала только слегка углубляясь в могильные пятна и линзы, а часть была найдена за пределами погребений [2, с. 59]. Г.А. Панкрушев допускает в своих выводах определенное противоречие, считая находки,

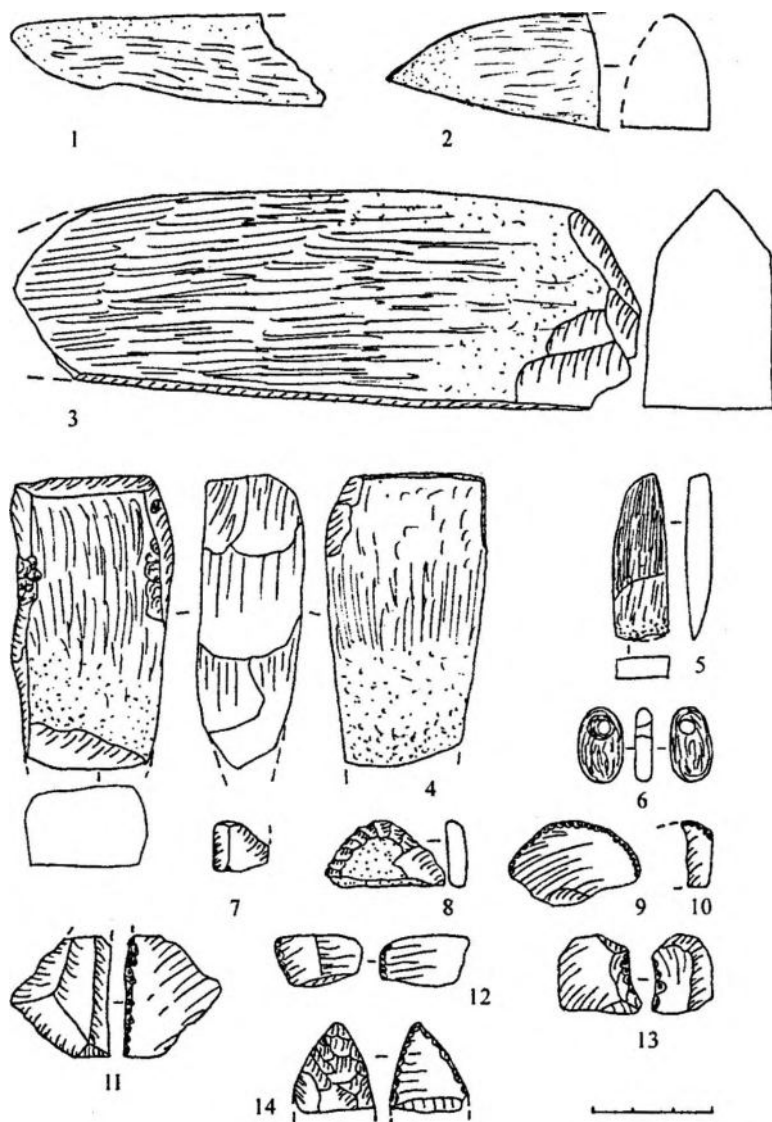

Рис.3. Каменные изделия могильника Сандермоха

расположенные около погребений № 33, 34, 50 и 76, относящимися к позднемезолитическому поселению Пиндуши VII, а артефакты у могил № 77-85 — к этим погребениям [2, с. 59]. Логичнее предположить, что на территории могильника могут располагаться и другие древние поселения, тем более, что исследователь косвенно признает это [13, с. 62; 2, с. 62]. Подтверждением этому предположению может служить открытие в 1997 г. на территории могильника рядом с раскопом с погребениями № 61-66 К.Э. Германом и Н.В. Лобановой нового поселения, названного Сандермоха XIX, с керамикой сперрингс (рис. 1). Еще одним фактом является то, что фрагменты от одного сосуда, орнаментированные отпечатками веревочки, были найдены в двух разных могилах (№ 61 и 69), которые располагались в разных раскопах. Исходя из всего вышесказанного, на территории могильника можно выделить примерные границы новых мезолитических и неолитических поселений (рис. 1).

Перейдем к анализу расположения погребений на основании их высотных данных. Все они находятся в диапазоне высот от 14,7 до 10,4 м над уровнем Онежского озера. Самые верхние отметки соответствуют высоте расположения позднемезолитического поселения Пиндуши VII, а также раскопам с погребениями без керамики. На более низких уровнях располагаются раскопы с могилами, содержащими керамику сперрингс и ямочно-гребенчатую. Но есть несколько могил без зафиксированных находок. Все это соответствует закономерностям расположения поселений на северном побережье Онежского озера, поэтому вполне вероятно, что керамический и каменный материал могильника связан не с ним, а с поселениями, тем более, что он, как было показано выше, не отличается по своему составу от поселенческих комплексов мезолита и неолита. Это означает, что погребения, если они являются таковыми, представляют собой просто ямы без находок, заполненные охристым песком.

Далее нужно установить, действительно ли Сандермоха является могильником. Г.А. Панкрушев обосновывал погребальный характер памятника тремя основными пунктами:

- 1) размеры ям, их расположение и заполнение охристым песком;
- 2) наличие сверху на многих ямах валунов из песчаника, кварцита, гранита и известняка диаметром 15-30 см, количество которых колеблется от 2-3 до 80 штук;
- 3) наличие в заполнениях трех ям кальцинированных обломков костей человеческих скелетов.

По первому пункту нужно отметить, что размеры и контуры многих ям не одинаковы. Исследователь объясняет это наличием в могильнике групповых погребений (№ 35), погребений матери и дитя (№ 36, 53, 76, 102) и двойных погребений детей (№ 71) [2, с. 59]. Однако он сам признает, что "подтвердить эти предположения какими-либо иными доказательствами нет возможности, и они могут быть высказаны только как гипотеза" [2, с. 59]. В то же время на поселениях культуры сперрингс выявлено большое количество ям предположительно хозяйственного назначения различной конфигурации и размеров, заполненных охристым песком с находками, которые никогда не интерпретировались как погребения [14, с. 46; 15, с. 64]. Вызывает вопрос и тот факт, что "погребения" находятся сразу же под тонким слоем дерна и подзола толщиной 10-15 см, что интерпретируется следующим образом: "умерших хоронили в неглубоких могильных ямах, чаще всего лишь слегка углубленных в землю, и густо засыпали красной охрой" [2, с. 61]. Однако погребенный таким образом умерший человек неизбежно становился жертвой хищных зверей, птиц и мелких грызунов. Поэтому данный обряд погребения является уникальным для каменного века Северной Европы. Все подобные могилы и могильники с красной охрой на территории Финляндии, которые могут служить ближайшим аналогом Сандермохи, располагаются под слоем торфа, в песчаной почве, на глубине не менее 30-40 см от современной

поверхности [16, с. 42].

По второму пункту нужно отметить, что в расположении камней на погребениях нет никакой системы. Могилы, как правило, просто засыпаны валунами, причем в некоторых случаях камни располагаются за пределами охристых линз. Это резко отличает памятник от других мезолитических и неолитических "могильников", в которых камни образуют овалы или прямоугольные конструкции, кладки или занимают определенные места в погребениях [17, с. 125; 18].

Самым проблемным является третий пункт, так как очень сложно объяснить наличие в ямах с охристым песком кальцинированных костей человеческих скелетов. На поселениях каменного века Карелии они не встречены и связываются только с могильниками Сандермоха и Кладовец. В последнем была найдена кальцинированная фаланга человеческого пальца [19, с. 88].

В заключение нужно сказать, что убедительных доказательств того, что ямы с охристым песком являются погребениями, нет, однако объяснить их происхождение и назначение будет возможно лишь после проведения дополнительных исследований этих объектов с помощью естественно-научных методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панкрушев Г.А. Неолитический могильник Сандермоха // СА. 1966. № 4.
2. Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
3. Мельников И.В. Древние культовые памятники на территории Карелии (опыт систематизации источников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
4. Ошибкина С.В. Карельская культура // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
5. Столяр А.Д. Проблема социокультурной реабилитации лесного неолита Карелии // Проблемы археологии. Вып. 3. СПб., 1994.
6. Витенкова И.Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
7. Мамонтова Н.Н., Сулержацкий Л.Д. Опыт датирования по С 14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1.
8. Филатова В.Ф. Мезолит // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
9. Зимица М.П. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. Вып. 16. М., 1993.
10. Песonen П.Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
11. Nuore M. 9000 vuotta Suomen esihistoria. Helsinki, 1979.
12. Лобанова Н.В. Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментальной керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
13. Панкрушев Г.А. Отчет о работе Южно-Карельской археологической экспедиции в 1965 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3057.
14. Песonen П.Э. Поселения культуры сперрингс // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
15. Герман К.Э. Раскопки неолитического поселения Уя VII // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995.
16. Пурхonen П. Группа могильников с красной охрой. Общие черты в формах могильников Финляндии и Восточной Карелии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11-15 мая 1981 г. Л., 1984.
17. Zagorskis F. Zvejnieku akmeņa laikmeta kapulauks. Rīga, 1987.
18. Nimrodsson L. De gatff ulla rodockragravarna. Umeå Universitet. 1996.
19. Лобанова Н.В. Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

*Государственный историко-архитектурный и этнографический музей «Кижь»,
Петрозаводск*

K.E. German

SANDERMOKHA CEMETERY (NEW ASPECTS OF STUDY)

Summary

The article is devoted to the materials of Sandermokha cemetery situated near Medvezhjegorsk, the Republic of Karelia. The site was found and excavated in 1963-1966. A total of 107 burials were revealed there, with red ochre and some artifacts: the Sperrings type and pit-comb pottery, stone tools and flakes. Analysis of the artifacts (concentration of finds in the upper part of pits' layers and around them, the presence of fragments of one and the same vessel in several graves) shows that they have not been connected with the burials.

The arguments for Sandermokha having been used as a burial ground are the following: size and shape of the pits, presence of red ochre and burnt human bones, which were found in 3 pits, stone constructions over some of the graves. All these features are very common for contemporary cemeteries in European Russia.

Further research with the help of natural sciences data will probably clarify the situation with the Neolithic cemeteries in Karelia.

*The State Historical, Architectural and Ethnographic
Museum "Kizhi"
23, Neglinskaya Emb., Petrozavodsk, 185620
The Republic of Karelia, The Russian Federation*

Е.Л. Костылева, А.В. Уткин

ВОЛОСОВСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ЯНТАРЕМ МОГИЛЬНИКА САХТЫШ ПА

На территории лесной зоны Восточной Европы (Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Россия) известно 30 нео-энеолитических могильников, на которых встречены захоронения с янтарными украшениями (рис. 1). Однако наиболее представительными из них как по числу погребений, так и по находкам янтаря являются только семь: Звейншеки (Латвия), Кончанское и Репище (Новгородская обл.), Тудозеро V (Вологодская обл.), Языково I (Тверская обл.), Сахтыш ПА и VIII (Ивановская обл.), где примерно в 250 могилах собрано в общей сложности около 11700 янтарных украшений. В остальных же некрополях захоронения с янтарем единичны, а собственно количество изделий исчисляется от нескольких штук до двух-трех десятков.

На большинстве кладбищ, к сожалению, костные останки покойников в силу почвенных условий разрушились без остатка. В связи с этим особый интерес приобретают могильники с хорошо сохранившимися скелетными материалами, пригодными для антропологической диагностики, т.к. это позволяет, во-первых, соотнести находки янтаря с половозрастными характеристиками погребенных, во-вторых, более точно установить расположение украшений на одежде и реконструировать последнюю.

Одним из таких редких памятников является волосовское кладбище на стоянке Сахтыш ПА, исследованное Верхневолжской экспедицией РАН под руководством Д.А. Крайнова и авторов публикации в 1987-1994 гг. Оно в общих чертах уже несколько раз освещалось в литературе, включая подробную кранио-антропологическую характеристику погребенных, опубликованную отдельной книгой [1-8], но детального описания и анализа собственно археологических данных, условий совершения захоронений, погребального инвентаря еще не предпринималось. Настоящая статья является первым шагом в восполнении указанного пробела. Предметом рассмотрения в ней служат лишь погребения с янтарными украшениями¹.

Волосовский некрополь Сахтыша ПА раскопан полностью (рис. 2). Он состоял из 57 одиночных и парных (ярусных) захоронений, большинство которых группировалось в пять-шесть рядов, отражавших в целом хронологически последовательную структуру формирования могильника.

Погребения с янтарем были сконцентрированы в южной части кладбища в трех рядах и на прилегающих к ним участках. Их всего тринадцать (№ 2, 3, 4, 9, 15, 17, 18, 21, 26, 28, 39, 44, 53) (рис. 2). Они, как и прочие волосовские захоронения на памятнике, обнаружены в культурном слое поселения. Могильные ямы ни в одном случае не прослежены. Уровень залегания погребений был незначителен, колебался в пределах 18-53 см от современной поверхности и порядно имел четко улавливаемые отличия (табл. 1). Так, нижние отметки захоронений прибрежного ряда (I) фиксировались на глубине 25-53 см, а погребений восточного (II) и центрального (III) – на глубине 26-40 см. Наблюдались различия и в степени сохранности костяков. В первом ряду почти все скелеты залегали в полном анатомическом порядке, во втором – оказались частично растащенными или неполными, а в третьем и вне рядов – сильно разрушенными.

Положение погребенных и их ориентировка, где это было возможно проследить, были однообразны: покойники лежали на спине вытянуто, с руками вдоль туловища, головой на юго-запад (рис. 2; табл. 1).

Янтарные украшения (367 экз.) представлены обычными для волосовских древностей типами: пуговицами, пронизками, кольцами, подвесками. Весь янтарь восточно-прибалтийский, темно-красного цвета, имеет, за редким исключением, отличную сохранность. На ряде изделий, особенно на пуговицах из пятнадцатого захоронения, четко просматриваются технологические следы в виде первичной грубой шлифовки, которые остались незаполированными в процессе ношения. Надо полагать, они были изготовлены и напшты на одежду покойного незадолго до его смерти.

Наиболее популярными украшениями были пуговицы. В одиннадцати погребениях их собрано 342 экз. (табл. 1) По размерам преобладают малые округлой и овальной формы диаметром от 8 до 24 мм (317 шт.), реже – почти правильных прямоугольных очертаний длиной по диагонали 14-24 мм (8 шт.). У подавляющего большинства этих пуговиц сечение линзовидное, отверстие V-образное. Как исключение встречаются плоско-выпуклые. У одной круглой пуговицы отверстие единственное коническое в центре, а у одной прямоугольной – W-образное.

Пуговиц средней величины (диаметром 25-35 мм) немного – 9 экз. Форма округлая, профиль по длинной оси – сегментовидный. У пяти штук отверстия V-образные, у прочих сверлины в разрезе имеют вид латинской буквы W.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 00-01-00038а.

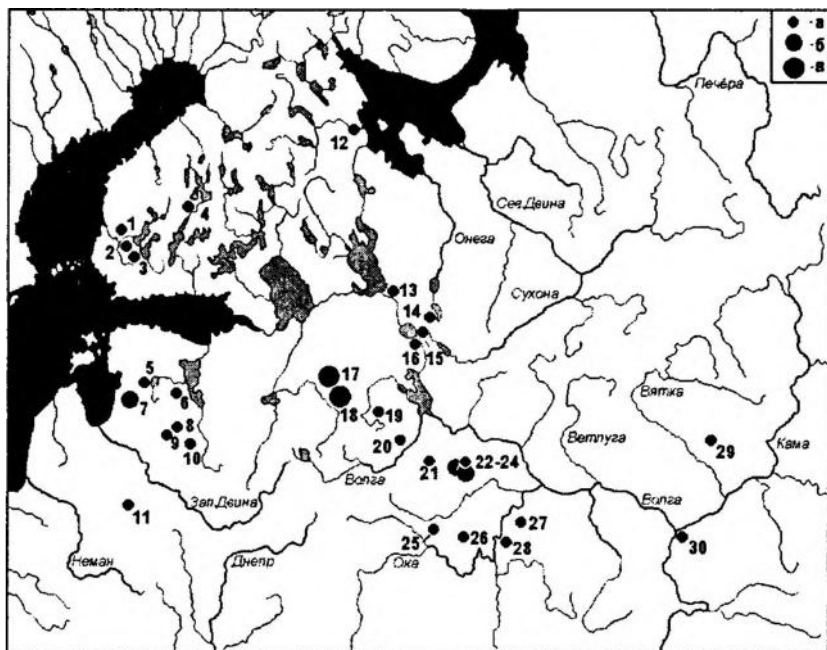

Рис.1. Карта неолитических могильников с янтарными погребениями (а - менее 100 украшений; б - более 100 украшений; в - более 1000 украшений); 1 - Писто/Кокемяки; 2 - Колмхаара/Хонкилахти; 3 - Куккар-коски/Лието; 4 - Хартика/Лаукала; 5 - Валма; 6 - Тамула; 7 - Звейниек; 8 - Абора I; 9 - Квапаны; 10 - Крейчи; 11 - Крятуонас IС; 12 - Залавруга; 13 - Тудозеро V; 14 - Мыс Бревенный; 15 - Крохинские Пески; 16 - Каргулино; 17 - Кончанское; 18 - Репище; 19 - Иловец I; 20 - Языково I; 21 - Вапудино; 22-24 - Сахтыш II, IIIА и VIII; 25 - Луково Озеро III; 26 - Шагара I; 27 - Малое Окулово; 28 - Лебяжий Бор VI; 29 - Лобань I; 30 - Тенишево (1-4 - Финляндия; 2,3 - Эстония; 7-10 - Латвия; 11 - Литва; 12-30 - Россия) [рис. А.Уткина]

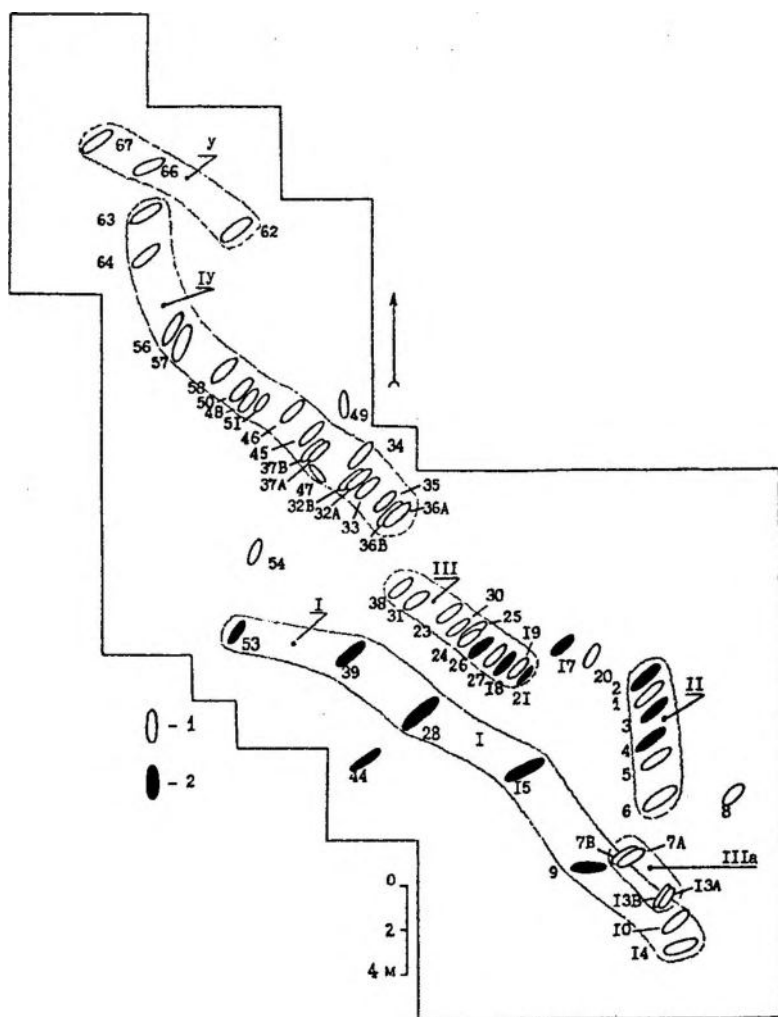

Рис.2. План волосовского могильника Сахтыш IIIА: 1 - погребения без янтаря; 2 - погребения с янтарем [рис. А.Уткина]

Крупные пуговицы-бляхи (8 экз.), поражающие своей массивностью и размерами, — круглые, двояко-выпуклые. Диаметры колеблются от 40 до 60 мм, максимальная толщина составляет 8-15 мм. На половине изделий лицевые стороны по периметру края декорированы едва различимыми косыми насечками. Шесть блях нашивались на одежду через W-образные отверстия, три — через спаренные V- и W-видные каналы сверлин.

Вторым по численности видом янтарных украшений являются пронизки. В пяти захоронениях их обнаружено 14 экз. (табл.1). От пяти дошли только мелкие осколки, по которым формы изделий не восстанавливаются. Семь пронизок длиной 35-48 мм относятся к типу "с утолщением в середине"; правда, у половины утолщения выражены крайне слабо. Кроме того, одно из этих украшений оказалось сломанным еще в древности, и как раз по утолщению. Несерийных пронизок в коллекции две. Одна, судя по сохранившемуся обломку, имела форму, близкую к цилиндрической, но в продольном разрезе была не прямоугольной, а эллипсоидной. Вторая — это небольшой кружок, или так называемая кольцевидная пронизь; длина ее меньше диаметра.

В трех погребениях расчищено пять янтарных колец (табл.1). Кольца круглые, в разрезе линзовидные, внешний диаметр варьирует от 40 до 55 мм. По отношению ширины дуги к диаметру отверстия они подразделяются на ажурные (4) и массивные (1). Край одного имеет мелкие насечки, что придает ему зубчатый контур. В четырех случаях вдоль сломов тела колец попарно просверлены отверстия, через которые они "спивались" после поломки.

Последний вид украшений — подвески. В четырех захоронениях их найдено всего шесть штук (табл.1). Одна крупная прямоугольная (17×45 мм), толщиной до 7 мм, с двусторонней сверлиной на одном конце. Прочие — трапециевидные. Среди них — две малые (высотой 24 мм), тонкие, с прямым основанием; одна — крупная (высота 50 мм), толстая, имеет также прямой широкий конец; и две — массивные. Последние — парные, отличаются тщательностью изготовления. Обе одинаковых размеров (высота 80 мм, максимальная ширина 27 мм), вытянутых пропорций, строго симметричны, с вогнутыми основаниями. У них по два отверстия на зауженных концах. Боковые и нижние края орнаментированы неглубокими поперечными и разнонаклонными нарезками, а лицевые плоскости — тонко процарапанными параллельными линиями: на одной подвеске их девять, на другой — три.

Почти 90% всех янтарных украшений происходят из двух захоронений прибрежного ряда (15 и 28) (табл.1). Столь внушительное обилие их и четкая фиксация каждого на хорошо сохранившихся скелетах позволяют в общих чертах судить о фасоне одежды покойников, по крайней мере, о ее верхней части.

Пятнадцатое погребение принадлежало тридцатилетнему мужчине (табл.1) и сопровождалось 217 янтарными украшениями, которые были представлены пуговицами малых и средних размеров (206 шт.), пронизками с утолщением в середине и обломками пронизок (9) и ажурными кольцами (2) (рис. 3). Кольца, пронизки и самые крупные пуговицы располагались на груди в две линии: вверху находилась гирлянда из пронизок, ниже — из пуговиц; последняя на концах ограничивалась кольцами. Масса мелких пуговиц группировалась в два-три ряда вдоль костей рук, поперек кистей, а также поперек бедер. Присутствовали они и на лобных костях черепа. Две пуговицы находились у левого колена, справа и слева.

Таблица 1. Волосовские погребения с янтарными украшениями Сахтыша IIА

№ погребения	№ ряда	Ориентировка	Глубина (см)	Пол	Возраст	Янтарные украшения						Костяные украшения			
						Пуговицы 8-24	Пуговицы 25-35	Пуговицы 40-60	Кольца	Пронизки	Подвески	Всего	Подвески плоские	Подвески из зубов животных	Всего
9	I	ЮЗ	22-31	М	50-55* 30-40***						2	2		1	1
15	I	ЮЗ	45-53	М	20-25* 30-35**	200	6		2	9		217			
28	I	ЮЗ	25-42	М	35-40*	97	3	8		1	1	110	5	1	6
39	I	ЮЗ	33-42	М	30-35* 35-39** 25-30***	9						9			
53	I	ЮЗ	20-25	дет.	5-9** 3-4***	1					2	3			
2	II	ЮЗ	20-35	М	30-35***	1				1		2			
3	II	ЮЗ	20-30	М	35-39**	4						4			
4	II	ЮЗ	20-30	М	50-55*	9			2	1		12			
18	III	ЮЗ	21-26	М	30-34**	1						1			
21	III	ЮЗ	20-36	?	25-29** 20-25***	1						1			
26	III	ЮЗ	18-26	дет.	10-14**	1					1	2			
17	-	ЮЗ	22-26	дет.	?				1	2		3		1	1
44	-	ЮЗ	20-40	М	35-45***							1			
Итого:						325	9	8	5	14	6	367	5	3	8

Примечания: Возраст погребенных по Т.И.Алексеевой (*), В.Н.Федосовой (**), М.В.Козловской (***). М - мужской, диаметр пуговиц в мм.

Захоронение 28 – мужское. Погребенный умер в зрелом возрасте, 35-40 лет. При его расчистке собрано 110 янтарных украшений (рис.4). Это – пуговицы, в основном мелкие (100), крупные пуговицы-бляхи (8), пронизка и небольшая подвеска трапециевидной формы. Кроме того, его сопровождало еще шесть костяных подвесок: одна из резца медведя с просверленным отверстием, одна плоская подпрямоугольная и четыре плоские треугольные с вогнутыми основаниями.

23 пуговицы малого диаметра и одна бляха находились в районе черепа. В области запястий рук обнаружено по 20 мелких пуговиц и по одной крупной. На лобке лежали четыре бляхи отверстиями вниз, у лобка и ниже – между верхней частью бедренных костей – 12 малых пуговиц. Одна бляха находилась с внутренней стороны эпифиза правой большой берцовой кости и была, по-видимому, перетащена сюда с таза кротами вместе с частью фаланг правой руки. Между бедренными костями в нижней их части собрано девять малых пуговиц и три обломка. Там же располагались три костяных подвески с вогнутыми основаниями. Аналогичные подвески находились с внешней стороны правой бедренной кости. На лобке лежала подвеска из резца медведя. Семь мелких пуговиц найдены в верхней области груди – в районе ключиц и шейных позвонков.

В обоих случаях верхнюю часть одежды погребенных можно реконструировать как нераспашную короткую кожаную рубаху, со вкусом украшенную янтарем. У пятнадцатого покойника по краю ворота были нашиты янтарные пронизки; на груди, поперек – один-два ряда пуговиц, которые на концах замыкали ажурные кольца; по подолу – две цепочки пуговиц. Но особенно эффектно были украшены рукава: в районе предплечий шли три линии пуговиц, два ряда их фиксировали края обшлагов, а между ними – сверху вниз с внешней стороны – гирлянда из плотно нашитых пуговиц. Наконец, две пуговицы, очевидно, украшали штаны в районе левого колена.

Рубаха в погребении 28 была украшена в аналогичном стиле. Ряд мелких пуговиц располагался по краю ворота, одинарная цепочка пуговиц была нашита поперек груди, по низу на уровне бедер шел пояс из крупных блях, по подолу – гирлянда из мелких пуговиц, а между ними – подвеска из медвежьего резца и костяные подвески. Края рукавов были расшиты двумя-тремя цепочками пуговиц малого диаметра.

У обоих погребенных янтарь использовался также для украшения головных уборов, которые мы представляем как островерхие шапки или откидные капюшоны. Основанием для подобного вывода служат Ф-образная антропоморфная фигурка с подтреугольной головой из женского погребения 58 на Сахтыше ПА [3] и гравировка лучника в сцене охоты на камне со стоянки Ивановское VII [9].

Капюшон у покойника из пятнадцатого захоронения был, скорее всего, обшит по краю одиночным поясом мелких пуговиц (часть их после разложения мягких тканей просела вовнутрь черепа), а шапочку у погребенного в могиле 28 спереди украшали два ряда мелких пуговиц, в центре которых находилась крупная бляха.

Для четырех захоронений – 9, 39 и 53 из первого ряда и 4 из восточного – реконструировать одежду из-за малочисленности украшений проблематично, но достаточно четко можно установить их расположение на костюме (рис. 5: 1, 2, 4).

В четвертом погребении – мужском (50-55 лет) – найдено 12 янтарных изделий: 2 кольца, 2 пронизки и 9 малых пуговиц (рис. 5: 9). Кольца (в обломках) лежали под нижней челюстью и среди костей черепа, там же – осколки пронизки с расширением в середине, т.е. они, скорее всего, украшали головной убор. Четыре пуговицы обнаружены в области правого запястья и таза, остальные – в районе левой руки и ног, куда были перемещены грызунами.

Захоронение 9 мужчины 30-55 лет (табл. 1; рис. 5: 6) сопровождалось парой крупных трапециевидных подвесок, располагавшихся вверху на правой и левой стороне груди (рис. 5: 8), и подвеской из зуба животного, лежавшей слева у таза.

Погребение 39 принадлежало также мужчине в возрасте примерно 30 лет (табл. 1; рис. 5: 2). Янтарь найден лишь в области головы: одна малая прямоугольная и пять малых круглых пуговиц расчищены непосредственно на черепе, две, аналогичные последним, – под ним (рис. 5: 12).

В детском захоронении 53, предположительно 5-9-летнего мальчика (табл. 1; рис. 5: 4), обнаружены малая пуговица с коническим отверстием по центру среди костей черепа и две крупные подвески трапециевидной и неправильной прямоугольной формы (рис. 5: 11). Первая из них находилась в верхней части груди слева, вторая – на 8 см ниже по туловищу.

В прочих погребениях – 2 и 3 из восточного ряда, 18, 21 и 26 из центрального, 17 и 44 внерядных – янтарные изделия были единичны, а их первоначальное расположение в системе костюма ввиду сильной разрушенности скелетов устанавливается не всегда точно.

Захоронение 2, принадлежавшее мужчине 30-35 лет², сопровождалось раздробленной пронизкой и малой пуговицей, которые лежали в области черепа.

В погребении 3 35-39-летнего мужчины среди костей грудной клетки найдены две пуговицы малого диаметра, одна – аналогичная – в районе таза, первоначально, видимо, также находившаяся на груди, и одна пуговица – на фрагментах черепной коробки (рис. 5: 3, 7).

² Первоначально погребение было определено как женское в возрасте 30-35 лет [8, с.99]. Однако при повторном определении этого скелета, выполненном по нашей просьбе М. В. Козловской в феврале 1999 г., была установлена его принадлежность к мужскому полу.

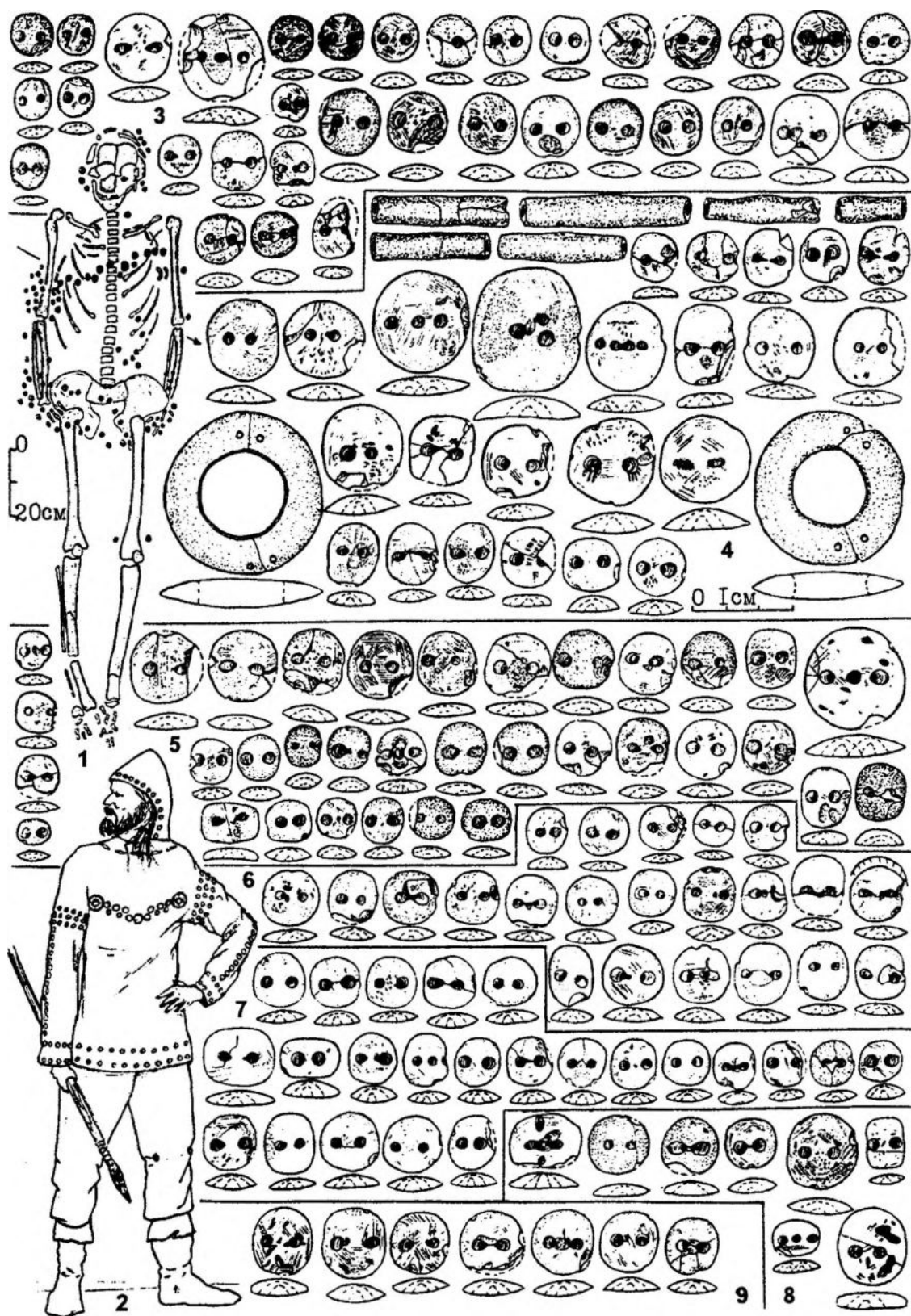

Рис.3. Могильник Сахтыш IIА. Погребение 15: 1 - план захоронения; 2 - реконструкция одежды; 3-9 - янтарные украшения: 3 - с черепа; 4 - с груди; 5 - с правой плечевой кости; 6 - из области правого запястья, локтевой кости и таза; 7 - из области левого запястья, локтевой кости и таза; 8 - с левой плечевой кости; 9 - с левой части туловища выше таза; на рисунке отсутствуют изображения около 40 пуговиц плохой сохранности [1. 3-9 - рис.Е.Костылевой, 2 - рис.И.Купцова]

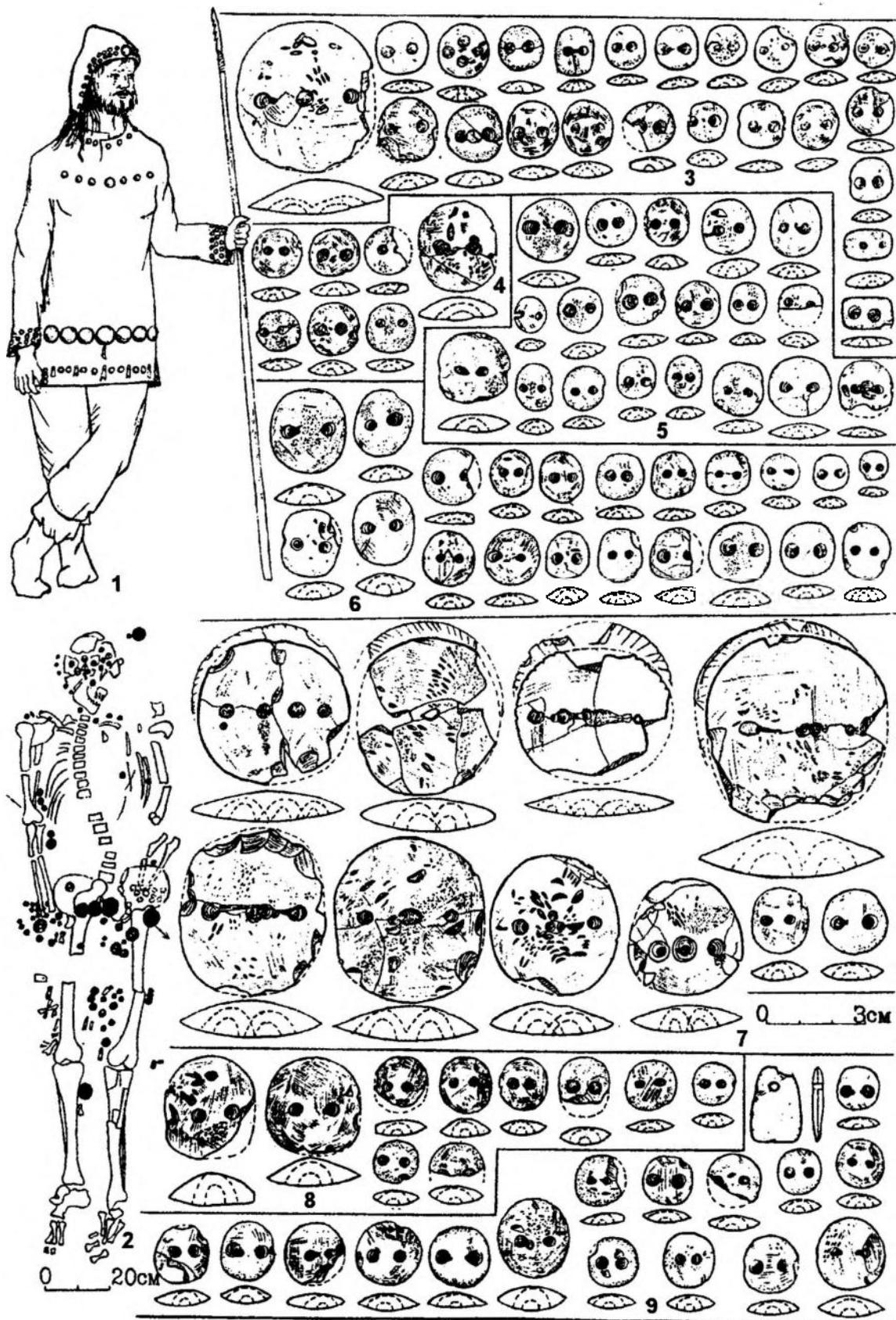

Рис.4. Могильник Сахтыш IIА. Погребение 28: 1 - реконструкция одежды; 2 - план захоронения; 3-9 - янтарные украшения: 3 - из района черепа; 4 - с груди; 5 - с правого запястья; 6 - с левого запястья; 7 - из области таза; 8 - из района верхней части бедренных костей; 9 - из района нижней части бедренных костей; на рисунке отсутствуют изображения 3 пуговиц плохой сохранности [1- рис.И.Купцова, 2-9 - рис.Е.Костылевой]

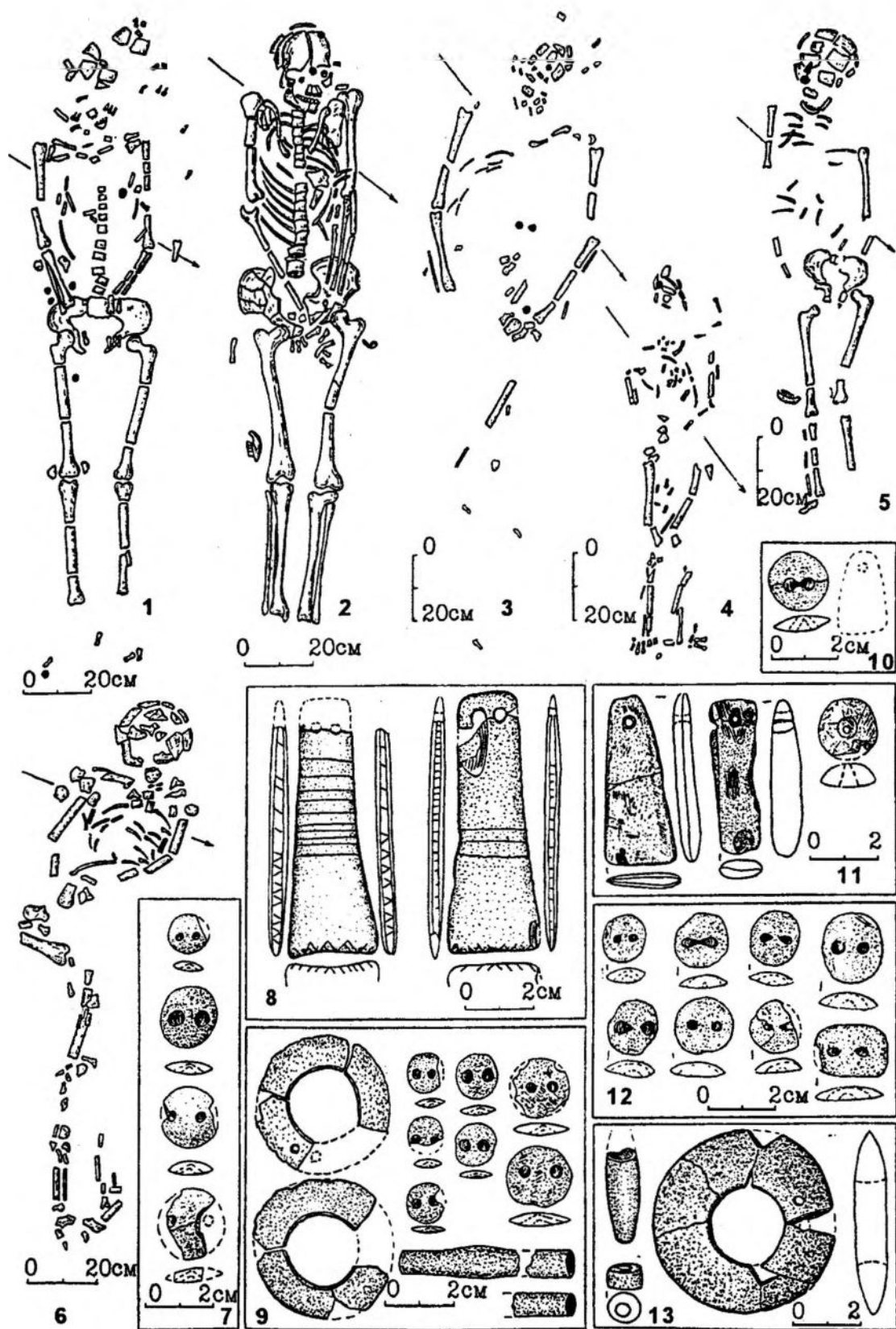

Рис.5. Могильник Сактыш II. Погребения: 1 - захоронение 4; 2 - захоронение 39; 3 - захоронение 3; 4 - захоронение 53; 5 - захоронение 26; 6 - захоронение 9; 7-13 - янтарные украшения: 7 - из погребения 3; 8 - из погребения 9; 9 - из погребения 4; 10 - из погребения 26; 11 - из погребения 53; 12 - из погребения 39; 13 - из погребения 17 [1-13 - рис.Е.Костылевой]

Захоронение 17 принадлежало ребенку³. В области груди, с правой и левой стороны ребер были расчищены обломки массивного кольца, две проныски – эллипсоидная и кольцевидная, а также подвеска из резца лося со сверлиной (рис. 5: 13).

Осколки янтарного украшения, вероятно, пуговицы малого диаметра зафиксированы среди обломков черепа 30-34-летнего мужчины из восемнадцатого захоронения.

Остатки одного, полностью распавшегося, янтарного изделия (пуговицы?) отмечены среди груды костей индивидуума неопределенной половой принадлежности в погребении 21⁴.

Погребение 26 – детское, принадлежало подростку 10-14 лет (рис. 5: 5). У правой челюсти был найден обломок янтарной подвески, а на черепе – округлая пуговица диаметром 15 мм; она, видимо, украшала головной убор погребенного (рис. 5: 10).

Наконец, с останками взрослого мужчины из захоронения 44 следует, очевидно, связывать обломок янтарной подпрямоугольной пуговицы, найденный в районе верхней части туловища и, возможно, две подвески из серпентина. Хотя не исключено, что последние происходят из культурного слоя поселения.

На основании радиоуглеродного анализа костей трех скелетов (№ 5, 10 и 28) погребения первых двух рядов, где сконцентрирована основная масса янтарных украшений, датируются 4540±160 – 4800±200 (ГИН-6234, 7190 и 6237) л. н., т. е. в интервале минимум 260 лет. По данным стратиграфии и планиграфии, первоначально на могильнике, скорее всего, сформировался прибрежный ряд, а затем восточный. Прочие янтарные захоронения (17, 18, 21, 26 и 44) – чуть более поздние, и время их совершения можно условно определить самым началом 2-й пол. III тыс. до н. э. Предложенные датировки, как видим, в целом совпадают с хронологической шкалой янтарных изделий неолита Латвии, разработанной И.А. Лозе [10].

Итог соотношения янтаря с полом погребенных на Сахтыше ПА, на первый взгляд, выглядит несколько странным: три скелета принадлежат детям, один – взрослому субъекту, половые признаки которого не установлены, прочие девять – мужчинам (табл. 1). Однако это впечатление ложное. Если мы обратимся к “янтарным” погребениям Звейниекки, то там наблюдается примерно такая же картина: из девятнадцати костяков – семь мужских, два – женских, четыре – взрослых неопределенного пола и шесть – детско-подростковых [11].

Иная ситуация с захоронениями на Тамуле, где янтарными украшениями сопровождалась три ребенка, один мужчина и две женщины. Антропологическую характеристику им в свое время дала К.Ю. Марк. Не оспаривая ее выводов, все же отметим один нюанс. По краниометрическим данным, у некоторых женских черепов Тамулы, в частности из самого “богатого” янтарем десятого погребения, продольный диаметр больше, нежели у мужских с того же памятника и со стоянки Валма, т. е. не исключено, что диагностика тамульских костяков как женских ошибочна.

Четыре черепа из погребений с янтарем Сахтыша ПА были реставрированы Г.В. Лебединской и изучены Т.И. Алексеевой [8]. Все они по строению относятся к метисному типу с доминантой европеоидных признаков, по черепному указателю распадаются на мезокранные (Сах. ПА: 4, 9, 39) и брахикранные (Сах. ПА: 15) (табл. 2) [12]. Близкие характеристики имеют мужские черепа из позднеолитических захоронений с янтарем из Восточной Прибалтики: три – из могильника Звейниекки, по одному – со стоянок Абора I, Валма и Тамула (табл. 2).

Таблица 2. Мужские черепа из янтарных погребений

Признаки № погребения	Продольный диаметр	Поперечный диаметр	Высотный диаметр	Ширина лба	Скуловой диаметр	Верхняя высота лица	Назomальярный угол	Зигомаксиллярный угол	Черепной указатель
по Мартину	1	8	17	9	45	48	77	zm-SS-zm	8:1
САХТЫШ ПА⁵									
4	190	150	-	105	-	-	-	-	78,9
9	187	141	141(?)	93	136	83	137,7	124,2	75,4
15	174	146	133	96	138	68	151,8	119,2	83,9
39	182	141	146	99	151(?)	75	136	122,6	77,5
ЗВЕЙНИЕКИ⁶									
220	184	137	99	-	-	-	-	-	74,5
225	180	139	118	94	132	61	147	128,1	77,2
263	188	149	138	104	143	65	138,6	134,8	79,3
АБОРА I⁷									
3	-	151	-	103	142	70?5	-	-	-

³ К сожалению, в коллективной монографии по антропологии Сахтышских стоянок по неизвестной нам причине отсутствуют какие-либо упоминания об этом погребении [8].

⁴ Т.И. Алексеева атрибутировала это погребение как детское неопределенного пола и возраста, В.Н. Федосова – как индивидуума неясного пола в возрасте 25-29 лет, М.В. Козловская – как женское в возрасте 20-25 лет [8, с. 59, 100, 132].

⁵ Измерения черепов выполнены Т.И. Алексеевой [8, с. 34-41].

⁶ Измерения черепов выполнены Р.Я. Денисовой [13, с. 34-41].

⁷ Измерения черепов выполнены Р.Я. Денисовой [13, с. 34-41].

Этот вывод, на наш взгляд, находит неожиданное подтверждение в асинхронности радиоуглеродных датировок по костякам из “янтарных” погребений на территории современных стран Балтии и сахтышских – два звейниекских захоронения (206 и 225) датированы соответственно 5285 ± 50 (Ua-3643) и 5110 ± 45 (Ox-?) [14], что указывает, при условии достоверности этих дат, полученных ускоренным методом, на зарождение моды украшать одежду янтарем на берегах Балтики.

Таким образом, параллели между погребениями с янтарем Сахтыша IIa и восточно-прибалтийскими (сходство похоронного ритуала, преобладание янтаря в декоре мужского костюма, совпадение антропологических типов и т.д.) свидетельствуют не только об их культурно-историческом единстве, но и прямо указывают на то, что “янтарные” волосовцы – это выходцы из Восточной Прибалтики. Они не импортировали изделия из янтаря или уже готовые костюмы, а именно пришли на берега Сахтышского озера в одежде, расшитой “солнечными камнями”, в которой закончили свою земную жизнь и были похоронены. Какую-то часть янтарных поделок мигранты передали своим детям и внукам, что отразилось в единичных находках янтаря в более поздних захоронениях восточного и центрального рядов кладбища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIa // Археологические Вести, № 2. СПб., 1993.
2. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могильник и “святилище” на стоянке Сахтыш IIa // РА. 1994. № 2.
3. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIa // РА. 1994. № 3.
4. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Исследования стоянки и могильника Сахтыш IIa // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
5. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Раскопки стоянки Сахтыш IIa // АО-1993. М., 1994.
6. Костылева Е.Л. Результаты раскопок могильника на стоянке Сахтыш IIa в 1987-1993 гг. // Ивановский государственный университет – региональный центр науки, культуры и образования: Тез. докл. Иваново, 1994.
7. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские погребальные “святилища” Сахтышских стоянок // Каменный век Европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Тез. докл. Сергиев Посад, 1997.
8. Неолит лесной полосы Восточной Европы: Антропология Сахтышских стоянок / Т.И. Алексеева, Р.Я. Денисова, М.В. Козловская, Е.Л. Костылева, Д.А. Крайнов, Г.В. Лебединская, А.В. Уткин, В.Н. Федосова. М., 1997.
9. Уткин А.В. Гравировка на камне с Ивановского болота // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново, 1994.
10. Loze I. Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia // PrA. T. XXIII. 1975.
11. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulausks. Riga, 1987.
12. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Краткая характеристика антропологических типов эпохи первобытности на территории Ивановской области // Проблемы отечественной и зарубежной истории: Тез. докл. Иваново, 1998.
13. Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.
14. Zagorska I. Jauni dati par Zvejnieku akmens laikmeta kapulau hronologiju // LVIŽ 1994. № 4.

Ивановский государственный университет

Научно-производственный центр по охране памятников Комитета по культуре и искусству администрации Ивановской области, Иваново

E.L. Kostyleva, A.V. Utkin

GRAVES WITH AMBER ORNAMENTS FROM THE VOLOSOVO BURIAL ON THE SAKHTYSH IIa SITE

Summary

The authors describe and analyse graves with amber ornaments from the Volosovo burial field on the Sakhtysh IIa site located in Ivanovo region. The field consists of 57 single graves grouped mostly in 5-6 lines. 13 amber burials in the southern part of the cemetery are grouped in 3 lines (Fig. 2), they have been found in the cultural layer. The grave pits are not discernible. The deceased lay on a back, hands along the body, head to the south (Fig. 2; Table 1). They have been dated with C-14 to $4540 \pm 160 - 4800 \pm 200$ (GIN-6234, 7190, 6237) BP.

The amber ornaments (367 items) are of different kinds: buttons with V-shaped bored holes (334 items); big buttons-badges 40-60 mm in diameter with W-shaped bored holes (8 items); tubular beads (14 items); rings (5 items); pendants (6 items). Almost 90 % of ornaments are from two graves (№15 and №28 - Table 1). The large number of ornaments allows to judge the style of a dress of the deceased.

In both cases the dress of the deceased can be defined as short open leather shirt which is put on over a head. On an edge of a neck of the shirt of deceased №15 there are tubular beads. One or two lines of buttons ended with rings cross the shirt's front, and two lines of buttons are on a hem. The most striking decorations are on the sleeves: three lines of buttons are near the shoulders, two lines delineate the edge of the cuffs, and a garland of closely fixed buttons is going

down between them. Finally, two buttons decorate trousers on the left knee.

A shirt from grave № 28 has been analogously decorated (Fig. 4). A line of small buttons edge the neck, another line of buttons crosses the shirt's front, a belt of large budes is on the thigh, a garland of small buttons – on the hem, several pendants made of a bear tooth (one) and bones are between. The ends of the sleeves are decorated with two or three chains of buttons of smaller diameter.

In both graves amber ornaments have been found on the head-dresses. In grave №15 the hood is edged by a chain of small buttons, in grave №28 there are two lines of buttons in front of the head-dress and a large budge in the middle (Fig. 3,4).

It is hardly possible to reconstruct dresses from other graves since skeletons have been substantially damaged, and ornaments are poor (Fig. 5).

It has been discovered that the amber ornaments on the Sakhtysh IIA site usually belong to males. The same has been found on Zvejnieki cemetery in Latvia.

Four skulls from the amber graves on the Sakhtysh IIA site have been examined by anthropologists. They all belong to the mixed type with the domination of European features. Skulls with similar characteristics were discovered in the Late Neolithic amber graves on the eastern shore of the Baltic Sea (Zvejnieki, Abora I, Valma and Tamula) (Table 2).

Similarities between amber graves on Sakhtysh IIA site and sites on the eastern shore of the Baltic Sea (the same funeral rituals and differences in the number of amber ornaments between sexes, anthropological similarities etc) allow us to conclude that “amber volosovites” came from the eastern Baltic shore.

*The State University of Ivanovo
The Research-Industrial Centre
for Protection of Monuments
of the Committee of Culture and Art
of Ivanovo Region
126, 8, Zharov St., Ivanovo,
153000, Russia*

Е.В. Волкова

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НОВИНКИ 1 И 2

Данная статья является продолжением публикации материалов раскопок фатьяновских грунтовых могильников Новинки 1 и 2. В ней автор преследует несколько целей. Во-первых, познакомить специалистов с новыми фактическими материалами, полученными в результате работ археологической экспедиции Тверского государственного объединенного музея на могильниках Новинки 1 и 2 в 1993-1994 гг. Во-вторых, провести анализ всех погребальных комплексов по выделенным ранее четырем микрогруппам населения, оставившего эти могильники [1, с. 340-341]. И, наконец, в-третьих, сопоставить полученные в результате такого анализа данные с выводами, сделанными по итогам изучения керамического комплекса могильников [1, с. 345].

Напомню вкратце о расположении могильников и их участков. Могильник Новинки 1 находится в 1,8 км по прямой к северо-востоку от д. Новинки на левом берегу р. Шоши в Калининском районе Тверской области. Он расположен на северном берегу древнего залива или притока р. Шоши (возможно, на его бывшей 1-й надпойменной террасе), ныне превращенного в рыбоотстойник. Работы имели охранной характер, раскопы закладывались в местах рекультивированных карьеров с раздернованной и поврежденной поверхностью, при выходах на нее могильного инвентаря. По этой причине могильники копались не сплошной площадью, а отдельными участками.

На могильнике Новинки 1 было раскопано 4 участка. Участок 1 (далее уч. 1 Н 1) имеет общую площадь 464 кв. м. Участок 2 расположен на расстоянии 200 м к западу от участка 1. Его площадь – 24 кв. м. В 15 м от участка 2 находятся участки 3 и 4, соединенные в 1994 г. в единый раскоп. Их общая площадь – 526 кв. м. Изученные на сегодняшний день материалы позволяют с уверенностью говорить о том, что участки 2, 3 и 4 могильника Новинки 1 (далее уч. 2-4 Н 1) представляют собой единый культурный комплекс, несколько отличающийся от комплекса участка 1 (подробное обоснование этого см. в [1; 2; 3]).

Могильник Новинки 2 расположен в 400 м к западу от участков 3-4 могильника Новинки 1. Он так же, как и могильник Новинки 1, занимает пространство между рыбоотстойником и грунтовой дорогой. Площадь, занятая могильником, была полностью раздернована. Раскопы были заложены на двух участках – там, где непосредственно на поверхности лежали фатьяновские вещи. Общая площадь участка 1 (уч. 1 Н 2) – 232 кв. м. Участок 2 (уч. 2 Н 2) находится в 180 м к востоку от первого. Его площадь – 52 кв. м.

Материалы могильников соотносятся с Никульцинским и Волосово-Даниловским этапами фатьяновской культуры, датируемыми XVIII–XVI вв. до н.э. [2, с. 80, 91].

Итак, речь пойдет о трех вопросах. Во-первых, о погребальных комплексах, раскопанных в 1993-94 гг. Во-вторых, о сравнении погребальных комплексов разных участков между собой, т.е. по существу о сопоставлении выделенных по гончарным традициям четырех микрогрупп фатьяновского населения: 1) уч. 1 Н 1, 2) уч. 2-4 Н 1, 3) уч. 1 Н 2 и 4) уч. 2 Н 2. И, наконец, третий вопрос, в большей мере методический, возник в процессе решения первых двух и связан со спецификой данных могильников, где в силу почвенных условий не сохранились костяки. Он касается проблемы реконструкции по косвенным данным пола погребенных.

Прежде чем перейти к этим вопросам, необходимо упорядочить предложенную ранее [1-4] нумерацию могил и погребений могильников Новинки 1 и 2. Дело в том, что в предыдущих статьях была использована нумерация погребений, взятая из отчетов о полевых исследованиях. В отчетах же дана полевая нумерация, отдельная для каждого участка, что было связано, в первую очередь, с одновременными работами на нескольких участках. Теперь, когда единство комплексов участков 2, 3 и 4 Новинки 1 не вызывает никаких сомнений, настало время перенумеровать могильные ямы и погребения этих участков в едином порядке. Таким образом, изменена нумерация могил и погребений участка 3 и 4. При раскопках участка 1 Новинки 2 одна из ям была ошибочно принята за могильную (могила 3, погребение 3) [5, с. 37], поэтому нумерацию погребений этого участка также пришлось уточнить.

Кроме того, в нашей первой публикации материалов могильника Новинки 1 [2] все частично перекрывающие друг друга могильные ямы участков 2 и 3 были интерпретированы как единые могилы с двумя погребениями. Это неправомерно, так как, во-первых, в каждой из данных пар могильные ямы, как выяснилось при дальнейшей обработке полученных материалов, разновременны и поэтому не могут быть одной могилой, и, во-вторых, из-за отсутствия костяков вообще сложно говорить о количестве погребенных в одной могиле, можно лишь предполагать их число по набору инвентаря.

Всего за пять лет работ на могильниках было раскопано 29 могил. Из них 18 – в 1993–94 гг. По участкам

и могильникам эти новые погребальные комплексы располагаются следующим образом: 12 могил на уч.2-4 Н 1 (рис. 1), 4 могилы на уч. 1 Н 2 (рис. 2) и 2 могилы на уч.2 Н 2 (рис. 3).

Новинки 1. Участок 2-4

Могила 9, погребение 9 (в отчете могила 7, погребение 5 [6, с. 13-16]; рис. 4).

Конструкция не зафиксирована.

На дне могилы лежали:

- глиняный сосуд в ССЗ части,
- каменный сверленный топор в ЮЮВ части,
- кремневый нож на пластине в ССЗ части.

Могила 10, погребение 10 (в отчете могила 8, погребение 6 [6, с. 16-20]; рис.4).

Конструкция не зафиксирована.

На дне могильной ямы лежали:

- глиняный сосуд в ССЗ части,
- кремневое острие.

В заполнении ямы найден обломок ножевидной пластины.

Могила 11, погребение 11 (в отчете могила 1, погребение 1 [6, с. 27-28]; рис.5).

Северная часть могильной ямы разрушена дорожным кюветом.

Внутренняя конструкция отсутствует.

На дне могильной ямы найдены:

- глиняный сосуд,
- кремневый нож на пластине рядом с сосудом.

Могила 12, погребение 12 (в отчете могила 1, погребение 2 [6, с. 28-32]; рис.5).

Частично нарушено дорожным кюветом и современной столбовой ямой, перекрыто могилкой 11.

Фиксируются следы от внутренней погребальной конструкции.

На дне могильной ямы лежали:

- 2 глиняных сосуда в ЮЗ части,
- каменный сверленный топор в центре,
- кремневый топор-клин рядом с сосудами,
- кремневая пластина рядом с сосудами,
- кремневый нож на пластине в СВ части, ближе к центру.

В заполнении ямы найдены фрагменты от двух глиняных сосудов и кремневая чешуйка.

Могила 13, погребение 13 (в отчете могила 2, погребение 3 [6, с. 33-36]; рис.6).

Внутренняя конструкция не зафиксирована.

На дне могильной ямы обнаружены:

- 2 глиняных сосуда, один (раздавленный) – в центре, второй – в ЮЮЗ части,
- кремневый топор-клин в центре,
- кремневый отщеп в Ю части.

В заполнении ямы найден фрагмент глиняного сосуда.

Могила 14, погребение 14 (в отчете могила 3, погребение 4 [6, с.36- 42]; рис.7).

Верхний слой до уровня погребального инвентаря срезан поздней постройкой. Четко фиксируется нижний уровень внутренней конструкции.

На дне могильной ямы зафиксированы:

- 2 глиняных сосуда, развал одного – в центре, второй, целый, – в ВСВ части,
- каменный сверленный топор в ЗЮЗ части,
- 10 кремневых наконечников стрел лежали компактной группой (колчан) в ЗЮЗ части,
- кремневый топор-клин в ЗЮЗ части,
- 2 кремневых ножа в ЗЮЗ части,
- кремневый скребок в центре у сосуда.

Могила 15, погребение 15 (в отчете могила 4, погребение 5 [6, с. 42-47]; рис.7).

Верхний слой срезан поздней постройкой, в центре погребения большая столбовая яма от нее. Четко читается внутренняя конструкция.

На дне могильной ямы находились:

- 1 глиняный сосуд в ЗЮЗ части,
- кремневый нож у сосуда,
- кремневый топор-клин почти в центре.

В заполнении ямы найдены 2 фрагмента от разных глиняных сосудов и кремневый отщеп.

Могила 16, погребение 16 (в отчете могила 5, погребение 6 [6, с. 47-53]; рис.8).

Нарушена столбовой ямой. Прослеживается пятно от внутренней конструкции.

На дне могильной ямы лежали:

- 2 глиняных сосуда в СВ части,
- 2 кремневых ножа на пластинах у сосудов,
- скол с валуна песчаника в одном из сосудов.

В заполнении ямы найдены кремневый наконечник стрелы и несколько фрагментов от одного сосуда.

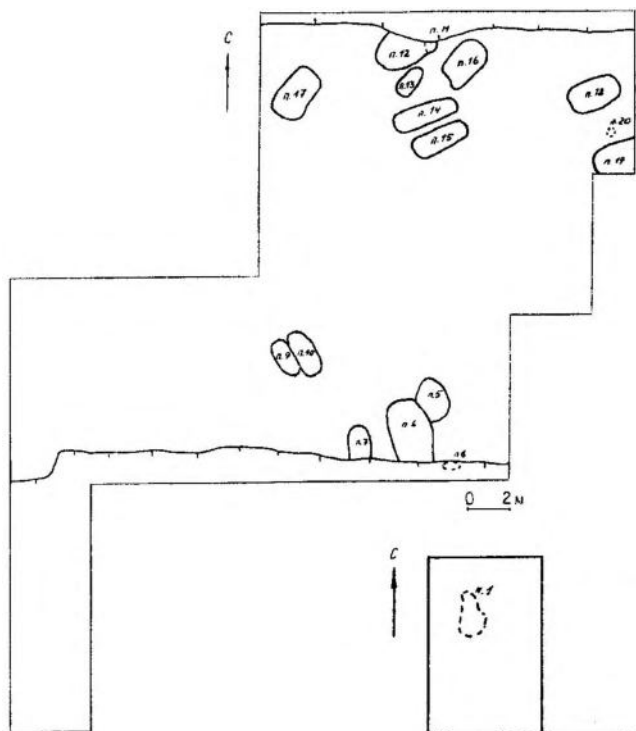

Рис.1. Новинки 1. Участки 3 и 4.
План расположения могил

Рис.2. Новинки 2. Участок 1.
План расположения могил

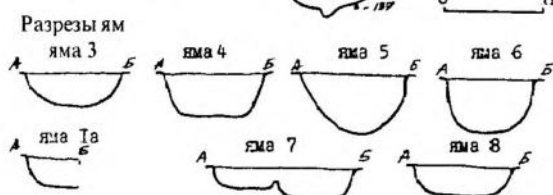
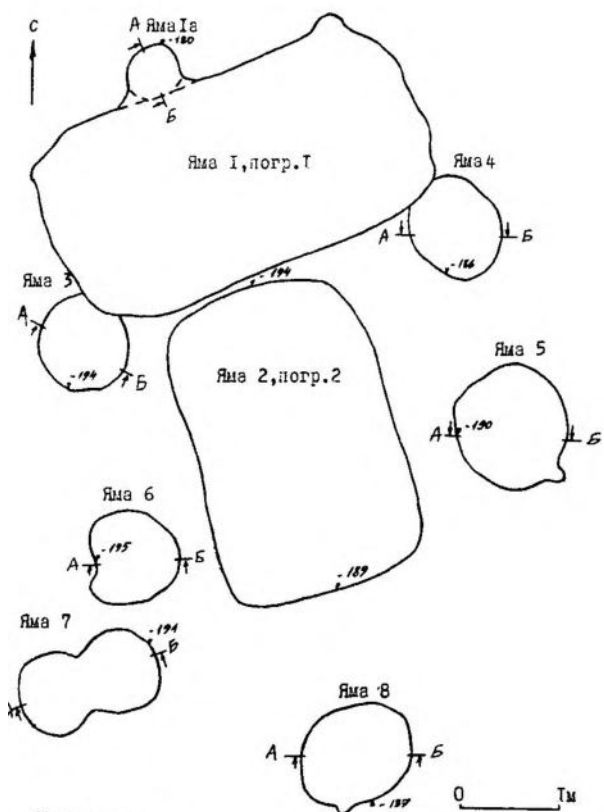

Рис.3. Новинки 2. Участок 2.
План, разрезы ям

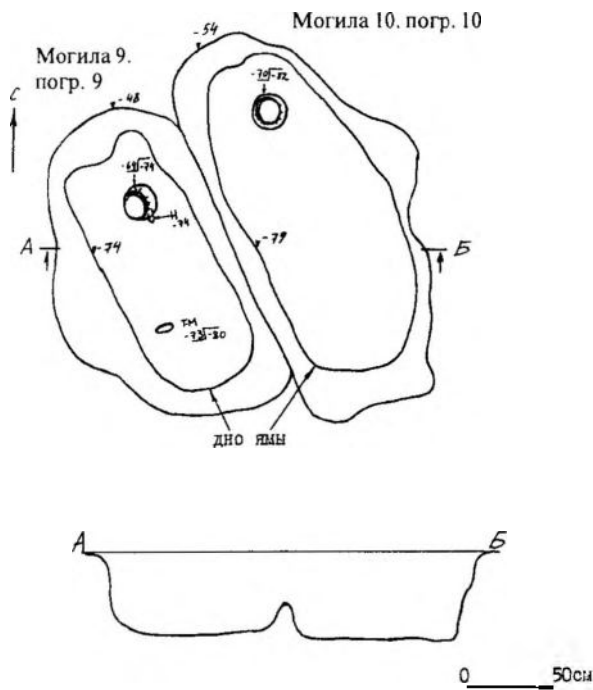

Рис.4. Новинки 1. Участок 3. Могила 9,10, погребения 9,10. План, разрез (тм - каменный сверленный топор-молот; н-нож)

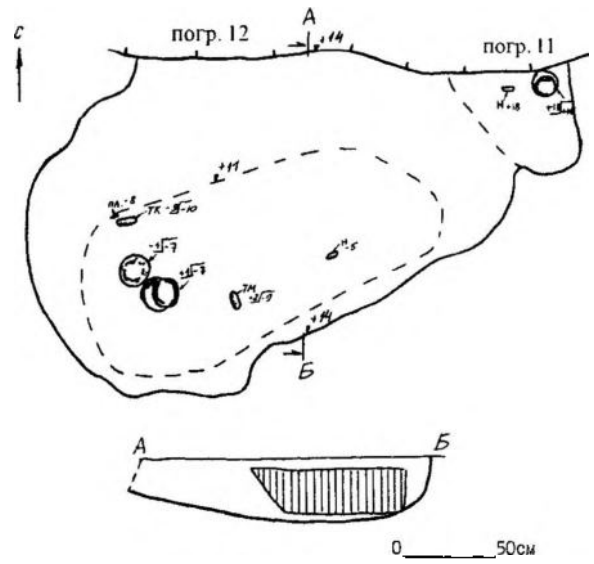

Рис.5. Новинки 1. Участок 4. Могила 11 и 12, погребения 11,12. План, разрез (н - нож; тм - топор-молот; пл - пластина)

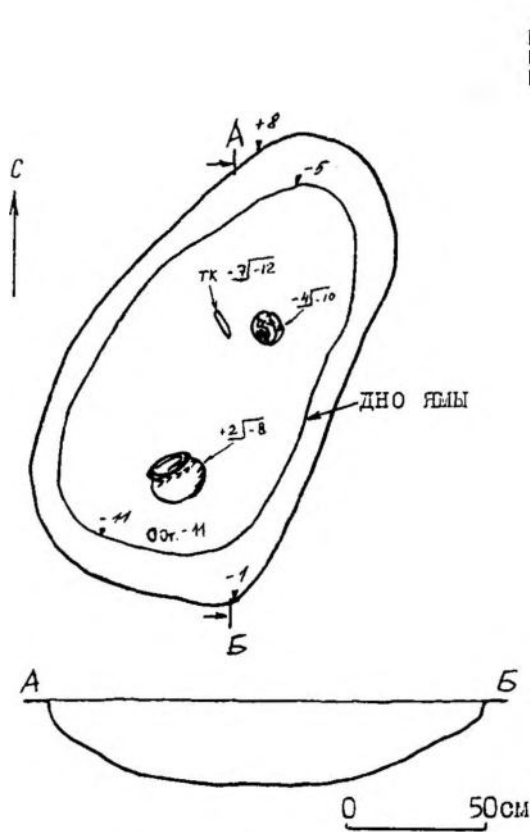

Рис.6. Новинки 1. Участок 4. Могила 13, погребение 13. План, разрез (тк - топор-клин; от - отщеп)

песок
 - черный
 - коричневый
 - серый

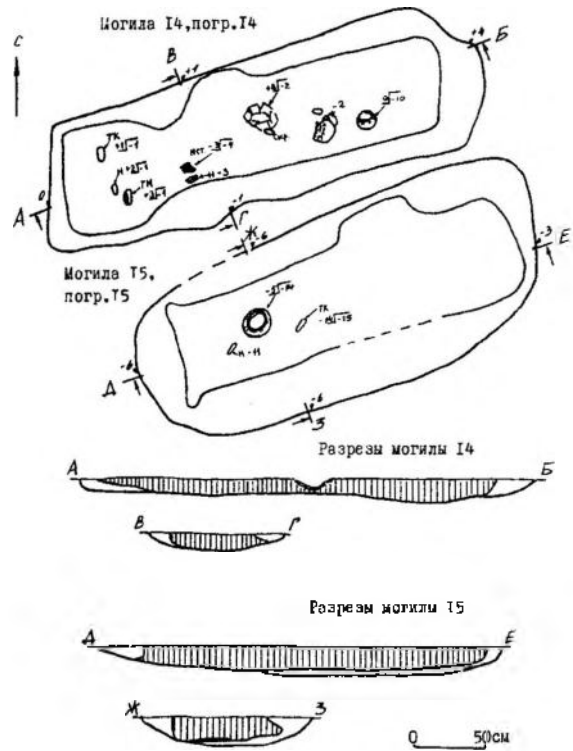

Рис.7. Новинки 1. Участок 4. Могила 14, 15, погребения 14, 15. План, разрезы (тк - топор-клин; н - нож; тм - топор-молот; нает - наконечник стрелы; скр - скребок)

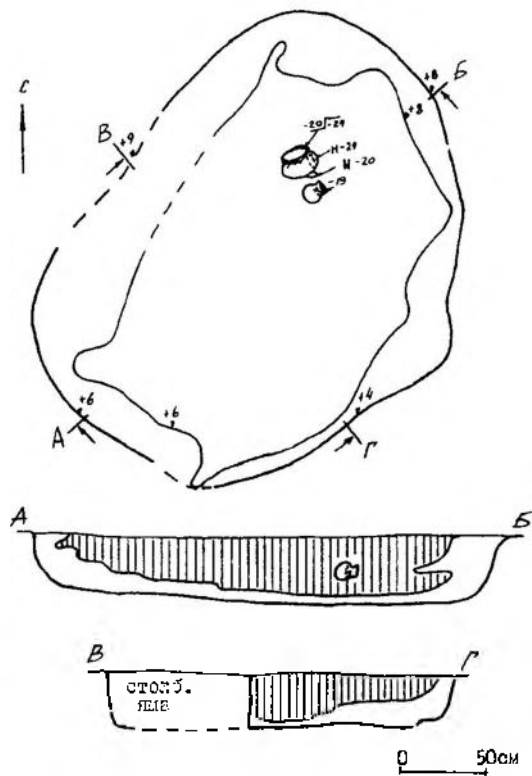

Рис.8. Новинки 1. Участок 4. Могила 16, погребение 16. План, разрезы (н - нож)

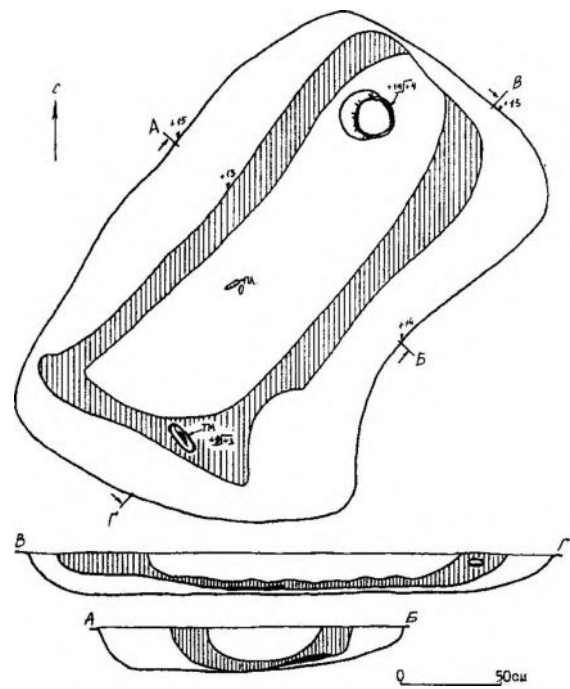

Рис.9. Новинки 1. Участок 4. Могила 17, погребение 17. План, разрезы (пл - пластина; тм - топор-молот)

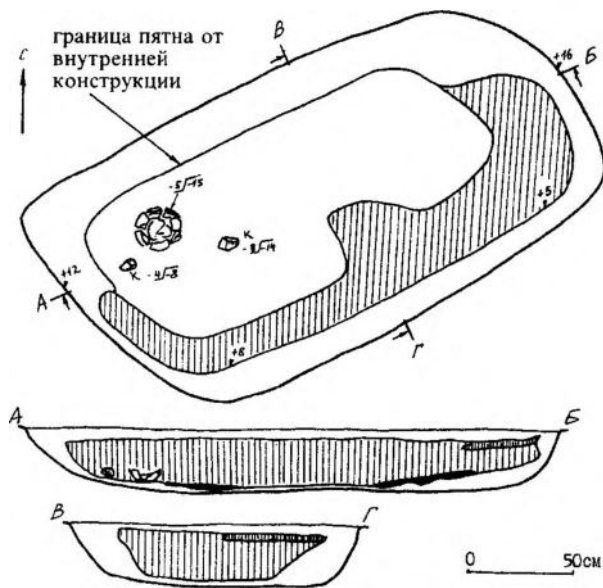
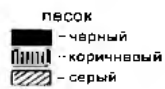

Рис.10. Новинки 1. Участок 4. Могила 18, погребение 18. План, разрезы (к - камень)

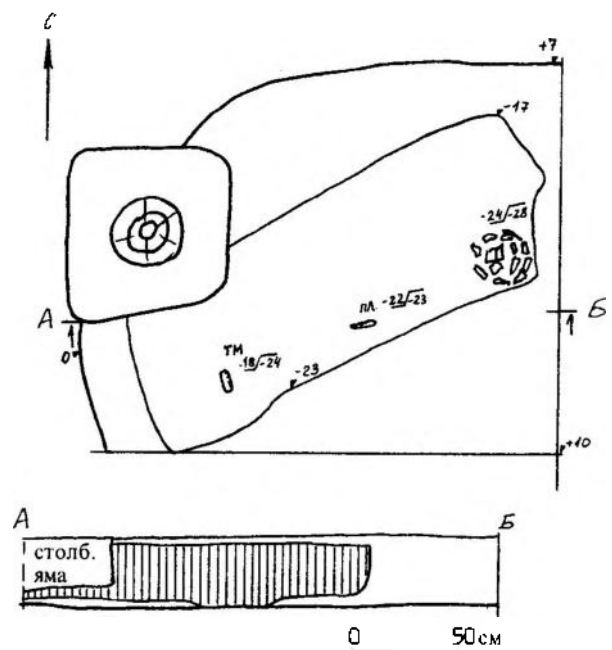

Рис.11. Новинки 1. Участок 4. Могила 19, погребение 19. План, разрез (тм - топор-молот; пл - пластина)

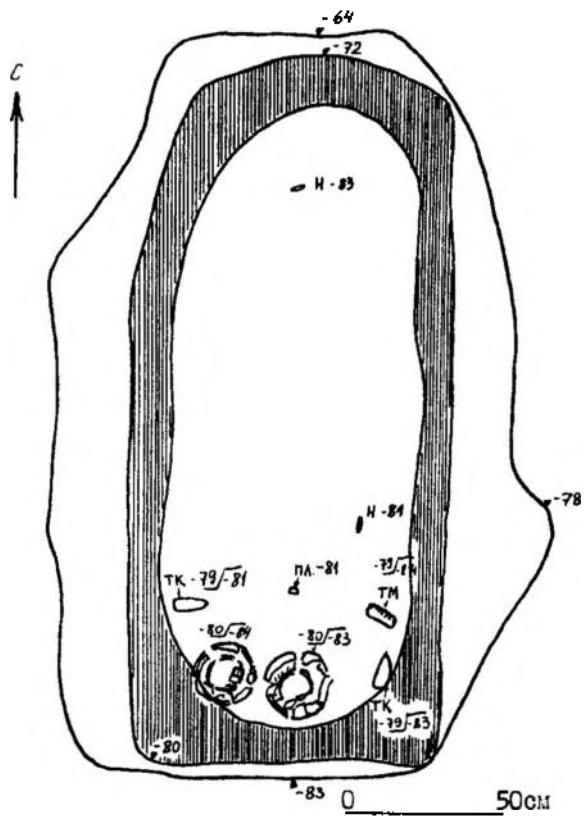

Рис. 12. Новинки 2. Участок 1. Могила 3, погребение 3. План
(н - нож; тк - топор-клин; пл - пластина; тм - топор-молот)

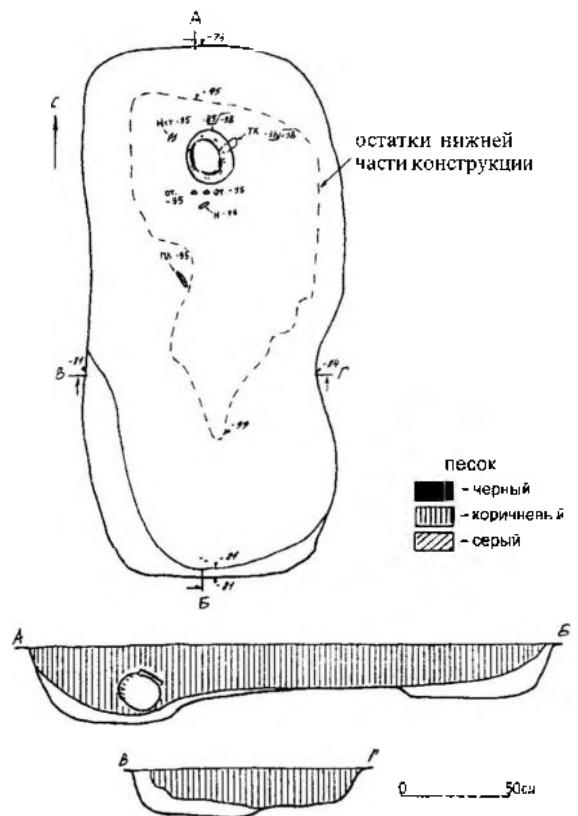

Рис. 13. Новинки 2. Участок 1. Могила 4, погребение 4. План, разрезы
(нст - наконечник стрелы; тк - топор-клин; от - отщеп; пл - пластина; н - нож)

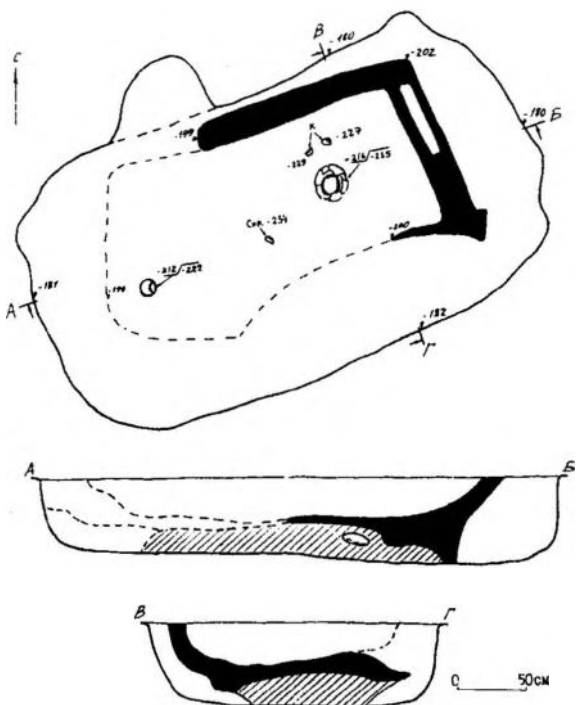

Рис. 14. Новинки 2. Участок 2. Могила 1, погребение 1. План, разрезы
(к - камень; скр - скребок)

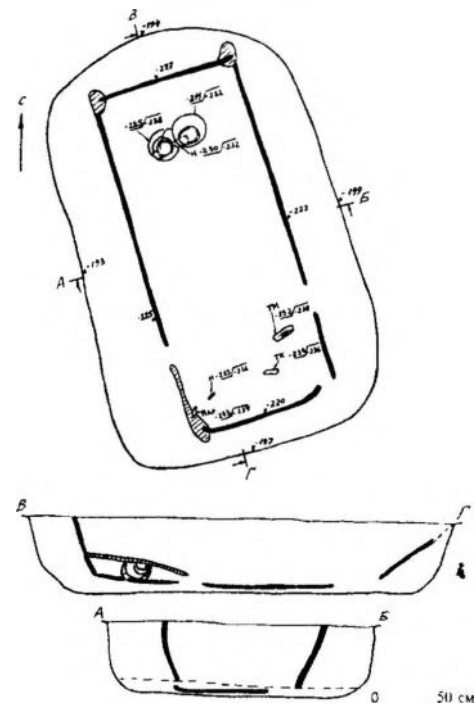

Рис. 15. Новинки 2. Участок 2. Могила 2, погребение 2. План, разрезы
(тм - топор-молот; тк - топор-клин; н - нож; ндр - наконечник дротика)

Могила 17, погребение 17 (в отчете могила 6, погребение 7 [5, с. 11-15]; рис.9).
Верхняя часть могильной ямы нарушена. Фиксируется внутренняя конструкция.

На дне могильной ямы обнаружены:

- глиняный сосуд в СВ части,
- каменный сверленный топор в ЮЗ части,
- кремневая ножевидная пластина в центре.

Могила 18, погребение 18 (в отчете яма 14, погребение 8 [5, с. 16-20]; рис.10).

Фиксируется пятно от внутренней конструкции.

На дне могильной ямы лежали:

- раздавленный глиняный сосуд в ЗЮЗ части,
- крупный скол гранита рядом с сосудом,
- фрагмент точильного камня рядом с сосудом.

Могила 19, погребение 19 (в отчете яма 15, погребение 9 [5, с. 20-24]; рис.11).

Погребение нарушено столбовой ямой. Небольшая часть могильной ямы ушла в восточную и южную стенки раскопа.

Фиксируется внутренняя конструкция.

На дне могильной ямы находились:

- раздавленный глиняный сосуд в ВСВ части,
- каменный сверленный топор в ЗЮЗ части,
- кремневая ножевидная пластина в центре.

В заполнении ямы найдено несколько фрагментов от двух глиняных сосудов.

Могила 20, погребение 20 (в отчете погребение 10 [5, с. 24-25]; рис.1).

Могила сильно разрушена, границы ямы не читаются. Зафиксировано скопление многочисленных мелких фрагментов от двух сосудов, рядом с которыми лежали кремневые нож и пластина.

Новинки 2. Участок 1

Могила 1, погребение 1 (рис. 2).

Погребение сильно разрушено. Фиксируется пятно нижней части могильной ямы. Здесь найдено:

- скопление фрагментов керамики от трех глиняных сосудов в Ю части,
- кремневый нож на пластине.

Могила 2, погребение 2 (рис. 2).

Могильная яма полностью разрушена. Выявлено только скопление фрагментов одного глиняного сосуда.

Могила 3, погребение 3 (в отчете яма 4, погребение 4 [5, с. 38-41]; рис. 12).

Верхняя часть срезана до уровня погребального инвентаря.

Фиксируется внутренняя конструкция.

На дне могильной ямы лежали:

- 2 раздавленных глиняных сосуда в Ю части,
- каменный сверленный топор у сосудов,
- 2 кремневых топора-клина у сосудов,
- кремневая пластина там же,
- 3 кремневых ножа, один в центре, 2 – в С части.

Могила 4, погребение 4 (в отчете яма 5, погребение 5 [5, с. 41-46]; рис. 13).

Верхняя часть нарушена.

Фиксируется пятно от внутренней конструкции.

На дне могильной ямы обнаружены:

- глиняный сосуд в северной части,
- кремневый топор-клин под сосудом,
- кремневый нож у сосуда,
- 2 кремневых наконечника стрел у сосуда,
- 2 кремневых отщепа у сосуда,
- 4 кремневые пластины в С части.

В заполнении ямы найдена еще одна кремневая пластина.

Новинки 2. Участок 2

Могила 1, погребение 1 (рис. 14).

Фиксируется внутренняя конструкция.

На дне могильной ямы найдены:

- раздавленный глиняный сосуд в ВСВ части,
- 2 точильных камня рядом с сосудом,
- кремневый скребок в центре.

В ЗЮЗ части ямы на 10 см выше уровня инвентаря на боку лежал еще один глиняный сосуд.

В заполнении ямы (коштрище) встречены многочисленные фрагменты от 13 разных сосудов, кремневая пластина и 2 кремневых отщепа.

Могила 2, погребение 2 (рис. 15).

Фиксируется внутренняя конструкция.

На дне могильной ямы лежали:

- 3 глиняных сосуда в ССЗ части,
 - каменный сверленный топор в ЮЮВ части,
 - кремневый топор-клин в ЮЮВ части,
 - кремневый наконечник дротика в ЮЮЗ части,
 - 2 кремневых ножа на пластине, один в ЮЮЗ части, второй – под сосудом.
- В заполнении ямы найдено 2 фрагмента разных сосудов.

* * *

При анализе материала необходимо учитывать степень сохранности каждой могилы. У всех могил срезана верхняя часть ям, причем у четырех (№ 14 и 17 уч.2-4 Н 1, № 1 и 3 уч.1 Н 2) – до уровня погребального инвентаря. Два погребения (№ 20 уч.2-4 Н 1 и № 2 уч.1 Н 2) были разрушены настолько, что не фиксировались границы могильных ям даже на уровне их дна. Кроме того, северные части двух могил (№ 11 и 12 уч.2-4 Н 1) повреждены дорожным кюветом, а четыре могилы (№ 12, 15, 16, 19 уч.2-4 Н 1) частично нарушены большими столбами от современной постройки – овчарни. Таким образом, степень сохранности могильных ям накладывает ряд ограничений на полноту фиксируемой информации. Во-первых, не всегда возможно говорить о первоначальной их глубине. Во-вторых, не во всех случаях определяются границы ямы и ее ориентировка. В-третьих, при полном повреждении могильной ямы невозможно судить о наличии или отсутствии внутренней конструкции и об изначальном наборе погребального инвентаря. Необходимо также учитывать вероятность того, что погребальный инвентарь могил, нарушенных дорожным кюветом и ямами от столбов, может быть либо частично утерян, либо смещен. Такое смещение погребального инвентаря фиксируется, например, в погребении 16 уч.2-4 Н 1. Здесь кремневый наконечник стрелы и фрагменты одного глиняного сосуда, найденные не на дне, а в заполнении ямы, скорее всего, относились к погребальному инвентарю.

Плотность расположения могильных ям на участках различна. На уч.2-4 Н 1 погребения идут двумя полосами на расстоянии 7 м друг от друга с 3 на В. Причем в каждой полосе выделяются отдельные группы могил (рис. 1), расстояние между которыми не превышает 3,5 м. Могилы в каждой группе практически вплотную примыкают друг к другу. В свое время на уч.2 Н 1 была раскопана одна из таких групп. На участке 1 Н 2, возможно, тоже были две полосы могильных ям, вытнутых с 3 на В. Здесь в южной части идет ряд из трех параллельных могил. Расстояние между ними от 2 до 4 м. В северной части раскопа найдено одно сильно разрушенное погребение (могила 1, погребение 1), которое, вполне вероятно, – единственное из сохранившихся погребений второй полосы. Расстояние между этими предполагаемыми полосами около 9 м (рис. 2). Наконец, на уч.2 Н 2 был раскопан погребальный комплекс из двух могил, расстояние между которыми 10 см (рис. 3). Для сравнения напомним, что на участке 1 Н 1 расстояние между погребениями 6–8 м.

Из шести зафиксированных вариантов ориентировок могильных ям (табл. 1) преобладает ориентировка по линии С-Ю (32%). При учете могильных ям, ориентированных с небольшим отклонением от линии С-Ю, доля этой традиции повышается до 56%. Следующей по распространенности является ориентировка могил по линии ЗЮЗ-ВСВ (20%), при этом ориентировка З-В и СВ-ЮЗ представлена слабо (по 12% каждая).

Могильные ямы имеют подпрямоугольную форму, отвесные стенки и достаточно ровное дно. По размерам могильных ям (длина и ширина) можно выделить две группы. Первая группа включает в себя большие ямы, размеры которых с округлением равны 300×100 см или 300×200 см. В этой группе выделяется могила 1 уч.2 Н 2, имеющая размеры 375×210 см. Вторая группа состоит из небольших ям, размеры которых с округлением не превышают 200×100 см.

Из-за плохой сохранности могильников трудно говорить о реальной глубине ям. По-видимому, глубина больших ям была не меньше 100 см. По крайней мере, такую глубину имеет единственная могильная яма с сохранившейся верхней частью (могила 3), раскопанная в 1991 г. на участке 1 Н 1. В группе небольших могильных ям максимальная зафиксированная глубина равна 60 см (№ 10, уч.2-4 Н 1). Но все маленькие ямы, частично перекрывающие большие, так же, как и на предыдущих раскопах, имеют значительно меньшую глубину, чем большие. Например, у большой могильной ямы 12 участка 2-4 Н 1 фиксируемая глубина 32 см, а у перекрывающей ее могилы 11 – всего 17 см.

Из раскопанных за пять лет 29 могил 5 разрушены полностью. Из оставшихся 24 в 16 (что составляет 67%) фиксируются внутренние погребальные конструкции. Причем все эти могилы относятся к первой размерной группе, т.е. к большим. И наоборот, все могильные ямы, кроме одной, не имеющие внутренних конструкций, – небольшие.

К сожалению, все внутренние конструкции плохо сохранились. Первая, основная, причина этого заключается в специфике почв, где органические вещества не сохраняются. Поэтому внутренние конструкции фиксировались по цветовым особенностям грунта, по его плотности и составу, а чаще – только по их четким внешним границам и особому внутреннему заполнению. Вторая причина состоит в том, что сами могильные ямы сильно разрушены, о чем уже упоминалось выше.

Все вышеперечисленное затрудняет обсуждение отдельных деталей каждой внутренней погребальной конструкции, но не препятствует выделению общих черт, характерных для всех конструкций. К ним относятся:

- 1) прямоугольная форма;
- 2) отростки по углам;
- 3) наличие перекрытия.

Таблица 1. Характеристика погребений могильников Новинки 1 и 2 (раскопки 1990-1994 гг.)

№ погреб.	Ориент. ямы	Дл. ямы	Шир. ямы	Глуб. ямы	Вн. констр.	Дл. кон.	Шир. кон.	Выс. кон.	Тлен на дне	Подсыпка песка	Пол 1	Пол 2
H1.y1.n.1	З-В (?)	600	400	?	есть	?	?	?	есть	?	?	?
H1.y1.n.2	С-Ю	>215	230	>22	есть	>100	120	>17	есть	есть	?	?
H1.y1.n.3	С-Ю	243	170	108	есть	220	120	50	есть	есть	м	м
H1.y2.n.1	З-В	344	>66	80	есть	?	?	?	есть	нет	?	?
H1.y2.n.2	ССЗ-ЮЮВ	310	200	70	есть	?	?	?	есть	нет	ж	ж?
H1.y2.n.3	З-В (?)	105	80	33	нет	0	0	0	нет	нет	л?	л
H1.y2.n.4	З-В	150	60	35	нет	0	0	0	нет	нет	м?	м?(л?)
H1.y3.n.5	ССВ-ЮЮЗ	190	170	60	нет	0	0	0	нет	есть	л?	л
H1.y3.n.6	С-Ю	255	150	60	?	?	?	?	есть	нет	м(ю?)	м
H1.y3.n.7	С-Ю	>210	120	>30	нет	0	0	0	нет	нет	?	м??
H1.y3.n.8	З-В	>115	?	?	?	?	?	?	нет	нет	?	?
H1.y3.n.9	ССЗ-ЮЮВ	197	95	50	нет	0	0	0	нет	нет	м	м
H1.y3.n.10	ССЗ-ЮЮВ	230	100	57	нет	0	0	0	нет	нет	м?	м??
H1.y4.n.11	?	>80	>70	17	нет	0	0	0	нет	нет	л?	л
H1.y4.n.12	СВ-ЮЗ	280	210	32	есть	215	95	27	есть	нет	м	м
H1.y4.n.13	ССВ-ЮЮЗ	180	80	30	нет	0	0	0	нет	нет	л?	л?
H1.y4.n.14	ЗЮЗ-ВСВ	300	100	>10	есть	260	60	>10	есть	нет	м	м
H1.y4.n.15	ЗЮЗ-ВСВ	280	120	>19	есть	250		>19	есть	нет	ж	ж
H1.y4.n.16	СВ-ЮЗ	280	195	40	есть	?	?	?	есть	нет	ж	м?
H1.y4.n.17	СВ-ЮЗ	260	150	>19	есть	224	90	>18	есть	нет	м	м
H1.y4.n.18	ЗЮЗ-ВСВ	253	140	30	есть	225	95	23	есть	нет	?	ж??
H1.y4.n.19	ЗЮЗ-ВСВ	>215	180	42	есть	205	75	29	есть	нет	м	м
H1.y4.n.20	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?	?
H2.y1.n.1	С-Ю	>145	>95	?	?	?	?	?	?	нет	?	?
H2.y1.n.2	С-Ю	>156	>80	?	?	?	?	?	?	нет	?	?
H2.y1.n.3	С-Ю	255	151	>15	есть	230	90	>15	есть	нет	м(ю?)	м
H2.y1.n.4	С-Ю	250	120	34	есть	?	?	?	есть	нет	ж?	м?(л?)
H2.y2.n.1	ЗЮЗ-ВСВ	375	210	57	есть	280	140	55	есть	нет	м?	м??+л
H2.y2.n.2	ССЗ-ЮЮВ	315	198	53	есть	250	113	>40	есть	нет	м	м

Примечание: № погреб. – № погребения; Н – Новинки; у – участок; п. – погребение; Ориент. ямы – ориентировка ямы; Дл. – длина (см); Шир. – ширина (см); Глуб. – глубина (см); Вн. констр. – наличие или отсутствие внутренней конструкции; Выс. кон. – высота конструкции (см); Пол 1 – реконструированный пол погребенного (результат первоначального исследования, предложенного в данной статье); м – мужской, ж – женский, ю – погребение юноши, д – погребение ребенка; Пол 2 – реконструированный пол погребенного (результат дальнейшего исследования, предложенного автором в статье “Опыт реконструкции пола и возраста погребенных из фатьяновских могильников Новинки 1 и 2” [в данном сборнике]); м, ж, д – I группа по степени достоверности; м?, ж?, м?(д?) – II группа по степени достоверности; м?? – III группа по степени достоверности

Предположительно общими являются также черты, которые удалось проследить по отдельным хорошо сохранившимся погребениям:

- 1) сужение конструкции книзу,
- 2) тонкий (типа прутьев) материал стенок конструкции.

Кроме того, во всех могильных ямах, имеющих внутреннюю погребальную конструкцию, на дне, в пределах этой конструкции, фиксируется тлен, возможно, от специальной подстилки (табл. 1). По уточненным данным, тлен из могил 1 и 2 уч.1 Н 1, предположительно, являлся остатками какого-то материала, сделанного из крапивы [4, с. 106]. Во всех могильных ямах без погребальных конструкций такой тлен отсутствует. Только в одном погребении (могила 2 уч.2 Н 2) внутренняя конструкция имела основание, сделанное из того же материала, что и сама конструкция.

Помимо этих общих черт удалось проследить особенности некоторых внутренних конструкций. Это, во-первых, подсыпка песка под нее, во-вторых, наличие столбовых опор для ее перекрытия. Эти особенности имеют только погребальные конструкции могил участка 1 Н 1 [2, с. 80].

По накопленным материалам можно судить и о некоторых надмогильных погребальных сооружениях. Так, на всех участках могильников, кроме уч.2 Н 2, над могилой, вероятно, сооружался только холм без каких-либо монументальных опознавательных знаков. О существовании погребальных холмиков свидетельствуют многочисленные случаи частичного перекрытия одной могилы другой, при котором всегда были задеты лишь края более ранней ямы (рис. 1). Подобная ситуация типична для периода расцвета фатьяновской культуры – времени появления родовых кладбищ. Ярким примером является Волосово-Даниловский могильник в Ярославской области с большим количеством частично перекрывающих друг друга могильных ям [7, с. 58-70]. О том, что не было других монументальных опознавательных знаков, говорит отсутствие каких-либо следов на самих могилах или рядом.

В 1994 г. на участке 2 Н 2 нами был раскопан фатьяновский погребальный комплекс, состоящий из двух подпрямоугольных в плане могильных ям, окруженных семью ямами. Шесть из них были округлыми, а седьмая имела в плане форму восьмерки (рис. 3). Могильная яма 1, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ, находилась в 10 см от могильной ямы 2, ориентированной по линии ССЗ-ЮЮВ. Пять из шести круглых ям (№ 3-6 и 8) имели почти одинаковый диаметр (около 1 м). Причем две из них (№ 5 и 6), расположенные симметрично с разных сторон от могилы 2, выделялись большей глубиной (около 60 см) и округлой донной частью. Глубина остальных ям этого диаметра (№ 3, 4 и 8) была в среднем 35 см, а их дно было плоским.

Такую же небольшую глубину и плоское дно имели маленькая (диаметром около 50 см) круглая яма (№ 1а), примыкающая к могиле 1, и яма № 7. Последняя, имеющая форму восьмерки, по сути дела, состояла из частично слившихся двух округлых ям диаметрами 65 и 80 см. Судя по форме и заполнению [5, с. 48-50], можно предположить, что все эти круглые ямы – столбовые.

Переходя к реконструкции данного комплекса, важно отметить следующее. Исходя из особенностей стратиграфии, могила 1 и примыкающий к ней с севера столб (яма 1а) были выкопаны позднее могилы 2 с окружающими ее столбами. Ранее я предположила, что круглые ямы являются остатками какой-то наземной столбовой конструкции [1, с. 340]. Но возможно также, что никакой наземной конструкции не существовало, а были врыты только столбы или “идолы”. Одной из их функций было служить своеобразными маркерами, обозначавшими и ограничивавшими площадку с данными погребениями. В пользу гипотезы “обозначения – ограничения погребального места” говорит также раскопанный В.В. Сидоровым в 1973 г. на поселении Никольское Правое фатьяновский могильный комплекс. Он состоял из четырех могильных ям, расположенных параллельно и ориентированных по линии С-Ю. Округлая площадка с погребениями диаметром около 9 м была огорожена частоколом из столбиков, диаметр которых 25-26 см. В.В. Сидоров отнес этот комплекс к позднефатьяновскому времени [8, с. 26; 9]. Нечто похожее зафиксировал И.И. Артеменко на могильнике Стрелица, оставленном племенами среднеднепровской культуры (родственной фатьяновской) на территории современной Гомельской области. Здесь округлую площадку диаметром 8 м с группой из пяти погребений окружал ровик, в котором читались ямки от небольших столбов. По египетской фаянсовой бусине, найденной в этом могильнике, он датируется XV в. до н.э. (1450-1400 гг. до н.э.) [10, с. 91].

Помимо огороженной погребальной площадки комплекса участка 2 Новинки 2 имеет еще одну черту, специфическую не только для Новинок, но и для фатьяновской культуры в целом, – наличие кострищ над могилами. Причем кострище над могилой 1 своей неправильной формой и заполнением, состоящим из фрагментов керамики и кремня, похоже на следы тризны. А кострище над могилой 2 прямоугольной формой и размерами, а также отсутствием каких-либо находок, напоминает остатки большого сгоревшего бревна. Судя по значительному слою прокаленной почвы под этим бревном, оно горело непосредственно над погребением.

Как было уже упомянуто, могильная яма 1 была сделана немного позже ямы 2. Могила 2, занимающая центральное место на площадке, отличается также более богатым набором погребального инвентаря. Здесь были найдены: каменный сверленный топор, кремневый топор-клин, 2 кремневых ножа, кремневый наконечник дротика и 3 глиняных сосуда. В могиле 1 находились только 2 обломка шлифовальных камней и 2 сосуда. Поскольку один из этих сосудов, маленького размера, лежал не только чуть выше остального инвентаря, но и вдалеке от него (на расстоянии 140 см от большого сосуда), а сама могильная яма размерами превосходила все остальные ямы данных могильников, можно предположить наличие в ней двух погребений – взрослого и ребенка. К последнему, собственно, и мог относиться миниатюрный сосуд. Независимо от правильности этого предположения совершенно ясно, что погребение в могиле 2 было основным, а в могиле 1 – дополнительным.

Обратимся к погребальному инвентарю, характерному для остальных участков Новинок.

На участке 1 Новинки 1 раскопано 3 погребения. Но сильно разрушенное и растащенное бульдозером погребение 1, как и предполагалось ранее, является остатками не одного, а минимум двух погребений [2, с. 81]. Поэтому, обсуждая типичный для погребений участка набор инвентаря, можно учитывать только 2-е и 3-е погребения. В них найдено по 1 глиняному сосуду, 1 топору, 1 кремневому ножу и 2 янтарным подвескам. Различие состоит лишь в том, что в погребении 2 был кремневый топор-клин, а в погребении 3 – каменный сверленный топор.

На участке 2-4 Новинок 1 раскопано 20 погребений, четыре из которых разрушены таким образом, что их погребальный инвентарь, возможно, частично утрачен. Здесь обычный набор инвентаря включает в себя топор (один из двух: либо топор-клин, либо топор-молот), кремневый нож, кремневую пластину и 1-2 глиняных сосуда. Кроме того, в этих погребениях часто встречаются кремневые наконечники стрел и обломки шлифовальных камней. Но наконечники стрел есть, в основном, в наиболее богатых инвентарем погребениях (№ 6, 12, 14, 16).

В небольших могильных ямах набор погребального инвентаря состоит преимущественно из двух разных категорий вещей: кремневый нож (иногда пластина) и глиняный сосуд или топор (сверленный топор или топор-клин) и глиняный сосуд. Иногда – два глиняных сосуда. Сосуды этих погребений чаще всего имеют миниатюрные формы. Четыре из семи погребений в небольших ямах можно с большой долей уверенности отнести к детским (№ 3, 5, 11, 13).

На участке 1 Новинок 2 раскопано четыре погребения, два из которых разрушены настолько, что их погребальный инвентарь в большой степени утрачен. Два остальных погребения имеют достаточно богатый набор инвентаря. В погребении 3 это каменный сверленный топор, 2 кремневых топора-клина, 3 кремневых ножа, кремневая пластина и 2 сосуда. В погребении 4 – кремневый топор-клин, 2 кремневых наконечника стрел, кремневый нож, 4 кремневые пластины и 1 сосуд. Возможно, “богатым” было и погребение 1. По крайней мере, здесь зафиксированы остатки от 3 глиняных сосудов, что редко встречается в обычных погребениях Новинок. Таким образом, можно предположить, что для погребений этого участка характерен более широкий набор инвентаря, чем для захоронений на других участках.

Исходя из набора погребального инвентаря и его расположения в могильной яме, можно попытаться реконструировать пол погребенного и его ориентировку в могильной яме. Это даст нам возможность выя-

вить зависимости, если таковые имеются, между полом погребенного и размером и ориентировкой ямы, а также наличием или отсутствием внутренней погребальной конструкции. Из всего накопленного археологического материала по фатьяновской культуре известны следующие зависимости набора инвентаря и расположения отдельных его составляющих от пола покойного [11, с. 65].

1. Каменные сверленные топоры встречаются только в мужских погребениях.
 2. В мужских погребениях эти топоры клались чаще всего у головы, а в юношеских – в ногах.
 3. Клиновидные кремневые топоры помещали у ног покойного.
 4. Также у ног покойного (в 80 % случаев) ставились глиняные сосуды. Крайне редко, и только в женских погребениях, сосуды располагались у головы.
 5. Кремневые ножи у мужчин лежали почти всегда у пояса, у женщин – в ногах, около сосудов или в них.
- Кроме того, ориентировка мужских и женских фатьяновских погребений чаще всего была противоположной.

Таким образом, имеется достаточно большой список зависимостей погребального инвентаря от пола погребенного. При наличии совокупности этих зависимостей пол погребенного может быть определен с большой долей уверенности.

В результате такого исследования погребального инвентаря удалось выделить с разной степенью достоверности 12 мужских (два из которых, возможно, погребения юношей) и четыре женских погребения (табл. 2). Оказалось, что внутренние конструкции есть во всех больших могильных ямах, независимо от пола погребенного.

Кроме того, четыре погребения в небольших и неглубоких могильных ямах, без внутренних погребальных конструкций, имевшие скудный набор инвентаря и миниатюрные сосуды, были, предположительно, отнесены к детским (табл. 2).

Сопоставление пола погребенного и ориентировки могильных ям показало, что это два независимых фактора (например, на уч.2-4 Н 1 имеется пара расположенных рядом погребений: № 14 и 15 (рис. 7), ориентированных по линии ЗЮЗ-ВСВ, но одно из них, вероятно, мужское, другое – женское), т.е. ориентировка могильной ямы, скорее всего, свидетельствует о традиции населения в целом. Можно говорить о двух основных традициях ориентирования могильных ям: первая – по линии С-Ю, вторая – по линии ЗЮЗ-ВСВ. Прослеживаются некоторые закономерности их распределения на разных участках могильников.

Таблица 2. Инвентарь погребений могильников Новинки 1-2 (раскопки 1990-1994 гг.)

№ погр.	Т-м	Р-е т-м	Т-к	Нак. стр.	Нак. др.	Нож	Р-е ножа	Скр.	Др. кр.ор.	Пл.	Р-е пл.	От.	К.	Янт.	Сос.	Р-е сосуда	Крас.	О-ка пок.	Сос. ямы	Кр.ямы	Пол 1	Пол 2
H1 y1.n1	2	?	2	0	0	10	?	1	1	?	2	14	3	0	>6	?	есть	?	2	?	?	?
H1 y1.n2	0	0	1	0	0	1	центр	0	0	0	0	0	0	2	1	СЗ	0	Ю	0	0	?	?
H1 y1.n3	1	центр	0	0	0	1	центр	0	0	0	0	3	0	2	1	С	0	Ю	2	3	м	м
H1 y2.n1	0	0	0	5	0	1	В	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	?	2	0	?	?
H1 y2.n2	0	0	1	0	0	1	Ю	0	0	1	Ю	0	0	0	1	Ю	0	ССЗ	?	3	ж	ж?
H1 y2.n3	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	?	С	?	0	0	д?	д	
H1 y2.n4	0	0	0	0	0	1	центр	0	1	0	0	0	0	1	В	0	0	3	0	0	м?	м?(л?)
H1 y3.n5	0	0	0	0	0	1	ЦЮ	0	0	0	0	0	0	2	ЦЮ	0	?	0	0	д?	д	
H1 y3.n6	1	Ю	1	0	0	1	Ю	1	1	1	ЦСВ	1	1	0	2	Ю	0	С	3	4	м(ж?)	м
H1 y3.n7	0	0	0	1	0	1	С	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	?	2	2	?	м?
H1 y3.n8	0	0	1	0	0	1	у сосуда	0	0	0	0	0	0	2	?	0	?	0	0	?	?	?
H1 y3.n9	1	ЮЮВ	0	0	0	1	ССЗ	0	0	0	0	0	0	1	ССЗ	0	ЮЮВ	0	0	м	м	
H1 y3.n10	0	0	0	0	0	0	0	0	1	С	С	0	0	1	ССЗ	0	ЮЮВ	0	1	м?	м?	
H1 y4.n11	0	0	0	0	0	1	у сосуда	0	0	0	С	0	0	1	?	0	?	0	0	д?	д	
H1 y4.n12	1	центр	1	0	0	1	ЦСВ	0	0	1	ЮЗ	0	0	2	ЮЗ	0	СВ	2	1	м	м	
H1 y4.n13	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	2	ЦЮЮЗ	0	?	1	0	д?	д?	
H1 y4.n14	1	ЗЮЗ	1	10	0	2	ЗЮЗ	1	0	0	0	0	0	2	ЦВСВ	0	ЗЮЗ	0	0	м	м	
H1 y4.n15	0	0	1	0	0	1	ЗЮЗ	0	0	0	С	0	0	1	ЗЮЗ	0	ВСВ	2	1	ж	ж	
H1 y4.n16	0	0	0	1	0	2	СВ	0	0	0	0	1	0	2	СВ	0	ЮЗ	1	0	ж	м?	
H1 y4.n17	1	ЮЗ	0	0	0	0	0	0	0	1	Ц	0	0	1	СВ	0	ЮЗ	0	0	м	м	
H1 y4.n18	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	1	ЗЮЗ	0	ВСВ	0	0	?	ж??	
H1 y4.n19	1	ЗЮЗ	0	0	0	0	0	0	0	1	Ц	0	0	1	ВСВ	0	ЗЮЗ	2	0	м	м	
H1 y4.n20	0	0	0	0	0	1	?	0	0	1	у сосуда	0	0	2	?	0	?	0	0	?	?	
H2 y1.n1	0	0	0	0	0	1	?	0	0	0	0	0	0	3	Ю?	0	С?	0	0	?	?	
H2 y1.n2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	?	0	?	0	0	?	?	
H2 y1.n3	1	Ю	2	0	0	3	ЦС	0	0	1	Ю	0	0	2	Ю	0	С	0	0	м(ж?)	м	
H2 y1.n4	0	0	1	2	0	1	С	0	0	4	С	2	0	1	С	0	Ю	0	1	ж?	м?(л?)	
H2 y2.n1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	2	ЗЮЗ,Ц,ВСВ	0	ЗЮЗ	13	3	м?	м?+л	
H2 y2.n2	1	ЮЮВ	1	0	1	2	ССЗ,ЮЮВ	0	0	0	0	0	0	3	ССЗ	0	ЮЮВ	2	0	м	м	

Примечание: № погр. – № погребения; Н – Новинки; у – участок; n – погребение; Т-м – каменный сверленный топор-молот; Р-е т-м – расположение каменного сверленного топора-молота в погребении; Т-к – кремневый топор-клин; Нак.стр. – кремневый наконечник стрелы; Нак.др. – кремневый наконечник дротика; Нож – кремневый нож; Р-е ножа – расположение кремневого ножа в погребении; Скр. – кремневый скребок; Др.кр.ор. – другие кремневые орудия; Пл. – кремневая пластина; Р-е пл. – расположение кремневой пластины в погребении; От. – кремневый отщеп; К. – камень; Янт. – янтарное украшение; Сос. – сосуд; Р-е сосуда – расположение сосуда в погребении; Крас. – краска; О-ка – реконструированная ориентировка покойного; Сос. ямы – сосуды из заполнения ямы; Кр.ямы – кремь из заполнения ямы; Пол 1 и Пол 2 – реконструированный пол погребенного (см. примечание к табл. 1), Ц – центр

Во-первых, для двух участков – 1 Н 1 и 1 Н 2 – характерна только ориентировка С-Ю. Во-вторых, для погребений южной части уч. 2-4 Н 1 также характерна эта ориентировка, а для северной группы могил этого участка, расположенной дальше от воды, – более свойственна вторая традиция, т.е. ориентировка ЗЮЗ-ВСВ. Интересно, что не обнаружено никакой зависимости между этими и выделенными ранее гончарными традициями.

Прежде чем перейти к сопоставлению особенностей отдельных участков по погребальному обряду, хочу напомнить основные выводы, полученные в результате анализа их керамических комплексов. Во-первых, практически одновременное существование населения, оставившего две микрогруппы: уч. 2-4 Н 1 и уч. 2 Н 2. Во-вторых, достаточно большой интервал времени между жизнедеятельностью групп населения уч. 1 Н 1 и уч. 1 Н 2. И, в-третьих, захоронения уч. 1 Н 1 – более ранние в рамках общего времени бытования могильников [1, с. 345].

Итак, анализ некоторых сторон погребального обряда исследуемого населения позволяет говорить о его особенностях на отдельных участках могильников.

Так, для уч. 1 Н 1 характерна максимальная удаленность могильных ям друг от друга, а наиболее плотное их расположение свойственно участкам 2-4 Н 1 и 2 Н 2.

По традициям ориентирования могильных ям проявляется близость населения микрогрупп, во-первых, уч. 1 Н 1 с уч. 1 Н 2, во-вторых, уч. 2-4 Н 1 с уч. 2 Н 2.

Внутренние погребальные конструкции распространены в равной степени на всех участках могильников, но только на уч. 1 Н 1 они имеют специфические особенности: это, во-первых, наличие вертикальных опор для перекрытия, во-вторых, подсыпка из светло-серого песка под саму конструкцию.

Кроме того, отличается от всех остальных погребальный комплекс уч. 2 Н 2, во-первых, наличием кострищ над могилами, во-вторых, особым обозначением погребальной площадки либо с помощью столбов, возможно, идолов, либо какой-то столбовой конструкцией.

По набору погребального инвентаря снова выделяется уч. 1 Н 1, во-первых, наличием янтарных украшений, во-вторых, присутствием охры и связанной с ней терочной плитки, в-третьих, отсутствием каких-либо кремневых наконечников. Участки 2-4 Н 1 и 2 Н 2 объединяет распространенность здесь фрагментов шлифовальных камней, причем именно в тех погребениях, кремневый инвентарь которых достаточно беден.

По проанализированному материалу можно сделать следующие выводы.

1. Выделяющаяся по гончарным традициям микрогруппа уч. 1 Н 1 имеет свою специфику и в погребальном обряде.

2. Прослеживается сильная связь традиций погребального обряда микрогрупп населения уч. 2-4 Н 1 и уч. 2 Н 2. Это было выявлено и по гончарным традициям. Особенности погребального комплекса уч. 2 Н 2, возможно, связаны с особым социальным статусом погребенных здесь людей, точнее мужчины из центрального погребения.

3. Между населением уч. 1 Н 1 и уч. 1 Н 2 прослеживается сходство в некоторых погребальных традициях: во-первых, это ориентировка могильных ям по линии С-Ю, во-вторых, отсутствие на них отдельных групп погребений. Но имеющиеся различия, проявившиеся в особенностях внутренних погребальных конструкций и специфике погребального инвентаря, скорее подтверждают выводы, полученные на основе анализа керамики, о достаточно большом временном разрыве между существованием этих двух микрогрупп.

Таким образом, результаты исследования традиций погребального обряда фатьяновского населения, оставившего могильники Новинки 1 и 2, в целом не противоречат, а дополняют наши представления об истории данного населения, основанные на анализе его гончарных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е. В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1-2) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
2. Волкова Е. В., Лапцев А. П., Черных И. Н. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р. Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
3. Волкова Е. В. Керамика могильника Новинки 1 (по материалам раскопок 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
4. Левковская Г. М., Волкова Е. В., Черных И. Н. Палинологическая характеристика отложений из могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки 1 // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
5. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильников Новинки 1 и 2 в Калининском районе Тверской области в 1994 г. Москва; Тверь, 1995 // Архив ИА РАН. Р-1. № 18801.
6. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки 1 в Калининском районе Тверской области в 1993 г. Москва; Тверь, 1994 // Архив ИА РАН. Р-1. № 18092.
7. Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославские Поволжье // САИ. Вып. В1-22. 1987.
8. Сидоров В. В. Отчет об исследовании памятников Подмосковья Тростенской экспедицией МОКМ в 1973 г. М., 1974 // Архив ИА РАН. Р-1. № 5431.
9. Сидоров В. В., Балинский И. М. Раскопки на Тростинском озере и Масловом болоте // АО-1973. М., 1974.
10. Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.
11. Крайнов Д. А. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Институт археологии РАН,
Москва

E.V. Volkova

BURIAL COMPLEXES OF NOVINKI 1 AND 2 THE FATJANOVO CULTURE CEMETERIES

Summary

The article continues the publications of materials from Novinki 1,2 cemeteries. They are situated near Novinki village (Kalinin area, Tver region) and have been excavated by the archaeological expedition of the Tver State United Museum. Three problems are discussed in the paper. The first one is the publication of new burial complexes excavated in 1993-1994. The second one is the analysis of some burial rites of four micro-groups of the Novinki population: 1) site 1, Novinki 1, 2) sites 2-4, Novinki 1, 3) site 1, Novinki 2, 4) site 2, Novinki 2. The last problem is connected with specific kind of local soil in which no bones preserve. That is why the author is forced to make an attempt to reconstruct sex and age of the buried on the basis on indirect data.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Е.В. Волкова

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛА И ВОЗРАСТА ПОГРЕБЕННЫХ ИЗ ФАТЬЯНОВСКИХ МОГИЛЬНИКОВ НОВИНКИ 1 И 2

Постоянным читателям Тверских археологических сборников хорошо известны фатьяновские грунтовые могильники Новинки 1 и 2 [1-4], поэтому напомним самое основное. Могильники расположены на левом берегу р. Шоши, примерно в 2 км от д. Новинки Калининского района Тверской области. Они находились на северном берегу древнего залива или притока р. Шоши, ныне отрезанного от реки дамбой и превращенного в рыбоотстойники. Площадка, на которой расположены могильники, местами разрушена карьерами, южная ее часть затоплена рыбоотстойниками, а северная – разрушена грунтовой дорогой.

Могильники раскапывались в течение пяти летних сезонов с 1990 по 1994 гг. экспедицией Тверского государственного объединенного музея. Раскопы закладывались на участках, находящихся в аварийном состоянии. Подобные охранные раскопки не позволили вскрыть всю поверхность площадки памятника и точно определить его границы. Было раскопано 4 участка на достаточно узкой полосе между дорогой и рыбоотстойниками. Отнесение их к двум разным могильникам в известной мере условно. Вероятнее всего, исследуемую территорию использовали в качестве кладбища четыре микрогруппы фатьяновского населения, соответствующие участкам: первая – участку 1 Новинки 1 (Н 1), вторая – участкам 2-4 Н 1, третья – участку 1 Новинки 2 (Н 2) и четвертая – участку 2 Н 2. Первая микрогруппа в целом наиболее ранняя. Возможно, наиболее поздними являются вторая и четвертая микрогруппы. Сходство между этими последними позволяет предположить их одновременность, а выявленные различия в традициях погребального обряда скорее указывают на особый социальный статус погребенных четвертой микрогруппы [4, с.345]. В целом могильники относятся Калининской локальной группе фатьяновской культуры и датируются примерно XVIII-XVI вв. до н. э. [1, с.91].

В связи со спецификой почв даже в хорошо сохранившихся могильных ямах удавалось обнаружить только каменный, кремневый и глиняный погребальный инвентарь, а также тлен от внутренних погребальных конструкций. Полностью отсутствуют костяки и предметы из кости и рога. Тем не менее, можно сделать попытку реконструкции пола и возраста погребенных на имеющихся данных.

В предыдущей статье, опубликованной в этом же сборнике и посвященной погребальным комплексам могильников Новинки 1 и 2, я затрагивала этот вопрос, не раскрывая в полной мере систему аргументации. Это было началом исследования, попыткой применить существующие в нашей литературе суждения об устойчивых особенностях фатьяновского погребального обряда к материалу Новинки. Тогда были использованы выявленные Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой зависимости набора погребального инвентаря и расположения его отдельных вещей от пола и возраста погребенных [5, с.65]. Напомню эти зависимости.

1. Каменный сверленный топор встречается только в мужских погребениях.
2. В мужских погребениях сверленный топор лежит у головы, а в юношеских – в ногах.
3. Кремневый топор-клин помещали у ног покойного любого пола. Топоры-клинья встречаются у головы только в богатых мужских погребениях.
4. Глиняные сосуды также ставились в ногах покойного любого пола. Крайне редко и только в женских погребениях сосуды находились у головы.
5. Кремневые ножи лежали у мужчин у пояса, а у женщин – в ногах, около сосудов или в них.

Кроме того, по мнению Д.А. Крайнова и О.С. Гадзяцкой, фатьяновских женщин хоронили на левом боку, а мужчин – на правом, причем, головой в противоположном направлении [6, с. 11-13].

Чтобы с полным основанием использовать данные закономерности для реконструкции пола погребенных при полной утрате костяков, было необходимо проверить их надежность. Следует отметить, что ситуация, подобная Новинкам, встречается и на некоторых других могильниках фатьяновской культуры.

Для проверки указанных зависимостей были привлечены соответствующие данные по всем известным сегодня фатьяновским погребениям. Изначально планировалось собрать материал по локальным группам культуры и затем сопоставить полученные результаты. Но в ходе исследования выяснилось, что абсолютно достоверного материала недостаточно, и поэтому его пришлось обобщить до уровня культуры в целом. К абсолютно достоверному материалу были отнесены т.н. “эталонные” погребения, которые должны соответствовать следующим условиям.

1. Наличие хорошо сохранившегося костяка (*in situ*).
2. Наличие непо потревоженного погребального инвентаря (*in situ*).
3. Определение пола и возраста погребенного, сделанное антропологом.

Подобных эталонных погребений для всей фатьяновской культуры набралось немного: 27 мужских, 11 женских и 30 детских. По локальным группам они оказались распределены крайне неравномерно.

Необходимо уточнить, что под реконструкцией возраста погребенных мы имели в виду деление их на группы взрослых и детей. Была выбрана только биологическая граница возрастных групп – 15 лет. Соответственно, в детскую группу были отнесены дети до 15 лет, а подростки 15-19 лет вошли в группу взрослых (мужчин или женщин).

В результате анализа погребального обряда различных половозрастных групп выявились следующие его особенности.

1. **Каменные сверленные топоры** характерны только для мужских (85 % от всех мужских погребений) и детских (48 % от всех детских) погребений, исключение составляет одно женское погребение. В детских погребениях часто встречается не сам каменный топор, а его глиняная модель. У мужчин топор расположен преимущественно у головы (78 %), значительно реже у ног (13 %) и пояса (9 %). У детей он также расположен в основном у головы (92 %) и в редких случаях в ногах (8 %). В единственном женском погребении сверленный топор найден у головы (рис. 1).

2. **Топоры-клинья** есть в погребениях всех половозрастных групп. В мужских погребениях (он есть в 52 % таких погребений) его положение самое нестабильное (рис. 2). Чаще всего он лежит у пояса (38 %), затем – у головы (31 %), в ногах (23 %) и, наконец, есть случаи расположения в одном погребении двух топоров-клиньев: у ног и у головы одновременно (8 %). В женских погребениях (имеется в 55 % этих погребений) он встречен в равной мере у головы и в ногах (по 50 %). Только в детских погребениях (27 % от всех детских погребений) топор-клин находится преимущественно у головы (75 %), но часто встречается и у пояса (25 %).

3. **Глиняные сосуды** в погребениях всех групп расположены, главным образом, в ногах (рис. 3). В мужских погребениях в ногах – 89 %, у головы – 11 %. В женских погребениях в ногах – 73 %, у головы – 9 % и в центре – 18 %. Детские погребения отличаются нестабильностью местонахождения глиняных сосудов. Здесь при доминировании расположения сосудов в ногах (56 %) есть множество вариантов: у головы (11 %), в центре (7 %), у головы и ног (22 %), у головы и в центре (4 %).

4. **Кремневые ножи** (или часто замещающие их крупные ножевидные кремневые пластины) в мужских погребениях (рис. 4) находятся преимущественно у пояса (74 %), но есть в ногах (21 %) и у головы (5 %). В женских погребениях они встречаются в основном в ногах (71 %), есть у головы (29 %) и практически отсутствуют у пояса. В детских погребениях преобладает их положение у головы (57 %), но есть и у пояса (29 %) и в ногах (14 %).

5. Прослеживаются особенности в **положении костяков** покойных. Так, все женщины лежали на левом боку (рис. 5). Мужчины, преимущественно, на правом (67 %), но встречаются как на левом (15 %) боку, так и в положении на спине (19 %). Дети, независимо от пола, в равной степени находились на правом и левом боку. Зафиксированное разнообразие ориентировки головы фатьяновских погребенных (табл. 1), скорее всего, свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с проявлениями не общекультурных, а локальных традиций погребального обряда. Тем не менее, после обобщения всех имеющихся ориентировок погребенных можно предположить, что для фатьяновской культуры в целом наиболее характерно погребение мужчин головой на ЮЗ, а женщин – головой в одном из восточных направлений (рис. 6).

Таким образом, при определении пола и возраста погребенных можно опираться на следующие особенности погребального обряда.

Таблица 1. Ориентировка головы покойного в мужских, женских и детских «эталонных» погребениях фатьяновской культуры

Ориентировка головы	Мужские погребения	Женские погребения	Детские погребения	Всего
Запад	2 (7 %)	0	1 (3 %)	3
Восток	0	2 (18 %)	1 (3 %)	3
Север	1 (4 %)	1 (9 %)	1 (3 %)	3
Юг	2 (7 %)	0	2 (7 %)	4
Юго-запад	17 (63 %)	0	8 (27 %)	25
Юго-восток	1 (4 %)	6 (55 %)	6 (20 %)	13
Северо-запад	1 (4 %)	1 (9 %)	0	2
Северо-восток	3 (11 %)	0	9 (30 %)	12
Север – северо-восток	0	0	2 (7 %)	2
Юго-восток – восток	0	1 (9 %)	0	1
Всего	27 (100 %)	11 (100 %)	30 (100 %)	68

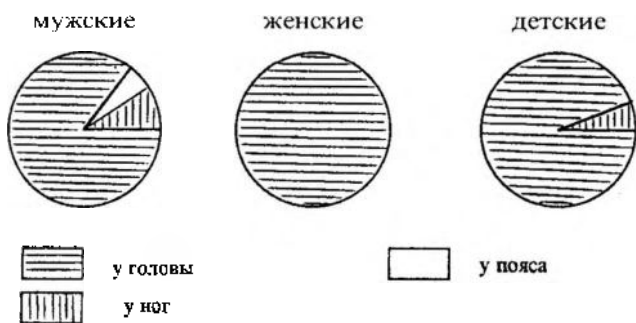

Рис. 1. Расположение каменного сверленого топора в мужских, женских и детских фатьяновских погребениях

Рис. 2. Расположение кремневого топора-клина в мужских, женских и детских фатьяновских погребениях

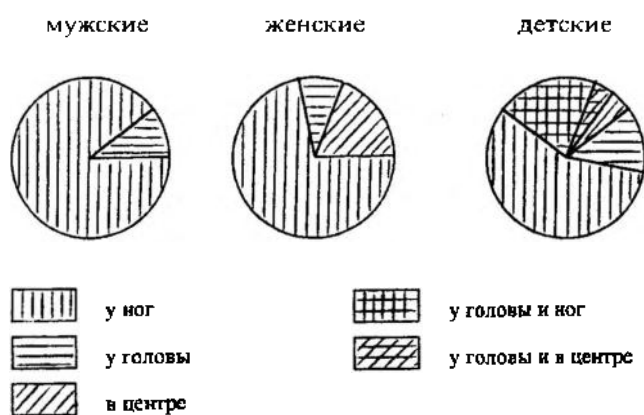

Рис. 3. Расположение глиняных сосудов в мужских, женских и детских фатьяновских погребениях

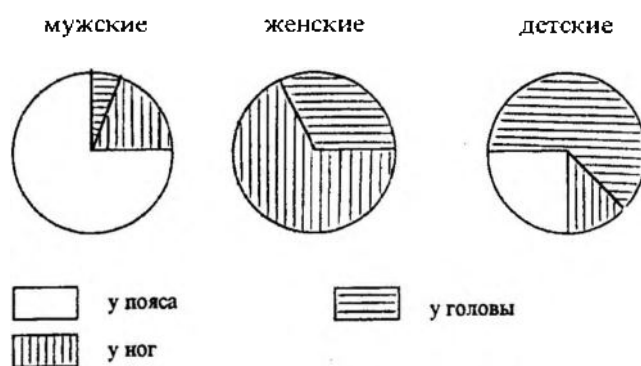

Рис. 4. Расположение кремневого ножа и ножевидной пластины в мужских, женских и детских фатьяновских погребениях

Рис. 5. Положение костяка в мужских, женских и детских фатьяновских погребениях

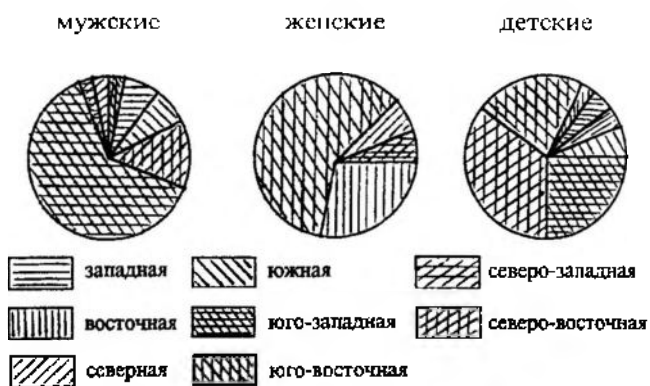

Рис. 6. Ориентировка головы в мужских, женских и детских фатьяновских погребениях

1. Мужские погребения выделяются, во-первых, наличием каменного сверленного топора, в основном у головы покойного. Детские погребения с такими топорами или их глиняными моделями, возможно, были погребениями мальчиков. Во-вторых, погребения мужчин отличаются расположением кремневого ножа или ножевидной пластины у пояса. В-третьих, для них характерно преимущественное положение костяка на правом боку, головой на ЮЗ. Кроме того, не исключено, что только в мужских погребениях встречаются наконечники стрел и дротиков и скелеты собак.

2. Женские погребения отличаются, соответственно, отсутствием каменных сверленных топоров, преимущественным положением кремневого ножа или ножевидной пластины у ног, а также захоронением умершей на левом боку, головой в восточном направлении.

3. В погребениях взрослых глиняные сосуды были расположены преимущественно в ногах погребенных.

4. Детские погребения пока можно идентифицировать только по маленьким сосудам и глиняным моделям предметов инвентаря и небольшим размерам ям. Сверленные топоры и топоры-клинья расположены здесь, в основном, в головах, глиняные сосуды – в самых разных частях могилы.

Рассмотрим сквозь призму этих данных материалы могильников Новинки 1 и 2. Из 29 раскопанных здесь в 1990-94 гг. погребений данному анализу подверглись только 22 погребения, наилучшей сохранности (рис. 7-11).

Пол и возрастная группа погребенных реконструировались с разной степенью достоверности. Было выделено три группы.

Первая включает в себя погребения, у которых набор инвентаря и расположение его отдельных предметов полностью соответствуют выявленным особенностям половозрастных групп.

Во вторую группу вошли погребения, у которых либо набор погребального инвентаря недостаточен, либо его расположение не позволяет с полной уверенностью говорить о поле погребенного.

Третья группа включает в себя захоронения, в которых реконструкция пола умерших произведена на основе особенностей, выявленных из специфики погребений наиболее достоверной (первой) группы.

Рассмотрим конкретный материал по степени надежности заключений.

I группа по степени достоверности

Погребение 3 уч.1 Н 1 (рис. 7). Могильная яма ориентирована по линии С-Ю. Кремневый нож и каменный сверленный топор были расположены в центральной части могилы, а сосуд – в северной. С наибольшей долей вероятности это погребение мужчины, положенного головой на юг.

Погребение 3 уч.2-4 Н 1 (рис. 8). Небольшая могильная яма, вероятно, ориентированная по линии З-В, частично нарушена. Два миниатюрных сосуда и топор-клин находились рядом, в центре могилы. Погребение детское.

Погребение 5 уч.2-4 Н 1 (рис. 9). Небольшая яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Кремневый нож и миниатюрные глиняные сосуды находились в центральной части могилы. Погребение детское.

Погребение 6 уч.2-4 Н 1 (рис. 9). Могильная яма вытянута по линии С-Ю. Каменный сверленный топор, нож и сосуды находились в южной части могилы, ножевидная пластина – в центре, топор-клин – в северной части. Погребение мужчины, положенного головой, скорее всего, на юг.

Погребение 9 уч.2-4 Н 1 [2, рис.4]. Яма вытянута по линии ССЗ-ЮЮВ. Сверленный топор лежал в южной части могилы, сосуд и нож – в северной. Мужчина был положен головой на юг.

Погребение 11 уч.2-4 Н 1 [2, рис.5]. Небольшая могильная яма нарушена. В сохранившейся части лежали миниатюрный сосуд и кремневый нож. Погребение ребенка.

Погребение 12 уч.2-4 Н 1 [2, рис.5]. Яма вытянута по линии СВ-ЮЗ. Сверленный топор, топор-клин, ножевидная пластина и сосуды находились в западно-юго-западной части могилы, нож – в центре. Погребение мужчины, положенного головой, возможно, на ЗЮЗ.

Погребение 14 уч.2-4 Н 1 [2, рис.7]. Яма ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Два сосуда найдены в восточно-северо-восточной ее части, один – в центре, наконечники стрел, ножи, сверленный топор и топор-клин – в западно-юго-западной части. Погребение мужчины, положенного головой на запад-юго-запад.

Погребение 15 уч.2-4 Н 1 [2, рис.7]. Одновременно погребению 14, ориентировано по линии ЗЮЗ-ВСВ. Сосуд, нож, топор-клин находились в ЗЮЗ части могилы. Погребение женщины, положенной головой на ВСВ.

Погребение 17 уч.2-4 Н 1 [2, рис.9]. Могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Сосуд находился в ССВ части могилы, сверленный топор – в ЮЮЗ ее части, ножевидная пластина – в центре. Погребение мужчины, положенного головой на ЮЮЗ.

Погребение 19 уч.2-4 Н 1 [2, рис.11]. Яма ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Сверленный топор лежал в юго-западной ее части, сосуд – в северо-восточной, ножевидная пластина – в центре. Погребение мужчины, положенного головой на запад-юго-запад.

Погребение 3 уч.1 Н 2 [2, рис.12]. Яма вытянута по линии С-Ю. Сосуды, два топора-клина, сверленный топор и один нож расположены в южной ее части, второй нож – в северной. Погребение мужчины, положенного головой, возможно, на юг.

Погребение 2 уч.2 Н 2 [2, рис.15]. Яма вытянута по линии ССЗ-ЮЮВ. Три сосуда и нож находились в северо-северо-западной ее части, сверленный топор, топор-клин, второй нож и наконечник дротика – в юго-юго-восточной части. Погребение мужчины, положенного головой на юго-юго-восток.

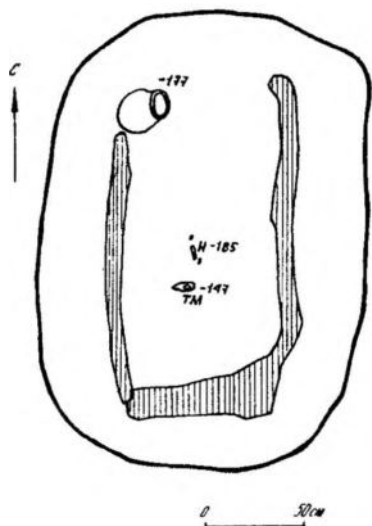

Рис.7. Новинки 1, участок 1, погребение 3

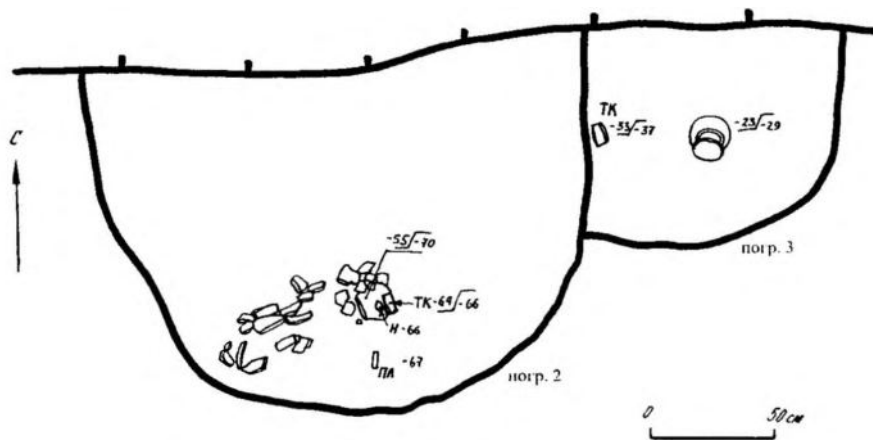

Рис.8. Новинки 1, участки 2-4, погребения 2 и 3

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

н - нож	пл - пластина
тм - топор-молот	□ - керамика
тк - топор-клин	к - камень
- сосуд	нст - наконечник стрелы
- 147 - глубина от R (репера) в см

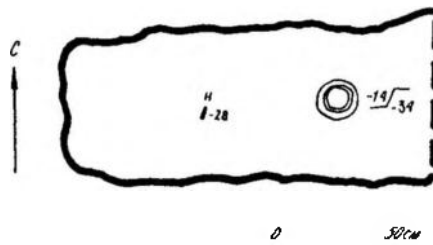

Рис.10. Новинки 1, участки 2-4, погребение 4

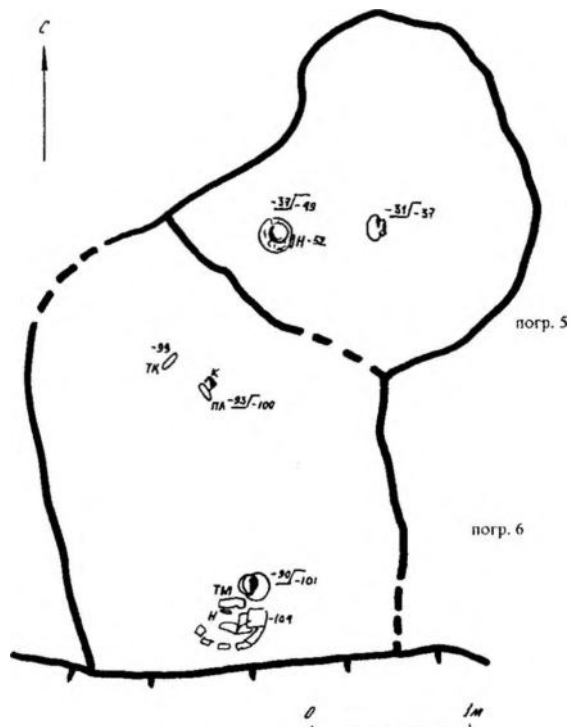

Рис.9. Новинки 1, участки 2-4, погребения 5 и 6

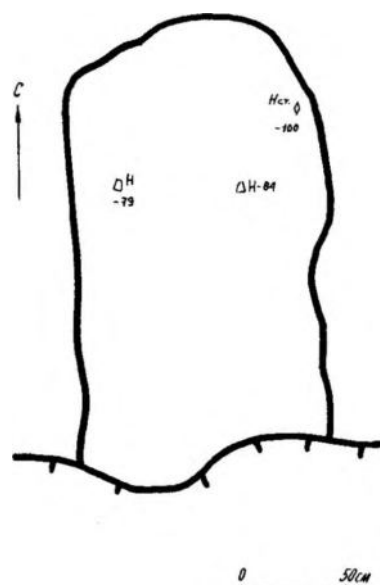

Рис.11. Новинки 1, участки 2-4, погребение 7

II группа по степени достоверности

Погребение 2 уч.2-4 Н 1 (рис.8). Могильная яма ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Северо-северо-западная часть ямы нарушена. Кремневые нож, топор-клин, пластина и глиняные сосуды расположены в южной части могилы. По положению ножей и сосудов погребение скорее женское, чем мужское, с ориентировкой головы в северном направлении.

Погребение 4 уч.2-4 Н 1 (рис.10). Небольшая могильная яма ориентирована по линии З-В. Кремневый нож был найден в центральной части ямы, сосуд – в восточной. Это погребение либо мужское (по расположению ножа у пояса), либо детское (по небольшому размеру ямы), ориентированное головой на запад.

Погребение 13 уч.2-4 Н 1 [2, рис.6]. Небольшая могильная яма ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Один миниатюрный сосуд и топор-клин лежали в центре могилы, второй сосуд – в юго-юго-западной ее части. Возможно, погребение ребенка.

Погребение 16 уч.2-4 Н 1 [2, рис.8]. Могильная яма вытянута по линии СВ-ЮЗ. Два сосуда и два ножа лежали в северо-северо-восточной части могилы, наконечник стрелы – в ее заполнении. Возможно, погребение мужчины, положенного головой на ЮЮЗ.

Погребение 4 уч.1 Н 2 [2, рис.13]. Яма ориентирована по линии С-Ю. Сосуды, топор-клин, нож, наконечники стрел находились в северной части, ножевидная пластина – в центре. Погребение мужчины или ребенка, положенного головой на юг.

III группа по степени достоверности

Погребение 7 уч.2-4 Н 1 (рис.11). Яма ориентирована по линии С-Ю, южная ее часть нарушена. Расколотая ножевидная пластина, наконечник стрелы найдены в центральной части. Возможно, мужское.

Погребение 10 уч.2-4 Н 1 [2, рис.4]. Погребение ориентировано по линии ССЗ-ЮЮВ. Сосуд находился в северной части ямы. Возможно, погребение мужчины — по южной ориентировке головы.

Погребение 18 уч.2-4 Н 1 [2, рис.10]. Яма ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. Сосуд лежал в западной ее части. Ориентировка головы ВСВ. Судя по ориентировке головы, возможно, погребение женщины.

Погребение 1 уч.2 Н 2 [2, рис.14]. Яма вытянута по линии ЗЮЗ-ВСВ. Большой сосуд лежал в восточно-северо-восточной ее части, миниатюрный сосуд – выше уровня погребального инвентаря, найден в западно-юго-западной ее части. Возможно, парное погребение взрослого и ребенка. Взрослый, вполне вероятно мужчина, ориентирован головой на запад-юго-запад.

Таблица 2. Распределение погребений могильников Новинки 1 и 2 по группам по степени достоверности

Группа достоверности	Мужские погребения	Женские погребения	Детские погребения	Мужское + детское	Всего
I	9	1	3	-	13
II	3	1	1	-	5
III	2	1	-	1	4
Всего	14	3	4	1	22

Таким образом, в 13 случаях, составивших 59%, удалось с наибольшей степенью достоверности выделить взрослые и детские погребения и реконструировать пол погребенных (табл. 2). В эту группу вошли 9 мужских, 1 женское и 3 детских погребения. В мужских погребениях четко выделяются две традиции ориентировки головы: западная (33%) и южная (67%). Женское погребение ориентировано в восточном направлении. Ориентировка детей не установлена.

Во вторую группу по степени достоверности попало 5 погребений (23%): 1 женское, 1 детское, 1 мужское и 2 погребения мужчины или ребенка (табл. 2). Женское погребение ориентировано головой на север, мужское – в южном направлении, одно из двух мужских или детских – на запад, другое – на юг.

Необходимо отметить, что при реконструкции пола погребенных из-за отсутствия скелетов мы не могли учитывать упомянутые выше три особенности фатьяновского погребального обряда. Это, во-первых, противоположность ориентировок мужских и женских погребений, во-вторых, преимущественная ориентировка головы мужчин в юго-западном направлении, а женщин – в восточном, в-третьих, положение женщин на левом, а мужчин – на правом боку. Фактически, реконструкция пола погребенных проводилась на основании особенностей набора погребального инвентаря и расположения его отдельных вещей. Тем не менее, в первой и даже во второй группах достоверности проявились, во-первых, противоположность ориентировок мужских и женских погребений, во-вторых, ориентировка мужчин либо на запад – либо на юг, а женщин – на восток и север. Это является дополнительным подтверждением правильности полученных данных, а также некоторым основанием для реконструкции пола в погребениях третьей группы по степени достоверности.

В третью группу по степени достоверности (табл. 2) попало 4 погребения (18%): два мужских, одно женское и одно погребение мужчины с ребенком. Погребение 7 (рис. 11) отнесено к мужским по найденному в нем кремнево-му наконечнику стрелы. Погребение 10 [2, рис.4] также (предположительно) мужское по реконструируемой южной ориентировке головы. Погребение 18 [2, рис.10], возможно, женское – по восстановленной восточной ориентировке головы. И, наконец, погребение 1 [2, рис.14], предположительно, парное – взрослого с ребенком. По реконструируемой западной ориентировке головы – взрослый, возможно, был мужчиной.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предложенные реконструкции половозрастных групп, безусловно, нельзя ставить на один уровень по степени достоверности с определениями антропологов. Тем не менее, мне кажется, что результаты проведенного исследования будет полезно учитывать при дальнейшей работе с материалами могильников. Так, например, исследование керамики с точки зрения культурных традиций населения в сочетании с половозрастными данными позволяет перейти от анализа вещей к изучению этнической и социальной истории тех людей, которые изготавливали данную посуду и пользовались ею.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волкова Е.В., Ланцев А.П., Черных И.Н. Могильник фатьяновской культуры Новинки 1 на р.Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
2. Волкова Е.В. Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // В данном сборнике.
3. Левковская Г.М., Волкова Е.В., Черных И.Н. Палинологическая характеристика отложений из могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки 1 // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
4. Волкова Е.В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1-2) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
5. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
6. Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22. 1987.

*Институт археологии РАН,
Москва*

E.V. Volkova

AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION SEX AND AGE OF THE PEOPLE BURIED IN THE FATJANOVO CEMETERIES NOVINKI 1 AND 2

Summary

The author suggests a method of reconstruction sex and age of buried people whose bones distracted. The method is based on the analysis of the constant burial rites of the Fatjanovo tribes. The author asserts that the age and sex characteristics of the buried people correlate to their burial inventory, as well as to its location in a grave.

The method has been applied to the Fatjanovo cemeteries Novinki 1 and 2, where bones distracted. The author reconstructs sex and age of the buried in these cemeteries, subdividing all the deceased into three groups according to the reliability of the data available. 13 burials (9 men, 1 woman and 3 children) were put into the first group, 5 burials (1 man, 1 woman, 1 child and 2 men or children) fell into the second group, while 4 burials (2 men, a woman and a man with a child) were in the third group, which is the least reliable of all. So the author has reconstructed sex and age of 22 buried people in the cemeteries.

The final part of the paper is dedicated to the author's idea that the reconstructed sex-age data together with the knowledge about cultural pottery traditions makes it possible to proceed from analysis of archaeological objects to ethnic and social and historic research.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Г.М. Левковская, И.Н. Черных, Е.В. Волкова

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАПОЛНЕНИЯ СОСУДОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОВИНКИ I

Могильник фатьяновской культуры эпохи бронзы (XVIII-XVI вв. до н.э.) Новинки I находится на левом берегу р. Шоши, правого притока р. Волги, близ д. Новинки в Калининском районе Тверской области.

Охранные раскопки памятника производились экспедицией Тверского государственного объединенного музея в 1990–1994 гг. [1-5]. Материалы исследований частично опубликованы [6-8].

Была также предпринята попытка (впервые для территории бывшего СССР) применить метод палинологического анализа для изучения планиграфии могильника, остатков погребальных конструкций, заполнения различных ям и пр. [7]. Исследовались образцы материковой породы, пробы грунта из разных частей могильных ям (разнообразные линзы и прослойки, различающиеся по цвету; краска и т.п.). На основе палинологического анализа получены сведения о палеофлоре и натуральной растительности времени существования могильника, его экологической нише. Выявлены некоторые планиграфические закономерности распределения пыльцы в могильнике, в т.ч. касающиеся палеоритуалов [7].

Данная статья посвящена палеоботаническому изучению, главным образом, заполнения сосудов, найденных в могильнике Новинки I. Сама керамика могильника проанализирована Е.В. Волковой [8;9]. Результаты спорово-пыльцевого анализа заполнения двух сосудов (участок 1, могилы 2,3) также уже опубликованы [7, табл. 1, № 7,8,14]. При подготовке данной статьи после просмотра новых препаратов они были уточнены и дополнены.

В итоге установлено, что в общем составе спектров доминируют споры, среди которых преобладают споры зеленых мхов; в массе присутствуют остатки диатомовых водорослей порядка *Penales*; найдены единичные диатомовые водоросли порядка *Centrales*; обнаружены тысячи мелких обуглившихся органических образований бобовидной формы, возможно, остатков грибов-сапрофитов; встречены единичные пыльцевые зерна разнотравья: осоковых, колокольчика, горца, гвоздичных, цикориевых, синюхи, лютиковых, бобовых, лилейных и вереска. Обнаружена также пыльца водно-болотного растения – рдеста.

В данной статье приводятся результаты спорово-пыльцевого анализа заполнения еще 8 сосудов, найденных при раскопках 1992-1993 гг. (Е.В. Волкова) на втором участке могильника Новинки I (участки 2-4, полевой документации)¹:

1992 г., участок (уч.) 2, могила (мог.) 1, погребение (погр.) 2 (мог.2, погр.2), сосуд 1;

1993 г., уч. 3, яма 8, мог. 6 (мог.10, погр.10);

1993 г., уч. 4: яма 1, погр. 2 (мог.12, погр.12), сосуд 1; яма 2, погр. 3 (мог.13, погр.13), сосуды 1,2; яма 3, погр. 4 (мог. 14, погр. 14), сосуд 2; яма 4, погр. 5 (мог.15, погр.15), сосуд 1; яма 5, погр. 6 (мог.16, погр.16), сосуд 2, а также грунта из круглой ямы – 1993 г., уч. 4, кв.5, яма 2, погр.3 (мог.13, погр. 13); из черного углистого пятна на северо-восточном крае продольной бровки в яме 5, погр. 6 (мог.16, погр.16) и коричневого с угольками грунта из юго-западной части остатков конструкции в яме 5, погр. 6 (мог. 16, погр.16). Анализ проведен Г.М. Левковской в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН. Исследования включали в себя изучение состава пыльцы и спор, а также макроостатков растений (эпидермисы и др. части растений, диатомовые водоросли, подсчет углистых частиц в палинологических препаратах и т.д.), выявленных в процессе химической подготовки образцов к анализу. Результаты палеоботанических исследований представлены в таблице 1.

Большинство образцов (табл. 1, № 1, 6-14) содержали лишь единичные пыльцевые зерна и споры, что вполне закономерно для отложений, которые были почти полностью изолированы от неантропогенных источников привноса пыльцы, так как роль естественного «пыльцевого дождя» несоизмеримо выше (триллионы пыльцевых зерен) любых антропогенных привносов. Так, один (!) цветок сосны дает около 150000 пыльцевых зерен, орешника - около 80000 зерен и т.п.

Естественное (неантропогенное) попадание пыльцы в палинокомплексы сосудов могло произойти лишь

¹ Участки 2-4, исследовавшиеся в разные годы, составляют единый комплекс могильника. В связи с этим нумерация могильных ям и погребений была пересмотрена [10]. В данной статье для удобства сопоставления анализируемых материалов с научными отчетами об исследованиях приводится их полевая и новая (в скобках) нумерация.

Таблица 1. Ведомость результатов спорово-пыльцевого анализа проб грунта заполнения сосудов из погребений могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки I (XVIII - XVI вв. до н.э.)

№ образца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Участок	4	4	4	4	4	2	4	4	4	1	4	1	1	1	
Яма могильная	2	5	3	4	5	1	1	3	2	8	2	2	2	3	
Погребение	3	6	4	5	6	2	2	4	3	6	3	2	2	3	
Заполнение сосудов:															
Местонахождение пробы	Круглая ваза (заполнение)														
	Грунт из конструкций														
	Грунт под сосудом														
	Смесь грунта из сосуда №1 и вокруг него														
	№2														
	№1														
	№1														
	№2														
	№2														
	№1														
	№1														
	№1 обработка №1														
	№1 обработка №2														
	№1														
№ образца															
Общий состав:															
1.	Пыльца древесных пород и кустарников	8	82	66	183	87	6	6	2	1	6	4	6	7	5
2.	Пыльца травяно-кустарничковых растений		68	54	71	48	4	2	1	8	1	3	10	18	10
3.	Спores		36	110	22	96	-	-	5	1	1	3	17	26	19
	Общее количество пыльцы и спор	8	186	230	276	231	10	8	8	10	8	10	33	51	34
	Количество просмотренных препаратов	10	11	11	11	11	10	10	10	10	10	10	11	11	11
F. Пыльца древесных пород и кустарников:															
	<i>Alnus</i> sp.	8	55	10	27	49	6	5		1	3	1			1
	<i>Betula</i> sp.				27	11			2		2		1		
	<i>Salix</i> sp.				12										
	<i>Corylus</i> sp.		11			16									1
	<i>Corylus avellana</i>				15										1
	<i>Liriodendron</i> sp.			1									1		
	<i>Pinus</i> sp.				13										
	<i>Picea</i> sp.											1			
	<i>Quercus</i> sp.				22										
	<i>Salix</i> sp.		16	16	12	22									
	<i>Tilia</i> sp.			12	1			1				1	3	5	2
	<i>Ulmus</i> sp.				20						1	1	1	2	
II. Пыльца травяно-кустарничковых растений:															
	Cyperaceae		41		23					5			1	1	1
	Caryophyllaceae		6												1
	Campanulaceae								1					7	1
	Cichoriaceae			12	14									12	
	Ebenedra sp.				10										
	Epicaceae			16	11	20	1	2		1		3	6	1	1
	Fabaceae		10			17							1	1	2
	Liliaceae			13	1								1		
	Munophylla sp.			1		1									
	Rapunculaceae					1							1	1	1
	Ranunculaceae				12										
	Rotariaceae														1
	Rubiaceae		11	12		11				1				1	1
	Rubiacetum sp.					1									1
	Antennariaceae								2						
III. Споры:															
	Triletes		23	96		41			5	1		3	12	19	15
	Equisetum sp.													1	
	Triletes sp.			+											
	Lycopodium clavatum L.		10		12	23								3	
	Polypodiaceae		1	11	10	10				1			5	3	3
	Pteridium sp.		1												
	Sphaerium sp.		1	3		22									1
IV. Водоросли:															
	Диазомовые порядка Pennales			12		+	+	+	+		+	+	x	x	x
	Диазомовые порядка Centrales		+	10		+					+		+		+
V. Макроостатки растений:															
1.	Эпидермисы:														
	Тип 1					+			+		+		3		
	Тип 2	+				+		+			+		2		
	Тип 3		+			+				+			2		
	Тип 4 (<i>Alnus</i> -ольха)				289										
	Тип 5 (<i>Vaccinium</i> -брусника)		30	80					+					1	
	Тип 6 (<i>Hyoscyamus</i> -белена)		+	+											
	Угнетые частицы		1762	666		1632			350			210			
VI. Обугленные формы неопределенной систематической принадлежности:															
	Тип 1 - мелкие бобовидные формы		525	69		75	25	70	350	205	150	22	x		x
	Тип 2 - овальные формы разных размеров		956											x	
	Тип 3													x	
	Тип 4				13										
VII. Спекулы губок:															
			+	72		48				+	32				

Условные обозначения: цифры – количество форм; + – единичные находки; x – массовые находки

в результате кратковременного воздушного привноса ее в момент захоронения, если захоронение происходило в период цветения, а также из отложений, в которых находился или разбился сосуд (заполнение могильной ямы в данном случае).

Антропогенный источник попадания пыльцы в сосуды был связан с ритуалом захоронения. Она могла попасть в них при заполнении сосудов водой, медом или непосредственно растениями.

Палинологическое исследование заполнения сосудов, выполненное ранее [7], показало, что применение различных методик технической подготовки образцов к спорово-пыльцевому анализу (В.Л.Гричука; Г.М.Левковской с использованием фтористо-водородной кислоты и с другими усовершенствованиями) в данном случае не дает принципиального увеличения насыщенности образцов пыльцой и спорами (см. табл. 1, № 12,13). Поэтому все новые образцы обрабатывались по менее токсичной и менее сложной, традиционной для изучения четвертичных отложений методике В.П.Гричука.

Особенно слабонасыщенными пыльцой и спорами оказались пробы грунта из следующих сосудов: уч. 2, мог. 1, погр. 2 (мог. 2, погр. 2), сосуд 1; уч. 3, яма 8, погр. 6 (мог. 10, погр. 10); уч. 4: яма 1, погр. 2 (мог. 12, погр. 12); яма 2, погр. 3 (мог. 13, погр. 13), сосуды 1-2; яма 3, погр. 4 (мог. 14, погр. 14), сосуд 2. В указанных образцах содержание пыльцы и спор колебалось от 5 до 10 форм на препарат. Состав этих единичных форм иллюстрирует таблица 1 (№ 6,10, 7,11, 9, 8).

Кроме того, единичные пыльцевые зерна и споры были найдены в образце из круглой ямы из мог. 2, погр. 3, уч.4 (мог. 13, погр. 13), где определено 8 зерен пыльцы ольхи и обнаружены эпидермисы не определенной пока систематической принадлежности (табл. 1, № 1).

Прочие образцы дали более представительные комплексы. Наибольшее количество пыльцевых зерен и спор содержали четыре пробы с участка 4 (табл. 1, № 2-5).

Яма 4, погребение 5 (мог. 15, погр. 15; табл. 1, № 4). **Сосуд 1** находился в нижней части темно-коричневого слоя на гл. 10-12 см от верха ямы, в 78 см к СВ от юго-западной стенки ямы, устьем кверху. Имел шаровидную форму, выделенную шейку, сильный нагар на поверхности с двух сторон. Высота сосуда 10 см, диаметр тулова 17 см. В процессе отбора пробы из заполнения данного сосуда предполагалось, что она может быть засорена грунтом из могилы. Это предположение подтвердилось и палинологическими выводами. Проба выделяется наибольшей насыщенностью пыльцой и спорами – определено 276 пыльцевых зерен и спор; присутствием переотложенной пыльцы эфедры (*Ephedraceae*). По общему составу (господство пыльцы древесных пород и преобладание среди нее пыльцы ольхи) спектр этого образца напоминает спектры краски из могильной ямы 1 участка 1 и спектры тлена из погребений могильника [7]. Здесь зафиксирован максимум находок эпидермисов – почти все поле зрения микроскопа занято эпидермисами одного морфологического типа, представленного в ряде атласов в разделе ольхи черной или клейкой (*Alnus glutinosa* (L.) Gaertn) как эпидермис участка древесины в поперечном разрезе [11, табл. 318:Г, с.485]. В составе дендрофлоры данного образца определена также пыльца березы, орешника, граба, ивы, сосны, дуба, липы и вяза. Пыльца травяно-кустарничковых помимо эфедры представлена цикориевыми, осоками, вересковыми и подорожником большим – сорным растением, растущим вдоль дорог, тропинок, на полях. Подорожник большой – лекарственное растение. В современной медицине используется при болезнях желудка [12, с.285]. В народной медицине его листья применяют как антисептик и для лечения ран, чирьев, порезов, язв. Семена этого растения используют при хронических поносах и даже дизентерии. Экстракт листьев оказывает успокаивающее и спазмолитическое действие, понижает артериальное давление [13, с.89]. Пыльца эфедры могла попасть в спектр из позднеледниковых или плейстоценовых отложений, т.к. она отсутствует в современной флоре изучаемой территории [14].

Яма 3, погребение 4 (мог. 14, погр. 14; табл. 1, № 3). **Образец грунта**, отобранного под сосудом 1 из небольшой полосы черного углистого песка. Определено 230 пыльцевых зерен и спор в 11 препаратах. В общем составе спектра этого образца господствуют споры, представляющие преимущественно зеленые мхи. Найдены споры кочедыжниковых, сфагнома и почвенных грибов. Из дендрофлоры по пыльце определены береза, ольха, сосна, ива, липа. Пыльца травяно-кустарничковых растений принадлежит вересковым, лилейным, цикориевым, синюховым. Найдено пыльцевое зерно водного растения уруть. Обнаружена пыльца линнеи.

В поле зрения микроскопа много – 64 формы на препарат – отличающихся по форме углистых частиц различных таксонов.

Найдены в небольшом количестве диатомовые водоросли порядков Pennales и Centrales, неопределенные мелкие обугленные бобовидные формы (возможно, остатки грибов-сапрофитов), спикулы губок.

Встречены эпидермисы двух видов. Один из них – скопление мелких клеток – напоминает [11, с.141, табл.67: Аа и б7:А] рыхлость палисадной ткани, подстилающей эпидермис листа брусники (*Vaccinium vitis-idaea* Avog.).

Яма № 5, погребение № 6 (мог. 16; погр. 16; табл.1, № 2). **Грунт** коричневого цвета с угольками из предполагаемой внутримогильной конструкции. Остатки конструкции представляли собой большое пятно коричневого цвета в центре ямы, подпрямоугольной формы, ориентированное так же, как могильная яма. Максимальные размеры пятна на верхнем уровне фиксации – 3 см ниже верхней отметки пятна могилы – 225×140 см.

В образце определено 186 пыльцевых зерен и спор в результате анализа 11 препаратов. Здесь, как и в ранее полученных по погребальным конструкциям данных [7, табл.1, с.102-105], зафиксированы максимум пыльцы осок и массовые скопления углистых частиц, а также обуглившись мелкими бобовидными и

овальных форм (остатки грибов - сапрофитов?). В составе палинокомплекса кроме осок определены в значительном количестве пыльца ольхи, доминирующая среди пыльцы древесных пород, и споры зеленых мхов. Найдена пыльца ивы, синюховых, бобовых, гвоздичных и дерена, а также споры кочедыжниковых, орляка, сфагновых мхов и плаунов.

Встречены макроостатки растений трех типов. Первый из них – скопление мелких клеток – напоминает уже упоминавшийся эпидермис листа брусники. Второй – неопределенные остатки. Макроостатки третьего типа похожи на кристаллические включения в лист белены (*Hyoscyamus Sp.*) [11, табл. 48:Е, с.116]. Белена обитает по мусорным местам у жилья, на известняковых склонах речных долин, как сорное – на огородах. Это двулетнее озимое растение с неприятным тяжелым запахом. Все части растения ядовиты. В народной медицине ее используют для разных целей, но крайне осторожно из-за ядовитости [13, с.218]: снятие зубной боли, в смеси с крапчаткой и болиголовом – при конвульсиях и при сильных внутренних болях; сухие листья белены, дурмана и шалфея – при астматических приступах (дым).

Споры плаунов считаются в народе лучшей детской присыпкой. Для лечения почек используют веточки плауна, смешанные с другими мочегонными травами. Отвар из спор плаунов пьют при камнях почек, мочевого пузыря и спазмах последнего.

Орляк – рудеральное растение, одним из первых поселяющееся на участках с нарушенным почвенным покровом.

Дерен имеет твердую и шпотною древесину.

Яма 5, погребение 6 (мог.16, погр.16; табл.1, № 1, № 5). **Заполнение сосуда № 2.**

Небольшой кубок – высота 9,5 см, диаметр горла 13 см – находился на гл. 30 см от верха могильной ямы в слое коричневого с черными пятнами песка примерно в 65 см к ЮЗ от северо-восточной стенки ямы, на боку.

В образце определено 231 пыльцевое зерно в 11 препаратах. В спектре этого образца почти одинаково соотношение пыльцы древесных пород и спор. Среди первых господствуют пыльца ольхи, определена пыльца ивы и дерена. Ольха и ива принадлежат к числу раноцветущих растений, которые являются и наиболее ранними медоносами. Дерен растет в подлеске смешанных и широколиственных лесов, а также на вырубках, опушках и по берегам рек и озер. Среди споровых доминируют зеленые мхи, найдены споры плауна булавовидного, кочедыжниковых и сфагнума. Пыльца травянистых представлена здесь вересковыми, бобовыми и синюхой. Для данной пробы характерен новый максимум находок углистых частиц (горела или разлагалась не пыльца, а другие растительные остатки). Единичны находки эпидермисов (3 типа), спикул губок, диатомовых водорослей порядка Pennales и Centrales и обуглившихся мелких бобовидных форм – предположительно остатков грибов-сапрофитов.

Находки диатомовых водорослей были зафиксированы и в заполнении ранее исследованных сосудов из могильника Новинки I [7, табл. 1, с.104, 105]. Диатомовая флора могла попасть в сосуды с водой или из диатомитов, которыми могли закрывать сосуд. Споры зеленых мхов, плауна и сфагнума – из воды. Источники поступления пыльцы ольхи, ивы, дерена, бобовых, синюхи и других растений могли быть различны: ветровой занос, вода или мед, положенный древним человеком в воду.

Таким образом, намечаются определенные различия в составе палеоботанических комплексов, связанных с заполнением сосудов и разных участков могильных ям, погребальных конструкций и пр. Большинство проб из заполнения сосудов слабо насыщено пыльцой и спорами (табл.1). Их особенность, выявленная ранее [7, с.102,103 – табл., с.107], подтвердилась новыми исследованиями. В общем составе спектров большинства проб обычны споры зеленых мхов. Они доминируют среди споровых, что в сочетании с находками диатомовых водорослей, по-видимому, свидетельствует о присутствии в прошлом в большинстве сосудов воды. Об этом же говорят и находка пыльцы водного растения – рдеста в одной из проб (табл.1, № 14) и присутствие в ряде проб спикул губок.

В некоторых сосудах, возможно, была вода, взятая из засоленного источника, иначе трудно объяснить наличие в отдельных пробах (№ 5, 10,12,14) диатомовых водорослей порядка Centrales.

Тысячи мелких обуглившихся бобовидных (реже – овальных) форм в отдельных пробах, возможно, являются остатками грибов-сапрофитов, появившихся в результате разложения человеческих тканей или «продуктов» – мясных, рыбных или других, помещенных в могилу. Максимум этих находок приурочен к остаткам погребальной конструкции и грунту под сосудом (табл.1, № 2,3. Необходимо напомнить, что органика, в т.ч. костные останки, в могильнике Новинки I не сохранилась).

Качественное разнообразие состава пыльцы травянистых растений наводит на предположение о том, что в отдельных сосудах в воду мог быть добавлен мед разнотравный.

Необъяснимо пока присутствие в заполнении некоторых сосудов углистых частиц. Наиболее же массовые их скопления отмечены в пробах грунта не из сосудов, а из погребальных конструкций (табл.1, № 2).

Возникает вопрос о возможности разделения сосудов по степени насыщенности их заполнения палеоботаническими остатками и составу этих остатков.

Предложенные предварительные выводы и гипотезы требуют подтверждения контрольными обработками проб по другим методам и новыми их исследованиями с помощью сканирующего электронного микроскопа, т.к. СЭМ-исследования, выполняемые с увеличением до $\times 15000$ (вместо максимально допустимых увеличений при работе с помощью светового микроскопа $\times 900$) позволяют более точно определять таксоны и одновременно их документировать в виде сканированных электронных микрографий. Остатки образцов, достаточные для нового этапа их изучения, имеются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ланцев А. П. Отчет о разведках и раскопках в Калининской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18767.
2. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки I в Калининской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15984.
3. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки I в Калининском районе Тверской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17011.
4. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильника Новинки I в Калининском районе Тверской области в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18092.
5. Волкова Е. В. Отчет об охранных раскопках могильников Новинки I и 2 в Калининском районе Тверской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18801.
6. Волкова Е. В., Ланцев А. П., Черных И. Н. Могильник фатьяновской культуры Новинки I на р. Шоше в Тверской области (по материалам исследований 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
7. Левковская Г. М., Волкова Е. В., Черных И. Н. Палинологическая характеристика отложений из могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы Новинки I // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
8. Волкова Е. В. Керамика могильника Новинки I (по материалам раскопок 1990-92 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.
9. Волкова Е. В. Культурные традиции в гончарстве фатьяновского населения (по материалам могильников Новинки 1-2) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
10. Волкова Е. В. Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки I и 2 // В данном сборнике.
11. Никитин А. А., Панькова И. А. Анатомический атлас полезных и некоторых ядовитых растений. М., 1982.
12. Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР. М., 1980.
13. Носаль М. А., Носаль И. М. Лекарственные растения и способы их применения в народе. Киев, 1959.
14. Ворсшилов В. Н., Скворцов А. К., Тихомиров В. Н. Определитель растений Московской области. М., 1966.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург
Тверской государственный объединенный музей,
Тверь
Институт археологии РАН,
Москва*

G.M. Levkovskaya, I.N. Tchernykh, E.V. Volkova

PALYNOLOGICAL STUDIES OF VESSELS' CONTENTS FROM THE FATJANOVO CULTURE BURIAL GROUND NOVINKI 1

Summary

The article presents the results of paleobotanical studies of mainly the vessels' contents from the burials from the burial ground of the Fatjanovo culture of the Bronze Age (the 18th-16th centuries BC) Novinki 1, which were excavated in 1990-1994 on the River Shosha in Kalinin district of Tver region. These studies are the continuation of the palynological analysis of various deposits connected with the burial ground, and are made by G.M.Levkovskaya in the Laboratory of Archaeological Technology of Institute of Material Culture History of RAS.

Natural and anthropogenic sources of plants' pollen in the vessels are revealed. The authors consider that the reason of the presence of the plants' pollen in the vessels is possibly a burial paleorite. Certain differences in the contents of paleobotanical complexes, connected with the way of filling the vessels and various parts of grave pits, burial constructions etc., are revealed. The authors consider it to be possible to separate the vessels according to the rate of saturation of their contents with paleobotanical remains and to the character of these remains.

The suggested preliminary conclusions and hypotheses need an approbation with new studies including those with other methods use.

*Institute of Material Culture History,
Russian Academy of Sciences
18, Dvortsovaya Emb.,
St. Petersburg, 191065, Russia*

*The Tver State United Museum
5, Sovetskaya St.,
Tver, 170000, Russia*

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.В. Энговатова

О ХАРАКТЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В НЕОЛИТЕ

Вопросы, связанные с возникновением и распространением первых керамических сосудов, вызывают большой интерес у исследователей неолита. Некоторые ученые предполагают, что наиболее ранняя керамика использовалась только для хранения припасов, но не для приготовления пищи.

Аргументируют это отсутствием нагара на внешней стороне сосудов, слабостью обжига наиболее ранней посуды. Дополнительным доводом в пользу этого предположения являются следы починки на большинстве неолитических сосудов. Треснувшие горшки “сшивались” через сквозные дырки в стенках.

Однако следы использования сосудов, в том числе и самых ранних, для приготовления пищи есть. Мы имеем в виду “нагар” на внутренних стенках сосудов.

Здесь нужно сказать о терминологии. Под “нагаром” мы понимаем обугленные кусочки пищи, приставшей с внутренней, реже – сверху внешней стороны горшка. Под “копотью” – следы воздействия огня как на внешнюю поверхность, так и на верх внутренней.

На некоторых фрагментах керамики, начиная с наиболее ранней посуды верхневолжской культуры, отчетливо заметен слой нагара. Обычно он прослеживается с внутренней стороны сосуда и нередко достигает толщины 1-2 мм. Иногда на таких фрагментах, особенно на венчиках, отчетливо заметен тонкий (менее 0,5 мм) слой нагара также и с внешней стороны сосуда. На наш взгляд, в последнем случае можно уверенно говорить об использовании сосуда для варки. Сосуд либо ставился на землю (что характерно для наиболее ранних сосудов верхневолжской культуры с плоским дном диаметром около 10 см при диаметре венчика около 30-40 см), либо неглубоко вкапывался в землю (это относится к сосудам с коническим или округлым дном). Вокруг поставленного или вкопанного сосуда разводился не очень сильный огонь, в результате стенки сосуда раскалялись, копоть осаждалась снаружи на верхней его части, а нагар приставал к внутренней поверхности.

Рис. 1. Внутренняя сторона горшка с зернами калины в нагаре (образец из слоя верхневолжской культуры со стоянки Воймежное 1)

Видимо, большинство неолитических сосудов мыли после использования – смывали с внешней и внутренней поверхности копоть и нагар. Но часть сосудов – которые были случайно разбиты еще с пищей или содержали “вариво” длительного хранения – осталась невымытой (и именно благодаря этому особенно ценной).

Найденные на трех памятниках в Волго-Окском междуречье сосуды с приставшими к “нагару” многочисленными зернами калины дают редкие достоверные свидетельства использования горшков именно для приготовления пищи (рис.1).

В этих случаях не только можно уверенно сказать, что горшки использовались с этой целью, но и реконструировать саму пищу на основе анализа химического и аминокислотного состава нагара.

Рассмотрим подробнее эти уникальные примеры.

В последние годы Подмосковной и Верхневолжской экспедициями ИА РАН исследованы многослойные памятники, на которых найдены остатки наиболее ранних в Волго-Окском междуречье неолитических сосудов.

Уникальным свидетельством характера пищи ранне-неолитического населения являются находки зерен калины в нагаре керамических сосудов (с их внутренней стороны), сделанные на неолитических поселениях Воймежное 1 и Замостье 2 в Московской области и Становое 4 в Ивановской.

Воймежное 1 расположено в Шатурском районе. Это – многослойное поселение, содержащее слои от раннего неолита до эпохи бронзы. Здесь найден фрагмент сосуда с нагаром, в котором содержались обугленные зерна калины, принадлежавшего населению верхневолжской раннеолитической культуры. По С-14 слой этой культуры датируется 6430 ± 40 (ГИН-5926), 6500 ± 100 (ГИН-6868) л.н. Небольшое верхневолжское поселение располагалось на самом краю озера. Судя по планиграфии и толщине культурного слоя, оно было сезонным, связанным с серией близких по времени посещений. Бедность шлейфа, некоторые планиграфические особенности распространения материала и характер кремневого инвентаря свидетельствуют, что люди приходили на это место осенью–зимой. Один из сосудов (5 фрагментов) имел нагар, в котором сохранились остатки зерен калины (раскопки А.В.Энговатовой 1988 г., определение ст. научного сотрудника Института геохимии и геофизики Белорусской АН Э.А.Кратоус).

Всего на памятнике реконструируется около 30 сосудов верхневолжской культуры. На большинстве из них с внутренней стороны имеется нагар, но без остатков зерен. Нагар с внешней стороны встречается значительно реже. Таким образом, всего в одном из почти тридцати сосудов на поселении Воймежное 1 хранилась термически обработанная калина.

Поселение Замостье 2 расположено в Загорском районе. Памятник многослойный, содержит слои от позднего мезолита до раннего железного века. Обломки сосудов с зернами калины в нагаре относятся к раннеолитической верхневолжской культуре и к позднеолитической – редкочерепной. Слои с верхневолжским материалом на этом памятнике датируются нач. – сер. V тыс. до н.э., слой с редкочерепной керамикой – кон. IV тыс. до н.э. Найдено 12 фрагментов верхневолжских сосудов с нагаром, содержащим зерна калины. Фрагменты принадлежат двум или трем сосудам. Обломков сосудов с редкочерепным орнаментом с нагаром с зернами калины больше – около 20, но они относятся, вероятно, к 1-3 сосудам. Таким образом, на поселении верхневолжской культуры среди довольно большого количества сосудов лишь 2-3 содержат остатки калины. На поселении культуры с редкочерепной керамикой было 1-3 сосуда с зернами калины в нагаре.

Многослойное поселение Становое 4 находится в Комсомольском районе Ивановской области, располагается при выходе р. Лахость из Подозерского торфяника (раскопки Верхневолжской экспедиции под руководством М.Г. Жилина, которому выражаю признательность за возможность познакомиться с неолитическими материалами памятника).

Культурный слой верхневолжской культуры встречен в раскопах 2 и 3, ниже лежат слои эпохи мезолита, а перекрывает его слой торфа с единичными находками времени развитого неолита (льяловской культуры).

Венчики сосудов прямые, днища плоские, в тесте примесь шамота и органики. Все фрагменты верхневолжских сосудов, включая венчики, без орнамента. Подобная керамика характерна для самого начала верхневолжской культуры, на это же время указывает костяной и каменный инвентарь. На 12 фрагментах встречен слой нагара, из них на 10 – изнутри, а на 2 – также и снаружи. Найдено 6 фрагментов от 1-2 сосудов с нагаром с внутренней стороны с приставшими калиновыми зернами.

Были проведены палинологические исследования (Е.А.Спиридонова, ИА РАН) образцов нагара с внутренней стороны сосудов верхневолжской культуры со стоянок Воймежное 1 и Становое 4. В нем в очень незначительном количестве содержались пыльцевые зерна. Во-первых, это свидетельствует о том, что часть пыльцы могла сгореть при термическом воздействии во время варки. Во-вторых, варка калины могла производиться осенью или зимой, когда в воздухе мало пыльцы. Однозначно можно говорить, о том, что в содержимое сосуда не добавляли мед.

При исследовании химических составов двух различных нагаров на внутренней части сосудов с зернами калины (Государственный научно-исследовательский институт биосинтеза белковых веществ) получены следующие результаты (образцы 1 и 2).

	Образец 1	Образец 2
Влажность (%)	6,9	7,5
В пересчете на абсолютно сухое вещество (%):		
массовая доля общего белка	7,1	7,1
массовая доля золы	25,5	42,0
массовая доля липидов	1,5	3,2
массовая доля углеводов	4,9	2,5
углерод общий	54,0	46,0

Состав и содержание зольных элементов, тяжелых металлов и токсичных элементов (мг/кг при естественной влажности):

	Образец 1	Образец 2
Калий	931	1709
Натрий	2270	2014
Кальций	10010	6105
Магний	3269	4069
Железо	19460	13090
Марганец	161	172
Цинк	14	7
Медь	6,4	3,6
Хром	58,8	31,7
Кобальт	11,2	6,5
Никель	75,7	33,1

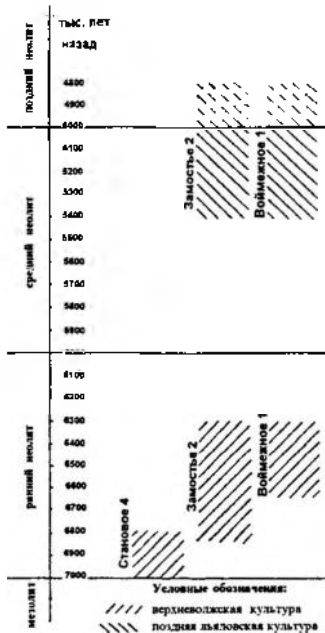

Рис.2. Схема распространения находок сосудов с «калиновой пищей» на неолитических стоянках Волго-Окского междуречья

Большое содержание железа в обоих образцах может свидетельствовать о наличии большого количества крови в сосудах.

В составе аминокислот в процентном отношении от вещества при естественной влажности выделяются большим количеством глутаминовая кислота, пролин и глицин – что является индикатором наличия в вареве соединительных тканей животных. Видимо, в сосудах варились мясо животных с костями, кровь животных и плоды калины.

* * *

Способ заготовки «калинового варева» впрямь не изменился во времени от раннеолитической верхневолжской культуры до позднеолитической культуры с редкоямочной керамикой – с нач. V до кон. IV тыс. до н.э. (рис.2).

Кусты калины, судя по данным палинологических исследований (Е.А. Спиридонова, ИА РАН), в изобилии росли вокруг поселений Воймежное 1, Замостье 2 и Становое 4 в период существования этих культур. Вероятно, калина была широко распространена и в окрестностях других неолитических поселений, расположенных в близких условиях. Неолитическое население собирало поблизости от стоянки плоды калины и хранило их в крупных сосудах (диаметр 25-35 см). Судя по объемам этих сосудов, их транспортировка со стоянки была затруднительна.

Обнаружение сосудов для варки и хранения калины может свидетельствовать о том, что начиная с самых ранних этапов верхневолжской культуры (кон. VI тыс. до н.э.) уже в первых керамических сосудах готовили пищу, и довольно сложного рецепта. Ягоды калины варили вместе с мясом, костями и кровью животных. Видимо, этот рецепт оставался почти неизменным на протяжении двух тысячелетий – до позднего этапа льяловской культуры (кон. IV тыс. до н.э.).

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.V. Engovatova

ON THE WAY THE POPULATION OF THE VOLGA-THE OKA RIVERS BASIN USED THEIR CLAY VESSELS IN THE NEOLITHIC

Summary

The fragments of clay vessels with the remains of food (seed of a snowball-tree berries) on their inside surface were found on the 3 Neolithic sites. The results of the palynological and chemical analysis give an opportunity to define food cooked in the vessels by these Neolithic sites inhabitants.

Finds of the vessels for cooking and storing berries of a snowball-tree can testify to preparation of food in the earliest clay vessels of a rather complicated recipe since the earliest stages of the Verkhnevolzhskaya (the Upper Volga) culture (the late 6th millenium BC). Meat, bones and blood of animals were cooked together with the berries of a snowball-tree. Evidently that recipe had not changed for 2 millenia, up to the late Ljalovo culture (the late 4th millenium BC).

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.В. Никитин

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И НАЗНАЧЕНИИ КАМЕННЫХ «ОРУДИЙ» СО СВЕРЛЕНЬМ ОТВЕРСТИЕМ В ДРЕВНЕМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

Каменные изделия со сверленным отверстием (топоры-молоты, ножи, оселки, булавы, клевцы, пряслица и т.п.) известны практически по всей территории Евразии, многие – начиная с эпохи мезолита. Традиционно они относятся к категории орудий труда. Возможно, это и так, но есть и другая сторона их сущности, пока еще слабо отраженная в археологической литературе.

Как это ни удивительно, но основная масса таких «орудий» собрана при изучении древних некрополей каменного, бронзового и железного веков. В ряде случаев исследователи отмечали необычные или нестандартные элементы в материале, технике, манере изготовления таких предметов, позволяющие поставить под сомнение их принадлежность к категории орудий. Достаточно указать на отмеченную исследователями невозможность использования по прямому назначению некоторых изделий, изготовленных из совершенно непригодных в силу их физических свойств материалов. Так, ножи Оленеостровского могильника сделаны из пород глинистого сланца [1, с.390-417], среди топоров-молотов имеются экземпляры из известняка, мела и песчаника [2-7]. Кроме того, среди топоров можно выделить серию изделий, непригодных для работы по дереву (очень тонкие стенки отверстия, очень тупой угол лезвия, раздутые щековицы или же выраженные цапфы и утолщения щековиц и т.п.). Обращают на себя внимание и некоторые художественно оформленные изделия явно не бытового назначения (топоры, булавы) [5, рис.7: 20; 8, с.60-70; 9, с.114]. Устойчивое применение сверленных каменных предметов в погребальной практике указывает на особое отношение к ним и прежде всего сакрального, обрядового свойства. Высказываются мнения об использовании их во время специальных церемоний и ритуалов; они могли являться символами отличия и власти военачальников, вождей и жрецов, т.е. отражать социальный статус их носителей. Культурным мог быть топор с Поповки, имевший на конце лезвия утолщение, а по сторонам – выступы-шишечки, что затрудняло его использование в качестве рабочего топора [8, с. 67].

Погребенные с булавами, клевцами и наверхиями рассматриваются некоторыми исследователями как социально выдвинутые в первобытных обществах личности, знающие обряды и традиции, связанные с духами-покровителями и наделенные особой творческой энергией, способной воздействовать на окружающих. Само наверхие было не столько предметом вооружения, сколько знаком социального статуса [10, с. 95; 8, с. 67-69].

Подобные мысли в разное время и по различным материалам уже высказывались рядом исследователей, но касались отдельных наблюдений. Обращалось внимание на отсутствие следов работы на оселках, на которых не фиксируется разработанность отверстий, обычная для каменных подвесок при их длительном ношении; указывалось на обычай сопровождения такими изделиями в основном взрослых мужчин или же моделями-заменителями – мальчиков [11, с.163-175]. Некоторые исследователи считали оселки поясными запорами [12, с.158], другие указывали на их ритуально-культурное назначение [13, с.142; 14, с.175-176].

В последнее время на сланцевые ножи Оленеостровского могильника обратил внимание А.В. Уткин, который допускает наряду с функцией детали костюма (украшение-оберег) и возможность изготовления их специально для погребального обряда [15, с.21-23]. Из его анализа видно, что ножи из-за их массивности не могли использоваться в качестве элементов головного убора или одежды (каменные изделия длиной в пределах 20 см при ширине от 5 до 7 см и толщине 0,5 см не совсем подходят для этого), кроме того у них отсутствует и деформация отверстий, происходящая при длительном ношении сверленных изделий.

В Оленеостровском могильнике зафиксировано 28 погребений со сланцевыми ножами. Из 23 погребений, точно диагностированных антропологически, 18 принадлежали взрослым мужчинам (у них найдено 70 % всех ножей), 4 погребения – женские, 1 – детское и 7 – неопределенных в силу их фрагментарности [1]. Раскладка ножей по их местоположению относительно костяка показала, что 83 % их концентрируется в районе головы (от плеча и выше), остальные 17 % располагаются в районе груди и пояса. Кроме этого имеются два погребения, сопровождаемые гальками с отверстием¹.

¹ Количественно-процентные соотношения и анализ места расположения исследуемых изделий в погребениях здесь и далее сделаны автором данной статьи.

Каменные сверленные предметы являются неременным погребальным атрибутом и в последующие эпохи. Особенно наглядно это проявляется в культуре «боевых топоров». Мною просмотрены материалы 110 мужских могил фатьяновско-балановского времени, где определено положение каменных топоров относительно костяка. Топоры концентрируются в районе головы (82,2 %), на груди и поясе их отмечено 8,4 %, в ногах – 9,4 %. Здесь можно было бы привести данные по культурам эпохи бронзы юга России и Кавказа, но ограниченный объем статьи не позволяет это сделать. В общем картина такая же, как и у населения лесной полосы, – разница лишь в том, что у степняков такие изделия фиксируются значительно реже. Так, для носителей катакомбной культуры установлено следующее расположение сверленных камней: у головы 80 % изделий, на груди – 20 %; у киммерийцев [16] – в районе головы – 43 %, на поясе – 43 %, в руках – 14 %.

В раннем железном веке получают распространение так называемые «оселки» – предметы, характерные для скифо-сарматского степного [17-20] и ананьинского лесного населения [12; 21; 22], как, впрочем, и для населения Сибири (хотя по этому периоду в Сибири материала недостаточно) [23; 24].

Для ананьинского времени мною учтено 47 погребений с оселками, в 43 установлено их местоположение. В районе головы (плечи и выше) оселки найдены в 82 % погребений, на поясе и ниже – в 18 %.

Для степного скифо-сарматского населения более характерно помещение оселков в районе груди и пояса (83,8 %), по 8,1 % изделий находятся в головах и ногах (учтено 36 погребений).

В эпоху раннего средневековья лесной части Европы оселки продолжают присутствовать в погребальном инвентаре (пьяноборская и азелинская культуры), учтено 24 погребения [25; 26]. Здесь наблюдается та же тенденция, что и у скифо-сарматского населения, а именно – концентрация оселков в районе груди и пояса (75 %), у головы их 16,6 %, в ногах – 8,4 %.

В более позднее время (X-XIII вв. н.э.) оселки редко, но встречаются у мордвы, мари, удмуртов и находятся в районе пояса. Еще реже они фиксируются в более поздних (XVII-XVIII вв.) могильниках финно-угров.

К рассмотренным каменным предметам со сверлиной можно добавить т.н. каменные пряслица, каменные подвески округлой и овальной формы, позже замененные бусами, свидетельствующие об устоявшейся погребальной традиции сопровождать умершего камнем с дыркой. Следует отметить, что каменные предметы с отверстием встречаются довольно редко. Так, в Хвалынском (энеолит) могильнике на 34 мужских костяка приходится всего 2 с каменными клеветами с отверстием [27], что составляет примерно 0,06 % мужских захоронений. В фатьяновском Волосово-Даниловском могильнике на 107 могил приходится 14 погребений с топором-молотом и 6 – с глиняной моделью топора-молота. В Балановском могильнике (117 могил) лишь 5 погребенных сопровождался топором-молотом и 9 – глиняными моделями. В Старшем Ахмыловском могильнике раннего железного века исследовано 1027 могил [22], 42 погребенных сопровождался оселками. В Аозинском могильнике [12] этого же времени из 110 могил (58 мужских погребений, 37 женских и 6 подростковых) оселки отмечены в семи.

У пьяноборского населения Камышлы-Тамакского могильника (101 могила) зафиксировано 7 погребенных с оселком [28], в Суворовском азелинском могильнике из 31 погребения оселком сопровождалось лишь одно.

Таким образом, в фатьяновско-балановских могильниках каменный топор со сверлиной (и его модель в глине) сопровождает от 0,12 % до 0,18 % погребенных; в раннем железном веке в среде ананьинских племен – от 0,04 % до 0,06 %; в среде пьяноборско-азелинского населения – от 0,03 до 0,07 %.

Можно отметить, что не все мужские погребения сопровождаются подобными предметами. В Волосово-Даниловском могильнике в погребении мужчины-металлурга нет топора-молота [7, с. 60].

Из этого краткого обзора мы видим, что обряд сопровождения умершего (в основном мужчины) «камнем дырявым» (топор, булава, оселок, клевец и т.п.) фиксируется с эпохи мезолита и через тысячелетия доходит почти до наших дней. Еще в XIX веке в России существовал обычай класть умершему в гроб камень.

Культ камня был широко развит практически у всех народов мира [29; 30; 31], нас же интересует непосредственно «камень со сверлиной» – свидетельство давно забытой религии, связанной с культом бога земли (превращение камня в мужчину, рождение человека от камня, камень как всеобщий прародитель, камень – обиталище души умершего, священные пещеры – обиталища умерших и т.п.), сохранившееся в погребальном обряде многих народов мира.

По археологическим материалам появление камня с отверстием как культового предмета в погребальной обрядности первобытного времени фиксируется на обширной территории России с мезолита [32]. Наиболее выражено это явление в культурах боевых топоров в эпоху бронзы, продолжаясь в раннем железном веке и постепенно угасая с завершением «героического» периода к сер. I тыс. до н.э., проявляясь отдельными эпизодами вплоть до современности.

До сих пор у некоторых народов сохранились свидетельства почитания «дырявых камней». Так, в Литве хозяйки опускали каменные молоты в квашню, чтобы лучше пекся хлеб. В народной медицине каменные орудия были средством против всевозможных болезней: при наружных болезнях ими натирали больное место, а при лечении внутренних – употреблялась вода, проливаемая через отверстие каменных топоров [33, с. 97-98]. Сухую погоду жители Новой Каледонии вызывают при помощи продырявленного камня, жители Норвегии используют дырявый камень для улучшения качества молочных продуктов [31, с. 258-259]. У марийцев до сих пор существует обычай при заболевании коровы маститом сцеживать молоко через дырку в камне (обряд не описан в литературе). У сибирских народов после сорокового дня шаман, заманив душу умершего брагой, заключал ее в дырявый камень и провожал в потусторонний мир.

Возможно, продырявленный камень ассоциируется с небесным отверстием, через которое на землю попадает все живое, или же с «дырой» – входом в подземный мир. Как бы то ни было, ясно одно: камень с отверстием в погребальном обряде первобытных коллективов мог являться символом отличия и власти военачальников, вождей, жрецов, то есть быть отличительным сакральным предметом, предназначенным для возрождения или создания особого положения сопровождаемого индивидуума в потустороннем мире, служа как бы хранилищем души, путешествующей в стране предков с надеждой на воскрешение.

Истоки обычая сопровождать умершего «камнем дырватым» пока не ясны. Например, этот обычай не зафиксирован в мезолитических могильниках Прионежья Веретье и Попово [34; 35], Карелии [36], Кавказа [16], Украины [37], Венгрии [38], Урала [39], Прибалтики [40].

Беглый анализ этого явления в духовной жизни первобытного общества ставит больше вопросов, чем дает ответов. Делать же какие-то окончательные выводы пока преждевременно и опасно, ибо в этом случае с равным успехом возможны самые разные толкования выявленных фактов. Что же касается сакрального смысла «камня дырватым», то об этом вполне определенно свидетельствует и финский эпос:

Мать имела больше знаний	Чрез ушко иголки малой
Не пошла она в Маналу.	В топоре через отверстие
Прогонять огонь умела.	Через отверстие в мотыге
Знала, как изгнать то пламя	Подле паханого поля [41].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурьча Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. 1956.
2. Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. М., 1976.
3. Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные топоры на территории Европейской части СССР // САИ. Вып. В 4-4. М., 1966.
4. Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры: Московская группа // САИ. Вып. В1-19. М., 1963.
5. Крайнов Д. А. Памятники фатьяновской культуры: Ярославская группа // САИ. Вып. В1-20. М., 1964.
6. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972.
7. Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С. Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье // САИ. Вып. В1-22. М., 1987.
8. Шарафутдинова И. Н. Орнаментированные топоры-молотки из катакомбных погребений на Ингуле // Археология. № 33. Киев, 1980.
9. Кривцова-Грикова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46. 1955.
10. Антонова Е. В. Знаки престижа и один из признаков архаических лидеров (по материалам могильника Сумбор 1) // СА. № III. 1934.
11. Мерперт Н. Я. Ритуальные модели топоров из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
12. Халиков А. Х. Волго-Камье в эпоху раннего железа. VIII-VI вв. до н.э. М., 1977.
13. Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
14. Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
15. Уткин А. В. К вопросу о сланцевых «ножах» Оленеостровского могильника // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. II. Иваново, 1995.
16. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
17. Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
18. Замятлин С. Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. № VIII. 1946.
19. Смирнов К. Ф., Петренко Г. В. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9. М., 1963.
20. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964.
21. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30. 1952.
22. Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
23. Корякова Л. Н. Могильник саргатской культуры у с. Красноярка // СА. 1979. № 2.
24. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
25. Васюткин С. М. Исследование пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и железа. Уфа, 1982.
26. Генциг В. Ф. Азелинская культура III-V вв. // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Свердловск; Ижевск, 1963.
27. Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.
28. Мажитов Н. А., Пиеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа, 1969.
29. Голан А. Миф и символ. Иерусалим; Москва, 1994.
30. Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 1980.
31. Фрезер Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985.
32. Археология СССР. Мезолит СССР. М., 1989.
33. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1968.
34. Ошибкина С. В. Мезолитический могильник Попово на р. Кинешме // СА. 1982. № 3.
35. Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
36. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1 и 2. Л., 1978.
37. Телегин Д. Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев, 1985.
38. Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980.
39. Маттиаш Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
40. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulausks. Riga, 1987.
41. Калевала. Петрозаводск, 1940.

Научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории Республики Марий Эл,
Йошкар-Ола

V.V. Nikitin

**ON THE PLACE AND THE SENSE OF USAGE THE STONE "TOOLS" WITH DRILLED HOLE
IN ANCIENT BURIAL RITE**

Summary

The author considers the usage of the drilled stone knives, axes, maces, spinning weight and other artifacts in the ancient burial complexes. The author does not deny their everyday usage at the sites, but pays special attention to their stable presence in the burial rites of Eurasia from the Mesolithic till the late Middle Ages. Technical and typological analysis of the drilled stone tools from burials allows to suggest that part of them was made specially for a burial rite, because some of the tools could not be used as instruments due to their physical and technical peculiarities. Their definite situation in graves in relation to skeletons, which remained unchanged from the Mesolithic during milleniums, gives an opportunity to suggest their special cultic and sacred meaning in burial rites.

*Mariy Scientific and Research Institute of Language,
Literature and History
44, Krasnoarmeyskaya St.,
Yoshkar-Ola, 424036,
Mariy El Republic, Russian Federation*

А.В. Уткин, Е.Л. Костылева

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗМЕЙ В ЭПОХИ МЕЗОЛИТА–ЭНЕОЛИТА В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Скульптурные изображения малых форм как вид мобильного искусства были широко распространены в мезолите–энеолите лесной зоны на территории современных Европейской России, стран Балтии, Финляндии. Находки разнообразных фигурок в культурных слоях доисторических поселений и в могильниках дают возможность представить в самых общих чертах эстетические вкусы древних охотников, приблизиться к пониманию их религиозных воззрений и культов. Малая скульптура изучается на протяжении уже более 100 лет не одним поколением специалистов: существует обширная литература, составлены всевозможные каталоги, ею восхищаются многочисленные посетители музеев.

Настоящая заметка посвящена системному рассмотрению скульптурных изображений змей. Поводом для этого послужили взаимоисключающие интерпретации их смысла и назначения. По мнению большинства советских, а ныне российских, латышских, эстонских археологов, фигурки пресмыкающихся олицетворяли собой идею плодородия [1, с. 244; 2, 281 р.]. Другие, наоборот, усматривали в них воплощение зла [3, с. 224–232]. Третьи считали их связанными с представлениями древних о смерти и потустороннем мире [4, с. 99; 5, с. 50]. Обосновывая это разнообразие выводов, исследователи исходили не столько из археологических материалов, сколько из данных этнографии и фольклора, которые особенно часто привлекались археологами в 1930–1960-х гг. в качестве иллюстраций при воссоздании быта, хозяйственной деятельности и верований людей эпохи первобытности. Поэтому мы сочли целесообразным вновь обратиться к этим находкам и проанализировать их в строго археологическом контексте.

Все фигурки пресмыкающихся, найденные на территории лесной зоны Восточной Европы, можно условно разделить на две морфологические группы: объемные и плоские (рис. 1).

Объемные скульптурные изображения змей

К настоящему времени нам известно двенадцать объемных скульптур. Хронологически они распадаются на мезолитические и нео–энеолитические.

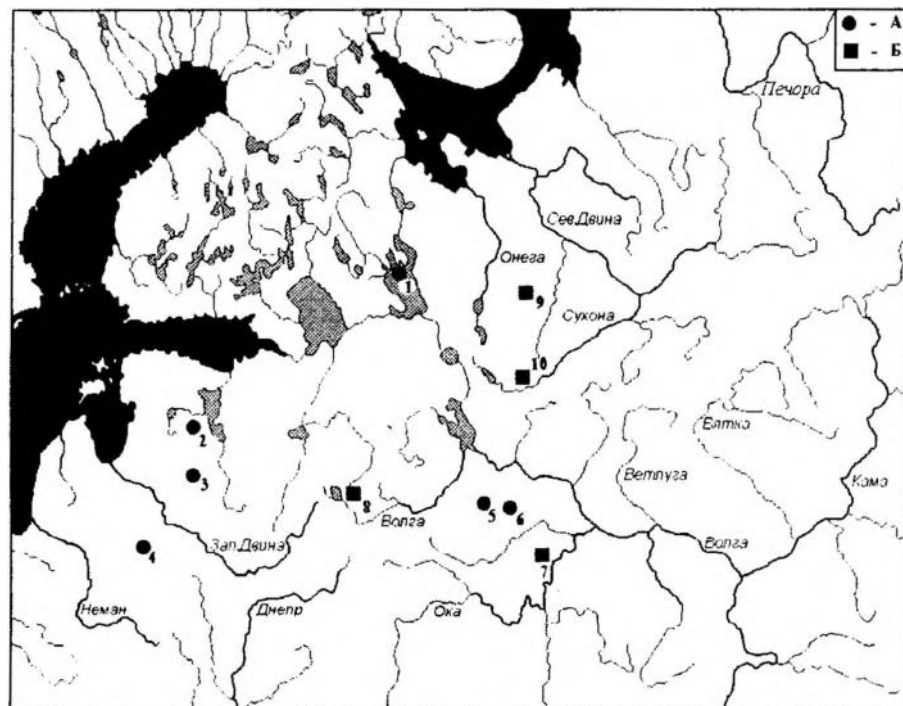

Рис. 1. Карта памятников с находками рептилиоморфной скульптуры:

А - объемные фигурки:

- 1 - Оленеостровский могильник;
- 2 - Тамула;
- 3 - Абора I;
- 4 - Крягуонас IC;
- 5 - Варос I;
- 6 - Сахтыш II.

Б - плоские (кремневые) фигурки:

- 7 - Панфилово;
- 8 - Синяя Гора I (Ботово I);
- 9 - Ильинский Остров;
- 10 - Вёкса

Мезолитических скульптур змей всего две. Обе происходят из захоронений знаменитого Оленеостровского могильника на Онежском озере (Россия), который по С-14 датируется 2-й пол. VI-V тыс. до н. э.

Первая фигурка найдена в одиночном погребении (№ 23) взрослого субъекта, положенного на спине вытянуто головой на восток [1, с. 222, 278, 281]. Под костяка из-за плохой сохранности не определен. Скульптура лежала перпендикулярно правому бедру. Она целая, но под давлением грунта разломилась пополам (рис. 2: 1). Длина ее составляет 17,5 см. Фигурка изготовлена из расколотой вдоль трубчатой кости животного, имеет вид узкого стержня, округлого в поперечном сечении. Со стороны брюшка стержень слегка уплощен. Верхняя треть тела змеи изображена прямой, центральная и нижняя показаны изогнутыми. Хвост очень тонкий, самый кончик раскрошился. Голова вырезана отчетливо, в плане имеет форму неправильного овала, плавно сужающегося к концу стержня. Глаза переданы неглубокими округлыми ямками. Одна из них, правда, выражена недостаточно отчетливо вследствие частичной утраты правого края скульптуры. По этой же причине, очевидно, не сохранилась и прорезь рта. В наиболее расширенной части головы имеется небольшое овальное углубление. По мнению Н.Н. Гуриной, оно оформляет плоский затылок змеиной головы.

Вторая фигурка обнаружена в коллективной могиле (№ 55-57), где одновременно были захоронены три взрослых человека. Покойники лежали в одной плоскости, вытянуто, головами на северо-восток: мужчина – в центре на спине, женщины – по сторонам на боку, на левом и правом соответственно [1, с. 221, 222, 302-305].

Скульптура неполная, в могиле найден только один фрагмент. Он расчищен в области левой плечевой кости женского скелета № 57 и представляет собой среднюю и хвостовую части тела змеи (рис. 2: 2). Сохранившаяся длина обломка около 12 см. Фигурка костяная, в сечении подтреугольная, брюшко плоское, спинка округлая с четким ребром по центру. Рептилия изображена извивающейся, хвост слегка заужен, на его конце прорезан кольцевой желоб для привязывания. Головная часть скульптуры в пределах захоронения отсутствовала.

* * *

Прочие десять изображений змей – нео-энеолитические, обнаружены на пяти памятниках и датируются руб. III-II тыс. до н. э.

Две фигурки происходят со стоянки Тамула (Эстония). Обе из кости (рис. 2: 3, 4). Первая найдена в культурном слое, вторая – в погребении юноши (№ 14), положенного на спине вытянуто, головой на юг, на грудной части костяка [6, с. 86]. От скульптур сохранились только головы подтреугольной формы и зигзагообразные туловища длиной 5,5 и 7,5 см; хвосты обломаны. У одной (из могилы) глаза показаны неглубокими сверлиными (рис. 2: 3), у другой эта деталь отсутствует.

Пять фигурок найдено на стоянке Абора I (Латвия). Одна – янтарная, обнаружена среди костей разрушенного захоронения грудного ребенка (№ 18), четыре – костяные, собраны в культурном слое [7, с. 44, 112, 113, 116]. Все фрагментированы. У янтарной фигурки утрачен кончик хвоста (рис. 2: 11). Сохранившийся фрагмент в длину имеет всего 5,5 см. В сечении он уплощенно-овальный, голова чуть расширена и приплюснута, тело извивающееся, хвостовая часть заужена, глаза обозначены неглубокими сверленными ямками, рот – прорезью.

Две наиболее крупные скульптуры из кости – длиной 28 и 23 см – удалось собрать из обломков почти полностью (рис. 2: 5, 6). Тела их зигзагообразные, в поперечном разрезе – подтреугольные, головы в плане – овально-ромбические, глаза показаны рельефными точками, на слегка зауженных хвостах – сквозные сверленные отверстия.

Четвертая фигурка представлена фрагментом плавно извивающегося туловища и хвостом, на конце которого по краям вырезаны небольшие выступы для подвешивания. Длина обломка 8,5 см (рис. 2: 8).

В иной манере изготовлена пятая аборская скульптура. От нее сохранилась только голова и верхняя треть туловища (рис. 2: 7). Голова в плане имеет треугольную форму с заостренным кончиком. Тело прямое, прямоугольное в сечении, с симметричным расширением, т.е. змея показана как бы заглотившей добычу. На голове процарапаны две дуги, изображающие X-образный окрас рептилии, а на спине вырезан одиночный зигзаг. Последний, по нашему мнению, одновременно фиксирует и раскраску тела, и его движение¹.

Одна фигурка – 5-сантиметровый костяной обломок зигзагообразного змеиного туловища (рис. 2: 10) – происходит из раскопок поселения Крятуонас IС (Литва) [9, 271 pav.].

Две фигурки найдены на стоянках Варос I и Сахтыш II (Россия). Варосское изображение обнаружено в культурном слое [10, с. 36], сахтышское – в коллективной могиле № 15, среди обломков раздавленного черепа первого костяка, принадлежавшего 20-25-летней женщине и лежавшего навзничь, головой на юго-запад [5, с. 96]. Обе скульптуры сделаны из кости и были сломаны еще в древности. От первой сохранилась небольшая часть слегка изогнутого туловища со схематично намеченной треугольной головой (рис. 2: 9). Фрагмент в разрезе овальный, длина его не превышает 9 см, глаза и рот не обозначены. Вторая фигурка

¹ При монографической публикации результатов исследований памятников эпохи позднего неолита – ранней бронзы Лубанской котловины И.А. Лозе объединила этот и предыдущий фрагменты в одну фигурку [7, с. 112, рис. 77], но ранее она рассматривала их раздельно [8, с. 178]. Действительно, если судить по опубликованной фотографии обломков, то они скорее происходят от двух различных скульптур: они не складываются вместе вплотную, у одного туловище прямое с орнаментированной спинкой, у другого – зигзагообразное, без орнамента (сравни: рис. 2: 7 и 8).

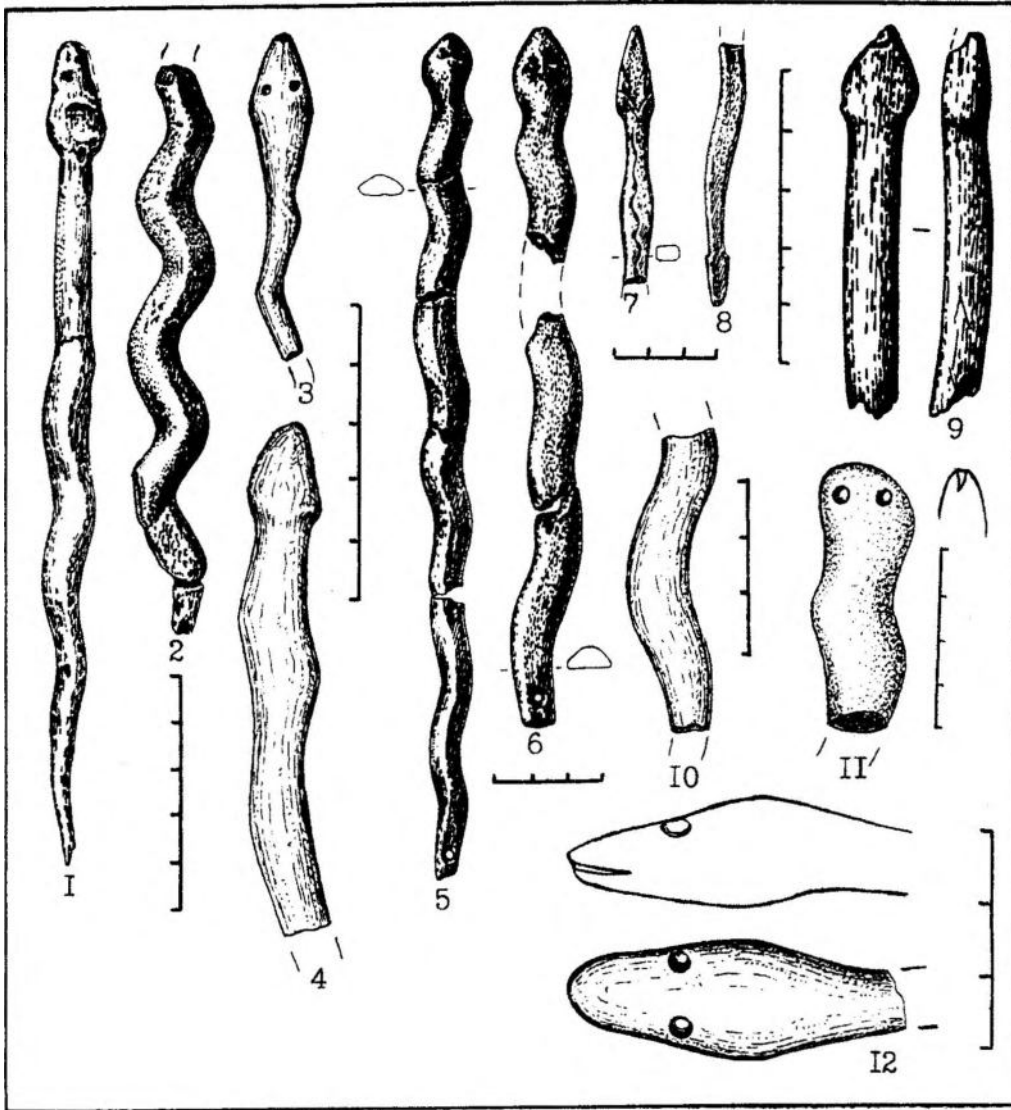

Рис.2. Объемные скульптуры змей:
 1,2 - Оленеостровский могильник;
 3,4 - Тамула;
 5-8,11 - Абора I;
 9 - Варос I;
 10 - Крятуонас IС;
 12 - Сахтыш II
 (1-10, 12 - кость;
 11 - янтарь)

[1,2 - по Н.Н.Гуриной;
 3,4 - по Л.Янитецу;
 5-8,11 - по И.Лозе;
 9 - по В.В.Сидорову;
 10 - по А.Гирининкасу;
 12 - рис. авторов]

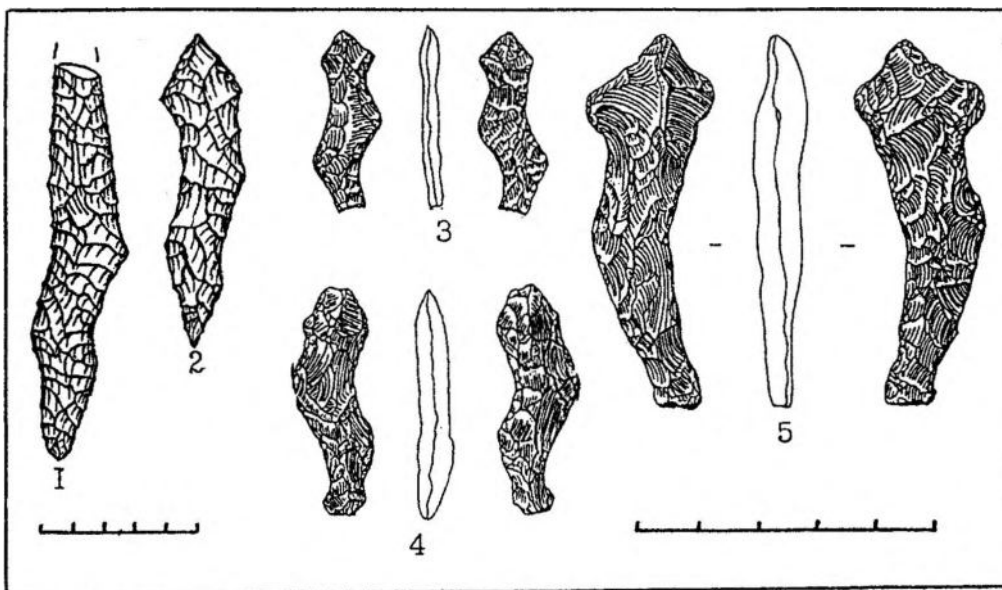

Рис.3. Плоские (кремневые) скульптуры змей:
 1 - Ильинский Остров,
 2 - Панфилово,
 3-5 - Синяя Гора I

[1 - по С.В.Ошибкиной;
 2 - по С.Н.Замятнину;
 3-5 - по И.Н.Черных]

представлена крупным (длиной 5,5 см) обломком головы и прилегающим участком шеи (рис. 2: 12). Голова имеет правильную обтекаемую форму, в задней части раздута, глаза показаны точечными сверлинами, рот – узкий, с нависающей верхней губой. Судя по посадке головы, – слегка приподнятой и чуть повернутой вправо относительно центральной оси, – сахтышская скульптура изображала змею в движении.

* * *

Как видим, объемные изображения змей, несмотря на их индивидуальные особенности, территориальную разобщенность (рис. 1), различия в хронологии, культурной принадлежности и материале заготовок, стилистически, типологически и по приемам обработки однообразны. Они близки между собой по размерам (кроме янтарной) и практически имеют единую стандартную форму. Рептилии изображены в вытянутом состоянии и всегда в одной плоскости с четко выделенной головой, извивающимся туловищем и зауженным хвостом. Они изготовлены очень тщательно и предельно лаконично, без детализации второстепенных признаков. В некоторых из них достаточно хорошо узнаются основные разновидности змей, обитавших в лесах Восточной Европы в каменном веке, – ужи обыкновенные (*Natrix natrix*) и гадюки обыкновенные (*Vipera berus*).

Все фигурки, за исключением одной, в той или иной степени фрагментированы. И сломаны они преднамеренно еще в древности, что указывает на их явно специфическое назначение. Об этом же свидетельствуют и местонахождения фигурок. Почти половина скульптур (5 шт.) найдена в могилах, остальные – в культурных отложениях поселений, но только тех, на которых выявлены синхронные им погребения, т.е. они (фигурки) связаны с обрядом захоронения людей (пусть даже опосредованно) и не относятся к обычным поселенческим остаткам. По крайней мере, нам пока не известно ни одного случая, когда бы объемные скульптуры змей находились вне захоронений или вне территорий могильников.

Не могли быть они и украшениями костюма, несмотря на нарезки и отверстия для привязывания. Местонахождение их на костяке не имеет ничего общего с расположением ни обычных подвесок, ни особых амулетов. Кроме того, они громоздки и в то же время достаточно ломки, что создавало бы определенные неудобства при движении человека, будь они нашиты на одежду.

Таким образом, исходя из археологического контекста, напрашивается только один вывод: рассмотренные фигурки змей – это одновременно и составная часть сложного погребального ритуала, и архаический символ подземного жилища/поселения мертвых. Поэтому мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые связывали их с представлениями древних о смерти. Никакой речи об олицетворении конкретно этими скульптурами идеи плодородия быть не может. Использование змеиных изображений в качестве символов плодородия и благополучия зародилось и широко распространилось при совершенно другом социально-экономическом укладе – у раннеземледельческих народов Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока, т.е. стадияльно эти изображения моложе изображений змей-символов потустороннего мира лесных охотников Восточной Европы.

Как использовались фигурки змей непосредственно в погребальном обряде, определить сложно. По нашей версии, это могло происходить следующим образом. На тело безнадежно больного человека клалось, вешалось (или, как вариант: подвешивалось над ним) “живое” изображение змеи, что фиксирует извивающееся туловище скульптуры. Змея была призвана, очевидно, символически взять себе жизнь человека. После физической смерти субъекта “умирала” и фигурка – ее просто ломали. Затем один из обломков клали с покойником в могилу, а остальные разбрасывали на территории кладбища, как бы подчеркивая, что жизнь умершего будет находиться постоянно рядом с его трупом.

Эта деталь ритуала, однако, не была массовой. Судя по соотношению количества известных мезо-энеолитических погребений на данной территории и числа находок змеиных скульптур, последние использовались лишь в особых случаях. Но каких – неясно. Н.Н. Гурина предполагала, что фигурки связаны с женскими захоронениями и отражают идею покровительства змеи над женщиной [1, с. 244]. Связь рептилии с женским началом фиксируется и в архаических мифологиях, в которых она обычно “осмысливается в духе мотива принесения женщины (девушки) в дань змее”, хтоническому божеству [11, с. 470]. Однако это предположение не подтверждается антропологическими данными: из пяти костяков с фигурками змей два определены как женские, один – как мужской, для остальных половозрастная диагностика, к сожалению, не проводилась из-за сильной разрушенности скелетов.

Плоские скульптурные изображения змей

К плоским скульптурным изображениям змей мы относим исключительно кремневые фигурки. По нашим подсчетам, их в настоящее время известно всего 5 экз. с трех стоянок (рис. 1): по одному – с Панфилова и Ильинского Острова, три – с Синеи Горы I (Россия) [12, с. 108; 5, с. 50; 13, с. 280, 281]. Типологически они однообразны, и им можно дать общую характеристику. Изображения достаточно условны и внешне примитивны, что обусловлено в значительной степени исходным материалом, но их сходство с рептилиями узнается хорошо – по зигзагообразному туловищу, выделенной голове и зауженному хвосту (рис. 3). В качестве заготовки, как правило, использовался длинный узкий отщеп, который тщательно обрабатывался струйчатой ретушью с двух сторон. Спинка иногда показана чуть выпуклой, брюшко – всегда плоским. Длина изделий колеблется от 3 до 7-8 см при ширине 1,2-1,7 см.

Все кремневые фигурки змей происходят из культурных слоев волосовских и синхронных им поселений с пористой керамикой 2-й пол. III – нач. II тыс. до н.э. Они не имеют четкой планиграфической и стратиграфической привязки к каким-либо комплексам (ни бытовым, ни ритуально-погребальным), поэтому мы мо-

жем считать их случайно утерянными. Стилистически и морфологически эти изображения являются составной частью кремневой миниатюрной скульптуры, которую мы трактуем как каменные иллюстрации к мифам лесного энеолита [14, с. 265], т.е. и змеиные фигурки включаем в этот иллюстративный круг в качестве одной из сюжетных линий.

Скульптурные изображения псевдозмей

Помимо рассмотренных фигурок в археологической литературе упоминается еще несколько изображений, принадлежность которых к рептилиоморфным мы отрицаем.

Так, эстонским археологом Х. Моорой за скульптуру змеи было принято орнаментированное мезолитическое изделие из рога, обнаруженное в карьере Тырвала на правом берегу р. Нарвы (ныне Россия) [3, с. 224-232]. Сравнение этой находки с аналогичными артефактами из датских мезолитических стоянок, проведенное В.И. Тимофеевым [15, с. 15], показало, что она, как и датские аналоги, должна быть отнесена к так называемым “рукоятям”, имеющим сквозное отверстие (по типу “жезла начальника”) (рис. 4: 2).

В качестве фигурки змеи эпохи среднего неолита И.А. Лозе рассматривает плоскую костяную подвеску со стоянки Звидзиенаскрогс (Латвия) с отверстием на конце, украшенную по одной плоскости крестообразными насечками [16, с. 72]. Исследовательницу, по-видимому, смутили плавно изогнутые волнистые края подвески, ошибочно принятые ею за абрис ползущей рептилии (рис. 4: 3).

К неолитическим изображениям змей в последнее время С.В. Ошибкиной причислена костяная находка Г-образной формы из мужского погребения № 3 на стоянке Кубенино (Россия) [5, с. 49, 50]. Но эту скульптуру в свое время М.Е. Фосс [17, с. 40] определила как изображение головы лебедя (рис. 4: 1), что, на наш взгляд, ближе к истине. Действительно, ее форма и иконография тождественны волосовским скульптурным моделям фаллоса с рукоятями в виде головы водоплавающей птицы [18, р. 109, 110; 19], тогда как подобные изображения змей – в позе разгневанной кобры – в искусстве каменного века лесной зоны Восточной Европы не встречаются вообще.

С этого же памятника, но из культурного слоя, происходит фрагмент глиняной фигурки, который “напоминает по своим очертаниям – удлинненно-приплюснутой мордочке, обозначенной надрезом, и углублениями вместо глаз – голову рептилии” [17, с. 51]. К сожалению, больше никаких сведений об этой находке в литературе нет, рисунок не опубликован, de visu с ней мы не знакомы и поэтому вынуждены отнести ее к псевдоизображениям.

Вызывает сомнения принятая рядом исследователей интерпретация керамического валика длиной 5,5 см из культурного слоя стоянки Вигайнаволок I (Россия) в качестве скульптуры пресмыкающегося [20, с. 92]. Его сходство с ползущей змеей достаточно условно и ограничивается лишь S-видной формой (рис. 4: 4), другие более-менее характерные детали (голова, хвост) никак не акцентированы, хотя пластичность материала позволяла это сделать без труда, пусть даже схематично.

Скептически относимся мы также к глиняным “фигуркам” змей со стоянок Порог Шойрукша II и Бесовы Следки III (Россия) [20, с. 92], т.к. их подробные описания и изображения нигде никогда не публиковались. Не рассматриваются они и в последней сводке, посвященной доисторическому искусству Карелии [21, с. 174-184].

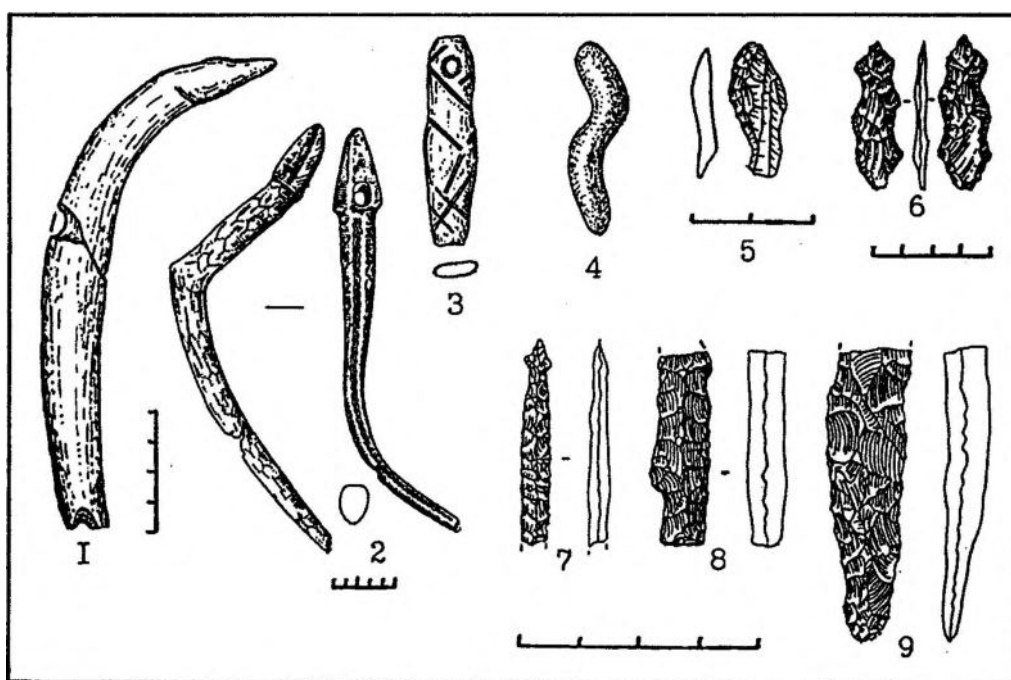

Рис.4. Скульптурные изображения псевдозмей:
1 - Кубенино;
2 - Тырвала;
3 - Звидзиенаскрогс;
4 - Вигайнаволок I;
5 - Андозеро II;
6 - Языково I;
7-9 - Синяя Гора I
(1,3 - кость; 2 - рог;
4 - глина; 5-9 - кремнь)

[1 - по М.Е.Фосс;
2 - по Х.А.Мооре;
3 - по И.А.Лозе;
4 - по А.П.Журавлеву;
5 - по С.В.Ошибкиной;
6 - по В.В.Сидорову;
7-9 - по И.Н.Черных]

Еще больший скепсис вызывает “змеиная” скульптура из глины с поселения Хиетаниеми (Финляндия). Она скорее напоминает лежащего пушного зверька, нежели рептилию. У нее отчетливо смоделированы относительно крупное туловище, переходящее в пушистый хвост (?), свернутый кольцом, и небольшая, поднятая вверх голова с парой глаз и заостренной мордочкой, в профиль явно звериной [22, р. 24, fig. 5: 1].

Наконец, мы исключаем по причине отсутствия четко выраженных морфологических признаков из числа кремневых змеевидных фигурок несколько находок. А именно: три фрагмента двусторонне обработанных артефактов с Синеи Горы I [13, с. 276] (рис. 4: 7-9), изделие с Языкова I (Россия) [10, с. 95]), больше похожее на многофасеточный скобель (рис. 4: 6), и пластинчатый отщеп с ретушью по дугообразному краю заготовки из могилы на стоянке Андозеро II (Россия) [4, с. 45, 98]. Последний выполнял, возможно, функцию скребка, о чем, как будто, свидетельствует его форма (рис. 4: 5).

Заключение

Завершая обзор известных нам скульптурных изображений змей, подведем краткий итог. Появление их в мезолите лесной зоны Восточной Европы было связано с развитием у древних охотников идеи смерти, символами которой являлись змеи. Дальнейшее распространение эта идея получила в позднем неолите (по восточно-прибалтийской хронологической шкале) или в лесном энеолите (по российской шкале). Существовала ли она непрерывно от финала мезолита до начала эпохи бронзы включительно, ответить пока однозначно не представляется возможным. Если да, то ее материальным выражением было что-то иное, но только не фигурки рептилий, которые не известны в культурах раннего и развитого неолита.

В энеолите появляются изображения змей из кремня. Они существовали параллельно с объемными скульптурами – хтоническими символами, но география их распространения была значительно уже, и они являлись неразрывной частью единого массива миниатюрной кремневой скульптуры, фиксирующего, по нашему мнению, существование достаточно развитых мифологических сказаний у энеолитического населения, в частности, у волосовцев.

Новые находки фигурок змей на памятниках каменного века лесной зоны Восточной Европы (и особенно в захоронениях), которые обязательно обнаружатся в будущем при археологических раскопках, надеемся, внесут в наши предположения уточнения и дополнения, но они вряд ли опровергнут их суть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. № 47. 1956.
2. Loze I. Seno ticējumi un tradīciju atspoguļojums akmeņa laikmeta mākslā Austrumbaltijā // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 1970. № 18.
3. Moora H. Eine steinzeitliche Schlangenfigur aus der Gegend von Narva // Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää. 21. 10. 1957. SMYA. № 58. 1957.
4. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
5. Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимица М.П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
6. Jaanis I. Neue Gräberfunde auf dem spätleolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // Studia neolithica in honorem Aarne Äyräpää. 21. 10. 1957. SMYA. № 58. 1957.
7. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
8. Лозе И.А. Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
9. Girininkas A. Baltų kultūros istokos. Vilnius, 1994.
10. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
11. Иванов В.В. Змей // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. I. М., 1991.
12. Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые фигурки в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № X. 1948.
13. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки “Синяя Гора” I (Ботово I) на оз. Селитер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
14. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
15. Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России: Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб., 1993.
16. Лозе И.А. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
17. Фосс М.Е. Стоянка Кубенино: По материалам Каргопольской экспедиции Московского Государственного Исторического музея 1928-1931 гг. // СА. № V. 1940.
18. Utkin A., Kostyleva E. Sculptural phallic models in the Central Russia forest Eneolithic // European Association of Archaeologists. Third Annual Meeting: Abstracts. Ravenna, 1997.
19. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
20. Журавлев А.П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Выгайनावолок I // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
21. Витенкова И.В. Хозяйство и искусство каменного века – раннего металла // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
22. Loze I. Clay figur art in the forest belt of Neolithic Eastern Europe // Archaeologia Baltica. Vilnius, 1995.

*Научно-производственный центр
по охране памятников Комитета
по культуре и искусству администрации
Ивановской области*

*Ивановский государственный университет,
Иваново*

A.V. Utkin, E.L. Kostyleva

**SCULPTURES OF SNAKES IN THE MESOLITHIC – THE NEOLITHIC
IN THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE**

Summary

Three-dimensional sculptural small-form representations as a kind of mobile art were wide-spread in the east European forest zone in the Mesolithic and the Late Neolithic. According to the opinion the greatest part of archaeologists share, they were a personification of the idea of fertility. Others thought them to be an embodiment of evil. The third considered them to be connected with ancient ideas of death. This variety of conclusions is accounted by the fact that the scientists dealt not only with archaeological data but also with ethnographical and folklore materials. That is why the authors found it necessary to revolute these findings and analyze them in a strictly archaeological context.

By the present time we know 12 three-dimensional sculptures of snakes; 11 of them are made of bone, one is of amber. Chronologically they are divided into the Mesolithic and the Late Neolithic.

There are 2 Mesolithic sculptures of snakes. Both of them originate from the famous Oleny Ostrov cemetery on Lake Onega (Russia).

10 representations are of the Late Neolithic. They were found in 5 sites. Two were found in Tamula site (Estonia), 5 are from Abora 1 site (Latvia), 1 – from Kretuonas 1C (Lithuania), 1 is from Varos 1 site (Russia), and 1 is from Sakhtysh II site (Russia).

In spite of particular features, geographical dispersion, difference in chronology and cultural attribution the sculptures are stylistically and typologically homogeneous. The reptiles are represented in an outstretched position with well-shaped head, wriggling trunk and narrow tail. They are made very carefully and laconically. One can easily recognize main varieties of snakes which inhabited the east European forests in the Stone Age – grass snakes (*Natrix natrix*) and vipers (*Vipera berus*).

All figurines with one exception were deliberately broken in ancient times. This fact testifies to their specific function. Nearly half of them were found in burials (2 are from Oleny Ostrov cemetery, 3 are from dwelling-site graves in Tamula, Abora 1 and Sakhtysh II), other are from settlement cultural layers connected with synchronous burials, i. e. all figurines were linked, may be indirectly, with burial rite, and they are not usual dwelling-site remains.

Thus, judging by archaeological context we can make the only conclusion: the examined snake figurines are the archaic symbol of “a dwelling/settlement of the Death”. One cannot speak of any idea of personification of fertility by these sculptures. Snake representation as a symbol of fertility was wide-spread in a rather different social-economic system of early farming people of south-eastern Europe and the Middle East, i.e., as concerning stages, these representations are younger than snake-symbols of the next world of forest hunters/gatherers of eastern Europe.

*The Research-Industrial Center
for Protection of Monuments
of the Committee of Culture and Art
of Ivanovo Region*

*The State University of Ivanovo
126, 8, Zharov St., Ivanovo,
153000, Russia*

Н.Г. Недомолкина

СУХОНСКИЕ КРЕМНЕВЫЕ ФИГУРКИ

Первая публикация фигурного кремня с беломорских, волосовских, казанских стоянок, предпринятая в 1881 г. А.С.Уваровым в его атласе, вызвала большой интерес и научные споры [1, с.85-86]. Первой специальной работой, обобщающей известную к тому времени кремневую скульптуру, является статья С.Н.Замятнина в журнале «Советская археология» за 1948 г. [1]. Автор дает определение понятию фигурный кремень, публикует карту находок, определяет значение фигурного кремня «для изучения верований и искусства для неолитического населения Северо-Восточной Европы», не относя его к конкретной археологической культуре. Выделение волосовской культуры и изучение ее памятников позволили продолжить разработку темы фигурного кремня. В 1966 г. П.Н.Третьяков в своей работе привел карту распространения волосовской культуры и фигурного кремня [2, с.51,52]. Д.А.Крайнов публикует скульптурки со стоянок Верхнего Поволжья, указывая на связь фигурного кремня именно с волосовской культурой [3, с.101-110]. К теме фигурного кремня в той или иной степени обращались многие исследователи. Большинство авторов находят аналоги фигуркам из кремня на волосовских памятниках. А.А.Куратов связывает происхождение кремневых скульптурок с беломорской культурой [4, с.21]. Г.А.Панкрушев публикует фигурки со стоянок Карелии, где они встречаются только в «смешанном разновременном комплексе» [5, с.19]. Кремневые фигурки Коми описывает Г.М.Буров. Фигурный кремень Привычегодья характерен для борского этапа турбинской культуры [6, с.108]. В конце 1980-х – 1990-е гг. появляется ряд статей В.В.Шевелева о новых находках фигурок на каргопольских стоянках [7, с.247].

Авторы в разной степени поднимают вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности, смыслового назначения и использования фигурного кремня.

Фигурки интерпретируются и как игрушки, и как памятники искусства, но в большинстве своем их относят к культово-ритуальным предметам. В 1992 г. А.В.Табарев поднимает кроме искусствоведческого еще два аспекта: минералогический (материаловедческий) и технологический [8, с.206]. В наши дни наблюдается новый этап в изучении фигурного кремня. Вводятся в научный оборот новые предметы, появляются специальные работы по типологии фигурного кремня [9; 10]. Наибольшее внимание уделяется антропоморфной скульптуре. «Как своеобразный итог более чем векового изучения кремневой скульптуры следует рассматривать соответствующие разделы в коллективной работе С.В.Ошибкиной, Д.А.Крайнова и М.П.Зиминой, посвященной искусству населения лесной зоны Восточной Европы в эпоху мезолита — энеолита» [11, с.259].

Хронологически находки фигурок датируются временем от палеолита до этнографической современности [8, с.206]. Территория распространения фигурного кремня охватывает многие регионы не только нашей страны, но и мира. По отдельным регионам России дана сводка находок мелкой скульптуры от эпохи мезолита до эпохи бронзы [12]. Для решения проблем, связанных с фигурным кремнем, создания полноценного свода по кремневой скульптуре, необходима наиболее полная информация о его находках [13, с.10].

Северо-Восток Европы до настоящего времени не уступает другим территориям по количеству и качеству находок. Наиболее крупная серия изделий известна со стоянок бассейна оз. Лача близ Каргополя. Кремневые фигурки из наиболее изученных в археологическом отношении западных районов Вологодской области опубликованы С.В.Ошибкиной [14]. Еще С.Н.Замятнин объяснял отсутствие фигурок на р. Сухоне, Вычегде, Северной Двине малой степенью изученности этих территорий [1, с.99]. Время подтвердило его предположение. Фигурный кремень найден на стоянках бассейна р. Сухоны, в ее верхнем и нижнем течении (рис.1) [15-22; 23, с.23-25; 24, с.214; 25, прилож., с.12, рис. 64:15; 26, прилож., с.19, рис.75:2].

Целью данной статьи является публикация находок фигурного кремня со стоянок бассейна р. Сухоны и Кубенского озера. Четыре памятника находятся на правом притоке р. Сухоны – р. Вологде: поселения Вёкса, Вёкса III, стоянка Вологда - 5,6 км – левый берег р. Вологды, поселение Вёкса IV – правый берег р. Вологды; на левом притоке р. Сухоны – р. Пельшме – стоянка Пельшма II. Немногочисленный фигурный кремень присутствует в коллекциях подъемного материала с ряда многослойных памятников долины Кубенского озера – стоянки Александрово 7, Кубенское II, Капустино 3. На Средней Сухоне фигурный кремень найден на поселении Мотыри, на Нижней Сухоне – на многослойном памятнике Березовая Слободка II-III.

Коллекция фигурного кремня на сегодняшний день насчитывает 42 предмета. Трасологический анализ материала не проводился, поэтому нами отобраны предметы, в явной принадлежности которых к фигурному кремню трудно усомниться. Самая большая коллекция фигурок, постоянно пополняющаяся, про-

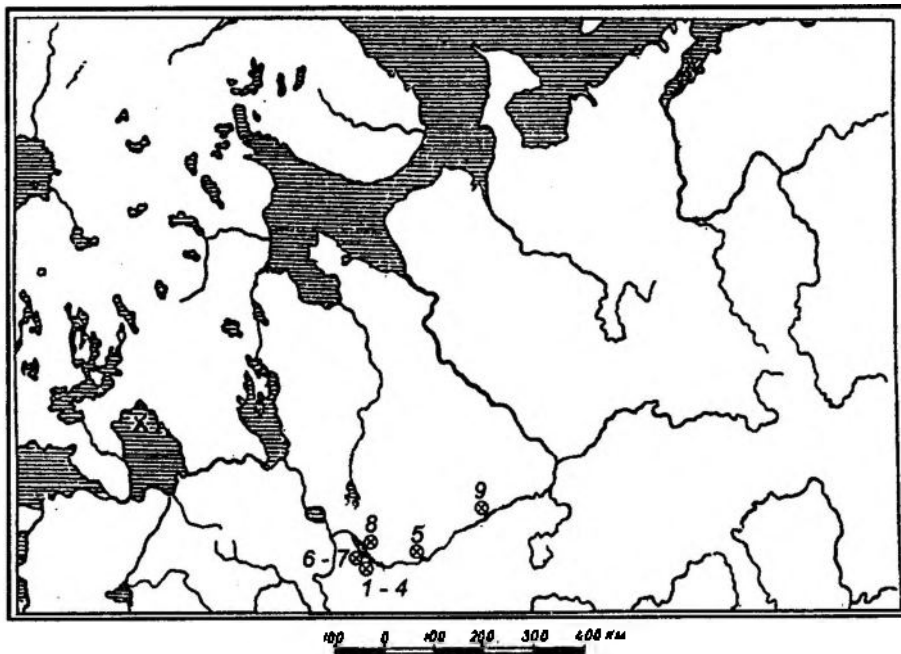

Рис. 1. Стоянки бассейна р.Сухоны с фигурным кремнем:

1 - Вёкса; 2 - Вёкса III; 3 - Вёкса IV; 4 - Вологда-5, 6 км; 5 - Пельшма II; 6 - Кубенское II; 7 - Капустино III; 8 - Александрово 7; 9 - Березовая Слободка II-III

боткой всей поверхности. Для фигурок третьей группы характерна обработка по всей поверхности с одной стороны и по контуру – с другой. Фигурки, выполненные различными способами, сосуществуют. Цвет используемого кремня белый, светло-серый, желтый, темно-красный и темно-серый. Размеры поделок от 1,7 до 8,8 см. Морфологически фигурки подразделяются на антропоморфные, к группе которых отнесены «мифологические персонажи», зооморфные, орнитоморфные, соллярно-лунарного типа. Большинство изображений – профильные, но есть фронтальные и снизу или сверху.

К антропоморфным изображениям отнесено шесть фигурок (рис.6: 1-6¹). Наибольший интерес представляет фронтальная скульптурка со стоянки Пельшма II (рис.6:1). Она происходит из зачистки, где найдена с керамикой волосовского типа [19, с.23, рис.103:1]. Фигурка выполнена на тонком отщепе светлого кремня. Она отвечает всем требованиям канона. Ноги широко расставлены и оформлены серповидной выемкой. Руки разведены в стороны и представляют собой небольшие выступы. По классификации А.В. Уткина – Е.Л.Костылевой, фигурка может быть отнесена к первому типу [11, с.264]. Аналоги имеются на стоянках Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Считается, что антропоморфные изображения являются отличительной чертой волосовской культуры, где они преобладают над всеми остальными сюжетами [27, с.61]. Наиболее близка нашему изображению фигурка со стоянки Сухое, р. Ковжа, бассейн оз. Лача [7, с.248, рис.1:4]. В связи с этой фигуркой нельзя не упомянуть находку фрагмента сосуда с пористым тестом черного цвета с примесью раковины (типа Модлоны) со стоянки Вёкса III с изображением фигурки человека в полный рост с расставленными ногами и разведенными руками. Антропоморфные изображения на керамике известны на стоянках Нида, Звидзе, Швянтойи III, на обломке волосовского сосуда [28, с.146, рис.46:15,16].

Остальные фигурки выполнены в стилизованной манере и относятся к «мифологическим персонажам» (рис.6:2-6). Все изображения даны фронтально с головой - выступом и почти невыраженными конечностями. К четвертому типу, по той же классификации [11, с.264], отнесены две фигурки. Первая (рис.6:4), выполненная на отщепе белого кремня с ретушью по контуру, происходит из слоя с льяловской неолитической керамикой поселения Вёкса. Аналог фигурке известен на стоянке Панфилово [1, с.104, рис.3:4]. Подобие фигурки из кремня темно-серого цвета с двусторонней обработкой (рис.6:2) мы видим в изображении «мифологического» существа со стоянки Казань [1, с.104, рис.3:8]. Только в нашем случае от основания – туловища идут два выступа, один обозначает голову, второй – ноги, руки переданы небольшими выступами по краям. Фигурка могла вставляться одним из выступов в какую-то основу рядом с очагом. Среди культов народов Севера есть культ хозяйки огня – покровительницы домашнего очага [29, с.14-15]. Судя по всему, это изображение несет подобную смысловую нагрузку. Три фигурки (рис.6:3-6) с пропорциональной туловищу головой, изображенные в стилизованной манере, напоминают запеленатых младенцев или эмбрионы. К этой же группе следует отнести и фигурку с Мотырей [11, с.260,266]. Фигурки тщательно обработаны двусторонней ретушью, покрывающей всю поверхность предметов. Прямых аналогов не встречено.

¹ Рисунки выполнены Н.Б. Васильевой и автором статьи.

исходит с поселения Вёкса – 32 предмета.

Вёкса является одним из значимых памятников бассейна Сухоны, на котором выделены слои от эпохи раннего неолита до средневековья. Исследования проводятся с 1981 г. (И.Ф. Никитинский, В.С. Патрушев, С.Ю. Васильев, Н.Г.Недомолкина). Со стоянки Вологда-5,6 км происходят три предмета, со стоянки Кубенское II – два предмета, по одному – со стоянок Пельшма II, Вёкса III, Вёкса IV, Александрово 7, Капустино, Мотыри, Березовая Слободка II-III.

Основную часть коллекции фигурного кремня составляет подъемный материал, 10 изделий происходят из слоев, датируемых неолитом – энеолитом (бронзой?). Выделяются три группы по способу обработки предметов. В одном случае используется отщеп с ретушью по контуру изделия, в другом – фигурка выполнена с тщательной двусторонней обра-

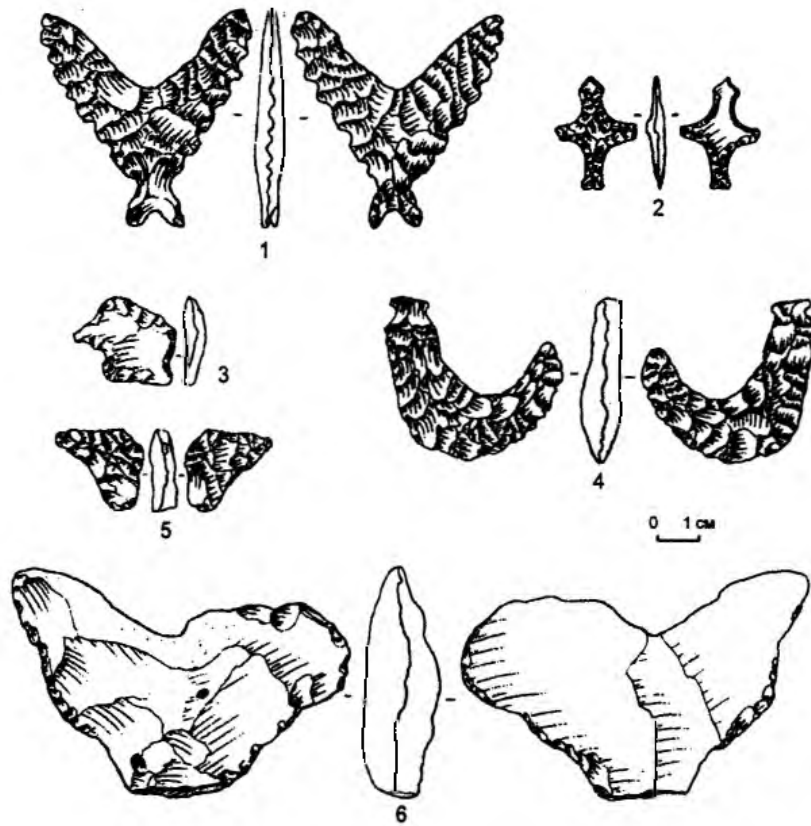

Рис.2. Кремневые фигурки. Поселение Вёкса

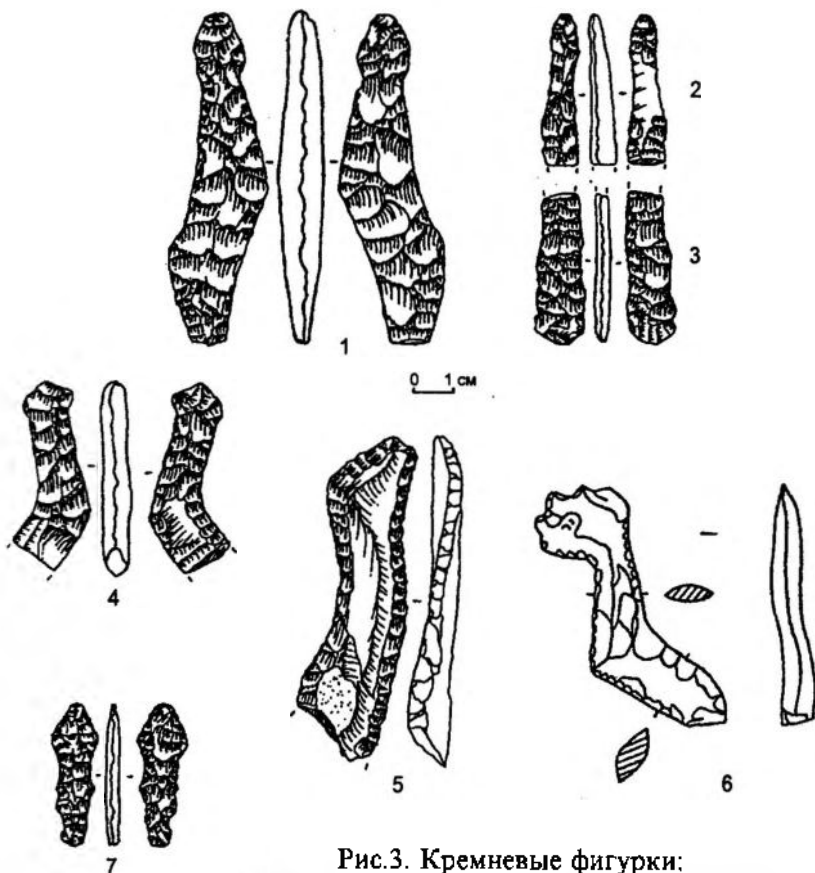

Рис.3. Кремневые фигурки:
1-6 - поселение Вёкса; 7 - стоянка Капустино

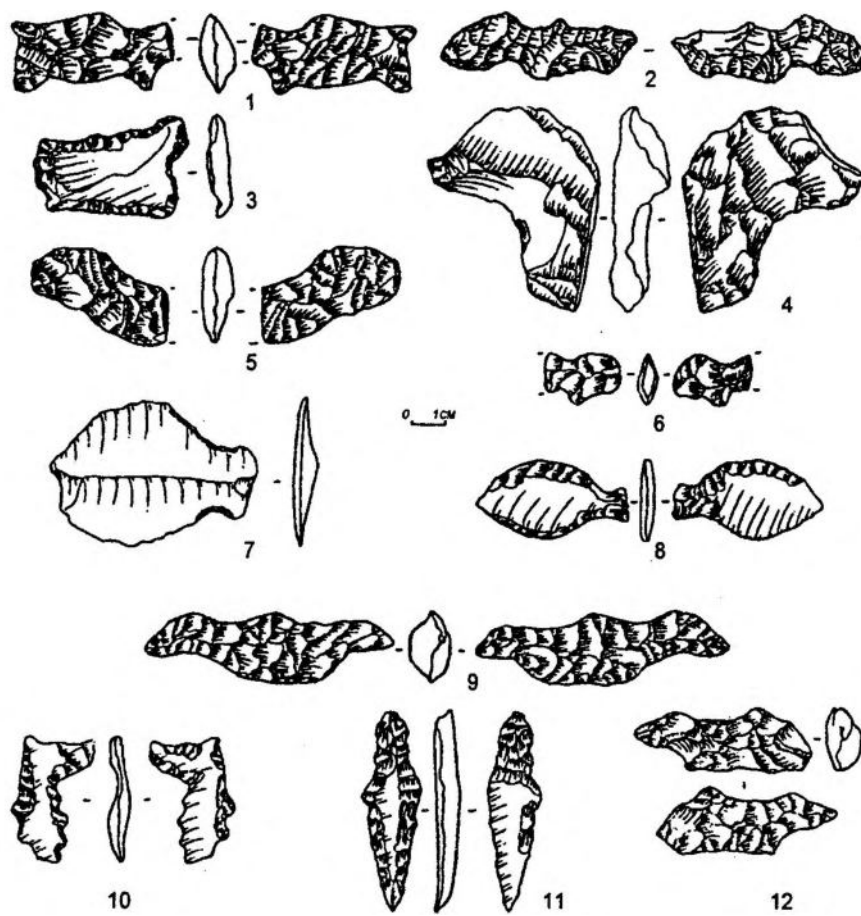

Рис.4. Кремневые фигурки:
 1 - стоянка Вологда - 5, 6 км; 2 - стоянка Березовая Слободка II-III;
 3-5, 8-11 - поселение Вёкса; 6, 12 - стоянка Кубенское II;
 7 - поселение Вёкса IV

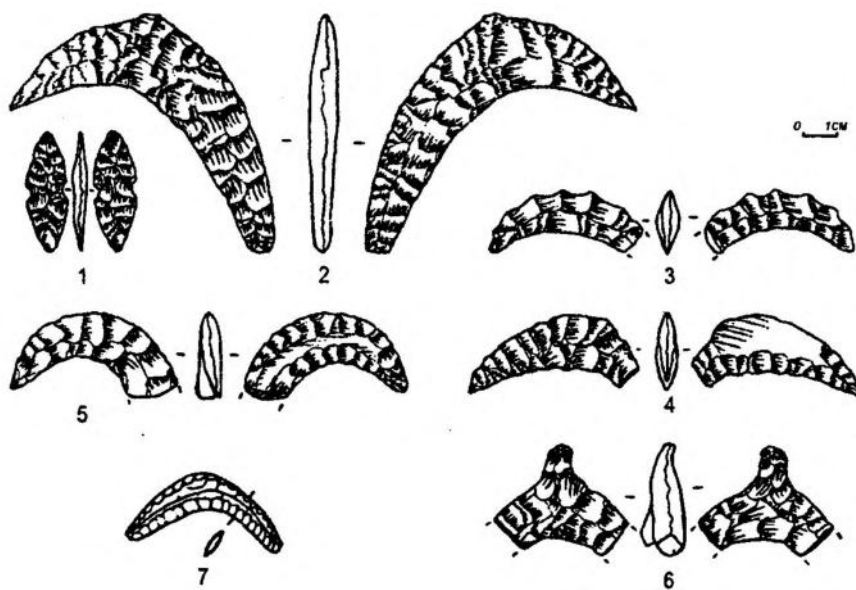

Рис.5. Кремневые фигурки.
 Поселение Вёкса

Наиболее близки по форме фрагментированные фигурки со стоянок Волосово и Иваново Капище (местинская культура) [1, с. 104, рис. 3:9; 30, с. 194, рис. 63:9]. Возможно, есть смысл дополнить существующую классификацию антропоморфных фигурок еще одним типом, так как обряд пеленания связан для человека с важными этапами его жизни – рождением и смертью.

Орнитоморфную группу представляют шесть предметов, все с поселения Вёкса, подразделенные на три типа. Первый – водоплавающие птицы, варианты – летящая, плывущая; второй – боровая птица, третий – изображение головы птицы.

Тип первый, вариант первый – фигурка, изображающая летящую утку (рис. 2:2), – происходит из раскопа с четвертого участка поселения. Здесь выявлены культурные слои от раннего неолита до раннего железного века. Стратиграфически кремневый материал разделить очень трудно, лишь керамические комплексы можно выделить с большей гарантией чистоты. Фигурка найдена на контакте слоев эпохи бронзы с фатьяноидной керамикой и энеолита с пористой керамикой красного цвета с Т- и Г-образными венчиками. Ближайший аналог – изображение летящей утки с поселения «Синяя Гора» I (Ботово I) [31, с. 276, рис. 4:9].

Ко второму типу отнесено три фигурки (рис. 2:1, 4, 6). Первая скульптурка (рис. 2:1) тщательно обработана двусторонней ретушью по всей поверхности. Она происходит из слоя с красной пористой энеолитической керамикой [19, с. 2, рис. 7:8]. Выполнена из кремня светло-серого цвета. Представляет собой изображение двух разведенных в стороны лопастей с одной стороны, с другой – двух небольших выступов. Можно предположить, что фигурка во что-то вставлялась. Данному изображению находится большое количество аналогов на памятниках, где встречен фигурный кремнь (Кубенино, стоянки Карелии, Сахтыш I, II, VIII, Никольское, Репище, Модлона, Волосово). Авторы исследований подчеркивают особую значимость этого символа, с чем действительно можно согласиться [7, с. 284]. Можно предположить, что это изображение токующего глухаря. Подобные изделия очень близки к группе лунниц со стержнем, которые относятся к символическим изображениям. Очевидно, смысловое содержание данного изображения необходимо связывать с его ориентировкой в пространстве. Если положение лопастями вверх – образ птицы, вниз – лунницы. Не исключено, что инвертированный образ возникал в связи с геометрией нижнего мира, таким образом перевернутость объясняется изменениями в позиции наблюдателя. Этот пример еще раз подтверждает сложную смысловую нагрузку фигурного кремня в целом.

Следующая фигурка (рис. 2:4) выполнена в виде крючка с выемкой для привязывания. Изготовлена из кремня светло-серого цвета. Скульптурка обработана двусторонней ретушью, полностью покрывающей поверхность изделия. Скорее всего, это изображение птицы. Сходство с ней придает тщательно оформленная верхняя часть фигурки в виде головы с хохолком и клювом. Конечно, может быть и иная трактовка изображения. Фигурку можно рассматривать и как коготь медведя, и как символический образ, подобный предыдущей фигурке. Аналогов нет.

Несколько необычна, на первый взгляд, фигурка, выполненная на крупном отщепе белого цвета (рис. 2:6). Это самая крупная скульптурка в коллекции, очевидно, также изображающая глухаря. Аналоги не встречены.

Третий тип представлен двумя предметами – головами птиц с вытянутым клювом, из кремня желтого и серого цвета (рис. 2:3, 5). Последняя происходит из раскопа с четвертого участка поселения Вёкса. Найдена в комплексе с пористой керамикой типа Модлоны. Фигурка с двусторонней ретушью по всей поверхности. Близкие аналоги мы усматриваем в изображении головы птицы с поселения «Синяя Гора» I [31, с. 276, рис. 4:12]. Вторая фигурка ретуширована по контуру изделия. Трактována нами подобно первой.

Символические изображения насчитывают семь предметов, представленных лунницами (рис. 5:1-7). Все найдены на поселении Вёкса. Все фигурки обработаны двусторонней ретушью, в трех случаях – с одной стороны по контуру.

Изображения делятся на четыре типа.

Первый тип – лунница с выступом. К нему отнесены две вещи. Лунница (рис. 5:6) из кремня темно-серого цвета с обломанными лучами-краями была найдена вместе с подвесками из кости в скоплении костей лося, куньих, зайца, с ямочной и пористой керамикой типа Модлоны на пятом участке поселения Вёкса. Самый близкий аналог ей встречен на стоянке Юльальская [32, с. 44-45, рис. 1:19]. К символическим изображениям отнесена фигурка из кремня желтого цвета (рис. 5:2), которая происходит из погребения № 3 неолитического могильника Вёкса. Она найдена вместе с кольцом с насечками из светло-серого сланца. Часть погребений могильника датируется IV – нач. III тыс. до н.э. и связана с носителями культуры с ямочной керамикой, аналоги которой находятся в каргопольской и карельской культурах. Аналоги скульптурке известны со стоянки Большая Гора [32, с. 45, рис. 1:25]. Отличие в нашем случае в том, что короткий край фигурки – с острым завершением и наоборот. Близкие изображения трактуются как образ лося. О большой значимости подобных символов мы уже упоминали.

Второй тип – лунница без черешка. С Вёксы происходит одна лунница подобного типа из серого кремня (рис. 5:7)² [21, с. 160, рис. 99:9]. Наиболее близкие аналоги находим также на стоянках Среднего Поволжья.

Третий тип – лунница (?) с выемкой для привязывания (рис. 5:1). Скульптурка небольших размеров, сделана из кремня желтого цвета, происходит из раскопа с четвертого участка поселения Вёкса, найдена с пористой керамикой и янтарем. Находит аналоги на стоянках Мариер и Барские Кужеры III [32, с. 45, рис. 1:17, 18].

Четвертый тип – однолучевая лунница или «коготь медведя». С поселения Вёкса происходят три фигур-

² Рисунок дан по отчету В.С. Патрушева.

ки (две в обломках), из кремня серого и красного цвета (рис.5:3-5). Все скульптурки найдены в раскопах на четвертом участке поселения; 2- в неолитическом слое с ямочной каргопольской керамикой, одна – с керамикой типа Модлоны. Вполне возможно, что они выполняли какие-либо дополнительные функции, например, орудий-ножей, которые использовались в исключительных моментах, а не являлись повседневными, так как форма предметов не типична для выделенных комплексов орудий, и они малочисленны.

Самая большая группа фигурок – зооморфные, с включением в нее пресмыкающихся и рыб (рис.3,4,6:7-10). Млекопитающие представлены изображениями медведей, лося, рыси, собаки, куницы, выдры (бобра?). Среди фигурок медведя выделено четыре типа.

Первый – «человекообразное» изображение, данное фронтально, или изображение медведя в позе угрозы, или распластанная медвежья шкура. Мы присоединяемся к мнению Д.А. Крайнова и С.В. Студзицкой, которые относят подобные фигурки к изображению медведей [27, с.61]. Учитывая многообразие изображаемого, трудно представить, что образ животного, который был так важен в хозяйственно-бытовой деятельности человека, был бы обойден вниманием. Схожесть форм объясняется скорее тем, что на определенном этапе происходит смысловое обогащение изображаемого. В коллекции находится один предмет этого типа (рис.6:7) – скульптурка животного из кремня желтого цвета, стоящего на задних лапах. Туловище массивное, голова большая приплюснутая, ноги искривлены, одна нога длиннее другой. Возможно, это своеобразная попытка передать движение или связь с бытующими в финноязычной среде мифами о хозяине леса – лешем, у которого также одна нога изображалась больше другой. Аналоги изображению медведя известны со стоянок Маслово Болото, Усть-Яренга (беломорская культура) [27, с.63, рис.1:22-24].

Второй тип – изображение шкуры медведя или «белка-летяга» (рис.6:8). Выполнена из кремня желтого цвета, ретушь по контуру изделия. Находит аналоги на стоянке «Синяя гора» [31, с.275, рис.3:6].

Третий тип – профильное изображение медведя, но здесь наблюдается различие в способах обработки скульптурок. Вариант один – фигурка медведя из кремня темно-серого цвета обработана двусторонней ретушью, полностью покрывающей поверхность изделия (рис.6:9). Детально проработаны голова, ноги животного. Фигурка находится аналогично на стоянке Дуденево Тверской области [1, с.109, рис.6:21] и почти полностью повторяет известный образ. У фигурки из Дуденева на спине животного выделана обращенная вверх рогами лунница. В нашем случае полностью объясняется присутствие выемки-горба на спине образа. С.Н.Замятнин относит фигурку к комбинированным изображениям, сочетающим в себе символическое и животное. Трактовка изображения фигурки из Дуденева различна [27, с.68]. Мы считаем, что это изображение медведя. Проведенное С.Н. Замятниным сопоставление с фигуркой лося с петроглифов является примером для объяснения связи животного с солярно-лунным культом. Вторая фигурка этого типа по обработке поверхности относится ко второй группе, варианту два (рис.6:10 [23, с.160, рис.99:1]).

Четвертый тип – изображение головы (рис.4:4). Фигурка из кремня красного цвета выполнена в профиль. Ретушь двусторонняя, покрывает всю поверхность фигурки. Ровный скол с одной стороны позволяет предположить, что голова могла крепиться к какой-либо основе из кости, дерева или глины. Аналоги не известны.

Мы не согласны с существующим мнением, что живые существа в кремне фрагментарно не отображались. Подтверждение этому – ряд следующих фигурок, где предпочтение отдано изображению головы зверя. Изображение головы собаки (рис.4:10) представлено фигуркой из светло-серого кремня. Ретушь двусторонняя, «шея» фигурки обработана выемками, очевидно для крепости крепления в какой-либо основе. Подобный способ обработки фигурного кремня известен [33, с.52, рис.65:4]. У фигурки детально проработаны «нос» и «уши» изображенного

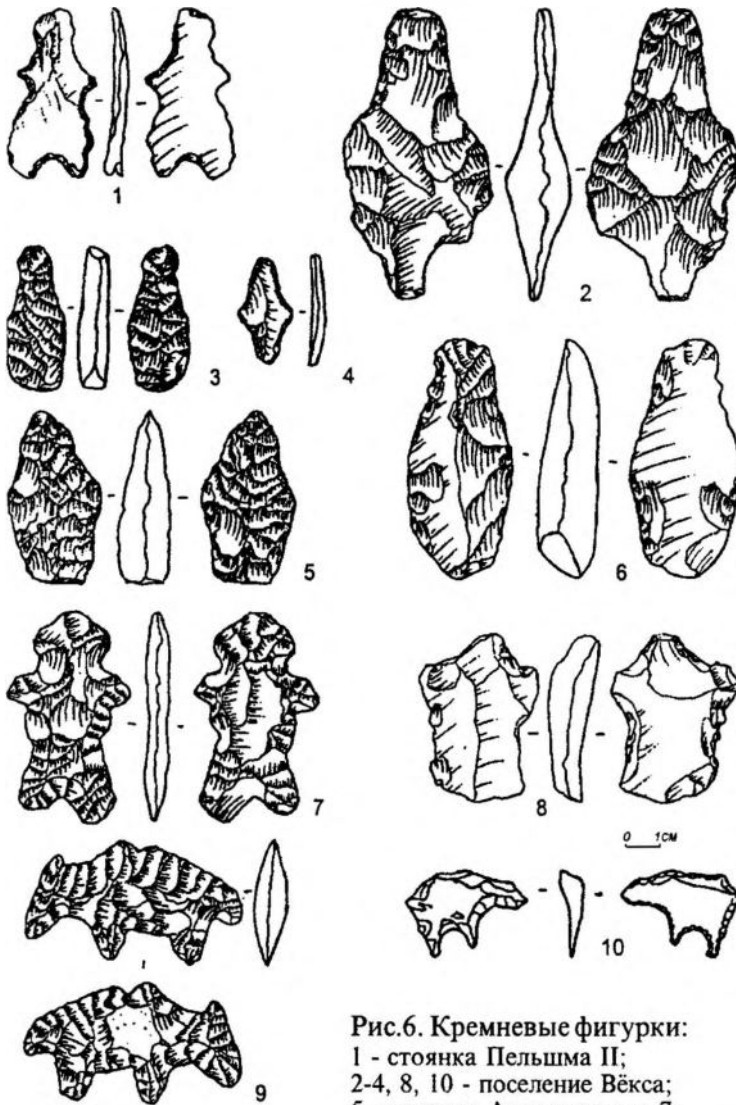

Рис.6. Кремневые фигурки:

- 1 - стоянка Пельшма II;
- 2-4, 8, 10 - поселение Вёкса;
- 5 - стоянка Александрово 7;
- 6- поселение Вёкса III;
- 7, 9 - стоянка Вологда - 5,6 км

животного. Аналогов нами не встречено. Фигурки со стоянок Тихманга, Польцо, Зимняя Золотица, интерпретированные как изображения собак, выполнены по другим канонам.

Следующая фигурка также дает фрагментарное изображение, видимо, головы животного из семейства кошачьих – рыси (рис.4:5). По этнографическим материалам известно сакральное отношение к этому животному. Фигурка из кремня желтого цвета с двусторонней ретушью выполнена в профиль. Общий контур этой фигурки повторяет контур головы пещерного льва со стоянки Костенки I [34, с.266, рис.102:3]. Аналогов в кремневой скульптуре не встречено.

Другим наиболее встречающимся образом, который получил широкое распространение в творчестве древних племен Евразии, является образ лося. Он характерен и для каргопольской неолитической скульптуры в Восточном Прионежье, где также известны находки отдельных кремневых изображений [27, с.64]. Изображение лося представлено фигурками двух типов.

Первый делится на два варианта: а) – полное реалистичное изображение, б) – полное стилизованное.

Второй – изображение головы животного.

Первый тип, вариант «а» представлен скульптуркой из светло-розового кремня, с двусторонней обработкой поверхности, выполненной в профиль (рис. 4:1). Хорошо выражены выступающими ногами и хвостом, на спине заметен небольшой горб. К сожалению, в нашем случае утрачена голова зверя. Близким аналогом является фигурка лося со стоянки Зимняя Золотица в Архангельской области [1, с.106, рис.4:5]. В традиции оформления фигурок просматриваются общие черты – широко расставленные под углом ноги, провисший живот, очевидно, поднятая вверх морда, в отличие от изображения медведей, где голова опущена вниз, живот подобран, ноги не имеют наклона.

Второй вариант первого типа представлен фигуркой с Березовой Слободки II-III (рис.4:2) [16, с.23, рис.8]. Аналоги находятся на стоянке Стрелка I [35, с.162, рис.6:3].

Фигурка из серого кремня с обработкой по контуру изделия с одной стороны и небольшой подправкой – с другой (рис.4:3) относится ко второму типу. Традиционная форма оформления головы лося, известная в изделиях из кости, передается и в кремневой скульптуре. Например, известное изображение со стоянки Модлона и другие [27, с.65, рис.2.1,4]. Сообщения о находках изображений головы и шеи животного известны для стоянок Холмоновича, Сахтыш I [27, с.68].

Не обойдены вниманием древних мастеров образы пушных зверьков. Фигурка со стоянки Кубенское II изображает сидящее животное, очевидно, куницу (рис.4:12). Вторая фигурка с этой стоянки фрагментирована (рис.4:6) [36, рис.53:8,54:1,2]. Фигурка из светлого кремня с односторонней обработкой поверхности по контуру с одной стороны, частичной обработкой – с другой (рис.4:11), очевидно, является изображением выдры. Чем-то похожа на нее фигурка со стоянки Сухое, определенная как антропоморфная [33, с.52, рис.65:1].

В коллекции фигурного кремня с Сухоны есть изображения рыб. Фигурка из розового кремня (рис.4:8) с обработкой по контуру несет образ какой-то из костистых рыб, близких к карасю или лещу. Вторая (рис.4:7) – из светлого кремня – к изображениям рыб отнесена достаточно условно. Близкий аналог изображениям известен на стоянке «Синяя Гора» I [31, с.274, рис.2:2].

Скульптурки змей насчитывают с фрагментами семь экземпляров. Они подразделяются на три типа. Первый – вид сверху; второй – вид сверху, змея с треугольной головой; третий – вид сбоку, змея с поднятой головой.

В нашей коллекции к типу один отнесены две фигурки из кремня светло- и темно-серого цвета, одна из них фрагментирована (рис.3:2,3). Аналогов не найдено.

Второй тип – три фигурки (рис.3:1,4,7). Изображения змей с треугольной головой известны на стоянках Восточного Прионежья и на волосовской стоянке в Панфилово [1, с.108, рис.5:15; 14, с.98,99].

Третий тип – две фигурки из кремня пестрого цвета с обработкой по контуру, изображающие голову и часть туловища змеи в позе угрозы (рис.3:5,6). На одном предмете с части туловища не снята корка, очевидно, этой частью фигурка могла крепиться в какую-то основу, являться навершием по принципу «посиных жезлов». Изображение змеи в позе угрозы можно найти среди наскальных рисунков на Ярминском Пороге [37, с.105, рис.3]. Известные кремневые фигурки змей, как отмечают авторы, маловыразительны и передают особенности змеи в общей форме. Сухонские фигурки очень реалистичны: хорошо выделена голова, передан характерный изгиб тела во время движения. Изображение змеи получило большое распространение в древних культурах на Урале, в Сибири, Восточной Прибалтике, в наскальных рисунках Кольского полуострова, Карелии и на онежских петроглифах.

Особо следует сказать о фигурке из кремня светло-серого цвета, обработанной двусторонней ретушью по всей поверхности (рис.4:9). Нами в данной фигурке видится двуглавое изображение, возможно, птицы и какого-то животного, своеобразный прототип двуглавых амулетов – подвесок более поздних эпох. Близких аналогов в кремневой скульптуре автору не известно. Хотя возможна иная трактовка образа – как морского животного: кита или тюленя, но известные изображения этих животных выполнены в иной форме.

Таким образом, стоянки бассейна Сухоны дали богатый материал по теме фигурного кремня. Не преувеличивая, можно сказать, что открыт еще один крупный центр распространения фигурного кремня на Северо-Западе европейской части России. Памятники с ямочной неолитической и пористой керамикой в регионе слабо исследованы, поэтому находки новых стоянок с фигурным кремнем – дело времени. Набор прототипов изображений достаточно велик, в коллекции представлены антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, солярно-лунарные и др. фигурки. В отличие от материалов волго-окских волосовских сто-

янок в нашем случае антропоморфная скульптура достаточного развития не получила. В символических изображениях наблюдаются черты, характерные только для данных памятников. Отличительной особенностью изображений со стоянок бассейна р. Сухоны является большое число лунниц, аналоги которым в основном находятся на стоянках Среднего Поволжья. Нужно отметить большое количество изображений змей, что не характерно для других центров фигурного кремня. Выделена дополнительная, третья, группа по способу обработки скульптурок. Фигурки с Сухоны крупнее, массивнее, чем скульптурки с волосовских памятников. В хронологическом отношении место фигурок со стоянок Сухоны определяется временем неолита – энеолита территории Восточного Прионежья и Сухоны – IV - III тыс. до н.э. В «культурном» – они связаны с каргопольской культурой с ямочной керамикой и с культурой с пористой керамикой типа Модлона II.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замiatин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптурки в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № X. 1948.
2. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
3. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
4. Куратов А.А., Мартынов А.Я., Михайловский Ф.А. Древние памятники Беломорья // АО – 1974. М., 1975.
5. Панкрушева Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л., 1978.
6. Бузов Г.М. Древний Синдор. М., 1967.
7. Шевелев В.В. Кремневые фигурки из Каргополя // СА. 1990. №3.
8. Табарев А.В. Кремневая пластика и проблемы декоративного освоения пород и минералов в каменном веке // VI Арсеньевские чтения: Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992.
9. Студзицкая С.В. Изображения человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Тр. ГИМ. Вып. 60. 1985.
10. Жульиков А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднелиолитических поселений Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993.
11. Уткин А. В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
12. Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
13. Столяр А.Д. О научном предвидении в археологии // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
14. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
15. Иванничева М.В. Работы в бассейне р. Сухоны // АО – 1993. М., 1994.
16. Иванничева М.В. Работы в бассейне р. Сухоны // АО – 1995. М., 1996.
17. Никитинский И.Ф. Отчет о работе ВАЭ в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
18. Никитинский И.Ф. Отчет о работе ВАЭ в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
19. Никитинский И.Ф. Отчет о работе ВАЭ в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
20. Никитинский И.Ф. Отчет о работе ВАЭ в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
21. Патрушев В.С. Отчет об исследовании поселения Века I в Вологодской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
22. Недомолкина Н.Г. Кремневые фигурки бассейна р. Сухоны // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы симпозиума. 1991. Псков, 1992.
23. Васильев С.Ю., Шемякин А.Ю. Археологические исследования на южном и восточном берегах Кубенского озера // История и культура Вологодского края: III краеведческая научно-практическая конференция. Вологда, 23-24 мая 1990 г.: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1990.
24. Суворов А.В. Археологические разведки на Кубенском озере // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
25. Суворов А.В. Отчет о полевых исследованиях в Усть-Кубинском районе Вологодской области в 1993 году // Архив ИА РАН. Р-1.
26. Папин И.В. Отчет о работе в Усть-Кубинском районе Вологодской области в 1992 году // Архив ИА РАН. Р-1.
27. Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Тр. ГИМ. Вып. 85. 1994.
28. Гурина Н.Н. Неолит лесной зоны. Ч. 2. Гл. 1. Нарвская культура // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
29. Токарев С.А. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита // СА. 1961. №2.
30. Зимина М.П. Мстинская культура // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
31. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» 1 (Ботово I) на озере Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
32. Никитин В.В. Кремневая скульптура и мелкая глиняная пластика неолитических племен лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново, 1994.
33. Ошибкина С.В. Каргопольская культура // Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
34. Археология СССР. Палеолит. М., 1984.
35. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
36. Васильев С.Ю. Отчет об археологических исследованиях в Вологодской области в 1989 году. Приложение // Архив ИА РАН. Р-1. № 14257.
37. Окладников А.П. Звери и знаки Ярминского Порога // Звери в камне. Новосибирск, 1980.

*Вологодский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник,
Вологда*

N.G. Nedomolkina

FLINT FIGURINES OF THE SUKHONA BASIN

Summary

The article describes new collection of flint figurines found in 1980-1990s on the sites in the Sukhona basin and Lake Kubenskoye, which is a source for the Sukhona River. The author gives a brief account of the figurines and suggests a classification for the sculptures, the prototypes of which were animals: a bear, an elk, a lynx, a marten, an otter, a dog, as well as reptiles and birds. The author also analyses anthropomorphous and symbolic flint figurines.

The author considers the Sukhona basin to be another largest centre of making flint figurines found in the northern part of European Russia.

The finds from the collection can be dated to the Late Neolithic – Eneolithic (the Bronze Age?), i.e. to the late 4th – 3rd millenium BC and connected with the Kargopol culture and the culture of the Modlona type.

*Vologda State Historical, Architectural
and Art Museum-Preservation
15, S.Orlova St.,
Vologda, 160035, Russia*

С.В. Ошибкина

КРЕМНЕВАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ ДЖАНБАС 12 В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Мелкую кремневую скульптуру, а именно антропоморфные, зооморфные и символические фигуры, традиционно считают малыми формами искусства, хотя их значение неизвестно. Они могли быть ритуальными предметами или игрушками, например. За прошедшее после публикации сводки этих изделий С.Н. Замятинным [1] время их число значительно увеличилось. Можно говорить о концентрации кремневой скульптуры в памятниках неолита–энеолита Русской равнины, а еще точнее – в Волго-Окском междуречье [2-5 и др.]

Отдельные скульптурные изображения из кремня известны среди древностей неолитического времени Восточной Сибири [6, рис. 92: 17, 18], Камчатки [1] в России, а также в других странах.

В отношении территориального распространения кремневой скульптуры представляет интерес фигурка со стоянки Джанбас 12 в Средней Азии¹. Стоянка находится в южной части древней дельты Аму-Дарьи и входит в группу неолитических поселений кельтеминарской культурной общности в Акчадарьинской дельте. Они занимают район, ограниченный р. Аму-Дарьей на западе, коренными песками на востоке, хребтом Султануиздаг на севере, простирающийся на юг до г. Туркуль [7, с. 98]. Группа неолитических стоянок расположена у подножия возвышенности Джанбас. Чаше всего их культурные слои разрушены.

Джанбас 12 находится вблизи знаменитой стоянки Толстова, которую считают эталоном пустынных неолитических памятников, рядом с Джанбас 4 и др. (рис. 1: Б, В).

В Джанбас 12 сборы подъемного материала проводились в 1939, 1940, 1945 гг. и позднее. По керамике и кремневому инвентарю стоянку относят к позднему периоду кельтеминара, который датируют кон. V – 1-й пол. IV тыс. до н. э. [8, с. 12, 55-57; 9, с. 132]. Есть предположение, что вся группа кельтеминарских стоянок Акчадарьинской дельты может быть более ранней и по аналогии с Джебелом (слой IV) и поздним этапом Джейтуна датироваться V тыс. до н. э. или даже руб. VI-V тыс. до н. э. [7, с. 10]. Таким образом, стоянка Джанбас 12 и найденный здесь фигурный кремнь имеют более древний возраст, чем подобные изделия в лесной зоне и на севере Европейской России.

В IV-III тыс. до н. э. дельта Аму-Дарьи и прилегающие территории были хорошо обводнены рекой и протоками, имели заболоченные

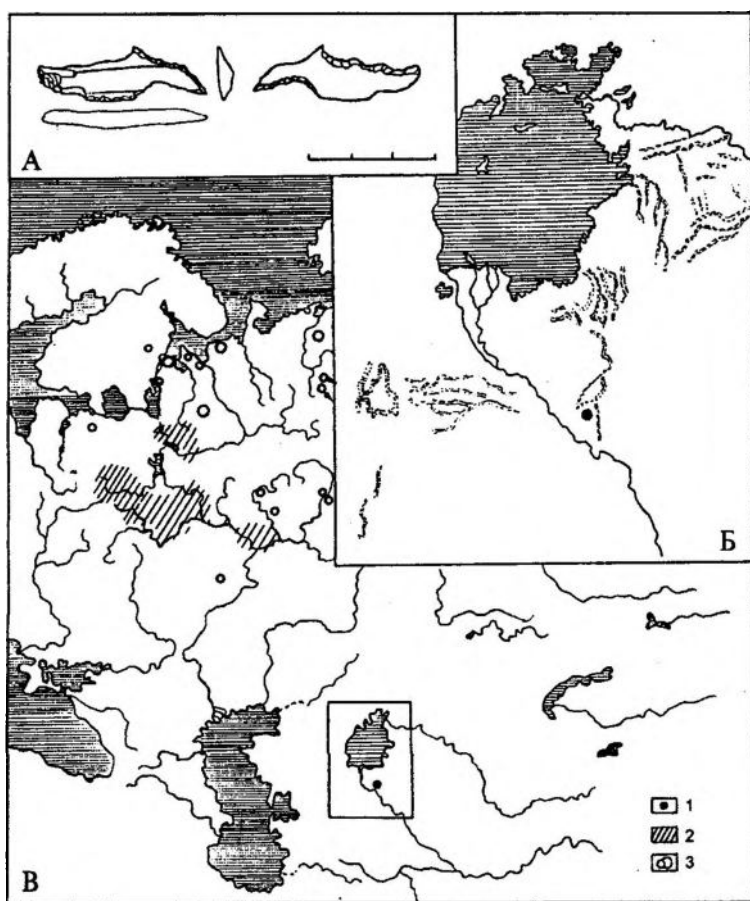

Рис. 1. Кремневая скульптура из Джанбас 12.

А - прорисовка фигурки;

Б - расположение стоянки Джанбас 12;

В - распространение фигурного кремня;

1 - стоянка Джанбас 12; 2 - основная зона находок;

3 - отдельные находки или группы находок

¹ Кремневая фигурка передана мне для публикации А.В. Виноградовым с развернутым комментарием, который приводится близко к тексту. Искренне благодарю А.В. Виноградова за возможность работать с уникальной в своем роде находкой.

участки, были покрыты тугайной растительностью. Об этом говорит и состав фауны, определение которой производилось для Джанбас 4, Дарбазакыр 1 и ряда других стоянок. Видовой состав следующий: бык-тур, бык, олень благородный, олень, косуля, верблюд двугорбый, верблюд, лошадь (?), кулан, сайга, коза-овца, джейран, безоаровый козел, степной баран, кабан, заяц, лисица, хорек, барсук, собака, черепаха. Совершенно отсутствуют domesticированные животные, кроме собаки. Среди птиц — кряква, нырок, чирок, гоголь, баклан, поганка и др. — все водоплавающие. Дикая фауна состоит из животных, обитающих в тугайных лесах, а также характерных для пустынь и предгорий.

Обычно трудно определить, кого именно изображает кремневая фигурка. Отчасти это связано с непластичностью сырья и заданностью формы заготовки после первичного раскалывания. Несомненно также, что изображения следуют каким-то сюжетам, возможно, мифологическим или сказочным, поэтому не приходится ожидать близкого сходства с натурой.

Фигурка из Джанбас 12 (рис. 1: А) могла бы напоминать мелкого пушного зверя из тех, что присутствуют в перечне дикой фауны, например, хоря или лисицу. Однако на тупом конце изделия, похожем на голову, мастер оставил без подработки ударный бугорок внутри, а со стороны спинки — часть площадки нуклеуса и участок технических сколов. Специально тупой конец не обрабатывался, только на отрезке есть круглая вентральная ретушь. Зато острый конец обработан особенно тщательно, что позволяет видеть здесь голову фигуры. Выделено углубление между “лбом” и “клювом”, а сам “клюв” завершен длинным сколом. Очевидно, изображена водоплавающая птица, одна из представленных в окружающей памятник и обводненной в то время среде. На спине фигурки выделен острый выступ, обработанный особенно аккуратно, с характерным наклоном к спине. Выступ можно было бы принять за приспособление для подвешивания, как, например, у фигурки птицы из Модлоны [10, рис. 58], но он слишком мал и расположен на “шее”, что привело бы к асимметричности скульптурки при подвешивании и, соответственно, неадекватному ее восприятию. Вероятнее, что выступ имел «декоративное» значение и должен был подчеркнуть видовые особенности натуры. Среди существовавших в то время в данном регионе водоплавающих птиц только поганка имеет хохолок, и может быть именно ее хотел представить древний мастер.

Поганка (*Podicipediformes*) относится к отряду водных птиц, перелетных, распространявшихся от северных морей до южных. Она тяготеет к пресным водоемам, часто гнездится у озер. Особенность вида — непригодное в пищу мясо, отчего и происходит название. Вероятно, в неолите, как и теперь, на поганку охотились из-за ее шелковистого и теплого пера, называемого “птичьим мехом” [11]. Промышленное значение поганки невелико, но при этом она является частым персонажем в мифах народов Северной Евразии [12]. Если рассматриваемая кремневая фигурка изображает не поганку, а представляет собирательный образ водоплавающей птицы, все равно это — скорее мифологический сюжет, воплощенный в кремневой скульптуре.

Распространение кремневой скульптуры естественным образом связано с наличием сырья. Там, где нет кремня, мелкая пластика выполнена из других материалов — кости, глины, янтаря. С другой стороны, прямой зависимости от сырья нет, и поэтому в районах с богатыми выходами кремня нередко полностью отсутствуют кремневые фигурки (рис. 1: В). Очевидно, что традиционное изготовление кремневых фигурок характерно для одних групп населения и не знакомо другим. Представляет интерес и замечание С.Н. Замятнина [1], который полагал, что в религиозной практике народов, уже применявших металл, особую роль долго играл кремь как пережиток древних верований. Сам кремь приобрел и долго сохранял сакральное значение.

Существует мнение, что мелкая пластика, и в том числе кремневая скульптура, может использоваться при выявлении этнических процессов в древности [13], что вероятно только при определенных условиях. Конкретно кремневую пластику, и особенно антропоморфную, связывают исключительно с волосовской культурой [14, с. 108; 13; 5]. С этим трудно согласиться, если исходить из широкого распространения кремневых фигурок — до Средней Азии, Заполярья и Камчатки (в пределах б. СССР) и далее.

Как уже сказано, выделяются антропоморфные, зооморфные, символические и неопределимые фигурки. Зооморфные отражают прежде всего окружающее человека сообщество животных, просто наблюдаемых или промысловых, обитающих в той же экологической нише. В лесной зоне это водоплавающие и лесные птицы, в том числе хищные; бобры, мелкие пушные звери, медведь. У побережий Ледовитого океана охотники видели и изображали тундровых и морских обитателей. Так, в Зимней Золотице на Зимнем берегу Белого моря найдены фигурки медведя, оленя (лося), песца (медведя), тюленя, моржа [10, рис. 82-84]. По собранной здесь керамике и каменным изделиям Зимнюю Золотицу можно отнести к энеолиту—бронзе, культурная принадлежность памятника остается неясной, тем более, что стоянок здесь могло быть несколько. К волосовской культуре их причислить невозможно, как, впрочем, и многие другие поселения или случайные находки зооморфных фигурок.

Антропоморфные фигурки найдены и на стоянках, и в погребениях, в т.ч. и волосовской культуры. Но примерно в это же время и на той же территории идет распространение серии янтарных изделий, обычно также связываемое с волосовскими племенами, хотя находки янтаря далеко выходят за границы их существования. Нельзя исключать, что эти явления на самом деле фиксируют в широком смысле развитие в конце неолита (когда достигает расцвета волосовская культура) обменных отношений у соседствующих племен, относящихся к разным культурам.

На стоянках волосовской культуры встречаются антропоморфные фигурки, выполненные в своеобразной манере. Они сделаны из тонких отщепов, ретушированы по периметру, имеют укороченные пропорции, короткие руки-треугольники и ноги, выделенные параболической выемкой (кстати говоря, последняя деталь характерна и для антропоморфных фигурок из сборов в Тарьинской бухте на Камчатке).

Иначе выполнены фигурки из северных неолитических стоянок. Они из массивных отщепов, ретушь сплошная с двух сторон, туловище узкое, изображена маленькая круглая голова, хорошо проработаны конечности, пропорции удлиненные, поза динамичная [10, рис. 64-66]. В этом районе, как и в Карелии, где фигурка, похожая на антропоморфную, найдена на стоянке Первомайской I на восточном берегу Онежского озера, волосовской культуры нет, и ее влияние в массовом материале не прослеживается [15, с. 59].

В свое время С.Н. Замятнин связал кремневую скульптуру с петроглифами Онежского озера [1] и отнес их к неолиту. Можно согласиться с наблюдением А.А. Формозова о том, что картографирование кремневых фигурок указывает на их распространение в пределах неолитической общности культур с ямочно-гребенчатой керамикой [16, с. 103]. К этому следует только добавить, что возникшая в неолите практика изготовления кремневых фигурок получила продолжение и достигла расцвета в энеолите, причем в сходных и стилистически выдержанных формах, по крайней мере в отношении антропоморфных изделий.

Скульптурки животных, в том числе и фигурка из Джанбас 12, являются отражением восприятия их создателями окружающего мира и, вероятно, своеобразной материализацией мифологических сюжетов, тесно связанных с ним. Нельзя совершенно не учитывать и эстетическое значение кремневой скульптуры, поскольку любознательное отношение к минералам, разнообразным кристаллам и золитам могло возникнуть в сообществах древних людей довольно рано, о чем можно судить хотя бы по находкам "чуринг". Декоративное применение камня с частичной его доработкой предлагается даже выделить как палеоглиптику, имея в виду древнее искусство резьбы по камню [17, с. 207], хотя это и не совсем соответствует приемам обработки камня в индустриях каменного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № X. 1948.
2. Крайнов Д.А. Русская равнина. Центр // Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
3. Зимица М.П. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. Вып. 16. М., 1993.
4. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» I (Ботово I) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
5. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
6. Хлобыстин Л.П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Археологии СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
7. Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
8. Виноградов А.В. Новые материалы для изучения кельтско-минерской культуры // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6. М., 1963.
9. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.
10. Ошибкина С.В. Север Восточной Европы // Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
11. Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 20. М., 1975.
12. Напольских В.В. Народы уральской языковой семьи // Материалы к серии "Народы Советского Союза". Вып. 5. М., 1990.
13. Студзицкая С.В. Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения Севера европейской части СССР // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
14. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
15. Жульников А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из поздне-неолитических поселений Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск, 1993.
16. Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР. М., 1959.
17. Табарев А.В. Кремневая пластика и проблемы декоративного освоения пород и минералов в каменном веке // VI Арсеневские чтения: Тезисы докладов региональной научной конференции по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992.

*Институт археологии РАН,
Москва*

S.V. Oshibkina

THE FLINT SCULPTURE FROM DZHANBAS 12 IN MIDDLE ASIA

Summary

Flint sculpture is usually considered as an independent type of arts of the Stone Age population, without its comparison with sculpture made of other materials but based on the same topics. The idea that flint figurines belong only to the Volosovo Eneolithic culture, has gained a strong foothold and sometimes they are defined as objects with ethnocultural content. But flint figurines are known from the Valdai to the Urals, all along the coasts of the Arctic Ocean, in Siberia, on Kamchatka and in America. The published figure of wildfowl from Dzhambas 12 in Middle Asia shows that flint sculptures had been present in desert zones too. The topics of the Neolithic arts including fine plastics corresponded to the environment people watched and reflected their totemic idea or mythology. As for Dzhambas 12 it is established that in the Neolithic (the 5th-4th millennia BC) the now deserted areas were watered and covered with tugaï vegetation and inhabited by related fauna including wildfowl. In particular the remains of Poganka (*Podicepsiformes*) which was paid special attention to, on a par with swan by some peoples, were found there. Judging by the spreading of flint figurines on the Russian Plain, it could be made by the Neolithic and the Eneolithic population; younger examples are met also. It most likely reflects the relation of ancient population to flint as a sacred stone, especially to artifacts of this material, which was noticed by S.N.Zamyatin back in 1948.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

А.В. Уткин, Е.Л. Костылева

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ САХТЫШСКИХ СТОЯНОК

Костяные и роговые изделия встречаются далеко не на каждой стоянке каменного века лесной зоны Восточной Европы, а там, где они есть, орнамент имеют сравнительно немногие¹. Не являются исключением и многослойные поселения Сахтышского микрорегиона², где из десяти исследованных стоянок лишь на трех (Сахтыш I, II и IIIa) найдено около 80 вещей с декором (табл.)³, тогда как общее количество поделок из кости, собранных в процессе многолетних раскопок, исчисляется несколькими тысячами. Эта относительно небольшая коллекция, вместе с тем, представляет собой достаточно уникальное явление на фоне полного отсутствия или единичных находок орнаментированной кости на большинстве неолитических памятников. Часть сахтышских костяных изделий с наиболее впечатляющими рисунками (17 экз.) уже публиковалась в различных изданиях. Однако эти публикации носят в основном информационный характер, развернутые и детальные интерпретации находок в них отсутствуют [3, рис. 12: 8; 4, рис. 6: 7, 21, 24; 9: 20; 5, рис. 1: 3, 6; 6, рис. 6: 28, 29; 7, рис. 105: 1, 2; 106, 107, 109: 1; 121: 1, 2; 140, 141, 142; 8, рис. 5; 9, рис. 2: 1, 2].

Задачей данной статьи является рассмотрение всего комплекса костяных орнаментированных изделий Сахтышских стоянок с целью их систематизации и определения культурно-хронологической принадлежности. Последнее представляет определенные сложности, т.к. исследованные поселения имеют взаимопроникающие слои, четкое стратиграфическое членение которых устанавливается лишь в редких случаях, на отдельных участках вскрытых площадей. В целом же «культурная» стратиграфия этих памятников отражает всю «свиту» древностей эпохи первобытности, типичных для территории Волго-Клязьминского междуречья, начиная с раннего неолита и до раннежелезного века, за исключением протоволосовского горизонта. Кроме того, на стоянках Сахтыш II и IIIa в верхневолжских слоях встречаются вещи, имеющие явно позднемезолитический облик.

Представленный на костяных изделиях орнамент можно разделить на три типа: 1) функционально-технологический, или производственный, 2) семантический и 3) декоративный.

Орнамент первого типа считать таковым можно лишь условно. Он является результатом изготовления или использования вещи, а также наносился для увеличения эффективности действия орудия. К нему относятся: а – перекрещивающиеся линии, напоминающие ромбическую решетку на фронтальных гранях гарпунов под зубцами, что обусловлено особой техникой вырезания последних (рис. 1: 6, 7); б – нарезки на проколках, нанесенные для удобства наматывания нити (рис. 1: 12); в – кольцевые или полукольцевые протертости на разбивниках, игольниках, проколках, относящихся, в основном, к льяловской культуре (рис. 1: 13); г – параллельные нарезки и насечки на рукоятях и насадах орудий (рис. 1: 5, 10, 18, 19; 2: 4, 7); д – насечки на лезвиях кинжалов, по периметру наконечников стрел и на зубцах гарпунов (рис. 2: 5-13, 15, 17).

Второй тип орнамента – семантический – несет определенную смысловую нагрузку. Он может быть информационным (например, отражать родоплеменную, календарную или какую-то иную символику) или магическим (в частности, выполнять охранительную функцию). Этот орнамент является, как правило, сложным по своим композициям и в целом по исполнению.

Третий тип – декоративный орнамент – возник, видимо, на основе семантического, когда смысл многих символических знаков был уже забыт, но традиция украшать некоторые категории вещей еще продолжала сохраняться.

В эпоху неолита преобладал, скорее всего, семантический орнамент, хотя провести четкую грань между ним и декоративным на основе имеющихся данных невозможно.

¹ Так, из раскопок С.В.Опичкиной мезолитической стоянки Веретье I происходит 1450 костяных изделий, из них лишь около 50 экз. имеют орнамент, т.е. всего 3,5% [1, с. 99, 128]. По подсчетам В.М.Лозовского, на стоянке Замостье II, давшей одну из богатейших коллекций орнаментированных изделий, среди орудий из кости – с орнаментом только около 5% [2, с. 42].

² Памятники находятся в Тейковском районе Ивановской области при истоке из оз. Сахтыш р. Койки. В статье представлены материалы из раскопок стоянок Сахтыш I, II и IIIa, исследовавшихся в 1960-1990-х гг. Д.А.Крайновым, О.С.Гадзянкой и авторами настоящей публикации.

³ В статистику не вошли многочисленные разбивники с кольцевыми протертостями и другие орудия с технологическим «орнаментом».

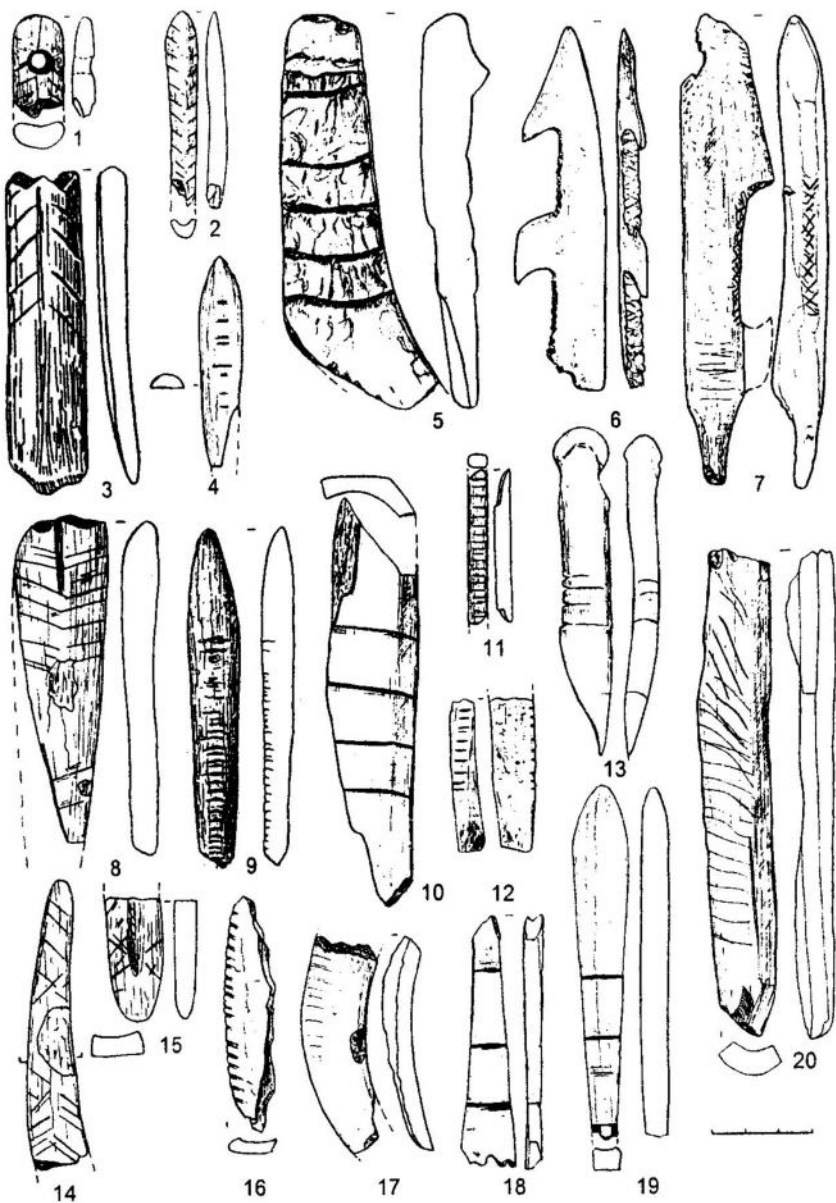

Рис. 1. Орнаментированные костяные и роговые изделия:
 1,7-9,11,14,19 - Сахтыш ПА; 2, 3,5,10,12,18,20 - Сахтыш I;
 4,6,13,15-17 - Сахтыш II

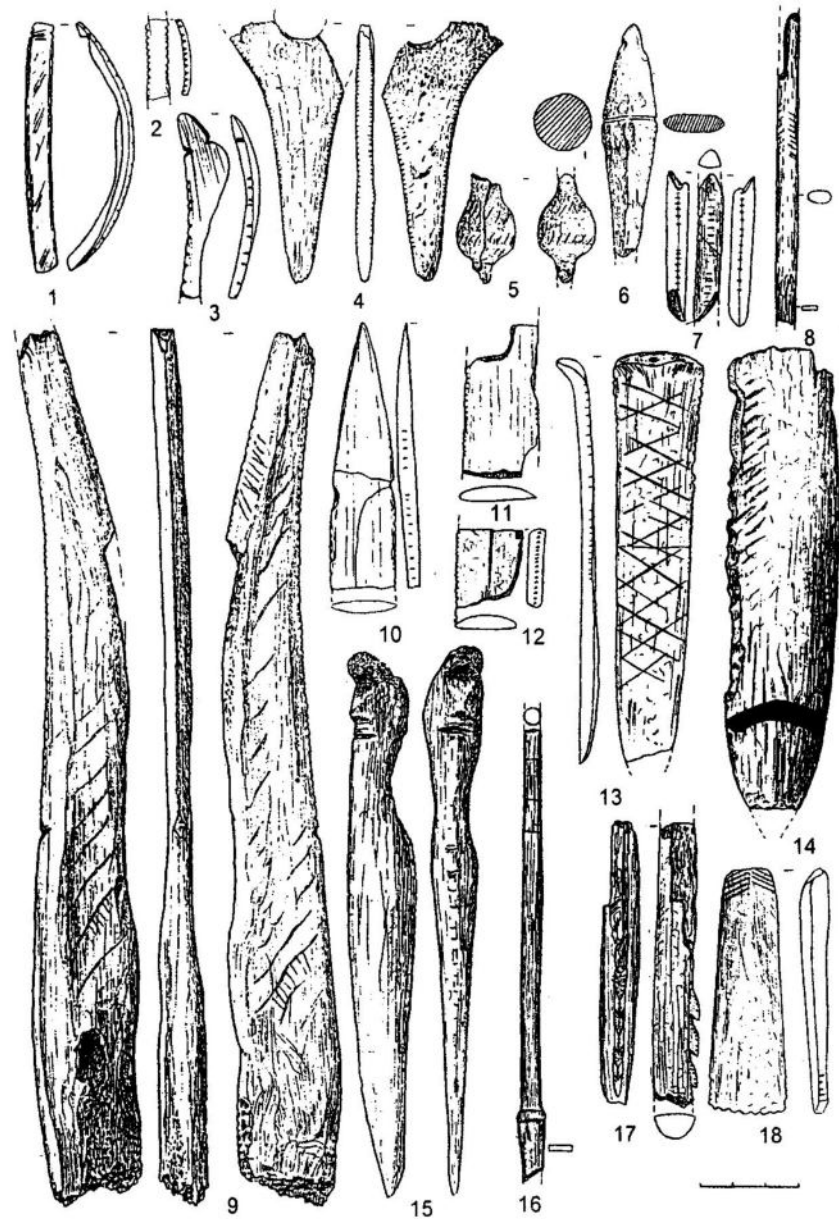

Рис. 2. Орнаментированные костяные и роговые изделия:
 1,5,8,9-16 - Сахтыш ПА; 2, 3 - Сахтыш I; 4, 6,7,17,18 - Сахтыш II

Основная техника нанесения орнамента состояла из глубокой резьбы, прочерчивания и процарапывания, а основные элементы – из прямых и наклонных нарезок различной длины, в том числе фигурных (“птичья лапка”), насечек по граням и поверхностям, окружностей, округлых углублений. Мотивы представляют собой горизонтальный одно- и многорядный зигзаг, “лесенку”, ромбическую решетку из пересекающихся линий, вписанные ромбы, взаимопроникающие треугольники, вертикальную линию с примыкающими к ним наклонными или угловыми насечками. Композиции рисунков глубоко индивидуальны, прослеживаются только на отдельных, более-менее полно сохранившихся вещах.

На основании стратиграфии и визуальных наблюдений орнаментированные изделия распадаются на два хронологических пласта. Большинство артефактов было обнаружено в нижних слоях, относящихся к верхневолжской и льяловской культурам. Причем, точно определить, какие вещи принадлежат к какому конкретно культурному комплексу, порой бывает очень сложно, поэтому приходится датировать их суммарно льяловско-верхневолжским временем. Меньшая часть поделок достаточно определенно атрибутируется как волосовская. Они встречены в верхних горизонтах слоя, на территории ритуальных площадок и в составе кладов (Сахтыш II).

Орнаментированные костяные изделия льяловско-верхневолжского времени

Костяные и роговые изделия с декором этого времени по характеру орнаментации мы делим с определенной долей условности на семь групп. К первой относим те вещи, у которых фиксируются только неглубокие ритмичные насечки (нарезки, пропилы) на боковых краях. Они отмечены на предметах различного функционального назначения. Насечками украшено несколько подвесок из резцов бобра и клыка кабана (рис. 2: 1-3). Присутствуют они на орудиях охоты и рыболовства – на зубцах гарпуна (рис. 2: 17), на уплощенно-биконическом наконечнике стрелы (рис. 2: 6) и на осколке трехгранного игловидного наконечника (рис. 2: 7). Ими декорированы по периметру грани плоской роговой “мотыги” со сверлиной в центре (рис. 2: 4), спинка и лезвие короткого кинжала с фигурным навершием на рукояти (рис. 2: 15) и, наконец, боковые края нескольких обломков, по-видимому, от клинков кинжалов или наконечников копий (рис. 2: 10-12).

Из всех рассмотренных вещей для трех находок типологически устанавливается культурная принадлежность: обломок мелкозубчатого гарпуна (рис. 2: 17) – верхневолжский (аналоги ему известны со стоянок Ивановское VII, Берендеево V, Окаемово XVIII [10, рис.: 3-6, 9; 11, рис. 12: 9; 12, рис. 5: 6]), а “мотыга” и биконический наконечник стрелы (рис. 2: 4, 6) – льяловские. Достоверно льяловским является также кинжал с фигурной рукоятью (рис. 2: 15) – он найден в раннеल्याловском захоронении № 22.

О том, что поперечные нарезки были особенно популярны на изделиях льяловской и синхронных ей культур с ямочно-гребенчатой керамикой, свидетельствуют серийные находки сланцевых “мотыг” с пропилами на острых гранях [13-17] и изделия из кости с других памятников, в частности, скульптурное изображение головы лебеда из второй кубенинской могилы [18, табл. I: 1] и фрагмент острия (кинжала?) из четвертого погребения на могильнике Мыс Бревенный [19, табл. 32: 10].

Во вторую группу орнаментированных изделий мы выделили находки, имеющие насечки на поверхности. Они сравнительно немногочисленны: обломок биконического наконечника стрелы с массивной боевой частью, украшенной слабо заметными короткими нарезками по окружности в три ряда (рис. 2: 5); фрагменты игловидных наконечников стрел с подтесанными насадами и орнаментом; в одном случае – в виде насечек под углом друг к другу (рис. 2: 8), в другом – в виде полукольцевых параллельных нарезок (рис. 2: 16); симметричное острие, обломанное с рабочего конца, с неглубокой гравировкой из параллельных косых насечек вдоль края (рис. 2: 14); штамп с угловыми нарезками в верхней части (рис. 2: 18). Типологически все эти вещи относятся к льяловской культуре.

Третья группа представлена находками, на которых сочетаются два вида орнамента – насечки по боковым краям и нарезки на плоскостях. Их всего две. Почти целый кинжал, найденный в пойме р. Койки, в шлейфе культурного слоя Сахтыша IIА, содержащего только позднюю верхневолжскую и классическую льяловскую керамику, имеет процарапанный на обеих сторонах рисунок в виде наклонных параллельных линий по всей длине лезвия, а в нижней части их замыкают “лесенки” (рис. 2: 9), аналогичные орнаментальным мотивам на мезолитических изделиях из кости со стоянок Сухое и Замостье II [1, рис. 18: 1; 2, рис. 3: 6, 5: 4]. Вторая находка – по-видимому, ритуальный нож – украшена по одной плоскости ромбической решеткой из прорезанных линий (рис. 2: 13). Этот мотив – один из наиболее распространенных на костяных изделиях мезолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы [1, рис. 92: 2; 102: 2; 108; 113; 2, рис. 5: 13; 7, рис. 13; 15: 2; 20, 38, 121: 2; 137, 140: 2; 156; 20, 4: 7, 10; 5. att.; 21, 43. att.; 22, табл. LII: 4; 23, XIV: 17. tabl.].

В четвертую группу орнаментированных орудий нами отнесены узкие, плоскоовальные в сечении наконечники копий с обоюдоострыми концами, интерпретируемые в литературе еще как кинжалы. Все они встречены в обломках (около полутора десятков), но хорошо узнаются по специфической форме и однотипному рисунку: параллельно краям изделий идут глубоко прорезанные линии, к которым примыкают наклонные или угловые насечки (рис. 3). Иногда продольные линии вдоль края отсутствуют, но обязательны наклонные насечки (рис. 3: 2) или вертикальные зигзаги (рис. 3: 14, 15). Подавляющее большинство обломков найдено в льяловском и льяловско-верхневолжском слоях. Особый интерес представляют условия нахождения двух фрагментов наконечника, изображенного на рис. 4: 8, – нижняя часть его была обнаружена на глубине 50-60 см от современной поверхности, а верхняя – в 10 м на отметке 90-100 см.

Тожественный орнамент известен на единственно целом наконечнике подобного типа со стоянки Ивановское VII [7, рис. 51: 1]. Д. А. Крайнов, публикуя эту находку, отнес ее к мезолиту, что вряд ли правомерно, т.к. орудие поднято на разрушенном торфоразработками участке памятника.

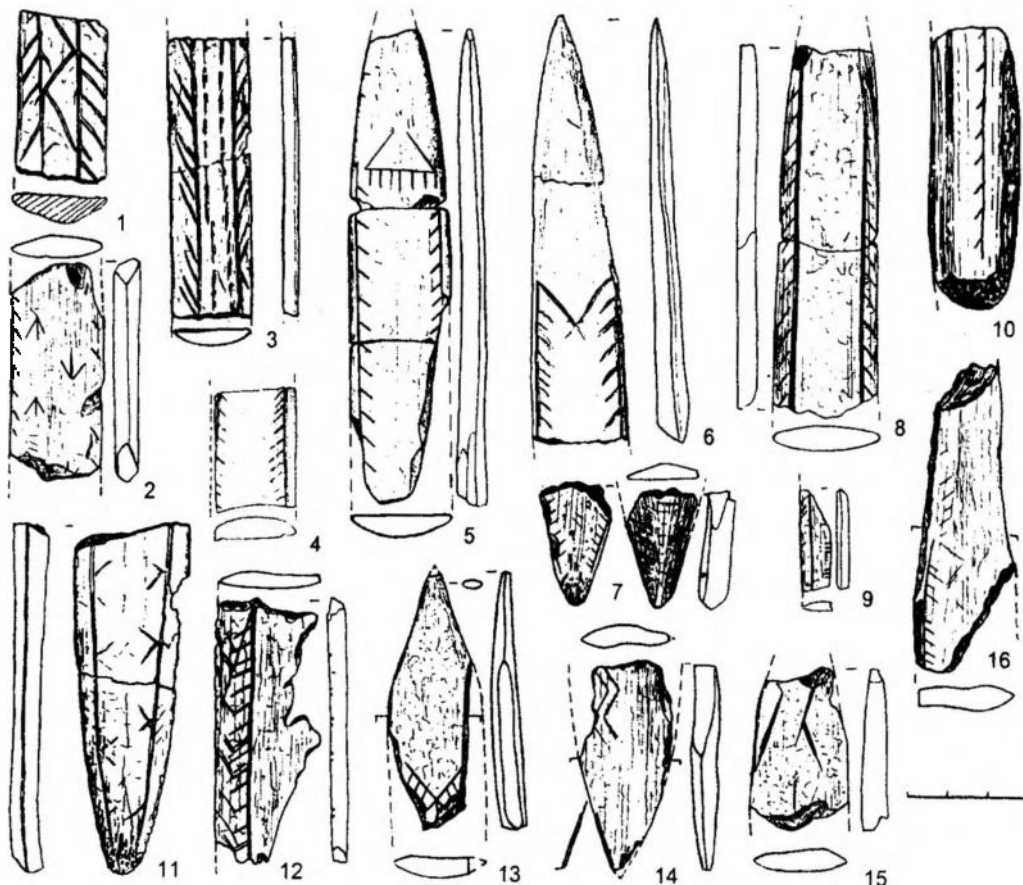

Рис. 3. Орнаментированные костяные и роговые изделия:
1,3,4,7,11,13,15,16 - Сахтыш ПА; 2,5,6,9,10,12 - Сахтыш II; 14 - Сахтыш I

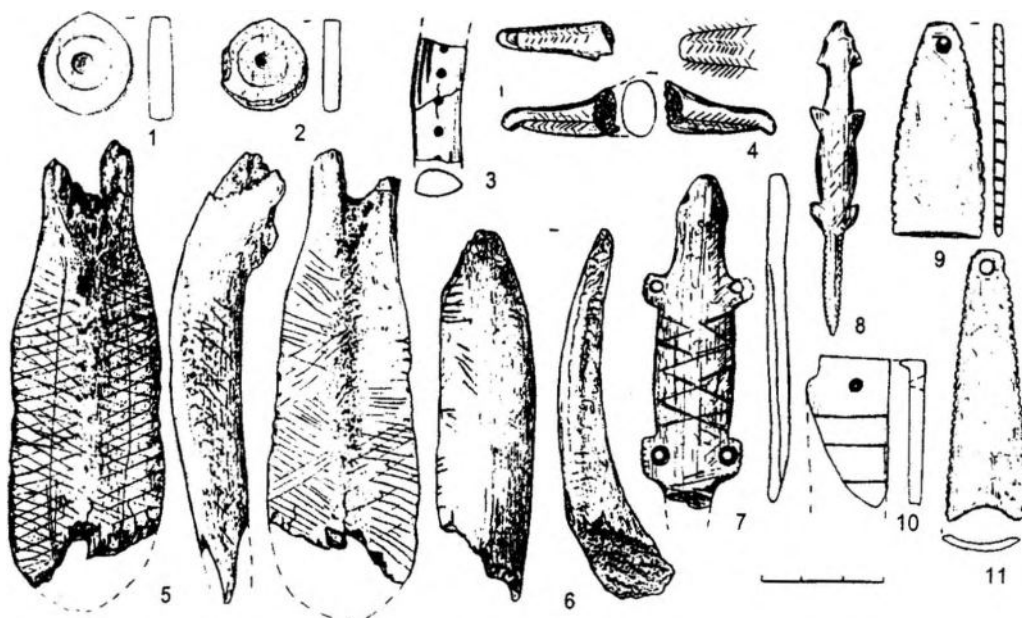

Рис. 4. Орнаментированные костяные и роговые изделия:
1-3,11 - Сахтыш ПА; 4-6,9,10 - Сахтыш II; 7,8 - Сахтыш I

Рис. 5. Орнаментированные костяные и роговые изделия:
 1-3,6,7,12 - Сахтыш I; 4,5,8,9 - Сахтыш II; 10,11,13-15 - Сахтыш III

Аналогичной гравировкой украшены края обушка у кривого ножа со стоянки Берендеево VIII, хранящегося в депаспортизированной коллекции А.М.Бакаева [24, рис. 2: 8].

Пятая группа представлена тремя обломками артефактов, функциональное назначение которых непонятно. Они трехгранные в поперечном разрезе, все поверхности тщательно зашлифованы (рис. 5: 2-4). Первое из них богато орнаментировано по двум внешним граням цепочкой вписанных ромбов и несет следы окраски алой охрой (рис. 5: 2). Оно найдено в жилище стоянки Сахтыш I во втором строительном горизонте, связанном с льяловской культурой. С первого же Сахтыша происходит и осколок предмета, у которого по центральному ребру идут группы коротких нарезок, отражающие, возможно, какую-то систему счета (рис. 5: 3). Исходя из глубины его залегания он также, скорее всего, льяловский. Третье изделие – с тонко прочерченным многорядным горизонтальным зигзагом по двум лицевым граням (рис. 5: 4) – обнаружено в нижнем горизонте Сахтыша II и может быть отнесено как к льяловской культуре, так и к верхневолжской.

Шестая группа – фрагменты изделий из расколотых трубчатых костей. Это очень изящные, тонкие, тщательно обработанные с обеих сторон предметы неясных формы и назначения (рис. 5: 1, 6-10, 14); на одном отмечены следы окраски (рис. 5: 9). Шесть из них четко фиксировались в льяловских слоях, в том числе в пределах жилища на первой Сахтышской стоянке, во втором строительном горизонте. Седьмой экземпляр, судя по публикации [3, с. 31], происходит из верхнего слоя Сахтыша I (рис. 5: 1). Орнаментальные композиции чрезвычайно разнообразны: “паркетная” (рис. 5: 1), вписанные ромбы (рис. 5: 6), многорядный горизонтальный зигзаг (рис. 5: 7, 8), блоки из различно скомпонованных коротких линий (рис. 5: 9, 10). При этом следует обратить внимание на особые элементы орнамента: на трех обломках — линии с выемками-ресничками (рис. 5: 1, 6, 10), что характерно для костяных изделий мезолита – раннего неолита стоянки Замостье II [2, рис. 5: 11]; на одном – мелкие каплевидные ступенчатые выемки (рис. 5: 8). Смысловую нагрузку этих орнаментальных узоров из-за их вычурности и сильной фрагментированности находок понять сложно. Можно лишь допустить, что в двух случаях декор отражает понятие десятичного счета — на рисунках четко читается ритм “5+5” (рис. 5: 9, 10).

В последнюю – седьмую – группу выделены один почти целый кинжал (рис. 5: 5), две рукояти (рис. 5: 12, 13) и пара обломков лезвий (рис. 5: 11, 15). Они украшены параллельными линиями (рис. 5: 11, 15), вписанными ромбами (рис. 5: 5), разнонаклонными нарезками, имитирующими обмотку (рис. 5: 12), взаимопроникающими треугольниками. Последний тип орнамента был широко распространен на ножах эпохи мезолита [1, рис. 94, 95, 104]. Условия местонахождения, сопутствующий материал позволяют датировать фрагмент рукояти из локтевой кости медведя (рис. 5: 13) ранненеолитическим временем. Прочие, скорее всего, – льяловские. Аналогичный сахтышскому (рис. 5: 5) по форме, технике исполнения и богатству орнамента кинжал обнаружен в льяловском слое стоянки Языково I [25, рис. 41: 19].

Орнаментированные костяные изделия волосовского времени

Рисунки на волосовских костяных и роговых изделиях встречаются значительно реже. Бедны они и по числу орнаментальных мотивов: боковые насечки (рис. 4: 8, 9, 11), параллельные линии (рис. 4: 6, 10), ромбическая решетка (рис. 4: 5, 7), взаимопроникающие треугольники (рис. 4: 5), нарезки под углом друг к другу (рис. 1: 1-3, 8, 14), циркульный и точечные углубления (рис. 4: 1-3). Два последних являются новыми. Они не известны на находках с Сахтышских стоянок льяловско-верхневолжского времени, хотя эпизодически встречаются на других памятниках. Так, точечными углублениями украшена костяная льяловская ложка со стоянки Берендеево I [26, с. 95]. Данный тип орнамента характерен для костяных изделий позднего мезолита и позднего неолита Восточной Прибалтики [21, att. 6; 23, XXVIII: 2, 4. tabl.]. Однако наиболее широко орнамент из округлых углублений был распространен на более южных территориях (Нижнее Подонье, Среднее Поволжье и др.) [27, рис. XXVIII: 9, 16; XXIX: 8, 10; 28, рис. 3: 13].

Найденные на Сахтыше IIА два округлых предмета с циркульным орнаментом являются игральными фишками. Аналоги им известны на стоянках Модлона и Водыш [19, табл. 50: 7; 29, л. 15, рис. 30].

Короткими косыми насечками, сгруппированными в строчки, украшен клюв птичьей головки (рис. 4: 4). Этот рисунок, как и циркульный на фишках, носит чисто декоративный характер.

Наиболее древние мотивы орнамента – ромбическая решетка и взаимопроникающие треугольники – имеют явно семантическое значение. Ромбы на обломке рукояти фаллического предмета (рис. 4: 5) и фигурке бобра (рис. 4: 7) могут рассматриваться как символы плодородия. Тожественный мотив присутствует и на голове лебеда, являющейся рукоятью скульптурной модели фаллоса, со стоянки Ивановское VII [9, рис. 1: 1]. Подобный тип орнамента был широко распространен в это же время в Восточной Прибалтике [21, att. 50; 22, табл. LI: 4, LII: 2-4].

* * *

Таким образом, основное количество орнаментированных костяных изделий Сахтышских стоянок связано с верхневолжской и льяловской культурами раннего и среднего неолита. Среди них выделяются целые серии однотипных поделок, имеющих устойчивые орнаментальные мотивы, значительная часть которых восходит еще к мезолитическому времени и широко представлена на памятниках лесной зоны Восточной Европы (ромбическая решетка, взаимопроникающие треугольники, горизонтальный зигзаг). Наивысшего расцвета орнаментация костяных изделий достигает в льяловское время, когда распространяется богатый декор в виде паркетного рисунка, вписанных ромбов, многорядного зигзага. Позднее, в волосовское время, орнаментация костяных изделий, видимо, теряет свое значение, обедняется. Акцент в художественном творчестве переносится на скульптуру – костяную и кремневую.

Таблица. Орнаментированная кость Сахтышских стоянок

№ п/п	№ рисунка в тексте	№ памятника	Год раскопок	№ раскопа и квадрата	Глубина (см)	Примечания
1	1:1	ПА	1988	I:16	20-30	в засыпке волосовского погребения № 5
2	1:2	I	1971	IIIa:40	40-50	
3	1:3	II	1963	?	?	[6, рис. 9: 20]
4	1:4	II	1984	II:1	40-50	
5	1:5	I	1973	IIIa:?	?	второй-третий строительные горизонты
6	1:6	II	1984	I:130	50-60	аналогичные находки известны с этой же стоянки: раскоп I 1984, кв.136а, гл.30-40 см и раскоп I 1986, кв.166, гл.50-60 см
7	1:7	ПА	1989	I:93	30-40	
8	1:8	ПА	1993	I:191	20-25	
9	1:9	ПА	1989	I:95	25-30	
10	1:10	I	1970	I:9	40-50	
11	1:11	ПА	1990	I:130	0-20	
12	1:12	I	1970	IIIa:6	50-60	
13	1:13	II	1984	?	?	аналогичные находки часто встречаются льяловских слоях
14	1:14	ПА	1993	I:169	25-30	
15	1:15	II	1982	I:118	40-50	
16	1:16	II	1984	I:4	20-30	
17	1:17	II	1979	I:30	50-60	
18	1:18	I	1973	?	?	
19	1:19	ПА	1988	I:17	20-30	
20	1:20	I	1970	I:13	60-70	
21	2:1	ПА	1991	I:158	35-40	
22	2:2	I	1972	III:47	90-100	аналогичные изделия встречены на Сахтыше II [4, рис. 8: 9, 10]
23	2:3	I	1973	?	?	
24	2:4	II	1986	I:163	70-80	
25	2:5	ПА	1989	I:63	30-40	
26	2:6	II	1986	I:155	100-110	
27	2:7	II	1979	I:4a	50-60	
28	2:8	ПА	1992	I:159	20-25	
29	2:9	ПА	1988	шурф	150	
30	2:10	ПА	1991	I:126	30-40	
31	2:11	ПА	1991	I:134	40-50	
32	2:12	ПА	1991	?	?	случайная находка
33	2:13	ПА	1993	I:190	30-35	
34	2:14	ПА	1992	I:162	40-50	
35	2:15	ПА	1989	I:		инвентарь льяловского погребения 22 [7, рис. 109: 1]
36	2:16	II	1987	I:180	100-110	аналогичный наконечник известен с этой же стоянки [4, рис. 2: 6]
37	2:17	II	1987	I:188	70-80	
38	2:18	II	1979	I:42	60-70	
39	3:1	I	1963	?	?	[3, рис. 12: 8]
40	3:2	I	1972	III:27	80	[5, рис. 1: 6]
41	3:3	I	1972	шурф	175	
42	3:4	II	1987	I:178	100-110	
43	3:5	II	1984	I:134	40-50	[7, рис. 106]
44	3:6	I	1973	?	?	второй строительный горизонт
45	3:7	I	1972	прирезка к траншее 1970 г.	117	[7, рис. 105: 2]

Таблица (продолжение). Орнаментированная кость Сахтышских стоянок

№ п/п	№ рисунка в тексте	№ памятника	Год раскопок	№ раскопа и квадрата	Глубина (см)	Примечания
46	3:8	II	1986	I:159	80-90	[7, рис. 107: 2]
47	3:9	II	1981	I:109, 116	80	[7, рис. 142]
48	3:10	IIA	1993	I:177	30-35	
49	3:11	IIA	1993	I:171	30-35	
50	3:12	I	1973	?	120-140	
51	3:13	IIA	1990	I:124	30-40	
52	3:14	IIA	1992	I:158	36	
53	3:15	IIA	1991	I:136	40-50	
54	4:1	IIA	1993	I:169	10-15	
55	4:2	II	1980	I:74	70-80	
56	4:3	IIA	1990	I:120	20	
57	4:4	IIA	1993	I:175	25-30	
58	4:5	II	1984	I:108	70-80	[7, рис. 141]
59	4:6	II	1986	I:161	80-90	[7, рис. 107: 1]
60	4:7	IIA	1994	I:196	50-60	
61	4:8	II	1987	I:188 I:134	90-100 50-60	верхняя часть нижняя часть
62	4:9	II	1986	I:159	70-80	
63	4:10	II	1978	I:8	60-70	
64	4:11	IIA	1991	I:132	40	
65	4:12	II	1984	I:139	80-90	
66	4:13	IIA	1989	I:67	20	
67	4:14	I	1973	?	?	
68	4:15	IIA	1989	I:91	30-40	
69	4:16	IIA	1993	I:176	25-30	
70	5:1	IIA	1993	I:186	15-20	
71	5:2	IIA	1993	I:175	15-20	
72	5:3	IIA	1991	I:125	40-50	
73	5:4	II	1982	I:123	0-20	
74	5:5	II	1984	II:6	40-50	волосовский клад № 4 [7, рис. 140: 2]
75	5:6	II	1984	II:6	40-50	волосовский клад № 4 [9, рис. 2:1]
76	5:7	I	1972	IIIa:54	40-50	[5, рис. 1: 3]
77	5:8	I	1972	?	?	случайная находка [7, рис. 121: 2]
78	5:9	II	1987	I:185	30-40	
79	5:10	II	1984	II:4	40-50	волосовский клад № 2
80	5:11	IIA	1989	I:95,97	30-40	инвентарь волосовского погребения 28
81	-	I	1973	IIIa:70	90-100	обломок кинжала из льяловского слоя с пазами по краям, орнаментирован с обеих сторон нарезками

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ошибкина С.В. Веретье I: Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
2. Лозовский В.М. Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья: По материалам стоянки Замостье II // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.
3. Гадляцкая О.С., Крайнов Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 100. 1965.
4. Гадляцкая О.С. Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. 1966.
5. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
6. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
7. Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.И. Искусство каменного века: Лесная полоса Восточной Европы. М., 1992.
8. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могилище и "святилище" на стоянке Сахтыш IIA // РА. 1994. № 2.

9. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Волосовские скульптурные модели фаллоса // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998.
10. Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Раннеэолитическая верхневолжская культура // СА. 1977. № 3.
11. Уткин А.В. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX // СА. 1985. № 1.
12. Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубнинского торфяника // Древности Залесского края. Сергеев Посад, 1997.
13. Сидоров В.В. Маслово Болото VII – поселение льяловской культуры // СА. 1986. № 4.
14. Уткин А.В. Многослойное поселение Сахтыш VII: Раскопки 1991 г. // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып.6. Иваново, 1992.
15. Репман А.Х. Орнаментированная мотыга // АО–1972. М., 1973.
16. Уткин А.В. Орнаментированная кирка с Ивановского болота // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.
17. Уткин А.В., Костылева Е.Л. Льяловские сверленные “мотыги” с Ивановского болота // В печати.
18. Фосс М.Е. Погребения на стоянке Кубенино // Сборник статей по археологии СССР. Тр.ГИМ. Вып. VIII. М., 1938.
19. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
20. Loze I. Seno ticejumu un tradiciju atspoguļojums akmens laikmeta maksla Austrumbaltija // Arheoloģija un etnogrāfija. IX. Rīga, 1970.
21. Loze I. Akmens laikmeta maksla Austrumbaltija. Rīga, 1983.
22. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
23. Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta karpuļausks. Rīga, 1987.
24. Уткин А.В. Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА. Вып. 177. 1984.
25. Сидоров В.В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Язьково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
26. Уткин А.В. Исследования на юге Ярославской области // АО–1981. М., 1983.
27. Белановская Т.Д. Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб., 1995.
28. Васильев И.Б., Матвеева Т.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1972. № 4.
29. Гаврилова И.В. Отчет о работе Костромского отряда в 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5518а.

*Научно-производственный центр
по охране памятников Комитета по культуре
и искусству администрации Ивановской области
Ивановской государственной университет,
Иваново*

A.V. Utkin, E.L. Kostyleva

ORNAMENTED BONE ARTIFACTS FROM THE SAKHTYSH SITES

Summary

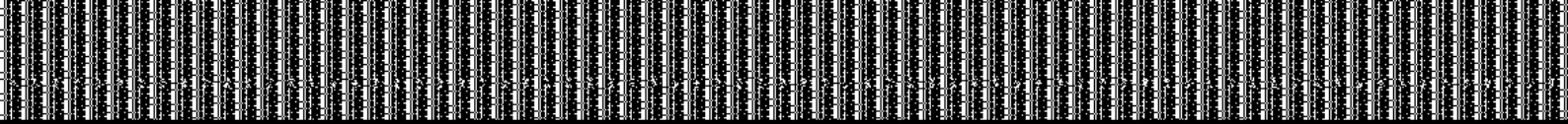
The presented article is just an information. The complete set of bone and horn artifacts from three Sakhtysh Neolithic sites (Sakhtysh I, Sakhtysh II and IIa) is published here. In course of long lasting excavations only 80 of them have been found while the whole number of bone artifacts amounts to several thousands. But this small collection is a unique phenomenon against the background of the complete absence or the rare finds of the ornamented bone objects in the most of the Neolithic and Eneolithic sites.

The ornament on the bone artifacts can be divided into three types – technological, semantic and decorative.

The bulk of bone objects with engravings was manufactured by the population of the Early and Middle Neolithic. Among them the series of monotype artifacts are noted for their constant ornamental motifs, considerable part of which goes back to the Mesolithic Age, when it was popular in the wooden zone of Eastern Europe (rhombic lattice, rhombs, triangles, horizontal zigzag). The ornamentation reached its peak of flourishing in the Lyalovo culture times, when rich ornaments in the forms of parquet, rhombs and multilevel zigzag were spread. Later, in the Volosovo culture times, the decoration of bone objects lost its meaning and became poorer, while the sculpture – both flint and bone – began to play the leading role.

*The Research-Industrial Centre
for Protection of Monuments
of the Committee of Culture and Art
of Administration of Ivanovo Region*

*The State University of Ivanovo
126, 8, Zharov St., Ivanovo,
153000, Russia*

А.А.Бобринского «Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения» [14]. Этот подход возник на стыке археологии, этнографии и эксперимента. Суть его состоит в том, что сосуд рассматривается не как некий «целостный объект» (что было свойственно эмоционально-описательному подходу) и не как «пучок» или «набор» признаков (что было характерно для формально-классификационного подхода), а как результат действия определенных навыков труда, использованных мастером для его изготовления и закрепленных в конкретных культурных традициях, регламентирующих изготовление, распространение и использование глиняной посуды.

Однако любая целенаправленная человеческая деятельность (в том числе и деятельность по изготовлению глиняной посуды) имеет системный характер, и иной она в принципе быть не может. Поэтому в данной статье мне хотелось бы проанализировать содержание понятия «древнее гончарство» с точки зрения именно его системности, т.е. рассмотреть его, во-первых, как особую сферу человеческой культуры и, во-вторых, как особый источник определенной исторической информации.

* * *

На рисунке изображены основные компоненты гончарства как особой «функционирующей системы» (левая часть схемы) и как особого «источника исторической информации» (правая часть схемы). Начнем с

Рис. Древнее гончарство как система и источник исторической информации

рассмотрения гончарства как реальной сферы человеческой культуры.

Бытовое гончарство (как древнее, так и современное) включает в себя три основных подсистемы. Первая – это гончарство как особая сфера материального производства, вторая – гончарство как особая сфера общественных отношений и третья – гончарство как особая сфера духовной культуры человека.

Гончарство как сфера материальной культуры включает четыре основных структурных компонента:

- 1) различные виды исходного сырья, которые используются гончарами для изготовления посуды;
- 2) технологии конструирования посуды, т.е. весь процесс превращения исходного сырья в готовые изделия в результате трудовой деятельности гончаров;
- 3) различные технические средства и приспособления (формы-модели, гончарные круги, различные инструменты, устройства для обжига и т.п.), которые используются гончарами в процессе производства посуды;
- 4) готовые изделия, имеющие определенные очертания и внешний облик и являющиеся закономерным результатом взаимодействия трех первых компонентов этой подсистемы.

Эти четыре компонента являются **необходимыми** и **достаточными** для того, чтобы сам процесс производства глиняной посуды мог реально осуществляться. Если применить к ним хорошо известные категории политической экономии, то в данной системе исходное сырье представляет собой «предмет труда», техноло-

гия – это «сами люди и их целесообразный труд», технические приспособления и инструменты – это «средства труда», и, соответственно, готовые изделия являются «овеществленным результатом труда». В целом эти компоненты образуют систему производительных сил в сфере гончарного производства.

Следующая подсистема относится к сфере социальной культуры, где на самом общем уровне выделяются три компонента:

5) связи между непосредственными производителями глиняной посуды, т.е. действующие внутри самого гончарного производства, которые обеспечивают его успешное функционирование в коллективе;

6) связи между производителями и потребителями глиняной посуды, которые отражают принципы и особенности распространения готовой продукции в коллективе или за его пределами;

7) связи между потребителями глиняной посуды, отражающие особенности культурного, этнокультурного и социального состава того коллектива, в пределах которого функционирует данное гончарное производство.

В последнем случае связи населения с самим гончарным производством проявляются в сильно опосредованной форме и поэтому более сложны для анализа.

Эти три компонента в совокупности составляют систему производственных отношений в сфере гончарства. Перечисленные выше семь компонентов, объединенных в две подсистемы, вместе образуют социально-экономический базис гончарного производства любого отдельного человеческого коллектива или группы таких коллективов.

Итоговым (8-м) компонентом реальной функционирующей системы гончарного производства являются бытующие в данном обществе и связанные с гончарством «обычай и верования», которые относятся к третьей подсистеме – т.е. к сфере духовной культуры. Судя по данным этнографии, обычай и верования проявляются при выборе исходного сырья, при конструировании и обжиге посуды, в особенностях применяемых мастером орудий труда, в облике готовых изделий, а также в правилах их распространения и использования, в характере связей с другими гончарами и потребителями посуды и т. д. и т. п. [15; 16].

Короче говоря, эти обычай и верования, особенно в ранние эпохи, пронизывают как всю сферу самого гончарного производства, так и сферу распространения и использования готовой продукции. Весь этот комплекс вопросов, будучи наиболее опосредованным по отношению к самому процессу производства посуды, целиком принадлежит к сфере т.н. надстроечных явлений в человеческом обществе.

Специальный и подробный разбор содержания каждого из восьми названных компонентов системы «гончарство» – пока еще дело будущего. Сейчас важно еще раз подчеркнуть два момента – во-первых, то, что эти компоненты являются обязательными составными частями любого реального гончарного производства – как древнего, так и современного, во-вторых, то, что они не отделены друг от друга жесткими границами, а являются тесно взаимосвязанными элементами одной системы.

Таким образом, любое гончарное производство, к какому бы району земного шара и к какому бы времени оно ни относилось, обладает единой внутренней структурой, включающей восемь постоянных компонентов.

* * *

Однако с позиций археологической науки древнее гончарное производство интересует нас не только само по себе как производство, реально функционировавшее в прошлом, но прежде всего как особый источник исторической информации о том обществе, где оно функционировало. Для обсуждения этого вопроса рассмотрим теперь правую часть схемы, изображенной на рисунке.

Вполне естественно, что выделенные выше восемь обязательных структурных компонентов системы «гончарство» допустимо рассматривать как особые объекты изучения, которые включают в себя совершенно конкретную тематическую информацию, обусловленную их содержанием как частей реально функционирующей сейчас (или функционировавшей в прошлом) сферы человеческой культуры.

Первые четыре компонента, относящиеся к сфере материальной культуры, составляют так называемое «историко-техническое» направление изучения гончарства. Соответственно сюда относятся:

1) изучение видов и состояний исходного сырья;

2) изучение всех ступеней производственного процесса – от составления формовочных масс до декорирования и обжига сосудов;

3) изучение технических средств, использовавшихся древними мастерами для добычи и подготовки исходного сырья, для конструирования посуды и обработки ее поверхности, для нанесения орнамента и обжига сосудов;

4) изучение назначения сосудов, сферы их использования, размеров и пропорций готовых сосудов, структуры и очертаний их формы, стилистики декора.

Другие четыре компонента, входящие в сферы социальной и духовной культуры, относятся к «историко-культурному» направлению изучения гончарства. В его рамках предметом изучения становится не само гончарное производство как таковое, т.е. не технико-технологическая сторона дела, а отношения между людьми в процессе производства, распределения и использования готовой продукции.

В частности, при изучении связей между производителями посуды (компонент 5) объектами внимания являются особенности передачи навыков между поколениями, изолированное и смешанное состояния гончарных традиций, изобретение или заимствование технических средств, специализация и разделение труда гончаров и т.п.

Анализ связей между производителями и потребителями посуды (компонент 6) включает реконструкцию формы гончарного производства и распространения посуды (домашнее, ремесленное производство на "заказ" и ремесленное производство с рыночным сбытом продукции), изучение ассортимента посуды, «сосудов-подражаний», срока службы сосудов и т.п.

Изучение связей между потребителями посуды (компонент 7) включает анализ стилистики и семантики форм и декора глиняной посуды.

Наконец, к этому же направлению относится изучение обычаев и верований, связанных с производством, распределением и использованием гончарной продукции (компонент 8).

Все восемь компонентов гончарного производства характеризуются не только существенными пространственными (т.е. географическими) различиями, которые фиксируются в рамках историко-технического и историко-культурного направлений, но и значительными временными особенностями, которые, в частности, находят отражение в существовании качественно разных исторических этапов в развитии всех этих компонентов. Весь комплекс научных проблем, связанных с эволюцией каждого из 8 компонентов гончарства, составляет содержание особого «историко-эволюционного» направления в его изучении.

Оно включает, во-первых, технико-технологическую эволюцию гончарства, куда относится эволюция взглядов на сырье, технологических приемов работы гончара на всех ступенях изготовления посуды и ее обжига, основных технических средств гончара (гончарного круга и устройств для обжига посуды), форм сосудов, а также техники и технологии декора изделий.

Во-вторых, в это направление входит изучение социальной эволюции гончарства, т.е. эволюции отношений между производителями посуды, производителями и потребителями и между потребителями глиняной посуды.

В-третьих, сюда относится также изучение эволюции духовной сферы в гончарстве, т.е. обычаев и верований, касающихся всех сторон производства и потребления глиняной посуды.

Таково общее содержание системы «гончарство» как особого источника исторической информации.

* * *

Теперь на примере этой же схемы проследим общий ход процесса изучения древнего гончарства как источника исторической информации. В принципе допустимо говорить о трех основных источниках информации о древнем гончарстве.

Наиболее важным из них являются данные археологии, которые включают целые экземпляры и обломки сосудов, различные остатки сооружений и орудий, связанных с гончарным производством, а также информацию о распространении в пространстве и во времени разных культурных традиций в гончарстве. Возможности этого источника наглядно демонстрируются многочисленными конкретными исследованиями в области древнего гончарства (см., например, [17; 18; 19; 20 и др.]).

Вторым источником знаний являются данные этнографии по гончарству, которые дополняют археологические свидетельства и позволяют с большой полнотой судить не только о самом производстве, но и о тех отношениях, которые возникали между участниками этого производства и потребителями глиняной посуды (см., например, [15; 21; 22]).

Третьим важнейшим источником являются данные эксперимента, с помощью которых оказывается возможным реконструировать конкретные приемы и навыки труда древних гончаров по керамике из археологических раскопок (см., например, [3; 23]).

Кроме того, дополнительную информацию о древнем гончарстве могут дать различные письменные, фольклорные и языковые источники [24], а также некоторые естественно-научные методы и приемы анализа древней керамики и природных глин.

Фундамент конкретных знаний закладывается в области изучения самого гончарного производства и его продукции, т.е. первых четырех компонентов системы, составляющих историко-техническое направление изучения. Полученные здесь данные позволяют реконструировать конкретные культурные традиции древнего населения почти во всех сферах гончарного производства. На этой основе в результате сравнительного изучения гончарных традиций в их конкретно-историческом контексте выявляется информация в рамках историко-культурного направления. Сюда относятся связи между членами коллектива в процессе производства и потребления посуды, процессы смешения носителей разных гончарных традиций и населения в целом, т.е. процессы этнокультурной истории, характер социальные отношений и социальной структуры древних коллективов. В целом эти два направления изучения гончарства характеризуют **эмпирический уровень научного исследования** в данной области.

В свою очередь этот эмпирический уровень является фундаментом изучения историко-эволюционных проблем гончарного производства, которые затрагивают как закономерности развития самого производства как такового, так и закономерности развития отношений между различными группами участников этого производства и потребителей его продукции. Поэтому историко-эволюционное направление изучения гончарства относится к **теоретическому уровню исследования**.

Естественно, что сегодня эти три направления изучения древнего гончарства в различной степени доступны для практического изучения с позиций историко-культурного подхода. Наиболее полно обеспечено методическими разработками историко-техническое направление, на втором месте стоит историко-культурное. Все упоминавшиеся выше конкретные исследования в области древнего гончарства, проведенные с позиций историко-культурного подхода, относятся именно к этим двум направлениям.

Наиболее скромные результаты пока достигнуты в рамках третьего направления – историко-эволюционно-го. Только в последние годы работами А.А.Бобринского и его коллег выявлены некоторые закономерности в развитии взглядов на сырье для производства посуды [14; 25; 26], развития гончарного круга и его функций [27; 28], специальных устройств для обжига посуды [17; 29], а также режимов самого обжига [25].

Думается, что такая ситуация закономерна, ибо она обусловлена спецификой относящихся к каждому из этих направлений научных проблем. Подробный анализ конкретного содержания каждого направления и степени разработанности входящих в них научных проблем должны стать предметом специального исследования.

* * *

В заключение еще раз подведу итоги предпринятого рассмотрения гончарства как особой функционирующей системы и как источника исторической информации. Итак, бытовое гончарство включает в себя прежде всего производство, распределение и использование глиняной посуды. Оно проявляется разными своими сторонами в трех сферах человеческой культуры: материальной, социальной и духовной. Гончарство как система состоит из восьми компонентов. Семь из них неизменно присутствуют во всех гончарных производствах, как древних, так и современных, а восьмой компонент (обычай и верования в гончарстве) может быть частично или даже полностью утрачен в условиях современных гончарных производств. Первые четыре компонента отражают собственно гончарное производство, три последующих – отношения между участниками производственного процесса и потребителями глиняной посуды. Восьмой компонент, как уже отмечалось, характеризует обычаи и верования в гончарстве.

Когда гончарное производство рассматривается как особый предмет или средство изучения прошлого, все эти структурные компоненты сами превращаются в объект научного анализа. Соответственно, на эмпирическом уровне исследования выделяются два направления изучения гончарства – «историко-техническое», в рамках которого конечным предметом исследования является само гончарное производство как таковое, и «историко-культурное», где данные об этом производстве служат лишь особым средством познания прошлого, а конечным предметом исследования становятся уже различные аспекты истории древнего населения.

Однако, поскольку любое конкретное гончарное производство есть лишь какой-то частный момент в общем процессе его развития, то на основе этих двух направлений изучения гончарства в последнее время начало формироваться третье исследовательское направление – «историко-эволюционное», которое включает в себя весь комплекс научных проблем, касающихся хода и закономерностей развития во времени всех сторон гончарного производства как определенной сферы человеческой культуры. В рамках этого направления, как было показано выше, уже достигнуты некоторые конкретные результаты.

Таким образом, гончарство как источник исторической информации является отражением реального гончарного производства и в силу этого обладает всеми теми же свойствами системной организации, что и реальное гончарство. При эмоционально-описательном и формально-классификационном подходах к изучению древнего гончарства проблемы интерпретации данных традиционно решались на заключительной стадии исследования путем выбора наиболее вероятного объяснения зафиксированных особенностей материала. В большом числе случаев получаемые таким образом объяснения соответствуют действительности. Однако именно историко-культурный подход с его анализом навыков труда и культурных традиций как особых систем человеческой деятельности позволяет получать, во-первых, целостные и, во-вторых, доказательные реконструкции прошлого по данным изучения древней глиняной посуды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цетлин Ю.Б.* В.А.Городцов и основные направления современного изучения керамики // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991.
2. *Цетлин Ю.Б.* Основные направления и подходы к изучению технологии древней керамики за рубежом // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): Тезисы Всесоюзного научного совещания. Куйбышев, 1991.
3. *Цетлин Ю.Б.* Проблемы научного эксперимента в изучении древнего гончарства // РА. 1995. № 2.
4. *Цетлин Ю.Б.* Основные направления в изучении технологии древней керамики за рубежом // РА. 1997. № 3.
5. *Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 года. Т. I. М., 1901.
6. *Ковалевская В.Б.* Центр анализа археологических источников во Франции // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
7. *Ковалевская (Деопик) В.Б.* Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // Археология и естественные науки. М., 1965.
8. *Маршак Б.И.* К разработке критериев сходства и различия керамических комплексов // Археология и естественные науки. М., 1965.
9. *Маршак Б.И.* Код для описания керамики Пенджикента V – VI вв. // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
10. *Деопик Д.В., Караетьянц А.М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
11. *Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.
12. *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
13. *Ворошич К.В.* Информационно-поисковая система по керамике культур энеолита–бронзового века Волго–Окского междуречья (к вопросу о принципах классификации археологической керамики при изучении межкультурных контактов древности) // Базы данных в археологии. Компьютер в археологических исследованиях. М., 1995.
14. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
15. *Петцерева Е.М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. Института этнографии. Новая серия. Т. XLII. М.; Л., 1959.

16. Пошивайло О. Етнографія українського гончарства. Лівобережна Україна. Київ, 1993.
17. Бобринский А. А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II – V вв. н.э.). М., 1991.
18. Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
19. Васильева И. Н. Гончарство Волжской Болгарии в X – XIV вв. Екатеринбург, 1993.
20. Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998.
21. Зеленин Д. К. Примитивная техника гончарства налепом (au colombin) в Восточной Европе // Этнография. 1927. № 1-2.
22. Шнирельман В. А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). Екатеринбург, 1993.
23. Волкова Е. В. Роль эксперимента в реконструкции фатьяновской гончарной технологии // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
24. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
25. Бобринский А. А. Происхождение гончарства // Українське гончарство. Кн. 1. Київ; Опішне, 1993.
26. Бобринский А. А., Васильева И. Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
27. Бобринский А. А. Гончарный круг и его происхождение. Екатеринбург, 1993.
28. Бобринский А. А. Происхождение гончарного круга // Українське гончарство. Кн. 3. Київ; Опішне, 1996.
29. Бобринский А. А., Волкова Е. В., Гей И. А. Кострища для обжига керамики // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

*Институт археологии РАН,
Москва*

Yu. B. Tsetlin

POTTERY-MAKING AS A SYSTEM

Summary

The article is devoted to the consideration of ancient pottery production as a special system and discusses two questions: a) pottery production as a part of human culture, and b) pottery production as a special source of historical information. The author distinguishes 8 essential components presented in any pottery production:

- 1) raw materials,
- 2) pottery technology,
- 3) technical means,
- 4) finished goods,
- 5) relations of pottery makers,
- 6) relations between pottery makers and users,
- 7) relations of pottery users,
- 8) pottery customs from 1 to 7.

Being the historical and technical aspect of pottery studies the first four components (1-4) belong to the sphere of material culture. The next three components (5-7) belong to the sphere of social culture while the last component (8) is within the sphere of spiritual culture. All the components form the historical-and-cultural aspect of pottery studies. These two approaches form the basis for the historical and evolutionary way of pottery studies now.

The outlined approaches for ancient pottery studies are well presented now in Russian archaeology.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Ю.Б. Цетлин

КРИТЕРИИ ОТДЕЛЕНИЯ ОРНАМЕНТА ОТ НЕОРНАМЕНТА НА ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЕ

При изучении орнамента на глиняной посуде неизбежно возникает один из фундаментальных вопросов, на который пока нет определенного ответа. Речь идет о том, где проходит граница, отделяющая «орнамент» от «неорнамента», т.е. результаты целенаправленного декорирования сосуда от результатов собственно технологической обработки его поверхности.

Естественно, что основным здесь является вопрос о критериях отделения одного от другого. Каковы же могут быть самые общие отличия орнаментированной поверхности сосуда от неорнаментированной?

В качестве такого *общего критерия* я предлагаю использовать представление о том, был или не был целенаправленно изменен облик поверхности изделия после того как формально было завершено его изготовление.

А.А.Бобринский при характеристике структуры технологического процесса в гончарстве относит нанесение орнамента к числу «необязательных технологических задач», возникающих перед мастером при изготовлении сосуда [1, 92-93]. Действительно, большинство изделий человеческих рук, в том числе и глиняных сосудов, обладают двумя основными функциями: а) утилитарной полезностью и б) духовной значимостью. Поэтому изготовление сосуда может формально считаться завершенным, если он в таком виде может в принципе выполнять свои утилитарные функции, т.е. «служить емкостью», а это не зависит от наличия или отсутствия на нем какого-либо орнамента.

Соответственно, поверхность глиняного сосуда будет считаться *орнаментированной*, если ее первоначальный (технологический) облик был сознательно изменен мастером, и *неорнаментированной*, если этого не произошло.

Помимо этого следует иметь в виду, что как процедура нанесения орнамента, так и сам орнамент на сосуде, во-первых, могли выполнять некую духовную (культовую, религиозную, мировоззренческую или эстетическую) функцию, во-вторых могли объективно играть еще и определенную технологическую роль. Этнографические свидетельства указывают, что в одних случаях такая роль орнамента четко осознается самими гончарами, в других, хотя об этом и нет прямых данных, объективная технологическая полезность некоторых способов декорирования глиняных сосудов сегодня не вызывает сомнений.

Поэтому мне представляется необходимым говорить не о двух «полярных» (неорнаментированная и орнаментированная), а о трех качественно разных состояниях, в каких может пребывать поверхность глиняных сосудов. В 1988 г. А.А. Бобринским было впервые сформулировано представление (позднее развернутое в других работах) о том, что любые навыки труда в гончарстве могут по степени их развитости пребывать в одном из трех состояний: *несформированном, частично сформированном и сформированном* [2-5]. Применительно к навыкам декорирования глиняной посуды эти три состояния соответствуют трем качественно разным состояниям поверхности глиняных сосудов:

1 – технологическая (или недекорированная) поверхность – характеризует несформированное с точки зрения декора состояние;

2 – технологически-декорированная поверхность – характеризует частично сформированное состояние декора;

3 – декорированная поверхность – характеризует полностью сформированное состояние декора.

Вопрос о критериях отделения каждого из этих состояний друг от друга должен решаться не абстрактно, а в рамках конкретных направлений развития гончарных орнаментов. Напомню, что первоначально мною выделялись три таких направления [6], но, как оказалось, более оправданным является выделение 5 направлений, которые объединяют, как минимум, 13 основных способов создания декора на глиняной посуде.

Направление 1. **Графический** орнамент и способы его создания.

Вид 1. Резьба (динамические воздействия).

Вид 2. Штамповка (оттискивание или статические воздействия).

Вид 3. Выбивание (ударные воздействия).

Направление 2. **Скульптурный** орнамент и способы его создания.

Вид 1. Налепной из отдельных порций глины.

Вид 2. Налепной из сплошного слоя глины.

Вид 3. Создание скульптурного орнамента поверхности за счет использования глины самого сосуда.

Направление 3. Расписной орнамент и способы его создания.

Вид 1. Окрашивание или роспись.

Вид 2. Ангобирование.

Вид 3. Глазурование.

Направление 4. «Механический» орнамент и способы его создания.

Вид 1. Лощение.

Вид 2. Полирование.

Направление 5. «Химико-термический» орнамент и способы его создания.

Вид 1. Чернение.

Вид 2. Обваривание.

Итак, в данном случае основная исследовательская задача состоит в том, чтобы в отношении каждого из этих способов, во-первых, выяснить, где проходит граница, отделяющая технологическую поверхность сосуда от технологически-декорированной поверхности, а эту последнюю – от безусловно декорированной поверхности сосуда, во-вторых, попытаться предложить критерии для отделения этих качественно разных состояний поверхности друг от друга.

Начнем с первого направления, т.е. со способов создания графического орнамента (табл. 1).

Вид 1. Резьба (или динамические воздействия). Отличительным признаком этого способа является то, что в процессе его применения частицы глины значительно сдвигаются относительно своего первоначального положения на поверхности сосуда. Известны два основных варианта применения этого способа.

Таблица 1. Направление 1.
Графический орнамент

Способы создания орнамента	Состояния поверхности сосуда		
	Технологическая	Технологически-декорированная	Декорированная
Вид 1. Резьба Одно- или многозубый резец			
Вид 1. Резьба Бороздчатое заглаживание			
Вид 2. Штамповка Обычный штамп			
Вид 2. Штамповка Передельные широким резцом			
Вид 2. Штамповка Отличительные формы-валочки			
Вид 3. Выбивание Рельефная калотушка			

Первый состоит в том, что резьба осуществляется либо однозубым, либо многозубым («гребенчатым») инструментом, в результате чего на поверхности сосуда образуется некий рисунок.

Второй вариант предполагает сплошную обработку значительных участков поверхности сосуда. Этот прием носит название «бороздчатого заглаживания» [7, с. 214-215]. Если следы, возникающие в первом случае, можно уверенно квалифицировать как особый орнамент, то во втором – ситуация является не столь однозначной.

Судя по имеющимся данным, «бороздчатое заглаживание» могло осуществляться «рубцовой кожей желудка животного», «пучком травянистых растений», специальным «гребенчатым» инструментом и т. п. Во всех этих случаях на больших участках поверхности глиняных сосудов возникает т. н. «штрихованный» рельеф высотой не более 2-3 мм. Как следует квалифицировать такую обработку поверхности, зависит от следующих обстоятельств.

Во-первых, если бороздчатое заглаживание присутствует на внутренней поверхности закрытых форм или внешней поверхности открытых, то его, скорее всего, нужно рассматривать не как орнамент, а как результат применения особого приема технологической обработки поверхности.

Во-вторых, если такое заглаживание имеет место как на внутренней, так и на внешней поверхности сосуда, причем неважно, полностью или частично они обработаны, то она отражает «технологически-декорированное» (промежуточное) состояние поверхности изделия.

В-третьих, если бороздчатое заглаживание нанесено на всей или части внешней поверхности закрытой формы или на внутренней поверхности открытой формы, то такое заглаживание следует рассматривать как особый прием декора, т. к. оно, будучи доступно прямому наблюдению, создает вполне определенный зрительный образ поверхности сосуда.

Вид 2. Штамповка (оттискивание или статические воздействия). В отличие от предыдущего, характерной чертой этого способа нанесения орнамента является то, что при его использовании частицы глины незначительно сдвигаются вдоль поверхности сосуда по сравнению с их первоначальным положением.

Следы небольших штампов достаточно легко «читаются» на внешних и внутренних поверхностях глиняных сосудов, и их, вероятно, во всех случаях можно однозначно отнести к особым видам декора.

Сложнее обстоит дело с другими случаями. Первый из них – использование специальных широких резных штампов (или валиков), которыми осуществляется «прокатывание» поверхности сосудов, создающее так называемый «рогожный» орнамент, характерный, например, для керамики городецкой культуры.

ры [8, с. 16-17]. Такой орнамент может занимать часть или всю внешнюю поверхность сосуда.

Когда широким резным штампом обработана вся внешняя поверхность, она может рассматриваться только как технологически-декорированная. В пользу этого говорит то, что применение такого штампа, с одной стороны, объективно способствует более плотному соединению друг с другом конструктивных элементов, из которых лепился сосуд, а с другой стороны, возникающие при его использовании следы должны были удовлетворять существовавшим в обществе представлениям об особом рельефном облике внешней поверхности сосуда.

Если же с помощью такого штампа обрабатывается только часть внешней поверхности сосуда, то не вызывает сомнений, что в результате его применения мастером осуществлялось ее целенаправленное декорирование.

Второй случай касается присутствия на поверхности сосуда четких отпечатков ткани или кожи от формы-модели, в которой (или на которой) лепился сосуд, или от особой прокладки, находившейся между формой-моделью из твердого материала и слоем глины.

Если такие отпечатки присутствуют на внутренней поверхности закрытых сосудов или на внешней поверхности открытых форм, то они характеризуют технологическое состояние поверхности изделия.

Когда же рельефные отпечатки формы-модели сохраняются на внешней поверхности закрытых форм или внутренней поверхности открытых сосудов, и если при этом отсутствуют следы последующего специального их устранения путем, например, заглаживания [7, с. 186-187], то все такие случаи характеризуют слитное технологически-декорированное состояние поверхности изделия.

Вид 3. Выбивание (ударные воздействия). Здесь степень смещения частиц глины зависит в основном от интенсивности и длительности работы колотушкой. Однако независимо от этого применение именно ударных воздействий на поверхность сосуда является отличительным признаком использования этого приема. Выбивание поверхностей сосудов было очень распространено в древнем гончарстве и могло осуществляться самыми разными способами.

В связи с данной темой интерес представляют только два случая: 1) выбивание резной колотушкой и 2) выбивание колотушкой, обернутой рельефной тканью или кожей [7, с.207-209].

Если следы использования рельефной колотушки для выбивания присутствуют только на внутренней поверхности у закрытых форм (обычно это участок дна) или на внешней поверхности открытых форм, то они характеризуют технологическое состояние поверхностей сосуда.

В том случае, если такой обработке подвергнута вся внешняя поверхность закрытой формы или вся внутренняя поверхность открытой формы, то это допустимо рассматривать как слитное технологически-декорированное состояние внешнего облика сосуда.

Применение такого приема может квалифицироваться как особый способ декорирования только тогда, когда сплошной обработке подвергнуты определенные зоны на внешней или внутренней поверхности сосуда.

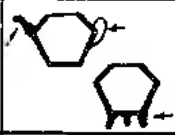

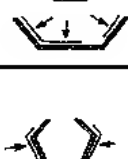

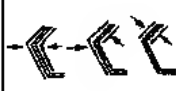

* * *

Теперь рассмотрим под этим же углом зрения скульптурный орнамент и способы его создания – второе направление (табл. 2).

Вид 1. Налепной орнамент из отдельных порций глины. Здесь трудно претендовать на возможность разбора всех случаев. Однако некоторые из них следует обсудить, хотя бы в качестве примера.

Прежде всего к безусловно технологическим скульптурным налепам следует отнести все элементы чисто функционального характера – носики, полноразмерные ручки на внешней или внутренней поверхности сосудов, ножки, поддоны и т. п.

Таблица 2. Направление 2.
Скульптурный орнамент

Способы создания орнамента	Состояния поверхности сосуда		
	Технологическая	Технологически-декорированная	Декорированная
Вид 1. Налепной из отдельных порций глины			
Вид 2. Налепной из сплошного слоя глины			
Вид 3. За счет глины связки сосуда			

Значительно более многообразным в рамках этого вида является перечень скульптурных элементов, создающих технологически-декорированное состояние поверхности сосуда. В частности, сюда относятся разнообразные валики, псевдоручки, некоторые виды опор сосудов.

Например, наличие на поверхности сосуда одного или нескольких горизонтальных валиков представляет собой широко распространенное явление в эпоху бронзы у носителей степных и лесостепных культур Евразии. Не вызывает сомнений, что в основе этой традиции лежит подражание в глине кожаным сосудам, бытовавшим у кочевников. Это подтверждается многочисленными примерами наличия спускающихся «хвостиков» у таких налепных валиков, которые имитируют завязки, стягивающие кожаную форму в верхней ее части [9, с. 39, 40, 55, 56].

Столь же часто можно встретить на внешней поверхности сосудов ручки, с помощью которых эти сосуды нельзя не только перенести, но даже передвинуть [10,

табл. IX]. Примерами такого рода сосудов могут служить крупные античные амфоры [11, с. 260, табл. LXXIII: 1] или огромные сосуды-хранилища, изготовлявшиеся еще в середине XX столетия в Марокко на северо-западе Африки [12, с. 67-68, рис. 1]. Сейчас не представляется возможным дать однозначное объяснение этого также широко распространенного явления. Однако очень соблазнительно предположить, что здесь мы имеем дело с той же самой причиной, как и в предыдущем случае. Нельзя исключить вероятность того, что эти «псевдоручки», которые в большой мере утратили свой функциональный смысл для сосудов из глины, имели его для сосудов из других, более легких материалов. Например, из кожи или из кожурки каких-то плодов типа тыкв. Именно из-за явно подражательного (или имитационного) характера этих элементов присутствие на поверхности сосуда и валиков и псевдоручек допустимо трактовать, на мой взгляд, как создание технологически-декорированной поверхности изделий.

Третий пример касается круглодонных или остродонных сосудов с тремя или четырьмя ножками. В эпоху неолита, энеолита и бронзы они известны в Анатолии и на острове Сардиния [13, с. 74, 344], на Ближнем и Среднем Востоке [14, pp. 152-153], в Юго-Восточной и Средней Европе [15, с. 76-77, табл. 4; 16, с. 226], в Китае [17, с. 310; 18, с. 108, рис. 47], Таиланде [19, с. 190] и других местах. Такие сосуды достаточно редки, а большинство круглодонных сосудов не имеют на своей внешней поверхности каких-либо служебных частей, которые способствовали бы сохранению их вертикального положения.

Здесь, скорее всего, проявляется подражание в глине каким-то специальным приспособлениям, обеспечивавшим устойчивое вертикальное положение сосудам, выполненным не из глины, а из других материалов. Поэтому этот случай также допустимо рассматривать как пример технологически-декорированного состояния внешней поверхности сосуда.

Достаточно легко выделяются случаи безусловного скульптурного налепного орнамента. Сюда относятся, например, различные налепные фигурки на внешней или внутренней поверхности сосудов, спирали, розетки и т.п. [20, с. 162; 18, с. 73, рис. 31, с. 112, рис. 48, 49; 21, с. 46, рис. 5; 22, с. 94, 96, 104].

Вид 2. Налепной орнамент из сплошного слоя глины. Создание рельефной внешней поверхности сосуда осуществляется путем ее намеренного огрубления дополнительным слоем глины или специально приготовленной массы. Обычно такому огрублению подвергалась только какая-то определенная часть или зона внешней поверхности сосуда. Этот прием, например, был распространен в эпоху раннего железа на территории Белоруссии и Литвы [7, с. 213-214], а сегодня широко используется сирийскими гончарами (личные наблюдения в 1990-1998 гг.).

Появление такого способа обработки поверхности глиняных сосудов, вероятно, связано с имитацией каких-то «чехлов», предохранявших поверхности первоначально неглиняных емкостей. Об этом свидетельствует тот факт, что ошершавливание поверхности глиняных сосудов обычно не распространяется выше плеча или начала шеи.

Однако независимо от причин, вызвавших к жизни прием искусственного огрубления поверхности глиняных сосудов, не вызывает сомнений то, что он представляет собой особый способ ее декорирования.

Вид 3. Скульптурный орнамент за счет использования глины самого сосуда. В данном случае скульптурный облик внешней или внутренней поверхности глиняного сосуда создается путем нарушения симметрии стенок сосуда относительно его вертикальной оси. Поэтому примерами сосудов с технологической скульптурной поверхностью могут служить изделия, снабженные одним или несколькими сливами (например, античные ойнохои), плоские глиняные фляжки или сосуды с горлом в боковой стенке и т.п. Все прочие сосуды, имеющие скульптурную поверхность, можно разделить на пять групп.

Первая группа включает изделия, где скульптурно выполнены вся внешняя и вся внутренняя поверхности сосуда. Это обычно бывает, когда внутренняя поверхность полностью повторяет внешнюю. Примером таких сосудов могут служить зооморфный и антропоморфный сосуды халафской культуры из Ярым-тепе II [22, с. 211-212]. Эта группа является несмешанной, и к ней относятся так называемые «сосуды-скульптуры» в чистом виде. С определенной долей условности этот случай можно рассматривать как самый начальный вариант скульптурного декора.

Вторая группа включает изделия, у которых скульптурной является вся внешняя поверхность и только часть внутренней. Оставшаяся часть внутренней поверхности сосуда представляет собой тело вращения. Скорее всего, к этой группе может быть отнесен известный культовый сосуд культуры мочика «голова воина» [23, с. 236, рис. 61]. Здесь проявляются признаки одного из вариантов смешения разных традиций изготовления форм сосудов: смешение скульптурных тел и тел вращения. В этом случае мы имеем небольшой шаг от сосудов-скульптур к скульптурному декору на сосудах.

Третья группа изделий характеризуется скульптурным исполнением части внешней и части внутренней поверхности сосуда. Остальная часть внешней и внутренней поверхностей – тела вращения. Примером таких сосудов также может служить культовый сосуд культуры мочика [23, с. 237, рис. 62]. Здесь тоже проявляется смешанность разных исходных множеств сосудов – скульптурных тел и тел вращения. Однако, поскольку скульптурный облик характерен в данном случае только для части внешней поверхности, мы здесь еще больше продвигаемся в направлении к скульптурному декору на сосудах.

Четвертая группа включает изделия, где скульптурный облик целиком имеет только одна из поверхностей сосуда: внешняя – для закрытых форм и внутренняя – для открытых сосудов. Привести пример сосуда, целиком относящегося к этой группе, я пока затрудняюсь. Думается, что этот вариант можно рассматривать как крайний (наиболее слабый) случай смешанности двух множеств сосудов, о которых шла речь выше. Мы здесь имеем дело с почти чистым случаем скульптурного декора на одной из поверхностей сосуда.

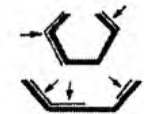
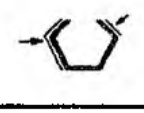

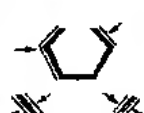
Пятая группа включает сосуды, представляющие собой тела вращения, у которых только часть внешней или внутренней поверхности выполнена в скульптурном виде. Здесь уже отсутствуют следы смешанности скульптурных тел и тел вращения. Весь сосуд представляет собой тело вращения, и только отдельным небольшим участком его поверхности придан скульптурный облик. В данном случае мы имеем дело со скульптурным орнаментом на поверхности сосуда в чистом виде. Наиболее ярким примером таких сосудов являются лицевые урны железного века [20, с. 348-349].

Таким образом, первая группа изделий отражает *несформированное* состояние скульптурного орнамента, вторая и третья группы – *частичносформированное* состояние скульптурного орнамента, а четвертая и пятая группы – *полностью сформированное* состояние скульптурного орнамента, выполненного за счет использования глины самого сосуда. Поскольку посуда второй и третьей групп имеет скульптурное оформление и с внешней и с внутренней стороны, ее следует квалифицировать как посуду с технологически-декорированной поверхностью. Сосуды четвертой и пятой групп, имеющие скульптурные изображения только на одной (внешней или внутренней) поверхности, безусловно относятся к изделиям с декорированной поверхностью.

* * *

Перейдем к рассмотрению **третьего направления** развития орнаментов – сосудам с *расписным* орнаментом (табл. 3).

Таблица 3. Направление 3.
Расписной орнамент

Способы создания орнамента	Состояния поверхности сосуда		
	Технологическая	Технологически-декорированная	Декорированная
Вид 1. Окрашивание или роспись			
Вид 2. Ангобирование			
Вид 3. Глазурование			

Вид 1. Окрашивание или роспись сосудов. Здесь сразу же следует пояснить, что все виды окрашивания изделий минеральными или органическими красителями и, тем более, все виды росписи сосудов красками или разведенной глиной другого цвета относятся целиком к способам создания особой декорированной поверхности. Тот факт, что сплошное окрашивание внутренней или внешней поверхности сосудов может в некоторой степени способствовать уменьшению их влагопроницаемости, не меняет сути дела. Основная задача, которая при этом преследуется мастером, состоит именно в изменении цвета изделия, а не в улучшении его функциональных свойств.

Вид 2. Ангобирование посуды. Этот способ предполагает покрытие сырой поверхности сосуда сплошным слоем глины другого цвета. Основная задача, которая при этом решается мастером, состоит в улучшении облика и изменении цвета внешней поверхности сосуда. Ангобирование не влияет на влагопроницаемость и иные физико-технические свойства сосуда. Поэтому его использование не имеет технологического смысла, а является чисто декоративным [7, с. 240].

Вид 3. Глазурование посуды, т.е. покрытие сосуда в результате термического воздействия тонкой прозрачной или непрозрачной (эмали) стекловидной массой, которая, с одной стороны, улучшает внешний вид изделия, а, с другой стороны, положительно влияет на его физико-технические качества – уменьшает влагопроницаемость и улучшает гигиенические свойства посуды. Возможны следующие варианты глазурирования.

Если глазурированию подвергается вся внутренняя поверхность закрытого сосуда, даже когда при этом частично (на 2-4 см) захватывается самый верхний участок внешней поверхности, то такой вид обработки полностью нацелен на создание технологической поверхности изделия.

Создание путем глазурирования технологически-декорированной поверхности сосуда предполагает покрытие слоем глазури всей внутренней поверхности у открытых форм или вообще всей поверхности (внутренней и внешней) у закрытых сосудов.

Когда глазурирование осуществляется в чисто декоративных целях, то слоем глазури покрывается либо вся внешняя поверхность любых сосудов, либо отдельные участки внутренней поверхности открытых форм и внешней поверхности закрытых сосудов. Кроме того, к способам создания чисто декорированной поверхности во всех случаях относится нанесение глазурированного рисунка на глиняной посуде.

* * *

Рассмотрим теперь основные виды *«механического»* орнамента на глиняных сосудах – **четвертое направление** (табл. 4).

Вид 1. Лощение посуды. Прием лощения состоит в тщательной обработке поверхности сосуда твердым гладким предметом (например, рогом или кремневой галькой). Воздействие может осуществляться по слегка подсушенной или по сухой, а затем увлажненной основе. В обоих случаях (в первом – в большей степени, во втором – в меньшей) лощение ведет к частичному сдвигу поверхностных частиц глины и их уплотнению, в результате чего происходит закрытие значительной части пор на поверхности сосуда, а сама поверхность приобретает красивый блеск. После обжига у такого сосуда увеличивается влагонепроницаемость черепка, а поверхность его сохраняет приобретенный после лощения блеск.

Таблица 4. Направление 4.
Механический орнамент

Способы создания орнамента	Состояния поверхности сосуда		
	Технологическая	Технологически-декорированная	Декорированная
Вид 1. Лощение			
Вид 2. Полирование			

сосудов достигается путем лощения либо всей внешней поверхности или части внутренней у открытых форм, либо всей или части внешней поверхности у закрытых сосудов. Помимо этого, как и в случае с глазурованием сосудов, к чисто декорированным относятся любые поверхности сосудов, покрытые рисунками, выполненными приемом лощения.

Вид 2. Полирование посуды. Задача полирования изделия состоит в создании совершенно однородной, с точки зрения микрорельефа, поверхности сосуда. Это осуществляется путем ручного затирания или машинного obtачивания (на круге) поверхности подсушенного сосуда. Для этого используются как твердые (деревянные, роговые, металлические), так и упругие (например, кожа и т.п.) инструменты и материалы. В отличие от лощения, полирование не оставляет фасеток (т.е. не создает микрорельефа) на поверхности обрабатываемого изделия.

Полирование обычно выступает как прием предварительной подготовки поверхности изделия для последующей декоративной обработки посредством лощения, глазурования, покрытия лаком или росписи красками и т.п. Поскольку самостоятельного технологического смысла полирование не имеет, оно должно рассматриваться как чисто декоративный прием обработки поверхности глиняных сосудов, независимо от того, вся ли поверхность или только отдельные участки ее подверглись такому воздействию.

И, наконец, рассмотрим *химико-термические* виды орнамента на глиняной посуде, относящиеся к пятому направлению (табл. 5).

Таблица 5. Направление 5.
Химико-термический орнамент

Способы создания орнамента	Состояния поверхности сосуда		
	Технологическая	Технологически-декорированная	Декорированная
Вид 1. Чернение			
Вид 2. Обваривание			

Вид 1. Чернение посуды. Этот прием использовался для придания черного цвета поверхности сосуда. Он состоял в следующем. После окончания обжига мастер подкладывал в печь или гори топливо, выделявшее большое количество дыма. Затем печь наглухо закрывали, замазывали глиной, засыпали землей, тем самым создавая в ней восстановительную атмосферу [7, с. 217]. Частично за счет задымления поверхности тлеющим топливом, частично за счет превращения в черепке (в условиях восстановительной среды) окиси железа в закись сосуда целиком приобретали черную или темно-серую окраску.

Однако, наряду с этим, известны и способы частичного чернения поверхности глиняных сосудов. Это становится возможным, когда обжиг и процедура чернения отделены друг от друга некоторым промежуточным временем. Тогда сначала проводится обычный обжиг посуды в окислительной среде.

После этого остывшие сосуды помещаются опять в обжигательное устройство, но таким образом, чтобы доступными для прямого термического воздействия были только те части поверхности, которые нуждаются в чернении. Для этого внутренняя часть сосуда может быть заполнена песком, или он может быть до половины вкопан в грунт и т.п. Затем топливо поджигается, а когда оно разгорится и сосуды нагреются, камера обжига заполняется сырым или смолистым топливом, герметично закрывается, в результате чего в ней создается восстановительная атмосфера, и происходит чернение посуды. В этом случае черными станут только те части поверхности, которые не были закрыты от действия тлеющего топлива.

Независимо от способа и вида чернения его использование не ведет к сколько-нибудь заметному изменению физико-технических свойств изделия, и поэтому данный прием может рассматриваться только как средство сознательного декорирования таким способом поверхности глиняного сосуда.

Вид 2. Обваривание посуды. Этот способ обработки поверхности глиняных изделий состоит в том, что после окончания обжига раскаленные сосуды по одному извлекаются из печи или горна и купаются в специальной «обваре», обычно представляющей собой водный раствор ржаной или пшеничной муки. Иногда для этого использовались и иные материалы [24, с. 137; 25, с. 92-94]. При этом частицы органики сгорают на поверхности сосуда, окрашивая ее в черный (или бурый) цвет.

Судя по данным этнографии, мастера преследовали при этом разные цели. Одни говорят, что в результате обваривания изделия приобретают большую прочность и водонепроницаемость, другие считают, что в обварном сосуде лучше хранятся продукты, наконец, третьи рассматривают обваривание как чисто декоративный прием [7, с. 216-217].

Очевидно, что в тех случаях, когда обваривание было сплошным, его следует рассматривать как прием создания технологически-декорированной поверхности сосуда, а пятнистое обваривание поверхности правильнее будет считать чисто декоративным.

* * *

В заключение кратко обобщу те способы воздействия мастера на поверхность глиняных сосудов, которые ведут к формированию ее технологического, технологически-декорированного и собственно декорированного состояний.

Технологическое состояние поверхности сосуда прежде всего характеризуется использованием таких способов ее обработки, которые не создают на ней заметного рельефа.

Сюда относятся различные виды простого заглаживания поверхности пальцами, тканью, деревянным или металлическим инструментом, а также выбивание поверхности гладкой колотушкой для придания сосуду формы.

Кроме того, такое состояние достигается и некоторыми способами рельефной обработки поверхности сосуда. Это, во-первых, полное или частичное бороздчатое заглаживание или выбивание рельефной колотушкой внутренней поверхности закрытых или внешней поверхности открытых сосудов; во-вторых, использование форм-моделей для конструирования сосуда, следы которых сохранились на внутренней поверхности закрытых или внешней поверхности открытых форм; в-третьих, создание на сосуде скульптурных элементов служебного характера (ручек, носиков, сливов, ножек и т.п.) и, в-четвертых, глазурирование или лощение всей внутренней поверхности закрытых сосудов.

Во всех этих случаях нет оснований говорить о наличии на глиняной посуде какого-либо декора.

Технологически-декорированное состояние поверхности сосуда охватывает чрезвычайно широкий ряд случаев и создается, во-первых, путем бороздчатого заглаживания, глазурирования, лощения или обваривания всей внешней и внутренней поверхности сосудов, а также путем полного глазурирования, лощения и обваривания только внутренней поверхности открытых форм; во-вторых, посредством прокатывания штампом, выбивания рельефной колотушкой, а также отпечатками форм-моделей на внешних поверхностях закрытых и внутренних поверхностях открытых сосудов; в-третьих, воспроизведением на поверхности сосуда скульптурных налепов «псевдофункционального» или подражательного характера (ручки-ушки, валики, сосковидные выступы, не связанные с функцией опоры, и т.д.); и, наконец, в-четвертых, полным или частичным скульптурным исполнением одновременно внешней и внутренней поверхности сосуда.

Все эти способы обработки поверхности характеризуются двумя особенностями: 1) они создаются в процессе непосредственного изготовления сосуда и сохраняют внешние следы этого процесса, 2) они почти всегда способствуют приданию изделиям новых положительных физико-технических свойств, среди которых основными являются улучшение качества соединения друг с другом отдельных строительных элементов, из которых лепился сосуд (лоскутов, лент, жгутов), дополнительное уплотнение стенок сосуда и увеличение их прочности, а также уменьшение пористости стенок обожженного черепка.

Собственно декорированное состояние поверхности сосудов также может создаваться весьма различными способами. Прежде всего оно достигается путем нанесения на сосуд одиночных резных и штампованных узоров, его «ошершавливанием», окрашиванием, ангобированием, полированием, чернением, а также частичным или пятнистым обвариванием поверхностей. Это относится к любым сосудам.

Что касается **закрытых сосудов**, то у них такое состояние поверхности создается, во-первых, бороздчатым заглаживанием, глазурированием, лощением всей или части внешней поверхности или налепливанием на нее скульптурных элементов нефункционального характера; во-вторых, прокатыванием широкого резного штампа и выбиванием рельефной колотушкой части внешней поверхности или скульптурным оформлением ее путем налепливания отдельных порций глины, а также путем использования для этого непосредственно глины самого сосуда.

У **открытых форм** собственно декорированное состояние поверхности создается путем, во-первых, полного или частичного бороздчатого заглаживания внутренней поверхности или покрытия ее скульптурным рельефом из отдельных порций глины; во-вторых, путем прокатывания широким резным штампом или выбивания рельефной колотушкой части внутренней поверхности; в-третьих, путем лощения и глазурирования всей или части внешней поверхности и части внутренней поверхности; в-четвертых, посредством частичного или пятнистого обваривания обеих поверхностей изделия; и наконец в-пятых, путем создания скульптурного изображения на всей или части внутренней поверхности за счет использования глины самого сосуда.

Отличительной особенностью собственно декорированного состояния поверхности сосуда является то, что все способы ее обработки имеют исключительно духовный (культовый, мировоззренческий и т.п.) или эстетический характер. Они никак не связаны со стремлением мастера придать изготавливаемой им посуде новые физико-технические или иные утилитарные свойства.

* * *

Завершая рассмотрение поднятого в статье вопроса, следует сказать, что выделение трех качественно разных состояний поверхности глиняных сосудов – технологического, технологически-декоративного и

собственно декоративного – позволяет поставить вопрос о существовании трех последовательных стадий в развитии представлений древнего человека о внешнем облике глиняной посуды.

Первая стадия характеризуется сосудами с чисто *технологическим* состоянием поверхности. Поскольку эта стадия отражает *несформированное состояние представлений об орнаменте*, то здесь еще и нельзя говорить о нем как об особом культурном явлении в истории человечества.

Вторая стадия характеризуется сосудами с *технологически-декорированным* состоянием поверхности. Она отражает *частично сформированное состояние представлений об орнаменте* у древнего человека. Это – период формирования орнамента на глиняной посуде как особого культурного явления и основных направлений его развития.

К **третьей стадии** относятся сосуды с *полностью декорированным* состоянием их поверхности. Данная стадия отражает уже *сформированное представление* человека об орнаменте на посуде и, соответственно, только с этого момента начинается собственно история развития орнамента на глиняной посуде.

Следует иметь в виду, что эти три стадии не просто следовали друг за другом во времени, но в большой мере сосуществовали во всей истории гончарства. Помимо этих общих закономерностей наличие или отсутствие орнамента и его характер на посуде конкретных групп древнего населения зависели от множества конкретно-исторических причин, которые еще только предстоит выяснить. Поэтому строгие знания о различных состояниях поверхности глиняных сосудов являются необходимым условием правильного понимания содержания культурных традиций в сфере гончарной орнаментики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобринский А.А. О структуре и происхождении гончарной технологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Верси. Т. 1. СПб.; Псков, 1997.
2. Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
3. Бобринский А.А. Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.
4. Бобринский А.А. Происхождение гончарства // Українське гончарство. Кн. 1. Київ; Опішніє, 1993.
5. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
6. Цетлин Ю.Б. Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
7. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
8. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура // САИ. Вып. Д1-14. М., 1965.
9. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Основы периодизации. Свердловск, 1988.
10. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
11. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
12. Vossen R. Reisen zu Marokkos Törfeln. Hamburg: Christians, 1990.
13. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
14. Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1975.
15. Титов В.С. Неолит Греции. М., 1969.
16. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
17. Археология Зарубежной Азии. М., 1986.
18. Кашина Т.И. Керамика культуры яншао. Новосибирск, 1977.
19. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана. М., 1986.
20. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
21. Лозе И.А. Изображения человека в искусстве каменного века Прибалтики // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987.
22. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Месопотамии. М., 1981.
23. Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
24. Зеленин Д.К. Восточно-славянская этнография. М., 1991.
25. Милоченков С.А. Белорусское народное гончарство. Минск, 1984.

Институт археологии РАН,
Москва

Yu.B. Tsetlin

CRITERIA FOR DISTINCTION OF "ORNAMENT" AND "NON-ORNAMENT" ON EARTHENWARE

Summary

The article is dedicated to one of the most important problems concerning pottery decoration. The author puts forward an idea on the boundary between undecorated and decorated clay vessels as well as criteria for distinction one of them from another. Because a lot of modes of pottery decoration affects technologically the surface of a vessel, the author maintains that there are three different states of a vessel's surface: a) technological,

b) technological-and-decorated, and c) decorated. He prescinds 5 general directions in pottery decoration development and about 13 main modes of making ornaments. The special criteria for attribution certain state of pottery surface to specific mode of decoration are discussed here. Besides that the author asserts that the history of pottery decoration passed through three general stages of development reflected in the appearance of vessels' surfaces: I – unformed, II – partly-formed, III – full-formed notions. These three stages were characterized by the above mentioned three different states of vessels' surfaces.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

И.В. Болдин, В.Е. Трофимов
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ
ГЛУБОКОЙ ОРНАМЕНТАЦИИ
НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ

Керамика из археологических раскопок обладает комплексом параметров, среди которых состав основного сырья, минеральные включения, минеральные и органические добавки, способ формовки, декорирование поверхности, система обжига. Изучение этих параметров по целым формам глиняной посуды и ее фрагментам служит для выявления культуроопределяющих признаков.

Орнамент на неолитических сосудах, характеризующийся совокупностью особенностей, является важным историческим источником. Рассмотрение морфологических особенностей орнаментации сосудов этого времени входит составной частью в исследования, посвященные проблемам археологических культур эпохи неолита [1-5 и др.]. Изучение орнаментации керамики с точки зрения технологии ее производства не получило столь широкого распространения. В 80-е гг. XIX в. И.Я. Славцовым было высказано предположение о технологической направленности орнамента на древней керамике, которое вызвало критику со стороны М.В. Воеводского [6, с. 73-74]. Изучение технологических операций изготовления глиняной посуды, развитие знаний о свойствах формовочных масс, применение физических методов изучения материала предоставляют возможность для рассмотрения влияния орнаментации на прохождение физико-химических процессов при производстве неолитической керамики.

Исследование орнамента с точки зрения технологии изготовления глиняной посуды основано на наблюдениях над керамикой, собранной с памятников Верхнего Поочья. Здесь предложен подход к проблеме орнаментации с позиции технологии производства керамики и рассмотрению орнамента как технологического приема, направленного на снижение брака изделий. В центре исследования этого вопроса, в данном случае, находятся объективные причины, действующие независимо от осознания их древним мастером.

Технология изготовления керамических сосудов, в том числе и в эпоху неолита, включала ряд стадий, в рамках которых выполнялись определенные операции. Для придания посуде желаемых свойств (прочность и водостойкость) проводился ее обжиг (закрепительная стадия).

Обжиг глиняных изделий направлен на изменение физико-химических свойств материала – удаление из состава формовочной массы молекулярной воды и воды химически связанной, входящей в состав самой глины. При температуре свыше 110 градусов в глине остается только химически связанная вода [7, с. 36], то есть окончательное высушивание глиняной массы в условиях неолитического производства происходило во время обжига изделий. При высыхании линейные размеры глин сокращаются до 10%, обжиг еще более сокращает размеры глин – на 9-15% [8, с. 842-843]. Неравномерная усадка глиняного материала при потере воды вызывает напряжения, являющиеся причиной растрескивания изделий. Для снижения вредной при керамическом производстве усадки в состав формовочных масс добавлялись минеральные наполнители, не обладающие свойствами глин уменьшаться в размерах при удалении воды из формовочной массы.

Большое влияние на предотвращение брака изделий, вызванного растрескиванием, оказывает способ обжига. Если прогрев сосуда осуществлялся равномерно, то структура глины изменялась постепенно, не создавая критических напряжений, тем самым уменьшалась вероятность появления трещин. Примитивный обжиг связан с использованием открытого огня, когда обжигаемые сосуды непосредственно соприкасались с пламенем, что характерно для производства керамической посуды в эпоху неолита. Равномерность прогрева изделия при такой системе обжига была труднодостижима.

На равномерность прогрева влияет не только источник тепла и его воздействие на обжигаемый предмет, но и структура самого изделия: чем легче доступ жара ко всем точкам сосуда, тем равномернее он прогревается. Усадка глины под воздействием жара происходит не одномоментно на всю толщину и по всей площади поверхности, а связана со степенью прогрева материала: равномерность прогрева зависит от уровня теплопроводности массы, из которой состоит сосуд. Чем выше теплопроводность, тем равномернее прогревается изделие и меньше перепад температур в пределах одного предмета – изменение физико-химических свойств формовочной массы (и связанная с этим усадка) из-за постепенности протекания процессов не вызывает напряжений, влекущих растрескивание изделия. Глина является плохим проводником тепла: из распространенных природных материалов по этому показателю она уступает только дереву [8, с. 844]. Минеральные наполнители, многократно превышающие размеры собственно глинистых частиц, в определенной степени повышают теплопроводность формовочной массы и, следовательно, увеличивают равно-

мерность прогрева материала (повышение теплопроводности массы зависит от объема минеральных наполнителей и их размерности. Возможность добавок минеральных наполнителей ограничена степенью пластичности глин).

Обжиг керамики связан с усадкой, то есть деформацией. Неравномерный прогрев был причиной неравномерной деформации, вызывающей появление растягивающих напряжений. Неравномерная деформация в условиях примитивной системы обжига происходит: 1) в толще стенок и 2) по площади сосуда. Такая деформация опасна для изделий при гончарном производстве, так как высушенная глина относится к хрупким материалам [9, с. 66].

1) Деформация в толще стенок керамики. Под влиянием высокой температуры при непосредственном воздействии пламени на поверхность сосуда поверхностный слой первым теряет воду (молекулярную и химически связанную), в то время как внутренний слой из-за низкой теплопроводности материала еще не изменил своей физико-химической структуры. Верхний слой, отдав воду, первым приобретает камнеподобное состояние и становится своеобразной коркой для внутреннего слоя (рис. 1). Продолжение нагревания приводит к изменениям и во внутреннем слое: испарению воды и усадке материала. Усадка (сжатие) внутреннего слоя вызывает нагружение (растяжение) верхнего камнеподобного слоя. В условиях обжига, когда поверхность сосуда непосредственно соприкасалась с пламенем, то есть изменение внутренней структуры глиняного материала происходило неравномерно, поверхностный камнеподобный слой из-за низкой теплопроводности материала значительно уступал по

толщине внутреннему слою. Верхний слой из-за небольшой мощности не мог противостоять деформациям, возникшим при усадке внутреннего слоя. Деформация поверхностного слоя в связи с его нагружением приводит к появлению напряжений. Напряжения на поверхностном слое, достигнув критического уровня, являются причиной растрескивания изделия. Орнаментация глиняной посуды, связанная с нанесением вдавлений глубокого профиля, способствовала равномерности прогрева на всю толщину стенок (рис. 1). Благодаря глубокому профилю орнамента перепад температур в толще стенок уменьшался, изменение физико-химических свойств материала и возникающая по этой причине усадка (сжатие) протекали более равномерно. В этом случае напряжения, связанные с деформацией, не достигали критического уровня.

2) Деформация по площади поверхности сосуда. Различная удаленность поверхности одного сосуда от огня (а также и нахождение в разных слоях пламени) вызывает различный прогрев отдельных участков сосуда. Следствием неравномерного прогрева в условиях примитивного обжига являются перепад температур и различия в изменении физико-химических свойств по площади одного сосуда. Участок поверхности, первым испытавший воздействие высоких температур, теряет воду, сокращаясь в объеме. Это сжатие вызывает деформацию (растяжение) соседних с ним участков. Деформация, в свою очередь, становится причиной возникновения напряжений и трещин. Орнаментация неолитической керамики может быть рассмотрена с точки зрения изменения целостности наружной поверхности. При таком подходе орнаментированная поверхность представляется как совокупность относительно не связанных друг с другом сегментов, на свободных поверхностях которых отсутствуют растягивающие напряжения. Напряжения, возникающие

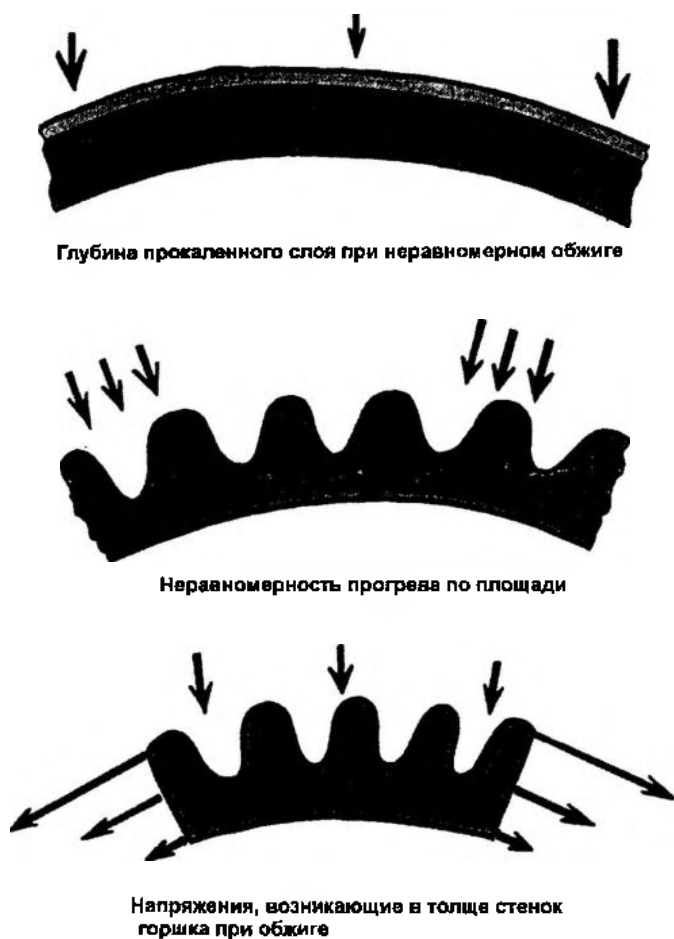

Рис. 1. Схема изменений керамики в процессе обжига

в процессе неравномерного обжига, различны по толщине стенки керамического изделия: максимальное напряжение возникало в поверхностном слое, так как он первым испытывал воздействие высоких температур и большие деформации, связанные с неравномерностью прогрева, чем внутренний слой, прогрев которого, по ряду причин, был более равномерным (рис. 1).

Таким образом, нанесение орнамента на поверхность керамических сосудов, наряду с применением комплекса других приемов, способствовало снижению количества брака глиняных изделий в процессе обжига. Вопрос о степени влияния орнаментации на предотвращение растрескивания остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А. С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
2. Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
3. Цетлин Ю. Б. Общие принципы декорирования древней глиняной посуды (к постановке проблемы) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
4. Фролов А. С. Неолитическая стоянка Стружаны // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992.
5. Грудинкин Б. В. Поселения каменного века на левых притоках Верхней Десны // Деснинские древности. Брянск, 1995.
6. Воеводский М. В. К гончарной технике первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР // СА. № 1. 1936.
7. Технология керамических изделий / П. П. Будников, А. С. Бережной, И. А. Булавин, Г. В. Кукочев, В. И. Первалов, И. С. Смелянский. М.: Л., 1946.
8. Менделеев Д. И. Глина // Энциклопедический словарь. М., 1893.
9. Феодосьев В. И. Сопроотивление материалов. М., 1979.

*Калужский областной краеведческий музей,
Калуга*

I.V. Boldin, V.E. Trofimov

ON THE PROBLEM OF THE REASONS OF THE DEEP ORNAMENTATION OF THE NEOLITHIC POTTERY

Summary

The authors treated the problems of ornamentation from the point of view of the pottery production technology. The irregular warming of a vessel in the course of its updraught was the reason for irregular deformation of it, which caused the stretching tensions in and cracking of the object. The ornamentation of the clay vessels (making deep presses) helped the regularity of warming through all the thickness of their sides. The decorated surface is considered as an aggregation of a relatively separate segments, on the clear surfaces of which there are no stretching tensions. Thus the decoration of the vessel surface helped to low the irregular deformation in the walls and on the square of it in conditions of the irregular warming during its updraught.

*Kaluga Regional Museum of Local History
14, Pushkina St., Kaluga,
249010, Russia*

И.В. Калинина

ВЕРЕВОЧНЫЙ ОРНАМЕНТ В НЕОЛИТЕ (о соотношении понятий археологическая культура и технологическая традиция)

Понятие технологическая традиция стало широко использоваться наряду с понятием археологическая культура. Вопрос соотношения этих понятий имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку за этими понятиями, очевидно, — разные предметы, задачи и методики исследования.

В культурно-хронологических изысканиях во главу поставлена задача выявления археологических культур. Сравнительному анализу, установлению культурной принадлежности предшествует определение хронологии памятников. Одним из важнейших признаков культуры признается, отмечено Ю.Б. Цетлиным, единство ее на “сплошной и ограниченной территории” [1, с. 89]. “Причастность археологического материала целостным структурам — культурам интуитивно воспринимается как важнейшая аксиома”¹. По Э.В. Сайко, “понятие “культура”... в нем отражается... сущность, внутреннее единство многообразия” [2, с. 61]. То есть, понятие археологическая культура ориентирует на выявление в археологическом материале признаков, отличающих данную культуру от других культур и вместе с тем характеризующих ее особенности и специфику в рамках целого. В модели археологической культуры контакты и взаимодействия связываются с точки зрения единства, целостности культур. Между тем, каждая культура многокомпонентна. Однако лишь при изучении генезиса культуры вопрос о межкультурных взаимосвязях ее отдельных компонентов обретает самостоятельное значение.

Распад старых культур, процесс формирования культур в исторически других условиях, обретение нового культурного облика не есть исчезновение населения. Сохранение технологических традиций — тому свидетельство. При изучении технологических традиций внимание фокусируется на фактах, для археологических культур имеющих периферийное значение. В качестве примера сошлюсь на новоильинскую и гаринскую энеолитические культуры Прикамья. Ни одна из них не представляет собой эволюционную ступень в развитии камского неолита — это исторически новые культурные образования. Хотя новоильинская и гаринская керамика по разным признакам сопоставима с неолитической камской, вопрос этот не входит в число обсуждаемых, специально не рассматривается. Другой пример — в культуре сперрингс и в Ракушечном Яру на Дону есть керамика, орнаментированная рыбьими позвонками [3, с. 99]. Наблюдение Т.Д. Белановской не привлекает внимание археологов, остается незамеченным, “не работает”, поскольку очевидно различие археологических культур.

Изучение технологии в настоящее время подчинено изучению археологических культур. Этнокультурная направленность исследований определяет поиск в археологическом материале этнически значимых признаков. Технологические признаки интересуют археологов как этнокультурные показатели. В качестве этнокультурного индикатора используется, в частности, орнамент на керамике. Культурные традиции понимаются как комплекс технико-морфологических признаков. В отличие от формально-морфологического технико-морфологическое исследование позволяет проводить более углубленное изучение археологических материалов. До тех пор, пока считалось, что орнамент мог наноситься любым, случайным предметом, логически оправданным являлось заключение, что, в отличие от мотива, элемент орнамента — ямка, к примеру, — не племенной символ [4, с. 19]. После того как была установлена преднамеренность выбора орнамента, возможна стала иная точка зрения на элемент орнамента [5]. Понимание формы не только как совокупности морфологических признаков, но и как результата действия позволяет на новом уровне решать проблемы генезиса, развития и взаимодействия культурных традиций.

Исследование технологических традиций вне культурной проблематики представляет собой самостоятельное направление. Сравнительный анализ технологических традиций возможен лишь в контексте исследований региональных технологий, исторического изучения навыков. Факты, полученные при изучении одной культурной традиции, не представляют материалы в историческом развитии, не объясняют генезиса, формирования технологических традиций. Исследование технологических традиций подразумевает изучение навыков труда в связи с изменением среды обитания населения, в том числе с процессами расселения в лесной зоне.

¹ Из доклада В.Ю. Дукельского “Теория и проблемы археологического знания”, прочитанного на VIII Уральском археологическом совещании в г. Свердловске в 1983 г.

Для выявления технологических традиций наблюдения отдельных технологических признаков недостаточно. Изучение технологических традиций — это изучение навыков труда [6]. Навыки — не рецепты, а стереотипы технологического поведения, которые передаются эмпирически, путем непосредственного обучения. Для разрушения автоматизма навыка требуется сознательное усилие. А.А. Бобринским выделены в гончарстве приспособительные (приемы отбора сырья, составления рецептов формовочной массы, обработки поверхностей) и субстратные (способы формообразования, конструирования полого тела, начина) навыки. Первые «обнаруживают способность... почти безошибочно реагировать на само возникновение и начало развития процессов смешения (населения — И.К.) ...», вторые — «способность даже в условиях смешения долгое время сохранять свою старую качественную специфику...» [6, с. 244].

В изучении навыков обязательен метод физического моделирования. В ходе экспериментов обретается опыт работы с глиной, накапливаются практические знания, которые теоретическим путем получить невозможно. По мнению В.В. Сидорова, ямки на ямочно-гребенчатой керамике наносились белемнитами, «метоподиями мелких млекопитающих и птиц» [7, с. 106], что доказывать не надо — и так ясно. Однако понятна морфология орнамента, но не сам навык. Экспериментально даже простой белемнитный орнамент не сразу стал получаться, позднее выяснилось — препятствовал навык, сформировавшийся при моделировании орнаментации уральской керамики. При нанесении орнаментов, встречаемых на камской керамике, положение кисти развернутой, как учат писать в школе, то есть держать ручку в развернутой кисти свободно, располагая пальцы не очень близко к перу и не сильно нажимая указательным пальцем на перо. Требование в школе — противоположно тому, как держали ямочно-гребенчатые орнаменты: не разворачивая кисть, близко располагая пальцы к рабочей его части, концентрируя давление на указательный палец. В таком положении при движении гребенчатого штампа с минимальным отрывом его от поверхности возникает ритмичное движение глины, создаются горизонтальные выпуклые пояски с рельефными краями между рядами отпечатков, т. н. «карнизики». На уральской неолитической керамике такой прием орнаментации не встречается. Таким образом, были поняты еще два элемента навыков орнаментирования. Кроме постановки орудия относительно поверхности сосуда и кинематики движения имеет значение положение кисти руки и распределение давления на штамп.

При физическом моделировании выявляются как структура навыков, так и взаимосвязи навыков в технологической традиции. Навыки орнаментации, в частности, взаимосвязаны с навыками обработки поверхностей сосудов [8, с. 16], а также с навыками приготовления глиняного теста. Глины — жирные и тощие — обуславливают не только применение разных примесей, но и саму возможность использования того или иного способа орнаментации. Для жирных глин требуется более крутой замес. Камская керамика изготавливалась из жирных ожелезненных глин. Для волго-камской накольчатой керамики, напротив, использовались тонкозернистые опесчаненные переотложенные пойменные глины, возможно, илы [9, с. 193-217]. На этой керамике невыполнимы орнаменты способами, характерными для камской керамики.

Информация, получаемая в ходе физического моделирования, представляет интерес с точки зрения генезиса, формирования технологических традиций. Гребенчатые штампы — орудия, преднамеренно изготовленные для орнаментации керамики, сосуществуют с естественными формами. На основании изучения способов орнаментации керамики в уральском регионе нами было высказано предположение, что наклонное положение гребенчатого штампа при орнаментации связано с навыком работы челюстями животных [10, с. 9-10]. Для орнаментации волго-камской накольчатой керамики в Нижнем Прикамье употребляли острые сколы трубчатых костей животных, сопоставимые с тонкими краями створок раковин *Unio*, которые применялись при орнаментации керамики «с насечками». По наблюдениям А.В. Уткина, гребенчатые штампы для орнаментации верхневолжской керамики, судя по серии штампов, найденных на Сахтышских стоянках, изготавливались на остром крае сколов с галек, использовались также штампы из тонких сланцевых плиток с приостряющей шлифовкой края и тонкие костяные гребенчатые штампы, опять-таки с приостряющей заточкой края. На территории распространения керамики сперрингс в качестве орнаментов использовались позвонки рыб — «многочастные (сдвоенные, строенные и более) позвонки рыб различных размеров» [11, с. 27] и так называемые фигурные гребенчатые штампы на торце сланцевой плитки [11, рис. 9]. Орнаменты, выполняемые торцом сланцевой плитки или подобной по форме уплощенной галькой, доработанной шлифовкой, обнаруживают технологическое родство с орнаментами, наносимыми позвонками рыб, в форме рабочей части орнамента и в способе орнаментации: прокатывании штампа, формировании карнизиков. Многообразие вариантов, включая гребенчатые (типа Тудозеро V), свидетельствует не только о сформировавшемся навыке орнаментации рыбьими позвонками, но и о сложившейся технологической традиции. При орнаментации ямочно-гребенчатой керамики употреблялись аммониты и заменяющие их гальки с нарезками по округлому краю. В тех случаях, когда природный край гальки был более тонок, чем требовалось, необходимая толщина достигалась стачиванием края. Аммониты и штампы прокатывали по дуге рабочей части орнамента, то есть использовали один и тот же способ орнаментации. Дальнейшее изучение гребенчатых штампов еще предстоит, но уже сейчас не вызывает сомнений, что они не однородны. Штампы с прямым, округлым и приостренным рабочими краями — разные орудия, используемые как заменители естественных форм.

Может создаться впечатление, что при изучении технологии орнаментации методом физического моделирования будут лишь случайные, основанные на интуиции, открытия. «В целом, оценивая проблему использования естественных орнаментов, следует особо подчеркнуть — пишет И.Г. Глушков — поисковый характер экспериментов по идентификации отпечатков, основанный больше на принципе «повезет — не

повезет”, чем на строгих критериях отбора орудий для создания эталонно-сравнительных коллекций” [12, с. 20]. Тем не менее это не так. При формально-технологическом и технологическом подходах изучение орудий мыслится в аспекте хозяйственной деятельности. Однако видения орнаментов только как орудий недостаточно, требуется осмысление технологической информации в ином аспекте: аспекте семантики — смыслового содержания. Практические навыки в древности формируются в системе архаической семантики — образных смыслов архаической жизнедеятельности [13].

Естественные орнаменты в генезисе восходят к известным с палеолита подвескам-оберегам. Предметы одинаковой формы использовались в качестве “подвесок-оберегов” (“амулетов”) и орнаментов для керамики. Установление семантических закономерностей в выборе “подвесок”² послужило основанием для рабочей гипотезы о возможных орудиях, которыми наносились орнаменты, определило направленность экспериментально-трассологических исследований [14, с. 83, 84]. Выказанное предположение в дальнейшем подтвердилось [15, с. 293-298].

В рамках гипотезы: искусственно изготовленные орудия для орнаментации неолитической керамики подражают естественным формам — оставались, однако, непонятны встречаемые на керамике оттиски веревки. Экспериментально выявлено, что в уральском регионе орнаменты, интерпретируемые как веревочные, шнуровые (ложношнуровые), выполнялись твердыми орнаментами. Орнамент “тесма”, по В.А. Городцову, наносился челюстями пушных зверей [5, с. 15; 16, с. 81]. Подлинно веревочный орнамент появляется на керамике лишь в позднебронзовое время. Тем не менее веревочный орнамент встречается на неолитической керамике культур сперрингс, ямочно-гребенчатой, верхнеднепровской и других (рис. 1). При этом оттиски веревки не характерны для какой-либо одной самостоятельной в культурном отношении группы керамики. На протяжении от раннего до позднего неолита веревочный орнамент количественно то уменьшается, то увеличивается. То есть веревочный орнамент не ясен в культурно-хронологическом аспекте, не понятен он и технологически, с точки зрения отношения веревки к другим орнаментам.

Функционально-технологический, иначе семантический, подход позволяет иную интерпретацию, видение проблемы появления на неолитической керамике отпечатков веревки в ином ракурсе.

Веревка, крученая нить, тысячелетиями использовалась в разного рода “украшениях”. “Подвески”, бусы либо нанизывались на веревку, либо пришивались, крепились с ее помощью за один либо оба конца к коже, бересте, ткани и т.п. При другом способе соединения с основой “подвески” не пришивались, а вплетались, вязывались. В этом случае они не имеют отверстий и нарезок для привязывания.

С точки зрения современных бытовых представлений назначение веревки — связывать, соединять разные предметы. Но веревка являлась не только средством соединения, как мы воспринимаем ее преимущественно. На предметах традиционных культур веревка в виде обмотки выступает формообразующим элементом. Археологи видят в наконечниках стрел, лезвиях ножей — “стрелы”, “ножи”. Древки, рукояти со следами обмотки сохраняются исключительно редко. Напоминанием о былых формах служат втулки железных наконечников стрел, копий, воспроизводящие форму обмотки в месте соединения насадов наконечников с древком. Многочисленные способы обмотки веревкой самых разных предметов известны по этнографическим материалам. Жесткий способ обмотки наряду с оплетением использовался для круглых и округлых форм сосудов. В Сибири широкое распространение получило такое явление, как обмотка кос шнурком: пучок волос или волосы, сплетенные вместе с матерчатыми жгутами в косы, “сверху плотно обматывали шнуром” [17, с. 106, 124]. Веревка в этих случаях, как часть жесткой формы, утрачивает классификационный признак — “мягкость”, по которому она тяготеет к тканям, а не твердым предметам, орудиям, каковыми являются орнаменты-штампы (рис. 2).

Веревка использовалась в обмотке не только с практической целью. Она воспринималась и как украшение. Искусственно созданной формой и вместе с тем украшением являются прически в традиционных культурах с использованием шнура, веревки, ложных кос. Обвязка, оплетение — это конструктивно необходимая часть предмета и одновременно орнамент. В этнографических коллекциях на веревочной обмотке орудий, утвари встречаются бусины — подобно тому, как “ложные косы... украшались обычно всевозможными металлическими подвесками, кольцами, цепочками, бляхами, пуговицами” [17, с. 106]. В ряде случаев веревка и бусины выступают равноправными частями единого украшения (рис. 3).

В традиционных культурах веревка известна и в качестве самостоятельного украшения-оберега. “Пожилые хакаски и по сей день на запястье носят своеобразный “браслет”-оберег из крученой разноцветной нити. Хакасы-кызыльцы до сего дня в вышивках национальной одежды широко используют мотив крученой нити” [18, с. 22-23]. Узлы, кисточки выступают эквивалентами бусин, раковин. Встречаются имитации веревки из металла, бисера. Бусы, нарезанные из костей, раковин, воспроизводят прилегающие друг к другу витки веревки. Ш.Ж. Тохтабаевой описан зафиксированный на юге Казахстана обычай “тана тагу” — дарить ребенку, оказавшемуся в доме, перламутровую бляху “тана”. Вместо перламутровой бляхи могли пристегивать кисточку из шнурков, кость бараньей грудинки...” [19, с. 288-289]. Заметим, в обряде раковина, кость, шнур (веревка) являются семантическими эквивалентами. Такие же предметы: раковины (аммониты, белемниты), кости животных, веревка — представляют собой и варианты орнаментов.

² Термин “подвеска” в данном случае употребляется в широком смысле для обозначения разного рода естественных и искусственных предметов, которые либо привязывались, вплетались, нанизывались, либо подвешивались, нашивались на одежду, либо носились в футлярах (мешочках), в частности, на поясе. Возможно использование этого термина в узком смысле наряду с “бусами”, “пронизками”, “нашивками” и т.п.

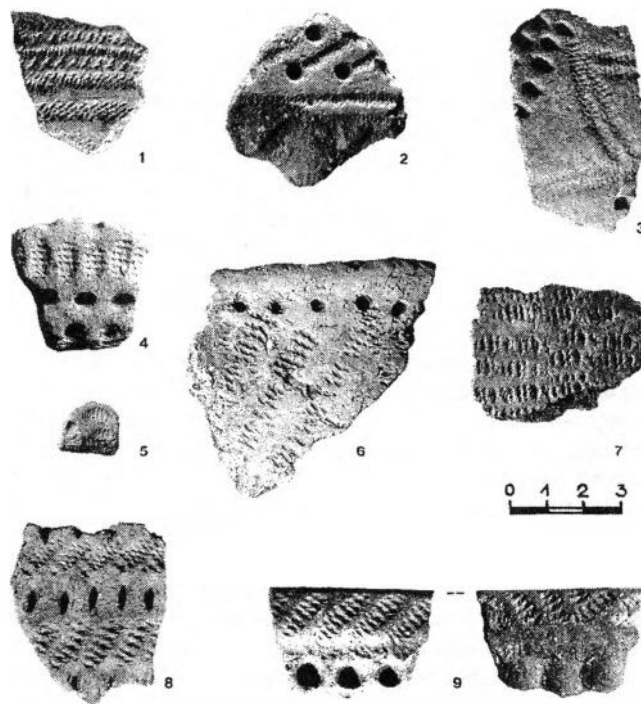

Рис.1. Образцы керамики с веревочным орнаментом:
 1 - Коч-Лак I; 2 - Шеттима I; 3,4,5 - Языково; 6,9 - Сахтыш I; 7 - Балахна; 8 - Сахтыш IIА

Рис.2. Прически и накосные украшения – обмотка шнуром волос – у хантов (по Клюевой, Михайловой, 1988. [17, рис.2])

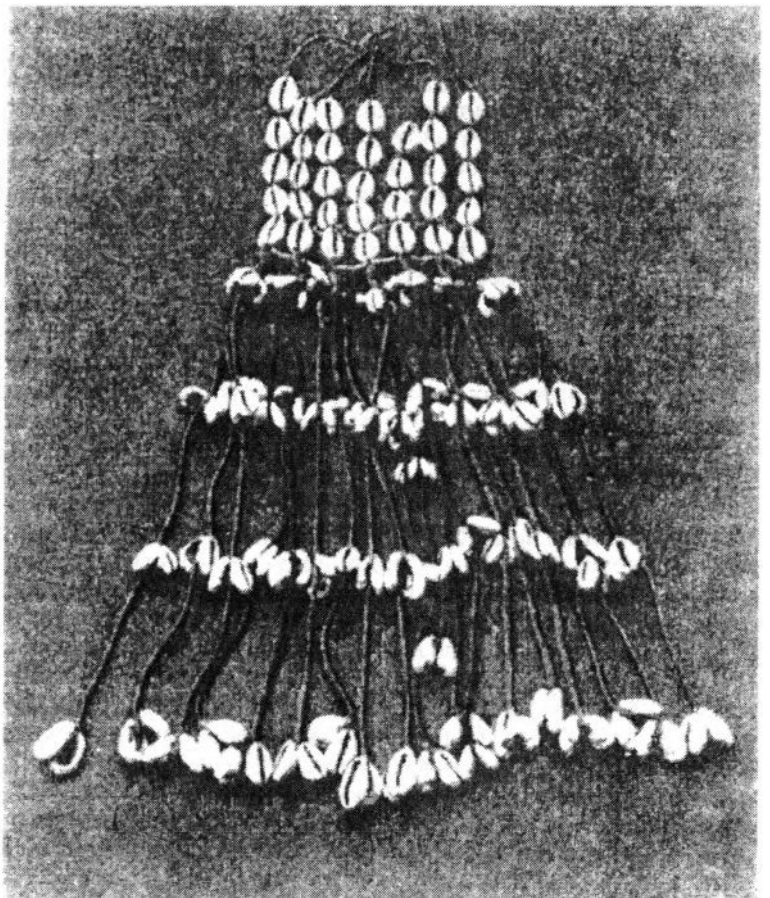

Рис.3. Накосное украшение кумандинцев (по Клюевой, Михайловой, 1988. [17, рис.11])

Единство образных смыслов обнаруживается в разных памятниках материальной культуры. С этой точки зрения привлекают внимание традиции обмотки в разных культурах. Любопытно, что в уральском регионе, где на неолитической керамике отпечатки веревок не встречаются, насады мезолитических наконечников стрел отличаются от восточно-европейских – они не конические, а двусторонне уплощенные.

Итак, возможны следующие предположения относительно появления веревочных отпечатков на неолитической керамике: веревка присутствовала на орнаментах в качестве обмотки орудий; веревка воспринималась как часть украшения и использовалась для орнаментации наряду с подвесками; веревка являлась самостоятельной формой орнамента. Все три предположения могут рассматриваться как рабочие гипотезы при физическом моделировании веревочных орнаментов. Следует отметить, что судя по формам отпечатков на керамике, гребенчатые штампы веревкой не обматывались, но ею могли обматываться мелкие гальки, возможно, кости животных. Не исключено, что веревка использовалась и в качестве самостоятельного орнамента [20].

Семантический подход, таким образом, определяет направленность экспериментальных исследований. Проведению опытов предшествует отбор археологических образцов с модификациями веревочных оттисков. Материалов одного памятника для этого недостаточно. Необходимо многообразие отпечатков, поскольку исследование орнаментов включает также идентификацию оттисков на керамике, выявление признаков, отличающих орнаменты, выполненные разными орудиями.

Программа физического моделирования организуется соответственно структуре навыков. В каждом опыте решается конкретная практическая задача. Экспериментальное изучение использования веревки в качестве орнамента — это овладение не только навыками орнаментации глиняных сосудов, но и навыками технологии витья волокнистых веществ.

В заключение. Предмет исследования — культура или технологическая традиция — обуславливает выявление конкретных фактов в материале. Понятие технологическая традиция задает иное научное пространство, иную перспективу исследования, иной масштаб видения материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
2. *Сайко Э.В.* К вопросу о понятийном аппарате в современной археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года. Ташкент, 1973
3. *Белановская Т.Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб., 1995.
4. *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
5. *Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Технологическая классификация орнаментов неолитической—энеолитической керамики уральского региона // АСГЭ. Вып. 30. 1990.
6. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
7. *Сидоров В.В.* Орнаментация керамики как магическое действие // Религиозные представления в первобытном обществе: Тезисы докладов конференции. М., 1987.
8. *Калинина И.В., Устинова Е.А.* Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полуденка-I и Хуторская стоянка) // АСГЭ. Вып. 29. 1988.
9. *Бобринский А.А., Васильева И.Н.* О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
10. *Калинина И.В.* Принципы функционально-технологического подхода в семантических исследованиях // АСГЭ. Вып. 32. 1995.
11. *Иванищев А.М.* Древности Вытегории // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
12. *Глушков И.Г.* Керамика как исторический источник (методика технологической диагностики лепной посуды): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995.
13. *Калинина И.В.* Функционально-технологический подход // Теория и методология архаики: Материалы теоретического семинара. СПб., 1998.
14. *Калинина И.В., Гаджиева Е.А.* Архаические орнаменты для керамики // Археологические изыскания. Вып. 10. AD POLUS. Памяти Л.П. Хлобыстина. СПб., 1993.
15. *Калинина И.В.* Орнаментация сосуда с поселения Скрабы III // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
16. *Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А.* Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // СА. 1995. № 2.
17. *Клюева Н.И., Михайлова Е.А.* Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. МАЭ. Т. XLII. Л., 1988.
18. *Казачинова Г.Г.* Підім, підім... Смекаю, смекаю... Скороговорки. Абакан, 1998.
19. *Тохтабаева Б.Ж.* К вопросу о семантике материала в казахском ювелирном искусстве // Маргулановские чтения: Сборник материалов конференции. Алма-Ата, 1989.
20. *Семенов С.А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. Вып. 57. 1955.

*Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург*

I.V. Kalinina

**ROPE ORNAMENT IN THE NEOLITHIC
(ON THE CORRELATION OF TERMS
ARCHAEOLOGICAL CULTURE AND TECHNOLOGICAL TRADITION)**

Summary

The study of technology now is subjected to the research of archaeological cultures. Cultural traditions are understood as a complex of technical and morphological indications. The study of technological traditions outside the problems of culture is an independent field of research.

The study of technological traditions is a research of labour skills. The skills here are the stereotypes of technological behavior and the method of physical modelling must be used to study them. The aim of modelling is to understand the sum of archaic practical knowledge.

A programme of physics modelling is being organized according to the structure of the skills. The undertaken experiments showed that using ropes for ornamentation ancient men formed their skills for both making ornaments on vessels by those tools, and winding fibrous materials.

Functional and technological, in other words semantical approach presupposes a study of technology of ornamenting in connection with the structure of an ancient man world-outlook.

*The State Hermitage
34, Dvortsovaya Emb.,
St.Petersburg, 191186, Russia*

В.Ю. Луныков

ОПЫТ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСУДОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

При обработке значительных керамических коллекций, происходящих из раскопок поселений позднего бронзового века, возникают определенные трудности, связанные с плохой сохранностью посуды. Поэтому для анализа ее формы чаще всего приходится привлекать фрагменты лишь тех сосудов, у которых возможно определение диаметра и профилировки от среза венчика до максимального расширения тулова, так как при общей стандартизации, например, срубных сосудов, типобразующими, преимущественно, являются верхние их части до максимального расширения тулова [1, с. 61].

В Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН при обработке керамической коллекции поселения Горный I (Оренбургская обл.), насчитывающей около 4 тысяч сосудов, используется программа сравнения графических изображений, позволяющая производить сопоставление изучаемых объектов с предварительно выбранными морфологическими эталонами или между собой путем взаимного наложения контуров изделий [2]. Но данная программа в силу специфических задач, заложенных при ее создании, позволяет работать только с симметричными изображениями, ширина (диаметр сосуда в данном случае) которых не должна превышать более чем в два раза длину (высоту сосуда). Поэтому оказалось невозможным проведение сравнительного анализа лишь верхних частей сосудов (как правило, максимальное расширение тулова располагается в верхней его части или ближе к середине высоты), и соответственно встала задача максимально корректной реконструкции общей высоты сосуда и диаметра днища¹.

Некоторые способы решения этой проблемы уже предлагались [1; 3-6]. Исследования базировались на корреляции кривизны фрагментов или наличии устойчивых соотношений между отдельными частями сосудов. Установлено, что особенно тесно проявляется взаимосвязь между максимальным диаметром и общей высотой сосуда, т. е. основными для восприятия и воспроизведения параметрами [1, с. 59; 7, с. 111; 8, с. 110/5-110/6]. Другие соотношения также достаточно выражены, хотя и менее ярко [9; 10].

Несмотря на все кажущееся многообразие форм, практически всю срубную посуду можно предварительно разделить на несколько классов. Так, для массового материала большинством исследователей выделяются остросреберные сосуды низких пропорций (рис. 3: 1) и сосуды с линзовидным (банки — рис. 3: 5) и S-видным (горшки — рис. 3: 3) профилем.

Основываясь на этих наблюдениях, по публикациям было выбрано более двухсот целых сосудов, происходящих из погребальных и поселенческих памятников различных регионов срубной культурно-исторической общности. При отборе предпочтение отдавалось тем публикациям, в которых были приведены не только масштабы изображений, но и основные размеры сосудов. На основании полученных значений общей высоты (H), наибольшего диаметра тулова (Dt) и диаметра днища (D dn) сосудов построены корреляционные графики, отдельно для каждого из упомянутых классов посуды (рис. 1).

Графики корреляции общей высоты и максимального диаметра тулова для линзовидных и S-видных сосудов практически совпадают с графиками, приведенными В.И. Бесединым для срубной посуды баночных и горшковидных форм Мосоловского поселения [1, с. 60, рис. 1: 1].

Диаметр днища в силу своеобразия технологического исполнения лишь незначительно возрастает с увеличением высоты и максимального диаметра тулова сосуда [11, с. 30], что также хорошо видно на приводимых графиках (рис. 1).

Опираясь на полученные графики, вполне возможно прогнозировать общую высоту и диаметр днищ сосудов, сохранившихся или реставрированных от венчика до максимального расширения тулова. Для удобства определения искомым размеров были введены линии тренда.

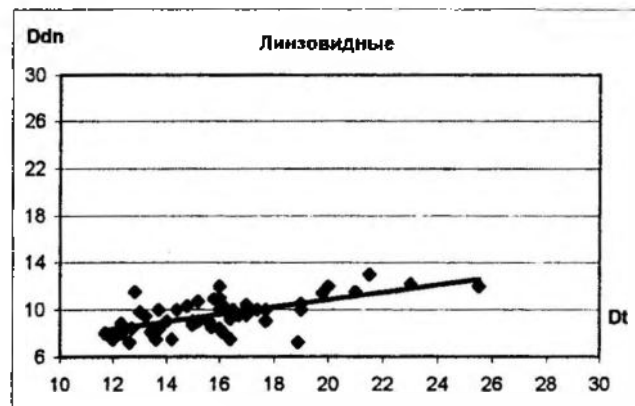
Таким образом, если известен максимальный диаметр тулова сосуда, по графикам можно установить наиболее вероятные значения общей высоты и диаметра днища. Далее, исходя из кривизны стенки, достраивается придонная часть. Нужно заметить, что часто линия профиля придонной части не "выходит" в точку наиболее вероятного края днища. В этом случае при реконструкции изменяется один или оба найденных размера в пределах имеющейся вариации (рис. 2).

Для проверки правильности восстановления размеров из материалов поселения Горный I были выбраны 9 целых сосудов срубной культурно-исторической общности и нарисованы на высоту немного ниже

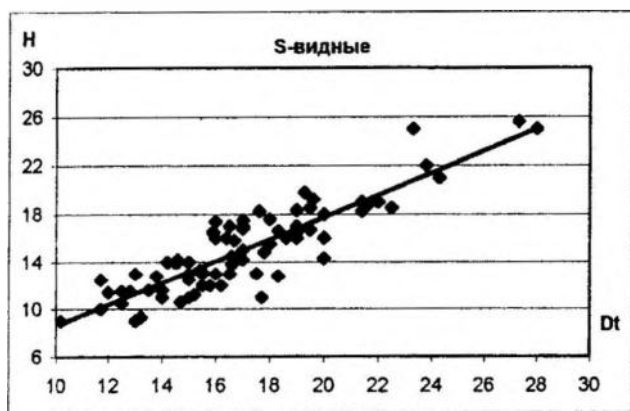
¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 98-06-80040).

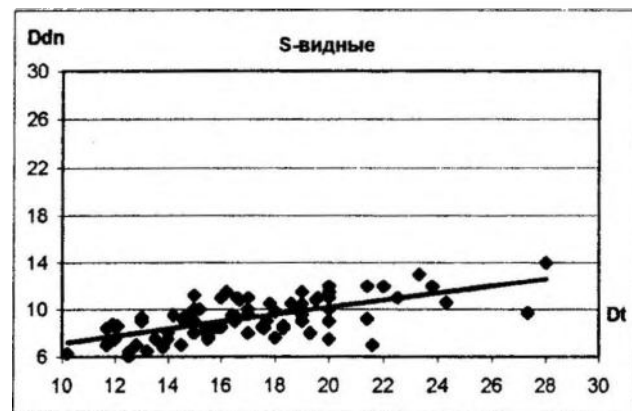
а

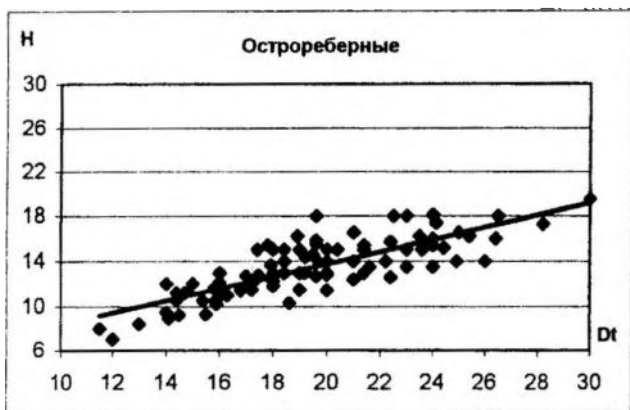
б

в

г

д

е

Рис. 1. Графики соотношений параметров сосудов:
 Н - общая высота; Dt - диаметр тулова; Ddn - диаметр днища (в см)

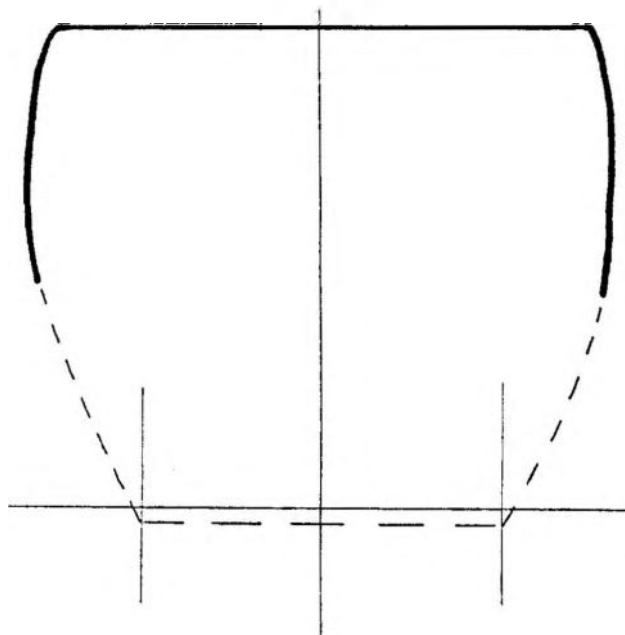

Рис.2. Схема восстановления общей высоты и диаметра днища сосуда

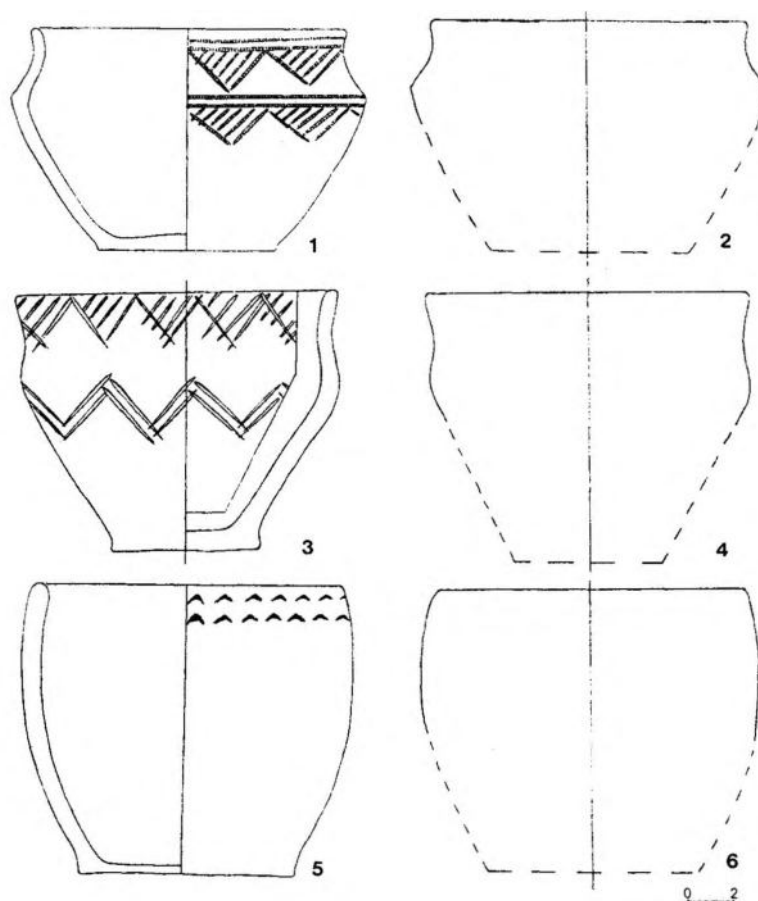

Рис.3. Целые (1,3,5) и восстановленные (2,4,6) сосуды с поселения Горный I:
1, 2 - остросеребряные; 3, 4 - S-видные; 5, 6 - линзовидные

максимального расширения тулова. Десяти испытуемым было предложено дорисовать, опираясь на корреляционные графики, недостающие части сосудов, используя описанные выше практические рекомендации. У реконструированных таким образом форм (рис. 3: 2, 4, 6) измерена высота и вычислена (в процентах) ошибка в ее определении, которая практически не превысила 10-11%. Для сравнения нужно упомянуть, что в работах по реконструкции сосудов приводятся следующие величины ошибки в определении высоты: 1-8% [5, с. 133] и 8,4% [4, с. 92, табл. 3], т. е. не намного меньше, чем в нашем случае (тем более, что половина испытуемых не имела никакого представления о форме срубных сосудов, а у специалистов по позднему бронзовому веку ошибка составила 5-7%). Величина ошибки вполне искупается простотой и доступностью метода, а также незначительными временными затратами. В среднем графическая реконструкция 9 сосудов вместе со всеми предварительными объяснениями занимала около 30 минут против 4 часов работы на один сосуд у А. В. Виноградова [5, с. 132], что представляется актуальным при работе с крупными керамическими коллекциями.

Описанный выше способ восстановления сосудов, сохранившихся или реставрированных до максимального расширения тулова, вполне может быть использован для работы с посудой не только срубной культурно-исторической общности, но и других археологических культур. Применение его позволяет избежать многочисленных промеров, ведущих порой только к накоплению величины ошибки при прогнозировании недостающих частей сосудов. Необходимо только предварительно на основании имеющихся целых форм составить корреляционные графики с учетом основных категорий посуды, что не должно вызывать затруднений благодаря накопленному к настоящему времени количеству материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беседин В. И.* О применении метода пропорций к изучению керамики // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век): Материалы международной конференции. Ч. 2. Донецк, 1996.
2. Компьютерные программы в историко-металлургических исследованиях лаборатории ИА РАН / Е. Н. Черных, Л. И. Авилова, Т. Б. Барцева, В. Ю. Луньков, Л. Б. Орловская, Т. О. Тенейшвили // Компьютеры в археологии. М., 1996.
3. *Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф.* О возможностях математического моделирования при исследовании керамики // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): Тезисы докладов Всесоюзной научной археологической конференции, 11-16 февраля 1991 г. Куйбышев, 1991.
4. *Беговатов Е. А., Кочкина А. Ф.* О восстановлении размеров сосудов по фрагментам // СА. 1993. № 3.
5. *Виноградов А. В.* Опыт реконструкции керамических комплексов древних поселений по фрагментам // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1995.
6. *Дьяченко А. Г.* Математико-статистический метод оценки некоторых параметров сосудов в связи с проблемой репрезентативности керамических комплексов // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992.
7. *Прякин А. Д., Беседин В. И.* Типология керамики Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989.
8. *Глушков И. Г.* Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.
9. *Андронов А. В., Мухомов С. Е.* Опыт классификации одной из категорий срубной керамики // Древности степного Поднепровья III-I тысячелетия до н. э. Днепропетровск, 1983.
10. *Русанова И. П.* Один из методов классификации раннеславянской керамики // КСИА. Вып. 148. 1976.
11. *Девотик Д. В., Дераиз Л. Г.* Морфологический анализ керамики из погребений срубной культуры Нижнего Поволжья // СА. 1985. № 1.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V. Yu. Lun'kov

AN ATTEMPT OF GRAPHIC RECONSTRUCTION OF VESSELS OF THE LATE BRONZE AGE

Summary

The article describes a way of graphic reconstruction of vessels which belong to the Srubnaja cultural-historical community. The reconstructed vessels have preserved upper parts from the edges to a maximum extension of the bodies. The testing experiment showed an error in the definition of the vessels height in the ranges from 5 to 11%.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

Д.В. Герасимов

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РАЗЛИВ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

Местонахождение Разлив расположено на Карельском перешейке, на западном берегу оз. Сестрорецкий Разлив, около станции Разлив (рис. 1). В настоящее время все известные материалы памятника – 21 предмет – хранятся в Музее антропологии и этнографии (колл. 2614). Столь немногочисленная коллекция, к тому же происходящая из сборов, казалось бы, не должна вызывать серьезного внимания, но с течением времени Разлив оказался едва ли не одним из классических мезолитических памятников региона Петербурга, если не всего Северо-Запада [1, с. 41-42]. После исследования В.И. Тимофеевым мезолитической стоянки Сокодок встал вопрос о необходимости более четкой аргументации мезолитического возраста памятника [2, с. 18]. Поэтому обращение к материалам Разлива вновь становится актуальным.

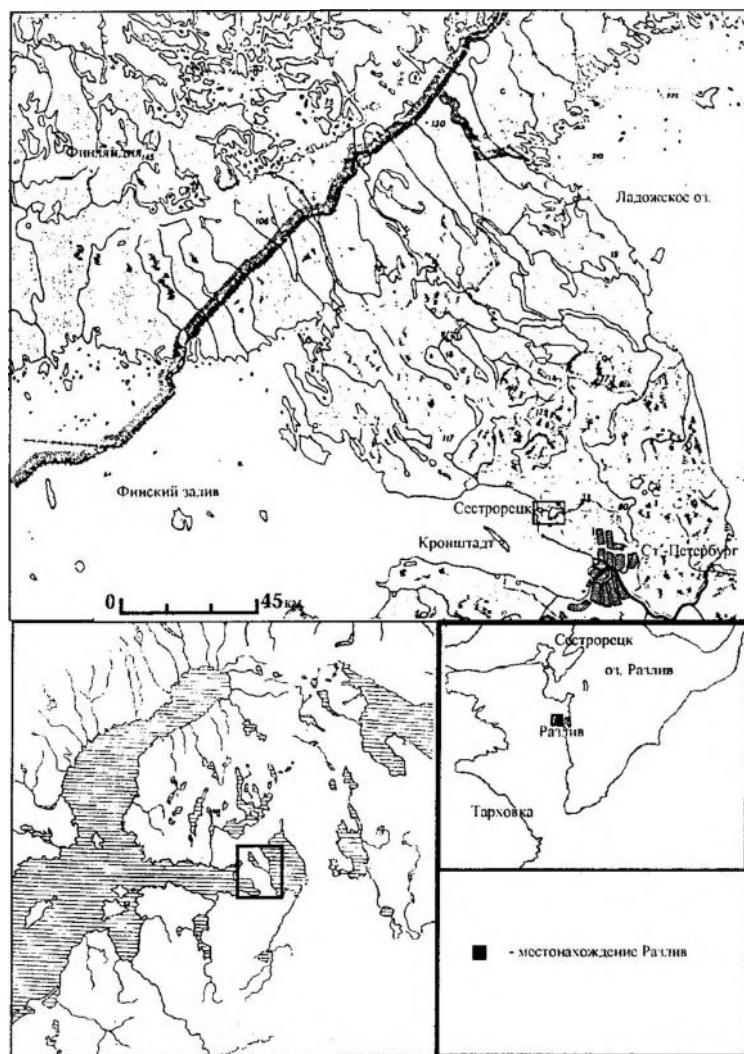

Рис. 1. Расположение местонахождения Разлив

Памятник был обнаружен в 1916 г. игравшими на пляже детьми барона А.П. Штакельберга [3]. Согласно информации, предоставленной А.П. Штакельбергом, находки залежали в песке на глубине около 40 см. Большая часть предметов была разобрана отдыхающими, а то, что удалось спасти, было передано А.П. Штакельбергом в Кунсткамеру.

В 1920 г., по свидетельству Б.Ф. Землякова, стоянку посещали сотрудники Лахтинской экскурсионной станции проф. П.В. Виттенбург и А.И. Суомолайнен, которые собрали небольшое количество кремневых предметов такого же типа, что были найдены раньше [4, с. 49]. Судьба этих сборов неизвестна. Возможно, некоторое время эти предметы были экспонатами Лахтинского музея природы. В Государственном Эрмитаже, куда была передана прежде экспонированная в Лахтинском музее коллекция Лахтинской стоянки, материалов Разлива нет.

В 1921 г. место расположения памятника обследовал Б.Ф. Земляков. Он же опубликовал материал памятника [4;5]. Непосредственных упоминаний о сделанных им самим находках в литературе найти не удалось. Нет также никаких сведений о производстве на месте памятника раскопок, закладке траншей и т.п. Тем не менее, Б.Ф. Земляков указывает, что находки встречаются на площади 16-18 м (вероятно, протяженность участка с находками по берегу озера) и сообщает точное стратиграфическое их положение – на контакте галечных и дюнных лесков. Можно предположить, что и площадь залегания, и стратиграфическое положение находок он указал, основываясь на информации предыдущих собирателей (в том числе из записки и достаточно точного глазомерного плана барона Штакельберга) и исходя из собственных наблюдений отложений берега Сестрорецкого Разлива, где дюнный песок может иметь мощность около 40 см.

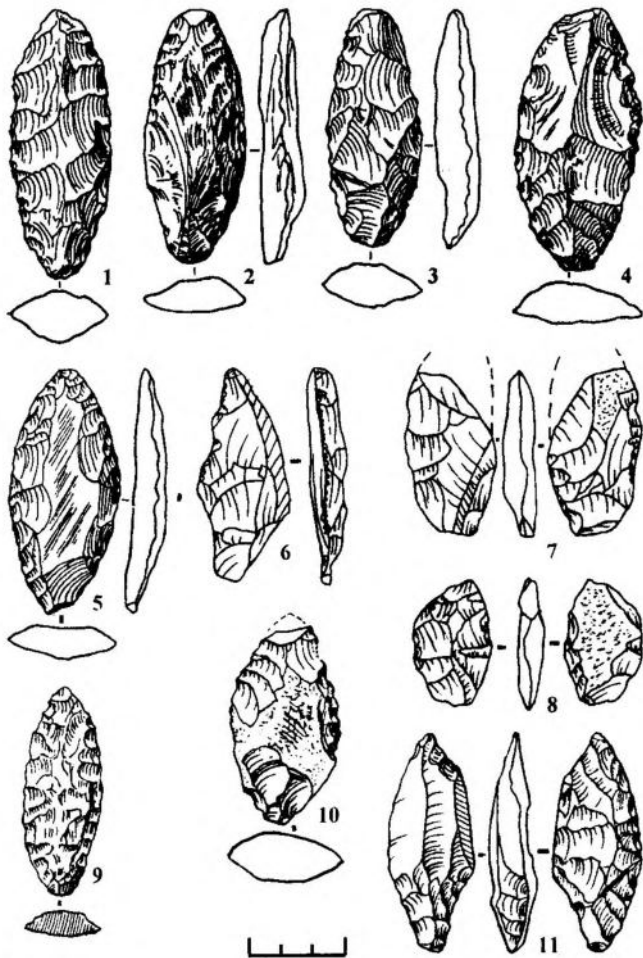

Рис.2. Бифасы: 1-8 - местонахождение Разлив;
9-11 - Тарховская стоянка

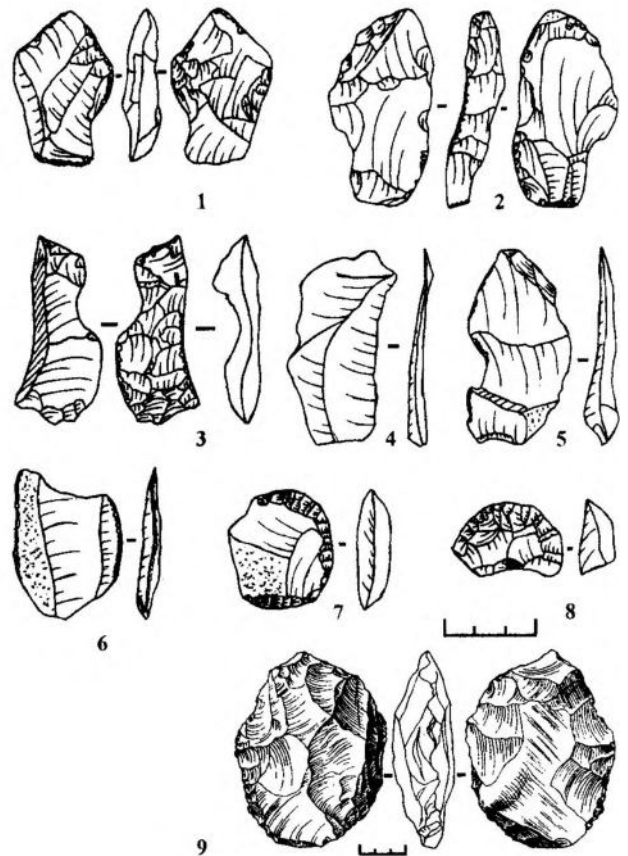

Рис.3. Орудия и сколы
с местонахождения Разлив

Все доступные к настоящему времени для изучения предметы изготовлены из обломочного кремня. Это пять заготовок с бифасиальной обработкой, определенные Б.Ф. Земляковым и Н.Н. Гуриной как режущие орудия. На трех из них (рис. 2: 1-3) бифасиальная обработка покрывает всю поверхность. На одной (рис. 2: 4) сохранились часть вентральной поверхности заготовки и ударная площадка с коркой, без следов подготовки, на другой (рис. 2: 5) частично сохранилась корковая часть. Две обломанные заготовки (рис. 2: 6, 7) имели, по-видимому, такой же облик. Имеется также один недиагностируемый обломок бифасиально обработанного предмета (рис. 2: 8).

Три предмета представляют собой обломки бифасиально обработанных изделий со следами вторичной утилизации. На одном из них (рис.3: 1) имеются сколы уплощения, произведенные уже со слома; на другом (рис.3:2) сформировано долотовидное лезвие, на третьем (рис.3:3) на краю выколотой части имеется ретушь утилизации, свидетельствующая о возможном использовании предмета в качестве скобеля. В этих предметах Б.Ф. Земляков видел орудия с резцовым сколом. Однако не вызывает сомнения, что «резцовые сколы» в действительности являются сломами.

Кроме того, в коллекции представлено 7 сколов: дистальная часть тонкого пластинчатого отщеп (рис. 3: 4); пластинчатый отщеп с ретушью (рис. 3: 5), возможно, являющейся следами утилизации; пожевидное орудие на проксимальной части тонкого пластинчатого отщеп с сохранившейся корковой частью и ударной площадкой с коркой без следов подготовки (рис. 3: 6); три отщеп без обработки, 1 отщеп с частично сохранившейся коркой и со сформированным на участке края скребковым лезвием.

В коллекции представлены также два скребка с округлыми лезвиями (рис. 3: 7, 8), один из них двойной; и массивный миндалевидный отщеп, частично обработанный сколами (рис. 3: 9). Этот предмет был определен Б.Ф. Земляковым как орудие типа ручного рубила.

Б.Ф. Земляков первый предложил датировать Разлив мезолитическим временем [4]. Проблема датировки памятника теснейшим образом, на его взгляд, была связана с проблемой датировки песков, являющихся цоколем для Сестрорецких дюн. Опираясь на собственные наблюдения и на работы ряда отечественных и финских геологов, Б.Ф. Земляков датировал цокольные пески на месте стоянки долиториновым атлантическим временем, а перекрывающие дюнные пески – суббореальным периодом. Палинологических образцов с места стоянки взять не удалось, и датировка основывалась исключительно на гипсометрических дан-

ных – цокольные пески на месте стоянки располагались выше уровня Литориновой трансгрессии [5, с. 160]. Возраст находок, которые, по утверждению Б.Ф. Землякова, залежали на границе галечных и дюнных песков, он определил как равный возрасту цокольных песков.

Даже если полностью принять геологическую датировку слоев на памятнике, предложенную Б.Ф. Земляковым, непонятно, почему за время существования памятника была принята датировка подстилающего, а не перекрывающего слоя. Находящиеся на контакте слоев материалы могут быть датированы от времени, предшествовавшего максимуму Литориновой трансгрессии (т.е. до сер. IV тыс. до н.э.), и до SB2, на который приходится ксеротермический период – время образования дюнных отложений (условно до сер.-кон. III тыс. до н.э.).

Для датировки местонахождения Разлив Б.Ф. Земляков использовал типологические данные. Указывая на наличие в коллекции крупного миндалевидного орудия типа ручного рубила, ножей и орудий с резцовым сколом, он полагал, что материалы Разлива разительным образом отличаются от материалов ближайших неолитических памятников. Аналогами материалам Разлива указывались коллекции Льяловской стоянки и с памятников культуры эртебёлле. Отсутствие на памятнике керамики он полагал свидетельством более раннего, чем время существования Льяловской стоянки, возраста Разлива, который определял IV тыс. до н.э. [5, с. 167-168].

Культура эртебёлле, согласно исследованиям П.М. Долуханова, опубликованным в 1963 г. [6], существует в литориновое время до АТ2 включительно. Однако при сохранении относительной периодизации культур Балтийского региона их абсолютные даты с начала активного применения методов естественных наук для абсолютного датирования археологических памятников постоянно удревняются. Примером тому может служить изменившаяся датировка культуры ямочно-гребенчатой керамики [7, с. 124]. Поздний атлантический период сейчас рассматривается как время существования в Балтийском регионе неолитических культур.

Если принять предложенную Б.Ф. Земляковым геологическую датировку Разлива, то памятник следует отнести к неолитическому времени.

Н.Н. Гурина в своем известном исследовании по мезолиту и неолиту Северо-Запада полностью приняла точку зрения Б.Ф. Землякова, указывая, что типы орудий, имеющиеся в коллекции Разлива, отсутствуют на многочисленных стоянках эпохи неолита Северо-Запада Русской равнины [1, с. 42].

Сопоставление материалов Разлива с материалами мезолитических памятников соседних территорий, прежде всего кундской культуры, и с коллекциями памятников верхневолжской традиции, на мой взгляд, не выявляет прямых аналогий. Отдаленные аналоги рубящему бифасиально обработанному миндалевидному орудью можно увидеть в материалах культуры кунда [8, табл. 24] или мезолита Верхней Волги [8, табл. 39]. Однако наконечники мезолитического времени сопредельных территорий изготавливались в основном на пластинах вторичной обработкой по краю, а наконечники стоянки Разлив изготовлены в бифасиальной технике.

С другой стороны, заготовки бифасиальных орудий очень близки листовидным бифасиальным наконечникам прибалтийской культуры ямочно-гребенчатой керамики, представленным, например, в материалах памятников Усть-Рыбежна, Тарховка (рис.2:9-11). Скрепки Разлива также имеют аналоги в материалах этих памятников.

Е.Ю. Гиря (ИИМК РАН), любезно согласившийся просмотреть коллекцию Разлива, пришел к заключению, что массивный отщеп со сколами может являться заготовкой для изготовления листовидного острия, а два отщепа являются отщепами уплощения заготовки.

Таким образом, материалы Разлива, на мой взгляд, полностью вписываются в комплекс, характерный для прибалтийской культуры ямочно-гребенчатой керамики, и, вероятно, могут быть отнесены ко времени существования этой культуры – IV тыс. до н.э., что не противоречит датировке памятника по геологическим данным, предложенной Б.Ф. Земляковым и уточненной исследованиями по «абсолютной» хронологии последних лет.

Теперь обратимся к вопросу о характере памятника. Имеющиеся материалы являются либо заготовки, либо сломанными заготовками, часть которых подверглась утилизации, либо отходами производства. Лишь несколько предметов представляют собой использовавшиеся по первоначальному назначению орудия. Следует отметить, что на памятниках Карельского перешейка, предшествовавших прибалтийской культуре, кремневые орудия практически отсутствуют, а основным сырьем являлся кварц.

Своеобразна и сама ситуация залегания материалов. А.П. Штакельберг сообщает, что игравшими на пляже детьми было найдено всего около 200 предметов того же облика, что и поступившие в Кунсткамеру. Вероятно, случайная находка 1916 г. исчерпала практически все материалы памятника. Б.Ф. Земляков, по видимому, новых материалов не получил. Правда, он указывает на некоторое количество находок, сделанных в 1920 г. П.В. Виттенбургом и А.И. Суомолайненом, однако находки эти не опубликованы, в статье П.В. Виттенбурга 1922 г., посвященной археологии окрестностей Петербурга [9], нет никаких упоминаний о сборах 1920 г.

Таким образом, Разлив представляется местонахождением, содержащим большое количество предметов в компактном залегании. Все они изготовлены из кремня – материала чрезвычайно дефицитного на Карельском перешейке. Более того, все они достаточно массивных размеров. Отходов производства, не пригодных к утилизации, в коллекции нет. Керамика в ней отсутствует, однако, кремневый инвентарь имеет аналоги в материалах периода развитого неолита. Находки были сделаны на достаточно высоком гипсометрическом уровне, выше уровня расположения стоянок прибалтийской культуры ямочно-гребенчатой керамики побережья оз. Разлив.

Исходя из вышесказанного, местонахождение Разлив можно с наибольшей вероятностью определить как “клад” либо место хранения, связанное с кремнеобрабатывающей мастерской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурин Н.Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
2. Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993.
3. МАЭ, колл. 6214. Записка собирателя.
4. Земляков Б.Ф. Геологический очерк окрестностей г. Сестрорецка // Первый Всероссийский геологический съезд. Путеводитель геологических экскурсий. Петроград, 1922.
5. Земляков Б.Ф. О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда // МИА. № 2. 1941.
6. Долуханов П.М. Последленинковая история Балтики и хронология неолита // Новые методы в археологических исследованиях. М., Л., 1963.
7. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников эпох неолита и раннего металла Ленинградской и Калининградской областей // Геохронологические и изотопно-химические исследования в четвертичной геологии и археологии. Вильнюс, 1991.
8. Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Л., 1989.
9. Виттебург П.В. Лахтинская Экскурсионная станция // Экскурсионное дело. 1922. № 4-6.

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург*

D.V. Gerasimov

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF THE SITE OF RAZLIV ON THE KARELIAN ISTHMUS

Summary

The site of Razliv was discovered in the early 20th century. It had been considered a Mesolithic site for a long time because of its geology, typology etc. Today the discovery of some new Mesolithic data in the region gives us the opportunity to revise the chronology of the site and to define its cultural attribution as well as its type.

The comparison of the stone assemblage from Razliv with the ones from the neighbouring Mesolithic and Neolithic sites shows that the first fits well into the complex of the Eastern Baltic Pit-Comb Pottery culture. Geological position of the finds gives a strong argument in favour of this opinion. New data on absolute chronology allow us to date the site within the limits of the 4th millennium BC.

Unusual set of finds, the absence of pottery and relatively high position on the lake shore – these are the arguments to define the site a treasury or a keeping-place of flint preforms.

*The Museum of Anthropology and Ethnology,
Russian Academy of Sciences
3, Universitetskaya Emb., St. Petersburg,
199034, Russia*

Н.Г. Недомолкина

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЁКСА

Многослойное поселение Вёкса находится на левом берегу реки Вологды в 4 км от Устья Вологодского при впадении небольшой лесной речки Вёкса, по которой оно и получило свое название (рис. 1). Вёкса, по финно-угорски, — «вытекающая из озера»[1], действительно берет свое начало в Молотовском озере. Располагаясь вблизи крупной водной артерии — р. Сухона, поселение имело выгодное положение. Оно, как и большинство памятников Присухонской низины, занимает ровный заливной луг, ограниченный с напольной стороны заболоченным лиственным лесом. Общая площадь поселения 1200×20-50 м. Оно находится в аварийном состоянии. Береговая линия подвергается интенсивному размыву во время половодий и навигаций. В публикациях можно встретить названия Вёкса I — нижняя часть поселения и Вёкса II — верхняя; собственно это и есть само поселение Вёкса. Деление на части является достаточно условным. При паспортизации к ним добавилось еще одно название — Устье Вологодское. Представление о памятнике было бы неполным, если не упомянуть поселение Вёкса III, находящееся ниже по течению с другой стороны р. Вёксы, а также поселение Вёкса IV на правом берегу р. Вологды, напротив устья р. Вёксы. Вместе они образуют крупный комплекс, дополняя друг друга.

Целенаправленное изучение берегов р. Вологды началось в 1979 г. под руководством вологодского археолога Н.В. Гуслистова с открытия 29 стоянок Лиминских. Первые сведения об археологических находках у речки Вёксы поступили от местных жителей. Весной 1980 г. Н.В. Гуслистов и участники археологического кружка, студенты Вологодского государственного педагогического института, впервые побывали на Вёксе.

Высокий уровень воды в р. Вологде не дал возможности провести необходимые работы. Научное обследование поселения было начато И.Ф. Никитинским в 1981 г. и велось им с перерывами до 1993 г. включительно. В 1987 и 1989 гг. изучение слоев раннего железного века продолжил В.С. Патрушев. В 1990, 1992 гг. на памятнике проводил работы С.Ю. Васильев. С 1993 г. исследования ведет автор данной статьи.

Есть несколько публикаций материала с поселения Вёкса [2, список литературы]. Эта статья является первой попыткой сведения воедино всех данных, полученных в результате многолетних работ на памятнике. Цель работы — дать целостное представление о памятнике, о выявленных на нем комплексах с их культурной и хронологической атрибуцией.

В настоящее время 20 раскопами и шурфами вскрыто более 2000 кв. м. Каждый год собирается большое количество подъемного материала. Получены уникальные по ценности и объему коллекции, с которыми не могут сравниться материалы многих синхронных памятников северных областей европейской части России. В фондах Вологодского государственного музея-заповедника (ВГИАХМЗ) коллекции с поселения Вёкса насчитывают 25 000 единиц хранения (часть материала находится в частных собраниях). Это орудия и украшения из камня, металлов, кости, янтаря, а также большое количество керамических комплексов, которые позволяют выделять и проследивать развитие археологических культур в данном регионе. К сожалению, эти данные не удается подкрепить радиоуглеродными анализами, поэтому мы можем говорить только о типологическом сопоставлении материала с материалами дру-

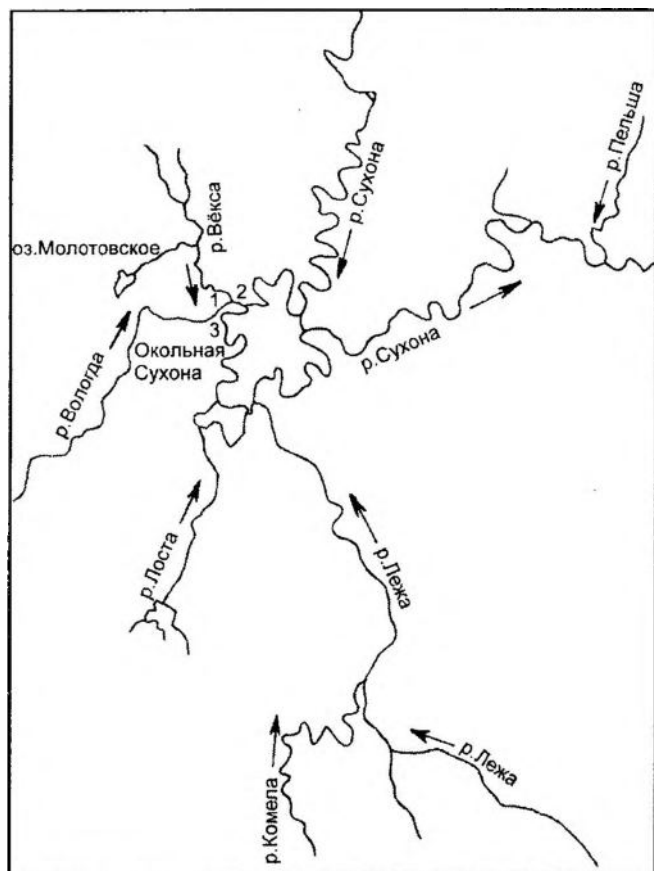

Рис. 1. Схема расположения археологических памятников:

- 1 - поселение Вёкса I-II (Устье Вологодское);
- 2 - Вёкса III; 3 - Вёкса IV

гих памятников, которые имеют даты по С-14. Палеогеологические и палинологические исследования не проводятся. Большое количество остеологического материала также не определено.

В 1992 и 1998 гг. был составлен инструментальный план памятника (рис. 2). Вся площадь поселения поделена на 12 участков протяженностью по береговой линии сто метров каждый. При разбивке участков не учитывалось распространение того или иного культурного слоя, так как планиграфически слои не совпадают. Вся площадь была «накрыта» единой сеткой квадратов 2×2 м. На каждом участке — по 50 номеров квадратов по береговой линии, которые с напольной, северной, стороны получили буквенные обозначения.

В настоящее время на поселении выявлено четырнадцать хронологически и культурно отличных комплексов, для каждого из которых предлагается название «Вёкса» с буквенным индексом. Это представляется целесообразным для упорядочения материала, полученного при раскопках памятника отдельными участками, в различные годы и разными исследователями.

Стратиграфия и планиграфия памятника

Поверхность памятника имеет выраженный уклон к юго-востоку и представляет собой заливной луг с насыщенным травостоем, который не скашивается последние десять лет. В районе участка 12 находится дренажная канава, от устья которой вверх и вниз по реке располагается небольшая роща из вязов, черемухи, кустарника.

Дерн на всей площади памятника достигает мощности 10-15 см. Под ним идет коричневая супесь мощностью до 40 см, нижний уровень которой является границей слоя, подвергшегося современному антропогенному воздействию. Материал, встречающийся в этом слое, — малоинформативный, мешанный. Это объясняется активной деятельностью человека в районе р. Вёксы и Вологды, которая наблюдается до наших дней. В XVII в. на Вёксе были рыбные ловли, принадлежавшие Спасо-Прилуцкому монастырю [3, с. 26]. Существовала пристань «Вёкса», фундамент которой был зафиксирован в раскопе 1987 г. (В.С. Патрушев), до 1980-х гг. на противоположном, правом, берегу реки сохранились деревянные дома.

Вёкса-А. Слой средневековья выделен на участках 8-9 поселения в виде серого суглинка с углями, мощностью до 20 см. Отдельными пятнами он может иметь место к северу и северо-западу от этих участков. Материалы комплекса представлены гончарной керамикой серо-бурого (с лощением), розового, светлорозового цвета; тесто с примесью редкой дресвы, песка. Полные формы сосудов не подобраны. Венчики сосудов прямые, слегка наклоненные внутрь. Края венчиков оттянуты наружу, скошены внутрь и имеют небольшой уступ, на некоторых присутствует валик. По новгородским древностям, наиболее ранняя керамика этого комплекса датируется XII-XIII вв. н. э. [4, с. 6].

Вёкса-Б. Раннесредневековый слой прослежен на 8-10 участках поселения. Он представлен темно-серым суглинком мощностью от 10 до 50 (в хозяйственных ямах) см. Возможно, средневековое поселение занимало большую площадь. В польемном материале, в раскопах на втором и третьем участках поселения также найдены средневековые вещи. В слое выявлены следы строительной деятельности: остатки сгоревших и сгнивших срубных деревянных конструкций с подвалом, с очагами-кострищами [5]. Раннесредневековый комплекс представлен фрагментами лепных сосудов с расширенной верхней частью, с вертикальными стенками и сосудов закрытой и горшковидной форм. Есть фрагменты от сосудов с валиком. Донца сосудов закругленные, плоские. Преобладают неорнаментированные сосуды, поверхность которых оформлена расчесами или штриховкой. Орнамент встречается на верхней части сосудов. Основные элементы — ямочные вдавления, зубчики, веревочка. На Вёксе представлены сосуды, которые находят аналоги в материалах Крутика и Белоозера, по типологии близкие к I, IV, VI, VII типам по Н.А. Макарову [6, с. 91].

В коллекции представлены железные наконечники стрел подтреугольной и листовидной формы с черешком и без, ромбические в сечении; втульчатые и листовидные наконечники копий; ножи с прямой спинкой, железные лопатки, удила, пластинчатые кресала, наральник с овальной разомкнутой втулкой с косым верхним срезом; бронзовые украшения, среди них фибула с эмалью, бронзовый браслет с бубенчиками; золо-

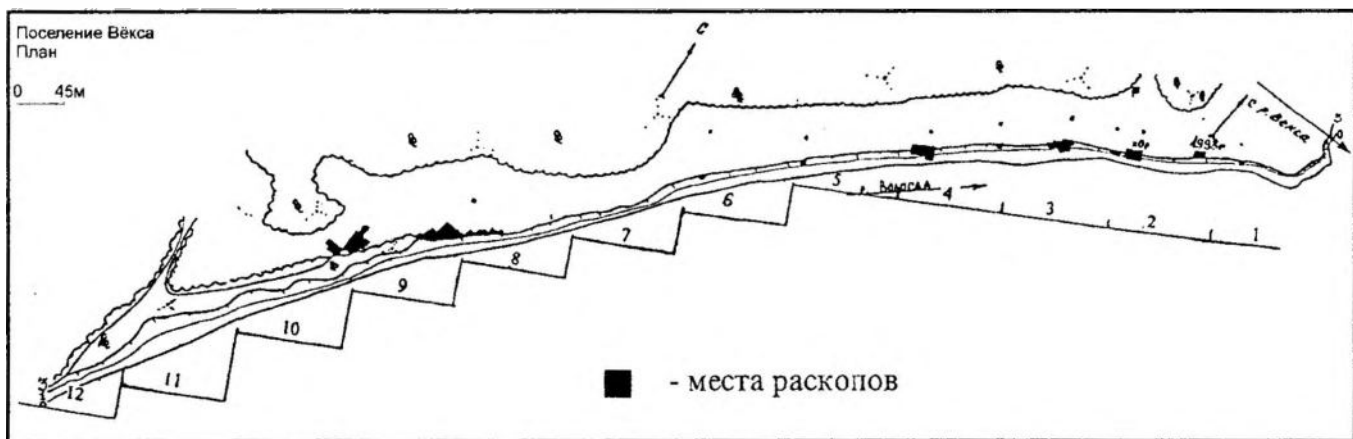

Рис. 2. Инструментальный план памятника (Н.Г.Недомолкина, 1998 г.)

той наконечник ремня со вставками из камней, красные пастовые, глиняные бусины, шлифовальные бруски, сверленный оселок, крицы, шлаки, льячки, тигли, слитки бронзы, каменные орудия с деградирующей техникой обработки. Датируется комплекс сер. I тыс. н.э. - XII в. н.э. [7, с. 49].

Средневековые слои частично разделены стерильными прослойками светло-серого суглинка.

Вёкса-В. Обращает на себя внимание комплекс тонкой гладкостенной керамики с прямыми или слегка отклоненными наружу венчиками, по прямому срезу которых идет орнамент из различных насечек. Сосуды слегка профилированы, с намеченным небольшим плечиком. Данный керамический комплекс сопровождают изделия из железа – плоский черешковый наконечник стрелы, длинный нож с прямой спинкой, клин. Предварительно материал датируется VII-IX вв. н.э.

Слои эпохи раннего железа представлены черным сильно гумусированным суглинком, насыщенным углем, очажными камнями, керамикой, мощностью до 40 см. Поселения раннего железного века достаточно крупные, так как выходы культурного слоя наблюдаются от 1 до 8 участков, существовали продолжительное время – с VII-VI вв. до н.э. до III в. н.э.

Вёкса-Г. Культурный слой, датируемый первыми веками нашей эры, стратифицирован в раскопе С. Ю. Васильева 1990 г. [8, с. 95], на большей площади раскопов слой сливается с более ранним. Из слоя происходит большое количество мелкой малоинформативной керамики. Вся она лепная. В качестве примесей к тесту использовались песок, шамот, дресва, которой отдавалось предпочтение. Обжиг сосудов качественный. Формовка выполнялась техникой лоскутного и ленточного налепов. Формовка днищ выполнена на зольных, зольно-песчаных, дресво-песчаных подсыпках. Большинство фрагментов принадлежит плоскодонным сосудам, круглодонные – единичны. Представлены горшки различной степени профилированности боков, диаметр по венчику варьирует от 6 до 32 см. Венчики прямые и отогнутые наружу, на долю венчиков с «воротничком» приходится примерно 5 % от общего количества. Основное поле сосудов покрыто сеткой, или штриховкой, или – без декора. Нужно отметить, что в верхних пластах штрихованная керамика преобладает. Орнаментальные композиции составлены из следующих элементов: короткие наклонные отриски, горизонтальные и вертикальные линии, зигзаг, выполненные зубчатым штампом, ямочными вдавлениями, тычками, фигурными штампами.

Вёкса-Д. Поселение раннего железного века VII-VI вв. до н.э. – самое крупное по площади не только для данного памятника, но и для северных областей европейской части России [9, с. 31]. В раскопах прослежено большое количество столбовых конструкций с очагами из мелких колотых камней, крупными очажными ямами и зольниками. Несмотря на имеющиеся характерные признаки жилищ, их трудно выделить, отметить конструктивные особенности. Материал представлен керамикой, которая по обработке поверхности разделена на три группы [9, с. 30]. 1. Посуда с текстильным орнаментом с примесью дресвы, реже песка. Орнамент занимает верхнюю треть сосудов и представлен круглыми и неправильными ямками, иногда жемчужинами, мелкими вдавлениями, оттисками зубчатого штампа и рядами шнуровых отпечатков. Основное поле сосудов покрыто сеткой – ниточными и рябчатыми отпечатками. 2. Гладкостенная керамика по форме, примесям и орнаменту практически не отличается от посуды первой группы. 3. Штрихованная керамика с примесью песка, в значительной мере – без орнамента. Есть фрагменты стенок со штриховкой по сетке. Вся керамика лепная. Обжиг сосудов качественный, формовка производилась техникой лоскутного и ленточного налепов. Форма сосудов – горшковидная. Есть чашевидные сосуды, небольшие баночки. Большинство сосудов открытые, с округлым или прямым срезом края венчика. Диаметр по венчику варьирует от 12 до 42 см. Дно сосудов – округлое и плоское.

Керамические комплексы поселения Вёкса «аналогичны комплексам широкого круга памятников эпохи раннего железа, круга культур с «текстильной» керамикой лесного Поволжья и более южных районов, в том числе и Марийского Поволжья (памятники ахмыловского облика) только в смешанном виде. Ближайшие аналогии каменный инвентарь и керамика находят в инвентаре стоянок и поселений с сетчатой керамикой региона, в позднекаргопольской культуре. Датируется комплекс VII-VI вв. до н.э.» [9, с. 31]. Наряду с поселениями у д. Куреваниха в Устюженском районе на Вёксе найдены самые ранние изделия из железа [10, с. 30; 11, с. 41; 12, с. 13].

Среди других находок богатейшего комплекса раннего железного века – глиняные грузики характерной для Вёксы формы, железные, бронзовые орудия и украшения, литейные формы, тигли, крицы, шлаки, которые подтверждают местное производство металлов, каменные орудия.

Интерес представляет находка трехлопастного с выступающей втулкой бронзового наконечника стрелы. На втулке были нанесены три насечки. Вёкса на сегодняшний день является самым северным пунктом в области, где найдены предметы степного вооружения.

Следует также отметить, что в коллекциях находится небольшая группа керамики, представленная тонкостенными сосудами (толщиной стенок 3-4 мм). Тесто хорошо отмучано, содержит примесь мелкозернистой дресвы. Венчики слегка отогнуты наружу. Орнаментация выполнена мелкозубчатым штампом. Эта керамика выделяется из общей массы. Может быть, она использовалась для определенных целей, а возможно, со временем даст основание для вычленения еще одного культурно-хронологического комплекса.

Поселение эпохи бронзы занимало 1-4 участки памятника. Слои, слабонасыщенные находками, связаны со светло-серой глиной мощностью 10-15 см, верх которой сильно нарушен поздними культурными напластованиями, датируются II тыс. до н.э. Материал представлен «не типичными для бассейна р. Сухоны комплексами» [8, с. 102] с фатьяновидной керамикой. Керамические комплексы эпохи бронзы подробно рас-

смотрены в работе С.Ю. Васильева [8, с. 96-101], поэтому мы остановимся на общих моментах.

Вёкса-Е. Группа находок сейминского облика представлена сосудами, которые в качестве примеси к тесту имеют органику и толченую раковину. Выделено около десяти сосудов. Обжиг – качественный. Нужно отметить их тонкостенность. Сосуды были с круглым дном, выпуклой медиальной зоной, прямым горлом, при переходе от которого к тулову имеется характерное утолщение, образующее ребро по внутреннему краю. Выделяются группы и варианты по оформлению верхней части горла. Основными орнаментальными мотивами являются горизонтальные линии в несколько рядов, выполненные тонкой гребенкой или гладким штампом, разделенные поясами коротких вертикальных или наклонных оттисков, зигзагов. Керамика этого комплекса генетически связана с предшествующей группой керамики, формирование которой проходило в более южных и юго-восточных областях. Хронологически рассматриваемый материал сопоставим с чирковскими памятниками юринского этапа кон. II тыс. до н. э. [8, с. 101]. Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел с прямым или вогнутым основанием, пером подтреугольной вытянутой формы и плоской, прекрасно обработанной, поверхностью. Скрепки – простые концевые, боковые, угловые, с круговым рабочим краем. К этому комплексу относится серия каменных рубящих орудий, в т. ч. сверленых топоров, обломки тиглей.

Вёкса-Ж. Типологически выделяется еще одна группа керамики, возможно, она сосуществует с предыдущей и является местной по своему происхождению. В качестве примеси в этом случае сосуды имеют песок и мелкую дрсву. Обжиг качественный. Венчики сосудов – прямые с прямым срезом по краю. Полных форм не восстановлено. Орнамент идет по верхнему краю сосуда. Основные элементы – ямка и короткий гребенчатый штамп, мотив – горизонтальные пояса, нанесенные гребенкой. По краю сосудов идет полоса, выполненная глубокими правильными ямками с выступами с внутренней стороны. Ниже – наклонные линии оттисков гребенчатого штампа и орнамент в виде заполненных ромбов, нанесенный тем же штампом. Завершает эту композицию ряд ямок на внутренней стороне сосуда, при этом на внешней стороне образуются «жемчужины». К этой группе керамики относятся фрагменты с изображением плывущей птицы. Основное поле сосудов покрыто штриховкой. Следует отметить наличие сосудов с сетчатыми отпечатками с наружной и внутренней сторон, по которым нанесен подобный орнамент. Очевидно, датировать комплекс следует временем поздней бронзы.

Вёкса-З. Керамика, в примеси к тесту имеющая органику, в единичных случаях – раковину, представлена фрагментами, которые не позволяют полностью восстановить форму сосудов. Наиболее хорошо этот комплекс изучен в раскопах 1990, 1992 гг., где выделено не менее 28 сосудов по венчикам. Сосуды – средних размеров с диаметром горла 12-27 см, с выпуклым туловом, круглым дном, отогнутой наружу достаточно высокой шейкой. Выделяются варианты оформления верхней части шейки.

Орнаментальная композиция характерна для верхней части сосудов, составлена из оттисков зубчатого штампа, гладких линий, реже – оттисков веревочки или овальных, округлых вдавлений. Основные элементы орнаментальных композиций – горизонтальные линии, зигзаги вертикальных или наклонных коротких оттисков зубчатого штампа, полосы косых разнонаклонных насечек. Для значительной части сосудов характерна орнаментация внутренней поверхности горла теми же элементами.

Орудия представлены наконечниками стрел листовидной формы и черешковыми, с коротким и удлинённым пером. Скрепки – концевые, угловые, боковые, с округлым рабочим краем, оформленным крутой режущей кромкой. Преобладает кремь серого цвета. К комплексам бронзового века относится серия каменных сверленых топоров, кремневых тесел.

Данный материал поселения Вёкса может быть датирован 3-й четв. II тыс. до н. э. [8, с. 98]. Он находит аналогии в фатьяновских комплексах.

Поселения с пористой керамикой энеолитического облика выявлены на 3-8 участках памятника. Специального изучения слоев не проводилось, поэтому, используя материалы раскопов, где энеолитический слой исследовался как сопутствующий, можно выделить два комплекса: с пористой керамикой раннего облика типа Модлона II 2-й пол. III тыс. до н. э. и позднего волосова с красной пористой керамикой с Т- и Г-образными венчиками кон. III - нач. II тыс. до н. э. Слой мощностью от 20 до 100 (в столбовых ямах) см, представлен сильногумусированной черной глиной.

Вёкса-И. Комплекс пористой керамики состоит из фрагментов сосудов желтого и красного цвета с Г- и Т-образными венчиками толщиной до 3 см. Нужно отметить появление единичных фрагментов с примесью асбеста. В орнаменте предпочтение отдается гребенчатому штампу. Оттисками мелкого гребенчатого штампа выполнены узоры в виде горизонтальной елочки. Иногда отпечатки гребенки в сочетании с ямками образуют сложные композиции. Аналоги этой керамике встречаются в поздних волосовских комплексах, которые датируются кон. III - нач. II тыс. до н. э. [13, с. 14-15]. Наиболее близкие аналоги данной керамике имеются в материалах стоянки Каргулино [9, с. 73].

Вёкса-К. Поселение с пористой керамикой типа Модлона II наиболее изучено раскопами 1994 - 1996 гг. В слое выявлены столбовые жилищные конструкции, расположенные в линию по берегу р. Вологды. К сожалению, полной формы построек не прослежено, так как часть их уже смыта рекой, а часть не вошла в площадь раскопов. Постройки – с большим количеством хозяйственных ям, заполненных мелкой кальцинированной костью, глиняной крошкой, углем. Очевидно, жилища были связаны между собой настилами на сваях, предположительно, из-за высокого уровня воды в реках. Общая длина одного из них, ориентированного вдоль р. Вологды, – 21 м, ширина – примерно 120-140 см.

Фрагменты сосудов с пористым тестом многочисленны, но плохой сохранности: очень мелкие, с окатан-

ными сломанами. Это затрудняет их подбор, даже если они от одного сосуда, поэтому целых форм восстановить не удалось, только верхние части. Сосуды были прикрытой формы, изготавливались ленточным способом. Очевидно, они имели средние размеры. Стенки сравнительно тонкие, венчики прямые, иногда округлые или повторяющие форму венчиков неолитического времени без утолщения, также есть массивные с большим наплывом, чаще вовнутрь сосуда. В керамическом тесте отмечена примесь раковин, в большинстве случаев состав примеси трудноопределим. Керамика черная, желто-коричневая, коричнево-красноватая, в разломах иногда черная. Есть сосуды хорошего обжига. В орнаментации среди узоров преобладают косые полосы оттисков длинной и короткой гребенки в виде вертикальных зигзагов или елочка. Имеются сосуды с ямчатыми вдавлениями. Рамчатый штамп не характерен. Аналогии керамическому комплексу с поселением Вёкса найдены в материалах верхнего слоя стоянки Модлона II и датируются 2-й пол. III тыс. до н. э. [14, с. 127].

Описание каменного инвентаря дается совместное для обоих комплексов с пористой керамикой. В настоящий период изученности не представляется возможным деление форм орудий на более ранние и поздние. Основная масса орудий, соотносимая с пористой керамикой, выполнена из кремня светлого, светло-серого, темно-серого цвета. Они выделяются из смежных комплексов высокой техникой обработки. Среди наконечников стрел преобладают листовидные, а также с прямым основанием и пыльчатой ретушью. В коллекции большое количество скребков округлой, прямоугольной с высокой спинкой, треугольной формы. Скоблиющие орудия чаще всего выполнены на крупных отщепках. Есть различные комбинированные орудия, ножи, проколки, фигурные кремни, янтарные украшения-подвески. Изготовление орудий производилось на поселении, что подтверждает большое количество мелких отщепов в слое. Очевидно, с комплексом с пористой керамикой нужно связывать находки в подъемном материале сланцевых когтеобразных тесел. Представлены разнообразные орудия из сланца. К сожалению, вещи из органических материалов на Вёксе сохраняются редко.

На памятнике выделено три неолитических комплекса.

На 4-м и частично 3-м участках выявлен культурный слой с ямочной керамикой, которая находит аналогии в каргопольской и карельской (ее восточный вариант) культурах и поэтому может датироваться IV тыс. до н. э. Слой мощностью до 40 см представлен светло-серой глиной. На четвертом участке поселения найден могильник, часть погребений соотносима с данным культурным слоем [15].

Вёкса-Л. Комплекс ямочной неолитической керамики представлен двумя полными и двумя частичными развалами сосудов, венчиками, стенками. В коллекции находится 144 фрагмента керамики от 18 сосудов, судя по венчикам. Выделены восемь элементов орнамента и их сочетание в двадцати четырех вариантах. Орнамент нанесен очень четко. Поверхность сосудов орнаментирована рядами сдвоенных и строенных ямок правильной конической формы, разделенных поясами пустого поля, и только венчикам присуще разнообразие в виде насечек и оттисков короткого гребенчатого штампа. Венчики прямые, с закругленными или скошенными внутрь краями. Треть венчиков орнаментирована по срезу «гребенкой». Донца сосудов округлые, приотстранные. Горшки невысокие, диаметр горла – 25-30 см – превышает или равен их высоте. Сосуды полуяйцевидной и конической формы. Тесто, из которого они сделаны, хорошо отмучано, с примесью мелкой дресвы, в единичных случаях шамота, красного или коричневого цвета, хорошего обжига. Сосуды тонкостенные.

Орудия труда очень сложно вычленивать из смежных комплексов, так как на данном участке поселения выделено семь культурных слоев, перекрывающих друг друга. Очевидно, с ямочной керамикой можно связать наконечники стрел ромбической формы, небольшие концевые скребки подчетырёхугольных очертаний на пластинчатых отщепках и дисковидные с двумя рабочими лезвиями, скобели на крупных отщепках, предметы искусства – глиняную подвеску с ямочным орнаментом, обломок сланцевого кольца, вещи из погребения № 3 – сланцевое кольцо с насечками, фигурный кремь.

Ближайшие аналоги материалу находятся в комплексах каргопольской культуры со стоянок Андозеро V (нижний слой), Сухое, которые относятся к среднему этапу развития культуры и датируются 2-й пол. IV – нач. III тыс. до н. э. По технико-типологическим признакам керамика близка также керамике ранних ямочно-гребенчатых комплексов в Карелии, в частности Черной Речки I, где подобная относится к первому этапу и датируется 1-й пол. – сер. IV тыс. до н. э. [16, с. 218, 226]. Очевидно, наш комплекс можно датировать сер. IV – возможно, нач. III тыс. до н. э.

Все нижележащие слои отделены стерильной прослойкой светло-коричневой глины, после выборки которой на 7-9 участках поселения выявлен культурный слой темно-бурой глины мощностью до 60 см. Из него происходит материал, представленный ямочно-гребенчатой керамикой типа раннего и среднего этапов льяловской культуры.

Вёкса-М. Комплекс ямочно-гребенчатой неолитической керамики. В культурном слое выявлена столбовая постройка, вскрыта ее часть 4×6 м с очагом размерами 0,8×2 м и хозяйственной ямой с западной стороны. Постройка ориентирована вглубь берега в направлении север-юг, очевидно, с выходом в сторону реки. Она как бы ограничивает неолитическое поселение с западной стороны, так как дальше культурный слой неолита не прослеживается.

Коллекция керамики представлена развалами сосудов и отдельными фрагментами. На береговом склоне были найдены сосуды, которые использовались для хранения пищи. Часть из них реставрирована. Сосуды полуяйцевидной формы с округлым или коническим дном. Изготовлены способом налепа. Они высокие, имеют большие размеры, диаметр горла до 60 см. Сосуды со следами нагара более мелкие с диаметром

горла до 36 см. По профилировке верхней части выделяются сосуды прямые или прикрытые. Венчики прямые, округлые, скошенные с наплывом внутрь, у последних чаще присутствует орнаментация по срезу. Стенки сосудов толщиной 0,8-1 см, тесто грубое, с большой примесью крупной дресвы; красного, желтого, коричневого цвета. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Элементы и орнаментальные композиции – глубокие конические ямки с приплюснутыми выступами с внутренней стороны, где сохранились отпечатки пальцев, на некоторых фрагментах внутренняя поверхность имеет следы заглаживания; горизонтальные линии оттисков гребенчатого штампа, чаще используемые как разделительные; ямки и оттиски вертикального и наклонного короткого — до 3-4 см – гребенчатого штампа; сочетание ямки и гребенки, образующей косую решетку или ромбы. Разнообразие орнамента присуще зоне венчиков, в орнаменте основного поля сосудов преобладает ямка. На некоторых сосудах ямки заполнены необожженной глиной, но настолько плотной, что создается впечатление о специальном их заполнении.

Учитывая стратиграфию участка и то, что одновременные поселения памятника тяготеют по расположению к устью р. Вёксы, можно считать неолитический комплекс данного участка достаточно чистым. Сырьем для каменных орудий служили кремь желтого, красного, светло-серого цвета и сланец. Коллекция содержит наконечники стрел, в основном листовидной формы с двусторонней ретушью по всей поверхности. Есть наконечник, выполненный на пластине, с частичной ретушью с брюшка и полной со стороны спинки, насад оформлен с одной стороны. Скребки преобладают концевые подчетыреугольной формы, встречены дисковидные. В коллекции есть сечения, резцы, скобели на крупных пластинчатых отщепках, ножи, нуклеусы. Сланцевые орудия представлены обломками терочных плит, теслами, топорами, вкладышем, гребенчатым штампом, а также отбойниками и сверленными подвесками. Данный комплекс поселения во многом близок материалам поселений Борань Костромского Поволжья, Языково 1, находит аналогии в льяловской культуре (восточный вариант) на ее раннем и среднем этапах развития [17; 18, с. 173]. Предварительная датировка – кон. V-IV тыс. до н. э.

Вёкса-Н. На 4 участке поселения выявлен культурный слой в виде коричневой слабогумусированной глины мощностью 15-20 см с находками ранней неолитической гребенчатой керамики.

Коллекция насчитывает 100 фрагментов керамики, по венчикам – от шести сосудов. Выделены 8 элементов орнамента и до 20 сочетаний. Преобладают фрагменты с оттисками прямого или наклонно поставленного длинного гребенчатого штампа с четкими отпечатками зубчиков, а также орнаментом в виде «машинной строчки». Под срезом венчика идет пояс ямок с выступами с внутренней стороны. Есть неорнаментированные фрагменты. Для орнаментальных композиций характерно деление горизонтальных зон оттисками короткого, овального или прямого гребенчатого штампа, поясом из глубоких конических ямок и ямок, нанесенных под углом к поверхности сосуда, треугольных вдавлений, выполненных в отступающей манере. Дно орнаментировалось гребенчатым штампом веерным или радиальным узором. Тесто сосудов хорошо отмучано с примесью небольшого количества дресвы и органики, у некоторых – охры, слюды, пирита. Керамика коричневого цвета хорошего обжига, несмотря на это, ее сохранность плохая: при взятии из грунта происходит расслоение фрагментов. Сосуды небольшие, с округлым и приостренным дном, диаметр горла – до 18 см. Венчики утоньшены, отогнуты наружу, иногда орнаментированы по срезу, на некоторых есть следы нагара. Такая форма венчиков придает некоторую S-видность сосудам. Судя по публикациям, это характерно для всей ранне-неолитической керамики. Толщина стенок 0,6-1 см.

Каменный инвентарь этого комплекса состоит из наконечника стрелы листовидной формы на ребристой пластине, треугольной «трапеции», концевых скребков на пластинах, а также на отщепках с зауженным рабочим краем, скобелей на пластинах, сечений, резцов из кремня светлого и черного цвета. Представленный материал находит аналогии в материалах верхневолжской культуры, предварительно датируется посл. четв. – кон. V тыс. до н. э. Наряду с поселением Тудозеро V [19, с. 26-28] это самый древний неолитический комплекс Вологодской области. Памятники с подобной керамикой только начинают выявляться и изучаться.

Общая мощность культурных напластований с прослойками поселения Вёкса достигает 2 м.

Материк представлен красной и серо-бурой глиной, из которой вымываются кости животных, раковины моллюсков, пни деревьев. Очевидно, в древности береговая линия была покрыта широколиственным лесом, остатки которого в виде реликтовой вязовой рощи мы наблюдаем в наши дни. В первые годы раскопок на размытом береговом склоне наблюдались длинные линзы рыбьей чешуи. Культурные слои поселения формируются ближе к береговому валу, выклиниваясь в напольную сторону. Стерильные прослойки свидетельствуют о затоплении поселения, которое в настоящее время происходит редко и на непродолжительный период в большие паводки. Прослойки позволяют четко стратифицировать культурные слои. Это даст возможность на материалах Вёксы решать вопросы контактов различных культурных групп в определенные хронологические периоды, последовательности и путей заселения изучаемой территории.

Таким образом, поселение Вёкса существовало с V тыс. до н. э. до позднего средневековья. Население оставляет удобный берег реки на непродолжительные периоды, очевидно, связанные с затоплением этих мест при повышении уровня воды в реках. Место для поселения очень удобно, так как можно было контролировать развязку всех водных артерий в этом районе. Значение поселения падает с появлением спрямленного пути у современного поселка Устье Вологодское [11, с. 28], а также с развитием гужевого транспорта [20, гл. 4]. С X-XI вв. н.э. осваиваются волоки, отделяющие реки Северного океана от рек Волжского бассейна [21, с. 30], что привело к появлению трактов, в том числе и Архангелогородского, на котором стоит современный город Вологда. Поселения XII в. на территории города известны [22, с. 43]. Очевидно, Вёксу можно считать предшественницей г. Вологды. То, что Вёкса была своеобразным центром региона, подтверждает и большое количество стоянок и поселений, открытых здесь в настоящее время [22, с. 32].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской. Архангельск, 1991.
2. Недомолкина Н. Г. Векса – предтеча Вологды // Вологда 3. Историко-краеведческий альманах. Вологда. В печати.
3. Савваитов П., Суворов Н. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1884.
4. Никитинский И. Ф. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1985 г. // Архив Вологодского государственного музея-заповедника (ВГМЗ). Б/н.
5. Никитинский И. Ф. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1984 г. // Архив ВГМЗ. Б/н.
6. Никитинский И. Ф. Отчет Вологодской археологической экспедиции об охранных раскопках на поселении Векса (Вологодский район) и разведке в Вологодском районе в 1993 г. // Архив ВГМЗ. Б/н.
7. Никитинский И. Ф. Ранние средневековые находки из г. Вологды // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.
8. Васильев С. Ю. Стратиграфия поселения Векса // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
9. Патрушев В. С. Поселение Векса I в Вологодской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
10. Патрушев В. С. Отчет о раскопках поселения Векса I в Вологодской области в 1987 году // Архив ВГМЗ. Б/н.
11. Никитинский И. Ф. Поселение раннего железного века Векса I на реке Вологде // Послужить Северу...: Историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995.
12. Башенькин А. Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997.
13. Крайнов Д. А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
14. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
15. Недомолкина Н. Г., Никитинский И. Ф. Могильник поселения Векса // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
16. Ошибкина С. В. Карельская культура // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
17. Гурина Н. Н. Неолитическое поселение Борань // МИА. № 79. 1960.
18. Гурина Н. Н., Крайнов Д. А. Льяловская культура // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М., 1996.
19. Иванецев А. М. Древности Вытегории // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
20. Кипарисов А. Гужевые пути сообщения. Издание областной плановой комиссии Северо-Восточных областей. Архангельск, 1924.
21. Макаров Н. А. Русский Север. Таинственное средневековье. М., 1993.
22. Башенькин А. Н., Кукушкин И. П. Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.

*Вологодский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник,
Вологда*

N.G. Nedomolkina

THE MULTILAYER SITE VYEKSA

Summary

The article presents archaeological material from the multilayer site Vyeksa located in Vologda region, which was excavated in 1981-1998.

The author outlines 14 cultural and chronological complexes from the Early Neolithic to the Late Middle Ages.

*Vologda State Historical, Architectural
and Arts Museum-Reservation
15, S.Orlova St.,
Vologda, 160035, Russia*

А.М. Иванищев, М.В. Иванищева

ТУДОЗЕРО V – ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА – РАННЕГО НЕОЛИТА В ЮЖНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Многослойное поселение Тудозеро V открыто в 1986 г. Вытегорским отрядом Северорусской археологической экспедиции на дюнном берегу между оз. Онежским и Тудозером в 650 м к югу от протоки, соединяющей озера. Ширина дюны 30-40 м. Раскопки проводились в 1988-94 и 1998 гг., вскрыто 1056 кв. м. На поселении исследованы слои от эпохи мезолита до позднего средневековья. С севера и юга площадка памятника ограничена надувными песчаными валами, имеет уклон в восточную сторону (к Тудозеру). Высота над уровнем воды в Онежском озере 5 м. Мощность напластований превышает 4 м в западной и достигает 1 м в восточной части. Под передувом дюны залегает слой песка серого цвета до 0,2 м – времени позднего средневековья. Под ним слой черного песка – культурный слой раннего железного века мощностью от 0,1 до 0,4 м. Ниже идет розовый песок с находками эпохи бронзы – энеолита толщиной от 0,1 до 0,8 м в затеках. Ниже – рыже-желтый песок мощностью от 0,2 до 1,0 м с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой. В этом слое был исследован могильник (10 погребений) сер. – кон. III тыс. до н. э. Ниже балласт – чистый желтый песок толщиной до 1,6 м. Его подстилает нижний серо-черный слой, разделенный местами прослойками чистого желтого песка, мощностью от 0,3 до 0,7 м, относящийся ко времени раннего неолита. В 1998 г. в раскопе XI под слоем раннего неолита обнаружены три могильные ямы. Все они безынвентарные. Костяки не сохранились, только в одной яме были расчищены остатки нижней челюсти погребенного. Могильник датируется раннеэнеолитическим временем (в рамках V тыс. до н. э.). Под слоем раннего неолита и небольшой стерильной прослойкой (0,05-0,2 м), в которой и были выявлены могильные ямы, обнаружен культурный слой черного цвета, залегающий на уровне и ниже уровня стояния воды в Онежском озере. Мощность слоя до 0,3 м. Он относится к эпохе мезолита.

Материалы памятника введены в научный оборот не полностью [1], часть в печати. Полностью опубликованы материалы могильника эпохи энеолита [2]. Для нижнего раннеэнеолитического слоя получены радиоуглеродные определения: 6110 ± 100 (ГИН-7662) л. н. из очага в раскопе VI (1992 г.), 6230 ± 120 (ГИН-7663) л. н. из очага в раскопе V (1992 г.), 6250 ± 50 (ГИН-8050) л. н. из очага в раскопе VIII (1993 г.) и 7240 ± 60 (ГА-2354) л.н. из жилищной западины (1989 г.) [3, с.27].

В 1996-97 гг. были проведены раскопки поселений на внутренних озерах района: Кемское III на протоке между оз. Кемским и Кукозеро (ранний неолит) и на оз. Лухтозеро у д. Ундозерский погост Ундозеро I (мезолит, неолит, средневековье).

Попытки соотнести полученные материалы с позднеэнеолитическими и раннеэнеолитическими памятниками соседних территорий (в первую очередь Карелии) привели нас к выделению группы памятников типа Тудозеро V, о чем было сделано сообщение на конференции в Вологде в 1996 г. [4]. Возникшие вопросы: о преемственности памятников раннеэнеолитического времени и позднеэнеолитических, о времени появления первой керамики в Обонежье, о соотношении ранней гребенчатой керамики с керамикой сперрингс – подтолкнули нас продолжить работы на Тудозеро V. Анализу материалов исследований 1998 г. и предыдущих лет посвящена данная работа.

Но вначале несколько слов о ситуации, касающейся рассмотрения вопросов, связанных с культурой сперрингс. К кон. 1970-х гг. после опубликования работ карельских археологов [5-9], казалось, были решены многие проблемы – принцип выделения культуры, ее хронологии, ареала и т.д., и в течение 1980-х гг. публикации на эту тему не нарушали ранее созданную схему. 1990-е гг., особенно последние пять лет, породили всплеск публикаций, возвращающих нас к этим вопросам [10-16]. Почему-то опять многое стало не ясно. Не внес ясности и последний обобщающий труд карельских археологов [17]. Слишком много обнаруживается сейчас разночтений в нем как с ранее опубликованными, так и с работами 1997-98 гг. [18-20]. Не вдаваясь в разбор разногласий, отметим, что нет определенности в количестве памятников сперрингс в Карелии и за ее пределами; количестве “чистых” комплексов с керамикой сперрингс. В список в сборнике 1996 г. [17] не включен ряд памятников Г.А. Панкрушева, не вошла даже Пегрема IX, о дате которой писали или рассуждали все. По нашим подсчетам, на сегодня в Карелии известны 202 памятника с керамикой сперрингс (вместо 156, учтенных в сборнике), за пределами ее: в Финляндии – 50, в Архангельской обл. (на оз. Лаче, Кенозеро, Кожозеро, Мошинском) – не менее 10, в Ленинградской обл. – 20 или более, в Вологодской обл. – не менее 20. Общее количество – 290–300 памятников, из них одна треть за пределами Карелии. Если же рассматривать соотношение по керамическим комплексам, выделяемым исследователями, то кар-

тина будет пестрой: по А.П. Журавлеву, только с позвонковым орнаментом на керамике более 160 памятников [21, с. 11]; по К.Э. Герману – всех 157, не включая Сяр I [22, с. 190]. Одни выделяют раннюю гребенчатую керамику, отличая ее от сперрингс [19], другие считают, что она входит в единый комплекс со сперрингс, но на втором этапе развития последней, то есть более позднем [13, с. 81]. По нашим сведениям, исходя из опубликованных материалов, на ранних памятниках со сперрингс (Пески III) и имеющих раннюю дату (Ерпин Пудас, Уя III) присутствует ранняя гребенчатая керамика. В последних работах К.Э. Германа и Н.В. Лобановой приводятся конкретные данные по количеству ранней гребенчатой керамики на памятниках восточного берега Онежского озера в районе петроглифов. По Н.В. Лобановой, на 22 из 50 памятников этого района выделены сосуды ранней гребенчатой керамики. На острове Большой Гурий из 22 сосудов 18 относятся к типу ранней гребенчатой и лишь по 2 сосуда – с позвонковым и веревочным орнаментом [23]. К.Э. Герман отмечает высокое процентное содержание раннегребенчатых сосудов на Уе VII (12%) и в целом наличие их в небольшом количестве на всех памятниках, углубляя время появления ранней гребенчатой керамики на памятниках Карелии до 2-й пол. V тыс. до н. э. [24].

Надеемся, что материалы поселения Тудозеро V помогут прояснить ситуацию. Памятник имеет четкую стратиграфию, что редко для поселений Карелии. Попытаемся взглянуть на сложившуюся ситуацию из Южного Прионежья, тем более что такие попытки уже были – из Волго-Окского междуречья [20].

Работами Вытегорского отряда на территории Южного Прионежья выявлены 17 памятников эпохи мезолита, раскопками исследовались 3. Каменная индустрия поселения Ундозеро I базируется на использовании местного сырья, преимущественно кремня, в меньшей степени – сланца. Расщепление кремня направлено на получение отщепов как основной заготовки для орудий при достаточно высоком уровне развития пластинчатой техники. Скалывание пластин производилось, в основном, с торцевых нуклеусов, изготовленных из отщепов или оформленных на плитках и гальках кремня. Большинство пластин использовалось без дополнительной обработки в качестве ножей, скреблей, проколов. Орудия со вторичной обработкой (12% от всех пластинчатых заготовок) представлены, в основном, вкладышами – с притупленным концом, с притупленным концом и краем, прямоугольными с ретушью по краю; орудиями со скреблевидной выемкой, скребками, симметричным острием, немногочисленными резцами на углу сломанной пластинки. Из культурно-определяющих типов орудий представлены сланцевые миниатюрные илифоватные тесла, единичны доловидные орудия типа *pièces écaillées*. Скребки являются преобладающей категорией орудий и представлены характерными для Обонежья формами, изготовленными преимущественно на отщепах и сколах (табл. 1). Материалы Ундозеро I наиболее близки памятникам Юго-Восточной Карелии с кремневым инвентарем, входящим в круг обонежской культуры [10, с. 63], памятникам типа Андозеро-М Восточного Прионежья и бассейна Шексны [25, с. 165] и характеризуют развитый этап мезолита региона.

Сравнение материалов мезолитического и раннеолитического слоев раскопа XI 1998 г. на поселении Тудозеро V можно считать достаточно объективным. Оба слоя исследовались на одинаковой площади (84 кв. м), получена достаточно представительная коллекция орудий. В мезолитическом слое обнаружено 151 орудие, в раннеолитическом – 123 (табл. 2). Кроме того, незначительная стерильная прослойка, разделяющая слои, и близость каменного инвентаря позволяют говорить о небольшом хронологическом разрыве между исследованными комплексами и, соответственно, слой без керамики определить как позднемезолитический.

Таблица 1. Типы скребков на памятниках эпохи камня в Южном Прионежье

Памятники Датировка	Ундозеро I		Тудозеро V			
	Мезолит		Мезолит		Ранний неолит	
Количество скребков	Ед.	%	Ед.	%	Ед.	%
ВСЕГО (от всех орудий):	273	23	36	24	10	9
Всего (от всех скребков):						
Типы скребков						
Концевые на пластинах	+	10	+	8	+	10
Концевые на отщепах и сколах	+	23	+	13	+	20
Двуконцевые	+		–		–	
Угловые	+		+		+	
Округлые с ½ обработ. периметра	+	10	+	8	+	
Округлые с ¼ обработ. периметра	+	6	+	11	–	
Круговые	+		+		+	
Боковые	+		–		+	
С высоким основанием ("ручные")	+		+		–	
С выделенной рукоятью	+		+		–	
Микроскребки	+	14	+	11	–	
Скребки-«пуговики» (дисквидные)	+		+		–	

Таблица 2. Каменный инвентарь поселения Тудозеро V (поздний мезолит – ранний неолит)

Дата (слой)	НЕОЛИТ (НИЖНИЙ СЕРЫЙ - 1,2)														МЕЗОЛИТ (НИЖНИЙ ЧЕРНЫЙ)													
	Сырье, характер заготовки	Кремень	Сланец	Леска	Кварц	Кварцит	Песчаник	Горный хрусталь	ВСЕГО		Пластична	Отщип	Обломок, скол	Плитка, галька	Кремень	Сланец	Дури	Кварц	Песчаник	Кварцит	Гравит	ВСЕГО		Пластична	Отщип	Обломок, скол	Плитка, галька	
									ед.	%												ед.	%					
ОРУДИЯ ОХОТЫ И ПРОМЫСЛА								5	4													4	3					
Наконечник стрел, остря	3	1						4		1		3		3								3		2		1		
Грузила для лесок		1						1					1	1								1					1	
ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ОРУДИЯ								17	14													12	8					
Топоры			1					1				1																
Тесла		1						1				1		3								3					3	
Стамески		9						9				9		2								2					2	
Долота		1						1				1		1								1					1	
Тесловидные орудия														2	1							3					3	
Обломки орудий		5						5				5		3								3					3	
АБРАЗИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ								9	7													17	11					
Шлифовальные плитки		1						1				1							4			4					4	
Тоцильные бруски		4			2			6				6		4			1	1				6					6	
Цилы														3					2			5					5	
Отбойники																				2		2					2	
Резищеры переходники		2						2				2																
БЫТОВЫЕ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОРУДИЯ								92	75													118	78					
Скребла		1						1				1																
Скребки	10							10		2	6	2		34	1	1						36		4	19	13		
Скобели	8		2	1				11			2	9		12	1	2						15		2	10	3		
Резны	3			2				5		1	2	2		9			1					10		2	4	4		
Резчики	2							2				2		1								1				1		
Прокоски	8		2	1				11			6	5		11		1	1					13			5	8		
Сведла	7	1						8			2	6		8								8			4	4		
Долотовидные орудия	9	3	2					14				11	3	6	2		1					9			1	6	2	
Ножи	5	5	1					11		1	1	5	4	4	3							7		2	2		3	
Комбинированные орудия	2		1					3			2	1																
Обломки неопределенных орудий	3	10					1	14				4	10	8	3	2						13			3	8	2	
Пластины с ретикулой	1							1		1				1								1		1				
Вкладыши со вторичной обработкой	1							1		1				5								5		5				
ВСЕГО ОРУДИЙ (ед.)	62	45	9	4	2		1	123	100	7	21	51	44	102	29	7	3	1	7	2	151	100	18	48	48	37		
от всех орудий околонульи (%)	50	37	7	3	2		1	100		6	17	41	36	67	19	5	2	1	5	1	100		12	32	32	24		
Фигурные кремни														2								2						
Кольца		2						2																				
Обломки со следами использования	5		1					6						4	2	1						7						
1 Пластины со следами использования	4		1					5						17								17						
Вкладыши со следами использования	7							7						7								7						
Пластины без следов работности	2							2						15								15						
Пудрелесы	2							2						6								6						
ВСЕГО ИЗДЕЛИЙ (ед.)	82	47	11	4	2		1	147						153	31	8	3	1	7	2	205							

Анализ каменного инвентаря и статистическая обработка позволяют говорить о сохранении облика каменной индустрии в Южном Прионежье в позднемезолитическое – раннеэнеолитическое время. Это выражается в преимущественном использовании кремня для изготовления орудий при подчиненном значении сланца (деревобрабатывающие инструменты). Преемственность техники расщепления особенно наглядна при сравнении удельного веса орудий, изготовленных из различных пород камня, и отходов производства (табл. 3). Сохранение традиций в изготовлении орудий демонстрируется наличием в обоих слоях Тудозеро V специфических категорий инвентаря, среди которых представлены долотовидные орудия (рис. 1: 51-55; 2: 36-41); близостью типов некоторых групп орудий и прежде всего скребков (рис. 1: 26-46; 2: 19-26). Соотношение удельного веса различных групп инвентаря (табл. 3) свидетельствует, скорее, о сохранении близкого уклада жизни населением Обонежья в позднем мезолите – раннем неолите. Вопреки сложившемуся мнению, можно говорить о значительной роли охоты в этот период. Наконечники стрел из слоя раннего неолита представлены 4 целыми изделиями из кремня и обломком (рис. 2: 1-5), из слоя мезолита – 3 кремневыми (рис. 1: 1-3) и 5 обломками костяных изделий, среди которых такие характерные типы, как игловидный с округлым сечением и игловидный с естественным пазом (рис. 4: 12, 13). Попутно заметим, что все наконечники стрел из раннеэнеолитических памятников Карелии найдены на поселениях, где присутствует ранняя гребенчатая керамика.

Таблица 3. Поселение Тудозеро V. Соотношение удельного веса орудий и отходов производства (по видам сырья)

Дата	Ранний неолит								Поздний мезолит								
	Кремень	Сланец	Лидит	Кварц	Кварцит	Песчаник	Горный хрусталь	Всего из камня	Кремень	Сланец	Лидит	Кварц	Кварцит	Песчаник	Горный хрусталь	Гранит	Всего из камня
Всего предметов	277	588	87	123	2	—	1	1078	431	356	63	77	7	1	—	2	937
Готовые орудия	62	45	9	4	2	—	1	123 11.4 %	102	29	7	3	7	1	—	2	151 16.2 %
Другие изделия	20	7	2	—	—	—	—	29 2.7 %	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Отходы производства	195	536	76	119	—	—	—	926 85.9 %	329	327	56	74	—	—	—	—	786 83.9 %
в т.ч.																	
пластины	2	—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—
отщепы	96	355	39	30	—	—	—	—	198	217	16	29	—	—	—	—	—
обломки	96	118	34	72	—	—	—	—	111	58	34	35	—	—	—	—	—
сколы	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—
гальки	1	63	3	17	—	—	—	—	1	52	6	10	—	—	—	—	—
орудия (%)	22.4	7.7	10.3	3.3	100	—	100	—	23.7	8.2	11.1	3.9	100	100	—	100	—
другие изделия (%)	7.2	1.2	2.3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
отходы (%)	70.4	91.1	87.4	96.7	—	—	—	—	76.3	91.8	88.9	96.1	—	—	—	—	—

В то же время, в развитии каменной индустрии памятников Южного Прионежья от развитого мезолита к позднему мезолиту – раннему неолиту прослеживается ряд новых черт, связанных, скорее всего, с изменением хозяйственного уклада в переходное от мезолита к неолиту время, что проявилось в появлении орудий рыболовства (рис. 1: 10; 2: 8), увеличении удельного веса деревобрабатывающих орудий и, как следствие, появлении значительного числа абразивных инструментов (рис. 3). Развитие инвентаря идет по линии уменьшения вкладышевой техники, на смену составным орудиям приходят ножи на отщепах кремня и сланца (рис. 1: 47-50; 2: 30-35), появляются двусторонне обработанные наконечники стрел (рис. 2: 4, 5) при сохранении контурного ретуширования (рис. 1: 3; 2: 1) и противолежащей ретуши (рис. 1: 1-2; 2: 2-3) при оформлении острий и наконечников на пластинчатых заготовках. Появление в коллекции позднего мезолита Тудозеро V кварцевых резцов (рис. 1: 18; 2: 12, 13), орудий из лидита (рис. 1: 25; 2: 27, 30; 3: 7), абразивных инструментов из “северных” пород сланца свидетельствует об обогащении каменной индустрии Южного Прионежья в это время, возможно, под влиянием населения более северных территорий. Это могло быть и результатом обмена, так как Тудозеро и Ундозеро расположены в кремневой зоне.

Анализ раннеэнеолитической керамики поселения Тудозеро V базируется на рассмотрении коллекции, полученной в ходе работ 1988-1994 и 1998 гг. Она представлена фрагментами не менее чем от 250 сосудов (табл. 4).

Таблица 4. Поселение Тудозеро V. Раннеэнеолитическая керамика. Распределение сосудов по слоям

Виды орнамента на сосудах	Слой и годы раскопок		Всего 1988-1994 гг.	Нижний серый 2 (низ) 1998 г.	Нижний серый 1 (верх) 1998 г.	Всего (ед.)
	Рыже-желтый 1988-1994 гг.	Нижний черный 1988-1994 гг.				
Гребенчатый	43	92	135	16	5	156
Фигурный	6	16	22	3	—	25
Ползунковый	19	24	43	2	12	57
Веревочный	5	17	22	1	1	24
Отступающий (прочерченный)	12	1	13	—	1 (исорн.)	14
Всего сосудов	85	150	235	22	19	276

Рис.1. Тудозеро V. Каменный инвентарь
из слоя мезолита:

1-3 - наконечники стрел; 4-9 - вкладыши составных орудий;
10 - грузило для лески; 11-18 - резцы; 19-25 - перфораторы;
26-46 - скребки; 47-50 - ножи; 51-55 - долотовидные орудия.
1-9, 11-17, 19-24, 26-48, 50-54 - кремень; 10, 49 - сланец;
18, 55 - кварц; 25 - лидит

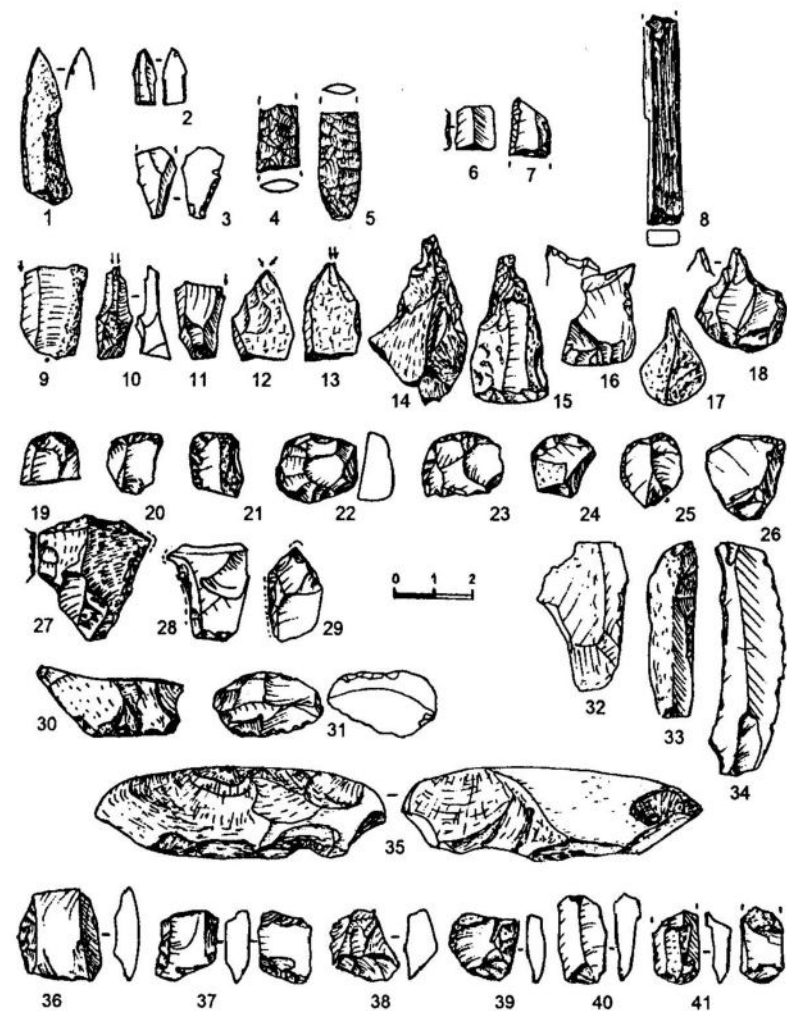

Рис.2. Тудозеро V. Каменный инвентарь
из слоя раннего неолита:

1,2 - острия; 3-5 - наконечники стрел; 6,7 - вкладыши;
8 - грузило для лески; 9-13 - резцы; 14-18 - перфораторы;
19-26 - скребки; 27-29 - комбинированные орудия;
30-35 - ножи; 36-41 - долотовидные орудия.
1,8, 14, 35 - сланец; 12,13,17 - кварц; 27, 30 - лидит,
2-7, 9-11, 15,16,18,19-26,28,29,31-34, 36-41 - кремень

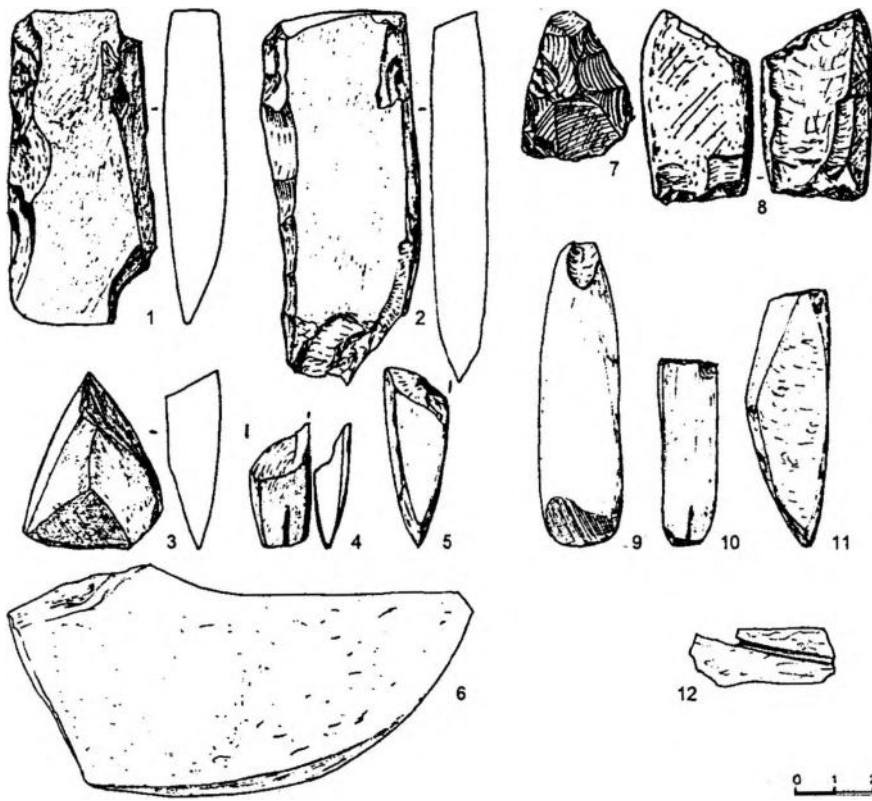

Рис.3. Тудозеро V.
 Деревообрабатывающие и абразивные инструменты из слоя мезолита (1-6) и раннего неолита (7-12):
 1-3,8 - сланцевые тесла;
 4,5,9-11 - сланцевые стамески;
 7 - топорик из лидита;
 6 - пила из кварцита;
 12 - обломок плитки со следами надпила (сланец)

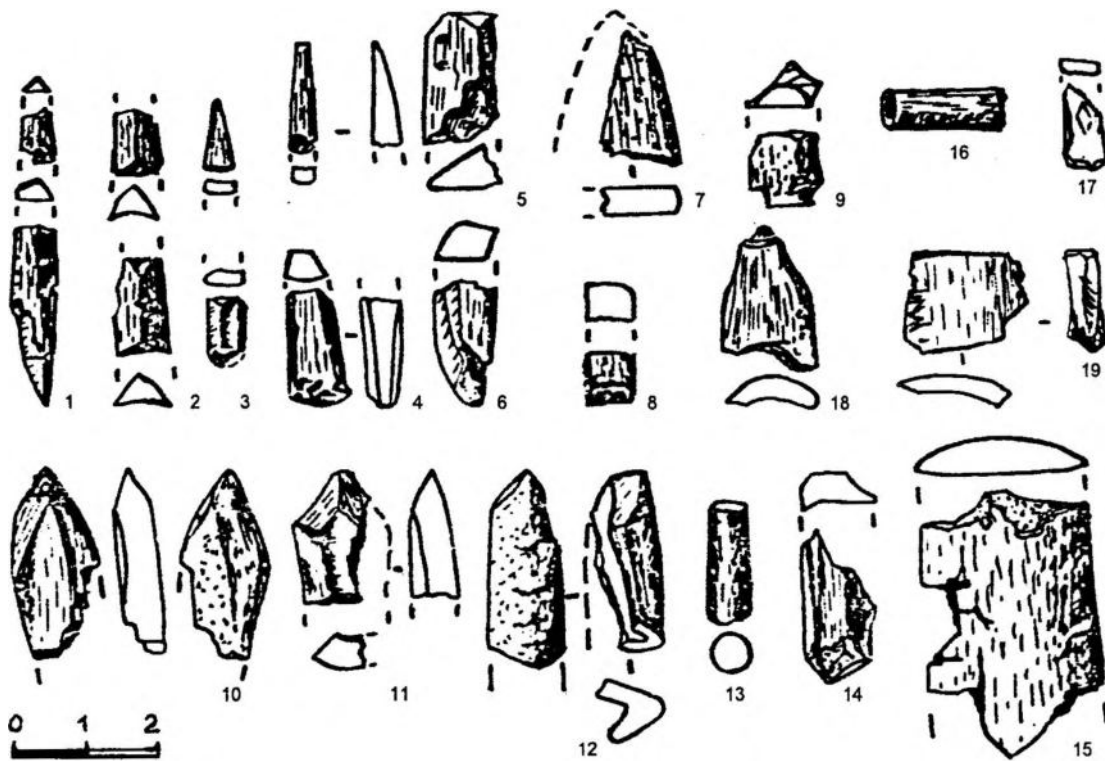

Рис.4. Тудозеро V. Костяные поделки из слоя мезолита:
 1,2,10,12,13 - обломки наконечников; 3,4 - шилья; 5-9, 11, 14, 15 - заготовки изделий;
 16 - пронизка; 17, 19 - пластинки с насечками; 18 - обломок подвески

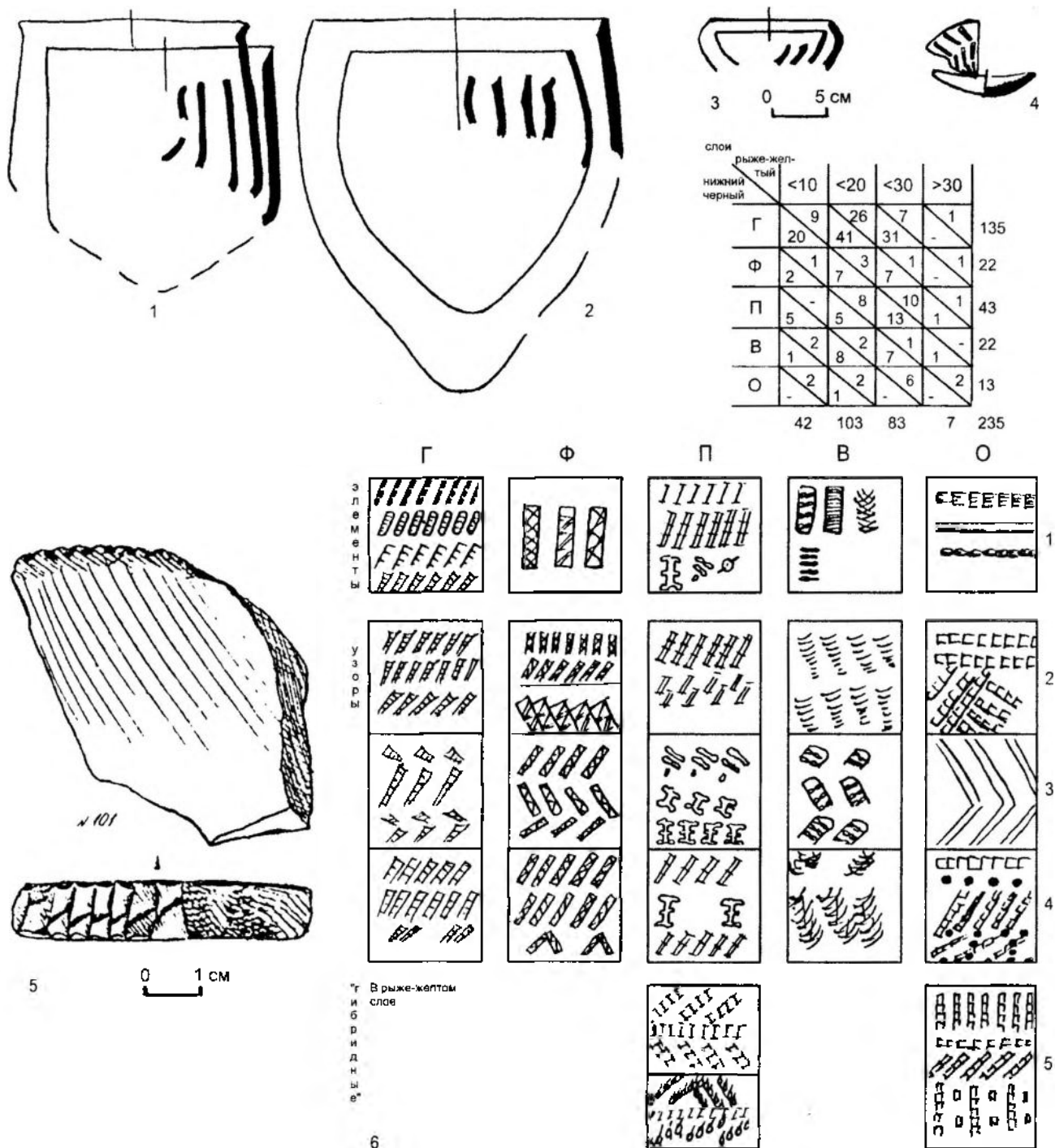

Рис.5. Основные характеристики комплекса керамики памятников типа Тудозеро V:
 1-4 - формы тудозерской керамики;
 5 - сланцевый штамп для орнаментации;
 6 - основные элементы орнамента тудозерской керамики

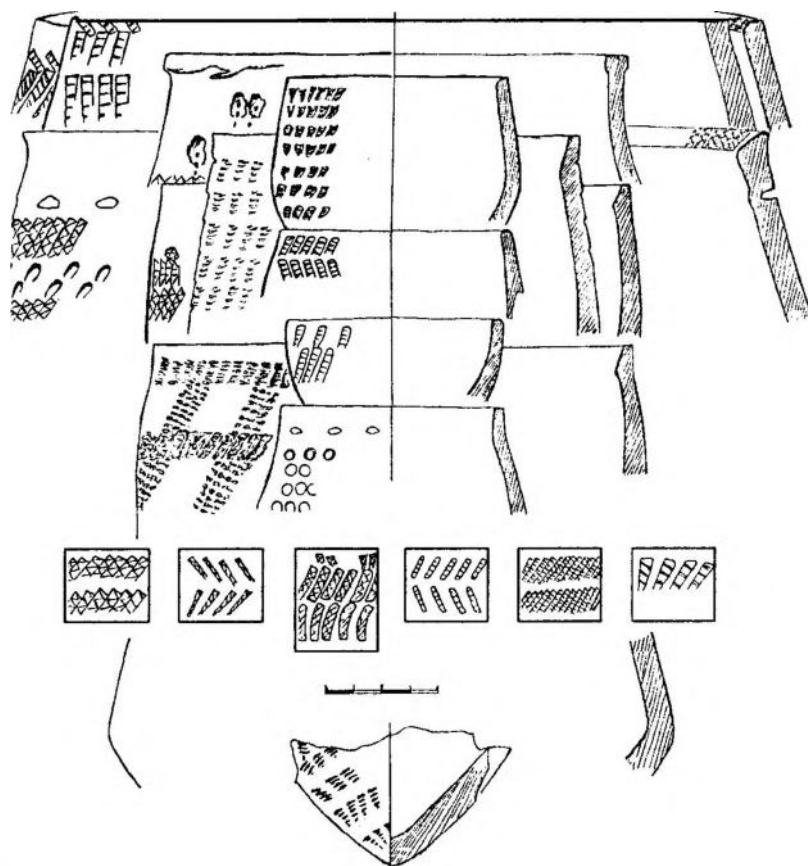

Рис.6. Тудозеро V. Ранненеолитическая керамика нижнего горизонта (нижний серый - 2 слой)

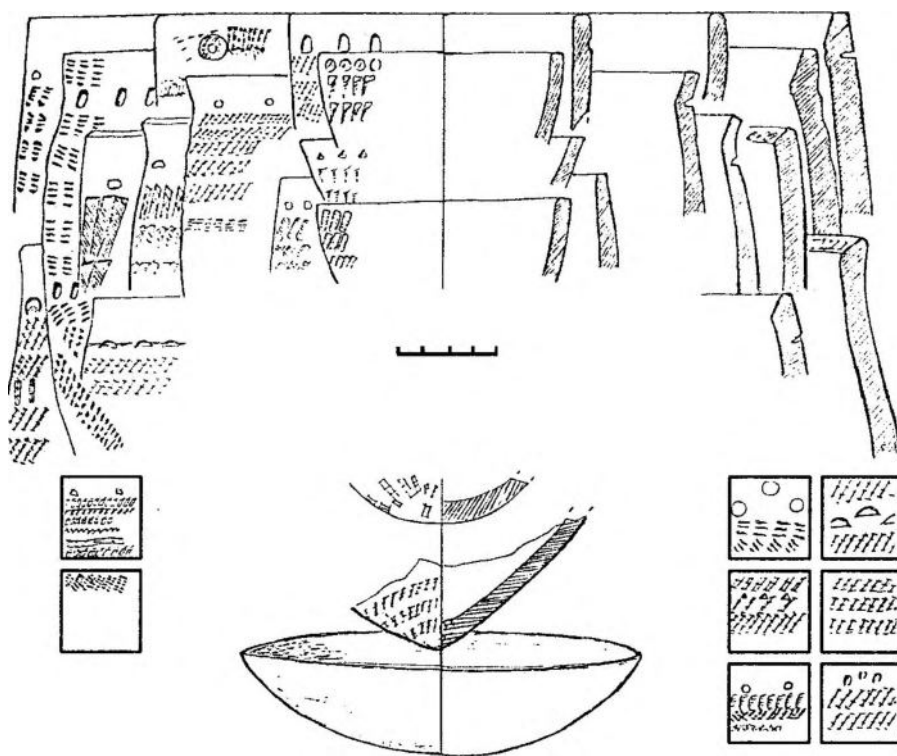

Рис.7. Тудозеро V. Ранненеолитическая керамика верхнего горизонта (нижний серый - 1 слой)

Ранее нами были выделены характерные черты, отличающие комплекс Тудозеро V от керамики сперрингс Карелии (рис. 5). Тудозерская керамика в целом меньших размеров, более разнообразна по формам. Выделены четыре типа сосудов: миниатюрные чашевидные (рис. 5: 3), средних размеров котлообразные с шиповидным дном (рис. 5: 1), средние и крупные сосуды полуяйцевидной формы (рис. 5: 2), блюдцеобразные изделия или “мисочки” (рис. 5: 4). Наличие котлообразных с шиповидным дном сосудов и миниатюрных “мисочек” сближает комплекс тудозерской керамики с керамическими комплексами культур раннего неолита Балтийского мира (руднянской, эртебёлле, нарвской). Для тудозерской керамики выделены пять основных видов орнамента: гребенчатый, наносимый как изготовленными специально штампами, так и естественными орнаментирами, имитирующими “гребёнку”; выполненный фигурным штампом, позвонковый, “веревочный” и отступающий (прочерченный), нанесенные, как правило, естественными орнаментирами (рис. 5: 6). Элементы орнамента, сближают тудозерский комплекс, с одной стороны, с керамикой сперрингс, с другой – с керамикой более южных по отношению к Онежскому озеру территорий: верхневожской культуры и раннеолитической – бассейна Сухоны. Статистический анализ керамики по элементам орнамента и по слоям залегания позволил выделить ряд признаков, отличающих керамику нижних серого и черного слоев от керамики рыже-желтого слоя, наметить тенденцию в развитии тудозерской керамики, которое идет в направлении унификации формы и размеров сосудов. В верхнем рыже-желтом слое преобладают сосуды полуяйцевидной формы средних и крупных размеров с диаметром по венчику до 30-40 см, и, как следствие, утолщаются стенки сосудов до 1,2 см. Увеличивается доля керамики с позвонковым орнаментом. Появляется техника отступления и прочерчивания. Разнообразнее становятся узоры: появляется корзиночная плетенка, наклонно-диагональные линии, характерные для керамики сперрингс и второго этапа развития верхневожской керамики. Появляются признаки гибридизации в виде ямочного орнамента как дополнительного элемента в построении композиции. При выделении керамического комплекса Тудозеро V было отмечено, что из рыже-желтого слоя происходит керамика, более близкая по технико-типологическим признакам керамике сперрингс Карелии, и что керамика нижних серого и черного слоев отличается от последней.

Раскопки 1998 г. позволили стратиграфически подтвердить это предположение. Прослежено членение нижних слоев с керамикой на два горизонта, отделенные друг от друга стерильной прослойкой, что четко фиксируется в северной, западной и восточной стенках раскопа XI (рис. 8-10). Верхний горизонт слоя с окрасом охрой, насыщенный кальцинированными костями, с концентрацией орудий и керамики вокруг пятен прокала “кострищ” по структуре более характерен для памятников Карелии с керамикой сперрингс. Нижний горизонт имеет более однородную структуру, равномерное распределение находок. Сравнение керамики из горизонтов раннеолитического слоя отражает выявленные ранее статистическим путем закономерности. Нижний горизонт содержит керамику, орнаментированную гребенчатым штампом и естественными орнаментирами, имитирующими гребенчатые оттиски; фигурными отпечатками, полученными естественными и искусственными орнаментирами (рис. 6). В коллекции имеется сланцевый штамп с разнонаклонными нарезками, дающий близкие имеющимся на керамике с “фигурным” орнаментом отпечатки (рис. 5: 5). Резкое преобладание керамики с позвонковым орнаментом фиксируется в верхнем горизонте слоя (в 6 раз больше, чем в нижнем) и частично отмечено в нижнем отделе рыже-желтого песка (рис. 7).

Выделение оттиска позвонка как элемента орнамента среди других оттисков естественных штампов, используемых для украшения тудозерской керамики, сделано, с одной стороны, для сопоставимости комплекса с керамикой сперрингс, с другой – с данными экспериментального моделирования. Удалось выявить, что наиболее четкие “гребенчатые” отпечатки получаются при использовании в качестве орнаментира жабберного хряща горбуши (лосося, пальи) и костей судака от окологоловного плавника. Лосось, палья, да и судак – рыбы не массового лова, а специализированного. Использование костей ценных рыб для орнаментации керамики вполне вероятно для первоначального этапа освоения гончарной технологии населением Прионежья, когда ритуальный смысл орнаментики еще сохраняет свое значение. Затем, с развитием рыболовных снастей (сетей), идет переход к массовому лову сига, леща, щуки и использованию их костей (позвонков) для орнаментации керамики. Косвенным аргументом в пользу данного предположения является нахождение в нижнем горизонте слоя при очагах ямок, заполненных костными остатками рыб. В верхнем горизонте фиксируется неупорядоченный разброс костей. Это лишь замечание, которое хоть как-то позволяет объяснить появление данных видов орнамента.

В целом же, на основании статистических и стратиграфических данных, можно выделить три фазы в развитии тудозерской керамики.

I фаза относится к периоду освоения гончарной технологии, характеризуется преобладанием гребенчатой орнаментации, в том числе наносимой и естественными орнаментирами (нижний горизонт раннеолитического слоя, где более 100 сосудов с гребенчатым орнаментом).

II фаза характеризуется появлением в орнаментации оттисков позвонка при сохранении преобладания гребенчатого орнамента. На этом этапе появляется техника отступления (прочерчивания).

III фаза определяется уменьшением гребенчатой и развитием отступающей и прочерченной орнаментации при использовании естественных орнаментиров, в том числе и позвонка. Появляются сложные узоры (наклонно-диагональные линии, корзиночная плетенка). По технико-типологическим признакам керамика сближается с керамикой сперрингс Карелии.

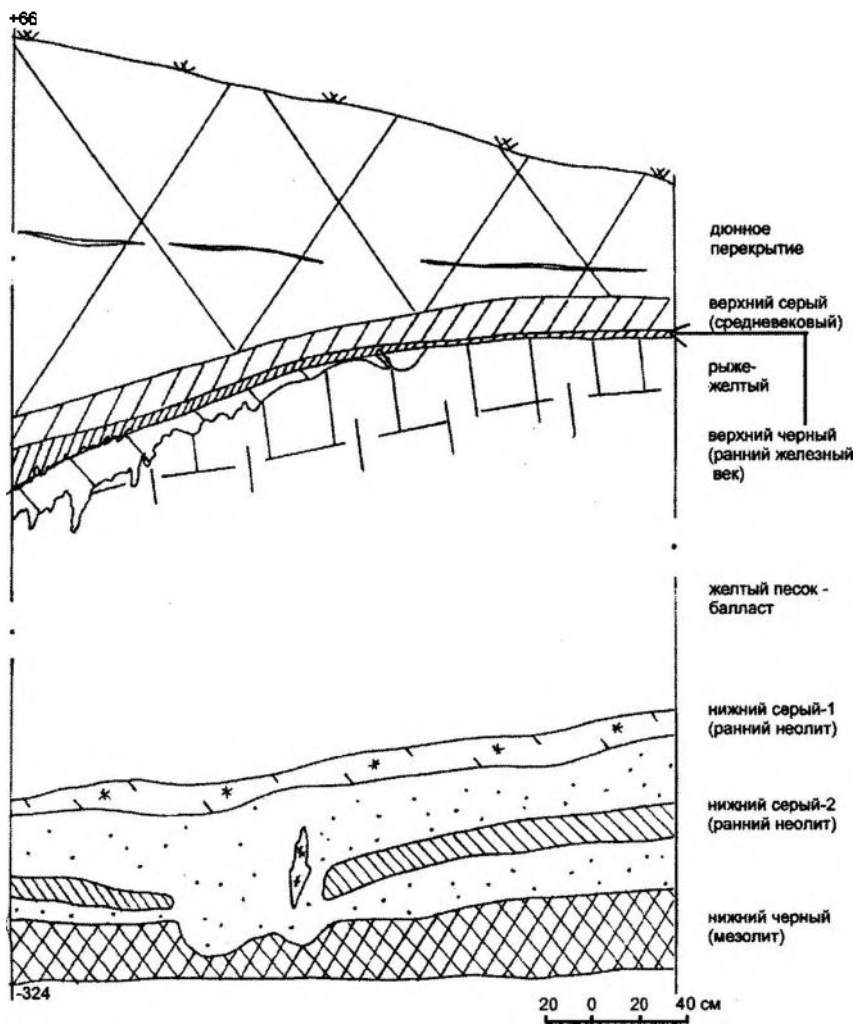

Рис.8. Тудозеро V. Раскоп XI. Стратиграфия северной стенки

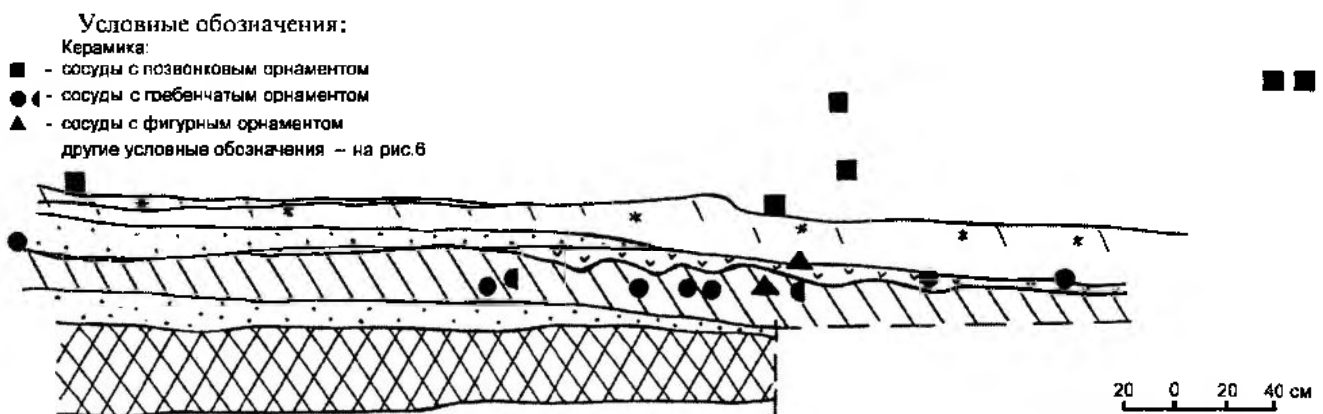

Рис.9. Тудозеро V. Раскоп XI. Стратиграфия низа восточной стенки

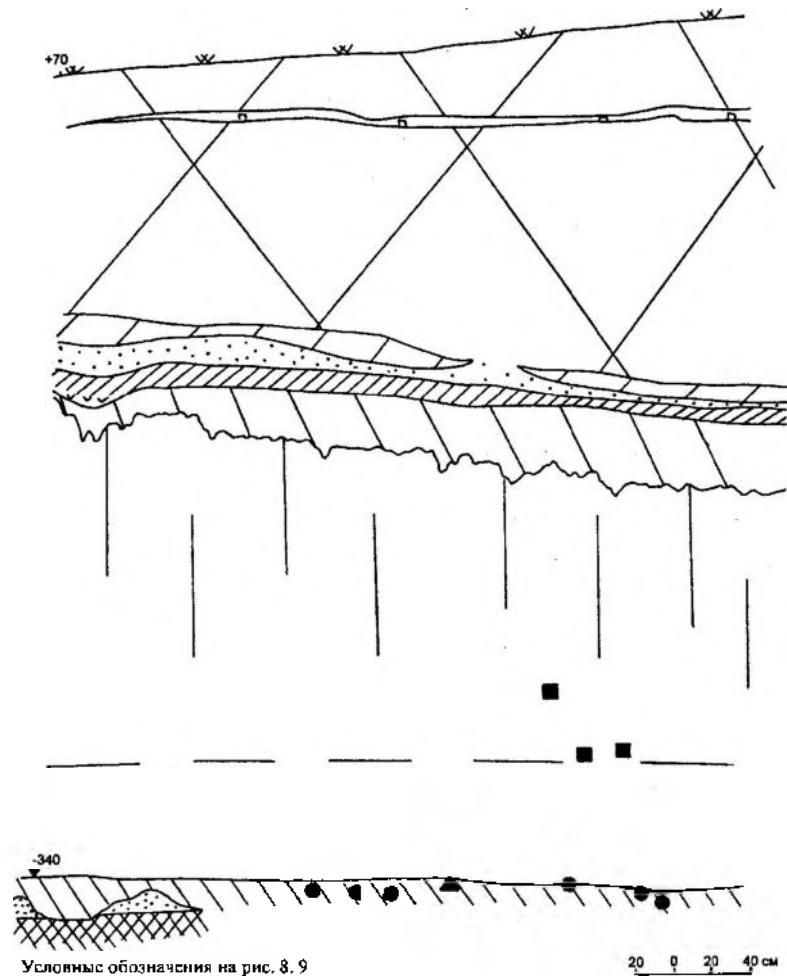

Рис. 10. Тудозеро V. Раскоп XI. Стратиграфия южной стенки

Выявленные закономерности в развитии тудозерской керамики могут прояснить и некоторые актуальные проблемы раннего неолита Обонежья, одной из которых является соотношение керамики ранней гребенчатой и сперрингс. По литературе можно выделить три модели решения этого вопроса.

Первая точка зрения сводится к рассмотрению ранней гребенчатой керамики как варианта сперрингс, получившего распространение на втором этапе ее развития и, соответственно, более поздней по происхождению [13, с. 77, 81, 84]. Сегодня ее можно достаточно уверенно опровергнуть на материалах Тудозеро V, где гребенчатый орнамент является, по-существу, исходным для орнаментации тудозерской керамики и связан с ее ранней фазой. Кроме того, почти все ранние памятники с керамикой сперрингс в Карелии (в том числе имеющие радиоуглеродную датировку) содержат и раннюю гребенчатую керамику – с этим согласны сегодня и карельские археологи.

Вторая точка зрения – о сосуществовании на определенном хронологическом этапе сперрингс и ранней гребенчатой – высказана Т.М. Гусенцовой [26, с. 231] и предполагает территориально-культурное обособление последней. Но, по определению карельских археологов, ранняя гребенчатая керамика не встречается отдельно от сперрингс. Кроме того, гребенчатый элемент входит в орнаменту керамики всех ранненеолитических культур Севера, что еще раз позволяет говорить о штампе, которым он наносился, как об исходном (или, может быть, до сих пор недостающем звене) среди естественных орнаментов, что подтверждается и рассмотрением тудозерской керамики. Не случайно в Южном Прионежье, включая и восточный берег Онежского озера, в ранненеолитических комплексах преобладающей является гребенчатая орнаментация.

Можно сказать, что в общих чертах мы подходим к точке зрения Г.А. Панкрушева на происхождение керамики сперрингс, по мнению которого, гончарная технология была заимствована населением Обонежья от круга культур раннего неолита южного региона [5, с. 39].

Вариант этой точки зрения высказан В.В. Сидоровым. Он синхронизирует появление сперрингс со вторым этапом развития верхневолжской керамики и считает вероятным заимствование гончарной технологии населением Обонежья от носителей верхневолжской культуры [20, с. 101].

Открытие памятников с гребенчатой керамикой, близкой верхневолжской, на южном пограничье с ареалом распространения культуры сперрингс и памятников типа Тудозеро V как будто укрепляет доверие к этой гипотезе. В бассейне Сухоны в настоящее время известны как минимум три памятника с гребенчатой раннеолитической керамикой (поселения Березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне – раскопки М.В. Иванищевой, Вёкса на р. Вологде – раскопки Н.Г. Недомолкиной, поселение и могильник Минино на Кубенском озере – раскопки А.В. Суворова). Материалы немногочисленны и фрагментарны, но присутствие такого специфического орнамента, как узкая гребенка в виде “машинной строчки”, позволяет соотнести их с верхневолжской керамикой позднего этапа развития. Есть сведения о нахождении подобной керамики и на р. Ягорбе в бассейне Шексны (устное сообщение А.Н. Башенькина). Отметим, что для ранней фазы тудозерской керамики характерен короткий гребенчатый штамп, специфическая форма сосудов, сближающая комплекс с кругом культур Балтийского региона, где гребенчатый элемент орнамента известен на фазе С сертейской культуры, что хронологически несколько раньше, чем второй этап верхневолжской. Гребенка присутствует в орнаментации керамики руднянской и нарвской культур. Вместе с тем, появление гребенчатого орнамента на верхневолжской керамике могло быть результатом культурного импульса. Более ранняя датировка тудозерского комплекса не позволяет говорить о прямом заимствовании гончарной технологии населением Обонежья от носителей верхневолжской культуры, а скорее вписывает его в круг культур Балтийского мира. Остается констатировать, что вопрос о направлении заимствования гончарной технологии населением Обонежья остается открытым.

Более ясным представляется вопрос о хронологии сперрингс и ее положении среди раннеолитических культур. По нашему мнению, с ранней фазой развития тудозерской керамики может быть соотнесена радиоуглеродная дата 7240 л. н., полученная для слоя с керамикой. Она вызывала сомнения, оспаривалась как мезолитическая. Но полученные в последние годы даты около 7000 и более л. н. для слоев с керамикой (Беливо II, Жабки III) укрепляют доверие к нашей дате. Кроме того, близкий ранней фазе тудозерской керамики комплекс известен с поселения Уя III, где также получена радиоуглеродная дата около 6770 л.н. (не опубликована). Это позволяет говорить о существовании раннего тудозерского комплекса в кон. VI – нач. V тыс. до н. э. и синхронизировать раннюю фазу неолита Прионежья с двумя ранними центрами Русской равнины и Балтийского региона. Вторая серия дат согласуется со второй и третьей фазами развития тудозерской керамики, помещая их во 2-ю пол. V тыс. до н. э. Они характеризуются началом формирования признаков керамики сперрингс и синхронны второй фазе развития верхневолжской керамики. Заключительный этап существования раннеолитической керамики в Обонежье представляет собой керамика сперрингс, время бытования которой не выходит за рамки руб. V-IV тыс. – нач. IV тыс. до н. э. На этом этапе она сосуществует с ранней ямочно-гребенчатой, что проявляется в формировании гибридных признаков, не раз отмеченных многими археологами. Можно подчекнуть, что на наших памятниках гребенчатая керамика не имеет следов влияния и контактов с ямочно-гребенчатой, что также указывает на ее древний возраст. В то же время, есть случаи совместного залегания керамики сперрингс (с преобладанием отступающей и прочерченной орнаментации) с ямочной: на Ундозеро I в одной яме найдены фрагменты от одного ямочно-гребенчатого сосуда и трех сперрингс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванищев А. М. Поселение и могильник на Тудозере // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
2. Иванищев А. М. Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V. Вологда, 1996.
3. Иванищев А. М. Древности Вытегории // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
4. Иванищев А. М., Иванищев М. В. Раннеолитические памятники северо-запада Вологодской области // Древности Русского Севера. Вып. 2. Вологда. В печати.
5. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. 2. Л., 1978.
6. Саватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 2. Стоянки. Л., 1977.
7. Филатова В. Ф. Каменные орудия неолитических поселений с керамикой сперрингс в Карелии // СА. 1970. № 4.
8. Филатова В. Ф. К вопросу о связях каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и поздне-мезолитических // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
9. Титов Ю. В. О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
10. Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада России. СПб., 1993.
11. Ошибкина С. В. Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы (к проблемам финноугристики) // Петербургский археологический вестник. № 9. СПб., 1993.
12. Ошибкина С. В. Керамика сперрингс в Восточном Прионежье // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3. Петрозаводск, 1995.
13. Песonen П. Э. Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
14. Филатова В. Ф. Хронология и периодизация мезолита Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
15. Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
16. Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня – раннего металла. Петрозаводск, 1996.
17. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
18. Герман К. Э. Неолитическая керамика в Северной Карелии (Сярайниemi-I) // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.
19. Герман К. Э. Ранняя гребенчатая керамика в бассейне Онежского озера // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
20. Сидоров В. В. Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск, 1997.

21. Журавлев А.П. О двух культурных традициях в раннем неолите Карелии // Комплексное изучение и использование памятников археологии и природы Европейского Севера. Кижский вестник. № 3. Петрозаводск, 1994.
22. Герман К.Э. Культура сперрингс на территории Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
23. Лобанова Н.В. Керамика сперрингс и ранняя гребенчатая на восточном побережье Онежского озера // Древности Русского Севера. Вып. 2. Вологда. В печати.
24. Герман К.Э. Раскопки поселения Уя VII // Древности Русского Севера. Вып. 2. Вологда. В печати.
25. Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
26. Гусева Т.М., Андреева Н.А. Некоторые особенности изготовления ранненеолитической керамики Межозерья (юго-восточное Приладожье и Прионежье) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

*Государственная дирекция по охране,
реставрации и использованию памятников
истории и культуры Вологодской области*

*Научно-производственный центр "Клио",
Вологда*

A.M. Ivanishev, M.V. Ivanisheva

**THE TUDOZERO V SITE OF THE LATE MESOLITHIC – EARLY NEOLITHIC
IN THE SOUTH OF ONEGALAKE**

Summary

The article presents the comparative analysis of the Late Mesolithic and the Early Neolithic materials from the site Tudozero V, located on the south-eastern bank of Onega Lake.

The authors outline the Tudozero site pottery complex of the Early Neolithic and point its difference from the Sperrings one. The authors consider the comb pottery to be the earliest in Onega Lake region.

*The State Direction for Protection,
Restoration and Usage of Monuments
of History and Culture of Vologda Region,
18, Sovetsky Ave., Vologda,
160035, Russia*

The Research-Industrial Centre "Klio"

А.М. Иванищев, М.В. Иванищева

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО НЕОЛИТА НА КЕМСКОМ ОЗЕРЕ

Еще совсем недавно памятники раннего неолита на восточно-европейском Севере были представлены единственной культурой – сперрингс. На территории Вологодской области долгое время были известны только поселения с ямочно-гребенчатой керамикой. Раскопки последнего десятилетия на многослойных хорошо стратифицированных памятниках: Тудозеро V на юго-восточном берегу Онежского озера, Вёкса на Верхней Сухоне, Березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне – позволили уточнить относительную хронологию неолита и констатировать, что на огромной территории от Онежского озера до Северной Двины памятникам с ямочно-гребенчатой керамикой предшествовали поселения с ранне-неолитической гребенчатой керамикой. В пределах южных границ распространения культуры сперрингс были выделены памятники типа Тудозеро V, содержащие комплекс керамики, отличный от керамики сперрингс Карелии (см. статью А.М. и М.В. Иванищевых в настоящем сборнике). Для раннего комплекса с керамикой типа Тудозеро V получена радиоуглеродная дата, которая позволяет определить время появления первой керамики на русском Севере руб. VI-V тыс. до н. э. и синхронизировать его с появлением керамики в Прибалтийском регионе в памятниках сертейской культуры и в центре Русской равнины на памятниках верхневолжской культуры.

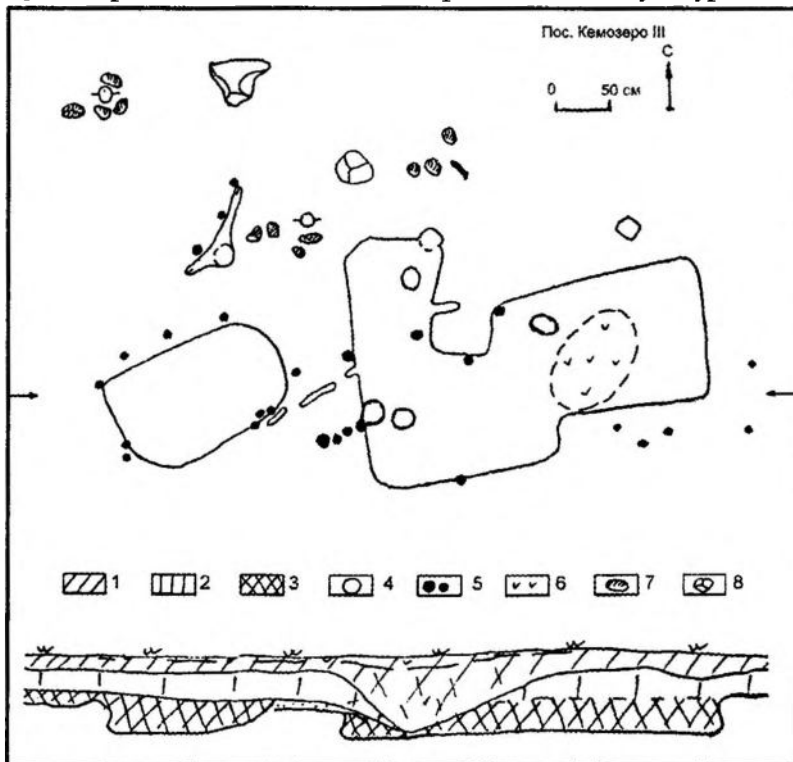

Рис. 1. Жилище и хозяйственная яма раннего неолита на поселении Кемское III. План. Стратиграфия:

- 1 - темно-серая супесь – культурный слой эпохи бронзы; 2 - рыжий песок – культурный слой раннего неолита; 3 - серый с охрой и углем песок – заполнение жилища и хозяйственной ямы; 4 - столбовые ямы; 5 - ямки от опор перекрытия; 6 - кострище; 7 - очажные камни; 8 - камни

Заключительный этап развития ранне-неолитической культуры Юго-Востоного Прионежья представлен на поселении Кемское III, которое расположено на северной стороне протоки, соединяющей оз. Кемское и Кукозеро. Памятник открыт карельским археологом Г.А.Панкрупевым в 1973 г. во время его разведок на внутренних озерах Вытегорья [1]. В 1989 г. на поселении был заложен разведочный шурф [2], а в 1996 г. небольшой раскоп [3], общая площадь которых составила 48 кв. м. Исследована центральная, наиболее возвышенная часть мыса, отделенного от современного русла протоки 200-метровым торфяником-пльвуном. Удобное для промысла место использовалось населением различных эпох. Наиболее поздние находки на поселении относятся к эпохе бронзы и представлены сетчатой керамикой. Основной комплекс находок датируется ранним неолитом и залегает в рыжем песке мощностью 0,3-0,4 м, а также в заполнении жилища и хозяйственной ямы, выявленных на материке, – белом озерном песке (рис. 1).

Остатки постройки обнаружены в центральной части исследованного участка в виде котлована подпрямоугольной формы размерами 2,3×3,4 м, вытянутого по оси СВ. Стенки котлована были отвесными с небольшими подбоями в нижней части и, скорее всего, имели деревянную основу из небольших

бревен или жердей, положенных в несколько рядов по периметру и укрепленных вертикальными сваями. Следы свай прослежены в виде небольших ямок по внутреннему и внешнему контуру котлована. Остатки небольшого кострища – углистое пятно размерами 0,8×1,2 м – зафиксированы в центре котлована. С запада в непосредственной близости от жилища располагалась хозяйственная яма овальной формы. По внешнему и внутреннему контурам ямы зафиксированы небольшие ямки от свай, укреплявших стенки ямы в сыпучем грунте и увеличивавших объем последней за счет наземной части. В заполнении жилища встречены немногочисленные каменные орудия и фрагменты керамики. Поселения раннего неолита с остатками жилищ культуры сперрингс в Обонезье крайне редки. Комплекс объектов на поселении Илекса V в Южной Карелии близок Кемскому III по организации хозяйственного пространства и размерам. Там М.Г. Косменко выявлены остатки недолговременного наземного жилища, обогревавшегося очагом, с расположенной в непосредственной близости от постройки обливной хозяйственной ямой [4, с. 47-48]. Однако постройка на Илексе V не имела, по-видимому, жесткой конструкции в основании, поскольку у ямы овальной формы размерами 3,4×2,9 м были оплывшие стенки.

Наиболее близки кемской каркасно-столбовые жилые постройки, исследованные на мезолитических памятниках Обонезья. По реконструкции В.Ф. Филатовой, внутренние стены и слегка заглубленный в грунт котлован были облицованы горизонтально уложенными в несколько рядов слезами, возвышавшимися на 1 м над уровнем поверхности. Двускатная крыша базировалась на столбах, размещенных по углам и вдоль стен сооружения, и на верхней кромке облицовки стен, основание которых с внешней стороны присыпалось песком [5, с. 56, 57]. Все эти сооружения имели, как правило, большие размеры и отопительные конструкции в виде очагов и кладок. Самое маленькое сооружение с площадью пола в 12 кв. м и остатками небольшого кострища в центре исследовано А.П. Журавлевым на поселении Пегрема VIII и датировано по С-14 руб. VI-V тыс. до н. э. [6, с. 44]. По-видимому, жилое сооружение на поселении Кемское III представляло собой дальнейшее развитие домостроительной традиции, сложившейся у населения Обонезья еще в эпоху мезолита.

Керамика раннего неолита представлена 165 фрагментами от 41 сосуда, выделенного по венчикам и особенностям орнамента. Семь сосудов относятся к типу ранней гребенчатой керамики (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение групп керамики на поселении Кемское III

Способы орнамента	Орнамент			ВСЕГО сосудов
	Позвонок	Другие естественные орнаменты	Гребенчатый штамп	
Штампование			5	5
Накальвание	3	12	1	16
Отступание	4	7		11
Прочерчивание		8		8
Прокатывание			1	1
ВСЕГО сосудов	7	27	7	41
Формы венчиков				

Они сделаны из теста с примесью дресвы в технике ленточного налета. Полной реконструкции сосудов провести не удалось. Вероятно, это были сосуды средних размеров с прямыми венчиками, диаметром по венчику до 24 см и приотстрепными днищами. Стенки сосудов средней толщины (0,7-0,8 см). Часть сосудов имела окраску охрой. Украшалась вся поверхность сосудов, торцы венчиков орнаментированы в исключительных случаях. Орнамент нанесен длинными и короткими гребенчатыми штампами в технике штампования¹ и накальвания². Простые узоры – горизонтальные ряды и пояса отпечатков орнамента – образуют стандартную орнаментальную композицию. Ряды штампованных плотно поставленных отпечатков разделены поясами наколов, выполненных торцом того же штампа (рис. 2: 7-9; 3: 3, 5). Характерно оформление венчика пояском глубоких сквозных наколов. Среди сосудов выделяется небольшое блюдцеобразное изделие со скругленным краем (рис. 2: 7). Подобные изделия встречаются в ряде культур раннего неолита Балтийского региона и, по мнению исследователей, использовались в качестве светильников [8, с. 72]. Оригинален

¹ Штампование – получение отпечатков при перпендикулярном положении орнамента. Орнамент пропечатывается по всей длине [7, с. 9].

² Накальвание – получение отдельных отпечатков при наклонном положении орнамента относительно поверхности [7, с. 13].

фрагмент верхней части сосуда, украшенный оттисками плотно поставленного короткого трехзубого штампа, ниже которого располагались три ряда поверхностных ямчатых вдавлений (рис. 3: 7). Характер теста, накольчато-штампованный орнамент, оформление венчика глубокими сквозными наколами сближают сосуд с рассматриваемой группой керамики. В построении же орнаментальной композиции явно прослеживается влияние ямочно-гребенчатой керамики.

Вторую группу керамики составляют 34 сосуда, по технико-типологическим признакам близкие сосудам керамики сперрингс. Эта посуда в целом более толстостенная. При преобладании стенок средней толщины (0,8-0,9 см) встречаются и очень массивные – толщиной до 1,5 см, что определялось, по-видимому, величиной сосудов. Большинство сосудов крупные, полуяйцевидной формы, с диаметром по венчику до 30 см. Днища сосудов конические и округлые. Венчики прямые и прямосрезанные, скошенные внутрь у крупных сосудов и прямые, слегка скругленные у сосудов меньших размеров (табл. 1). В тесте примесь дресвы, встречается окраска охрой. Два миниатюрных изделия с диаметром по венчику до 10 см представляли собой, по-видимому, небольшие чашечки (рис. 6: 8, 9). Орнамент на крупных сосудах покрывал все тулово и дно, миниатюрные чашечки украшены только в верхней части неглубокими наколами. Основное отличие этой группы керамики состоит в использовании для ее украшения естественных орнаментов. Исследователями экспериментально установлено, что ряд своеобразных орнаментов на керамике сперрингс наносился рыбьим позвонком [9, с. 224-226]. Наш опыт моделирования показал возможность использования для орнаментации керамики с поселения Кемское III разнообразных костных остатков и других естественных орнаментов. Среди них – кости рыбьего плавника, половина челюсти хищной рыбы – судака или щуки (рис. 4: 3-5), окаменелости ископаемых беспозвоночных, найденные на поселениях с керамикой сперрингс, в т. ч. и на Кемском III. К ним относятся раковины брахиопод (рис. 3: 1-3), иглы морского ежа (рис. 2: 1-4)³.

Пышность и разнообразие орнаментации данной группы сосудов достигались различными способами работы естественными орнаментами при употреблении небольшого числа довольно простых узоров – длинных наклонных и горизонтальных линий, перекрещивающихся линий (табл. 1). Восемь сосудов украшены по способу прочерчивания⁴. Основные узоры на фрагментах просты. Это разнонаклонные линии, образующие вертикальный зигзаг, и длинные наклонные линии, разделенные поясками ямок, не имеющих негативов на внутренней стороне. Ямки часто с неровными краями и могли наноситься естественными орнаментами. На двух сосудах перекрещивающиеся прочерченные линии образуют ромбы. На одном из сосудов восстанавливается орнаментальная композиция по типу “корзиночной плетенки” – разнонаклонные линии ограничивают ромбы, прочерченные в другом направлении (рис. 4). На другом узор составлен из рядных оттисков челюсти рыбы, имитирующих “зубчатый отпечаток”, и прочерченных линий (рис. 4: 3). Одиннадцать сосудов имели орнамент, выполненный в технике отступания⁵. В четырех случаях орнамент нанесен позвонками рыб (рис. 5: 1-5, 8). На пяти сосудах, украшенных широкими с неровным дном линиями, также вероятно использование костных остатков рыб (кости плавника?) (рис. 5: 6, 7, 9-11, 12, 16). В двух случаях использованы инструменты с гладким прямоугольным и овальным завершениями (рис. 5: 13-15, 17). Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных линий по венчику и диагонально-наклонных по тулову сосуда. Зоны орнаментации разделяются ямочными вдавлениями, нанесенными иногда поверх основного узора. Наиболее многочисленной является подгруппа сосудов, украшенных в технике накальвания (рис. 6: 2: 3-6; 3: 3, 5). Орнаментальные узоры те же, что и в других подгруппах. Это длинные горизонтальные или диагонально-наклонные линии, на придонной части сосудов иногда переходящие в отступающие (рис. 2: 6). На одном из сосудов узор составлен из горизонтальных линий прокатанных (?) оттисков орнамента, имитирующих “веревочный” орнамент ямочно-гребенчатой керамики (рис. 3: 4, 6, 8).

Обе группы керамики имеют ряд общих признаков, позволяющих говорить о единой традиции изготовления глиняной посуды. Это минеральная примесь в тесте, окраска охрой, наличие сходных форм (блюдеобразных изделий) и степень орнаментации сосудов. Единство комплекса демонстрируется близостью орнаментальных узоров, выполненных как искусственными, так и естественными орнаментами на сосудах из заполнения жилища и хозяйственной ямы, занимающих наиболее низкое стратиграфическое положение на памятнике. Наклонные линии частых наколов естественным орнаментом сравнимы с орнаментацией длинным гребенчатым штампом (рис. 2: 6, 9). Группировка коротких рядных наколов иглами морского ежа соотносится с орнаментацией коротким гребенчатым штампом (рис. 2: 3, 4, 8).

Каменный инвентарь поселения представлен 2238 находками, среди которых готовых изделий 164, остальные – отходы производства. Найдено 144 орудия из кремня и 6 из сланца.

Основными заготовками для орудий являются отщеп и скол, что связано с невысоким качеством кремневого сырья местного происхождения. Из них изготовлено 83% готовых орудий. О намеренном получении пластин в качестве заготовок свидетельствуют наличие в коллекции специально подготовленных нуклеусов с негативами снятия пластин (рис. 7: 1) и сколов от них (рис. 7: 2), а также высокая степень утилизации пластинчатого сырья: 45% всех пластинчатых заготовок использованы в качестве орудий.

³ Определение проведено ст. преподавателем кафедры физической географии и геологии Вологодского государственного педагогического университета Л.Б. Галкиной, за что авторы выражают ей свою признательность.

⁴ Протаскивание (прочерчивание) – движение орнамента без отрыва от поверхности с равномерным нажимом [7, с. 13].

⁵ Отступание – движение орнамента без отрыва от поверхности с периодическим нажимом [7, с. 13].

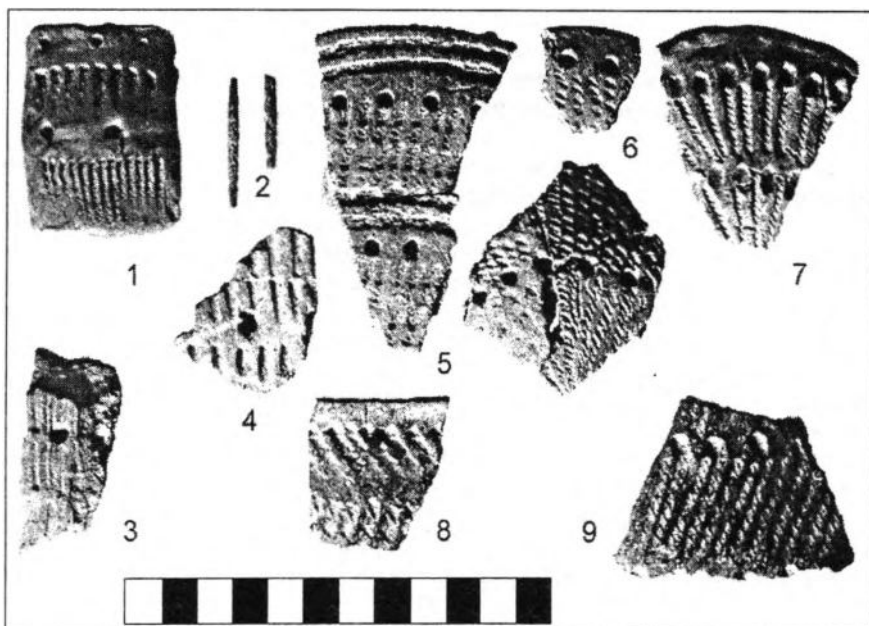

Рис.2. Поселение Кемское III. Фрагменты раннеолитических сосудов из заполнения жилища и хозяйственной ямы и экспериментальные образцы: 1 - моделирование орнамента на пластилине: накальвание иглами морского ежа; 2 - иглы морского ежа; 3-6 - фрагменты сосудов, украшенных отпечатками естественных орнаментов; 7-9 - фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом

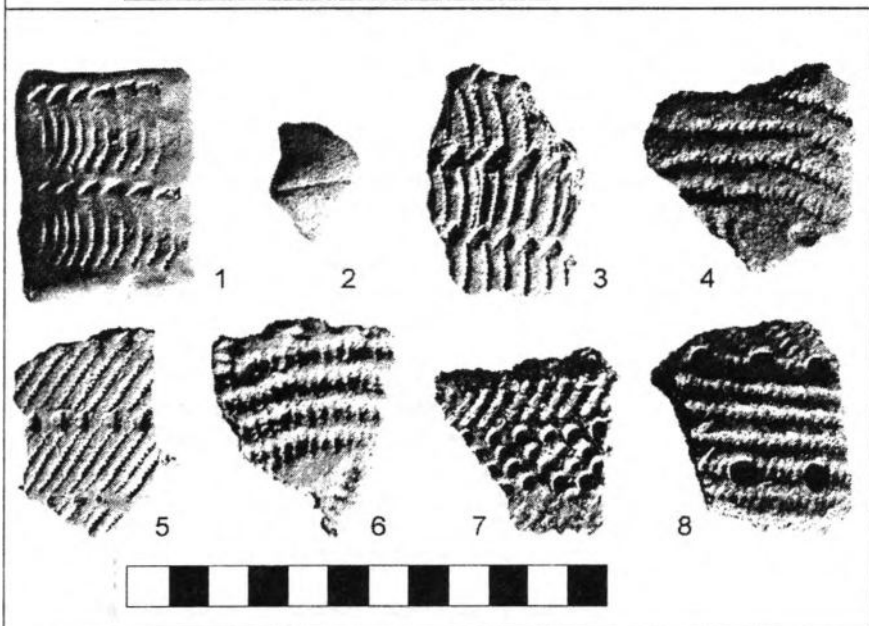

Рис.3. Поселение Кемское III. Фрагменты раннеолитических сосудов и экспериментальные образцы: 1 - моделирование орнамента на пластилине: накальвание раковиной брахиоподы; 2 - раковина брахиоподы; 3,5 - фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом; 4,6 - имитация гребенчато-ямочного узора на сосуде естественным орнаментиром; 7,8 - фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом

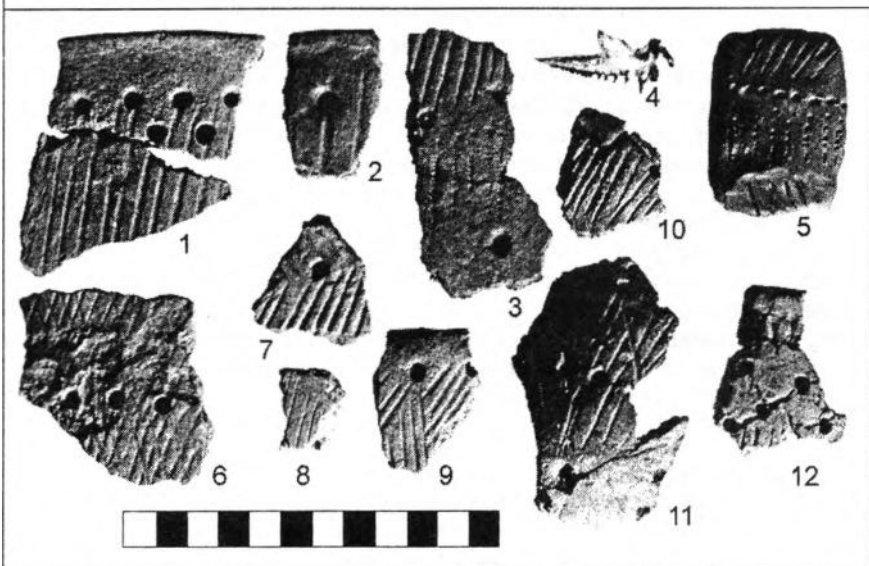

Рис.4. Поселение Кемское III. Фрагменты сосудов с прочерченным орнаментом и экспериментальные образцы: 1-3,6,8-12 - фрагменты сосудов; 4 - челюстная кость рыбы; 5 - моделирование орнамента на пластилине: накальвание челюстью рыбы

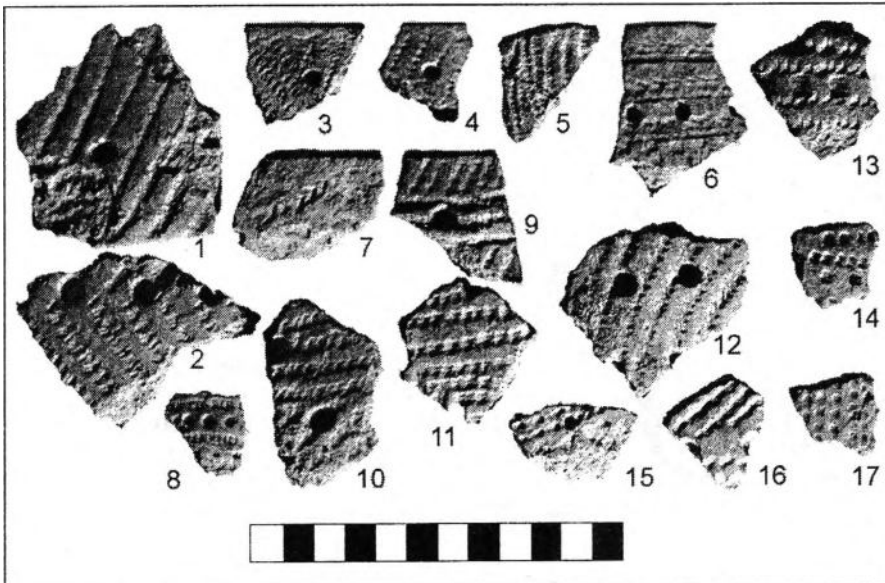

Рис. 5. Поселение Кемское III.
Фрагменты сосудов
с отступающим орнаментом

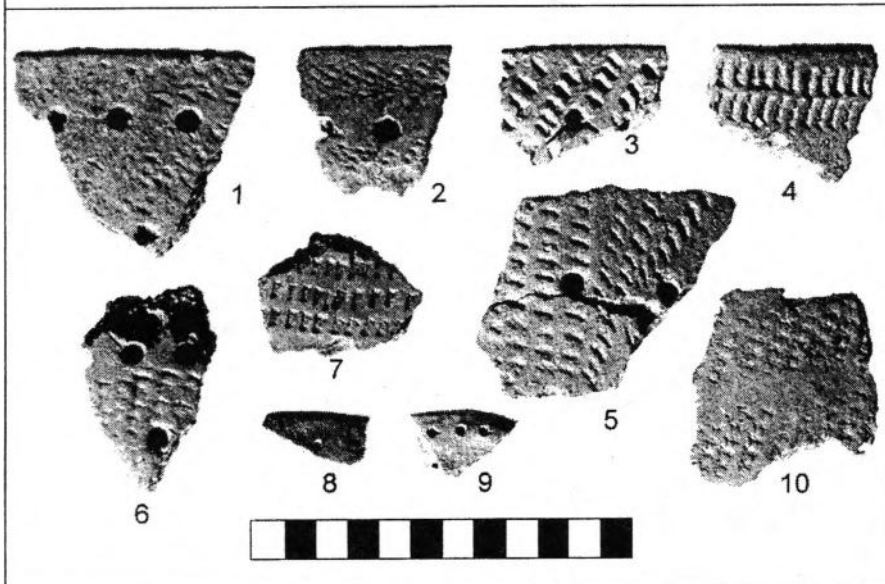

Рис. 6. Поселение Кемское III.
Фрагменты сосудов,
орнаментированных способом
накальвания

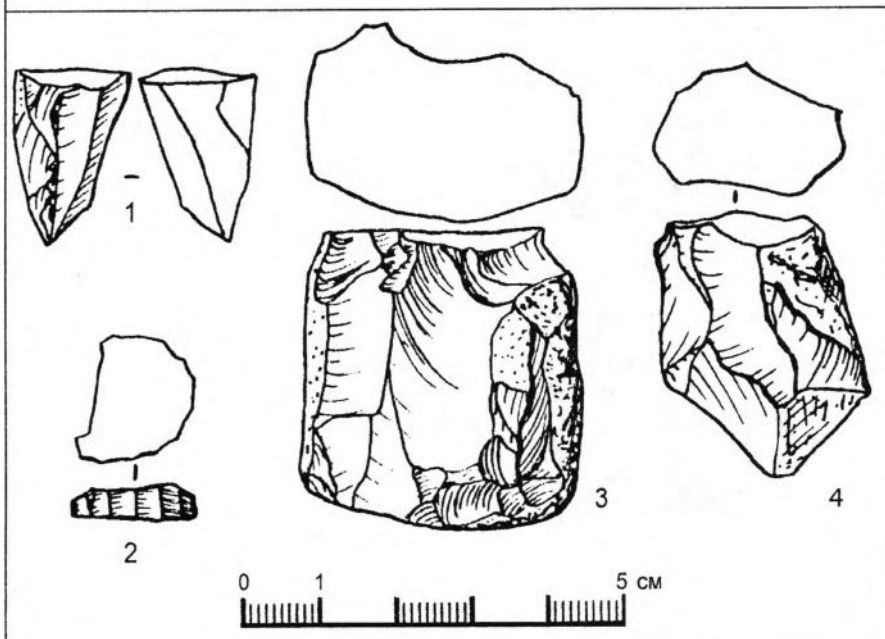

Рис. 7. Поселение Кемское III.
Кремневый инвентарь.
Нуклевидная группа

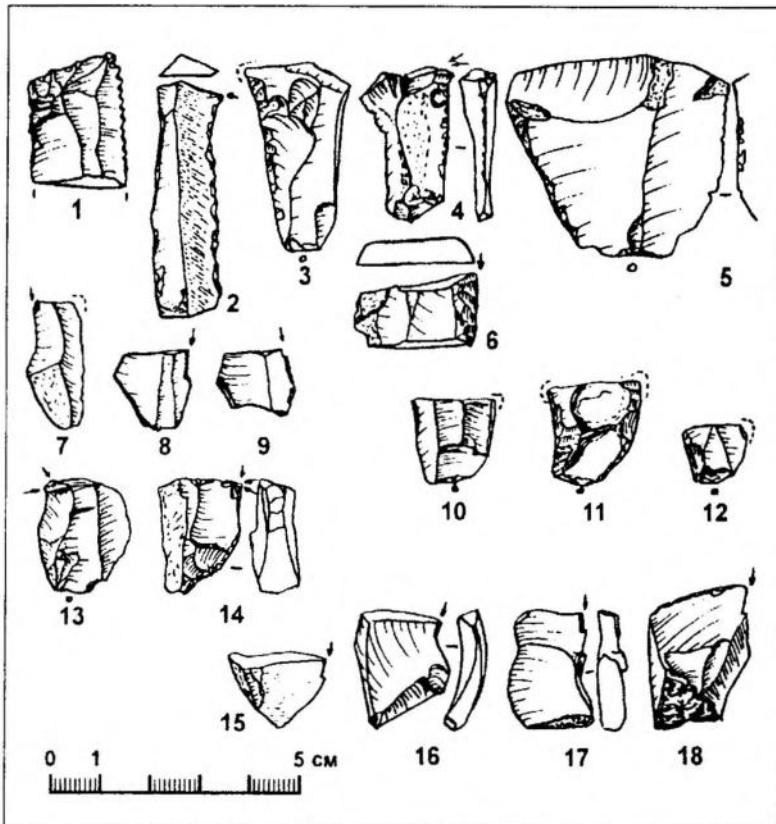

Рис. 8. Поселение Кемское III.
Кремневый инвентарь.
Орудия обработки
твердых материалов:
1 - пилка;
2-6 - комбинированные орудия;
7-18 - резцы

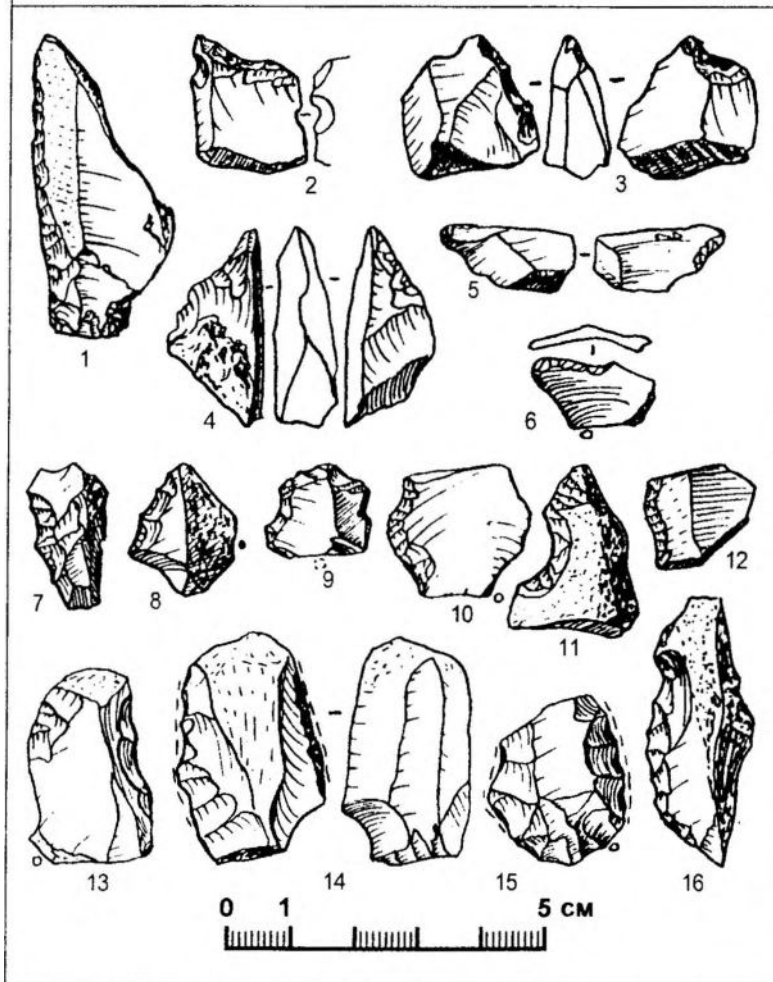

Рис. 9. Поселение Кемское III.
Кремневый инвентарь.
Орудия обработки
твердых материалов:
1-6 - сверла;
7-16 - скребели

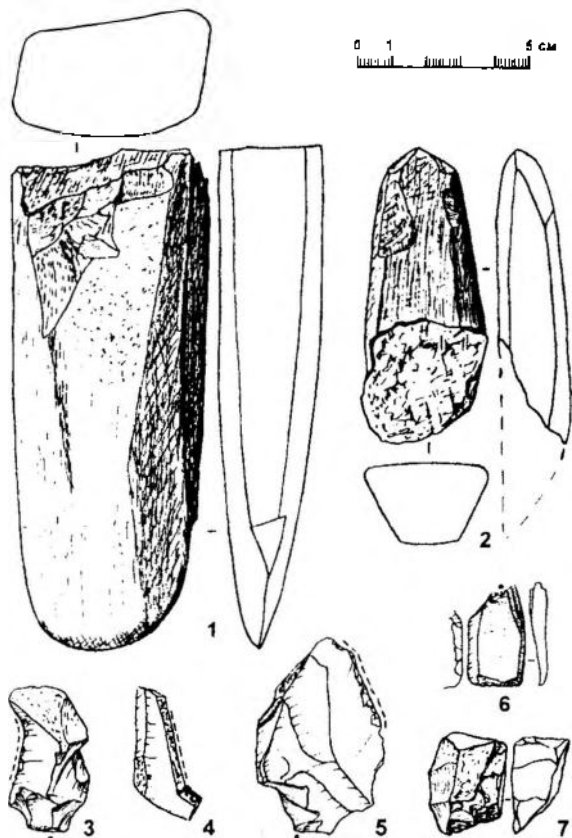

Рис.10. Поселение Кемское III.
Орудия деревообработки: 1,2 - тесла (сланец);
3-5 - строгальные ножи (кремнь);
6,7 - долотовидные орудия (кремнь)

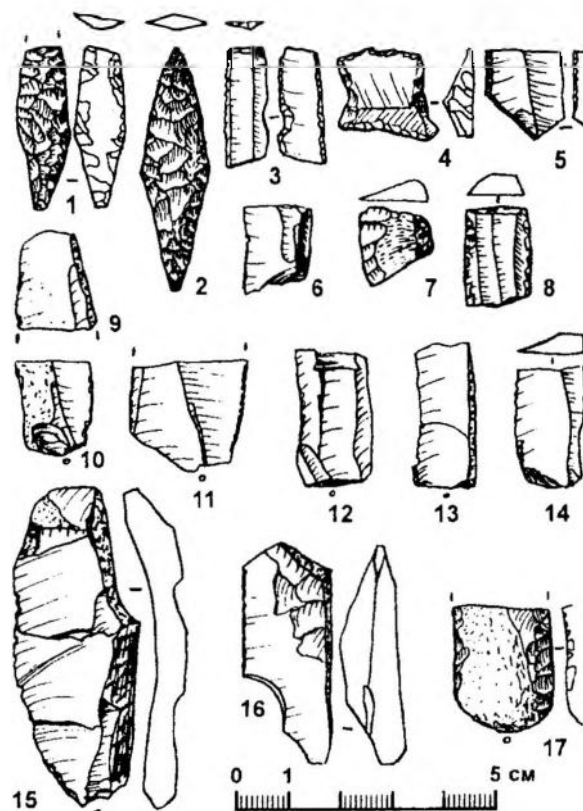

Рис.11. Поселение Кемское III.
Кремневый инвентарь. Орудия промысла
и утилизации добычи:
1,2 - наконечники стрел; 3-6 - вкладыши
составных орудий; 7,8,17 - пластины с ретушью;
9-14 - пластины со следами использования;
15,16 - ножи

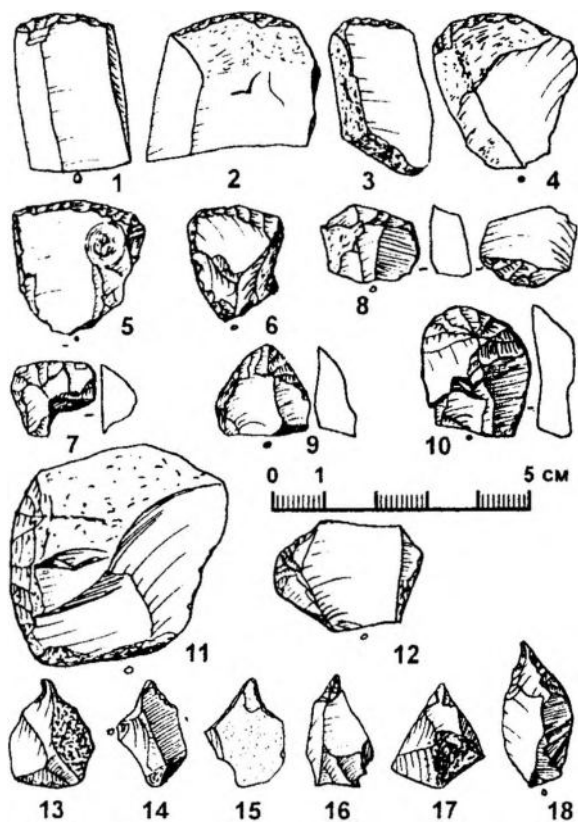

Рис.12. Поселение Кемское III.
Кремневый инвентарь.
Орудия обработки мягких материалов:
1-12 - скребки;
13-18 - проколки

Готовые орудия на пластинах и пластинчатых заготовках составляют 9% от всех орудий коллекции, 3% изготовлено из плиток жильного кремня, 5% представляют собой пластины и отщепы без вторичной подработки со следами использования в качестве орудий и выявлены трасологическим путем⁶.

Видовой состав инвентаря включает орудия для обработки различных материалов, соотношение групп определяется промысловым характером поселения. Наиболее разнообразной является группа орудий для обработки твердых материалов – дерева, кости, включающая пилки (рис. 8: 1), резцы (рис. 8: 7-18), сверла (рис. 9: 1-6), скобели (рис. 9: 7-16). Представлены специализированные деревообрабатывающие орудия – тесла (рис. 10: 1, 2), строгальные ножи (рис. 10: 3-5) и многофункциональные долотовидные кремневые орудия (рис. 10: 6, 7). Этот набор инструментов связан с изготовлением орудий промысла – рыболовного снаряжения и охотничьего вооружения. Как специализированные инструменты для изготовления костяных и деревянных оправ составных орудий могли использовать комбинированные орудия. В них совмещены функции резца и пилки (рис. 8: 2), резца и строгального ножа (рис. 8: 3, 4), резца и скобеля (рис. 8: 6), строгального ножа и скобеля (рис. 8: 5). Вкладыши составных орудий немногочисленны, но выразительны, среди них пластинка с притупленными ретушью концом и краем (рис. 11: 3), сечение с ретушью по краю (рис. 11: 5), низкая неправильная трапеция с вогнутыми краями (рис. 11: 4). О достаточно высоком уровне развития вкладышевой техники свидетельствует значительное количество резцов. Кроме того, в коллекции имеется скол подправки площадки нуклеуса с негативами снятия микропластин (рис. 7: 2), которые традиционно считаются вкладышами метательного оружия. Предметы охотничьего вооружения представлены двумя наконечниками стрел. Один выполнен на пластинчатой заготовке с уплощающей ретушью на спинке изделия. Со стороны брюшка круглая ретушь выделяет слабо-намеченный черешок, по перу идет захватывающая ретушь (рис. 11: 1). По-видимому, этот тип наконечников следует рассматривать как переходный от наконечников на пластинах, встречающихся на мезолитических памятниках Обонежья, к двусторонне обработанным. Другой наконечник – тонкий удлиненный ромбический с тщательной двусторонней обработкой (рис. 11: 2). Группа орудий, связанных с охотой и разделкой добычи, дополняется двумя ножами, изготовленными на массивных пластинчатых сколах (рис. 11: 15, 16). Судя по форме одного и смятости на нижнем конце другого, оба изделия, по-видимому, вставлялись в деревянные рукояти. Деталью ножей, вероятно, являются обломки и целые пластинки с ретушью утилизации по краю. Группа бытовых орудий для обработки мягких материалов представлена скребками (рис. 12: 1-12) и проколками (рис. 12: 13-18). Единичные абразивные инструменты – сланцевые плитка и брусочек – использовались для шлифовки мелких, возможно, костяных предметов или подправки лезвий деревообрабатывающих орудий.

Типология некоторых групп орудий указывает на связь каменной индустрии поселения с позднемезолитическими памятниками Обонежья с кремневым инвентарем. Прямые аналоги в инвентаре этих памятников находят тип подокруглых скребков на отщепах высоких форм с различной степенью обработки по контуру, в т. ч. и микроформы (рис. 12: 7-10), скребки с лезвийной частью на боковых гранях заготовки (рис. 12: 12). Большинство резцов оформлено узкими короткими сколами на углу заготовки – отщепа, скола, пластины. Представлены также два орудия, рабочий край которых выделен двумя или несколькими радиально направленными сколами (рис. 8: 13, 14), что сближает их с типом многофасеточных резцов мезолитических памятников Обонежья, изготовлявшихся из кварца и лидита. Долотовидные каменные орудия также весьма характерны для мезолита Обонежья.

Черты сходства, сближающие каменную индустрию поселения Кемское III с позднемезолитическими памятниками Обонежья с кремневым инвентарем, наблюдаются в преимущественном использовании для изготовления орудий кремневого сырья местного происхождения, в меньшей степени – сланца, а также в использовании в качестве основной заготовки для орудий отщепа при определенной роли пластин.

Ранее нами отмечалась близость керамики памятников типа Тудозеро V раннеэнеолитическим комплексам Балтийского региона и верхневолжской культуры, что определяется их своеобразным географическим положением на стыке двух культурных традиций. Материалы поселения Кемское III позволяют выделить ряд черт позднего этапа развития этих памятников. Время бытования раннеэнеолитического поселения Кемское III определяется наличием в заполнении жилища “гибридных” сосудов, несущих следы контактов с культурой ямочно-гребенчатой керамики, наиболее ранние памятники которой на восточном берегу Онежского озера датируются 2-й пол. – кон. V тыс. до н. э. [10, с. 209]. Близкие дяльовским орнаментальные композиции этих сосудов как будто указывают и на направление вторжения. Между тем, “местный” комплекс керамики претерпевает значительные изменения по сравнению с ранним этапом. Уменьшается количество сосудов, орнаментированных гребенчатым штампом, и увеличивается использование естественных орнаментов, в т. ч. и рыбьего позвонка. Увеличиваются размеры и разнообразятся венчики сосудов. По форме и размерам посуда становится более близкой керамике сперрингс Карелии. Использование орнаментальных узоров: косой решетки, диагональных линий, горизонтального зигзага – при прочерчивании и накалывании естественными орнаментами – сближает комплекс керамики Кемского III с верхневолжской второго и третьего этапов развития [11, с. 55-56]. По-видимому, на позднем этапе значительно усиливается южное направление контактов населения Юго-Восточного Прионежья. В то же время, сохранение мезолитической техники изготовления составных орудий указывает на достаточно ранний облик каменного инвентаря. Поселение может быть датировано в рамках кон. V – 1-й пол. IV тыс. до н. э.

⁶ Авторы благодарят Н. Б. Васильеву за трасологическое определение.

Связь каменного инвентаря поселения Кемское III с позднемезолитическими памятниками Обонежья и близость домостроительных традиций позволяют видеть в первопоселенцах этой местности аборигенное население, вступавшее в определенные контакты с инокультурным населением, обитавшим, по-видимому, в непосредственной близости. Скорее всего, это были экзогамные связи, иначе трудно объяснить проявление первых изменений в материальной культуре именно на посуде, изготовлением которой традиционно занимались женщины. Обосновавшись на берегу озера, обитатели поселения занимались охотой и рыболовством. По-видимому, рыболовство в начальный период имело подчиненное значение. Не случайно и на керамике из заполнения жилища орнамент наносился естественными орнаментирами, но без участия позвонка. Постепенно в жизнеобеспечении населения первостепенную роль стали играть продукты рыболовства, что отразилось и в орнаментации керамики. Значительно чаще для украшения последней стали употребляться костные остатки рыб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панкрушев Г.А. Отчет о работе Онежского отряда Карельской археологической экспедиции в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5281.
2. Иванцев А.М. Отчет о раскопках и разведках в Вытегорском районе Вологодской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14398-14440.
3. Иванцев А.М. Отчет о раскопках поселения Кемское III в Вытегорском районе Вологодской области в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1.
4. Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
5. Филатова В.Ф. Жилые и хозяйственные сооружения мезолитического поселения Оровнаволок IX // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
6. Журавлев А.П. Мезолитическое поселение Пегрема VIII в Карелии // Исследования по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
7. Калинин И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30. 1990.
8. Тимофеев В.И. Проблемы генезиса раннеолитических культур в Балтийском регионе // Петербургский археологический вестник. № 9. 1994.
9. Титов Ю.В. Об орнаменте керамики типа сперрингс // СА. 1970. № 1.
10. Лобанова Н.В. Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
11. Косылева Е.Л. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.

*Государственная дирекция по охране,
реставрации и использованию
памятников истории и культуры
Вологодской области*

*Научно-производственный центр "Клио",
Вологда*

A.M. Ivanishev, M.V. Ivanisheva

SITE OF THE EARLY NEOLITHIC ON KEMSKOYE LAKE

Summary

The article presents the archaeological material from the Early Neolithic site Kemskeye III. The complex of stone tools and pottery is corresponded with the materials of the Tuzozero V site and characterizes the latest phase of the Tuzozero V type. The excavated site is dated preliminary back to the late 5th-early 4th millenium BC.

*The State Direction for Protection,
Restoration and Usage of Monuments
of History and Culture of Vologda Region,
18, Sovetsky Ave., Vologda,
160035, Russia*

The Research-Industrial Centre "Klio"

Т.М. Гусенцова

КОМПЛЕКС С НЕОЛИТИЧЕСКОЙ НАКОЛЬЧАТО-ПРОЧЕРЧЕННОЙ КЕРАМИКОЙ КОШКИНСКОЙ СТОЯНКИ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ р. ВЯТКИ

Проблема соотношения двух групп керамики: с гребенчатым и накольчато-прочерченным орнаментом, – встречающихся на неолитических поселениях Волго-Камья, обсуждается в литературе уже более 20 лет [1-4]. Основные моменты дискуссии сводятся к определению времени появления накольчато-прочерченной керамики и территории, с которой пришли ее носители, если она не была заимствована местным мезолитическим населением. Можно считать устоявшимся мнение о ее разновременности, а именно о наличии более ранних и поздних комплексов (в пределах неолита). К ранним традиционно относятся памятники типа II Щербетской стоянки в Среднем Поволжье [2]. Относительная хронология керамики основана на аналогиях с подобной посудой соседних территорий, в частности Верхней Волги и Среднего Дона, или стратиграфических наблюдениях [4].

В бассейне р. Вятки исследовано около тридцати памятников, содержащих керамику и с гребенчатым, и с накольчато-прочерченным орнаментом. Большинство их сосредоточено на левобережных притоках р. Вятки [5].

На правобережье известно лишь несколько поселений с керамикой с накольчато-прочерченным орнаментом. Изучение здесь новых памятников имеет важное значение, поскольку эта территория является пограничной с Марийским Поволжьем, где известны многочисленные памятники с накольчато-прочерченной керамикой. Таким образом, заметно расширяется зона их распространения в лесном Приуралье.

В 1993 г. была открыта и в течение 5 лет раскапывалась Кошкинская стоянка. Для ее неолитического комплекса, содержащего только накольчато-прочерченную керамику, получены радиоуглеродные даты.

Кошкинская стоянка находится в Арбажском районе Кировской области в 3 км к северо-востоку от д. Большая Криуша и в 2 км от д. Кошкино. Она занимает хорошо заметное возвышение в пойме реки, на мысу, образованном старицей р. Вятки и р. Масловки, на крае террасы последней высотой 3-5 м. Площадь памятника 5000 кв.м. Раскопками изучено 563,5 кв.м. Удобное расположение местности привлекало к ней население, начиная с эпохи позднего мезолита и до средневековья.

Большая часть стоянки занята мезолитическим поселком, приуроченным к мысу реки. Раскопанные жилища и хозяйственные объекты расположены компактной группой, образующей рядную застройку. В устройстве жилищ присутствуют единые конструктивные элементы: четырехугольная форма котлована площадью не более 8-9 кв.м и глубиной 0,5-0,8 м, с одним или двумя очагами, коротким выходом в сторону реки, устройством ниш или ям возле стенок, очевидно, для хранения припасов. Котлованы заполнены гумусированной темной супесью и насыщены кремневыми предметами (200-350 экз.), кальцинированными косточками. Всдушими категориями орудий мезолитического поселения являются сечения-вкладыши, пластинки, снятые с торцевых и конических нуклеусов, и скребки, изготовленные на площадках с нуклеусов, отщепках, реже пластинках (рис. 1: 5, 8-50, 52-56). Как и на большинстве стоянок в бассейне р. Вятки, здесь отсутствуют типологически выраженные наконечники стрел. Найдены кремневая скульптурка, возможно, медведя (?) (рис. 1: 4) и подвеска из зуба животного (рис. 1: 51). Предварительная датировка поселения – VI тыс. до н.э.

Одно из мезолитических жилищ было нарушено неолитическим (VI). Это сооружение округлой формы, размером 320 × 220 см, с несколько оплывшим котлованом и выступом-выходом, направленным в сторону реки. Оно обнаружено на глубине 50 см от современной дневной поверхности, максимальная глубина котлована – 0,8 м. У западной стенки в яме находился развал плоскодонного сосуда, орнаментированного под венчиком проколами, а по краю венчика – насечками. В заполнении сооружения и рядом с ним найдены 5 геометрических микролитов: треугольников и трапеций (рис. 1: 1-3, 6, 7). Подобные изделия известны на ранне-неолитической стоянке Эньты I в бассейне р. Вычегды [6].

Основная часть поселения с накольчато-прочерченной керамикой расположена в 50 м к западу от мыса, вдоль края террасы р. Масловки (раскоп 4, 1996-97 гг., площадь 132 кв.м). Стратиграфия раскопа: дерн – 6-8 см, под ним прослойка светлого наносного песка – 5-20 см, ниже – темно-серая супесь с включениями угля – 6-30 см – с находками кремневых изделий и керамики эпохи поздней бронзы; под ней – красновато-коричневая супесь – культурный слой с находками кремневых изделий и неолитической керамики, мощностью 15-25 см; в заполнении ям супесь имеет более темный цвет и большую мощность – 35-80 см; подстилающий слой – желтый песок. Здесь исследованы остатки 4 сооружений и около 20 ям.

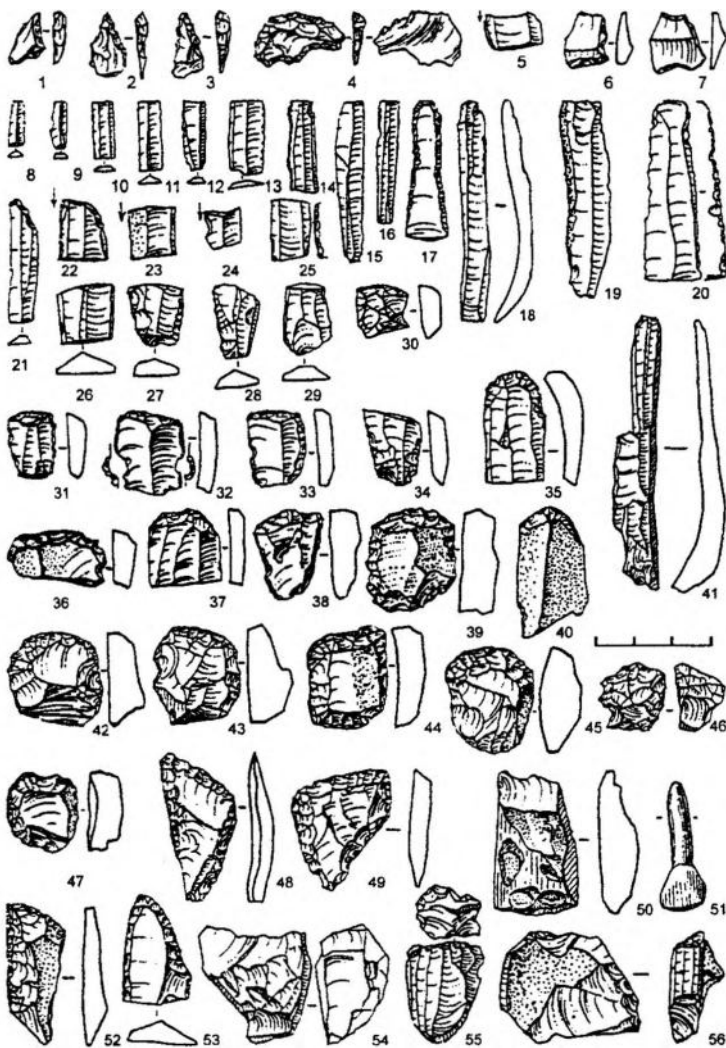

Рис. 1. Кошкинская стоянка. Инвентарь:
 1-3, 6, 7 - эпохи раннего неолита;
 4-5, 8-56 - эпохи мезолита
 (4 - кремневая фигурка,
 51 - подвеска из зуба животного).
 Кремль, зуб (51)

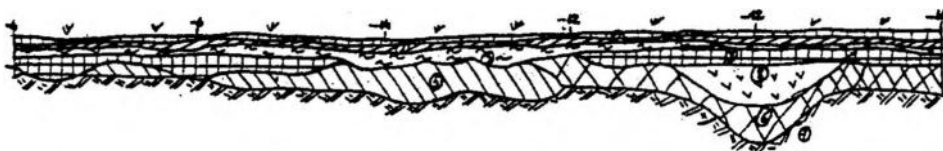
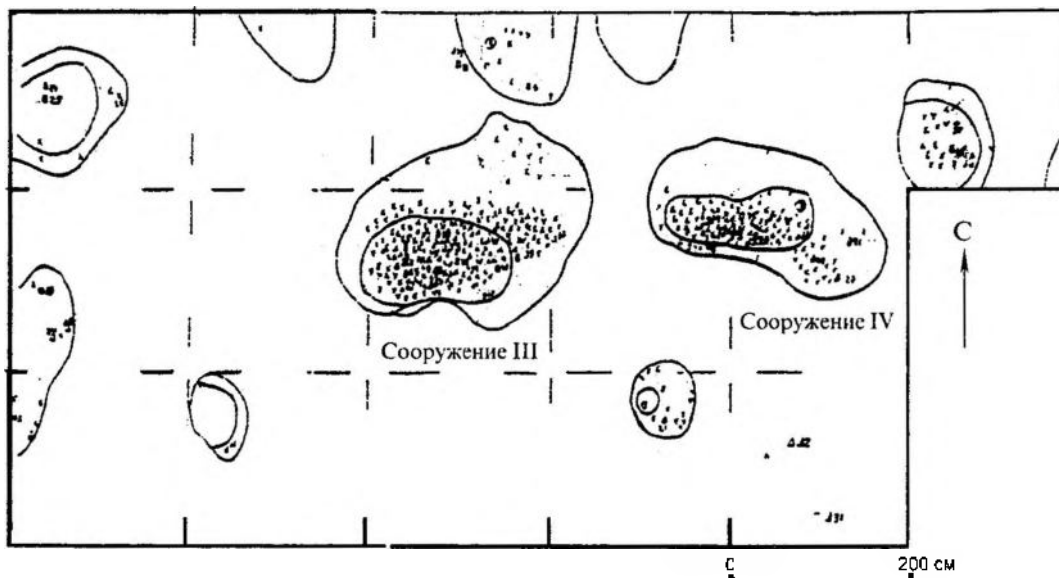

Рис. 2. Кошкинская стоянка.
 Раскоп IV

Сооружение I находилось на краю террасы, выявлено на глубине 50 см, сохранившаяся часть имела размеры 300×60 см, глубина котлована 0,52 м, дно овальное, стенки оплыли. В заполнении найдено около 100 изделий из кремня, включая 8 наконечников стрел, несколько фрагментов неорнаментированной лепной керамики и кальцинированные косточки.

Сооружение II выявлено в 1 м к северу от первого на уровне 60 см, размеры его 310×160 см, глубина котлована 0,5 м; форма котлована овальная с выступом в юго-западной стенке, дно покатое. У западной стенки найдена столбовая ямка. Находки сосредоточены в восточной половине сооружения. Они представлены более 10 фрагментами керамики, кремневыми изделиями и кальцинированными косточками. Рядом с сооружением находилась очажная яма диаметром 100 см, заполненная золой и угольками, глубиной 16 см. Возле ямы обнаружено 11 фрагментов керамики от одного сосуда. Еще один развал сосуда эпохи неолита (95 фр.) найден в яме, расположенной в 2 м от очажной.

Сооружение III находилось в 7 м к северо-западу от сооружения II, выявлено на глубине 50 см. Оно имело неправильно-овальную форму, его размеры 260×180 см, глубина котлована 0,3-0,4 м, дно неровное (рис. 2). На уровне -70 см в южной части зафиксирована яма с углисто-сажистым заполнением и кальцинированными косточками, размеры ее 150×100 см, глубина 32 см. Всего в яме и рядом с ней найдено 130 отщепов и чешуек, 23 пластины, обломок наконечника стрелы, 2 обломка нуклеусов, 2 заготовки орудий, нож, 29 фрагментов керамики. Из ямы на глубине 80 см от современной дневной поверхности взят образец угля (ЛЕ-5548), датированный 7500 ± 580 л.н. (калиброванная дата 7030-5750 л. до н.э.; 7600-5270 л. до н.э.). Взятый из слоя над сооружением на глубине 50-60 см образец угля (ЛЕ-5550) дал дату 4860 ± 190 л.н. (калиброванная дата 3920-3880, 3810-3490, 3470-3370; 4040-3090, 3060-3050 л. до н.э.).

Сооружение IV обнаружено в 1 м к востоку от сооружения III на уровне -50 см. Очертания пятна темно-коричневой супеси с включениями угля имели овально-вытянутую форму, размеры пятна 280×100 см. На глубине 70 см яма имела размеры 160×70 см и глубину 0,8 м. Стенки котлована оплыли, дно приостренное (рис. 2). В пределах сооружения собрано более 100 отщепов, заготовка наконечника стрелы, угловой резец, 8 пластин, 3 нуклеидных скола, 2 обломка орудий, 2 скребка, 10 фрагментов керамики, найденных на дне ямы, и более 20 кальцинированных костей. Из ямы получен образец угля (ЛЕ-5549), давший дату 6160 ± 100 л.н. (интервалы калиброванного возраста 5210-5160, 5150-4960; 5270-4840 л. до н.э.).

Небольшое количество неолитической керамики было найдено еще в 8 ямах раскопа.

Коллекция керамики стоянки состоит из более 250 мелких фрагментов и 2 развалов сосудов. Посуда изготовлена из глиняного теста с примесью органики и шамота. Она тонкостенная, толщиной 0,5-0,7 см, цвет светло-желтый, обжиг слабый. Внешняя поверхность заглажена и подтощена, внутренняя поверхность также гладкая. Полностью реконструировать сосуды не удалось. Сохранились фрагменты прямых или слабопрофилированных пеек и небольшие плоские днища, иногда с хорошо выраженной закраиной (рис. 3: 1-13). Посуда орнаментирована крайне слабо. Орнаментальное поле состоит из рядов треугольных наколов, насечек, тонких проколов-ямоч, нанесенных под венчиком; днища, как правило, не орнаментированы. На одном фрагменте стенки прослеживается диагональное размещение узора из рядов наколов (рис. 3: 12).

Изделия из камня насчитывают около 4500 экз. Сырьем для изготовления инвентаря служили серый с оттенками, реже – красно-коричневый и темный кремнь, доломит и опока. Основную часть коллекции составляют отщепы мелкой и средней величины (диаметром 1-3 см) и чешуйки – более 80%. Значительно количество пластинок и сечений – свыше 10% от общего состава инвентаря. Преобладают пластинки шириной 0,5-1,2 см и сечения, в т.ч. и короткие (рис. 4: 3-4, 11). Часть из них обработана краевой ретушью и резцовыми сколами, на других прослеживаются следы использования (рис. 4: 1-2, 5-8, 15, 21, 28). Для получения пластин-заготовок использовали ядрища конической формы. Сколы поджигления – “площадки” с ядрищ – служили для изготовления скребков с круговым лезвием (рис. 4: 24). Другая часть скребков (около 100 экз.) изготовлена на отщепах, лезвие занимает 1/3 заготовки; имеются концевые скребки на пластинах или отщепах (рис. 4: 22, 23, 25, 27).

Особенностью комплекса является большое количество наконечников стрел (39 экз.). Преимущественно это обломки пера, реже черешка (рис. 4: 10, 13-14, 16-17). Целые наконечники имеют иволистную или подтреугольную форму, краевую или частичную двустороннюю ретушь, высота их не превышает 2,5-3 см (рис. 4: 12, 18-19).

Другие группы орудий представлены угловыми резами на пластинах (12 экз., рис. 4: 9, 30), 4 проколками и одним сверлом. Есть небольшая (15 экз.), но выразительная серия однолезвийных ножей на крупных пластинах или отщепах (рис. 4: 26). В качестве орудий использовалось 30 отщепов с частичной ретушью по краю. Найдено 4 небольших рубящих орудия из доломита и опоки (рис. 4: 29), на рабочих лезвиях двух из них имеются следы пришлифовки (рис. 4: 31).

Из доломита изготовлен штамп (?) – небольшой отщеп с насечками по краю (рис. 4: 20). Особый интерес представляет прямоугольная плитка песчаника с прочерченными линиями.

На правобережье р. Вятки материалы, близкие комплексу Кошкинской стоянки, получены на поселениях Коктыш II и Худяки, на левобережье – на поселениях Кыйлуд II, Тархан I [5]. На остальных памятниках левобережья орнаментация посуды отличается большим разнообразием и техникой нанесения узоров плотными строчками треугольных и крупных овальных наколов, длинными насечками и прочерченными линиями; присутствием орнамента на днищах. Различия в каменном инвентаре менее выражены и связаны прежде всего с распространением на левобережных памятниках более крупных пластин-заготовок, ножей-ложкарей и ножей на плитках кремня. По этим же признакам описанный комплекс отличается и от материалов соседнего Марийского Поволжья.

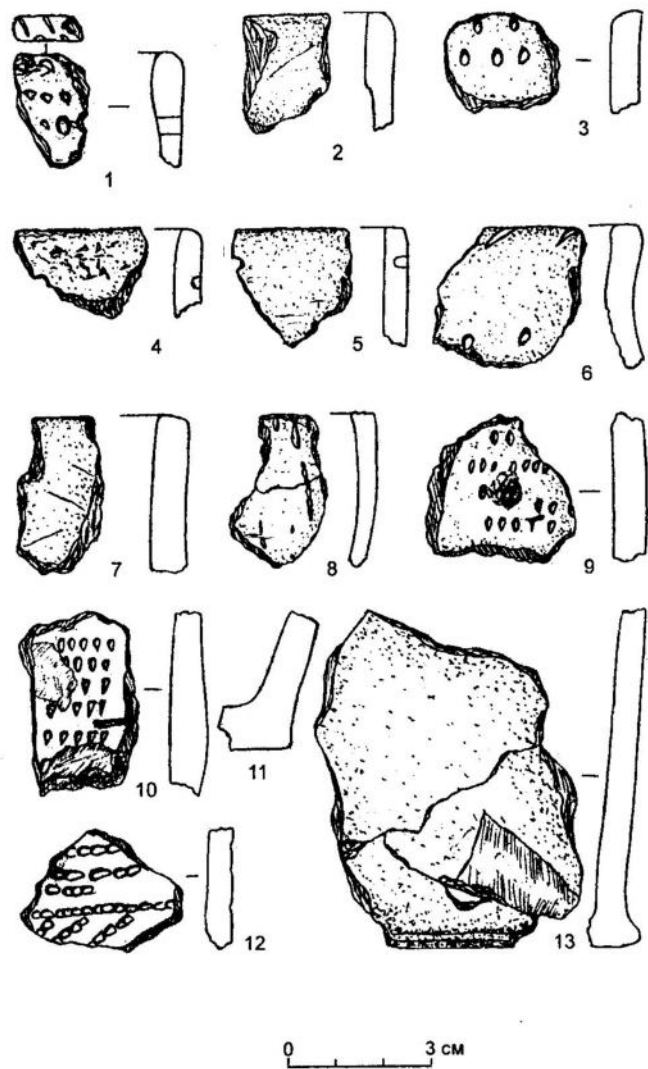

Рис.3. Кошкинская стоянка.
Керамика с накольчато-прочерченным
орнаментом

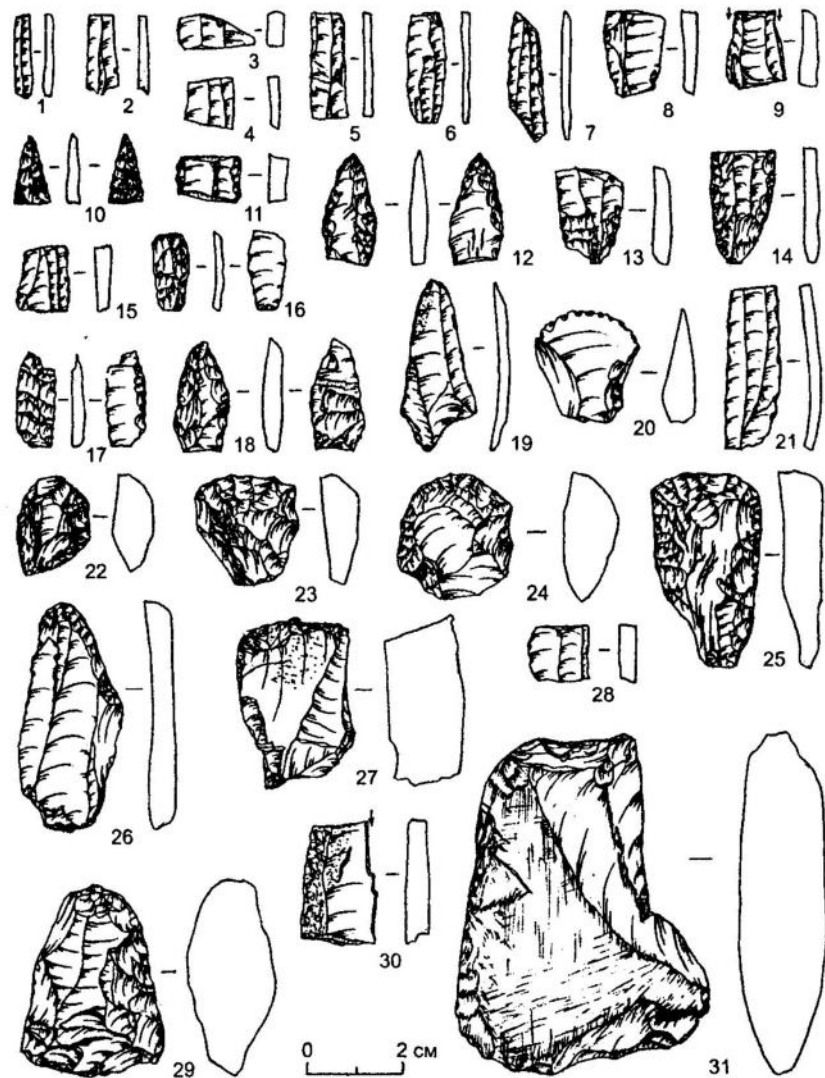

Рис.4. Кошкинская стоянка.
Кремневый и каменный
инвентарь эпохи неолита

Наибольшее сходство керамика Кошкинской стоянки обнаруживает с верхневолжской раннеолитической (накольчато-тычковой) посудой [7].

Однако кремневый инвентарь имеет существенные отличия, возможно, обусловленные разной мезолитической основой. Сопоставление инвентаря неолитического и мезолитического комплексов Кошкинской стоянки указывает на заметную деградацию в неолите техники изготовления орудий при сохранении ведущих категорий и типов изделий предшествующего времени – вкладышей, скребков, резцов, проколов. Появление новых видов изделий: наконечников стрел, ножей на массивных пластинах, топоров – также свидетельствует об определенном хронологическом разрыве между ними. Исходя из аналогий с памятниками Верхней Волги и полученной радиоуглеродной даты, неолитический комплекс Кошкинской стоянки можно датировать V тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
2. Третьяков В.П. Раннеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. Вып. 131. 1972.
3. Габеев Р.С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. Вып. 153. 1978.
4. Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т.IV. Йошкар-Ола, 1996.
5. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1993.
6. Логникова Э.С. Поселение Эньты I // Археологические памятники палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978.
7. Костылева Е.Л. Раннеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. I. Тверь, 1994.

*Дворец детского и юношеского
творчества Выборгского района,
г. Санкт-Петербург*

T.M. Gusentsova

COMPLEX WITH THE NEOLITHIC PRICKED-DRAWN POTTERY FROM KOSHKINSKAYA SITE ON THE RIGHT BANK OF THE VYATKA RIVER

Summary

The article is dedicated to the study of the Early Neolithic complex at Koshkinskaya site which is situated in the basin of the Vyatka River. It contains the remains of four oval constructions of 4-6 sq.m each, the depth of their trenches being 0,7-0,8 m, and about 20 pits. The pottery is presented by flat-bottom vessels with straight or slightly profiled necks. Ornamental compositions consist of rows of pits-prickings, rows of separate prickings or drawn lines under rims; and of notches on rims. Bottoms are without ornament. Tools are presented by flats, sections of flats with or without secondary retouching, scrapers; cutters, prickers, axes and knives are few. The series of willow leaf or triangle type arrowheads mainly without handles is the most expressing.

The complex shows a considerable similarity to the materials from the Neolithic sites on the upper Volga River and is dated to the 5th millenium BC. The dates are proved by radiocarbon datings for Koshkinskaya site.

*The Palace of Infant and Adolescent Arts
4, b.2, Santjago de Cuba St.,
St.Petersburg, 194291, Russia*

В.В. Ставицкий

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА СУРСКО-МОКШАНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Территория Сурско-Мокшанского междуречья в силу своего естественно-географического расположения на протяжении ряда эпох являлась контактной зоной взаимодействия представителей лесных и лесостепных культур. Слабая изученность мезолитических памятников данного региона, их малочисленность не позволяют пока выявить динамику и направление протекавших здесь процессов. Кроме того, природно-климатические условия в мезолите в значительной степени отличаются от климатических условий последующего времени. Поэтому для того чтобы выявить истоки той линии развития, которая определяла специфику взаимодействия населения различных природных зон в данном регионе, необходимо обратиться к изучению неолитической эпохи.

В отличие от более северных и более южных областей, где определение культурной принадлежности памятников обычно не вызывает затруднений, памятники контактной зоны, аккумулировавшие в себе различные традиции, часто оказываются поликультурными. Поэтому, несмотря на ряд работ, посвященных изучению данного региона [1; 2], до сих пор остается актуальным определение культурной принадлежности ряда археологических объектов, особенно относящихся к раннему неолиту. Кроме того, до сих пор выводы по неолиту Сурско-Мокшанского междуречья базируются в основном на материалах двух локальных групп памятников, одна из которых расположена в окрестностях Имерского озера, другая – под г. Пенза. Остальная территория междуречья была представлена материалами раскопок стоянок Потодеево и Озименки, а также сборами. Между тем, за последние годы было раскопано еще 18 памятников эпох неолита–энеолита, расположенных в различных частях Примокшанского бассейна и Верхнего Посурья, что позволило на новом источниковедческом уровне подойти к решению ранее поставленных проблем. К тому же и новые данные, полученные при исследовании хорошо стратифицированных стоянок Верхнего Поволжья, проводившихся с использованием методов радиоуглеродного датирования и спорово-пыльцевого анализа [3], дают возможность с новых позиций рассматривать вопросы периодизации и хронологии неолитических древностей Сурско-Мокшанского междуречья.

Неолитическая керамика Сурско-Мокшанского междуречья подразделяется на четыре группы. К первой группе относится слабо орнаментированная керамика с примесью шамота. Сосуды шлемовидные с закрытым горлом или горшковидные с S-видным изгибом горла. Дно острое, заполненное глиняной массой. Орнамент состоит из горизонтальных и диагональных рядов округло-точечных, реже треугольных или овальных наколов. Подобная керамика получена с поселений Имерка 7 (жилище 3) и Ковылай 1, а также с ряда местонахождений [4; 5]. Ближайшие аналоги – в керамике елшанского типа. По некоторым параметрам (сосудам с S-видным горлом, разреженной орнаментации, по общим мотивам и элементам орнамента) к посуде данных памятников близка керамика Потодеевской стоянки. Причем, потодеевская керамика в какой-то степени является связующим звеном между слабо орнаментированной керамикой Примокшанья и накольчатой керамикой Верхнего Посурья, т. к. обладает рядом общих признаков с посудой обеих групп.

В Самарском Поволжье слабо орнаментированная керамика залегает ниже слоев с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой, что подтверждается и серией радиоуглеродных дат, приходящихся на 2-ю пол. VII – руб. VII-VI тыс. до н. э. [6]. Поскольку керамика Имерки 7 не обладает полным набором аналогов с наиболее ранней елшанской посудой, то нельзя исключить и несколько более позднего возраста примокшанской керамики. Вероятно, не имеет большого хронологического разрыва с материалами Имерки 7 керамика Потодеевской стоянки, где получают свое развитие некоторые из имерских традиций.

Ко второй группе относится накольчато-гребенчатая керамика Посурья, изготовленная из глины с примесью шамота, редко с добавлением органических остатков. Верхняя поверхность стенок тщательно заглажена, на внутренней иногда имеются следы расчесов. Преобладают плоские, плосковогнутые и округлые днища. Горло сосудов цилиндрическое или слегка закрытое. На разных стоянках от 56 до 74% сосудов украшено наколами, от 16 до 23% – оттисками зубчатых штампов, от 3 до 7% – прочерченными линиями. Чаще использовались строчечные наколы овальной и треугольной формы, разнонаправленные ряды которых образовывали геометрические фигуры, зигзаги, горизонтальные пояски. Около половины сосудов украшены под венчиком одиночными, редко двойными рядами ямок [7; 8].

Ближайшие аналоги данной керамики – в посуде средневолжской и среднедонской культур, характерные черты которой присутствуют в керамике одних и тех же памятников Пензенского Посурья. В средне-

донской посуде находят аналоги: использование метода косой стыковки глиняных лент при лепке сосудов; прямостенные, утоньшенные в верхней части венчики; треугольные наколы, выполненные широкой угловой лопаточкой, а также наколы скобковидной и трапециевидной формы; сплошное заполнение орнаментального поля (на Пензенских стоянках и поселении Подлесное 5); ряды ямок под венчиком. Однако специфических для среднедонской керамики элементов орнамента немного – наряду со сплошной орнаментированностью сосудов на стоянках Подлесное 7 и 8 существенна доля неорнаментированных фрагментов, что более характерно для средневожских памятников.

В керамике средневожской культуры также находят аналоги сосуды с прямой, плавно отделенной от тулова шейкой, и сосуды с плоскими днищами, украшенные наколами или оттисками гребенчатого штампа; орнаментация среза и внутренних стенок венчика; широкое распространение строчечных наколов овальной формы; пояски ямок под венчиком; достаточно высокая степень взаимовстречаемости гребенчатых и накольчатых элементов орнамента; наличие ряда общих мотивов орнамента, в т. ч. шагающей гребенки. На одних стоянках более рельефно проступают средневожские признаки (Подлесное 7, 8), на других – среднедонские (Подлесное 5, Пензенские). Ситуация осложняется наличием ряда местных особенностей, которые не находят аналогов в керамике вышеупомянутых культур.

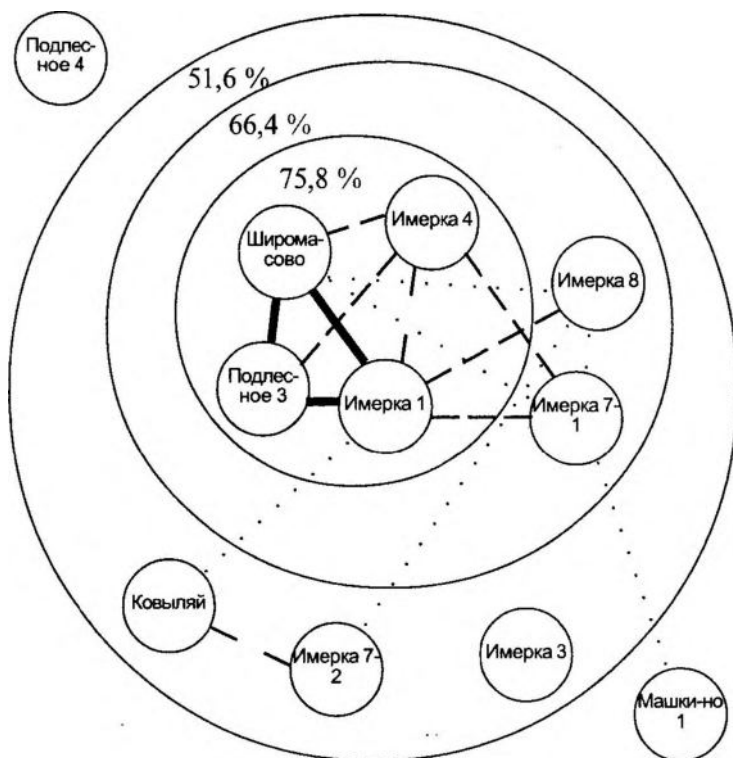
Таким образом, накольчато-гребенчатая керамика Верхнего Посурья обладает определенной степенью синкретизма, что достаточно характерно для памятников контактной зоны. Значительным своеобразием отличается керамика поселения Шаморга 9, расположенного на Нижней Цне, для которой характерны: сильно профилированные и усложненные формы венчиков; заглаживание внешней поверхности стенок зубчатым штампом; преобладание в орнаменте наколов прямоугольной формы (27,6%) и довольно широкое употребление прочерченных линий; использование примесей песка и растительных остатков в керамическом тесте [9]. Определенные аналоги данной керамике удалось подобрать только среди посуды территориально удаленных от Примокшанья памятников Припятского Полесья [10]. Сходство наблюдается в составе примесей; в формах сильно отогнутых наружу венчиков; в наличии приостренных днищ; заглаженности внешней поверхности ряда сосудов зубчатым штампом; в наличии неорнаментированных сосудов, украшенных только рядами ямок; в специфических элементах орнамента в виде желобчатых линий и прямоугольных наколов.

Накольчатая керамика Посурья не является хронологически однородной. Ранняя керамика характеризуется сравнительной тонкостенностью, уплощенными и коническими днищами, простотой орнаментальных мотивов, разреженной орнаментацией, преобладанием орнамента из треугольных и овальных наколов, нанесенных узкой отступающей лопаточкой (Подлесное 7, 8, часть керамики Пензенских стоянок). Большинство этих признаков характерно для ранних накольчатых комплексов Среднего Поволжья (Тетюшская 6, Лебяжье 1, ранняя керамика Виловатовской и Ивановской стоянок). Ряд аналогий вышеописанная керамика находит и в ранней керамике среднедонской культуры.

Более развитый облик имеет керамика поселений Подлесное 5, Екатериновка, большая часть керамики Пензенских стоянок. Ее отличает большая толщина стенок; наличие сосудов с прикрытым горлом и округлым либо плоским днищем; использование метода косой стыковки глиняных лент; появление украшенных изнутри венчиков; преобладание в орнаменте овальных наколов, глубоко нанесенных на поверхность сосуда широкой отступающей лопаточкой; густое заполнение орнаментального поля; наличие усложненных мотивов орнамента; высокая степень взаимовстречаемости наколов и гребенчатых оттисков. Данная керамика сопоставима с поздней посудой Виловатовской и Ивановской стоянок, типологически выделенной И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым [11]. Ряд близких аналогов эта керамика находит и в поздней посуде среднедонской культуры, что может свидетельствовать о синкретическом характере присурской керамики. Наиболее поздней среди накольчатой керамики кажется посуда Шаморга 9, в которой фиксируются некоторые черты, свойственные уже керамике раннеэнеолитических культур лесостепного облика (среднеостоговской и репинской).

К третьей группе относится гребенчато-накольчатая керамика Сурско-Мокшанского междуречья, имеющая в тесте примесь шамота. Преобладают отогнутые вовнутрь и прямостенные венчики с округлым срезом, либо утоньшенные в своей верхней части. Днища сосудов – конические и округлые. В орнаменте доминируют оттиски длинного зубчатого (32,6%) и изогнутого короткого (20,6%) штампов. Штампы других видов использовались редко. В среднем около 16 % сосудов украшалось наколами. Преимущественно использовались строчечные наколы овальной и треугольной формы, нанесенные в технике отступающей лопаточки, а также насечки. Фрагменты, украшенные длинным зубчатым штампом, не имеют свободных от орнамента зон. Орнамент из наколов и оттисков короткого штампа более разрежен. В среднем около 20% фрагментов не имеют орнамента. У большинства сосудов под венчиком идет ряд ямок [1; 2; 4; 12-14].

Для выяснения степени единства памятников с гребенчато-накольчатой керамикой были произведены вычисления коэффициентов их попарного сходства по элементам и мотивам (отдельно по гребенчатым и накольчатым) орнамента (рис. 1-4). С учетом данных коэффициентов, по сумме всех показателей наибольшей близостью обладают материалы стоянок Имерка 1-А, 3, 4, 7, что, видимо, объясняется прямым генетическим родством их обитателем. Вероятно, эти материалы иллюстрируют процесс развития локальной группы населения, представители которой в ходе сезонных перекочевков неоднократно возвращались на старое место жительства в окрестности Имерского озера. Наличие ряда очень сильных связей между керамикой данных памятников и посудой стоянки Подлесное 3, возможно, объясняется непосредственными миграциями населения Имерских стоянок на территорию Верхнего Посурья. Ряд существенных отличий между кера-

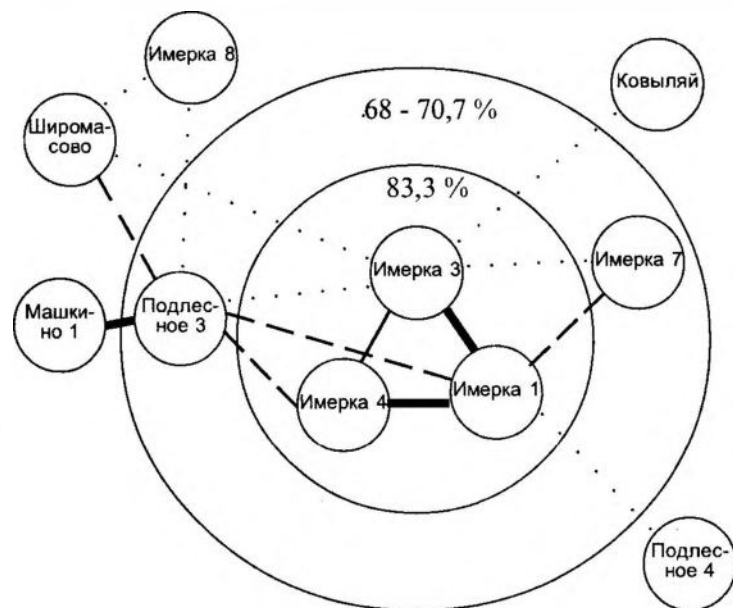
- Сильная связь (78,5 - 84,4 %)
- - - - - Средняя связь (70,6 - 74,5 %)
- Слабая связь (64,3 - 66,3 %)

Рис. 1. Граф связей гребенчато-накольчатых памятников по элементам орнамента

микой стоянок Имерка 1-А, 3, 4, 7 и посудой Имерки 8, видимо, обусловлен воздействием населения из сопредельных регионов. Отличия, фиксируемые в керамике поселений Машкино I, Широма-сово 3, Ковыляй I, могут объясняться совокупностью разных причин: хронологических, локальных, инокультурным влиянием. Материалы этих стоянок в большей мере связаны с Имеркскими поселениями и в меньшей – между собой. Несмотря на имеющиеся отличия, степень сходства керамики всех перечисленных стоянок достаточно высока. Их суммарный коэффициент сходства по элементам орнамента достигает 62,4% (рис. 1), по гребенчатым мотивам – 62,8% (рис. 2) и несколько меньше его значение по накольчатым мотивам – 42,2% (рис. 3). Причем, степень сходства, вы-

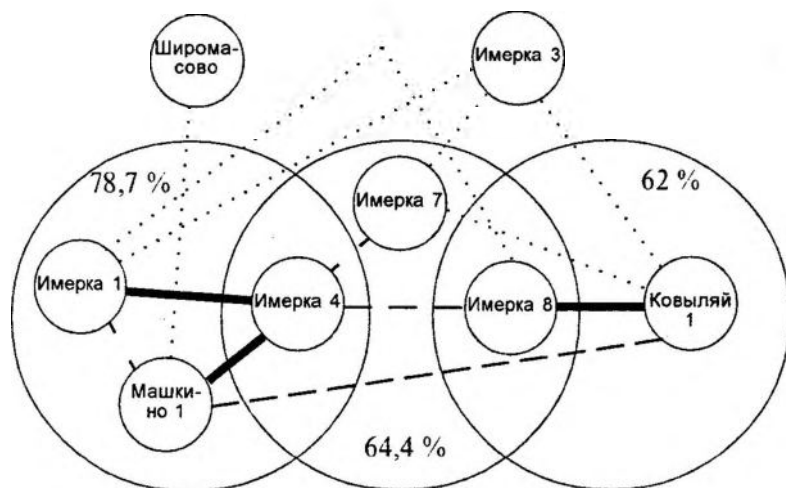
численная по гребенчатым и накольчатым мотивам, обычно не совпадает. То есть пара стоянок может иметь максимальное сходство по гребенчатым мотивам и минимальное – по накольчатым, или наоборот (рис. 2, 3). Видимо, развитие накольчатой и гребенчатой групп керамики не всегда протекало под воздействием взаимообусловленных причин.

Из общей массы заметно выделяются материалы поселения Подлесное 4 [15]. Часть керамики этого памятника более толстостенна, здесь имеются отогнутые наружу венчики, используются оригинальные виды штампов, более сложными выглядят мотивы орнамента, чаще фиксируется наличие бордюрных зон, крайне низок процент накольчатой и неорнаментированной керамики. Суммарный коэффициент сходства данной керамики с посудой остальных памятников составляет: по элементам орнамента – 37,9% (рис. 1), по гребенчатым мотивам – 42,7% (рис. 2). Наиболее близкие аналоги керамика Подлесного 4 находит в посуде памятника камской культуры Лебединская 2 [1]. Однако имеются и отличия: на Подлесном 4 нет венчиков с напылами, зато более широко употребляются короткие овалы штампы, под венчиком присутствуют ямочные пояски. Данные черты более характерны для керамики лесостепного облика, что позволило И. Б. Васильеву и А. А. Выборнову отнести керамику данного поселения к заключительной фазе средневолжской культуры [11]. Но степень сходства по гребенчатым мотивам орнамента между керамикой Подлесного 4 и посудой стоянок Лебяжинка 1, Виловатое составляет всего 28 и 50%. Причем, последний коэффициент явно завышен, так как не учитывается удельный вес различных мотивов. На Виловатовской стоянке преобладают изогнутые оттиски короткого или удлиненного штампов и очень много шагающей гребенки. На Подлесном 4 коротких изогнутых оттисков нет совсем, а шагающая гребенка встречается редко. Вероятно, сходство этих памятников обусловлено результатами

- Сильная связь (82,6 - 91,6 %)
- - - - - Средняя связь (70,0 - 77,6 %)
- Слабая связь (66,6 - 68,0 %)

Рис. 2. Граф связей гребенчато-накольчатых памятников по гребенчатым мотивам орнамента

- Сильная связь (69,4 - 83,3 %)
- - - Средняя связь (60,0 - 66,7 %)
- Слабая связь (53,3 - 55,6 %)

Рис.3. Граф связей гребенчато-накольчатых памятников по накольчатым мотивам орнамента

взаимовлияний, а не общностью происхождения.

Керамика Имеркских стоянок, поселений Подлесное 3, Широма-сово 3, Машкино 1 по гребенчатым мотивам орнамента находит ближайшие аналоги в посуде верхневолж-

ской культуры. Средний коэффициент ее сходства с керамикой стоянки Владычинская-Береговая составляет 57,4%. В гребенчатой керамике Ковыляйского поселения имеется ряд черт, характерных для гребенчатой посуды лесостепного облика: малочисленность оттисков длинного зубчатого штампа и простота мотивов, состоящих из коротких отпечатков зубчатого штампа. Определенные аналоги сурско-мокшанская керамика находит в посуде камской культуры. Средний коэффициент сходства по гребенчатым мотивам с посудой 2-й Лебединской стоянки составляет 42,7%. Однако крайне низок данный коэффициент у стоянок Машкино 1 (20,8%), Широма-сово 3 (24,2%). Вероятно, разные памятники, расположенные в контактной зоне Сурско-Мокшанского междуречья, подвергались различной силе воздействия со стороны населения сопредельных территорий.

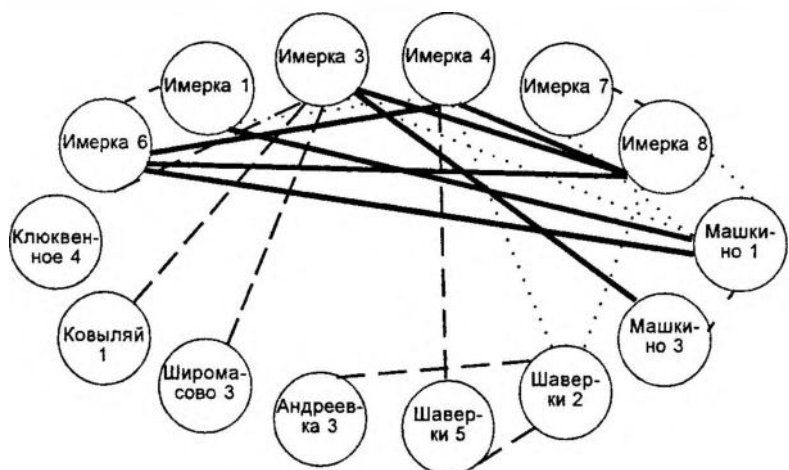
В сравнении с накольчатой керамикой гребенчато-накольчатая посуда Сурско-Мокшанского междуречья выглядит менее дифференцированной, что усложняет построение ее периодизации. По линии синхронизации с верхневолжской керамикой наиболее архаично выглядит посуда Машкино 1, на которой преобладает орнамент из оттисков короткого зубчатого штампа при существенной доле неорнаментированных фрагментов. Выше среднего здесь удельный вес накольчатого и прочерченного орнамента, сравнительно невелика в орнаменте доля длинного зубчатого штампа. Все эти признаки характерны для поздней фазы развитого периода верхневолжской культуры. Гребенчатая керамика других примокшанских стоянок более близкие аналоги находит в поздней верхневолжской керамике, но, может быть, в смешанных коллекциях Имеркских стоянок имеется и более ранняя посуда. С поздней верхневолжской керамикой синхронизируется керамика стоянки Подлесное 3, но по отношению к посуде поселения Подлесное 4 она является ранней.

Достаточно сложен вопрос о соотношении гребенчато-накольчатой керамики Примокшанья с накольчато-гребенчатой керамикой Посурья. В примокшанской керамике присутствуют отдельные элементы накольчатого орнамента, характерные для ранней керамики Посурья. Но обратного влияния на гребенчатую группу посурьской керамики не наблюдается. Вероятно, ранняя керамика Посурья древнее примокшанской. Данное предположение подтверждается по линии синхронизации с посудой среднедонской культуры, ранний этап которой А.Т. Синюк датирует 1-й пол. V тыс. до н. э. [16]. Наиболее ранняя гребенчато-накольчатая керамика Примокшанья по аналогиям с верхневолжской посудой может быть датирована сер. V тыс. до н. э., а основная масса примокшанских памятников, видимо, относится ко 2-й пол. V тыс. до н. э. Однако поздняя накольчато-гребенчатая керамика в Посурье, вероятно, доживает до нач. IV тыс. до н. э., о чем свидетельствуют следы контактов с носителями "воротничковой" керамики, отразившиеся в посуде Пензенских поселений.

К четвертой группе относится ямочно-гребенчатая керамика, которая изготавливалась из глины с добавлением к ней примесей дресвы и песка, редко шамота. Преобладают сосуды с толщиной стенок 0,6-0,8 см, имеющие прямой или слегка отогнутый наружу венчик.

- Сильная связь (66,6 - 75,9 %)
- - - Средняя связь (61,8 - 65,1 %)
- Слабая связь (60,1 - 61,02 %)

Рис.4. Граф связей ямочно-гребенчатых памятников по элементам орнамента

Единичны венчики с утолщением в верхней части. Днища округлые. Большинство сосудов украшено одиночными или двойными рядами белемнитных ямок, которые чередуются с отпечатками зубчатого штампа. Достаточно широко также распространены оттиски плюсневого (костного) штампа, вдавления аммонитов и переплетенной веревочки, отпечатки полулунной формы. Реже используются изогнутые оттиски зубчатого штампа, накольчатые вдавления, а также чисто ямочные элементы орнамента. Орнаментальные мотивы на керамике большинства поселений крайне просты и состоят из горизонтальных, редко диагональных рядов ямок в сочетании с другими элементами орнамента. Только на стоянке Имерка 4 достаточно широко представлены усложненные мотивы, состоящие из различного рода ромбических фигур, косой решетки и волнообразных построений [1; 2; 4; 12-14; 17; 18].

При сравнении 14 наиболее информативных памятников с ямочно-гребенчатой керамикой по набору элементов орнамента (рис. 4) оказалось, что у 12 поселений средние значения коэффициентов сходства с керамикой остальных поселений достаточно близки и составляют от 48 до 56%. Значительно ниже средние коэффициенты идентичности стоянок Клюквенное 4 (39,4%) и Имерка 7 (41%). Главные отличия этих поселений заключаются в том, что на Клюквенном 4 высока доля оттисков косозубого штампа (30%), а на Имерке 7 – доля изогнутых оттисков зубчатого штампа (28%), которые на других памятниках встречаются значительно реже. Наиболее сильные связи объединяют керамику Имеркских стоянок. Без учета материалов Имерки 7 их внутригрупповой коэффициент сходства составляет 65,2%. Довольно близки к данным стоянкам и материалы поселения Машкино 1 (60,7%). Высокий уровень сходства Имеркских стоянок, видимо, объясняется причинами прямого генетического родства населения, их оставившего.

Остальные поселения не образуют территориальных групп, обладающих высокой степенью внутреннего единства. Коэффициент общегруппового сходства среднемоксанских поселений по элементам орнамента равен всего 44%. Здесь высокой степенью сходства обладают только отдельные пары памятников: Машкино 1 – Машкино 3 – 62,2%, Шаверки 2 – Шаверки 5 – 63,4%, Шаверки 2 – Андреевка 3 – 63,2%. Однако только поселения Шаверки 2 – Андреевка 3 имеют высокий коэффициент родства по устойчивым мотивам орнамента (85,7%), у двух других пар он весьма незначителен (18-20%). Вероятно, набор определенных элементов орнамента является хронологически устойчивым признаком, а орнаментальные мотивы более изменчивы. Поэтому внутри Шаверской и Машкинской групп на протяжении длительного времени используются одни и те же наборы элементов орнамента, а вот орнаментальные мотивы претерпевают значительные изменения. Следовательно, сходство внутри двух вышеназванных пар объясняется причинами локального характера, а близость памятников Шаверки 2 – Андреевка 3 имеет под собой и хронологическую подоснову. Некоторые среднемоксанские памятники находят наибольшее сходство в керамике Имеркских поселений, а не в посуде территориально близких им стоянок: Ковыляй 1 – Имерка 3 – 64,2, Машкино 1 – Имерка 6 – 72,8, Машкино 3 – Имерка 3 – 66,1 %.

От примокшанских памятников заметно отличаются поселения Верхнего Посурья, на керамике которых отсутствуют отпечатки веревочки и аммонитов, полулунные вдавления, оттиски изогнутого штампа, не используются усложненные мотивы орнамента, редко встречаются плюсовые отпечатки. Основная масса посурской керамики украшена оттисками зубчатого штампа, чередующимися с одиночными и двойными рядами ямок, изредка используются наколы и нарезки. Определенные параллели данная керамика находит в ямочно-гребенчатой посуде Марийского Поволжья. Керамика Имеркских стоянок и поселений Ковыляй 1, Клюквенное 4, Машкино 3 по набору основных элементов орнамента, состоящему из оттисков зубчатого штампа, плюсовых вдавлений и веревочных отпечатков, которые сочетаются с одиночными и двойными рядами ямок, находит ближайшие аналоги в ранней льяловской керамике Восточной Мещеры. Меньшую степень сходства с льяловской керамикой имеет керамика стоянок среднего течения р. Мокши: Машкино 1, Шаверки 2, 5, Андреевка 3, для орнаментации которой характерно широкое использование отпечатков аммонитов при заметной доле полулунных вдавлений и незначительном удельном весе веревочных и плюсовых вдавлений. Некоторые из перечисленных признаков присущи балахнинской керамике нижнего течения р. Оки. Но большей степенью сходства с балахнинской керамикой обладает посуда стоянок Имерка 3, 6, 8, их коэффициенты идентичности со стоянкой Гавриловская 2 варьируют от 57 до 65%. То есть ряд примокшанских стоянок имеет высокую степень сходства как с льяловскими, так и с отдельными балахнинскими памятниками, что обычно характерно для контактной зоны. Однако не исключено, что данное сходство объясняется непосредственной близостью балахнинских и льяловских памятников.

В Сурско-Мокшанском междуречье неолитические памятники приурочены к песчаным почвам, что исключает надежную стратиграфию. Тем не менее ряд стратиграфических наблюдений был сделан на стоянке Имерка 3, которая имеет наиболее мощный культурный слой. В нижних слоях стоянки собраны фрагменты, украшенные оттисками гребенчатого (59,2%) и плюсневого (костного – 30,9%) штампов, веревочными отпечатками (5%) в сочетании с одиночными (58,8%), двойными (37%) и тройными (5,2%) рядами ямок. Преобладали оттиски штампа прямоугольной формы при заметной доле косозубых оттисков. На керамике верхнего слоя наблюдалось увеличение в орнаменте доли веревочных отпечатков (до 12%) и многорядных ямочных вдавлений (до 23,8%), появление полулунных отпечатков (4,5%) и чисто ямочного орнамента (8,3%).

Керамика нижнего слоя Имерки 3 находит аналоги в посуде раннего этапа льяловской стоянки Воймежное 1 [3]. Подобная керамика также характерна для стоянок Машкино 3, Ковыляй 1, Клюквенное 4. Отличительной особенностью примокшанской керамики является очень высокий процент отпечатков плюсневого штампа, которые широко распространены только на льяловской керамике архаичного этапа. Видимо,

на периферии льяловской ойкумены некоторые из архаичных традиций могли переживаться достаточно долгое время, переходя в разряд локальных особенностей.

Сочетание ряда ранних и развитых признаков наблюдается на посуде поселений Широмаково 3, Имерка 1-А, Андреевка 3, где наряду с одиночными рядами ямок используются и многорядные вдавления. В орнаменте андреевской керамики существенную роль играют полудунные вдавления (30,5%), которые неизвестны на раннеल्याловской посуде.

Дальнейшее развитие керамики на стоянках Имерского озера шло по пути усложнения ямочно-гребенчато-веревочных композиций при увеличении доли ямочного и веревочного орнамента и уменьшении удельного веса плюсовых отпечатков. На поселениях Имерка 4 и 6 появляются геометрические построения: треугольники, состоящие из оттисков зубчатого штампа и ямок, ромбы, образованные зигзагообразными поясками оттисков зубчатого и фигурного штампов; косая решетка с вписанными в нее ямками; дугообразные сходящиеся пояски веревочных отпечатков и т. д.

В это время нарастают отличия между имеркской и среднемокшанской керамикой. На Средней Мокше доля веревочных отпечатков уменьшается, выходят из употребления горизонтальные пояски зубчатого штампа, зато увеличивается количество отпечатков аммонитов, появляются геометрические фигуры, образованные ямками, чередующимися с неорнаментированными участками; чаще используются полудунные вдавления и оттиски изогнутого штампа, редкими становятся плюсовые отпечатки, то есть более рельефно выступают черты, характерные для балахнинской керамики.

Вероятно, массовое появление носителей ямочно-гребенчатой керамики в Примокшанье произошло не позже сер. IV тыс. до н. э. С этим временем связано начало более влажного климатического периода [19]. Смещение к югу границ лесной зоны стимулировало продвижение населения с ямочно-гребенчатой керамикой в Примокшанье. Исходной территорией для подобного переселения могла послужить Восточная Мещера, керамика которой характеризуется сходным набором элементов орнамента. Почти полное отсутствие в керамике следов взаимодействия гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой традиций свидетельствует либо о конфронтации их носителей, либо о быстрой смене одних традиций другими, так как длительного периода их сосуществования не наблюдается.

На Верхней Суры носители ямочно-гребенчатой керамики появляются примерно в то же время, что и на Мокше, или несколько позже. Однако здесь их поселения не столь многочисленны. Орнаментация посурской керамики отличается от примокшанской. На Суры отсутствуют отпечатки веревочки и аммонитов, нет зубчатых штампов изогнутой формы, редко встречаются плюсовые отпечатки, зато присутствуют не характерные для Примокшанья резные линии. Определенные аналоги эта керамика находит в Марийском Поволжье. Возможно, продвижение этого населения в Верхнее Посурье осуществлялось по течению р. Суры.

В посуде поселения Озименки на Верхней Мокше фиксируются контакты населения культуры ямочно-гребенчатой керамики с носителями накольчатой керамики лесостепного облика. Но объем данных контактов ограничен. Более интенсивные контакты протекали южнее – в верховьях Хопра и Вороны, где племена ямочно-гребенчатой керамики были ассимилированы носителями “воротничковой” раннеэнеолитической керамики. Следы подобных контактов фиксируются на Верхней Суры. В Примокшанье памятники с ямочно-гребенчатой керамикой сменяются поселениями волосовской культуры. Возможно, некоторые из ямочно-гребенчатых традиций украшения керамики были заимствованы волосовскими племенами, но каким образом произошла смена населения в данном регионе – не ясно.

Таким образом, начало эпохи неолита в Сурско-Мокшанском междуречье связано с продвижением на Мокшу носителей елшанских керамических традиций, которое происходило на фоне повышенной аридизации климата и наступления на север лесостепных ландшафтов. Вероятно, в процесс “неолитизации” было вовлечено и местное позднемезолитическое население. По-видимому, Примокшанье относилось к периферии распространения елшанских традиций, и развитие здесь было прервано. Возможно, что с изменением климатических условий носители этих традиций сместились к югу. Впоследствии развитие накольчатых традиций было продолжено на Верхней Суры, однако наличие генетической преемственности между примокшанской и посурской керамикой нуждается в дополнительных доказательствах. Финал развития накольчатых древностей на Суры, видимо, связан с появлением здесь раннеэнеолитического населения одной из культур “воротничковой” керамики.

В Примокшанье со 2-й пол. V тыс. до н. э. возобладали гребенчатые традиции орнаментации керамики, процесс становления которых происходил при непосредственном участии верхневолжского населения. Территориальная близость слабозаселенного Примокшанья к Поочью не могла не сыграть решающей роли в этом процессе.

На всем протяжении своего развития примокшанские племена подвергались определенному воздействию со стороны носителей средневолжской и среднедонской культур, что нашло отражение в формировании накольчатой группы посуды Имеркских стоянок. Инфильтрации среднедонского населения способствовала территориальная близость гидросистем Хопра, Вороны, Цны и Мокши. Источником средневолжских импульсов служила территория Верхнего Посурья. Определенное влияние на Примокшанье оказывали и носители камской культуры. Однако не стоит переоценивать степень участия вышеперечисленных племен в формировании материальной культуры местного населения, облик которой не претерпевает существенных изменений.

В развитом неолите слабеют связи Посурья и Примокшанья. Примокшанские племена культуры ямочно-гребенчатой керамики до Верхней Суры, видимо, не доходят. Направление связей этого периода опре-

деляется средним течением р. Суры, по которому в верховья реки проникают носители ямочно-гребенчатой керамики и отдельные группы населения камской культуры. Ограниченность источников по данному региону не позволяет нам получить однозначный ответ на вопрос о том, происходило ли здесь непрерывное развитие накольчатых традиций в керамике на протяжении всего неолита, или же данный процесс нарушался миграциями населения камской культуры и культуры ямочно-гребенчатой керамики? Неясно и то, какая из культур: средневолжская или среднедонская – оказала решающее влияние на развитие данного региона. Тем не менее, можно констатировать, что в отличие от Примокшанья, где в развитом неолите окончательно возобладали лесные традиции, территория Верхнего Посурья в течение всей неолитической эпохи входила в зону влияния лесостепных культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
2. *Третьяков В.П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. Л., 1990.
3. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.
4. *Ставицкий В.В.* Новые раскопки поселения Имерка VII // Историко-археологические изыскания: Научные труды молодых ученых. Вып. 1. Самара, 1996.
5. *Ставицкий В.В.* Неолитическая стоянка Ковыляй I на Средней Мокше // Историко-археологические изыскания: Сб. трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара, 1999.
6. *Мамонов А.Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино 4 // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
7. *Ставицкий В.В.* Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992.
8. *Ставицкий В.В.* Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой // Историко-археологические изыскания: Сб. трудов молодых ученых. Вып. 2. Самара, 1997.
9. *Чезяпов В.П., Ставицкий В.В.* Поселение Шаморга 9 на Нижней Цне // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997.
10. *Исаенко В.Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
11. *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
12. *Королев А.И.* Многослойное поселение Имерка 8 на р. Вад // Историко-археологические изыскания: Научные труды молодых ученых. Вып. 1. Самара, 1996.
13. *Ставицкий В.В.* Машкино 3 – поселение эпохи неолита–энеолита на Мокше // Дренности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
14. *Гришаков В.В., Ставицкий В.В.* Многослойное поселение Машкино I на Средней Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
15. *Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Поселение Подлесное 4 на Верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.
16. *Синюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
17. *Зеленев Ю.А.* Неолитический слой III Андреевского поселения // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992.
18. *Петербургский И.М.* Поселение у поселка Клоквенный // Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992.
19. *Старидонова Е.А., Алешинская А.С.* Периодизация неолита – энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.

*Пензенский государственный
объединенный краеведческий музей,
Пенза*

V.V. Stavitsky

PROBLEMS OF STUDY OF THE NEOLITHIC OF THE SURA-MOKSHA BASIN

Summary

The Sura-Moksha basin is a part of a zone, where wood and wood-steppen cultures interacted. The beginning of the Neolithic here was connected with the penetration of the bearers of Elshanskaya culture traditions of producing pottery to the Moksha River. Later the development of pricking traditions went to the territory of the upper Sura River, while on the Moksha River wood traditions of ornamentation of pottery of the upper Volga type became prevailing. But the Moksha River basin continued to experience constant influence from the side of the wood-steppen cultures. The removal of the wood zone border to the South caused the mass migration of the tribes of the Pit-Comb Pottery Culture to the Moksha River. The territory of the upper Sura River was in the zone of the influence of the wood-steppen cultures in the Neolithic.

*The Penza State United
Local Museum
73, Krasnaya St., Penza,
440026, Russia*

А.В. Вискалин

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ С НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ ВОЛГО-КАМЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (по данным керамики)

Среди керамических групп волго-камского неолита комплексы с накольчатой керамикой (НК) занимают совершенно особое место. Первоначально они не выделялись в качестве самостоятельного культурного типа и рассматривались как разновидность древностей бронзового века [1, с. 35]. Осознание своеобразия НК пришло относительно недавно в связи с открытием серии накольчатых комплексов в пределах региона и сопредельных территорий, что сразу поставило проблему культурной атрибуции данной категории памятников в системе восточно-европейского неолита.

За прошедшие три десятилетия в ходе бурного развития отечественной археологической науки усилиями многих ученых создана обширная источниковедческая база, содержащая данные о более чем 150 памятниках НК, распространенных на обширной территории от Суры и Мокши на западе и до Ика и Белой – на востоке, от Средней и Верхней Камы – на севере и до Самарской Луки – на юге. И хотя по информативности не все памятники равнозначны (большинство из них являются случайными местонахождениями, и лишь немногим более 30 подверглись масштабным раскопкам), в целом данная категория древностей может по праву рассматриваться одним из основных культурных типов в неолите Волго-Камья, вполне соизмеримым по масштабу с гребенчатым и ямочно-гребенчатым.

В ходе исследования «накольчатой» проблематики было выяснено, что по многим техническим и орнаментальным параметрам волго-камские комплексы НК демонстрируют заметную типологическую близость. Посуда лепится из глины сходного состава с примесью песка, мелкой органики, охристых включений, нередко принимаемых исследователями за шамот, но являющихся естественными компонентами озерных или старичных илов. Распространенным типом посуды является плоскодонный слабопрофилированный горшок и прямостенная или округлобокая банка с открытой и слабоприкрытой горловиной. Поверхность сосудов снаружи хорошо заглажена, на внутренней эпизодически встречаются следы выравнивания – т. н. штриховка. Внешняя поверхность посуды украшена наколами треугольной, овальной, подквадратной, каплевидной, ногтевидной формы как в разреженной, так и в скорописной отступающей манере. Преобладает разреженный и слабогеометризованный орнамент на основе широкого использования горизонтально-ленточных композиций. Характерным элементом декора изделий является выделяющий бордюрную зону под венчиком поясок округлых и глубоких вдавлений, оставляющий с обратной стороны характерные выпуклы-жемчужины, а также насечки по срезу горловины. В орнаменте плоских и уплощенных днищ – как соллярная символика (кресты, окружности, радиальные фигуры), так и плетеночные мотивы.

Подобная посуда существенно отличается как от гребенчатой, так и от ямочно-гребенчатой керамики Волго-Камья. Обращает внимание своеобразие волго-камской НК и на фоне накольчатых комплексов соседних регионов. Насколько позволяют судить материалы публикаций, для Среднего Дона и Похопровья типичной является прямостенная и остродонная посуда со сплошной орнаментацией поверхности треугольными спаренными и одинарными, скобковидными и уже потом – овальными наколами [2]. Плоскодонная, профилированная, с разреженной орнаментацией посуда в данном регионе начинает распространяться лишь на самых финальных этапах неолита [3, с. 22, 23].

Зауральский накольчатый неолит так же, как и среднедонской, демонстрирует устойчивое во времени развитие остродонной посуды. Остродонные формы хотя и сосуществуют с плоскодонными, начиная с раннего и заканчивая поздним неолитом, но никогда окончательно не вытесняют последние. Они хорошо представлены не только в кошкинских, но и в боборыкинских древностях [4]. Отличительными, не находящими сколько-нибудь заметного распространения на территории Волго-Камья чертами керамики Зауралья можно назвать и широкое распространение в орнаментике вертикальных композиций, волнистых линий и столь же частое оформление на внутренней стороне венчиков наплывов-утолщений; использование таких оригинальных для восточно-европейского неолита элементов, как наклепные ушки по краю горловины и образование у плоских днищ выступающей закраины.

Керамике Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия остродонность не свойственна, как и НК Волго-Камья. Культуроопределяющее своеобразие посуды обоих регионов проявляется в использовании иных

рецептур глины с обильной органической и раковинной примесью, изготовлении толстостенной посуды с расчесами и штриховкой внутренней поверхности. Ее орнамент заметно более сложен и геометризован. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие традиции выделения бордюрной зоны ямочно-жемчужным пояском и гофрировки среза венчика насечками и вдавлениями [5].

Не менее своеобразно на общем культурном фоне выглядит и верхневолжская посуда с накольчатый орнаментом. На раннем этапе здесь развиваются слабоорнаментированные остродонные формы [6]. Позже у части сосудов появляется плоскодонность, хотя наблюдается и сохранение традиции округло-приостренных днищ. В глине отмечено возрастание примеси органики. Сосуды приобретают более выраженную толстостенность. Характерный для волго-камских комплексов мелкий треугольный накол здесь не находит широкого распространения, уступая по массовости употреблению узорам, полученным тычками, а также отпечатками округлой и квадратной палочки [7, с. 22].

Отличие волго-камской накольчатой керамики от таковой окружающих культур замечено уже довольно давно. И потому не приходится удивляться появлению в отечественной археологии мнения об их единой культурной принадлежности. Первый шаг в этом направлении предпринял А.Х. Халиков. Исходя из стадийных взглядов на развитие неолита, он рассматривал накольчатые древности Волго-Камья в качестве раннего этапа волго-камской неолитической культуры, занимающей промежуточное положение между поднепровским и зауральским неолитом [8]. Впоследствии не все положения высказанной гипотезы получили признание исследователей, однако линия на выделение накольчатых древностей в качестве единой культуры обрела своих сторонников [9], найдя логическое завершение в работах И.Б. Васильева и А.А. Выборнова. Ими выделена средневолжская культура, отличительной чертой которой является накольчатая орнаментация посуды [5, с. 35]. В своем развитии культура проходит 4 этапа от ранне-неолитического до знеолитического включительно, находясь все это время под непрерывным воздействием неолита Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия [10].

Принципиально иную позицию по вопросу культурной атрибуции волго-камских накольчатых комплексов занимают Р.С. Габяшев и В.В. Никитин. Они допускают разнокультурность отдельных памятников, связанных происхождением с разными культурными центрами [11; 12]. Сходных взглядов придерживается и автор настоящей работы, основанием для чего являются следующие наблюдения.

1. В культурно-типологическом аспекте накольчатые древности Волго-Камья не представляют абсолютного единства.

Подобный вывод напрашивается при изучении закономерностей распределения типологических особенностей комплексов накольчатого типа. Сегодня с достаточной долей уверенности можно выделить не менее 5 культурно-типологических групп, имеющих тенденцию к географической локализации [13].

Виловатовская группа, получившая свое название по одноименному эталонному памятнику, располагается в южной части региона. Ее керамику отличает широкое распространение плоскодонности и профилированности, сочетание ленточных и геометризованных орнаментальных композиций, полученных отпечатками преимущественно овальной (Виловатовская, Ивановская стоянки) и треугольной (Лебяжинка 4) формы. Характерными особенностями данного типа посуды являются отсутствие с внутренней стороны венчиков утолщений-наплывов, широкое распространение (до 90%) ограничивающих бордюрную зону по краю горловины одно-, двух- и трехрядных ямочно-жемчужных поясков, а также насечек по срезу горловины. В отдельных случаях отмечается присутствие в глине незначительного количества мелкой речной ракушки [14, с. 159].

Щербетская группа располагается несколько более севернее, в пределах Марийского Поволжья, Сура-Мокшанья, Нижней Камы, Камско-Вятского междуречья. В керамике данного типа наряду с округлобокими плоскодонными горшками и банками отмечается присутствие ребристых биконических форм, сковородок, мисок, а также незначительного количества остродонной и округлодонной посуды. Орнамент тектоничен, несет следы геометризации, хотя ленточные композиции составляют его основу. Отсутствуют встречающиеся на виловатовской керамике мотивы "бахромы", ромбов, меандров и других сложных фигур. Узоры получены наколами преимущественно треугольной (90%) и уже затем овальной, каплевидной, ногтевидной формы. Отмечается и меньшая распространенность традиции ямочно-жемчужного ограничителя бордюрной зоны (до 70%), особенно двух- и трехрядного. Еще слабее развита гофрировка среза венчика насечками, представленная не более чем на 1/10 – 1/20 части посуды. Наплывы-утолщения на венчиках встречаются единично и в невыразительном виде. Их присутствие отмечено на Щербетской 2, Отарской 6, Дубовских, Усть-Шижме 1, Имеркской 7 и некоторых других стоянках.

Нижнемарьяновская группа занимает центральную часть региона. Ее посуда обладает значительным сходством с щербетской. Своеобразие придает несколько более выраженная толстостенность и возросшая доля органических примесей в глине, распространение крупных ячеистых наколов, зигзаговых композиций, венчиков с наплывами.

Татарско-азибейская группа локализована преимущественно на Нижней Каме, хотя отдельные комплексы встречаются и заметно западнее – на Утке (Гулькинская) и Свяге (Городок 4). Посуда плоскодонная и тонкостенная, с примесью песка. На некоторых сосудах проявляется в слабовыраженном виде биконичность, встречаются воронковидные поддоны и раструбообразные горловины. Новыми чертами является усиление у некоторых сосудов профилированности, появление выраженных плечиков, а также оформление на 20% венчиков утолщений-наплывов. Орнамент геометризован, в его основе лежит многорядный зигзаг, разделенный прямыми линиями. Мелкий треугольный накол по частоте употребления заметно уступает

овальному и округлому. Бросается в глаза почти полное отсутствие ямочно-жемчужных поясков. Традиция гофрировки горловины насечками, напротив, развита хорошо.

Чашкинская группа локализуется на территории Верхнего и Среднего Прикамья. Она представлена хотя и небольшим, но достаточно выразительным материалом. Наиболее яркие коллекции происходят со стоянок Чашкино Озеро 6 и Левшино. При широком общекультурном сходстве с керамикой других групп чашкинская посуда обладает несомненным своеобразием. Ей присущи обедненный орнамент, разреженная неряшливая манера нанесения наколов; не типичны пояски округлых вдавлений под венчиком, вместо которых используются прямоугольные ямки; достаточно развит прием гофрировки среза горловины насечками. В отдельных случаях на шейках посуды наблюдается оформление налипного гофрированного валика.

Перечисленные типы, разумеется, не исчерпывают всего многообразия накольчатых древностей, являясь лишь самым общим способом их группировки, что не исключает возможности выделения новых групп.

2. Хронологическое положение локальных групп может быть охарактеризовано как разностадияльное.

К числу наиболее ранних можно отнести виловатовские комплексы. На основании типологического сходства они синхронизируются с памятниками домариупольского времени Поднепровья и Поднестровья и развитого этапа верхневолжской культуры. Несмотря на подчас сложную орнаментацию, развитую плоскодонность и профилированность, посуда виловатовского типа практически полностью лишена усложненных форм горловин в виде наплывов, воротничков, воронковидных раструбов, появляющихся на посуде в мариупольское время, ей не свойственна биконичность и воронковидность поддонов, неразвиты в полной мере геометризованные композиции, характерные для накольчатых комплексов азово-днепровской культуры мариупольского круга. Косвенные указания на предмариупольский возраст виловатовской керамики дает и залегающая с ней совместно гребенчатая керамика т. н. средневолжского типа. По целому ряду параметров последняя близка к накольчатой, на что указывают развитая плоскодонность посуды, разреженность в орнаментации, распространенность ямочно-жемчужных поясков, отсутствие столь характерных для хуторской гребенчатой керамики наплывов на венчиках [5, с. 28]. Используя систему причерноморских аналогий, такую керамику можно датировать кон. V – нач. IV тыс. до н. э.

Щербетьские, нижнемарьяновские и татазибейские древности, в отличие от виловатовских, несут на себе выраженные в разной степени черты мариупольской эпохи. Это и упомянутые выше венчики с наплывами, и возрастающая геометризованность узоров, и распространение мелкого треугольного накола, нанесенного углом кремневой пластинки. Наиболее архаичными среди них выглядят щербетьские материалы, для которых наплыв не столь характерен, еще достаточно широко распространена ленточная система орнаментации, эпизодически встречаются приостренные днища. Определенные стадияльные изменения затрагивают и синхронную гребенчатую керамику хуторского типа, обладающую ярко выраженными наплывами на венчиках и более сложной геометризованной орнаментацией. Об относительно более позднем возрасте щербетьской посуды свидетельствует и ее совместное залегание с ранней льяловской ямочно-гребенчатой керамикой [15, с. 50; 16, с. 71]. В абсолютных величинах время бытования подобных комплексов может быть установлено рамками 2-й четв. IV тыс. до н. э. В нижнемарьяновских комплексах мариупольские стадияльные черты выражены в еще большей степени, чем в щербетьских. Это касается распространения наплывов-утолщений на венчиках, усиления геометризованности в связи с более широким использованием зигзаговых композиций, господства посуды с плоскими днищами. Наиболее поздними в данной группе выглядят татазибейские комплексы, керамика которых несет на себе слабые следы влияния среднестоговской культуры в виде раструбообразных горловин, выделенных плечиков, воронковидных поддонов, мешковидных очертаний некоторых сосудов. Время бытования подобных древностей может быть синхронизировано с периодом расцвета накольчатой орнаментации (2-й период азово-днепровской культуры) на посуде позднелеолитических и раннезлеолитических культур юга России.

Чертами еще более позднего времени на керамике чашкинского типа являются разреженный накол, небрежная и скудная орнаментация, налипный гофрированный валик на горловине. Они находят аналоги в позднелеолитических комплексах Поднепровья, датируемых кон. IV – нач. III тыс. до н. э. [17, с. 176, 177]. О правомерности синхронизации чашкинских материалов с позднелеолитическими и злеолитическими древностями лесной и лесостепной полосы Восточной Европы говорит и распространение валиков на юртиковской [18, с. 110, рис. 3: 26, 38] и гаринской посуде Прикамья [11, с. 31; 19, с. 51].

3. В развитии всех выделенных локальных групп не удается проследить единой линии.

Для каждой группы характерна оригинальная традиция изготовления и орнаментации посуды, непосредственно не связанная ни с предыдущими, ни с синхронными местными культурами, а скорее привнесенная со стороны. Иначе говоря, речь может идти о прерывистости в развитии традиций изготовления накольчатой посуды. О начале новой традиции при смене щербетьских древностей нижнемарьяновскими свидетельствует увеличение толщины стенок сосудов, появление в глине более визуальное различимой органической примеси, распространение наплывов на венчиках, вытеснение мелкого накола более крупными оттисками штампа. Татазибейские древности при значительном сходстве с виловатовскими от последних отличаются массовым распространением венчиков с наплывами-утолщениями, появлением воронковидных горловин и поддонов, сосудов с плечиками и мешковидным расширением в нижней трети, исчезновением традиции обрамления бордюрной зоны по краю горловины поясками округлых ямок, распространением штриховки изнутри сосуда. С приходом новой группы населения можно связать и появление на Каме керамики чашкинского типа [20, с. 89].

4. Ориентация волго-камских комплексов с накольчатой керамикой на неолитические культуры восточно-европейской лесостепи.

Учитывая развитый облик и отсутствие местных корней накольчатой посуды, следует признать правомерным тезис о заимствовании технологий ее изготовления со стороны [12]. Анализ направления культурных связей локальных групп волго-камской НК, осуществляемый на основании выявления степени сходства их керамики с керамикой соседних регионов, позволяет высказать определенные соображения по поводу истока локальных традиций.

Можно отметить, что виловатовские древности тяготеют как к среднедонским и верхневолжским, так и к территориально более удаленным днепро-донецким (2-го этапа по Д.Я. Телегину) [5; 21]. Причем с последними их родственность выглядит более близкой. Об этом говорят не только общее сходство системы орнаментации, форма используемых наколов, венчиков, широкое распространение традиции выделения бордюрной зоны ямочно-жемчужными поясками, гофрировка среза горловины насечками, но и массовая плоскодонность посуды, не характерная для среднедонского и верхневолжского накольчатого неолита.

Щербетские, нижнемарьяновские и татазибейские древности в своем облике сочетают два основных компонента. Один указывает на их генетическую связь с местным лесостепным населением, продолжающим развитие домариупольских традиций керамического производства в виде остродонности, сохранении в разной мере органических добавок в глине, простых форм венчиков без наплывов и воротничков, штриховки внутренней поверхности сосудов, пережиточной ленточной системы построения орнамента, ямочно-жемчужных поясков, гофрировки среза горловины, крупных наколов. Второй – на связь с населением южных культур мариупольского круга (типа накольчатых комплексов азово-днепровской культуры). Об этом говорит сохранение реминисценций биконичности, опесчаненного теста, тонкостенности, венчиков с наплывами и воротничками, геометризованной орнаментации и др. Сочетание признаков обеих традиций в керамике названных локальных групп наблюдается в разной мере, что, возможно, свидетельствует не только об их одновременности, но и о разнокультурности. Так, щербетская и нижнемарьяновская керамика в большей мере тяготеет к верхневолжскому развитого этапа, а татазибейская – к азово-днепровской.

Культурные связи чашкинской керамики указывают скорее на ее западное происхождение. От кротовской посуды Зауралья она отличается иным способом оформления валика на шейке [20, с. 89]. Отдаленные аналоги чашкинской керамики, как уже говорилось ранее, можно обнаружить в позднем неолите лесного Поднепровья, впитавшем в себя влияние местного накольчатого неолита, Триполья и культур шнуровой керамики. О предположительно западных истоках чашкинской посуды свидетельствует и присутствие валика на юртиковской и гаринской посуде, волго-окские связи которой достаточно очевидны [11].

5. Многолинейное развитие волго-камского неолита.

Соотношение различных типов неолитической посуды на территории региона, прослеженное по данным стратиграфии и типологии, позволяет поставить вопрос о параллельности развития в его пределах накольчатой и ненакольчатых традиций украшения керамики; иными словами, речь идет о многолинейности волго-камского неолита. К числу ненакольчатых с полной уверенностью можно отнести гребенчатую, ямочно-гребенчатую и неорнаментированную (типа Красный Городок и Луговое 3) [22-24] керамику, не исключая возможности дополнительного выделения в качестве самостоятельных типов и посуду с узорами из насечек и ямчатых вдавлений.

О синхронизации виловатовской накольчатой, средневолжской гребенчатой и неорнаментированной красногородковской керамики можно говорить на основании их типологического сходства. Для всех трех типов посуды характерны плоскодонность, общая форма округлобоких горшков, венчики без наплывов-утолщений, горизонтально-ленточный принцип построения орнамента, сходный состав глины, развитая традиция гофрировки среза горловины насечками и выделения бордюрной зоны ямочно-жемчужным пояском. Вся названная керамика отмечена в совместном залегании в единых слоях ряда стоянок: Виловатовской [14], Ивановской [25], Лебяжинки 4¹, Лугового 3 [22].

Стадиально трудно разделить НК щербетского, нижнемарьяновского, татазибейского типов и гребенчатую хуторскую, а также ямочно-гребенчатую льяловскую. В современном источниковедении накоплено большое количество наблюдений, свидетельствующих о хотя бы частичной одновременности всех названных типов [16, с. 102]. Сближает во времени керамику перечисленных разнокультурных групп и единство стадиальных признаков. В употребление повсеместно входит посуда с отогнутыми венчиками, снабженными наплывами и воротничками, заметно возрастает геометризованность орнамента. О существовании прямых контактов между носителями разнокультурных традиций говорят и немногочисленные, но достаточно красноречивые случаи возникновения гибридной орнаментации [5, рис. 37: 2-4; 10, рис. 18; 19; 13; 14, с. 162-170; 16, с. 44, 47, рис. 16: 4; 24, с. 84; 25, с. 114, рис. 8: 2; 26, с. 281; 27, рис. 10, 11; 28, с. 32, рис. 2: 6, 8].

Сосуществование носителей накольчатой и гребенчатой традиций отмечается и на более поздней стадии неолита. Культурные слои Елшанской 6 стоянки, расположенной на Верхней Свияге, раскапываемой автором, содержат протоволосовскую гребенчатую керамику с характерными для данного вида сосудов округлыми днищами, органической примесью, формами штампов и практически не отличающуюся от нее по фактуре плоскодонную неолитоидную керамику с накольчатой орнаментацией [29; 30]. Следы смешения культур можно обнаружить и в облике позднелитической – раннеолитической керамики красномос-

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Н.В. Овчинниковой за предоставленную возможность ознакомления с неопубликованными материалами стоянки Лебяжинка 4.

товского [16, с. 116, 119], новоильнинского [18, с. 92, 94, 99, рис. 2] и русско-азийского [11, с. 18-20, рис. 1] типов, которая перенимает такие родовые черты накольчатой традиции, как разреженность орнаментации, тонкостенность, плоскодонность, ямочно-жемчужное обрамление горловины, насечки по срезу венчика.

Как видим, применительно к Волго-Камью о сколько-нибудь масштабной культурной интеграции накольчатых и ненакольчатых (в первую очередь гребенчатых) традиций и образовании на этой основе на протяжении длительного времени новых гибридных форм не приходится говорить. Следы культурной nivelировки в заметном виде начинают проявляться только в самом финале неолита. Между тем, культурный синкретизм для неолита – явление не столь редкое. История развития верхневолжской неолитической культуры может быть осмыслена как процесс постепенного слияния разнокультурных традиций и возникновение на этой основе льяловской ямочно-гребенчатой керамики, совмещающей признаки как накольчатой, так и гребенчатой орнаментации. Возникновением синкретичной накольчато-ямочной керамики завершается контакт носителей накольчатой и ямочно-гребенчатой традиций орнаментации посуды на Среднем Дону [2]. Ярким примером синкретизма является и зауральский неолит, где наблюдается сочетание гребенки, накола и прочерков на одном сосуде [4].

Таким образом, аналоги всех пяти перечисленных локальных групп НК Волго-Камья указывают на их близость к различным культурным группам восточно-европейской лесостепи. Контакты населения Волго-Камья с обитателями Зауралья, Среднего Дона и Нижнего Поволжья, судя по нехарактерности для волго-камской НК специфических черт посуды данных регионов, носили заметно более ограниченный характер, хотя их полное отрицание едва ли возможно.

Подведем некоторые итоги.

1. Вышеизложенные соображения не позволяют атрибутировать комплексы с накольчатой керамикой Волго-Камья в качестве единой культуры, чье развитие протекает только в рамках данного региона. На это указывают их типологическая неоднородность, разностадиальность, прерывистость развития, ориентация, видимо, на разнокультурные, хотя и лежащие в пределах единого лесостепного ландшафта, центры, длительное сосуществование с носителями гребенчатой, неорнаментированной и других ненакольчатых типов неолитической посуды, не приводящее к развитию массовых интеграционных явлений.

2. Традиции изготовления накольчатой керамики появляются в регионе вследствие неоднократных передвижек населения с более западных по отношению к Волго-Камью территорий восточно-европейской лесостепи под воздействием масштабных этнокультурных процессов, протекавших на стыке лесной и степной зон (рис. 1).

3. Отсутствие культурной преемственности между группами с накольчатой керамикой, сосуществование их на одних и тех же территориях с носителями ненакольчатой керамики, которые, в свою очередь, также подвержены временной и культурной дифференциации, – все это позволяет допускать возможность в неолите неоднократной волнообразной смены населения в регионе, не исключая возникновения чересполосицы в расселении разнокультурных групп. Как представляется автору, периодическая ротация населения в неолите Волго-Камья, связанная с высокой активностью этнокультурных процессов в зоне восточно-европейской лесостепи, могла явиться фактором, препятствующим протеканию массовой культурной интеграции в данном регионе (рис. 1-2).

4. В “культурном” плане керамика локальных групп отражает жизнедеятельность хотя и родственного, но, по всей видимости, не идентичного населения, восходящего к разным субстратным основам. По крайней мере степень их родства еще недостаточно ясна и требует дополнительного изучения. От решения данного вопроса в конечном счете зависит и решение проблемы культурной принадлежности волго-камской накольчатой керамики.

В условиях отсутствия необходимой для решения этого вопроса информации вполне оправданной, на первый взгляд, может показаться осторожная позиция на снижение таксона волго-камской НК до уровня типа [31] (добавим от себя – не одного, а скорее нескольких типов). Однако не предлагающий конструктивных путей для решения проблемы культурной атрибуции НК, такой подход может рассматриваться сегодня лишь как временный.

Решение проблемы культурной атрибуции памятников с накольчатой керамикой требует выхода за пределы региона и привлечения более широкого круга материалов. Сегодня, в самом предварительном виде, на Оке [32], Десне [33], Верхнем Дону [34], в Примокшанье и Посурье [27; 35; 36] можно выделить круг типологически близких памятников, образующих обширную культурную целостность, выходящую за рамки Волго-Камья и локализирующуюся в пределах среднерусской лесостепи. В силу географического положения данный круг памятников можно назвать среднерусской культурой накольчатой керамики (рис. 2). Посуда данного облика заметно отличается как от верхневолжской, так и от среднедонской, сближаясь более всего с возникшими на основе днепро-донецкой гибридными комплексами типа Бузьков [37], Засухи [2, с. 26], Черкасской стоянки на Дону [2, с. 22]. Отличительной особенностью выделенного круга памятников является сочетание черт местных лесостепных домариупольских и степных марнупольских накольчатых традиций в керамике, на основании чего представляется возможным говорить о ее формировании у местного лесостепного населения при активном участии пришлого степного.

В круг памятников среднерусской культуры накольчатой керамики входят, в первую очередь, волго-камские комплексы щербетьского, нижнемарьяновского и татазиевского типов, несущие на себе наиболее заметное влияние азово-днепровской культуры. Несколько иное положение, вероятно, занимает виловатовская группа, тяготеющая к днепро-донецким комплексам предмарнупольского времени. Возможно, она

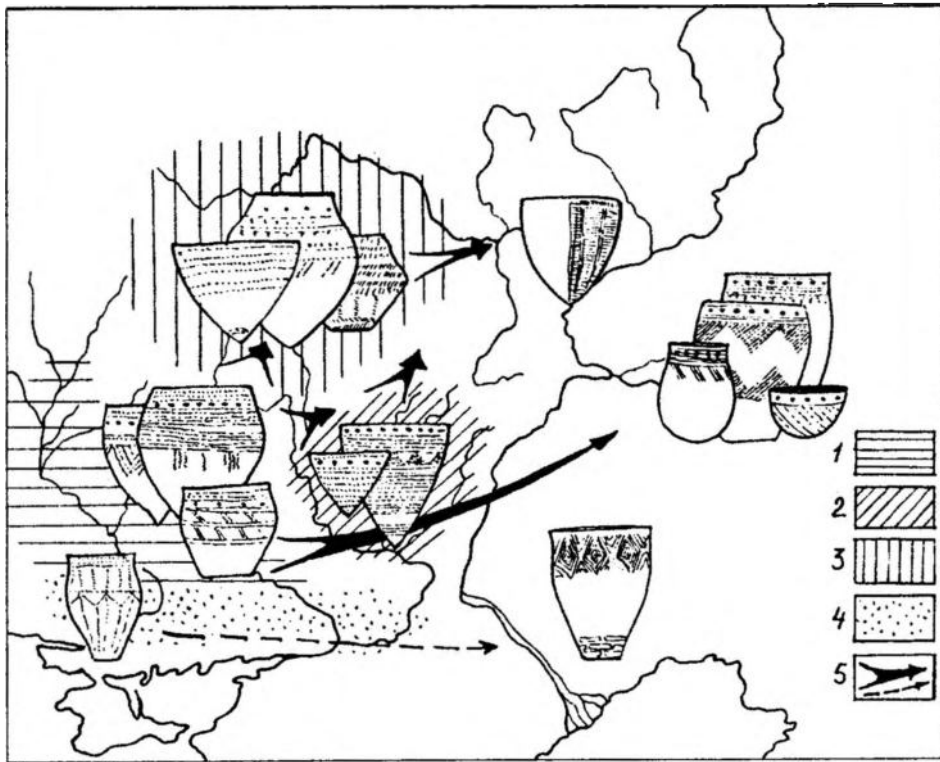

Рис.1. Восточно-европейские общности напольчатой керамики в кон. V - нач. IV тыс. до н.э.:
 1 - днепро-днецкая;
 2 - среднедонская;
 3 - верхневолжская;
 4 - сурско-днепровская и ракушечноярская;
 5 - миграции и направления культурных связей

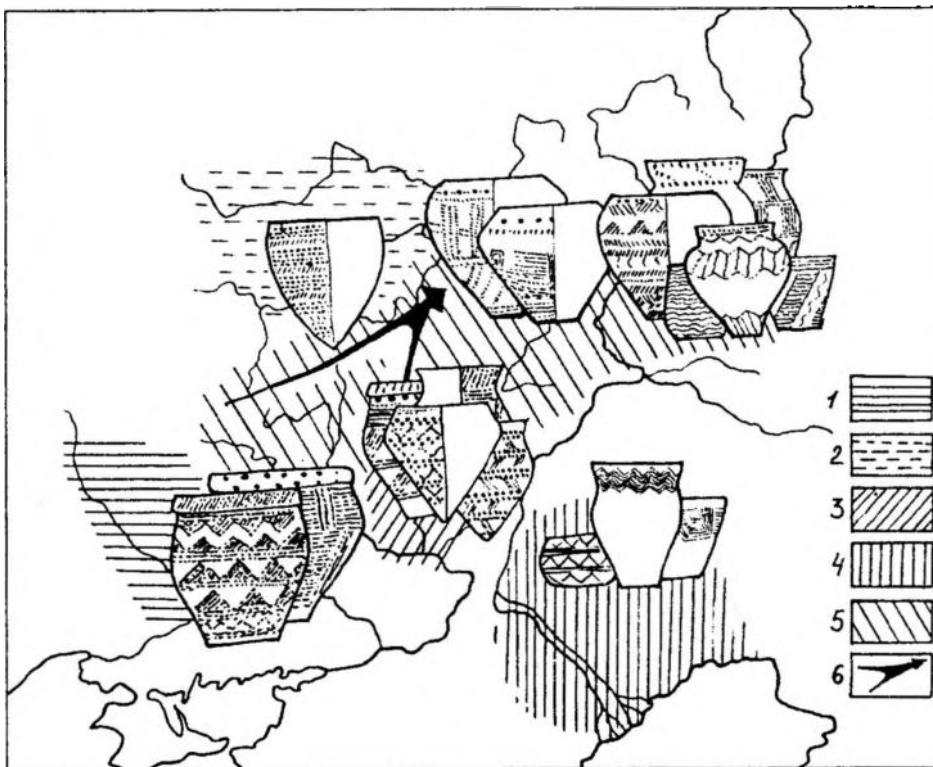

Рис.2. Восточно-европейские общности напольчатой керамики в IV тыс. до н.э.:
 1 - азово-днепровская (2-й этап);
 2 - финально-верхневолжская;
 3 - среднедонская напольчатая (черкасский тип) и напольчато-ямочная;
 4 - нижневолжская и североприкаспийская;
 5 - среднерусская;
 6 - миграции и направления культурных связей

представляет одну из волн днепро-донецкого населения, продвинувшегося на восток под давлением со стороны мариупольских культур степного Поднепровья. Сложнее оценить культурную принадлежность чашкинской группы. Определенная близость к поздне-неолитическим комплексам типа Пустынка позволяет рассматривать ее в качестве мигранта из Поднепровья, переселившегося в Прикамье под давлением носителей протоволосковской гребенчатой керамики, легшей в основу комплексов юртиковского типа. Но не исключен и вариант, рассматривающий население чашкинской группы в качестве «пережиточного» местного с накольчатыми традициями в керамике, позаимствовавшего от пришлого ряд таких новых черт в керамическом производстве, как разреженность, небрежность орнаментации и налпной гофрированный валик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габяшев Р.С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
2. *Ситюк А.Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
3. *Васильев И.Б., Ситюк А.Т.* Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
4. *Ковалева В.Т.* Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
5. *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья: степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
6. *Гурина Н.Н.* Относительная хронология керамики верховьев Волги // КСИА. Вып. 203. 1991.
7. *Костылева Е.Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранне-неолитической культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
8. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
9. *Бадер О.Н.* Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала. Свердловск, 1981.
10. *Выборнов А.А.* Неолит Прикамья. Самара, 1992.
11. *Габяшев Р.С.* Культурно-хронологические группы в неолите Нижнего Прикамья // Памятники древней истории Волго-Камья. Вопросы истории Татарстана. Вып. 1. Казань, 1994.
12. *Никитин В.В.* Носители накольчатой посуды и их место в неолите лесной зоны Средней Волги // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново, 1996.
13. *Вискалин А.В.* Культурно-хронологические группы накольчатого неолита Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологические изыскания. Вып. 3. Самара, 1999.
14. Вилатовская стоянка в лесостепном Заволжье / И.Б. Васильев, А.А. Выборнов, Р.С. Габяшев, Н.Л. Моргунова, Г.Г. Пенин // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
15. *Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Стоянка Имерка 7 в Примокшанье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара, 1991.
16. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.
17. *Телегин Д.Я.* Неолитические племена Северной Украины и Южной Белоруссии // МИА. № 172. 1973.
18. *Наговицин Л.А.* Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
19. *Мельничук А.Ф., Понамарева А.Г.* Неолитическая стоянка Чанкино Озеро 6 // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
20. *Стоколос В.С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.
21. *Вискалин А.В.* Культурные связи накольчатого неолита Среднего Поволжья и Прикамья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
22. *Буров Г.М.* Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980.
23. *Кузьмина О.В., Ластовский А.А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
24. *Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск, 1988.
25. *Моргунова Н.Л.* Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
26. *Ставицкий В.В.* О культурной принадлежности примокшанских памятников с гребенчато-накольчатой керамикой // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
27. *Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
28. *Ставицкий В.В.* Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992.
29. *Вискалин А.В.* Разведки памятников неолита-энеолита на территории Ульяновской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
30. *Вискалин А.В., Овчинникова Н.В.* Новые памятники раннего металла в лесостепном Поволжье // Тезисы докладов I Всероссийской конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1994.
31. *Наговицин Л.А.* Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск, 1988.
32. *Жилин М.Г., Эгволатова А.В.* Стоянка Велетьминская 2 – памятник с накольчатой керамикой на Нижней Оке // СА. 1992. № 1.
33. *Смирнов А.С.* Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
34. *Левенок В.П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. № 172. 1973.
35. *Ставицкий В.В.* Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой // Историко-археологические изыскания. Вып. 2. Самара, 1997.
36. *Ставицкий В.В.* Неолитическая стоянка Ковыляй I на Средней Мокше // Историко-археологические изыскания. Вып. 3. Самара, 1999.
37. *Котова Н.С.* Раннеэнеолитическая керамика Среднего Дона // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.

*Ульяновский государственный
педагогический университет,
Ульяновск*

A.V. Viskatin

**TO THE QUESTION OF CULTURAL BELONGING OF THE MONUMENTS
WITH PRICKED POTTERY OF THE VOLGA-KAMA BASIN:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES
(According to Pottery Data)**

Summary

Visual similarity of pricked ceramics of the Volga-Kama basin was the reason to unite the monuments containing it into one, the Middle Volga, culture. But deep typological analysis and the study of cultural links of this phenomenon allow to make a conclusion of its cultural and typological heterogeneity.

The appearance of early monuments with pricked ceramics is a result of penetrating separate groups from the wood and stepp the Dnieper basin and partly the Oka basin to the Volga in the late 5th – early 4th millenium BC. By the middle of the 4th millenium BC, in the Mariupol time, a hybrid cultural community had appeared in the limits of the Middle Russia wood-steppe, which includes the most part of the middle Volga wood-steppe. This community had absorbed the traditions of local wood-steppen population as much as the traditions of newly come steppen population of Mariupol type. The community was named the Middle Russian culture with pricked ceramics. The survived groups of the Middle-Russian culture lived till the flourishing time of Volosovo-Turbino community.

*Ulyanovsk State Pedagogical University
83, Ap.59, 12 September St.,
Ulyanovsk, 432017, Russia*

Н.В. Овчинникова

ВОЛОСОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЮГА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

На территории Самарской области, расположенной в южных районах лесостепной зоны, были открыты и изучены памятники, содержащие материалы волосовского облика [1, с.89].

Наиболее крупная коллекция происходит с Гундоровского поселения, которое находится в Красноярском районе Самарской области на правом берегу р. Сок [2]. Берега реки являются высокой поймой, заросшей лесом и кустарником, в ее широкой части имеются старичные озера и заболоченные участки.

Современное русло реки и ее старица образовали излучину, на южной окраине которой находилась площадка поселения. Она имела наклон в сторону старицы – с С на Ю и с СВ на ЮЗ. Поверхность памятника в северной части распахивалась. На поселении был заложен раскоп общей площадью 1256 кв.м, который располагался по гребню террасы и ее склону. В культурном слое содержались материалы различных эпох: от неолита до раннего средневековья. Наблюдения почвоведом В.А.Демкиным¹, присутствовавшего при раскопках, позволили выявить некоторые стратиграфические и планиграфические особенности памятника. Так, трудноуловимые очертания контуров ям и жилищ, отсутствие могильных пятен обусловлены типом почв лесостепной области, где гумусовый горизонт развит хорошо, а профиль почв ниже не имеет четкого деления на генетические горизонты. Переход одного горизонта в другой – постепенный. Отмечена также различная окраска супесчаного заполнения жилищных котлованов, связанная со стоком – на склоне и задержанием – на ровной площадке – талых вод. Большая влажность способствовала произрастанию растений и более гумусированному и ярче окрашенному слою заполнения жилищного котлована № 3, сток и высыхание склона – менее яркому и гумусированному заполнению жилищных котлованов № 1, 2 и 4.

Стратиграфия памятника. В северном и восточном секторах раскопа, которые находились на пашне, сверху залегал черный слой гумуса мощностью до 0,25 м. В южной части пашни не было, и поверхность была задернована. Ниже находился темно-серый гумусный слой, содержащий материалы от эпохи бронзы до раннего средневековья. Под темно-серым гумусом на всей территории памятника залегал серый «золистый» слой неолита-энеолита мощностью в среднем до 0,45 м. В основании он сильно перерит животными, что обусловило буроватую окраску его нижней части. Подстилающим слоем являлся материковый суглинок. Из-за распахивания жилищные впадины на поверхности не фиксировались.

В результате раскопок был выявлен волосовский культурный комплекс, включающий остатки четырех жилищ², углубленных в материк и соединенных между собой переходами, кремневый и костяной инвентарь, а также керамику, имеющую характерные технико-типологические признаки.

Котлованы трех жилищ (№ 1, 2, 3; на рис. — I, II, III) располагались цепочкой по линии ЮЗ – СВ. Четвертый (IV) находился юго-восточнее, на склоне террасы, имел выход к старице – в то время основному руслу реки – и был соединен со вторым и третьим котлованами длинным переходом (рис. 1). В той части раскопа, где зафиксировано жилище № 1, культурный слой был насыщен разновременными находками, скоплениями керамики и перекопами, в связи с чем изучение сооружения было затруднено.

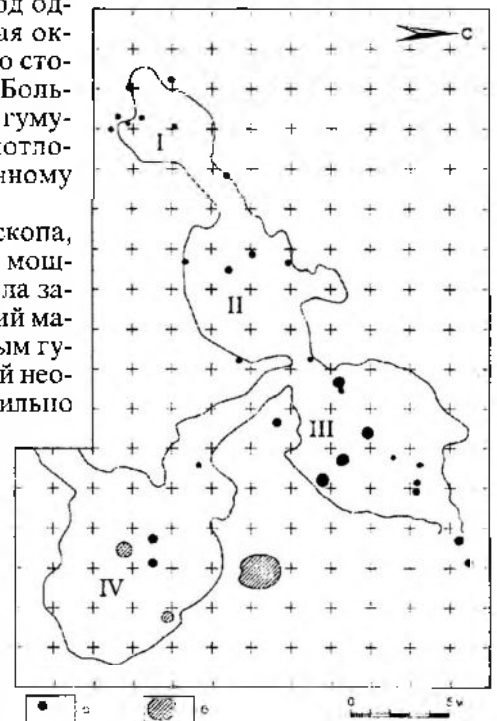

Рис. 1. Гундоровское поселение.
Участок раскопа с жилищами
волосовского комплекса:
а - столбовая яма; б - очаг с прокалом

¹ Устное сообщение В.А.Демкина.

² В статье Н.В. Овчинниковой "Керамика волосовского типа Гундоровского поселения" [1] было указано, что к волосовскому комплексу относятся пять жилищ. Однако при дальнейшем детальном изучении материалов многослойного Гундоровского поселения оказалось, что жилище № 5, отличавшееся формой котлована и размерами, принадлежит самарской раннеэнеолитической культуре. Не исключено, что оно могло быть позднее использовано и волосовским населением.

Жилище № 1. Находилось на склоне террасы, очертания сооружения аморфны. Глубина котлована от уровня материка 0,2 м. Стенки жилища слегка пологие, дно неровное. В юго-западной части котлована имелся выступ, возможно, выход в сторону реки. В северо-восточной части располагался переход в жилище № 2, границы его были нечеткими. На дне котлована и за его пределами на уровне материка обнаружены столбовые ямки от опорной конструкции. Примерная площадь сооружения составляла 17 кв.м. Состав заполнения отличался от энеолитического слоя более интенсивной окраской. В верхней части заполнения жилища найдена половинка каменной подвески (рис. 2:3).

Жилище № 2. Контуры котлована зафиксированы на глубине 0,4 м от современной поверхности благодаря более темному цвету заполнявшей его супеси. Четкими контуры стали на уровне материка, в то же время очертания сооружения почти не изменились. Длинными сторонами сооружение было ориентировано с ЮЗ на СВ. Котлован длиной 6 м и шириной 5,4 м имел овальную форму с расположенными по центральной оси переходами. Примерная площадь сооружения составляла 32,4 кв.м. Котлован жилища был углублен в материк на 0,4 м, имел ровное дно, в профиле – блюдцеобразную форму с пологими невысокими бортами. Северная стенка сооружения – волнистых очертаний. С этой же стороны имелось ответвление длиной 2,2 м, шириной 1,6 м, похожее на выход из жилища. В конце его была яма размерами 2,2 × 1 × 0,3 м. Возможно, она дренажная, для стока воды. На полу жилища и за его пределами было выявлено 14 ям: столбовых и хозяйственного назначения. В жилище они концентрировались в северной и юго-восточной части. В заполнении котлована и ям встречались угольки и углистые прослойки. Очаги с проколом не выявлены.

Среди индивидуальных находок, сделанных в жилище № 2, следует отметить каменную подвеску (рис. 2:5), костяные рыболовные крючки и проколки (рис. 2:1, 7, 9, 10), штамп-орнаментир, изготовленный из фрагмента панциря черепахи (рис. 2:6). При сравнении штампа с зубчатыми оттисками на сосудах волосовского типа оказалось, что некоторые из них имеют те же размеры.

Жилище № 3. Находилось к СВ от жилища № 2 и соединялось с ним углубленным в материк переходом. В переходе на уровне материка зафиксирована столбовая ямка. Очертания жилищного котлована стали выделяться на глубине 0,36-0,4 м от современной поверхности более темной окраской супеси. Более четкими очертания стали на уровне материка. Котлован имел подквадратную форму, слегка вытянутую с ЮЗ на СВ, его площадь 65 кв.м. Очертания стенок жилища волнистые, в северной стенке имелся выступ. Заполнение жилища в верхней части состояло из плотной гумусированной супеси, нижняя, предматериковая, имела бурую окраску, которая после высыхания становилась светло-серой. Очаги с проколом не обнаружены, но угли встречались повсеместно. Пол жилища ровный, стенки пологие. На полу обнаружены 24 ямы — хозяйственные и столбовые. Хозяйственные ямы располагались по периметру котлована ближе к стенам, столбовые – по центральной оси жилища. Два столба находились в юго-восточной части котлована, два – за его пределами. В центре жилища найден крупный кусок охры. У западной стенки на полу, на уровне материка, расчищен целый панцирь черепахи, лежащий куполом вверх, рядом — крупная створка речной раковины. Предматериковая бурая супесь в этом сооружении была насыщена многочисленными находками: кремневыми и кварцитовыми орудиями и отходами производства, ракушками, вкраплениями охры, абразивными камнями, керамикой, скоплением обожженных костей животных, мелкими расколотыми костями, обломком аммонита – ископаемой раковины. Найдена целая серия костяных изделий: гарпун (рис. 5:1), фрагмент составного рыболовного крючка-острога (рис. 2:2), деревообрабатывающие орудия (рис. 3:1), проколки (рис. 3:2-4), каменная подвеска (рис. 2:4), подвеска из зуба лося(?) (рис. 2:8).

Между жилищами № 3 и № 4 в предматериковой супеси расчищены большое скопление керамики и костей животных и очаг № 1 – самый мощный и крупный на Гундоровском поселении.

Очаг № 1 зафиксирован на глубине 0,36 м от современной поверхности. В плане он имел овальную форму, его размеры 2,06 × 1,94 м. В профиле очаг представлял собой яму с округлыми углами и неровным дном, глубиной 0,24 м. Заполнение ее состояло из красно-бурого прокала в центре и в южной части, черного углистого слоя супеси по краям, под которым находилась линза серо-розовой золистистой супеси. Мощность прокала — 0,15 м, углистого слоя — 0,23-0,25 м, золистистой супеси — 0,15 м. В заполнении очага найдены мелкие кальцинированные косточки.

Скопление керамики и костей животных было расчищено сразу после снятия пахотного слоя на глубине 0,28 м от поверхности. Оно располагалось у юго-восточной стенки жилища № 3 в слое желто-серой золистистой супеси. Керамика и кости залегали компактно на площади 1,6 × 2 м. Керамика находилась в слое мощностью 8-10 см, была представлена в основном крупными фрагментами. При дальнейшей обработке выяснилось, что скопление состоит из нескольких венчиков и развалов двух крупных сосудов.

Сосуд 1 диаметром 39 см, толщиной стенок 1,4 см имеет отогнутый венчик и слегка раздутое тулово. Нижняя часть сосуда отсутствует. В глиняном тесте – примесь раковины и органики, тесто плотное, поверхности заглажены. Венчик имеет плоский срез, орнаментирован, как и весь сосуд, оттисками рамчатого штампа. Композиция на шейке и венчике сосуда состоит из рядов прямо и наклонно поставленных оттисков рамчатого штампа, на тулове оттиски образуют рисунок «елочка со стеблем». Ниже следует ряд вертикальных оттисков (рис. 8:4).

Сосуд 2 диаметром 41 см, толщиной стенок 1,0-1,1 см имеет прямые стенки и слегка отогнутый утолщенный венчик. В глине – примесь раковины и органики. Срез венчика плоский, украшен. Орнаментальная композиция выполнена рамчатым штампом и составляет сложный узор из зигзага, полос вертикально поставленных

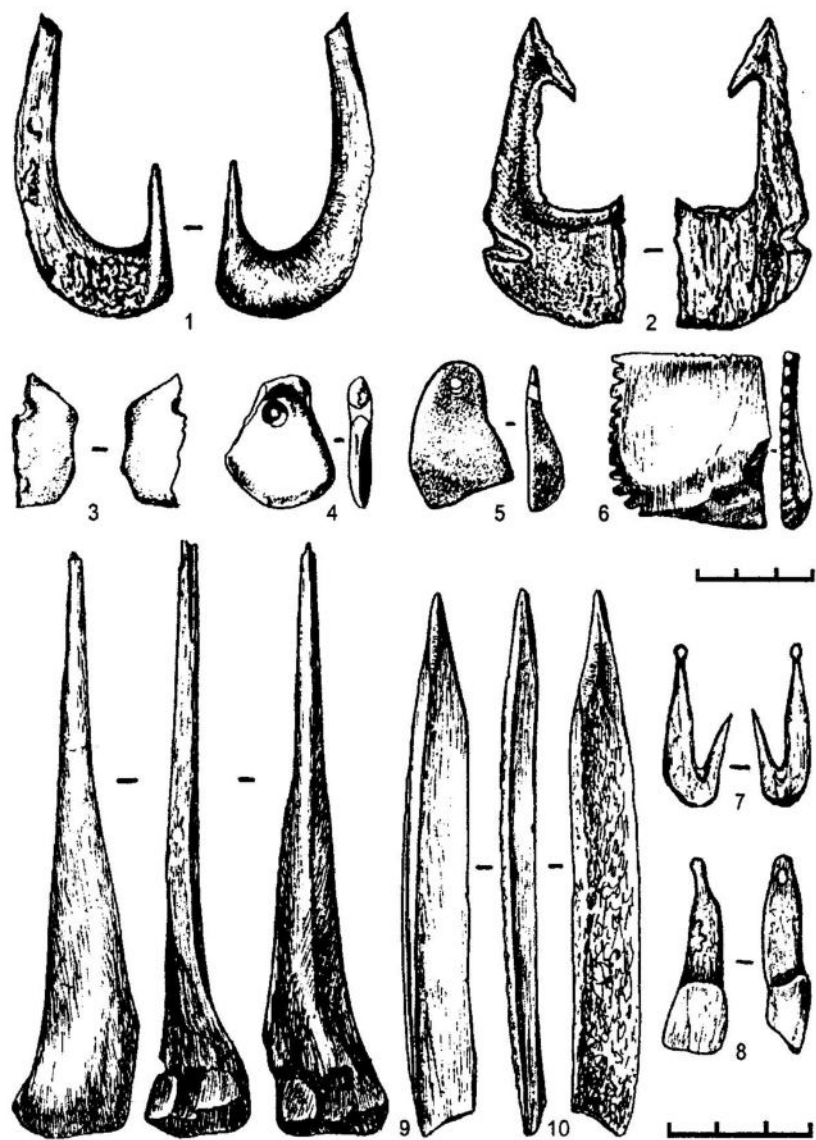

Рис.2. Гундоровское поселение. Каменный и костяной инвентарь из жилищ № 1 (3), № 2 (1,5-7,9,10) и № 3 (2,4,8)

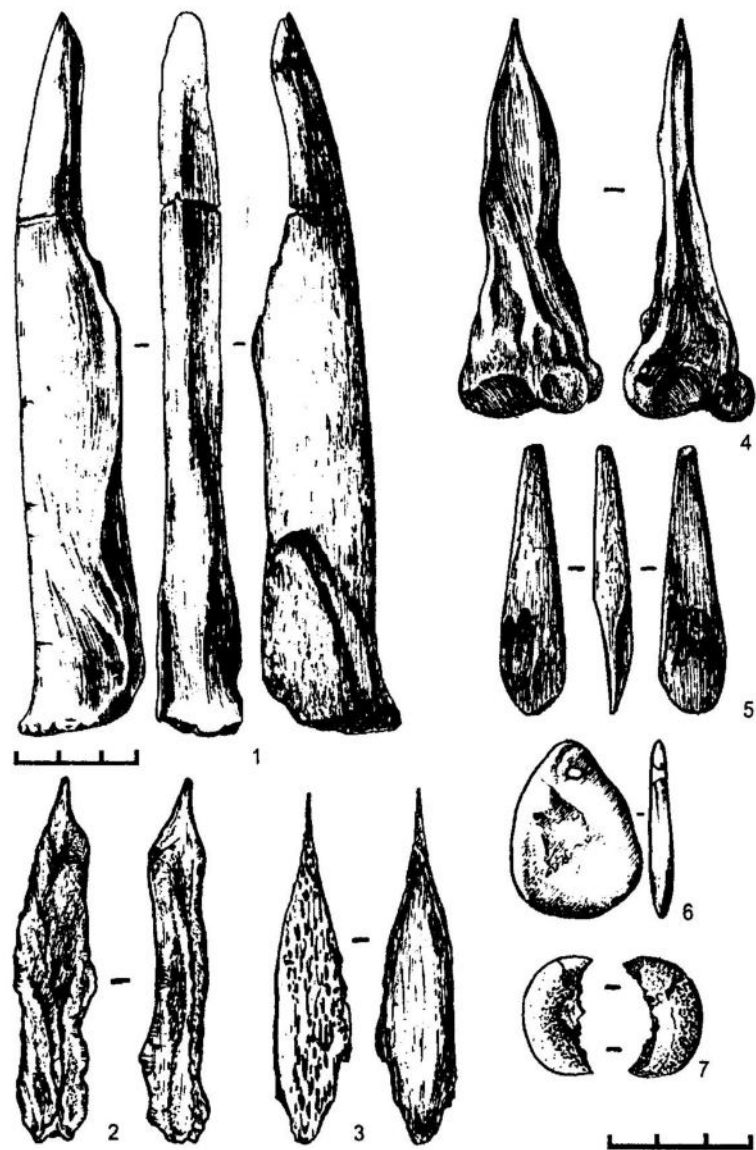

Рис.3. Гундоровское поселение. Костяные орудия, подвески из камня и кости из жилищ № 3 (1-4) и № 4 (5-7)

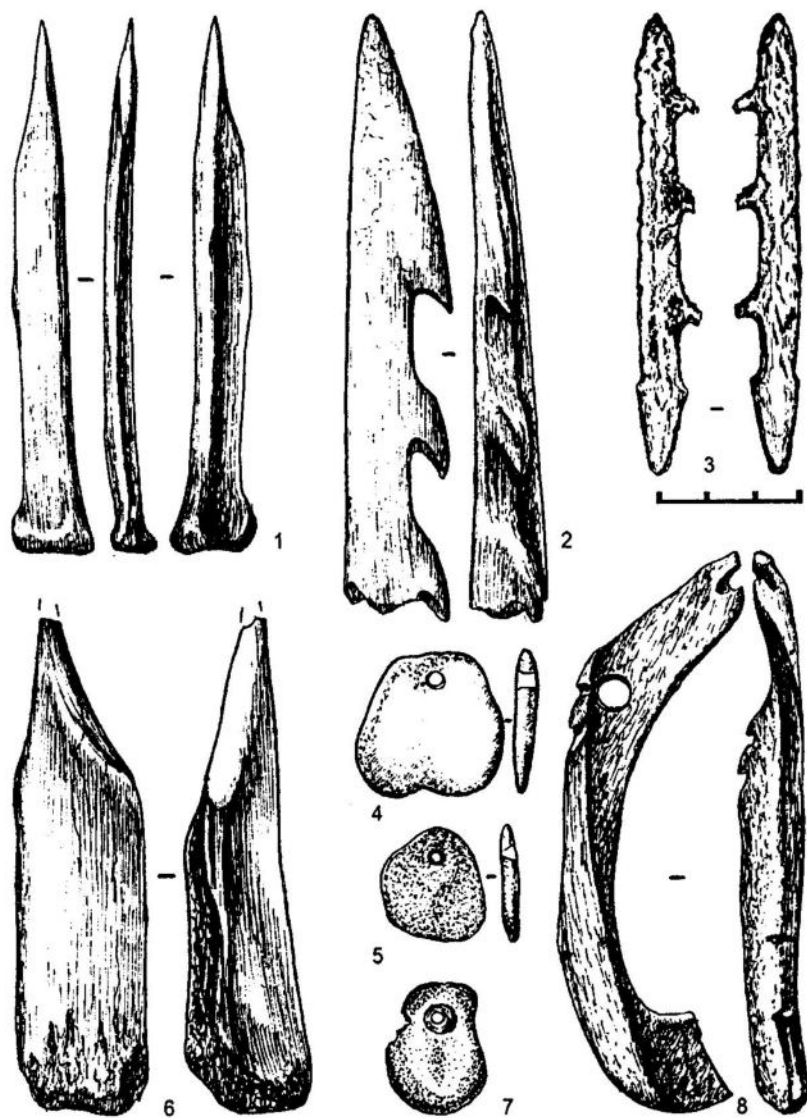

Рис.4. Гундоровское поселение. Костяные и каменные изделия из жилища № 4 (1,2,6) и из слоя за пределами жилищ (3-5,7,8)

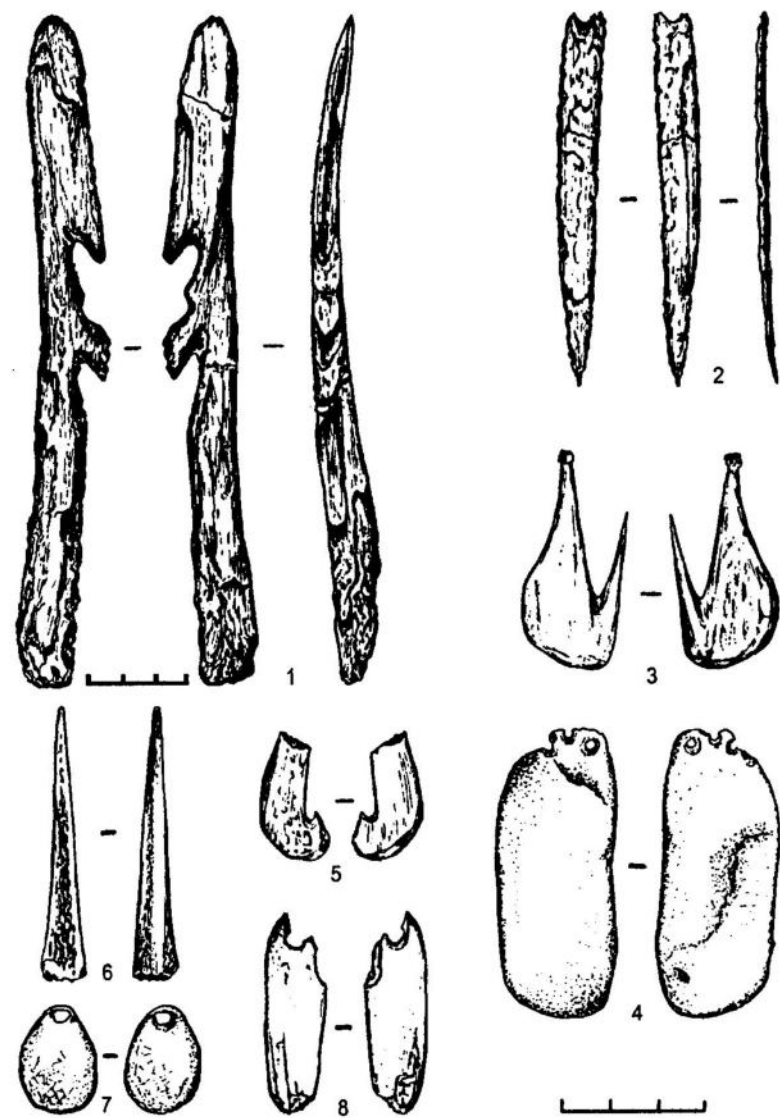

Рис.5. Гундоровское поселение. Костяные изделия и подвеска из камня из жилища № 3 (1) и из слоя за пределами жилищ (2-8)

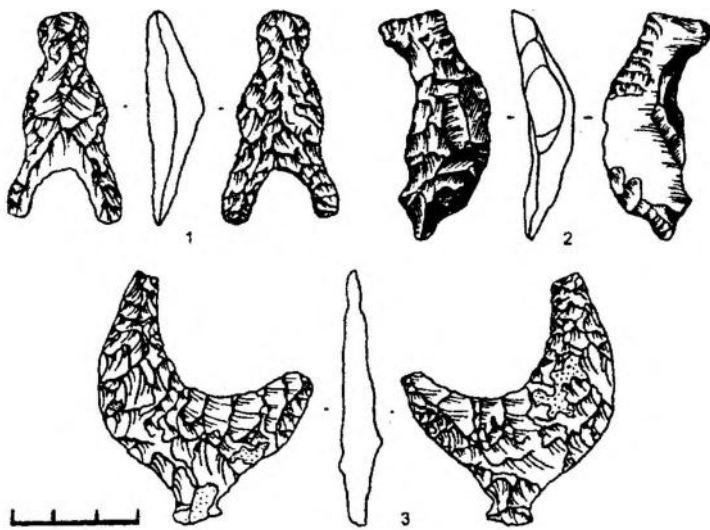

Рис.6. Гундоровское поселение. Фигурный кремьнь

Очаг № 2 – округлой в плане формы, диаметр 0,8 м, мощность 0,2 м. В профиле видны плавно спускающиеся стенки и округлое дно. Заполнение – ярко-розовая прокаленная супесь. На его краю найден обломок костяной подвески (рис. 3:7).

Очаг № 3 имел овальную в плане форму, размеры 0,67 × 0,5 м. Заполнение состояло из слоя золы мощностью 3-5 см, ниже – слоя розовой прокаленной супеси мощностью 8-10 см. Дно очага круглое.

В центре жилища на полу были обнаружены пять ям, еще одна находилась в восточной части котлована. Судя по размерам и заполнению, ямы могли быть использованы как столбовые, хозяйственные и очажные. Большое количество каменного и керамического инвентаря встречено в центральной и восточной части котлована вокруг очагов и ям. Следует отметить индивидуальные находки: костяные проколки (рис. 3:5; 4:1,6), обломок гарпуна (рис. 4:2), подвеску из сланца зеленоватого цвета (рис. 3:6). У стены рядом с выходом обнаружен панцирь черепахи, лежащий куполом вверх. На полу жилища у очага № 3 было расчищено скопление керамики.

За пределами жилищ найдено множество изделий из кости, среди которых представляют интерес орудия для рыбной ловли: крючок-блесна, выточенный из обломка трубчатой кости, тщательно зашлифованной (рис. 5:3); гарпун с тремя зубцами и подтреугольным насадом для крепления (рис. 4:3), обломок крючка (рис. 5:5), а также плоская костяная игла с ушком, верхняя часть которого обломана посередине отверстия (рис. 5:2), две костяные (рис. 5:7,8) и четыре каменные (рис. 4:4,5,7; 5:4) подвески овальной и выгнутой формы, проколка (рис. 5:6). Подвеска-амулет в виде изображения лосихи изготовлена из обломка трубчатой кости. Пропилами обозначены уши и губы животного, отверстием для подвешивания глаз. Поверхности подвески зашлифованы (рис. 4:8).

На поселении собрана коллекция кремневых и кварцитовых изделий. Кремьнь – местного происхождения красновато-коричневых и серых оттенков. Большинство орудий изготовлено на отщепах. Так как на поселении представлено несколько энеолитических комплексов, разделение кремневого инвентаря затруднено.

К волосовскому комплексу можно с уверенностью отнести те каменные орудия, которые найдены в пределах жилых сооружений, а также изделия характерных для волосовской культуры типов. Это желобчатые долота, долота с горбатой спинкой, узкие небольшие долотца, треугольно-черешковые наконечники стрел, комбинированные орудия, ложки, фигурный кремьнь (рис. 6:1-3).

Керамика волосовского типа имеет характерные технико-типологические признаки и хорошо вычленяется из коллекции поселения (рис. 7-10). Изучение керамического комплекса базировалось на более чем пяти тысячах фрагментов и около ста сосудах. Посуда имеет светло-коричневый цвет. Сосуды изготавливались из пластичной железненпой глины. В тесто добавлялись дробленая раковина и птичий помет, в состав которого входило птичье перо. Конструирование проводилось с применением лоскутного налепа на форме-основе, что характерно для изготовления крупных сосудов типа корчаг. Часто на сосудах видны следы спаев, что свидетельствует о применении скульптурной лепки при их изготовлении³. У большинства сосудов внешняя поверхность заглажена, у 30% посуды на внутренней поверхности имеются следы штриховой зачистки. По величине сосуды делятся на три группы: крупных размеров – диаметром 40-60 см (60%), средних – диаметром 20-30 см и мелких – диаметром 12-18 см (примерно одинаковое процентное соотношение).

³ Определение проведено сотрудником Института истории и археологии Поволжья к.и.н. Н.П.Салугиной.

оттисков, ромбической сетки, разделенных горизонтальными полосами оттисков штампа (рис. 8:6).

Жилище № 4. Соединялось с жилищами № 2 и 3 переходом, длина которого 5 м, ширина в узкой части 0,88 м, в широкой, у тамбура жилища № 4 – 1,9 м, глубина в материке 0,35 м. Очертания жилищного котлована зафиксированы на уровне 0,44-0,46 м от современной поверхности. Заполнение котлована – супесь серого цвета – идентично заполнению котлована жилища № 2. В плане сооружение имело подовальную форму, его примерная площадь – 80 кв.м. Очертания северной стенки котлована были нечеткими, так как почва изрыта грызунами. Северо-западная часть жилища имела тамбур, где на полу зафиксирована столбовая ямка. С юго-западной стороны находился выход к водоему. В профиле котлован – блюдцеобразной формы с пологими стенками. Глубина от уровня материка достигает в среднем 0,6 м. Пол в жилище ровный, на нем расчищено два очага – в центре (очаг № 2) и в юго-восточном секторе жилища (очаг № 3).

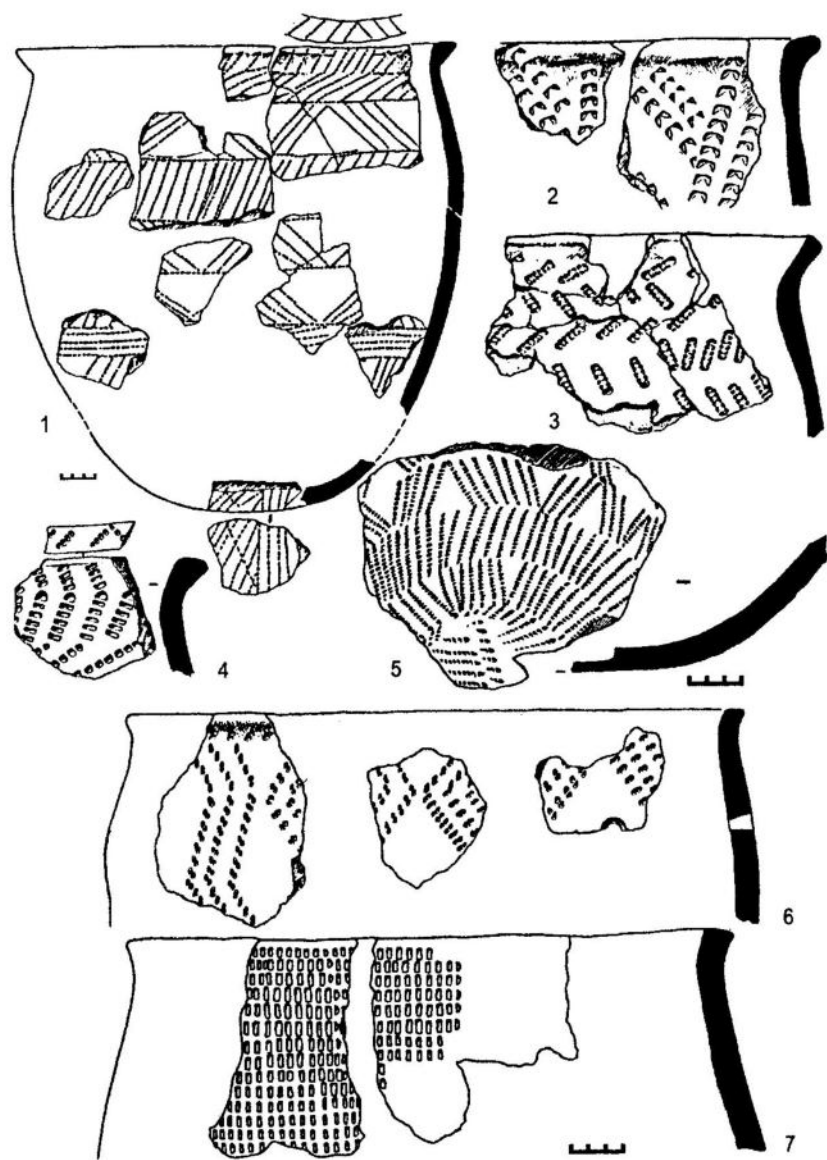

Рис.7. Гундоровское поселение. Керамика волосовского типа

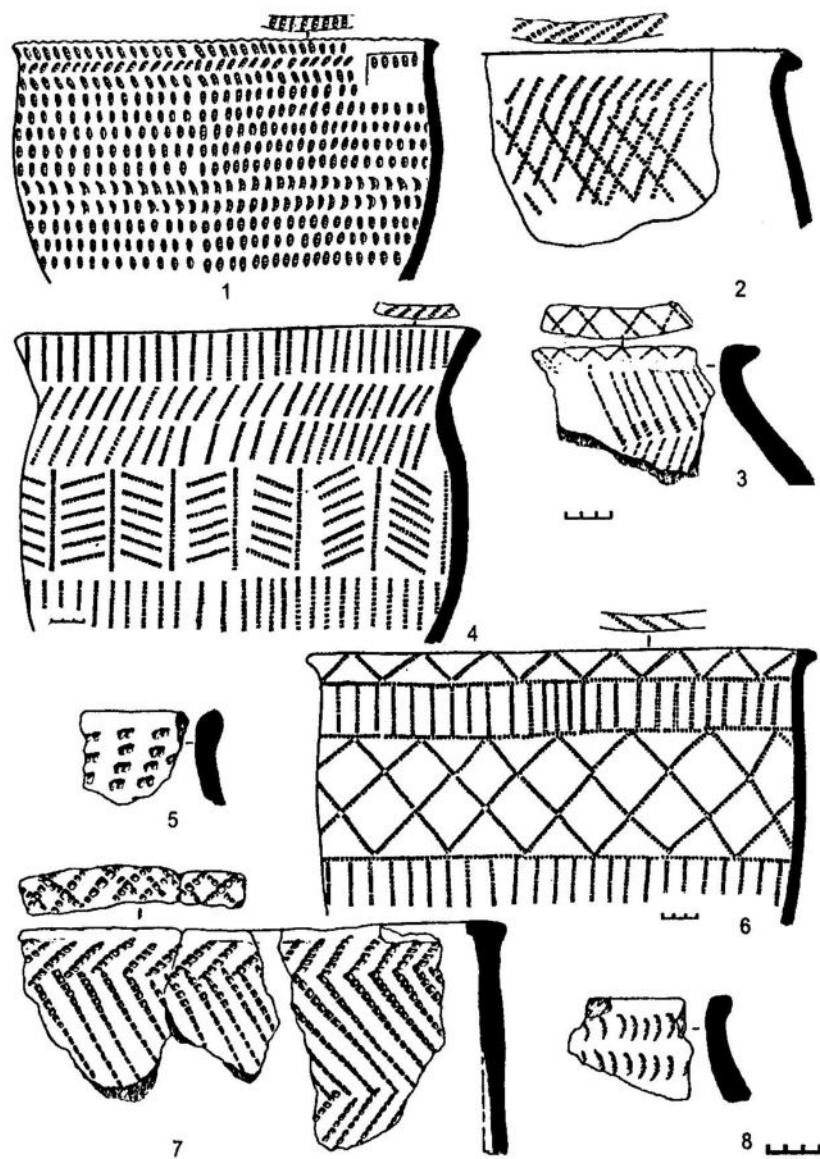

Рис.8. Гундоровское поселение. Керамика волосовского типа

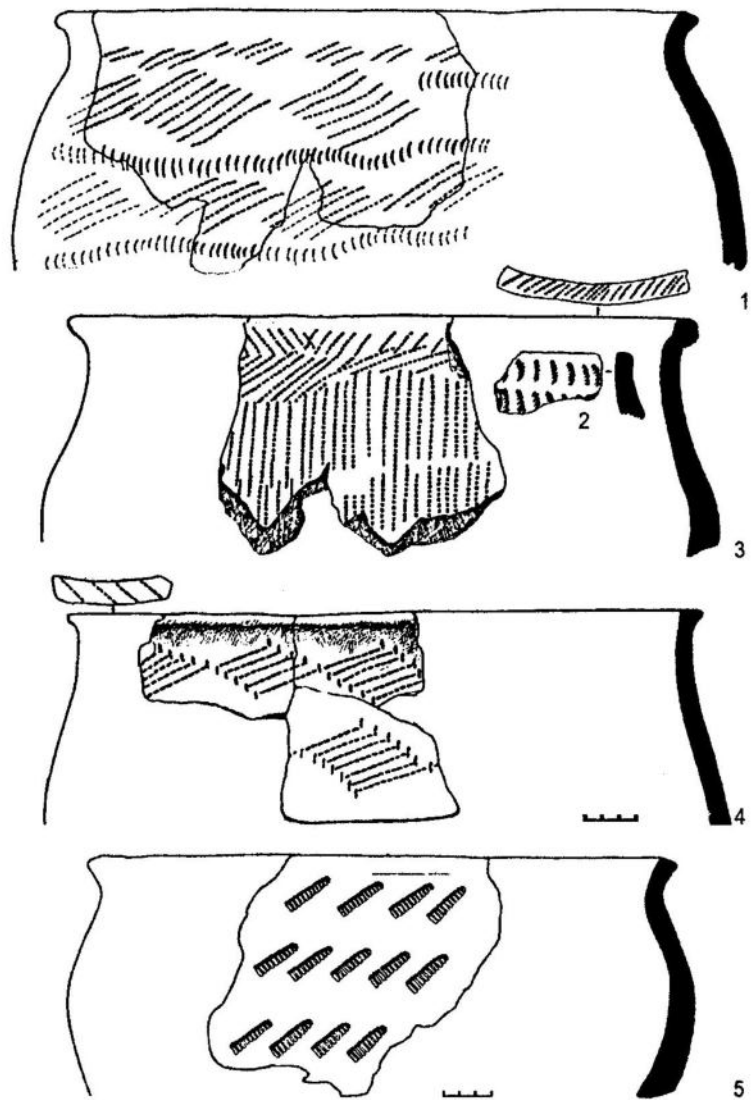

Рис.9. Гундоровское поселение. Керамика волосовского типа

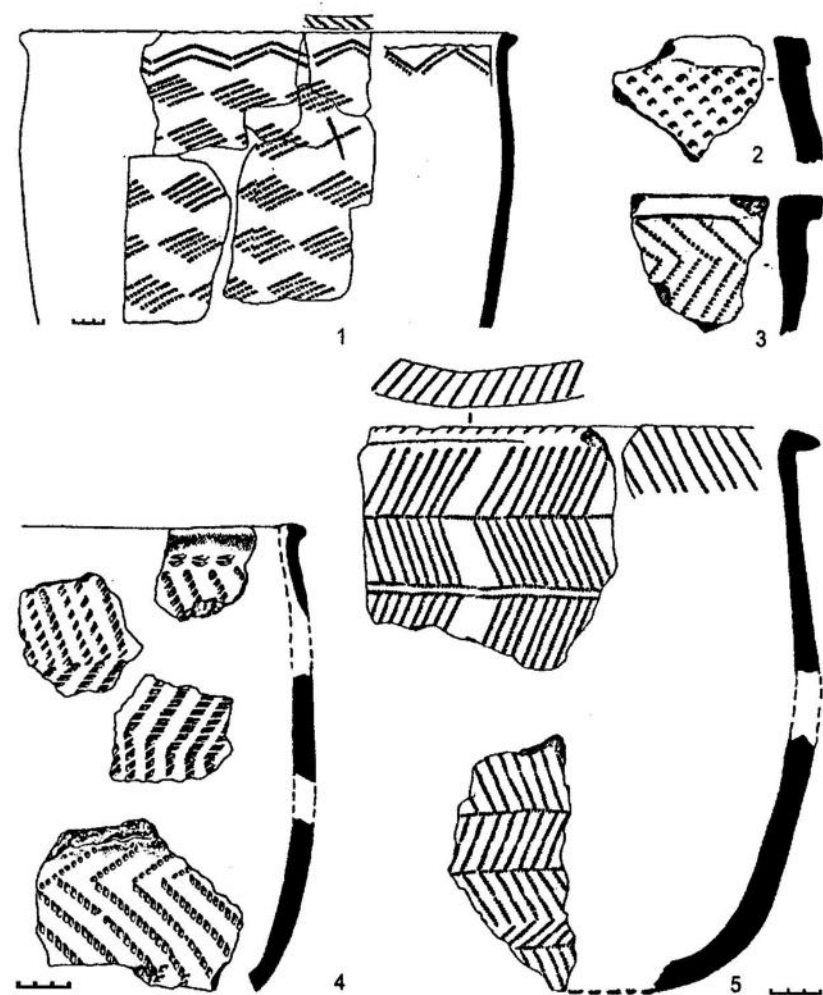

Рис.10. Гундоровское поселение. Керамика волосовского типа

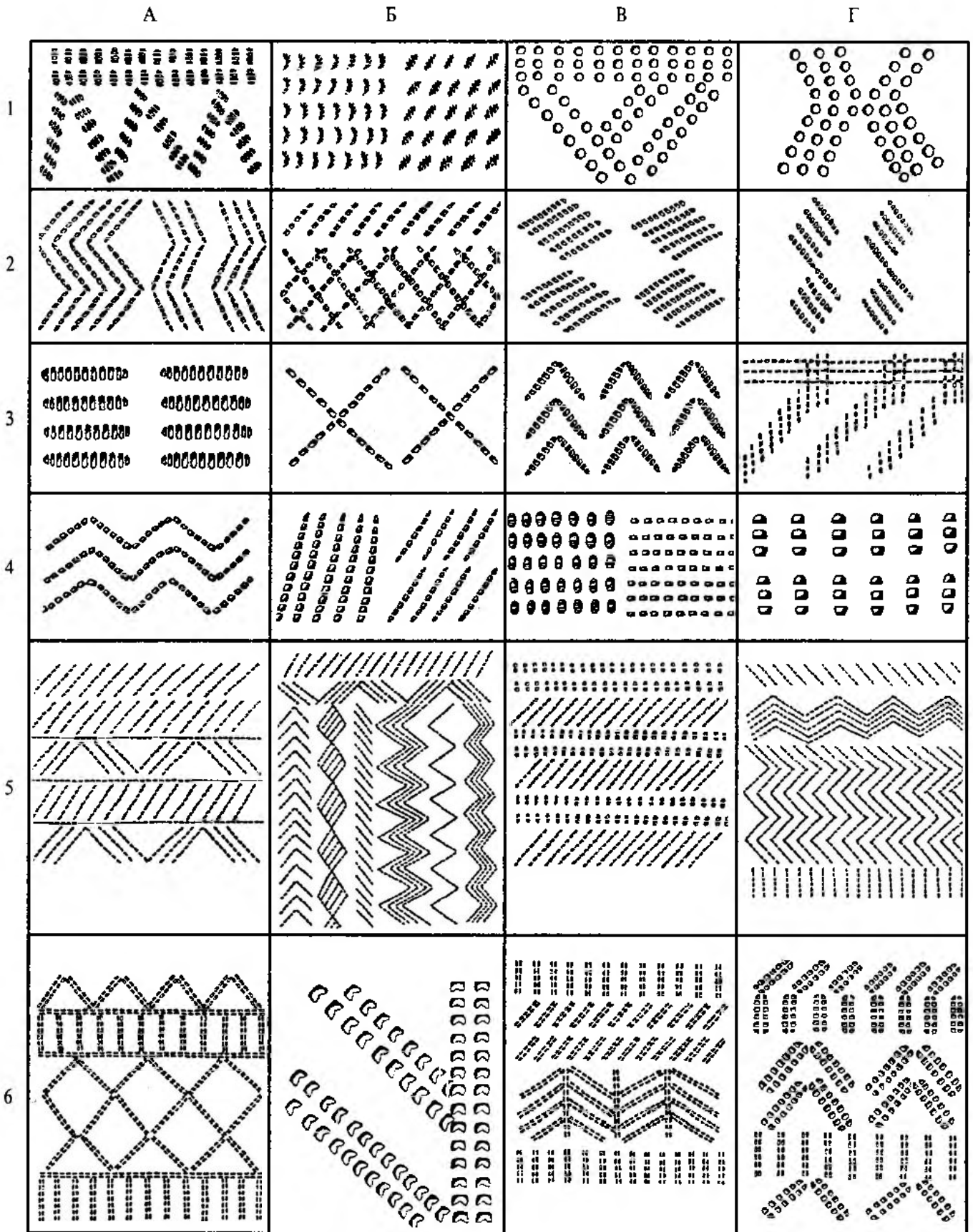

Рис. 11. Гундоровское поселение. Орнаментальные композиции керамики волосовского типа

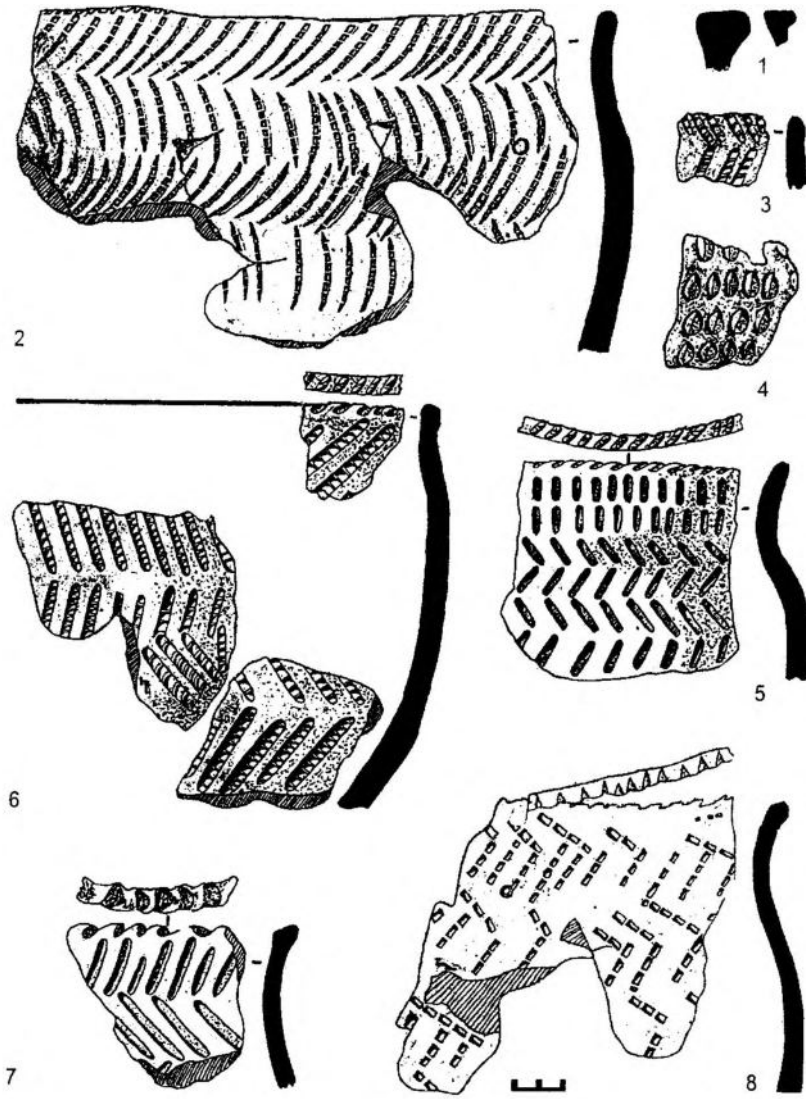

Рис.12. Поселение Шигоны II. Керамика волосовского типа

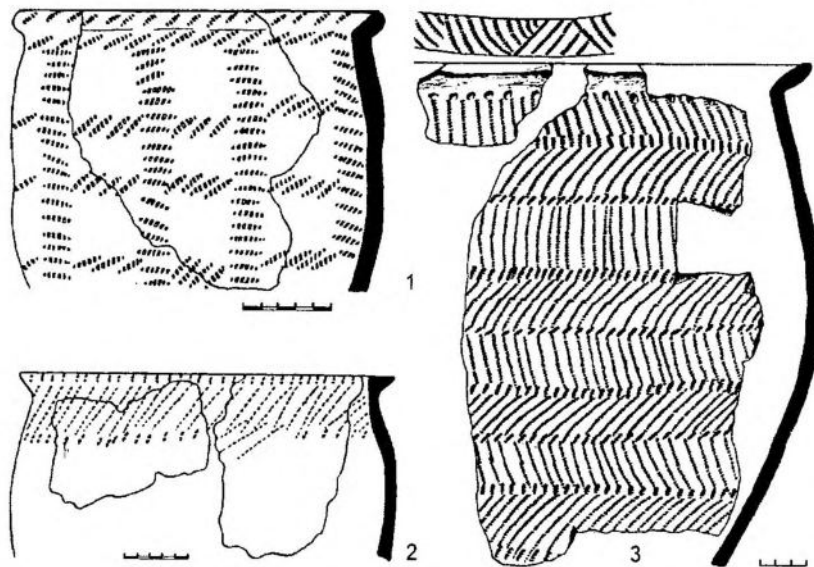

Рис.13. Керамика волосовского типа II Большераковской стоянки (1,2) и поселения Лебяжинка IV (3)

Толщина стенок сосудов 0,5-1,5 см. Сосуды горшковидной формы с уплощенным или округлым дном. Венчики сосудов варьируют от прямых до утолщенных, Г- и Т-образной формы. Судя по восстановленным сосудам, орнамент покрывает больше половины или всю их поверхность. Зачастую он заходит на срез (52%) и внутреннюю поверхность (23%) венчика. При нанесении орнамента использовался преимущественно зубчатый штамп (94,4%), различный по ширине и длине. Часть сосудов украшена рамчатым штампом – 2% (рис. 7:3; 8:4,6), оттисками «веревочки» – 0,6% (рис. 8:8; 9:2), вдавлениями – 3% (рис. 7:2,7; 8:1,5; 10:2). Орнаментальные композиции состоят из зигзага, «елочки со стеблем», ромбов, чередования полос оттисков (рис. 11). Автор статьи было проведено сравнение орнаментальных композиций керамики волосовского типа Гундоровского поселения и пяти территориальных групп волосовских памятников и подсчитан индекс их родственности. Наибольшая степень сходства наблюдается с посудой средневожской территориальной группы памятников, исследованных В.В. Никитиным в Марийском Поволжье [3], затем окской группы и памятников Иско-Бельского междуречья.

Небольшие коллекции керамики волосовского типа были найдены в пределах Самарской области на поселении Шигоны II, расположенном на реке Усе, правом притоке р. Волги, Чесноковской, II Большераковской стоянках и поселении Лебяжинка IV на р. Сок, левом притоке р. Волги.

Поселение Шигоны II находится на дюнном всхолмлении левого берега р. Усы, в 2 км к Ю от райцентра [4, с. 15-16]. Памятник заселялся неоднократно. Керамика волосовского типа залегала в нижней части культурного слоя. Она представлена 12 сосудами горшковидной формы с прямыми и отогнутыми наружу венчиками и уплощенными днищами. Имеются Т-образные утолщения венчиков (рис. 12:1). Срезы венчиков орнаментированы, гофрированы. В глиняном тесте имелась примесь шамота, в одном случае — толченой раковины. Большая часть сосудов заглажена с внешней и внутренней стороны. На некоторых изнутри имеется зачистка зубчатым штампом. Орнамент нанесен палочкой, аммонитом (рис. 12:5), пальцевыми защипами (рис. 12:4) и крупным зубчатым штампом и покрывает посуду почти полностью. Композиции составлены вертикальным зигзагом и полосами оттисков (рис. 12).

Чесноковская стоянка находится на правом берегу р. Сок, в 1 км к Ю от с. Большая Чесноковка Сергиевского района. Площадка поселения располагается на пологом склоне низкой надпойменной террасы в 40 м от реки. С трех сторон площадку ограничивают глубокие старицы. Поверхность памятника задернована. Стоянка многослойная. В коллекции с этого поселения керамика волосовского типа выделена в отдельную (третью) группу. Сосуды имеют подцилиндрическую форму с прямым горлом и округлым, иногда утолщенным венчиком. В глиняном тесте обильна раковинная примесь, поверхность пористая. Орнамент нанесен оттисками зубчатого и гладкого штампов, веревочки, рыбьего позвонка (?), аммонита. Композиции представлены горизонтальными оттисками и полосами наклонно поставленных оттисков, зигзагами, ромбами [5, с. 80, рис. 5].

II Большераковская стоянка находится в 4 км к ССВ от с. Большая Раковка Красноярского района. Памятник расположен на останце первой надпойменной террасы левого берега р. Сок. С южной стороны останец ограничен речкой Черновкой, впадающей в р. Сок, с севера и северо-востока – старичными озерами. На II Большераковской стоянке, по мнению авторов раскопок, к волосовскому типу относятся два сосуда, но, судя по публикации материалов, их больше [6, с. 114]. Оба сосуда — крупных размеров, подцилиндрической формы. У одного – венчик отогнут наружу, у другого – утолщен и плоско срезан. Оба сосуда орнаментированы длинными и короткими оттисками зубчатого штампа, причем орнамент на сосуде с отогнутым венчиком покрывал, видимо, всю его внешнюю поверхность, у сосуда с утолщенным венчиком украшена лишь верхняя часть. Композиция первого сосуда представляет собой «плетенку», выполненную из коротких оттисков, на втором сосуде – ряды прямо и наклонно поставленных оттисков длинного и короткого штампов (рис. 13:1-2).

Поселение Лебяжинка IV находится примерно в 7 км к ВСВ от с. Большая Раковка, на границе Красноярского и Сергиевского районов, в пойме левого берега р. Сок. Площадка поселения расположена на берегу старичной террасы, которая огибает ее с запада⁴. Среди разновременных материалов имеется небольшая коллекция керамики волосовского типа. Интерес представляет развал сосуда полуяйцевидной формы с резко отогнутым утолщенным венчиком, орнаментированным по срезу. В глиняном тесте имеется примесь раковины, но фактура плотная, сосуд тонкостенный. Орнамент нанесен зубчатым штампом и покрывает весь сосуд, включая внутреннюю поверхность венчика. Под венчиком имеется ряд неглубоких вдавлений. Композиция состоит из чередования полос прямо и наклонно поставленных оттисков длинного и короткого штампов. Внутренняя поверхность венчика орнаментирована (рис. 13:3).

Все вышеописанные материалы относятся к волосовской культурной общности по таким признакам, как наличие жилищ, соединенных переходами, характерные изделия из камня и кости, а главное – по керамическому комплексу. Черты сходства с волосовской посудой проявляются в примеси раковины и органики в глине, подцилиндрических формах сосудов, отогнутых и утолщенных венчиках, часто Г- и Т-образной формы, плотном заполнении орнаментального поля, в преобладании оттисков зубчатого и наличии – рамчатого штампов, оттисков аммонита, «веревочки», построении композиций в виде зигзагов, «елочки со стеблем», плетенки. Вероятно, проникновение волосовского населения в лесостепь происходило из лесных районов Среднего Поволжья по Волге и ее притокам и могло быть связано с изменениями природных условий [7, с. 206-208].

⁴ Отчет Н.В. Овчинниковой о раскопках в Красноярском районе Куйбышевской области в 1990 году // Архив ИА РАН. Р-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа Гундоровского поселения // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.
2. Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Отчеты о раскопках в Красноярском районе Куйбышевской (Самарской) области в 1986, 1990 гг. // Архив ИА РАН. Р-1.
3. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
4. Выборнов А.А. Шигоны II – новый памятник волосовского типа в Куйбышевской области // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
5. Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
6. Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (О культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
7. Овчинникова Н.В. К вопросу о причинах миграций лесных племен в лесостепную зону в эпоху энеолита // Природа и цивилизация. Реки и культуры. СПб., 1997.

*Самарский государственный
педагогический университет,
Самара*

N.V. Ovchinnikova

THE VOLOSOVO CULTURE ANTIQUITIES FROM THE SOUTH OF THE WOOD AND STEPPE VOLGA LANDS

Summary

The author gives a characteristic of the Volosovo culture materials from the sites of the wood and steppe lands of the southern Volga territories, which were gained in the recent 10 years. The detailed description of the Gundorovo settlement on the Sok River, a left tributary of the Volga, is given. 4 pits and remains of dwelling constructions were on the slope of the old bed of the river. They were linked with passages and remains were of 0,2 m deep in subsoil. The square of the dwelling constructions varies from 17 to 80 sq.m. Two hearths were found in construction 4, another one, large hearth, was discovered outside the houses. The construction of the houses is with posts. Numerous artifacts of bone and stone were found in the layers, which filled the dwelling pits, and in the layer around them. Among these finds are the fishing tools, woodworking tools, a stamp made of turtle test, a bone needle, a pendant amulet in the shape of elk, stone pendants. The flint figurines, typical for the Volosovo culture, are interesting. The pottery from the settlements Gundorovo, Shigony II, Lebyazhinka IV, from the sites Chesnokovskaya and Bolsherakovskaya II is pot-shaped with flat or round bottom and decorated typically for the Volosovo culture. The population of the Volosovo culture is supposed to migrate into the wood and steppe zone from the forest areas of the middle Volga lands.

*Samara State Pedagogical University
47, Leo Tolstoy St., Samara,
443010, Russia*

А.И. Королев

К ВОПРОСУ О ФИНАЛЕ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СУРСКО-МОКШАНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Вопросы финала волосовской культуры до настоящего времени относятся к наименее разработанным в волосовской проблематике. Важными обстоятельствами, осложняющими ее разрешение, признаются огромная территория распространения волосовской культуры и многочисленные контакты ее носителей с инокультурным населением. Существенное значение в этой связи приобретает проблематика финала отдельных территориальных групп волосовской культуры. Накопление новых материалов дает возможность конкретизировать имеющиеся положения в решении этой проблемы, выработать новые подходы. Не является исключением в этом плане и Сурско-Мокшанское междуречье, где располагалась одна из южных групп волосовских поселений.

На протяжении большей части III тыс. до н.э. в развитии волосовской культуры не наблюдается существенных изменений. Взаимодействие волосовского и иного неолитического населения лесной полосы, ведущего присваивающее хозяйство, не приводило к их серьезной трансформации. Качественно иная ситуация складывается на рубеже III и II тыс. до н.э., когда в зоне широколиственных лесов в восточном направлении широко распространяется фатьяновско-балановское население. Вполне очевидно, что, особенно в первое время, аборигены оказывали враждебный прием мигрантам, поскольку их появление нарушало установившиеся отношения между различными группами лесного населения и сложившийся баланс взаимоотношений человека и природы. Вероятным проявлением враждебного отношения к пришельцам является известное погребение стоянки Николо-Перевоз [1, с.31-37]. В.В.Никитин полагает, что первоначально подобные отношения сложились также между балановскими и волосовскими племенами на Средней Волге, ввиду чего мигранты были вынуждены обогнуть основной массив местного населения с севера [2, с.69-72]. Вероятно, и этим обстоятельством, а не только различиями хозяйственных укладов объясняется высокое расположение поселений и могильников балановской культуры в отличие от волосовских памятников. С течением времени различная хозяйственная ориентация, видимо, способствовала установлению постоянных связей мирного характера [3, с.45], приведших к появлению в Среднем Поволжье памятников типа Галанкиной Горы [4, с.190-191], Нижней Стрелки IV [5, с.39-64] и других, в которых выявлено совместное залегание поздневолосовской и балановской керамики. Здесь же, в Среднем Поволжье, где под влиянием балановской сложилась чирковская культура, был наиболее последовательно отслежен финал волосовской культуры.

Признавая участие поздневолосовского населения в образовании культур эпохи бронзы, специалисты расходятся в определении его роли. По мнению В.П.Третьякова, доминировали стоявшие на более высокой ступени социально-экономического развития носители балановской культуры [6, с.122-126]. Другие исследователи признают волосовский компонент более весомым [7, с.18-20; 8, с.60-62] и даже определяющим [4, с.256]. Иные западные и восточные группы волосовского населения, по мнению А.Х.Халикова, приняли участие в формировании приказанской и поздняковской культур [4, с.241, 254-257]. Исчезновение волосовских древностей к западу от Среднего Поволжья связывалось преимущественно с распространением населения срубной и поздняковской [3, с.59; 6, с.116-122], фатьяновской и сетчатой [9, с.28] культур. Эти данные позволяли проецировать подобное развитие событий и на Сурско-Мокшанское междуречье. С поздняковскими племенами связывал начало нового периода в Примокшанье В.Н.Шитов [10, с.59]. На этой территории поздневолосовские племена (по В.П.Третьякову) дожили до появления срубной культуры и исчезли в связи с образованием чирковско-сейминской, приказанской и поздняковской культур [11, с.115-119]. Выделенная им на поселениях Имерка II и III керамика чирковско-сейминского типа, керамика, близкая приказанской, с поселения Подлесное IV указывали на сходное течение событий на Волге, Оке, Мокше и Суре. Вывод В.П.Третьякова о доминировании обществ, стоящих на более высокой ступени социально-экономического развития, при контактах с местным населением представляется вполне убедительным. Действительно, в чирковской керамике преобладают балановские традиции, в поздняковской и приказанской — отчетливо фиксируются признаки степных культур. Элементы, которые можно было бы связать с волосовской гончарной традицией, далеко не столь явственны. Однако, принимая в расчет материалы интересующего нас региона, следует отметить, что в этой схеме остались неучтенными два обстоятельства.

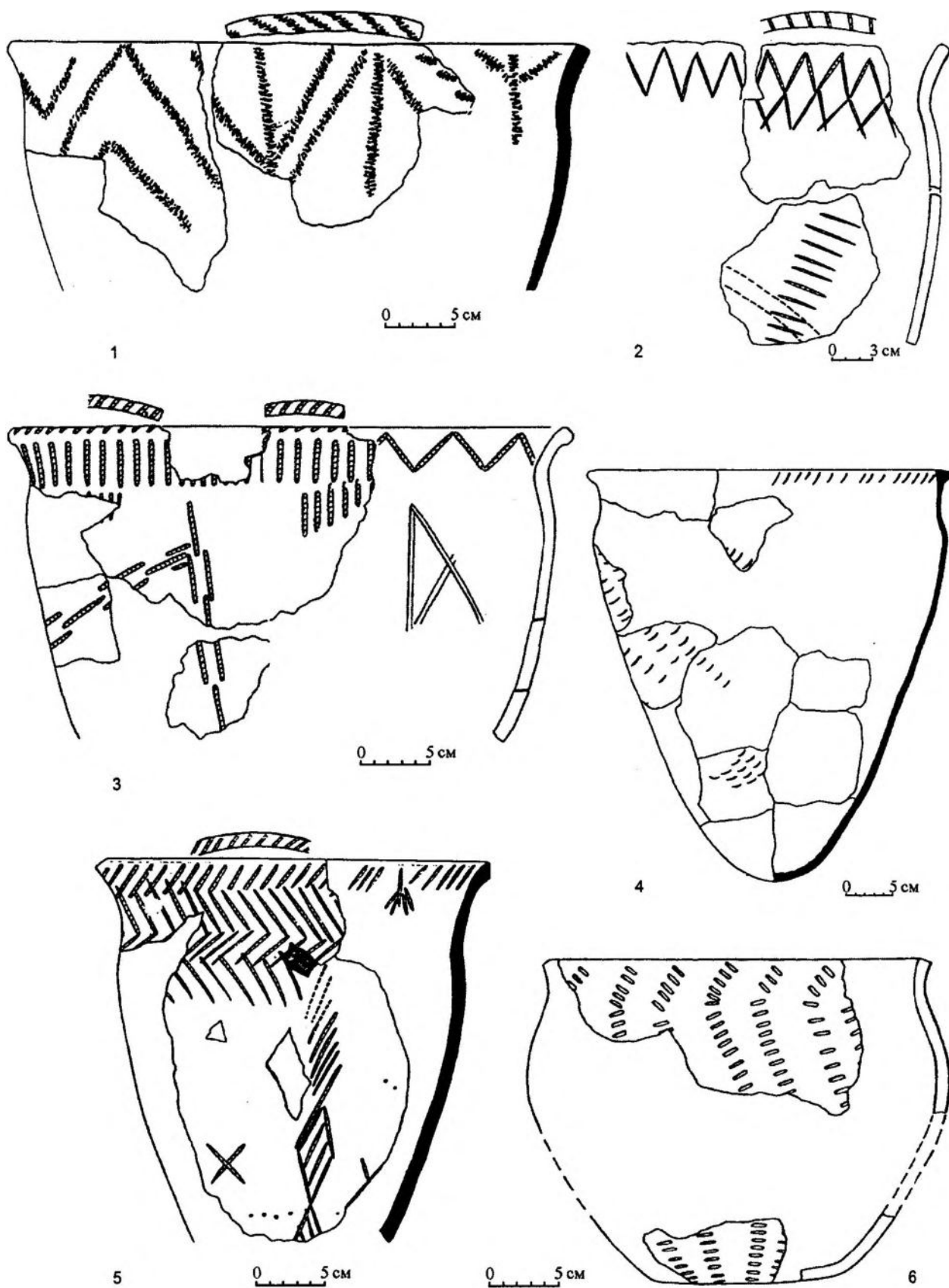

Рис.1. Волосовская керамика Сурско-Мокшанского междуречья

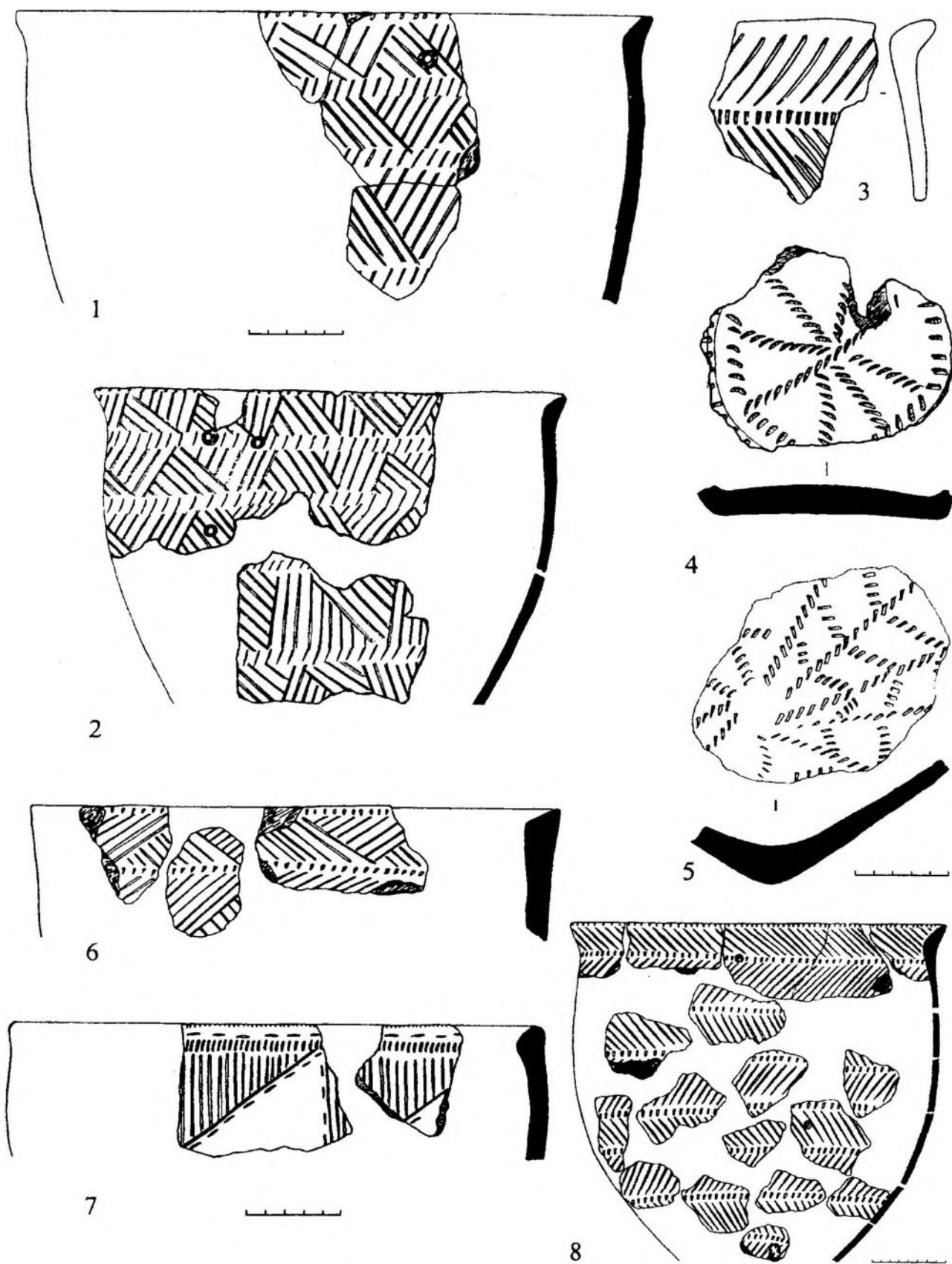

Рис.2. Имеркская керамика Сурско-Мокшанского междуречья

Первое связано с тем, что в Сурско-Мокшанском междуречье редки волосовские поселения позднего этапа. Большая часть имеет керамику развитого облика и может быть отнесена к посл. трети III тыс. до н.э., т.е. между волосовскими и срубными, а также приказанскими материалами образуется хронологическая лакуна протяженностью в несколько столетий. Доживание волосовского населения до появления фатьяновско-балановского выглядит более достоверно. Небольшие коллекции этой керамики известны по таким поселениям со смешанными слоями, как Имерка II, Кокуйское, Новый Усад IV и др., но имеющих в настоящее время данных недостаточно, чтобы выявить здесь процесс образования местных материалов чирковского типа.

Второе обстоятельство, которое необходимо учитывать в решении вопроса дальнейших судеб волосовского населения в Сурско-Мокшанском междуречье, – это материалы выделенной В.П.Третьяковым имеркской культуры. Имеркские древности предварительно были отнесены к 1-й пол. III тыс. до н.э. Основаниями для этого послужили две радиоуглеродные даты, указывающие на руб. IV и III – нач. III тыс. до н.э., приостренные днища сосудов, прочерченная и накольчато-гребенчатая в отступающей манере, напоминающей неолитическую, орнаментация керамики. Исчезновение имеркских древностей увязывалось с распространением в Примокшанье носителей волосовской культуры. Последующие исследования показали более поздний характер имеркской культуры по отношению к волосовской [12] и дали основания для уточнения роли имеркского населения в дальнейших судьбах волосовского. В литературе многократно отмечался разнокультурный характер этих двух групп населения, но в свете уточнения финала волосовской культуры и учитывая более позднюю хронологию имеркской, представляется необходимым определить возможность трансформации первой во вторую. Остановимся более подробно на керамике этих культур.

При изучении многослойных поселений Волгапино, Имерка VIII, Широмазово II в подстилающих имеркских слоях была получена волосовская керамика с примесью раковины, пуха птиц, иногда пластичной органики в тесте (рис. 1). Внешняя поверхность сосудов имеет следы заглаживания мягким предметом или обработки зубчатым орудием. Венчики прямые или отогнутые в различной степени. Днища округлые, уплощенные и плоские. В орнаментации доминируют оттиски разнообразных зубчатых штампов и ямчатые вдавления. Более редки отпечатки веревочки, еще меньшим числом представлены прочерченные линии и оттиски рамчатого штампа. Орнаментация керамики довольно разнообразная, часто разреженная, обычно покрывает всю внешнюю поверхность сосудов, включая дно, срез и внутреннюю поверхность венчиков. Среди мотивов орнамента преобладают горизонтальные и диагональные ряды и их сочетания, треугольники, зигзаги, кресты, сетка. К редким мотивам относятся ромбы, многолучевые фигуры, заштрихованные треугольники, елочка со стеблем. Шагающая гребенка отмечена на отдельных сосудах с Имерки VIII и Широмазово II. Перечисленным признакам в полной мере соответствует керамика таких поселений, как Волгапино, Имерка IБ, II, III, Машкино III, Ерня. Наиболее поздняя волосовская керамика была получена с поселения Новый Усад IV. Для нее характерны раковина и пух птиц в тесте, профилированность сосудов, округлые, уплощенные и плоские днища, преобладание в орнаменте оттисков узкой длинной и короткой гребенки, мелкого овального ямчатого штампа, разреженность орнаментации. Волосовская керамика залегала в слое совместно с имеркской и балановской. Волосовская посуда с Нового Усада IV по формам днищ и венчиков, элементам и мотивам орнамента наиболее близка керамике поселения Подлесное V. Различия касаются прежде всего состава отощителя в тесте и присутствия ошлаковки на обломках двух сосудов с Подлесного V.

Имеркская керамика (рис. 2), стратиграфически приуроченная к верхним горизонтам культурного слоя многослойных поселений, легко вычлняется из их керамических комплексов. Она содержит в примеси пух птиц и пластичную органику. Примесь раковины, определенная у некоторых сосудов с Нового Усада IV, распределена по фрагментам неравномерно, представлена мелкими частицами. Маловероятно, что она добавлялась целенаправленно. Поверхность сосудов заглаживалась мягким предметом, иногда лошилась. Доминируют приостренные днища. В керамике поселения Новый Усад IV они составляют 78,9%, Имерки V – 78,6%, Имерки VIII – 80%, Волгапино – 77,7%. Значительно реже представлены небольшие плоские днища. Отмечены отдельные плоско-вогнутые и округлые. Венчики характеризуются наплывом с внутренней стороны. Такая форма составляет 96,4% венчиков керамики поселения Имерка V, 92% – Нового Усада IV, 91,7% – Имерки VIII, 80% – Волгапино, 80% – Широмазово II, 71,7% – Скачков, 51% – Большого Колояра, 9% – Грабово I, 100% – Имерки VI. Пропорции большинства сосудов определяются незначительным превышением высоты над диаметром горла. К типичным признакам относится и орнаментация сосудов с доминированием прочерченных линий. Накольчатый и гребенчатый элементы орнамента наносились мелкими штампами в одинаковой отступающей манере. Рисунок, как правило, плотно располагается по всему тулову сосуда, хотя есть и полностью неорнаментированные экземпляры. Орнаментальным пояском украшалась и бордюрная зона. Среди мотивов преобладают диагонально прочерченные линии, паркетный рисунок, косые заштрихованные треугольники, елочка со стеблем, косые сдвоенные кресты, многорядные зигзаги. В имеркской орнаментальной традиции полностью отсутствует рамчатый штамп. Оттиски веревки представлены в коллекциях поселений Скачки, Имерки V, Новый Усад IV, Волгапино в очень незначительном числе. На некоторых сосудах этот элемент нанесен в “лапчатой” манере. Для определения степени сходства волосовской и имеркской керамики был произведен подсчет количества элементов орнамента и орнаментальных мотивов, выявленных на посуде этих культур. Числовые значения, переведенные в проценты, стали основой сопоставления.

Орнаментация рамчатым штампом, не слишком распространенная на волосовской посуде, но являющаяся важным диагностическим признаком ее, полностью отсутствует на имеркской керамике.

Прочерченные линии никогда не играют существенной роли в украшении волосовской керамики, составляя на посуде Имерки IB 4%, Имерки II – 4%, Имерки III – 0,5%, Имерки VIII (ранняя группа) – 6%, Имерки VIII (поздняя группа) – 7%, Волгапино – 7,5%, Нового Усада IV – 5,5%, Широмазово II – 0,5%, Ерня – 7,5%, Подлесное V – 12,5%. В то же время в имеркской они являются ведущим элементом орнамента. На керамике Широмазово II их 68,2%, Нового Усада IV – 62,5%, Имерки VIII – 61,5%, Имерки VI – 53,5%, Имерки V – 51,6%, Волгапино – 51,2%. Доля прочерченных линий снижается в посуде Большого Колояра до 35,4%, Скачков – 25,5%, Грабово I – 9,1%. Связано это в значительной степени с увеличением количества неорнаментированной посуды (35,4%, 47,5%, 48,1% соответственно). В керамике двух последних поселений отчетливо проявились волосовские традиции.

Зубчатые орнаменты на волосовской посуде поселений составляют: Имерка IB – 33,5%, Имерка II – 41%, Имерка III – 31%, Имерка VIII (ранняя группа) – 21,5%, Имерка VIII (поздняя группа) – 54%, Волгапино – 57%, Новый Усад IV – 30,5%, Широмазово II – 37,6%, Ерня – 25%, Подлесное V – 43,5%. На имеркской керамике Имерки VIII его 5,5%, Нового Усада IV – 8%, Большого Колояра – 11,8%, Имерки V – 12,5%, Скачков – 16,5%, Волгапино – 19,7%, Имерки VI – 22,5%, Грабово I – 28,1%. Оттиски гребенки, украшающие имеркскую посуду, короткие, их длина редко превышает 1 см. Лишь на керамике Волгапино, где оттиски длинного штампа представлены более широко, их доля равна 7,1%.

Веревоочные отпечатки на волосовской посуде поселений составляют: Имерка IB – 20,5%, Имерка II – 9%, Имерка III – 33%, Имерка VIII (ранняя группа) – 21%, Имерка VIII (поздняя группа) – 8%, Волгапино – 5,5%, Новый Усад IV – 1,5%, Широмазово II – 8,8%, Ерня – 5%, Подлесное V – 6,5%. На имеркской керамике поселения Имерка V их доля 0,7%, Волгапино и Новый Усад IV – по 0,5%, Грабово I – 2,9%, Скачки – 3,3%. В орнаментации Имерки VI и Имерки VIII веревочные отпечатки отсутствуют.

На волосовской керамике ямчатая орнаментация представлена большим разнообразием форм и размеров вдавлений. На поселении Имерка IB она есть на 40% фрагментов. Имерка II – 40%, Имерка III – 28%, Имерка VIII (ранняя группа) – 50,5%, Имерка VIII (поздняя группа) – 30,5%, Волгапино – 30%, Новый Усад IV – 62,5%, Широмазово II – 43,2%, Ерня – 62,5%, Подлесное V – 37,5%. На имеркских фрагментах ямчатый орнамент напоминает по технике нанесения и размерам неолитический накольчатый и составляет в посуде Имерки VIII 31,5%, Нового Усада IV – 21%, Большого Колояра – 17,4%, Имерки V – 28,2%, Скачков – 7,2%, Волгапино – 18%, Имерки VI – 17,5%, Грабово I – 11,8%.

Сопоставление имеркских и волосовских орнаментальных мотивов, проведенное по формуле $C_3 = a^2/L_1L_2$ [13, с.145], показало их глубокие различия. Индекс родственности колебался от 0,01 до 0,46. В частности, этот индекс имеркского комплекса поселения Имерка V и волосовских мотивов составил от 0,03 до 0,32. Близкое значение дало сопоставление керамики волосовских поселений с керамикой Имерки VIII — от 0,09 до 0,28. Более высокие показатели были получены с участием имеркских коллекций с Нового Усада IV и Волгапино – от 0,1 до 0,46.

Нетрудно убедиться, что между керамикой волосовской и имеркской культур выявляются различия принципиального характера. Эти различия еще более возрастают, если дополнить их данными по конструкции жилищ, орудийными комплексами, материалами по металлообработке. Изучение жилищ имеркской культуры только начинается, однако уже сейчас можно говорить о наличии конструктивных особенностей, не совпадающих с волосовскими. Орудийные серии, полученные с имеркских поселений Имерка V, Новый Усад IV, Скачки, Большой Колояр, содержат более скромный набор орудий, чем поселения волосовской культуры. Особенно невыразителен набор деревообрабатывающих инструментов, среди которых отсутствуют узкие долотца, редки стамески, мало долот и тесел. Отличаются бедностью ассортимента наконечники стрел, сверла, скобели. Таким образом, многочисленные данные, характеризующие наиболее важные стороны существования культур, делают проблематичным поиск дальнейших судеб волосовского населения в имеркской культуре. Повсеместное, как на поселениях Имерка V, Имерка VIII, Волгапино, Новый Усад IV, Широмазово II в Примокшанье, перекрывание волосовских слоев имеркскими скорее может объясняться сменой населения. Наиболее поздние радиоуглеродные определения, полученные для волосовских материалов поселения Имерка VIII, могут фиксировать нижнюю границу появления здесь носителей имеркской культуры в кон. III тыс. до н.э. [14]. Данные стратиграфии также позволяют считать, что широкое распространение ее носителей приходится на рубеж III и II тыс. до н.э.

Складывается ситуация, когда исчезновение волосовской культуры можно объяснить или ее трансформацией в имеркскую, или вытеснением и частичной ассимиляцией ее носителей. В этом плане финал волосовской культуры междуречья Суры и Мокши видится в несколько ином свете, чем представлялось ранее. Исчезновение здесь волосовской культуры произошло задолго до появления культур поздней бронзы, и срубной в том числе. В керамике эпохи бронзы региона не читаются признаки волосовской. Это обстоятельство вместе с отсутствием доказательств их хронологической состыковки не позволяет увязывать финал волосова с распространением срубной и поздняяковской культур. Становится очевидным, что волосовское население сменялось имеркским в течение определенного времени их сосуществования. Этот процесс не был слишком кратковременным, так как привел к появлению заимствований на имеркской керамике.

Следует отметить определенные различия в судьбах волосовского населения Мокши и Суры. На территории Примокшанья имеркские материалы перекрывают волосовские. Видимо, дальнейшее развитие в период позднего неолита — ранней бронзы здесь было связано с имеркским населением. В Посурье волосовские матери-

алы представлены не столь широко, как в Примокшанье. Ряд памятников зафиксирован в низовьях Суры. Такие поселения, как Подлесное V [15], Ерна [16], расположены в ее верховьях и отличаются наличием поздних признаков в посуде. Еще одно поселение – Грабово I – содержит керамику смешанного облика [17] и, как представляется, хорошо иллюстрирует постепенное растворение волосовского населения в имеркской среде. Носители имеркской культуры частично ассимилировали в Примокшанье и вытеснили часть волосовского населения в Посурье. Судя по современному состоянию источников, их движение на восток охватило Верхнее Посурье. Не исключено, что в других районах бассейна Суры до периода включения этого региона в сферу интересов носителей культур эпохи бронзы продолжалась волосовская линия развития.

Распространяясь на север к низовьям Мокши, имеркское население появилось на Средней Оке, где известно поселение Ибердус I. В его материалах содержится значительная коллекция керамики с характерными венчиками с напльвом изнутри, приостренными и округлыми днищами, примесями в тесте, аналогичными имеркским. Для ornamentации характерен своеобразный синтез имеркских и “лапчатых” традиций. Необычны для облика имеркской керамики округлые формы днищ и частое расположение орнамента на внутренней стороне венчиков, обилие лапчатых отпечатков. В то же время широко распространены прочерченный орнамент и аналогичные имеркским орнаментальные мотивы.

Подобное поселение было исследовано в приустьевой части Мокши у с. Лебяжий Бор [18, с.6-26]. Интерес представляют два энеолитических комплекса: волосовский и имеркский. Кроме того, авторами раскопок выделена группа керамики с сочетанием признаков двух культур. Это является еще одним подтверждением распространения имеркской культуры на север и активных контактов ее носителей с местным населением. Наличие признаков двух культур на “гибридных” сосудах авторы рассматривают как результат существенного участия носителей волосовской культуры в происхождении имеркской. Такой вывод представляется не совсем верным в связи с рассмотренными выше обстоятельствами. В свете приведенных ранее фактов труднообъяснимым становится происхождение характерных особенностей имеркской посуды, отличающейся от волосовской практически по всем параметрам. Не вполне понятен тогда и источник столь мощного воздействия на волосовское население, что трансформация их материальной культуры пошла в “имеркском” направлении. Неясной оказывается и причина резкого развития металлообработки у имеркского населения, изменения форм жилищ и т.д. В то же время в материалах этого поселения содержится реконструированный сосуд с отчетливо выделенными плечиками, раструбовидным венчиком, орнаментированный более плотно в верхней половине тулова, с небольшим уплощенным дном. Подобная керамика несет отчетливые признаки воздействия фатьяновской традиции, весьма близка по форме чирковской и свидетельствует, что в Поочье на основе взаимодействия фатьяновского с местным энеолитическим населением складываются “фатьяноидные” элементы культуры [19, с.56]. Следует отметить, что Т.Б.Попова указывала на определенное участие фатьяновцев в формировании позднеяковской культуры [20, с.46].

Сложившаяся в Поочье культурно-историческая ситуация в значительной степени отличалась от таковой в Сурско-Мокшанском междуречье, где, как было показано, решающую роль в пресечении волосовской линии развития сыграли носители имеркской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раушенбах В.М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Археологический сборник: Тр. ГИМ. Вып. 37. М., 1960.
2. Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991.
3. Бидер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
4. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
5. Соловьев Б.С. Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 17. Древности Поволжья. Йошкар-Ола, 1990.
6. Третьяков В.П. Финал волосовских древностей на Оке и Волге // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3. Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
7. Никитин В.В. Этнические процессы в Марийском Поволжье в древности (спорные вопросы) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14. Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988.
8. Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Археология и этнография Марийского края. Вып. 19. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.
9. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
10. Шитов В.Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Вып. 52. Саранск, 1976.
11. Третьяков В.П. Финал волосовских древностей в междуречье Суры и Мокши // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983.
12. Королев А.И. Поселение Волгалдино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.
14. Королев А.И. Материалы по хронологии энеолита Примокшанья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
15. Третьяков В.П. Стоянка Подлесное V близ г. Пензы (по раскопкам 1980 г.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
16. Ставицкий В.В. Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992.
17. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Грабово I в Верхнем Посурье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
18. Челюнов В.П., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.

19. *Каверзнева Е.Д.* Керамика Озерной Мешеры эпохи неолита – ранней бронзы // Древности Оки: Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.
20. *Попова Т.Б.* Происхождение подняковской культуры // Археологический сборник: Тр. ГИМ. Вып.37. М., 1960.

*Самарский государственный
педагогический университет,
Самара*

A.I. Koroljev

**ON THE PROBLEM OF THE FINAL STAGE OF THE VOLOSOVO CULTURE
IN THE SURA-MOKSHA RIVERS BASIN**

Summary

The article analyses the pottery of the Volosovo culture found in the Sura–Moksha rivers basin in comparison with the pottery of the Imerka culture. The author state a considerable difference between these two kinds of pottery. The comparison allows to suppose that the Volosovo culture there could transform into the Imerka one. The latter had spread widely on the lands of the Sura–Moksha basin by the 3rd millenium BC. At the same time the Volosovo tribes were partly forced out and partly assimilated. The Imerka culture tribes lived there up to the Bronze Age, when the steppe cultures appeared on the territory.

*Samara State Pedagogical University
47, Leo Tolstoy St., Samara,
443010, Russia*

Б.А. Фоломеев, В.П. Челябинов

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕЙ ОКИ В ЭНЕОЛИТЕ (середина III – рубеж III-II тыс. до н.э.)

Предлагаемая статья ограничивается изложением взглядов ее авторов на проблему этнокультурных взаимодействий и хронологического соотношения археологических культур на территории Средней Оки в энеолите. Ряд наших заключений имеет предварительный характер. Накопление новых данных позволит в дальнейшем полнее представить возможное решение этой проблемы.

Характер этнокультурных процессов на Средней Оке в целом не выходит за рамки культурно-генетической ситуации Волго-Окского бассейна в энеолите. Здесь фиксируются в основном те же ритмические изменения, что и в других районах лесной зоны, описанные рядом авторов [1, с. 64-74; 2, с. 37-43]. Однако близость к лесостепи и особое интерзональное положение бассейна Оки на стыке двух природных зон наложили свой отпечаток на этнические процессы, происходившие в этом регионе, что нашло отражение в сочетании южных (лесостепных) и северных (лесных) традиций в культурах Окского бассейна. С другой стороны, характер этнокультурных процессов на Средней Оке обусловлен общими закономерностями, прослеживаемыми на большом протяжении в разных регионах, лежащих в широтном направлении – на границе леса и лесостепи. Направления связей и миграций на рассматриваемой территории во многом определялись и наличием такой крупной водной артерии, как Ока, с широтно ориентированным течением, а также разветвленной системой меридиональных притоков.

В то же время, даже в таком небольшом регионе, как Среднее Поочье, выделяются территории, различающиеся ландшафтно-экологическими характеристиками, и, как будет показано ниже, имеющие свои особенности в этническом развитии человеческого общества [3, с. 77-88]. По различиям в физико-географических условиях бассейн Средней Оки можно разделить на четыре района. 1. Долина Оки и низовья правобережных притоков – территория, занимающая интерзональное положение; в ее пределах некоторым культурным своеобразием отличается восточная часть долины, примыкающая к устью Мокши. 2. Бассейны Цны и Мокши – клин лесной зоны, глубоко вдающийся в лесостепь. 3. Левобережье – южная окраина Мещерской низменности, южная тайга; особо выделяется богатый естественными природными ресурсами район Озерной Мещеры. 4. Окско-Донское междуречье, включающее верховья правобережных притоков Оки и левобережных притоков Дона, – северная лесостепь.

Основной энеолитической культурой Волго-Окского междуречья является волосовская. Однако на Средней Оке волосовских памятников немного. Они концентрируются преимущественно на севере – в Озерной Мещере и на востоке – в бассейне Цны и Мокши; в то же время в долине Оки их единицы. Гораздо больше на Средней Оке памятников с лапчатой керамикой, которые в настоящее время принято относить к дубровичской культуре [1, с. 73; 4, с. 65]. Дубровичская культура имела определяющую роль в этнокультурном развитии Среднего Поочья в энеолите. Дубровичские памятники известны по всему течению Средней Оки – от Белоомута до Ибердуса, немало их и в Озерной Мещере. В настоящее время нами в долине Оки выделен пласт памятников с лапчатой керамикой, предшествующих собственно дубровичским, которые мы условно называем протодубровичскими. Кроме того, в бассейне Мокши и Цны известны поселения имеркской культуры. В конце энеолита на Средней Оке появляются памятники шагарского типа, наиболее ранние из которых пока известны только в Озерной Мещере.

Памятники с лапчатой керамикой (рис. 1)

Периодизация памятников с лапчатой керамикой:

1. Протодубровичский этап – 1-я пол. или 2-я четв. III тыс. до н.э. (Старорязанская и Иконинская стоянки).

2. Ранний дубровичский этап – 3-я четв. III тыс. до н.э. Активное взаимодействие с волосовской и имеркской культурами (Совка 2, Владычинская, Ибердус 2, Черепки).

3. Поздний дубровичский этап – 4-я четв. III тыс. до н.э. Взаимодействие с шагарским населением (Белоомутово 3, Большой Лес 2, Черепки, Борковское 1, 2)

К наиболее ранним относятся соответствующие комплексы на Иконинской и Старорязанской (верхний слой) стоянках.

Керамика этих памятников представлена фрагментами относительно тонкостенных (5-8 мм) сосудов, с примесью мелкозернистого песка и небольшой растительной; изредка встречается примесь толченой ра-

кушки. Внутренняя поверхность обычно заглажена зубчатым штампом. Верхние части сосудов не профилированы или слабо профилированы; днища круглые, приостренные или слегка уплощенные. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. Преобладает ямчатая орнаментация. Ямки небольшого размера, обычно поверхностные и нечеткие, чаще всего округлые или удлиненные, иногда подквадратные, прямоугольные и треугольные; на дне овальных ямок нередко прослеживаются рубчатость или отпечатки веревочки. Ямки располагаются в шахматном порядке, горизонтальными зонами, иногда образуют геометрические мотивы. Зоны с ямчатой орнаментацией могут быть разделены рядами коротких отпечатков тонкого зубчатого штампа, реже — нарезками, отпечатками плоского или удлиненно-подпрямоугольного штампа, на дне которых имеются характерная рубчатость или отпечатки веревочки. Отпечатки этих же штампов образуют и самостоятельные композиции: ряды коротких вертикальных или наклонных оттисков, скомпонованных в горизонтальные или диагональные полосы, горизонтальную елочку. Реже встречаются отпечатки крупного гребенчатого штампа, образующие вертикальный зигзаг, короткого двузубого штампа и “личиночные” отпечатки в виде коротких оттисков веревочки. Такая же керамика встречается в комплексах с посудой дубровичского типа (Черепки) [5]. Наиболее близкие аналоги ей на прилегающих к Средней Оке территориях имеются на некоторых стоянках Окско-Донского междуречья [6, с. 10-53]. В этой керамике достаточно четко прослеживаются черты, характерные для керамики верхнеднепровского и деснинского неолита [7, с. 115-119; 8, с. 185; 9], но главным различием между ними является преобладание ямчатой орнаментации над гребенчатой в окской, что, возможно, указывает на формирование этого комплекса под определенным влиянием со стороны племен ямочно-гребенчатого неолита рязанской культуры. Присутствие же в некоторых фрагментах раковинной примеси, орнаментация вертикальным зигзагом из оттисков крупного гребенчатого штампа, вероятно, указывают на воздействие со стороны волосовского населения.

Для датировки этого комплекса данных немного. На Старорязанской стоянке (пункты 1б, 4) он залегает над керамикой второго этапа рязанской неолитической культуры (по И.К. Цветковой). На стоянке Монастырщина 2 в верховьях Дона он характерен для верхнего яруса среднего горизонта, формирование которого отнесено к 1-й пол. III тыс. до н.э. [6, с. 33]. Присутствие в дубровичских комплексах такой керамики, а также отмеченные выше черты волосовского воздействия не позволяют отнести ее ко времени ранее 1-й половины, а скорее всего, 2-й четверти III тыс. до н.э.

Она, несомненно, близка дубровичской, хотя основные признаки дубровичского керамического комплекса в это время еще не сложились, поэтому подобную керамику лучше называть протодубровичской. Между протодубровичской и собственно дубровичской керамикой много общего в формах сосудов, употреблении одинаковых элементов и мотивов орнаментации. Основными отличиями дубровичской керамики от протодубровичской является более развитый характер орнаментации у второй, применение сложных геометрических мотивов, более частая встречаемость веревочного и шнурового орнаментов. Протодубровичский комплекс имеет четкие признаки, связывающие его происхождение с днепро-деснинским неолитом. По всей видимости, он представляет первую волну миграции верхнеднепровского и деснинского населения на Оку, сыгравшую определяющую роль в формировании дубровичской культуры и не допустившую на Среднюю Оку ранних волосовцев.

Движение верхнеднепровского населения по северной лесостепи на восток продолжалось и позже. По мнению А.Т. Синюка, формирование иванобугорской культуры происходило под сильным влиянием лесного (верхнеднепровского и деснинского) населения [10, с. 88, рис. 1].

Дубровичские памятники известны по всему среднему течению Оки. Западная граница дубровичской культуры может быть ориентировочно намечена по границе верхнего и среднего течений Оки (стоянки Большой Лес 2, Ловцы). Далее на восток памятники дубровичского типа распространены почти до устья Мокши (Бабино-Булыгино, Ибердус I), на севере в значительном количестве известны в Озерной Мещере. Севернее бассейна Оки комплексы с лапчатой керамикой немногочисленны, обычно содержат достаточно чистые верхнеднепровские формы (Языково I, Маслово Болото 4, Богдарня, Плещеево 3, Заречье 1,2) и не несут следов воздействия со стороны волосовской культуры [1, с. 73]. Однако эти комплексы, как и верхнеокские, имеют существенные отличия от дубровичской керамики Средней Оки.

Дубровичские сосуды относительно толстостенны (6-9 мм); в глиняном тесте присутствует примесь мелкозернистого песка и органики. Причем количество органической примеси в керамике разных памятников и даже в разных сосудах, найденных на одном памятнике, различно: в одних она едва ощущается, в других весьма значительна. Форма сосудов преимущественно котловидная, с непрофилированной или слабо профилированной верхней частью; днища круглые, приостренные или небольшие плоские. Венчики разнообразны: бортики округленные, приплюснутые или скошенные внутрь, в последнем случае с отпечатками веревочки (Большой Лес 2, Беломутово 3). Для некоторых памятников характерны венчики с утолщенными или отогнутыми краями (Г-образной формы); встречаются с волнообразными (зооморфными) выступами (Владычинская, Совка 2). Орнамент покрывает всю поверхность сосудов и, как правило, имеет геометрическое построение. Иногда он заходит и на внутреннюю часть венчика, спускаясь и на стенки. Сосудам присуща орнаментация днищ кольцевыми поясками оттисков зубчатого штампа или веревочки.

В целом наиболее характерной чертой дубровичской керамики является ямчатая орнаментация, и именно она определяет ее облик. Разнообразная ямчатая орнаментация может достигать 85%, в т.ч. до 70% с лапчатыми отпечатками (Совка 2). Ямки встречены круглые, овальные, полулунчатые, подкововидные, треугольные, квадратные, мелкие, (ямки-наколы), но преобладают овальные с лапчатыми отпечатками, которые иногда приобретают и ромбическую форму (Большой Лес 2, Воймежное 1). Они могут заполнять все

орнаментальное поле сплошь, располагаться в шахматном порядке или рядами, иногда в отступающей манере; образовывать сочетания горизонтальных рядов, треугольники вершинами вверх. Типичен узор в виде широких заштрихованных треугольников, изображенных лапчатыми оттисками (Ибердус 1), иногда с внутренним заполнением параллельными линиями. Встречаются пояски ямок по основанию шеек сосудов. На некоторых памятниках значительная часть керамики орнаментирована длинными отпечатками веревочки, намотанной на палочку (Черепки – 19%, Ибердус 1 – 46%). Такая орнаментация очень похожа на оттиски гребенчатого штампа. Шейки сосудов нередко подчеркнуты короткими вертикальными или слегка наклонными отпечатками веревочки и идущими под ними длинными горизонтальными оттисками (Совка 2, Большой Лес 2, Черепки); на тулове оттиски веревочки могут быть скомпонованы в широкие горизонтальные или вертикальные зигзаги. Встречаются отпечатки мелких червеобразных жгутиков, расположенные горизонтальными и диагональными рядами (Большой Лес 2, Черепки). Шнуровой орнамент на разных памятниках применяется неравномерно (Ибердус 1 – 1%, Совка – 9%, Черепки – 29%).

Отпечатки зубчатого, плоского штампов, прямоугольного штампа с рубчатым дном и прочерченные линии в орнаментации дубровичской керамики большой роли не играли: гребенчатый штамп – 8-11%, плоский – 9-3%, прочерченный – до 8%. Они чаще всего образуют ряды коротких оттисков, горизонтальную елочку, встречаются вертикальные и горизонтальные зигзаги, треугольники и др.

Кремневый инвентарь памятников дубровичского типа имеет ярко выраженный энеолитический облик, характеризующий волосовскую кремневую индустрию: много крупных пластинчатых отщепов и орудий на них, особенно ножей, в т.ч. сегментовидных с выемками в черешковой части (Большой Лес 2); есть резчики, угловые скребки-резчики, скребки подчетыреугольной формы с прямыми рабочими краями, скребки-ложжари, листовидные наконечники стрел с намечающимися черешками, трапезиевидные тесла, сверла миндалевидной формы.

В формировании дубровичской культуры можно проследить несколько составляющих компонентов.

1. Определяющую роль в нем имели верхнеднепровские и деснинские племена, продвижение которых на Оку началось еще в 1-й пол. III тыс. до н.э. (памятники протодубровичского типа), а следующая за ним вторая, более мощная, миграция происходила около сер. III тыс. до н.э. Эта миграция, по-видимому, шла широкой полосой по южной части лесной зоны и северной лесостепи через Десну на Верхнюю и Среднюю Оку и Верхний Дон и отмечена значительным количеством памятников с лапчатой керамикой в районе Белева, Серпухова. Лапчатая керамика Верхней Оки еще близка керамике деснинского неолита. Только на стоянках Среднего Поочья (Большой Лес 2, Ловцы и др.) появляются основные признаки дубровичского керамического комплекса. Особенно сильно западное влияние было в начале формирования дубровичской культуры.

Возможно и участие в формировании дубровичской культуры поздних днепро-донецких племен, остатки которых, вытесненные в Верхнее Поднепровье и на Десну, могли быть захвачены общим потоком движения на Среднюю Оку. В.П.Третьяков выделил много общих черт в элементах и мотивах для керамики дубровичского типа (третьего этапа рязанской культуры по И.К.Цветковой и В.П.Третьякову) и днепро-донецкой керамики: наколы “отступающей лопаточкой”; узор, выполненный прочерченными линиями, образующими пояски, сетку и др.; легкие оттиски слегка изогнутого гребенчатого штампа, образующие горизонтальные пояски; зигзагообразные линии (вертикальные или горизонтальные), нанесенные гребенчатым штампом, наколами, прочерчиванием, шнуром и нарезками; ямки треугольной формы, напоминающие “отступающую лопаточку”; узоры из оттисков шнура или имитирующего его орнамента [11, с.58-59].

2. Влияние местных племен ямочно-гребенчатого неолита рязанской культуры, возможно, сказалось в широком употреблении ямочного орнамента.

3. Значительное участие в формировании дубровичского комплекса приняла волосовская культура. Об этом говорят применение рамчатого штампа, мотива в виде елочки со стеблем, отпечатков крупногребенчатого штампа, наличие сложных венчиков с Г- и Т-образным профилем, растительная примесь и значительная толстостенность ряда сосудов. Примечательно, что и дубровичский кремневый инвентарь имеет ярко выраженный волосовский облик. Влияние волосовцев было особенно сильным на раннем этапе дубровичской культуры (2-я четв. III тыс. до н.э.). В это время появляются памятники с очень высоким волосовским компонентом (Совка 2, Владычинская-Береговая, Ибердус 1), которые ряд исследователей считают возможным относить непосредственно к волосовской культуре [12, с.57].

Имеркская культура (рис. 1)

Контактная зона между дубровичскими и имеркскими племенами, по-видимому, приходилась на касимовское течение Оки и Нижнюю Мокшу. Так, на керамике стоянки Ибердус 1 достаточно отчетливо прослеживаются как дубровичские, так и имеркские керамические традиции. Эти две группы, по-видимому, родственного населения сформировались под сильным воздействием волосовцев, и, как считают некоторые исследователи, большую роль в этом процессе сыграли и верхнеднепровские племена. В настоящее время появляется все больше данных о существовании имеркских памятников после волосовских [13, с.306; 14, с.21-22]. Если это так, то имеркская культура должна характеризоваться теми же хронологическими рамками, что и дубровичская, то есть начало ее относится к средне-поздневолосовскому времени, конец – к появлению памятников примокшанского типа.

Волосовская культура (рис. 2)

Памятников волосовской культуры в пределах долины Средней Оки мало. Хорошо выраженный волосовский слой, лежащий ниже слоя с дубровичской керамикой, выявлен на стоянке Большой Лес 2. Это край-

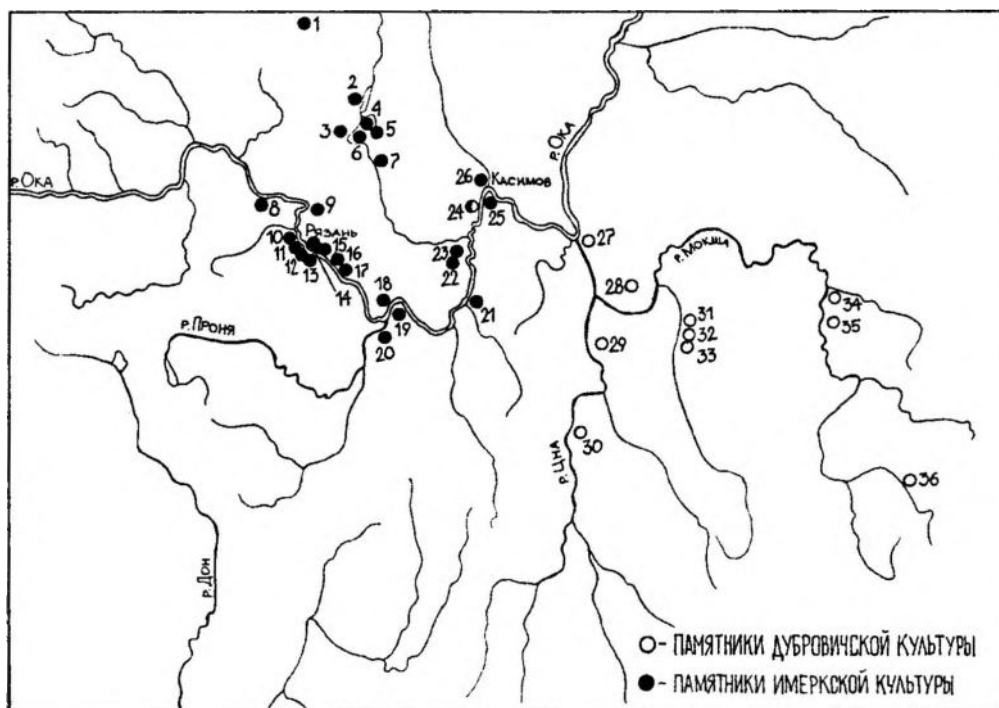

Рис.1. Памятники дубровицкой и имеркской культуры:

- 1 - Воймежное 1; 2 - Коренец 1; 3 - Беломутово 3; 4 - Шагара 1; 5 - Шагара 3; 6 - Владычинская-Береговая 1; 7 - Совка 2; 8 - Большой Лес 2; 9 - Новоселковская осыка; 10 - Фефелов Бор 1; 11 - Фефелов Бор 2; 12 - Борковская 1; 13 - Борковская 2; 14 - Шумашская 2; 15 - Дубровицкая 1; 16 - Дубровицкая 2; 17 - Мурманская 2 Береговая; 18 - Старорязанская; 19 - Северный мыс Старой Рязани; 20 - Иконинская; 21 - Тырново 3; 22 - Гришинский Исток 1; 23 - Березовый Рог 8; 24 - Ибердус 1; 25 - Затонная; 26 - Бабино-Булыгино 1; 27 - Лебяжий Бор 6; 28 - Мыс Доброй Надежды XV; 29 - Сорга 1; 30 - Засичное 1; 31 - Имерка V; 32 - Имерка VI; 33 - Имерка VIII; 34 - Новый Усад IV; 35 - Волгапино; 36 - Скачки

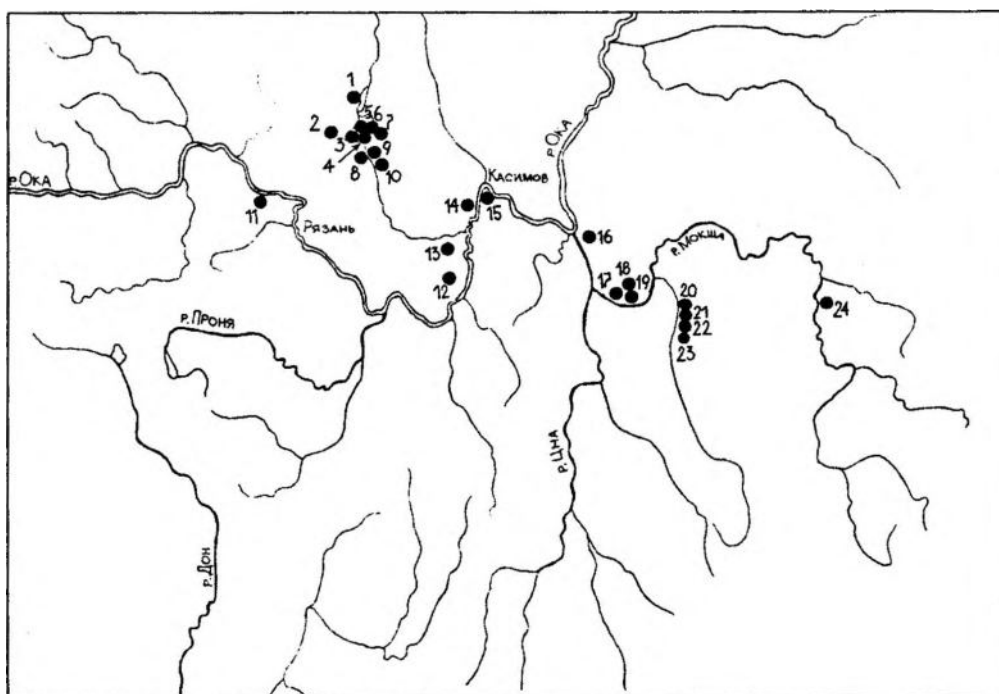

Рис.2. Памятники волосовской культуры:

- 1 - Коренец 1; 2 - Великодворье 1; 3 - Черная Гора; 4 - Владычинская-Береговая 1; 5 - Шагара 1; 6 - Шагара 2; 7 - Ушмор 1; 8 - Полушкино 3; 9 - Совка 2; 10 - Шильева заводь 3; 11 - Большой Лес 2; 12 - Одоевские фермы 1; 13 - Папушево 8; 14 - Ибердус 2; 15 - Затонная; 16 - Лебяжий Бор 6; 17 - Мыс Доброй Надежды, городище; 18 - Мыс Доброй Надежды 2; 19 - Мыс Доброй Надежды 5; 20 - Имерка I-Б; 21 - Имерка II; 22 - Имерка III; 23 - Имерка X; 24 - Волгапино

няя западная точка распространения волосовской культуры на Оке. Известны волосовские стоянки близ устья р. Пры и на прилегающих к нему участках долины Оки (Папушево 8, Одоевские фермы, Ибердус 2), а также в нижнем и среднем течениях Мокши и Цны. Значительное скопление волосовских памятников отмечено лишь в Озерной Мещере.

Периодизация и хронология волосовских памятников Средней Оки не разработана. Так, И. К. Цветкова и А. Е. Кравцов относят нижний волосовский слой Владычинской стоянки к раннему этапу волосовской культуры [15], а О. Н. Бадер, В. В. Сидоров, А. В. Энговатова – к среднему [4, с. 62].

Однако, исходя из имеющихся данных [4, с. 64; 16, с. 33-41; 17, с. 63-81; 18, с. 5-19], можно говорить о залегании волосовской керамики в целом ниже дубровичской. Причем волосовские комплексы середины III тыс. до н.э. существуют без каких-либо дубровичских и шагарских воздействий. В то же время имеющиеся стратиграфические данные противоречат фактам хорошо прослеживаемой взаимосвязи, регулярных контактов и взаимовлияния этих культур в более позднее время, свидетельствующим о хотя бы частичной их синхронности. Окончательно этот вопрос может быть решен только при использовании серийного радиоуглеродного датирования памятников волосовской, дубровичской, имеркской и шагарской культур.

Волосовская керамика четвертого слоя Владычинской стоянки характеризуется преобладанием простых непрофилированных форм шеек сосудов, отсутствием Т-образных и хорошо выраженных Г-образных венчиков, наличием округлых и изредка уплощенных днищ. Такие же особенности имеет и волосовская керамика из длинных жилищ стоянки Шагара 1. На стоянке Совка 2, в третьем слое Владычинской стоянки волосовская керамика отличается более сложными, профилированными шейками, появлением Т- и Г-образных венчиков, наличием уплощенных и плоских днищ [15, с. 82-95].

Новая волна миграции на Среднюю Оку, связанная с племенами боевых топоров (среднеднепровская культура), в последней четверти III тыс. до н.э. окончательно смела остатки поздневолосовского населения и привела к формированию шагарской культуры.

Шагарская культура (рис. 3)

Формирование шагарской культуры, по всей видимости, происходило в Озерной Мещере. Именно здесь выявлена своеобразная компактная группа памятников, расположенная на самых высоких гипсометрических уровнях, примыкающих к озерам. Такое высокое положение выделяет их из памятников как предшествующего, так и последующего времени. Отмечается их очевидная приуроченность к протокам, соединяющим озера, или зауженным местам озер со слабым течением (Шагара 5, Тюков Городок, Тюрвищи 3,

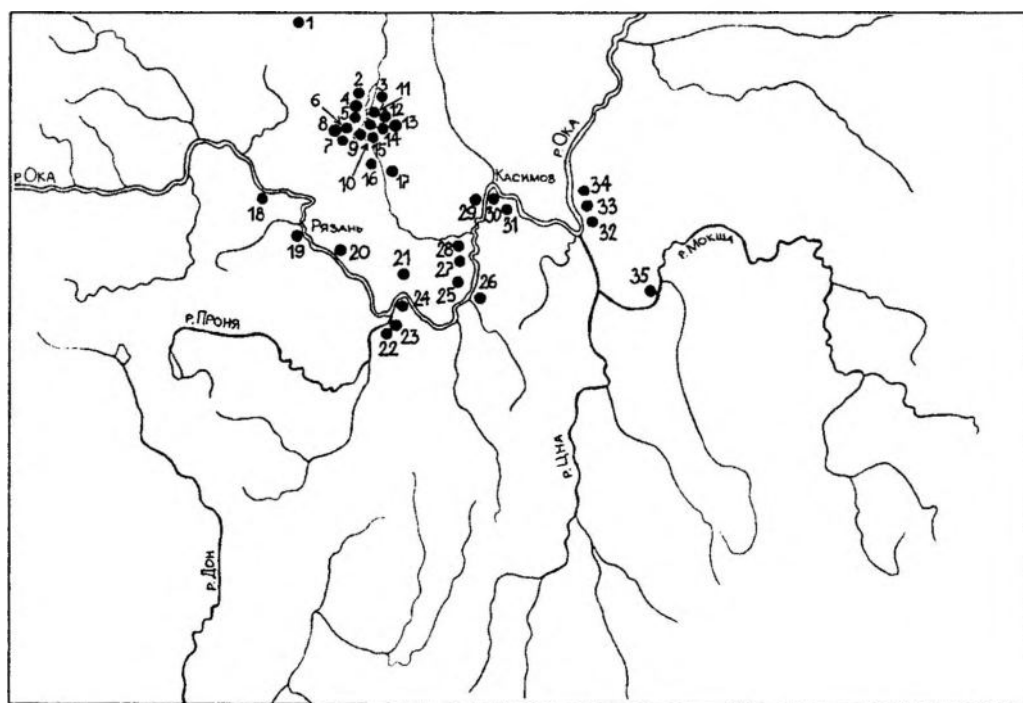

Рис. 3. Памятники шагарской культуры:

- 1 - Воймежное 1; 2 - Коренец 1; 3 - Подсвятье 3; 4 - Великодворье 1; 5 - Беломутово 2;
- 6 - Черная Гора; 7 - Тюков Городок; 8 - Чебукино; 9 - Владычинская-Береговая 1;
- 10 - Ивановское охотхозяйство; 11 - Тюрвищи 3; 12 - Шагара 1; 13 - Шагарский могильник;
- 14 - Шагара 5; 15 - Шагара 3; 16 - Городской парк; 17 - Совка 2; 18 - Большой Лес 2;
- 19 - Борковская 2; 20 - Дубровичская 2; 21 - Городецкое городище; 22 - Засече 3;
- 23 - Засеченский могильник; 24 - Северный мыс Старой Рязани; 25 - Одоевские фермы 1;
- 26 - Тырново 3; 27 - Городковичи 4; 28 - Папушево 9; 29 - Ибердус 1; 30 - Затонная;
- 31 - Последняя избушка; 32 - Сенин пчельник 1; 33 - Шентерский бор 2; 34 - Сунтриха; 35 - Кокуй

Ивановское охотхозяйство). Жилища на этих поселениях расположены компактно, на небольшом расстоянии друг от друга. Культурный слой, имеющий на жилых площадках значительную мощность, за их пределами резко выклинивается. Столь четкое ограничение жилых площадок и небольшие размеры поселений позволяют предположить, что они были защищены оборонительными сооружениями типа частокола. Самые ранние радиоуглеродные даты (Шагара 5 – 4110 ± 60 , 4170 ± 120 ; Тюрвищи 3 – 4070 ± 80 ; Ивановское охотхозяйство 2 – 3980 ± 70 л.н.), полученные для слоев этих поселений, позволяют отнести время их возникновения к 4-й четв. III тыс. до н.э. Позднее (XX-XVIII вв. до н.э.) на памятниках шагарского типа возникают более сложные оборонительные сооружения в виде валов и рвов (Шагара 5, Тюков Городок).

Шагарская керамика – преимущественно тонкостенная, с примесью песка и в меньшей степени – органики. Внешняя поверхность, как правило, хорошо заглажена или подлошена. На поселенческих комплексах выделяется несколько форм сосудов: 1. Сосуды открытой котловидной формы с непрофилированной или слабопрофилированной верхней частью, слегка выпуклыми стенками, с круглыми или небольшими уплощенными днищами (Тюрвищи 3, Шагара 5). 2. Сосуды с S-видным профилем или высокой слегка отогнутой наружу шейкой, переходящей в покатые плечики и яйцевидное тулово. Венчики иногда утолщены, приобретая форму валиков или «воротничков» (Шагара 5, Засечье 3, Фефелов Бор). 3. Сосуды с высокими вертикальными или слегка отогнутыми наружу шейками, хорошо выраженными плечиками, переходящими в выпуклое тулово, с плоским дном (Совка 2, Беломутово 3, Тюков Городок, Шагара 5). Орнамент на таких сосудах более разрежен, представлен диагональными и горизонтальными рядами, треугольниками, зигзагами, выполненными наколами, короткими нарезками, отпечатками зубчатого штампа [19, с.27-57].

Среди сосудов Шагарского могильника есть формы, близкие поселенческим, но появляются и другие: 1. Банкообразные; 2. Усеченно-конические; 3. С хорошо профилированной шейкой, подчеркнутыми плечиками, раздутым туловом. У некоторых сосудов намечается ребро по плечикам или в средней части тулова [19, с.30, рис.3: 2,4-11].

По данным Е.Д.Каверзневой, детально проанализировавшей орнаментацию шагарской керамики, чаще всего применялись отпечатки гребенчатого (19,9-49,5% – поселения, 26,0% – могильник) и прямоугольного (2,8-41,7% – поселения, 10,0% – могильник) штампов; нарезки (24,6-30,6% – поселения, 26,0% – могильник); ямки разных форм и наколы (6,8-21,6% – поселения; 16,0% – могильник); лапчатый орнамент даже в трансформированном виде встречается крайне редко [19, с.36-47]. Другие технические приемы орнаментации (отпечатки веревочки и шнура) на одних шагарских поселениях (Шагара 5, Тюрвищи 3) использовались редко, но на других (Тюков Городок) орнаментация веревочными оттисками применялась очень широко. Такие элементы орнамента, как защипы, треугольные вдавления, короткие оттиски гребенчатого штампа, образующие ромб, встречены только на сосудах Шагарского могильника.

Наиболее характерной чертой шагарской керамики является орнаментация в виде коротких вертикальных или слегка наклонных оттисков гребенчатого, плоского, прямоугольного с неровным краем штампов, реже – нарезок, образующих горизонтальные, диагональные или вертикальные полосы, а также горизонтальную, реже вертикальную елочку. Такая орнаментация имеется на 80% поселенческой (Шагара 5, Тюрвищи 3) и 60% керамики Шагарского могильника. Среди других видов орнаментации относительно часто применялись пояски уголков в одну или две линии, повернутых вершинами друг к другу (3,5-11,4% – поселения; 1,8% – могильник); ломаная линия или горизонтальный зигзаг (поселения – 2,2-6,8%, могильник – 1,8%); флажковый орнамент (поселения – 0,4-5,0%, могильник – 2,8%).

Для кремневого инвентаря шагарских памятников характерны орудия на широких пластинах и пластинчатых отщепках [18, с.11,13]. На таких отщепках сделаны ножи, причем ретушь нанесена по всему периметру отщепов или же только по одному краю. У сверл ретушь оформлена только рабочие концы, но встречаются и сверла миндалевидной формы, аналогичные дубровицким. Скребки – разных форм, но преобладают с прямыми рабочими краями. Наконечники стрел преимущественно небольшие, до 4 см длиной, листовидные, иволистные, ромбические. В целом кремневый инвентарь шагарских памятников имеет хорошо выраженный энеолитический или раннебронзовый облик. Обращает на себя внимание большое количество орудий на крупных пластинах и отщепках, что свойственно таким культурам, как волосовская, дубровицкая, среднеднепровская, фатьяновская. В то же время разница между волосовско-дубровицким кремневым инвентарем и шагарским очень большая. Из кремневых изделий, найденных на шагарских памятниках, выделяются 10 наконечников стрел и дротиков, происходящих из насыпи вала и заполнения рва на поселении Шагара 5 [18, с.13, рис.3:25-32]. Многие из них имеют обломанные насад или острие. Это преимущественно стрелы: тонкие, иволистные и лавролистные, обоюдоострые или с намечающимся черешком. Здесь же найдены клиновидный, линзовидный в сечении топорик со шлифованным рабочим концом и наконечник дротика с подтреугольным черешком, а в гумусном заполнении рва – фрагменты чело-веческих черепов и ключица. Близость по форме большинства наконечников стрел волосовским и дубровицким позволяет предположить, что на поселение Шагара 5 было совершено нападение представителями одной из этих племенных групп. Данные радиоуглеродного анализа помещают это событие в XIX в. до н.э.

Е.Д.Каверзнева относит к ранним шагарским памятникам и длинные жилища, обнаруженные на стоянке Шагара 1, имеющие две радиоуглеродные даты: 4310 ± 60 ; 4660 ± 120 л.н. Керамика со дна этих жилищ, по мнению Е.Д.Каверзневой, обнаруживает несомненную близость керамике других шагарских поселений, но она более толстостенная, с растительной примесью, иногда примесью толченой раковины. Формы шеек простые, непрофилированные или слабопрофилированные, днища круглые. Один полностью ре-

конструированный сосуд имеет котлообразную форму и округлое днище. Орнамент на керамике из длинных жилищ выполнен преимущественно теми же элементами, что и на керамике других шагарских памятников, но элементы более крупные, чем на собственно шагарской керамике. Степень сходства между керамикой длинных жилищ Шагары I и керамикой других шагарских поселений, вычисленная по индексу родственности, несколько ниже, чем между керамикой собственно шагарских поселений [19, с.47-48], что не позволяет безоговорочно признавать генетическую связь между ними. В то же время близость между этими комплексами несомненна, и, с нашей точки зрения, Е.Д. Каверзнева права, называя эту керамику протошагарской [18, с.16]. Характерно отсутствие какого-либо волосовского воздействия на формирование этого комплекса и, по-видимому, весьма ограниченное, если и имело место, – дубровничского.

Исходя из суммы имеющихся у нас данных, можно наметить следующую периодизацию памятников шагарского типа.

Протошагарский этап – 3-я четв. III тыс. до н.э. – длинные жилища Шагары I.

Ранний этап – XXII-XX вв. до н.э. – преобладание широтных связей, сильное среднеднепровское влияние (Шагара 5, слой под валом; Тюрвищи 3, Ивановское охотхозяйство).

Поздний этап – XIX-XVII вв. до н.э. – синкретическая культура со многими составляющими при преобладании меридиональных связей (Шагарский и Одоевский могильники, Тюков Городок).

Отсутствуют сколько-нибудь ощутимые следы влияния со стороны волосовской и слабо прослеживаются – со стороны дубровничской керамических традиций. Волосовская керамика и шагарская имеют между собой общего гораздо меньше, чем волосовская и дубровничская. Находки волосовской керамики на шагарских памятниках отсутствуют или единичны, нет и гибридных шагарско-волосовских форм.

Воздействие со стороны дубровничской керамической традиции сказывается в некоторых композициях построения орнамента, довольно частом употреблении ямчатой орнаментации. Веревоочный орнамент в различных проявлениях, по-видимому, также унаследован от дубровничской, но характерен и для среднеднепровской культуры.

На раннем этапе шагарская культура предстает в наиболее чистом виде. Материалы ее памятников практически монокультурны и содержат комплексы, очень близкие поселенческим среднеднепровским. Керамика поселений среднеднепровской культуры остается малоизученной, а именно с поселенческой керамикой больше всего аналогий у керамики шагарского типа раннего этапа (XXII-XIX вв. до н.э.) [20, с.39; с.168, рис.12: 22-35].

От дубровничской керамики наследуется прежде всего ряд общих элементов, мотивы и особенно система расположения орнамента, в ряде случаев – композиционное построение. Однако основной признак дубровничской керамики – лапчатая орнаментация – даже в трансформированном виде встречается чрезвычайно редко. За признаки взаимовлияния двух культур можно принять наличие синкретических керамических комплексов на ряде памятников (Беломутово 3, Большой Лес 2) [16].

Отмеченные Е.Д.Каверзневой общие черты шагарской керамики с верхневолжской и ранней волосовской [19, с. 51,53,54] можно расценить как реминисцентные явления, перешедшие к шагарским опосредствованно через дубровничскую культуру.

Вопрос о сосуществовании, хотя бы и кратковременном, волосовских, дубровничских и шагарских памятников в Озерной Мещере уже ставился [18, с.18-19]. Если для волосовской и дубровничской культур он решается положительно, то для волосовской и шагарской сосуществование вполне вероятно, хотя прямых доказательств этому пока нет. В любом случае, по-видимому, уже к началу II тыс. до н.э. волосовское население было полностью вытеснено из бассейна Средней Оки.

Таким образом, энеолит бассейна Средней Оки характеризуется относительным культурным единством территории. Основной культурой является дубровничская, которая активно взаимодействует с волосовской и имеркской, образуя в пограничных районах культуру смешанного населения (Озерная Мещера, касимовское течение Оки). В энеолите преобладали широтные связи, основная ориентация контактов для западной части Среднего Поочья была западной и юго-западной (верхнеднепровская культура), но достаточно отчетливые связи прослеживаются с имеркской культурой. Крупные перемещения населения происходят преимущественно с запада на восток. Средняя Ока является восточным форпостом распространения лапчатой керамики, широко представленной в неолите и энеолите Подесенья, на Верхнем Днепре.

Отмеченные миграции, взаимосвязи не были одноразовым явлением. Последствия миграций и связей различны: от небольших изменений в форме синтеза культур до полной трансформации, как правило, приводящей к появлению новых культур и изменению этнокультурной карты региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидоров В.В. Трансформации и миграции культур каменного века лесной зоны Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998.
2. Воронин К.В. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998.
3. Филомеев Б.А. Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.1. Рязань, 1992.
4. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.
5. Городцов В.А. Жилища неолитической эпохи в долине р.Оки в связи с открытиями в окрестностях с.Дубровичи Рязанского уезда // Труды VIII Археологического съезда. Т.3. М., 1897.

6. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы / Б.А.Фоломеев, А.Л.Александровский, М.П. Гласко, М.И. Гоняный, М.А.Гуман // Тр.ГИМ. Вып.73.Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990.
7. Тюрина И.М. К вопросу о неолите Смоленщины // КСИА. Вып. 126. 1971.
8. Тюрина И.М. Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья // МИА. № 172.Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. М., 1973.
9. Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.
10. Ситков А.Т. О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк, 1996.
11. Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.
12. Бадер О.Н. Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе // СА. 1971. № 1.
13. Королев А.И. Поселение Волгаино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
14. Чеделя В.П., Ставицкий В.В. Многослойное поселение Лебяжий Бор 6 на Нижней Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.
15. Цветкова И.К., Кравцов А.Е. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая 1 // СА. 1982. № 2.
16. Фоломеев Б.А. К вопросу о памятниках «дубровничского типа» в бассейне Средней Оки // КСИА. Вып. 141. 1975.
17. Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Гуман М.А. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке // СА. 1979. № 3.
18. Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы Озерной Мещеры // Тр.ГИМ. Вып.96. Археологический сборник. М., 1998.
19. Каверзнева Е.Д. Керамика Озерной Мещеры эпохи энеолита – ранней бронзы // Тр.ГИМ. Вып.85. Древности Оки. М., 1994.
20. Артемченко И.И. Культуры инуровой керамики: Среднеднепровская, подкарпатская, городокско-здолбицкая, стжижковская // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

*Государственный Исторический музей,
Москва*

*Специализированная научно-производственная
группа по охране, учету и использованию
памятников истории и культуры
Рязанской области,
Рязань*

B.A. Folomeyev, V.P. Chelyapov

THE ETHNIC-CULTURAL SITUATION IN THE MIDDLE OKA RIVER BASIN IN THE ENEOLITHIC (Middle of the 3rd Millenium – Border of the 3rd - 2nd Millenia BC)

Summary

The presented article is devoted to the analysis of the ethnic – cultural situation in the middle Oka River basin in the Eneolithic.

Two main directions in development are traced in the material culture of the described region in the time: the first one is characterized with the appearance of the population of the wood zone, the second one is connected with the penetration of the southern cultures there. The monuments representing those traditions do not form geographically homogeneous areas of their spreading, but they give evidence of the alternate existence. The penetration of the bearers of the southern Eneolithic traditions into the wood zone did not influence noticeably its population. Evidently the alien environment was an impediment for that. The development of the local culture had two tendencies: the first one was the transformation of the local traditions, the second one was the absorption of new comers ones. The similar features can be explained by the similarity of the stages of development of two cultures.

*«The State Historical Museum» Association
1 / 2, Krasnaya Sq.,
Moscow, 103012, Russia*

*Specialized Scientific-Production Group for
Protection, Inventory-Making and Usage of the Monuments
of History and Culture of Ryazan` Region
31, Lenin St., Ryazan`,
390000, Russia*

А.С. Алешинская, Е.А. Спиридонова

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (по палинологическим данным)

Изучение особенностей динамики природных процессов имеет огромное значение для установления основных закономерностей формирования геосистем в прошлом и настоящем. Особую роль в этом играет изучение направленности ландшафтно-климатических изменений голоцена – достаточно близкого к нам времени и, вместе с тем, связанного с различными этапами формирования археологических эпох и культур. Знание ландшафтно-климатических изменений прошлого поможет также лучше понять образ жизни и деятельности древнего человека.

В Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН последовательно изучалась эволюция природной среды голоцена таких крупных регионов, как Волго-Уральское и Волго-Окское междуречья, а также в целом бореальной и аридной зон европейской части России [1-3]. За последние несколько лет в лаборатории проведена большая работа по восстановлению природной среды лесной зоны в эпоху бронзы, поскольку эта эпоха является не только одним из наиболее сложных периодов голоцена, но и во многих отношениях определяющей при установлении дальнейших крупных социально-экономических изменений в недрах первобытно-общинного строя.

Особое внимание в этой работе было обращено на кризисные события природной среды, которые отразились на жизнедеятельности племен эпохи бронзы¹.

К настоящему времени накоплено большое количество абсолютных дат и проведено исследований по палеогеографии и геологии для суббореального периода лесной зоны. Но все они лишь в небольшой степени могут быть использованы для детальных реконструкций природной среды. Это связано с тем, что как в геологии, так и в палеогеографии изучаются большие интервалы времени: в пределах либо суббореального периода в целом, либо его отдельных довольно продолжительных этапов. При таком подходе восстановленная природная среда будет охватывать большой промежуток времени, в течение которого могли произойти различные экологические события и смениться несколько культур эпохи бронзы. Даже в наиболее полном исследовании голоцена Северной Евразии Н.А.Хотинского [4] окончательно не решен вопрос о роли пограничного горизонта в верховых торфяниках как индикатора общеклиматических изменений и его временных рамках. Кроме того, по фактическому материалу, приведенному в его работе, считается, что нигде не отмечается сколько-нибудь значительного сдвига границ между лесом и степью по всему южному краю Русской равнины.

Чтобы детально реконструировать окружающую среду, в которой жили различные племена, выявить сложную динамику изменения природной обстановки и скоррелировать ее основные моменты со сменой материальных культур эпохи бронзы, необходим был совершенно новый подход к изучению как естественных разрезов, так и археологических памятников.

Такая методика была разработана в Лаборатории естественно-научных методов и успешно использована при изучении мезолитических и неолитических стоянок на Дону, в Волго-Уральском и Волго-Окском междуречьях. Также она была применена и для создания ландшафтно-климатической шкалы эпохи бронзы степной зоны.

В ее основе лежат палинологические исследования, которые проводятся по серии детально отобранных по разрезам образцов. Кроме того, для более точной стратиграфической привязки культурного слоя на одном и том же памятнике изучается, как правило, несколько разрезов. Для каждого разреза строятся диаграммы, на которых выделяются спорово-пыльцевые комплексы. Затем по результатам исследования всех разрезов по одной стоянке составляется сводная корреляционная таблица, где выделяются общие для всех разрезов палинологические зоны и указываются все имеющиеся даты абсолютного возраста. Каждая такая палинозона дает характеристику зонального типа растительности для временного интервала в 100-200 лет.

Кроме этого при восстановлении условий внешней среды на территории стоянок учитываются особенности седиментации отложений и геоморфологическое положение поселений, где на формирование палинологических спектров иногда большее влияние оказывает специфическая, локальная растительность за-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 98-06-80006.

болоченных территорий или песчаных дюн, чем зональные формации региона. Помимо образцов на спорово-пыльцевой анализ в органосодержащих прослоях отбирались пробы на радиоуглеродное датирование.

Для более объективного восстановления палеоландшафтов на стоянках древнего человека необходимо было проводить постоянное сопоставление палеоботанических материалов, полученных непосредственно по археологическим памятникам, с результатами исследований по естественным разрезам вблизи поселений, отражающими в большей степени зональный тип растительности.

Нельзя не отметить также в целом взаимосвязь природного комплекса лесной зоны с состоянием водных бассейнов Балтийского, Белого и Баренцева морей, куда впадает большинство северных рек, а также Ладожского, Онежского и других крупных озер. Трансгрессии и регрессии этих водоемов также определяли основные климатические изменения, о которых будет сказано ниже, и существенно влияли на жизнь людей, обитающих вдоль их побережий и долин рек.

Дальнейшая корреляция результатов, полученных уже по отдельным стоянкам и естественным разрезам, позволяет дать общую картину изменения растительности для более крупного региона, например, для Волго-Окского междуречья или для всей лесной зоны, как это будет представлено ниже.

Наибольшее количество фактического материала получено за последние годы в Лаборатории естественно-научных методов по Волго-Окскому междуречью: по стоянкам Замостье, Ивановские, Воймежное, Песочное. По этим поселениям было изучено около 20 разрезов и проанализировано более 400 образцов, а также использованы литературные источники. Кроме этого палинологическим методом был исследован ряд памятников эпохи бронзы Республики Марий Эл.

На основании имеющегося палинологического материала, данных абсолютного возраста была составлена таблица, которая позволяет определить характер изменений растительного покрова лесной зоны от конца раннего суббореала до конца всего суббореального периода. Для этого промежутка времени выделено 20 комплексов растительных сообществ, краткое описание которых, а также данные абсолютного датирования приводятся в таблице.

В ходе этих изменений можно выделить два этапа: 1 - этап глобальных глубоких кратковременных изменений природного комплекса, который включает в себя с 20 по 8 комплексы, и 2 - этап кратковременных фаз потепления на фоне общего похолодания климата голоцена (7 - 1 комплексы).

Столь подробная таблица позволяет увидеть даже незначительные изменения в составе растительности, происходящие в природе, с интервалом в 100 лет.

Чтобы понять природные процессы, происходившие в суббореале, необходимо обратиться к условиям, которые сложились в лесной зоне на более ранних этапах голоцена.

На протяжении второй половины неолита и энеолита на большей части территории Восточной Европы, особенно в ее западных областях, создавались благоприятные климатические условия для жизни людей. В это время не наблюдалось резких изменений климата, отсутствовали засухи или, наоборот, наводнения и другие серьезные природные катаклизмы.

Интервал 6000 - 4200 л.н. был временем позднеатлантического климатического оптимума, захватившего и первую половину суббореального периода. Именно в это время лесные сообщества проникали максимально далеко на юг в западные районы Восточной Европы и были широко распространены не только в пределах долин рек, но и на плакорах. Это видно на карте растительности, составленной на ср. 5800-5400 л.н.

В поймах крупных западных рек росли широколиственные леса из липы, дуба, ильма, ольхи с лещиной и другими кустарниками в подлеске.

В то же время на востоке среднеазиатские воздушные массы глубоко проникали на север и препятствовали продвижению западных влажных и более умеренных в отношении тепла атлантических воздушных потоков, поэтому здесь происходило увеличение зоны степей. Запад же находился под влиянием влажного атлантического фронта, который способствовал расширению к югу зоны широколиственных лесов.

После 4200 л.н. происходит резкая аридизация климата. Понижаются летние температуры, понижаются зимние, уменьшается количество выпадающих осадков. Эти изменения совершенно по-разному отразились в северных и южных районах лесной зоны. Увеличение продолжительности вегетационного периода было благом для северных районов, в то время как в южных пределах лесной зоны все это вызывало значительное сокращение площадей, занятых лесом, а также влаголюбивых разнотравных лугов. Это было первое в голоцене существенное остепнение на западе не только плакорных территорий, но и долин, где значительно упал уровень воды в реках и сократилась облесенность придолинных пространств. Эти климатические изменения представляются весьма существенными особенно для западных областей Восточной Европы, поскольку в более восточных районах эти условия с небольшими колебаниями уже существовали всю вторую половину атлантического периода. Тем не менее, и здесь они существенно ухудшились: чаще повторялись засухи, понижался уровень воды в реках, а возможно, они и совсем пересыхали.

Такие климатические изменения не могли не отразиться на жизни как западных, так и восточных племен, и, вероятно, способствовали миграции населения из южных областей на север в лесную зону.

Вполне закономерно, что первоначально миграционная волна западных племен шла на север, в более западные районы, где выше океаничность климата и более близкие к привычным условия жизни, а затем только частично на северо-восток.

На представленной таблице видно, что уже начиная с 4450 л.н. прослеживается уменьшение общей увлажненности климата и повышение теплообеспеченности региона. В составе однообразных хвойных лесов,

Таблица. Радиохронология основных комплексов растительных сообществ лесной зоны Европейской России

Комплекс растительных сообществ	Район исследований ^{*)}	Абсолютный возраст по ¹⁴ C (л. н.)	Полиэкологические зоны
1	б	2550 ± 50	сосна, ель
	в	2560 ± 70	ель
2	а	2608 ± 90	сосна, ель
	в	2630 ± 40	сосна, ель, береза
3	в	2700 ± 40	сосна, береза, единично широколиственные породы
4	в	2875 ± 120	ель при незначительном участии березы и сосны
	в	2885 ± 180	ель при незначительном участии сосны и березы
5	в	2900 ± 40	ольха, сосна с незначительным участием березы и широколиственных пород
6	а	3060 ± 60	береза
	а	3050 ± 60	береза, сосна
7	г	3130 ± 150	сосна при высоком участии папоротников и трав
	а	3190 ± 100	сосна
	в	3180 ± 40	сосна, ель с незначительным участием ольхи и березы
8	а	3200 ± 190	ель при значительном участии сосны
	г	3270 ± 60	ель и сосна
	г	3210 ± 150	сосна и ель
9	а	3360 ± 150	ель и сосна
	в	3340 ± 30	сосна с участием ели и незначительным участием ольхи и березы
10	а	3400 ± 150	береза, сосна с участием широколиственных пород
		3420 ± 50	
	в	3470 ± 300	береза при значительном участии широколиственных пород, присутствует <i>Ephedra</i>
11	б		береза при высоком участии трав
	а	3500 ± 70	ель, сосна
	в	3570 ± 40	сосна с участием ели, ольхи, березы и незначительным участием широколиственных пород
12	а	3560 ± 60	ель, сосна с участием широколиственных пород, ольхи и березы
	в	3590 ± 60	ель, ольха, сосна
	а	3650 ± 80	сосна, береза при участии ели
13	в	3610 ± 70	сосна, ель, ольха, единично широколиственные породы
	б	3690 ± 60	сосна, ель, ольха и широколиственные породы
	б	3640 ± 70	ольха при участии сосны и ели
	б	3685 ± 80	
14	а	3730 ± 200	береза, ольха, ель
	в	3790 ± 50	береза, ель, ольха
	б	3770 ± 60	ольха с участием широколиственных пород
	в	3770 ± 60	ольха с участием широколиственных пород, сосны и ели
15	г	3890 ± 100	береза с участием сосны, липы, есть признаки остепнения
	в	3860 ± 40	ольха, береза с участием широколиственных пород
		3870 ± 60	
аб	3800 ± 50	сосна, широколиственные породы, ольха и ель	
16	в	3820 ± 190	ольха, береза с участием широколиственных пород
		3905 ± 70	
17	в	3990 ± 60	ольха с участием широколиственных пород, сосны и ели
		4000 ± 60	
18	а	4030 ± 50	сосна с участием березы, ольхи и широколиственных пород
		4125 ± 135	
19	в	4170 ± 130	ель, сосна с участием широколиственных пород, ольхи и березы
		4200 ± 50	
20	а	4200 ± 90	сосна, ель с участием ольхи, березы и широколиственных пород
		4350 ± 60	
21	б	4390 ± 130	сосна с участием ели, березы и незначительным участием широколиственных пород
		4450 ± 40	

^{*)} Район исследований: а - Ладога-Карело-Печорский; б - Прибалтийско-Ильменский; в - Волго-Окский; г - Волго-Камский

которые господствовали почти на всей территории лесной зоны, вновь появляются широколиственные породы (вяз, липа, дуб). Основным преобразованием на данном этапе явилось появление или увеличение их.

Дальнейшее потепление климата продолжается примерно до 3900 л.н., достигая своего максимума. Это потепление отчетливо фиксируется для всех районов лесной зоны.

Раньше всего перестройка растительного покрова произошла на юге и юго-западе лесной зоны, где на первом этапе была значительна лесообразующая роль сосны, так как сосна лучше других пород переносит засуху. На диаграммах юго-востока, в Предуралье, а также в верховьях Днепра и Дона (разрез Лупишки) отмечается значительное сокращение площадей, занятых лесом. В Прибалтике условия сухости климата из-за влияния Атлантики сказывались меньше, поэтому там на диаграммах по ранним памятникам фатьяновской культуры Швянтойни (почти на берегу Балтики) и Лагажа (Лубанская низина) помимо сосны отмечается много ольхи, березы и таких широколиственных пород, как вяз и липа.

В Прибеломорье и Карелии происходит сокращение болотных массивов, образование пограничных горизонтов на некоторых торфяниках. В это время по низинам, вдоль ручьев и речек произрастают черноольшатники. На водораздельных пространствах увеличивается участие широколиственных пород, вплоть до их господства. В зоне смешанных лесов липа является главной примесью к хвойным породам. В липовых лесах на открытых полянах, которых стало больше, развивается типичная луговая растительность, представленная, помимо злаков, большим количеством мезофильного разнотравья.

В более западных районах возрастает роль дуба и ясеня. Такие условия существовали в период бытования людей на поселениях в пределах Лубанской низины, а также на берегах озер Псковской области – в Усвятах и Наумове [5].

На юго-востоке территории (по р. Сюнь, на ручье Азяк, а также по р. Белой чуть севернее г. Уфы) в лесах не только резко возросло участие липы, но и появилось много лесных полян и открытых пространств, где фиксируется присутствие эфедры, маревых и полыней – постоянных спутников степей.

С 15-м комплексом, когда отмечается максимум потепления, связано образование культурного слоя с фатьяноидной посудой на стоянке Ивановское IV, где в это время наблюдается максимальное обмеление озера.

Второе потепление (и увеличение сухости) начинается с 13-го комплекса (абсолютный возраст 3730 ± 200 - 3770 ± 60 л.н.) и достигает максимума к концу 10-го комплекса (3400 л.н.). Оно было более кратковременным, но отличалось более засушливыми условиями, которые способствовали значительному увеличению роли березы и сосны во всех регионах с различной долей широколиственных пород. Наиболее разнообразным состав широколиственных пород был на западе лесной зоны, а также в более южных ее областях: на борových террасах рек Десны, Цны, Мокши, Суры. К востоку происходит его обеднение: здесь чаще представлена только липа. Южная граница леса сдвигалась к северу. В самых засушливых местообитаниях появляется типичная степная растительность. Отличительной чертой данного теплого этапа от XIX-XVIII вв. до н.э. является его значительно большая сухость, которая препятствовала широкому развитию черноольшатников.

К этому интервалу приурочено довольно много памятников. Это стоянки в пределах Лубанской низины, в Прибеломорье (Золотец VI и Золотец IV), культурный слой на Тюковом Городке, поселениях Шагара 5, Шагара I в Озерной Мещере, Усвяты, верхний слой на стоянке Наумово на Псковщине.

В течение XVI в. до н.э. формирование культурного слоя происходило на стоянках Ивановское IV (разрез 1), Ивановское V, а также в Приладожье. В Озерной Мещере известен могильник на поселении Шагара I.

На рубеже II и I тыс. до н.э. начинается новая миграционная волна – уже с севера на юг, связанная с проникновением в бассейн Средней Оки племен-носителей “сетчатой керамики”. В дальнейшем эти племена широко распространились в основном по долинам рек и просуществовали до конца эпохи бронзы.

Эта миграционная волна совпала с существенным похолоданием климата, которое пришлось на 3200 л.н.

С этого времени наибольшее развитие получают еловые леса с примесью сосны, а в более южных и западных областях – с различными широколиственными породами с богатым кустарниковым подлеском. К северу состав еловых лесов становится более однородным, а сомкнутость выше, практически они превращаются в непроходимые чащобы. В условиях избыточного застойного увлажнения возрастала также роль болотных массивов. Все это, по-видимому, и способствовало миграции населения с севера на юг.

Таким образом, это столетие было переломным в плане общей структуры и состава растительных группировок. Это было время значительной деградации элементов широколиственного леса и становления темнохвойной тайги на большей части лесной зоны Европейской России.

К этому периоду приурочены культурные слои на стоянках Песочная 1 (разрез 2), где дата по C-14 составляет 3350 ± 90 л.н. На стоянке Ивановское V в Ярославской области прослой торфа имеет возраст 3340 ± 30 л.н. В Озерной Мещере верхняя засыпка вала на Тюковом Городке имеет по углю дату 3230 ± 120 л.н. Культурный слой стоянки Зуевы Ключи на р. Каме датирован 3210 ± 150 л.н.

Следующий комплекс 7 соответствует очень незначительному потеплению климата по сравнению с предыдущим этапом похолодания, который практически завершил ксеротермический период суббореала.

В это время самыми распространенными лесами стали среднетаежные и южно-таежные сосняки.

На протяжении последующих 200 лет происходит дальнейшее некоторое потепление, с которым связано увеличение не только березы и сосны, но и черной ольхи.

Это один из наиболее богатых в экологическом и флористическом отношении этапов позднего суббореала. Значительное распространение в это время получили березово-сосновые леса. Однако в местах с избы-

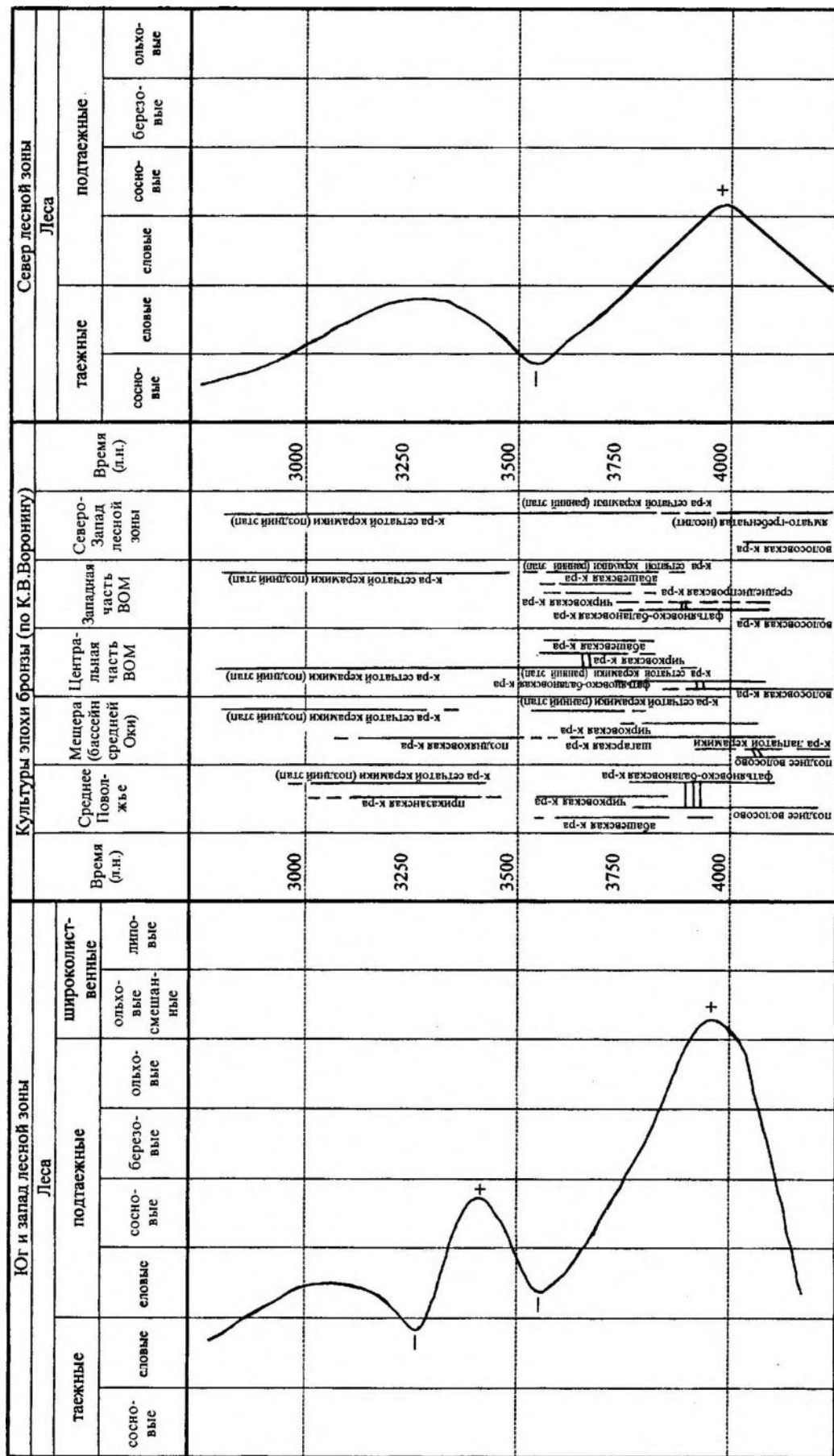

Рис.1. Изменения растительности лесной зоны в эпоху бронзы (ВОМ - Волго-Окское междуречье; к-ра - культура)

точным увлажнением помимо основных пород широкое развитие получает черная ольха. Из кустарников характерны лещина, калина, рябина. В менее сомкнутых лесах высоко участие папоротников. В более южных областях в древостое участвует липа.

Черноольховые леса наибольшие площади занимали в поймах рек или по окрайкам болот и мелких озер. В поймах низовий р. Камы и Белой появляются даже степные сообщества.

С этим интервалом времени связаны культурные слои на стоянке Воймежная 2, абсолютный возраст его оказался 2900 ± 40 л.н. Культурный слой с сетчатой керамикой на Шишкинском городище имеет абсолютный возраст 2920 ± 60 л.н. и на Городецком городище – 2970 ± 70 л.н.

Остальные выделенные потепления и похолодания не вызывали столь резкой перестройки в составе растительных сообществ, и, по-видимому, в меньшей степени оказывали влияние на жизнь людей.

На основании всех полученных данных были построены сводные кривые изменения растительности: одна для южных и западных, другая для северных районов лесной зоны, которые были сопоставлены с различными культурами эпохи бронзы, детально изученными К.В.Ворониным [6-7] (рис.1). На рисунке отчетливо видно, что кривая изменения растительности для южных и западных районов имеет ярко выраженные пики и более сложный характер самих сукцессий. Здесь представлены практически все типы лесов:

от широколиственных до таежных различного состава. В то же время для северной части лесной зоны характерна более сглаженная кривая, на которой представлены только таежные и подтаежные хвойные леса.

При сравнении этих кривых с кривой изменения растительности степной зоны мы видим, что основные пики изменений прослеживаются и здесь, но изменения растительности степей выражены еще более отчетливо и резко (рис.2). Все эти различия связаны, по-видимому, с определенным консерватизмом лесных формаций. Ведь для того чтобы сменился состав леса, должно пройти продолжительное время (с учетом скорости роста деревьев), а растительный покров степей может измениться даже за один год. Несмотря на все эти отличия, на всех представленных графиках отчетливо прослеживаются и совпадают по времени основные этапы как потепления, так и похолодания климата.

Важно также отметить, что резкие и быстрые изменения природной среды приводили к смене материальной культуры. По существу, на данной территории создавались кризисные экологические условия, в которых человек с прежним ведением хозяйства существовать уже не мог и вынужден был мигрировать.

Таким образом, мы видим, что все основные этапы климатических изменений синхронны для степной и лесной зон, но результаты этих изменений, с экологической точки зрения, могут быть совершенно различны даже для разных районов лесной зоны.

Так, аридизация (4200 л.н.) на севере лесной зоны создает благоприятные условия для развития лесной растительности.

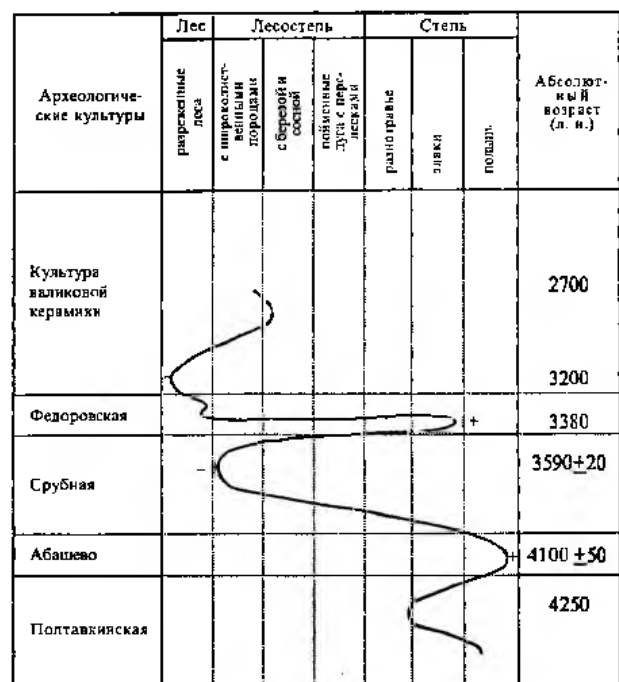

Рис.2. Изменения растительности степной зоны в эпоху бронзы

ее состав становится более разнообразным, уменьшается сомкнутость лесов, улучшаются условия и для жизни людей. Южнее эта аридизация приводит уже к сокращению лесных массивов, и особенно существенно ухудшаются условия в степной зоне, где чаще повторяются засухи, мелеют и пересыхают реки. Все это способствует миграции населения в более северные районы.

Другая картина наблюдается во время похолодания 3200 л.н. Наиболее благоприятные условия складываются в это время на юге и западе лесной зоны и в лесостепи. В то же время на севере увеличивается заболоченность территорий и сомкнутость лесов, которые из-за своей непроходимости становятся непригодными для жизни людей. С чем, очевидно, и связана новая миграционная волна, на этот раз с севера на юг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спиридонова Е.А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М., 1991.
2. Спиридонова Е.А., Алевинская А.С. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М., 1995.
3. Спиридонова Е.А., Алевинская А.С. Периодизация неолита–энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1.
4. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
5. Гуман М.А. Палинологические исследования на свайных озерных стоянках Псковской области // История озер СССР. Т.1. Л., 1983.

6. *Воронин К.В.* От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998.
7. *Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998.

*Институт археологии РАН,
Москва*

A.S. Aleshinskaya, E.A. Spiridonova

**CHRONOLOGY OF THE BRONZE AGE OF THE BOREAL ZONE OF THE EUROPEAN RUSSIA
(According to Palynological Data)**

Summary

The article deals with the restoration of the environment of the Boreal zone of European Russia in the Bronze Age. Studies of a great number of sites and natural sections allows to reconstruct the landscape-climatic scale of the time. High-resolution (100-200 years) of dynamics of the natural processes was defined for that period. Particular attention was paid to the crucial events in the environment which had an affect on the living activities of the Bronze Age tribes.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.П. Челябинов, Д.А. Иванов

ФАТЬЯНОВСКО-БАЛАНОВСКИЕ ДРЕВНОСТИ В РЯЗАНСКОМ ПООЧЬЕ

Одной из сложных и важных проблем эпохи бронзы Окского бассейна является изучение памятников фатьяновской (балановской) культуры. На Оке, разделяющей две географические зоны – лесную и лесостепную, – в течение длительного времени происходил активный контакт лесных охотничье-рыболовческих и лесостепных скотоводческо-земледельческих племен. В Среднем Поочье, располагавшемся в контактной зоне, происходили активные этногенетические процессы, оказавшие влияние на становление новых археологических культур центральной части Европейской России. В плане изучения фатьяновско-балановской общности интересно и то, что исследователями по Средней Оке проводится граница между окско-деснинской, нижеокской и средневолжской (балановской) группами фатьяновской культуры [1; 2].

На Оку как возможную территорию обитания фатьяновских племен исследователи обратили внимание сразу же после открытия и изучения Фатьяновского могильника. Еще в 1903 г. А.А.Спицын указывал на возможность обнаружения фатьяновских памятников на Оке, по которой, как он полагал, фатьяновцы продвинулись на Волгу [3, с. 79]. В.А. Городцов, много лет исследовавший долину р.Оки, обратил внимание на находки фатьяновской керамики в окрестностях с. Солотча и дд. Сумбулово и Ужалье, «оказавшиеся близкими к керамике донецких дюн и северо-волжских могильников фатьяновского типа» [4, с. 279]. Он, как и А.А.Спицын, считал, что здесь проходил один из основных путей проникновения фатьяновских племен в Среднее Поволжье.

Созданная в 1884 г. Рязанская ученая архивная комиссия регистрировала и активно пополняла фонды образованного ею музея предметами эпохи бронзы. Судя по отчетам комиссии, она получила в дар или приобрела каменные сверленные топоры, найденные у с. Ухорь на р. Проне, у с. Парахино Касимовского уезда и д. Бухово Раненбургского уезда [5, с. 148, 149, 158, 160].

С.А.Локтюшев в обобщающей работе, посвященной каменному веку Рязанской губернии, отмечает находку ладьевидного топора у д. Плешки Зарайского уезда, клиновидного у с. Песцы Рязанского уезда и пальштабовидного (без точного места находки) [6, с. 15-16].

Активизация археологических исследований в 1920-1930-х гг. позволила получить сведения о находках фатьяновской керамики на ряде поселений (Юраково, Кокуй, Заречье, Борки и др.), зарегистрировать новые находки каменных топоров в Рязанской губернии [7; 8]. Но, сравнивая в 1939 г. фонды двух старейших музеев России – Тверского и Рязанского – по количеству хранящихся топоров, О.Н.Бадер писал «... в первом число этих орудий измеряется многими десятками, тогда как во втором их не более 20» [9, с. 116].

В послевоенный период на Средней Оке активно работают экспедиции Государственного Исторического музея, в результате чего были найдены изделия фатьяновского типа еще на нескольких памятниках (Жоренец, Ибердус I и др.), но пополнение материалов проходило довольно медленно. Поэтому в обобщающих работах, посвященных фатьяновско-балановской проблематике, вышедших в 1960-1970-е гг., авторы использовали всего лишь 58 местонахождений топоров и находки керамики на 14 поселениях Рязанского Поочья [1; 2; 10; 11].

Новый этап в изучении фатьяновско-балановских древностей на Средней Оке наступил в сер. 1970-х гг., когда приступила к работе бригада по подготовке Свода памятников истории и культуры Рязанской области. Членами бригады проведены разведочные и стационарные исследования практически во всех районах области. На ряде памятников были обнаружены фатьяновская (балановская) керамика, каменные топоры и обломки, что позволило более плотно очертить территорию распространения фатьяновско-балановских древностей в Рязанском Поочье (рис. 1). Авторы настоящей статьи в течение ряда лет проводят работу по созданию полного каталога фатьяновско-балановских древностей, хранящихся в государственных, народных и школьных музеях Рязанщины [12-17], в результате чего на территории Рязанского Поочья в настоящее время зарегистрировано более 170 находок каменных топоров и обломков топоров практически всех основных типов, отмеченных в памятниках фатьяновско-балановского круга (рис. 2: 1-19; 3: 1-15).

Несмотря на предпринятые значительные работы по выявлению археологических памятников, многие вопросы истории фатьяновских (балановских) племен в Рязанском Поочье остались неосвещенными. К большому сожалению, за десятки лет археологического изучения Рязанской области вопрос о наличии погребальных памятников фатьяновско-балановских племен остается открытым. На фоне постоянно пополняющихся материалов (топоры, фрагменты керамики) фатьяновские захоронения пока не обнаружены.

1. Плишкинское местонахождение
2. Пагара 5 стоянка
3. Подлипки поселение
4. Владычинский могильник
5. Беломутово 3 поселение
6. Тюковская стоянка
7. Черная гора стоянка
8. Совка 2 стоянка
9. Болонь местонахождение
10. Парахино 1 местонахождение
11. Парахино 2 местонахождение
12. Парахино 3 местонахождение
13. Высокое местонахождение
14. Конзавод местонахождение
15. Войноковское 1 поселение
16. Дураковское 2 поселение
17. Дураковское 3 поселение
18. Глебово-Городище местонахождение
19. Маточкино 2 1-е местонахождение
20. Маточкино или местонахождение 1 2-е местонахождение
21. Разанское 1 местонахождение
22. Разанское 2 местонахождение
23. Разанское 3 местонахождение
24. Борковская 1 стоянка
25. Борковская 2 стоянка
26. Канишевское 1 местонахождение
27. Канишевское 2 местонахождение
28. Фелюва Бор 2 стоянка
29. Фелюва Бор 4 (Придорожная) стоянка
30. Логинов Хутор 1 стоянка

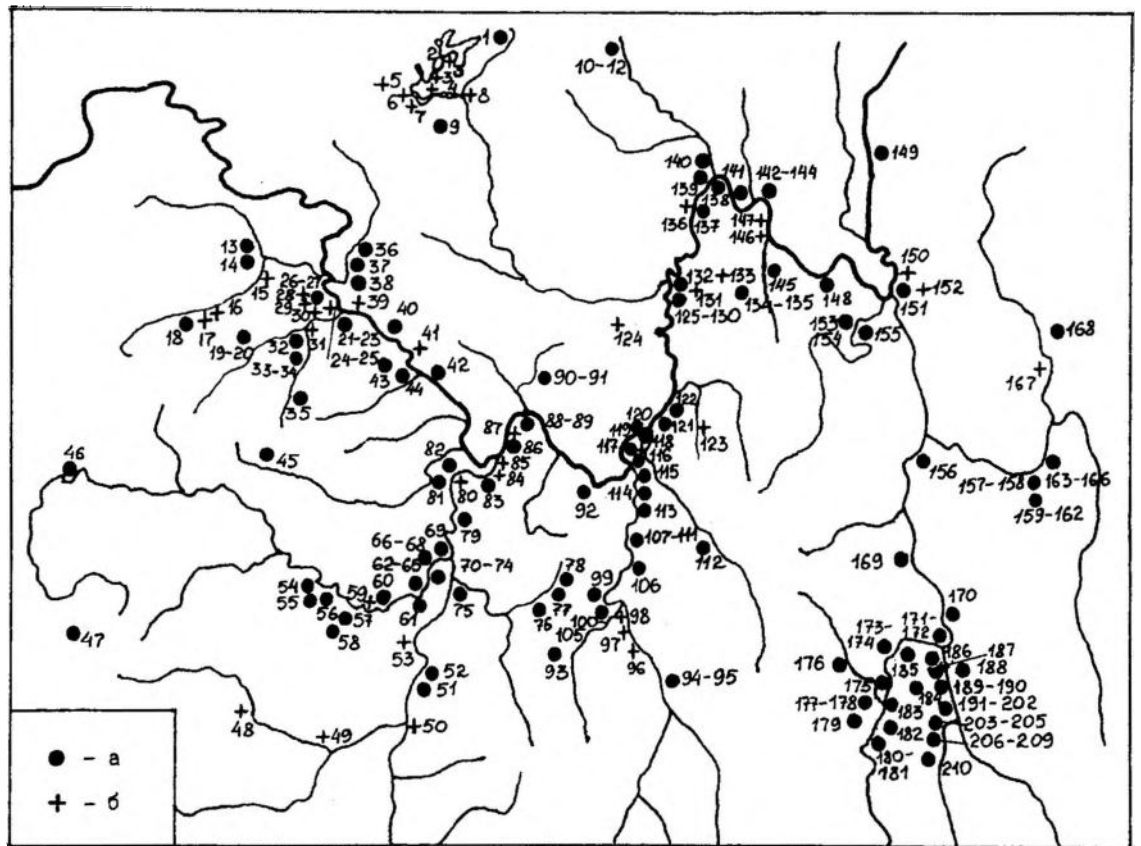

Рис. 1. Карта распространения фатьяновско-балановских древностей в Рязанском Поочье:
 а - находки топоров и обломков топоров; б - находки фрагментов керамики

31. Рязань (Троицкий монастырь)
32. Ситниковское местонахождение
33. Дедюхино 1 местонахождение
34. Дедюхино 2 местонахождение
35. Песцы местонахождение
36. Агро-Пустынь местонахождение
37. Поляны 1 стоянка
38. Поляны местонахождение
39. Шумаль 1 стоянка
40. Александрово поселение
41. Мурмино поселение
42. Сумбуловское местонахождение
43. Рубцовское местонахождение
44. Вышгород местонахождение
45. Старая Дубрава местонахождение
46. Завидное местонахождение
47. Клекотки местонахождение
48. Гуменки 1 стоянка
49. Журавлиха стоянка
50. Александровка 3 стоянка
51. Красная Поляна местонахождение
52. Книжовское местонахождение
53. Пехленское 2 селце
54. Елизаветинское местонахождение
55. Галинское местонахождение
56. Галинское поселение
57. Казаковское местонахождение
58. Чижовское местонахождение
59. Юрковская стоянка

60. Юрковское местонахождение
61. Толпинское (Низановское) местонахождение
62. Асики 1 местонахождение
63. Асики 2 местонахождение
64. Асики 3 местонахождение
65. Асики 4 местонахождение
66. Ухорское 1 местонахождение
67. Ухорское 2 местонахождение
68. Ухорское 3 местонахождение
69. Вельяминовское местонахождение
70. Семеновское 1 местонахождение
71. Семеновское 2 местонахождение
72. Семеновское 3 местонахождение
73. Семеновское 4 местонахождение
74. Семеновское 5 местонахождение
75. Пустотинское местонахождение
76. Ула местонахождение
77. Березовское местонахождение
78. Лукос местонахождение
79. Жерновщинское местонахождение
80. Заречье поселение
81. Пески местонахождение
82. Перкинское (Раменское) местонахождение
83. Кирицкое местонахождение
84. Засече 3 стоянка

85. Засеченская курганный группа
86. Шатришинское местонахождение
87. Старая Рязань городище
88. Устрань 1 местонахождение
89. Устрань 2 местонахождение
90. Горниково 1 местонахождение
91. Горниково 2 местонахождение
92. Крутицкое местонахождение
93. Малый Сапожок местонахождение
94. Можары 1 местонахождение
95. Можары 2 местонахождение
96. Собчаково 3 поселение
97. Красное 3 поселение
98. Красный Угол 1 поселение
99. Васильевское местонахождение
100. Кривельское 1 местонахождение
101. Кривельское 2 местонахождение
102. Кривельское 3 местонахождение
103. Кривельское 4 местонахождение
104. Кривельское 5 местонахождение
105. Кривельское 6 местонахождение
106. Волосовское местонахождение
107. Береговое 1 местонахождение
108. Береговое 2 местонахождение
109. Береговое 3 местонахождение

110. Береговое 4 местонахождение
111. Береговое 5 местонахождение
112. Агрокультура 1 поселение
113. Шилово 2 местонахождение
114. Тямощино 4 местонахождение
115. Шиловский Борок местонахождение
116. Борок местонахождение
117. Прибрежный 2 поселение
118. Борок 10 (Умдрик) поселение
119. Борок 8 поселение
120. Борок 18 поселение
121. Тыриново 4 поселение
122. Тыриново 7 поселение
123. Инякино 3 поселение
124. Гордковичи 2 поселение
125. Нармушаль 1 местонахождение
126. Нармушаль 2 местонахождение
127. Нармушаль 3 местонахождение
128. Нармушаль 4 местонахождение
129. Нармушаль 5 местонахождение
130. Нармушаль 6 местонахождение
131. Ерахтур 5 поселение
132. Ерахтур 3 поселение
133. Куземкино 2 поселение
134. Шостыньское 1 местонахождение
135. Шостыньское 2 местонахождение

136. Ибердус 1 поселение
137. Курманское местонахождение
138. Погост 1 местонахождение
139. Забелинская 2 стоянка
140. Погост 2 местонахождение
141. Лоштинское местонахождение
142. Касимовское 1 местонахождение
143. Касимовское 2 местонахождение
144. Касимовское 3 местонахождение
145. Ждановское местонахождение
146. Подборновская 1 стоянка
147. Подборновская 2 стоянка
148. Балуншевское местонахождение
149. Малак 1 поселение
150. Лебяжий Бор курганный группа
151. Лебяжий Бор 6 стоянка
152. Ерма-Николаевское 1 местонахождение
153. Ерма-Николаевское 2 местонахождение
154. Ерма-Николаевское 3 местонахождение
155. Кононовское местонахождение
156. Старо-Амесьевское местонахождение
157. Котелино 1 местонахождение
158. Котелино 2 местонахождение
159. Ивановка 1 местонахождение
160. Ивановка 2 местонахождение
161. Ивановка 3 местонахождение

162. Ивановка 4 местонахождение
163. Черныи 1 местонахождение
164. Черныи 2 местонахождение
165. Черныи 3 местонахождение
166. Черныи 4 местонахождение
167. Кокуй поселение
168. Игнатьевское местонахождение
169. Ново-Березовское местонахождение
170. Яибрино местонахождение
171. Купля 1 местонахождение
172. Купля 2 местонахождение
173. Конобеево 1 местонахождение
174. Конобеево 2 местонахождение
175. Борки местонахождение
176. Гай (Шапк) местонахождение
177. Борковское 1 местонахождение
178. Борковское 2 местонахождение
179. Ново-Софийское местонахождение
180. Парсаты 1 местонахождение
181. Парсаты 2 местонахождение
182. Пелень местонахождение
183. Веселый 3 поселение
184. Завидное местонахождение
185. Темшевское местонахождение
186. Важное 3 стоянка
187. Новоселки 2 поселение

188. Новостекольное местонахождение
189. Ждановское 1 местонахождение
190. Ждановское 2 местонахождение
191. Ждановское 3 местонахождение
192. Ждановское 4 местонахождение
193. Ждановское 5 местонахождение
194. Ждановское 6 местонахождение
195. Ждановское 7 местонахождение
196. Ждановское 8 местонахождение
197. Ждановское 9 местонахождение
198. Ждановское 10 местонахождение
199. Ждановское 11 местонахождение
200. Ждановское 12 местонахождение
201. Ждановское 13 местонахождение
202. Ждановское 14 местонахождение
203. Ждановское 15 местонахождение
204. Ждановское 16 местонахождение
205. Ждановское 17 местонахождение
206. Ждановское 18 местонахождение
207. Ждановское 19 местонахождение
208. Ждановское 20 местонахождение
209. Ждановское 21 местонахождение
210. Ждановское 22 местонахождение

Д.А.Крайнов указывал на вероятность нахождения фатьяновских погребений у с. Канищево (дюна Фефелов Бор) [1, с.265], но раскопками Б.А.Фоломеева и Т.Б.Поповой здесь выявлен грунтовый могильник поздних племен, для погребального обряда которых характерны скорченное положение костяка и наличие сосудов с округлыми днищами [18, с.57-58; 19, с.101-137].

Косвенно о существовании фатьяновских погребений говорит обследование Забелинской II стоянки, расположенной на правом берегу р.Оки недалеко от г.Касимова. Здесь, по сведениям учителя М.П.Головкина, было обнаружено много горшков «неввысоких и широких», а также каменный топор и человеческий череп [14, с.22]. Следует отметить находку целого сосуда балановского типа в могильнике Ундрих в Шиловском районе, возможно, происходящего из разрушенного погребения (рис.4: 8). В 1928 г. О.Н.Бадером в Рязанской Мещере на Владычинской стоянке были раскопаны два погребения, одно из которых сопровождалось богатым набором бронзовых украшений (перстни, гривна, браслеты, бляхи), имеющих аналоги в погребении фатьяновского Млытинского могильника [20]. По мнению О.Н.Бадера, захоронение было совершено по местному погребальному обряду и сопровождалось фатьяновским инвентарем [21, с.72].

Другой вопрос, не получивший окончательного решения до настоящего времени, – наличие фатьяновских (балановских) стационарных поселений. Вероятно, из-за кратковременности пребывания фатьяновских племен на Средней Оке не осталось значительных поселенческих комплексов, но находки отдельных фрагментов керамики на стоянках позволяют говорить о возможности обнаружения в будущем постоянных поселений с небольшим культурным слоем. В этом плане интересно частично раскопанное поселение у с.Инякино Шиловского района Рязанской области. Памятник располагается на невысоком правом берегу ручья Мильчус (правый приток р.Оки) в 1,9 км к ЮВ от села. Возвышается над уровнем воды на 3-5 м. Культурный слой мощностью 0,3-0,4 м содержит значительное количество керамики балановского типа [22, с.108, рис.4]. Здесь же обнаружена углубленная в материк постройка (6,65×4,8 м), в заполнении которой и рядом с ней найдены фрагменты балановской керамики. Характерно, что поселение Инякино III находится на водоразделе, еще слабо обследованном в археологическом отношении.

В настоящее время фатьяновская (балановская) керамика встречена на 45 памятниках. Она в основном представлена фрагментами стенок и венчиков, что не дает полного представления о формах сосудов. Из трех сосудов, которые удалось реконструировать, два – бомбовидной формы с высокой шейкой (рис.4: 3,8), а один – чашевидный (рис.4: 19).

Венчики сосудов имеют прямую или слабоотогнутую шейку, край утолщен или слегка отогнут. Орнамент, расположенный горизонтальными зонами, выполнен мелкозубчатым штампом, прорисованными линиями, оттисками веревочки. Состоит из групп разнонаклонных и вертикальных линий, заштрихованных ромбов и треугольников, широкого зигзага, косой ренетки, елочного узора, поясков косых оттисков (рис.4: 10-19; 5: 4-25). Некоторые сосуды не орнаментированы (рис.5: 1-3). Керамика прочная, тонкостенная. Изготовлена из хорошо промешанного теста с примесью песка или шамота, в единичных случаях в тесте прослежена дресва. Внешняя поверхность оранжевого, серого и серо-коричневого цвета, хорошо заглажена, иногда подложена.

Один из интересных вопросов, на который пока нет достаточно определенного ответа, – взаимоотношения фатьяновских (балановских) племен с местным населением Рязанского Поочья, степень их влияния на развитие окского населения в бронзовом веке. С каждым годом появляется все больше материалов о населении Среднего Поочья, существовавших в I-й пол. II тыс. до н.э., которые свидетельствуют о том, что на рубеже III-II тыс. до н.э. на Среднюю Оку проникли сильные группировки позднеолитического населения (иванобугорская культура), вытесненные ямными племенами из бассейна Дона [23, с.8-20; 24, с.105-121]. В Рязанской Мещере, в районе Великих Озер был раскопан могильник Шагара I, содержащий погребения, имеющие прямые аналоги в памятниках Среднего Дона [25, с.147-159]. Все больше появляется таких материалов и с поселенческих памятников [26, с.80]. Вероятно, на основе племен иванобугорской культуры оформилась примокшанская культура, которую можно отнести к образованиям эпохи ранней бронзы [27, с.6-73; 28, с.14-19]. Таким образом, к моменту появления фатьяновских племен на Средней Оке здесь находилась значительная группа скотоводов, и возможность мирного продвижения фатьяновцев по данной территории была затруднена. Не случайно Д.А.Крайнов, отмечая путь движения фатьяновских племен (средневожская группа), показывает его севернее Средней Оки [29, с.72, карта 11].

Картирование находок каменных топоров и фрагментов керамики на поселениях и нанесение их на почвенные карты показало, что все они группируются в долинах р.Оки и крупных ее притоков (Проня, Пара, Мокша) и на водоразделах на светло-серых, серых и темно-серых лесных почвах и практически отсутствуют в зоне распространения черноземов и близких к ним почв. Нет их и на территории, занятой хвойными лесами в Рязанской Мещере, за исключением района Великих Озер (рис.1). Вероятно, это было связано с хозяйственной деятельностью фатьяновцев.

Вопрос о финале фатьяновско-балановских древностей рассматривается на протяжении длительного времени. Если в восточной части распространения этих племен получены определенные результаты, говорящие о том, что их потомки дожили практически до начала раннего железного века, то применительно к Рязанскому Поочью таких убедительных данных пока не получено. О возможности участия фатьяновцев в формировании поздних культур позднеледниковой эпохи говорилось неоднократно. Так, Т.Б.Попова считает, что «есть некоторые основания предполагать, что фатьяновская культура оказала некоторое влияние на формирование поздних культур, особенно в западных областях ее территории».

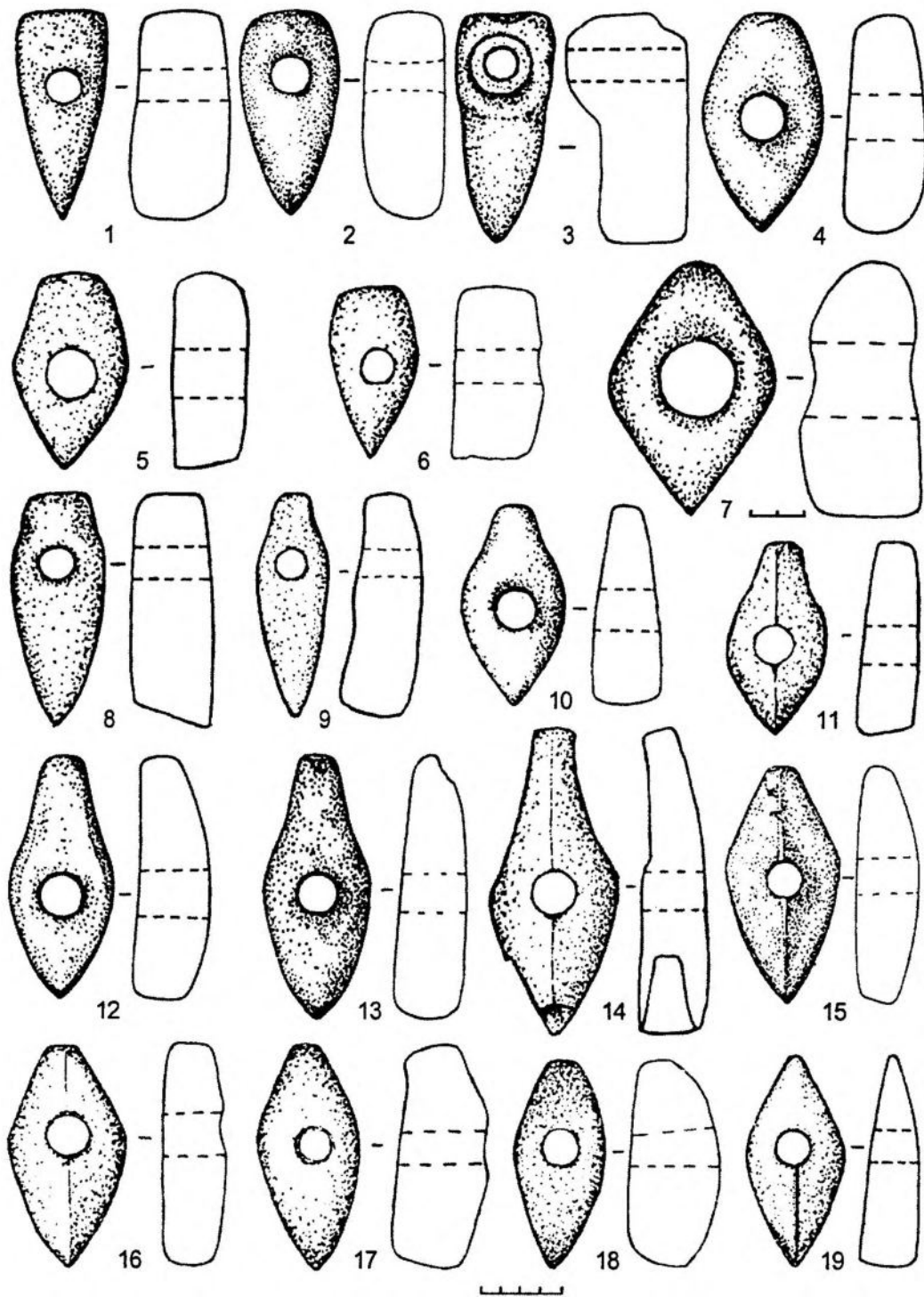

Рис. 2. Типы каменных топоров:

1-3 - клиновидный; 4-7 - молотковидный; 8,9 - короткообушковый;
 10,11 - среднеобушковый; 12,13 - длиннообушковый; 14 - ромбический
 узкообушковый; 15-18 - ромбический усеченный; 19 - ромбический обоюдоострый.
 1 - Шатрищи; 2 - Крутицы; 3,6,10,11,13,14,17 - Рязанская область;
 4 - Спасский район; 5 - Черные; 7 - Завидное; 8 - Семионовское;
 9 - Агро-Пустынь; 12 - Устрань; 15 - Парахино; 16 - Высокое;
 18 - Старая Дубрава; 19 - Незнаново

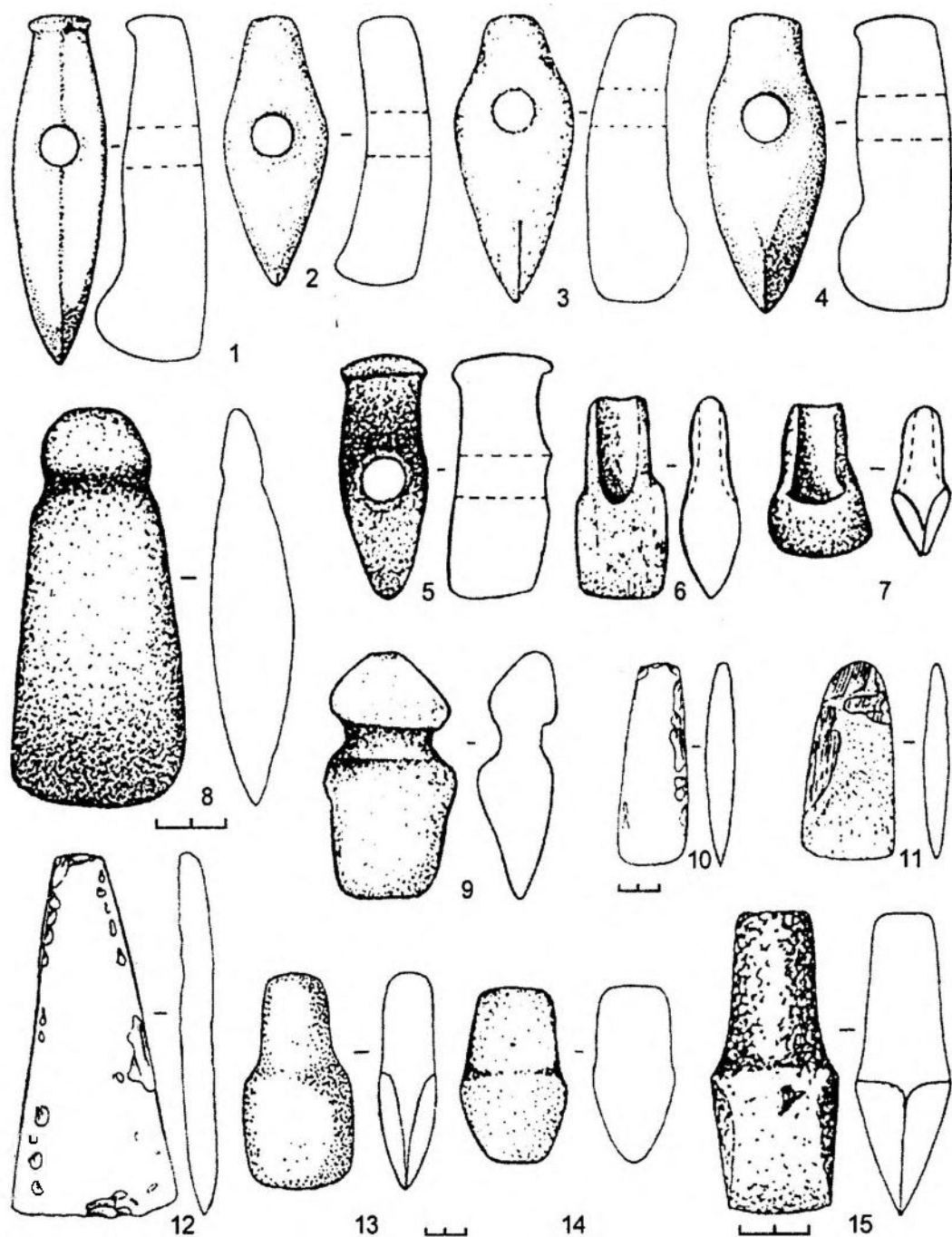

Рис.3. Типы каменных топоров:
 1,2 - коротколопастный; 3,4 - длиннолопастный; 5 - обушковый грибовидный;
 6,7 - пальштабовидный; 8,9 - клиновидный с желобчатым перехватом;
 10-12 - клиновидный; 13-15 - черешковый.
 1 - Курман; 2 - Шацк; 3,4,10,12,13 - Рязанская область; 5 - Клеютки;
 6,7 - Береговое; 8 - Парсаты; 9 - Борок; 11 - Маточкино 2;
 14 - Кривель; 15 - Нармушадь

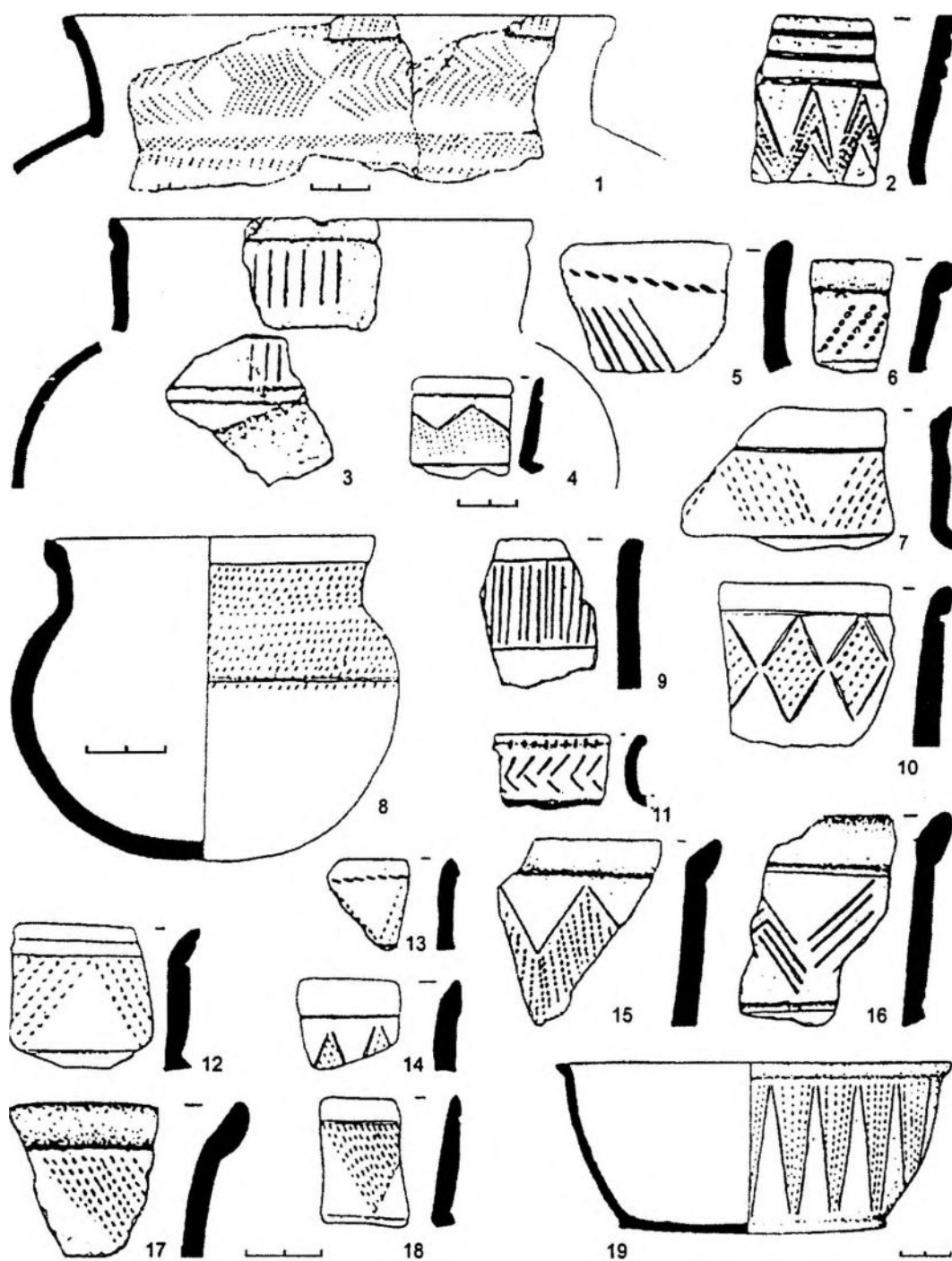

Рис.4. Фатьяновская (балановская) керамика:
 1,11 - Борковская I, стоянка; 2 - Лебяжий Бор, могильник;
 3 - Инякино III, поселение; 4 - Куземкино II, поселение;
 5,14, 19 - Засеченский, могильник; 6 - Дураковское II, поселение;
 7, 13 - Красный Угол XI, поселение; 8 - Ундрих, могильник;
 9 - Рязань (Кремль); 10 - Юраковская, стоянка; 12 - Мурмино, поселение;
 15 - Засеченская III, стоянка; 16 - Рязань (Троицкий монастырь);
 17 - Собчаково 3, поселение; 18 - Старая Рязань

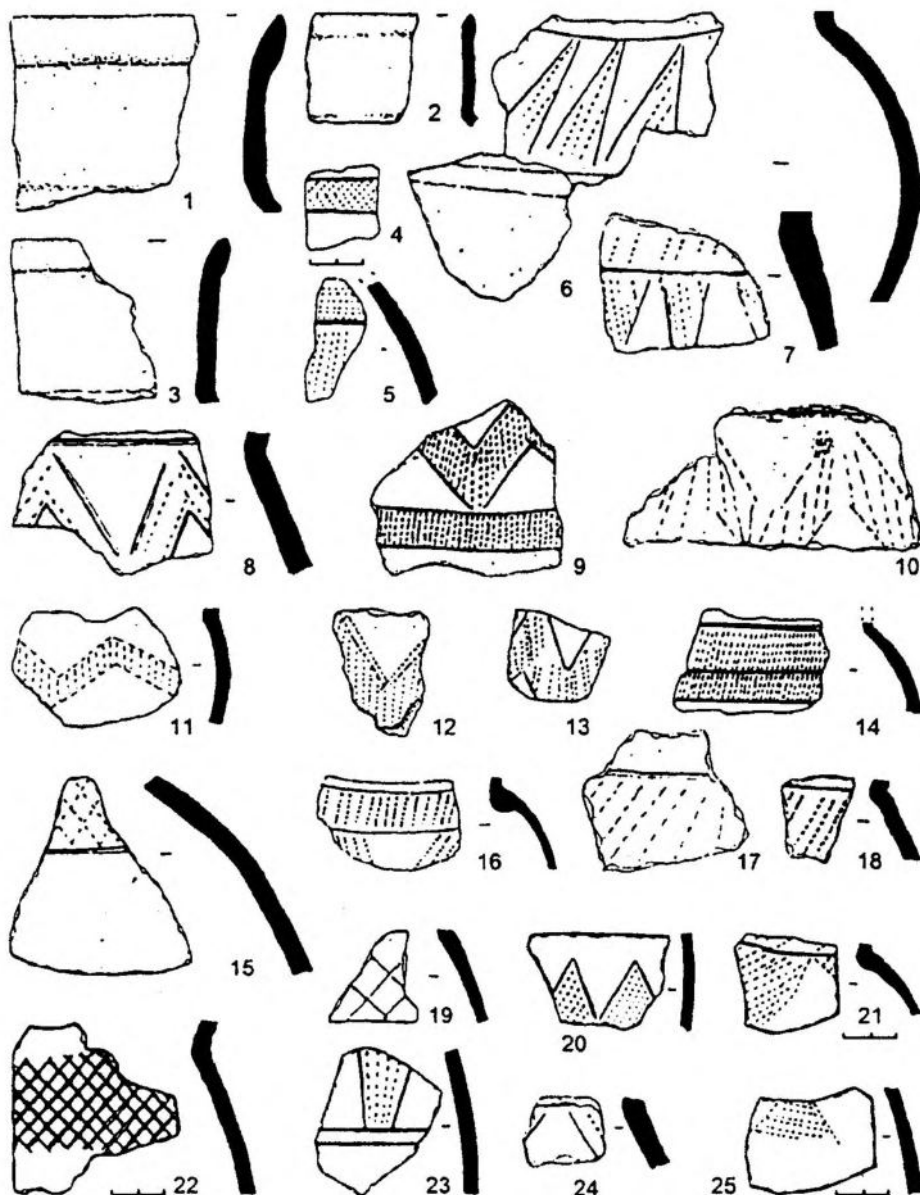

Рис.5. Фатьяновская (балановская) керамика:
 1,8 - Засеченский, могильник;
 2 - Подборновская I, стоянка;
 3 - Рязань (Верхний Посад - Рязанское I местонахождение);
 4 - Алеканово, поселение;
 5, 15 - Красный Угол XI, поселение;
 6 - Инякино III, поселение;
 7, 18, 19, 24 - Дураковское II, поселение;
 9 - Ибердус I, поселение;
 10, 17 - Рязань (Троицкий монастырь - Рязанское III местонахождение);
 11 - Засеченская III, стоянка;
 12 - Подлипки, поселение;
 13 - Новоселки II, поселение;
 14 - Красное III, поселение;
 16 - Борковская II, стоянка;
 20 - Фефелов Бор 2, поселение;
 21 - Кокуй, поселение;
 22 - Подборновская II, стоянка;
 23 - Заречье, поселение

Здесь поздняя керамика приобретает некоторую шарообразность и подлощенность при обработке поверхности сосудов» [19, с.173]. Т.Б.Поповой в 1969 г. на Оке была выделена предпоздняя культура с фатьяноидной керамикой, она считает ее «местным субстратом, на основе которого формировалась поздняя культура» [30, с.72]. К этому же мнению склоняется и О.С.Гадзяцкая, предположившая, что, «возникнув на основе фатьяновских древностей, культура с фатьяноидной керамикой, в свою очередь, вошла в качестве компонента в более поздние культуры эпохи бронзы» [31, с.139]. И все же говорить о большом влиянии фатьяновцев на становление поздней культуры пока нет оснований [32, с.44-46].

Проблемы, поднятые в статье, требуют дальнейшего изучения, что возможно только в результате более полного обследования территории Рязанского Поочья, поиска и раскопок новых памятников, особенно на водораздельных территориях, тщательного исследования мест скопления находок каменных топоров с целью выявления могильников, дальнейшей регистрации фатьяновско-балановских материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура II тысячелетие до н.э. М., 1972.
2. Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. 1976.
3. Спицын А.А. Медный век в Верхнем Поволжье // ЗОРСА РАО. Т. V. СПб., 1903.
4. Геродцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.
5. Мансуров А.А. Библиография Рязанского края. Этнология и палеоэтнология (археология). Ч.1. Вып.1. Рязань, 1930.
6. Локтишев С.А. Каменный период в Рязанской губернии. Доисторический очерк. С приложением карт: геологич. и археологич. таблиц, с рисунками каменных орудий и типологических. Рязань, 1916.
7. Гаворов В.Н. Предварительный отчет о поездке в г.Кадам в 1930 г. // Архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника № 410.

8. Мансуров А.А. Археологические разведки по нижнему течению р.Прони в 1929 г. // Архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. № 306.
9. Бадер О.Н. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла // Вестник древней истории. 1939. № 3.
10. Брисов А.Я., Зидина М.П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР // САИ. Вып. В4-4. 1966.
11. Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. Вып. В1-19. 1963.
12. Челытов В.П. Каменные топоры из собрания Кораблинского музея // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 1. Рязань, 1992.
13. Челытов В.П. Каменные орудия из фондов Сапожковского музея // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
14. Челытов В.П., Вячеш А.Н. Археологические памятники эпохи бронзы на территории Рязанской области. Рязань, 1993.
15. Челытов В.П., Иванов Д.А. Находки каменных топоров на территории Рязанской области // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
16. Челытов В.П., Иванов Д.А. Каменные топоры из Кадомского музея // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 5. Рязань, 1996.
17. Каменные топоры и орудия из фондов Желанновского музея / Б.А. Фоломеев, Н.И. Панин, В.П. Челытов, Д.А. Иванов // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997.
18. Фоломеев Б.А. Охранные раскопки в окрестностях г.Рязани и Клепиковском районе Рязанской области // АО - 1969. М., 1970.
19. Попова Т.Б. Грунтовый могильник поздняяковской культуры под Рязанью // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии: ТГИМ. Вып. 68. 1988.
20. Бадер О.Н. Мытищинский могильник фатьяновского типа // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
21. Бадер О.Н. Погребения на Владычинской стоянке и вопрос о фатьяновской бронзе // СА. 1971. №1.
22. Челытов В.П. Иньякинское III поселение // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. Рязань, 1997.
23. Ситюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы бассейна Дона // СА. 1981. № 4.
24. Ситюк А.Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. 1984. № 3.
25. Канертева Е.Д. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 2.
26. Фоломеев Б.А. Ландшафтно-экологические условия обитания и расселения человека в бассейне Средней Оки в эпоху раннего металла // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 1. Рязань, 1992.
27. Степанов П.Д. Следы кожной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши // КСИИМК. Вып. 59. 1955.
28. Челытов В.П. К вопросу о памятниках примокшанского типа // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.
29. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
30. Попова Т.Б. Допоздняяковские племена в Окском бассейне // Экспедиции ГИМ: Доклады на сессии ученого совета ГИМ. М., 1969.
31. Гидляцкая О.С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы: Волго-Клязьминское междуречье // РА. 1992. № 1.
32. Челытов В.П. Новое о становлении поздняяковской культуры в бассейне Средней Оки // Тезисы научно-краеведческой конференции, посвященной основателю Липецкого областного краеведческого музея Трунову М.П. Липецк. 1995.

*Специализированная научно-производственная
группа по охране, учету и использованию
памятников истории и культуры Рязанской области,
Рязань*

V.P. Chelyapov, D.A. Ivanov

THE FATJANOVO-BALANOVO CULTURES ANTIQUITIES IN THE OKA RIVER BASIN IN RYAZAN' REGION

Summary

The study of the Fatjanovo-Balanovo cultures antiquities in the Oka River basin in Ryazan' region has passed several stages: from pre-revolution gathering to Soviet scientific researches.

A vast amount of the Fatjanovo-Balanovo materials, now kept in the State museums and other museums, was collected, fixed and studied within short terms, what is a proof of effectiveness of the work carried out by researchers.

The mapping of stone axes' findings and fragments of pottery showed their concentration in the valleys of the Oka River and its large tributaries as well as their absence in the area of black earth. Only few of them were found in Ryazan' Meschera. The authors do not exclude an opportunity of finding the Fatjanovo-Balanovo burial grounds in the Oka River basin in Ryazan' region.

The article puts forward a problem concerning the relationship between the Fatjanovo-Balanovo tribes and aborigines.

*The Special Scientific-Industrial Group for
Protection, Registration and Usage
of Monuments of History and Culture of Ryazan' Region
31, Lenin St., Ryazan',
390000, Russia*

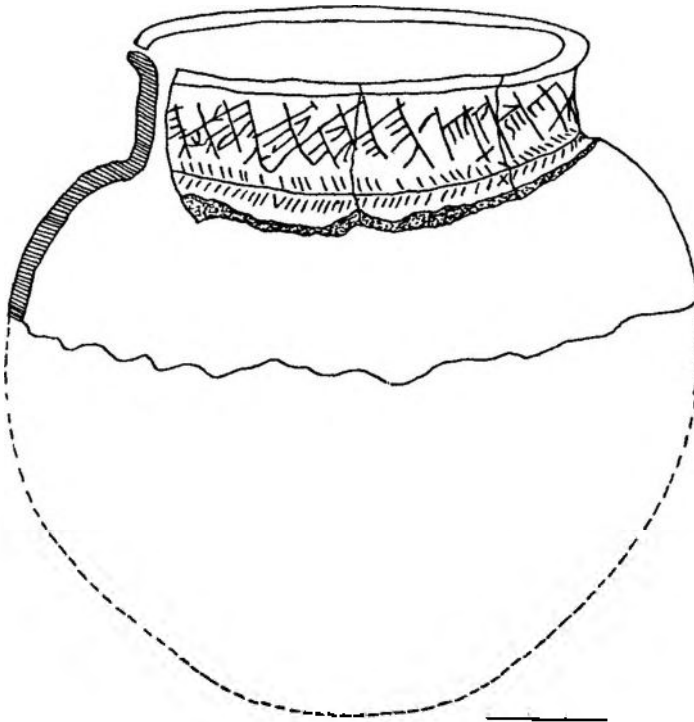
Ю.Н. Урбан

ОТКРЫТИЕ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (предварительное сообщение)

При раскопках 1992 г. археологической экспедицией Ленинградского областного музейного центра стоянки Забелье в Бокситогорском районе Ленинградской области на раскопе II в кв. 5 был найден развал сосуда с необычным “украшением” на шейке. Основной (второй) культурный слой стоянки относится к эпохе раннего неолита и датируется V тыс. до н.э. В первом культурном слое встречаются находки от раннего неолита до позднего средневековья. Из него во второй культурный слой опускаются многочисленные ямы, выкопанные в различные исторические эпохи. Резкое отличие по цвету (верхний слой имеет темную, а нижний – серовато-красную окраску) позволяет легко читать эти ямы.

В одной из ям верхнего культурного слоя и был обнаружен развал упомянутого ранее сосуда. Яма располагалась у юго-западной стенки раскопа и была вскрыта примерно наполовину. Остальная ее часть уходила за пределы раскопа. Яма врезана в желтый материковый песок на 10 см. Диаметр ее 40 см. Заполнение – темного цвета песок с мелкими гальками. Кроме развала сосуда в яме найдены обломки ямочно-гребенчатой керамики, отщепы кремня, 2 кремневых скребка, обломки ножевидных пластин. Более поздних находок обнаружено не было.

Развал сосуда располагался в центре ямы, в ее придонной части, и уходил под стенку раскопа. Сосуд сильно фрагментирован. Найдено 5 обломков венчика с шейкой и 43 фрагмента различной величины от тулова. Тесто состояло из хорошо отмучаной глины с примесью мелкого песка. Сосуд выполнен от руки

кольцевой ленточной техникой. Внутренняя поверхность заглажена, а внешняя на тулове слегка заложена. Обжиг хороший. Цвет фрагментов желтовато-серый. Толщина стенок 0,5–0,6 см. Три фрагмента шейки удалось склеить, что позволило частично восстановить форму сосуда. Это высокошейный крутобокий сосуд с прямой шейкой и выступающим бортиком. Форму нижней части восстановить не удалось. Внешний диаметр горловины по венчику 12 см, внутренний 11 см и диаметр тулова до 17 см (рис. 1). Подобная форма сосудов характерна для верхневолжской группы фатьяновской культуры. Наиболее близок он группе В-6 по классификации Д.А.Крайнова [1, с. 92-99]. При отсутствии других данных для датировки мы относим сосуд из Забелья ориентировочно к XVII – XIV вв. до н.э.

По самому низу шейки и верху тулова нанесены два ряда наклонных нарезок, образующие “елочный” орнамент. Сама надпись сделана на шейке выше нарезок слитно, возможно, специально стилизована под орнаментальную композицию. Знаки письма вмонтированы в своеобразную “сетку”, что создает дополнительные трудности в выделении собственно текста. Все линии композиции нанесены острым предметом по сырой глине до обжига (рис. 1,2).

При изучении надписи было обращено внимание на особые черточки, выпадающие из общей “сетки”. На самом большом фрагменте надписи их

Рис. 1. Стоянка Забелье.

Рис.2. Прорисовка надписи на сосуде со стоянки Забелье

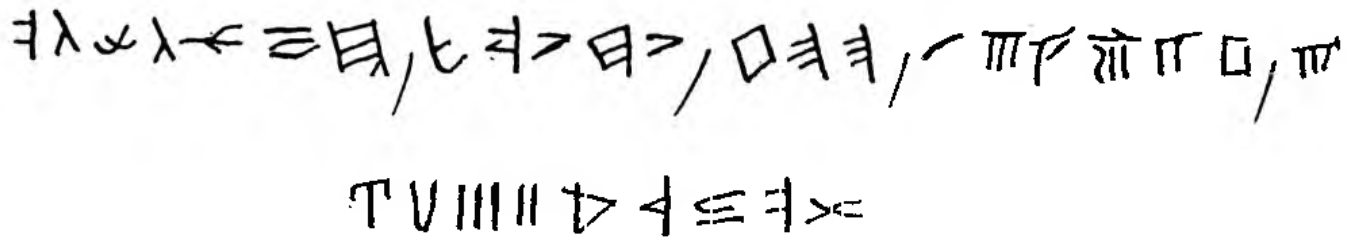
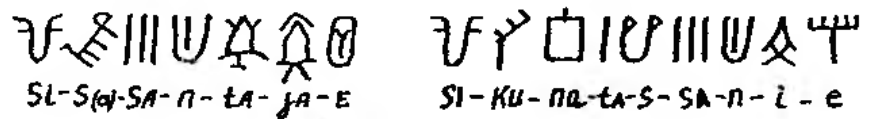

Рис.3. Надпись на Забельском сосуде

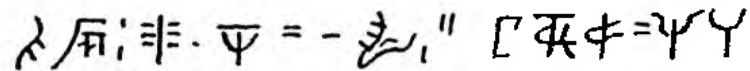
1.Протоиндийское письмо
XIX - XV вв. до н.э.

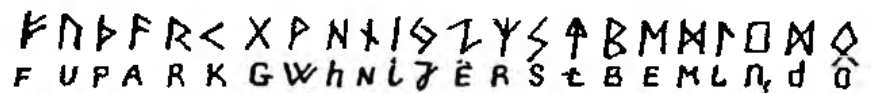
2.Надпись на скифском псалии
VII в. до н.э.

3.Критское линейное письмо "А"
XVIII - XV вв. до н.э.

4.Старшие руны
III - VIII вв. н.э.

5.Огамический алфавит
III - VIII вв. н.э.

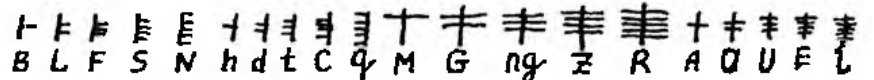

Рис.4. Некоторые образцы древних письменности и алфавитов

прослежено 4. Вполне возможно, что эти черточки играют роль разделительных знаков, подобно "вирамам" древнеиндийского письма. Направление "вирам" указывает на то, что надпись следует читать слева направо.

Выделение текста древней письменности из орнаментальной "сетки" связано с решением вопроса: какой знак должен следовать за предыдущим. В забельской надписи прослеживается тенденция, когда несколько знаков соединены в одну сложную формулу. Подобное прослеживается в критском линейном письме "А", на что обратил внимание еще А.Эванс [2, с.15-18]. Связано это с экономией места на ограниченном пространстве шейки сосуда. В данном случае была применена методика, когда первым ставится верхний знак этой формулы. В результате выделен 31 знак древнего письма и 4 "вирамы". Сохранившаяся часть текста состоит из 5 законченных и 3 фрагментов слов (рис. 2). Среди знаков письменности 24 оригинальные и 7 повторяются.

Поиски аналогий забельской надписи позволили обнаружить интересную надпись (нерасшифрованную), полученную при сборах скифских древностей. В 1932 г. крестьянами у с. Рысайского близ г. Бугуруслана на Южном Урале был найден костяной псалий, хранящийся в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Этот тип псалия был распространен у скифов в VII – VI вв. до н. э. Сравнительно недавно Е.Ф. Чежина

обнаружила на нем не отмеченную ранее надпись (рис.4:2). Как нетрудно заметить, часть знаков этой надписи совпадает по начертанию со знаками забельского текста (рис. 2). Е.Ф. Чежина совершенно справедливо отрицает какую-либо связь надписи на скифском псалии с древнегреческим письмом, но ошибочно увязывает (правда, предположительно) с арамейским, считая ее появление результатом переднеазиатских походов скифов [3, с. 261-264]. Надпись на скифском псалии имеет наибольшее количество совпадений знаков со знаками письменности на фатьяновском сосуде из Забеля. Мне представляется, что несовпадающими знаками на псалии можно дополнить количество знаков письменности на забельском сосуде.

Вновь открытые древние письмена не имеют полного совпадения ни с одной из известных науке систем письменности, как то: протоиндийской, протохеттской и критским линейным письмом "А" [4,с.15-34; 5,с.18-33]. Совпадение в начертании отдельных знаков в других системах письма (рис.4) не приводит к положительным результатам при расшифровке и прочтении забельской надписи иконографическим методом, основанным на одинаковом звучании аналогичных знаков.

Работа над расшифровкой и прочтением древних текстов возможна лишь при накоплении большего их количества. В этом случае появится возможность для статистико-комбинаторного формального анализа внутренней структуры неизвестной древней письменности, без которого остается неясным внутренний строй языка, запечатленного в тексте. Но для этого необходимо определить саму языковую принадлежность, что может помочь при акрофоническом методе расшифровки, т.е. при простом угадывании пиктографического значения знака, которое потом отождествляется с каким-либо словом одного из известных древних языков, первый слог полученного слова принимается за фонетическое значение данного знака [6, с.28-27].

Надпись обнаружена на сосуде фатьяновской культуры, которая входила в общность племен культур боевых топоров и шнуровой керамики, занимавшую огромную территорию от Дании до Камы (на востоке), от Скандинавии до Карпат и от Вологодской области до Пензы [1,с.145-247]. Южнее в степях и лесостепи в это время существовали родственные культуры скотоводов и земледельцев. До сих пор не утихают споры о происхождении культур боевых топоров и их части – фатьяновской культуры. Не касаясь широко этой проблемы, хочется лишь обратить внимание на обнаружение практически аналогичной надписи на более позднем по времени скифском псалии. Это, на мой взгляд, говорит о возможной родственности этих двух общностей. Культуры боевых топоров и культуры степных скотоводов и земледельцев практически все исследователи относят к индоевропейскому этносу. Это позволяет утверждать, что надписи на фатьяновском сосуде и скифском псалии сделаны на индоевропейских языках, но без уточнения группы: сатам или кентум.

Необходимо решить вопрос и о типе письменности на рассматриваемых находках. В настоящее время известно несколько типов письменности: пиктографическая, иероглифическая и знаковая (фонетическая). Начертание знаков вновь открытой письменности позволяет отрицать их значение как пиктограмм и иероглифов. В данном случае мы имеем дело, по-видимому, со знаковым фонетическим письмом, когда один знак может означать либо букву, либо слог, а иногда и слово. Соотношение оригинальных и повторяющихся знаков, количество их в словах говорят скорее всего в пользу слогового или словесно-слогового характера письма. Но здесь также кроются некоторые трудности и сомнения.

Слоговое письмо наиболее подходит для языков с открытыми слогами, когда строго чередуются согласный и гласный. Эти языки (например, полинезийские) не допускают накопления, удвоения согласных и закрытых слогов, заканчивающихся согласными. А именно многие индоевропейские языки отличаются закрытыми слогами и большим скоплением согласных (например, славянские и, в особенности, чешский). Примером неудачного применения слогового письма к индоевропейской речи является линейное письмо "Б". Оно было механически приспособлено греками-ахейцами к своей речи. В то же время его прототип – линейное письмо "А" – как нельзя лучше подходило к чуждому индоевропейцам языку минойского Крита [6, с.30].

Нет необходимости оспаривать возможность заимствования племенами культур боевых топоров письменности в южных степных и более отдаленных переднеазиатских областях. Тем более, что обитавшие в южнорусских степях племена подошли к порогу восприятия письменности или, возможно, к ее созданию. Примером могут служить хетты, индоевропейский народ группы кентум, захвативший в начале II тыс. до н.э. Малую Азию. Они практически сразу выступают письменным народом. Как известно, большинство исследователей считает хеттов выходцами из Причерноморских степей.

Появление надписи на фатьяновском сосуде не является столь неожиданным. Необычность заключается лишь в месте ее обнаружения – на таежном российском Северо-Западе, так удаленном от культурных центров того времени. Эта древнейшая письменность северных индоевропейцев не исчезла без следа. Она продолжала существовать в южнорусских степях в скифское время (и не обязательно у самих скифов). Вполне допустимо, что ее поздними отголосками являются Старшие руны древних германцев и Огамический алфавит древних кельтов – самобытные системы письма времени культурно-политического господства Римской империи, когда существовал прекрасный латинский алфавит.

Данная публикация сделана в порядке постановки проблемы. Лишь совместная кропотливая работа многих исследователей приведет к положительному решению чрезвычайно трудной задачи реконструкции открытой на Северо-Западе России древней письменности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972.
2. Эванс А. Критское линейное письмо // Вестник древней истории. 1939. №3.
3. Чежина Е.Ф. Уникальная надпись на раннескифском псалми из Южного Приуралья // СА. 1989. №1.
4. Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка // Вестник древней истории. 1940. №2.
5. Грозный Б. Хеттские народы и языки // Вестник древней истории. 1938. №2.
6. Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980.

*Государственное учреждение культуры
«Музейное агентство»,
Санкт-Петербург*

Yu.N. Urban

DISCOVERY OF ANCIENT WRITING SYSTEM IN NORTH-WESTERN RUSSIA (Preliminary Report)

Summary

The publication brings in science the inscription on the Fatjanovo Culture vessel (the Bronze Age, the first half of the 2nd millenium BC), which was found in the site of Zabelye in the eastern part of Leningrad region. The inscription had been made on the neck of the vessel with the characters of unknown writing system. Five fragments of ancient text were found. It consists of five finished words and of three fragments of words. The author detected 31 characters of writing, 7 of them were repeated. The inscription is supposed to be read from left to right and to have been written in one of Indo-European languages.

*The State Institution of Culture
«The Museum Agency»,
57, Liteyny Pr., St.Petersburg, Russia*

К.В. Воронин

СТОЯНКА ЛИПОВКА 3 – ОДНОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ЧИРКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

При характеристике любой археологической культуры очень важно использование так называемых "закрытых" археологических комплексов. Именно из них происходят наборы артефактов, принадлежность которых к той или иной археологической культуре абсолютно достоверна.

В древностях эпохи бронзы лесной полосы такие памятники – большая редкость. Прежде всего это относится к материалам чирковской культуры, которые в Волго-Окском междуречье никак не охарактеризованы, а только зафиксированы в виде находок специфической по облику, как правило, профилированной керамики с геометрическим рисунком, выполненным мелкозубчатым штампом, и с керамическим тестом, похожим на волоховское. Эта керамика встречена в слоях бронзового века многих многослойных доисторических поселений. Вместе с тем практически не выделен набор орудий, сопровождающий эту керамику, не описаны хозяйственные объекты, с которыми она связана. Погребальная практика чирковской культуры освещена единственной находкой со стоянки Сахтыли 1, опубликованной А.В. Уткиным [1, с.3-6].

Стоянка Липовка 3, исследованная автором статьи в начале 1990-х гг., вероятно, является первым на территории Волго-Очья поселенческим комплексом, все материалы которого синхронны и достоверно связаны с чирковской культурой. В этой работе предложены результаты исследования памятника.

Стоянка расположена на краю 1-й озерной террасы на юго-восточном берегу оз. Неро (Ярославская область) в 1,5 км к С от д. Липовка и в 3 км к ЮВ от с. Поречье-Рыбное на правом берегу руч. Липовка в 200 м выше его устья, занимает небольшое заросшее кустарником всхолмление на береговом валу ручья площадью около 300 кв. м (рис.1), с севера и юга ограниченное подболоженными могами. Приблизительные размеры памятника – 20 × 15 м. Раскоп, ориентированный по линии С-Ю, площадью 28 кв.м был заложен посредине этого всхолмления. Работы велись по 1-метровой координатной сетке. Квадраты были обозначены сквозной цифровой нумерацией. После раздирновки раскопа слой залегания находок снимался зачисткой толщиной не более 1 см с последующей инвентаризацией фиксации всего археологического материала, пятен и ям (рис.2). Культурный слой на памятнике прослежен не был. Находки (чирковская керамика, каменные орудия и отщепы) образовывали горизонт залегания, встречаясь на контакте слоя коричневого торфа мощностью 8-12 см и слоя желто-белого ожелезненного алевролита, очерчивая древнюю дневную поверхность и проникая вглубь алевролита на 4-10 см (рис.2,3). Антропогенное воздействие на грунты на территории стоянки выражено только в слабой засоренности 4-10-см слоя алевролита с культурными остатками мельчайшими древесными угольками, образующими интенсивное цветовое скопление в кострищной яме (рис.2).

Найденный вещевой материал состоит из 119 фрагментов чирковской керамики и 139 каменных изделий, 44 из которых – орудия (рис.2,4-8).

Чирковская керамика представлена фрагментами тонкостенных (3-6 см) профилированных сосудов с хорошо заглаженной поверхностью, изготовленных из керамического теста с примесью органики. Достоверно выделяются 6 керамических форм. Фрагменты шеек и плечиков сосудов с внешней стороны орнаментированы горизонтальными геометрическими композициями, состоящими из простого (рис.4:1,2,3,7,9,11) и балановского (рис.4:10) зигзагов, горизонтальных рядов коротких зубчатых оттисков (рис.4:1,2,7,11), слочки (рис.4:8), поясков горизонтальных зубчатых линий (рис.4:6) и ямчатых оттисков (рис.4:3,4,5). Все гребенчатые орнаменты выполнены оттисками мелкого зубчатого штампа. При наличии более ста керамических фрагментов удалось произвести их подбор только для одного сосуда, обломки которого были встречены в основном в юго-восточном секторе раскопа на расстоянии ок. 0,8 – 4,5 м друг от друга (рис.4:1). Определяя эту керамику как чирковскую, ей очень легко найти аналоги среди материалов поселений бронзового века Среднего Поволжья, послуживших основой для выделения культуры, – Галактина Гора [2, с.79-102], Юринское [3, с.95-101], Удельный Шумец VII [4, с.79-101] и др. Аналогии этой керамики, наиболее близкие территориально, происходят с многочисленных многослойных поселений бронзового века Волго-Окского междуречья. Фрагменты подобной посуды найдены на стоянках Сахтыли I в Ивановской области [5, с.133], Станок, Борань в Костромском Поволжье [6, с.85-204], Липовка I [7], Варос [8, с.23-25], Песочное в Ярославской области (материалы автора).

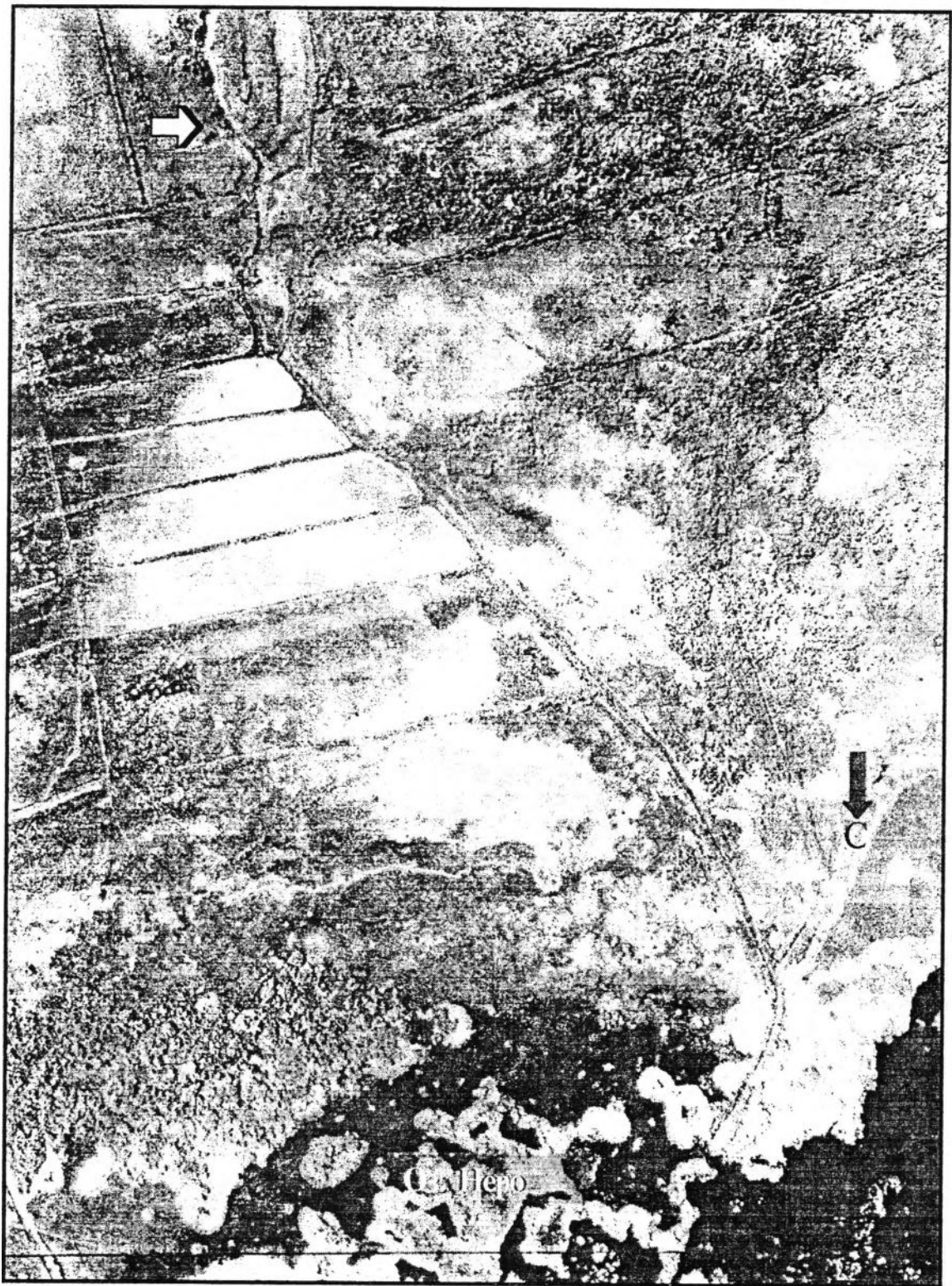
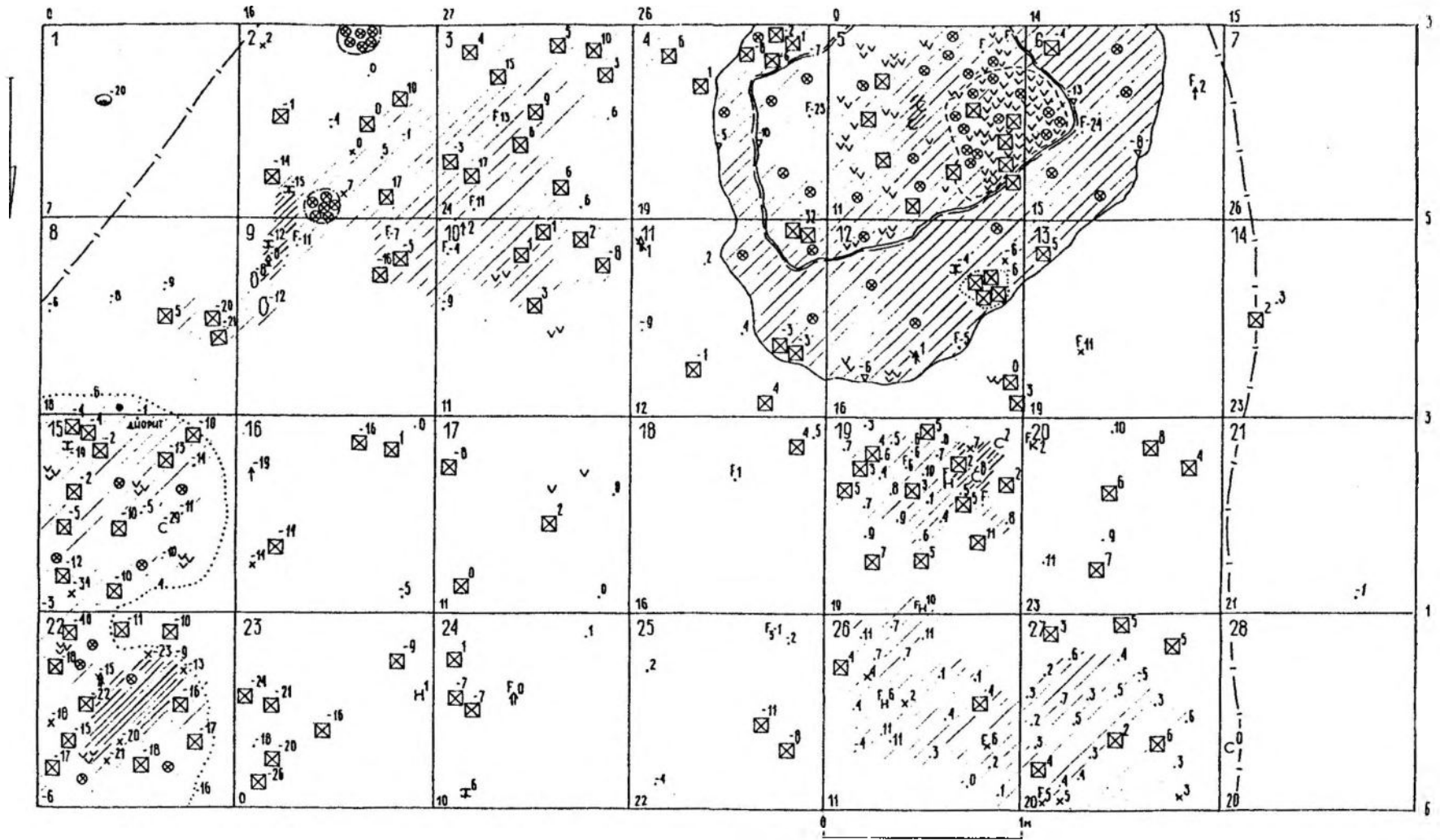

Рис.1. Месторасположение стоянки Липовка 3.

⇨ -- стоянка Липовка 3

Условные обозначения:

функционально-планиграфическая зона	границы усетного заполнения внутри ямы 1	керамика чирковской культуры	сломанное оружие	нож
скопление орудий внутри функционально-планиграфической зоны	граница ямы 1	наконечник копья-дротика со следами использования в качестве перфоратора	уголь	скребок
граница жесткой площадки	граница ямы 2	наконечник копья-дротика	ожеземление	нуклеидный кусок
границы интенсивного усетного заполнения внутри ямы 1	слабо численные границы ям 3,4	обожженный гравий	камень	наконечник стрелы
		инвентаризационная отметка на плане	резанное оружие	кость
			отщеп	неинвентаризованные отщепы поверхности раскопа

Рис.2. Стоянка Липовка 3.

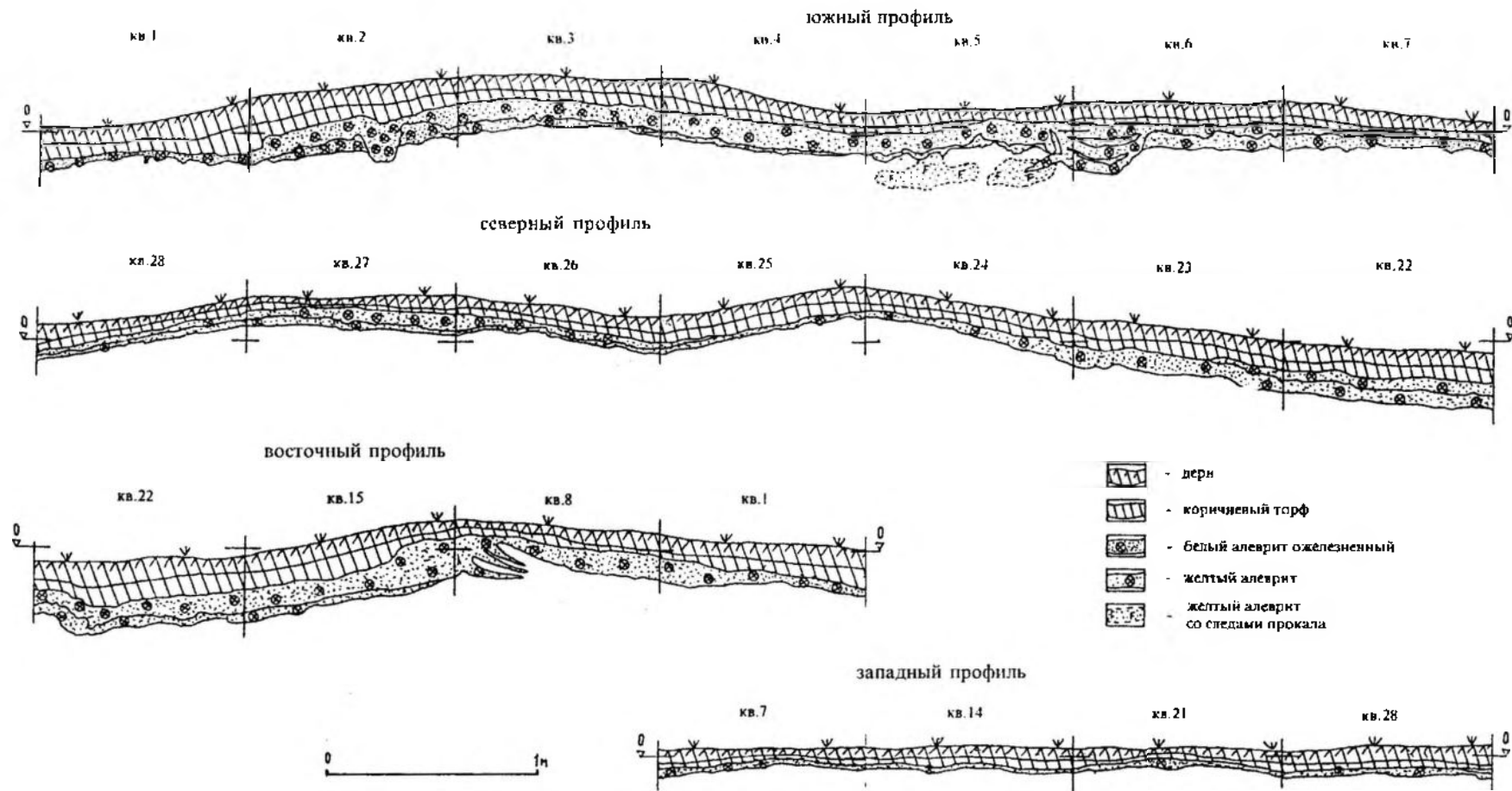

Рис.3. Стоянка Липовка 3. Профили бортов раскопа

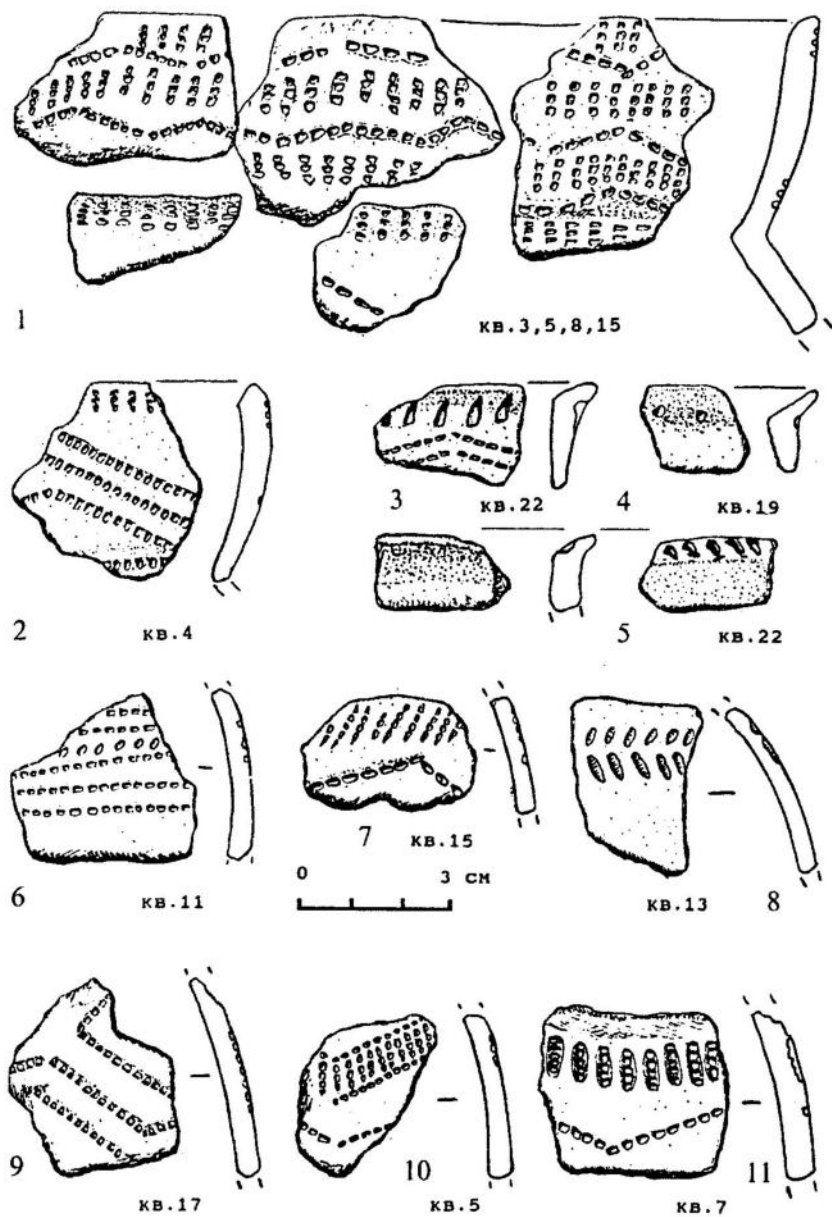

Рис.4. Соянка Липовка 3. Чирковская керамика

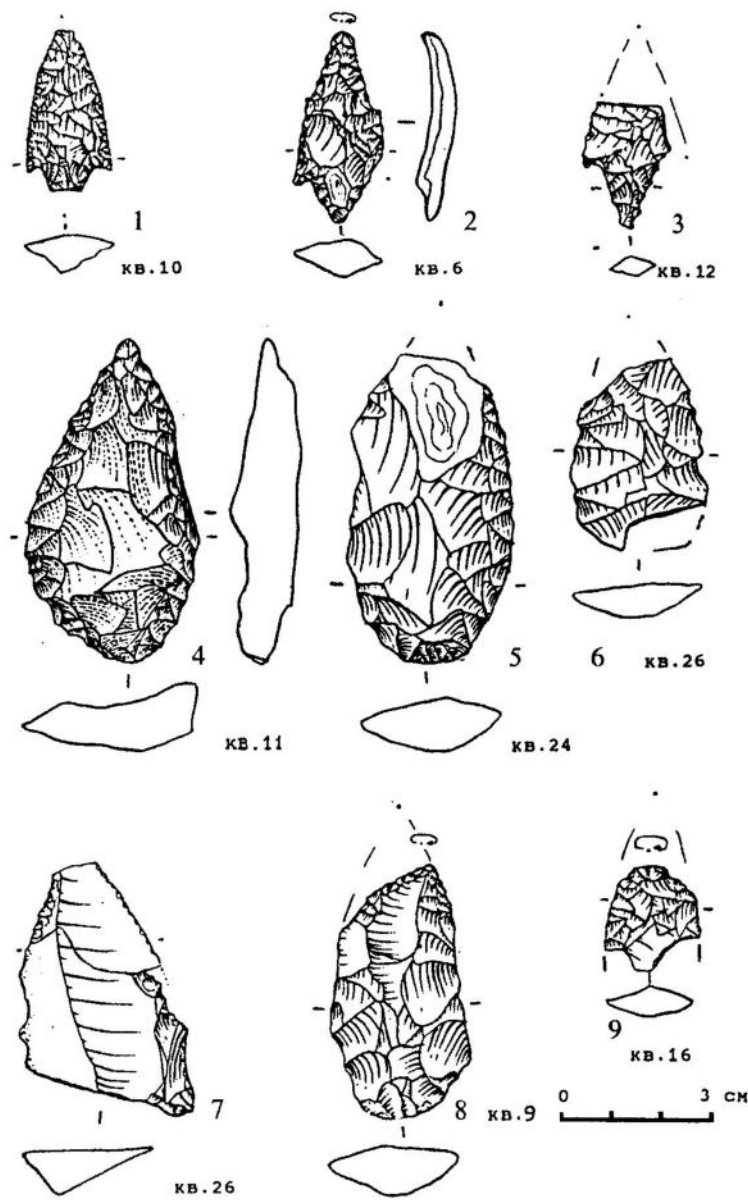

Рис.5. Стоянка Липовка 3. Изделия из камня

Каменные изделия на памятнике представлены 1 сколом с лезвия шлифованного рубящего орудия, 3 треугольно-черешковыми наконечниками стрел, 5 листовидными наконечниками дротиков, 6 скребками, 4 ножами и 21 режущим орудием, 3 сверлами (2 на наконечниках), 3 многоплощадочными нуклеусами, отщепами и чешуйками в количестве 95 штук (рис. 7, 8).

Основным материалом для изготовления орудий служил разнообразный по цветности, вероятно, моренный кремнь. Орудия (и обломки), сделанные из других материалов, составляют менее 7% от общего количества (3 из 44). В одном случае это диоритовый скол со шлифованного орудия. В других – наконечник копья-дротика и скребок, выполненные из опоки. Заготовкой для всех орудий, исключая метательное оружие, служили небольшие отщепы, как правило, имеющие размеры до 10 кв. см (96% случаев). Только один из отщепов, использованных в качестве заготовок для орудий, можно охарактеризовать как пластинчатый. В абсолютном большинстве отщепы обладают укороченными пропорциями и не устойчивы морфологически. Их ударные бугорки во многих случаях довольно массивны. Все это, скорее всего, свидетельствует о том, что для их получения применялась довольно примитивная техника краевого скалывания с использованием многоплощадочных нуклеусов (3 сильно обработанных изделия найдены на памятнике) и применением жестких отбойников. Коэффициент утилизации сырья очень высок и составляет примерно 32% от общего числа каменных изделий, включая орудия, выделенные по функциональному признаку. Однако если взять морфологически выраженные орудия, то их доля от общего числа составит всего около 15% (рис. 7).

Уменьшение размеров отщепов, используемых в качестве заготовок орудий, морфологическая неустойчивость, упрощенность техники расщепления, с помощью которой они получались, являются несомненными свидетельствами снижения пользовательских критериев, применяемых к каменным орудиям. Это, вероятно, связано с распространением металлических аналогов некоторых видов каменных орудий, следствием чего явилась деградация технологии их производства. Сказанное относится прежде всего к наиболее массовой группе ножей и режущих, выделяемых преимущественно по функциональному признаку.

Всего на памятнике отмечено 6 групп орудий: рубящие, метательное оружие, скребки, перфораторы, ножи и режущие орудия и нуклеусы.

Присутствие рубящих орудий зафиксировано находкой скола с лезвия диоритового топора со шлифованной поверхностью, происходящей из кв. 10 (рис. 2.8).

В группу метательного оружия входят наконечники стрел и копий-дротиков (рис. 8). Последние объединены вместе из-за отсутствия критериев их различия для культур эпохи бронзы лесной полосы.

Наконечники стрел, оформленные двусторонней отжимной ретушью, слегка отличны по пропорциям и качеству обработки поверхности. Но все они – треугольно-черешковой формы, имеют выделенные ретушью шипы и удлиненный сужающийся насад (рис. 5:1-3). Фрагментированный наконечник из кв. 12 обладал наиболее широким пером и удлиненным насадом (рис. 5:3). Край пера наконечника из кв. 10 обработан мелкой зубчатой ретушью (рис. 5:1), а наконечник из кв. 6 вторично утилизирован в качестве сверла (рис. 5:2). На поверхности наконечников из кв. 6 и 12 присутствуют следы термического воздействия. Размеры орудий и их пропорции из-за дефектов формы изделий определены с некоторой долей условности. Их длина колеблется от 4 до 5 см, ширина пера по оконечностям шипов – от 1,7 см до 2 см. У двух наконечников (рис. 5:1, 2) длина насада составляет около 1/4, а у одного (рис. 5:3) – 1/3 от общей длины орудия. Такие наконечники, получившие в литературе условное название чирковско-сейминских, имеют определенные территориально-хронологические рамки бытования, но не обладают выраженной культурной спецификой. Будучи широко распространены на территории лесной полосы в I-й пол. II тыс. до н.э., в некоторых случаях они достоверно связаны с комплексами различных, необязательно родственных археологических культур – фатьяновско-балановской (Истринский могильник, могильник Николо-Перевоз и др.) [9, с. 69-70], чирковской (стоянка Удельный Шумец VII) [4, с. 79-101] и культурой с сетчатой керамикой (Стан 1) [10, с. 319-335].

Наконечники копий-дротиков (рис. 5:4-6, 8) имели листовидную форму и были обработаны с двух сторон крупными широкими сколами. В двух случаях края изделий оформлены ретушью с короткими трапециевидными фасетками по краям (рис. 5:4, 5). Внутри подгруппы орудия различаются по материалу, размерам и форме насада. Одно орудие изготовлено из опоки (рис. 5:4). У трех наконечников насад в разной степени уплощен (рис. 5:5, 6, 8), а у одного – приостренный (рис. 5:4). Наконечник из кв. 9 (рис. 5:8) использован в качестве сверла. На наконечнике из кв. 24 заметны следы термического воздействия (рис. 5:5). Размеры определимы только для орудия из кв. 11 (рис. 5:4): его длина равняется 6,8 см, а наибольшая ширина 3,7 см. Для трех наконечников из-за дефектов или вторичной утилизации они определяются с небольшим допуском, а для одного – неопределимы. В целом длина наконечников колеблется от 5 до 7,5 см, а наибольшая ширина – от 2,9 см до 3,7 см. Это первая находка каменных наконечников копий-дротиков в комплексе с чирковской керамикой на территории Волго-Окского междуречья. Раньше присутствие данной категории орудий в инвентаре других культур бронзового века этого региона было зафиксировано при раскопках могильников фатьяновско-балановской и среднеднепровской культур (Ошурковский, Буньковский и др.) [9, с. 70] и при исследовании поселений культуры с сетчатой керамикой (Стан 1, Липовка 1) [10, с. 319-335; 11, с. 308-323].

С группой предметов метательного оружия непосредственно связаны два из трех найденных перфораторов (рис. 8). В качестве сверл были использованы наконечник копья-дротика (рис. 5:8) и наконечник стрелы (рис. 5:2). Только в одном случае основой для сверла послужил кремневый скол (рис. 5:9). Таким образом, в орудийном наборе этого памятника перфораторы выделяются по функциональным следам и прежде всего на предметах метательного оружия. Использование наконечников в качестве перфораторов является технологическим приемом, происхождение которого традиционно связывается с волосовской культурой.

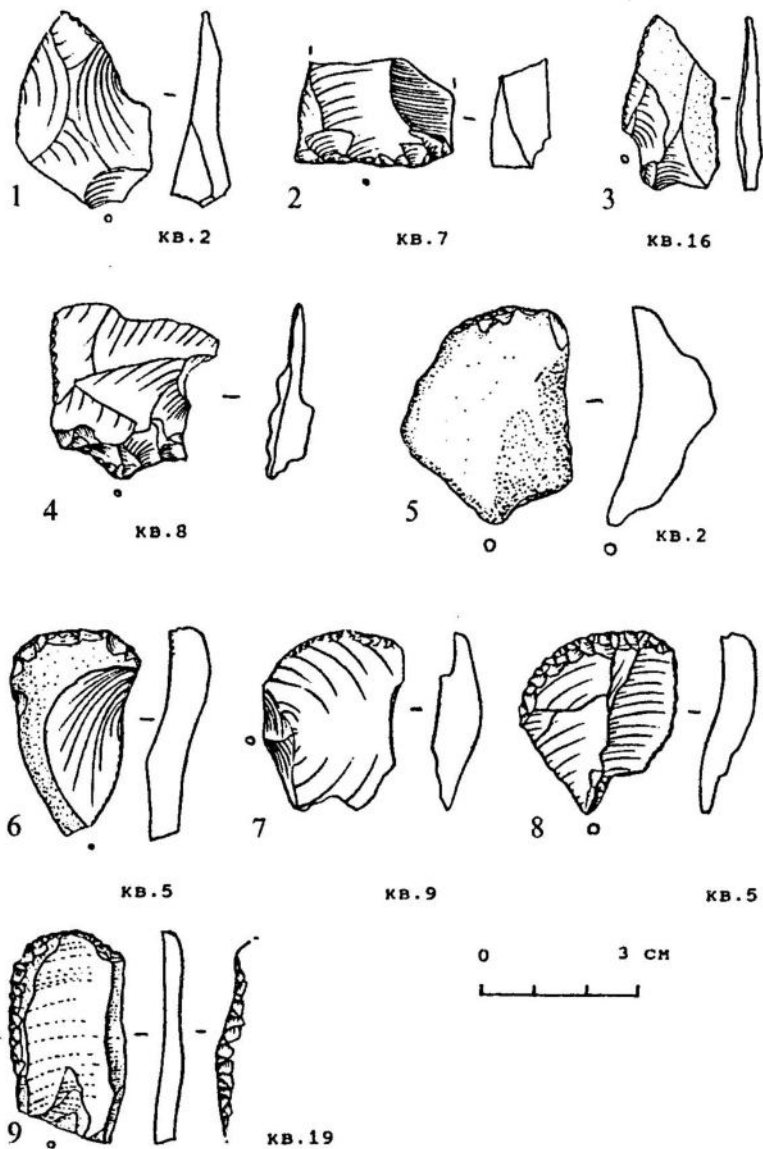

Рис.6. Стоянка Липовка 3. Изделия из камня

Рис.7. Соотношение отщепов и орудий в комплексе стоянки Липовка 3

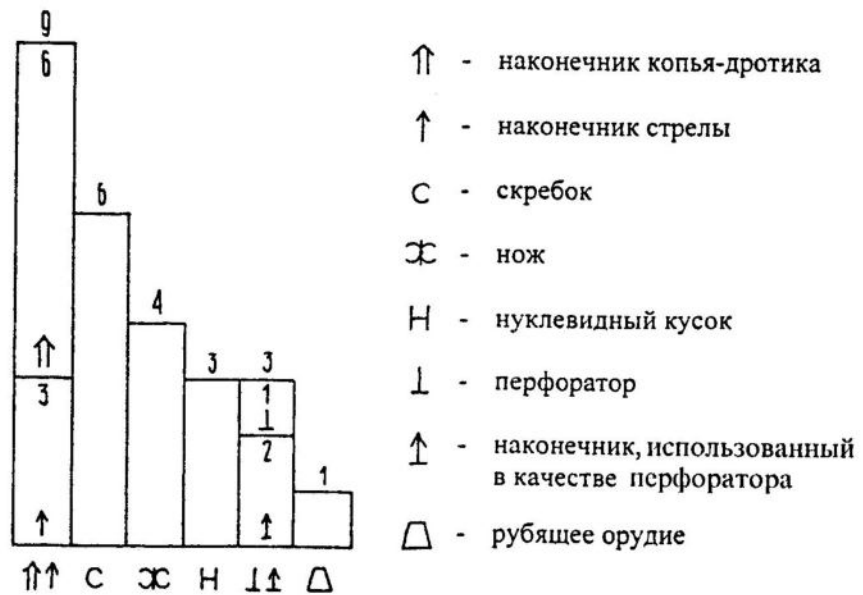

Рис.8. Соотношение разных морфологически выраженных групп орудий в комплексе стоянки Липовка 3

Скребки (рис. 6:6-9;8) изготовлены на разнообразных по форме и массивности небольших отщепах, средний размер которых составляет примерно 9 кв. см. Очень крутые по наклону дуговидные лезвия орудий, оформленные мелкими фасетками, в большинстве случаев расположены на концах заготовок со стороны спинки. Исключением является орудие из кв. 9: лезвие образовано ретушью на брюшке по левому краю отщепа (рис. 6:7). Четыре из шести скребков представляют собой комбинированные орудия. На краях двух из них присутствуют мельчайшие чешуйчатые сколы, характерные для изношенных режущих кромок (рис. 6:6,8). Один скребок, изготовленный на пластинчатом отщепе из опокы, скомбинирован с ножом, режущая кромка которого оформлена пологой отжальной ретушью по правому краю изделия на брюшке (рис. 6:9). При ремонте же к лезвию этого орудия было подобрано несколько чешуек. Одно орудие, как выяснилось в ходе ремонта, пересоформлено из режущего изделия (рис. 5:7).

В группу ножей и режущих орудий на памятнике входят разнообразные по форме некрупные отщепы средним размером около 8 кв. см без формообразующей обработки, имеющие по краям характерную изношенность в виде мельчайших чешуйчатых сколов. Различие между ножами и прочими режущими орудиями состоит в степени изношенности режущей кромки. Она довольно значительна только в четырех случаях (рис. 6:1-4;8). В основной же массе (21 экз.) эти изделия, являвшиеся предметами кратковременного пользования, представляют собой одноразовые или "эрзац"- орудия, массовое возникновение которых, вероятно, как-то связано с появлением металла.

Три многоплощадочных нуклеуса (рис. 8), найденные на памятнике, очень сильно сработаны. Они представляют собой небольшие по размеру (в среднем около 3 × 3 см) и случайные по форме изделия.

Инвентарь, идентичный вышеописанным скребкам, ножам и режущим орудиям, многоплощадочным нуклеусам, по всей видимости, характерен для культур эпохи бронзы Волго-Окского междуречья 2-й четв. – сер. II тыс. до н.э. До Липовки 3 на рассматриваемой территории он был встречен в комплексах культуры с сетчатой керамикой (Липовка 1, Юхоть) [11, с. 308-323; 12, с. 68-72].

Интересно провести небольшое сравнение каменного инвентаря рассматриваемого памятника со сходными изделиями из других культур бронзового века Волго-Окского бассейна. Его можно сопоставить с материалами фатьяновско-балапановской, среднеднепровской культур и культуры сетчатой керамики.

Оказывается, с каменными изделиями из комплексов нач. II тыс. до н.э., связанных с фатьяновско-балапановской культурой (ФБК), в какой-то мере предковой по отношению к чирковской; среднеднепровской (СДК) и культурой с пористой сетчатой керамикой (КПСК), рассматриваемые находки сходны наличием в комплексах четырех групп орудий: рубящих, метательного оружия, скребков и режущих (по форме наиболее похожи треугольно-черешковые наконечники стрел), но не совпадают по технике расщепления, видам и размерам заготовок, используемых для изготовления орудий. В комплексах ФБК и СДК заготовки орудий – пластины и крупные отщепы, в комплексах КПСК – пластинчатые отщепы и крупные отщепы размером свыше 15 кв. см.

Более значительное сходство (по технике расщепления, виду и размеру заготовок орудий в сочетании с совпадением их групп) у рассматриваемого комплекса каменных изделий обнаруживается с аналогичными материалами культуры с сетчатой керамикой (КСК) 1-й пол. – сер. II тыс. до н.э. Отличие между ними состоит в разнообразии форм внутри некоторых орудийных групп и в некоторых технологических приемах. Так, в комплексах КСК не очень распространен прием использования наконечников стрел и дротиков в качестве перфораторов, но они более разнообразны; присутствуют специфические по форме изделия среди скребков (скребки с ретушированной спинкой) и ножей (вкладышевые ножи). Последнее, возможно, объясняется небольшим количеством каменных орудий, достоверно связанных с чирковской культурой.

Эти предварительные и самые общие наблюдения показывают, что в эпоху бронзы в Волго-Окском междуречье наибольшее сходство по технике расщепления, видам и размерам используемых заготовок, группам орудий в составе комплексов прослеживается между хронологически близкими, а не культурно-родственными материалами. «Культурным» своеобразием, вероятно, обладали отдельные разновидности изделий внутри орудийных групп или специфические технологические приемы.

В целом по группам орудий и технологическим приемам каменная индустрия 1-й пол. II тыс. до н.э. еще сопоставима с индустриями неолитических культур лесной зоны. Макроотличия состоят в появлении нескольких новых форм и разновидностей каменных орудий, неизвестных в неолите, и постепенном упрощении техники расщепления с тенденцией к уменьшению размеров отщепов-заготовок и к морфологической деградации большинства орудий. К середине II тысячелетия устойчивые формообразующие критерии сохраняются только для групп рубящих орудий, метательного оружия и двух разновидностей скребков и ножей.

Принадлежность всех находок и выявленных в раскопе углубленных объектов к одному археологическому комплексу дает неплохие возможности для пространственного анализа жилой площадки стоянки с последующей реконструкцией ее планировки.

Всего на площади раскопа было встречено два крупных углубленных объекта, достоверно связанных с памятником. Это яма кострища овальной формы (Я-1) размером около 4 кв. м и глубиной до 0,17 м со слабоокрашенным углистым заполнением и находками кремневых изделий и керамики, расположенная в кв. 4,5,6,11,12,13 (рис. 2); и находящаяся в 2,5 м северо-восточнее в кв. 15, 22 яма с неправильными контурами (Я-2), прослеженная на площади примерно 2 кв. м, глубиной до 0,44 м, уходящая в восточную стенку раскопа, неотличимая по цвету от окружающего грунта и выявленная по оказавшимся в заполнении каменным изделиям и фрагментам чирковской керамики (рис. 2). В кв. 2 были встречены две небольшие ок-

руглые ямки (Я-3, Я-4) диаметром 22 и 24 см, читающиеся в слое алеврита по ступкам ожелезнения на глубину ок. 17 см, возможно, оставшиеся от столбов или вбитых кольев (рис.2).

Вещевые находки в раскопе были расположены пятном, имели четкие границы распределения и в основном встречены в крупных углубленных объектах, на примыкающих к ним квадратах и площадке между ними. Практически лишены находок квадраты 6,13, по которым проходит западный контур кострищной ямы (Я-1), крайняя западная линия квадратов 7,14,21,28 и квадрат 1, примыкающий к месту расположения ямы 2 с юга (рис.2). Количество находок в этих квадратах колеблется от нуля до двух. Среднее число находок на квадрат внутри границ распределения равняется пяти.

Фрагменты керамики и каменные изделия образуют в раскопе пять выраженных функционально-планиграфических зон, вероятно, маркирующих ряд хозяйственных объектов жилой площадки.

Первая функционально-планиграфическая зона связана с заполнением ямы кострища (Я-1) в кв.4,5,6,11,12. Она состоит из 1 наконечника стрелы, фрагментированного термическим сколом, 2 скребков, 1 ножа, 2 режущих орудий (одно обожжено), обожженных кремневых отщепов и чирковской керамики (рис.2).

Вторая функционально-планиграфическая зона прослежена на расстоянии 0,2 – 0,5 м от края ямы кострища в кв. 19. Она включает в себя плотное скопление кремневого дебетажа (21 скол на площади около 0,5 кв. м), обожженный многоплощадочный нуклеус, 2 скребка, 1 режущее орудие и 11 фрагментов чирковской керамики. К лезвию одного из скребков при ремонте было подобрано несколько чешуек, найденных здесь же (рис.2).

В третью функционально-планиграфическую зону входит скопление археологического материала в кв. 26, 27. Эта зона, расположенная в 1,5 м к северу от края ямы кострища, с юга примыкает к кв. 19, но отделена от предыдущей зоны сектором квадрата без находок. Она характеризуется прежде всего повышенной концентрацией кремневых сколов (34 экз. на площади в 2 кв. м). Здесь же были найдены 2 многоплощадочных нуклеуса, 1 фрагментированный наконечник копья-дротика, 6 режущих орудий, 1 скребок, переоформленный из режущего (при ремонте к его краю был подобран осколок режущего орудия) и 8 фрагментов керамики (рис.2).

Четвертая функционально-планиграфическая зона образована скоплением находок в кв. 2,3,4,9,10,11. Она непосредственно примыкает к краю очажной ямы с востока и выделяется повышенной концентрацией фрагментов чирковской керамики (25 на 5 кв. м) и находками кремневых орудий – наконечника стрелы, 2 наконечников копий-дротиков, один из которых фрагментирован, а другой утилизирован в качестве перфоратора; 2 ножей, 3 режущих орудий и 14 сколов (рис.2). Перфоратор и два ножа найдены скоплением, на расстоянии около 0,1 - 0,4 м друг от друга.

Пятая функционально-планиграфическая зона связана с ямой с неокрашенным заполнением в кв. 15, 22 (Я-2). Она прослежена в алеврите по скоплению археологических находок, состоящему из скола с лезвия шлифованного рубящего орудия из диорита, обломка копья-дротика, скребка, ножа, 6 режущих орудий, 3 сколов и 18 фрагментов керамики, локализованных в кв.15, 22 с перепадом глубинных отметок в 38 см – в пределах от -2 до -40 от условного ноля (рис.2). При этом фрагмент наконечника копья-дротика и 5 режущих орудий были расположены скоплением на площади не более 0,6 кв. м.

Таким образом, каждая из функционально-планиграфических зон (ФПЗ) жилой площадки стоянки связана либо с крупными углубленными объектами, либо со скоплениями археологического материала на жилой площадке, в которых преобладают находки определенного рода. Зоны 1 и 5 – с ямой кострища (Я-1) и хозяйственной ямой 2. Зоны 2, 3 характеризуются прежде всего скоплениями дебетажа и находками многоплощадочных нуклеусов, а зона 4 отличается концентрацией фрагментов керамики и наличием разнообразных каменных орудий.

Четкость границ распределения материала в пределах жилой площадки, его расположение скоплениями, случаи ремонта для находок в пределах одного скопления, однотипность керамики свидетельствуют о том, что весь встреченный в раскопе материал одновременен и никак не потревожен антропогенными и природными процессами. Это позволяет провести довольно достоверную реконструкцию планировки жилой площадки стоянки, в ходе которой возможно определение назначения хозяйственных объектов, связанных с выделенными функционально-планиграфическими зонами, и их пространственного соотношения.

Организирующим центром жилой площадки, вероятно, являлась яма кострища (ФПЗ 1). Внутри ямы и в непосредственной близости от нее были найдены различные (иногда обожженные) орудия и фрагменты керамики. В 0,2 м к северу от ямы кострища и на расстоянии 0,23-0,53 м друг от друга находились две площадки (функционально-планиграфические зоны 2,3), на которых, судя по находкам сработанных многоплощадочных нуклеусов и большого количества отщепов, расщеплялся кремнь. В пределах этих же площадок проводилась обработка материалов с использованием скребков и режущих орудий, о чем свидетельствуют находки этих артефактов и случаи ремонта – подбор к лезвию одного скребка снятых с него чешуек, а к другому скребку, переоформленному из режущего, – обломанной части. В 0,05-0,35 м к востоку от ямы кострища располагалась хозяйственная площадка (ФПЗ 4) с значительным количеством керамики и разнообразными каменными орудиями. Часть найденных здесь орудий – два ножа и перфоратор – лежали компактно на расстоянии около 0,1-0,4 м друг от друга и, вероятно, использовались в одном рабочем цикле. Изделия из камня и керамика из функционально-планиграфической зоны 5 входят в заполнение хозяйственной ямы (Я-2). На площади этой ямы скоплением на расстоянии 0,2-0,5 м друг от друга были встречены 5 режущих орудий.

Следует отметить, что компактными скоплениями внутри функционально-планиграфических зон были

встречены: сработанные многоплощадочные нуклеусы, режущие орудия и скребки; режущие и перфораторы; режущие. Наиболее широко распределенными по жилой площадке стоянки оказались наконечники стрел и копий-дротиков.

Характерно, что все хозяйственные объекты примыкают к границе распространения археологического материала на жилой площадке. Четкость и линейность границ этого распространения, вероятно, свидетельствуют о том, что более широкому разбросу находок по площади памятника мешала какая-то преграда. Не исключено, что это были стены конструкции, перекрывающей жилую площадку. Если такая конструкция действительно имела место, то, вероятно, это была легкая постройка, так как на жилой площадке отсутствуют следы от столбов. Две небольшие ямки, встреченные в кв. 2, на мой взгляд, вряд ли могут претендовать на роль конструктивных деталей сооружения. При реконструкции расположения стен предполагаемой постройки получается, что яма кострища находилась в ее юго-западной части, а вдоль стен располагались различные хозяйственные объекты – места расщепления кремня, орудийной (обработка различных материалов) деятельности и хозяйственная яма.

Хорошо читаемая, не деформированная переустройствами планиграфическая структура жилой площадки стоянки, расположение находок горизонтом залегания на древней дневной поверхности, небольшое количество одинаковой керамики и абсолютное преобладание среди орудий предметов метательного оружия (рис.8) свидетельствуют о том, что перед нами остатки кратковременного лагеря охотников. На основании находок керамики стоянка относится к чирковской культуре, традиции которой распространились в Волго-Очье приблизительно 3800-3600 лет назад.

Хронологические рамки бытования комплекса стоянки Липовка 3 наиболее корректно определять на основании естественно-научных палинологических датировок чирковской керамики из слоев близлежащих памятников, которые датируются примерно XVII в. до н.э. (стоянки Песочное 1, Еськи - анализы выполнены Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской).

Выводы. Таким образом, исследованный памятник был кратковременной стоянкой – лагерем охотников. Встреченное в раскопе четко очерченное скопление археологического материала, вероятно, является следом легкого наземного сооружения. Все находки на памятнике одновременны и, судя по найденной керамике, связаны с чирковской культурой, хронологические рамки которой в Волго-Окском междуречье на основании спорово-пыльцевых дат определяются XVII в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уткин А. В. Единичные погребения абашевцев в лесах Восточной Европы // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
2. Соловьев Б. С. Новые раскопки поселения Галанкина Гора // Археология и этнография Марийского края. Древности Среднего Поволжья. Вып. 13. Йошкар-Ола, 1987.
3. Патрушев В. С. Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кошкайск // Археология и этнография Марийского края. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1978.
4. Соловьев Б. С. Удельно-Шумецкое VII поселение эпохи бронзы // Археологические работы 1980-1986 гг. в зоне Чебоксарского водохранилища. Йошкар-Ола, 1989.
5. Гадлянская О. С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы: Волго-Клязьминское междуречье // СА. 1992. № 4.
6. Гурина Н. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. № 110. 1963.
7. Воронин К. В. Отчет об охранных археологических раскопках на ст. Липовка 1 в Ростовском районе Ярославской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15430.
8. Сидоров В. В. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1990.
9. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э. М., 1972.
10. Воронин К. В. Стоянка Стан 1 и ее место в круге памятников энеолита-бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
11. Воронин К. В. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой в бронзовом веке // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
12. Воронин К. В., Сидоров В. В. Стоянка эпохи бронзы на р. Юхоть // Проблемы изучения первобытности и средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.

*Институт археологии РАН,
Москва*

K.V. Voronin

THE SITE LIPOVKA 3 – A SINGLE-LAYER MONUMENT OF THE CHIRKOVO CULTURE OF THE CENTRAL PART OF THE VOLGA-OKA RIVERS BASIN

Summary

The article presents the results of excavations of Lipovka 3 site. The site is situated in the central part of the Volga-Oka Rivers basin at Nero Lake in Rostov district of Yaroslavl region. A light on-surface dwelling might be revealed there. In the south-western part of it a pit for a fire was situated, while a places for flint splitting, tools usage and a household pit were along the walls. The dwelling ground had a distinct planigraphic structure, which

had not been disturbed by later interference. The artifacts were distributed on ancient surface. The pottery found is homogeneous, while stone arrowheads and spear – javelins prevail over other tools. All these facts prove the interpretation of the site Lipovka 3 as remains of a short-term camp of hunters. According to the ceramics data the site is related to the Chirkovo culture of the Bronze Age, which formed on the base of the Fatjanovo and the Late Volosovo cultures. Due to the palynological dates from the monuments of the Volga-Oka Rivers basin the Chirkovo culture existed 3800-3600 years BP.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dni. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.М. Воробьев

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ

Верхним Подвиньем принято называть часть бассейна Западной Двины (северный склон Европы) от истока до устья ее крупного левого притока Межи включительно. Более 90% этой территории лежит в административных границах Тверской области; оз. Жижицкое, Двинье и Велинское расположены в Псковской области, а левые притоки Межи – Чичатка, Шесница и Ельша – берут начало на Смоленщине.

В ландшафтном отношении основными компонентами Верхнего Подвинья являются значительные участки Валдайской и Бельской возвышенностей и Западнодвинская низина. С юга, востока и севера Верхнее Подвинье окаймлено полосой Главного европейского водораздела, по другую сторону которой лежат бассейны Днепра и Волги в их верхних течениях (южный склон Европы). На юго-западе проходит условное деление двинского бассейна на участки верхнего и среднего течений, а на западе и северо-западе Верхнее Подвинье соседствует с бассейном Ловати (северный склон Европы). На внутренних территориях Верхнего Подвинья присутствуют очень разветвленные речные системы; всюду, кроме восточной части региона, развита система озер (некоторые из них к настоящему времени заболочены). Все это вкупе с разнообразием рельефа обеспечило повышенную природно-хозяйственную привлекательность территории для первопоселенцев и тех этнических массивов, которые осваивали Верхнее Подвинье позже, вплоть до средневековья.

История изучения Верхнего Подвинья четко делится на 4 этапа.

1) Со 2-й пол. XIX в. до II мировой войны: любительские разведки и раскопки, составление археологических карт губернскими учеными архивными комиссиями и обществами по данным анкетирования и отдельным полевым наблюдениям, первые научные полевые исследования (А.Н. Лявданский, Н.П. Милонов).

2) Кон. 1940-х - 1950-е гг.: полевые работы экспедиции Ленинградского отделения ИА АН СССР под руководством Я.В. Станкевич в Великолукской области, в результате которых открыты и описаны десятки поселений эпохи первобытности, более 200 поселений и могильников эпохи средневековья, раскопаны несколько неолитических стоянок, городища раннего железного века (Подгай, Городок 1-3, Курово) и некоторые средневековые памятники; начались систематические раскопки средневекового Торопца.

3) 1970-е - 1980-е гг.: преимущественно разведочные работы по составлению Свода памятников археологии Тверской области (Ю.Н. Урбан, И.Г. Портнягин, Г.В. Харитонов, В.М. Воробьев, П.Д. Малыгин, Е.В. Бодунов, А.Д. Максимов, А.П. Ланцев, Н.В. Левина, И.Н. Черных; Л.В. Кольцов; Ю.М. Лесман, В.А. Булкин). Открыты многие сотни археологических памятников эпох мезолита, неолита, бронзы, раннего железа, средневековья. Ныне известно около 1300 археологических памятников на этой территории. Раскопаны несколько стоянок мезолита и неолита у д. Скрабы, Романово, Макеево, Кудино, Золотилово, Корол и др., средневековые памятники у д. Речане. Эти работы не носили систематического характера.

4) Кон. 1980-х - 1990-е гг.: инвентаризация технического состояния памятников археологии; раскопки отдельных памятников в соответствии с научными интересами конкретных исследователей: мезолитическая стоянка Озеры 14 (В.М. Воробьев), неолитические поселения Гараж 16 и Боярщина 1 (В.М. Воробьев), неолитическая стоянка на оз. Красногородском (Н.В. Левина), средневековый Торопец (Д.И. Фоянков).

Изученность Верхнего Подвинья в археологическом отношении (прежде всего – разведочными методами) следует признать удовлетворительной благодаря работам Я.В. Станкевич и деятельности по составлению Свода памятников археологии Тверской области. Разведочными маршрутами изучены побережья практически всех крупных и средних озер и рек, многих небольших озер, берега протоков. Отмечу исключительно плотную концентрацию памятников археологии разных эпох на берегах оз. Охват, озер в среднем течении Волкоты, проточных озер на Торопе близ г. Торопца, группы озер в течении Торопы у пос. Бенцы, на берегах Западной Двины в районе оз. Вережуни, на правобережье Межи в районе оз. Высочерт, на берегах оз. Жижицкое, Двинье, Велинское.

В то же время фундаментальное обобщение этих материалов не проводилось. Из крупных публикаций можно назвать лишь классическую работу Я.В. Станкевич «Из истории населения Верхнего Подвинья в I и начале 2 тыс. н. э.» (МИА, № 76, 1960) и книгу М.В. Малевской и Д.И. Фоянкова «Древний Торопец» (1991).

Древнейшими археологическими памятниками в Верхнем Подвинье ныне считаются мезолитические стоянки и мастерские (их выявлено более 60).

Несколько локальных групп неолитических памятников обнаруживают сходство с верхнеднепровскими, северобелорусскими, прибалтийскими и валдайскими древностями. Но определение культурной принадлежности получили лишь несколько поселений в низовьях Торопы, объединяемых в "памятники дербешского типа" (И.Г.Портнягин) и существовавших, видимо, и в эпоху раннего металла.

Совершенно не ясна история Верхнего Подвинья в бронзовом веке. Отсутствие согласованных типологических критериев и радиоуглеродных дат не позволяет четко отделить неолитические комплексы от постнеолитических. Не выявлены и достоверные могильники культур боевых топоров, хотя отдельные находки сверленных топоров есть в местных музейных фондах, и некоторые из них документированы.

Благодаря работам Я.В. Станкевич, Ю.М. Лесмана и некоторых других исследователей гораздо лучше обстоит дело с реконструкцией истории края в раннем железном веке и раннем средневековье. Памятники этих эпох районированы, типологизированы, датированы, предложена их этнокультурная интерпретация.

Рассматривая Верхнее Подвинье, с одной стороны, как часть всего Западнодвинского бассейна, а с другой – как существенную часть Великого водораздела Восточной Европы, считаю актуальным решение следующих задач по теме.

1. *Создание действенной системы охраны археологического наследия на основе российского и международного права и мониторинг археологического наследия.*

Предложения и конструктивные действия должны исходить от государственных органов охраны памятников – областных комитетов по охране историко-культурного наследия. Это относится и к созданию нормативной базы, и к мониторингу, и к обеспечению проведения охранных раскопок.

2. *Разработка и реализация долгосрочной программы полевых работ в Верхнем Подвинье в рамках международной программы "Двина – Дзвина – Даугава".*

Полевые работы здесь, как и всюду, делятся на два вида: разведки и раскопки. Считаю, что областные комитеты по историко-культурному наследию после взаимных консультаций должны четко сформулировать заказ или хотя бы намерения по каждому из этих направлений деятельности. Археологи – специалисты по этому региону – из разных археологических центров России могут оперативно выработать согласованную концепцию дальнейшего археологического изучения Верхнего Подвинья, очертив микрорайоны, требующие первичного или повторного археологического обследования, и представив перечень памятников, которые необходимо исследовать шурфовкой или раскопками в общенаучных целях.

3. *Постановка и решение конкретных научных задач, связанных с изучением древней и средневековой истории Верхнего Подвинья и смежных территорий*

Среди основных конкретных научных задач ключевой представляется проблема путей заселения Верхнего Подвинья и внешних контактов населения этого региона. Она решается картографированием гипотетических мест переходов-волоков из других речных бассейнов в систему Верхнего Подвинья с последующим тщательным разведочным обследованием природных микрорайонов Верхнего Подвинья близ этих водоразделов для определения зон первичной стабилизации пришлого населения и раскопками отдельных памятников разных эпох в этих микрорайонах по согласованной программе. По мере реализации этой исследовательской модели представления об этапах колонизации Верхнего Подвинья и этнокультурная интерпретация получаемых данных станут все более обоснованными. В последующем будут отыскиваться аналоги этим памятникам и во внутренних районах Верхнего Подвинья, где они будут либо представлены в чистом виде, либо осложнены контактами с инोकультурным населением. Даже если не удастся выявить, является ли раскопанный в полосе водораздела комплекс отражением первичного внешнего импульса или результатом вторичных контактов, основные пути заселения по контуру Верхнего Подвинья получат достаточно четкие культурно-хронологические маркеры.

Остальные проблемы традиционны для археологической науки.

Программа исследований должна учесть задачу выявления, изучения и интерпретации донеолитических памятников. Верхнепалеолитические комплексы Сертеи и Аносова позволяют рассчитывать на открытие поселений этого времени на Обше, Меже, Западной Двине, Торопе. Сборы на кремнеобрабатывающих мастерских близ г. Нелидово и г. Белый дали материалы, типологически близкие названным.

Культурные слои на большинстве мезолитических стоянок региона нарушены современной хозяйственной деятельностью, исключение составляют поселения на берегах оз. Охват, требующие изучения и атрибуции.

Что касается поселений неолита и бронзы, то наиболее перспективным представляется проведение разведок в озерно-болотных котловинах, таких, как Красный Мох (водораздел Западной Двины и Волги), Дерзкий Мох (бассейн Жукопы), Великосельский Мох (междуречье Западной Двины, Нетесьмы и Велесы), Стаховский Мох, Жарковский Мох, Пелецкий Мох (бассейн Межи), Ильинский торфяник (междуречье Западной Двины и Межи), а также в некоторых других микрорайонах, особенно при истоках рек из озера. Сохранность конструкций и отдельных находок в торфяно-сапропеленых отложениях, возможность их датирования естественно-научными методами делает такие памятники, по аналогии с подобными комплексами смежных территорий в бассейне Ловати и Волги, источниками исключительной научной значимости. Разведочный раскоп на стоянке Боярщина 1 (В.М. Воробьев, 1990) дал впечатляющие результаты.

На мой взгляд, в данной источниковедческой ситуации пока не актуальны раскопки здесь городищ раннего железного века, кроме, возможно, южной части региона, где они почти не исследованы, хотя известны

и в бассейне Межи, и на самой Западной Двине ниже устья Велесы. Включение их в круг днепро-двинских древностей не представляет, видимо, больших сложностей.

Очень мало сведений о средневековых памятниках восточной части Верхнего Подвинья, то есть бассейна Межи, охватывающего едва ли не половину всей описываемой территории. Это объясняется не только слабой привлекательностью здешних ландшафтов для земледельцев, но и недостаточной полевой изученностью субрегиона, смежного с Верхневолжьем.

Необходимо возобновление раскопок г. Торопца и изучение культурного слоя средневекового г. Белого, который не исследовался археологически никогда.

Наконец, требуется долгая и кропотливая работа по картографированию населенных пунктов по материалам писцовых и переписных книг XVI-XVII вв. с последующим полевым обследованием этих пунктов. Часть этой работы проделана Л.А. Бассалыго и В.Л. Яниным, а также, независимо от них, нами по Торопецкой писцовой книге 1540 г.

Нас не должна останавливать ситуация социально-политического и экономического кризиса в стране. Отечественная археология переживала такие периоды прежде и продолжала развиваться. Само осмысление историографической и источниковедческой ситуации, собирание научных сил, формирование предложений по согласованным действиям на перспективу, в том числе по программе «Двина – Дзвина – Даугава», – серьезные шаги к следующему этапу изучения древней и средневековой истории Верхнего Подвинья.

*Тверской областной институт
усовершенствования учителей,
Тверь*

V.M. Vorobjov

STUDIES OF THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE UPPER WESTERN DVINA RIVER BASIN: SOME RESULTS AND PERSPECTIVES

Summary

Commonly lands along the Western Dvina River from its source to its confluence with its large left tributary the Mezha River are called the upper Dvina lands. The well-developed river systems are in the inner territories of the upper Dvina lands, which all except for their eastern part are interspersed with lakes. All that, as well as the variety of its relief, made the territory naturally and economically attractive for the first inhabitants and ethnic masses which had been populating it since ancient times up to the Middle Ages.

The history of the upper Dvina lands studying is divided distinctly into 4 periods:

1) The period of amateur surveys and excavations, of compilation of archaeological maps by the Gubernia (regional) Scientific Archive Commissions and societies, and of the first scientific field studies had taken place since the second half of the 19th century till World War II. 2) The period of the field works of the expedition of Leningrad Department of Institute of Archaeology headed by Ya. V. Stankevich in Velikiye Luki region is dated to the late 1940es - 1950es. 3) The period of the mainly prospecting field work aimed at compiling The Code of Archaeological Monuments of Tver Region was in 1970es - 1980es. 4) The period of the late 1980es - 1990es is dedicated to the inventories of the technical state of archaeological monuments as well as to the excavations of several monuments undertaken according to scientific interests of particular scholars then.

The state of knowledge on the upper Dvina lands archaeology (gained mainly by surveys) should be considered as satisfactory due to the works of Ya. V. Stankevich and the activities aimed at compiling The Code of Archaeological Monuments of Tver Region. At the same time a fundamental generalization of the data gained has not been done.

The author considers to be actual the solution of the following problems of the archaeology of the upper Dvina lands: the creation of effective system to protect archaeological heritage and monitor it; development and realization of a long-term programme of field works in the upper Dvina lands within the international programme "The Dvina - the Dzvina - the Daugava"; raising and solving the concrete scientific tasks connected with studies of ancient and medieval history of the upper Dvina lands and the neighbouring territories.

*Tver Regional Institute for Teachers Improvement
7, Volokolamsky Ave., Tver,
170008, Russia*

М.Ф. Косарев, С.В. Кузьминых

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКОВ УРАЛЬСКОЙ ПРАРОДИНЫ

Поводом для этих заметок¹ послужила книга известного этнолога В.В.Напольских [1], посвященная одной из центральных проблем уральской предьистории – проблеме локализации уральской прародины. В исторической уралоистике это первый опыт монографического обобщения и критического осмысления в многоуровневой системной подаче всех основных вопросов, касающихся ранних этапов этнической истории уральских (финно-угорских и самодийских) народов. Именно в этой “всеохватности” главная научная ценность исследования Напольских, выполненного в лучших традициях отечественной уралоистики и во многом являющегося логическим продолжением классических работ выдающихся российских ученых П.Н.Третьякова, О.Н.Бадера, В.Н.Чернецова, А.Х.Халикова, А.К.Матвеева, Е.А.Хелимского и др.

Книга В.В.Напольских, бесспорно, полемична, но она явственно расширила перспективу поиска границ уральской прародины. Результаты этого поиска уже активно обсуждаются этнологами и палеоисториками. Надеемся, что археологическая проблематика, связанная с ранними этапами предьистории финно-угорских и самодийских народов, вызовет живой отклик и у археологов, тем более что археология может сыграть, на наш взгляд, решающую роль при рассмотрении главных, узловых моментов уральской предьистории. Настоящие заметки, обращенные прежде всего к исторической и историко-археологической сторонам исследования Напольских, мы рассматриваем как приглашение к дискуссии.

Книга структурно состоит из двух весьма непохожих частей. Первая из них (“Уральские народы: начальные сведения по этнической истории”) является, по существу, подробным и содержательным комментарием к этнокультурной карте уральских народов с момента их исторической известности по летописным данным, историческим сочинениям и этнографическим свидетельствам. Эта часть имеет не только научное, но прежде всего общеобразовательное значение, знакомя широкую читательскую публику с поздними этапами этнической истории конкретных уральских народов. Практическая ценность данного очерка и для специалистов финно-угроведов, и для всех интересующихся прошлым и настоящим финно-угорских и самодийских народов особенно наглядна на фоне ныне выплеснувшейся на книжный рынок литературы, делающей заявку на решение этногенетических проблем, но явно сомнительного качества. В этом отношении книга Напольских контрастна как по форме, так и по информативности, например, с недавним трудом В.С.Патрушева [2], претендующим на обобщение новейших достижений науки, но продемонстрировавшим удивительную научную некомпетентность и недобросовестность его автора [3].

Изыскания В.В.Напольских касаются условий и времени происхождения того или иного исторически известного уральского народа, этимологии его имени, динамики этнического ареала, характера и направления связей, исторических судеб и т.д. Поучительны его размышления относительно трагических последствий для коренных сибирских народов агрессивного вторжения в их мир чуждых социокультурных комплексов, наиболее выраженных в непродуманных мерах, принятых в СССР в процессе осуществления пресловутой идеи “скачка” аборигенов Сибири “из первобытности в социализм” (коллективизация, раскулачивание, искоренение шаманов и шаманства, насильственный перевод кочевых народов на оседлость, обязательное восьмилетнее, а затем и среднее образование, связанное с отрывом детей от родителей и от привычного традиционного жизненного уклада, и т.д.). Эти размышления заставляют не просто вспомнить о богатом отечественном (дореволюционном) и зарубежном опыте более рационального и более мудрого подхода к национальному вопросу, но и ведут нас к необходимости поиска путей решения насущных проблем коренных народов Сибири.

Трудно согласиться с утверждением В.В.Напольских (вслед за А.В.Головневом), что крупнотабунное оленеводство в сибирской и восточно-европейской тундре (с XVI-XVII вв.), облегчив “высокую подвижность и относительную независимость от природных условий, обеспечило явное превосходство тундровых ненцев над другими народами, сохранившими более архаичный уклад” [1, с.89]. Как можно догадаться из предыдущих и последующих суждений, речь идет о социально-экономическом превосходстве общества крупнотабунных оленеводов перед традиционными охотничье-рыболовецкими обществами с транспортным оленеводством. Берем на себя смелость заявить, что крупнотабунное оленеводство в сибирской тундре с ее

¹ Работа выполнена при содействии Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 98-06-80040) и программы “Интеграция” (проект № 328).

сравнительно редкими и трудно возобновляемыми ягельными пастбищами было экологически неоправданным шагом, приведшим к усугублению перевыпасов, бескормиц, эпизоотий, к исчезновению диких оленьих стад, учащению голодовок и т.д., компенсируемых отчасти захватническими набегами оленеводов на другие народы, сохранившимися, выражаясь словами Напольских, “более архаичный уклад”, – остяков, вогулов, лесных самоедов и др.

Крупнотабунное оленеводство в тундре привело к нарушению разумного демографического равновесия, превратило массу населения в полуничиных наемных пастухов, но самое главное, как это ни странно звучит, не повысило материального благополучия владельцев крупных стад. “Оленные мужики, – писал о северных самоедах более двух веков назад В.Ф.Зуев, – которые стадам своим не знают шету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатый сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих убить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особливового рода, потому что в их обитает особливый род скупости. И так их экономию можно разделить, что рыболовство – их пропитание, а олени богатство заключают” [4, с.68]. То же самое и примерно в то же время наблюдал С.П.Крашенинников у оленных коряков: “А тойона Этеля, Соплякова сына, – пишет он, – до 100 000 оленей считают; однако при всем том они столь скупы, что оленя для себя убить жалеют, а довольствуются звероядиною и мертвечиною... Расхожим (обычным – М.К., С.К.) гостям не стыдятся они говорить, что у них подчевать нечем... Для других (почетных гостей – М.К., С.К.) убивают оленей и в то только время сами досыта наедаются” [5, с.453].

Как в первой, так и во второй частях своей книги Напольских, по существу, отождествляет понятия “язык” и “этнос”; во всяком случае, варианты языковой трансформации и языковой преемственности в его интерпретации, несмотря на ряд оговорок [1, с.106,179-180], тем не менее, оказываются адекватно отражающими варианты этнической трансформации и этнической преемственности. Нам представляется, что здесь имеет место некоторая недооценка (био)социальной и психологической природы этноса, лежащей в основе механизма этнического самосознания. Именно в силу действия этого механизма нынешние англоязычные ирландцы ощущают себя ирландцами, а не англичанами, а утратившие родной язык нижнеенисейские кеты продолжают считать себя кетами.

Видимо, надо учитывать также возможность языковой “нефиксируемости” в прошлом ряда пришлых иноязычных групп, приносивших чужеродный комплекс культурных черт, но не оставивших после себя видимых лингвистических следов. В средневековой истории наиболее наглядным примером такого лингвистически “нефиксируемого” чужеродного внедрения является освоение норманнами тысячу лет назад юго-западного и западного побережья Гренландии. Если бы не письменные свидетельства (подкрепленные затем археологическими раскопками), никакие лингвистические изыскания на территории Гренландии сами по себе не установили бы факт четырехвекового существования в эскимосском (палеоазиатском) окружении двух многолюдных норманнских колоний.

Отметим в первой части книги одну существенную неточность (надеюсь, опечатку): Напольских указывает, что искатель прародины венгров Юлиан совершил свое знаменитое хождение на восток, в страну предков, в 20-е гг. XIII в. [1, с.67]. В действительности названное путешествие состоялось в середине 30-х гг.; оно началось не более чем за год до восшествия на престол венгерского короля Белы IV (сентябрь 1235 г.) и завершилось 27 декабря 1236 г. [6, с.72].

Во второй части книги (“Предыстория уральских народов. Введение в проблематику уральской прародины”) критически анализируются, обобщаются и систематизируются все накопленные к настоящему времени лингвистические данные, касающиеся одной из центральных проблем уральской предыстории – проблемы локализации прародины уральских народов. Следует напомнить, что под уральцами автор понимает народы, говорящие на языках уральской языковой семьи; естественно, в системе его доказательств история финно-угорских и самодийских языков стоит на первом месте. Однако при этом В.В.Напольских исходит из важнейшей методической посылки (которую мы разделяем), что “языковая преемственность не обязательно влечет за собой преемственность культурную или генетическую” [1, с.106]. Для него факт языкового распада определяется не собственно внутриязыковыми причинами, а исключительно социальными обстоятельствами, историческими причинами, которые “должны были в той или иной мере повлиять на развитие культуры и физического типа данной группы народов, и следы этого влияния могут быть выявлены и использованы в исторических построениях вместе с данными языкознания” [1, с.107,112].

В.В.Напольских сознает, что исследование уральской предыстории носит принципиально комплексный характер, и поэтому помимо данных языкознания по необходимости должно базироваться на материалах археологии, физической антропологии, этнографии, палеобиогеографии и т.д. – в той мере, в какой они, на его взгляд, “должны быть связаны друг с другом в рамках исторической модели, объясняющей генетические и логические взаимосвязи фактов, установленных с помощью методов названных выше наук” [1, с.107]. Попытки создания такого рода моделей предпринимались и раньше, но все они изначально страдали “однобокостью” – археологической либо лингвистической. В полной ли мере удался Напольских синтез данных различных наук, станет ясным только после широкого обсуждения книги.

В вопросах, касающихся этапности и общей направленности распада уральской языковой семьи, В.В.Напольских, по сути, придерживается традиционных взглядов, выраженных в “родословных деревьях” П.Хайду, Е.А.Хелимского и Р.Таагепера [1, рис.2-4]. Вместе с тем, предложенная им схема [1, рис.5] существенно отличается от предшествующих рядом новых научно значимых показателей, позволяющих более реально

оценивать уровни расхождения между теми или иными языковыми состояниями. Суть этих отличий [1, с. 115] – в попытке показать характер тех или иных праязыковых общностей с упором на выделение надежно реконструируемых праязыков. Напольских стремится оценить относительное время существования этих праязыков как относительно единых и как более аморфных общностей разных языков и диалектов, объединенных ареально-генетическими связями; кроме того, в его схеме различаются два вида языкового развития: “скачок”, т.е. относительно быстрое выделение “дочернего” праязыка из “материнского” массива, и перетекание – постепенный переход из одного языкового состояния в другое.

В.В.Напольских сомневается [1, рис.5] в существовании особой “волжской” (прамордовско-марийской) общности, предполагая в противовес этому постулату факт разделения финно-волжской общности на три дочерних праязыка: прибалтийско-финско-саамский, прамордовский и прамарийский. Общая палеолингвистическая этапность уральской предистории в его интерпретации выглядит следующим образом: 1) распад уральского праязыкового единства (т.е. отрыв раннего самодийского праязыка от уральского массива: VI - конец V тыс. до н.э.); 2) распад прафинно-угорского единства (т.е. начало самостоятельного развития праугорского): середина III - рубеж III/II тыс. до н.э.; 3) распад угорского праязыка: конец II - вторая половина I тыс. до н.э.; 4) распад самодийского: около рубежа эр; 5) распад прибалтийско-финского: первые века н.э.; 6) распад пермского: конец I - начало II тыс. н.э. [1, с. 116, 125].

Известно, что методы сравнительно-исторического языкознания дают лишь самые общие хронологические пределы, “вынесение за рамки которых распада праязыковой общности противоречит языковым фактам” [1, с. 117], и сами по себе не являются надежными. Предложенная этапность уральской предистории определялась прежде всего в ходе синтеза восстанавливаемой праязыковой лексики [1, с. 121-125] и данных археологии, что позволило Напольских не только представить в общих чертах облик материальной культуры носителей праязыка, но и соотнести ее с той или иной археологической эпохой. Выявленная этапность, несомненно, в той или иной мере сказывалась на динамике уральской прародины, а именно: в изменении ее пространственных границ, территориальных “дрейфах”, локальных дифференциациях, отрывах от основного “тела” и т.д. [1, рис.6].

Следует согласиться с В.В.Напольских, не раз оговаривающим (правда, вскользь, мимоходом), что наиболее значимые переходы от одного языкового состояния к другому могли быть так или иначе связаны с природно-климатическими и социально-экономическими изменениями. Если это так, то наиболее критические моменты “распадов” широких языковых цельностей должны в общем совпадать с переходными историко-археологическими периодами: от палеолита к мезолиту, от мезолита к неолиту, от неолита к эпохе раннего металла и от бронзового века к железному, когда происходили особенно радикальные смены хозяйственных, культурных и мировоззренческих традиций с одновременным возрастанием миграционной активности и с утверждением новых направлений межэтнических связей. Однако эти большие и малые социально-экономические трансформации в разных частях гипотетической прародины уральцев могли хронологически не совпадать, особенно начиная с кануна бронзового века, когда неравномерность исторического развития на пространствах Северной Евразии стала сказываться наиболее явственно. Тем не менее постулируемая в уралистике (в том числе и Напольских) хронологическая приуроченность разных уровней “распада” рассматриваемых языковых цельностей [1, с. 125] в общем не противоречит их этапной соотносимости с моментами смены тех или иных историко-археологических эпох.

В исторической уралистике район уральской прародины уже более века принято определять методом лингвистической палеонтологии. В.В.Напольских, существенно расширивший возможности самого метода, отводит ему, пожалуй, ключевую роль для определения прародины уральских народов. Суть его заключается в том, что “в реконструированном праязыковом словаре выделяется комплекс понятий (названия растений, животных, термины для особенностей климата, ландшафта и т.д.), позволяющих представить экологическую среду, в которой обитал пранарод” [1, с. 125-126]. Напольских сознает все ограничения данного метода и выявляет с его помощью (что методически очень важно) не собственно территорию прародины, а праязыковой экологический ареал. Лишь в ходе дальнейшего исследования с привлечением данных как лингвистики (внешние контакты праязыка, топонимика), так и археологии и физической антропологии он пытается разрешить проблему локализации уральской прародины.

Сам же прауральский экологический ареал определяется им как территория, ограниченная на западе Уральским хребтом, на севере – примерно Полярным кругом, на востоке – районом нижнего течения Ангары и Подкаменной Тунгуски, на юге – примерно современной южной границей западно-сибирской тайги от северных предгорий Саян и Алтая до нижнего течения Тобола и Среднего Урала включительно. Он охватывал области средней и южной темнохвойной тайги западно-сибирского типа. Именно с этой экологической нишей следует, по мнению Напольских, связывать древнейшие этапы уральской предистории [1, с. 132, 135]. Прафинно-угорский экологический ареал в III тыс. до н.э. в значительной мере совпадал с западной и юго-западной частями прауральского с возможным включением в него районов к западу от Уральских гор, прежде всего бассейна Камы, верховий Вычегды и Печоры [1, с. 140].

Высоко оценивая перспективность использования в этногенетических реконструкциях данных палеобиогеографии и лингвистической палеонтологии в целом, должен заметить, что В.В.Напольских (вслед за некоторыми другими лингвистами) несколько преувеличивает, на наш взгляд, научную эффективность этих методов. Дело в том, что его “палеонтология” привязана к палеогеографической схеме голоцена Северной Евразии Н.А.Хотинского [7], которая основана на неравномерных сериях палинологических анализов и в последние десятилетия подверглась заметной детализации. В случае несостоятельности какого-либо блока

этой схемы возникнет необходимость ревизии и палеонтологических реконструкций, что может серьезно ослабить палеолингвистическую концепцию в целом.

Помимо метода лингвистической палеонтологии им привлекаются для определения прародины и другие языковые данные. Строго подходу к отбору топонимических материалов (опираясь при их анализе прежде всего на работы А.К.Матвеева), Напольских приходит к выводу о том, что нет оснований говорить о былом присутствии в Восточной Европе (пра-)самодийского и (пра-)угорского населения [1, с.142-143]. Однако более важным для основной темы исследования оказался анализ данных о внешних генетических и контактных (ареальных) связях уральского праязыка с другими языками, прежде всего индоевропейскими.

В.В.Напольских критически отнесся к новейшим поискам следов древнейших индоевропейско-уральских контактов, предпринятых финским германистом Е.Койвулехто. Рассмотрев общие элементы в базовой лексике и морфологии, реконструируемые для уральского и индоевропейского праязыков, он приходит к выводу о том, что реальных данных, свидетельствующих о таких контактах, нет [1, с.142-148]. Напольских отстаивает традиционную точку зрения, согласно которой первый контакт между носителями этих праязыков имел место уже после их распада, не позднее рубежа III-II тыс. до н.э. Он соотносит его, с одной стороны, с распространением в Волго-Уральском междуречье древнеямных племен и образованием здесь полтавкинской общности (с последующим ее выходом в зауральско-казахстанские степи), а с другой – с проникновением на Южный Урал и в Волго-Вятское междуречье во второй четверти II тыс. до н.э. абашевских племен, что предполагает возможность контактов этих ранних индоиранских групп с лесными народами Волго-Камского региона и Зауралья [1, с.149-150].

При такой трактовке фактов, что признает и сам Напольских, “есть некоторое несоответствие между, мягко говоря, не слишком интенсивными, судя по археологическим данным, контактами полтавкинцев с лесным населением и достаточно представительным списком раннеиндоиранских заимствований в прафинно-угорском” [1, с.150] языке. В действительности археологических данных о такого рода контактах – в реконструируемом авторском варианте – попросту нет. Если говорить о протоиндоиранских заимствованиях в прафинно-угорском языке, то археологически они восходят, скорее всего, к более раннему времени – энеолиту. Именно на уровне горизонта памятников хвалынского типа и лесных протоволосовско-гаринских мы можем реконструировать эти контакты, когда первые из них – пусть и единичные – достигают Камы, а вторые обнаруживаются в глубинных районах волго-уральской лесостепи, на Соке и Самаре. Именно в V-IV тыс. до н.э. (в калиброванной системе дат) в постнеолитических древностях Волго-Камья появляются первые домашние животные и – что крайне важно – первые изделия из меди в Тенишевском (“Сорокин бугор”) и Мурзихинском 2 могильниках.

В то же время мы не вправе преувеличивать глубину взаимодействия этих групп населения, что согласуется с выводом Напольских о том, что “говорить о слишком интенсивных контактах между прафинно-угорским и ранне-протоиндоиранским (языками – авт.) не приходится” [1, с.150]. Решающее усвоение индоиранской лексики, связанной с производящим хозяйством, в прафинно-угорском языке могло произойти лишь в позднем бронзовом веке, в системе взаимосвязей Евразийской металлургической провинции [8-9].

Необходимо заметить, что В.В.Напольских придает непомерно большое значение в преемственности ранних индоиранцев памятникам полтавкинского типа [1, с.149-150], которые в многовековом развитии ямной культурно-исторической области представляют собой лишь эпизод в процессе ее взаимодействия с катакомбным миром, являясь, по сути, дериватом последнего в степях между Волгой и Уралом. Можно предполагать определенный вклад носителей полтавкинских древностей в культурогенез степных образований позднего бронзового века, но, тяготея прежде всего к волжскому левобережью – от дельты до Самарской Луки [10, табл.9], они и в малой степени не могли взаимодействовать с лесными прафинно-угорскими народами. Во всяком случае, археологические свидетельства такого рода контактов нам неизвестны.

В.В.Напольских отмечает, что в индоевропеистике – и прежде всего В.И.Абаевым – уже давно поставлен вопрос о возможности интерпретации части арийских заимствований в финно-угорских языках как специально индоарийских; дело, по мнению лингвистов, за интерпретацией археологических данных [1, с.151]. И если обратиться к их анализу, то наиболее обоснованной представляется гипотеза о взаимосвязи этих заимствований с широким и в то же время дисперсным проникновением в леса Восточной Европы от Среднего Урала до Верхней Волги абашевской культуры, по всей вероятности, спровоцированным давлением сейминско-турбинских групп [11, с.14]. Судя по тем же археологическим данным, взаимодействие срубного и андроновского миров (последний в индоевропеистике отождествляется прежде всего с носителями иранских языков) с лесными народами Северной Евразии было более долгим, но оно охватывало, по преимуществу, лесостепь и южнотаежную зону и не могло сравниться по глубине проникновения в прафинно-угорскую среду с абашевскими и сейминско-турбинскими популяциями [12, карта 23; 13, карты 13-14].

Последние (надеюсь, справедливо) рассматриваются В.В.Напольских в связи с проблемой прототохарско-уральских контактов, которые “имели место в относительно позднюю эпоху (после распада уральского и финно-угорского праязыков), но охватили при этом все (эндо-)уральские группы” [1, с.155]. Напольских полагает, что эти события могли произойти в промежутке между примерно серединой II тыс. и не позднее второй половины I тыс. до н.э., и единственным историческим явлением, той связующей нитью, что “вплела” тохарские лексические заимствования в трансуральскую языковую среду, был сейминско-турбинский феномен. Непосредственно с прототохарами он связывает носителей афанасьевской культуры [1, с.157], и сама эта идея (см. ее обоснование: [14-16]) в свете современных археологических разысканий в центре Азии представляется вполне здоровой. Однако слишком прямолинейно – видеть в афанасьевцах прямых предков

тех алтайских коневодов и металлургов, что стали одним из компонентов сейминско-турбинского феномена [1, с.157]. Другое дело – если для районов Саяно-Алтая речь пойдет об их языковом и культурном влиянии на окружающие народы.

Необходимо отметить, что, касаясь проблемы исторических судеб сейминско-турбинского феномена, В.В.Напольских позволяет себе слишком вольный пересказ [1, с.155-156,187,196] концепций об образовании во второй половине II тыс. до н.э. уральского горно-металлургического очага (хотя из контекста изложения можно понять, что речь идет о системе Евразийской металлургической провинции, если обратиться к более новым работам [17], нежели те, что цитирует автор), о распространении из Среднего Поволжья вплоть до Финляндии и Швеции кельтов меларского типа в позднебронзовую эпоху и специфических ананьинских форм в раннем железном веке (хотя в работах одного из авторов данной статьи [18-20] речь идет о едином процессе распространения и производства этих орудий на севере и северо-западе Европы, обусловленном динамикой развития общности культур с “текстильной” керамикой и ее контактами и связями с ананьинской и другими культурами лесной полосы Восточной Европы и Северной Фенноскандии), о монголоидности создателей окуневской культуры (хотя сами антропологи [21-23] не столь однозначно согласятся с такой оценкой, предпочитая говорить о смешанном происхождении окуневского населения), и т.д.

Принципиально важное значение имеет экскурс Напольских в проблему происхождения балтских заимствований в западных финно-угорских языках, которая в уралистике является одной из наиболее дискуссионных. При ее разработке выявились две тенденции: с одной стороны, стремление ряда финских, эстонских и российских археологов и лингвистов (Ю.Айлио, А.Яюряпяя, П.Аристэ, Х.Моора, Л.Янитс, К.Ф.Мейндер, А.Я.Брюсов, П.Н.Третьяков и др.) доказать исконность финно-угорской речи на берегах Балтики, возводя ее к неолитической культуре с типичной гребенчато-ямочной керамикой, а с другой – обоснование гипотезы о позднем – не ранее конца II тыс. до н.э. – расселении предков прибалтийских финнов (в лице создателей культуры “текстильной” керамики) в Прибалтике уже после распространения там балтских языков.

Давно обоснованная лингвистами, эта гипотеза в настоящее время активно отстаивается археологом В.В.Седовым [24]), а также В.В.Напольских. Аргументы в пользу примата балтского присутствия в Прибалтике перед финно-угорским, изложенные сжато в книге [1, с.157-161] и более обстоятельно в специальном комплексном исследовании [25], не ставят точку в этом долгом споре (сама проблема, конечно, требует дальнейшей разработки), но, несомненно, привлекут внимание как сторонников, так и оппонентов этой идеи.

Для локализации уральской прародины в глубинных районах Азии не менее важным оказалось сравнение финно-угорских и самодийских языков с алтайскими и юкагирским. В.В.Напольских, оставаясь противником гипотезы урало-алтайского родства (т.е. былого существования урало-алтайского праязыка) и опираясь на новейшие достижения алтаистики (С.А.Старостин, А.Рона-Таш, Д.Шинор и др.), считает вполне достоверным вывод М.Рясянена о северно-азиатской локализации древнейших урало-алтайских связей. Языковые данные, по мнению Напольских, свидетельствуют о непрерывных контактах наиболее восточных прауральских диалектов с пратунгусо-маньчжурскими: “следовательно, восточный фланг уральской прародины должен был достигать по крайней мере Енисея” [1, с.163]. Ранние слои тюркских заимствований в самодийских и угорских языках (и самодийские заимствования в праторкском) интерпретируются им как свидетельства выхода тюрков в степи юга Сибири и движения с востока, возможно, от верхнего Енисея, где можно локализовать ранние тюрко-самодийские контакты, на запад в I тыс. до н.э. [1, с.164].

В последние десятилетия в уралистике активно обсуждается гипотеза юкагино-уральского родства (см. работы Б.Коллиндера, Е.А.Хелимского, И.А.Николаевой, Ю.Янхунена, А.Г.Козинцева и др.). Сама постановка этой проблемы (что нередко забывается лингвистами и антропологами) стимулировалась идеями А.П.Окладникова [26, с.176-179,185-186,190-192], который прозорливо перекинул “мостик” от культуры юкагиров – бродячих пеших охотников на северного оленя в арктических тундрах – к культуре их неолитических предшественников и предков – полуседлых охотников и рыболовов восточно-сибирской (и прежде всего прибайкальской) тайги. Этому не противоречат и данные лингвистической палеонтологии и физической антропологии, приведенные Напольских [1, с.165-166]. Наличие в составе юкагиров и уральских народов какого-то древнего общего компонента, генетическое родство уральских языков с юкагирским, имеющим, очевидно, средне- и восточно-сибирские корни, указывают “на южные области Западной и в особенности – Средней Сибири как на район, где следует локализовать древнейшие этапы уральской языковой предистории” [1, с.166-167].

В.В.Напольских, следуя комплексному подходу к исследованию уральской предистории, естественно, не мог обойти вниманием физико-антропологический и археологический аспекты проблемы уральской и финно-угорской прародины. Этот раздел, венчающий книгу и представляющий для нас особый интерес, является по сути “лакмусовой бумажкой”, с помощью которой высвечиваются все сильные и слабые стороны той концепции уральской предистории, что отстаивает Напольских.

Он, безусловно, прав в том, что “основное значение в исследовании антропологической предистории уральских народов имеет вопрос о происхождении урало-лапоноидной расы” [1, с.169], и решительно не соглашается с метисационной гипотезой ее генезиса (Г.Ф.Дебец, Н.Н.Чебоксаров, М.М.Герасимов, К.Марк, В.П.Алексеев и др.). В.В.Напольских склоняется к мысли В.В.Бунака и В.П.Якимова (поддержанной Т.А.Трофимовой, Г.М.Давыдовой, А.Г.Козинцевым и др.) о том, что “метисационная” гипотеза генезиса урало-лапоноидной расы не согласуется с реальными палеоантропологическими данными с территории

Восточной Европы и, в частности, Прибалтики, что уральский пранарод некогда представлял собой реально существовавшую этническую общность, что близость древнеуральского антропологического комплекса к юкагирскому и тунгусскому указывает скорее на восточные области восточноевропейско-урало-сибирского очага расогенеза как территорию уральской прародины, что особую роль в формировании исторической уральской ойкумены сыграл “низколиций монголоидный” компонент сибирского происхождения [1, с. 178-179].

Отмечая проникновение “низколиций монголоидных” популяций в лесную зону Восточной Европы еще с мезолита, Напольских наиболее значимым для уральской предыстории признает их приток с северо-востока Европейской России и/или из-за Урала в Прикамье и Среднее Поволжье в конце позднего бронзового и начале раннего железного веков [1, с. 176]. Особенно ярко этот “сибирский” компонент представлен в известном Луговском могильнике ананьинской культуры [27], само формирование которой В.В.Напольских связывает с мощным притоком “низколиций монголоидов”.

В этой связи необходимо иметь в виду, что речь может идти только о формировании “таежного” ананьина, представленного памятниками со шнуровой, или “классической ананьинской”, и гребенчато-шнуровой, или северно-приуральской постлельяжской, керамикой на северо-востоке Европы. Как показал В.Н.Марков [28], не ранее VI в. до н.э. население, оставившее эти группы керамики, осваивает Верхнее и Среднее Прикамье, бассейны Ветлуги и Вятки и приустьевые районы этих рек на Волге и Каме, нарушая на юге региона единство постмаклашевских древностей и в то же время активно генерируя многие черты культуры “южного” ананьина. Таежные мигранты, в частности, воспринимают постмаклашевскую погребальную обрядность, и их захоронения – совершенно не известные в северных широтах – появляются в уже функционирующих раннеананьинских некрополях: Старшем Ахмыловском, Козьмодемьянском и Акозинском в Среднем Поволжье, Мурзихинском I, Ананьинском, Луговском, Зуевском, Мензелинском, Оханском, Скородумском и др. в Прикамье. Именно благодаря этому мы можем судить о физическом облике тех популяций, что характеризуют прежде всего “таежное” ананьино (“низколицие монголоиды”) и которые столь хорошо изучены по материалам антропологической серии Луговского могильника.

Необходимо также иметь в виду, что (когда речь идет о распространении культурного влияния и населения ананьинского мира с востока на запад [1, с. 176]) за этим кроется освоение темнохвойных восточноевропейских пространств вплоть до Карелии и Финляндии прежде всего носителями шнурового и гребенчато-шнурового ананьина [28], коренным образом изменившее этнокультурную ситуацию на севере и северо-западе Европейской России и в Фенноскандии. В этих районах – при явном ананьинском импульсе и вкладе – формируются симбиозные культурные образования (позднекаргопольская, лууконсаари-кудома, сярайские-2 и др.).

Возвращаясь к физико-антропологическому аспекту уральской прародины, необходимо все же отметить заметную скудость палеоантропологических материалов (особенно серийных – типа олениостровской, сахтышской, луговской, протокской, сопкинской, еловской и т.д.), вовлеченных в изучение предыстории финно-угорских и самодийских народов. Кроме того, в последние десятилетия в антропологических исследованиях все активнее используются новые методы (этническая краниоскопия, дерматоглифика, палеодемография и др.), еще недостаточно вошедшие в арсенал уралоистов, способные внести существенные коррективы в предложенный В.В.Напольских физико-антропологический аспект уральской предыстории, который грешит, на наш взгляд, некоторой категоричностью выводов.

Полагаем, что изначально открытые для миграций и межкультурных взаимодействий Восточно-Европейская и Западно-Сибирская равнины вряд ли могли когда-либо препятствовать процессам расовой гибридизации, о чем внятно свидетельствуют и новейшие антропологические данные [29-30]. На примере погребений из Сахтышских стоянок, с одной стороны, прослеживается явная преемственность населения от раннего неолита до медного века, а с другой – наблюдается постоянный процесс смены и гибридизации антропологических типов. И такого рода процессы, протекавшие на огромных пространствах Северной Евразии, были, скорее, не исключением, а правилом, что, впрочем, признает и сам Напольских, очерчивая ареал формирования и древнейшего распространения древнеуральской расы в лесной зоне от Прибалтики на западе до Верхнего Приобья на востоке [1, с. 174].

Относительно возможностей археологии в палеоисторических реконструкциях может показаться, что В.В.Напольских отводит ей более чем скромную роль – на уровне подсобной служительницы лингвистики, если полагать, что он не прав, утверждая, что “сам по себе археологический материал не содержит никакой информации о языке и этнической принадлежности” древних групп населения, что “установление археологической преемственности... между двумя культурами не означает преемственности языка и этнического самосознания”, что “установление границ археологических культур на определенной территории не означает, что на этой территории существовало такое же количество этноязыковых общностей”, что “смена языка и самосознания отнюдь не обязательно сопровождается заметными изменениями в материальной культуре и наоборот, а границы хозяйственно-культурных типов отнюдь не обязательно совпадают с этническими границами” [1, с. 179-180].

Однако мы как археологи должны прежде всего сами осознавать все ограничения нашей науки, когда беремся за решение этногенетических проблем уралоистов. Не случайно даже лучшие работы по этнической истории, принадлежащие перу археологов (В.Н.Чернецов, П.Н.Трегьяков, А.Х.Халиков, В.В.Седов и др.) и выполненные с привлечением данных иных дисциплин (сравнительно-исторического языкознания, этнологии, антропологии, палеобиогеографии и др.), тем не менее грешат попытками коррекции выводов

одной дисциплины исходя из выводов другой. Для Напольских важно построить модель древних этнических и языковых процессов, в которой данные независимых дисциплин, в том числе и археологии, служат “для объяснения фиксируемых независимо в разных сферах человеческого и природного бытия событий и/или их результатов через комплексную реконструкцию исторического процесса” [1, с. 180].

Мы вправе согласиться или не согласиться с таким пониманием места археологии в палеоисторических реконструкциях, однако для нас живая “ткань” исследования Напольских является гораздо более важной, нежели общие постулаты. И, как нам представляется, не всегда эта “ткань”, созданная на основе синтеза ряда дисциплин, укладывается в ту непротиворечивую историческую модель, к которой стремится автор [1, с. 107-108, 179-180], но об этом несколько ниже. Обратимся вначале к некоторым “узловым” точкам самой “ткани”.

Вероятно, вполне правомерен вывод В.В.Напольских о том, что генезис предковых культур самодийских и обско-угорских народов, судя по археологическим данным, не сопровождался массовой сменой населения или языка в Западной Сибири на протяжении неолита, бронзового и железного веков вплоть до средневековья, что реальные этногенетические процессы в этом регионе в данный период определялись взаимодействиями между аборигенными группами лесной полосы и южным степным населением индоиранской языковой принадлежности [1, с. 184]. Отметим, что к устойчивости культурных традиций в таежной зоне Западной Сибири давно привлекал внимание один из авторов данной статьи [31-35]. Настойчиво к “презумции автохтонности” в этногенетических исследованиях самодийцев и обских угров призывают в последнее время и этнологи, предлагая рассматривать всякую предполагаемую миграцию как “аномалию, нуждающуюся в гораздо более весомом обосновании, чем картина устойчивости и преемственности” [36, с. 69].

Можно согласиться с соотношением позднего прасамодийского экологического ареала в территориальном и хронологическом плане с кулайской культурой [1, с. 180], однако мы включили бы в него и усть-полуйскую Нижнего Приобья, полагая, что и та, и другая восходят к “крестовой” орнаментальной традиции, с носителями которой (и с этим солидарны большинство исследователей) связаны ранние этапы самодийской предистории. Таежная локализация самодийцев согласуется, как отмечает Напольских, со слабыми следами контакта самодийского праязыка с индоиранскими [1, с. 181], т.е. вне сферы активного андроновского влияния на юге лесной полосы Западной Сибири. Однако все еще спорным остается вопрос: какой или какие орнаментальные керамические традиции связываются с прасамодийцами в неолите и бронзовом веке (см. о дискуссии: [36]); один из авторов данной работы, в частности, отстаивает связь языковых предков самодийцев с носителями гребенчато-ямочной керамической традиции [31, с. 159-160].

Можно согласиться с В.В.Напольских в том, что праугорскими уже являлись андронидные культуры Урало-Иртышского междуречья, и не согласиться с тем, что генезис предковых культур обско-угорских народов (точнее – собственно угорского компонента в их составе) приводит к иткульской культуре эпохи раннего железа [1, с. 61, 183]. Генетическая связь последней с межовско-березовскими древностями позднего бронзового века только постулируется [37, с. 153-156], но не доказана. Надеясь “угорством” саргатско-гороховскую общность (а вкупе с нею иткульскую и ряд других зауральских культур), мы упускаем из виду таежный облик иткуля, проявляющийся особенно отчетливо в духовной и материальной сфере, а именно: в древнейших образцах урало-сибирского культового литья (столь характерного прежде всего для самодийского этнокультурного ареала), стереотипах металлообработки самусьско-кижировского типа (которые воспроизводятся также в таежных ананьинских, “крестовых” и раннекулайских центрах), ряде архаичных технических приемов литья иковки, всплеске гребенчатой орнаментальной традиции в керамике, преобладании промысловой мясной охоты над скотоводством и т.д.

Исторические судьбы иткульской культуры еще предстоит выявить. вполне возможно, что иткульцы принадлежали к тем парауральским праязыковым группам (по терминологии Напольских), которые участвовали в формировании угорских и самодийских групп, но не в качестве системообразующего компонента – в отличие от гороховских и саргатских популяций, с прямыми языковыми потомками которых (кушнаренковская, караякуповская, сылвенская и другие культуры) связаны начало венгерской предистории, а также угорский “след” в этногенезе пермских и тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Генезис предковых культур обско-угорских народов, вероятно, не ограничивался саргатско-гороховским миром и лесостепными пространствами Урало-Иртышского междуречья. Южнотаежная периферия этого мира (памятники кашинского, журавлевского, богочановского и других типов, см.: [38-39]), восходящая к андронидным культурам, не должна, на наш взгляд, исключаться из обско-угорского этногенеза.

Общая схема формирования пермских народов, предложенная В.В.Напольских [1, с. 184-186], вполне приемлема, но требует определенной коррекции. Действительно, вывод о происхождении пермян от прикамско-приуральского ананьинского населения (если, конечно, связывать с ним памятники со шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой, а не волго-камские постмаклашеевские) и соотношении пермского праязыка с языками этого населения (т.е. таежного ананьина) едва ли может быть поколеблен. Именно северно-приуральские (а не зауральские и сибирские) группы принесли в Прикамье специфический низколищный монголоидный антропологический тип, в то время как для постмаклашеевских популяций характерен прежде всего европеоидный. Предположение о культурном и языковом единстве всех ананьинских групп хотя и заманчиво, но в свете современных археологических представлений маловероятно.

В этой связи дилемма: возводить ли древнейшие истоки пермских языков к языкам энеолитического населения Приуралья (гаринская общность) либо мигрантов из Зауралья в эпоху образования ананьинской культуры (в лице тех самых низколищных монголоидов) – решается, на наш взгляд, в пользу первой версии. В

формировании предананьинских древностей, как известно, важную роль сыграли два внешних импульса: с запада – “текстильный” (к нему мы еще вернемся), и с востока – черкаскульско-федоровский. Последний придавал андронидный облик памятникам атабаевского, луговского, сусканского и межовского типов в лесостепи и южнотаежной зоне Среднего Поволжья и Приуралья, однако в финале эпохи поздней бронзы, при формировании предананьинской культурно-исторической области, этот восточный импульс угасает. В любом случае генетически он связан с раннеананьинскими (постмаклашеевскими) древностями.

Наиболее восточные из них (памятники ерзовского типа в Среднем и Верхнем Прикамье) взаимодействуют с “крестовыми” (носители которых широко – от Чусовой до Печоры – осваивают Северное Приуралье, а отдельные группы проникают даже в район среднего течения Вятки); в дальнейшем в Бельско-Камском междуречье появляются и иткульцы. Однако о массовой миграции гамаюнского, иткульского и других групп зауральского населения и об их не только решающем, но и сколько-нибудь заметном воздействии на формирование и развитие этнического “лица” ананьина говорить не приходится [40, с.6; 41, с.99-107]. Другое дело, когда речь идет о древностях Северного Приуралья конца II – середины I тыс. до н.э.: здесь действительно наблюдается масштабный сдвиг приобских групп с “крестовой” керамикой, вероятно, заметно сказавшийся на исторических судьбах населения лебяжской и других аборигенных культур Европейского Севера.

Генетическая связь гаринских древностей с лебяжскими и постлебяжскими (а не ерзовскими, как полагает Напольских) позволяет возводить истоки прапермян на северо-востоке Европы по крайней мере к эпохе раннего металла. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что ареал распространения памятников с пористой керамикой, украшенной гаринской “гребенкой”, на севере Восточной Европы в III – начале II тыс. до н.э. [42, abb.1] совпадает с ареалом формирования и распространения в конце II – начале I тыс. до н.э. древностей с гребенчатой и гребенчато-шнуровой орнаментацией, демонстрируя, вероятно, один из этапов процесса финно-угризации Европейского Севера.

Касаясь проблемы прапермско-иранских языковых контактов, В.В.Напольских ошибочно полагает, что наиболее интенсивными они были в ананьинское время [1, с.185]. Мощное влияние степных культур ему видится прежде всего в мелкой пластике ананьинского звериного стиля, однако культурное воздействие ранних кочевников проявилось в подражаниях и переработке не только образцов скифо-сибирского звериного стиля, но значительной части предметного мира, особенно вооружения. Помимо следования степной моде, мы сталкиваемся в раннем железном веке Прикамья с массой южных и восточных импортов, которые есть все основания связывать с активным внешним товарным обменом, но не с миграциями ираноязычных кочевников. Причем направленность и интенсивность культурных и торговых связей ананьинского мира менялись в зависимости от ориентации на те или иные южные и юго-восточные степные центры [18, с.175-180]. Непосредственные и наиболее интенсивные пермско-иранские контакты имели место лишь в эпоху поздней бронзы, в системе взаимосвязей Евразийской провинции. Поздние иранские заимствования могли проникнуть в пермские языки, вероятно, в раннем средневековье, если полагать, что угорский лесостепной компонент в сылвенской и ломоватовской культурах содержал значительный пласт иранских лексических заимствований.

В.В. Напольских полагает [1, с.186,191], что истоки этнической истории марийского и мордовского народов (а также летописных мери и муромы) тесно связаны с истоками прибалтийских финнов и саамов, что общие судьбы всех западных финно-угров (финно-волжских народов) уходят корнями к культурам Верхнего и Среднего Поволжья позднего бронзового – раннего железного веков (время формирования культуры текстильной керамики) и энеолита (время существования волосовско-гаринской общности). Большинство звеньев этой конструкции вполне надежны, но ряд ее узлов – с позиции современного археологического знания – явно не стыкуются.

Отметим прежде всего, что мы не можем поддержать допущение Напольских об участии в складывании этнического ядра марийского и мордовского народов наряду с городецко-дьяковскими группами ананьинских и постананьинских (азелинская культура) – и в первую очередь в силу того, что в Среднем Поволжье отсутствует прямая генетическая линия развития от ананьина до археологически и исторически известных мари и мордвы. С конца VI в. до н.э. ананьинские и раннетекстильные древности здесь внезапно исчезают, и дальнейшие этногенетические процессы в Волго-Ветлужско-Вятском регионе определяются уже городецкой доминантой. Азелинские элементы в культуре древних марийцев связаны, по мнению Т.Б.Никитиной, с культурными, торговыми и хозяйственными отношениями с Прикамьем. В настоящее время лингвистические и археологические данные не расходятся с тем, что формирование древнемарийского этноса проходило западнее территории современного проживания марийцев [43, с.63].

Финно-угризация центра и севера Европейской России, севера Восточной Прибалтики и Фенноскандии рисуется В.В.Напольских как процесс формирования в третьей четверти II тыс. до н.э. в Верхнем Поволжье и в северной части Волго-Окского междуречья культуры с текстильной керамикой (КТК) и распространения ее на западе в конце позднего бронзового – раннего железного веков [1, с.186-197]. Им предлагается следующая линия развития финно-волжских народов: КТК эпохи поздней бронзы – городецко-дьяковская общность/область (Халиков [44] включал в нее фактически все текстильные древности эпохи раннего железа – М.К., С.К.) – предки прибалтийских и поволжских финнов. Эта схема требует, на наш взгляд, иной “комбинации”, а именно: КТК + средневожская маклашеевская (позднеприказанская, по Халикову) – городецко-дьяковская общность (лучше – текстильная культурно-историческая область, или ТКИО – М.К., С.К.) + средневожская зона ананьинской культурно-исторической области (АКИО) – предки прибалтийских и поволжских финнов.

Эти коррективы связаны с тем, что в Среднем Поволжье судьбы текстильных и маклашеевско-ананьинских групп в конце II – начале I тыс. до н.э. были тесно переплетены, шел активный процесс этнической взаимоассимиляции и интеграции, который, однако, не привел к их полной нивелировке [18-20; 45]. Как уже упоминалось, в конце VI в. до н.э. этот процесс был прерван, но прерван лишь в Среднем Поволжье. Благодаря значительной миграции средневожских текстильных и ананьинских племен, а также групп таежного (гребенчатого и гребенчато-шнурового) ананьина по вычегодско-сухонскому и другим водным путям эти процессы, по всей видимости, активизировались на северо-западе и севере Европейской России и в Фенноскандии. Их отражение мы видим в древностях: текстильных и синкретичных текстильно-ананьинских на Нижней Оке [46, с. 116] и Верхней Волге [47, с. 146-182], т.н. позднекаргопольских и лууконсаари в Белозерье, Каргополье, Карелии и Финляндии [48-49].

Скорее всего, именно в это время происходит разрыв того финно-вожско-пермского единства, которое быть может, сохранялось во взаимодействии ТКИО и западной зоны АКИО с восточной (прапермской) зоной этой области, и отрыв носителей финно-вожского праязыкового единства от пермского. С этого времени их развитие протекало в рамках уже иных культурных, этнических и экологических систем, а их взаимодействие, хотя и поддерживалось в пьяноборскую эпоху (примером тому изделия камских типов в Карелии и Финляндии), никогда более не было столь тесным, как в конце II – начале I тыс. до н.э.

Культурная и этническая интеграция текстильного и ананьинского населения на Средней Волге, а после конца VI в. до н.э. и в более западных районах, по-видимому, паритетная роль этих групп в распространении на севере и северо-западе Европейской России новых хозяйственных, экологических и социальных доминант (которым В.В.Напольских придает столь важное значение в историческом “соревновании” племен и языков), а вместе с ними и их языков позволяют предполагать, что финно-вожское праязыковое единство сохранялось, вероятно, до конца VI в. до н.э., а его археологическим аналогом являлось единство ананьинско-“текстильное”. Вживление ананьинско-“текстильных” групп населения в палеоевропейскую, балтскую и, как полагает Напольских [1, с. 191], германскую среду на северо-западе и севере Восточной Европы и в Финляндии, по всей видимости, венчало тысячелетний процесс инфильтрации в эту среду древних прауральцев, начиная с таежных культур гаринского круга эпохи раннего металла [18, с. 81-82].

В предложенной В.В.Напольских и нами этногенетической конструкции финно-вожских народов априори (вслед за А.М.Тальгренем, П.Н.Третьяковым, А.Х.Халиковым и другими исследователями) предполагается финноязычность ананьинского и текстильного миров, поскольку ретроспективно именно к ним восходят истоки прибалтийских и поволжских финнов. Расхождения начинаются с того момента, когда мы обращаемся к культурам волосовско-гаринской области, которые, по мнению Халикова (поддержанному Напольских), и послужили основой последующих – финноязычных в своей основе – аборигенных образований бронзового и раннего железного веков. При этом ведущую роль в формировании и развитии волосовской и гаринской общностей В.В.Напольских отводит неолитическим культурам урало-западно-сибирского круга, прежде всего волго-камской. Распространение волосовской культуры в Волго-Окском междуречье рассматривается им (согласно взглядам О.Н.Бадера, А.Х.Халикова и В.П.Третьякова) как приход нового – волго-камского в своих истоках – населения, вытеснившего носителей культур с ямочно-гребенчатой керамикой (КЯГК). Область этих культур вычленяется из прауральского экологического ареала. В то же время предполагается, что ее отдельные пограничные группы (прежде всего создатели балахнинской культуры) могли говорить на каких-то парауральских диалектах, но в целом носители КЯГК исключаются из числа эндоуральских групп, т.е. непосредственных языковых предков финно-вожских народов [1, с. 193, 197-198].

Однако в последние годы, казалось бы, стройная схема ранних этапов финно-угорского этногенеза, предложенная А.Х.Халиковым [50], стала рушиться, причем из нее выпало только одно звено, но в данном случае важнейшее: В.В.Никитин [51] показал, что в образовании культур протоволосовского и волосовского круга на Средней Волге, как и в Волго-Окском междуречье, решающая роль принадлежала КЯГК, а не волго-камской неолитической. В таком случае, признавая финноязычность текстильных групп населения позднего бронзового и раннего железного веков, мы должны будем признать таковым и население КЯГК, что и предполагалось Х.Моорой, А.Я.Брюсовым, П.Н.Третьяковым, Н.Н.Гуриной, К.Ф.Мейландером, Л.Янитсом, Д.А.Крайновым, В.В.Сидоровым и другими специалистами, исходя прежде всего из генетического родства ямочно-гребенчатых и текстильных древностей (см. новые аргументы в пользу этой гипотезы [52]).

Признание финноязычности населения культур с ямочно-гребенчатой керамикой, ставшего основой формирования волосовских этнокультурных образований от устья Камы до Верхней Волги, естественно, не вписывается в модели финно-угорской предыстории А.Х.Халикова и В.В.Напольских. Перед нами встает дилемма: необходимо либо осознать бесперспективность вывести древо уральской предыстории из какого-то одного корня и принять модель лингвистического “куста” (т.е. признать гипотезу об изначально дисперсном состоянии финно-угорских диалектов в древности), либо разрешить противоречия в модели финно-угризации Восточной Европы, отстаиваемой Напольских.

Судя по всему, модель лингвистического “куста” покажется многим археологам более предпочтительной и насущной, поскольку позволяет обратиться к обсуждению путей интеграции конкретных археологических образований древности, нежели к поискам общефинского языкового единства в лице той или иной культуры. В то же время, сознавая перспективность второй модели, можно попытаться, оставаясь в рамках палеоисторического исследования В.В.Напольских, понять механизм финно-угризации текстильного мира.

Напомним, что К.В.Воронин [52] материалы культуры с текстильной керамикой эпохи бронзы разделяет на два хронологических горизонта. К раннему (1-я половина II тыс. до н.э.) им отнесены комплексы с пористой восточно-прибалтийской и с ямчато-зубчатой северо-западной керамикой из районов Валдая, Восточного Прионежья и Верхнего Поволжья, которые, по его мнению, логичнее рассматривать как самостоятельные культурные образования, связанные друг с другом опосредованно. Комплексы второго горизонта охватывают весь поздний бронзовый век, и их ареал в Восточной Европе существенно шире – от устья Камы до Карелии. О древностях КТК этого периода можно говорить уже как об этнокультурном (а не просто технологическом) явлении. Распространение этой культуры в эпоху бронзы шло из северо-западных областей лесной полосы в северном (Карелия, Прионежье), северо-восточном и восточном (Заволжье), юго-восточном (Среднее Поволжье) и южном (Поочье) направлениях.

На Средней Волге КТК появляется примерно в XIV-XII вв. до н.э. еще в домаклашеевскую эпоху и в уже сложившемся виде [45, с.41]. Вплоть до конца VI в. до н.э., т.е. на протяжении 7-8 столетий этот регион оставался своеобразным полиэтничным “котлом”, в котором – в лице носителей предананьинских и ананьинских древностей – явно довлела финно-угорская речь. Мы уже отмечали, что единого культурного комплекса на большей части Среднего Поволжья в эти века так и не сложилось, за исключением района к югу от устья Камы, где в пределах АКЦИО процессы интеграции и взаимоассимиляции текстильных и постмаклашеевских групп населения привели к формированию новой культуры – белогорской, носители которой по ленточным приволжским борам достигли Самарской Луки [45, с.42]. Но эти процессы, прервавшись на Средней Волге, активно продолжились (см. выше) в более западных районах лесной полосы Восточной Европы.

Быть может, благодаря именно этому долговому “соседству” на западных рубежах тогдашней финно-угорской ойкумены в среде “текстильного” населения и укоренилась финно-угорская речь. Нельзя исключить и того, что какие-то ее диалекты проникли в область КТК раньше (до миграции в Среднее Поволжье), если иметь в виду взаимодействие в ареале культур с пористой керамикой, и прежде всего в районах Заволжья, Каргополья и Прионежья, где памятники гаринского или близкого к ним типов соприкасаются с волосовскими и поздними ямочно-гребенчатыми.

Предложенный механизм финно-угризации области культур с текстильной керамикой встраивается в палеоисторическую модель В.В.Напольских, но это лишь один из возможных вариантов разрешения ее противоречий.

Должны заметить, что вынося на суд читателей проблему уральской предыстории, В.В.Напольских в рамках своей исторической модели решил главную задачу, определив прауральский экологический ареал, а соответственно и границы уральской и финно-угорской прародины. В то же время археологическая составляющая в этой модели оказалась излишне жесткой, а следовательно уязвимой. Любая многоуровневая историческая модель (система, схема, версия) должна оставлять достаточный простор для разумных сомнений, будирующих новые творческие поиски. “Непротиворечивые” модели не дают стимула для “переступания границ” и, следовательно, мало способствуют развитию науки.

Одному из авторов данной статьи при рассмотрении этнической принадлежности древних западно-сибирских культур неоднократно приходилось писать о трех разных этногенетических ракурсах: историко-археологическом, лингвистическом и антропологическом (см., например, [31, с.152; 34, с.9-10]). Стремление некоторых археологов в своих этнических привязках древних культур “непротиворечиво” совместить все эти ракурсы и тем самым подтвердить полное взаимосопадение археологических, антропологических и лингвистических данных во многих случаях есть не что иное, как “подгонка под ответ”, тем более что среди лингвистических версий, гипотез и точек зрения всегда можно выбрать самую удобную, объявить ее самой правильной и тем самым доказать практически все, что угодно. Аналогичным путем нередко идут в своих этногенетических реконструкциях лингвисты и антропологи.

Видимо, в каждом отдельном случае, пытаясь выявить ретроспективным путем предковые культуры современных народов, мы должны особо оговаривать, какую линию преемственности следует считать ведущей – лингвистическую, историко-культурную или антропологическую, т.е. во избежание разночтений необходимо заранее решить, какие предки интересуют нас прежде всего: предки по языку, предки, оставившие в наследство определенный набор традиционных черт культуры, или предки, передавшие потомкам специфический комплекс антропологических особенностей (предки “по крови”). Во всех трех вариантах – это этнические предки, но представленные в трех разных ипостасях.

Большинство разногласий между археологами, лингвистами и антропологами заключается как раз в том, что каждый из оппонентов абсолютизирует свою “правду” – лингвистическую, археологическую или антропологическую. В модели В.В.Напольских наблюдается определенный крен в сторону лингвистической “правды”. Несмотря на стремление совместить данные различных наук в рамках непротиворечивой модели, данные археологии и антропологии стали в ней все же фоновыми. На нынешнем – промежуточном – этапе поисков опыт палеоисторического комплексного исследования, предпринятого Напольских, является вполне правомерным, но мы рассматриваем его прежде всего как приглашение к дискуссии, в которой рациональнее всего обсудить сначала лингвистический, антропологический и археологический аспекты проблемы уральской и финно-угорской прародины, а уж затем выработать программу нового комплексного исследования предыстории уральских народов во всей ее сложности и противоречивости.

Думается, что эту работу как раз мог бы организовать и возглавить В.В.Напольских – ученый большого исследовательского потенциала и высокой исследовательской культуры, способный широко и сущностно, на разных системных уровнях оценивать и реализовывать возможности лингвистики, археологии, антропологии, этнологии и других наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997. (268 с.)
2. Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. - начало II тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1992.
3. Кузьминых С., Напольских В. Рец.: Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992. 216 с. // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1994. №1.
4. Зуев В.Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Труды Института этнографии АН СССР. Т. 5. 1947.
5. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
6. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII- XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т.3. М., 1940.
7. Хотимский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
8. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древнейшая металлургия Северной Евразии: проблема взаимосвязей производящих центров // Uralo-Indogermanica (балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей): Матер. 3-й балто-славян. конференции. Т.2.М., 1990.
9. Cernych E. N., Kuz'minych S. V. Die älteste Metallurgie Nordeuropas: Probleme der Wechselbeziehungen den erzeugenden Zentren // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Т.85. Helsinki, 1994.
10. Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность: Препринт. Свердловск; Куйбышев, 1989.
11. Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах эпохи бронзы Среднего Поволжья (в связи с работами 70-90-х гг.) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.
12. Прихин А.Д., Халиков А.Х. Абашевская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
13. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
14. Посредников В.А. Ямно-афанасьевские параллели в свете современной индоевропеистики // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
15. Посредников В.А. О ямных миграциях на восток и афанасьевско-прототохарская проблема // Донецкий археологический сборник. Вып.1. Донецк, 1992.
16. Семенова Вл.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток (к столетию открытия тохарских рукописей) // Петербургский археологический вестник. Вып.4. СПб., 1993.
17. Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. N 4.
18. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
19. Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып.3. Рязань, 1993.
20. Kuz'minych S. V. Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Malartyps: ein Rätsel der Archäologie // Fennoscandia archaeologica. XIII. 1996.
21. Козинцев А.Г., Грамов А.В., Моисеев В.Г. Американцы на Енисее? // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995.
22. Громова А.В. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.
23. Громова А.В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997.
24. Седов В.В. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1997. № 2.
25. Напольских В.В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск, 1990.
26. Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // МИА. № 166. 1970.
27. Алексеев В.П. К палеоантропологии ананьинской культуры // Советская этнография. 1981. N 4.
28. Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
29. Алексеева Т.И. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы (сравнительный антропологический аспект) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М., 1997.
30. Денисова Р.Я. Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М., 1997.
31. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
32. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
33. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
34. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991.
35. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири (общая историко-культурная концепция) // Российский этнограф. Вып. 4. 1993.
36. Головнев А.В. Туземцы и пришельцы в этногенезе Северного Приобья: заметки к археологической дискуссии // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т.3. Новосибирск, 1998.
37. Обьденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа, 1997.
38. Матвеева Н.П. Ранний железный век Прииртышья. Новосибирск, 1994.
39. Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине - второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996.
40. Пишечников А.Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988.
41. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992.
42. Chalikov A.Ch. Archäologische Denkmäler vom Pyheensilta-Typ in Finnland und ihre östlichen Analogien // Fennoscandia archaeologica. III. 1986.
43. Никитина Т.Б. К вопросу об истоках марийского этноса // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1996. № 2.
44. Халиков А.Х. Этническая принадлежность племен ананьинской общности // Вопросы финно-угроведения. Вып.5. Йошкар-Ола, 1970.

45. Кузьминых С.В., Марков В.Н., Саловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон Восточно-Европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993.
46. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II. Йошкар-Ола, 1962.
47. Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. N 110. 1963.
48. Косменко М.Г. Культура лууконсаари // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
49. Манюхин И.С. Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
50. Халиков А.Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
51. Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.
52. Воронин К.В. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

*Институт археологии РАН,
Москва*

M.F. Kosarev, S.V. Kuz'minykh

ON THE PROBLEM OF SEARCHING THE ORIGINAL URALS MOTHERLAND

Summary

The article considers some controversial problems of the Urals and the Finnish-Ugrian original motherland. The dispute was caused by the monograph by V.V. Napol'skikh "An Introduction to Historical Uralistic Studies". Izhevsk, 1997.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

В.В. Сидоров

ЭТНОГЕНЕЗ ФИННОВ

ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Вопросы этногенеза народов уральской ветви в рецензируемой работе (Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997), представляющей собой лекционный курс, решаются в основном средствами лингвистики. В первой части, являющейся своего рода справочником по уральским народам, основное внимание уделено этимологии этнонимов, письменным источникам, охватывающим средневековье, а также современному состоянию этносов. Эти данные полезны для этнической истории, но не имеют отношения к этногенезу. Во второй части показаны теоретические основания этнолингвистических реконструкций, использованные автором, особенности применения понятия «праязык» как ключевого для реконструкции этнической истории, затронуты следы взаимодействия языковых ветвей, отражение природной среды в языке как средство географической привязки языковых явлений, возможности использования данных антропологии и археологии. Этот комплекс методов должен показать целостную картину этногенеза уральских народов.

Автор раскрывает содержание и различие этногенетических и лингвоисторических моделей. Новым является учет того, что в дивергенции языка присутствуют не только центробежные факторы, но и центростремительные, но автор признает их только до момента «окончательного распада языка», игнорируя случаи конвергенции уже разделившихся языков. В моделировании автор исходит из того, что содержание связей, определяющих этнические процессы в первобытности и в этнографически наблюдаемой современности, — одно и то же. Реальных процессов, происходивших в лесной зоне и фиксируемых археологически, он не представляет. Он вынужден изобретать такие миграции и социальные процессы, которые археологически не наблюдаются.

Уже сводка данных первой части позволяет поставить под сомнение представление о темпах лингвогенеза и, соответственно, о длительности развития уральской языковой семьи (по автору — не более 7 тысяч лет): за тысячу лет весьма интенсивных контактов, резких изменений образа жизни, кардинально влиявших и на этнографический облик, исчез (ассимилирован) ряд этносов, но новые не появились. К сожалению, никаких данных, даже упоминаний об исчезнувших финских этносах здесь не найти. Исключение — меря, но при этом не используется обширный археологический материал, ставший вполне доступным благодаря публикации А.Е. Леонтьева [1]. Вместо археологических источников привлекается гипотетическая привязка генеалогического древа финно-угров к сменявшим друг друга археологическим культурам (фактически — условно выделяемым этапам изменения облика одной и той же общности), предложенная А.Х. Халиковым [2]. Аргументации такой привязки не было у А.Х. Халикова, нет ее и в работе В.В. Напольских — предположения принимаются за факты.

Язык — основной признак этноса, показатель родства народов, к тому же язык сохраняет следы давних контактов, а порой и допускает реконструкцию условий этих контактов, их последовательность. Достаточно ли этого для истории? Не располагая собственной временной шкалой (а глоттохронология не имеет сколько-нибудь серьезного теоретического основания, с чем согласен и автор рецензируемой работы — с. 120), лингвистика вынуждена обращаться к археологии. При этом лингвистические параллели проводятся, как правило, по таким пластам языка, которые не относятся к его основам, входя в язык вместе с заимствованием (термины хозяйственные, технологические, социальные, сакральные и т.п.). Зафиксировать по ним контакты возможно, генезис языка и этноса — нет.

«Археологический материал не содержит никакой информации о языке и этнической принадлежности» (с. 179), — утверждает В.В. Напольских, полагая, что археология ограничивается исследованиями хозяйственной деятельности и выделением хозяйственно-культурных типов (с. 179-180). Но и черты хозяйственной деятельности проявляются как черты культуры, а культура — всегда этнична. Археология фиксирует наличие группировок общностей разных масштабов, располагает их во времени и пространстве, устанавливает характер — форму и содержание — их связей, пересекаясь здесь с некоторыми наблюдениями лингвистов, реконструирует детали быта и хозяйства. Не располагая следами языка, археология способна показать иерархию связей общностей, которые осуществлялись как языковые контакты. Но такую же иерархию выявляет и лингвистика. Сопоставление этих двух генеалогических древ должно было бы дать искомое — этническую историю.

К сожалению, этого не получается. Разработанность лингвистической генеалогии довлеет над археологами, превращаясь в шоры: археологи пытаются уложить этническую историю в рамки, указанные лингвистами. Языки «складываются» в считанные века и затем стремительно расходятся. И это вопреки наблюдаемым этнографами фактам консерватизма, в т. ч. и языкового, малых групп и изолятов (немцы Поволжья 200 лет сохраняют швабский диалект XVIII в., тверские карелы за 400 лет не образовали особого диалекта, группы старообрядцев Сибири сохраняли язык XVII в.). Процесс складывания языка в последние века на Земле наблюдался один раз, и в условиях весьма специфических — это пиджин-инглиш. Лингвогенез воспринимается в исторических построениях лингвистов как самостоятельная стихия, со своими интралингвистическими законами, мало связанная со всем массивом культуры. Для объяснения языковых явлений изобретаются миграции, произвольно трактуются археологические факты, преувеличивается значимость поверхностных явлений культуры, которые отражают контакты, но не меняют основ языка.

Не задумывается автор и над тем, что происходит с обществом, когда «складывается» язык, — кто, в каком объеме и каком качестве является носителем информации, какова интенсивность и сфера контактов. Но языковое смешение — это всегда результат бытового двуязычия, археологически — это интеграция разных культур в одну. При этом сохраняется возможность определить, какая из групп является адстратом, а какая ассимилируется — по направленности внешних связей смешанной общности. Но если культуры имеют общие генетические корни, уходящие вглубь тысячелетий, вправе ли мы говорить о возникновении нового языка? Или это возрождение старого? Мы можем определять, какой этногенетический процесс мы здесь наблюдаем — интеграцию, ассимиляцию или дивергенцию.

Несмотря на то, что автор говорит о сознательном отказе от датировок распада языков (с. 117), — эти даты постоянно присутствуют в изложении, в привязке к конкретным археологическим явлениям: «распад уральского праязыка следует датировать VI – концом V тыс. до н. э.» (с. 81), «время прасамодийского языка можно отнести к рубежу эр», «Следует полагать, что археологическим аналогом ранней прасамодийской должна быть культура раннего неолита конца V–IV тыс. до н. э., не входящая в круг западносибирско-зауральских раннеолитических культур, с гребенчатой и отступающе-накольчатой традицией орнаментации керамики» [а были ли таковые? – В.С.]. При этом на протяжении всего периода существования она не должна была покидать зону западно-сибирской темнохвойной тайги (с. 82). Датировка лингвогенетических событий — наиболее уязвимое место. Критикуя интуитивный подход к оценке времени, необходимого для «сложения языка» и усвоения заимствований в уральских языках, автор использует для датировки хронологические шкалы индоевропейских языков (с. 118–119), построенные на таких же интуитивных основаниях. Датировка по зафиксированным в реконструированных праязыках явлениям (керамике, злаках, видах пищи и т.п.), принимаемая как наиболее надежный метод датирования языковых явлений, тоже не дает достоверного результата, что видно и из примеров переноса термина с архаичного явления на новацию, приведенных автором (с. 124).

Метод поисков прародины, основанный на присутствии в праязыке терминов, фиксирующих фенологические и биологические признаки определенной зоны и территории, широко применяемый лингвистами (лингвистическая палеонтология), требует, в первую очередь, определения времени, поскольку история природы весьма динамична. Автор выходит из затруднения, ориентируясь на современность. Но это правомерно, если принимать предложенную им датировку. С изменением дат будет меняться и географическая привязка. При датировании уральского праязыка атлантическим периодом (даты приведены с ошибками) В.В. Напольских размещает его носителей в южной зоне западно-сибирской тайги от Урала до Енисея и Ангары (с. 133). Прафинно-угорская общность датируется им III тыс. до н. э. и локализуется западнее — на Урале и в Приуралье. Даты же эти вовсе не очевидны. При этом предполагается изоляция уральцев от индоевропейцев: «Истоки уральского и индоевропейского праязыков непосредственно не связаны друг с другом, их формирование происходило в географически не смежных областях» (с. 144). Но западно-сибирская равнина в раннем неолите вовсе не изолирована от территорий с индоевропейским населением. Керамика не является местным изобретением, она заимствуется или со стороны Причерноморья, или Южной Туркмении. Мезолитические культуры Южного Урала показывают связи с Южным Прикаспием, цепочка связей западно-сибирского неолита, существовавшая и ранее, тянется на запад — в Среднее Поволжье.

С другой стороны, близость в фонетике и грамматических конструкциях между уральскими и алтайскими языками В.В. Напольских объясняет их контактами, несмотря на то, что конкретные словесные заимствования оказываются весьма поздними, в основном средневековыми. Странные контакты, которые касаются глубинных пластов языка, но не касаются лексики! Гораздо естественнее это сходство объяснять глубинным их родством, что и делал Д.Ф. Казанцев [3].

Археологическое основание генетических построений, применяемых лингвистами, — весьма шаткое. Появление финнов в Прибалтике автор связывает с миграцией культуры сетчатой керамики на запад и северо-запад, предполагая, что она складывается в Верхнем Поволжье в сер. – 2-й пол. II тыс. до н. э. (с. 6–7, 188). Но ситуация — как раз обратная. Древнейшая сетчатая керамика не позднее 1800 г. до н.э. появляется как раз в Прибалтике на основе ассимиляции культуры шнуровой керамики культурой пористой керамики Пиестиня [4]. Отсюда прибалтийские типы этой керамики попадают на Валдаи, где и усваиваются местным населением [5]. Только после усвоения сетчатой керамики в этом районе она появляется в Верхнем Поволжье, где в состав этой культуры вошли волосовская как основа, а также фатьяновская, чирковско-сейминская, поздняяковская культуры. Складывание культур сетчатой керамики — это не миграция. За ним стоит

трансформация быта аборигенных родственных племен под воздействием усвоения навыков производящего хозяйства, которые ранее всего были привнесены в лесную зону именно в Прибалтике.

Никакой «широкой экспансии культур ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского типа в лесах Восточной Европы, которая привела в середине III тыс. до н. э. к сложению прибалтийской культуры гребенчатой керамики» (с. 194), не было. Что же было? Культуры ямочно-гребенчатой керамики (а точнее — льяловская культура) генетически восходят к первоначальному населению Приледниковья, занимая центр лесной зоны от лесостепи до тундры. В нач. III тыс. до н. э. с Валдайской возвышенности идет миграция населения в Прибалтику и Волго-Окское междуречье. В Прибалтике мигранты ассимилируют нарвские племена (складывается культура Пиестиния). Почти в то же время начинается миграция на восток, вытеснившая часть льяловских локальных вариантов на периферию ареала, а затем идет ассимиляция оставшихся (в частности, балахнинский локальный вариант). Отдельные группы валдайских мигрантов обосновываются в отдаленных районах — на Севере, под Самарой. Именно эти мигранты объединили всю лесную зону в волосовско-турбинскую общность, пронизанную связями от Прибалтики до Приуралья. Они же влияют на аборигенное население, облик культуры которого заметно меняется (формируются культура асбестовой керамики в Карелии, гаринско-борская на Каме). Таким образом, ни волго-камская, ни ямочно-гребенчатая льяловская культуры не были интегрирующим компонентом общности. Но волосовско-турбинская общность охватила территорию культур, которые были тесно связаны на протяжении мезолита и раннего неолита. Фактически при этом происходит возрождение древнего единства, восходящего к моменту заселения Приледниковья 15-13 тыс. л. н. И уж никак льяловская и волго-камская культуры не участвовали в формировании прибалтийских финнов. Интегрирующим компонентом, скрепившим культуры лесной зоны, были валдайские мигранты.

Это же относится и к схеме формирования пермских народов, связанных с ананьинской культурой, корни которой уходят в местный энеолит. Но что касается «притока западно-сибирского населения» (с. 185), то для Приуралья это не новость — эти связи (но только не односторонние, а встречные) существовали здесь и в мезолите, и в неолите, и в средневековье. Так что близость пермских и угорских народов не устанавливалась в называемых автором культурах, а поддерживалась, сохраняясь тысячи лет. Никаких оснований считать, что тут произошла смена языка, нет. Связи приуральского неолита с западно-сибирским не более выражены, чем с волго-окским.

Что такое археологически «складывание культуры»? Это — формирование комплекса признаков, позволяющих распознавать и группировать их как синхронные и взаимосвязанные. Но автор воспринимает его как синоним этнологического понятия — «складывание этноса» (хотя содержание этого явления весьма неопределенно). Согласно схеме В.В.Напольских, прибалтийские финны и саамы формируются в I тыс. до н. э. в Восточной Прибалтике, где сочетаются влияния западно-балтийской культуры каменных курганов (германское влияние), культуры шнуровой керамики (последние следы которого, однако, исчезают не позднее сер. II тыс. до н. э.) и верхневолжской культуры ложнотекстильной керамики (в действительности направление влияния — обратное).

Начало этому процессу он видит в инфильтрации культуры волосовско-гаринского круга (с. 191). Представления о формировании этой общности, ее структуре у В.В.Напольских отражают сочетание не очень понятых им концепций разных авторов (с. 192-193). Он включает в нее балахнинский компонент (вслед за В.В. Никитиным и В.П. Третьяковым), «хуторскую культуру» (хуторской этап волго-камской культуры, не позднее нач. IV тыс. до н. э.) и «памятники с накольчатой керамикой», которые можно датировать нач. V тыс. до н. э. В состав предков волосовской культуры Верхнего Поволжья он, вслед за Д.А. Крайновым, вводит верхневолжскую культуру, отделенную от волосовской как минимум тысячей лет. Волосовская же культура укладывается в основном в III тыс. до н. э., а на начало II тыс. до н. э. приходится время ее сосуществования с разными группами мигрантов и их ассимиляции, что резко изменило облик культуры, хотя и сохранило идущие еще от мезолита системы связей.

Ямочно-гребенчатые и волго-камские культуры В.В. Напольских соотносит с резко различными, по его мнению, дофинно-волжскими финно-угорскими диалектами (с. 193). Но характер складывания волосовской общности прямо противоположен тому, что предполагал А.Х. Халиков. Она формируется в результате миграции не с востока, а с запада, точнее — с Валдайской возвышенности, направлена как в Прибалтику, так и в Волго-Окское междуречье [6]. Не стоит смешивать гребенчатую керамику Прибалтики с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа — они с первоначального заимствования в самом нач. V тыс. до н. э. восходят к разным прототипам. Средневолжская волосовская культура формируется только на позднем этапе (после 2500 г. до н. э.).

Иронизируя в адрес вывода В.Т. Ковалевой [7] о возможности миграции носителей ямочно-гребенчатой керамики бассейна Тобола из Волго-Окского междуречья, автор попал пальцем в небо (с. 182). Для него представляется нелепостью: как оседлые рыболовы могли массово переселиться за 900 км? Но никакого чуда тут нет: волосовская культура вытесняет племена льяловской из Волго-Окского междуречья, и те уходят на периферию ареала родственных культур — в Карелию, Среднее Поволжье, в лесостепь. Можно конкретизировать: наиболее вероятно, андреевская культура — это потомки мигрантов не балахнинского, а дубненского локального варианта, т.е. племя в составе 4-5 общин, 200-350 человек (всего-то — «массовое переселение») находит экологическую нишу, очень похожую на родную. По-видимому, автор совершенно не представляет, сколь малочисленны были общности эпохи неолита и бронзы.

Можно согласиться, что с неолита в таежной зоне Западной Сибири не происходило смены населения (кроме инфильтрации сюда андроновцев). Но ее не происходило и раньше. Никаких доказательств, что все

самодийцы восходят именно к кулайской культуре, и ее дальнейшего разделения В.В. Напольских не приводит. Скорее всего — это лишь один из самодийских этносов, не более. С другой стороны, Л.Р. Кызласов [8] в таштыкской культуре находит конкретные этнографические детали культуры кетов.

Обращаясь к антропологическим источникам, В.В. Напольских отдает предпочтение концепции В.В. Бунака о местном уральском формировании расового типа. Антропологический материал, на который ссылаются сторонники уральского формирования расового типа, достаточно поздний: даже самые ранние находки отделены тысячами лет от момента первоначального освоения Приледниковья (Сунгирь к этому никакого отношения не имеет, и его привлечение для обоснования специфики уральской расы совершенно излишне). Встречаемость уплощенности лица в ранних популяциях Центральной Европы автор принимает за показатель недифференцированности расового типа. Но ее же можно принимать и за показатель метисации на предыдущем этапе, как полагали Н.Н. Чебоксаров, Г.Ф. Дебец, К.Ю. Марк, М.М. Герасимов, Х. Моора — сторонники метисного происхождения лапоноидного компонента (с. 169). Правы оказываются Х. Моора и П. Аристэ, в адрес которых иронизирует В.В. Напольских (с. 170), считавшие, что мезолит севера Германии дает тот же лапоноидный компонент. Финально-палеолитические и мезолитические культуры: аренбургская, свидерская, комса, иеневская и бутовская, песочноровская, усть-камская — обнаруживают признаки родства. И именно с этой территорией связывается присутствие лапоноидного компонента, проявляющегося и в мезолитических, и неолитических, и в современных популяциях. Дискуссионными же являются направление расселения этих групп, генетически восходящих к позднеледниковой культуре лингби, и происхождение этой культуры.

Археологически В.В. Напольских связывает саамов с культурой «типичной и поздней гребенчатой керамики и вырастающей на основе последней к середине II тыс. до н. э. культуры асбестовой керамики» (с. 31). Это построение восходит к работам Г.А. Панкрушева, но В.Я. Шумкин (его точка зрения не отражена) проследивает преемственность от мезолитической культуры комса до культур эпохи бронзы только на севере Скандинавии [9], сохранявшей значительную изолированность от культуры гребенчатой керамики, связанной с иным миром — культурами Валдая, Южного Прионежья. Еще в большей мере это относится к культуре асбестовой керамики, испытывавшей сильное влияние волосовской; северная малонаселенная периферия этой культуры ограничена севером Карелии (А.М. Жульников [10]).

Представления В.В. Напольских о «сложении культур ложнотекстильной керамики» довольно сумбурные. Никаких миграций ананьинской и «ложнотекстильной» культур в Карелию не оказывается. То, что автор вслед за М.Г. Косменко [11] принимает за следы ананьинского влияния в сер. I тыс. до н.э. в Карелии (с. 8), не имеет к ананьинской культуре прямого отношения. Геометрическая орнаментация керамики, схожая с ананьинской, — это проявление позднеледниковских элементов в культуре сетчатой керамики и датируется на стоянках Верхнего Поволжья 1500-1200 гг. до н.э. Не исключено, что в Карелии эти признаки сохраняются дольше. Связи же, по которым распространялись новации, пронизывали всю лесную зону с момента первоначального заселения и до современности. В итоге рассыпается и гипотеза формирования саамского и прибалтийско-финского этносов во II-I тыс. до н.э. Культуры с сетчатой керамикой восходят к волосовской общности, которая в восточной части ареала ассимилировала ямочно-гребенчатую льяловскую (балахнинский и другие восточные локальные варианты). В западной же части примесь ямочно-гребенчатой культуры в волосовской незначительна.

* * *

Финизацию народов лесной зоны В.В. Напольских относит к эпохе бронзы и связывает ее с экспансией «сейминско-турбинского феномена» (с. 155), определяя местом его происхождения Западную Сибирь. В европейской части лесной зоны ему соответствует чирковская культура. Правда, ни одна из неолитических и раннебронзовых культур Сибири не может претендовать на то, чтобы быть ее предком. Металлургия сейминско-турбинского типа заимствуется, согласно В.В. Напольских, у тохаров, которых он видит в афанасьевской культуре (фиксируются тохарские параллели угро-финских языков, но при чем здесь афанасьевская культура?). Если исходной точкой металлургии турбинского типа можно признать Алтай и Саяны, то это вовсе не значит, что оттуда идет мощный миграционный поток. Скорее всего — только техническая традиция небольшой группы. Керамика, близкая к чирковской, встречается только в Зауралье, на той же территории, что и абашевские элементы в составе андроновской культуры.

«Активные (даже агрессивные) воины-металлурги, хорошо знакомые с коневодством» (с. 155), — так представляются В.В. Напольских эти завоеватели, установившие господство — экономическое и политическое — над всей лесной зоной и навязавшие свой язык отсталым аборигенам, «которые не были знакомы ни со скотоводством, ни с бронзолитейным производством и оказались отброшенными на периферию этнических процессов, если вообще сохранились как особые этнические и языковые единицы» (с. 194-197). Автор явно не представляет себе картины взаимоотношений культур лесной зоны в эпоху бронзы и просто додумывает ее.

Скотоводство, земледелие и металлургия впервые появляются с культурами шнуровой керамики, от которых их заимствуют аборигенные племена в Прибалтике, а затем в Волго-Окском междуречье. В.В. Напольских не сомневается, что культуры шнуровой керамики и боевых топоров принадлежат балтам. Правда, никаких следов балтов в языках тех территорий, где первоначально формировались эти культуры (Средний Днепр, Волянь, Чехия), нет. Балтские этносы есть только на тех территориях, где в них в качестве субстрата могли войти культуры гребенчатой керамики, родственные неолиту Валдая и генетически восходя-

щие к свидерской культуре. Так были ли «шнуровики» в момент миграции балтами, или они стали ими только после расселения в Прибалтике? Возможно, не случайно не удается достоверно уловить балтский компонент в тех этносах, которые включили в свой состав ассимилированных шнуровиков, но в которых улавливаются архаичные славянские элементы (с. 160).

Другой хозяйственный комплекс появляется в лесной зоне с поздняяковской культурой около XVI в. до н. э. Их различие сохраняется и в дьяковской культуре, где на западных городищах преобладает свиноводство, на восточных — коневодство. Что касается чирковско-сейминской культуры и турбинско-сейминской металлургии, то значимость их куда скромнее. Поздняяковские элементы орнамента распространяются по всей зоне сетчатой керамики, а сама технология ложнотекстильного оформления поверхности расходитя из Прибалтики (не включив некоторые части волосовско-турбинской общности — Прикамье, Северо-Восток Европейской России, бассейн Днепра) и может служить показателем новой интеграции этносов лесной зоны при освоении производящего хозяйства.

Уральский горно-металлургический очаг обслуживал не только культуры сетчатой керамики лесной зоны, но и срубно-андроновскую общность, однако следов воздействия уральских языков на иранские немного, а иранские у финнов и угров проявляются только в терминологии: хозяйственной и технологической. Их легко объяснить ассимиляцией народами лесной зоны андроновских групп за Уралом (лесная андроновская культура) и потомками волосовцев поздняяковской (лесная срубная культура). Металлургическая лексика никак не входит в область основ языка, и распространение ананьинских кельтов вплоть до Швеции — это только показатель связей, а не распространения языка, сколь бы «агрессивны и активны» ни были чирковско-сейминские воины-металлурги.

Сейминско-турбинские и чирковско-сейминские комплексы на раннем этапе резко обособлены от аборигенной традиции, а потому легко выделяемы. Таков комплекс Вёкса 1 на Кубенском озере [12], Сулать 1 на Дубне (раскопки В.В. Сидорова). Момент появления чирковских комплексов совпадает с поздними этапами абашевской культуры. На связь с ней указывают близость керамической технологии, ряд орнаментальных мотивов. Но очень скоро черты керамики этой культуры оказываются включенными в сложную смесь с фатьяновско-балановскими, поздняяковскими, шагарскими элементами, хотя проявляются далеко не во всех группах. Это — показатель ассимиляции их аборигенами, а не наоборот, поскольку сохраняются в основном те же связи, какие были унаследованы от волосовской общности. Но характерно, что ассимиляция чирковских групп происходила теми общинами, в которых проявляются и следы ассимиляции фатьяновской. Следует отметить, что еще К.В. Сальников [13] связывал генезис абашевской культуры с культурами шнуровой керамики. Это позволяет исключить чирковско-сейминскую культуру из числа основных компонентов при формировании финских этносов.

В.В. Напольских считает немислимым, ломающим все представления о длительности развития языков удревнение финно-угорской шкалы (с. 169-170), чего потребовало толкование гребенчатого неолита как финно-угорского. Но исходя из родства и связей археологически выделяемых общностей, приходится признать даже такое удревнение недостаточным — прафинская могла существовать как реальная социальная общность задолго до момента освоения человеком Приледниковья, уральское же единство должно уходить вглубь палеолита на десятки тысяч лет, где его лингвисты не ищут. Еще глубже уходит родство алтайской семьи. И никаких более поздних миграций и иных связей, которые могли бы сформировать такую общность, не прослеживается.

Неудача в попытке построения этнической истории предопределялась как методикой, избранной В.В. Напольских в соответствии с представлениями о социальных процессах в первобытности, очень далекими от реальных, так и крайне поверхностным знакомством с археологическим материалом, опорой на устаревшие гипотезы. Археология на современном уровне позволяет проследивать генезис культур, их родственные связи, влияния, строить крупномасштабные схемы культурогенеза, хотя и не без лакун (при масштабных исследованиях, охватывающих обширные пространства и не замыкающихся в рамках археологических эпох, такие разрывы связей могут быть компенсированы). А это и есть картина этногенеза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1997.
2. Халиков А.Х. Переход от ранней (энеолит) к поздней (бронзовый век) стадии эпохи раннего металла в лесной полосе Восточной Европы // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы Европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.
3. Казанцев Д.Е. Истоки финно-угорского родства. Ижевск, 1976.
4. Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
5. Воронин К.В. К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.
6. Сидоров В.В., Энгватова А.В. Протоволосовский этап или культура? // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 2. 1996.
7. Ковалева В.Т. Энеолит среднего Зауралья: Андреевская культура. Екатеринбург, 1995.
8. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
9. Шумкин В.Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов по данным археологии и антропологии. СПб., 1991.
10. Жульникова А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
11. Косменко М.Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск, 1992.

12. *Васильев С.Ю.* Стратиграфия поселения Векса 1 (участки 1-5, по материалам раскопок 1990, 1992 гг.) // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.

13. *Сальников К.В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. Уфа, 1962.

*Институт археологии РАН,
Москва*

V.V. Sidorov

**THE GENESIS OF THE FINNISH PEOPLE
ACCORDING TO LINGUISTICS AND ARCHAEOLOGICAL DATA**

Summary

In his critical notes on the book by V.V. Napolskikh "Introduction in the Historical Uralistics" (Izhevsk, 1997) the author discusses the opportunities which linguistics and archaeology give to a scholar to clear up the problem of the Finnish people genesis. He states that linguistics can construct a system of languages relationship but can not date the events of language genesis. Aiming to reconstruct the ethnical history of the Finns V.V. Napolskikh tries to combine linguistics, anthropological, paleogeographical and archaeological data, though he gives no more than 7 millenia for the whole history of the Urals languages. But it must be taken into account that the data on contemporary peoples of the Urals show that no one new ethnos have appeared there for the last millenium.

The search of the original territory of the Urals peoples with the methods of paleolinguistics depends on the chronological limits definition. But V.V. Napolskikh chooses the correlated with the language genesis stages archaeological ones according to the awaiting by him speed of the language unities destruction. He treats the appearance of new archaeological culture as the origin of a new ethnos. V.V. Napolskikh thinks the origin of the archaeological cultures is connected with migrations which can not be observed archaeologically. He puts the obsolete or wrongly understood hypothesis in the basis of his discourse, such as the expansions of the pit-comb pottery cultures' tribes, the migration of the Volosovo culture tribes from the Kama River, the migration of the textile pottery culture tribes from the Volga-Oka Rivers basin and such like.

V.V. Napolskikh exaggerates the meaning and conditions of migration of the Seim-Turbino metal bearers. To his mind it were they who forced the people of the wooden zone to speak Finnish (p.155).

The author comes to the conclusion that the discussed reconstruction is not authentic, though it would be useful for archaeologists to know how their conceptions may be transformed within the other social science.

*Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences
19, Dm. Ulyanova St., Moscow,
117036, Russia*

II ТВЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

II Тверская археологическая конференция проходила в г.Твери с 23 по 27 марта 1999 г. Подготовка и проведение конференции финансировались из средств, выделенных «Институтом «Открытое общество. Фонд содействия» по гранту № ААВ 883, и средств тверских археологических учреждений, проводящих хозяйственные охранные археологические исследования. Организатором конференции выступил Тверской государственный объединенный музей при участии ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр».

На конференции, исходя из поданных заявок, предполагалось заслушать 127 докладов 130 археологов и специалистов смежных дисциплин из 19 городов России, а также Беларуси (Витебск) и Эстонии (Таллинн).

Работа конференции проходила на общих пленарном (5 докладов) и заключительном (4 доклада) заседаниях, а также по 3 секциям: «Каменный век и эпоха бронзы» (41 доклад 43 авторов), «Ранний железный век и раннее средневековье (27 докладов 30 авторов) и «Средневековый город» (31 доклад 32 авторов).

Всего на конференции было заслушано и обсуждено 108 докладов 112 археологов и специалистов смежных дисциплин из 19 городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска (Республика Карелия), Вологды, Великого Новгорода, Пскова, Иваново, Ярославля, Калуги, Нижнего Новгорода, Казани (Республика Татарстан), Йошкар-Олы (Республика Марий Эл), Ульяновска, Пензы, Самары, Рязани, Твери, Торжка и из г.Таллинна (Эстония).

Лично присутствовали 103 заявленных участника, в т.ч. 87 – иногородних, 16 – из г.Твери. Среди них 6 докторов исторических наук, 33 кандидата исторических наук, 1 кандидат искусствоведения, 1 кандидат географических наук и 2 заслуженных работника культуры Российской Федерации. На конференции было представлено 50 организаций, в т.ч. 6 институтов и филиалов Российской и республиканских Академий наук (Институт археологии, Институт истории материальной культуры, Геологический институт РАН, Карельский научный центр РАН, АН Татарстана, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории), 12 вузов (Московская государственная геологическая академия, Санкт-Петербургский, Новгородский, Ивановский, Ярославский, Тверской государственные университеты, Вологодский, Калужский, Нижегородский, Ульяновский, Самарский государственные педагогические университеты, Тверской филиал Государственной Академии славянской культуры) и 1 (Тверской) институт усовершенствования учителей; 14 музеев (Государственный Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии РАН, Государственный Исторический музей, Музей истории г.Москвы, Музей антропологии МГУ, Сергиево-Посадский, Новгородский (Великий Новгород), Псковский, Вологодский государственные музеи-заповедники, Тверской государственный объединенный музей, Петрозаводский, Калужский, Пензенский государственные краеведческие музеи, Всероссийский (г.Торжок, Тверская область) историко-этнографический музей), 2 научно-исследовательских института (Российский НИИ природного и культурного наследия Министерства культуры РФ и его Санкт-Петербургский филиал), 6 государственных органов охраны памятников (Вологда, Иваново, Казань, Ярославль, Рязань, Тверь), 5 центров археологических исследований (Управление государственного контроля, охраны и использования памятников истории и культуры г.Москва, Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр; Научно-производственные центры «Клио» и «Древности Севера» – г.Вологда; Нижегородская археологическая служба), 1 архитектурная мастерская (ООО НПП «Симаргл» – г.Москва), 1 Дворец детского и юношеского творчества (г.Санкт-Петербург, Выборгский район), 1 областной центр детского и юношеского туризма (г.Вологда), 1 специализированный журнал (Austriveg - «Восточный путь» – г.Таллинн, Эстония).

В докладах, представленных на конференции, была охвачена территория в основном лесной и лесостепной зон Восточной Европы, исследовались древности от позднего палеолита (XV–IX тыс. до н.э.) до позднего средневековья и Нового времени (XV–XVIII вв. н.э.). Часть докладов носила теоретический и историографический характер, многие были проблемными и вызвали наиболее острые дискуссии. Практически все выступления сопровождались конструктивным обсуждением, их материалы были рекомендованы к публикации.

Конференция, ее организация и проведение получили высокую оценку участников, в т.ч. представлявших академическую науку. Работа конференции освещалась местными средствами массовой информации (телевидение, радио, газеты). Материалы конференции публикуются в 4-м выпуске «Тверского археологического сборника». II Тверская археологическая конференция стала заметным событием в сфере науки и культуры не только Тверского края, но и европейских Центра, Северо-Запада и Северо-Востока России в целом.

По решению конференции III Тверская археологическая конференция намечена на март 2003 года.

*И.Н.Черных
зам. генерального директора –
зав. отделом археологии ТГОМ,
засл. работник культуры РФ,
председатель Оргкомитета
II Тверской археологической
конференции
Тверь*

Тверской государственный объединенный музей
ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический
и реставрационный центр»

Программа
II Тверской археологической конференции
(23-27 марта 1999 г.)

Пленарное заседание
23 марта

- Кольцов Л.В. (ИА РАН, Москва, д.и.н., проф.) Слово о Д.А.Крайнове (1904-1998 гг.)
Синицына Г.В. (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н.) Финальный палеолит и ранний мезолит — этапы развития материальной культуры на Верхней Волге
Кузьминых С.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) У истоков древнейшей металлургии лесной полосы Северной Евразии
Исламова И.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Проблемы изучения древностей I тыс. н.э. (Валдай-Верхнее Поволжье - Волго-Окское междуречье)
Гусев С.В. (Российский НИИ природного и культурного наследия, Москва, к.и.н.) Мониторинг археологического наследия на федеральном уровне (опыт подготовки раздела «Археологическое наследие» Государственного доклада «О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации»)

Секция «Каменный век и эпоха бронзы»
24 - 26 марта 1999 г.

- Сидоров В.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Технокомплекс как инструмент исследования преемственности культур
Григорьев Г.П. (ИИМК РАН, С.-Петербург, д.и.н.) Культуроразличение в палеолите и мезолите
Кольцов Л.В. (ИА РАН, Москва, д.и.н., проф.) Формы окончания существования мезолитических культур Северной Европы
Жилин М.Г. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Мезолитические культуры Верхнего Поволжья в начале голоцена
Булочникова Е.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Формирование методики исследований элементов культурного слоя на верхнепалеолитической стоянке Авдеево
Леонова Е.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Некоторые результаты планиграфического анализа Волго-Окских мезолитических стоянок на песке
Лисицын С.Н. (ИИМК РАН, С.-Петербург) Использование кремневого сырья в раннем мезолите Подвинья
Кониов С.Б. (ГИМ, Москва) Кремнеобрабатывающие мастерские на р.Осетр (по материалам исследования ГИМа 1997-1998 гг.)
Истомин К.Э. (Управление госконтроля, охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры Татарстана), Галимова М.Ш. (Научный центр археологических исследований Института истории АН Татарстана) (Казань) Трапедии усть-камской культуры.
Ошибкина С.В. (ИА РАН, Москва, д.и.н.) Кремневые наконечники в мезолитических памятниках Севера Европейской России
Желтова М.Н. (ИИМК РАН, С.-Петербург) К вопросу о кремневых наконечниках Оленеостровского могильника
Шахнович М.М. (Карельский государственный краеведческий музей), Тарасов А.Ю. (Карельский научный центр РАН) (Петрозаводск) Пилы и пиление: некоторые аспекты технологии и бытования в каменном веке Карелии
Шумкин В.Я. (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н.) Наскальное творчество Севера Европы как показатель культурных контактов
Костылева Е.Л. (Ивановский государственный университет, к.и.н.), Уткин А.В. (Научно-производственный центр по охране памятников Комитета по культуре и искусству администрации Ивановской области)(Иваново) Орнаментированная кость Сахтышских стоянок
Тимофеев В.И. (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н.) Памятники каменного века Карельского перешейка (Ленинградская область)
Иванищев А.М. (Государственная дирекция по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры Вологодской области, Вологда) Тудозеро V — поселение позднего мезолита — неолита в Южном Прионежье
Иванищева М.В. (Научно-производственный центр «Клио», Вологда) Поселение эпохи мезолита – раннего неолита Березовая Слободка II-III на Нижней Сухоне
Недомолкина Н.Г. (Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологда) Многослойное поселение Вёкса
Сидоров В.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Васильево — мезолитическая стоянка-мастерская

- Синицына Г.В.** (ИИМК РАН, к.и.н.), **Тихомирова О.М.** (Музей истории таможенной службы) (С.-Петербург) Мезолит, ранний и развитый неолит по материалам стоянки Подол III*
- Сорокин А.Н.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Заболотский торфяник: что сделано, что делать?
- Энговатова А.В.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Стоянка Ивановское IV: хронология и культурная атрибуция памятника
- Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д.** (Геологический институт РАН), **Жилин М.Г.** (ИА РАН, к.и.н.) (Москва) Радиоуглеродные исследования хронологии многослойного поселения Ивановское VII (Ярославская область)
- Суворов А.В.** (Научно-производственный центр «Древности Севера», Вологда) Погребение 19 мезолитического могильника на памятнике Минино I
- Зимина М.П.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Погребальный обряд неолитического населения лесной полосы Восточной Европы
- Уткин А.В.** (Научно-производственный центр по охране памятников Комитета по культуре и искусству администрации Ивановской области), **Костылева Е.Л.** (Ивановский государственный университет, к.и.н.) (Иваново) Археологическая интерпретация антропологических материалов Сахтышских могильников*
- Волкова Е.В.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Опыт реконструкции пола и возраста погребенных в могильниках эпохи бронзы Новинки 1-2
- Никитин В.В.** (НИИ языка, литературы и истории Республики Марий Эл, Йошкар-Ола, д.и.н.) К вопросу о значении каменных орудий со сверленным отверстием в погребальном обряде
- Герасимов Д.В.** (МАЭ (Кунсткамера) РАН, С.-Петербург) Вопросы типологии неолитических каменных орудий Северо-Запада России (по материалам поселения Сертея X в бассейне Зап. Двины)
- Гонозов А.В.** (Комитет по охране и использованию памятников истории и культуры Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Н.Новгород) Археологическое обследование бассейнов рек Линда и Кеца Нижегородского Заволжья в 1997-1998 гг.*
- Цетлин Ю.Б.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Критерии отделения «орнамента» от «неорнамента» на глиняной посуде
- Болдин И.В.** (Калужский областной краеведческий музей, Калуга) К вопросу о причинах орнаментации неолитической керамики
- Калинина И.В.** (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург, к.и.н.) Веревоочный орнамент в неолите: культурная или технологическая традиция
- Гусенцова Т.М.** (Дворец детского и юношеского творчества Выборгского района, С.-Петербург, к.и.н.), **Андреева Н.А.** (Ленинградский областной музейный центр, Подпорожский краеведческий музей, Подпорожье) Поздненеолитическая–энеолитическая керамика в бассейне р.Свирь (северо-восток Ленинградской области)*
- Луныков В.Ю.** (ИА РАН, Москва) Опыт графической реконструкции сосудов эпохи поздней бронзы
- Гусев С.В.** (РНИИ природного и культурного наследия, Москва) Археологические свидетельства культа фаллоса у народов зоны тайги и тундры
- Энговатова А.В.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Проблемы выделения лесного энеолита
- Спирidonова Е.А.** (к.геогр.н.), **Алешинская А.С., Воронин К.В.** (ИА РАН, Москва) Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным)
- Воронин К.В.** (ИА РАН, Москва) Инновации в культурах Волго-Окского бассейна на рубеже III-II тыс. до н.э. и природная среда
- Верещагина И.В.** (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н.) Структура поселений эпохи раннего металла на Северной Двине*
- Габяшев Р.С.** (Институт истории АН Татарстана, Казань, к.и.н.) Ранние комплексы с накольчато-прочерченной керамикой в Среднем Поволжье
- Вискалин А.В.** (Ульяновский государственный педагогический университет, Ульяновск) К проблеме культурной принадлежности памятников накольчатой керамики Среднего Поволжья и Прикамья
- Ставицкий В.В.** (Пензенский государственный объединенный краеведческий музей, Пенза) Дискуссионные вопросы изучения Сурско-Мокшанского неолита
- Овчинникова Н.В.** (Самарский государственный педагогический университет, Музей археологии Поволжья, Самара) Волосовские древности в лесостепном Поволжье
- Королев А.И.** (Самарский государственный педагогический университет, Самара) К вопросу о финале волосовской культуры в Примокшанье и Посурье
- Панкин М.Н.** (Рязань) Керамические комплексы стоянки Борки 2

* – здесь и далее – доклад не состоялся

Секции «Ранний железный век и раннее средневековье» и «Средневековый город»

Совместное заседание

24 марта 1999 г.

- Башенькин А.Н.** (Вологодский государственный педагогический университет, Вологда, к.и.н.) Молого-Шекснинское междуречье на рубеже раннего железного века – раннего средневековья
- Кузьмин С.Л.** (С.-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия, С.-Петербург) О времени, обстоятельствах и характере славянского расселения на Северо-Западе Восточной Европы
- Конечский В.Я.** (Новгородский государственный университет, В.Новгород, к.и.н.) О культурной характеристике древнейших славянских памятников Приильменя
- Рябинин Е.А.** (ИИМК РАН, С.-Петербург, д.и.н.) У истоков северно-русской народной культуры (по материалам древнейшей Ладogi)*
- Янишевский Б.Е.** (ИА РАН, Москва) Заселение Верхнемоскворешского бассейна в XI-XIII вв. (на основе анализа археологических карт)
- Сакса А.И.** (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н., д-р философии (Финляндия)) Средневековая корела в период расцвета (XII-XIII вв.)
- Малыгин П.Д.** (Тверской государственный университет, Тверь, к.и.н.), **Гайдуков П.Г.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Керамический комментарий к теории происхождения Новгорода В.Л. Янина и М.Х. Алешковского
- Гусева Т.В.** (Нижегородский государственный педагогический университет, Археологическая служба, Н.Новгород, к.и.н.) Формирование и развитие древнерусских городов в свете археологических данных
- Бубенько Т.С.** (Витебский государственный университет, Витебск, Беларусь, к.и.н.) Развитие городов Белорусского Подвинья в XIV-XVIII вв. (на примере исследований г.Витебска)*
- Соколовский В.А.** (Журнал «Austrvegr» (Восточный путь), Таллинн, Эстония) Таллинн XIII-XIV вв. К вопросу становления города
- Маслов А.Н.** (Нижегородская археологическая служба, Н.Новгород) Археологическое наследие русского города XVIII-XIX вв.: проблемы интерпретации и перспективы изучения
- Кильдюшевский В.И., Курбатов А.В., к.и.н.** (ИИМК РАН, С.-Петербург) Традиции городского ремесла русских провинциальных городов в XV-XVIII вв.
- Жилина Н.В.** (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Дом Святого Ивана и Тверской гость

Секция «Ранний железный век и раннее средневековье»

25-26 марта 1999 г.

- Массалитина Г.А.** (Калужский государственный педагогический университет, Калуга, к.и.н.) К вопросу о связях Верхней Оки и Северо-Запада Восточной Европы в I тыс. н.э.
- Челяпов В.П., Судаков В.В.** (Специализированная группа по учету, охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, Рязань) Дураковское II поселение — памятник раннего славянского заселения Средней Оки
- Коваль В.Ю.** (Центр археологических исследований Управления государственного контроля, охраны и использования памятников г.Москвы, Москва, к.и.н.) Ростиславльское городище раннего железного века
- Лагутин А.Б.** (Музей истории г.Москвы, Москва) Бронзовые пряжки с Ростиславльского городища
- Тавлинцева Е.Ю.** (Музей истории г.Москвы, Москва) Литейные формы для изготовления слитков 2-й пол. I тыс. н.э. с территории Москвы и Подмоскovie
- Желтов М.Н.** (ИИМК РАН, С.-Петербург) К вопросу о происхождении некоторых категорий кладов
- Максимов А.Д.** (Комитет по охране историко-культурного наследия администрации Тверской области, Тверь) Место земледелия в производящем хозяйстве населения городища «Орлов Городок»*
- Конечский В.Я.** (к.и.н.), **Самойлов К.Г.** (Новгородский государственный университет, В.Новгород) Некоторые спорные вопросы изучения пашенного земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс.н.э.
- Леонтьев А.Е.** (ИА РАН, д.и.н.), **Купцов А.Г.** (Московская государственная геологическая академия, к.г.-м.н.), **Узянов А.А.** (ИА РАН) (Москва) Археологические памятники у с.Еськи в Тверской области (по результатам работ 1997-1998 гг.)
- Фурасьев А.Г.** (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург) Периодизация древностей сер.-2-й пол. I тыс.н.э. северного берега р.Сенницы Псковской области
- Еремеев И.И.** (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург) Древности IX-X вв. на водоразделе Ловати и Зап. Двины (по материалам раскопок 1996 - 1998 гг.)
- Воробьев В.М.** (Тверской областной институт усовершенствования учителей, Тверь, к.и.н.) Некоторые итоги и перспективы изучения памятников археологии в Верхнем Подвинье
- Подгурский П.Н.** (Витебский государственный университет, Витебск, Беларусь) Некоторые итоги и перспективы изучения памятников археологии на Витебщине в рамках движения «Двина — Дзвіна — Daugava»*
- Соболев В.Ю.** (С.-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия, С.-Петербург) Социальные реконструкции и археологические материалы (к вопросу о возможном соотношении)
- Спиридонова Е.В.** (Ярославский государственный университет, Ярославль) К вопросу о погребальном обряде у финно-угров*
- Григорьев Д.Н.** (С.-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия, С.-Петербург) Роль печи в древнерусском погребальном обряде
- Вишневский В.И.** (Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, Сергиев Посад, к.и.н.) Погребальное сооружение на дьяковском городище в верховьях р.Дубны
- Ахмедов И.Р.** (ГИМ, Москва) Воинское погребение из могильника Борок 2
- Олейников О.М.** (Тверской государственный объединенный музей (ТГОМ), Тверь) Памятники культуры длинных курганов на оз.Волго (по материалам раскопок 1998 г. могильника Девичье 4)

Степанов С.В. (Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Псков) Исследование памятников культуры Псковских длинных курганов Михайловское V на территории Пушкинского музея-заповедника*

Яковлев А.В. (Псковский государственный музей-заповедник, Псков) Погребальные памятники I тыс. н.э. в Выбутах близ Пскова

Михайлова Е.Р. (С.-Петербургский филиал РНИИ культурного и природного наследия, С.-Петербург) Боровское Купадище: характеристика комплекса памятников (результаты исследований 1990-х гг.)*

Лагуткина Е.В. (к.и.н.), **Степанова Ю.В.** (Тверской государственный университет, Тверь) Комплекс археологических памятников у д.Беседы: итоги и перспективы исследований

Степанова Ю.В. (Тверской государственный университет, Тверь) Об особенностях костюма древнерусского населения Верхневолжья (по материалам погребальных памятников)

Комаров К.И. (ИА РАН, Москва) Шумящие подвески из курганного могильника у д.Плешково

Торопов С.Е. (Новгородский государственный университет, В.Новгород) Гончарная керамика из древнерусских погребальных памятников Восточного Приильменя*

Плохов А.В. (ИИМК РАН, С.-Петербург) Орнаментация лепной посуды Приильменя конца I тыс.н.э.*

Седых В.Н. (С.-Петербургский государственный университет, С.-Петербург, к.и.н.) Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси

Секция «Средневековый город»

25–26 марта 1999 г.

Сергина Т.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Городище Хлепень — форпост Вяземской земли

Харлашов Б.Н. (к.и.н.), **Закурина Т.Ю.**, **Салмина Е.В.**, **Яковлева Е.А.** (Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Псков) Палеорельеф Среднего города Пскова и формирование древнейшего посада

Закурина Т.Ю. (Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Псков) Железообрабатывающие производственные комплексы средневекового Пскова*

Салмина Е.В. (Псковский государственный объединенный музей-заповедник, Псков) Этапы развития организации рыболовства в средневековом Пскове (XI–XVII вв.)

Курбатов А.В. (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н.) Один историографический миф XVIII в. (к истории лаптя на Руси)

Варфоломеева Т.С. (Новгородский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, В.Новгород) Кожаные изделия «с декором в виде чешуи»

Попова С.В. (ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (ТНИИР-Центр), Тверь) Орнаментация древнерусской обуви как датирующий источник

Кадиева Е.К. (Ярославский государственный университет, Ярославль, к.и.н.) Керамические клейма на посуде из усадьбы кон. XII - 2-й пол. XIII вв. г.Владимира (предварительное сообщение)

Сотникова М.П. (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург, д.и.н.) Монетная чеканка удельных княжеств Твери

Бекетова Н.С. (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург) Изображение Александра Македонского на монетах Великого князя Бориса Александровича Тверского в контексте древнерусской культуры

Хухарев В.В. (ТНИИР-Центр, Тверь) Монетное дело и денежное обращение в средневековой Твери

Антипов И.В. (С.-Петербургский государственный университет, С.-Петербург) Подцерковья в русской архитектуре XV в. (Тверь, Москва, В.Новгород)

Папин И.В. (Научно-производственный центр «Древности Севера», Вологда) Намогильные плиты тверского типа некрополя Успенской церкви г.Белозерска

Повелихин А.В. (Ивановский государственный историко-краеведческий музей, Иваново, Государственный Эрмитаж, С.-Петербург) Исследования некрополя Рождественского собора в г.Владимире-на-Клязьме в 1997–1998 гг.*

Пескова А.А. (ИИМК РАН, С.-Петербург, к.и.н.) Древнерусские энколпионы XI–XIII вв.: иконографический ряд*

Праздников В.В. (Департамент культуры и туризма администрации Ярославской области, Ярославль) Предметы христианского культа на поселении Введенское Ярославской области

Курбатов А.В. (ИИМК РАН, С.-Петербург, Тверской государственный объединенный музей, Тверь, к.и.н.) К истории формирования посадов г.Твери

Хохлов А.Н. (ТНИИР-Центр, Тверь) Храмы и некрополи Твери XII–XVIII вв.

Новиков А.В. (ТНИИР-Центр, Тверь) К изучению некрополя у ц. Богоявления (кон.XVII - нач. XVIII вв.) в Твери

Хворостова Е.Л. (ООО «Научно-проектное реставрационное предприятие «Симаргл», Москва, засл. работник культуры РФ) Успенский собор Тверского Отроча монастыря (проблемы реконструкции)

Салимов А.М. (Тверской филиал Государственной Академии славянской культуры, Тверь, канд. искусствоведения), **Лапшин В.А.** (ИИМК РАН, С.-Петербург; ТГОМ, Тверь, к.и.н.) Резиденция тверского архиерея на руб. XVII–XVIII вв.: местонахождение, границы, характер застройки

Жилина Н.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Панорама Твери XVII в. в изображениях иностранными путешественниками

Олейников О.М. (ТГОМ, Тверь) Восточные вал и ров Тверского Кремля по результатам исследований 1998 г.
Нестерова М.Е., Хохлов А.Н. (ТНИИР-Центр, Тверь) К характеристике Тьмацкой линии укреплений Тверского Кремля
Лапшин В.А. (ИИМК РАН, С.-Петербург; ТГОМ, Тверь, к.и.н.) Строительные горизонты раскопа «Тверской Кремль - 11»*
Попов С.Г. (ИИМК РАН, С.-Петербург) Хронология раскопа 11 в Тверском Кремле как результат сопоставления данных радиоуглеродного и дендро-анализов
Кириянова Н.А. (Государственный Исторический музей, Москва, к.и.н.) Зерновые материалы из раскопок в Тверском Кремле (раскоп Кремль - 11)*
Чукова Т.А. (ИИМК РАН, С.-Петербург; ТГОМ, Тверь, к.и.н.) Каменная привеска с изображением Святого воина из г. Твери (раскоп Кремль - 11)*
Белецкий С.В. (д.и.н.), **Лапшин В.А.** (к.и.н.) (ИИМК РАН, С.-Петербург) Перстень со знаком Рюриковичей из раскопок в Твери (раскоп Кремль - 11)*
Сафарова И.А. (ТНИИР-Центр, Тверь) К изучению стеклянных изделий из раскопок Твери
Олейников О.М. (Тверской государственный объединенный музей, Тверь) Стеклянные браслеты Твери
Жервз А.В. (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург) Борисоглебский собор в г. Торжке

Заключительное заседание

27 марта 1999 г.

Лесман Ю.М. (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург, к.и.н.) Между двух столиц: тверская археология в XIX - начале XX вв.
Жервз Н.Н. (С.-Петербургский государственный университет, С.-Петербург) Тверские древности на российских археологических съездах*
Черных И.Н. (Тверской государственный объединенный музей, Тверь, засл. работник культуры РФ) Тверская археология 1920-1990-х годов (краткий историографический обзор)
Исланова И.В. (ИА РАН, Москва, к.и.н.) Археологи и полевая археология Твери и Тверской области в конце XX века
Попова Л.А., Левина Н.В. (Комитет по охране историко-культурного наследия администрации Тверской области, Тверь) Охрана памятников археологии в Тверской области

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода в Европе
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО – Археологические открытия. Москва
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
АЭ – Археологическая экспедиция
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода в Европе. Москва
ВАЭ – Вологодская археологическая экспедиция
ВГИАХМЗ, ВГМЗ – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Вологда)
ВУЗ – Высшее учебное заведение
ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)
ГИН – Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Индекс радиоуглеродных анализов
ЗОРСА РАО – Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Санкт-Петербург, Петроград
ИА – Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИГАИМК – Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Ленинград, Москва
ИГАН – Институт географии АН СССР (РАН) (Москва)
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛЕ – Лаборатория археологической технологии Ленинградского отделения ИА АН СССР – ИИМК РАН (Ленинград, Санкт-Петербург). Индекс радиоуглеродных анализов
ЛУ – Ленинградский государственный университет (Ленинград). Индекс радиоуглеродных анализов
МАЭ – Научно-исследовательский институт «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)» РАН (Санкт-Петербург)
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИГМ – Музей истории города Москвы (Москва)
МОКМ – Московский областной краеведческий музей (Истра, Московская область)
НИИ – Научно-исследовательский институт
РА – Российская археология. Москва
РАН – Российская Академия наук
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва)
СА – Советская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва, Ленинград (Санкт-Петербург)
СЭ – Советская этнография. Москва
ТА – Геохимическая лаборатория Института зоологии и ботаники АН Эстонии (Тарту, Эстония). Индекс радиоуглеродных анализов
ТГИМ, Тр.ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. Москва
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей (Тверь)
Gd – Гданьск (Польша). Индекс радиоуглеродных анализов
Grп – Center for Isotop Research. University of Groningen (The Netherlands). Индекс радиоуглеродных анализов
ISKOS – Suomen Muinaismuistoyhdistys finska form min nespöreninden. Helsingfors, Helsinki
LVIZ – Latvijas vestures instituta Zurnals. Riga
OxA – Oxford Radiocarbon Accelerator Unit. Research Laboratory for Archaeology and the History of Art (Oxford, United Kingdom). Индекс радиоуглеродных анализов
PrA – Przegląd Archeologiczny. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk
RAS – Russian Academy of Sciences
SMYA – Suomen Muinaismuisto-yhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki
Ua – Uppsala Tandem Accelerator Laboratory. University of Uppsala (Sweden). Индекс радиоуглеродных анализов

СОДЕРЖАНИЕ

Кольцов Л.В., Максимов А.Д. Памяти Дмитрия Александровича Крайнова (1904-1998)	5
Сидоров В.В. Понятие технокомплекса как инструмент исследования археологических культур	7
Григорьев Г.П. Культуроразличение в археологии палеолита и мезолита	11
Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии	15
Лисицын С.Н. Динамика развития кремневого инвентаря поздневалдайских памятников в приледниково-вой области центра Русской равнины	22
Булочникова Е.В. Формирование методики исследования элементов культурного слоя на верхнепалеолитической стоянке Авдеево	33
Сорокин А.Н. Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы	37
Леонова Е.В. Некоторые результаты планиграфического анализа волго-окских мезолитических стоянок на песке	49
Кольцов Л.В. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы	52
Кольцов Л.В. О формах конца существования мезолитических культур Северной Европы	58
Синицина Г.В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге	61
Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите	72
Шахнович М.М. Древнейший этап освоения человеком территории Карелии и Финляндии в период поздне- и послеледниковья (к постановке проблемы)	80
Тимофеев В.И. Новые мезолитические находки с Карельского перешейка (Ленинградская область)	87
Косорукова Н.В. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии)	91
Андреанова Л.С., Васильева Н.Б. Мезолитическая стоянка Побойшное I на Нижней Сухоне	99
Сидоров В.В. Васильево I – мезолитическая стоянка-мастерская	111
Коннов С.Б. Кремнеобрабатывающая мастерская на р.Осетр (по материалам исследований Мезолитической археологической экспедиции ГИМ в 1997-1998 гг.)	124
Сорокин А.Н. Заболотский торфяник: что сделано, что делать?	131
Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское VII	137
Галимова М.Ш., Истомин К.Э. Трапеции усть-камской культуры	143
Шахнович М.М., Тарасов А.Ю. Пилы и пиление: некоторые наблюдения относительно аспектов технологии и особенностей бытования в каменном веке Карелии	151
Суворов А.В. Ярусное погребение № 19 мезолитического могильника на памятнике Монино I	161
Герман К.Э. Могильник Сандермоха (новые аспекты исследований)	170
Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА	175
Волкова Е.В. Погребальные комплексы фатьяновских могильников Новинки 1 и 2	185
Волкова Е.В. Опыт реконструкции пола и возраста погребенных в фатьяновских могильниках Новинки 1 и 2	198
Левковская Г.М., Черных И.Н., Волкова Е.В. Палинологические исследования заполнения сосудов из могильника фатьяновской культуры Новинки I	205
Энговатова А.В. О характере использования керамических сосудов населением Волго-Окского междуречья в неолите	210
Никитин В.В. К вопросу о месте и назначении каменных орудий со сверленным отверстием в погребальном обряде древности	213
Уткин А.В., Костылева Е.Л. Скульптурные изображения змей в эпохи мезолита–неолита в лесной зоне Восточной Европы	217
Недомолкина Н.Г. Сухонские кремневые фигурки	224
Ошибкина С.В. Кремневая скульптурка из Джанбас 12 в Средней Азии	233
Уткин А.В., Костылева Е.Л. Орнаментированные костяные изделия Сахтышских стоянок	236
Цетлин Ю.Б. Гончарство как система	245
Цетлин Ю.Б. Критерии отделения орнамента от неорнамента на глиняной посуде	251
Болдин И.В., Трофимов В.Е. К вопросу о причинах глубокой орнаментации неолитической керамики	260
Калинина И.В. Веревоочный орнамент в неолите (о соотношении понятий археологическая культура и технологическая традиция)	263
Луньков В.Ю. Опыт графической реконструкции сосудов эпохи поздней бронзы	269
Герасимов Д.В. Культурно-хронологическая атрибуция местонахождения Разлив на Карельском перешейке	273
Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Вёкса	277
Иванищев А.М., Иванищева М.В. Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в Южном Прионежье	284
Иванищев А.М., Иванищева М.В. Поселение раннего неолита на Кемском озере	297

Гусенцова Т.М. Комплекс с накольчато-прочерченной керамикой Кошкинской стоянки на правом берегу р. Вятки	306
Ставицкий В.В. Проблемные вопросы изучения неолита Сурско-Мокшанского междуречья	311
Вискалин А.В. К вопросу о культурной принадлежности памятников накольчатой керамики Волго-Камья: проблемы и перспективы (по данным керамики)	318
Овчинникова Н.В. Волосовские древности в лесостепном Поволжье	326
Королев А.И. К вопросу о финале волосовской культуры в Сурско-Мокшанском междуречье	337
Фоломеев Б.А., Челябинов В.П. Этнокультурная ситуация в бассейне Средней Оки в энеолите (середина III- рубеж III-II тыс. до н.э.)	344
Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным)	352
Челяпов В.П., Иванов Д.А. Фатьяновско-балановские древности в Рязанском Поочье	359
Урбан Ю.Н. Открытие древней письменности на Северо-Западе России (предварительное сообщение)	367
Воронин К.В. Стоянка Липовка 3 – однослойный памятник чирковской культуры в центральной части Волго-Окского междуречья	371
Воробьев В.М. Некоторые итоги и перспективы изучения памятников археологии в Верхнем Подвинье	382
Косарев М.Ф., Кузьминых С.В. К проблеме поисков уральской прародины	385
Сидоров В.В. Этногенез финнов по данным лингвистики и археологии	397
Черных И.Н. II Тверская археологическая конференция	403
Программа II Тверской археологической конференции	404
Список сокращений	409

CONTENTS

Koltsov L. V., Maximov A. D. To the Memory of Dmitry Aleksandrovich Kraynov (1904-1998)	5
Sidorov V. V. The Idea of Technical Complex as an Instrument of Research	7
Grigorjev G. P. The Distinction-Making Between Cultures in Archaeology of the Palaeolithic and the Mesolithic	11
Zheltova M. N. Some Technical and Morphological Peculiarities of Swiderian Industry	15
Lisitsyn S. N. The Dynamics of the Flint Inventory Development of the Late Valday Culture Sites in the Centre of the Russian Plain Glacial Area	22
Bulochnikova E. V. The Forming of Research Methods of Studying the Elements of the Cultural Layer of Avdevo Site of the Late Palaeolithic	33
Sorokin A. N. Paradoxes of Source Studies of the Mesolithic of Eastern Europe	37
Leonova E. V. Some Results of Planimetric Analysis of the Volga-Oka Rivers Basin Sites on Sand	49
Koltsov L. V. The Variants of Development of Cultural Communities of the Mesolithic of Northern Europe	52
Koltsov L. V. On the Forms of the Final Stages in Existence of the Mesolithic Cultures of Northern Europe	58
Sinitsyna G. V. The Late Palaeolithic and Early Mesolithic as the Stages of Material Culture Development on the Upper Volga River	61
Zhilin M. G. Links between South-Eastern Baltic and the Upper Volga in the Early Mesolithic	72
Shakhnovich M. M. The Earliest Stage in Mastery the Territory of Karelia and Finland in the Late Glacial and Post-Glacial (to the formulation of the problem)	80
Timofeyev V. I. New Mesolithic Finds from the Karelian Isthmus (Leningrad Region)	87
Kosorukova N. V. Mesolithic Sites in the Sheksna Basin (Chronology of the Sites and the Characteristics of Development of Stone Industry)	91
Andrianova L. S., Vasiljeva N. B. The Mesolithic Site Poboishnoje I on the Lower Sukhona River	99
Sidorov V. V. The Mesolithic Site and Workshop Vasiljevo I	111
Konnov S. B. Flint Workshop on the Osyetr River	124
Sorokin A. N. Zabolotsky Peatbog: What is Done, What to Do?	131
Zaretskaya N. E., Sulerzhitsky L. D., Zhilin M. G. Radiocarbon Studies on Chronology of Site Ivanovskoye VII	137
Galimova M. Sh., Istomin K. E. The Ust'-Kama Culture Trapezes	143
Shakhnovich M. M., Tarasov A. Yu. Saws and Sawing: Some Observations on the Aspects of Technology and on Peculiarities of their Usage in the Stone Age of Karelia	151
Suvorov A. V. The Tiered Burial 19 of the Mesolithic Burial Ground in Minino I Site	161
German K. E. Sandermokha Cemetery (New Aspects of Study)	170
Kostyleva E. L., Utkin A. V. Graves with Amber Ornaments from the Volosovo Burial on the Sakhtysh IIA Site	175
Volkova E. V. Burial Complexes of Novinki 1 and 2 the Fatjanovo Culture Cemeteries	185
Volkova E. V. An Attempt of Reconstruction Sex and Age of the People Buried in the Fatjanovo Cemeteries Novinki 1 and 2	198
Levkovskaya G. M., Tchernykh I. N., Volkova E. V. Palynological Studies of Vessels Contents from the Fatjanovo Culture Burial Ground Novinki 1	205
Engovatova A. V. On the Way the Population of the Volga-the Oka Rivers Basin Used their Clay Vessels in the Neolithic	210
Nikitin V. V. On the Place and the Sense of Usage the Stone «Tools» with Drilled Hole in Ancient Burial Rite	213
Utkin A. V., Kostyleva E. L. Sculptures of Snakes in the Mesolithic — the Eneolithic in the Forest Zone of Eastern Europe	217
Nedomolkina N. G. Flint Figurines of the Sukhona Basin	224
Oshibkina S. V. The Flint Sculpture from Dzhanbas 12 in Middle Asia	233
Utkin A. V., Kostyleva E. L. Ornamented Bone Artifacts from the Sakhtysh Sites	236
Tsetlin Yu. B. Pottery-Making as a System	245
Tsetlin Yu. B. Criteria for Distinction of Ornament and Non-Ornament on Earthenware	251
Boldin I. V., Trofimov V. E. On the Problem of the Reasons of the Deep Ornamentation of the Neolithic Pottery	260
Kalinina I. V. Rope Ornament in the Neolithic (on the Correlation of Terms Archaeological Culture and Technological Tradition)	263

Lun'kov V. Yu. An Attempt of Graphic Reconstruction of Vessels of the Late Bronze Age	269
Gerasimov D. V. Cultural and Chronological Attribution of the Site of Razliv on the Karelian Isthmus	273
Nedomolkina N. G. The Multilayer Site Vyeksa	277
Ivanischev A. M., Ivanischeva M. V. The Tuzozero V Site of the Late Mesolithic — Early Neolithic in the South of Onega Lake	284
Ivanischev A. M., Ivanischeva M. V. Site of the Early Neolithic on Kemskeye Lake	297
Gusentsova T. M. Complex with the Neolithic Pricked-Drawn Pottery from Koshkinskaya Site on the Right Bank of the Vyatka River	306
Stavitsky V. V. Problems of Study of the Neolithic of the Sura-Moksha Basin	311
Viskalin A. V. To the Question of Cultural Belonging of the Monuments with Pricked Pottery of the Volga-Kama Basin: Problems and Perspectives (According to Pottery Data)	318
Ovchinnikova N. V. The Volosovo Culture Antiquities from the South of the Wood and Steppe Volga Lands	326
Korolyev A. I. On the Problem of the Final Stage of the Volosovo Culture in the Sura-Moksha Rivers Basin	337
Folomeyev B. A., Chelyapov V. P. The Ethnic-Cultural Situation in the Middle Oka River Basin in the Eneolithic (Middle of the 3 rd Millenium - Border of the 3 rd -2 nd Millenia BC)	344
Aleshinskaya A. S., Spiridonova E. A. Chronology of the Bronze Age of the Boreal Zone European Russia (According to Palynological Data)	352
Chelyapov V. P., Ivanov D. A. The Fatjanovo-Balanovo Cultures Antiquities in the Oka River Basin in Ryazan' Region	359
Urban Yu. N. Discovery of Ancient Writing System in North-Western Russia (Preliminary Report)	367
Voronin K. V. The Site Lipovka 3 — a Single-Layer Monument of the Chirkovo Culture of the Central Part of the Volga-Oka Rivers Basin	371
Vorobjov V. M. Studies of the Archaeological Monuments of the Upper Western Dvina River Basin: Some Results and Perspectives	382
Kosarev M. F., Kuz'minykh S. V. On the Problem of Searching the Original Urals Motherland	385
Sidorov V. V. The Genesis of the Finnish People According to Linguistics and Archaeological Data	397
Tchernykh I. N. The IInd Tver Archaeological Conference	403
The Programme of the IInd Tver Archaeological Conference	404
List of Abbreviations	409

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ (ТГОМ)

**приглашает посетить филиалы объединения,
в составе стационарных экспозиций которых
имеются археологические разделы, отражающие
древнейшее прошлое конкретных регионов области**

- 1. Весьегонский краеведческий музей**
171720, Тверская область, г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
Тел. (8-264) 2-11-11, 2-13-88.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1992 г.
- 2. Ворошиловский краеведческий музей**
172770, Тверская обл., Пеновский р-н, пос. Ворошилово.
Тел. (8-223) 3-17-33.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1989, 1995 гг.
- 3. Зубцовский краеведческий музей**
172330, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
Тел. (8-262) 2-12-43, 2-12-09.
Авторы археологических разделов экспозиции А. В. Мирецкий, А. Н. Хохлов, И. Н. Черных. 1988 г.
- 4. Калязинский краеведческий музей**
171550, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
Тел. (8-249) 2-04-79.
Авторы археологических разделов экспозиции И. Н. Черных, А. Н. Хохлов. 1987-1991 гг.
- 5. Кимрский краеведческий музей**
171510, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
Тел. (8-236) 3-27-43, 3-12-67.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1990 г.
- 6. Конаковский краеведческий музей**
171280, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
Тел. (8-242) 3-14-49, 3-14-50.
Авторы археологических разделов экспозиции А. В. Мирецкий, А. Н. Хохлов, И. Н. Черных. 1990 г.
- 7. Краснохолмский краеведческий музей**
171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
Тел. (8-237) 22-711.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1994 г.
- 8. Лихославльский краеведческий музей**
171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
Тел. (8-261) 2-10-56.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1995 г.
- 9. Осташковский краеведческий музей**
172750, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел. (8-235) 2-16-46, 2-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И. Н. Черных. 1986 г.
- 10. Старицкий архитектурно-художественный и археологический музей**
171360, Тверская обл., г. Старица, ул. Пушкина, д. 1а.
Тел. (8-26300) 3-85.
Авторы экспозиции «Археология Тверской области» И. Г. Портнягин и др. 1978 г.

11. Тверской областной краеведческий музей — головное учреждение объединения (основан в 1866 г. как историко-археологический музей).

170000, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.

Тел. (0822) 33-51-27 (приемная генерального директора объединенного музея), факс 33-37-90; E-mail: museum @ tversu. ru; 48-79-97 (отдел археологии объединенного музея); 33-77-76 (сектор археологических фондов отдела фондов объединенного музея).

Автор археологических разделов экспозиции (территория совр. Тверской области с финального палеолита до средневековья: X тыс. до н. э. - сер. II тыс. н. э.) И. Н. Черных. 1996 г.

12. Торопецкий краеведческий музей

172850, Тверская обл., г. Торопец, ул. Комсомольская, д. 2.

Тел. (8-268) 2-26-94.

Автор археологических разделов экспозиции И. Г. Портнягин. 1974 г.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи.

ОТДЕЛ АРХЕОЛОГИИ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ

оказывает услуги юридическим и физическим лицам в осуществлении на хоз. договорной основе различных археологических исследований:

полевых - разведывательные обследования, инвентаризация памятников археологии, надзор за проведением земляных работ на памятниках археологии, раскопки археологических объектов всех эпох как на территории области, так и на сопредельных территориях;

камеральных - реставрация археологического металла, обработка остеологических коллекций из археологических раскопок (домашние животные), отрисовка находок;

в разработке историко-археологических опорных планов;

в подготовке и оформлении археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15. Телефоны для справок: (0822) 48-79-97, 33-77-76; E-mail: museum @ tversu. ru.

**Тверской археологический сборник
Выпуск 4
Том I**

Отв. редактор выпуска *И. Н. Черных*.
Технический редактор *И. Н. Черных*.
Корректоры: *В. А. Румянцева, Н. Н. Румянцев, И. Н. Черных*.
Компьютерный набор: *Н. А. Сарафанова, Е. А. Романова*.
Оригинал-макет: *Н. А. Сарафанова, И. Н. Черных*.
Перевод на англ. язык и корректура: *В. В. Дайнин, В. А. Миловидов*.

ПР № 040632 от 9.06.98 г.

Подписано к печати 31.03.2000 г. Формат бумаги 84x108^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 26,0 п. л.
Тираж 350 экз. Заказ 5549. Цена свободная.

Тверская областная типография.
170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

Важнейшие ошибки и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	7-я сверху	орнаментации	орнаментации
24	27-я сверху	одном орудии	одном типе орудий
54	2-я сверху	синкретическую	синкретическую
56	Список лит-ры, № 2	упавшая буква	
60	25-я сверху	могут	смогут
78	Список лит-ры, №5	The Western Part in	The Western Part of Russia in
78	Список лит-ры, № 10	упавшая буква	
78	Список лит-ры, № 11	упавшая буква	
98	Список лит-ры, № 18	Western Russia	The Western Part of Russia
141	Подрисуночная подпись	10-рассеянный уголь;	10-рассеянный уголь;
137	23-я сверху	Переславском	Пере л славском
148	1-я снизу	лишняя строка	
175	17-я сверху	РАН	ИА АН СССР (РАН)
183	10-я снизу	south	south-west
185	10-я снизу	участка	участков
198	22-я сверху	относятся Калининской	относятся к Калининской
212	12-я сверху	раненеолитической	раненеолитической
222	Список лит-ры, № 15	... в системе культур каменного века Балтийского региона	... в системе балтийских культур каменного века
296	17-я сверху	ONEGALAKE	ONEGA LAKE
315	13-я сверху	... отличия этих поселений	отличия керамики этих поселений
367	Подрисуночная подпись	Рис. 1. Стоянка Забелье.	Рис. 1. Стоянка Забелье. Сосуд с надписью. Реконструкция
373	Подрисуночная подпись	Рис. 2. Стоянка Липовка 3.	Рис.2. Стоянка Липовка 3. План раскопа
379	29-я снизу	от – 2 до – 40	от -2 до -40 см
385	Примечание	Проект № 98-06-80040	Проект № 01-06-80339

